

История Библии на Востоке. Том 1. Китайское государство, Корея, Япония, Бурма, Аннам, Сиам и др. иеромонах Алексей (Виноградов)

Предисловие автора-издателя

Предисловие автора-издателя

(К «Истории Библии на Востоке, её переводов и распространении христианства, в Китае в особенности»).

Энергическая деятельность западноевропейских христиан, обнаруживаемая в новейшее время при распространении христианской проповеди с переводами и комментариями Св. Библии или её частей, и других религиозно-нравственных книг и учебных пособий, на разных диалектах и наречиях мира (более 300), коснулась и многомиллионного Китая; миссионерское дело ведется в сем срединном государстве не безуспешно, хотя еще скользит на поверхности. Туземный язык, религия, философия, просвещение, нравы и обычаи, унаследованные с глубокой древности, остаются в своей национально-государственной силе. Следы древнего христианства хранящиеся в письменных или вещественных памятниках, прошли для настоящей жизни почти незаметно, среди общего мирового оборота текущих политических и культурных событий. Языческий, древний период в Китае, с его излюбленными принципами, отражается особенно рельефно в священных и классических книгах конфуцианства, буддизма, даосизма, на которые обращаем специальное внимание, стараясь в особенностях их мировоззрения, в языке, истории и просвещении найти операционный базис и ключ, для успеха переводов Слова Божия и христианской проповеди. В части первой (состоящей из двух книг), в периоде первом, рассматриваются древние миссии и колонии евреев и христиан, – сирокхалдеев, – персидских и малабарских, с присоединением магометан, далее следует буддизм, даосизм и конфуцианство с их школами, историей, самостоятельным обликом и направлением; уделяется внимание и маздеизму парсов, коего последователи привнесли также известную долю своих воззрений и обычаев в Китай. Во второй части (в третьей книге) и втором периоде, посвященном исключительно обзору деятельности западноевропейских христиан, с XVII ст. по настоящее время, после указания на историю утверждения и занятые пункты миссиями р. католическими и протестантскими, отчасти русской, очерчивается последовательная разработка переводов Слова Божия, его комментариев и других учебных пособий, на главные китайские диалекты и туземные наречия, с крайне интересными подробностями сего дела, и устройством школ, мастерски и энергично исполняемого протестантскими миссионерами. На их последней Шанхайской конференции 1891 г., английский авторизованный перевод Библии последней ревизии, принят основным образцом для всех переводов на восточные языки. Имена главнейших деятелей, (Моррисон, Милнь, Маршман, Гутцлав, Бриджмен и др.) с их краткими биографиями и трудами, представляют собою интерес по той исторической борьбе с разного рода препятствиями, которую эти лица вели, следуя непреодолимо внутреннему голосу и убеждению – в необходимости и пользе совершения великого предприятия среди китайского мира и других народов. Народы Китая, на язык коих переведено Слово Божие и распространяется христианство, суть: собственно китайцы, маньчжуры, монголы, тибетяне, корейцы, с присоединением к сей группе и соседних японцев; об алфавите и письменах оных посвящен (в третьей книге) специальный очерк. Первый том нашего труда состоит из трех книг. Во втором томе – непосредственном продолжении первого, обзревается переводы Библии у народов, составляющих особую группу с её разновидностями по языку, алфавиту и письменам, отличную от китайской; к ней принадлежат персы, турки, арабы, абиссинцы с их племенами, армяне и грузины. Переводы разных памятников исторических, или выдержки из священных книг и классических, народов Востока, с изложением содержания, литературными указаниями и замечаниями, присоединяемые при конце соответствующих отделений, или в самом исследовании, составляя живую иллюстрацию текста, в виде как бы хрестоматии, дают возможность читателю составлять твердые и точные понятия о разных предметах, проверять и самостоятельно разрабатывать сообщаемые кратко сведения, собранные нами по преимуществу из иностранных журналов и авторов китайских, английских, французских, немецких. Названия самых журналов и изданий наиболее главных суть следующие: «Chinese Repository», «China

Review», «Chinese Recorder», «Bible Society Record», «Bible Society Reporter», «Notes and Queries», «Journal Asiatique», «Revue critique», «Sacred Books of the East», «Lettres édifiantes et curieuses» (par Aimé-Martin), «Mémoires of the Protestants Missions» (1867), «Literatur-Centralblatt», «Cyclopaedia Biblical and Theological, and Ecclesiastical» (by Clyntock and D. Strong); «Труды Пекинской Российской Д. Миссии», «Труды Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества», и др.; имена г. ученых нами цитируемых по разного рода выдержкам из их исследований или указаний: Эдкинс, Броун, Мартен, Моррисон, Милнь, Паркер, Фабер, Чальмерс, Дуоляйтль, А. Вилльямсон, С. Жульен, Потье, Ремюза, Гримблот, М. Мюллер, Церни, Гобеленц, Тайлор, Нипперт, Фоульман, Шлегель, Зейдель, де-Саси, и др., В. П. Васильев, арх. Иакинф, арх. Палладий, П. С. Попов, М. Н. Капустин, Д. А. Пещуров. С. М. Георгиевский, Хвольсон и др. Некоторые китайские авторы и памятники литературы нами переводятся в целом или выдержках, на русском языке в первый раз, прочие – известны в иностранной и частью в русской литературе. К обоим томам прилагается с оглавлением подробное изложение содержания и предметный указатель, также, – образцы восточных алфавитов с их произношением и транскрипцией; – астрономический церковный, китайско-русский календарь (– рисунок с таблицей), составленный автором, и краткое изложение содержания св. книг Нового Завета и других замечаний, в русском переводе, из «Aids» Оксфордского издания ревизованной английской Библии 1887 г. (Paragraph Holy Bible). Прочие специальные подробности о Библии вообще, её первоисточниках, каноне, экзегезе, разных переводах и английских в особенности, о деятельности разных протестантских и римско-католических миссий и устройении ими Церкви на Востоке, излагаются автором в следующих его трудах учено-миссионерского отчета, изданных им отдельно в С.-Петербурге (печат. в типографии бр. Пантелеевых): 1) «История англо-американской Библии», 2 тома в 3 кн., 1889–91 г. 80 лист. 2) «Миссионерские диалоги М. Риччи с китайским ученым о христианстве и язычестве, с обзором китайско-церковной р.-католической литературы с XVI по XVIII ст.», 1889 г. 1 кн. 9 лист. 3) «Китайская библиотека и ученые труды членов Императорской Российской Дух. и Дипл. миссии в Пекине», 1889 г. 1 кн. 15 лист. 4) «Краткий исторический обзор деятельности западно-христианских миссий в Китае». (Напечатано в Православном Собеседнике за 1866–67 гг. Казань). Благосклонное внимание, официально выраженное от Императорских Русских Дипломатических и Духовных миссий, университетов, филологических институтов, лицеев, духовных академий и семинарий, Императорского Археологического Общества в С.-Петербурге, Библейских Обществ С.-Петербургского русского и немецкого, великобританского и американского, от Оксфордского Университета и миссионерских коллежей Лондона, Кентербюри и Лампетера в особенности, равным образом – от разных учреждений и ученых лиц духовных и светских, в том числе – в Королевстве Сербском, к означенным трудам, пожертвованным автором для библиотек, побуждают его к возможно лучшему продолжению, усовершенствованию, и достижению историко-библейской истины. Будучи целью изысканий ученого мира и разных христианских миссий совокупно, эта истина достигается (по нашему смиренному убеждению), под охраною государственной и международной мудрости, в Храме святой, православной, вселенской, единой Христовой и Апостольской Церкви, ныне озаряющей и имеющей просвещать светом Евангелия и благодатных даров все народы. «Сей свет во тьме светит и тьма его не объемлет». (Ин. 1:5).

Иеромонах Киева-Печерской Лавры Алексий Виноградов, быв. член Императорской Российской Духовной и Дипломатической миссии в Пекине.

С.-Петербург. 1892 г., октября 22.

Отделение 1-е: Евреи в Китае, Персии, Индии – их священные книги В. Завета, прочие MSS и памятники

А.

§ I. Предварительные замечания

В самых древних философских рассуждениях, доселе существующих в Китае, замечателен факт преобладающего монотеистического элемента, неразрывно связанного с упадком традиционной и патриархальной религий. Истина религии, сохранившаяся в человечестве, несомненно принадлежит израильскому народу, свято сохранившему у себя и священные письма – в которых фиксирована и развита по возможности форма вероучения и Богочтения. Рассеиваясь по всему миру, израильтяне являлись передовыми миссионерами и благовестниками Богооткровения в разных странах мира даже до Рождества Христова. Являясь в Китай в разные времена и разными путями до разрушения Иерусалима и после, они утверждаются в некоторых пунктах, устрояют свои общины и синагоги, имеют для того не только книги Ветхого Завета, но и прочие Богослужebные. Соприкасаясь с разнородными языческими элементами Израиль не мог не передавать, в силу простого взаимодействия сил, своих верований, проникших потом в умы лучших китайских мыслителей. Сходство многих воззрений этих мыслителей с Библейскими понятиями, приводило не раз многих европейских ученых к желанию проследить духовную жизнь и её формацию у китайцев в связи и под непосредственным влиянием еврейства, а потом христианской и даже мусульманской проповеди, также как критерием высших идей у браминов и буддистов избирать и почитать Библейское Богооткровение. Премар, Будэ, Уайлье, Cibot, и другие ученые известны специальными сочинениями в сем роде, положившими начало сравнительному изучению религиозных систем и частных верований у разных народов, относительно коренных воззрений и понятий о Боге, мироздании, рае, древе жизни, первообетовании о Мессии, рождении Его от Приснодевы.¹ Несмотря на случайное сопоставление этих верований, их мнимое тождество или сходство, на самом деле замечается субъективная и намеренная концепция исследователей, не всегда выдерживающая критику. Зато не подлежит сомнению, что китайцы, или частнее – часть их, по официальному своему назначению – «следить за всем, и изучать что входит и проникает в народ извне» и по ученому и простому стремлению к истине, – очень рано имеют достаточные понятия о Боге, согласно с еврейскими книгами В. Завета; знакомы с многими историческими событиями и лицами, местами, согласно с сими священными книгами; усвоят множество слов чисто еврейских, которых насчитывается ныне более трех тысяч; самые MSS книг Ветхозаветных, в некоторых частях, особенно Псалтирь, переводятся на язык китайский самими китайскими евреями, для более удобного уразумения Библейского текста и Богослужebных целей. К сожалению, таких древнейших переводов не сохранилось доселе в их полном виде и чистоте, благодаря многим неблагоприятным причинам, влиявшим на численное умаление евреев и слияние их с китайцами, то с магометанами. Католические миссионеры – М. Риччи, Гозаний, Гобель, Алений, Домэнж, ученый Олав Герард Тишэн, Финн, епископ Виктории Смит, историк Гук, Буканан, и другие ученые посвятили целые монографии описанию памятников как еврейских вещественных в Китае, так письменных в особенности. Найденные MSS оказались настолько классическими, что хотя не все, но часть их – содержащая синагогальный свиток Пятикнижия в г. Кхай-фын-фу, были приняты восторженно английскими учеными в Британский музей и послужили источником при напечатании Лондонской «Polyglot Bible» наравне с другими MSS.

§§ 2 и 3. Письмо иезуита Иосифа Гозани к другу иезуиту Иосифу Суарезу 1704 г. о еврейско-китайских MS, их особенностях и истории

§ 2. Интересно познакомиться с историей этих MSS, открытием их, описаниями, объяснениями и замечаниями у перечисленных ученых.

Приводим в переводе с португальского языка письмо иезуита Иосифа Гозани к другу его Иосифу Суарезу 1704 г. Вот что пишет этот ученый: «После двухмесячного изучения на месте (т. е. в г. Кхай-фын-фу) интересовавшего меня вероучения – *цзяо-цзин-цзяо*, я пришел к убеждению, что это было иудейство; а потому скоро постарался завязать дружественные сношения с евреями, дабы поближе познакомиться с ними. Я посетил их *Ли-бай-сы*, т. е. синагогу, вступил в разговоры; увидел там надписи, одни были китайские, другие еврейские. Мне охотно были показаны *цзинь*, т. е. священные еврейские книги и самое святое место, где они хранятся («Вефиль»), и куда возбранен вход другим лицам; оно находится под охраною *чэн-цзяо* (*chan-kiao*), т. е. начальника синагоги, входящего туда с большим благоговением. В сем месте хранятся тринадцать ковчегов, пред каждым из коих – малая завеса. Священный Кодекс Моисея «Цзин» (*kim*) разложен в каждый из сих ковчегов, двенадцать из коих знаменуют собою XII колен израильских, а тринадцатый самого Моисея. Книги написаны на продолговатых столбцах из пергамента (или точнее на толстой китайской бумаге), и перевязаны в свитках. Поинтересовавшись одним из них хранившимся в ковчеге, я нашел свиток в виде весьма исправном, написанным ясной отчетливо, хотя MS и был подмочен вместе с прочими во время одного из наводнений Желтой реки, при которой построен г. Кхай-фын-фу, и в нем – синагога. Дабы оригинальная святыня такого рода свитков не погибла как-либо случайно, и самые буквы не истерлись от времени и ветхости, иудеи успели заготовить двадцать точнейших копий с них, которые с величайшею бережливостью и сохраняются вместе с оригиналами в означенных двенадцати ковчегах. В двух других отделениях синагоги, в особых простых сундуках (*coffres*) сохраняются остальные меньшие книги, к числу которых относятся все остальные, кроме «Да-цзин», т. е. Пятикнижия. Из употребляемых при молитве одни писаны по-китайски, другие по-еврейски; по виду – одни новые, другие старые, иные почти совсем разорванные. Все они вообще берегутся так рачительно, как бы золото или серебро. На высоком пульпитре посреди синагоги красуется кафедра, с прекрасно вышитой золотом подушкой; это «седалище Моисея», на котором в дни субботние и высокотожественные, полагаются для прочтения Книги Закона. Рядом же виднеется и *Ван-шуй-бай*, т. е. таблица с начертанием имени императора китайского, но ни статуй, ни образов невидно. Во время молитвы обращаются к западу (страна – на которой в Китае признается Палестина); в обращении к Богу произносятся часто слова «Тьхянь» – Небо, «Шан-Тянь» – Всевышний, «Шан-ди» – Господь, и «Цзяо-фан-ву-цзай», т. е. Правитель Вселенной, Промыслитель.

Евреи мне говорили, что имена эти взяты из китайских книг и что пользуются ими для выражения понятий о существе Высочайшем и первопричине всего существующего. При чтении Закона, объяснял мне сопровождавший начальник синагоги, евреи закрывают лицо прозрачным покрывалом, в воспоминание того, которым некогда было закрыто лицо Моисея при сходе с горы Синайской и обнародовании десяти заповедей, начертанных чудесно на каменных скрижалях перстом Иеговы для израильского народа... В своих надписях иудеи называют закон – Законом Израиля – «Израэл-цзяо»; они мне рассказывали, что их предки вышли с запада, из Царства Иудеи, завоеванной Иисусом Навином, что из Египта прошли море и пустыню; что число выходцев из Египта простиралось до шестидесяти ваней (вань = 10,000 чел.); пришли в Китай в царствование династии Ган-чжао (за 2697 г. до Р. Х.), пятой по порядку, давшей Китаю 27 императоров в течении 426 лет, с 206 г. до Р. Х. по 202 г. по Р. Х... Они сообщали мне, замечает снова О. Гозаний, – о книгах Судей, Давида, Соломона, Иезекииля, оживившего сухие и безжизненные кости, об Ионе бывшем во чреве китовом и чудесно изверженном на сушу, и проч.; из сего я заключил, что китайские евреи имеют много и других священных книг. – Они меня уверяли также, что в их алфавите существуют двадцать семь букв, но что в обычном употреблении довольствуются и двадцатью двумя буквами. Обстоятельство это согласно и с тем уверением бл. Иеронима, по которому евреи имеют двадцать две буквы, пять из коих двойные или сложные. На вопрос мой, как называется Закон, получил ответ – «цзяо-цзин-цзяо» в означение того, что евреи воздерживаются от употребления крови и не пересекают жил и нервов

у животных, ими убиваемых для жертвы, ожидая пока не вытечет из них вся кровь чрез одно место. Несмотря на то, что синагога только одна в Хонаньской провинции, в ней я не видел алтаря, но только кафедру Моисея с фимиамницей, продолговатый стол, большие подсвечники с сальными свечами; по архитектуре, она делится на три нефа (корабля): в среднем приходятся означенные предметы, и таблица императора, также – Скиния или «Вефиль» в коей хранятся тринадцать ковчегов с св. книгами – *"шэн цзин"*; два других нефа предназначены для молитвы народа; изнутри существуют особые проходы в синагогу и её окружность... Как было прежде, так продолжается и ныне, между евреями существует особый класс ученых – *"сян-шены"*, которые, сверх изучения Библии, изучают также и китайские цзины т. е. классических писателей и литературу светскую. Эти лица особенно чествуют Конфуцзы; подобно прочим китайцам, те и другие евреи в Китае, с прочим народом, совершают особые церемонии в честь великих людей в залах их имени посвященных, также и в честь своих предков, для чего при синагоге существует особый храм...

§ 3. Как бы в живое доказательство своей учености, сопровождавший меня раввин, взяв свиток своего Закона, остановился на титуле «Берешит» (т. е. кн. Бытия) и занялся сличением текста; исходя от Адама до Ноя, он обозрел все события при них и между сими лицами совершившиеся. Имея у себя в руках печатное издание еврейской (антверпенской) Библии, я нашел полное согласие в тексте. Затем вкратце успел пробежать имена и хронологию книг Бытия, Исход, Левит, Чисел, Второзакония, т. е. все содержащееся в Пятикнижии Моисея. Начальник синагоги сказал, что все поименованные книги у них, евреев, называются: Beresith, Veelesamoth, Vaücra, Vaiedabber и Haddebarim, что они делятся на пятьдесят три секции или волюма; кн. Бытия имеет двенадцать, кн. Исход – девять, три прочих книги по десяти секций в каждой и по-китайски зовутся «куеп» («цзяюнь»). Некоторые из книг были нарочно для меня раскрыты, но, не зная основательно по-еврейски, я отказался от внимательного их прочтения и замечаний; об остальных книгах я узнал, что все они более или менее попорчены, других совсем нет, пропали во время наводнения. Следя за разговором любезного собеседника, я замечал неоднократно кучу разных небылиц и невероятностей, положительно несообразных с тем, что говорится об одном и том же предмете в Пятикнижии Моисея. Странности эти привели меня к убеждению, что разговаривающими со мною были, с прочими евреями, – талмудисты, для которых законы, обычаи, объяснения Талмуда – любимый посредник евреев-раввинов. Эти иудеи, известные у китайцев под названием «Цзяоцин-цзяо» суть именно талмудисты, хранят многие ветхозаветные церемонии, – обрезание, по их верованию, идущее от Авраама, праздники опресноков, пасхальный агнец, субботу и прочие дни по В. Закону; понятия об аде, рае, носят очевидное влияние Талмуда. Однако ж, при почитании своих предков и в дни их поминовения, евреи эти не ставят особых таблиц, не поклоняются как китайцы в «Храмах предков». Особые почести, воздаваемые патриархам В. Заветным, заключаются в том, что в честь их и по числу их поставлены светильники в синагоге, и курильницы. Особое помещение для этого называется «Шень-жень» (Chingins) т. е. Храм для почивших патриархов Закона, место чествования их душ. Величайшая фимиамница носит имя «Авраама» – начальника Закона и стоит посреди залы. За нею следуют другие – «Исаака», «Иакова» и его двенадцати сынов, «Шэн-гун-бай-сы», т. е. двенадцать ветвей или колен Измаиловых; за ними следуют фимиамницы «Моисея». «Аарона», «Иисуса Навина», «Ездры», и многих других славных личностей мужского и женского пола. Все книги Св. Писания, составляющие принадлежность Богослужения, обрядов, и для домашнего или частного употребления, составляют у китайских евреев особую категорию *"сань-цзы"*, т. е. раздробленные, частные, отдельные книги, имеющие специальное назначение, противоположно собственно «Да-цзинам». т. е. Пятикнижию, и *"Цзинам"* прочим книгам В. Завета; Закон Моисеев называется еще «Тавра» – испорченное слово *"Thora"* по св. Иерониму».

§§ 4 и 5. Письмо Олафа Герарда-Тишен к Мурру 1799 г. о надписи на еврейском MS, подробности утверждения евреев в Китае, деления частей означенного MSS и прочие особенности. – Тишен, Маррисон, Медгурст, Смит, – их замечания о MSS синагоги г. Кхай-фын-фу

§ 4. Таковы выдержки из письма о. Гозани, характеризующие весьма рельефно многие вопросы, связанные с еврейской Библией в Китае. Существует два других важных археологических памятника при синагоге в г. Кхай-фын-фу, краткие извлечения из китайского текста которых, награвированных на камнях, для нашей цели весьма полезны. Это храмовладельческие² таблицы, одна сооружена 1488 года пред храмом синагоги в честь «Истины и Чистоты», другая пред храмом «Вечного Разума и Священных Книг» соор. 1511 г. Такого рода оригинальные наименования отделений синагоги составлены чисто в духе китайском и писаны китайскими письменами: сама синагога носит китайское название – храм «Хуан-тянь», т. е. Царя Небесного, – Господа. Подобно тому известен храм конфуцианцев «Да-чэн», т. е. великого усовершенствования в добродетели, а у буддистов «Шэн-Чжун», т. е. священного идола Будды, у даосов «Ю-Хуан». На доске 1488 г. излагается главным образом обрядовая сторона китайских евреев; на доске 1511 г. – философия, на основании личного понимания В. Заветного учения и Закона Моисеева в особенности. Еврейские книги, как заключающие в себе священное предание от Авраама до Ездры и служащие руководительным началом в жизни, носят название «Ю-мхай-цзин», т. е. св. книги В. Завета. Из исторических данных касательно устройства синагоги и св. книг, видим, что они приносятся евреями в XVI ст. из местечка Бянь-Лян и Нин-по, прочие из других мест. При наводнении 1642 г. Желтой реки, из 26 томов св. книг синагоги Кхай-Фын-Фу, сохранился во всей целости MS Пятикнижия. Думают, что таковой же существовал и в г. Кантоне; по определению Риччи в 1604 г. MS этот по времени был за пятьсот лет старше помянутого, а что принесенный из Нин-по погиб во время пожара. Заслуживает внимания одна страница MS Пятикнижия, по замечанию Финна.³ В конце секции «Берешит» приложен перечень раввинов, по времени 1620 г., т. е. за двадцать лет ранее наводнения Желтой реки. MS этот составлял собою часть общего целого; в нем еврейский текст представляет смешение некоторых персидских слов, помещенных в евр. алфавите. Ученый Олаф-Герард-Тишен в письме 1799 г. к Мурру (Diarii II, 304, App. I), объясняет и переводит такого рода смешанный текст так: В городе, именуемом "Бянь-Лянь", (т. е. Град Божий, град Божьей помощи, – намек на Закон Моисеев, как содержащий слово Божие, Царственную мудрость) в 1933 г., месяц Аб, в первый день недели и 12 день месяца получен был Закон (т. е. MS). Наш господин, равви Иаков сын Ависаи, сын Р. Эллада книжника, учитель (melammed). кончил письмена Закона сего. Равви Шадай, сын его, произвел ревизию. Равви Мардохай, сын Симеона, Р. Акиба сын Аарона, сына Ездры, скрепил своею подписью. Ученик Симмах, сын Иисуса сына Иосифа, возведенный в ученое достоинство, посвятил MS в дар (синагоге) по доброй воле. Равви Иаков, сын Рувима сына Бужи. Мардохай, сын Вениамина сына Бужи. «Да благословится вхождение твое, и да благословится исхождение твое» (Втор. 28:6). «И был он богат скотом и серебром» (Быт. 13:2, т. е. Авраам). «Ради их спасения служил я Господеву (Быт. 12:418(?))».

О внешнем виде сего MS было очень много писано, для нас важнее всего внутреннее содержание, расположение и детали.

§ 5. Деление Закона на пятьдесят три секции чтений, вместо пятидесяти четырех, по мнению Домэнжа объясняется тем, что по мазоретскому тексту 52 и 53 секции сводились в одну, что в праздник Кушей прочитывалась секция Wa-yelek. При сравнении текста латинской Библии с еврейским текстом MS китайского, О. Гозани была сделаны следующие замечания: кн. Быт. 11:12, имя Каинан, введенное у Семидесяти и ев. Лк. 3:36, упущено в тексте евр. и следовательно, – в Вульгате. О. Домэнж, по инструкции полученной из Рима, сличил следующие страницы Закона по амстердамской Библии с текстом евр.; Быт. 2:17; 3:17; 7:11; 8:4, 7; вся 15 гл.; 13:3; 18:22; 24:2; 33:4; все главы XIV, XIV, и XIX; во всех рассмотренных местах найдено совершенное согласие. Во Втор. 32:25, вместо «разрушить» в евр. тексте сказано «пожрать»; буква Ш глагольная изменена в Х. Можно было убедиться, что Втор. 11:29, и 27:12, 13, изменены с ссылкой на текст самаританский.

В частности, в Быт. 23:2, незаметно, чтобы *chap* в слове *libechotha* был означен самой малой буквой. В наших изданиях Библии, замечает, о. Гаубель, *chap* напечатан малой буквой в слове, означающем слезы и скорбь Авраама по случаю смерти Сарры. Начальник синагоги в свою очередь заметил, что в этом месте текста были прежде звездочки. В 24:2, невидно, чтобы был допущен оборот речи, подобный приводимому, который не в обычае у китайских евреев. Над словом *vajisca kekou*, в 23:4, помещены шесть точек, из коих первая более других. Двенадцатая секция Да-цзинов начинается также как и в амстердамской Библии словом *vejchi*, в Быт. 27:28, где содержится пророчество Иакова его детям; написаны подряд, без отделений, фетуры и сефумы. На вопрос о. Домэнжа, какой смысл соединяется в часто встречающихся словах *Silohh* и *Iescuathesa*, евреи не отвечали ни слова; а на просьбу показать пунктуацию слова *hamitta* (47:31), евреи писали *hammitta* или *haméthé*. При дальнейшем знакомстве с евреями и разными с ними рассуждениями, было вынесено о.о. миссионерами полное убеждение в невежественном разумении Библейского текста.

Сличением текста евр. Библии по MSS Кхай-фын-фу занимался также М. Риччи и нашел его совершенно согласным с изданием Библии у Plantin'a, за исключением того, что в еврейских кит. MSS не было гласных точек. Благодаря ученым подготовительным трудам миссионеров и других предшественников по Библейскому тексту, Кенникот получил из Оксфорда собрание MSS Св. Писания довольно обширное, с копиями тех MSS которых было невозможно достать в оригинале. Ученый Tychsen в 1777 и 1779 гг. обратил особое внимание на MSS евреев китайских в их синагоге г. Кхай-фын-фу, а в 1816 г. Моррисон даже делал некоторые сличения и справки для своего перевода китайской Библии. Наиболее внимательное исследование MSS синагоги г. Кхай-фын-фу было произведено в 1851 г. английскими миссионерами и учеными, из коих выделяются имена Медгурста и епископа Виктории Ж. Смита. По их замечанию, длина главного свитка – Закона 30 футов, от двух до трех толщины, и около 7 дюймов ширины. Каждый свиток был вложен в особую трубку, разрисованную, выкрашенную и позолоченную извне; все они вместе были положены в ковчеге шестиугольной формы, красиво расписанном, с малыми дверцами с каждой стороны. Полученные в Лондоне для ученых исследований самые MSS были следующие: Исход гл. 1 до 6; 38 до 40; Левит гл. 19 и 20; Чисел гл. 13 до 15; Второзаконие гл. 11 до 16; 32; разные части Пятикнижия в разрозненном виде, Псалмы, Агиографы, с отрывками из еврейской литургии. Из надписей срисованных с разных памятников и стен синагоги, пять приходится на еврейском языке, остальные восемь – факсимиле разных текстов из Ветхого Завета, которые по многим признакам внешним заставляют их почитать по происхождению иностранными, именно – персидского. Об этого рода влиянии на евреев китайских как и влиянии языка сирийского, скажем ниже в особенном обзоре. Здесь же заметим, что китайские евреи по сношению со своими собратьями – выходцами из разных стран, не могли позаимствовать все ими приносимое или отчасти.

§ 6. Сообщения иезуитов Гаубеля и Куто о MSS, их содержании, знаках и толкования слова Шилог и заглавиях

Интересны толкования евреев китайских в объяснении ими слова *Шилог* – (Shiloh), как передавали они слушавшим католическим миссионерам о.о. Гаубелю и Куто. По мнению одного израильтянина, в слове "*Шилог*" заключается великая тайна, которая может быть изображена письменно так: Ψ = великий, ' = один, ㄣ – потомок, П = человек.

О. Куто, (Couteaux) знакомый с особенностями китайского языка разговорного и письменного, объяснил, что в приведенном толковании нет странности; ибо, по особенностям китайского языка, слово «Шилог», написанное продольно, фонетически получает другие имена, т. к. является иное произношение сравнительно с письменным начертанием. Следуя такому правилу, еврейские слова, написанные по-китайски, должны быть понимаемы так:

Слова кит., евр.; значение.

Шан = Ψ = Всевышний.

Ди = ' = Господь.

Иго = ㄣ = один.

Жень = П = человек.

Объяснявший еврей прибавил, что в Китае такое имя дается тому, кого называют *шэн-жень*, т. е. святой человек, мудрый, всеведущий, знающий все частности. напр. Конфуцзы или китайский император.

При частном и случайном совпадении подобозначащих слов, и различной их расстановке, дающей превратный смысл понимания многих мест Св. Писания, в подобном роде, очевидно, что в умах евреев поселялся разлад и являлись бредни, подобные существующим у евреев каббалистов. Корень таких заблуждений заключается в стремлении согласовать многие туземные верования и идеи с Богооткровенными, содержащимися в книгах Св. Писания. Так как у евреев китайских, при частом обращении с туземным населением, язык еврейский все более позабывался, то в разумении и толковании священного еврейского текста вкрадывались своеобразия и непозволительные вольности. Явилась поэтому необходимость присоединения к священным книгам грамматики «дао-цин-бянь» (To-king-pwan), оказывавшей неоцененное подспорье в те времена, когда ученые раввины из школ Басоры, Зары и других мест, не являлись в Китай на помощь своим собратьям. Вероятно, по недостатку живого воздействия ученых евреев и самое чтение еврейских писем совершалось с китайским акцентом и пунктуацией, хотя письменный алфавит оставался тот же. Таким образом, согласные B, D, G и R произносились как P, T, или Z, K и L, или в окончании 'п, слово переходило в носовой звук, как напр. Быт. 1:2, מְלִיחָה, произносимо было Manthi-ihung. Таковы же и другие странные, исковерканные наименования частей Пятикнижия, Ie-lesh-itze = Берешит, She-meot-ze, Va-yi-ke-lo, Pe-nie-ze-paul, и Te-ve-lum; Пророческие же книги читаются одинаково с Библией миссионеров: I-se-ha-ha, Je-le-me-o-hung, Lu-en-a-ha, Mi-ca-ha, Na-hoo-am, Ha-ra-coo-ke, Se-pha-ne-o-ha, Ha-ko-e, Se-ca-le-a; Книги Царств и Паралипоменон, Ti-ve-le-ha-ya-mim; имена Есфирь – Is-se-tha. Мардохей – Mol-tho-gai; из гласных букв для Kholem, – ue или eo, для Kamets, – o, для Pathahh, просто ae и u, как во французск. яз. В свитках Закона точек не имеется; евреи говорят потому, что Моисей, получая Божии повеления и наскоро записывая, не успевал ставить точной пунктуации. Секции «Да-цинов» писаны большими буквами, имеют гласные точки, расстановку (stops) и ударения, все сии знаки известны под общим наименованием Siman. Ударения такие, же какие употребляются и ныне, только обозначаются так: Atnahh >, Merca, Zakeph-gadol – t; kerī и kethib оставлены, что объясняется порчею писцов, например в Быт. 18:22.

Малые или широкие буквы, случайно ставимые в словах Св. Писания, соблюдены во всех еврейских текстах со всею скрупулезностью, во избежание разных превратных толкований. Таковы в кн. Быт. 11:4, פ из פֶּלֶא פֶּלֶא уменьшено, и в Быт. 23:2, ב в בְּלִבְּךָ; раввин объяснил, что слово это должно быть не более не менее, тоже заметил и в гл. 33:4, что слово לְפָנַי имело прежде шесть точек и было несколько шире прочих. В отношении употребления Phethumahh и Sethumahh, существуют большие начальные буквы для больших секций, פֶּתֶחַ и סֶתֶחַ и малые для меньших секций, פֶּתַח и סֶתַח, ставимые на полях текста (Быт. XII), но не всегда в одном числе. Таких знаков в первой секции Закона существуют только четыре; напр., в конце гл. 1:9, в конце ст. 26; в конце гл. 2:20, и в 3:13.

Песнь Моисея во Втор. 32, написана на двух столбцах. В свитках Закона секции не всегда отделены. После «Noach» все остальные в кн. Быт. отмечены לך, но самые малые подразделения – Pesukim. соблюдены тщательно и одинаково с общепринятыми изданиями Библии. В каждой книге с секциями в заключение означен итог этих Pesukim; в конце «Берешит» отмечено их 146) לך), а в конце Noach – 143) לך).

Титулы книг ставятся на первой их странице, написаны внутри голубого четырехугольника, то зеленого, то из белых линий, самая-же китайская пергаментная бумага не очень бела на вид. Образчик надписи: ל'שחב. Такого рода название книги, однако ж, на каждой странице не повторяется; страницы означаются в числовом порядке не буквами евр. алфавита, но полным числительным названием – «один», «два», «три» и проч. В каждой странице содержится десять строк.

§ 7. Богослужбное распределение MSS по месяцам и праздникам, замечание иезуита Домэнжа

С пояснительной целью был приложен также к одной из глав Shahharith или Arabith Богослужбный церковный календарь. Сообразно с Пятикнижием, он был означен пятью знаками, соответствовавшими каждой, в частности, книге Моисея: он известен под именем Mineah. Самые буквы расположены так: для Mineah кн. Бытия ח, для Mineah кн. Исход ט, и т. д. Первая буква повторяется в начале во всех XII секциях Закона; вторая – во всех XI-ти кн. Исход; третья – в X-ти кн. Левит и проч. Mineah может быть понимаемо также в смысле Minhah, т. е. ежемесячное служение, как можем судить о том по заглавию одной из церковно-богослужбных книг – *Ли-бай*; переменяя одну гортанную букву на другую, с правильной расстановкой, получаем настоящий титул לוח ללוח. Книга эта ничто иное как Минея, содержащая порядок Богослужения на каждый месяц года, всегда однообразный более или менее, а в Китае видоизменяется применительно к известной книге и секции Закона, прочитываемой по порядку. Сверх общего наименования Minhah, существовали другие термины – Moed Neumah и Muphtar Minhah. На вопрос о Домэнжа, предложенный евреям китайским, о разнице этих двух частных понятий был получен ответ, что Minhah – (Минея-Месячная), называется книга подразделения служб, в ней содержащихся и разделенных на XII частей, из которых одна обязательно прочитывается в первый день каждого краткого месяца (в 29 дней) и во второй, (тоже из XII частей), в день каждого длинного месяца (из 30 дней); тогда как название Muphtar дается книге, определенной для чтения в 15 день каждого краткого месяца и в 16 день каждого длинного месяца. По мнению и объяснению De-Sacy «Moed» в евр. языке употребляется для означения «праздника», а «Neumah» есть персидское слово, означающее «новомесечие», что, – при праздновании новомесечия в Китае существовала своеобразная форма, тогда как в Европе праздник это всегда одновременно и однообразно. Muphtar Minhah читается в дни полнолуния; последним словом заканчивается время пополудни, а предыдущим обозначается отпуст (dismissal).⁴ Несмотря на разнообразие сменяющихся месяцев, самые книги – Минеи согласны в распределении времени, хотя для полнолуния европейские иудеи не определили особой молитвы или благодарения, но только сохранили обычай «благословения светильничного» (to bless the brightness), как она выражаются. В явлениях солнечных перемен годового цикла они усматривали оком веры непрерывное Провидение Божие, пекущееся о спасении мира. Хотя длинные и краткие месяцы китайского еврейского календаря и согласуются в западных странах не всегда однообразно, тем не менее по последнему новомесечию соблюдается не только в первый день, но и в день, коим заканчивается месяц предыдущий; в этом смысле существует сходство с календарем синагоги г. Кхай-фын-фу, согласующимся в разнообразии дня с характером месяца.

Еще замечание. О. Домэнж описывает 3 октября 1722 г. как начинающееся 23 ч. седьмого месяца, согласно счислению синагоги, а 8-й день «Праздника Кущей» как ближайший день праздника «Веселия Закона» (rejoicing for the law), когда, по установленному местному обычаю китайских евреев, обносились кругом «Вефиля» синагоги XIII свитков Закона. По рассматриваемому случайному установлению времени, такое явление не должно-бы было иметь места. По постановлениям Закона, «Праздник Кущей» должен приходиться на 15 день седьмого месяца, а 8-й (octaves dies) согласоваться с 22, а день «веселия закона» – на 23 день. Такое странное явление объясняется в времясчислении синагоги именно сочетанием длинных и коротких месяцев.

§ 8. Величина и классификация MSS синагоги г. Кхай-фын-фу: «Да-цзин», «Цзин-цзо», «Цзян-чжан», «Ли-бай», – их особенности по содержанию и названиям

По отношению к величине и классификации всех священных свитков и книг, хранящихся в синагоге Кхай-фын-фу, следует сказать следующее: все XIII MSS Закона – «тхан-цзин» или «да-цзин» – имеют по 2 фута длины и более 1 ф. в диаметре, каждый обернут в шелковой материи: остальные MSS в виде четверугольных продолговатых книг, около 7 дюймов. По замечаниям католических о.о. миссионеров эти последние были смешаны, и, – во время производимого осмотра оказались не все, иные весьма испорчены. Самая классификация книг, установленная народом, следующая:

1) "Да-цзин" («Ta-king») или "Тхан-цзин" священные, церковные книги, в 53 отделениях, соответственно секциям Закона, прочитываемым в субботние дни.

2) "Цзин-цзо" («Tsin-soo») т. е. дополнительные книги, называемые еще Ha-foo-ta-la или Naphtorach. Сюда относятся части – Иисуса Навина, Судей, Самуила, царей и пророков, книги исторические: Есфирь, Ездры, Неемии, Хроника (четыре или пять глав) и две первых книги Маккавейские – Mattathi, последняя хотя и вся, но в виде неисправном.

3) "Цзян-чжан", Keang-chang, или Толковники – expositores. Книги эти много подчищены и местами изглажены, недостает отчасти и самых заглавий. К сожалению, благодаря беглому обзору этого отдела литературы, сведений подробных о её содержании, достоинствах и недостатках не имеем от о.о. католических миссионеров.

4) Ли-бай, Le-rae, т. е. Обрядники или Книги церемоний, в количестве 15, дошли до последнего времени в небрежном и неполном виде. На некоторых найдено заглавие «Повседневная пополуденная служба».

5) Прочие Богослужбные книги принадлежат скорее к разряду разных «Сборников», выдержек из прочих, или из Св. Писания отдельных частей, молитв, текстов на известные случаи и предметы. Книги эти преимущественно предназначаемы были для народного употребления. К подобному разряду относятся и разрозненные секции, сохранившиеся не вполне; напр. о. Гаубель не нашел Ис. VII, и гл. Liii. Известно еще, что доставало и других книг, каковы: Иов, Притчи, Песнь Песней Соломона, Экклезиаст, Руфь, Плач, Иеремии. Четыре последних хотя и отыскивались, но не доставало конца книги Есфири; они, вместе с двумя первыми и перечнем книг исторических составляли обыкновенно разряд так называемых «Kethubim» или писателей, а на языке бл. Иеронима и церковных учителей – Haglographa. К сему же разряду должны быть относимы и Псалмы, но имя Давида помещено рядом с именами Самуила и царей. По всей вероятности, под именем Давида разумелась его история, тогда как Tehillim или Псалмы имели свое обычное место. Известно и то, что полной книги прор. Иезекииля совершенно не было, хотя части из неё встречаются в отделах «Цзин-цзо», Гафутала и Гафтора. О. Гозани, первый посетитель синагоги в разговоре с окружающими его евреями ссылался на видение прор. Иезекилем мертвецов оживших по мановению Божию, в доказательство учения о будущем воскресении мертвых. В одном из частных писем однако ж, о. Гозани замечает, что первоначально все книги в еврейской синагоге хранились с величайшею бережливостью, в золотых и серебрянных футлярах; даже существовало правило у евреев, – никогда не показывать своих священных книг «черноголовым» т. е. китайскому простонародью. В течении восьмимесячного пребывания о. Домэнжа у евреев, ему не удалось добиться позволения снять точный список с книг Маккавейских, служивших дополнением еврейской Библии. По отношению же ко второй книге Маккавеев, заметить следует, что она не была известна на еврейском языке у многих евреев, потому что вообще считалась компендиумом греческой книги, написанной некогда Язоном из Кирены. Первая книга признавалась в её оригинале халдейско-еврейскою, именовалась при бл. Иерониме «Скипетр князя Сынов Божиих»; однако ж такое название не ранее VIII ст. Что поименованные книги существовали у евреев китайских, подтверждается в известной мере намеком о. Гозани о Иудифи и Иисусе Сирахове, книгах, формально, существовавших в Халдеи. Книги Неемии и Есфирь кит. евреи особенно почитают; Есфирь они называют бабушкой – «Issetha» или «матерью».

§ 9. Прочие сведения оо. иезуитов об означенных и других MSS

ОО. иезуитам, предлагавшим большие деньги за некоторые MSS евреям, не удалось получить ничего; узнали только, что в Пекине существуют копии со св. книг находящихся в синагоге Кхай-фын-фу; что эти копии хранятся в одном из храмов пекинской столицы, предназначенных китайским правительством служить местом сборной библиотеки всякого рода книг, составляемых и обращающихся у представителей иноземных религий. Несмотря на все поиски, миссионерам не удалось проникнуть в это святилище, и только могли узнать от хранителя сокровищницы, – «есть книги священные не только еврейские, но и сирские», из еврейских именно – Тора, т. е. Пятикнижие Моисея. – Из частных и неоднократных сношений с китайскими евреями М. Риччи удалось однако ж собрать те сведения, которых приобрести помогли его другие собратья. В одном из своих писем к начальнику синагоги в гор. Кхай-фын-фу, он упоминает, что сверх книг Ветхого Завета у китайских евреев существуют извлечения, содержащие мессианские пророчества. Раввин по прочтении такого письма заметил, что мессия действительно ожидается евреями, но должен явиться только чрез 10,000 лет. По мнению Риччи, хонаньские евреи в Китае были выходцами из *Халдеи*, что отражается на многих памятниках им принадлежащих и подтверждающих мнение ученого. Во 1-х, таблицы синагоги повествуют о Священном Предании, фиксируемом в Законе Моисея, происхождении от Ездры – второго законодателя и народного реформатора, и сведения о восстановлении Иерусалима. Во 2-х, сверх нескольких частей из пророческих книг, писанных после плена десяти колен Салманассаром, они владели пятью частями из книги Даниила, и книги Есфири, где слово Иов встречается неоднократно, тогда как слов «Израэль», «Израильтяне» совсем не имеется. В 3-х, в их *Naphtorah*, относящейся к временам преследования Антиоха Епифана до Рождества Христова 170 г., включаются части из пророков, живших в Иерусалиме во времена второго храма, как напр. Захария и Малахия. В 4-х, они переняли в свою хронологию эру Селевкидов. В 5-х, на листе раввинов, приложенном к секции книги *Berechith*, встречаются титулы «Наш господин», «Наш раввин», и проч., указывающие на талмудические признаки; в убиении животных они руководились раввинскими правилами. В 6-х, надпись внутри синагоги над Императорской таблицей есть стих из Св. Писания, часто повторяемый в иудейском Богослужении: «Неизреченно Имя Иеговы, Бога Богов!» Наконец, заметить следует, что китайскими евреями вынесены были *Мишна* и *Каббала*, долго сохранявшиеся среди позднейших еврейских потомков, а по индифферентному отношению их к проповеди христианскими миссионерами о лице Иисуса Христа, Его учении, страданиях, распятии и других фактах, нельзя не приходиться к убеждению, что китайские евреи, бывшие выходцы из Палестины до времен Иисуса Христа, вынесли одну идею Мессии – ожидаемого, но не пришедшего. – При поминовении друзей и близких, китайские евреи молятся по особому чинопоследованию, так называемому «*ответ языка*» – формула, заимствованная из Притчей Соломона 16:1, «Человеку предложение сердца; от Господа ответ языка!».

§ 10. Сообщение епископа Виктории Ж. Смита 1868 г. о китайско-еврейских MSS, их виды и особенности содержания

Обращаемся к исследованию MSS еврейской синагоги, произведенному обстоятельно епископом Викторией Ж. Смитом в 1868 г.⁵ Рассматриваются свитки Пятикнижия по частям книг в него входящих. Первый свиток не совсем полный. Он начинается только с кн. Бытия гл. 29:30, и оканчивается последним стихом Втор. 34. Первые восемь свитков, сложенные вместе, были посланы для рассмотрения в Англию. Раввинский текст № 9 написан позади первого, таким остается и доселе. За исключением некоторых упущенных глав кн. Бытия, он, как полагаем, есть цельная копия из Пятикнижия. Беглое сравнение нескольких частей с напечатанным текстом Van-der-Hooght'-овского издания евр. Библии приводит к заключению, что различные чтения были очень немногочисленны.

Во Второзаконии 32:25, находится буква lamed, вместо resh, в слове khereh – меч, и это вообще встречается в других последующих копиях, что очевидно указывает на невольную допущенную ошибку писца, повторенную и другим по неведению. По сличении двух переводов десятословия, содержащегося в Исх. 20 и во Втор. 5 гл., слово в слово, с текстом Van-der-Hooght'a, нельзя не узнать некоторого несогласия; разность, однако ж, заключается только в согласовании с другим в букве uod. Наиболее интересным для ученой любознательности находим приведение следующих замечаний к упомянутым двум местам (passages). Именно, В Исх. 20, первый стих: «и глагола Господь вся словеса сия (к Моисею) глаголя»: так начинается новый столбец и занимает первую строку (line). Во второй строке, промежуток в дюйм, – слева; потом идет второй стих, 3, 4, 5 и 6-й, составляющие вместе один непрерывный параграф. Но, в конце стиха 6-го замечается промежуток в полтора дюйма, зачем следует ст. 7. На конце сего стиха – другой промежуток слева, а 8-й начинается с новой строки, без разделения на части и так продолжается до 11 ст. Стих 12-й начинается с новой строки, идущей слева почти до конца, с помещением в одну строку двух предпоследующих слов, в расстоянии трех дюймов; ст. 13-й начинается на крайней оконечности одним словом לו-ю, а следующим словом начинается новая слитная строка. Тоже наблюдается в остальных стихах до 18-го, которым начинается новый параграф, как можно видеть из нижеследующего прилагаемого факсимиле.

תן לחלל

תיצחלל

תנאףלל

תענבלל

תענה ברעך עדשקרלל

תחמוד בית רערלל

Точная копия такого размещения сделана нами потому, что оно непохоже на многие тексты, с которыми приходилось сравнивать. Приведенное место разнится и от находящегося подобного во Втор. 5:6, 7, 8, 9 до 10 составляют в ней нераздельный параграф. Такой же промежуток виден слева, а 11 стихом начинается новая строка. Другой пробел находится между 11 и 12 ст. Стихи 12, 13, 14 и 15 касательно субботы нигде не прерываются. Стих 16, коим начинается краткий промежуток с 15 ст., сопровождается подобным-же. В стихе 17 начинающем новую строку, слово לו и следующее другое слово отделены пробелом почти в дюйм и потом является новый пробел. Словом לו (ст. 18) отделяющимся от другого слова, продолжается строка до самого её конца. Стихи 19 и 20 расположены подобным же образом и стих 20 кончается в следующей строке; 21-й ст. приходится внутри деления, образуемого пробелом в строке.

Стихом 22-м начинается новая строка, с пробелом на дюйм пред первым словом לך eth. По сличении стихов с соответствующими в Authorised Version Библии английской и расположению их у Van-der-Hout'a в изданной им Библии, замечается разность. В английской Библии их 33, у Фан-дер-Гута – 30.

Замечаемая неясность в 26 ст. по англ. переводу (A. V.) у Фан-дер-Гута объясняется упущением одной строки; а кн. Исход начинается вне заглавия с большой начальной буквы, что видим у Фан-дер-Гута. Еврейский свиток до конца его писан как бы на белой овчинной коже, в длину от двух до двух с половиною футов, однако ж, однообразной ширины почти в два фута. Таковы также были две кожи более короткие в длину нежели остальные, одна из них только в

девять, а другая в пятнадцать дюймов длины. Следующая последняя, отмеченная позади (№ 13) хотя и должна-бы составлять отдельную часть Бытия, в настоящее время помечена под № 5.

§ 11. Пергамент, бумага, кожи, свитки и пр. знаки

Кожи в настоящее время разделены друг от друга двойною белою пряждю, связаны все вместе с оконечностей деревянных скалок на половину дюйма в диаметре и в двадцать семь дюймов длиною, и завернуты около окружности их весьма гладко. Верхний конец каждой скалки отлакирован по-китайски и заканчивается снаружи остроконечием; длиною свиток был в 95 ф., а когда был полный, то еще должно прибавить 16 или 18 ф. Такова по крайней мере длина Малабарского MS Пятикнижия, точная копия с которого произведена была др-м Букананом и пожертвована в Кембриджский университет, в библиотеке которого она хранится и поныне. Длина этой копии – 90 англ. футов. Полный MS Да-цзинов Кхай-фын-фу в свитке состоит из тридцати девяти кож, с пометою однако ж на конце их (Mem zain), т. е. 47, так как восемь из них составляют отдельные свитки; все же вместе взятые имеют 239 столбцов (columnus). Столбцы эти в 4 дюйма ширины содержат 49 строк каждый; расстояния между столбцами на один дюйм, в других на $\frac{1}{2}$ дюйма. Положены эти столбцы в кожаные же футляры. Каждый столбец окаймлен двумя тождественными перпендикулярными линиями, и сорок девять имеют подобным образом горизонтальные линии, соответствующие вышеупомянутому количеству (47) кож и очевидно начертанных каким-либо остроконечным орудием. Гласных точек и ударений нет; не встречаются они и на полях столбцов. Пустой пробел вообще приходится слева в конце каждой главы; существует и в конце параграфов, на некотором расстоянии, напр. в Быт. 33:18. Счисления глав и стихов наподобие англ. Библии (A. V.) нет. В 32 гл. Второз. песнь Моисея написана в двойном столбце, как и в тексте Кенникотта. Двойные столбцы с пробелами слева занимают шесть с $\frac{1}{2}$ дюймов. Слова расположены несколько в другом порядке нежели у Фан-дер-Гута. Первый стих расположен одинаково, но во втором, вместо трех слов в столбце с правой руки, их помещено четыре (𐤅𐤏𐤔). Противоположный столбец начинается с 𐤅𐤕𐤔, и состоит из четырех слов, вследствие чего идет другой порядок в словах. Промежуток между ними различается явственно и буквы однообразной высоты: исключение представляют только немногие свитки, в которых заметно несколько косвенное расположение столбца; некоторые буквы очень удлинены, иные сокращены, что очевидно рассчитано на равномерное распределение их в каждой строке, при очевидном не желании писца оставлять пустые между ними промежутки. Для образца предлагаем особое начертание букв и их порядок в строках столбца, в конце исследования.

В одном из описанных свитков, в двадцатом столбце встречается начальная буква vav. В некоторых свитках по самому внешнему виду замечаются недостатки, объясняемые свойством китайских чернил, т. е. одни буквы крепче, другие писаны слабее. Редко встречаются какие-либо пятна, но многие свитки раскрашены, от этого они крепче, менее повреждены. Наименее пострадали средние части и более сохранились в целости. Позади одной отмечена цифра 𐤅𐤕𐤔 (31)).

Время написания сего свитка неизвестно, но вероятнее в конце XV ст. По отношению к способу письмен Да-цзинов еврейских, заметим, что они писаны кистью китайского «Гуань-би», и которая обыкновенно состоит из пучка собачьих волос, вправленных в бамбуковую палочку; иногда, для тонких письмен сама бамбуковая палочка расщепляется на тонкие пластинки так, что может быть кистью, или перокистью если очинить в одно острие. Китайские чернила состояются писцами из туши, разводимой в воде и растираемой на особой плитке. Поправка евр. MSS совершалась раввинами ежегодно, когда требовалась надобность потертые письмена усилить и снова восстановить в прежнем виде; время таких поправок – пред праздником «Кущей». Для крепости чернил, евреи употребляли раствор квасцов.

§§ 12 и 13. Свитки с надписями позади и Кантонский MS

§ 12. По сообщению в «North-China Herald» 1851 г. авг. 16, двумя евреями из г. Кхай-фын-фу были доставлены в Шанхай MSS еврейские, представляющие особый интерес, а потому лица, их рассматривавшие, позаботились снять точный факсимиле с некоторых частей, дабы дать точное понятие об оригинале. Они приложены к XIII-й секции Закона и Исх. гл. 1 до 4:1, и XXIII секции, Исх. 38:21 до 11:38. Письмена эти с пунктуацией довольно редкой. Предлагаем самое воспроизведение их с русским переводом:

קדש ליהרה

כעישת (בברכשה?) רבי עקובה בן אהרון עזרא

בדר שריאדר בן בתראל בן משה

גיא הסדררבי בן משה

והאמן ביהדהוית שכהל דצדקה

«Святость Иеговы. Равви Акиба, сын Аарона, сына Эздры слушал. Шадиафор, сын Весоуэля, сына Моисея, читал. Мардохей сын Моисея засвидетельствовал. Благовествовал он во Иегове и поведал о нем, по правде».

קדש ליהוה

כעישת (בבוכשת?) בדר רבי פינחס המלמד בן ישראל בן

י'הרשע בן בנימין

לישוועתך קויתי יהיה: אמן

«Святость Иеговы» (т. е. да будет благословенно имя Иеговы!). Ученый (книжник Зофер) Равви Финеас, сын Израэля, сына Иисуса, сына Вениамина, слушал чтение. Ожидаю спасения от Иеговы. Аминь».

§ 13. По смерти одного еврея в г. Кантоне остался свиток MSS, приобретенный в синагогу г. Кхай-фын-фу чрез посредство магометанина. Свиток этот имел большое сходство с MS, найденным у черных евреев Индии д-м Букананом и известным под именем Codex Malabaricus. По сравнению с этим последним, свиток оказался точной с него копией: по виду казался очень потертым, с заплатками и пятнами, носившими следы морского путешествия. Факт оказался еще более очевидным по сличении многих позднейших приписок к этой копии, свежим перевязкам, коже (skin) в одном месте зарубленной и с пришитыми столбцами на середине, и где последнее слово оказывалось несходным с предыдущим, что указывало на позднейшее происхождение. Самая выделка кожи была иная, нежели в других свитках. Разорванные отрывки этих свитков, несмотря на вставки новые, так были искусно сшиты и хранились с такою бережливостью, что нужно было иметь много времени и искусства определить происхождение некоторых из них более позднее. Все вместе взятые, такого рода свитки составляли не более двух третей всего Пятикнижия; около половины их оказались нечеткими, и во многих местах кожи, образовались от воды пробелы. Более новейшие оказались с разными приписками и поверх оригинальных букв снова писаны китайскими чернилами. Буквы эти обличали свежую руку, имели приятную каллиграфию.

§§ 14 и 15. Новейшие свитки и 57 прочих MSS, с надписями в конце 1-й секции Пятикнижия

§ 14. Новейшие свитки казались из более крепкого пергамента – (stout sheepskins); по всей вероятности, это были склеенные искусно листы по три и четыре китайской бумаги; они имели разнообразную ширину и сохранились в превосходном состоянии. Каждый свиток имел на наружном угле еврейские числа, следующие равномерно друг за другом по числу составных частей. Числа эти были – Beth, 2, Daleth, 4, Teth 9 и Iod-beth, 12. Кроме сих цифр, каждая кожа считалась наверху; тогда как настоящее число представлялось на последней в свитке; так: 5 содержит 75, 4 содержит 79; 9 имеют 47; а 12 – 66; две, кажется, считаются по другому способу, так как числа идут в восходящем порядке до 19, другие начинаются и кончаются до 19, и так – до конца. Хотя числа, поставленные на коже значительны, но не таковы они в столбцах; каждый свиток имеет их 237. Строгая разница замечается в ширине их сквозь весь свиток, хотя и существует общее соответствие между теми и другими свитками. Песнь Моисея в XV гл. кн. Исход, имеет 9 дюймов ширины в № 2, вся же остальная часть столбцов не превышает трех дюймов. Они имеют по 49 зарубленных горизонтальных линий, расстоящих одна от другой на $\frac{1}{2}$ дюйма в каждом столбце, и очевидно, начертанные иглою или другим острием. Таковы же точно линии, подчеркнутые наверху для букв. От такого рода разлиновки, все буквы, от начала до конца в каждом столбце чрезвычайно однообразны, и каждый столбец начинается всегда с одной буквы, за исключением весьма немногих, напр. в № 2. Точек не существует, за исключением слова תרשר' во Втор. 33:4, которое в № № 2, 4 и 9, и в одном древнем MS, имеет как бы крапины сверху каждой буквы, согласно с нашей печатной Библией, хотя 5 и 12 их не имеют. Расширенные (enlarged) и уменьшенные (diminished) буквы, встречаемые в наших изданиях, не везде соблюдаются в рассматриваемых нами. Некоторые части, по сличении с самаритянским текстом, приводят к мысли, что таковые служили лишь свидетельством аккуратности нашего рецептированного текста; во многих местах есть видоизменения, но они в общем единстве представляют упущение или прибавку *vav* или *jod*, придающих известный эффект смыслу при чтении. Но такого рода вариации в рассматриваемых свитках не всегда единообразны. Более необычное чтение встречаем в песни Моисея, Втор. 32:25, где, вместо слова כהרעב khereb-меч, поставлено כהלעב kheleb; слово это одинако воспроизведено во всем Пятикнижии, и кажется доказывает, что оно было скопировано с одного оригинала; если оригинальная копия была воспроизведена китайским писцом, то он мог по своему усмотрению изменить звук, и вместо *r* (эпп) поставить *l* (элд), подобно другим словам. В древней копии мы имеем слово נעד vead измененное в Быт. 7:23; ошибка замечается еще более в формации периода от строки, где начертано круглое слово, обращающее на себя внимание. Большая же часть свитков значительно обезображены ошибками, помарками, поскребками и поправками; № № 4 и 12 в особенности, в них заметны недавние поправки. В некоторых столбцах заключаются подчистки и порезки пергамента, в других – попытки смыть или сгладить письмена, в иных наконец, есть целые протертые пробелы, для уничтожения прежде написанного. Но в последних двух № № оригинальные буквы вообще ясны и четки, несмотря на все их исправления. Долг справедливости побуждает вообще отнестись с благодарностью к китайским евреям за то, что они умели сохранить древность письмен Божественного Закона и передать в надлежащей исправности последующим поколениям.

§ 15. Сверх описанных выше свитков, существует еще *пятьдесят семь*, других MSS по большей части сходных друг с другом, по приведенным выше образцам факсимиле. Они малы, написаны главным образом на толстой бумаге, склеенной и составной из нескольких листов вместе; очевидно, эти MSS должны были служить дополнительными копиями к оригиналу Закона. Строки разлинованы в свитках наподобие школьных прописей параллельными рядами, существуют в некоторых и дополнительные линии. Из пятидесяти трех секций Закона, тридцать три кажутся меньшими по величине, самые MSS по одному экземпляру, и только семь или восемь – дубликаты. Сверх сего, в то число входят шесть секций, доставленных для ученых изысканий. Они имеют точки и ударения, систему – мало разнящуюся от той, которая принята вообще и Европе. Несколько из сих секций с полинялой шелковой покрывкой и с разорванными кусками, очевидно, свидетельствуют о их древности, имеют замечания, приложенные для означения данных времени, имен писателей, послухов или свидетелей, раввинов, –

современных спискам. Кажется, что некоторые писатели этих заметок знали язык персидский как природный, что особенно заметно в самом способе еврейских письмен похожих на персидские. Особенность такого рода письмен вводит в заблуждение многих не знатоков, смешивающих персидские буквы с чисто еврейскими. Римско-католические миссионеры, посещавшие синагогу в г. Кхай-фын-фу и знакомившиеся с её MSS были того же мнения. Переводы некоторых из сего рода надписей и текстов Св. Писания, сделанные гг. учеными, приложены вместе с факсимиле с некоторых, к их исследованиям.⁶ Представляем в переводе на русский язык, конец первой секции Пятикнижия:

«Господин наш равви, бывший равви Иаков, сын равви Ависаи, Шэлог. Шэлог, бывший равви Шадай, сын равви Иакова, сына равви Шэлог. Писцами были: равви Акиба, сын Аарона, сын Эздры. Присутствовал Авраам сын Аарона».

«Писано 1931 года, в древнем городе Бянь-лян, в месяц Маршеван, в 4-й день недели, в 3-й день месяца».

«По Божьему соизволению, пятьдесят три секции Закона совсем написаны в праздник Кущей, в 1932 г., в месяц Тэбет, в 4-й день».

По отношению к дате времени следует заметить, в дополнение к предположению М. Риччи, что евреи следовали эре Селевкидов, греческих царей Сирии, в течение последних столетий включительно. Признавая MS относящимся к этой эпохе (до Р. Хр. 113) он должен быть написан в 1621 г. до Р. Хр., пятью годами ранее произведенных иезуитами разысканий.

В прибавлении к последней секции Второзакония читаем: «Писан (MS) в древнем городе Бянь-лян, в Хонане, в 1931 г., месяца Маршеван, в 4-й день недели, в 3-й месяца».

«Закончился написание пятидесяти трех секций Закона в праздник Кущей 1932 г., в месяц Тэбет, в 14-й день».

§§ 16 и 17. Регистры имен на MSS и мелкие богослужебные чинопоследования

§ 16. В следующем MS должно обратить наше внимание на регистр главных и выдающихся семейств еврейской конгрегации в г. Кхай-фын-фу, предисловием к которому служат извлечения из разных молитв. Регистр делится на две части, одна из которых предназначена для имен мужских, другая – женских включительно. Есть здесь имена и фамилии еврейские и китайские. Напр. «Чао-гун» и «Чао-цзун», сыновья «Чао-шан-шэнь». «Равви Иосиф, сын Чао-юн-би». Такого рода прозвища и имена еврейские пишутся весьма часто и в других документах, даже еврейскими буквами, но с китайским произношением. В конце мужского регистра имен содержатся имена преемственно следовавших друг за другом праведников и святых мужей, каковы: Авраам, Исаак, Иаков, Моисей, Аарон, Илия, Елисей, обитающие в райских чертогах и вкушающие от плодов древа жизни. В конце женского регистра помещена также другая молитва, подобная помянутой, с указанием семи праведниц и святых жен, каковы: Сарра, Ревекка, Рахиль, Лия, Иохавед, Мариам, Сепфора, обитающие в раю.

§ 17. Из книг Богослужебных, положенных в особые футляры и имеющих точки, выделяются: чинопоследование на «день очищения» и на «утро следующего дня»; – книга, под заглавием «Сто благословений в день очищения»; – книга «Иудейских месяцев и дней недели»; – книга Богослужения в праздник Пурим. Большая часть этой последней состоит из молитв и гимнов, составляющих дневной ритуал. Псалмы введены столь в большом количестве, что могут сами по себе составлять особый молитвенный сборник. Не менее часты извлечения из пророческих и исторических книг. Многие имеют характер чисто Богослужебный и обнаруживают в составителях светлый ум в логическом расположении, возбуждении и укреплении благочестивого настроения молящихся.

§§ 18 и 19. Содержание 1-й храмовладельческой таблицы пред синагогою г. Кхай-фын-фу 1488 г. Содержание 2-й такой же таблицы 1511 года

§ 18. *Содержание храмовладельческой с надписями таблицы 1488 г., пред «Храмом Истины и Чистоты» еврейской синагоги в г. Кхай-фын-фу*

1) Основатель «религии радости» или – «Израильского народа» – Авраам. 2) Уклонение патриархов от идолопоклонства высшим и низшим духам и воспрещение сего потомству. 3) Понятия Патриархов о Небе, основанные на рассматривании явлений природы, изучении законов и сил, приводивших к убеждению о бытии Божиим. 4) Появление этой религии в Китае при династии Чжеу в 146 г. до Моисея, жившего около 613 года той же династии. 5) Нравственный характер Моисея и получение им от Бога при Синае Законов, изложенных в св. книгах. 6) Значение содержания книг Моисея по внутреннему достоинству учения и исторических свидетельств о разных лицах и событиях. 7) Приемство священных книг и их учения до времен Ездры, потомка Моисея, по мнению евреев. 8) Чистота учения и истинное Богопочтение, как существенные признаки религии. 9) Обязательность ежедневной молитвы к Богу с совершением поклонов в 4 ч. утра, в 12 час. дня и в 6 час. вечера. 10) Обряд омовения и очищения пред молитвой и чтение Св. Писания после неё для укрепления ума и чистоты сердца. 11) Формы молитвенного обращения к Господу, соединенные с размышлением о Боге; значение и смысл внешней молитвы стоя, с наклоном главы, молчаливой умственной и соединенной с пением или чтением. 12) Коленопреклонение и знаменание на челе, поклоны направо и налево, обращение главы к небу и земле. 13) Необходимость почитания родителей и умерших предков; дни поминовения весною и осенью, соединенные с жертвоприношениями омов и разных плодов. 14) Ежемесячный, в известные дни, пост и воздержание в четыре времени года; обряды, сопровождающие и оканчивающие эти дни, поименная переключка пред вечерним Богослужением, совершаемая до утра и суббота, соединенная с религиозным покоем. 15) Недельный пост в четыре времени года, и подтверждение сего обычая книгою И-цзин (начертание добродетели). 16) Пост и молитва при особых случаях в жизни, с цитированием из той же книги И-цзин. 17) Путь предания у евреев китайских: страна Тянь-чжу (Индия), откуда пришли в Китай семьдесят родов, с перечнем некоторых их китайских наименований; благосклонный прием, оказанный пришельцам императором Сунской династии (420–497). 18) Построение синагоги Ли-чженем, Ву-сы-ди и Янь-ду-ли в 1166 г., в царствование Лун-Сина; а в 1335 г. сооружается при синагоге храм «Истины и чистоты». 19) Веротерпимость первого императора Минской династии Хун-ву (1368–1384) к евреям и другим религиям. 20) Избрание «нарочитых людей» для синагоги. 21) Устройство порядка в хозяйстве, управлении и богослужебных обрядах. 22) Еврей Ян-чен 1422 г., как опытный врач и хороший чиновник при китайском императоре, пользуется его особыми милостями и исполняет разные поручения; в синагоге ставится императорская таблица. 23) Ли-чжун, в 1475 г., с товарищами, устроит три цзяни (отделения) при синагоге; в 1349 г. разливом Желтой реки повреждается здание синагоги, которая и ремонтируется с разрешения императора. 24) Тот же еврей и другой – Ин жертвуют в кассу синагоги денежные суммы на поддержание её, а также и св. книги: остальные евреи, в 1440 г., приносят из Нин-по два тома других св. книг в синагогу Бэнь-лян; в 1488 г. укрепляются здания синагоги. 25) Евреи Ин, Чжун, Чжао, сооружают храмовую таблицу (содержащую означенные сведения); Янь-ду-ли реставрирует синагогу при помощи еврейских семейств, устроит еще Вефиль для хранения св. книг, внутренность синагоги расписывается и украшается разными вещами. 26) Перечень храмов четырех в Китае религий: у конфуциан – «Да-чен» – храм великого усовершенствования, у буддистов – «Шэн-чжун» – храм священного изображения Будды; у даосов – «Ю-хуан»; у евреев синагога, иначе именуемая «Хуан-тянь» – храм Небесного Господа. 27) Характеристика еврейской религии в форме похвалы, с предпочтением пред прочими в деле Богопочтения, культу предков, верности государю, соединенной с выражением верноподданнических чувств, определяемых в молитве за царя и нелицемерном служении престолу, указание на исполнение пяти родов добродетели, требуемой китайскими цзинами с служением Вечному Разуму; мессианская идея и прозелитизм. 28) Цель начертания надписи и лица соорудившие таблицу, сочинитель надписи – еврей Цзин-чан, резчик на камне – еврей Фу-чжу; время сооружения 1488 г. в царствование Хун-чжи.

§ 19. *Содержание китайской надписи на храмовой таблице 1511 г., сооруженной при еврейской синагоге пред «Храмом в честь Вечного Разума и Священных Книг».*

1) Определение Дао – Вечного Разума, открывающегося в самом Священном Писании и Священных Писателях, его всеприсутствие – в мире и мудрости руководящей людьми. 2) Сущность израильской религии; понятие о Боге едином, о прародителе – Адаме, его жизнь в раю и происхождение потомства из страны Тянь-чжу; Св. Писание становится известным во времена Чжеу. состоит из 53 секций, поучает в истинной вере и Богопочтении. 3) Основатели религии, происходящей от Бога, – Авраам и Моисей, изложивший оную в Св. Законе. 4) Религия эта вводится в Китае при династии Ханов (или Хань) существовавшей за 200 годов до Р. Х. и 226 г. по Р. Х. в Китае; в местечке Бэнь, 1164 по Р. Х., устроится первая синагога, а в 1296 году при Юаньской монгольской династии синагога переносится в другое место, не дальше г. Кхай-фын-фу. 5) Почитание св. книг, писанных древнееврейскими буквами, коими и отмечена в начале своем каждая книга в отдельности. 6) Вечному Разуму, как руководящему началу в жизни и открывающемуся в Св. Писании, обязаны подчиняться все люди разного пола, возраста, звания, происхождения; высота этого Разума над справедливостью, собственностью, – им укрепляется чувство правоты и благоговейного служения Богу. 7) Благоприятные следствия для человека этого подчинения Божественному Разуму: а) в отношении к Богу и ближнему: благоговейное почитание Бога, доброе поведение, сострадание к вдовицам, сиротам, убогим, болящим, бедным, вспоможение им денежными и другими средствами; тоже – в случаях брака и похорон, совершаемых неимущими; удаление от исполнения суеверных обрядов, соблюдение правильных веса и меры в купле-продаже. 8) б) в отношении к себе самому: – с получением литературных почестей и привилегий на службе достигается собственное пред прочими людьми отличие, цель знаний и этих отличий должна заключаться в служении своему народу. 9) Необходимость Вечного Разума для руководства всех вообще людей, честно трудящихся и желающих жить добродетельно; таковы земледельцы, купцы, сборщики податей и проч.; с памятованием заповедей Божиих должны соединяться повиновение Богу и добрые дела, исправление от дурного прочих людей, соблюдение добрых обычаев предков, почтение родителей и проч. 10) Нравственная цель Небесного Законодательства – направление людей к совершенству и спасению так, как это излагается в Св. Писании. Поэтому человек должен изучать беспрестанно оное и с ним сообразоваться в жизни. 11) Ветхозаветное предание и хранители оно: Авраам, Исаак, Иаков, двенадцать патриархов, Моисей, Аарон, Иисус Навин, Ездра; заключение сего предания в св. книге – Ю-тхай-цзин, хранение и соблюдение их постановлений евреями; важность и польза соблюдения церемоний, обрядов, вообще законов Ветх. Завета 12) *Цель* сооружения таблицы – увековечение памяти излагаемого в ней вероучения и истории; лица соорудившие: Янь, Ли, Гао, Чжао, Цзин, Ни, Чжан: *время* – седьмой год Чжан-дэ Минской династии (1511 по Р. Х.).

§§ 20 и 21. Пятьдесят четыре субботних секции В. Завета и деление оных на три главных отдела: Закон – Тора, Пророки – Небиим, Писания или агиографы – Кетубим

§ 20. О классификации чтений еврейской Библии у евреев китайских, также сирских и палестинских, заметим следующее.

Существуют два класса чтений Св. Писания по еврейскому тексту: к одному классу принадлежат пятьдесят четыре секции, содержащие Закон или Пятикнижие *תורה* и называемые поэтому Parschioth – *פרשיות* (мнж. ч. *פרש* от *פרש* разделять); другой класс состоит из соответствующего числа секций, избранных из разных частей пророков, в связи с единообразным их чтением и потому именуемых Haphtaroth, *הפטרה*, букв. отпуст, dismissal. Вообще же слово Haphtorah или мн. ч. Haphturoth, прилагается чаще к 54 секциям Пятикнижия, читаемого в синагоге. Об этом термине было много разных рассуждений, поэтому находим нужным выяснить вопрос о нем.

Несмотря на общее деление у всех евреев субботних чтений на 54 секции Пятикнижия, с дополнениями из других книг В. Завета, самый цикл чтений был неодинаков. У древних иудеев он был по преимуществу *трехгодичный*, triennial (ср. Megilla, 29), по которому все Пятикнижие делилось на 153 или 55 секций так, чтобы весь Закон, мог быть прочитан по субботним чтениям (lessons) *однажды в три года*. Таков порядок был принят у иудеев в дни Маймонида (ср. Jad Nachasaka Hilchoth Tephilla, XIII), Вениамина Тудельского, у иудеев палестинских и сирских, унаследовавших обычаи этот из Мемфиса (ed. Asher, I, 148). У мазоретов секции трехгодичного цикла назывались Sedarim или Sedaroth, *סדרות*, как можно видеть в мазоретском замечании на конце Исх.: «здесь кончается кн. Исход... имеет XI-ть Parshioth (т. е. согласно с годовичным делением), XXIX-ть Sedaroth (т. е. соответственно с трехгодичным делением), и сорок глав, *פרקים*». Сверх чтений субботних, специальные части Закона и Пророков прочитывались также на каждый праздник и посты года. Иудеи, которые за несколько столетий почти универсально следовали *годовому циклу деления* Закона, именовали субботние секции Sidra, *סדרה*, – название прилагавшееся у мазоретов каждой части трехгодичного деления и, вследствие чего, одна из 54 секций имела специальный титул, производимый (по названию) от первого или второго слова, которым начинается; такой порядок в означении секций принят у еврейских писателей в цитировании тех или других мест В. Завета. Годовой цикл деления чтений субботних был принят в Вавилонии⁷ и оттуда перешел к евреям китайским, придерживавшимся, вообще, раввинского деления кн. В. Завета на три части: Закон в 54 секциях – Parshioth; Пророки – Nebiim; Агиографы – Kethubim.

§ 21. Для наглядного представления еврейского деления чтений св. книг и удобства пользования для справок и занятий читателя и экзегеза, предлагаем, в особом приложении под № 3, в двух отделениях таблицу субботних, праздничных и в дни поста чтений из Закона, Пророков и Псалмов, с обозначением самых титулов.⁸

В другой таблице (прилож. № 4), даем понятие о церковном календаре у евреев китайских, с указанием на каждый месяц особых дней праздничных церковных и гражданских. Обе таблицы, одна другую восполняя, помогают уразумению чтений из священных книг и совершавшихся обрядов, по чину ветхозаветной Церкви. О прочих подробностях исторических и других, сообщено в кратком содержании надписей на каменных таблицах евр. синагоги Кхай-фын-фу, а самый текст (№ 1 и 2) помещаем особо, в конце 1-го отделения нашего исследования.

§§ 22, 23 и 24. Б. Персия как посредник для евреев китайских в усвоении и распространении Библии между китайцами

§ 22. Чтобы объяснить значение у китайских евреев встречающихся в вещественных памятниках и священных книгах персидских слов и алфавита смешиваемого с еврейским, находим необходимым обратить внимание читателя на MSS еврейско или иудео-персидские, какие собраны на Востоке европейскими учеными и хранятся в известных библиотеках. Анализ этих MSS и беглый исторический обзор уясняют взаимное общение восточных евреев и проливают свет на судьбу их, в конце всего поглощение теми народами туземными, среди которых они живут и расселяются. Судьба Персии была неразрывна с влиянием на неё монгольской династии, утвердившейся и в Китае, стало быть и евреи не могли не оставаться без тесных сношений между собою, подчиняясь по языку персиянам, монголам и китайцам, и в свою очередь сообщая этим народам священные религиозные понятия и верования.

По исследованию Мунка MSS иудео-персидских, хранящихся в Париже в «Bibliothèque Nationale» в числе 20-ти, касающихся библейского текста, замечательны №№ 70, 71, 90, 91, 97, 100, 101, 116–125, 127–130.⁹ В них содержится несколько апокрифов: – кн. Товит, кн. Иудифь, история Бэла или Ваала и кн. Маккавея; по времени MSS относятся к XVI ст., но есть и ранее. MS 127-й содержит календарь, изд. в 1501 г. эры Селевкидов, т. е. в 1280 г. христ. эры, относится к эпохе когда в Персии царствовала монгольская династия. Язык слега архаичный, хотя новоперсидский, содержит, однако ж, значительное число слов и даже форм грамматических, встречаемых только в древнем языке. Большая часть особенностей языка, открытая Мунком, получает свое объяснение в пельви. Полное чтение всех сих переводов значительно восполняется прибавлением лексикографии древнего языка, в других случаях ими объясняется смысл некоторых мест Авесты. (Mem. de la Société de linguist. IV, 218).

MSS парижские хотя суть только переводы и интересны по языку, для экзегезы представляют мало материала; Мунк даже склонен думать, что авторы их не имеют собственной традиции. Наиболее ценен MS № 129-й, содержащий апокрифическую историю Даниила и издан Зотенбергом (Qissahî Daniel). Существование сих переводов и апокрифов могло служить лишь для доказательства того, что персидские иудеи владели собственною литературой, как это и доказал в своем исследовании Неубауэр, приводя в пример наиболее ценные пять MSS.

При обзоре сих MSS, пришлось прийти к следующему заключению и взгляду:

1) Малый словарь неполный трудных библейских слов, расположенный в порядке по Библии. Сборник этот аналогичен с французским *laazim* и особенностей неизвестных не имеет.

2) Пятикнижие и *Naḥtorath* с псалмами – текст еврейский, и календарь с означением праздников, на языке персидском, писан в 1794 г., при Селевке (1483 г.) в г. Коите центральной Персии. Неубауэр дает этому MS особенную цену в истории Мазоры.

3) MSS, приобретенные, в 1807 г., около 200 листов, от 20 до 28 строк на странице, имеют раввинские письмена – (*segrés*): содержание их: а) Богослужебный календарь для чтения Закона; б) перевод с интерпретацией Песни Песней. исполненный Гай Гаоном. Перевод этот *Pitarôn Halômôth*, приписывается означенному ученому, бывшему одним из последних Гаонов Вавилонской общины евреев (969–1038), напечатан был в Ферраре 1552 г.; в) медицинское рассуждение – *Kitar gari-âdi* по гигиене.

4) MS в 250 листов, по 18 стихов в странице; в нем заключается священная история в стихотворной форме; изучением и разбором занимались ученые *Vis* и *Bamin*. Первых листов недостает. Первая глава наиболее полная содержит историю Иосифа, пол заглавием «*Angîz Kardani zanâmi Misr Zuleika bar firistâdan Joseph ra basindan i furman burdani Zuleika*» Египтяне заключают Иосифа, говорится в означенном стихотворении, по обвинению и приказу нечестивой *Zuleika* – жены Пентефрия, так называемой по преданию у мусульман. Последняя глава посвящена истории Давида: «*Faristadani Hiram maliki Cin Sâvarîha u turfah bahr David*». Гирам описывается как царь китайский, посылающий дары Давиду. Написанная в духе Фирдуси и Низами для народного большинства и светских читателей, поэма составлена по Библии (1Цар. 5:15) с привнесением восточных преданий и окраски.

5) Перевод на персидском языке псалмов с 1-го по 127-й. Интерес сего фрагмента двоякий. Прежде всего им восполняется пробел недостающих такой же коллекции псалмов, во-вторых, он

важен потому, что, как говорится в заглавии, он составлен вместе с переводом Пятикнижия для персидского царя.

Еврейская формула «Beshimka rahmanâ uhanana» на арабском «bism illabi rahmani varahirni», по-персидски известна «benâmi khudâi bakhs hayandah u mihirban», т. е. «во имя милосердного и всеблагого Господа. Во имя Иеговы начал я писать книгу Псалмов в том виде, в каком они написались прежде (по-персидски) для великого царя, именуемого Kiblah – повелитель вселенной, для славного царя царей. Писаны сии книги с толкованиями и надлежащими объяснениями, с равнозначашей передачей слов и выражений еврейских».

§ 23. За отсутствием точных данных, хотя не можем сказать, – кто был этот царь персидский, но, на основании других исторических документов несомненно убеждены, что по времени он принадлежит монгольской династии. Известен индифферентизм и религиозная любознательность, обнаруживаемая неоднократно государями этой расы. Два совпадающих в сем роде типа представляют собою, в XIII в. Кублай-Хан, великий император Китая, и в XVII в. Акбар, великий император Индии. Персидские монголы обнаруживают тот же дух; будучи язычниками по преданиям, враждебны мусульманам, благоприятно относились к христианам и иудеям, и долгое время представляли в своих взглядах и направлении колебания между означенными тремя религиями. Несомненно, что если бы между ними совершился переворот, подобный европейскому, то и они все могли сделаться христианами. Один из государей Ахмед, принявший мусульманство, за покровительство единоверцам и преследование христиан, был низринут с престола монголами. При его преемнике Аргуне, иудеи играют выдающуюся роль. Иудейский врач Саад-Аддаула был его первым министром. Будучи в сей должности только три года, с 1284 по 1291 г., он успел передать и все высшие должности в государстве, в руки иудеев и христиан, к ущербу самих монголов и мусульман. По свидетельству¹⁰ Д'оссона и характеристике¹¹ Гретца, «он любил окружать себя учеными, литераторами, и поощрять их в трудах; в похвалу за что успел от своих клиентов получить значительное число пьес в стихах и прозе. Часть таких панегириков собрана в одном томе книги, носящей его имя». При таком миролюбивом настроении, он был враждебен и ненавистен к военной партии, представляемой монголами, особенно за низведение её в ранг должностей ниже гражданских чинов, и господствующее значение пред мусульманами даваемое иудеям и христианам. Будучи заподозрен и обвинен в попытке основать новую религию и в плане истребления враждебной знати, Аргун впал в болезнь, а его первый поименованный выше министр погиб в одном из монастырей незадолго до смерти своего государя. Смерть Саад-Аддула послужила сигналом к общему преследованию на иудеев. При этом то лицо, по всей вероятности и предпринят перевод священных книг, для поднесения верховному повелителю Персии. Тем не менее, литература иудео-персидская, произошла уже задолго ранее и мы имеем образчик оной за 1280 г., в царствование Абака-хан, сделавшимся потом христианином. Аргун может считаться единственным конкурентом, поскольку история представляет в XIII в. в светлом виде религиозную любознательность и благородный дух официальных лиц, сохранявшийся при дворе в Испагани. По Феодориту,¹² существовал персидский перевод Библии даже прежде Магомета. И в сем нет ничего невозможного; для иудеев при Сассанидах было самое благоприятное время литературного развития. Принимая в соображение все вышеизложенное, приходим к убеждению, что перевод всей Библии или её частей на персидском языке можно относить приблизительно раньше или несколько позже означенных выше периодов; с точностью, однако ж, вопрос этот еще не разрешен наукой. Можем допустить лишь то, что Пятикнижие и псалмы, как наиболее важные в Богослужении и религиозных праздниках, переведены задолго ранее XIII в. и лишь восполнены и объяснены в некоторых частях при монгольской династии персидских государей.

§ 24. Представив образцы нескольких иудео-персидских MSS, мы далеки вдаваться в подробности исторические о временах населения евреев в Персии, которые частью известны из самой Библии, и подтверждаются в общей мировой истории человечества многоразличными фактами, свидетельствующими об образовательном значении для мира евреев. Для нас важно то, что Персия служила посредником для евреев китайских в усвоении Библии и распространении оной между китайцами, и что среди евреев г. Кхай-фын-фу существовали лица – выходцы персидские или ближайшие их преемники. В г. Си-ань-фу существует даже гробница на могиле персидского царя Вездигерда – бывшего последним царем Персии из дома Сассанидов, который после поражения в 641 г. убежал в Китай и служил Богдыхану Гао-цзуну в чине генерал-инспектора войск до самой кончины, последовавшей 670 г. Новейшие ученые

убеждены даже, что еврейская колония г. Кхай-фын-фу пришла, если не вся вообще, то часть её, из Хоразана и Самарканда чрез Персию; поэтому неудивительны и надписи еврейско-персидские на некоторых свитках Св. Писания – Parashioth, выше нами замеченные. Труды евреев, с другой стороны, по переводу Слова Божия на язык персидский продолжены были далее в период христианства. В 1740 г. Персидский шах Надир приказал перевести Четвероевангелие на персидский язык ученому Мирза-Межди, который обратился для этого с просьбою о помощи ко многим армянским ученым и епископам, как и странствующим миссионерам и персидским муллахам. На эту помощь сочувственно отозвался, однако ж, один римско-католический священник перс. Перевод поэтому и был исполнен только этими двумя поименованными лицами с языков древнеарабского и сирского. Тот же перевод, с латинской Вульгаты, продолжал другой римский священник Вагнес. Весь перевод, однако, был произведен и кончен в шесть месяцев. Надир Шах, однако ж, остался недоволен, также как и рецензент, которому поручено было исправление перевода, – (ученый Генрих Мартин, бывший на Востоке). В 1810 и 1811 гг. некто ученый аравитянин Сабат Мурза Фиртрут и Лука, перевели тоже самое Четвероевангелие сызнова на язык персидский и арабский. По замечанию К. Буканана, персидский язык, как наиболее распространенный среди образованного класса на Востоке, при мусульманских дворах Индии и в английских владениях, был также и языком, общепринятым на суде, в торговле, издревле был общепонятен от Калькутты до Дамаска и всей Персии. Множество иудеев поэтому, расселявшихся по Востоку, не могли не знать этого языка и так или иначе на нем не объясняться даже среди своих соотечичей. Из самой Индии евреи преимущественно переходят в Китай во времена Могульской могущественной империи. Скажем несколько и о колониях евреев в этой стране, поскольку влияли они на евреев в Китае.

§ 25 В. О евреях в Индии

§ 25. О евреях в Индии и Св. Писании среди их, также как о сирских христианах вместе с ними поселившихся, имеем точные сведения, драгоценные поныне; они принадлежат ученому английскому путешественнику Клавдию Буканану. Его классическое сочинение переведено на русский язык и напечатано в 1812 году под заглавием «Христианские изыскания по Азии». С.-Пб. Писатель этот делит еврейскую расу на белую и черную, характеризуя различно одну от другой, что дает нам право также думать и о евреях переселяющихся в Китай и в нем утверждавшихся. По его наблюдению, кроме персидских владений, евреи поселяются издревле на Малабаре в г. Кранганоре, Кохине Рожапуре, Тритуре-Поруре, Ченоте, Мелеге, Бомбае и прочих городах и местечках Индии. Здесь по чистоте крови, богатству, костюму, удобствам и роду жизни, языку, различаются *евреи белые – благородные или знать*, от *евреев черных*, поселившихся древнее и смешавшихся между туземцами. Тритуре-Порура, Ченота, Малега – места утверждения преимущественно черных евреев. При посещении синагог и домов тех и других евреев, Буканану удалось собрать много драгоценных рукописей, видеть, часть купить и препроводить в Европу. Одни рукописи были писаны на пергаменте, другие на козьей коже и папирусе; по большей части писаны они раввинскими буквами. Один из MS оказался старинным списком Пятикнижия Моисея в кожаном свитке, длиною 48 футов, несколько потертый с дырами и пергаментными заплатками. По словам евреев, свиток этот дошел к ним из г. Сенны, что в Аравии, а по утверждению других принесен из Кашемира. Кабульские евреи, путешествующие внутри некоторых частей Китая, даже уверяли, что в синагогах евреев китайских Закон и теперь еще пишется на кожаных свертках, выкрашенных красной краской. Кроме сего, черные евреи говорили Буканану, что разные поселения евреев разбросаны, в числе им известных 65, в северной Индии, Татарии, Китае, и занимаются вообще торговлей; что главное ядро их поселений – в Халдеи и странах соприкосновенных ей; – после плена Вавилонского, одна часть таких отделилась и ушла в Индию и другие страны к Востоку; что из св. книг имеют отрывки неполные, а целые экземпляры Ветхого Завета берут у белых евреев; что с развитием магометанства и его усилением евреи Кашемира, Афгана и других мест, одни гибнут под мечем, другие делаются магометанами. Афганцы по крови представляют и доныне главный элемент еврейский, также как и кабулы. По мере развития и усиления торговых сношений европейцев с Востоком, евреи получают от них и печатные книги; первую роль в сем деле имеют португальцы, голландцы, испанцы, французы и затем англичане, американцы и другие. Замечателен с другой стороны и тот факт, что, смешиваясь с туземными народами этнографически, потомки евреев долго сохраняют способность и силу духа к восприятию идей религиозных – высших, а потому позднее сирийские христиане и европейские находят почву более или менее подготовленную, и где есть евреи, там непременно против синагоги устроится и христианский храм. Так было по замечанию Буканана, во многих местностях Индии, где утверждались евреи и сирийские христиане. К ним примыкают и магометане.

§§ 26, 27, 28 Пути еврейства на Востоке

§ 26. Известные писатели¹³ Иосиф, Орозий, Перитцоль – итальянский еврей, и раввин Вениамин Тудельский, согласно отзываются о сильно распространившемся по всему Востоку, в его разных частях – еврейской расы, одна часть которой долго живет и управляется своими законами, имеет свой язык и права, а другая – более слабая, подпадая влиянию чужеземному и язычеству, поглощается им. Особенно важно для нас свидетельство Вениамина Тудельского, посещавшего в XII ст. разные части Востока, Персию, Индию, Китай, Тибет и др. По его меткому определю, центрами духовной жизни для евреев еще в его время были следующие населенные страны и города: *Бассора* – 4.000 евреев; около древней Ниневии – 7.000 чел., в Каршемисе при р. Евфрате 500 чел.; в Пумбадите в ученой раввинской школе училось 2.000 чел.; известна была и *Зора* с упавшей школой, особенно *Багдад* с 28 синагогами, управляемыми исключительно учеными раввинами; Резен с 5.000 чел. евреев, Гиллах – с 10.000; по берегу р. Хобар было 60 синагог, в *Kontah* – древней резиденции халифов – 7.000 евреев. Несмотря на разрушение Иерусалима, и отведение евреев в плен Вавилонский, часть оставшихся в Палестине, уютно жили около сего города, в окрестностях Самарии, – Сунаме, Аскалоне, а в Тивериаде – некогда имевшей знаменитую школу, существовала одна синагога. Египет, Греция с Коринфом, и Константинополь в особенности, привлекали евреев; в этом столичном византийском городе преимущественно жили торговцы и караиты. По Европе евреи имели центрами просвещения некоторые города Италии, Испании, Германии и Франции. Насколько еврейство в магометанский период величия и господства усваивает арабское просвещение и образованность, и само становится активной силой в философии, настолько соприкасаясь с христианством и подчиняясь ему, в науке находит для себя исход к самостоятельному процессу мысли. Св. Писание получает особый колорит у занимающихся им и разрабатывающих религиозные идеи ученых раввинов. Еврейская ученость доселе не утрачивает своего значения среди единоверцев по разным странам мира, хотя в религиозном отношении все более ослабевает. Это явление и процесс всего более заметны на судьбе еврейства и священных еврейских книг в разных странах Востока. Пока существовали во всей силе и могучести, изолированности, самостоятельные школы Вавилонии, Палестины, Египта и в Европе, раввинизм был централизующей опорой для еврейства, когда же образовательные учреждения сего рода падали, подчиняясь влияниям образованности других народов и школ, и еврейские синагоги и туземные народные еврейские школы ослабевали настолько, что разумение текста еврейской Библии исчезало и занимали место языки народов чуждых, а с языком соединялись литература и гений, философия того же народа. Священное Писание, плохо понимаемое, ограничивалось сухим исполнением Закона. Еврейство истощалось, вымирало и сливалось с народами другими постепенно, само того не замечая.

§ 27. Куда же пришло еврейство со священными книгами Ветхого Завета и другими Богослужебными, со всем обрядовым Законом на Востоке?

Как в Китае, так Персии и Индии, сыны Израиля своеобразно переходили на сторону народов этих стран и оставалась верною своему историческому призванию только самая малая часть. Ко времени появления западных миссионеров христианских, евреи, постепенно замирая, представляли собою то здесь, то там выморочное имущество, переходившее в руки тех, кто дорожил этим наследием, отыскивал перлы, бросаемые без цены. Таковы и были MSS священные еврейских кодексов, приобретаемые все чаще и более европейскими учеными и просто спекулянтами. Европейские библиотеки обогащались памятниками этого рода литературы и археологии, музеи украшались многими ценными вещами, а сами синагоги, где хранились эти сокровища, превращались в груды развалин. Такова, в частности, была судьба синагоги в Кхай-фын-фу – средоточии евреев китайских. В 1851 г. посетившие памятники синагоги лондонские миссионеры застали её в развалинах, и только семь бедных, невежественных еврейских семейств в убогих лачугах лепились около своей религиозной святыни и с суеверием и невежеством сохраняли только простоту и наивность религиозного сознания, свойственного детям, покинутым благочестивыми родителями. А что говорили их пресловутые памятники, напыщенно и высокомерно порученные мнимыми мудрецами-евреями, наполовину сделавшимися китайцами? Разумею храмовладельческие каменные таблицы 1488 и 1511 гг., сооруженные и поставленные пред синагогою в г. Кхай-фын-фу, в которых, кроме исторических

фактов, изложены и философско-религиозные понятия сооружавших лиц из евреев. Ученый Финн,¹⁴ вдумываясь в содержание надписей, с грустью делает такой вывод: «Писатели и сочинители надписей на таблицах очевидно были по своим понятиям чистые рационалисты и их обычай переводить классическое выражение «Лао-цзы и Дао» в смысле «Вечного Разума», кажется служит высшим и справедливым титулом идей означенного философа; несколько возвышенные факты об Откровении, заимствованные у Моисея, проводятся сквозь все содержание памятников, но в неопределенном и мрачном изложении, смешиваются с культом предков и приводят смело к мысли о заимствованиях у китайских писателей того, чего не встречается в самом Священном каноне. Наиболее грустно и удивления достойно то, что причина заблуждений остатков Израиля кроется, в продолжении столетий, в его смешении с язычниками и мусульманами... Вдумываясь далее в документальные свидетельства памятников, не можем не замечать в них, хотя по переводу, редких и возвышенных идей о нравственности и Боге, оправдываемых самими писателями, на которых делается ссылка. Так напр. часто повторяющийся эпитет священный и прилагаемый к слову "Цзин" – книги классических писателей, у китайцев всегда означает лучших образцовых писателей, с творениями коих сравнивается само Св. Писание, между тем, существует другой более скромный эпитет для светской изящной литературы, – «вэнь» («вэнь-хуа» – изящно изложенные мысли, слова, изящная словесность), – понятие это не вполне означает «Цзин» – священная книга. Дабы поставить Св. Писание выше китайских обыкновенных слов, писатель памятника – еврей употребил другие усиленные выражения: «Да-цзин», – Великие Книги, и «Шэн-Цзин» – Священные, Боговдохновенные книги.

По нашему мнению, замечает Финн, слово «Провидение» могло-бы быть употреблено наиболее вернее и лучше нежели «Дао» как «Вечный Разум»... Но, заметим и мы, со своей стороны, что на китайском языке, весьма убогом и неподатливом для выражения глубоких и возвышенных идей Св. Писания о Боге и вообще Богословских, точная и буквальная передача с оригиналом – невозможна.

§ 28. Противоположно взгляду г. Финна есть другая точка зрения на само мирозерцание китайских философов, по результату исследования их высших понятий и идей религиозных; разумею классическое сочинение Премара, по изданию Сионнэ, вывод в котором делается следующий:¹⁵ «Рассеянные племена евреев, явившиеся в Китай по рассеянии, первоначально были провозвестниками многих понятий, подготовивших почву для христианства; а при сличении каббалы иудейской с каббалистикой книг китайских, открывается много сходства. Такого рода черты сходства, замечаемые и в прочих книгах китайских, являются по времени именно после рассеяния среди китайцев и на Востоке евреев, а сами авторы книг принадлежат к секте «Дао», т. е. последователям Лао-цзы, написавшего классическое сочинение о «Дао». Секта эта сама по себе, в свою очередь, не иное что есть, как опыт очищения материалистических учений, усвоенных в Китае, совершившийся под вдохновением и влиянием иудейства». Чтобы дать точное понятие читателю рассуждений и сказаний китайских писателей о разных предметах, соприкосновенных или сходных с христианским и В. Заветным вероучением, предлагаем в особом приложении перевод лучших мест из замечательного трактата О. Премара, с дополнениями и из других исследователей. С евреями в Китае, Персии, Индии и других стран, как и тех народов, которые усваивали часть понятий и верований из В. Завета или лично от евреев, повторялось неоднократно замечательное исторически явление: образовывавшаяся философия или часть её, при смешении источников вероучения языческих и Библейских, представляла известный, в истории христианской церкви, «Гностицизм», Γνωσις, т. е. измышления лжеименного разума, Rationalism, или просто мистицизм. Такое направление, неудовлетворяющее нередко требованиям здравой мысли и чувства, уступает место христианству, при проповеди и распространении оно высокообразованными и умными экзегетами – пастырями и учителями Церкви; дающими твердый базис духу человеческому, озаряющими его и укрепляющими для новой благодатной жизни. Если еврейство восточное бессильно было дать от себя непосредственно прочные основания восточному миру, то что же представляет нам история христианской Церкви на первых порах, среди китайцев и стран, издавна сопредельных к Китаю? Не вдаваясь в подробное исследование этого важного предмета, остановимся на самом существенном – передаче Священного Писания на Востоке посредством – христиан сирской Церкви, с попытками организовать туземную по началам и формам монастырским, а для мирских христиан устроить приходы по образцу греческой церкви.

Приложение 1-е, к §§ 4, 18, 21 (самый текст надписей храмовоздательной таблицы)

Первая историческая с китайскими письменами¹⁶ каменная таблица – Ши-бэй, воздвигнутая 1488 г. по Р. Х. при еврейской синагоге пред «Храмом Истины и Чистоты», – «Цин-чжень-сы», в г. Кхай-фын-фу, в царствование Хун-Чжи (Минской династии)

1. Основателем «И-цы-лэ-е» – религии радости, полученной от Предка-учителя (Цзу-Ши), был девятнадцатый потомок от (Пань-гу или Аа-дань) – Адама, по имени (А-ву-ло-хань) – Авраам.

2. Издревле патриархи (Цзоу-Ши) сохраняли веру и предавали правила, воспрещающие устроить всякого рода изображения (Син-сян) или подобию, поклонение им и разным «Шень-гуй», т. е. высшим и низшим духам, потому что ни те, ни другие не могут охранять и защищать нас.

3. Понятия патриархов о Небе были следующие, – что это было прежде всего «Чжи-цзинь», – чистое и эфирное Начало, обитающее в эмпирее, – самое почтенное и ни с чем несравнимое, – божественное Провидение – «Тянь-Дао», непроизносимое (Бу-Янь), – причина всех четырех времен года периодически сменяющихся; – начало, производящее мириады разных предметов, которое усматривается в распускающихся почках весны, летней растительности, в созревании плодов и жатве спелого хлеба, осенью, – в его заготовлении и уборке на зиму; – замечается оно во всех одушевленных и неодушевленных предметах, в тварях, имеющих способность перемещать место, т. е. в тех, которые летают, бегают, ныряют, плавают; – в произрастании деревьев и всякого рода растительности, то в свежей зелени, то в падающих листьях, то в роскошных цветах, то в их падении и исчезновении. Все эти и подобного рода явления, так легко, и так естественно возникающие на земле, меняющиеся разнообразно в формах, величине и цвете, и усматриваемые нами в природе, невольно приводят к размышлению и уразумению глубокой и сокровенной тайны мира; с другой стороны, сосредоточив и получив столько для души назидательных уроков, искренно и благоговейно возносим молитву к истинному Небу (Богу). Возникает вместе с тем непереносимое желание – служить Ему от всей души, с нераздельным и благоговейным вниманием к нему. На таких-то вот мыслях и чувствах положено основание религии, сообщаемой нам, по преданию, издревле и даже до сегодня.

4. По нашим исследованиям и убеждению, такая религия явилась в Китае в 146 году династии Чжэу и так продолжалась, по преданию, до времен великого Учителя и Законодателя (Не-шэ) Моисея, жившего по нашему вычислению около 613 года той же династии.

5. Этот человек, мудрый со дня рождения, честный и бескорыстный, был наделен святостью и праведностью, совершенною добродетелью и мудростью. Им получено и Священное Писание на горе Синае (Си-на), после проведения на ней сорока дней и ночей среди подвигов поста и молитвы, – при укрощении плотских страстей и пожеланий, при малом сне, с посвящением всецелым времени на искреннее служение одному Богу. Таким благочестием Он подвинул сердце Неба, за что и удостоен был получения Священного Писания, которое заключается в книгах, состоящих из пятидесяти трех отделений.

6. По своему содержанию, эти книги глубоко знаменательны, таинственны; в них изложены бесчисленные обетования и касательно богобоязненных и благочестивых личностей, и наоборот, изрекаются угрозы с такою силою, что в состоянии укротить самое испорченное и разнузданное сердце человека.

7. Учение это переходило неизменно и непрерывно до времен преобразования религии и мудрого учителя Ездры (Е-цзы-да); который, по мнению наших ученых, происходит от самого основателя нашей религии (Моисея), и которого учение изложено в разных наставлениях, составляющих особую книгу, и направленных к единой цели – восстановлению истинного Небопочитания (Богочтения) почти забытого. Ездра также должен быть причислен к лику тех, которые немало содействовали раскрытию тайн религии наших Праотцов.

8. За всем тем следует сказать, что религия должна состоять в чистоте и истинном Богочитании. Чистота-же может быть относима только к единому чистому (Богу), в котором нет ни малейшего пятна или чужеродной примеси. Он один есть истинно правый и неиспорченный. Богочтение же состоит в благоговении и поклонении Ему до земли (разумеются земные поклоны, простирание на земли, коленопреклонения).

9. При ежедневном к Нему молитвенном обращении, человек должен не только на один известный момент вознести свои мысли к Небу, но по требованию и постановлениям небесной религии, обязан совершать по три поклона в четыре часа утром, в полдень, и в шесть часов вечера.

10. Способ внешнего соблюдения этой религии благочестивым человеком древности состоял в том, что прежде всего он обмывал, утирал полотенцем лицо и свою голову; – обряд, с совершением которого соединялась идея очищения внутренностей души. т. е. исправление мыслей и чувств; по окончании сего только, благочестивый человек благоговейно приступал к молитве Вечному Разуму и брался за Священное Писание. Вечный Разум, однако ж, не имеет вида или чувственного подобия, это Разум Неба стремящийся в выспьрь.

11. Долг наш – всячески заботиться о проявлении своего Богопочтения в известном и раз навсегда определенном порядке. Так, прежде всего, молящийся преклонением всего тела воздает почтение «Вечному Разуму», и в данном случае также размышляет о Его вездеприсутствии. Становясь же прямо и ровно на средину (известного места), потом преклоняясь, молящийся выражает свою покорность Вечному Разуму; причем опять соединяется мысль о вездеприсутствии этого Разума. При молчаливой молитве, полным и совершенном внутреннем мире, человек благоговейно чтит Вечный Разум и этим доказывает беспрестанное памятование о Небе (Богe). При внешнем же телодвижении, давая отчет себе с должным самоуглублением и повышением голоса, человек также оказывает почтение к Вечному Разуму и соединенное с этим действием памятование о Небе (Богe). Таков путь, коим следовать поучает наша религия, направляя мысленные взоры в незримое пространство и производя перемену в наших благоговейных размышлениях.

12. Сделав три шага назад и потом моментально становясь на колена, молящийся опять свидетельствует свое к Вечному Разуму почтение, отпечатлеваемое и на челе этого человека. При благоговейном поклонении налево он оказывает уважение к Вечному Разуму, поскольку он есть левый; с преклонением направо почитается тот же Вечный Разум, поскольку он есть правый. При благоговейном воззрении в выспьрь, к Вечному Разуму, показывается, что он призывает с Небесной высоты на молящегося. При опущенном долу взоре молящийся тоже выражает благоговение к Вечному Разуму и мысль о Его присутствии вблизи. Словом сказать, всякого рода богопочтение, оказываемое нами Вечному Разуму, служит всегда высшим внешним выражением внутреннего к Нему уважения и благоговения.

13. Так почитая Небо, мы далеки, однако ж, от пренебрежения к служению в честь предков. Не почитать предков, значить не оказывать и не исполнять самого должного с нашей стороны. По этой причине весною и осенью, нами приносятся жертвы предкам, как выражение нашего служения не только при жизни, но и по смерти; такова дань нашего почтения почившим, не прекращаемая и за гробом. Принося в жертву овнов, коров и быков, или собирая и жертвуя плоды, сообразно с временем года, стараемся доказать этим, что на самом деле чтим память дорогих нашему сердцу предков, что не для кого другого, а именно для них устрояется нами все это.

14. Ежемесячно и четырежды в год (весною, летом, осенью и зимой) мы соблюдаем пост и всякое воздержание, служащее дверью первобытной религии и основанием всякого благополучия. Пред началом такого поста, мы собираемся вместе для молитвы,¹⁷ потому что совершается в тот день богослужение, продолжающееся до утра следующего дня. К действию такого воздержания присоединяем и весь запас удаления от всякого порока с предпочтением нравственного самоусовершенствования. Каждый седьмой день (Ци-жи), соблюдая свято и молитвенно (Шань-чжун), заканчиваем неделю и снова начинаем её в том же порядке.

15. В И-цзин говорится: «благочестивый человек, совершая добродетель, в уме своем постигает, что наименьшее время в действительности должно почитаться еще более кратчайшим». В течении каждой четверти года мы проводим семь дней в воздержании, в воспоминание искушений перенесенных нашими предками. Так помышляя, чтим наших праотцов, и тот же образ мыслей сообщаем нашим потомкам.

16. Также точно воздерживаемся от пищи в течении целого дня, когда благоговейно молимся Всевышнему, каемся о своих бесчисленных прегрешениях и стараемся дать отчет во всем, что совершено в продолжении дня. В И-цзин говорится еще: «когда слышны раскаты грома и завывания бури, набожный человек помышляет, что должен быть добродетельным, а если совершил какой грех или впал в заблуждение, – обязан позаботиться о своем исправлении».

17. Путь, которым шло предание нашей первоначальной религиозной системы и сообщалось от одного лица другому был таков: Страна Тянь-чжу есть место, откуда первоначально произошла наша религия, которую принесли с собою, последователи заповедей Божиих в числе семидесяти родов = син. Некоторые имена¹⁸ этих пришедших родов (в Китай) суть: Янь, Ли, Ай, Гао, Му, Чжао, Цзинь, Чжоу, Чжан, Ши, Хуан, Не, Цзо, Бай и проч. Все они платали дань, состоящую из западных хлопчатобумажных тканей. Один император из Сунской династии (вероятно северный Шунь с 420–486 гг.) повелеть соизволил: «Так как пришельцы, поселившиеся в нашем Среднем государстве, почтительно соблюдают обычаи своих предков, то и мы соизволяем им также соблюдать принесенное ими учение в Бянь-лянь».

18. В первый год Лун-сина, Сунской династии, (царств. 1164–1194 гг.) в 20-й год 64-го цикла (гуй-вэй) Ле-чжэн и Ву-сы-да, надзиратель их религии И-янь-ду-ла, построили синагогу = сы. В царствование Чжи-юань, (с 1282–1308 г.) Юаньской династии (монголов), или в 16-й год 67-го цикла (И-мао), Ву-сы-да снова выстроил древний храм «Истины, и Чистоты» – «Цин-чжэнь-сы», который и расположен в улице «Ди-ши-цзы», на юго-восточной стороне. Каждая сторона площади храма имеет 35 чжан.¹⁹

19. Когда император Минской дин. Тай-цзу или Хун-ву (1281–1400 гг.) 68 цик., утвердился на престоле и умиротворил народ империи, все, подпавшие цивилизирующему влиянию нашей страны, оказались на твердой почве, на которой возможно жить спокойно и исповедовать каждому свою религию без всякого опасения, – свободно и добропорядочно выражать чувства симпатизирующего благоволения и хранить совершенно взаимное согласие.

20. Сверх сего, оказалось необходимым, чтобы кто-нибудь один надзирал за храмом (Шэу-чжэ) и заведовал всем для сохранности его погребным. Вследствие сего предположения нами избраны и определены к такому делу особенные опытные люди – Ли-чэн, Лэ-ши, Янь-пин-ту, Ай-цзин, Чжоу-ань, Ли-гань и другие; а из всех их избран один наиболее влиятельный над прочими, человек разумный и прямой, с прозванием его *Мань-ли*.

21. С сего времени священные одежды, церемонии и музыка, и все остальное, стало поддерживаться в строгом и образцовом порядке; каждое слово и действие сообразовалось с древними постановлениями и правилами; вследствие чего, всякий человек хранил законы, знал как нужно почитать Небо, уважать патриархов, хранить верность князю, оказывать должное сыновнее благопочтение к родителям и во всем поступать сообразно наставлениям учителей.

22. Янь-чэн славился знанием медицины, и в 19-й год Юн-лэ, (цар. 1400–1425 г.) Минск. династии, получил императорское повеление о принятии от Чжэу-фу и Дин-вана подарков для храма «Цин-чжэнь-сы», состоящих из разных жертвенных благоуханных предметов. Каковые предметы для храма «Истины и Чистоты» были изготовлены и отправлены. По истечении этого времени, получена была и *императорская таблица Минской династии*,²⁰ которая и поставлена в самом Сы = храме. В 21-й год Юн-лэ (1423) Минской династии, поименованный выше чиновник рапортовал, что все исполнено им согласно высочайшей воле; – к этому же времени относится и перемена его прежнего прозвания на другое; – «Чжао», и тоже по высочайшему повелению. Кроме сего, означенный человек получил и другие монаршие милости (Цинь-цы) – особенно вышнюю цветную одежду (Цзинь-и), и почетный титул «Чжи-хунь» с возведением в звание правителя Чжэ-цзянской провинции.

23. В X-й год Чжэн-тхун (1475 г.) Минской династии, Ли-чжун и некоторые другие лица, на свой счет пристроили три цзяни (отделения, комнаты) к передней части синагоги = Цянь-дянь. Полагаем, что в 5-й год Тянь-шуна (1439 г.) Минской династии, Желтая река == Хэ-шуй, сильно разлившись, затопила синагогу, хотя основание её и сохранилось. После чего, Гай-цзин и другие лица, испрашивали дозволение о производстве реставрации этого храма, не отступая от первоначального оригинального вида; по каковому делу, начальником областного магистрата получен был ордер, адресованный на имя казначея Хэнаньской провинции, с приказанием устройства храма «Истины и Чистоты» насколько возможно в первоначальном виде. По реставрации, храм этот продолжал существовать без изменения во все время царствования Чжи-юань (царств. с 1296 года по 1309 год).

24. Впоследствии же времени, Ли-жуном пожертвован был денежный вклад для поддержания и ремонта трех придельных цзяней и задней части синагоги (Хоу-дянь). Этим же человеком положены внутри храма три тома священных книг.²¹ Такова-то история передней и задней частей синагоги. В царствование Минской династии Тянь-шуна (с 1433–1454 гг.), Ши-бинь, Гао-цянь и Чжан-сюань принесли от ученых соотечичей из Нин-бо один том священных книг; затем

Чжао-ин-чэн из Нин-по, прислал другой том слова Божия, который и был пожертвован и положен в синагогу Бянь-лян (не далеко от Кай-фын-фу). Младший брат этого жертвователя Ин, тоже принес от себя вклад; так что на другой год царствования Минской династии Хун-чжи (1504–1519 гг.) укреплены были и самые основания синагоги.

25. Ин, Чжун и Чжао-цзюнь уговорились вместе поставить настоящую каменную храмовую таблицу (Бэй-ши); а Янь-ду-ла с прочими людьми заложил и укрепил основания для возведения постройки синагоги, и немедля приступил к самой дальнейшей и главной работе. На помощь и для скорейшего успеха присоединились и все остальные семейства. Изготовлен был весь священный скarb и утварь; одновременно была устроена и особенная келья для хранения священного писания = Цзин-кань, или «Вефиль». Вся же синагога была расписана, украшена, и совершенно заново реставрирована.

26. Из приведенного примера, и многих других всем известных, можно судить, что три религии (Сань-цзяо) существующие в Китае, имеют каждая свои чтимые храмы (Дянь-юй), в которых воздаются почести (Цзунь-чун) основателям вероучений (Цзяо-чжу). Так, ученые (Жу), – literati, имеют свой храм «Да-чэн-дянь», т. е. великого усовершенствования, или – посвященный Конфуцию (Цзунь Кхун-цзы), у буддистов (Ши) существует «Шен-жун-дянь», т. е. храм священного образа, в честь (Цзунь) «Нишоу» или Будды; у даосов (Дао) есть «Юй-хуан-дянь» (букв. драгоценный, царский храм). На том же основании веротерпимости, истинная и чистая религия (Цин-чжень) имеет свой храм «И-цы-лэ-е-дянь» = израильтян, народа израильского, который храм и сооружен в честь (Цзунь-чун) «Хуан-тянь» = Царя-Неба (Бога). (Такова синагога).

27. Хотя наша религия (цзяо) и согласуется во многих отношениях с религией (Жу-цзяо) literati – ученых, с малою от последней разницею, тем не менее, очень многое в ней выражаемое направлено к более лучшему и совершенному Небопочтению (Цзин-тянь), или Богопочтению, и служению предкам, с коими неразрывны – верность государю (Чжун-цзюнь), послушание родителям (Сяо-цин) и справедливость. Словом – всё то, что входит в состав пяти человеческих отношений (Ву-лунь), что составляет пять родов постоянной добродетели (Ву-чан), и трех главных отношений в жизни (Сань-ган). Тем не менее, должно быть соблюдаемо и то, чтобы народ знал и был убежден, что в храме «Истины и Чистоты» все церемонии единственно направлены к почитанию Неба и поклонению Невидимому Существу (Бай-кхун). Не должен оставаться в заблуждении и тот, кто не имеет истинных понятий о великом Начале (Да-юань) Вечного Разума, имеющем прийти на землю с Неба (Чу-юй-тянь), о котором сохранилось и хранится предание (Сян-чуань) с древнейших времен, даже до сего дня (разумеется Мессия). Хотя наша религия и отлична от других по особенному Богопочтению, но мы отнюдь не хотим усвоить исключительно за собою права на обладание ею. Сознывая это пользуемся и благосклонным вниманием, милостью и щедротами (Энь) государя. Стараемся также держать себя крайне воздержно (Цзинь-ли, Цзинь-шэнь); искренно почитаем государя (Чжун-цзюнь); готовы всегда служить ему верно (Цзинь-чжун-бао-го), со всеми благородными чувствами и расположением, свойственными нашей стране. Все мы, поэтому, молимся (Чжу) за императора, желаем, чтобы его власть простиралась на десятки тысячелетий, и чтоб царствующий дом (Хуан-ту) утверждался (Кун-гу) на незыблемом основании и настолько продолжительно, насколько имеет существовать небо и земля, пока будут дуть плодоносящие ветры (Фын-тяо), литься благовременно плодотворные дожди (Юй-шунь), к общей радости (Гун-сян) благополучию и спокойствию (тай-пин) людей.

28. Все вышеизложенное решились мы начертать (Лэ) на не тлеющем мраморе (цзинь-ши), дабы память переходила по преданию и преемственно, вместе с самим временем, к позднейшим (Юн-чуань) поколениям.

Сочинял произведенный в ученую степень (Шэн-юань), по происхождению из префектуры Кхай-фын-фу, по имени Цзинь-чжун. Надпись (шу) вырезал, имеющий ученую степень на получение чина (Линь-шэн) из той же префектуры, по имени Фу-жу. Сооружена сия таблица и на месте поставлена в счастливый день (Цзи-жи), в середине лета (Чжун-ся), во второй год царствования Хун-чжи Минской династии (1505 г.), в сорок шестой год семидесятого цикла (Цзи-ю), учениками религии (Цин-чжень-хоу-жэнь) Истины и чистоты (т. е. евреями).

Приложение II-е, к §§ 4, 19, 21 (текст из другой таблицы)

Вторая историческая с китайскими письменами каменная таблица – «Ши-бэй», воздвигнутая 1511 г. по Р. Х. при еврейской синагоге, пред храмом «Вечного Разума и Священных книг», – «Дао Цзин-сы», в г. Кхай-фын-фу, в царствование Ву-цзун или Чжэн-дэ (Минской династии)

1. Ведомо всем, что священными писателями (Цзай-дао) признается бытие высшего руководящего Вечного Разума (Дао); несомненно и то, что сами священные писатели одарены свыше (чуань) этим же Разумом (Цы-Дао). Что же это за Разум (Дао)? Говорим: а) Он есть вечно и ежедневно существующее начало, постоянно и непрерывно, признается всеми людьми времен древних и новых (гу-цзинь-жень), распространяется во всем мире и царит в нем (ву-ву), тождествен и неизменен во все века; – нет такого пространства где бы не было заметно его везде присутствия. б) Священные писатели, руководимые этим же Разумом были соединены с Ним активно, неведомым и непостижимым для нашего ума способом. Потому-то всякий, кто дерзнул бы объяснять или самовольно толковать все тайны, превышающие простое разумение, без участия и влияния этого Разума, непременно впал бы в безумие или сделался навсегда сумасшедшим. Самое учение мудрецов китайских (Дао-шэн-сянь), содержащее в шестикнижии (Леу-цзин) расположено и начертано также, сообразно с мудростью, в надлежащем порядке, полезном и необходимом для потомства и распространения на долгие периоды времени.

2. Почитая и благоговейно храня религию (И-цы-лэ-е-цзяо) израильскую, признаем её преподанную от прародителя (Ши-цзу) нашего (А-дань) Адама, который произошел из страны Тянь-чжу (букв рая, также Индии, страны садов и лесов). А когда царствовал Чжоу, то Священное Писание (Цзин-чжуань) уже существовало. В этих книгах Божественного Разума (Дао-цзин), состоящих из пятидесяти трех отделений (цзюань), содержатся правила (Ли) очень подробные и чудесные (Дао), достойные почтения и благоговения как само Небо (Тянь).

3. Основателем таковой религии (Ли-ши-цзяо-чжэ). учителем и провозвестником её (цзяо-цзу), почитается (А-ву-ло-хань) Авраам. За ним следует Моисей, (Не-шэ), даровавший закон (фа) и причтенный за то к лику священных писателей (Чжуань-цзин).

4. Впоследствии времени, в царствование Ханьской династии (до Р. Х. 200 и 226 по Р. Х.), эта религия вводится и распространяется в Китае. В первый год Лун-син, Сунской династии (1164 по Р. Х.), в местности Бянь устроается синагога (Цы); а в шестнадцатый год Чжи-юань, Юаньской династии (1297 г. по Р. Х.), перестраивается древний храм (Гу-ча), происходит перемена и в месте, долженствовавшем служить хранилищем священных книг (Цзин).

5. Эти книги, посредством которых сохранялось благоговейное отношение к Вечному Разуму, пользовались особенным почетом не только у жителей Бянь, но были известны как таковые и другим людям. Буквы (Вэнь-цзы), которыми написаны священные книги (Цзин), хотя значительно разнятся с китайскими письменными иероглифами (Чжун-го-вэнь), но содержащиеся правила и наставления священных книг сходны во многом с китайскими (ибо источник этих и других один, т. е. Разум – Дао).

6. Сообразуясь с сим Разумом, поэтому должны жить и действовать все люди. Цари обязаны повиноваться Его воле так, как чиновники, служащие своему царю или князю, т. е. искренно и преданно. Отец должен любить своего сына, сын – почитать родителей; старшие и младшие братья обязаны жить в дружелюбии и соблюдать почтительность; мужья обходиться миролюбиво с женами, а те им повиноваться; друзья и товарищи должны любить друг друга и хранить верность. Вечный Разум (Дао) однако ж есть нечто больше, чем благоволение (жень) и справедливость (и), сообразуясь с коими человек обнаруживает естественно чувство сострадания (Це-инь) а стыдливости (сю). Вечный Разум есть нечто более, чем самые правила мудрости (Ли-чжи), зная которые, человек обнаруживает почтение и благоговение (гун-цзин), с сознанием правоты (ши-фэй). Всякий, кто хочет следовать этому Разуму и соблюдать должное к нему благоговение, обязан пребывать в посте и воздержании (чжай-цзе).

7. Руководясь требованиями нравственного закона (Дао-син), должно приносить жертвы предкам (цзи-цзу), – оказывать искреннее сыновнее почтение (сяо-чэн), истинно и нелицемерно воздавать Богу подобающее Ему служение (дао-син ли-бай), т. е. восхвалять и благодарить всевышнее Небо (чжу-вань шан-тянь), от которого произошли все твари (шэн-юй вань-ву), и все обязаны жизненным кругообращением (дун-жун чжоу-сюань). Небо помогает вдовицам, сиротам и убогим, страждущим и болящим, – дает утешение и кров бедным людям. Поэтому, когда бедный

человек (пинь бу-дэ-цзюй), пожелает жениться, или встретит надобность похоронить отца, мать или близкого человека, и не будет иметь на то денег (бу-дэ-цзан), или других средств, то необходимо помочь ему свадебными деньгами (хунь-цзы) и похоронными вещами (сан-цзюй). При совершении же похорон (цзюй-сан), воспрещается излишество в мясных кушаньях (хунь), в излишнем питье вина (цзю), и ношении дорогих одежд (бинь-лянь). Не должно верить также разным гаданиям и волшебствам (се-шу), также как устроить разных подобий (син-сянь) – куклы покойников – (мутай) из дерева или бумаги, но во всем следовать обычаям (ли-чжи), вынесенным из страны Тянь-чжу (Индия). Хлебная мера (доу), весы (чэн), разные меры протяжения (ду-лян), должны быть всегда безошибочны, т. е. без фальши.

8. Прошу теперь подумать каждого о себе лично (цю-гуань цзинь-чжи). Желая получить себе хорошую славу ученую (кэ-мин), мы делаем тем самым почтенными и наших родителей (сянь-цинъ ян-мин). При исправлении государственных должностей внутри страны (чжун) и вне (вай), требуется быть внимательным и снисходительным к народу (цзэ-минь) и верным государю (чжун-цзюнь); воевать с внешними и внутренними врагами (чжэ-чуан юй-ву), без всякой измены, нелицемерно и преданно (цзинь-чжун-бао-го).

9. Далее – знаем, что всякий человек желает быть добродетельным (сю-дэ), того же хочет и другим. Сюда относятся, напр., земледельцы (нун-фу), платящие государству оброк (шуэй) за обрабатываемые и поселяемые участки земли (юй-е), также – разный мастеровой люд (шоу-и жень), торговцы (май-май жень). Все эти и другие лица оказывают должное повиновение к законодателю и правителю – Небу (Тянь-мин – т. е. государственной власти), исполняют пять главных добродетелей (ву-чан) с относящимися к ним другими;²² – уважают и свято соблюдают обычаи предков – (цзин-цзу фын), оказывают должное сыновнее почтение (сяо-фу-му) к родителям, надлежащее отношение к старшим и заслуженным людям – (гун-чжан-шан), равно с чужими людьми (сян-линъ), стараются обходиться дружелюбно – (цинъ-ши-ю), и поучать всем таким же правилам своих детей и потомство – (цзяо-цзы-сун), словом, – соблюдать во всем добродетель – (цзи-инь-дэ), и удаляться от всякого рода животного состояния – (жань сяо-фынь). Таков великий предмет (Ву-ху-ши) верного и неизменного Разума (жи-юн-чан-син Дао), заключенного в св. книгах (Цзин).

10. Поэтому, Небесный Законодатель (Тянь-мин, т. е. Государь Император) нравственную природу нашу – (шуай-син) направляет постоянно к совершенству – (цюань), посредством сей истинной и чистой мудрости – (Сю дао), и ведущей к разумению самого сокровенного в вероучении – (Цзяо). В учении же о добродетели (дэ), как настоящей середине всего, содержатся человеколюбие – (жень), справедливость – (и), обряды – (ли), знание – (Чжи) и проч. Всякого рода творимые рукою художника изображения – (сян) из дерева – (му-сян), глины – (ни-сян), на бумаге – (чжи-сян), не заслуживают особого к ним внимания, это пустяки (ту-ши сюй-вэнь). Все потрясающее наше ухо – (цзин-эрр), ослепляющее и затемняющее глаза – (саю-ань му), т. е. разного рода лжеучения, есть ересь – (и-дуань), и не должно быть принимаемо и почитаемо – (бу-цзу-шан-е), одна Священная История и Св. Писание (Дао-цзин) заслуживают нашего внимания и изучения; ибо только в этом руководящем начале (Дао-цзин) и есть истинный путь – (Дао), по которому можно всякому следовать (сянь-чуань-лай).

11. От начала мироздания – (кай-пи-и-лай), чрез праотца Адама – (цзу-ши Адань) переходило по преданию – (чжуань), это учение – (дао), до Авраама – (Авулохань), от Авраама к Исааку – (И-сы-ха-кэ), от Исаака к Иакову – (Я-кэ-цзюэ-ву), от Иакова к XII патриархам – (цзун-пай), от патриархов к Моисею (Не-шэ), от Моисея к Аарону – (А-кэ-лянь), от Аарона к Иисусу Навину – (Юэ-шу-во), от Иисус Навина к Ездre – (Е-цзы-ла). Этим преданием от патриархов и учением, заключенным в Св. Писании – (шэн-цзя), руководствуется доселе израильский народ – (Ю-тай-гэ-цзы-ши-мин). В них излагаются все правила добродетели – (шань), указываются и воспрещаются все пороки – (э), содержатся наставления о ежедневном Богопочитании и страхе Божиим – (вэй-тянь-чжу) об искренности души – (чэн-и), и вообще личной добродетели – (Сю-шэнь). О посте (чжай-цзе) и воздержании в пище и питии (инь-ши), существуют особые правила – (ли). На всех изучающих Священное Писание – (ву-юй-цзин), и повинующихся его законам (цзун-фэн), с Небеси – (Тянь-ся) ниспосылается – (цзы-чжи) благословение; а между самими людьми распространяется слава добродетельного – (шань-дэ чжи-чэн); – чрез это же получают свое счастье все семейства (т. е. народ).

12. Соблюдая и свято храня доселе изложенное вероучение, решились мы начертать оное на каменной таблице – (ши-бэй), поставив её при синагоге – (Сы), для памяти и назидания на

вечные времена – (юн-цзю) нашему потомству. Таблица сооружена (и), на место поставлена (1513 г. по Р. Х). семействами: Янь, Ли, Гао, Чжао, Цзинь, Ай, Чжан, после возобновления синагоги – (Сы), в первый осенний месяц – (мэн-цзю), в седьмой год Чжан-дэ (или Ву-цзун) Минской династии (царств. с 1504 по 1520 г. по Р. Х).

114–115

**Приложение III к § 21. Таблица субботних чтений еврейской Библии с ordo
librorum еврейского канона**

Таблица субботних чтений еврейской Библии²³

№№ по порядку	Мазоретский чтения	титулСекции תורה	закон	Секции пророков	נביאים
		Книга Бытия			
1	בְּרֵאשִׁית	1:1 – 6:8		Ис. 42:5 – 43:10; 42:21	
2	נֹחַ	6:9 – 11:32		Ис. 54:1 – 55:5 и 54:10	
3	לֶךְ-לֶךְ	12:1 – 17:27		Ис. 40:27 – 41:16	
4	וְיִרְאָה	18:1 – 22:24		2Цар. 4:1–37, до ст. 23	
5	חַיֵּי שָׂרָה	23:1 – 25:18		1Цар. 1:1–31	
6	תּוֹלְדֹת	25:19 – 28:9		Мал. 1:1 – 2:7	
7	וַיָּצֵא	28:10 – 32:3		Ос. 11:7 – 12:12 до ст. 13	
8	וַיִּשְׁלַח	32:4 – 36:43		Ос. 12:13 – 14:10 и Авд. 1–21	
9	וַיָּשָׁב	37:1 – 40:23		Ам. 2:6 – 3:8	
10	מִקְץ	41:1 – 44:17		1Цар. 3:15 – 4:1	
11	וַיָּגֶשׁ	44:18 – 47:27		Иез. 37:15–28	
12	וַיַּחֲיִי	47:28 – 50:26		1Цар. 2:1–12	
		Книга Исход			
13	שְׁמוֹת	1:1 – 6:1		Ис. 27:6 – 28:13; 29:22, 23: Иер. 1:1 – 2:3	
14	וְאֶרְאָה	6:2 – 9:35		Иез. 28:25 – 29:21	
15	בְּאֶרְצָה	10:1 – 13:16		Иер. 46:13–28	
16	בְּשַׁלַּח	13:17 – 17:16		Суд. 4:1 – 5:31; 5:1–31	
17	וַיִּתְּרוּ	18:1 – 20:23		Ис. 6:1 – 7:6; 9:5, 6; 6:1–13	
18	מִשְׁפָּטִים	21:1 – 24:18		Иер. 34:8–22; 33:25–26	
19	תְּרוּמָה	25:1 – 27:19		1Цар. 5:26 – 6:13	
20	תְּצַוָּה	27:20 – 30:10		Иез. 43:10–27	
21	כִּי תִשָּׂא	30:11 – 34:35		1Цар. 18:1–39; 18:20–39	
22	וַיִּקְהַל	35:1 – 38:20		1Цар. 16:40–50; 7:13–26	
23	פְּקוּדֵי	38:21 – 40:38		1Цар. 7:51 – 8:21; 7:40–50	
		Книга Левит			
24	וַיִּקְרָא	1:1 – 5:26		Ис. 43:21 – 44:23	
25	צֹוֹ	6:1 – 7:36		Иер. 7:21 – 8:3; 9:22, 23	
26	שְׁמִינִי	9:1 – 11:47		2 Самуила 6:1 – 7:17; 6:1–19	
27	תְּזַרֵּעַ	12:1 – 13:59		2Цар. 4:42 – 5:19	
28	מִצְרַע	14:1 – 15:33		2Цар. 6:3, 20	
29	אֶחָד מֵאוֹת	16:1 – 18:30		Иез. 22:1–19	
30	קִדְשֵׁים	19:1 – 20:27		Ам. 9:7–15; Иез. 20:2–20	
31	אָמַר	21:1 – 24:23		Иез. 44:15–31	
32	בְּהָר	25:1 – 26:2		Иер. 32:6–27	
33	בְּחֻקֵּי	26:2 – 27:34		Иер. 16:19 – 17:14	
		Книга Чисел			
34	בְּמִדְבָּר	1:1 – 4:20		Ос. 2:1–22	
35	נִשְׂאָה	4:21 – 7:89		Суд. 13:2–25	
36	בְּהַעֲלֹתָךְ	8:1 – 12:16		Зах. 2:14 – 4:7	
37	שְׁלַח-לֶךְ	13:1 – 15:41		Нав. 2:1–24	
38	קָרַח	16:1 – 18:32		2 Самуила 11:14 – 12:22	
39	חֻקֹּת	19:1 – 22:1		Суд. 11:1–33	
40	בָּלָק	22:2 – 25:9		Мих. 5:6 – 6:8	
				1Цар. 18:46–19:21, когда	
41	פִּינְחָס	25:10 – 30:1		Таттия был до 17, если же	
				после, то читалось ↓	
42	מִטּוֹת	30:2 – 32:42		Иер. 1:1 – 2:3	

43	מִסְעִי	33:1 – 36:13	Иер. 1:1 – 2:3
44	דְּבָרִים	Книга Второзак.	
45	וְאֶתְחַנֵּן	1:1 – 3:22	Иер. 4–25
46	עָקֵב	3:25 – 7:11	Ис. 1:1–27
47	רָאָה	7:12 – 11:25	Ис. 40:1–26
48	שִׁפְטִים	11:26 – 16:17	Ис. 49:14 – 51:3
49	כִּי תֵצֵא	16:18 – 21:9	Ис. 54:11 – 55:5
50	כִּי תָבוֹא	21:10 – 25:19	Ис. 51:12 – 52:12
51	נִצְבִים	26:1 – 29:8	Ис. 54:1–10
52	וַיֵּלֶךְ	29:9 – 30:20	Ис. 60:1–22
53	הָאֲזִינוּ	31:1–30	Ис. 61:10 – 63:9
54	וְזָאת הַבְּרָכָה	32:1–52	Ис. 55:6 – 56:8
		33:1 – 34:12	2 Самуил 22:1–51, также Иез. 17:22 – 18:32
Праздники посты,новомесячие	И Секции закона לֹרֶחַ	Секции пророков נְבִיאִים	
Если случится в субботу, читается	Чис. 28:9–15 (Maphrit)	Ис. 66:1–24	
В воскресение	Чис. 28:3–15	1 Самуила 20:18–42	
Праздник освящения:			
День I	Чис. 7:1–17		
День II	Чис. 7:18–23		
День III	Чис. 7:24–29		
День IV	Чис. 7:30–35		
День V	Чис. 7:36–41		
День VI	Чис. 7:42–47		
День VII	Чис. 7:48–53		
День VIII	Чис. 7:54 – 8:4		
Суббота 1		Зах. 2:14 – 4:7	
Суббота 2		1Цар. 7:40–50	
Праздник Пурим	Исх. 17:8–16	Книга Есфирь	
Суббота Parshetta Sacher	Втор. 25:17–19 (Marhtir)	1 Самуил 15:2– 34 или 15:1–34	
Суббота Parshetta Para	Чис. 19:1–22 (Mapht.)	Иез. 36:16–38 или до 36 с.	
Суббота Parsheth Ha- Chodesh	Исх. 12:1–20	Иез. 45:16 – 46:18; 45:18 – 46:15	
Суббота Ha-Gadol		Мал. 3:4–24	
Праздн. Пасхи, день 1	Исх. 12:21–51; 28:16–25 (Maphtir)	Чис. Нав. 3:5–7; 5:2– 15, 6:27; 5:2–15	
День 2	Лев. 22:26 – 33:44; 28:16–25 (Maphtir)	Чис. 2Цар. 27:1–9; 21–25	
Chole Moed, день I	Исх. 13:1–16; Чис. 28:16– 25		
день 2 (Если случится в воскресение, читается предыдущие чтение)	Исх. 22 – 23:19; 28:19–25	Чис.	
день 3			
В среду и четверг	Исх. 24:1–26; Чис. 28:19– 25		
день IV	Чис. 9:1–14; 28:19–25		
Субботный Chol Moed	Исх. 33:12 – 34:26; 28:19–25	Чис. Иез. 36:37 – 37:17 или 37:1– 14	

День VII	Исх. 13:17 – 15:26; 28:19–25	Чис. 2 Самуила 22:1–51
(Если суббота) день VIII	Втор. 14:22 – 16:17; 28:19–25 (Maphtir)	Чис. Ис. 10:32 – 12:6
День недельный	Втор. 15:19 – 16:17, 28:19–25 (Maphtir)	Чис. Ис. 10:32 – 12:6
Праздник Пятидесятницы день I	Исх. 19:1 – 20:26; 28:26–31 (Maphtir)	Чис. Иез. 1:1–28, 3:12
(Если Суббота) день II	Втор. 14:22 16:17	Авв. 2:20 – 3:19 или 3:1–19; Есфирь
День недельный	Втор. 15:19 – 16:17; 28:25–31 (Maphtir)	Чис. Авв. 2:20 – 3:19 или 3:1–19
Праздн. девятого Аб (мес.) утро Праздн. девятого Аб (мес.) полдень	Втор. 4:25–40	Иер. 8:13 – 9:23; Плач его же. Ис. 60:6 – 56:8
Новый год, день I	Быт. 21:1–34; Чис. 29:1–61 (Maphtir)	Самуила 1:1–11:10
День II	Быт. 22:1–24; Чис. 29:1–6	Иер. 31:2–20
День очищения, утро	Лев. 16:1–34; Чис. 29:7–11	Ис. 57:14 – 58:14
Полдень	Лев. 18:1–30	Пр. Иона.
Праздник Кущей День I	Лев. 22:26 – 23:44; 29:12–16 (Maphtir)	Чис. Зах. 14:1–21
День II	Лев. 22:26 – 23:44; 29:12–16	Чис. 1 Цар. 8:2–21
Chol Moed, день I	Чис. 29:17–25; 17–22	
День II	Чис. 29:20–28; 20–25	
День III	Чис. 29:23–31; 23–28	
День IV	Чис. 29:26–34; 26–31	
День субботный, Chol Moed	Исх. 33:12 – 34:26; 29:17–22; если 1 Chol Moed Чис. 29:23–28; если в 3 день. Чис. 29:26–31; если в 4 день, Maphtir	Чис. Иез. 38:18 – 39:16 Экклезиаст
Schemini Azereth, если суббота.	Втор. 14:22 – 16:17	
День недельный	Втор. 15:19 – 16:17; 29:35 – 30 (Maphtir)	Чис. 1 Цар. 8:54–66; Экклезиаст
Simehath Tora	Втор. 33:1 – 34:12; 30:1 (Maphtir)	Нав. 1:1–18.
Субботняя Shura		Ос. 1:1–18
Обыкновенный и простой, праздничный день	Исх. 32:11–14; 34:1–10	Ис. 55:6 – 57:8
Понедельник и четверг веч. и на весь круглый год	Первая секция субботного чтения из Закона	
Общий порядок св. книг (ordo librorum) еврейского канона		
I. תּוֹרָה, Thora, Закон Моисея.		
1 кн. בְּרֵאשִׁית, Bereschith, Бытие.		
2 кн. וַאֲלֵה שְׁמוֹת, Veelle Semoth, Исход.		
3 кн. וַיִּקְרָא, Vajicra, Левит.		
4 кн. וַיְדַבֵּר, Vajedaber, Числа.		
5 кн. הַדְּבָרִים, Haddeharim, Второзаконие.		
II. נְבִיאִים, Nebiim, Пророки.		

- 1 кн. יהושע בן נון, Iosue ben Nun, Иисус Навин.
2 кн. שפטים, Sophetim, Судей с кн. Руфь.
3 кн. 1 שמואל, кн. Самуила (1 Царств).
4 кн. מלכים, Melachim, (2 кн. Царств) и ממלכות, Mamlachot.
5 кн. ישעיה, Исаия
6 кн. ירמיה, Иеремии
7 кн. יחזקאל, Иезекииль
8 кн. תרי עשר, XII малых пророков.
Кн. 1–4 – ранние, кн. 5–8 – поздние; кн. 5–7 – большие
III. כתב, Cethubim, Писания, агиографы
1 кн. איוב, Иов.
2 кн. דוד, Давид с пятью кн. и псалмами.
3 кн. שלמה, Соломон, (его три кн.) и משלי, Misle, Притчи.
4 кн. קהלת, Cohelet, Экклезиаст.
5 кн. שיר השירים, Sir hassirim, Песнь Песней.
6 кн. דניאל, Даниил.
7 кн. דברי הימים, Dibre Hajamim, летописец, хроника, греч. Паралипоменон 1 и 2.
8 кн. עזרא, Ездра 1 и 2.
9 кн. אסתר, Есфирь и וקיגות רות, Руфь.

Приложение IV, к § 21. Таблица праздничного церковного календаря у китайских евреев на основании письма еврея ученому Лайтону 1850 г.

О расписании Богослужения и обрядов в синагоге, которым соответствовали и самые чтения по книгам Mineach и Muphtar, вот что сообщает еврей Чао-нянь-цзу ученому Лайтону 1850 г. в Америку.²⁴

а) *Второй месяц*, 14-й день. Праздник опресноков, лепешки которых, называемые «душистыми» по примеси благовонного масла, распределяются между друзьями.

б) *Шестой месяц*, 24-й день. Огня не зажигают. День этот называется постом у Судных ворот.

в) *Восьмой месяц* 24-й день. В синагоге объясняется Св. Писание, сначала запираются двери, затем разворачивается свиток, читается соответствующее дню место Св. Писания; после чего раздается красного цвета, бумажная китайская монета.

г) *Восьмой месяц*, 1-й день. Праздник великих патриархов и пророков.

д) *Девятый месяц*, 2-й день. Праздник малых патриархов и пророков.

е) *Шестой месяц*, 1-й день. Праздник исхода или освобождения от меча.

Касательно празднеств, соблюдаемых китайскими евреями, заметить следует то, что день месяца в его течении тождествен фактически с счислением и других евреев. Однако ж, при сравнении праздничной табели с совершающимися праздниками по календарю европейскому, усматривается некоторая разность: китайский новый год начинается одним месяцем ранее, нежели, иудейский церковный; вообще, в распределении своих Dies Fasti и nefasti, евреи китайские следуют китайскому времясчислению таким образом:

а) *Пасха*. Она называется «вторым месяцем», тогда как по общему еврейскому закону, он есть «первый месяц» (Исх. 12:2). Сей месяц, говорят евреи Кхай-фын-фу, почитается у нас началом месяцев, и по Закону, от него зависят праздники Пятидесятницы и Кущей, как и постоянные. Постановлением о безквасном хлебе доказывается, что Пасха должна совершаться во второй месяц, в 14-й день.

б) *Шестой месяц*, 10-й день. Это великий годовой праздник в воспоминание второго разрушения Святого храма и Иерусалима, бывшего при Навуходоносоре (Иер. 3:12) и затем – Тите Римском (Иос. Флав. De bello jud. VI, 4. 5). Западными евреями это событие воспоминается в 9-й день (Tisha b' Ab).

в) *Восьмой месяц*, 24-й день, именуемый Simchatthorah, т. е. день радования, веселия, Закона, соблюдаемого в Европе в 28 день.

г) *Восьмой месяц*, 1-й день. Это день гражданского Нового года и начало Tishri.

д) Два последних упомянутых праздника (IX месяц, 2-й день и VI месяц, 1-й день) имеют место и в западных календарях.

Праздники Пятидесятницы, Кущей, Пурим, поскольку универсальны и в прочих странах у евреев, не упомянуты в приведенном сообщении, ибо предполагаются известными Лайтону, на имя которого сделано приведенное сообщение; другие евреи из г. Кхай-фын-фу сообщали о соблюдении у них праздников недельного и Кущей, и что суббота в последний день каждого месяца особенно чествуется; что соблюдается еще обычай церемониального омовения (купания) – Mikvath-mayim; а для конгрегаций свыше десяти человек и более положен особый день «народного собрания» (House of assembly). Что касается молитвенных часов в течение каждого дня, то у китайских евреев они распределены по Давидовым псалмам: утром в 4 часа, в 12 часов дня или полдень и в 6 часов вечера.

§ 29. Литература о евреях в Китае

a) *The Jews at K'ae-fung-foo and jewish synagogue. With an introduction, by the Right Revd George Smith, D. D. Lord Rishop of Victoria. Shanghae, 1851.* (Иудеи и их синагора в г. Кхай-фын-фу с введением. Соч. епископа Виктории Смита), б) *Recherches sur l'existence des Juifs en Chine depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours par. A. Wylie. Trad. de l'anglais par. M. L'abbé Th. Blanc, et annoté par. M. G. Panthier. Paris. 1864.*

(Исследования о существовании иудеев в Китае с времен древнейших до настоящих дней. Соч. А. Уайле, в переводе с англ. языка на французск. Бланка, с примечаниями Потье).

В первом сочинении сообщается вкратце история разысканий Лондонского Миссионерского общества о евреях в Китае и нарочное путешествие с этою целью д-ра Медгурста с двумя китайцами в г. Кхай-фын-фу, для описания остатков синагоги и разных надписей на двух храмоздательных таблицах. Цель увенчалась желанным успехом и ученый мир впервые точно познакомился с текстом китайских и еврейских надписей, добытых, прочитанных, скопированных и переведенных потом на английский язык. Слив этот перевод с самим текстом, нами составлен исправленный на русском языке перевод, храмоздательных таблиц; воспроизведены в русской транскрипции целые слова и выражения китайские. Чрез это читатель имеет возможность составить надлежащее понятие о предмете.

Содержание второй монографии, напечатанной в *Annales de Philosophie Chrétienne* (№ 50, 51, 1864) следующее: 1) Предварительные заметки; 2) Различные секты упоминаемые у китайских писателей; 3) Лексические разыскания иероглифа янь – hien и о времени когда это слово встречается; 4) О том, можно-ли думать, что религия, именуемая у китайцев hien есть еврейская? 5) Изыскания о названиях еврейской колонии в г. Кхай-фын-фу; 6) Об имени Божиим, письменном и произносимом у евреев китайских; 7) Хронологические тексты о существовании евреев в Китае; 8) Об именах, данных в Китае евреям; 9) Об эдикте 845 г., воспрещающим иностранные религии; 10) Указания на разные местности Богопочтения у евреев китайских; 11) Привилегии евреям, данные в XIV ст. и в последующее время; 12) Современное положение евреев в Китае; 13) Понятия китайских писателей о евреях. Заключение.

Наиболее подробные исследования о евреях китайских, и в связи с ними на Востоке – малабарских, известны Финна и Буканана. Первое озаглавляется: *The Jews in China*. 1843. (Евреи в Китае), помещено в *Ch. Repository* vol XIV, и отдельной книжкой изд. 1872 г. «*The orphan colony of Jews in China*», by James Finn London. Оба сочинения важны по собранному из разных до сего времени сочинений и некоторых оригинальных материалов, добытых автором о евреях в г. Кхай-фын-фу.

Доселе пользуется известностью капитальный труд Клавдия Буканана (Buchanan) «*Christian Researches in Asia*», 1812. London, переведенный на русский язык 1815, под заглавием: «Христианские изыскания в Азии, с известиями о переводе Священного Писания на восточные языки». В сем сочинении чрезвычайно живо, с душою и поэтично рисуется картина действительно религиозной жизни, изучаемой на месте любознательным ученым как у евреев, так и у христиан сирских. Особенно любопытны сведения о Св. Писании, которого оригинальные списки MSS, вместе с найденными в г. Кхай-фын-фу, впоследствии времени, составили драгоценный материал в обработке библейского текста. MS Библии сиро-халдейской малабарских христиан, изданный по смерти автора означенных «изысканий», также как и MSS еврейского Пятикнижия и других книг Св. Писания из синагоги Кхай-фын-фу, обработанные научно лондонскими и другими учеными, вошли в состав общей библейской сокровищницы – *Polyglott Bible*. Из подробностей, которые рассматриваются об этом важном предмете, можем указать на несколько монографий, разработавших всесторонне MSS еврейской синагоги в Кхай-фын-фу и самое её устройство, с прочими достопримечательностями. Таково письмо О. Гозания католического миссионера 1704 г., помещенное в *Lettres édifiantes et curieuses* (par. A. Martin, 1864 г., p. 149–54) и мемуар об иудеях Китайских в том же издании (т. IV, 1848 г., p. 140–50).

В заключение о MSS еврейских в Китае, и других соприкосновенных с ними вопросах, укажем на прочие литературные пособия, в которых исчерпываются разные стороны исследуемого предмета:

1. *Notitiae quaedam circa SS. Biblia Judacorum in Cai-Fung, metropoli Provinciae Honan in imperia Sinensi* (D'après Kögler, Murr, *jour. zur Kunft u. Litter.*, VII, 1779, p.p. 240, 252). – Некоторых

замечания о св. Библии у евреев в г. Кхай-фын-фу Хонаньской провинции в Китае.

2. Zusätze zu den Nachrichten P. Ignaz Köglers, S. J. von der. Heil. Schrift A. T. welche die Iuden in Kai-fung-fu, der Hauptstadt der Provinz Honang in Kaiserthum Ta-tsing, oder Sina in ihrer Synagoge aufbewahren. VII Theil, S. 240 и 7. (ibid. IX, 1780, p.p. 81 et seq.). Исследование Игн. Кёглера о письменах св. Библии В. Завета, хранящихся и найденных в синагоге у евреев главного города Кхай-фын-фу Хонаньской провинции в Китае.

3. Versuch einer Geschichte der Iuden in Sin. Nebst P. Ignaz Köglers beschreibung ihrer heiligen Bücher in der Synagoge zu Kai-Fong-Fu, und einem Anhänge über die Entstehung des Pentateuchs herausgegeben von C. G. von Murr. Halle, I. C. Hendels Verlag. 1806, (in 8, p.p. 136). Исторические изыскания о иудеях в Китае, произведённые на основании И. Кёглера о св. книгах у евреев китайских и Мурра – о Пятикнижии.

4. Notice d'un MS du Pentateuque, conserve dans la Synagoge des Juifs de Cai-fong-fou. Par A. J. Silvestre de Sacy. (Not. et ext. des MS de la Bibl. du Roi, IV, an 7, pp. 592, 625). Заключение о MS Пятикнижия, сохранившемся в синагоге у иудеев в г. Кхай-фын-фу. Соч. Сильвестра де-Саси.

5. Epoque de l'entrée des Juifs en China; preuves du'ils y portent le Pentateuque au VI siècle avant notre ère, par M. l'Abbé Sionnet. (Ann. de Phil. Chret. 2 Série, XIV). Эпоха появления иудеев в Китае; доказательства заимствованные из Пятикнижия VI в. соч. Аб. Сионет.

6. On a Hebrew MS of the Pentateuch, from the Jewish congregation at Kai-fungin China, by Mc. John W. Barrow of New-York; presented by Dr. Martin. (Communication to the Am. or. Sos., May, 1869, Journal, IX, № 2, p. LIII), О корейской MS Пятикнижия, хранящемся в Китае, в иудейской общине г. Кхай-фын-фу. И. Барров.

7. Facsimiles of the Hebrew MS, obtained at the Jewish Synagogue in Kae-fung-foo. Shanghai. Printed at the London Missionary Society's Press 1851. br. in – 4. Факсимиле еврейских MS, полученных из иудейской синагоги в г. Кхай-фын-фу.

6. Прочие сведения разбросаны в различных исследованиях и изданиях Библии: «Biblical criticism Davidson's, 26 с.; ed. 1866, pp. 366–370 Prolegomena in Biblia Polyglotta Londinensi Minorum par. Dr. Lee; «Notitiae MSS. Biblicorum Iudaeorum in imperio Siniensi» – Koeblers's. Halle, 1805; «Biblia Polyglott», by Walton, tom. 1; Prolog. III, sect. 41.; «Biblia Hebraica» – Jablonsky, praet. sect. 38.; «The Kae fuug-foo», M8. N. S. Herald № 55.16 Acut, 1851.

Отделение 2-е: Сирские христиане, MSS, язык и миссии на Востоке, в частности – в Китае

§ 30. Культурное значение сирийцев и их языка на Востоке (по Ренану)

Сирийский язык некогда был господствующим на Востоке в той мере, пока играли историческую роль сирийцы; для персов этот язык был тем же, что греческий классический, т. е. ученым, принадлежностью образованных классов; в Индии он сохранялся с простонародным и несколько испорченным среди сирских выходцев, особенно утвердившихся на Малабаре; в Китае на нем говорили, писали, литературой пользовались сирские христиане-миссионеры, прибывшие в страну Хинов по религиозным побуждениям и чисто торговым. По свидетельству Монте-Корвино, в Китае всех сирских христиан насчитывалось 30,000, по вероисповеданию – несториан. Сирийцы, подобно евреям, рассеиваясь по Востоку, составляли собою группу, которой просветительные труды не остались без влияния, и в разных памятниках сохранились воспоминания самой исторической роли.

По исследованию Эрнеста Ренана²⁵ сирийский язык был, в течении V в. языком церковным, по преимуществу у персидских христиан; таким он существует и поныне. Ваграм V-й, под влиянием общественного духа и магов, однако ж, питал отвращение к христианству, преследовал его, и сирский язык изгонял из народного употребления, поскольку на нем проводились христианские возвышенные идеи. Заботою Ваграма было, чтобы «Parsi» делался единственным разговорным языком при дворе и школах; давление это было однако ж искусственное. При Фирузе, сирийские несториане в Персии оказали большие успехи, а при Хозрое империя Сассанидов стала центром обширного умственного движения, под влиянием греков и сирийцев. Множество иранцев приходили учиться в Эдессу, имевшую школу, под названием – «Школы персов». Преподавание наук в академиях Низибийской и в Гандизанфе совершалось на греческом языке, как основном, и затем дополнительном – сирийском. Оба эти иноземные языка сделались таким образом чисто-учеными, для лиц образованных. Век спустя, Персия падает окончательно при мусульманском завоевании, становится в зависимости от гения семитического, освобождается от него лишь с XI-го века после утверждения и усиления туземных династий. Влиянию политическому от Персии и культурному от сирийцев подчиняется Армения со времен утверждения в ней христианства до мусульманского ига. Первоначальные сирийские переводы Библии и других священных книг сменяются затем персидскими, а с изобретением армянского алфавита и национальной письменности Слово Божие распространяется на армянском же языке. Дух прозелитизма несториан, и преследования их еще более содействовали усилению сирийского языка, распространявшегося с рассеянием этих христиан в верхней Азии и других частях мира. Так, язык сирийский встречается в Татарии, Тибете, Индии и Китае. Издревле также, мореплавание по Индийскому океану и колонизация Индии была, именно со времен Птолмеев, неотъемлемою принадлежностью арабов и сирийцев. Поток непрерывной эмиграции содействовал возобновлению семитических диалектов по берегам Индостана. Еще и доныне в Индии существуют остатки христианских общин, которые вместе составляют одну целую единицу, в которой, может быть, по словам Козьмы Индикопловта, в VI в. сохранилась даже обыкновенная литургия, совершавшаяся на сирийском языке. Об этом факте, еще с большими подробностями свидетельствует и Клавдий Буканан, посетивший множество христиан сирских на Малабаре, имевших свое церковно-приходское управление и жизнь, сохранивших и древние MSS сирийских св. книг. «Вообще, утверждает Ренан, сирийскому языку принадлежит главная роль в деле христианской проповеди во всей Азии, с III-го по IX век, с Р. X. Язык этот имеет одинаковое значение для Востока верхнего, как латинский для народов Запада.

§ 31. Сношения персов и сирских несториан, арабов, их значение на Востоке и влияние (по Эдкинсу)

О сношениях персов и сирских несториан, арабов, пользуемся кратким очерком И. Эдкинса.²⁶ Он сообщает следующее. В 632 по 637 г. по Р. Х. ведется первая завоевательная война арабов в Персии. В этот период дезорганизации получает начало несторианская миссия, проникающая в Китай чрез Персидский залив. В 661 г. против вторжения арабов составляется коалиция китайцев с персами; китайский Богдохан посылает в страну, отделяемую восточной Персией, свою армию. Страна, с такого рода оккупацией, начинает управляться под владычеством китайцев с поименованием больших округов *Чеу*, малых – *Янь* (hien). Резиденцией персидского царя является *Заран* (Zarang), он носит титул вице-короля и скоро низвергается арабами. Тем кончается династия Сассанидов. После поражения в 641 г. царь Виздигерд удаляется в Китай, делаясь военным чиновником Богдохана, умирает и погребается в г. Си-ань-фу. Во все время Сассанидов и просвещенных халифов, несториане играют роль передовую, не только в делах церковных, но и политических. С Беты в Месопотамии – своего центра, они рассылают свои миссии в восточные страны – Индию, Китай. В частности, сирские миссии процветают при бывшем патриархе Тимофее, с 778 по 820 г. Он рассылает миссионеров по побережью Каспия, восточной Индии и Китаю. Епископы рукополагаются им в Кардаге и Габдаллахе; для лучшего успеха проповеди посылаются монахи. Известен один китайский епископ – Давид, проповедующий Евангелие вскоре по сооружении памятника в Си-ань-фу. Многие факты, особенно часто встречающиеся и повторяемые персидские, арабские, сирские слова в языке китайском, показывают, что сирийские миссии были проводниками знаний для китайцев. Несмотря на краткий период своей миссионерской деятельности и затем упадка, несториане пользовались успехом в государстве. В их истории вообще заметны периоды то сильного повышения, то понижения и уничтожения. Особенно счастливы времена Дан-мин-гуаня, 756 и 781 гг. При безумной узурпаторше *Ву-дай-чэу*, провозгласившей себя «Царицею Небесною» было самое беспорядочное время для миссии и царствующего в Китае дома. В сирской храмовой надписи имя этой царицы отмечено под названием «Чэу» (Cheu). К времени Дан-мин-гуаня относится знаменитый генерал Куо-цзы, имевший при себе в походах сирийского священника И-се (Исаия), сделавшегося потом фаворитом императора Су-цзуна. Веагуры, союзники китайцев в борьбе с чужеземными полчищами туфаней, имеют – в войсках много сирийских духовных лиц, обучающих их церковной грамоте и Св. Писанию, обращающих в христианство. Прибывший в 1098 г. из Бассоры морем на магометанском корабле, известный путешественник и ученый Ибн-Вагаб, в разговоре лично с китайским императором Чао-цзуном, убедился в его отличном знакомстве не только с христианскими, но и магометанскими святыми. Император этот имел у себя изображения Магомета, Моисея, И. Христа, Ноя и главных пророков В. Завета, как и апостолов. Являясь по приглашению в разных местах у лиц, интересовавшихся знаниями, сирские священники и монахи становятся и образованными посредниками и учителями у китайцев. Их услугами китайцы дорожат и всегда пользуются насколько возможно. На китайский язык переводятся с сирского, арабского персидского языков разные рассуждения и книги, касающиеся религии, истории, географии, астрономии и политики, торговли народов и стран чужеземных. Сирийцы являются и на это дело народом способным, подобно арабам-магометанам, оставившим Китаю много драгоценных в переводе на китайский язык сочинений их литературы; (известен²⁷ почтенный труд о. архимандрита Палладия, б. начальника Русской Д. Миссии, в Пекине). Наплыв в Китае иностранцев не ограничивается только выходцами из Сирии, Персии, Аравии и других частей; с буддизмом переходят и утверждаются в Китае толпы монахов и монахинь, которые точно также работают ревниво по части переводов на язык китайский многих религиозных и философских рассуждений, священных книг, приносимых из Индии и Тибета; с ними борются и сирские христиане и евреи, как и магометане, что не всегда благоприятно отзывалось для всех вообще сторон и кончается поголовным истреблением, изгнанием иностранцев из пределов Китая. Всякое новое вероучение, приходящее и проникающее в Китай, встречает в высшей степени осмотнительное отношение правительства, сам император и государственные сановники внимательно знакомятся с иностранцами, штудируют их книги и сочинения, переводят и только тогда дают покровительство и право обращения в стране.

§ 32. Сирский памятник в г. Си-ань-фу VII ст. и содержание надписи на оном (по Потье)

Известен наиболее памятник в месте утверждения сирийцев в Китае в г. Си-ань-фу, построенный и в 781 году по Р. Х., начертанный на камне китайскими письменами изящной литературы, с надписями по сторонам собственных имен 70-ми духовных и других лиц на китайском языке и сирском *estrangelo*.²⁸

Содержание сирско-китайской надписи на памятнике VII в., найденном 1625 г., в г. Си-ань-фу (изложение Потье)

1. Свойства Божии: единый и троичный, творец всяческих, имя его – Елога. 2. Крестное знамение, им употребленное при разделении частей сотворенного мира, есть эмблема мировой жизни и порядка. 3. Сотворение человека и его природа. 4. Грехопадение. 5. Происхождение многочисленных сект в мире, служащих источником раздора и общих бедствий. 6. Воплощение Мессии, рождением от Девы в Сирии; звезда предвозвещает это событие и по ней руководимые приходят на поклонение новорожденному персидские маги. 7. Исполнение пророчеств; догмат о Троице; смерть побеждена воскресением святого и вознесением на небо; учение его изложено в св. книге – Евангелии. 8. Установление крещения и печать миропомazanного – святой Крест; восточный обычай призывания верующих к молитве и богослужению посредством удара в деревянное било. 9. Отличительные внешние и нравственные признаки новых проповедников веры: борода, тонзура или «гуменце» на голове и значение их; скромность в внешней обстановке – отсутствие рабов, братское равенство и миролюбие, презрение роскоши, пост, уединенная жизнь, ежедневная семикратная молитва и Литургия в 7-й день недели. 10. Характер новой религии, именуемой светоносною – цзин-цзяо. 11. Прибытие в Китай из Сирии Олобена и принесение им св. книг и изображений; почести, оказанные ему при встрече. Принесение этих книг во дворец для цензуры, рассмотрение, перевод на язык китайский и одобрение императором, дозволение о распространении нового вероучения в китайском царстве. 12. Эдикт императора Дай-Цзуна 638 г. касательно этой религии. 13. Правительственные власти получают приказание о сооружении и постановке императорских скульптурных изображений в новоустрояемых храмах христианских и (других языческих). 14. Описание Сирии или Дай-цинского государства по китайским реляциям. 15. Прогресс христианства в Китае при императоре Гао-цзуне 650–683 г. 16. Буддисты и конфуциане стараются воспрепятствовать успеху нового вероучения; некоторые знаменитые личности из Татарии стараются поддержать оную. 17. Император Сюань-цзун 713–755 гг. приказывает пяти князьям, – братьям своим, посетить христианскую церковь и реставрировать её на свое иждивение. 18. Тот же государь повелевает перенести изображения пяти императоров – своих предшественников, в христианский храм, одновременно присылает при этом свой дар из ста кусков шелковой материи. 19. Прибытие в Китай нового сирийского священнослужителя, приглашенного в числе прочих священнослужителей во дворец, для представления императору и совершения при сем обычных священных церемоний. Император собственноручно составляет надписи нравственно-религиозного содержания, которые и помещает на изящно устроенных досках в ограде христианской церкви. 20. Император Су-цзун, 756–762 гг. созидает новые христианские церкви. 21. Император Дай-цзун 763–779 гг. присылает, по случаю дня своего рождения, христианским священникам пожалования, состоящие из различных благоволенных предметов и блюд с царского стола. 22. Император Дэ-цзун 780–783 гг., характеристика и похвала в честь его. 23. Значение начал разума и христианских идей в управлении человека самим собою и достижении гармонии в жизни и счастья. 24. Буддийский жрец И-сы, его характеристика как человека и государственного деятеля, похвала его добродетелям, талантам и человеколюбию. Похвальные стихи в числе шестнадцати строф, содержащие краткое изложение предыдущего. 25. Время надписи и сооружения памятника 781 года от Р. Хр., в Вербное Воскресенье. Надписи имен соорудителей и разных лиц, присутствовавших при церемонии открытия памятника и тех, которых имена внесены для увековечения собственно сирийских священнослужителей и китайских, первых 74 и последних – 67. Со своей стороны, присоединяем в конце приложения 1-го, замечание Потье о некоторых именах 24 человек, упоминаемых у Кирхера в его *China illustrate*; у последнего приложен список 70 лиц, тех же что у Потье, с наименованиями – ближе подходящими к

греческим и славянским; перевод этих имен делаем по изложению на латинском языке из истории Мосгейма.

§ 33. Замечания: А) О пребывании Алобэнь, его миссии в Китае, состоянии христианства до падения Антиохийского патриархата и торжестве магометан

Хотя в надписи сирского памятника и говорится, что некто Алобэнь – сирийский священник принес с собою св. книги и образа, явился с другими духовными лицами 636 г. для проповеди христианского вероучения – “цзин-цзяо” (т. е. высокое, книжное знание, вера), и что сам император династии Дай-цзун восторженно принял его и дал возможность перевести почти в год эти книги, но до сих пор еще ученые не могут определить с точностью, чтобы переведенные книги были именно Библия. И вот почему. Сирийцы неохотно переводили сирское Священное Писание со своего языка, поскольку оно было церковною и национальною святынею; их литургия, обряды, совершались на сирском языке, так как это встретил и Буканан при посещении малабарских христиан из сирийцев в Индии. С другой стороны, в Пекине, в зале иностранных книг MS Св. Писания в переводе на китайский язык, сделанного сирийцами, до сих пор учеными не найдено. Остается заключить то, что Алобэнь и другие духовные лица удовлетворялись простым изложением их вероучения – догматического, нравственного, обрядового, с кратким начертанием священной истории. Этого рода методы вообще долго придерживаются миссионеры и европейские со времени своего прибытия в Китай. Проповедь, оглашение в истинах веры, ведется сирийцами на языке китайцев, а самое Богослужение и чтение Св. Писания на сирском. Краткое изложение основных пунктов вероучения на языке китайском и сделанное сирийцами на их храмоздательной доске VII века, как и две каменных таких же таблицы у евреев в г. Кхай-фын-фу 1488 и 1511 гг. с своеобразным же изложением своего вероучения и краткой истории, указывают всего лучше и наглядно на самый способ сообщения публике и официальным лицам своего вероисповедания. Со времени издания эдикта 639 г. при Дай-Цзуне в пользу проповеди и распространения религии “Цзин-цзяо” замечательны следующие года событий из истории церкви сирийской в Китае: в 698 г. буддийскими монахами воздвигается жестокое гонение на христиан, в 742 г. христианство терпимо в Китае и покровительствуется государями, в 756 г. строятся новые христианские храмы в некоторых местах империи, при Су-цзуне; в 763 г. при Тай-цзуне, *Танской династии*, рассылаются подарки по христианским церквам, и сама Китайская империя простирается на Запад до восточной Персии и Каспийского моря, на север до гор Алтая; Согдиана, Туркестан и Хоразан, пересекаемые цепью гор Гинду-Ку, подвластны князьям этой же династии. Из далеких стран Непала, и Индии, от арабов Танские императоры получают мирные предложения, посольства, дары, заводятся дружелюбные сношения с Китаем. Учения Лаоцзы и буддизма достигают своего процветания и образовательного значения среди народа в ущерб христианству, которое после двухсотлетнего (с 636 по 782 г.) процветания скоро угасает. Причина заключается частью в охлаждении китайцев к чужеземной «светоносной религии» и, главным образом, – в ослаблении эмиграции христиан из Сирии, падении Антиохийского патриархата и миссионерских учреждений для дальнего Востока; при владычестве и усилении мусульман с ослаблением сирийских выходцев и миссионеров, место их занимают другие – появляющиеся из Персии, персидские священники и монахи-христиане, известные под именем Бо-су-цзэн, «Po-szu-tseng», которые по милостивым декретам императоров существуют в Китае в течении монгольской династии, проповедуют христианство и устрояют церкви; о чем упоминает и Марко Поло. Главным пунктом средоточия, постоянным подворьем для этих духовных иноземных лиц служит монастырь – «Цин-шэн-цзу» (King-cheng-szu) в местечке Си-ань-фу, в западной столице; в 1457–1464 гг. монастырские здания поддерживаются и реставрируются означенными иностранцами, после чего постепенно падают. Управление монастырем оставалось за «Архауном», т. е. архимандритом, на общем положении привилегий наравне с «Хэ-шэнами» буддистов, «Да-сы-мэн», т. е. магометанских мулл и «Сян-шэнов» даосской секты. В 1625 г. открывается хотя каменная храмовая таблица сирских христиан, но самого монастыря, где она находилась, уже не существует.

§ 34. Б) О надписях на надгробных памятниках сирских и объяснение некоторых, найденных в Семиреченской области, нынешней России (по Хвольсону)

Сирские Миссии в Китае и его пределах по надписям на памятниках Си-ань-фу (в Китае) и Семиреченской области в настоящих владениях России. В записках Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества (1886 г., т. I., вып. II, стр. 84–109, также – т. I. 1887 г., вып. IV, стр. 304–308) помещены интересные сообщения Д. Хвольсона, с замечаниями, о найденных в Семиречье несторианских могильных памятниках с надписями «по-сирийски» и «по-тюркски» и относящихся по времени от 1226–1373 г., от 1342–1373 г. и 1347 г. Из содержания этих надписей в связи с прочими истор. памятн. усматриваем, что христианство, благодаря усиленной миссионерской пропаганде сирийцев, было распространяемо ими довольно успешно гораздо ранее в разных частях западного, северного и северо-восточного Китая, в Персии, по берегам Черного и Каспийского морей, в нынешней Сибири до озера Байкала, на острове Сокотре и в Индии; центром же сирийских выходцев служила Месопотамия, и передняя Азия, особенно они расходятся по разным частям мира после закрытия Эдесской школы в 489 г. императором Зеноном. В государстве Сассанидов ими устрояются, именно в Нисибе и Джондайсапуре, разные богословские школы и академии для прочих наук, переводятся на разные языки восточные полезные сочинения с греческого и других языков. В Багдаде с 762 г. устрояется патриарший несторианский престол для всего восточного христианства; в течении 200 л. Члены несторианского рода *"Бохтвешу"* играют видную роль. Византия служит для ученых несториан нередко целью путешествий для пересадки научных знаний на азиатскую почву в разных частях, и с VI по IX в. спасаются знания благодаря именно несторианам. Около 334 г. упоминается первый епископ Мервский; в 420 г. образуется Мервская митрополия, в 540 г. епископ Мервский *Феодор и Илья* (около 660 г.) славятся как церковные писатели, много сочинявшие комментарии на кн. Св. Писания и по истории Церкви; около 411 г. *Ахай*, и около 503 г. *Шила*, учреждают митрополии в Герате Китае и Самарканде. У восточно-тюркских пленных, отправленных *Нарсесом* около 581 г. к императору Маврикию, на лбу были знаки креста – означавшие христиан, как говорят о том *Феофилакт* (Hist. V, 10, стр. 225) и *Феофан* (Chronogr. ad. a. M. 6.081 (= 581) 1, p. 411, Боннск. изд.). *Сельджук*, основатель династии, носящей его имя, некогда служивший (около 930 г.) у одного тюркского князя в нынешней киргизской степи, имел у себя сына Михаила – христианина. В 778–820 гг. несторианский патриарх *Тимофей*, обращает в христианство *Хакана* тюрков. Около 1007 г., в свое время могущественное и большое тюркское племя – *Кераиты* принимают также христианство, но падают под ударами Чингиз-хана; что не препятствует однако ж некоторым лицам, даже женам и вельможам сего повелителя исповедовать христианство, созидать и поддерживать церкви на северо-восток от Семиречья до Байкальского озера. По известиям католических миссионеров, известны *нейманы* и *меркизы*, обращенные в христианство несторианами. В Пекине, при Кублай-хане католики тоже встречаются с христианами, – которые вообще распространены были очень далеко – в Сибири до Амура, а (по одному памятнику) в IX в. имена христиан встречаются из Мерва, Герата. Самарканда, страны тюрков, Кашгара, Сангута и Ханбалыка (т. е. Пекина), упоминается даже о 6 до 12 епископов, подчиненных известным в то время митрополитам. По уверению профессора Д. Хвольсона положительно известно также, что в X веке, могущественное племя *уйгуров*, заимствовало свои письма прямо у несториан, и что из сих писем образовались затем различные письма монгольские и маньчжурские. Из сравнения писем на Семиреченских памятниках, воспроизведенных точно, с русским переводом, в указанных выше нами замечаниях и сообщениях записок Восточн. Отделения Имп. Русского Арх. Общ., с теми, которые воспроизведены с сирского несторианского памятника VII стол. у Потье, замечаем оригинальное явление, свидетельствующее о влиянии на сирские *estrangelo* писмен и языка тех туземных народов среди коих сирские христиане были миссионерами христианства; и главным образом – это влияние оказывается от племен тюркских.

Предлагаем в русском переводе следующие надписи под их №№ фотографических снимков, с означением лиц, над коими памятники сооружены. № III. *"В году 1578 (= 1267) – это заяц – (т. е. год зайца, 4-й год тюркского 12 цикла); это могила Шахмалыка Периодевта, сына Дживарджиса (Георгия) Алтуца».*

№ IV. «В году 1606 (= 1289)... (это) был (год) вола (т. е. 2-ой г. цикла) Дживарджис (Георгий), священник, настоятель церкви, прославленный».

№ V "В году 1600 (= 1289). Это (год) вола. Это могила священника Масхута».

№ VIII. "Год 1627 (1316); это – год затмения, по-тюркски Луу (лун – дракон). Это могила Шелиха, славного экзегета и проповедника, который просветил все монастыри светом, сына экзегета Петра. Прославлен мудростью, его голос был громок как труба. Господь наш да соединит его просветленный дух с праведниками и отцами; да достанется ему всякий блеск».

№ XI. "В году 1638 (1327), это – (год) зайца, по-тюркски Пучин... то могила Юханана А... ки Акпаша, сына Цалйвы, настоятеля церкви».

№ VII. "В году 1618 (1307); это – год барана, по-тюркски, – Куй. Это могила Июлии, миловидной девицы, невесты Херепископа Юханана (Иоанна)".

Нет надобности приводить всех надписей, обследованных г. Хвольсоном; достаточно заметить, что в Семиреченских памятниках упоминаются многие христиане весьма разнообразного положения, пола и возраста. Особенности надписей – следующие: они очень кратки, дата отмечается по Селевкидской эре и по годам 12-летнего животного цикла и большей частью по-сирийски, на поздних – по сирийски и тюркски, и в редких случаях по-тюркски; имена собственные – тюркские или простые, напр. Кутлук, частью сложные, напр. Кутлук = *Тарим*, *Таши* = *Мингуну*; сирских чисто имен мало – *Юханау*, *Шлиха*, *Пецха*, *Зума*; прочие имена – *Павел*, *Петрос*, *Симеон*, *Дживларджи* (Георгий), также – *Марьям* (Мария), *Марфа*, *Юлия*, *Мавра*, и др.; к детям прилагается слово «мальчик» или «девочка», о юношах и девицах говорится, что это – «миловидный юноша» или «миловидная девица»; у взрослых встречаются – «верующий» или «верующая», у женщин, что она «дочь такого-то» или «жена такого-то». Что особенно замечательно, мужчины и мальчики часто носят титул *Кашиша*, означающего «пресвитера, священника». По объяснению Рубруквиса, христианский епископ при обзоре епархии, совершавшейся иногда чрез несколько десятков лет, по заведенному обычаю, всех детей мужеского пола, даже грудных младенцев, посвящал во священника. Вследствие этого, объясняет он, «почти все пожилые мужчины (в сих странах и местностях) – священники». В племени кераитов, на восток от Кульджи известен некто «*Царь-Священник*», или «*Пресвитер Иоанн*», бывший один из тюркских князей, вероятно в детстве посвященный в означенный сан. Сверх титула "*Кашиша*" встречаются также и другие: *Соура*, *Периедевт*, *Херепископ*, *Архидиакон*, *Настоятель Церкви*, *Схоластик*, т. е. ученый богослов; встречаются и эпитеты: *благословенный старец*, *славный*, *могущественный*, *знаменитый эмир*, или «оказавший большие услуги церкви»; иногда из скромности – "*Махиха*", т. е. низкий, незначительный. В заключении надписей надгробных содержится общая многозначительная формула: «да соединит Господь наш дух его с духом праведников, предков, святых, во веки»; «да достигнется ему великая слава».

По отношению к часто встречающемуся прозванию «священник», прилагаемому к христианам, заметим со своей стороны, что оно должно быть понимаемо несколько иначе, т. е. не в смысле сана, а прилагательного, характеризующего христианина от язычников в смысле «священный» «освященный» или «крещенный», «духовный», «духовный сын», «поповский сын», попович, «попов», наученный от духовных лиц – пресвитеров, попов. В сирских надписях с переводом на язык китайский собственных имен, на таблице VII в. найденной в Си-ань-фу, по замечаниям Потье, Кирхера и Мосгейма, встречаются названия чисто сирские: именно, по сану священнослужители различаются – белого духовенства и черного, т. е. «священники», «иеромонахи», «ученые богословы» – "*мар*", по-китайски – "*сэн*" или «*шэн лян-бао*»; собственные имена носят греческое влияние, напр. *Андрас*, *Петроус*, *Паулос*, и др., прочие – по-сирски, напр. *мар Саргис* (Сергий), *Айюб* (Иов), *Арун* (Аарон), *Аизаб* (Исаак). Китайские имена составлены по усмотрению китайцев, сообразно с их языком, совершенно произвольно и до неузнаваемости коренной формации; напр. *Давид* – "*Ли-цзянь*", *Адам* – «*Лао-све-цю-мо*», *Лука* – "*Энь-мин*" и проч. Касаясь употребления и написания собственных имен на сирских памятниках, и их передаче на языке китайском нельзя не заметить, что встречается не буквальный перевод или даже приблизительный, но большею частью совершенный произвол, имеющий у китайцев однако ж основание в их «синах» или родовых прозвищах, усвояемых всегда и тем иностранцам, которые поселяются в Китае.

§ 35. Сирские MSS христиан, их открытие в Китае иезуитами, письмо Гаубэля 1752 г. о том парижским ученым и замечания де-Саси

Переходим к рассмотрению MSS, сохранившихся после сирских христиан. С появлением на Востоке миссионеров западноевропейских начинается прежде всего отыскивание, памятников древних, вещественных и письменных, принадлежащих евреям и христианам. Почин в сем деле принадлежит католическим о.о. иезуитам – М. Риччи, Гаубэлю, Мэйла, Гозанию, Домэнжу и др. При отыскивании MSS еврейских в г. Пекине, им удалось в «храме, где хранятся иноземные книги и MSS» узнать о существовании сирской Библии и еврейской «Тора» – Пятикнижии. О. Гаубэль «(Gaubil)»²⁹ в одном из писем 1752 г. к парижским ученым делает, однако же, другое сообщение, что у одного магометанина, по происхождению из евреев; он с о. Mailla купил MS, много лет хранившийся в семействе сего человека. MS этот оказался писанным буквами, почта однообразными с теми, какие встречаются в сирской таблице 781 г., открытой в Шэнсийской провинции 1625 г., т. е. принадлежит к типу письмен *estrangelo*. Покрышка MS была деревянная, бумага – грубая, чужеземного происхождения, чернила – тоже не китайские. Несмотря на сделанную точную копию, о.о. Гаубэль и Мэйла не могли разобрать язык и угадать смысл написанного, хотя и различали явственно слова халдейские, сирийские, и имена иудейские. Казалось, что самый язык мог быть по происхождению от одной из стран между Китаем и Персией. На полях MS были еще некоторые прописные греческие буквы, но и они не разъясняли самого дела. Сильверстр де-Саси (de Sacy), получив MS при письме от пекинских о.о. миссионеров, поместил свое замечание о нем в XII томе «*Notices et extraits de la Bibliothèque du Roi*» р. 277. По исследованию сего ученого MS, писанный *estrangelo*, оказался содержащим часть сирийского перевода Ветхого Завета, – Песнь песней, и разные молитвы. На последнем листе копии MS, посланной в Париж, читаем следующие две заметки.

а) «Книга эта есть копия во всем согласная и верная с древним MS, писанным на пергаменте, и доставленным от одного почтенного старца магометанина, носящего китайское прозвище «Леу-ю-си». По словам сего человека. MS принесли в Китай из своего отечества его предки, в то время когда Чингиз-Хан, основатель Юаньской династии, в 1220 г. хр. эры привел с собою в Китай покоренных пленников. Пробелы, замечаемые в копии, существуют и в оригинале. Пекин, 23 июня 1727 г. Иосиф М. Антоний де Мойра де-Мэлл, Миссионер Общ. Иисуса в Китае».

б) Другая пометка: «В 1725 году я послал достопочтенному о. Souciet несколько текстов, писанных в оригинале красными и черными буквами, с замечаниями на полях и наставлениями о MS, из коего были сделаны мною в извлечении разные заметки и тексты. MS этот есть оригинал, с которого о. де Мэлл сделал точную копию. По прочтении нескольких мест в конце, начале и середине в оригинале, по сличении с копией его, я нашел все совершенно верным. Затем, по вторичном тщательном рассмотрении и сличении каждой строки оригинала с текстом, найдено все совершенно верным и тождественным. Пекин, 23 июня 1727 г. Антоний Гаубэль. Миссионер Общ. Иисуса в Китае».

По точному³⁰ описанию MSS хранящихся в Парижской национальной библиотеке, и сирских MSS, о которых упоминается в приведенных сообщениях, они содержат в себе следующие части В. Завета: кн. пр. Исаии с XXV главы, двенадцать малых пророков, кн. пр. Иеремии и Плач, кн. пр. Даниила со включением сказания о Виле или Бэле, кн. Псалмов, две песни пр. Моисея, Песнь трех отроков, и избранные на разные случаи песнопения.

§ 36. Свидетельства о состоянии сирского языка в Китае по отзывам Рубруквиса 1256 г., Плано Карпини 1245 г., Марко Поло 1286 г., Годдарда 1852 г., Ибн-Вагаба XIII ст. и важность предложения китайского ученого Сы-Гуан-гэ 1616 г. Богдыхану о необходимости перевода Св. Писания на язык китайский

В какой степени китайцы понимали сирский язык и на нем Св. Писание, любопытно свидетельство францисканца Вильямса Рубруквиса,³¹ бывшего посланника к татарскому хану от французского короля Людовика IX, в 1253 году. Он говорит следующее: «в своем Богослужении христиане китайские пользуются священными книгами на языке сирском, которого, однако ж, не понимают, и сами монахи не владеют достаточным знанием даже грамматики этого языка, вследствие чего имеют самый испорченный язык».

Путешественник Плано Карпини представлявший от папы при монгольском дворе в 1245 г., после внимательного изучения китайцев в религиозном отношении, пришел к убеждению, что они имеют Св. Писание на языке китайском, знакомы с жизнью многих святых, имеют дома с придельными храмами, куда собираются в известные времена для поклонения и молитвы единому Богу; почитают И. Христа, веруют в вечную жизнь, хотя крещены не все, почтительно обращаются с христианами, раздают милостыню бедным, любят читать св. книги.

Интересен рассказ венецианца³² Марко Поло, сообщаемый им о Кублай-хане и дворе, оказывавших особенное чествование святому Четвероевангелию, хотя не говорится – на каком оно было языке. Можем полагать, однако, что оно было на персидском или вернее – сирском. В пользу первого предположения говорит за себя тот факт, что Кублай-хан прежде, нежели стал со своими монголами владыкою Китайской империи и Персидского царства, получил перевод Пятикнижия и Псалмов с еврейского языка на персидский. MSS эти сохраняются поныне в Парижской национальной библиотеке. В пользу же второго предположения говорит надпись на таблице несториан в г. Си-ань-фу о том, что Св. Писание Алобэнем и другими миссионерами с сирского языка, переводится на язык китайский. Один миссионер³³ Rev. J. Goddard, при посещении в 1852 г. некоторых западных провинций Китая и одного древнего полуразрушенного христианского храма, около которого лепились лачужки бедных китайцев, вступал с ними в разговор, после чего вынес убеждение, что эта горсть людей поклоняется единому истинному Богу, имеет понятие о Моисее, Иисусе, Марии, но не знает никаких св. книг, церковнослужителей нет и отчетливо не знает, какую религию исповедует – католическую ли, магометанскую, или какую другую. Таких христиан в западных провинциях г. Годдард нашел до тридцати семейств; думает, что это остатки древних сирских христиан из туземцев. Со своей стороны и мы заметим, что во времена монгольского ига, из России было выселено в Китай до 40,000 христиан русских. Может быть г. Годдард видел потомков этих переселенцев, окитаенных в продолжении долгого времени.

Предполагая, что татары, монголы и другие туземные племена получали путем взаимного обмена мысли понятия об истинах христианства, с трудом можем определять – все ли разом Св. Писание переводится на эти языки от проникающих в Китай евреев и христиан, или по частям. С другой стороны, при сильном наплыве иноземцев в Китай, говорящих разными языками, каковы сирский, еврейский, персидский, арабский, самые переводы Св. Писания и других книг не могли обходиться без частых ревизий, исправления, дополнений, вставок, иначе – они всегда были непонятны для народа, не только образованных классов, но и простолюдинов. Вследствие этого, вся сила христианской проповеди, её успех, заключалась в живых лицах – проникнутых миссионерскими задачами и целью. С уменьшением или возрастанием этих лиц, всегда знакомых с народными наречиями и руководившихся неизменным текстом библейским, еврейским, сиро-халдейским, персидским или другим, Слово Божие передавалось и проникало в народ в большей или меньшей степени успешно. Этой устной передаче, в связи с соблюдением церковной обрядности, должно придавать громадное значение. Неудивительно, что к началу XVII ст. в Китае нет надлежащих переводов Св. Писания, и знаменитый Сы-Гуан-гэ (Seu-kwang-ke), обращенный в христианство католическими миссионерами, имел полное право беспокоить трон Богдыхана в 1616 г. ходатайством о том, чтобы был сделан надлежащий перевод Св. Писания на язык китайский. При этом, Сы-гуан-гэ предложил даже составленную им схему для успешного исполнения столь важного и серьезного для народа китайского дела; этим он хотел пред

Нанкинской палатой, обвинявшей миссионеров Общества Иисуса в государственной измене, доказать всю чистоту и возвышенность проповедуемого ими учения – уже известного и раньше, но полузабытого или ложно истолковываемого. Однако ж, попытки этого ученого и образованнейшего китайца остались в свое время без всяких последствий. Его ходатайство не уважено и забыто навсегда лицами официальными, как протест для них нежелательный.

За недостатком письменного удовлетворительного воспроизведения Слова Божия на языке китайском с классических переводов и оригинала еврейского, большое значение имеют обращающиеся в народе издревле и до сей поры разного рода извлечения из Св. Писания, истории и других полезных знаний, особливо с приложением гравированных на дереве иллюстраций. Ибн-Вагаб, писатель IX ст. с трогательной простотой и детской сердечностью передает рассказ, что император имел большую коллекцию таких рисунков с изображением И. Христа, Моисея, пророков, апостолов, Магомета и других исторических лиц, что, показывая эти картинки путешественнику, государь с умилением говорил об И. Христе, его страдании и мучениях по любви к человечеству, смиренномудром обхождении с людьми, как он входил на жребяи во Иерусалим и проч., словом, о каждом лице, изображенном на картинке император давал точные понятия, изумлял глубокими сведениями арабского путешественника.

Для характеристики понятий о христианстве и отношениях к нему китайских императоров в IX в., XIII в., в XVIII ст. предлагаем ряд оригинальных документов в русском переводе в особом приложении под №№ 2, 3, 4.

§ 37. Литература о сирских христианах и памятниках изданий на разных языках 1846 г., 1853 г., 1863 г., и Ж. Потье 1857–58 гг., Мосгейма 1741 г. и других

Литература. Известно на китайском языке сочинение Г. Вальтера Медгурста, издан. в Шанхае 1846 г. под кит. заглавием «Сжатое и основное начертание христианства» – (condensed statement of Christianity). Цель автора, – познакомить читателя с главными библейскими понятиями, занесенными в Китай, в древний период времени, евреями и сирскими христианами, после которых сохранились величественные памятники – храмовые, с китайскими надписями таблицы, с изложением в оных вероучения и истории этих евреев и христиан в Китае. Поэтому, приложена автором копия с несторианской надписи на таблице в г. Си-ань-фу, 781 г. по Р. Х., с рассуждением о её содержании и с замечанием католического миссионера М. Риччи и копией с императорского мемориала в пользу миссионеров, 1617 г. по Р. Х. Следуют далее три прокламации окружных начальств Су-чжоу, Сун-цзян и Тай-шан, в пользу христианства, 1845 года; первая касается романо-католиков, вторая более общая, и в третьей проводится различие между католиками и протестантами. Книжка эта была перепечатана 1847 г. в Нин-по, в 20 стр., с упущением рассуждения о несторианской таблице. Ревизованное издание снова напечатано в Шанхае 1851 года, на 31 стр., с прибавлением краткого очерка сказаний об И. Христе, в извлечении из даосского сочинения XVII стол., «Шэнь-сян-тхун, цзян» и другого более пространного о том же из иезуитского издания 1623 года.

В 1853 г. в Шанхае появилось новое издание, в 43 стр., в дополнение к двух упомянутым извлечениям, еще двух надписей, списанных с двух каменных храмоздательных таблиц еврейской синагоги в г. Кхай-фын-фу, важных по истории евреев в Китае. Прокламации в пользу христиан, в означенном издании, однако ж, упущены. Книжка эта была ревизована Rev. I. Edkins'ом и напечатана 1858 года в 32 стр., с присоединением вкратце мемории о д-ре Медгурсте; в остальной части воспроизведена надпись несторианской таблицы из прежнего издания книги, с упущением пояснительных сведений касательно оной. Напечатана еще раз в 1862 г. без мемории о Медгурсте.

Так называемая «Несторианская таблица» в г. Си-ань-фу и две других – при еврейской синагоге г. Кхай-фын-фу настолько заинтересовали ученых, что появились одно за другим ценные исследования об этих памятниках, специальные и в связи с общей историей христианства на Востоке. С одной стороны рассмотрены вопросы о подлинности этих памятников, с другой – содержащихся в них сведения догматических и исторических наконец – самый перевод надписей и объяснения филологические и археологические в связи с историей самого Китая. Наибольшим интересом строго научным отличаются два исследования французского ученого Ж. Потье под следующими заглавиями:

а) L'inscription Syro-Chinoise de Si-Ngan-fou, monument Nestorien élevé en Chine l'an 781 de notre ère et découvert en 1625 par G. Pauthier. Paris. 1858. (Сиро-китайская надпись в г. Си-ань-фу, на несторианском памятнике, сооруженном в Китае 781 г. по Р. Х. и открытым в 1625 г.).

б) De l'authenticité de l'inscription Nestorienne de Si-Ngan-fou relative l'introduction de la religion Chrétienne en Chine dès le VII siècle de notre ère, par G. Pauthier. Paris. 1857. (О подлинности несторианской надписи в г. Си-ань-фу, касающейся введения христианской религии в Китае VII в. по Р. Х.).

Содержание первого сочинения: предисловие; указание на исследования и переводы разных ученых описываемого памятника; содержание надписи и самая надпись в тексте с французской транскрипцией звуков, в переводе французском и подстрочном латинском с замечаниями, собственные же имена разных лиц, удостоверяющих надпись, начертаны на сирском estrangelo письмени и китайском; особенные замечания филологические и исторические замыкают собою, с дополнительным переводом китайских комментариев, все означенное исследование. Приложение – самая надпись памятника в уменьшенном размере.

Содержание второго сочинения: автор располагает свое исследование под XXIV секциями, с дополнительными примечаниями. Подлежащие раскрытию предметы суть: 1) История открытия памятника; 2) Европейские переводы надписи Сенедо 1643 г., Кирхера, Бойма, Бриджмана. Висделу, Леонтьевского, на языках: латинском, французском, русском, английском; 3) Критика надписи Вальтера, Наваретта. Кирхера, Мильня, Леонтьевского; 4) Официальное свидетельство китайцев о надписи; 5) Новые критики европейских синологов (проф. Ньюманн из Мюнхена, Ренан

и Жульен). 6) Нападение на подлинность надписи со стороны этих двух ученых и опровержение; 7) Разбор и выводы из этой полемики. Эра Селевкидов, сирское письмо *estrangelo* и письмо китайское VIII в.; 8) Причина умалчивания анналов о надписи; 9) Доказательства того, что *Ta-thsin* не была Персия, но Римская восточная империя, в частности – Сирия; Китайское описание *Ta-th-in*; 11) Продолжение сего описания. Посольства Марка Англия Антонина и Диоклетиана; описание Фо-лань (*Fou lin*) – другое название Да-цинской империи; описание Константинополя и большей части памятников, обычаев и продуктов Византийской империи; исторические факты, добытые об этом у китайских авторов; упоминание о других посольствах; 11) Описание царства Дацинского, заимствованное из истории народов варварских; 13) Замечание о Да-цин из великой императорской географии; намек о прибытии Матвея Риччи; 14) Замечания о Персии у китайских писателей; город Су-ли; Шустер, Суза – их развалины; письмо царя Кабада китайскому императору; Персия, завоеванная мусульманами; 15) Результат изысканий; 16) *Христианские церкви в Китае существуют одновременно с храмами манихеев и гебров*; 17) Персия при последних Сассанидах и сирские христиане, имевшие сношения с китайским государством; Сирия под владычеством халифов, управляющих Персией; 18) Ответ на возражения Жульена и Ренана; о религии Да-цинской упоминается в эдикте Ву-цзуна, 845 г. от Р. Х.; 19) Эдикт, по которому уничтожаются храмы Фо (буддийские), а монахи и монахини буддийские возвращаются в мирское состояние; 20) Умалчивание специальной географии Шэн-си, на несторианском памятнике, не может еще служить противным доказательством его подлинности; ошибки Жульена, проистекающие на выводах из переводных книг на китайский язык у буддистов-санскритологов; 21) умолчание Будчи-сюан-цзан о христианской религии не может служить противным ей доказательством; 22) ответ на 4 возражения; письма иезуитов еще не достаточны для убеждения китайских писателей; 23) ответ на 5 возражение; историческая критика, путешествующий монах из Дамаска в Китай и несториане; 24) Эдикт императора Сюань-цзуна утверждающий христианскую религию в Китае в VIII в. Заключение. Дополнительные замечания посвящены полемике с тезисами Ньюмана. Наилучшими переводами сирского памятника могут считаться: *Латинский* Кирхера в его *China illustrata*, помещенный также у Лаврентия Мосгейма в его *Historia-Tartarorum ecclesiastica* 1741 г. в двух столбцах, в одном *interpretatio* и в другом *paraphrasis*; *Английский* Бриджмана напечатанный в *Chinese Repository* vol. XIV и у Вильямса в его *The Middle Kingdom* vol. II, ch. XIX; самый же лучший и последний – *Потье*, с которого нами особо предлагается русский новейший перевод, имеющий разность со сделанным в свое время и значительно устаревшим по языку А. Леонтьевского в его издании 1784 г. «Проповедь о Христе Спасителе в Китайском царстве». Довольно дельная критическая заметка о переводах и некоторых деталях надписи сирско-китайской того же памятника сделана членом Русской Миссии иер. Цветковым в т. изд. трудов означенной миссии. Французский перевод надписи несторианской у Гука в его *le Christianisme en Chine* (Т. I, Paris 1887) по замечаниям Потье имеет весьма много несообразностей и совершенно превратное понимание китайского текста.

В отношении древнего периода христианства в Китае несомненно ценен труд Мосгейма «*Historia Tartarorum Ecclesiastica*», 1741 г. К сжато составленному и строго обработанному тексту приложена самая капитальная часть разных памятников; из вещественных – Таблицы сиро-халдейских христиан с переводом надписи на латинском же языке (по Кирхеру), из письменных памятников *девятью* девять приходится на долю разных писем и актов государственного, церковного и частного значения. Приложена карта Азии и алфавитный указатель предметов сочинения. – В главе I-й собраны факты за время до Чингиз-хана; в гл. II-й события в Татарии от Чингиз-хана до Тамерлана (6644); в гл. III-й состоящей из 667 сведений с Тамерлана до времен позднейших.

Нет сомнения, что церковная история на Востоке и в частности в Китае, с времен древних до новейших, предмет чрезвычайной важности и интереса; материал накопился громадный, но вполне систематической научной разработки еще нет. После Мосгейма выделяется доселе весьма популярно изложенный труд Гука, «*Le Christianisme en Chine en Tartarie et an Thibet*» par M. Hug. Paris. 1857.

Приложение 1-е, к § 32. А) Сирийско-китайская таблица VII ст., с надписью, переведенную на русский язык иером. А. Виноградовым, согласно с французским переводом и факсимиле оной Ж. Потье, с приложениями списка разных лиц и замечаниями

Сирийско-китайская таблица VII в. в русском переводе иеромонаха Алексия Виноградова согласно с китайским текстом и французским переводом Потье. в его исследовании «*inscription Syro-Chinoise*».

Надпись на каменной плите, найденной 1625 г. в г. Си-ань-фу, свидетельствующая о введении и распространении светоносной Да-цинской религии в Срединном государстве; – самый памятник сооружен и воздвигнут по китайскому обычаю Цин-цзуном, священнослужителем сирийской церкви, в 781 г. по Р. Х.

1. *Бытие самосущее*, истинное, абсолютное, единая имманентная и неизменная сила, не имеющее начала, т. е. Господь, есть Творец всех существ; будучи недоступен всякому чувственному понятию, он есть разум, не имеющий телесности. превосходящий в пространстве и времени самое крайнее и последнее, – вечноживущий и чудодейственный.

2. Исследуя, всемогущую десницу всю мрачную бездну мира. Он совершает творение (мир). Этому-то первоначальному Бытию самые высочайшие и тончайшие умы (т. е. ангелы), равно как сонмы святых людей, искони веков благоговейно поклоняются; такова наша *Единица-Троица*, которой достойная удивления личность безначальна; – есть Господь истинный, именуемый Eloha (евр.), Aloha (сирс.), О-ю-о (по кит. транскрипц.). Усвоив крестное знамение в определении четырех частей мира, Он сообщил движение эфиру и произвел два великих движущих начала (т. е. Ин и Ян, действительное и страдающее) во вселенной; мрачная пустота преобразилась, открылись небо и земля; солнце и луна получили свое правильное обращение по орбите, следствием чего явились день и ночь.

3. Кончив создание всех тварей подобно великому и мудрому художнику, Он образовал и сотворил первого человека; и, в отличие от других тварей даровал ему высшие способности: добродушие и общительность, заповедал быть господином даже над изменяющимися водами и всем что в них. Разумная природа сего существа, по происхождению, подобна влаге, еще не раскрывшейся в содержащем её иле, была проста и бесхитростна; таково было и сердце, чуждое всяких возмущающих страстей, в своем первоисточнике, не имевшем никакого вожделения, ни малейшего беспорядочного желания и похотения.

4. Случилось, однако ж, что, вследствие обольщения и коварства Сатаны (Са-дань), чистая и простая природа испортилась; явилась и потребность в прикровении её внешним благолепием. Со временем, изгладилось и то, что было доброго и возвышенного в сем первобытном состоянии искренней и истинной природы, павшей поэтому во мрак заблуждения и лжи повсюду её объяввших.

5. Следствием чего было порождение *трехсот шестидесяти пяти сект*, следовавших одна за другою, подобно бурному вихрю пыли, образующейся при вращении колес и пересекающихся одна с другой тысяче спиц, лишь-бы одержать верх над учениями чисто относительными. В одних из них началом и целью наших верований признавались существа и элементы вещественные, как предмет, достойный нашего боготворения; в других пустота или бездна почиталась местом, в коем погружались два начала; по иным должны были приноситься жертвы и совершаться молитвословия в честь духов для получения от них благ были и такие учения, которых силы направлялись только к обману людей. Эти и другие мудрования человеческие повторяются и действуют беспрестанно, и преимущество получают высшие; тогда как страсти остальных, будучи всегда в возбуждении, производят столь сильное смешение, что нет возможности получить что-либо путное из них. Такого рода учения, доводимые до крайностей в бесплодной борьбе и работе, кончают тем, что взаимно истребляют друг друга, и, увеличивая один мрак всякого рода неопределенностей многих сбивают совершенно с пути и даже не дают возможности выйти на истинную дорогу. Такое состояние запутанности может продолжаться надолго, до тех пор, пока не обратятся к добру.

6. Так продолжалось до тех пор, пока наша Единица-Троица не разделилась в личности светоносного и достопоклоняемого Мессии (Mi-chi-ho) на двое, субстанциально (кпи-та), и

призрачно (parsora); и в этом обнаружилось все её истинное величие. Мессия явился в мир как простой смертный, о чем благовествовали тотчас же небесные духи: Дева родила Святого Младенца в Сирии и блестящая звезда возвестила об этом счастливом событии. Персы, заметив её необычайное сияние, поспешили явиться к новорожденному и принести ему должную дань.

7. Таким образом исполнилось некогда мудро прореченное двадцатью четырьмя святыми в Ветхом Законе, что «семейства и государства будут управляться великим и высочайшим вероучением». Но, установив чистое учение о Тройческом единстве, Мессия не называл его новой религией; он лишь укрепил добрые привычки обычаем истинной веры; изложил законы в 8 пределах морали, дабы никто не смел нарушать оные; соделал истину совершеннейшею подобно земному праху, очищаемому в горниле. Он проповедовал миру три основных добродетели; раскрыл пред нам источники жизни и уничтожил смерть. На тверди небесной он повесил светозарное солнце истины для рассеяния мрачных жилищ; хитрые обольщения демона были раскрыты во всей наготы и ниспровергнуты. Он привел в движение корабль милосердия для возношения в нем (людей) в светоносные обители; так что с тех пор души, заключенные в этом корабле, могли беспрепятственно проходить реку жизни и получать вожденный и славный конец. Сам Он, в полуденный час, вознеся в обитель истины. Священные книги им оставленные в числе двадцати семи, освобождая души от греха, распространяясь в мире, увеличивали число обращаемых.

8. Закон при первом в него посвящении состоит в акте омовения и очищения водою, называемом крещением, посредством коего с телом, при его омовении и украшении, и сама душа очищается от всякой греховной нечистоты. Печатью, употребляемую в этом священнодействии служит крестное знамение + простирающееся на четыре светоносных оконечности, подобно цветку Sse-tchao (Лотос), и символизирующее соединение всех тварей во единой и той же вере, без всяких противоречий и сомнения в ней. А деревянная доска, служащая биллом (при Богослужении), своими звуками побуждает сердца к состраданию и милосердию. Обращением на Восток, которое делают священнослужители при исполнении своих обрядов, знаменуется путь славы, даруемый (новою) жизнью.

9. Нося и сохраняя бороду, (христиане) доказывают, что в сем случае следуют обычаю и всех вообще людей. Пострижением маковки на голове (tonsura) знаменуется внутреннее очищение души от всякой скверны грехов и страстей. Люди эти не любят окружать себя рабами для услужения, и знатные, как и бедные почитаются на одном уровне. Они не собирают богатств, напротив поучают, что должно делиться излишком с бедными. Они соблюдают пост, держа в уме цель усмирения плоти и души для достижения совершенства. Особливо они налагают на себя крайнюю бдительность, в уединении, дабы быть крепкими и предусмотрительными в своих принципах. Седмиды на день они совершают обряд хвалебных молитвословий, по большей части за живых людей и умерших. В первый день седмицы совершают бескровное жертвоприношение, для очищения сердца и обращения в первобытное состояние невинности.

10. Закон правды и истины (dao) чуден и его невозможно с точностью определить каким-либо словом. Богоугодные дела со всеми их заслуживающими похвалы следствиями, проявляясь повсюду, составляют содержание и вероучение сияющего и всеозаряющего подобно свету солнца (Цзин-цзяо). Как одно учение само по себе, без усвоения и совершения его лицами, стоящими во главе обществ и управляющих ими, еще не может оказывать всей практической силы в государстве, так точно и сами правители, государи, не могут быть великими, не будучи просвещены светом учения. Закон и государи, как и правители, неразрывно соединены между собою, подобно печати на императорском эдикте; только вследствие такого единства и самый мир может быть цивилизованным и просвещенным.

11. Так и случилось в эпоху императора Дай-Цзуна, в блестящее и цветущее царствование которого (627–650 г.), государство Танской династии было весьма обширно. При поименованном государе, употреблявшем все рачение и заботы к тому, чтобы его подданные наслаждались благополучием, появился один необыкновенно добродетельный человек из сирийского государства, по имени Олобэнь, предпринявший и совершивший издали свое путешествие для того, чтобы принести в срединное государство истинные книги священного писания; он был в тоже время весьма искусен к знанию законов ветров и сведущим наблюдателем лазоревых облаков неба, которое и помогло ему благополучно прибыть из далеких стран в девятый год (tching-kouan) Чжэн-гуань (635) в город Чжан-нань (Tchang-ngan). Император повелеть соизволил своему первому министру, с титулом Koung (Duc – герцог), Фан-сю-ань-лину (Fang-Hiouen-ling), в

сопровождении надлежащей свиты, отправиться в назначенное место на запад, для встречи дорогого гостя, и привести его также с почетом в самый дворец. Туда же доставлены были и самые священные книги для их пересмотра и перевода, в самом императорском дворце. В собственном кабинете и библиотеке, куда никто не имел доступа из посторонних, император предлагал многочисленные вопросы переводчикам и новый закон, по надлежащем его изучении и ознакомлении, найден был настолько справедливым и истинным, что издан был особый эдикт во всенародное объявление и для распространения в стране.

12. В двенадцатый год чжэн-гуань (638), осенью, седьмой луны, изданный императорский эдикт гласит следующее:

«Закон, с коим должны сообразоваться действия человеческие, не имеет неизменяемого имени, и подобно самой святости, не составляющей еще тела, есть лишь способ, вид, неизменяемого бытия. Религии, будучи установлены для известного времени и места, имеют назначением молчаливо содействовать тихой жизни и благополучию народа. Олобень, муж великой добродетели, по происхождению из Дай-цинского государства, придя к нам из дальних стран, принес с собою священные книги и образа, которые по своем прибытии в нашу столицу и пожертвовал нам, с изъяснением смысла и цели нового религиозного учения; оно, по зрелом его обсуждении и рассмотрении найдено нами глубоким, чудесным и совершенно отличным от известных современных произведений ума. По обсуждении его основного начала, нашли, что на нем устанавливается одна цель достижения усовершенствования, и священные книги, в которых оно заключается, написаны языком простым, безыскусственным; остальные же соподчиненные правила подобно рыболовной сети (необходимые в уловлении истины), тоже необходимы и не могут быть упускаемы из виду. Вообще, рассмотренное вероучение весьма полезно для рода человеческого и может споспешествовать во благо всем разумным существам, а потому и соизволяем на распространение оно во всем государстве. Повелеваем установленной надлежащей власти принять меры как по отведению места, так и устройению сирийского храма на площади «мира и справедливости», в столице нашей, а для исполнения потребностей религиозного служения определяем и штат лиц; состоящий из двадцати и одного человека. Когда могущество великой династии Чеу (Tcheou) угасало, в то время на лазурной колеснице тихо удалился на запад Лаоцзы (т. е. умер). Тогда как наоборот, законы могущественной династии Танов (Thang), достигнув апогея славы, дыханием плодотворных ветров направлялись к Востоку (т. е. начинали получать свою силу)».

13. Вскоре местные власти получили приказ об исполнении самого изображения императора, и установке оно в только что построенном сирийском храме. Лицо государя сияло величественною красотою и геройское выражение одушевляло смотрящих на него сектаторов славной религии, священные черты этого образа сияли блаженством, и вечная слава открывалась во всем блеске повсюду, куда только проникал в государстве самый закон.

14. По справке с картами и изображениями западных стран, также с летописными сочинениями историков Вэй (Wei) и Хань (Han), царство Сирийское ограничено с полудня Коралловым морем, на севере доходит до гор из драгоценных камней, на западе простирается к лесу цветов и стран *сянь* (бессмертных отшельников); на востоке сопредельно с Мертвым морем и страню великих ветров. Земля эта славится производством и выделкой ткани промываемой чрез огонь (каменный лен); различными благовонными предметами имеющими свойство придавать долговечность, белыми жемчужинами подобными луне, и драгоценными камнями сияющими в темноте. Обыкновенно жители этой страны при склонности к миролюбию, не ведут войн со своими соседями, и воровство там вовсе неизвестно; тишина, спокойствие и благополучие царствуют повсюду. Один знаменитый закон управляет там всем и исполняется закон христианский. Там никто, не будучи добродетельным, не может быть государем и получить верховную власть не имея достоинств. Страна обширна, велика, и в ней процветают произведения литературы.

15. Великий император Гао-цзун (Kao-tsoung 650–683) был достойным продолжателем начинаний своих предков; нравственно он оплодотворил благие семена отца своего и предписал во всех провинциях своего государства построение храмов в честь именитой религии. Почтив Олобэня высшими почестями, возвел его в звание *господина великого закона* (ta fatchu) и *проректора государства* (tegin koue). В то время как закон распространялся таким образом по десяти великим путям сообщения империи, государство получало благолепие и раскрывалось

первоначальное благоденствие. Все города наполнялись храмами и многочисленные семейства получали счастье, принимая новое славное вероучение.

16. В годы «Чэн-ли» священного календаря (chinh-li, 698–699), сектаторы Будды, воспользовавшись своим усилением оказали преобладающее влияние в восточной столице (где царствовал князь переименовавший имя династии Тан (Thang) на Чэу (Tcheou). В конце года Сянь-тянь (sien-thien 713), учеными низших классов было воздвигнуто большее гонение на новое вероучение и употреблены были всевозможные способы к искоренению оною в стране древней столицы Чэу (Theou). Нашлись тогда же и знаменитые люди, как например начальник священнослужителей – Ло-хань (Lo-han), великий и добродетельный Ци-ле (Ki-lie), который вместе с благородными мужами уроженцами золотой страны (запада), священнослужителями высшего класса, и прочими чужеземцами мирянами, соединившись дружно, оказали должное сопротивление мрачной силе заговора и восстановили прерванное согласие (нового вероучения).

17. Император Сюань-Цзун (Hiouen-tsoung, 713–755), проникнувшись благим вероучением, повелел князьям из Ninh-koue и прочим старейшим от всех пяти князей царской крови, посетить «обитель счастья». Воздвигнулись жертвенники; устроенный храм (букв. – «закон»), грозивший было разрушением, был восстановлен и твердо укреплен. Камни закона, колебавшиеся за ветхостью от времени, снова были установлены на свое место и возобновлены.

18. В начале года «небесных увеселений» (thien-pao, 742), император повелел генералиссимусу Гао-Ли-сы (Kao-Li-sse) перенести изображения пяти святейших личностей (т. е. пяти предыдущих императоров Танской династии) во внутренность христианского храма, и поставить на подобающем почетном месте, при чем пожертвовал на украшение сто кусков шелковой материи и разные картины, исполненные с большим умом и вкусом. Хотя императоры и были изображены безбородыми, тем не менее луки и мечи, находившиеся в руках их, отличалась изящною отделкой, также как и самые лица особенно сиявшие небесною красотою, когда на них падали лучи солнца; тогда и фигуры казались как бы уходящими или возносящимися от взоров зрителя.

19. На третий год (744, т. е. после описанного события), один священнослужитель из Сирии, по имени Ци-хо (Ki-ho), наблюдатель звезд и солнечного течения, явился при дворе для засвидетельствования пред достопочтенным императором знаков уважения. Особым декретом священнослужителям Ло-гану (Lo-han), Бу-луню (Pou-lun) и другим лицам того же рода, в числе семи человек предписывалось, чтоб они отправились вместе с добродетельным Ци-хо во дворец «преизобильного счастья» «Тянь-тхи-сы» (abondante félicité), для совершения, по их религии, благодарственных церемоний. Начертанные по сему случаю благодарственные надписи (Лун-шу) в честь императора на деревянных таблицах (Бан-ю) размещены были в должном порядке в храме на его фронтиспise; в надписях такого рода изображено было и самое императорское повеление, украшенное драконами. Драгоценные камни, вделанные в таблицы, сияли поражающим блеском, подобным полету над водою ласточки, они отражались особенно эффектно на желтоватых разрисованных облаках неба. Такие же императорские надписи, развешанные по ограде и над входом храма, подобно лучам разума рассеивали тьму беспредельной и мрачной пустоты, и, исчезая в пространстве, казалось затмевали самое солнце на его пути. Благородные дары императоров могут быть сравнимы с вершинами самых высоких южных гор; а их щедроты и благотворительные поступки равняются по своей глубине с водами восточного моря. Закон религиозный не может быть предметом достойным запрещения, но исполнения на деле; все что достойно осуществления в жизни, может быть объявляемо и оглашаемо публично. Святые, управляющие народами, по самой своей природе, только и могут и должны совершать сообразные с их святостью действия, которые поэтому должны быть оглашаемы публично.

20. Преосвященнейший император Су-цзун (Sou-tsoung, 756–762) снова повелеть соизволил о построении храмов в честь славной религии, в Лин-ву (Ling-wou) и других местах, в пяти княжествах (на западе). Первоначальное благоволение нам оказываемое продолжалось с полным доверием и мы пользовались высшим счастьем. Источник великих щедрот, нисходивший с высоты престола на народ, служил верным знамением, что императорский авторитет стоял прочно на незыблемом основании.

21. Ученый и воинственный император, Тай-цзун (Tai-tsoung, 763–779), еще более расширил сферу деятельности для благочестивых людей, не оказывая ни малейшего им сопротивления.

Ежегодно, в день своего рождения, он приносил в дар небесные жертвенные ароматы для курения и воспоминания о своих хвалебных деяниях. Для большего блеска и торжественного величия он даже посылал с собственного императорского стола разные кушанья для раздачи народной толпе, исповедующей славное вероучение. Так всеблагая сила неба вознаграждает за добрые дела, а потому ею только могут существовать и увеличиваться живые; святые императоры прилагали особое попечение о размножении личностей, заслуживающих им подобающих почестей; по этому же они старались и поддерживать последних и всячески им содействовать в жизни.

22. Наш святой, божественный, просвещенный и воинственный император и годам своего царствования даровал имя «Цзянь-Чжун» «основания в середине» (kien-tchoung); император Дэ-цзун (780–783) уразумел восемь великих основных принципов и восемь главных правил необходимых в государственном управлении, для низложения недостойных исполнителей и возвышения в правительственной лестнице достойных и способных, не опасаясь в этом случае самых лиц от себя удаляемых. Он пролил новый свет на *девять великих классов законов*, которыми должно быть управляемо государство, а для этого определенно восстановил блестящие и мудрые наставления древних законодателей. В этом нелегком деле реновация, он проник глубочайшие законы ума человеческого (Ли), чтобы сделать оные удобными и возможными для исполнения на деле. Принося молитвы духам, он мог поэтому никогда не краснеть от совести. Достигнув также высшей степени в развитии ума, он, однако, сохранял великую простоту. Даровал мир и благоденствие государству и любил часто напоминать всем и подавать пример в приложении великого нравственного правила: «обращайся и поступай с другими так, как бы ты думал и хотел обращаться с самим собою»; отличаясь широкою благотворительностью и состраданием к ближнему, он старался открывать бедность и печали народа, с целью содействия к их облегчению и утешению. Имея пред собою столь светлый образец щедро распространяемых благодеяний к множеству живущих творений и мы стараемся, подражая ему, следовать по его стопам на великом пути к добру. Почерпая из сего источника и избирая его для себя в руководство, мало-помалу и нечувствительно можем достигнуть высших степеней совершенства.

23. Допустив возможность раз навсегда определенной и неизменяемой повторяемости ветров и дождей в соответствующее им время, приходим к заключению, что весь мир наслаждается спокойствием и благоденствием. Таковы точно и люди, управляемые и зависимые от неизменных начал разума, получающие из жизни полное от них удовлетворение, и за гробом спокойствие. Обыкновенно мы любим размышлять, что жизнь есть как бы звук или эхо, отвечающее другому эху; что чувства, вожеления, привязанности и страсти, производимые в сердце человека, изменяются одно за другим пред нашими взорами во благое. Мы, как принадлежащие именитой религии, обязаны употреблять все наши силы в совершении дел достойных её предписания.

24. Наш великий благодетель, начальник и монах, священнослужитель И-сы (I-ese), украшенный от императора пурпуровой мантией с примесью черного цвета, так называемого «цзя-ша» (kia-cha), инспектор при экзаменационной императорской зале, великий господин, с черными инсигниями своего звания, красными и золотыми, экононом императорского дома и вместе нарочитый военный комендант во второй северной части империи, подвергаемой нападению татар, явно засвидетельствовал свои добрые намерения, клонящиеся к согласию и единению вообще и для нас в частности весьма благодетельные. Узнав по слуху о наших трудах и успехах Закона, хотя издалека, он незамедлил скоро прибыть в укрепленный город Китая, именуемый «Царственною обителью» (Wang che tshi tching). Он владел глубоким познанием сердца человеческого и законов правительства за все продолжение трех династий; своими талантами он достиг высшей степени человеческого знания. Хотя и начал он свою службу при императорском дворе в качестве прикомандированного чиновника, но его имя уже начертывалось на знаменах военного начальства. Когда князь (duc) Гун Tseu-i, главный секретарь государства, принц Jeu-уанг вел первую войну в северной провинции, император Сун-Цзун прикомандировал к нему I-sse, для сопровождения шестидесятилетнего генерала в его экспедиции. Хотя I-sse, считаясь приближенным, и мог безопасно предаваться домашним удовольствиям, тем не менее он никогда не отдалялся от своего начальника ради собственного спокойствия в его экспедиции. Он был «ногтями и зубами» князя, тогда как тот «глазом и ухом» вверенной ему армии. Хотя ему и дозволено было употреблять случайные доходы и подарки в

собственную пользу, но он этого не делал ради своего семейства. Наоборот, любил сам делать приношения из хрустальных предметов с западной фабрики, которую имел по милости императора, и обыкновенно отказывался от золотых ковров и других изделий ему представляемых. Как в прежнее, он оказывал благоволение и поддержку к древним храмам, то украшал или увеличивал малые храмы нашего закона, и снабжал их разными украшениями, желая сделать как можно более почетными, то устроил хорошие новые жилые помещения для служащих, взамен прежних, похожих на гнезда фазанов, и разнообразных по цвету, которые при мало-мальски сильном ветре тотчас же разрушались. Далее, подражая вести жизнь учеников светоносной религии и сообразуясь с правилами благотворительности, он раздавал милостыню нуждающимся людям. Ежегодно, созывал общее собрание священнослужителей от четырех различных храмов, для отправления с ними действий очищения и укрепления в осуществлении добра, и благочестиво поддерживал с ними беседы в течении пятидесяти дней, проводимых в уединении. Являющимся к нему голодным он доставлял пропитание, а прозябшим от холода в зимнюю пору – приличную теплую одежду; за больными ухаживал или доставлял все потребное к выздоровлению; заботился и о погребении недостаточных умерших, снабжая их для земного упокоения гробами. Среди самых чистых и лучших сектаторов Будды не было еще такого, который бы славился подобного рода благотворительностью и богоугодными делами.

Ученые именитой религии, что в белых одеждах, по размышлении и всестороннем обсуждении о всех, поименованных выше, избранных личностях, пожелали почтить память о них, награвированною настоящею надписью на камне, который, подобно скале, омываемой кругом волнами, предназначен служить памятником, возвещающим всем о благодеяниях и достойных славы поступках. Вот самые слова, начертанные по сему случаю, в честь достойных людей:

Хвалебные стихи

1. Истинный Господь безначален. Он есть бытие самосущее, молчаливое и неизмеримо пространное, подобно пустыне; – великое и сокровенное начало всех вещей, искусный художник и творец всего, установивший непоколебимо землю и положивший над нею небесную твердь.

2. Разделившись в лице своем, отобразился в мире, для установления меры беспредельного спасения; и восходящее солнце и тьма им рассеиваемая, все старается засвидетельствовать об его истинном и безмерном, как глубина морская, всемогуществе.

3. Просвещенный, славный и высочайший император Тай-цзун (Thai-tsoung), превзошедший всех своих царственных предшественников в познания истинного пути, умел искусно пользоваться обстоятельствами и всегда прекращал возмущения и беспорядки. А от этого и благодетельная сила неба умножалась, и страна постепенно расширялась в её объеме.

4. Светоносная религия, осияваемая величием блеска, возрождалась под могучим словом Танского государства, династии Танов; при одном из её императоров, переведены были священные книги этой религии и выстроены храмы, при нем живые и умершие получали корабль спасения, повсюду появилось счастье и все соподчиненные княжества наслаждались миром и благополучием.

5. Гао-цзун (Kao-tsoung) продолжал дело своих предшественников; даже более, он укреплял и восстанавливал жилища чистоты. Украшенный дворец согласия засиял новым блеском величия, так что слава о его великолепии огласилась во всем государстве.

6. Истинное вероучение, объявленное всенародно, проповедовалось открыто со всею свободою; начальники закона, и местные блюстители, получая свое назначение, становились более почтенными. Все населения наслаждались блаженством и спокойствием; беспорядков и крайних проявлений нищеты вовсе не существовало.

7. Когда Сюань-цзун был провозглашен императором, умел посвятить себя всецело совершению всего, что направляло к прямоте и истине; императорские надписи, в честь его повсюду сочиняемые, распространяли далеко его славу, и изящество сочинений и начертания небесных писем достигли своего полного блеска.

8. Императорские изображения, украшенные драгоценными камнями, поражали блеском великолепия; во всей империи воздавалось им глубочайшее почтение. Всякий с радостью исполнял свои обязанности во всей широте, и народ среди благополучия наслаждался желаемым спокойствием.

9. Затем наследовал император Су-цзун, казалось Небесное Величество заправляло его императорскою колесницей. Солнце святости далеко распространяло свой блеск, и веяние благополучия рассеивало непроницаемый мрак.

10. В императорских покоях водворилось блаженство; ядовитая атмосфера, их наполнявшая, изгнана была навсегда. Су-цзун укротил неистовые страсти и умиротворил народ; он создал истинную тишину нашего царства.

11. *Дай-цзун* был император, отличавшийся сыновним благочестием и справедливостью, и своею добродетелью сочетал небо и землю. Его благодеяния, щедро повсюду распространяемые, производили народное благоденствие, имущество и богатство с пользою употребляемые возбуждали удивление.

12. В благодарность за его добрые дела повсюду курился благовонный фимиам; по своему человеколюбию и состраданию к бедным он щедро раздавал милостыню. И восходящее солнце на утренней заре являлось в полном величии в призрачные тени луны боялись помрачить оное.

13. *Цянь-чжун (Дэ-цзун)*, достигнув высшей степени власти, заботился о совершении и образовании блестящей добродетели. Посредством силы властей и мудрости он умиротворил бури четырех морей (= народ); а своим умственным образованием оказывал влияние во всех странах мира.

14. Светом ума своего он проникал самые тайники сердца человеческого; и подобно чистому зеркалу, отражал все формы вещей. Сиянием ума своего он озарял все пункты вселенной, и у варваров различных стран почитался образцом.

15. Сколь обширно и беспредельно поле учения! Одно оно отвечает на все тайны мысли. Стараясь охарактеризовать его каким-либо именем называем – речью, словом. Оно глубоко и неизмеримо; такова единица-троица.

16. Один государь имеет власть и силу действовать и все совершать! Министры только исполняют исходящее под его именем и по его воле. Не без его ли соизволения сооружена и настоящая пространная надпись на каменной плите, а с нею увековечены и похвалы высшего благополучия.

25. Надпись эта сооружена во второй год Цянь-чжун великих Танов (в 781 г. от Р. Х.), в звездный год бывший в знаке весны, в 7-й день месяца Хай-цзу (1-й китайского года) в праздничный день великого Яо-сань (Осанна) т. е. Вербное воскресенье.

В это же время начальник закона и священник *Нин-шоу* пришел в восточные страны для проповеди среди христианских селений.

Надпись написана на камне и выгравирована *Лю-сю-юанем*, секретарем вышепоименованного совета, бывшего прежде военным супер-интендентом в Дай-чжеу (нынешняя провинция Цзе-Цзян).

Экзаменатор ассистент, Президент трибунала обрядов; священник, настоятель дворца, храмов и церквей, украшенный императором в пурпуровое одеяние с черными крапинами, по имени Цзя-ша: U-li».

Влево китайской надписи, на нижней части читается вертикальная строка с сирийскими буквами esrapheo; а) Байнеми Абад Абагофа Мар Ганан Ишуа Офалика Ратрипис: «От присносушщего Отца Отцов (Бога), господин Га-нан – Иисус вселенский патриарх». Справа внизу тоже читается: б) «Адам Казиза ур Апискуна и Папа-шад Изилистан-Адам, священнослужитель, епископ и Папа китайский».

Затем следует более пространная надпись:

«В тысячный год, вине несуществующий – Ионийцев 92-й, господин Мар Идбузерд, священнослужитель в хорепископ царствующего Кумдана, града; – сын Милиса блаженной памяти, священнослужитель Балха, города Тагурштана Туркестан), соорудил сию каменную таблицу, на коей начертано учение об искуплении совершенном нашим Спасителем и сведения о проповеди Отцов наших Царю Хины (Цзиния)».

Остальные надписи двух родов – на китайском языке и сирийском, с собственными именами священнослужителей как они изложены у Потье, суть:

(Кит.) *Шэн Лян-бао* – священнослужитель Лян-бао.

(Сир.) «Адам священнослужитель, сын Идбузида хорепископ» «Мар Саргис, священнослужитель и хорепископ».

(Кит.) Ревизор и корректор, содействовавший сооружению каменного памятника, священнослужитель Ин-Дун.

(Сир.) Сабар Иешуа, священнослужитель. Габрал (Гавриил) священнослужитель и архидиакон и еkkлезиярх городов Куазедэна и Зараги.

Сирские названия

Китайские названия

1. Мар Иоганон, епископ 2. Аисак (Исаак) священник 3.1. Сен Лэй-вей. 2. « Цзай-син. 3. » Вэнь-Иуиль (Иоиль) тоже 4. Маф (Матфей) 5. Гургисчжень. 4. « Вэнь-мин. 5. " Тхой-дэ. 6. " Йо- (Георгий) 6. Магадад Гунзаф 7. Моос-Адад 8. Андрасюань. 7. » Жэнь-хоэй. 8. « Сюань-чжэнь. (Андрей) 9. Андрас 10. Давид 11. Муза (Моисей) 12.9. " Мин-цин. 10. » Ли-цзянь. 11. " Чя-дэ. Аисак (Исаак) священник 13. Алиа (Илий) 14. Муза12. " Юань-и. 13. « Цянь-тхо. 14. » Хоэй- (Моисей) 15. Абад Ишуа (Иисус) 16. Шмеон (Симеон)тхун. 15. " Янь-хо. 16. « Чун-цзяо. 17. " 17. Арун (Аарон) 18. Петроус (Петр) 19. Айюб (Иов) 20.Фу-меу. 18. » Цзи-мин. 19. " Бао-да. 20. « Лука 21. Мафи (Матфей) 22. Июганон (Иоанн) 23.Энь-мин. 21. " Хе-цзи. 22. » Гуан-лин. 23. Сабар Ишуа (Иисус) 24. Ишуа-дад (Иисус) 25. Лука 26." Тин-юэ. 24. « Жи-цин. 25. » До-дэ Йо Кустинос (Константин) 27. Иуан (Юлиан) 28. Иуильлунь (высокопреподобнейший) 26. " Сен (Иоиль) 29. Аизаб (Исаак) 30. Шмеон (Симеон) 31. ПузуЮй. 27. " Лао-Кэ. 28. « Вэнь-шунь. 29. » 32. Мар Саргис 33. Июганон (Иоанн) 34. Айзабк (Исаак)Си-Чжай. 30. " И-Янь. 31. " Чун-хо. 32. " 35. Мар Саргис 36. Анус (Енох) 37. Июганон (Иоанн) 38.Ин-дэ. 33. " Сюй-дэ. 34. « Сюй-меу. 35. » Адад Сабас 39. Иакуб (Иаков) 40. Мар Саргис,Хоан-чжи. 36. « Ву-чжень. 37. " Юн-дэн. священник и архиепископ 41. Аааги, священник и38. » Лао-чжэн. 39. " Хе-мин. 40. " Ли-дао. архидиакон царствующего града Кумдэна 42. Паулос41. " Фа-вэй. 42. « Шень-тянь. 43. » Гао- (Павел) священник 43. Шмеон (Симеон) 44. Адам 45.лин. 44. « Лаосу-е Цю-мо (старший) 45. » Алиа (Илий) 46. Айзак (Исаак) 47. Июганон (Иоанн) 48.Сюань-Лань. 46. « Гун-чжеу. 47. " Мин-и Июганон 49. Шмеон (Симеон) 50. Иакоб, священник 51.48. " Дай-го. 49. » Чжи-цзянь. 50. « Нин-Абад-Ишуа 52. Ишуадад 53. Иакуб 54. Юганон 55.Чжай. 51. " Ли-юн. 52. » Юань-бао. 53. « Зубчаалмаран 56. Мар Жузеф 57. Самзун (Сампсон)Фэн-чжень. 54. "Чжи-дэ. 55. » Хэ-гуан. 56. 58. Африм 59. Анания 60. Курикоус (Кириак) 61. Куз 62." Гун-фу. 57. " Да-хэ. 58. " Чун-дэ. 59. " Амиун 63. Габраил 64. Юганон 65. Шмеон 66. Айзак 67.Дэ-ю. 60. « Фу-шень. 61. " Юн-дэ. Юганон

Кархер, в *Prodromus Coptus* (p. 88 et suiv.), и в его *China illustrata*, воспроизводит надписи *estranghelo* с латинской транскрипцией; ряд имен гравирован на камне: «*nomina eorum qui margine lapidis Syro caractere incisa spectantur*», которые засвидетельствованы у Ассемана. Потье однако же сомневается в подлинности этих 24 имен, которые суть следующие по латинской транскрипции:

1. Constantinus 2. Saba Cusio, seu Aethiops 3. Mar Sargis Tabennitba 4. Isaac Cusius seu Aethiops 5. Paulus Sacerdos 6. Simon 7. Adam 8. Zugen Marius, Sacerdos 13. Susen Episcopus. 14. Jacob Sacerdos. 15. Ahad Cyusnaseph, sucerdog. 16. Aruss Sacerdos. 17. David. 18. Asbo Cusius, seu Aegyptius 9. Mathacus Cusius, seu Aethiops. 10. Aethiops. 19. Abba Syrus. 20. Abraham. 21. Annania Coptita 11. Gabriel Saacerdos 12 Lucas Simon. 22. Petrus. 23. Lucas. 24. Mathaeus. Sacerdos

Предлагаем в дополнение к Потье, *другой (тех же лиц) поименный список семидесяти проповедников Евангелия*, распространявших христианскую религию в Хинном царстве; делаем извлечение из *Historia Tartarorum Ecclesiastica Laurentii Moshemii*. 1741 г. стр. 26–27, с разделением всех лиц на VII классов.

Класс I. 1. Мар Иоанн, епископ. 2. Исаак пресвитер. 3. Иоиль « тоже. 4. Михаил » тоже. 5. Георгий « тоже. 6. Магадад Гузназаф тоже. 7. Мар Адад тоже. 8. Исаак » тоже. 9. Исаак « тоже. 10. Давид » тоже. 11. Моисей « тоже.

Класс II. 1. Акакий пресвитер и монах. 2. Илия « тоже. 3. Моисей « тоже. 4. Эбедезий » тоже. 5. Симеон « тоже. 6. Иоанн » тоже.

Класс III. 1. Аарон. 2. Петр. 3. Иоанн. 4. Лука. 5. Иезу-Еме. 8. Иоанн. 9. Сабар-Иезус. 10. Иезу-дад. 11. Лукас. 12. Константин. 13. Иоанн.

Класс IV. 1. Адад-Сафа. 2. Иоанн. 3. Енох. 4. Мар6. Иоанн. 7. Мар Сергей. 8. Фузес. 9. Сергей. 5. Исаак. Симеон. 10. Исаак. 11. Иоанн.

Класс V. 1. Иоанн пресвитер. 2. Мар Сергей пресв. и5. Симеон « тоже. 6. Адам » тоже. 7. Илия « архиепископ китайский. 3. Георгий пресвитер и тоже. 8. Исаак » тоже. 9. Иоанн « тоже. 10. архидиакон гор. Кумбана. 4. Павел пресвитер. Иоанн » тоже. 11. Симеон « тоже.

Класс VI. 1. Иаков пресвитер. 2. Эбедезий » тоже. 3.7. Иаков « тоже. 8. Симеон » тоже. 9. Иезу-дад « тоже. 4. Иаков » тоже. 5. Иоанн « тоже. 6.Ефрем « тоже. 10. Илия » тоже. 11. Кириак « тоже. 12. Кир » тоже. 13. Эммануил.

Класс VII. 1. Гавриил. 2. Иоанн. 3. Соломон. 4. Исаак. 5. Иоанн.

Приложение 1-е, к § 32. Б) Памятник христианской веры в Китае, в русском переводе Захара Леонтьевского, с замечаниями его же (к той же сирско-китайском надписи)

«Памятник Христианской Веры в Китае, переведенный с китайского языка Захаром Леонтьевским»³⁴

1. «От Вечного, Совершеннейшего и Блаженнейшего родилось безначальное, непостижимое, премудрое, вечное, невещественное Начало, которое есть бесконечно, превыше всего сотворенного. Оно всему даровало жизнь, и все сохраняет.

2. Сие Существо, превосходящее всех Святых, досточтимое, по естеству единое от Троицы, чудесное, безначальное и истинное, есть Царь Иудейский. Он наподобие креста образовал четыре страны света; сотряс хаос и произвел два воздуха;³⁵ изменив тьму и пустоту, сотворил небо и землю; приведши в движение солнце и луну, отделил день от ночи.

3. Дав бытие всякой твари, сотворил первого человека; и предназначил ему жить в мире и согласии заповедал обладать землею.

В начале склонности человека были невинны, и сердце его было непричастно страстям.

4. Но потом Са-дань³⁶ лестью и коварством, покушаясь истребить чувство покорности и повиновения к Создателю, возбудил в нем самонадеянность и недовольство настоящим положением, и заставил слепо повиноваться своим внушениям.

5. Отсюда родилось всякое заблуждение и зло на земле; произошли 365³⁷ различных учений, которые были близки одно к другому и противоречили истине. В одном из них заключалось обоготворение тварей; в другом ничтожество и бытие иногда смешивались, а иногда отделялись одно от другого; то предписывало приношение жертв бездушному, и обещало за сие счастье; а другое прославляло добродетель, и вместе питало гордость. Одни колебали разум, уклоняли сердце от признательности за благодеяния, и не обещали никакой пользы; в других предписывалось приносить в жертву людей, сжигать, истреблять их. С течением времени люди совершенно оставили истину и добродетель и не думали об исправлении.

6. Посему одно Лицо нашей Троицы, досточтимый вами Святейший Ми-ши-ко,³⁸ сокрыв свое истинное величие, явился в мире в образе человека, – и духи неба возвестили радость воплощения Его от Пренепорочной Девы в Да-цине.³⁹ – Необыкновенно светлая звезда ознаменовала сие чудо, – и Бо-сы,⁴⁰ руководимые её сиянием, пришли к Воплощенному с дарами.

7. Чрез сие воплощение сбылось предсказание 24 святых мужей, – и получили благоустройство дома и царства. Сие Лицо Троицы чистейшее, животворное и неизреченное, преподав новое учение, исправило прежние понятия, уверило в истине; предписав восемь заповедей,⁴¹ исправило зло, и привело к добру; открыв путь к трем добродетелям,⁴² поспало смерть и дало жизнь. Светозарное Солнце, вознесшись на крест, осияли вместилище тьмы, – и тем уничтожилась ложь диавола; ладья милосердия, вывезшая из одного вместилища души, временно там пребывавшие, пристала к берегу, на коем находятся светлые чертоги, для них приготовленные. Свершив сие дело могущества. Божественный Посланник среди полудня вознеся на небо пред учениками своими, которые оставили нам 27 священных книг,⁴³ содержащих в себе всю премудрость, всякое совершенство разума.

8. Им установлено таинство Крещения для очищения тела и духа.

Знаменем креста мы соединяем озаренные светом четыре страны мира, и примиряем беззаконных; звоном колокольчика призываем на глас милосердия; молитвенным обращением на Восток указуем путь к животу и славе.

9. Отращением бороды выполняем обряд благочестия; стрижением головы выражаем умерщвление в нас худых помыслов; освобождением от рабства пленных мы доказываем то, что живем в согласии со знатными и низкими; презрением богатства мы означаем, что предел нашею странствования не далек; соблюдением поста мы делаем самих себя способными к глубокому размышлению; постоянным воздержанием и умеренностью сохраняем здоровье; семикратною молитвою в продолжении дня оберегаем себя от падения; приношением жертвы в седьмой день очищаем сердце.

10. Закон, предписывающий сии правила, истинен, вечен, чудесен и глубок. При всей его ясности не могли дать ему определенного наименования, и назвали его просто православным

учением.⁴⁴ Но правила без святости не имеют полного значения, а святость без правил не может восходить на высшую степень совершенства. И так, если законы и святость будут во взаимной связи, то на земле явится просвещение.

11. Государь *Тай-цзун-вэнь*⁴⁵ разлил свет просвещения на свое государство, и благочестие водворилось в нем. *Дацин-ского* государства человек добродетельнейший, именем *О-ло-бэнь*, желая видеть законы и обычаи народов, обращенный лицом к небу, проходил с книгою истины многие опасные места, и наконец в год правления *Чжень-гуань*⁴⁶ достиг города *Чан-аня*.⁴⁷ *Тай-цзун*, поручив первенствующему вельможе *Фан-гун-сюань-лину*⁴⁸ управление делами, относящимися до западных внешних государств, повелел ему встретить и принять одного странника в свою столицу. – После сего он приказал ученому судебному месту перевести принесенную им священную книгу, и доставить ко двору для рассмотрения правил, в ней заключающихся; и, совершенно уверившись в её истине, повелел преподавать её учащимся.

12. За сим правление *Чжень-гуань* 12 года 7 месяца осенью⁴⁹ последовал указ следующего содержания: Сия книга не имеет определенного названия, а святость её предписаний – определенных границ; и потому учение в ней содержащееся, как благотворное для рода человеческого, принять за веру. Государства *Да-цинъ-ского* добродетельнейший *О-ло-бэнь* из отдаленных пределов принес в нашу столицу священную книгу и образа. Мы, рассматривая её учение, нашли, что оно чудесно, спасительно и чуждо лукавства, а Виновник его есть Существо, дающее жизнь тварям; многословия же, излишества и уклонений от цели в ней нет. Поелику она содержит в себе полезное для людей и тварей, то должна быть принята во всем государстве. Для сего в нашей столице на улице *И-нин-фан* немедленно построить *Да-цинъ-ский* храм, и поместить в нем 21 *Сэна*⁵⁰ оной веры. В древности, когда в государстве *Чжеу* добродетель иссякла, тогда *Цин-цзя*⁵¹ ушел на Запад: ныне, по восстановлении в великом государстве *Тан* устройства и порядка, как бы на крылах ветра перенеслось в него православное учение с Востока.⁵²

13. За сим *Тай-цзун* повелел местному начальству⁵³ написать истинный образ *Ди-я*,⁵⁴ и утвердить на стене одного храма. Сей образ, выражавший свойства Божии, показывал вместе и дух самого учения, а своими святыми чудесами утверждал его истину.

14. Рассматривая землеописание западных государств и историю государств *Хань*⁵⁵ и *Вэй*,⁵⁶ мы находим, что к государству *Да-цинъ-скому* с юга прилежит море *Шань-ху*,⁵⁷ а с севера горы *Чжун-бао*;⁵⁸ на западе его открываются прелестные места с цветущими рощами; а на востоке *Чан-фен* и *Жо-шуй*.⁵⁹ Там можно получать несгораемое полотно, бальзам, жемчуг и *Е-гуан-би*.⁶⁰ Там не известно воровство, и люди спокойно проводят жизнь; кроме законов, называемых *Цзин*, других нет; государи там все – мужи добродетельные. Страна сия обширна, и просвещение в ней на высокой степени.

15. Великий государь *Гао-цзун*,⁶¹ взойдя с благоговением на прародительский престол, восхотел распространить истинное учение, и по всех *Чжеу*⁶² повелел построить по одному храму по славу одного, а *О-ло-бэня* поставил первосвященником. Таким образом учение распространилось во всех десяти областях.⁶³ Государство разбогатело и народ стал благоденствовать. Во всяком городе были построены храмы, и в каждом доме воцарилось изобилие и счастье.

16. Но когда, в правление *Шен-ли*,⁶⁴ буйство сделалось отличительным характером юношества, а в государстве *Чжеу*, лежащем на восток, в конце правления *Сян-Тянь*,⁶⁵ писатели были заражены духом вольнодумства, то сие учение подверглось сильному осмеянию; на западе ж в *Хао* старались его опорочить. К счастью, первосвященник *Ло-хань*, добродетельнейший *Цзиле*, и другие знатнейшие люди, превосходящие прочих достоинствами, силились всеми мерами возвысить истину.

17. В то время государь *Сюан-цзун-чжи-дао*⁶⁶ повелел пяти владельцам *Нина* и других княжеств отправиться в места, в которых не оскудело еще благочестие, построить там храмы, и восстановить обители, клонившиеся к падению.

18. В первой год правления *Тянь-бао*⁶⁷ главный полководец, по повелению своего владельца, отвез в те места пять святых образов для поставления их в храмах, также сто кусков шелковых тканей, как дар алтарям; что было причиною празднества. Долго люди ожидали сих образов; но по крайней мере теперь они могли взирать на них. Яркость красок и живопись представляли изображенных угодников как бы присутствующими.

19. В третий год того же правления⁶⁸ Проповедник *Цзе-хо*, глубокий наблюдатель небесных светил и таинств природы, отправился из *Да-цин* на Восток, и достигнув пределов нашей земли, явился к государю, который повелел ему с *Ло-хан-ем*, *Пу-лун-ем* и другими, всего 17 священникам, отправлять богослужение в *Син-цин-гу*не. Сам государь сочинил книгу *Бан*, в которой изъяснения нашего учения по своей верности могут почестся драгоценнейшими. Он в ней чудесно истолковал места, прежде с великим трудом изъясняемые, и все довел до чрезвычайного совершенства. Тогда-то благодать и милосердие возвысились, подобно южным горам, и разлились, как воды Восточного моря, во всей полноте своей! Тогда-то начала справедливость процветать во всей красоте своей, и стало утверждаться владычество святости! Все это действительно достойно памяти потомства!

20. При государе *Су-цзун-вэн-мине*,⁶⁹ в городе *Лин-у* и других, всего в пяти, были построены храмы во славу нашего православного учения; и сим всюду распространилось высочайшее благо, благодать возымела полное действие, истинное блаженство посетило людей, и водворился величайший порядок.

21. Государь *Дай-цзун-вэн-у*⁷⁰ содействовал к распространению сего православного учения, и, имея к нему такое уважение, какого доселе никто не имел, ежегодно на ночь пред светлым днем Рождества присылал свечи, в ознаменование того, что в сие время совершилось наше спасение; – давал во дворце своем пиршества, и оказывал чрезвычайное благоволение к исповедникам нашей веры; и не только сим благоволением, но и одобрением всего, что согласовалось с православною верою, он способствовал необыкновенному её распространению. Поелику государь старался сообразоваться с деяниями Святых Отец, то и был в состоянии показать все величие веры.

22. В правление *Цзян-чжун*,⁷¹ наш властитель *Шен-шен-вэн-у*⁷² объяснил не изъясненное в восьми главах закона, и составил из них девять, подтвердив новыми указами. Сии законы он приспособил к мудрым законам Творца; и никто уже не затруднялся приносить прошения и молитвы. При соблюдении правил нашего учения он соблюдал величие своего сана, и далек был от лицемерия; при всем своем совершенстве, он был скромн и снисходителен; будучи чрезвычайно милосерд, он подавал руку помощи страждущему человечеству, и каждому состоянию своих подданных даровал надлежащие права.

23. Велики подвиги тех людей, которые исправляли наши поступки и постепенно руководили нас к добру! Если бы ветры и дожди наступали только в то время, когда они нужны; если бы на земле был порядок и люди беспрепятственно могли исправлять все свои дела; если бы природа представлялась нам в яснейшем виде, живущие благоденствовали, а мертвые были ублажаемы, всякое доброе желание было удовлетворяемо, и каждое рвение к чему-либо предварялось благим намерением: то не было бы никакого препятствия к распространению нашей православной веры. Главный раздаватель милостыни *Цзин-цзы* и областной начальник *Гуан-лу*, вместе со своим помощником, который исправлял придворную должность *Ши-дянь-чжун-цзян*, оставили нам красную одежду.

24. Когда разнесся слух, что проповедник *И-сы* наслаждается миром и склонен к благотворению; тогда все стали жить по вере, и из отдаленного города *Ван-те* многие прибыли в *Чжун-ся*.⁷³ В то время для веры был золотой век: она имела влияние на нравы народов, и великую силу при дворе; что можно было заметить на занавесах государя. – В те дни, когда государь *Су-цзун*⁷⁴ послал *Чжун-шу-лина* полководцем в первый раз отправленного войска от *Фэн-яна*. *Цзин-Вана* и *Гун-цзы-и-я* на север, сей последний благосклонно обращался с воинами, ничем не отличал себя от них; чрезвычайно строго наблюдал справедливость и надзирал за воинами; разделял между своими подчиненными собственное жалование и награды, сам нимало не пользуясь ими. Получив в награду поместье *Пу-ли*, и не имея возможности жить в нем, по причине непрестанной перемены своего местопребывания, он построил там для проезжих гостиницу. Он обновлял храмы и строил вновь дома, в которых преподавалось учение, наружность сих зданий была чрезвычайно красива; православное учение усилилось, и милосердие простиралось на всех. Каждой год веропроповедники четырех храмов и исповедники веры собирались в одно место, и с благоговением молились около 50 дней,⁷⁵ созывали алчущих и питали их, одевали претерпевающих холод, наделяли болящих, погребали мертвых, и неслыханным доселе образом подвизались на поприще добродетели. Проповедники православного учения были мне известны, и я, охотно желая прославить их, вырезал на сем камне их подвиги.

25. Сей Памятник поставлен в государстве *Да-тан* 7-го числа первого месяца второго года правления *Цзян-чжун*".⁷⁶

Приложение 2-е, к §§ 31–36. Христианские понятия китайского императора И-цзуна, Танской династии (860–874), по свидетельству Ибн-Вагаба 871 года

Христианские понятия китайского императора И-цзуна, Танской династии (860–874 г.) в IX в.

Арабский путешественник Ибн-Вагаб,⁷⁷ посетивший Китай в 871 году, представленный лично к императору, был удостоен довольно продолжительной беседы чрез переводчика, в продолжении которой, после расспросов о разных дедах на Западе и лично касавшихся путешествующего купца, речь зашла о предметах чисто религиозных.

«Видал-ли ты когда-нибудь своего Господа, или – имеешь ли о нем какое-либо понятие как учителя?»

Араб отвечал: «Как мог я видать Его, когда он на небесах с Богом Отцом?»

Император: «Ты не понял меня. Я разумею Его изображение, вид».

Араб отвечал на это утвердительно.

Тогда император приказал принести ящик, с художественными изображениями, который тотчас и был положен на стол. Государь, взяв несколько листов, сказал переводчику: «Покажи купцу изображения его Учителя».

«Я узнал, повествует Ибн-Вагаб, на предъявленных мне листках лицевые портреты пророков и когда стал их с должным вниманием рассматривать, император изволил заметить, что я шевелил губами, и потому тотчас спросил о причине сего чрез своего переводчика. Я отвечал, что – втайне молился пророкам». Император спросил: «Каким образом ты узнал их»? Я отвечал: «По тем отличительным принадлежностям, которые заметил у каждого из них. Вот Ной, спасающийся с семейством в ковчеге, в то время как Всевышний с небеси повелевает водам поглотить его и всех людей при общем потопе, от которого и спасся один праведный Ной с семейством своим».

При сих словах, император улыбнулся и воскликнул: «Ты справедлив и верно угадал! ибо узнал точно на этой картине Ноя, во время всемирного потопа, которого мы однако ж не допускаем. Потоп мог обнять только известную часть земли и отнюдь не достигал ни нашей страны (Китай), ни Индии».

Ибн-Вагаб старался привести доказательства, в подтверждение этой казавшейся ему несомненной истины, но заметив, что государь остается при своем убеждении, продолжал делать замечания при рассмотрении то тех, то других изображений: «А вот Моисей со своим жезлом и сынами Израиля!»

Император сказал: «Так. Но Моисей представлен на малом театре (т. е. играет ничтожную роль) и весь руководимый им народ кажется слишком мало расположенным повиноваться ему!»

Ибн-Вагаб возразил: «А вот и Иисус, шествующий на ослиати и окруженный апостолами».

Император продолжал: «Однако немного времени побыл Он на этой сцене? Его Миссия продлилась только тридцать лет (?)».

Ибн-Вагаб обозревая далее ряд священных изображений и продолжая в том же роде вести разговор с государем, заметил, что под каждым из них есть подпись, свидетельствующая о личности того или другого пророка, обстоятельствах сопровождающих и иллюстрирующих его миссию. Затем Ибн-Вагаб рассматривал разные книги еврейские и христианские.

Далее, продолжает свой рассказ Ибн-Вагаб, я увидел образ пророка, на котором была надпись "мир!". Он сидел на верблюде, будучи окружен со всех сторон – и на верблюдах и пешими – народом разного пола и возраста, теснившимся около него. На его ногах были арабские сандалии и у всех за поясами были висящие мешочки»

Заметив меня проливающим слезы, император спросил о причине сего. Я отвечал: «Вот пророк наш – истинный Господь, и наш собрат, а над ним – мир».

Император заметил: «Ты сказал правду. Он и его народ достигли высочайшей пред другими царствами славы. Только никто не мог узреть своими очами здания, им основанного и сооруженного, ибо видеть это могли лишь те, кто был Его буквально – последователем».

«Потом я увидел, продолжает Ибн-Вагаб. большое количество остальных фигур пророческих, из которых одни указывали пальцем руки на небо, другие обнаруживали движение, свидетельствующее о внимании к выслушиваемой проповеди и подтверждении её истины. Некоторые фигуры были представлены стоячими, другие взирающими на небо или указующими на него. Из остальных рассмотренных картин были портреты различных пророков (ученых,

философов) Китая и Индия». По замечанию М. Рейнода коллекция, представленная Ибн-Вагабу, заключала все изображения известных исторических личностей – иудейства, магометанства, буддизма, конфуциан и других. Этим лучше всего, между прочим, объясняется и религиозная терпимость Танских государей, даже индифферентизм: то эти государи склонны к христианству, то к буддизму, то к учению Лао-цзы, не отступая однако ж от Конфуцзы.

Приложение 3-е, к § 32. О веротерпимости и богопочтении Кублай-хана и его взгляде на религии, по свидетельству Марко Поло 1286 года

О веротерпимости и богопочтении Кублай-хана, основателя монгольской династии в Китае, и его личном взгляде на последователей разных учений в XIII веке

По свидетельству Марко-Поло,⁷⁸ в 1286 году, «когда Кублай-хан победил армию Наяна, в которой были и христиане, тогда иудеи и сарацины, убедившись в поражении крестного знамени, насмеялись над туземными христианами, говоря: взгляните на положение, в котором находитесь вы и ваши последователи».

В другом месте, касаясь церемоний Кублая, сопровождавших христианские празднества в городе Пекине (называемом «Камбалу»), Марко-Поло продолжает, что Кублай-хан одинаково соблюдал празднества сарацинов, иудеев и язычников; а на вопрос некоторых лиц о причине подобного поведения, он отвечал: «есть четыре великих пророка, чтимых и поклоняемых у разных классов народа. Христиане исповедуют и почитают Богом Иисуса Христа, сарацины чтут Магомета, иудеи – Моисея, а язычники поклоняются «Согомон-Баркану» – величайшему из всех идолов. Я же лично, чту и поклоняюсь всем четверем, а молюсь и прошу помощи у Того из всех их, который воистину есть настоящее Высочайшее Существо, обитающее на небе». Такого рода и поведение, и взгляды, по замечанию Марэдэна, к приверженцам разных религиозных систем, совершенно согласовались с характером Кублая и его политикой. Этим он старался удовлетворить всем классам подданных, в частности – жителям столицы, китайцам и своим служащим при дворе. Представляя всем полную свободу в убеждениях, он не беспокоился, кто какой придерживался религии, имея в голове только одну мысль – оказывать этим услугу и покровительство всем подданным. Евреи получили позволение построить свою синагогу в г. Кхай-фын-фу, пользуясь этой терпимостью государя ко всем религиям. – Несмотря на то, Кублай откровенно сознавался однажды, посетившим его венецианом, что «религия, исповедуемая его подданными – язычниками, есть чисто дьявольская и что одна христианская не в пример выше и чище!»⁷⁹

Приложение 4-е, к § 36. Рассуждение о ереси китайского императора Юнь-чжэна 1727 г., изложенное в эдикте на имя Государственного Совета и 9-ти высших чинов империи

Рассуждение о ереси китайского императора Юнь-чжэна Дай-цинской династии, 1727 года, изложенное в эдикте на имя Государственного Совета и девяти высших чинов Империи, данном в Пекине в восьмой день четвертого месяца, в пятый год царствования⁸⁰

«Ныне празднуем день годовщины рождения Шакьямуни (Будды), совпадающей с днем вручения нам кредитивной грамоты от португальского посланника с благожеланиями от его правительства нашему престолу: совпадение обоих событий, конечно, – дело случайное. По обоим причинам, равно важным, повелеваем всем высшим чинам прекратить текущие занятия на нынешний день, посвятив оный на обсуждение некоторых религиозных вопросов, касающихся разности вероучений.

До сей поры, буддисты и даосы, в высшей степени позволяли себе всячески поносить христианство и кощунствовать над ним; в свою очередь и христиане вели себя не менее высокомерно и презрительно к партиям последователей Будды и Лао-цзы, взаимно враждующим, позволяющим разные обидные насмешки и колкости и именующим друг друга – еретиками, неправомыслящими, неверными.

По внимательном обсуждении сего рода вещей в настоящее время, не касаясь подробного определения – которая сторона орфодоксивная, и которая еретическая, обращаясь за разрешением вопроса к изречению нашего Конфуцзы о ереси. Он пишет: «исправь ереси, ибо они, конечно, несправедливы» (Лунь-ю, гл. 2). Должно ли понимать здесь весьма тонкий намек на то, будто под ересью Конфуцзы разумел все, что несообразно с его учением? Каковы-бы ни были принятые и существующие в свете религии, китайская или чужеземная, в своем практическом приложении, та и другая, стремятся лишь к тому, что справедливо, хотя, по времени и для умов известных личностей, средства к достижению сей цели могут казаться еретическими.

Примером может служить обычай португальцев (он же конечно и европейский), в выражении благоговейного почитания Небесного Господа (Тянь-Чжу).

Известно всем, что Небом, чрез изменения Ина и Яна и пяти элементов создан весь материальный мир; вследствие чего, мы утверждаем, что существует на Небеси какое-то Начало, именуемое нами Всевышним Господом – «Шан-Ди». Сказывают, что издревле и по ныне есть такие люди, которые не имеют и понятия о почитании Неба. Существует ли в сем отношении какая-либо разность у христиан (с сими людьми и нами)? Почитают ли они Небо так, как мы, или – несколько иначе? Если христиане почитают, то в чем, состоит эта разность или особенность? Если известно, что Небо, от которого происходит мир, – для спасения людей преобразует самое бытие рожденного человека, то к чему допускать разные чудовищные басни, распространяемые и изобретаемые безумцами и выдавать таковые под именем религиозных учений? Не принадлежит ли к разряду таковых же и ересь, именуемая христианством? Наше мнение таково, что, когда европеец почитает свою религию высшею и лучшею сравнительно с тою, каковая существует в стране ему чуждой, то, по приходе в сию страну, первую его заботой бывает – чтобы и туземный народ также верил как он, и также поклонялся Небу и почитал оное как сам пришлец. Явление такого рода конечно понятно и естественно. Но если б кто сказал, что такой-то пришлец, утверждая принесенную с собою религию и себя самого объявляет Богом – Царем Небесным, то не будет ли всякий здравомыслящий почитать такое поведение чужеземца крайне безумным?

Фактически, буддисты признают нравственную чистоту и пассивное спокойствие самым коренным и существенно важным делом для озарения духа, просветления его светом присущим Божеской природе, и ниспосылаемым свыше по достоинству человека; такое состояние духа они почитают для себя одним из высших средств, споспешествующих самоиспытанию и усовершенствованию человека. Они говорят, что с допущением одних формальных отношений, подобных у господина со слугою, не может быть и речи о взаимном расположении, какое присуще отцу и сыну; и, что, изолируя издавна определившиеся отношения добродетели социальной жизни, приходится крайне разграничить одни от других (т. е. юридические и нравственные): или, что еще хуже, – должны допустить полнейший произвол всякому думать и судить о добре как взбредет в голову и нести всякую дичь. Наконец, и это самое худшее из всех зол, возможно, под

предлогом религии или профессии, допущение разным неблагонамеренным лицам распространять среди рабочего люда, и вообще невежественной черни, идеи, совершенно расстраивающие недалекие умы, а чрез это производить брожение и беспорядки; самое же осуждение буддизма у сего рода личностей, отрицание оногo как пагубной ереси, может служить опасным средством для произведения общественного беспорядка.

Конфуциане славятся вообще как хорошие хранители пути добродетели прежних царей, то как глубокие знатоки священных классических писателей, то как истолкователи мудрости; народ поэтому привык издавна, не без основания, с доверием относиться к их праву и всегда стоять под их руководящим знаменем. Судя потому, насколько их проза и поэзия доставляет дорогие вклады в общую сокровищницу политических статутах, и литературные степени ими получаемые в восходящей лестнице дают соответствующую им славу и почет. Но если бы те же гг. кунфуциане, следуя разнузданности ума своего, захотели волновать народ, прикрываясь законностью и своим авторитетом, и для этого вздумали бы сочинять неприличные эпиграммы, скверные по содержанию и форме стихи, для забавы и пустого времяпрепровождения, или рассеянности народного духа, то такого рода поведение и деяния конфуциан мы вправе признавать ересью.

Что дозвоительно, в известной степени, колдунам, магам и другим шарлатанам, то не может быть терпимо со стороны гг. ученых (– школы Лаоцзы). Оба класса сих лиц не отрицаемые у Конфуцзы, также и по нашему мнению, не имеют ничего еретического. Ныне чародеи даже почитаются необходимыми личностями при жертвоприношениях небесным и земным духам, а *ученые* (последователи Лаоцзы или – даосы) признаются полезными при лечении болезней и вспомоществовании народу хлебом. Если ж деревенские знахари будут соблазнять народ и наущать на что-либо дурное, а потом, воспользовавшись общим смятением, с криком и шумом учнут разбивать народные продовольственные лавочки или харчевни, то такой образ действий признаем также *ересью знахарей и лекарей* (т. е. ученых даосов). Наказуя в сем случае означенных лиц и преследуя законным порядком за нарушение общественной тишины и спокойствия, или, за нанесение вреда здоровью людей и ущерба имуществу, мы не совершаем ничего еретического.

Не только наказуются по означенной причине личности, признанные еретиками, но даже всякого рода индивидуальные предметы и их составные части, имеющие известное служебное назначение; и эти вещи, если признаются излишними и бесполезными, тоже вовсе разрушаются или повреждаются до неузнаваемости их первичного вида, потому только что они окажутся еретическими.

Когда Цзу-лэ (Tzu-loo) вздумал однажды порицать Конфуцзы за сочиненную им молитву, то Конфуцзы отвечал: «я совершаю молитвы о даровании благоденствия». Ныне, составленная Конфуцзы молитва признается орфодоксивною, а сочиненная Цзу-лэ – еретическою. Когда предмет один и однороден, но, по содержанию, делится на истинное и ложное, неправое и справедливое, тогда истина и справедливость признаются правоверием (orthodoxy), а все лживое и обманчивое – ересью. Равным образом и в рассуждении о предмете, рассматриваемом с истинной и ложной точки зрения, выделяется то, что ошибочно или исправлено, и что не имеет даже признаков сходства или тождественности с индивидуальным (оригинальным предметом).

Таково вообще знамя для всех принятых и поныне существующих религий в мире. Как китайская, так и всякая иноземная религии, согласны в признании за основное и существенно необходимое для всех, напр.. сыновнее благочестие, поощрение всего хорошего и полезного, преследование всего дурного и порочного, удаление от всего неблагопристойного и крайне произвольного, также – смертоубийства; все стремятся к просвещению нравственного характера и вообще доведения человека до его истинно нормального состояния. Человек, выходящий за пределы естественного состояния, обязан, при свете религии, ежедневно следовать известному порядку в своей жизни, которым и обязан дорожить; таким же точно способом может быть доведен до порядочного поведения и народ, в течении продолжительного периода времени. Однако ж, поверхностно ученые преемники в сем великом деле (народного воспитания и направления) вступая между собою в разногласие и объявляя друг друга еретиками, совершают всякого рода неразумные, лживые и превратные толки; чрез что, мало-помалу, при столкновении религий и усвоения той или другой из них, происходит ересь.

Китай имеет свою собственную религию, Европа – свою. Нет ни малейшей надобности допускать преобладающее пред прочими распространение и влияние европейской религии в

Китае, равно было бы неблагоприятно Китаю навязывать Европе свою религию и домогаться о её процветании в чужой стране. Стоит вспомнить при этом несчастную судьбу бестолковых и невежественных мятежников – сыновей Суна, Ву-эрт-шень, и других, которые, презрев обычаи предков, своею дерзостью и крамолой возмутили спокойствие самого престола, за что и были преданы всем орудиям пытки и самой смерти, без малейшей пощады и сострадания. И нужно ли сему удивляться?

Рассуждения европейцев о Боге (Царе Небесном), который будто бы преобразился в человеческое существо, можно отнести к разряду умопомешательства и обмана. Ужели возможно допустить, будто Бог, для управления Своим мирозданием в бесконечном пространстве, непременно должен был принять человеческое тело и в нем для сей цели поселиться? Благоговейно приемля необходимость воплощения Бога для назидания людей, в свое время благопотребное, усматриваем в сем факте образ и повторение сказаний Яо о его воплощениях; тогда как в замеченном выше суждении находим доведение одного до крайней степени неблагоприятия и вообще – совершенно излишним.

Европейцы признаются знатоками в науках астрономических и весьма опытными в деле государственного управления. Поэтому то и царь их (король португальский), выражает желание завести и поддерживать с нами добрые отношения; уверены, что, как ныне, так и на будущее время, не откажется воздавать нам должную дань внимания. За последнее десятилетие, мы еще более имели случаи и возможность убедиться в его к нам расположении, в чем совершенно успокоились и надеемся, что так будет и далее.

Монголы благоговейно приемлют учение Будды и во всем следуют его словам. Признавая однако ж монголов своими подданными и потому давая свое покровительство и охрану им, не отделяем ламаизма, составляющего одну из сторон буддийской религии. Невежественные личности, однако ж, к нашему неудовольствию, заводят разные распри, проповедуют сомнения, основываясь только на поверхностных и узких взглядах своей политики.

На основании всего вышеизложенного думаем: всякий, кто, по упорству и своеволию, не составив наперед определенного и здравого понятия в уме о каком-либо предмете, по общему убеждению приемлемом за справедливый и верный, позволит себе письменно или словесно глумиться, рассеивать жалобы и упреки, как на предмет, кажущийся ему лично ложным и несправедливым, должен быть признаваем врагом (общественного мнения) и крамольником. Не было доселе еще примера, чтобы люди нравственного характера, позволяли себе уклонения от прямого и справедливого пути, и чтобы особенно дорогих предметов было много; в сем конечно никто спорить не будет, истина очевидна. С другой стороны, нельзя не согласиться, что каждый предмет имеет свое достоинство и свои несовершенства. Допуская одно, мы должны отринуть другое, и из всякого рода принесенной смеси должно быть выделено все достойное цены и выброшено все мрачное и неопределенное. Действуя таким способом, народ может жить в совершенном согласии и мире, каждому предоставляется идти спокойно своим путем в жизни. Таким же точно образом издревле проливаемый на жизненные отношения свет давал преобладание всему возвышенному и благородному в принципах, коим следовали в преимстве и вдохновлялись ими императоры и государи; все же что было источником разлада и путаницы, удалялось и отсекалось. Благодаря такому образу действий только, в продолжении весьма многих столетий, царствовал во всем мире порядок, устроялось, поддерживалось и укреплялось совершенное согласие и благополучие в нашей империи».

Отделение 3-е. Восточные магометане и китайские в особенности, их учение, исторические памятники, полемические сочинения европейских ученых и миссионеров

§ 38. Магометане, их вероучение и Магомет по характеристике китайского мусульманина «Лю-цзе-лянь», Коран – его разделение и содержание 114 сур, происхождение и значение, места для сравнения с Библией и суры, ей противоречивые, переводы Корана и комментаторы

Магометанское вероучение – «Цза-цзяо» или «цзе-цзяо», также – «Имани», с предстоятелем во главе – «Имаму» и муллами, – «Ахуны», имеет *общее исповедание*: «верую в самосущего Бога, явившего досточтимое имя свое делами; принимаю все постановления Бога», и *Символ*: «верую в истинного Бога; верую в небесных; верую в священные книги; верую в святых; верую в будущую жизнь; верую, что добро и зло предопределено от Бога; верую в воскресение мертвых». Главный толк в Китае – ханифы; есть старообрядцы толка шафира, их особенности: «при исповедании поднимают указательный палец; не снимают при известных молитвах башмаков; при заклинании животного, или птицы, снимают прежде шерсть или перья, а потом уже режут и вынимают внутренности; полагают на каждую луну 30 дней, или ждут появления луны; после поклонения уйтар делают земной поклон».⁸¹ Во многих городах и местечках Китая существуют мечети, или особые моленные в частных домах.

Магомет. Из краткого содержания одного китайского сочинения,⁸² по изложению о. арх. Палладия, избираем следующее с нашей точки зрения наиболее замечательное о личности лжепророка. В 1-х, в авторе мусульманине заметна цель – как можно выше и рельефнее во всех отношениях обрисовать высокую личность «святейшего Магомета», указать на тесную связь его лица и учения с лицом и учением Иисуса Христа, и что Коран, также может быть почитаем Богооткровением, восполняющим Новый Завет и служащим продолжением – Ветхого Завета, его обетований, пророчеств, предания с самого Авраама. Во 2-х, встречаются такие особенности, которые находим полезным воспроизвести. Именно: а) автор производит родословие Магомета с Адама; по объяснению, Адам значит «существеннейший смысл великой земли», а Магомет – «прославляемый по всему небу» и святейший из всех; «прежние святые только приготовили тесто, а Магомет испек лепешки», Бог изрек Иисусу: «если не ради Магомета, я не сотворил бы вселенной, людей и ангелов», б) «*Кишан* посланный Бубекром к владыке Руми, объясняет ему пять родов приветствий и поклонений, и главное начало учения. Владыка полюбил его, и раз показал ему тетрадь с портретами древних святых; описываются фигуры Адама, Ноя, Моисея, Луто (Лот), Исаака, Иакова, Измаила, Иосифа, Давида, Соломона, Иисуса и Магомета. Книга имела стеклянные листы, и завещана Богом Адаму, который зарыл её в своем доме; *Даниил*, получив её от *Цзулигернайни*, переложил на бумагу». Не эта ли книга (в копии) с лицевыми изображениями означенных святых, которую показывал император китайский, И-цзун арабскому путешественнику Ибн-Фоцлану, как он пишет об этом в своих воспоминаниях о Китае? «*Кишан*», по всей вероятности, это отважный и умный путешественник мусульманин – Ибн-Фоцлан; в) В выписке из св. книг свидетельств о Магомете, *Лю-цзе-лянь* говорит о нем как «высшем Адама; из Пятикнижия – *Таолатэ*» приводит предречение о потомке Измаила, который возрастет и получит веление от Бога в Мекке; из Евангелий – «*Инь-чжи-лэ*» предречение И. Христа об единственном пророке после него – Магомете. Из примечания далее видно, что «*Инь-чжи-лэ*» искажен преданием; с течением же времени, четыре оригинальные евангелия исчезли; во время Магомета был истинный экземпляр только в Руми, но и тот пропал. Магомет предал Куран – только на одном арабском языке, поэтому он и не изменился. Выписка из «Цзэбур» «Псалмов», Бог предрек Давиду об И. Христе и Магомете»; далее, из кн. «Шурба»: Адаму дано было 16 откровений. Идрису 4, Ною 5, Аврааму 5, Иисусу 10, Магомету 24,000. – Далее выхваляется Магомет от ангелов и земных духов; описываются его доблести, родословие, в коем Магомет признается 50-м потомком Адама, основавшим преемство не по плоти, но по вере, родился в 6130 г. от Адама, предки жили по долгу и И. Христос был потомком от них же. В счислении эпох, от Адама до Ноя считается 10-ть поколений, в течение 2257 лет, первая имела всего 70 царей; от Ноя до Шаси – 12 царей, в течении 2446 годов; от Нацзэ преемников царей 14-ть: прочие династии от Шикан, Эшике, до Ээрдэ, было 14-ть царей в течении 360 годов; Дала, Саман, – 19-ть поколений, в течение 380 годов до Нушурвана, царство его кончилось и покорилось Магомету, установившему арабскую эпоху. Преемники Магомета не называются ни князьями, ни царями, а только преемствующими святой трон... Преемство это духовное

Магомета вкратце таково: «Адам, Шиши, Ной, Авраам, Исыгагэ, Яков, Моисей, Давид, Иисус, Магомет. Духовные истины с Иисусом прекратились; возникли ереси. Вот почему Бог избрал Магомета» (Sic!) Самое жизнеописание автором делится на три периода: 1) от рождения Магомета до 41-го года его жизни, т. е. до получения посланничества; 2) от 41-го до 54-го года, т. е. до переселения в Медину; 3) до 64-го года, т. е. до смерти лжепророка. Не касаемся содержания и частностей биографии, где чудесное и сказочное смешивается с действительностью; заметим только, что в самом конце описываются особенные чудеса Магомета, делается похвала в честь его, описываются афоризмы и действия Магомета, делаются выписки об Аравии и положении магометан в Китае, по китайским источникам.

Желая сказать о магометанстве в Китае, его исторических памятниках и сочинениях, посвященных для борьбы с его принципами, должны сознаться, что точных и подробных сведений о литературе магометан-китайцев на китайском языке, монгольском и маньчжурском не существует; помянутый выше труд о. арх. Палладия есть только слабый опыт. Между тем, предмет этот очень важен. Преобладание литературы самостоятельной на языках арабском, персидском, турецком и других, доказывает активную силу представительства учено-религиозного авторитета, уделяющего народу китайскому свое вероучение только в том или другом изложении, и сокращенно, в полумраке, но никогда в полном свете. Обязательность изучения арабского текста Корана или на персидском языке или турецком – его комментариев, суживает значение китайского языка, являющегося только переводчиком знаний уже готовых и сформированных на других ему несродных языках. Считаем долгом поэтому сосредоточить особенное внимание на самом Коране, его комментариях и вообще экзегезе, коим главным образом поддерживается и распространяется учение Магомета, идущее с самого начала в параллель с христианством и еврейством, из Ветхого и Нового Завета почерпывающего свою силу. В сем отношении магометанство, по справедливости, пользуется симпатией у народа, простого, склонного к чудесному и несложному культу; в Китае секта, «ханифов» (Hanifs) издревле очень многочисленная, в сущности, имела основанием первичную веру в Единого Бога, именуемую «верою Авраама». Идея эта глубоко прочувствована и Магометом.

«Коран», с префиксом «аль-Коран», или точнее «Куран» – арабское слово, означающее «чтение» или «то, что должно читать», соответствует халдейскому «Keri»; книга эта называется еще «Фуркан» от корня – «разделять». «расчленять», в смысле отделений, частей, «Section» Св. Писания. Арабы говорят: «Аль-Мозаф (Moshaf)» – том, vol.; «аль-Китаб» – книга по преимуществу; «Аль-Джикр» – увещание, admonition. Коран есть книга веры, соответствующая Библии. Он состоит из книги, разделенной на *сто четырнадцать* секций, или глав, именуемых «сурами» – «Suras» т. е. правильные ряды чтений, имеющих свои особые названия и количество стихов; – «айят»; пред каждой главою ставится формула «Бишм-Иллах» «во имя Бога»; иногда глава называется по её содержанию, но для двадцати девяти употреблены буквы арабск. алфавита, имеющие мистическое значение, прочие названия – случайны, хронологический порядок соблюден не всегда однообразно, различаются суры Медины и суры Мекки. По силе пророческого вдохновения и времени происхождения, различаются суры следующие: а) первого периода, под числами 103, 100, 99, 91, 106, 1, 101, 95, 102, 104, 82, 92, 105, 89, 90, 93, 94, 108; б) второго периода: 96, 112, 74, 111; в) третьего периода: 87, 97, 88, 80, 81, 84, 86, 110, 85, 83, 78, 77, 76, 75, 70, 109, 107, 55, 56; г) от 6-го по 10-й год миссии Магомеда: 67, 53, 32, 39, 73, 79, 54, 34, 31, 69, 68, 41, 71, 52, 50, 45, 44, 37, 30, 26, 15, 51; д) к пятому году миссии: 46, 72, 35, 36, 19, 18, 27, 42, 40, 38, 25, 20, 43, 12, 11, 10, 14, 6, 64, 28, 23, 22, 21, 17, 16, 13, 29, 7; е) неизвестны по времени – 113, 114; ж) по происхождению из Медины: 2, 47, 57, 8, 58, 65, 98, 62, 59, 24, 63, 48, 61, 4, 3, 5, 33, 60, 66, 49, 9. Большая часть прочих по происхождению из Мекки или частью из Медины. Шесть равных частей называются «Геизб» (Heizb), каждая из коих подразделяется на четыре равных части, для удобства *чтецов*, которые в царских мечетях или кафедральных, также в надгробных часовнях над именитыми людьми, *должны прочитывать весь Коран ежедневно*. Причем количество прочитываемых секций распределяется поровну между этими чтецами.

По содержанию,⁸³ Коран весьма разнообразен и расположен неодинаково; различаются части заимствованные из Библии еврейской или Нового Завета, перемешано, иногда сбивчиво, зависят от случайности вдохновения Магомета, или причин чисто внешних, иногда стихи и главы дышат философским направлением. Вообще же части расположены так, с указанием на количество глав, самих заглавий и стихов:

1) Предисловие 7 стихов: гл. 2) Корова 286 стихов; 3) Семейство Имрана 200; 4) Женщина 175; 5) Трапеза, стол 120; 9) Рогатый скот 165; 7) Аль-араф 206; 8) Грабеж, насилие 76; 9) Объявление льгот, привилегий 139; 10) Иона 109; 11) Гуд 123; 12) Иосиф 111; 13) Гром и молния 43; 14) Авраам 52; 15) Аль-Гежра (бегство) 99; 16) Пчела 128; 17) Ночной отдых 110; 18) Пещера 111; 19) Мария 80; 20) Т. Н. 134; 21) Пророки 112; 22) Паломничество 78; 23) Истинно-верующий 118; 24) Свет 74; 25) Аль-форкан (Коран) 77; 26) Поэты 227; 27) Муравей 93; 28) Легенда 87; 29) Паук 69; 30) Греки 60; 31) Lokman 34; 32) Поклонение 29; 33) Союзники 73; 34) Саба 54; 35) Творец (ангелов) 45; 36) V. S. 83; 37) Принадлежащие к известным классам общества 182; 38) S. 86; 39) Толпа народа 75; 40) Правовверные 85; 41) Определенное объяснение 54; 42) Совещание 53; 43) Красота Божия 89; 44) Курения 57; 45) Коленопреклонение 36; 46) Al-ahkaf 35; 47) Магомед (битва) 38; 48) Победа 29; 49) Внутренние помещения (святилище) 18; 50) К. 45; 51) Дыхание ветров 60; 52) Гора 68; 53) Звезда 61; 54) Месяц 55; 55) Благодарение 78; 56) Неизбежность суда 99; 57) Железо 29; 58) Спор 22; 59) Переселение (собрание) 24; 60) Испытание 13; 61) Битва 14; 62) Собрание (в пятницу) 11; 63) Лицемеры 11; 64) Взаимный обман 18; 65) Развод 12; 66) Запрещение 12; 67) Царство 30; 68) Ограда (the pen) 52; 69) Неутомимый (неизбежный день) 52; 70) Классы (общества, порядок) 44; 71) Ной 28; 72) Духи (гении) 28; 73) Восхищение на небо (Пророк на молитве) 19; 74) Покрытый (плащом) 55; 75) Воскресение 40; 76) Муж (man) 31; 77) Вестники 50; 78) Маловажные известия 40; 79) О ярости и мстителях 46; 80) Он рассердился (о гневе) 42; 81) Помрачение 29; 82) О расколе 19; 83) Сокращающий меру и вес 36; 84) Причиняющий терзание сердца 23; 85) Небесные знаки 22; 86) Ночная звезда 17; 87) Всевышний 19; 88) Засыпающий ночью 26; 89) Рассвет 30; 90) Земля (город) 20; 91) Солнце 15; 92) Ночь 21; 93) Сияние света (солнце в полдень) 11; 94) Не открыл-ли он мне? 8; 95) Фиговое дерево 8; 96) Сгущенная кровь (смешение полов) 19; 97) Аль-кадир (торжественная ночь) 5; 98) Доказательство 8; 99) Землетрясение 8; 100) Конница 11; 101) Поражение (в день безурядиц) 10; 102) Ревнивое пожелание к умножению (склонность к барышам) 8; 103) Полдень 3; 104) Клеветник 9; 105) Слон 5; 106) Корейшит 4; 107) Самое необходимое 7; 108) Аль-кафар 3; 109) Неверующий 6; 110) Помощь 3; 111) Абу-лахейб 5; 112) Объявление единого Бога 4; 113) Дневной рассвет 5; 114) Человек (man) 6.

Необходимо иметь в виду, что свой Куран, Магомед составлял в течении двадцати трех лет своей пророческой миссии. Имея около себя преданных учеников, беспрестанно следивших за каждым словом и движением своего учителя, Магомед по большей части говорил устно; вдохновенные откровения, молитвы, рассуждения, – все это тотчас же записывалось и после вносилось в сборник, редактируемый самим Магомедом; многое и сам он писал лично. Из учеников, воспроизводивших удачно его учение было от двадцати до сорока человек из них особенно известны Али и Отман, также – Зеид Ибн-Фабит, ученый еврей из Медины, ему принадлежит честь в составлении самого лучшего сборника отрывочных изречений и рассуждений Магомета. При жизни самого Магомета существовали чтения сирские и иранские, которые огласить и привести к существу было нелегко. Халиф-Отман поручил это дело Зеиду и трем корейшитам, которые и произвели авторизованный перевод с копии Гафиза (Hafza), немедленно разосланной в нескольких экземплярах в главные города последователей Магомеда. Несмотря на семь диалектов арабских, как говорят магометане, верующих в текст, сравнительно с Отманским изданием очень мало; что всего удивительно; в продолжении двенадцати столетий, текст Курана до сего дня мало изменился с его прежним видом и составом.

По языку Куран написан на чистом диалекте корейшитов, самом благородном и нежном из всех арабских, хотя с примесью и из прочих; для правовверных – это один из лучших языков мира на котором Бог произносил свои изречения Пророку. Что особенно важно, по мнению магометан, по своему существу – *Куран* занимает третье место в Богооткровенных источниках веры, после *Ветхого Завета и Евангелия*, и даже должен быть изучаем в связи с этими Св. Книгами всей Библии.

К сожалению, не все магометане успевают проникнуться истиною совместного изучения религии в этих трех родах её развития и Магометов Куран поглощает все прочее в теоретической и обрядовой стороне. Оказывая предпочтение Курану, магометане ошибочно относятся и к Библии, которой текст проверяют по Магомеду. Для сравнения и объяснений с Библией, важны следующие суры; 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 16, 17, 19, 20, 21, 23, 25, 26, 28, 29, 32, 34, 35, 37, 39, 40, 41, 42, 43, 45, 46, 47, 48, 53, 54, 61, 62, 66, 74, 80, 87, 98; *противоречивые*

свидетельства сур: – будто один из сыновей Ноя утонул во время потопа (сура 11); что Моисея спасла жена фараона (сура 28); что Соломону повиновался ветер (сура 21); будто Соломон был изгнан из своего царства, и что одни дьяволы все для Соломона устроили, а другие разрушали (*ibidem*); и что тысяча израильтян воскресли при нем (сура 3); будто Ездра и его осел умерли ста лет, и вскоре воскресли (сура 2); и что Иисус Христос вовсе не был распят, и не Сын Божий (сура 4). Нет сомнения, что причиною многих нелепостей Магометова Курана служили усвоенные им неверно понятия и идеи как от невежественных евреев, так и христиан, имевших сношение с разными важными пунктами Аравии и Сирии. Сами ближайшие ученики и домашние Магомета были то евреи, то христиане, кроме его единокровных арабов. Таков был Зеид-Сириец, усыновленный им и учивший его по-еврейски, и Варака – двоюродный брат Хаджа, обращенный в христианство. Эти лица частью копировали многие страницы из Св. Писания и переводили для Магомета на арабский язык, а тот в свою очередь изменял тексты по усмотрению и собственному разумению. Кемаль-Бей снял точную фотографию с одного известного экземпляра Курана, писанного 1094 эгире Гафизом Османом, с MSS Аль-Кари, знаменитого ученого своего времени. Многие мусульмане успевают заучивать весь Куран даже на память; такие почтенные лица называются *"гафизами"*.

Куран переведен на многие языки восточные и европейские; значительное число известно на персидском, турецком, малайском, гиндустани; на *латинском* – Ретенензис 1143 г., Енглишмена 1543 г., Мараччи 1698 г.; *итальянском* – Сале 1543 г.; *французском* – Дю-Ройер Савари (с замечаниями) 1783 г., Гарчия де-Тасси 1829 г., Касси Миреки 1840 г.; на *немецком* – Мегерлин 1772 г., Валь 1828 г.; Ульманн 1840 г.; на *английском* – Родвелль 1862 г., и лучший Жорж Сале (1 изд. 1734 г., последнее 1861 г.), также – Лане «*Selections from the Koran*» (Лондон 1843 г.). Из комментариев Курана известны Флюгеля (Лейпциг 1842 г.) и Нужум аль-Фуркан (Калькутта 1811 г.). Имена комментаторов восточные – многочисленны, – в одной библиотеке Триполи, в Сирии, содержатся 20.000 комментариев. Наиболее пользуются славой и авторитетом Самагашари († 539 эгире), Бейдгави († 685 или 716 эгире), Маяли († 870 эгире), Совути († 911 эгире). Американское Восточное общество в библиотеке New Haven имеет самую лучшую копию персидского комментария Курана, составил Камаль ед-Дин Гусайн (2 vols. folio). Более подробные и точные сведения об изданиях содержатся у Трюбнера в его «*A catalogue of Arabic, Persian, and Turkish Books in the East*».

§ 39. Магометанские секты, их четыре главные группы: ганефиты, малекиты, шафииты, ганбалиты, вагабиты и прочие, из них бабиды в особенности; основатель – Баб и Муллах Задик, сущность учения в разных сочинениях и Байяна в частности, понятие о Боге, личности, пророках и прочие

Магометанские секты и Бабиды в особенности. Когда-то Магомет говаривал: «Моя община делится сама на 73 секты, из коих только одна достойна спасения, прочие же должны погибнуть». Сами магометане признают 55 орфодоксивных и 18 либеральных сект. В самом Куране, при свободе его интерпретации, содержится весьма много элементов, ведущих правоверных к составлению разнообразных толков и сект; другим источником является сила и авторитет устного предания; политические причины еще более осложняют историю. Секты растут и распространяются с непреодолимою силою, их принципы резюмируются арабскими историками под четырьмя главными группами: 1) Божеские атрибуты и единство. Которые из первых существенны и вечны? и может-ли быть всемогущество Божие абсолютно? Если нет, – каковы пределы? 2) Далее возникают вопросы о предопределении человека и происходящей отсюда его судьбе. В какой степени может быть влияние Божества на волю человека и может-ли Бог допускать своеволие злых людей? 3) Вопросы о вере, покаянии, заблуждении, – обетованиях и именах Божиих в особенности. 4) Вопросы, связанные с влиянием разума и историей трансцендентального господства веры. К этой главе относится миссия пророка, должность и управление имама, – главы церкви, и прочие тонкости, входящие в состав права вообще, законов государства, церкви и частных граждан в особенности, и проч.

Секты, так называемые – орфодоксивные или *правоверные* придерживаются исключительно *устных преданий*, или *Сунны* и подразделяются на четыре толка, с присоединением нового – пятого. По большей части сунниты имеют главную точку опоры в своих учителях, основательно владеющих знанием преданий и излагающих оное народу; это – олицетворенные компендиумы и живые словари магометанского Богословия и юриспруденции, с которыми иметь дело миссионерам христианским почти невозможно.

К 1-й секте суннитов относятся *Ганефиты*, происходящие от Абу-Ганефа († 150 г. эгирь); они называют себя также «последователями или поклонниками разума» при содействии преданий, но главный критерий усваивается разуму во всех случаях религии и решений по закону. К этой секте принадлежат *турки и татары*.

2. Вторая секта – *Малекиты*, называемая от основателя оной Малека Ибн-Аис, умершего около 180 эгирь в Медине. Одним из особенных знаков доказательства благочестия и смирения признается ими, на предложенные сорок восемь вопросов – решение только шестнадцати, со свободным исповеданием неведения прочих. Приверженцы этой полуневежественной секты по большей части встречаются в Варварии и прочих частях Африки.

3. *Магомед аль-Шафеи*, в Палестине (150 года эгирь), получив воспитание в Мекке, почитается основателем третьей секты – *Шафиитов*. Он был большим врагом схоластических богословов и отличался своеобразным умом; в юриспруденции он находил лучший метод и из неопределенных её сказаний умел создать науку. Последователи встречаются главным образом в Аравии и Персии.

4. *Ахмед Ибн-Ганбал* основал четвертую секту – *Ганбалитов*; родился он в 164 г. эгирь и был задушевным другом Шафеи; обладал огромнейшим запасом знания разных преданий, и любил их часто повторять до миллиона; отличался при этом большим благочестием. По его мнению, Коран не создан, но сосуществен самому Богу (?). После кончины Ганбалы, если верить магометанам, последователей его из иудеев, христиан и магов насчитывалось 20.000; ныне они изредка встречаются по сторонам Аравии.

5. В недавнее время появилась орфодоксивная секта *Вагабитов*, основанная Магомедом Абд-эль-Вагаб; существует преимущественно среди турок, и персиян, иногда – идолопоклонников.

Из сект категории *неправославной*, известны многие, ныне имеющие в своем числе только историческое значение. Сюда относятся: I. *Мотазелиты* или *Моатталиты*, их подразделение – *Абуль-Гадаилисты*, *Иоббайане*, *Гашемиты*, *Ягедиане*, *Моздариане*, *Пасхариане*, *Тамамиане*; II. *Сефатиане*, их подразделения: *Асхариане*, *Мосгабегиты*, *Ябариане*; III. *Кхарегиты*; IV.

Шииты; V. Мозаилимы или Мослемы, из них – Аль-Асвад, Толейга, Аль-Моканна или Боркай, Карматиане и Измаелиане, наконец – Баба или Бабиды, о которых сообщаем несколько подробно.

Бабиды и их вероучение. Из сект магометанских новейших, получивших наибольшую известность и быстрое распространение в Персии, Туркестанской Индии и частью в китайских смежных провинциях, замечательны Бабиды. Основателем почитается персиянин Муллах Задик, и Баб, прославившийся пророком в 1835 г. и который был казнен по приказанию шаха персидского; в 1843 г. продолжает в том же духе учения Мурза Али-Магомед. С 1847 г. по 1852 г. секта оказала быстрые успехи, имела многочисленных последователей; в пять лет их насчитывалось уже несколько миллионов из разных слоев общества мусульманского духовенства, евреев, персов и других. Глубокое и всестороннее изучение Корана, Пятикнижия Моисеева, псалмов Давида, Евангелия и всего Нового Завета, восточных священных книг маздеизма, брамизма и буддизма, привело новых пророков к идее составления нового вероучения, имевшего целью истину и верные способы к её достижению, что не совсем согласовалось с принципами строгого исламизма. Муллах Гуссейн из Мазандерана, прозываемый Баб (т. е. отец) и еще Мирза Баб Исаия с несколькими другими, в особенности силою проповеди и распространением сочинений новой секты, прославились как ревностные миссионеры оной. Увлечение публики было настолько сильно, что сопровождалось неоднократными волнениями народной массы и беспорядками, потребовавшими вооруженного и полицейского вмешательства правительства, гонения, преследования и казни сектантов, что еще более давало повода прозелитам к усилению. Когда, по улицам Тегерана вели несколько таких человек на казнь, они кричали: «по истине мы приходим от Бога и снова возвращаемся к нему!» Авторы нового вероучения и священных книг довольно многочисленны. Наибольшею известностью пользуются следующие сочинения бабидские: а) о верховном существе (*Altesse sublime*); б) путешествие в Мекку, изложенное в виде журнала; в) Комментарий на суру Курана об Иосифе; г) Книга правил (*Ketab-e-Nikkat*); д) послание к царям; ж) полемические трактаты; з) утешение очей; и) чистейшее и все превосходящее существо; к) Книга света и проч.⁸⁴ В 1848 г. отдельные правила и рассуждения изданы были в особом сборнике, под заглавием «Бајана» или «Биууан». Изложение (*exposition*), т. е. сокращенное изложение и объяснение всего того, что необходимо и полезно знать всякому. Поэтому, составитель говорит догматически, избегая всякого рода полемики. Язык, на котором писаны поименованные рассуждения и им подобные – арабский и персидский; сам Баб, отлично владевший обоими, искусно пользуется ими в игре слов, которым дает символическое значение; оригинальный почерк MSS бабидских – *нэсхи* и *талік*. Под словом «Бајана» (*Biuyan*), употребляемым Бабом, означает сфера идей, в которой движется мышление, дается содержание и обличье целому произведению; в сем роде писаны и другие рассуждения неоконченные за преждевременную смерть автора. Оригинал Биууан, писанный по-персидски, имеет комментарий на арабском; понимать то и другое может только специальный знаток обоих языков. Учение, излагаемое в религиозно-восточном духе, частыми и общеупотребительными, образными молитвенными формулами и оборотами, более действует на чувство и воображение читателя и слушателя, нежели дает полное удовлетворение уму, возбуждает более энтузиазм, экстаз в почитателях, нежели укрепляет и отрезвляет их душу. «Книга правил» (*le livre des precepts*), переведенная на французский язык и приложенная со специальным трактатом о бабизме в сочинении Гобино (*le comte Gobienau*), позволяет судить об учении более или менее безошибочно. Пользуемся в извлечении характеристикою оного у означенного писателя.

1. *Понятие бабидов о Боге.* Бог есть единый, неизменный, вечный, не имеющий себе другого равного. Поэтому, Христос не есть Бог, как учат христиане, или Богочеловек «Кроме Бога, нет другого Бога!» Бог есть Творец, дающий всему жизнь, концентрирующий все в своей сущности; при творении – Он пользуется буквами (как это понимают бабиды), иначе, управляет глаголом (*parole*) и различными проявлениями оного, посредством семи арабских букв или слов (*mots Aphorouf*). Под этими буквами разумеются слова: сила, могущество, воля, действие, снисходительность, слава и откровение. Означенными буквами или словами устанавливается и вся система бабистов – у Муллы Садра и Хаджи Муллы Sebzewary. Слова – *paroles* суть чисто интеллектуальный источник; из сочетания их очертаний получаются видимые формы, не материальные, но коими обуславливается и определяется сама материя. Из этих букв превращенных в цифру 7, образуются творческие знаки, в слове *һуу*, «живой, живущий», жизнь, ибо она есть источник и произведение семи энергий: *һ* есть 8, *у* – 10, что составляет 18,

прибавив 1, получим аһуу, и тот, кто дает жизнь, т. е. число 19-ть; отсюда Баб заключает, что Бог есть число 19-ть, или понятие о Боге может быть легко выражено этим же числом; в частности, употребляется слово *"Wahed"* в Коране, для означения «единственного» «единого существа» (unique), т. е. Бога. Слово это у мусульман действительно есть самое лучшее и наивысшее в означении Господа Творца и промыслителя миров. В смысле нумерическом *"Wahed"* представляется так: $6 + 1 + 8 + 4 = 19$; цифрою 19 означает «единый, дающий жизнь», иначе – «единый Бог и Творец». Поэтому слово Wahed или цифра 19 часто повторяются в книгах бабидов именно в сем смысле и мир понимается как эманация Божества; число 19 служит основой и во всех частных организациях рассматриваемого мира.

Берем другой пример метода бабидов. Буква а = 1, приводит к слову аһуу, где дает ему силу действительную, сама становится агентом; сама единица понимается как точка, исходный пункт, начало всего. Таково начало Бытия, – Бог, знак – точка, которой разложить более нельзя. В священной формуле «Bism Illach elemna, elegdous», «во имя Бога, величайшего, всесвятейшего», разумеется вера, составляющая самый совершенный результат истины; и здесь также воспроизводится число 19 из букв, слагающих формулу. Далее, по понятию бабидов, Божественная единица слагается из 19 энергий, распространяющихся в мире; так, год состоит из 19 месяцев (?), каждый месяц из 19 дней, каждый день из 19 часов, каждый час из 19 минут. Число 19 прилагается и к другим предметам, становится священным, служит измерителем долготы, ширины, высоты, тяжести и проч. Юриспруденция для определения отношений людей пользуется числом 19, также купцы и художники, для достижения гармония в порядке; тоже повторяется в храмах, местах молитвы, в священных церемониях, устройении школ – везде должна быть единица, точка и после все число 19. Так устроен весь мир, его красота и гармония, сообразные с Божественною природой. Устраивайте все ваши вещи по числу единства, т. е. с делением их на 19 частей.

2. *Свое сочинение «Бајана»* (Biuyan) Баб расположил точно также с удержанием числа 19, объявил оное «Книгою Божественною» по преимуществу; она слагается из 19 единиц или главных отделений, подразделяющихся каждое на 19 параграфов. Но сам Баб написал только одиннадцать из сих главных отделений, предоставляя прочие «тому, которого Бог откроет миру» и который будет владеть совершенною мудростью. Самого себя Баб почитает лишь предтечей имеющего прийти. Относительно сего согрядущего Мессии мнения различны. Одни думают, что сам Бог, Иисус Христос, Имам Мегди, придет на страшном суде судить людей, и пред этим откроет всю истину. Другие убеждены, что из среды самих бабидов когда-нибудь явится ожидаемый мудрец и научит всему, чего недосказал Баб, чего нет в Коране, Евангелии и других книгах; что с принесением этой именно мудрости, все люди будут наслаждаться истинным счастьем, порядок и гармония воцарятся повсюду. Для своего общества Баб ожидает поэтому правления монархическо-феоكرатического и демократического; что цари, соединившись прочно с духовенством, будут покровителями подданных и любимы им. В духовенстве, как отображении божественной единицы и вместе пророчесственной, будет сосредоточиваться все лучшее и совершенное, и коллегии его будут каждая слагаться из девятнадцати первосвященников. Святылища, храмы, домашние молельни, будут увеличиваться всюду и благолепно украшаться всем драгоценным, прекрасным и священным в очах людей, чему будет и соответствующее богослужение, церемонии, сопровождаемые мелодичною музыкою и пением, духовные образованные особы будут везде занимать почетную кафедру и проповедовать священные глаголы народу. Сам народ, мужчины, в знамение своей любви и союза к такому порядку, будут носить звезду с лучами, на коих начертано имя Божие, а женщины будут иметь амулеты круглые, но с другими именами, тоже благочестивыми и священными. Баб выражается об этих знаках под словами – «*формы*» и «*круги*».

3. *Личность и пророки.* Представляя весь мир эманацией Божества, имеющего временное существование в пространстве, Баб ставит сознательно действующее и живущее существо посредником между этим несовершенным миром и совершенным Богом. Такова личность человека, индивидуальность, заключающая в себе и совершенное и несовершенное, и доброе и злое начала; она проявляется в форме, т. е. теле, и имеет двоякую жизнь – духовную и телесную. Тело имел И. Христос и Магомет, как положительное проявление; но с точки зрения пророка, интеллектуальной, обе личности эти, и все люди, суть *дыхание уст Божиих*, хотя сами они в действительности и не Бог, но возвращаются к Нему быстрее, нежели прочие существа; это – слова, буквы Божии. Тогда как пророки, все святые, суть одновременно и люди, и сам Бог, но

не смешиваются вместе, они суть небесные посланники, живущие умом Божиим, исполняющие его волю. Этим пророки отличаются от прочих людей, сего сознания и определения не имеющих, природа коих греховна, крайне тяжела, погружена в мирское. Для спасения мира от падения и гибели тянется непрерывная цепь этих святых пророков, каковы Моисей, Давид, Соломон, Иисус Христос, Магомед и другие, к которым причисляет Баб и себя, свое откровение миру, как новейшее и современное, хотя и незаконченное, в виду будущего пророка, более великого и совершенного. Верховное Существо (Altesse Sublime), оставаясь самым совершенным и славным есть пункт единства (Point de l'Unit), восполняемого еще 18 другими индивидуумами (individualités), к числу которых относится и женщина – «утешение очес», от «чистейшей сущности Божией».

4. *В женской природе*, склонной ко всему изящному, Баб усмотрел особенности, позволяющие только чрез женщину проводить идеи вероучения посредством разных предметов, служащих ей украшением. Таковы различные талисманы известных очертаний, с буквами, цифрами, именами сущности и свойств Божиих, разными изречениями и проч., эмблемы и символы религиозные и поэтические. Таким образом рассуждая, Баб, в своей философии житейской, стоит на почве одинаково с гностиками, их системою вымыслов, коим давали реальное значение в предметах искусства. Желая видеть верующих не только по духовному сознанию свободно действующими в жизни, но выражающими это и в видимых предметах обстановки, Баб советует: «Одевайтесь в шелковые платья в дни брака, если позволять средства. Тайну вашего блаженства скрывайте под покрывалом, украшайтесь золотом и серебром, если же не можете пользоваться дорогими изделиями, – не печальтесь. Господь, в коего веруете, и я, коего наставления почитаете, воздадим вам в день судный». Желая установить гармонию между полами, предупредить разврат и распущенность с их печальными последствиями, Баб советует устроить супружеские и семейные союзы в возрасте зрелом и почитает крайний ранний предел для женщины – одиннадцать лет, моногамии он отдает подобающее значение и что полигамия, допускаемая исламом, свидетельствует только о крайнем «жестокосердии» и может быть, как исключение, дозволена для пустынных, кочующих сынов ислама – арабов, но отнюдь не для оседлых и горожан; развод может быть допускаем лишь в крайних случаях. Возвышая женщину идеально, бабиды требуют ношение ею покрыва, снимаемого лишь дома в семейном кругу, для близких и друзей; здесь только дается возможность обмена мыслей и чувств, сторонним дозволяется в особых случаях, с советом говорить как можно меньше, что «для женщин можно допускать не больше 19 слов, ибо все прочие совершенно излишни и бесполезны». Всякого рода ночные пирушки, увеселения, попойки с участием женщин воспрещаются, как портящие чистые нравы, хотя рекомендуются празднества днем, среди друзей, родных и правочерных. Женщинам рекомендуется общительность, любезность в разговорах и обращении с мужчинами. Мужьям советуются любить жен, детей от них, делать все полезное для них. Отец должен заботиться о воспитании и отдавать в школу детей не раньше пяти лет, обращаться с ними вежливо, и не позволять нарушение обязанностей в отношении к себе. Обязательно должны любить все бабиды свои семейства, родину, отечество, и не удаляться далеко за его пределы, также – читать и изучать священные книги, не рассеиваясь разнородными знаниями; повиноваться законам и властям без страха и добровольно, прилагая все попечение и самостоятельность к водворению общего и частного благополучия. Мероприятия правительства и суровое обращение с подданными, публично, частными лицами, по мнению бабидов, достойны сожаления и допускаются как крайность; ибо далеко не все человечество проникнуто благородством и возвышенными идеями самостоятельного устройства на земли счастья и порядка. В отношении сохранения жизни бабиды требуют миролюбия не только между своими членами, но и со всеми иноверными и иностранными; всякое насилие над жизнью лица и целостностью собственности противно Божественной и человеческой справедливости.

§ 40. Общие черты магометанского вероучения, догма о Боге, Его имени и свойствах, ангелология, практические обязанности – дин и молитва, законы гражданские, особенно в Китае

Общие черты магометанского вероучения. Все вышерассмотренные секты, отличаясь своеобразным раскрытием и развитием магометанского учения, составляют школы, более или менее многочисленные, сравнительно с правоверными, или даже суть толки, имеющие немногих последователей. Разновидности проистекают от некоторых частных пунктов общего учения Курана, так или иначе понимаемых и толкуемых; интерес сект заключается поэтому только в целом и обстоятельном обзоре их истории и роли, которую играли основатели учений. *Магометанство*, или *ислам*, представляет исторически развитие как устного предания, – *"Гадиф"*, так и учения, заключенного в Коране и его комментариях, равно в постановлениях, коими определяется практически самая жизнь правоверных; авторитетными руководителями в обоих отношениях являются *Мослемы* разных наименований, – *"Измах"*, разной профессии и служения; Мослемам дается право *"Измах"*, или *"Аналогия"*. В догматическом или теоретическом значении Мослемизм есть *"Иман"* (т. е. вера, вероучение), и в практическом – *"Дин"* (т. е. религия).

Догма: первым принципом является вера в единого Бога – *"Аллах"*, соответствующего евр. «Элогим»; Бог этот – вечен, невидим, не имеет формы, беспределен, все объемлет и сам не обнимается никем и ничем; *имеет 99 атрибутов*, заимствованных от разных прежних арабских богов и означающих разные свойства, качества, действия божества. В переводе эти названия следующие: Бог есть – Правитель мира, святой, мир, полный веры, покровитель, всемогущий, обновитель, великий, творец, создатель, изобретатель, милосердный, господствующий, податель благ, предусмотрительный и предотвращающий бедствия, открывающий свет и жизнь, всезнающий и опытный во всем, обуздывающий грех, распространяющий блага, страж мира, превознесенный над всем, почтенный, разрушитель зла, слышащий все и всевидящий, судья, справедливый, самый тонкий и искусный, бдительный и осторожный, милостивый, великий, прощающий, благодарный, высочайший, хранитель, укрепляющий, правильно ведущий счет, величественный, благородный, внимательный ко всем, отвечающий на молитву, вразумляющий, мудрый, любящий, славный, основатель, свидетель, истина, сильный, твердый и несокрушимый, покровитель и защитник, достойный славы и хвалы, разрушитель злых намерений, первое начало всего сущего, все приводящий в истинный вид, всеоживляющее начало, умерщвляющее зло, дающее жизнь добру, вседержитель, самосущий, славный, единый, вечный, всемогущий, всепобеждающий, медлитель, вперед вознаграждающий, первый, последний, являющийся, сокровенный и глубочайший, правитель мира, справедливый, жалостливый к тварям, отмститель, всепрощающий, добрый и любезный, Царь государства, Господь всещедрый и великий, равномерный, собиратель, независимый, обогатитель и распространитель, податель благ, останавливающий (грех), доводящий (в наказании) до нищеты, доставляющий пользу, свет, руководитель, несравненный, вечно живущий, наследник, справедливый правитель, терпеливый.

Все эти названия часто повторяются в разных молитвах и даже нашиваются на четках; имя сопровождается и самое чтение Корана набожными людьми – *«дервишами»*.

Ангелология ислама, по большей части заимствованная у евреев из Библии, или персов, имеет и туземный источник; признаются архангел Гибраил, Микаил, два ангела, записывающие добрые и злые дела человека (у евреев китайских зовутся – Шэмеш и Комон), ангелы Расван – страж неба и Малик – страж ада, Манкир и Накир присутствуют при «испытании человека по смерти тела»; Иблис или Шайтан – Сатана, обитает в аду; между адом и раем есть мост – эль-Араф. Миры населены человеческими существами и сверхчеловеческими, – духами. Небо имеет семь делений: сад вечности, жилища мира, – спокойствия, сады – эдемский, посетителей, удовольствий, всевышнего, райский. Ад имеет тоже семь делений: геенна, пламенеющий огонь, лютый огонь с уничтожением всего в куски, пламень, опаляющий огонь, неистовый огонь, бездна. Пред страшным судом должен явиться Мегди – «руководитель», также – антихрист, произойдет катастрофа столкновений неба и земли. Пророки в Коране характеризуются особыми названиями: Адам – избранник Божий, Ной – пророк Божий, Авраам – друг Божий, Иисус – дух Божий. Магомед – апостол Божий, сам Магомед называет себя «печатью пророков»; есть еще частные апостолы известных племен, упоминаемые в Коране.

Относящиеся к практическим обязанностям, входящим в состав "Дин", одни касаются собственно религиозных церемоний (право обрядовое) и другие – специальных законов гражданских. 1) Главную часть ритуала составляют правила об очищениях и омовениях («Густ» – погружение в воду всего тела, и "Ваду" – обливания водою, омовение известных частей тела). 2) Правила о молитве, называемой «Ключом рая», она бывает утром, на ночь, в полдень, вечером, при восходе месяца и новолуния, в праздники и на разные случаи жизни. В мечетях, кроме молитв, совершается чтение Корана и проповедь. Пост и празднество Рамадан занимает видное место, это – «четвертая часть веры» и «врата религии». Правила относительно вкушения животных и растительных продуктов, употребления питания – направлены к воздержанию и умеренности, даже во время самых важных празднеств. Милостыня для бедных добровольная (садаках) и по закону собираемая на поддержание благотворительных учреждений и других религиозных целей – занимает видное место у мусульман; путешествие по св. местам и особенно в Мекку почитается делом весьма богоугодным, и массы богомольцев-странствующих у мусульман нередки.

Законами гражданскими определяются: коммерческие отношения, брачное право и обязанности, война с неверными и отношения к рабам и классу рабочих, прислуге и прочим зависящим лицам; право и наказания уголовные, несмотря на их суровость, имеют свои степени вменяемости и по своему – справедливы. Ифические принципы Корана, не представляя собою цельной и правильной системы, направлены к соделанию человека возможно совершенным и добродетельным, в сем случае они стоят высоко и не противоречат Евангелию, не уступают и кодексам религиозным других народов.

Подобно современным евреям, магометане проводят различие между истинами и законами вечными и теми, которые зависят от духа времени и обстоятельств, а потому умеют обходить трудности положительно религиозного своего законодательства и подчиняться другому. Как еврей, так и мослем не слишком привязаны поэтому к своей только вере. Замечено, что арабы и турки, прожившие несколько лет в христианских странах, принимают европейскую цивилизацию, позволяющую им делать многие отступления и упущения от своего закона. Профессора ислама сами позволяют внесение многих перемен в убеждении и направлении единоверцев; нередко одна приходят к индифферентизму, тогда как другие усвоят веру, преобладающую в стране. Идея единства веры и национальности исторически выразилась в создании халифата, управляемого главою светскою и вместе духовною. Шииты и сунниты давно враждуют между собою, к арабскому элементу присоединяется персидский; мусульмане китайские и турецкие суть на половину монголы, на половину – османы; в Индии они соприкасаются с другими народностями и религиозными системами; все это вместе взятое действует на мир магометанский не в смысле его соединения, но разложения, которым не помогает и самый фанатизм, нередко вспыхивающий и разряжающийся то в общественных внутренних потрясениях и беспорядках, то в праве войны, охватывающей массы народа к его же вреду и злополучию или обращению к прежнему «status quo». Решающее значение и силу в Китае имеют другие начала государственные, искони выработанные, и магометане китайские поэтому не выходят из круга отношений, определившихся для них исторически. Христианство, со стороны миссионеров, почти не имеет никакого значения; на Востоке, в Китае и его соседних странах, европейцы сосредоточивают все внимание на других религиях. На китайском языке, главное монгольском, маньчжурском, корейском, японском, противомусульманская христианская литература только в зародыше, а церковь западно-христианская, благодаря разнообразию её типов и направлений на Востоке, для мусульман не представляет мирного и успокоительного исхода, которого они ищут поэтому в государственных учреждениях и народных обычаях стран, где живут, где находят себе покров и защиту. На Востоке и его границах, России и Китае, магометане могут б. рассматриваемы как партии более или яснее концентрированно живущие среди господствующего населения, но не всегда сохраняющие между собою религиозное миролюбие и единство.

§ 41. Статистика магометан в Китае по исследованиям Тирсанда, Блунта, Стобарта, отличия этих магометан от прочих в одеянии, устройении поселений, мечетей, и секта Ву-вэй-цзяо

Находим полезным присоединить следующие статистические и другие сведения о магометанстве вообще и в частности – в *Kumae*, по исследованиям *P. Dabby de Thiersand*, *Le Mahométanisme en Chine et dans le Turkestan Oriental*. (2 vol. Paris, 1878); *Wilfred Scawen Blunt*, *The Future of Islam*. (London. 1882); *J. W. H. Stobart*, *Islam and its Founders*. (London, 1878). По предмету магометанства и о Магомете Mr. Bosworth в своем *Lectures* (1874 г.) произвел на английскую публику большое влияние, ускорившее возбужденное внимание и разработку затронутых вопросов, особенно сведений о состоянии магометан в Китае. Труд Тирсанда, составленный на основании официальных и ученых источников, и собственных наблюдений автора, содержит: (1-й том) историю магометанства в Китае с главою о настоящем и будущем положении в нем ислама; (2-й том) о вере, нравах, ритуале. Весьма ценно следующее статистическое сообщение о населении магометанском в разных областях Китая: Кансу – 8.350.000, Шэнси – 6.500.000, Шанси и Ю. Монголия – 50.000, Чжи-ли – 250.000, Шан-дун – 200.000, Юнань – 3.500.000 до 4.000.000, Лян-дун – 100.000, Юнань и Юбэ – 50.000, Цзян-су и Нань-хэй – 150.000, Гуан-дун – 21.000, Гуан-си – 15.000, Kewichow – 40.000, Сычуань – 40.000, Хэнань – 200.000, Цзэцзян и Фуцзян – 30.000. Все вообще число мусульман китайских колеблется между 20-ю и 21-м миллионами на все государство. *Г. Блунт*, автор второй вышеупомянутой книги, всех магометан в Азии и Африке насчитывает 15.000.000. *Г. Куэнэн*, в его «*Rational Religions and Universal Religions*», утверждает, что «Ислам увеличивается прогрессивно, и гораздо быстрее распространяется нежели буддизм и христианство». Прибавим, если где, то в Китае именно увеличивается ислам все более и более, в общем количестве 400.000.000 или 450.000.000 всего населения, включая христиан, буддистов и других. Являясь силою культурною исламу близок к христианству и усваивает плоды европейской цивилизации охотнее нежели конфуциане и особенно буддисты; а потому на Востоке имеет ныне большее значение, чем прежде. На какую сторону более склонится со временем исламизм – к христианству римско-католическому или протестантизму – дело будущего; многие писатели убеждены, в пользу римско-католицизма. Но может быть и то, что исламизм не изменит своей самостоятельности и даже подчинит слабейшие элементы своей силе. В численном возрастании имеет значение внутренняя сила религии и её распространение, – также и этнографические элементы, язык, исторические условия, благоприятно влиявшие на магометан в Китае. Столетие спустя, после Магомета, магометанские колонии арабов, персов, турок, все более и более появляются в истории Китая и преимущественно на его севере, и подчиняют другие сродные по крови племена тюркские, и в монголах, маньчжурах и других находят для себя особенное подкрепление. При Сунской и Мингской династии, с 1.000 (по Р. Х.) по 1.600 особенно часты колонии, которые потом, в соединении с туземными народами, под властью татарских государей Цинов и Юаней и далее составляют уже не пришлую, но домашнюю государственную силу. Персидские узбеки Хивы и Бухары, их язык и народность, суть главные элементы западных городов Туркестана и отсюда идут в Китай; таджики или Да-чжи Танской династии, у китайских летописцев, смешиваясь с арабами, становятся завоевателями всех западных царствующих домов Азии в VIII столетии и позднее. Ныне мир магометанский в Китае имеет свое спокойное течение и русло, по нельзя ручаться, чтобы в будущем, этнографические элементы и религиозно-государственные, соединенные вместе, не составили решающей и определяющей силы на Востоке – в Китае, Персии, Индии, Турции и частях России. Секции мусульман служат причиною их разъединения, но государственное начало – связывающее и укрепляющее значение; какое государство повлияет на культуру мусульман – вопрос немаловажный, и к какой церкви христианской склонны правоверные – еще важнее.

Будучи признаваемы китайским правительством с древних времен особенною религиозною сектою или вероучением – «Цзяо-Мун», магометане китайские всегда имеют особенные знаки в одеянии, на дверях домов, отдельные кварталы в больших городах и особые селения; в силу этой исключительности и религиозных обычаев, частью самого языка, они не смешиваются с прочими китайцами, но это не препятствует исправлению общегосударственных и общественных должностей. Некоторые языческие обряды ими даже вовсе не исполняются, на что китайцы не

обижаются, и для магометан делается исключение. Стараясь держаться правоверия, они имеют Коран на арабском языке, охраняемом Муллахами или Ахунами и Имани – благочинными конгрегаций, комментарии же – на персидском языке; китайский язык, по китайским «цзинам» изучается своим порядком. Мечети являются главными пунктами религиозного просвещения, где существуют свои школы и учителя – Ахуны, преподающие арабский, персидский, китайский языки, – чтение, письмо, объяснение Корана. При мечетях же имеются: колодцы, водяные бассейны, фонтаны, или особые помещения для омовений, часто совершающихся у магометан. Богослужение, состоящее из молитв, пения, чтения Корана и проповеди, совершается каждую пятницу; праздничные и другие дни соблюдаются тоже по магометанскому календарю. Архитектура мечетей, иногда довольно обширных – проста, в китайском стиле, иногда с примесью индийского или западного; главный зал для проповеди и молитвы украшается посреди кафедрой, имеет пять или три боковых наосов с колоннами, в три ряда; украшения – арабско-китайские или персидские и состоят большею частью из ленточных надписей из Корана. Обрезание, пилигримство в Мекку, ежедневные молитвы и омовения, чтение Корана, совершение милостыни – составляют обыкновенную добродетель китайских правоверных. Расселяясь издавна с колониями евреев, или христиан, они нередко смешивались с теми и другими до более определенного выделения своего типа и обычаев. Сношения с буддистами и китайцами-даосами, повлияли на некоторых мусульман в создании особой секты – «*Ву-вэй-цзяо*» (букв. вероучение об апатии, не действии, состоянии пассивном, – спокойствии, у буддистов достигаемом в «*Аморлинга*» – внутреннее блаженство и бесстрашие). Эта школа отличается мистическим направлением. Заслуживает внимания общий обычай китайских мусульман при погребении умерших – чтение Корана, его секций, или даже и всего, смотря по возрасту и грехам умершего. Чтецы – Ахуны, составляют особый класс, только этим и занимающийся, для очищения души почивших. Г. Эдкинсу знаком был один из таких лиц, который постоянно странствуя по правоверным в Монголии и Манчжурии, искрестил эти страны вдоль и поперек, приобрел столь отличные познания и о людях, что был живой энциклопедией по разнообразным вопросам. Такого рода лица пользуются большим кредитом и влиянием среди не только мусульман, но и других китайцев.

§ 42. Мусульманская мечеть в Кантоне, надгробный памятник 1776 г., таблица о земельном участке 1693 г. и прочие памятники с надписями, их описание и перевод

Из памятников древности интересны в г. Кантоне мусульманская мечеть, надгробный памятник (1776 г.) и таблица о землях, принадлежащих монастырю (1693 г.), также разного рода надписи на арабском и китайском языках (1710 г.). На основании всех данных, собранных исследователем о них в «Chinese Repository» (Vol. XX, 1851, Canton), видим, что в Китай являются купцы и миссионеры магометанские из Аравии, избирают Кантон своим пунктом пребывания, устрояют монастыри и оставляют памятники «Хозй-хозй-фан» 629 г. Монастырь «Хуай-шэн» устроится при Танской династии, «Суха-пашею» дядей по матери Магомеда, царя Медины; по смерти, над ним построен самый гроб с означенными наименованиями. Со времен Танской династии и доселе, место это пользуется уважением со стороны соседних жителей и охраняется. В надписи на каменной храмовой таблице, пред входом в мечеть, значится еще почетное имя Сарты Сугаба – родственника самого Магомеда, пришедшего в Кантон для распространения веры, умершего там в 575 г. по Р. Х. Надпись такова: «Почтенное имя светлейшего мудреца – Сугаба, родом из Сарты. Он был дядя Царя Магомеда по матери, почтенный и святой из «Тянь-фан» (т. е. Аравии), что в стране Медины. Пришел он по его повелению в «Дун-тху» (т. е. восточная земля, Китай), как посланник с дарами. В шестой год Кайван из дома Суй (586 г. по Р. Х.), явилась комета, и главный историограф заметив её с гаданиями, изрек: «На Западе явился замечательный муж!»; после чего он действительно услышал, что «родился на Западе царь Медины, божественная и святая личность, и что когда он всходил на трон, получил истинно каноническую книгу, сошедшую с Небеси, по которой тот царь начал с радостью поучать свой народ поклонению только единому Господу, с искоренением при этом всех зловерных и чудовищных учений; чрез что получилась истинная, чистая и правильная вера. Все царства Си-и (Si-yih), т. е. на Западе находящиеся, приняли это вероучение. Император, приняв этого посланника с честью, приказал отпустить обратно на Запад, до г. Ян-вань, вступить с его страной в торговые сношения, завязать мирные переговоры и дружественную связь».

В самих же летописях о святейшем (Магомеде) говорится, что «в 6-й год Гижра, император Китая (Дун-тху), посылает туда нарочного уполномоченного; (из Аравии) в свою очередь с подарками посылаются в Китай Сарты и Канкус (Kan'koos) в сопровождении свиты. Когда они прибыли в столицу, император принял их на аудиенции, – спросил: «Какими средствами располагает ваш царь в управлении людьми и ведении их к добродетели, чему учит свой народ, чтобы тот был счастлив?» Посланцы отвечали, что «у них признаются три социальных отношений и пять коренных добродетелей, истинное, чистое и правое учение, и очевидное для всех проявление святого и почтенного – единого высшего начала (– Бога)». Его величество с удовольствием подумал об означенном, выразил полное сочувствие, и задержал Сарты для распространения веры в Дун-тху (Китае). Он построил Хуай-шэн-цзы (т. е. место резиденции) в г. Бань-чау (Pwanchau) или Кантоне, который и избрал постоянным пунктом пребывания. Затем, он возвращался в страну свою для отчета в делах, и личного сообщения о всем виденном и слышанном царю во время его путешествия на драконовой колеснице. На случай же печального отшествия (из сего мира), он советовался с друзьями и распорядился как следует, по воле Святейшего и почтенного. И все были уверены в том, что Святейший живет так, как повелевают правила его мудрого «Коу-ли» (Ku-li, Коран?). Затем он пришел в Дун-тху (в Китай) и поучал здесь еженедельно по пятницам (букв. в день «Юань-ма-дэ», слово – равнозначущее арабскому «Jumaat»). Точно также и другие, подражая сему Светлейшему человеку и точно исполняя веления, распространяли и все книги Небесного канона, привезенные в Дун-тху, по которым и научались жить магометане китайские. Мы, почитая должно и единодушно заслуги сего доблестного человека при жизни и по смерти, озаренные светом Корана, приносим действительное благодарение и самому Богу, даровавшему доблести Святейшему (Магомеду). И в будущем времени (уверены) все магометане воздадут ему должную честь и хвалу».

В конце царствования Тяньбао (Tien'pau), или Мин-Гуаня, Танской династии (755 г. по Р. Х.), возмущился Нань Люшань и владычество инсургентов в области двух рек было довольно значительно; генерал, против него командовавший, был разбит, и столица очутилась в большом

смятении, его величество для избежания опасности удалился в Сы-чуань, коронный князь ушел в Лян-ву (Lingwu в Кансу); две столицы почувствовали свою потерю. Все министры напомнили пред троном, чтобы его величество отрекся от власти в пользу своего сына, который, будучи объявлен императором в Лян-ву, послал нарочных на границу для законной её охраны. Правитель из магометан (Hwui), или уйгуров, дал знать кронпринцу Яру (Yaru) стать во главе лучших войск, и 100.000 населения в Си-и, и тот перешел даже границу для защиты царствующего дома Танов. Затем, князь Мура (брат императора), присягнувший брату Яру, с генералом Го-цзы и прочими властями, воцарились в обоих столицах и успокоили возмущение Нань и Сы. Император, помогавший племенам уйгуров, устроил пир, по случаю возвращения войск на мирное положение, удержал князя Яру и его главных генералов, тоже отличившихся, и избрал своей резиденцией Чань-ань; правитель двух провинций Китая и Гуй (магометане) точно также принимали участие на празднествах.

Во 2-й год Янь-цзуна (807 г. по Р. Х.), Гуй (магометане) получили позволение об устройстве своего монастыря в Тай-юань-фу, в Шэнси. В царствование Ву-цзун (842 г. по Р. Х.) несколько тысяч из племен Гуй (магометане и другие иностранцы) настоятельно просили позволения у императора вступить в страну, и император отправил их, чрез особо уполномоченного, в различные части Шэнсийской провинции, где они и успели найти себе благосклонный прием и поддержку от разных местных владетелей и властей, а честные и образованные ученые, постепенно исправляя государственные и общественные должности заняли их в значительном количестве. Поддерживая же и исповедуя чистое и истинное вероучение, в течении тысячелетия, нелицемерно и беспорочно, возвысили значительно общественное мнение и доверие к мусульманам во всех частях Китая; и это несомненно, благодаря своему великому ученому и мудрецу (т. е. Магомету). И в настоящее время мечеть Гуай-шэнь (Hwai-ching), где жил сам начальник оной, и где он затем погребен, существует, мало в чем изменившись. Она имеет колоннаду снаружи (porticus), зал для богослужения и сень, где читается Коран, зал для приема богомольцев и гостиную (трапезу) для посетителей гроба, и где они оставляют свои туфли; сверх сего есть особые комнаты – кладовые и отдохновения храмовой прислуги (сторожей, привратников и др.). С течением времени правоверные устроили свои магазины и жилье, заводили свою монету и земельные участки с рентой, сборы с которых, при ежемесячном разделе, поступали на погашение текущих расходов, а остальное шло в запас. Когда Ахуны и Халифы приходили издали на поклонение гробу, то каждый что-нибудь приносил с собою и жертвовал на расходы, или на украшение почитаемой святыни.

Первым сооружением, достойным внимания, был надгробный памятник, стоявший более тысячи лет, и который поэтому исчез, но воспоминание об оном сохранилось на храмовой таблице – трижды поновленной: и в течении царствования Цзя-Цин (Kia-King), около сорока лет тому назад, благодаря денежным вкладам окрестной общины, памятник снова возобновлен. В настоящее же время, все вообще здания пришли в совершенный упадок и представляют груду развалин, из коих наиболее заметно прежде бывшее место общественных собраний, требующее для ремонта много денег. Окружающая магометанская община хотя и уделяет доселе свои средства, но они очень малы для надлежащей реставрации. Важно то, что памятник исторический еще и доселе сохраняется в его полуразрушенном виде, благодаря благочестивой ревности магометан. Здесь каждый камень служит для них живую летописью.

Приведенная нами в переводе страница из храмовой таблицы мечети относится к 1830 году, с упоминанием о реставрации оной в 1710 году. Что особенно замечательно здесь, – это известия о политических сношениях Китая и Аравии, подтверждаемые китайскими анналами. Из надписей на гробницах разных лиц, погребенных при мечети, а также на стенах внутри её, или на памятнике мудреца «Сянь-янь», замечательны следующие:

1. «Правильно поучавший нас вере, наш западный предок».
2. «Главный предок, пришедший к нам с запада».
3. «Знаменитый и славный в западных странах».
4. «Благодаря его святости и добродетели получили прозрение и мы».
5. «Он возобновил и сделал достойным поклонения гроб древнего героя».
6. «Мы усмотрели в нем единого достойного славы и чести».
7. «Предок поучал горный юг».
8. «Истина всегда едина и не терпит раздвоения».

Надписи между столбами павильона над гробом:

9. «Он преподавал канонические книги, в коих прежде всего объяснялись элементы вещей, содержалось введение человечества к правому учению; в тех же книгах изложено кратко и ясно все замечательное и покрытое тайной учение, заключенное в 140 томах древних писателей».

10. «В начале реформации он сам получил правильный и неповрежденный канон Священных книг, вследствие чего заслуги и честь сего ученого стали еще более велики и добродетель славнее; в них (книгах) содержались для постоянного вразумления и научения слова, собранные из 124.000 отборных мудрецов».

11. «Он примирил священные стороны (с Si-wa?), и произвел согласие мнений (ученых) на пятьдесят поколений» (т. е. увековечил, установил единообразие мыслей).

12. «Он принес в Китай и распространил в нем тысячу Священных книг (canons), по которым учил китайцев и поучает постоянно на тысячу и сто годов» (т. е. – учение магометанское будет продолжаться на долгое время).

Из одного памятника над могилою некоего Омра (Ngau-meh-loh), поселившегося в Кантоне, усматривается купеческая и миссионерская цель – распространения магометанского вероучения в Китае. В надписи говорится: «Когда мореходные суда чужеземцев начали свои рейсы в Кантон, при Танской династии, Магомед – владетель страны Медины, принадлежащей мусульманам в западных окраинах, посылает своего дядю по матери – *Сугалацзай* – иностранного священнослужителя для торговли в Китай. Он построил храм весьма простой и монастырь Хуайшэн, по окончании коего умер и погребен при нем по своей религии.

Магометанский гроб *Хозй-хозй фан* расположен при северных воротах Кантона. Он был сооружен в третий год императора Шэнь-гуана (по Р. Х. 629); гроб построен в виде башни с чалмою (dome-shaped), или подобно зданию с привешенным колоколом (hanging bell). Когда говорящий народ вступает туда, слышится эхо, разносящее слова и затем замирающее; поэтому народ и назвал самый памятник *Сян-фан* (Hiang-Fang) – гроб, разносящий человеческое слово (Echaing Tomb). Со времен Танской династии до ныне, т. е. более 1000 лет, обитатели города и местечек с почтением относились к означенному месту и не рубили деревьев, окружающих оное. В царствование Чжи-чэнь (Chiching) Юаньской династии (по Р. Х. 1341–1367) Лю-са-дула и 70 других семейств водворились в Кантоне и тщательно поддерживали как монастырь, так и самый памятник. В конце Мингской династии, всякий мусульманин, достигнувший по наследству ранга лейтенанта, имел постоянную резиденцию в Кантоне, потому что солдаты и народ этой секты ежедневно возрастали в числе и силе. Ежегодно каждый семейный клан приходил к гробнице "*Сян-фан*" для почтительного поклонения и выслушивания Священной Книги (Корана), каковой обычай продолжался неизменно до сего дня; сюда же приходили единоверцы и соплеменники из западных стран для той же цели обыкновенно и нередко тянулись их целые вереницы до Кантона, лишь бы навестить гроб своего святого и поклониться ему; выражением самой высшей почести у них был обычай ползком и на коленях доходить до священного места поклонения».

Другой, близлежащий памятник, сооружен в память одного туземца ученого, по имени Ян Ючан, родившегося в 1672 г. и умершего в 1757 г.; это – семейная могила для сына, внуков и деда означенного человека; сыновья его называются на надписи «с плачущими очами», с пометой 1761 г. Близ гробов поставлена черная мраморная таблица, хорошо сохранившаяся, с кратким очерком приобретения земельного участка некоторыми магометанами Кантона, которые в благодарность за то, сверх денежной ренты, постановили: поддерживать неугасимую лампаду при мечети и благовонные курения при богослужении. Самая таблица с надписью следующей: «Вообще замечено, что обычаи, как и законы в мире, непостоянны, и что умы людей всегда склонны к нововведениям; поэтому, самый предмет должен быть тщательно подвергнут всестороннему обсуждению, и только тогда можно дать надлежащий поворот делу. В 31-й год Канси, 7-й месяц (авг. 1693 г.): Ша Дин-бяо, Ма Шэнь-сюн (и 14 человек других, с неизвестными именами) нашей религии, вследствие соглашения с собственником земли Гуэй-мин-фун, о приобретении у него участка земли in perpetuo по законной купчей крепости, а чтобы договор не был как-либо нарушен, точно определили законного собственника – мечеть, и самый акт совершили публично у северных ворот (города, т. е. в присутственном общественном месте). Так как означенный участок оказался весьма малым по собираемым с него доходам, то Ша Дин-бяо и другие его товарищи, в 10-й месяц купили у Гуэй Инь-цзюаня другой участок земли in perpetuo от потомка дяди Цзин-юэ. Оба земельных участка находятся в округе Лун-мунь, на возвышенности Люци (Luki), в месте называемом *Хуан-Шан*, где и поставлен внизу каменный Tumulus на большом расстоянии, в пространстве 58 кит. му.⁸⁵ Ша и другие товарищи пригласили двух

братьев Чау и двух братьев Шэнь, обрабатывать ежегодно поле, уплачивать регулярно земельный налог, поставлять по 30 мер (Stone = 14 англ. фунтов) зерна из всего сбора, и дополнять в пользу мечети маслом и благовонными предметами для курений, равным образом – покрывать издержки на поновление древней гробницы погребенного здесь уважаемого Шиха-бэй. По официальном заявлении и утверждении всех означенных условий договора, Ша Дин-бяо и другие постановили – исполнять беспрекословно и верно. О сем говорится так:

«Поразмыслив, что люди нового времени не так тверды в слове, как бывало у старых людей прежде, поспешно записали означенное условие в книгу и официальным способом; таким образом устранилась возможность споров с ближайшими соседями-собственниками; по тому же самому Ша Дин-бяо и его товарищи дружески соединившись и скрепив условие в присутственном месте, купили земли для мечети и обещались поставлять масло и ладан для церковной надобности; заручившись уплачивать земельную ренту регулярно, и собирать доходы и плоды с дележом, все обращались к своим домашним мирным занятиям. Чэн (Ching) местное присутствие, в свою очередь занеся контракт в свои книги, выдало немедленно на земельную благоприобретенную собственность и надлежащий законный акт. Доказательства эти и другие на неоспариваемое земельное имущество Ша и его товарищей, публично и частно, известные всем, дали возможность и мечети на постоянную её поддержку, с дополнением пожертвований масла и ладана». Все вышеизложенное, как бесспорное, награвировано на камне, поставленном (при мечети) в 1694 г., Ша Дин-бяо и его товарищами.

Из прочих могильных памятников, в дополнение к прежде указанным, обращают на себя внимание два: один с арабскою надписью, сооружен над Шемас-ду Адин, умершем в Кантоне на 87 году, в 1190-й год Гижры (1776); другая надпись – китайская, над Гаджи Ме-Кэ-му-дэ (магометанин, умерший в августе 1750 г. (Цянь-лун, 14-й год, 8-й май, 26-й день) Дзуль-кадах). Некто Омрах, погребенный неподалеку. – умер в 3-й год императора Тэньгуаня Танской династии (по Р. Х. 629), в год Кэ-ли-фах (Калифат, в 27-й день мая Дзуль-гежах).

В дополнение сведений о Кантонской мечети следует заметить, что центральное её здание сооружено на квадрате с куполом вверху; окружено оградой, имеющей трое ворот в китайском стиле, – деревянные с средней аркой и двумя боковыми узкими пролетами. Надписи по-китайски, над воротами: – средними: «Остановись (прохожий) и подивись высочайшей славе!»; над боковыми: «врата добродетели», и – «берега (края) справедливости». На внутренней части ворот надписано: «Кто постигает единицу (единого, единство), тому понятна и троица (три силы – небо, земля, человек)»: по сторонам дополнения: – «полной славы и чести!», «Средоточие света!».

§ 43. Полемические и апологетические труды в борьбе с мусульманством и пр.; авторы: Маклуэн, Пфандер, Аллен, Корбетт, Ричард, Мюир, Луллий, Блед, Ахмед-Ибн-зайн Элебидин, Гуаданьоля, Шираз, Саид Ахмед-хан и Скуддер-Амин, Грасэй и другие

Английскими миссионерами, предприняты труды, полемического и апологетического содержания в борьбе христианства с магометанством, о которых сообщаем следующие сведения: 1. *Rev. I. S. Mellvaine* (Маклуэн) приготовил книгу для мусульман, на мандаринском диалекте с изъяснением избранных мест Евангелия; на том же диалекте и для тех-же людей. *Rev. Dr. Pfander* (Пфандер) издал 2. «*Mizan Ul. Hazy*» или «весы истины» и другую кн. 3. «Пища для размышления» (*Food for Reflexion*); 4. *Rev. Dr. Aden* в его «*China and Her Neighbors*» и 5. *Rev. H. Corbett* в его «*Church History*» посвятили несколько глав, касающихся исламизма, и помогающих уразумению Евангелия или объяснению, интересующих умы магометан, вопросов.

6. *Rev. T. Richard* (Тимофей Ричард) в «*Chin-Recorder*», за 1876 г., стр. 129–131, посвящает несколько дельных замечаний в отношении доказательств магометанских и христианских, в виде диалога (*Mohammedan and Christian Evidences*), который и воспроизводим по-русски. «Несколько магометанских студентов, с их учителем во главе («муллой») пришли к автору в один праздничный день – «*Шэн-мин*» (5-го апреля) побеседовать о предметах религии. Мулла спросил: «Какие существуют у вас доказательства об Иисусе Христе – как посланнике Божиим? При чем я упомянул, что Господь наш говорил ученикам у Иоанна «исцеляйте больных, воскрешайте умерших» и проч.

«Да», промолвил мулла, по-видимому, довольный, но не понимая сказанного – «вы справедливы». И Магомед говорил некогда, как он по рождении исцелил кормилицу, и хромым осел вез её с младенцем; что при восхождении на гору, всякий раз впереди вихрь расчищал дорогу, а когда нужно было остановиться для утоления жажды в пустыне, вдруг являлся какой-нибудь незнакомец или несколько ангелов, и открывался источник живой воды. Также, – во время сильной засухи, при прохождении сих путников, пастухи баранов находили где-либо и чудное тучное пастбище, и спасительные воды. Во время же великого уединения и поста на горе, сам ветер своим свистом проповедовал о нем – как посланнике Божиим; даже раковинка однажды воскликнула: «се ангел Божий!». Для убеждения в том иудеев, он разделил и соединил даже месяц!». Затем последовал рассказ как – Магомед утешал плачущую мать, и в ответ на свою молитву получал с небеси подкрепление сил; длинным рядом разных пророчеств о Магомед-е мулла закончил свою речь, присовокупив, что многое им изложенное даже не вошло в Коран, но известно ему по преданию».

Терпеливо перелистывая подробности очерка сообщенных доказательств из Корана говорит автор, я возбудил вопрос о чудесах, и заметил, что находя в них обильный материал для бесполезных возражений, сомнения, споров, лучшим нашел спросить: – «для чего приходил Магомед?» Мулла отвечал – «чтобы спасти (людей) из ада». Но какими способами? – «Их пять, (заметил мулла), именно: искренность, богопочтение, благотворительность, пост, и обращение во время молитв лицом к Мекке». Тогда я заметил, «если каждый человек может делать все это и спастись, то незачем быть всем и магометанами!» – «Конечно», возразил сомнительно мулла и сознавшись, что спасение возможно для всех людей благочестивых и религиозных (при чем внимательно мулла посмотрел на своих учеников), прибавил, что есть еще и другие истины более важные, которыми пренебрегать нельзя, и которые подобны Заповедям самого Бога.

Я заметил: «Без сомнения»: но, прибавил: «Когда человек изнемогает с голоду, вопрос не в том, – пойдет он кушать в кухню или народную столовую, в китайском или иностранном помещении, один, или с товарищами. Важно и существенно одно – утоление голода пищей, все же прочее – менее важно. Так точно и в религии. Кто должен быть спасен, и затем – как? Обряды и церемонии суть не более, как аксессуары». – «Совершенно справедливо, верно», – слышалось от студентов.

Мулла, не изменяясь в тоне продолжал: «первою сотворена душа Магомеда; за нею созданы были души прочих пророков; – за пророками следовало создание душ прочих благочестивых людей; – за добрыми людьми созданы души и грешников и пр.; наконец, цепь всех творений заканчивается рождением Магомеда – величайшего из пророков, – Бог дает ему

силу и власть во всем и над всем на небеси и на земли; Христос должен будет снова прийти на землю для наказания всех врагов исламизма и правильного установления религии Магомеда».

Я спросил, «Закон, Пророки (с псалмами) и Евангелие, все-ли по происхождению с неба, как и Коран?» – «Да» – отвечал мулла. Тогда я сказал: «Евангелие говорит, что Христос не создан для всего мира (подобно Магомеду), – что он прежде всего и всех людей уже существовал (по Божеству), – что ему дана всякая сила на небеси и на земли (как Богу и совершенному человеку) – и что со вторым пришествием его на землю, вся тварь повинится пред ним и все человечество смирится. Какая небесная книга может служить для нас предметом веры?» Мулла отвечал: «Последняя; ибо с пришествием пророков и исполнением пророчеств и самый Закон потерял свою силу; с появлением же Евангелия, Закон и Пророки стали недействительны («прейде сень законная, благодати пришедшей»); с пришествием же и распространением Корана, само собою должны упраздниться и все поименованные три (Закон, Пророки, Евангелие)». «Если это так, (заметил я), то в Богооткровении существует прогресс; и по мере того, как люди расширяют область познаний и элементов религии, тем более и полнее, яснее, должна раскрываться в нашем сознании истина». «Да, и мое мнение точно таково-же», сказал мулла. Я заметил: «Евангелие старается вообще об одухотворении и возвышении смысла церемоний и обрядов, насколько это необходимо и полезно людям мира; – оно допускает и освящает даже значение кровавой жертвы, какою является сам подвигоположник нашего спасения, ибо Он есть по истине един «Агнец закланный, прежде сложения мира, за грехи людей». Сообщает ли таковые истины Коран ваш?» закончил я. Мой собеседник промолчал и, подумав, отвечал: «Магомед научил арабов и объяснил им далее, что даровал всем истинную религию, которой он поэтому – глава; за что и получил в свое время и ныне не перестает собирать дань благословений и благодарности как от правоверных, так и язычников; в отношении же Богопочтения, обрядов и церемоний, какими они изложены в В. Завете и соблюдаются евреями, Коран нового ничего особенно не произвел, также как не изобрел духовной и бесконечной любви, о которой проповедуется в Евангелии».

Порывшись несколько в Коране и не находя особенно важного, мулла спросил: «знаешь ли ты что-нибудь по части измерения пространства небес?» Я отвечал – «нет». Он снова спросил: «неизвестно-ли тебе о глубине преисподней?» Я отвечал тоже отрицательно. Он скоро объяснил, что земля со всех сторон покрыта отдельными слоями ада, и что соответственно им и небеса прикрыты своими поясами (света); что с каждой части земли возможен доступ в те и другие сферы, и на все четыре стороны (крестообразно) доступно небо, – есть мост ведущий и в преисподнюю, что по нем идет всегда много народу всякого пола и возраста... Заслуживают еще два предмета, – один помрачает, другой дает кредит нашей вере: разумею *мздовоздаяние* (revenge) и *благотворительность* (charity). Конечно, совершая пост и воздержание, мы очищаемся от греха, но не менее известны по опыту и все печальные последствия, порождаемые страданиями и лишениями нищего народа; наш магометанский нищий хотя – редкое явление, но избавиться от него никогда нельзя. Ваши благотворительные учреждения для помощи бедным, как лондонские, так и несториан – живших в Китае, несомненно – лучшие и весьма желательны у нас. Нищета и бедствие также суть порождение и войн, нередко происходящих у людей. И что может сравниться напр. с войнами сарацинов, персов, самих магометан? Кажется, в адских пропастях легче нежели на земле. Но все это есть следствие греха, глубоко разъедающего человечество и как необходимое наказание, возмездие за него...». При этих словах магометанина, я указал на последние стиха V гл. Евангелия от Матфея, изложенные Спасителем со всею глубиною человеколюбия: «Просящему у тебя дай и хотящего от тебе зяяти не отврати»... «Будете совершены, якоже Отец ваш небесный совершен есть!» (ст. 42–48). Все вообще (закончил я свою речь) труды наши, т. е. христиан, основаны на любви, молитве к Богу, озаряющей наши умы, очищающей душу и служащей источником откровения; во Христе, совершившем жертву за грехи мира, – наше упование, твердая опора и сила. «Без любви же, какою она изображается в Евангелии, мы не можем творить ничего!»

8. Китайские мусульмане, как и живущие в других странах, имеют обычай извлечения многих текстов Св. Писания Ветхого и Нового Завета, в интерпретации Корана, или даже в нем самом находят таковые, для доказательства своего вероучения, как истинного и Богооткровенного. Интересно в сем случае другое сочинение магометанина (сверх вышесказанных) на китайском языке, состоящее из десяти томов и напечатанное в Нин-по, автор – Лянь (Lien), написавший оное за 200 лет тому назад.⁸⁶ Писатель этот старается доказать Божественную миссию Магомета

из Св. Писания, а потому цитирует места из Закона, Пророков и Евангелий, со своеобразным их названием: Тора – закон, у него означ. "То-ла", Моисей – "Муса", «Инь-чжи-лэ» – Евангелие, обыкновенно называемое еще «Инжеель», «Иса» – Иисус, "Чжу-ху-дэ" – иудеи, также "Ю-тхай". Порядок Евангелий цитируется: "Му-тха" – Матфей, "Ю-го-на" – Иоанн, Марк и Лука – сходно с сирийскими названиями; Коран – «Хоэй-хоэй-цзин», или «Вэй-дзай-тянь-дзин-джун», перевод с арабского. Исповедуя веру в Св. Писание, магометане принимают свидетельство о божестве Иисуса Христа и необходимости его крестной смерти, для очищения от греха. К сожалению, находя много в Коране несогласного с текстом Библейским позднейшим, объясняют эти неясности существованием испорченных Евангелий и Св. книг, бывших под рукою Магомета. Это обстоятельство побуждает мусульман китайских обращаться к древним текстам или лучшим переводам Библии на арабском и персидском языках. По сознанию китайских мусульман, для них весьма желательно бы иметь лучший и достоверный текст Библии в переводе на языке китайском.

7. Образцом разговоров с мусульманами и доказательствами из Евангелия и Библии о христианстве может служить труд г-на В. Мюира, под заглавием: «The Coran its composition and teaching, and the testimony it bears to the Holy Scriptures» (by Sir Wm. Muir, M. A. D. C. L., Society For promoting Christian Knowledge), т. е. Коран, его состав и начальное обучение, со свидетельствами, заимствованными из Св. Писания. В сем сборнике сравниваются параллельно сходные места Корана с Библией, причем делаются самые объяснения текста. Текст Корана объясняемый есть арабский.

В отношении доказательств истины христианства и Библейской по преимуществу пред Кораном, важны другие труды, о которых находим нужным сообщить, поскольку они почитаются классическими – исторически. В критико-полемиической литературе известны имена восточных и западных ученых, начиная с Иоанна Дамаскина (8 ст.), Евфимия Зигабена (12 ст.), Ричарда (confutatio, изд. 1543 г.), Аверроэса и Аквина (около 1250 г.), Раймунда Луллия в особенности. Этот последний около себя создал особую школу миссионеров среди мусульман и в 1345 г. проник даже в Каирскую мечеть, где своею проповедью склонил ко Христу самого султана. В период мавров было много разных трактатов испанских писателей (Eichhorn, Gesch. der Lit. vol. VI); с XVII ст. в особенности появляется много сочинений на арабском, персидском, латинском и др. языках. Бледа в «Defensio Fidei Christianae, 1610 г.» защищает поведение христиан сравнительно с мусульманами. В 1596 г., католический миссионер Иероним Ксавье написал на персидском языке против магометанства рассуждение с изложением основных принципов этого учения и христианского, и контраста между ними (Lee, Tracts on Christianity and Mohammedanism, p. 1). В сочинении изд. 1621 г. персиянином Ахмед Ибн-Зайн Элебидин, содержатся следующие пункты, объясняющие цель автора: 1) Показать, что пришествие Магомета было предсказано в Ветхом Завете (Hab. III. 3). 2) Доказать, что учение Магомета не противно Христову, также – Моисееву, и что поэтому, в пунктах согласия, должно быть допущено, а прочее отвергнуто. 3) Критический разбор и опровержение всего, что несогласно с христианством. 4) Защитить учение о Троице и Божестве Иисуса Христа (Lee, p. 1). Оригинал сочинения был написан золотыми буквами и послан папе Урбану VIII с предложением критического разбора содержания. Избрано было достаточно компетентное для этого лицо, исполнившее не менее научно предложенную задачу в 1631 г., на латинском языке; это был Филипп Гуаданьоли (Guadagnoli), посвятивший труд папе Урбану VIII. Сочинение разделено на четыре части: 1) возражения и опровержения в учении о Троице; 2) о воплощении; 3) об авторитете Св. Писания; 4) претензии Корана и Магомета. Прочие сочинения, появившиеся после, не очень серьезны и всесторонне; таковы труды Горнбека (Summa Controversiarum, 1653), Бартоломея Эдесского (confutatio Hagareni); Мараччио – «Criticism on the Koran» (1698) считается самым лучшим трудом, вызванным желанием папы иметь такое издание Корана, в коем-бы, с воспроизведением точного текста, присоединялись на все сомнительные места и нужные примечания, с разбором и опровержением. И действительно, до настоящего времени в сем отношении, труд этот почитается одним из лучших в христианской противомусульманской полемике. Г. Фабрициус, в его «Delectus Argumentorum» и Шталффер в «Inst. Teol. Polem. II» собрали все лучшие выводы и аргументы разных других предшественников: Готтингер (Hist. Orient.), Пфейффер (Theol. Judaica et Mahom.), Кортгольт (De relig. Mahom. 1663), Придо (1697), Реланд (1707), Буленвиллер (1730) и перевод Корана Сал (1734).

В настоящем столетии выделяются труды, знакомящие с борьбой миссионеров на Востоке, другие касаются новой жизни и направления ислама, его истории, или сравнительного изложения частей этого вероучения. К первому классу относятся диалогические рассуждения *Шираза*, 1811 г. Между Генрихом Мартином и несколькими персидскими муллахами. Контroversия открывается довольно острым трактатом, писанным Мирзою Брагимом, старающимся доказать превосходство чудес в Коране над теми, какие встречаются в древнем христианстве. Мартин возражает на это рядом своих рассуждений, чем вызывает другого соперника – магометанина Руза из Гамадана, представляющего свои весьма остроумные и, тщательно разработанные. Они направлены к доказательству, что в Ветхом Завете и Новом существует много свидетельств о Магомете – как чрезвычайном посланнике Божьем и Духе-утешителе. Этого рода трактаты переведены в 1824 г. с разработанным предисловием, содержащим очерк указанного выше сочинения Гуаданьоли, исполненный трудами Лее из Кембриджа (*Controversial Tracts on Christianity and Mohammedanism*).

В 1865 г. мослем, индийский ученый, *Саид Ахмед-Хан* и *Скуддер-Амин*, составили общими трудами двуязычный комментарий на Св. Библию на английском языке и индийском диалекте урду, сопоставив Библию и Коран в той связи, какая наиболее требуется у мослемов. Rev. J. T. Gracey, при обзоре сего труда, в 1866 г., в журнале «*Methodist*», отзывается о содержании таким образом: 1) Самая важная часть здесь – контroversии магометанства с христианством. Повсюду проникает основной взгляд магометан тот, что Св. Писание как у иудеев, так и христиан сильно испорчено, а потому не заслуживает к себе доверия. Вследствие сего, магометанин всякий раз, при недоразумении в тексте Св. Писания евреев и христиан, обращается к Корану и в нем ищет для себя надлежащего базиса и устоя, или объясняет по своему так, как найдет того заслуживающим вероятия. *Магометанство вообще представляется всегда как философская школа, которой не ведает народ простой и верующий*. Саид Ахмед – сего класса лиц, и, после рассмотрения контroversии Колензо, рассуждает о существенной неповрежденности истории. Его книга принадлежит к числу первых опытов популярного изложения веры и может эзотерически признана в школе; даже у влиятельных классов разных общин она имеет значительное обращение, в тоже время может материально видоизменять народное понятие за недостатком целостности и чистоты Св. Писания. 2) Сравнительно с индусским, магометанский дух Индии возбужден, хотя менее, от обычной апатии при соотношении его с западной цивилизацией. Излишняя угодливость индусам производит на деле иную участь. Автор, по-видимому, далек был от этого, и его труд, как во 2-й, так и 3-й книге, просто посвящен азиатскому библейскому критицизму в том виде и степени, какой вообще принят и свойствен писателям известной категории, не приносящим ничего нового в европейскую науку, и есть только почтенная компиляция известного материала.

Из литературных произведений, посвященных разным вопросам о магометанстве, известны еще следующие: «*Vampton Lectures*» за 1874 г., содержащие обильный источник для контroversов; новый перевод Корана Rev. J. M. Rodwell'a, с хронологическим распределением сур; *Arnold*, Koran and Bible (ed. 1859, 1866); *Dr. Macbride*, Mohammedan Religion explained (1857); *Tholuck*, Vermischte Schriften, I, 1–27; *Die Wunder Mohammeds und der Character des Religionsstifters*; *Dr. Stanley*, Lectures on the History of the Eastern Church (lect. VIII); *Maurice*, Religions of the World; *Renan*, Etudes d'Histoire Religieuse (IV). Новейшие труды большею частью направлены к изучению жизни Магомеда, его характера, сочинений, предшествующего состояния религии в Аравии и характеристики магометанства сравнительно с другими вероучениями и имеющие значение в развитии духа человеческого. В философском отношении важны: *Aug. Schmoelders*, Essai sur les Écoles Philosophiques chez les Arabes (1842); *Ritter*, Christliche Philosophie (III).

Приложение к § 38. Извлечение из содержания Корана (по М. Мюллеру) CXIV сур, с примечанием о цели сего приложения

Извлечение из содержания Корана⁸⁷

I. Сура *вступительная*. (Мекка): Молитва для руководства.

II. Сура *Гифер*. (Медина). Коран – как руководитель правоверного. Укоризна неверующим; притча о зажигающем огонь. Бог не любит шутить подобиями. Сотворение человека; Адам дает имена; Ибил отказывается поклониться ему; искушение и падение. Сыны Израиля: их испытания в Египте; золотой телец; манна и перепела; предложение оставить город и говорить «гиттатун». Моисей ударяет (жезлом) в скалу; для открытия убийц повелевает народу умерщвление скота. Попечение о том, чтобы Св. Писание у иудеев сохранялось не испорченным. Золотой телец; гора удерживающая его. Гавриил открывает Куран: Гарут и Марут. Ведущие не произносят «рахина», но «унгурна». Стихи, могущие быть заменяемы лучшими. Рай не исключительно создан для иудеев и христиан. Мечеть должна быть свободною и независимою (от кого-либо). История Авраама: построение им Каабы; – был Ганиф. Установление «Киблах», может быть употребление и «Зафа» и «Мервах». Доказательство о единстве Бога. Пища законная и не по закону. Закон о мздовоздаянии за убийство. Завещатели наследства. Праздник Рамадан. Обряды пилигримства и продолжительность одного. Религиозная война (борьба) по закону в продолжении священных месяцев. Запрещенное вино и недозволительная игра. Брак с незаконными идолопоклонниками. Закон о разводе. О грудных младенцах. «Мугагерин» должен быть вознагражден. Сыны Израиля требующие царя. Саул (Талут): Shechina, лук (ark). Смущенные Саул и Гедеон. Голиаф. Иисус, ityat el kursiy (стих трона), поучающий о самобытности и всемогуществе Божиим. Нимврод и Авраам. Раздаяние милостыни. В религии насилие не допускается. Доказательства воскресения: видение Иезекилем сухих костей; Авраам и птицы. Необходимость милосердия и раздаяния милостыни. Неправедный ростовщик. Законы о купле-продаже. Лица юридически неспособные. Молитва верующего.

Сура III. *Семейство Имрана* (Медина): единство Божие и самобытие. Коран имеет основание в предшествующем ему Св. Писании. Стихи его суть определенные или двусмысленные. Пример наказания фараонова. Битва Бедр Ислам есть истинная религия. Будущее и вечное мучение. Повиновение Богу и его апостолу. Зачатие Пр. Девы Марии; введение её (в храм) Захарией. Рождение Иоанна: Благовещение. Рождество и детство Иисуса; чудо с птичкой, сделанной им из глины и оживленной; ученики его; намек о диспуте Магомеда с христианской депутацией из Награна. Аврам-Ганиф. Упрек иудеям за их веру соединенную с отступничеством; равно тем, кто извращает Св. Писание. Между пророками не должно быть допускаемо различие. Иудеи достойны порицания за допущение вкушения известных родов пищи. Основание Каабы. Стан Авраама. Полигримство. Упрек в расколе и неверии. Сражение Охода. Победа Бедр, одержанная при помощи ангела. Лихоимание и осуждение одного. Судьба не признающих пророков издревле. Смерть Магомеда не должна служить причиною отвращения верующих в него. Обетование надежды на Бога. Дальнейшее продолжение борьбы Бедр. Мученик Муслем вступающий в Рай. Победа Бедр более значит противоположно поражению Охода. Лицемерие достойно порицания и презрения. Смерть есть общий удел апостолов. Молитва верующего. Увещание к доброй жизни, к делам и терпению.

Сура IV. *О женщинах* (Медина): Бог – творец и хранитель недреманный человека. Женское приданое имущество. Раздача собственности наследникам. Свидетельство, требуемое в доказательстве прелюбодеяния. Верующий не должен наследовать женщине вопреки её воле; не должно быть обмана в свидетельстве любодеяния, в видах охранения женского неотъемлемого имущества. О женщинах, не имеющих права на замужество. Муж – выше жены; наказание за нарушение супружеской верности. Недоразумения между мужем и женою. Обязанности родителей, родственников, сирот, бедных, близких соседей и проч. Раздача милостыни спасает от преступления. При чрезмерном насыщении или питье (вина) верующий должен воздержаться от молитвы (ибо она требует воздержания). При очищениях тела, его омовении, может быть употребляем вместо воды и песок. Требуется беречься иудейского извращения слов Св. Писания (напр., в термине – «га'hina»): также избегать разговоров с теми, кто отвергает субботу по своему неверию. Идолопоклонство – грех непростительный. О верующих в Св. Писание. На доверенности необходимо расписываться. При расприх и несогласии должно обращаться только

к Богу и его апостолу (для успокоения и мира). Для правоверных вмешательство, или посредничество апостола, – дело весьма необходимое. Магомет требует устранения несогласий и раздоров. Правоверные обязаны делать вылазки преждевременно и подальше от места самого сражения. Пред битвой они должны получать увещание с обещанием рая, в случае смерти. Повиновение пророку есть повиновение самому Богу. На приветствия требуется учтиво отвечать обратно. Лицемеры. Дезертиры подвергаются смертной казни и лишаются права убежища в племени, союзнном с муслемами. За участие в убийстве, верующий подвергается уголовному взысканию. Правоверные не должны грабить и совершать иное насилие над лицами, под предлогом, что они – неверные. Жребий полурастерзанных от горя муслемов, пораженных Бедром. Необходимо во время молитвы употреблять осторожность, для предупреждения внезапных нападений неприятеля. Увещание быть искренним в доказательствах веры. Упреки арабам язычникам за их идолопоклонство и суеверия. Ислам – лучшая религия, происходящая от Авраама-Ганифа. Законы в отношении женщин и сирот; соблюдение справедливости и благожелания. О склонности к одной жене, с устранением другой. Частое напоминание и внушение о страхе Божиим. Бог не прощает неустойчивым в вере и лицемерам. Среднего точения допускаемо быть не может. Иудеи были наказаны за требование книги с небеси. Некогда они просили Моисея показать им Бога явно, за что и были строго наказаны. Они же заслуживают прощения за то, что по клевете на Марию, разрушили союз с Богом; также достойны осуждения за убийство Иисуса, ибо, совершая это злодеяние, они как бы пытались убить самого Бога, которого подобием в человеческом виде был Иисус. За несправедливость и лихву в приращении денег, иудеи подвержены по закону известному наказанию, – лишению пищи и питья на известное время. Тоже советует Магомед своим апостолам и пророкам в подобных случаях. Иисус есть только один Апостол Божий, его слово и Дух от него. Учение о Творце не допускается. Бог не рождается от сына. Закон о наследовании в случае отдаленного царского достоинства.

Сура V. *О трапезе или столе* (Медина): правоверные обязаны строго исполнять договоры. Дикие животные, за исключением точно упоминаемых (в Коране), суть законные; охота за ними во время странствований с священной целью почитается поэтому недозволенной. Законными же признаются все обряды и жертвоприношения при сего роде пилигримстве. Мослемы не должны быть зложелательны к Кураиям (Qurais), намеревающимся странствовать в Гудайбиех (Hudaybiyeh). Запрещенные кушанья. Пища иудеев и христиан законна и для мослемов, также и жен их. Об омовении пред молитвою. Правила об очищении телесном, в случае семяистечения. Мослемы, по избрании двенадцати блюстителей порядка, должны убеждать (народ) к совершению присяги (ат-Акабах) и соблюдению её ненарушимо, напоминая при этом Завет Бога с Израилем. Магомед обличает тех, кто думал предательски обращаться с христианами. Опровержение учения о том, что Христос есть Бог, также – что иудеи и христиане одни суть сыны Божии и заслуживают по преимуществу любви Божией. Магомет послан, как пророк, для предупреждения мира, и как благовестник. Моисей с трудом вводит сынов Израилевых в Святую землю, и где они терпят наказание за свое неверие. История двух сынов Адама: ворон своим криком указывает на убийцу Каина, похоронившего тайно тело Авеля. Тяжесть смертоубийства. Воюющие против Бога и его апостола не получают должной за этот труд награды. Наказание за кражу. По Корану, Магомет есть судья для иудеев и христиан, согласно с их Св. Писанием и противно их вожделенным страстям; не оскорбятся таким же судом и язычники – арабы, не всегда имеющие справедливыми свои законы. Мослемы не должны избирать иудеев и христиан своими патронами. Лицемеры хотя и решаются вступать в союз с правоверными, но скоро оказываются изменниками. Дальное воззвание к иудеям и христианам; судьба тех, кто прежде покается и переменит образ жизни. Иудеи заслуживают упрека, когда говорят, что «Бог связывает им руки». Некоторые из них правоверные, но большая часть – без всякой веры. Пророк обязан проповедовать им о своем посланничестве. Сабяне, иудеи и христиане призваны быть верующими. Пророки Ветхого Завета не признаются. Против поклонения Мессии и учения о Троице иудеи и идолопоклонники наиболее враждебны к мослемам, а христиане с недавнего времени более благосклонны к ним. Покаяние за совершение клятвы при незначительном случае. Воспреещение вина и карточной игры. Азартная игра, охота, обжорство, во время странствования с религиозною целью – воспрещаются. Очищение покаянием за нарушение сего правила: рыба, в свое время употребляемая в пищу, признается дозволенной по закону. Должны быть соблюдаемы обряды Нагг. Верующим воспрещено усиленное пожелание вещей трудных и невозможных, как о том говорится в самом Коране. Необходимо избегать суеверных обычаев,

допускаемых язычниками арабами в отношении к некоторым домашним животным (коровы, овцы, бараны и др.). Свидетельство, требуемое от человека для законного совершения завещания. Миссия Иисуса: чудеса во время его младенчества; апостолы, просящие знамения с небеси за их трапезу; Иисус, отказывающий людям в желании поклоняться ему и его матери, как богам.

Сура VI. *Рогатый скот* (Мекка): Свет и тьма – оба творение Божие. Упреки идолопоклонникам и увещание – остерегаться жребия, постигшего в В. Завете тех, кто отвергал пророков. Книга откровения, которой не должно верить, если б даже явился пророк и даже ангел, с увещанием руководить человека. Атрибуты Бога. Магомед, повелевающий идти за ним муслему. Имеющий Св. Писание, должен признавать Магомеда, как единственно предсказанного в оном. Идолопоклонники лишаются благ вечных при страшном суде. Все отрицающие ныне воскрешение из мертвых, после убедятся в этой истине. Для них мир настоящий соблазнителен и потому предпочтительнее пред другим. Пророки хотя в свое время были отвергаемы и осмеиваемы, терпеливо, однако ж, выносили все обиды. Бог посылает их в знамение своего благоволения и когда пожелает. Звери, птицы и им подобные твари живут обществами, подобно людям; всех их судьба записана в Книге, а потому и они должны будут явиться при страшном суде. Аргументы в доказательство Божьего всемогущества. Магомед есть только посланник Божий (messenger): чудодейственной силы ему не дано, но это не умаляет веры в него; он призван заклясть идолопоклонение и не следовать вожделениям мекканцев. Всеведение Божие. Он уносит во время сна души людей в свое лоно; посылает ангелов хранителей стеречь их; предохраняет людей от опасности на суше и на море. Магомед не соглашается быть участником распри в делах религии с идолопоклонниками, не общается с азартными игроками. Безумие идолопоклонников заходит пределы: Бог – Творец. Смущение Авраама при его взоре на дела истинного Бога. Последовательное поклонение светилам небесным, месяцу и солнцу, приводит, однако ж, их почитателей к убеждению в том, что это – не суть Боги. Обращение к Богу и потребность Ганифа. В В. Завете пророки Боговдохновенные были другие; Куран есть также специальное откровение Божие мекканцам, исполняющим свое Св. Писание; иудеями оно извращено или слишком стеснено в некоторых частях. Отрицание одного из сих откровений, признаваемого ложным. Творение мира служить доказательством единства Божия. Достойны упрека те, кои мудрствуют, будто Бог избирал участниками для своего дела гениев (ginns), которые происходят от него. Мекканцы любят не верить до тех пор, пока не получают в удостоверение какого-либо чуда или особого знамения. Магомед признается также верным свидетелем после оногo. Люди не любят воздерживаться от вкушения пищи, при котором не произносится имени Божьего. Богу всегда угодно защищать своего посланника и мстить за его оскорбление. Вера зависит от Божией благодати. Гении (ginns) суть ложные боги, вместе с их поклонниками, заслуживают осуждения и вечных мук. Бог наказывает не прежде, как когда пошлет своего апостола с увещанием. Неверный в суде должен быть отклоняем от него. Необходимо удаляться от действий идолопоклонников – арабов; таковы: уделение части продуктов с земли для Бога и идолов, сопровождаемое обманчивым определением ему должного, детоубийство, объявление о заповедном имуществе рогатого скота и пахотной земли. Бог есть творец всякого скота и плодов (земных), то и другое – законны. Аргумент в доказательство нелепости некоторых из сих обычаев. Перечень известных родов пищи, не дозволенной законом. Запрещение иудеям известных кушаний служило предохранением от известных грехов. Слово Божие, как откровенное, имеет известный аргумент. Объявление вещей действительно запретных, именно: грубое и суровое обращение с родителями, детоубийство, постыдные грехи и убийство. Собственность в пользу сирот нуждается в опеке и совершении действий полных доброжелательства. Ни одна душа, действующая по принуждению, не может, считаться способною к разумному самоопределению в действии. Коран должен быть принимаем наравне, по авторитету, с законом Моисеевым. Вера настоящая должна быть изыскиваема без знамений и при последнем суде не поможет человеку никакая профессия (без добрых заранее дел). Добрые дела принимаются в зачет для награды, тогда как злые только увеличиваются в их числе, не помогая человеку. Ислам есть религия Авраама Ганифа; вера в единого Бога соединена с молитвами и благочестием. Каждая душа должна нести свое бремя. Высокое положение некоторых мекканцев служит только испытанием от Бога, для доказательства служения пред ним.

Сура VII. *Аль-Аараф* (Мекка): Магомет призывается безбоязненно к получению Курана. Мекканцы должны быть предостережены от судьбы тех, кто не признавал пророков древних. Создание и падение Адама. Иблис получает повеление искушать человека. Народ идет в мечеть вновь украшенную и поновленную. Бог воспрещает действия только греховные. Увещание к людям, чтобы не отвергали миссии апостола; угрожающее им наказание по смерти и ныне, в случае непризнания. Надежды верующих в рай. Описание Аль-Аараф, преграда между небом и адом или срединное между ними пространство. Непосредственная вера в желанный и просимый Куран. Бог – творец. Смиренная и тайная молитва. Доказательства Божией благодати. Ной посылается к своему народу с увещанием, – спасается в ковчеге в то время, когда все тонет в воде. Гуд (Hud) посылается к аду (Ad): отвержение проповеди и гибель. Zalih посылается к Thamud'u; верблюжья самка разрешается от бремени как знамение в удостоверение, народ делается хромым и получает наказание. Лот посылается в Содом к народу; их наказание Божие. Sho'hais посылается к мидянам; народ его не принимает, за что терпит поражение и гибель. Разрушаются постепенно город за городом за то, что не приемлют апостолов. Моисей посылается к фараону; чудеса – змеем и белая рука. Волхвы соперничают с Моисеем, удаляются и становятся потом верующими (в его чудеса). За это фараон их наказывает. Смерть перворожденных; язвы египетские. Освобождение израильтян. Моисей сообщается с Богом, являющимся к нему на горе. Получение Закона. Златой телец. Гнев Моисея на Аарона. Семьдесят старейшин. Пришествие Магомета; по предсказанию – «пророка, нигде не получившего образования». Несколько иудеев руководятся (им) справедливо и непосредственно. Деление на двенадцать племен. Чудо удара жезлом камня с изведением воды; манна и крастели; повеление вступить в город, слово «hittatun» и наказание за непослушание. Нарушение городом святого дня субботы и превращение его жителей в обезьян. Рассеяние иудеев; гора, задерживающая их. Союз Бога с потомством Адама; «не Аз-ли Господь ваш?» Смирение имеющего прийти (по предсказанию) пророка во время Магомеда, когда прочие того не ведали. Многие из духов и из самих людей предопределены для ада. Имена Божии не должны быть извращаемы. Магомед их не имеет. Пришествие «Хура» (Hour). Сотворение Адама и Евы; зачатие и рождение ими первого сына, «Abd el Nareth»; их идолопоклонство. Идолы – сами суть служители Бога; они не имеют духовной жизни, кроме чувственной. Магомед повелевает почитать их противниками и осуждать с кротостью. Призыванием имени Божия отгоняются дьяволы. Людям предлагается чтение Курана и смирение пред Богом, коему поклоняются сами ангелы.

Сура VIII. *Право силы (spoils)* (Медина): Оно принадлежит Богу и апостолам, и только правоверным. Экспедиция Магомеда на караван из Сирии под Abu sutiān. Чудесная победа Бедр. Обращение (adress) мекканцев к владельцам святилища в Каабахе (Kaabah) и молитва к Богу о решении судьбы между ними и Магомедом, который навел на всех страх и трепет своим нападением. Увещание в вере и удалении от измены. Замыслы и ковы против Магомета, их ничтожество пред вмешательством Божественным. Откровение по народным древним сказаниям. Увещание к идолопоклонникам за их насмешки и ругательства над мусульманами во время молитвы. Дарование амнистии уверовавшим. Увещание к борьбе с неверными, дележ грабителей, описание сражения. Враги, кажушиеся в глазах мусульман ничтожными, хотя представляются более многочисленными, нежели в действительности. Неверные, покинутые сатаной, их руководителем, в день битвы. Судьба лицемеров. Предостережение от участи фараона. Неверные, нарушающие свои договоры. Измена служит для них наказанием. Против изменников Бог укрепляет пророка надеждою на Божью помощь. Несколько правоверных употребляют все силы в борьбе с многочисленными неверными. Мусульманы соглашаются на принятие выкупа пленных, взятых Бедром. Насилие и грабежи – законны. Muhagerin бежит с Магомедом и жители Медины также бегут и составляют вместе братский союз.

Сура IX. *О покаянии и льготах (immunity)* (Медина): Идолопоклонникам, заключившим союз с пророком, объявляется безнаказанность за содеянные грехи (immunity) на четыре месяца; но затем, по истечении сего льготного срока, они подвергаются смертной казни за содеяние тех же правонарушений. Для идолопоклонника, ищущего убежища, предлагается по уставу слушание Слова Божия. Не все получают право иммунитета, но только заключающие священный союз в мечети, – тоже можно сказать и о доверителях. Увещание к борьбе против мекканцев. Идолопоклонники не могут восстанавливать мечетей Божиих. Свидетельство об Абуль-Аббасе – дяде пророка, который, вполне отказавшись быть верующим, требовал давать пилигримам из

бассейнов воду и сам совершал странствия по святым местам. «Muhagerin» принадлежат к первому рангу. Неверные не допускаются быть патронами, равно и те, кои приходится отцами или братьями. Религия должна быть выше кровных – родственных уз. Победа Гонейна. Идолопоклонники не могут вступать в святилище Меккской мечети в известный год. Неверные должны быть побеждаемы. Иудеи отрекаются от своего слова в том, что Ездра – сын Божий; присвоение титула «Равви» не может быть допускаемо. Пререкания между иудейскими учеными и христианскими монахами. Суждения о священных месяцах и грехах. Увещание мослемам преуспевать в сражении. Намеки о победе Магомеда и Абу-бекра из Мекки и их удаление в пещеру. Упреки уклоняющимся от борьбы и тем, кто поселяет раздор в рядах мослемов; также – увещание лицемерам, полухрабрым и не желающим подавать милостыни (zakat), как того требует пророк. Особенное назначение милостыни. Лицемеры и ренегаты должны быть не допускаемы; своим дурным примером они развращают народ и не допускают пророков. Награды, обещанные истинно верующим. Необходимо отрекаться от лицемеров и трусов, не желающих сражаться. Магомет не позволяет молиться при смертном одре умирающего; его мнение о блаженстве еще не определено с точностью. Обильная надежда на апостола, верующих и Мугагерина. О лицах, изъятых по закону от военной повинности. Пустынные арабы хуже лицемеров; некоторые из них – верующие. Народ мединский тоже чуждается лицемеров; одни погрешают, другие исповедуют грехи или свою веру; иные угождают Богу. Отречение от тех, кои удаляются мечети по своим нуждам или политической неблагожелательности. Магомет даже не считает такой мечети священной и дает ей только значение памятника, сооруженного Куба по пути из Мекки в Медину. Бог приобретает людей и мир верующих за цену райского блаженства. Пророк и верующие не должны просить помилования у идолопоклонников, хотя бы и близко родных. Только Авраам просил прощение у своего идолопоклонника-отца во исполнение обетования. Три Анзарас, отказавшиеся сопровождать Магомета до Табук, получают прощение. Народ Медины и соседние арабы порицаются за отказ в подобном же случае. Все жертвоприношения по любви к религии засчитываются человеку, как добродетель. Увещание к битве против неверных. Упреки получающих подозрительное откровение. Бог противопоставляет им своего апостола.

Сура X. *Иона* (Мекка): Неудивительно, что Куран был открыт по милости одного человека; басурмане считают его чародеем. Бог творец и промыслитель, никто не может сравняться с ним или творить подобное ему, без его воли. Творение мира служит знаменем его могущества. Награды верующим проистекают от него же. Человек призывает Бога во дни печали и несчастий, но часто забывает его по миновании беды. Извещение о падении коренных поколений. Неверные не удовлетворяются Кураном; Магомет, однако ж, не изобретает лживого откровения. Ложные боги не помогают людям. Народ склонен к знаменям. В минуты опасности Бог спасает народ на суше и на море. Жизнь подобна былию травному. Обетование рая и наказание адом. Судьба идолопоклонников и лживых богов в последний день. Бог – Господь всяческих. Другие религии не заслуживают доверия. Только Куран происходит от Бога. Мекканцы требуют доставления одной только Суры в удостоверение о том. Неверующие извещены наперед, что в последний день решится судьба разных народов. Упрек воспрещающим законные вещи. Бог всегда бодрствует над действиями пророков. Надежда верующих; неверные наносят вред пророку. Не должно верить тем, кто дерзает приписывать Богу потомство. Магомет получает укрепление в истории Ноя и прочих пророков В. Завета. Судьба фараона и защита Моисея и Аарона. Народ Библии (иудеи и христиане), призываемый к подтверждению истины, содержащейся в Куране. История Ионы. Народ НиневиИ спасается покаянием и верою, в свое время. Народ увещевается к принятию ислама, верою Ганифа. Бог всегда всемогущ. Вера или неверие, имеющие свое действие только для самого индивидуума. Самоотвержение и терпение зачитаются человеку.

Сура XI. *Гуд* (Мекка): Куран есть книга, призывающая к вере во единого Бога, от Коего ни что не может быть сокровенным; Он есть творец всего. Люди за свое неверие сами навлекают на себя должное наказание. Они требуют знамения или говорят, что Куран изобретен пророком; но они и лживые боги их погибли, как говорится в сурах. Неверным угрожают в будущем мучения, а верные получают рай. В свое время был послан Ной для увещания людей к доброй жизни, но его не послушали, а потому и подверглись преждевременной смерти. И они также думали, что Ной – сочинил откровение; в ковчеге он нашел спасение, тогда как неверующие все утонули; он даже не спас и своего сына. Ковчег остановился на горе Гуди (Gudi). Гуд посылается в ад (Ad); народ вооружается против него и погибает, тогда как Гуд спасается. Залих посылается в Тамуд;

знамением для него служит верблюжья самка. Народ тоже не повинуется и гибнет. Авраам дает приют ангелам-путникам, посланным к народу Лота, и беседует с ними. Лот предлагает содомитянам своих дочерей, которых щадят ангелы; ночью он удаляется, и Содом гибнет. Шохаиб посылается к мидянам, и народ – отрицающий его миссию – погибает. Моисей посылается к фараону, который получит должное наказание и при воскресении из мертвых. Мекканцы должны быть наказаны; они же будут мучимы и в последний день, когда пошлются в ад, тогда как верующие пойдут в рай. Мекканцев ожидает та же участь, что и городов, о которых история сообщена выше. Этого рода рассказы произошли из глубины сердца пророков; они свидетельствуют о любви истекающей от Бога.

Сура XII. *Иосиф* (Мекка): Куран – богооткровенная книга, писана на арабском языке, чтобы быть понятною мекканцам, содержит самые лучшие рассказы, к ним принадлежит история об Иосифе, – как он сообщает своему отцу сон, – как сам Иаков рассуждает о том. Зависть братьев Иосифа; они злоумышленно садят его в пустой колодезь; отец скорбит и желает смерти, они – опускаются в колодезь и достают рубашку, которую, окровавив, приносят домой. Путешественники случайно открывают Иосифа и увозят в Египет, где юноша усыновляется богатым вельможей, коего жена сильно влюбляется и соблазняет Иосифа, но невинность его открывается. Госпожа представляет его женщине города для обвинения в поведении; но и та пленяется его красотой. Он садится в темницу, где объясняет сны хлебодару и виночерпию. Сон фараона; Иосиф приглашается для истолкования. Затем он получает высокую должность и положение в стране. Братья прибывают (в Египет) и не узнают Иосифа; они просят зернового хлеба, который и покупают, с оставлением под залог младшего брата и денежного расчета в скором будущем. Они приносят потом имущество свое для мены, которое и выгружают из своих мешков. Вениаминов мешок отсылается назад. Иосиф сам открывается братьям. Иосиф прячет царский кубок в тюрк брата, обвиняет всех в покраже; и Вениамин берется на поруки. Братья возвращаются к Иакову, который с большим прискорбием посылает их снова для покупки. Иосиф открывается им и обратно посылает свою рубашку; Иаков признает его по запаху и отправляется сам в Египет. История эта приводится в доказательство её Богооткровенного происхождения.

Сура XIII. *Гром*. (Мекка): Куран – откровение Божье; Господь есть творец и правитель всего. Неверующие достойны осуждения; Бог знает все, и ангелы его следят постоянно и ныне за всеми событиями. Молния и гром славят Бога; все на небеси и на земли познают Его. Богом посылается дождь и причиняются горные потоки; при этом образующаяся пена, подобно шлаку, растворяется с песком. Праведник и верующие имеют рай, а неверные осуждены на сгорание в аду. Увещание верить в Милосердного. Если мы не будем верующими, то, по учению Курана, сама природа своими потрясениями научит быть верующим. Дальнейшее рассуждение о неверных. Бог примечает веру в каждой душе. Всякого рода хитроумная борьба с Ним невозможна. Рай и ад. Упорное разногласие в идее о единстве Божиим. Магомед воспрещает, вообще советует держаться Курана. Некоторые апостолы имели у себя жен и детей, но никто из них ничего не предпринимал без Божьего соизволения, на каждый период (деятельности) они получают откровение. Бог может уничтожить или утвердить еще крепче известную часть своего откровения, какое найдет благовременным и полезным; он имеет «Книжную Матерь» (т. е. вечный оригинал). Один Бог ведает, какие предсказания Магомедом исполнялись, какие нет, и почему; Магомед знал только одно, что должен быть вестником и проповедником Божиим. Завоевания ислама имеют определенный предел. Богу угодно всегда поддерживать пророка против неверных.

Сура XIV. *Авраам* (Мекка): Откровением Курана люди распознают скоро свет от тьмы. Бог есть Господь всего. Каждый апостол посылается (проповедовать) с языком своего народа. Моисей посылается к Аарону. Народ от Ноя, Ада и Тамуда, далек был от мысли, чтобы пророки были смертные люди, подобные ему. Пророки тесно привязаны к тем, на кого укажет сам Бог. Ужасное описание ада. Неверующие подобны пеплу и песку, всегда взлетающему высоко при ветряном шторме. Беспомощность осужденного; даже сатана убегает его. Верующие получают райскую обитель. Доброе слово подобно хорошему дереву, которого корень глубоко растет в земле и коего ветви расстилаются под небом, и плоды регулярно созревают в изобилии во время свое. Слово гнилое подобно дереву бесплодному и иссохшему. Слово Божие – всегда верно и несомненно. Идолопоклонники осуждены в вечную муку. Бог есть Творец всего; он подчинил все вещи человеку. Авраам молился, чтобы страна Мекки служила святилищем Божиим и его. Несправедливые люди блудятся до страшного суда Божьего. Развалины жилищ тех, кто не принимал миссии своих апостолов, служат лучшим доказательством истины и

магомедовой миссии. Господь явится мстителем в день судный, когда грешники будут погребены в аду, и смоляные рубашки, покрывающие тела их, будут гореть на них подобно факелам. Куран по сему случаю всех призывает к покаянию и осторожности в жизни.

Сура XV. *Эль-Гагр* (Hagr) (Мекка): Неверные будут сожалеть себя самих в день судный. Нет города, который бы был разрушен без предварительного увещания. Неверные с насмешкою просили (некогда) Магомеда, дабы он низвел для наказания их ангелов небесных. Также точно поступали грешники В. Завета в отношении к апостолам и пророкам, их обличавшим. Пользуясь знаниями астрономии, с книгами гаданий, в небесных знаках зодиака, они думали находить для себя охрану от злых духов, являвшихся под видом падающих звезд. Вся природа находится под контролем Бога. Человек сотворен из земли, и гений – ginn, из бездымного огня. Ангелы являются на поклонение Адаму. Иблис отказывается; он проклинается за то и изгоняется; последний приговор совершится при страшном суде. Назначение сего ангела – соблазнять человека. Ад, с его семью дверями, предназначен для неверных, тогда как рай для верующих. История Авраама, принимающего ангелов-гостей, которые объявляют ему о рождении сына и затем идут к семейству Лота. Преступление и наказание содомитян. Разрушенные города остаются доселе известными по преданиям. Подобная-же судьба постигает народ Гровэ и Эль-Гагр; скоро и Хур (Hour) подвергается тому же. Господь – Творец всемогущий посылает Куран и семь стихов для повторения (opening chapter). Магомед не огорчается мирскими успехами неверных. Всякий раздробляющий Куран должен почитаться изменником. Магомед дает им силу для борьбы с неверными.

Сура XVI. *Пчела* (Мекка): воля Божья – вечна и простирается на долгое будущее. Он посылает ангелов для научения слуг своих в свидетельствовании, что нет иного Бога. Творение и порядок всех естественных предметов – служит знамением его силы и могущества. Лживые боги суть бездушны и бессильны. Бог есть един. Неверные, призываемые ко спасению откровением, по древне-народным сказаниям, должны брать бремя своих собственных грехов. О дне воскресения их сообщники расходятся в мыслях. Принятие ангелами нечестивых и добродетельных в аду и раю. Неверные дерзновенно думают отрицать воскресение. Мугагерин обетован как доброе возмездие. Иудеи и христиане должны быть соглашаемы к подтверждению того, что содержится в Куране. Вся природа поклоняется Богу. Единство Божие и подтверждение оно. Хотя в скорби человек и обращается к Богу, но отдаляется от него по миновании бедствий и переходит на сторону идолопоклонников, и влечет к соответствующей греховной жизни. Женщины, увлекаемые к преступлению – детоубийству, лишаются права быть дочерьми Бога, также точно, когда не верят в будущую жизнь. Сатана есть покровитель неверных. Куран дается для руководства людям и делает сердца благодарными к Богу за его благодеяния людям – дарование дождя, орошающего землю, растительности и злаков, коими питаются скот, доставляет вкусное молоко, виноград и другие плоды, дающие питание и здоровье человеку. Пчела научаемая Богом, устроит соты и медом её питается прежде всего человек. Пища эта – вполне законна. Богатые арабы в своих договорах с рабами и прислугой обращаются к ней. Безнадежность и суета лживых богов объясняется наглядно притчею о рабе и немом человеке. Благодать Божия, открывающаяся в пище и убежище людям. При воскресении идолопоклонники не должны быть допускаемы с ложными богами. На этот день каждый народ представит свое удостоверение. Справедливость и добрая вера зачитаются человеку, особенно же долг сохранения свято договора, однажды заключенного. Сатана не имеет силы над верными. Стихи Курана не признаваемые (неверными); Святой Дух есть орудие откровения. Магомед надеялся, что Курана не мог составить никто, и всякого, кто не говорил на чистом арабском языке сей книги, он почитал чужеземцем. Отречение неверных. Предостережение поражения Мекки побуждает её жителей сохранять веру в Бога. Недозволенная пища. Бог желает всех удалять от невежества. Авраам был Ганиф. Заповедь Божия о дне субботнем. Магомед спорит со своими противниками. Верующие не делают дикой мести. Они увещаются к терпению по вере в Бога.

Сура XVII. *Ночлег*. (Night Sourney), Мекка: воспоминание об этом ночном отдыхе, на пути от священной мечети (в Мекке) до отдаленной мечети (в Иерусалиме). Моисей получает книгу. Ной был верный слуга Божий. Два греха Израиля и наказание за оные. Куран – руководитель к познанию многих вещей. Молитвы людей для отгнания злого духа и их быстрота. Ночь и день суть два знамения. Гадание об успехе всяким человеком указывает на его полное упорство (с отрицанием всего худого). Каждый должен иметь книгу о дне воскресения мертвых с отчетом в собственной вере. Каждый обязан брать и нести бремя своих грехов. Ни один город не будет

разрушен, оставаясь верным своему апостолу. Держись добра в сем мире, – получишь и в будущем. Магомед не допускает общения с Богом для людей ему противных. К родителям необходимо оказывать детское послушание. Необходимость воздержания. Детоубийство и плотское самоумерщвление суть грехи. Убийство требует себе возмездия по уважительной причине. Сохранение чести и смирения – дело великое. Ангелы – не Божьи дочери. Если бы они были боги, то не возмутились бы против самого их виновника – Бога; и все на небеси молится Ему и славословит его. Неверным Куран неудобовразумителен. Единство Божие не приемлется мекканцами. Воскресение – истина его; для идолопоклонников не допускается оно. Некоторые пророки предпочтительнее пред прочими. Лживые боги сами обращаются за помощью к истинному Богу. Все города пред последним днем страшного суда должны погибнуть. Гад и Магомед являются с знамениями, но мекканцы не верят, также и Тамуду (Thamud). Видение ночью и адское дерево Заккум (Zaqqum) служит причиной рассуждения. Неповиновение Иблиса и падение; он получает дозволение – произвести между людьми потоп. Безопасность на земли и море зависит от Бога, к коему люди должны быть благодарными. В последний день все получают воздаяние по справедливости. Племя Факиф и Таиф едва не соблазняют Магомеда на распространение неавторизованных изречений. Приглашение к молитве и единению. Неблагодарный человек. Исхождение Духа. Люди в гений (ginn) имеют свое происхождение, как учит о том Куран. Требуемые Магомедом знамения: сам он – смертен. Судьба неверующих в воскресение. Моисей совершает девять чудес, но фараон не верит в них, его поражение; сыны Израилевы наследуют ему в его владениях. Куран открыт по известному случаю; верующий в Св. Писание признает оное. Бог и единый благий – не два бога, ниже – соучастники истинного Бога.

Сура XVIII. *Пещера* (Мекка): Куран предостерегает от мысли, что Бог имеет рожденного им сына. Магомед не оскорбляется на тех, кто не верит этому. История о пещерных товарищах. Их число ведомо единому Богу. Магомеду неуютно открыть об этом. Ему угодно, чтобы люди повиновались Богу во всех вещах и чтобы нищих не было между ними. Адский огонь ожидает неверных, а рай предназначен для добрых. Притча о гордом виноградаре, разрушившем все, что было насаждено и взлелеяно смиренным человеком. Жизнь подобна травному былию, которое скоро иссыхает и пропадает. Божьи дела гораздо продолжительнее, нежели сынов мира. О последнем дне. Иблис отказывается поклоняться Адаму, люди поэтому не считают его своим покровителем. В последний день они тоже принуждены будут отказаться от своих патронов. Человек желает верить, но так, чтобы сопровождалось все примером. Неверные несправедливы и не могут разуместь как следует или руководствоваться чем-либо. Бог – благ и милостив. История о Моисее и его слуге в исследовании Эль-Гидр; недостаток рыбы при слиянии двух морей; принятие странного пророка; корзина служит лодкой, а в ней младенец плывет по каналу, здания и стены колеблются при этом. Моисей (в этом повествовании) кажется хочет делать объяснение в том, что для него кажется странным. Повесть о Дгуль-Карнаин: он работает на океане до захода солнца, строит крепости для Гога и Магога; пред судным днем они исчезнут; награда и наказание в сей день. Море чернил недостаточно для описания слов Господа. Пророк же его – только смертный человек.

Сура XIX. *О Марии* (Мекка): Молитва Захарии о даровании ему сына-наследника и получение обетования о рождении Иоанна, в знамение чего он сам делается нем в продолжении трех дней. Рожденный Иоанн, по книге значит суд, благодать и чистота. История о Марии, благовещение, рождение ею под пальмовым деревом; Младенец Иисус в яслях. О её невинности и собственной миссии. Объявление дня судного. История Авраама; он упрекает своего отца, страшавшего камнем. Авраам молится за него; от него рождаются Исаак и Иаков. Моисей в общении с Богом и Аарон – помощник его. Измаил и Идрис, упоминаемые у пророков. Милосердый Господь в знамение благоволения дарует им потомство. Мекканцы, их приемники, получают обетование о райской награде, если покаются и будут верующими. Ангелы спускаются свыше по Божьему мановению. Весть о воскресении; наказание тех, кои возмущаются против Милосердного Бога. Упрек тем, кои думают, что при страшном суде необходимо иметь имущество и детей. Лживые боги должны быть пренебрегаемы их почитателями. Злые духи посылаются для искушения неверующих. Внезапность судного дня. Вся природа содрогается при вести, что Милосердый Господь рождает сына. Откровением этим человечество только предупреждается для примера и последующим поколениям.

Сура XX. *Т. Н. (Мекка)*: Куран всегда напоминает о Милосердом, ведущем все вещи и обладающем ими. Не самые вещи благо, но един Бог, имеющий множество имен самых славных. История Моисея; он получает небесный огонь, имеет сношение с Богом в святой долине Тува; Бог показывает ему чудо в жезле, превращенном в змия, и в руке, сделавшейся белою; Он посылает пророка к фараону, но тот извиняется, ссылаясь на медленность своего языка. Поэтому Бог даст ему помощником Аарона; мать бросает Моисея в море, а сестра стоит на стороже; он питается своею матерью. Убийство египтянина и бегство мидянина, Моисей и Аарон приходят к фараону и предлагают ему быть верующим; фараон испытывает их сначала посредством волхвов, Моисей и Аарон состязаются с ними, волхвы получают веру, но грозят наказаниями от фараона. Моисей переводит сынов Израиля невреденно по сухому ложу моря; погнавшийся за ними фараон с войсками – гибнет в морских волнах. Завет Божий при горе Синае. Чудо – манна с небеси и перепелы (крастели), служащие хлебом Израилю. Эль-Самари устрояют златого тельца в отсутствии Моисея, который, возвратившись, сердито хватается за бороду своего брата и разрушает тельца. Неверующим угрожает страхом при последнем дне; судьба гор в день сей; все люди побегут на вершины их в день суда; никакое посредство тогда невозможно, кроме милости Божией. Куран дан на арабском языке так, что народ может его слышать и понимать. Магомед не спешит на его откровение. Адам нарушает свой союз с Богом. Ангелы призываются на поклонение Адаму; Иблис отказывается, искушает Адама; Адам, Ева и Иблис изгоняются из рая. Неверные должны ослепнуть в последний день воскресения. Мекканцы будут разрушать жилища поколений, которые некогда были разрушены неверными; но для Господа мир преходящий должен погибнуть. Магомед увещевает терпеливо переносить оскорбления и молиться Богу ежедневно. Молитва доставляет счастье. Поражение (для неверных) может служить достаточным знамением. По окончании пути усматривается и самый исход оного.

Сура XXI. *Пророки* (Мекка): Люди дерзают нередко не допускать откровения (т. е. Корана); они говорят, что это «беспорядочный набор слов», и Магомед – поэт, и потому нуждается в особенных образах. Были пророки Ветхого Завета, но – смертные; народ их отрицавший – погиб. Небо и земля не созданы для забавы. Истиною должна быть побеждаема ложь. Все вещи в мире Богу угодны; иное благо, кроме неба и земли, не существует перед Богом. Все пророки учили, что нет другого Бога, кроме Бога истинного. Бог Милосердный детей не рождает; ангелы суть только его слуги. Разделение земли от неба, разлучение животных от воды, непоколебимость земли между горами и помещение небесного свода, как кровли над землею, сотворение ночи и дня, солнца, луны и знаков небесных – таковы чудеса Божии. Никто из смертных не может стать выше бессмертного и всякой душе предстоит долг смерти. Неверные ругаются над Магомедом, не верят и в Милосердного – всеобщего Бога. Человек – поспешен. Неверных ожидает гибель в будущем мире. Все ругавшиеся над пророками В. Завета – погибли. Ни один человек не должен ошибаться в последнем дне. Моисей и Аарон получают Св. Писание. Авраам разрушает образа, которым поклонялся народ; он кончил тем, что истребил самого огромного идола, он осудил всю нечисть на сожжение, но огонь не послушался и, ходя кругом, не коснулся ничего. Авраам, Лот, Исаак, Иаков – все были боговдохновенные. Лот был чудесно сохранен от граждан, вломившихся с насилием в его дом. Ной был спасен от потопа. Давид и Соломон производят полевой суд. Горы и птицы повинуются Давиду; он научается искусству приготовления железной кольчуги. Ветер и демоны с удовольствием повинуются Соломону. Иов был спасен. Измаил, Идрис и Дгу'ль-Кифль были терпеливы и пользовались милостями Божьими. Дху'ннун (Иона) был спасен во чреве огромной рыбы. Захария после молитвы получил сына (Иоанна). Дух святой проник в грудь Девы Марии. Но последователи (поименованные святые) разделились на многие секты. Однажды, целый город был разрушен из-за одного неверующего, не пожелавшего обновить потребное для Гога и Магога. Обетование отдаленного. Идолопоклонники должны быть покрыты адскими камнями. Но избранный (ко спасению) во время дня судного должен быть отделен от прочих; когда небеса свинутся подобно свитку, Эс-Сигилл раскроет на них Книгу (судную). Так написано в псалме: «праведный наследует землю». Магомед ниспосылает с неба благодарение миру. Бог есть единый Бог, Он всеведущ, Он милосерд!

Сура XXII. *Паломничество* (Мекка): ужасные события, имеющие быть в последний день; спор пред Богом людей и последователей дьявола. Зачатие, рождение, возрастание и смерть людей, также как произрастание растений земных служат доказательством воскресения. Одна часть – в разногласии и при споре, тогда как другие разделяются между двумя мнениями. Самые отчаянные средства противоречат божественным повелениям. Богу угодно в последний день

положить разделение между иудеями, христианами, сабеями, магами, и идолопоклонниками. Вся природа почитает Бога и поклоняется ему. Неверным предстоит после суда огонь геенский, а верным – рай. Наказание предстоит и тем, кои препятствуют другим посещение священной мечети. Авраам, когда призывает кого-либо к очищению, требует объявления о предпринятии паломничества к святым местам. Присоединение к сему правил Гага. Рогатый скот может быть убиваем и служит законной пищей для человека. Предостережение от идолопоклонства и увещание обращаться к Ганифам. Необходимость соединения при этом жертвоприношений. Все люди привязаны к своему обряду. Необходимо призывание имени Божия при заклании рогатой скотины. Верблюды тоже могут быть закалаемы и поступать для пищи человеку. Бог защищает верующих, но не любит изменников. Все, уходящие из домов своих для познания единого Бога, должны удаляться сражений и вообще напрасной борьбы. Когда люди начинают сперва ссориться на словах и потом вступают в сражение, то и все места для богопочтения должны быть разрушены. Народ Ноя, Ада, Тамуда, Авраама и Лота, называющие пророков лжецами и следующие все более этому взгляду, должен быть наказан в последний день. Их города и теперь, стоя разрушенными, свидетельствуют о постигшем наказании и поражают путешественников своим безмолвием. Только Магомед послан к мекканцам с предупреждением о подобной судьбе. Сатана всегда злоумышленно старается отклонять от пророка и правильного чтения Курана. Царство Божие пребудет до последнего дня. Те, кто ложно думает о себе или низко, должен принять меры против сего и подумать о вознаграждении. Верующие, думающие о возмездии и борьбе, надеются не даром. Вся природа покорна Богу. Каждому народу свойственны своя обряды и соблюдения оных. Идолопоклонники, к сожалению, оскорбляют откровение. Лживые боги не должны быть устрояемы с подобием ангелов. Увещание к Богопочтанию и поклонению по вере Авраама, с готовностью засвидетельствовать её и на полях битвы; это истинная религия мослемов. Бог есть Господь, помощник и их единственный заступник.

Сура XXIII. *Верующие* (Мекка): Смиранный, целомудренный и честный должен быть счастливым. Творение, рождение, смерть и воскресение человека; Божия благодать выражающаяся в предупредительных мерах поддержания человека. Он посылает Ноя к народу своему, который не понимая сего отвергается праведника; все погибает в потоке, но Ной спасается в ковчеге. Моисей и Аарон также признаются у неверующих лжецами. Мария и её сын служат причиною раскола в почитателях их. Страх Божий придает человеку силы. За свою хищность Кураисы (Qurais) достойны порицания, и за отречение от Магомеда. С ними соединяется воспоминание о голоде и поражении некогда испытанных. Учение о воскресении. Единство Божие; Бог не имеет потомства и есть всемогущ. Магомед желает отклонять лживые обвинения мекканцев, но не теряет из виду и Божьей помощи. Наказание в день воскресения, над коим насмешливо ругается партия неверных.

Сура XXIV. *Свет* (light). (Медина): Наказание публичным женщинам и содержателям развратных домов. Свидетельство, требуемое в случае обвинения женщины в нецеломудрии. Оправдание и защита (vindictio) – Aysha's и отказ (denuntiatio) в обвинении со стороны обвинителей. Клеветники, порицающие других и обвиняющие сами, будут осуждены в последний день. Верующие не вступают в чужие дома без позволения или за отсутствием их настоящих обитателей. Целомудрие и умеренность особенно требуемые для женщин. В каких случаях и какого рода женщины не могут быть видимы без покрывал. Рабы допускаются приобретать свою независимость. Дети рабов не могут быть принуждаемы к бесчестию и добровольной проституции. Бог есть свет небесный. Ни что не может удержать верующего от служения Богу; тогда как дела неверного подобны миражу в долине, или густому туману на поверхности моря. Вся природа подчинена Божьему контролю. Упрек секте, не желавшей принимать третейского суда пророка. Настоящее повиновение лучше, нежели нарушаемая клятва и присяга. Верование в единство Божие, решимость в молитве, необходимы с совершением милостыни. Рабы и дети не могут быть допускаемы в отделение помещения домовладыки без предварительного испрошения на то позволения, и вовсе не могут беспокоить во время самых занятий. Правила для общественных сношений с женщиной взрослой, слепой, увечной, кормилицы. Лица, в домах которых дозволяется по закону вкушение пищи. Приветствия при перемене или вступлении в дом. Поведение мослемов в отношении к апостолу. Ему подобает большая почтительность нежели всему народу.

Сура XXV. *О различении* (discrimination) (Мекка): различие состоит в признании того, что Бог есть один, творец и правитель всего; мекканцы известны в народных легендах, в которых говорится с упреком, будто пророк действовал и жил как простой смертный или как умопомешанный. Геенна должна служить наказанием неверующих в воскресение. Описание дня судного. Кураисы (Qurais) возражают против Богооткровенности Корана по частям. Моисей, Аарон и Ной рассуждают подобно Магомеду, и называющие его изменником должны быть наказаны; Ад и Тамуд погибли за один и тот же грех; примерами настоящими служат развалины городов в долинах, где жители некогда тоже не хотели принимать пророка. Бог контролирует и содеваемое втайне; дает людям ночь для успокоения, бесплодную землю делает плодородною посредством дождя. Соделав свободными для плавания моря, он положил между ними земную границу. Он создал человека. Бог есть существо любящее и милосердное. Кураисы утверждают, что Милосердный и всеблагий Бог, есть Новый Бог. Бог умиряет и возводит на высокую степень рабов своих, воздерживает их от идолопоклонства, убийства, лжесвидетельства, и всяких пустых словопрений. Необходимо возмездие за добро и зло. За отвержение неверными благовестия и Бог им не внимлет; их ожидает неминуемо наказание.

Сура XXVI. *Поэты* (Мекка): Магомеда не чувствует только народ не верующий. Хотя ныне называют сего изменником, но в конце всего он получит торжество. Моисей посылается к фараону; но боится, чтобы чего-либо худого не воспоследовало за убийство одного египтянина. Фараон неблагодарно обходится с нам. Их спор пред лицом Божиим. Фараон самого себя делает Богом. Чудеса при купине и с рукою – сделавшеюся белой. Моисей в борьбе с волхвами, которые убеждаются в силе Божией и делаются верующими; Фараон рассуждает о достойном для них наказании. Израильтяне оставляют Египет и преследуются фараоном. Переход чрез Красное море и гибель фараона и его войска. История Авраама; он проповедует против идолопоклонства. Ной считается изменником, но защищается Богом. Гуд проповедует народу Ада, и Залиф – Тамуду (Thamud); последний, подрезав подколенную жилу верблюжьей самки, и сам погибает. Преступление и наказание содомитян. Народ Гровэ и пророк Шо-хаиб. Куран открыт при посредстве верного Духа (Гавриил), в долине Аравийской. Ученые иудеи признают эту истину на основании пророчеств из Св. Писания. Не должно приобретать дьяволов. Магомед почитается смиренным из верующих и ходатаем своего рода (clansmen). Демоны всегда окружают поэтов и сами живут в каждой долине, бездельно блуждая.

Сура XXVII. *Муравей* (Мекка): Куран – руководитель верующих. Бог является Моисею в купине, во огне; Моисей послан к фараону с знамениями, но признан колдуном. Давид и Соломон одарены мудростью. Соломон изучает речи птиц; за ним, подобно армии, всюду следуют люди, духи (gipns), птицы; в долине один из муравьев предлагает остальным удалиться в норки, чтобы Соломон со своими странствующими гостями не задавил их вовсе. Соломон, с улыбкой взирая на то, отвечает кратко. Он обзереваает птиц и самок удонов (hooroe), которые, вертась и перекувыркиваясь в воздухе, передают вести от красавицы и кажутся краше и величественнее самой царицы Шеба (Савской). Соломон отсылает их обратно с письмом любви к царице. Демон схватывает оное пред троном и является к Соломону, с признанием его власти. Во дворце чудеса из хрустали; изделия отражают на себе все окружающее, подобно воде; является Мослем. Тамуд не признает Залифа и гибнет. Лот спасен, Содом с его жителями разрушен. Господь Бог есть единый над всеми и творец мира. Несомненное убеждение в воскресении. Примерные развалины городов. В Куране содержатся определенные пункты учения для спора с иудеями. Магомед убеждает верить в Бога, и кто не захочет принимать благовестия, тех поражает громом и делает глухим на всю жизнь. Животные, и те явятся при воскресении людей. Терроры последнего дня. Пророк призывает верующих страны своей поклоняться и служить Господу, читать Коран, внимать ему до самого пришествия Мослема (т. е. дня судного).

Сура XXVIII. *История* (Мекка): История Моисея и фараона; последний и его визирь Гаман притесняют сынов Израиля. Моисей положен на берегу его матерью; усыновляется фараоном; стережется сестрою и мать служит сама кормилицею собственного сына. По достижении зрелого возраста он умерщвляет египтянина, скрывается у мадианитянина, помогает двум девицам носить воду; прислуживает их отцу Шо-хаибу десять лет и женится на его дочери. Бог является ему при долине, на высокой горе Тува, в Синае, и посылает его с братом Аароном к Гаман устроить фараону высокую башню для шествия его и Моисея к Богу. Моисей – законодатель. Истории эти служат доказательством миссии Магомеда. Арабы отрицают книгу Моисея и Куран, как лживые откровения. Имеющие же Св. Писание (евреев) признают и истину

Курана. Мекканцы получают предостережение в примере городов В. Завета, разрушенных и погибших. Отвержение идолопоклонников в день судный. Суетность идолов пред Богом. Карун (Qarun) – великое благо; Моисею земля отверста и явлена с её добычею и туком. Магомед же всех укрепляет в своей вере и предприятиях.

Сура XXIX. *Паук* (Мекка): Верующие должны быть испытаны. Младенчество усматривается родителями; но они не должны следовать, по излишней любви, всем капризам детей своих и не идолопоклонствовать пред ними. Лицемеры у мослемов ставятся наравне с детьми. Неверные напрасно стараются отклонять верных от исповеди во грехах. Ной был спасен от потопа. Авраам проповедует против идолопоклонства. Брошенный в огонь, он остается невреденным, уходит из отечественной страны; от него рождаются Исаак и Иаков. Лот и судьба содомитян. Мидянин и пророк Ша-хаиб. Ад и Тамуд. Судьба Каруна, фараона и Гамана. Приточное подобие о пауке. Магомед призывается к сообщению Курана. Соединение с чтением одного молитвы. Имеющие Св. Писание держат себя умеренно в рассуждениях и диспутах; они имеют, или должны иметь, и Куран. Магомед требует единообразия в чтении. Знамения принадлежат силе Божией. Идолопоклонники, не признающие оных, достойны осуждения и наказания. Верующим обетовано достойное возмездие. Бог промышляет о всем. Мир имеет свою игру. Бог спасает людей от опасности на море, но они бывают неблагодарными. Ненарушимость страны Мекки. Увещание быть внимательным к вере.

Сура XXX. *Греки* (Мекка): Победа персов над греками; проречение о последних. Увещание мекканцам в судьбе главных городов. При воскресении идолы должны быть покинуты, верующие получают рай. Богу подобает молиться утром и вечером, в полдень и по закате солнца. Творение человека и всего мира служит знамением Божьего провидения. Он есть несравненный Господь всего. Предостережение против идолопоклонства и раскола. Честность зачитается в добродетель и ростовщичество отвергается. Бог создает и умерщвляет (т. е. в Нем – начало и жизни и смерти). Порча на земле от греха. Судьба идолопоклонников. Увещание уверовать прежде наступления судного дня. Бог, орошающий плодотворно землю, являет этим знамение своей силы и могущества. Магомед научает слушать со вниманием его благовестие, слово о последнем дне судном.

Сура XXXI. *Локман* (Мекка): Куран есть руководитель верующих. Отречение некоего купца, предпочитавшего персидские легенды Курана. Бог – во всей природе. Иные боги не могут создать ничего. Мудрость даруется Локману; его суждение о своем сыне. Упорство неверных не признается. Если бы море все превратилось в чернила и все деревья – в писчие перья, то они не могли бы описать всех чудодейственных слов Господа. Бог открывается в ночи и во дни, в солнце и месяце, и в изведении людей от опасности на море. Богу только принадлежит ведение будущего.

Сура XXXII. *О поклонении* (Мекка): Куран есть истина Божья. Бог – творец и промыслитель. Воскресение. Поведение истинно верующих, когда они внимлют миру и мир их слушает; их награда; наказание неверующих; описание ада. Народ увещевается к вере и поучается судьбою разрушенных городов, их окружающих; они предупреждены будут о последнем дне.

Сура XXXIII. *Союзники (confederates)* (Медина): Магомед восстает против лицемеров. Жены разводятся с мужьями после формулы: «отныне будь ты подобна спине моей матери», т. е. в действительности они теряют право быть матерями, а потому должны считаться незаконными. Никто не может при усыновлении чужого сына почитать его действительным сыном. Действительный союз детства и единокровия может быть заменен союзом братства по присяге или клятве. Союз Божий с пророками. Чудесное соперничество в пользу мослемов проявляется в войне с союзной армией в Медине. Поведение лицемеров в сем случае. Выступление к нападению. Сражение и поражение Бену Курайгах иудеями; экзекуция мужчин; их жены поступают в рабство, имущество конфискуется. Законы о вдовах пророков; они должны быть скромными, осмотрительными и воздержными. Поощрение их к добру, также и верующих другого пола. Образцом поведения замужних Магомед ставит Зайнаба, который женился на жене, разведенной от своего господина, и усыновил сына Заиба. Для случая женщины, разведенной прежде сожителства с нею, нет надлежащего даже термина. Особенности привилегии, даруемые Магомедом по отношению к женщине. Ограничение свободы женщины-вдовы. Мослемы не могут вступить в дом пророка без дозволения; после вкушения пищи они удаляются, не вступая с ними в домашние разговоры; в обращении же со вдовами они должны держать себя вежливо и благородно; не могут вступать в супружеские союзы ни с какими другими, кроме сего рода

женщин. Подобные-же отношения позволяют для не имеющих покрывала. Бог и его ангелы благословляют пророка. Убийство неверного должно быть наказуемо. С женщинами требуется умеренное обращение. Предостережение лицемерам и осужденным в Медине. Поражение неверных в день судный. Человек из всего творения прежде всего несет ответственность в вере.

Сура XXXIV. Себа (Мекка): Всеведение Божие. О приемлющих мудрость в познании откровения. Неверные посмеиваются Магомету за его проповедь о воскресении. Птицы и горы поют псалмы с Давидом; пред ним железо становится мягким и тает как воск; он, устроит одеяние из соломы. Ветер подчиняется Соломону; фонтан из бронзы испускает пред ним свои пенистые воды; духи (ginns) принуждены все устроить для него; смерть для него служит только средством для очищения телесного остова червем. Успех Себа; разрыв плотины (el-Arim) и уничтожение башни. Беспомощность от ложных богов, которые в последний день не будут ходатайствовать пред Богом за своих поклонников. Судьба неверующих в этот день; гордый и бессильный должны будут спорить с теми, кто заблуждается. Стечение мекканцев может только послужить к увеличению и довершению гибели. Ангелы отвратят свои лица от почитающих лживых богов. Мекканцы обвиняют Магомета во лжи; так было и у других народов в отношении пророков, за что виновные подучали смерть. Магомед доказал несправедливость взгляда на него как на сумасброда. Жалкое положение неверных в день судный.

Сура XXXV. Об Ангелах и Творце их (Мекка): Молись Богу, творящему ангелов – своих вестников. Божье единство; апостолы бывшие до Магомеда обвиняются во лжи. Наказание в истории неверных. Магомед изъят из них. Бог посылает дождь для оплодотворения мертвой земли; и это – знамение воскресения. Сила Божья проявляется во всей природе; безнадежность на помощь идолов. Своим поклонникам они не могут дать лучшего положения в день воскресения. Ни одна душа не должна брать бремени другого. Магомед призывает народ к вере; сам же он только предупреждает о том. Прочие народы, обвинявшие своих пророков во лжи, погибли. Возмездие для богобоязненного верующего и чтущего Куран; адские муки для неверующего. В последний день идолопоклонники придут в большое смятение. Кураисы несмотря на их обещания и примеры в своем круге еще более надменны и неверны, нежели другой народ. Бог в наказании людей и сохранении их, обращается с большею любовью нежели с земными животными; Он дает даже время к исправлению людей.

Сура XXXVI. Y. S (Мекка): Магомед – вестник Божий; Куран есть откровение Божие народу беспомощному. Неверные предопределены не быть верными. Все дела человеческие должны быть записываемы, и они не погибнут. Апостолы Иисуса не были приняты в Антиохии; Гаиб эн-Гаггар увещевает народ следовать их призыванию ко спасению; но побивается камнем от черни; Габриэль громогласно обличает с небес и преступный народ погибает. Люди посмеиваются приходящим для них апостолам, хотя знают из истории много примеров наказания за то прочих народов. Оплодотворение дождем бесплодной земли служит знамением воскресения из мертвых. Божья сила и могущество обнаруживаются в воспроизведении пород тварей. Преемство ночи и дня, фазы месяца, солнца и луны в их орбитах, суть знамения Божьего всемогущества. Он хранит людей от опасностей на море. Необходима раздача милостины с благорасположением; тогда как неверные требуют, чтобы у них просили. Внезапное пришествие в день судный. Блаженное состояние верующих в раю, и несчастье неверных в аду. Магомед не более как поэт. Куран есть увещание. Божье Провидение. Лживые боги не могут помогать в них верующим. Доказательства воскресения.

Сура XXXVII. О порядках или иерархии (ranged). (Мекка): Силы у ангелов распределяются по степени и распространяются тучами, как говорится о том в Куране, поучающем, что Бог есть един! Они суть стражи небесных врат, охраняющие от нападений диавола, как о том подтверждает в учение о светилах небесных. Мекканцы думают о себе, что они сильнее ангелов и что могут смеяться над Божьими знамениями и отрицать воскресение. Лживые боги и мекканцы должны получить осуждение в последний день. Они говорят ангелам: «ужели мы обязаны подчиняться богам, измышленным только». За свое неверие они будут мучимы в аду, а верующие станут наслаждаться блаженством в раю. Описание его обитателей; девы в них; благословенные наслаждаются их красотой, а неверным суждено мучиться в аду. Бессмертие благословенных. Эль-Заккун – проклятое древо в аду; ужасы в сем месте. Благословенное потомство Ноя. Авраам терпит осмеяние и разрушает идолов. Он осужден на сожжение живым, но был освобожден; он же получает повеление о принесении в жертву сына своего Измаила (?), повинуется, но сын разлучается. Его потомство благословенно. Моисей и Аарон обязуются к

поддержке доброго отношения пред ним; о смерти Илии, протестовавшего идолослужению Ваала. Лот был спасен. Иона был освобожден после того, как будучи брошен в воду, чудесно спасен рыбою. Тыква и пророк Иона. Иона посылается на проповедь народу города Ниневии. Макканцы достойны осуждения за то, что позволяют говорить, будто Бог имеет дочерей, или что духи (exsups) его родные. Ангелы объявляют, что они суть смиренные слуги Божии. Успех пророка и смешение при этом неверных.

Сура XXXVIII. S. (Мекка): Успехи Курана и клятва по нему. Примеры предшествующих поколений, погибших за неверие и утверждавших, что пророки были чародеи и обманщики в сочинении Св. Писания; мекканцы должны остерегаться подобной же судьбы. Прочие враги союзников должны быть уничтожены. Судьба потомства от Ноя, Ада, фараона, Тамуда и Лота; мекканцы должны избегать оной. Магомед увещевает быть терпеливым; напоминает при этом силы, коими одарен был Давид. Притча об овцах, предложенных Давиду его двумя противниками. Давид побуждается не следовать алчному возбуждению. Небо и земля созданы не напрасно, как думают наоборот неверные; Куран напоминает. Соломон при всем удивлении к коням и всадникам своим, не позабывал обетов и нередко совершал покаяние во грехах. Один из духов-гениев. живший при Соломоне, имел назначением служить ему пред троном для наказания; Соломон молится Богу о царстве и кается. Ветер и демоны повинуются сему царю. Терпение Иова. Авраам, Исаак и Иаков; Елисей и Дгуль-Килф. Надежды праведников на рай. Несчастье и взаимные пререкания в аду. Магомет послал предостеречь народ и провозгласить единство Божие. Творение человека и неповиновение Иблиса, изгнанного из рая; он блюдетсся до судного дня и может соблазнять народ к неверию, но сам он и последователи будут непременно в аду.

Сура XXXIX. *Толпы народные.* (Troops). (Мекка): упрек идолопоклонникам за то, что они, служа лживым богам, думают иметь чрез них доступ к самому Богу. Бог един, творец и промыслитель вселенной. Независимость Божия и всемогущество. Неблагодарность человека к Богу-помощнику и избавителю. Разность между верующими и неверующими. Магомед призывает к искренности в религии и исламе; он угрожает, в противном случае, адскими муками, огонь которых уготован для неверных. Рай обещан тем, кто удаляется идолопоклонения. Земное орошение и произрастание злаков суть видимые знамения. Куран служит одеянием для тех, кто боится Бога и не желает расстаться с его откровением. Напоминание о последнем дне. Мекканцы поучаются примерною судьбой предшественников держаться крепко Корана. Притча, объясняющая неопределенное положение идолопоклонников. Магомед не бессмертен. Предостережение тем, кои против Бога, и обетование награды любящим истину. Магомед не боялся борьбы с идолами мекканцев, коих бессилие он доказывал всегда. Куран есть руководитель, но пророк принуждает всех следовать ему. Человеческие души уносятся от сонных людей к Богу, а когда проснутся, то снова возвращаются в тела, кои они одушевляют. С Богом не должно быть пререканий. Учение о Едином Боге приводит в трепет идолопоклонников. Молитва к Богу соединена с разлучением от них. Неверные достойны сожаления в страшный день суда. Неблагодарность человека возмутительна бывает для Бога. Мекканцы научились быть осторожными, в виду печальной судьбы их предшественников. Увещание к покаянию. Спасение для человека Богобоязненного. Бог есть творец и контролер всего. Описание последнего дня судного. Все души, подобно стадам овец, одни посылаются в рай, другие – в ад.

Сура XL. *Верующий.* (Мекка): атрибуты Бога. Магомед старается ободрить верующих примерами судьбы других народов, враждебных к своим пророкам. Ангел молитвы за верующих. Отчаяние идолопоклонников в аду. Терроры последнего дня судного. Бог есть всеведущий и праведный судья. Следы предшествующих народов своими памятниками поучают других народов. История Моисея и фараона; последний старается склонить Моисея на свою сторону, но тайна веры не позволяет отвечать сожалением на то; фараон поручает Гаману построить башню на горе в честь Бога Моисеева. Бог спасает верующего, и фараон уничтожает свои предприятия, основанные на волхованиях. Взаимное мучение осужденного. Увещание к терпению и молитве. Увещание к примирению чрез Бога и в Боге. Грядущий хур (нол). Единство Божие, подкрепляемое и Его бесчисленными атрибутами. Идолопоклонников ожидают ужасы ада. Магомед увещевает убежать оногo. Вычный скот и вкушение мяса рогатого скота суть знаки Божьего Провидения. Примеры народов, погибших и отвернувшихся от апостолов.

Сура XLI. *Мелочи* (Detailed). (Мекка): Мекканцы призываются к вере в Куран. Творение неба и земли. Предостережение от жребия, постигшего Ада и Тамуда. Кожа неверных послужит

свидетельством против них в день судный. Наказание отвергающих Куран. Ангелы снисходят с небес для подкрепления верующих. Правило для обращения от злого пути к доброму. Необходимость обращения к Богу при искушении от диавола. Против почитания солнца и луны. Ангелы молятся к Богу, тогда как идолопоклонники отвращаются. Орошение земли дождем есть Божье знамение благоволения. Куран имеет свое подтверждение в Писании. Он открыт на иноземном языке, неизвестном у всего народа, поэтому непонимающего содержащегося учения, зато пророк поучает, чтобы араб знал основательно свой язык и на нем – Откровение. Св. Писание Моисеево подвергается во многом спору и сомнению. Бог – всемогущ. Лживые боги не помогут ничуть идолопоклонникам в день воскресения. Неблагодарность человека к Богу – возмутительна. Богу достаточно свидетельства истины.

Сура XLII. *Совет*. (Мекка): Куран – Боговдохновенная книга, данная во свидетельство «Матери градов» о грядущем дне судном. Бог – один, творец мира, коим Он и управляет. Он призывает людей к религии, также и пророков Ветхого Завета, которых люди не признали, разделившись на секты. Магомед служит только вестником обетования. Кто признает и утверждает Бога, на того нападают многие. Никто не знает, когда должен прийти Час, только один Бог. Идолопоклонники должны отчасти и сами ожидать оный в своей жизни. Бог свидетельствует свою истину в откровении. Его творение и провидение суть знамения Его могущества. Несчастья, постигающие людей на суше и на море, посылаются им в наказание за грехи и для обращения к Богу. Для праведника лучше всего в сем мире – прозорливость. Грешники не могут надеяться на пощаду в день судный; а потому все они должны покаяться ранее сего времени. Неблагодарность человека. Бог есть контролер всего. Никто из смертных не может узреть лица Божьего; он глаголет людям только даруя им вдохновение, таковы его апостолы. Куран открыт духом для руководства на пути добродетельном.

Сура XLIII. *Красивая наружность* (Gilding). (Мекка): Оригинал Курана с Богом. Пример народов Ветхого Завета, посмеивавшихся пророкам. Бог – творец. Должно молиться Ему, да сохранит всякого плавающего на море и путешествующего на домашнем скоте (лошадь, осел, бык и проч.). Арабы достойны порицания, и те, кои приписывают Богу женское потомство; также упрекаются и думающие об ангелах, как лицах женского пола. Куран обвиняет тех, кои уклоняются от древней религии своих отцов; примеры жалкой судьбы народов, уклонявшихся от этой религии. Авраам отвергает идолопоклонство. Мекканцам дозволяется пользование счастьем, пока не явится апостол; ныне, хотя он и пришел, но не был принят, ибо существовал у них свой Таиф (Taif). Неверующим свойственна (ошибочная) мысль, что для них существует только богатство и счастье, и что все прочие люди должны быть неверными. Увещание избегать злых демонов и не смешиваться с ними. Бог мстителен. Магомед побуждает остерегаться раздражения его. Моисей терпит насмешение от фараона за то, что явился свидетельствовать о Божьем посланничестве. Фараон и народ погибли в море. Ответ арабам на возражение, что Иисус должен явиться с объявлением проклятия на лживых богов. Иисус, говорят они, не присвоит себе права быть богом. Суждение о часе последнего дня. О райских радостях и ужасах ада. Летопись ангелов, отмечающих все тайные намерения и действия неверных. Бог не имеет сына; он есть Господь всяческих.

Сура XLIV. *Курение, дым* (опий, Smoke). (Мекка): Ночь откровений Курана. Единство Бога. Суждение о дне последнем, когда небеса покроются курением и дымом и неверные погибнут за отвержение пророка и за утверждение в том, будто он учил развращено. Судьба фараона за отвержение Моисея, а также и судьба народа Туббах. День судный; о древе Заккум и адском наказании. Рай и его девы. Куран открыт на языке арабском для поучения народа.

Сура XLV. *Коленопреклонение*. (Мекка): Бог открывается в природе; торговое море есть знамение Божьего провидения. Первый закон дан Израилю, другой Магомеду в Куране. Ответ неверным, отрицающим воскресение, и предупреждение верным о дне судном.

Сура XLVI. *Эль-Ахкаф* (El-A'hquaf). (Мекка): Бог есть единый Творец всего. Неверующие называют Магомеда колдуном или обманщиком. Прежде была открыта Богом чрез Моисея его Книга, затем чрез Магомеда получен Куран, подтверждение прежнего закона писанного на арабском языке. Зачатие, рождение и жизнь человека. Благосклонность к родителям и родным, нераздельны с принятием ислама. Неверные предостерегаются примером Ада, жившего в Агкафе (A'hquaf) и городов, разрушенных кругом Мекки. Намек на гениев (ginns), повиновавшихся Магомеду при его проповеди в Наглех по возвращении из Таифа. Угроза неверным судьбою в день страшного суда.

Сура XLVII. *О Магомеде* (Медина): Обетование возмездия верующим. Увещание к строгому обхождению с неприятелем. Описание рая и ада. Упрек к именующим себя верующими и лицемерам, требованию которых решаются уступать многие в борьбе с людьми им враждебными. Их хитрые козни всегда открываются. Увещание верить, повиноваться Богу и его апостолу, а также к самопожертвованию за веру.

Сура XLVIII. *Победа* (Медина): Объявление победы. Бог устрояет во благое все верующим и наказует лицемеров и идолопоклонников. Присяга на верность; трусость и промахи арабов в отношении к экспедиции Эль Гудайбиех. Об оставшихся после сражения при Хайбаре для раздела награбленной добычи. Присяга на верность при древе. Бог предотвращает столкновение между мекканцами и мослемами, когда последним было возбранено путешествие к святым местам. Проречение о паломничестве, исполняемое без замедления в ближайший год.

Сура XLIX. *Внутренние части дома*. (Медина): Упрек некоторым мослемам, дерзающим думать много в присутствии Апостола, и тем, кои дурно говорят о нем; также о людях, веденных к битве Магомедом и подчинивших одно воинствующее племя; о мослемах, согласившихся действовать за одно; о тех, кои позволяют употреблять эпитеты с обидою друг друга; о неосновательно подозревающих других людей. Увещание к повиновению и упрек лицемерам.

Сура L. Q. (Мекка): Доказательства о свойствах будущей жизни. Пример судьбы народов, отвергающих апостолов. Творение человека; Божие благоволение к нему; два ангела, ведущие летопись деяний человека; смерть и воскресение. Последний суд и увещание быть верующими.

Сура LI. *О производящих разделение*. (Мекка): клятва посредством различных естественных явлений природы и подтверждение одного действительностью грядущего дня судного. История Авраама, приемлющего ангелов; разрушение Содома. Поражения фараона, Ада, Тамуда, и народа Ноах. Свидетельство Магомеда против поручительства ложного и безумного.

Сура LII. *Гора*. (Мекка): Клятва при горе Синае и прочие предметы. Ужасы последнего дня судного. Райское блаженство. Магомед не другой какой-либо человек, ни лживый рассказчик побасенок, ни лжец, ни поэт, но – пророк. Упрек мекканцам за их суеверие и вероломство к пророку.

Сура LIII. *Звезда*. (Мекка): Клятва «звездой» которую видел Магомед восходящую на небе, не была обманом. Описание того же. Цитируемая страница (Корана) касательно имен – Аллах, Ель-Гуцзах и Манат. Свидетельство в подтверждение того, что ангелы не суть женщины. Увещание к вероотступникам и угроза мздовоздаянием за то в день судный. Определение истинной религии и исчисление Божественных свойств.

Сура LIV. *Месяц*. (Мекка): Разделение пополам месяца. Магомед обвиняется во лжи. Мекканцы приводят свидетельство истории о Ное и потопе, о Тамуде, народе содомском и фараоне. Сура о дне судном.

Сура LV. *Милосердый* (Мекка): исчисление действий Божиих, кончающееся описанием неба и ада. Извлечение по сему предмету разных мест из Корана: «кто исчислит все милости Господа Бога нашего и может-ли кто отрицать неисчислимыя щедроты Его»?

Сура LVI. *Неизбежный рок*. (Мекка): Ужасы в последний день суда. Описание неба и ада. Доказательства от природы. Имеющий в себе нечистоту не может касаться Курана. Состояние человека отрицающегося (от веры).

Сура LVII. *Железный, несокрушимый*. (Медина): Бог – контролер во всем мире. Увещание к принятию ислама. Печальное состояние неверующих и лицемеров в день судный. Силы, коими свыше одушевлялись апостолы.

Сура LVIII. *Диспутант* (Vrangler) (Медина): Уничтожение обычая идолопоклонников в разводе женщин со словами: «Будь для меня так же далека, как спина моей матери». Божье всемогущество и всеведение; Он ведает тайны намерений, которые и уничтожает, если захочет. Речь об обязанностях истинно верующих. Отречение от тех, кои отменяются апостолов.

Сура LIX. *Переселение* (Медина): Наказание иудеев, хотевших не верить в Куран. Разделение народа. Поведение изменников и лицемеров. Сила Курана. Свойства Божьего всемогущества.

Сура LX. *Испытанный*. (Медина): Увещание мослемам не вступать в тайные сношения с курайсами. Пример Авраама. Идолопоклонники, не бравшие оружия против них, могут быть почитаемы врагами. Жены, убегающие от неверных, подвергаются пред вступлением в ислам предварительному испытанию; и, если они действительно уверуют *ipso facto*, разводятся с мужьями прежними. Супруги получают при этом женины пожитки.

Сура LXI. *О рангах*. (Мекка): верующим повелевается строго хранить свое слово и быть твердым в вере. Моисею нередко народ неповиновался и возмущался. Пророчества Иисуса о пришествии Ахмеда; христиане не принимают его.

Сура LXII. *Собрание народа для молитвы*. (Медина): Бог посылает своего пророка неученого нигде. Иудеи отвергаются и обвиняются как неверующие. Мослемы, собирающиеся в храмы для молитвы, не должны заниматься торговлей в этот день.

Сура LXIII. *О лицемерах*. (Медина): изменники обнаруживаются в лицемерия.

Сура LXIV. *Об обмане*. (Место происхождения этой суры неизвестно). Бог есть творец; воскресение; единство Божие. Народ и его дети должны быть призываемы к Богослужению.

Сура LXV. *О разводе*. (Медина): Законы о нем. Арабы увещаются из всех прежних народов к вере в Бога. Семь историй о небе и земле.

Сура LXVI. *О запрещении*. (Медина): Пророк изъят от обета творить все угодное женам. Интриги ревности в его гареме служат причиной сношений с коптской невольницей Марией. Увещание к миру противному неверным. Пример непослушных жен Ноя и Лота; добрая жена фараона; дева Мария.

Сура LXVII. *О царстве*. (Мекка): Бог – Господь неба; чудеса небесные. Поражения и муки неверных в аду. Сила Божия, проявляемая в природе. Увещания и предостережения от наказаний в аду.

Сура LXVIII. *Нун*. (Мекка): Магомед не обманщик и не чародей. Отречение от навязчивого оппонента. Пример судьбы собственной. Неверные достойны осуждения. Магомед увещевает к терпению и следованию примеру Ионы.

Сура LXIX. *Непогрешимый*. (Мекка): праведный суд. Судьба отрицающих оный, – Ада, Томуда, фараона. Потоп и страшный суд. Защита Магомеда по обязанности и на основании Корана.

Сура LXX. *О вознесении*. (Мекка): неверные будут призваны на суд сами и их товарищи. Ужасы последнего дня. Неблагодарность человека. Удаление от любодейания. Несомненность в дне судном.

Сура LXXI. *Ноах*. (Мекка): Ной проповедует людям допотопным; их пять идолов почитаются у самих арабов; судьба этих лиц.

Сура LXXII. *Духи*. (Мекка): Толпа духов сопровождает Магомеда при его проповеди в Начлехе; отчет их самих. Магомед упрощает их помогать во время проповеди.

Сура LXXIII. *О покрывале*. (Мекка): Магомед при покрывании верхнею одеждою воспрещает вставать с места и молиться; также – повторять стихи Корана и совершать набожные действия ночью; и всюду старается убеждать неверных и обличать за их упорство. Для молитвы он устанавливает строго неизменные дни и часы. Предписывает затем милостыню.

Сура LXXIV. *Тайное место*. (Мекка): Магомед для молитвы удалялся в тайное место. Отказ богатому неверному в откровении за обидные насмешки. Ад имеет девять ангелов. Неверные не хотят признавать мест Св. Писания, доказывающих миссию Магомеда.

LXXV. *О воскресении*. (Мекка): Воскресение. О частом повторении Корана вслух, Магомед не воспрещает громогласное чтение оно. Смертная агония неверного.

LXXVI. *О человеке*. (Мекка): зачатие и рождение человека. Неверные предостерегаются, а верным обещается возмездие. Увещание к благотворительности. Блаженство добрых людей в раю. – В Куране открыты и степени сего блаженства, им верят только люди богобоязненные.

LXXVII. *О посланничестве*. (Мекка): клятва ангелами, исполняющими Божии повеления. Ужасы последнего дня судного. Ад и небеса.

LXXVIII. *Назидание*. (Мекка): Другое описание дня судного, ад, небо.

LXXIX. *О разрушающих извне*. (Мекка): Пришествие дня судного. Призвание Моисея. Его посредничество между фараоном и Богом; гибель фараона. Творение и воскресение.

LXXX. *Он грозен*. (Мекка): Пророк напоминает об опасности, угрожающей слепому неверному. Творение и воскресение.

LXXXI. *Ужасы дня судного*. (Мекка): Младенец женского пола, заживо сожженный, требует отмщения. Намек пророку о видении Гавриила при горе Гира, во время его внутреннего восхищения.

LXXXII. *Об отщепенцах или расколе*. (Мекка): Знамения дня судного. Ангелы стражи.

LXXXIII. *Об укорачивающих меру*. (Мекка): Обличаются купцы обманщики. О свидетельстве «Siffin» или рететре деловых бумаг. Ад и небо.

LXXXIV. *Об отдельном мздовоздаянии*. (Мекка): Знамения дня судного. Книги человеческих деяний. Воскресение. Отречение неверных.

LXXXV. *Зодиакальные знаки*. (Мекка): Отречение от преследующих тех, кто верует. Пример жребия фараона и Тамуда.

LXXXVI. *Ночная звезда*. (Мекка): Ночная звездочка! Каждая душа имеет в тебе своего ангела. Творение и воскресение человека. Суетно в начинаниях и действиях сборище людей неверующих.

LXXXVII. *Всевышний*. (Мекка): Никто не должен забывать из откровения Магомедова, что Бог спасает только тех, кого восхочет. Откровение о том же он делает Аврааму и Моисею.

LXXXVIII. *Всевидающий и побеждающий*. (Мекка): Описание последнего дня, неба и ада.

LXXXIX. *Рассвет*. (Мекка): Судьба надменных народов, не приемлющих пророков и апостолов. Увещание к тем, кои очень много возлагают надежд на свое потомство.

XC. *Страна*. (Мекка): Увещание к благотворительности.

XCI. *Солнце*. (Мекка): Чистота души сияет и упованием. Пример – Тамуд.

XCII. *Ночь*. (Мекка): Обетование награды верным и мук идолопоклонникам.

XCIII. *Дополуценное время*. (Мекка): Магомед ободряет, и повелевает припоминать, как Бог заботится о нас; сколь много в нем щедрости и милосердия, а потому требуется должное повиновение к нему и обращение.

XCIV. *Не распростирайся далеко!* (Мекка): Посылая Магомеда в мир для исполнения поручаемой миссии, Бог сам помогает ему.

XCV. *Фиговое дерево*. Испорченность падшего человека; будущее мздовоздаяние и наказание.

XCVI. *Сокровенная жизнь или кровь*. (Мекка): Магомед прежде всего призывает к чтению Курана. Отречение Абу Лахейб от сего.

XCVII. *Сила, могущество*. Куран есть откровение «ночной, т. е. тайной силы»; его превосходное и славное назначение; сходжение с небес ангелов.

XCVIII. *Явное знамение*. Укор иудеям и христианам в том, что они сомневаются в явных знамениях Магомедовой миссии.

XCIX. Страшному дню судному предшествует землетрясение.

C. *О меняльщиках* (лошадей и товара). (Мекка): Присягою и клятвою начинается седлание коней и снаряжение военных обозов. Человек – неблагодарен; день судный строго определен в свое время.

CI. *Об ударе смерти*. (Мекка): Ужасы последнего дня и геенны.

CII. *Расчетливая распря или соревнование*. Семейства арабов приглашаются к исчислению количества лиц в них живущих и определению самых плотных семейных союзов. Напоминание об адском мучении.

CIII. *Послеобеденные часы*. (Мекка): Только верующий может быть счастливым.

CIV. *Клеветник*. (Мекка): Клеветникам угрожает ад.

CV. *Слон*. Чудесное поражение Абисинской армии под Абрага аль-Асрам посредством птиц, которые хищнически нападали на Мекку со слонами.

CVI. *Курайсы*. (Мекка): Курайсы должны быть созываемы для возношения благодарение Господу Богу за счастливую караванную торговлю в течение двухлетия.

CVII. *«Необходимое»*. Отречение неверующего и неблагодарного.

CVIII. *Эль-Каутгар*. (Мекка): Магомед требует жертвоприношения по случаю изобилия в земных благах. Врачи должны быть бездетными (в наказание).

CIX. *О неверующих*. (Мекка): Пророк предостерегает удалаться от не признающих истинной религии.

CX. *Об уповании*. (Мекка): Пророчество о необходимости союза с войском исламизма.

CXI. *Абу-Лахейб*. (Мекка): отречение Абу-Лахейба и его жены, которые осуждены на огонь геенный.

CXII. *О единстве*. Объявление о Божьем единстве.

Сура CXIII. *Утренняя заря*. Пророк находит в Боге свое успокоение и мирное убежище от всех дьявольских наваждений.

Сура CXIV. *О человеке*. Пророк находит свое убежище в Боге от дьявола и всех его преследований.⁸⁸

Отделение 4-е. Буддизм, его школы, св. книги, распространение, следы христианства XIII ст. и значение новых переводов Библии среди тибетян, монголов, маньчжуров

I. Предварительные замечания, вероучение, особенности ламаизма

§ 44. Предварительные замечания автора и исходные пункты вопросов о буддизме

Вопрос о буддизме до сего времени представляется для строгих ученых, христиан в особенности, весьма сложным и серьезным, и предметы которого занимают пока умы немногих исследователей; поэтому невозможно сказать утвердительно и определенно многого, хотя общие основания исчерпаны и достаточно констатированы как теоретически, так и исторически. Для христианства – это не столько в строгом смысле религия, сколько философская школа, имеющая чрезвычайный интерес и значение. Неудивительно, что и основательные ученые, поражаясь перлами буддийской мудрости, языка и литературы, буддийское вероучение и Будду ставят нередко не только в уровень с лицом Иисуса Христа и христианским учением, но даже дают и высоту неподобающую. Конечно, если Библия количественно может представлять меньшее богатство внешних форм восточной мудрости, при сравнении с многообразием художественных и поэтических концепций Будды и его школ, за то не следует давать этому кажущемуся превосходству полного значения; иначе, Библия – как и последующее христианское вероучение на ней основанное и православно сохраняемое в Церкви, всегда будут стоять на высоте Богооткровения и исторического прогресса, неодинакового с пантеистическими и другими принципами, противоположными Божию Слову и Святой Церкви. Тем не менее, игнорировать огромным историческим периодом сознания человечества, выразившемся в буддизме и других школах с непочатыми залежами многотомной литературы, для ученых христиан, особенно миссионерски относящихся к языку и просвещению народов, имеющих эту литературу и своеобразную религию, – непростительно. Успех переводов Слова Божия, метод распространения христианства, всегда будет зависеть от степени усвоения языка не только простого разговорного, но и священного, каким он определился и обособился в буддийских книгах, канонизованных и точно получивших свою санкцию. Поэтому, находим необходимым особенно обратить внимание на общие исторические моменты буддизма, его внешнюю и внутреннюю стороны, с характеристикой наиболее интересных явлений и порядка жизни, мировоззрения и учения. Слово Божие таким образом, при его передаче на соответствующем ему языке в буддийской литературе и народе, получает реальную силу и основательность, не позволяющих создавать новый язык, новую терминологию без особой в том надобности; священные буддийские слова, выработанные веками, могут быть легко реципируемы или восполняемы и варьируемы, где это нужно и полезно. В самом методе проповеди изучение буддийских книг и философских приемов крайне важно, а потому даем об этом предмете соответствующие понятия (категории Готамы, изложение содержания св. книг). Устройство храмов буддийских, некоторые празднества, разные памятники, дающие обличие теоретическому учению и личностям, упоминаются также в кратких чертах; народный собственно буддизм, в его будничном и современном виде, тоже выделяется от собственно ученого и идеального; пункты разногласий, в буддизме и христианстве, буддийских книгах и Библии, также указаны и определены с точки зрения миссионерской. Историческому ходу и распространению буддизма отведено надлежащее внимание, как и христианству по сохранившимся памятникам, с обзором новейших миссионерских переводов Библии. Замечателен в Китае факт гонений или веротерпимости к буддизму от государственной власти и самого народа, выясняющийся принципами жизни двух направлений – аскетической, монашеской, единоличной и киновияльно-монастырской, противоположно семейно-родовым, общественным союзам и государственным, какими они понимаются в Китае. Вообще, по мере усиления аскетизма и монастырского строя, с обособлением полов мужеского и женского, с разными злоупотреблениями и развратом, или крайней нищетой, формируемой в стройных легионах шарлатанов, навязчивых нищих, сам народ часто крайне вооружается против этого рода аномалии, требует возвращения монахов и монахинь к семейным очагам, земледелию, и другим занятиям мирским. Правительство точно также прилагает о сем свои заботы и прямо враждебно относится к буддизму, как ереси и религии пришлой, которой увлекаться не рекомендует верным гражданам (VII-й артикул эдикта императора Канси). Монастыри, сооружаемые на широких началах нравственных и социально-экономических, подбирая всех недовольных, развитых и неразвитых, утилизируя их по своему, нередко по этому терпели разорение и погромы. Зато другим выпадает никогда незабвенная и высочайшая задача культуры народов восточных, облагораживание их творческими идеалами,

обычаями и нравами. Литературные и художественные памятники во многом обязаны буддизму, народно-религиозное просвещение, религия, медицина, находятся в его же руках. При сем, замечательны ламы монгольские, тибетские, маньчжурские, китайские, составляющие крепко организованную иерархию и силу национальную. Насколько этот мир имеет свой кодекс понятий и концепций, предлагаем очерк, составленный на основании последних ученых изысканий. Нет сомнения, что буддизму, при распространении христианства, предстоит будущность образовательной философской школы, отличной от христианской Церкви. Правда, буддизму присвоят в организации его последователей под управлением особой иерархии, название церкви, но она далека от Церкви Христовой и Апостольской. Что может быть общего у христиан с буддистами между культом демонам, не только добрым, но и злым, с их идолами, чрезмерным чествованием Будды и Будд – его воплощений, наивысшим олицетворением коего на земле признается Далай-лама или Хутухта? Демонология ламаизма между тем, со всеми ужасными и отвратительными олицетворениями и мистериями, пользуется большим значением и авторитет буддийского духовенства стоит весьма высоко в народе. Такого рода вполне «языческая церковь» по справедливости возбуждала не раз опасения и подозрительность от китайской государственной власти, терпела репрессалии и всякие ограничения, но это не мешает ей поныне стоять твердо, проявлять свою силу и влияние, то смягчающее, то возбуждающее народные страсти. Две крайности буддизма – полное уничтожение личности и всего чувственного, земного, до степени нирваны, или крайняя распущенность возбужденных и неистовых страстей, могут служить верным барометром народного самосознания и состояния. Первое направление, сопряженное с борьбой и подвигами аскетизма, пустынножительства, самоограничений, создает твердую нравственную личность, ставящую высшую задачу – внутреннее усовершенствование. Но этот путь преимущественно достигается немногими избранными, ведущими духовную жизнь, изучающими науки, искусства, ремесла. Прочие классы буддистов, менее просвещенные и совершенные суть обыкновенные люди, подверженные излишествам страстей, хотя пассивно идущие чинно и сдержанно в общем церковном строе. Внешняя история буддизма представляет много поучительного и интересного в образовании нравственного, духовного авторитета и создании другой власти, характеризующейся в мире христианским понятием о «церкви», т. е. организме, имеющем свою жизнь, уставы, законы, иерархию, свои отношения между высшими и низшими ей подведомственными лицами, равным образом и к государству с его учреждениями, законами, требованиями. Для народов кочевых, полудиких, создание и формация церкви буддийской имеет высшее значение, и само государство получает посредством её активного участия и воздействия доброго и верного друга, воспитывающего добрых и мирных подданных. Столкновения государственной власти Китая с буддийскою церковью объясняются ненормальными отношениями и кризисами от внутренних и внешних причин; но этим не ослабляется буддизм в его высшем идеале и мирном ходе исторического развития. Для народов христианских и церкви христианской, однако ж, в буддизме много своеобразностей, не позволяющих смешиваться и объединяться. Пункты сближения в учении и практике могут составлять лишь *via desideria* лучших умов, ищущих всюду гармонии, примирения, где возможно; на деле, много и в теории и жизни будет противоположностей, вызывающих к борьбе и партиям; союзам религиозным не предвидится конца. Только в правильно организованной школе и изучении буддизма, параллельно с христианским вероучением может разрешиться так или иначе счастливо борьба и разногласия в истине, всегда составляющей цель лучших умов и двигателей человечества. Насколько восторжествует Библия и христианская церковь над буддийскими священными книгами и буддийскою церковью – вопросы и дело будущей истории. Из прошедшего мы предлагаем некоторые очерки характеризующие так или иначе ход буддизма и христианства; из настоящего сообщаем черты, подмеченные христианами миссионерами, истории внешних событий и внутренней посвящаем должное внимание и так располагаем свой обзор.

§ 45. Буддийское вероучение, его названия и виды, характеристика

Буддизм, или буддийское вероучение есть – *метафизическое*, рассчитано действовать на воображение и обилует самую тонкую аргументацией. Утверждает, что мир чувственный есть вместе и недействительный, на что приводит множество разных доказательств. Добро есть сумма олицетворенных о нем идей. Отрицая материю, концентрирует все свое внимание только на идеях. Самые почитаемые личности и обоготворяемые, в буддизме превращаются в конце концов в фикции и олицетворения возвышенных идей. Буддист поклоняется не действительно личному существу, но идеям, отражающимся в его действиях, в этих обожаемых и почитаемых лицах. Обыкновенное богопочтение буддистов не иное что, как дисциплина, хотя имеющая своим выражением молитву. Отрешение от мира, каким бы то ни было образом, буддист почитает высшим благом души. Индивидуальная вера в Бога, в связи с рациональным способом поклонения, в Китае не была результатом религиозного научения (teaching), хотя и зависела от него. Буддизм в Китае уже находит готовые для себя объекты поклонения таинственному величию (неба), окруженного атрибутами мудрости и человеколюбия (benevolence). Религиозное верование осложняется и пышными формами поклонения. Процессии, звон в колокольчики, бряцанье в металлические тарелочки, звуки барабанов и духовых труб, монотонные припевы, речитатив молитв, курение благовонных веществ, таковы проявления набожности. Для масс народа, все это вместе взятое с силою возвышенной теоретической морали, имеет свое неотразимое влияние и смысл. Религия буддийская, общая Японии, Китаю, Корее, имеет несколько названий, характеризующих её с внутренней стороны учения и внешнего культа; она есть а) в высшем смысле «*ву-янь чжи-цзяо*». т. е. высшее учение, без слов и писмен, достигаемое созерцанием, т. е. *метафизическое*; в смысле объективном, оно есть «*сян-цзяо*», т. е. вера, соединенная с почитанием образов, кумиров, наставляющая людей наружным образом: б) по дуализму в направлении и раскрытии истины, она есть «*эрр-цзяо*» – две системы, «*сянь-цзяо*», т. е. открытое экзотерическое учение, основанное на своде буддийских книг, «*ли-цзяо*» эзотерическое, секретное учение, мистическое, магия, феопасия; в) вообще же, будучи происхождения чужеземного, в Китае, Корее и Японии, буддийская религия называется поэтому «*вай-цзяо*» – внешняя, иностранная вера, имеющая отличие от южной и тибетско-монгольской. «*Фо-цзяо*» – религия Будды, проникнув в Китай в I веке по Р. Хр., отсюда, в 372 г. в Корею и Японию, разделяется на несколько школ. Мистицизм её выражается в созерцательной жизни; атеизм привел буддистов к антропотеизму. Почитание Будды началось с его мощей, к которым присоединялись словеса или закон, явилась религиозная секта – *цзин-ту* (чистое место) основанная на – чаянии перерождения в рай Амидабы. Будда, исключительно занятый мыслью о страданиях и ничтожестве, хотя не вполне, – установил братство нищенства и отверг правила юродивых и блаженных – «*тапасти*». В идеализованных типах Будда – Шакьямуни, является в пяти Буддах, олицетворяющих самую систему вероучения «*Ву-бу-цзяо-чжу*». Вайрочана средний сходит с Аганишты на Сумеру и образует четырех Будд, Бодисатв; они блаженствуют вместе с таинственными Мандалами и с Девами в *Самади*. Школа идеальная буддистов называется «*сян-цзяо*». Древнее, преимущественно магическое и заклинательное учение, известное прежде и более всего в Тибете, есть «*хун-цзяо*», т. е. красное учение, распространенное особенно при Мингской династии и в Китае; последователи оно носили «*красное одеяние*» в отличие от прочих. Урген, или Падма Самбава, почитается главным распространителем «*красного учения*», сделавшегося известным в Непале, Бутане, а далее на В. Противоположно ему, в некоторых частностях, есть, «*хуан-цзяо*» – желтое учение, – буддизм тибетский исправленный Цзун-кабой (1358–1419 г.). Последователи носят желтое одеяние, доселе имеющее главное отличие у *ламаистов* Монголии и Манчжурии. В настоящее время красное и желтое одеяние хотя и остаются при церемониях у буддистов, но исторически различия красного и желтого учения уже нет. О мистической школе – «*ли-цзяо*» и «*ламаизме*» скажем следующее. Первое учение внесено в Китай в 716 г. по Р. Х., и тогда же перешло в Японию и Корею. Принесено с Запада, а не из Индии. В Китае не вошло в обычай, хотя в книгах описывается. По тибетским сказаниям, оно вышло из блаженной страны Самбала (близ Аксарты, Чома Керес, по Васильеву – из Афганистана). Заимствованное из религии Шивы, одолжено Тумичале, а как развитие буддийской магии – Туранам. Называется оно *Калачакра*, – колесо времени. Мантра-чары, тантра – волхование, мандалы, тарни, мудра, хома, составляют существенные принадлежности

вызывания духов и других действий. *Сидда* или *Сусидда*,⁸⁹ – достижение желаемого. Это учение противоположно духу буддизма и ниспровергает детерминизм. Божества большей частью, не являются, а воображаются в Самади и представляются в рисованных изображениях. К магии прибегают против физических бедствий, – для открытия кладов, – для лечения, для нанесения вреда, – привораживания, против скотского падежа, – для приобретения власти над духами и для получения прощения прежних грехов. Чествование Будды песнями и плясками имело место при Тан, во второй половине III-го века. Изображениями его полны доселе все кумирни и каждый буддист носит его в том или другом виде. Наиболее ценна картина – *ста сидящих* или *покоящихся Будд*, окружающих главную и большую центральную фигуру самого главного Будды. Мистико-буддийская школа в её религиозно-политическом значении, имеет оригинальную секту – «*Бо-лянь-цзяо*», чающей воплощения Будды Майтреи и имеющей своим символом белый ненюфар; с нею соединены и бурные потрясения, – известно первое восстание 1349 г., периодически повторяющееся и доселе в разных видах и временах. Известны и другие мистические секты в Китае, всегда беспокоящие правительство. – (арх. Палладий).

§ 46. Тибетский и монгольский ламаизм, их особенности

Тибетско-монгольский ламаизм, его название, происхождение секты и община, их виды, основные черты учения о бытии, духах, далай-ламе, главные боги; нравственное учение и степени совершенства, по заповедям, перерождения, рай и ад, праздники, обряды, идолы; буддийские монастыри и жители Тибета, их число, обычаи, иерархические степени, монахи, храмы и украшения

Ламаисты имеют своим происхождением Тибет; буквально – «Лама» значит «духовный учитель», также – «лицо самостоятельное в нравственном отношении и независимое в юридическом», «начальник» как «Далай-лама» или «банчени», «диба», «хутухту» и др., с теми или другими атрибутами власти и управления. Ламаисты суть поклонники древнего «мистического креста» (swasti), украшающего, как эмблема, их одежды, здания и другие предметы (в орнаменте). В XII и XIII ст. буддизм, получивши мистическое направление как «Тантрика» и реформированный несколько Цзун-Кабой († по Р. Х. 1357 г.) соединяет в себе, в XV ст. диалитическую и мистическую школы, издает много сочинений религиозных. Французские миссионеры, долго изучавшие это вероучение, нашли в церемониях и внешности много сходного с тем, что было у китайских буддистов и в некоторых древнехристианских сектах. По Шлагентвейту, секты в ламаизме начинаются еще с XI ст. и Цзун-Каба старался по возможности о приведении их к некоторому единству, хотя наружному, заменяя *желтым цветом* прочие цвета в одежде учеников, или давая ему преимущество пред *красным*. Следующие секты заслуживают быть упомянутыми: 1) Древнейшая и первая есть – *Нуйгмаба* (nuygmaba); к ней принадлежат ламы Бутана и Ладака, имеют свои обряды, церемонии, обычаи, полученные от древних китайских жрецов, признают Ганджур-Данжур и другие книги буддистов; 2) «*Ургенба*» (Urgyenpa), или ученики и последователи Ургеня, разнящегося в учении от Амитабы и Падма-Самбава; 3) секта, основ. Бромстоном (род. по Р. Х. 1002) соблюдает только правила, но не признает «трансцендентальной мудрости»; 4) «*Сакьяба*» (Sakyapa), частности её неизвестны, носит только красное одеяние; 5) «*Гелукба*» (Gelukpa) или *Галдан-ба* придерживается учений Цзун-Каба и весьма многочисленна в Тибете; 6) «*Каргютба*» (Kargyutpa) придерживается Сутр и соблюдает их правила; 7) «*Кармаба*» и 8) «*Брикункаба*» почти неизвестны; 9) «*Бругба*» известна особым культом грома и молнии, часто бывающих в восточном Тибете. Секта придерживается мистицизма «*Тантрика*» и «*Бонпа*», имеет значительное число последователей, соблюдающих древние обряды и придерживающихся многих буддийских суеверий. Каноническими книгами ламаизма служат «*Ганджур*» из VII отделений (издания состоят из 100 до 108 томов) и «*Данжур*» состоящий из 225 томов; «*Бодгимор*» – путь мудрости; «*Маникамбум*» – история распространения буддизма в Тибете, и другие книги.

Буддийская община (community) делится на *три класса*: 1) высший и первый, в Тибете, «*Чан-чжужб*», т. е. «высший ум» (intelligence), или «совершенный», также «*Чан-чуб-зембали*», т. е. «совершенная сила ума (mind)» с полным подавлением всего плотского и чувственного, при постоянной абстракции духа. Сюда относятся санскр. *Бодисатвы*, кит. «*Пуса*», полагающиеся на известный период времени в определенном числе; 2) «*Братьяка*» (Pratyeka) индивидуальный ум (intelligence), самоопределяющая сила разума; 3) «*Сравака*» (Srawaka) или «слушающий» (auditor).

Порядки бытия (orders of Beings), по учению буддистов, следующие: самосущий Ади-Будда, силою пяти произвольных действий божеской мудрости, и посредством пяти проявлений умственной рефлексии (dhyana), произвел из своего существа пять духов (intelligence) *первого* порядка, называемых «*Банча Диани-Будда*» или пять небесных Будд, (Вайрочана, Акшобья, Ротна-Самбава, Амитаба и Амогья-Сидга); эти пять духов произвели столько же духов *второго* порядка именуемых «*Бодгисатвами*», кои суть «творческие агенты, в руках Божиих, со всех сторон и на всех ступенях существования, подчиняющие все его власти», у тибетян, это – «*Локесвары*», т. е. мироправители, как эманации Божества. Низшие из них – «*смертные*» или переселяющиеся в другие существа, разделяются на 6-ть классов – «*Дроба-Рикорук*», т. е. шесть идущих впереди, progressores, 1) «*Ла*» или боги; 2) «*Ла-ма-ин*», т. е. титаны; 3) «*Му*», равные с человеком; 4) «*Дубро*» т. е. звери, жестокие (brutes); 5) «*Видок*» (Vidok), демоны, домовые, лешие; 6) «*Мьялба*» (myalpa), осужденные на смерть преступники грешники (damned).

Ад имеет восемь холодных отделений и шестнадцать горячих, часто воспроизводимых художниками китайскими и тибетскими. В древний период ламаизм признавал поклонение Троице: Будда, Дгарма и Сангха, в соединении с почитанием останков действительного Будды – Сакья. «Шакьямуни» или "Сакья" поклоняются в Ладаке, как «Сакья Тхубба», т. е. имеющим прийти через 25 столетий, он еще называется "Майтрейя" или "Ми-лэ"; троице наиболее поклоняются под видом «Падмапани», который есть «Диани Бодисатва». Он – патрон Тибета и проявляется всегда в виде человека, преемственно являющегося на троне в сей стране, т. е. в «Далай-Ламе», почитаемом самым мудрым из всех прочих людей и лам. Он имеет на изображениях художников много имен, фигур, лиц (одиннадцать или восемь), восемь, рук и голов, располагаемых одна над другою пирамидально и разного цвета (белый, желтый, голубой, красный), иногда он имеет одну голову и четыре руки. Соправитель (coregent) Падмапани есть Манжу-Сри – распространитель религиозной истины, имеющий в руке обнаженный меч – символ власти и прозорливости, он – чистый ум, виновник всякого благоустроенного порядка и счастья семейного, – правитель страны. В Тибете и Монголии его изображения чрезвычайно многочисленны; его представляют с бесчисленными глазами, руками, десятью головами, коронованного конусообразно. Ламаизм, кроме почитания человека, сохраняет поклонение и силам природы, духам, неодушевленным некоторым предметам (горы, реки, холмы), семейному очагу и домашним пенатам; – он стоит в тесной связи и с шаманизмом монголов и бурят сибирских, коему усвоится название «черной веры». Все боги вместе почитаются частями единого высочайшего ума; тибетяне называют «вообще божество» – "Ша" равнозн. санскр. "Дева", каждое из них, даже в самом человеке имеет свою область действия и ведения; боги эти суть мужские и женские, добрые и злые. Злые боги суть "Да" – враждебные и "Гэз" – злые, дьяволы. Самые злые суть: 1) Ламмаим, коим подчинены и другие; 2) "Дудпо" или судьи по смерти и похитители жизней человеческих, особенно красивых женщин, ведут борьбу с добрыми духами, производят беспорядки. Самые жесточайшие суть "Дрокшиды", имеющие восемь разрядов и на вид безобразные, всегда угнетающие человечество.

По отзыву ученого Csöma («Bengal Society Journal VII») хотя в самом Тибете, народ не понимает высшей философии, за исключением образованных, тем не менее знаком с учением «трех телег» – «Триано». догмой школы Магайяни, изъясняемой в тибетском компендиуме – "Ламрим" или «постепенный путь к усовершенствованию человека». Аргументом книги служит то, что буддийские догмы пригодны для высших, средних и низших классов народа и потому имеют в системе и содержании соответствующее распределение предметов. Высший класс может научиться вере в Бога, будущую жизнь и самобытное существование высочайшей души, совершению добрых плодов в настоящей жизни, может иметь шесть трансцендентальных добродетелей; средний класс может узнать, что: а) все в мире тленно и преходяще; б) всякое несовершенство служить причиной страданий и беспокойства, а потому освобождение от телесности есть единственно желаемый предмет, класс этот может совершить 10 добродетелей. Перерождения в царстве Сукавади и Нирвана – могут быть для всех доступны. Более народный и общеобязательный кодекс состоит из следующих восьми правил: 1) заботиться во всем искать убежища у Будды, на него уповать; 2) иметь всегда в уме постоянное стремление к высшему совершенству и соединению с существом высочайшим, постепенно, как того требует закон; 3) простираться пред идолом Будды и поклоняться ему; 4) приносить пред ним жертвы и благоволия, состоящие главным образом из следующих предметов: курительных свеч, цветов, ладана, разноцветных гирлянд, всякого рода яств и питья, материй, хлопчатой бумаги, и проч., также изделий ручных и ремесленных; 5) играть на музыкальных инструментах, петь священные гимны и молитвы Будде, почитать его личность и учение, любить и благодарить, за его совершенства и высокие качества, совершать всякого рода действия направленные к благополучию и счастью тварей; б) исповедовать пред ним одним и от всего сердца грехи свои, просить от него милости, иметь строгую решимость впредь не совершать грехов и удаляться их; 7) находить удовольствие в нравственных качествах всех вообще живых существ, и размышлять как можно чаще о том, чтобы достигнуть блаженства и конечного освобождения от мира; 8) молиться и просить всех Будд о том, чтобы повсюду в мире распространялась святая религия, дабы не погиб мир, коему предстоят в будущем многие века или "калпы" (kalpas). Наконец, общее верование у буддистов существует в метемсихозис или душепереселение и праведное мздовоздаяние при страшном суде. Для существ несовершенных и умерших, полагаются очищения и переходения в лучшие состояния бытия. Для нравственного возрождения на земли

требуются очищения от грехов, молитва, исповедь, удаление от злых дел и дьявола, совершение добродетели; по учению Магайяны, с исповедью соединяется полное отпущение грехов, по может быть и новая исповедь и отпущение; освящение воды «Tvisol» для омовения, совершается с особой церемонией и молитвами; 35 Будд, по вере народа, присутствуют при молитвах и покаянии; состояние нирваны, признаваемое ламаистами, не имеет в их книгах точного определения. Тибетяне-же присоединяют верование и в самое место, где совершается перерождение и слияние с Божеством. Рай с его птицами и блаженством праведников – верование весьма общее буддистам. Обряды на разные случаи сопровождаются курением фимиама и молитвами; таковы при случае молитвы «о мире», «плодоносном годе», «над умершим человеком», пение «коню ветра» и другим богам добрым и злым. Крещение и конфирмация – суть два главных таинства ламаистов, – совершаются чрез третий или десятый день по рождении, или когда младенец начнет лепетать; брак есть действие гражданское, но не религиозное, хотя и могут быть молитвы семейного характера; определение дней счастливых и несчастных зависит от лам, также и прочих праздников, напр., четырежды совершаемых в каждый месяц с закланием животного, тут же съедаемого; праздники бывают еще месячные, годовые – “*Лог зар*”, т. е. нового года в феврале; праздник воспоминанья победы Сакьямуни над шестью еретическими учителями (15-дневный карнавал), праздник церковного свойства – воплощения Будды, в начале лета; праздник воды в августе и сентябре, в начале осени. При совершении молитв, имеет значение у буддистов и ламаистов особый молитвенный цилиндр – “*Хорбэн*” (Гарди называет “*Гарлас*” или “*Чуксвиер*”), Гук – «turning prayer», который ставится стоймя, скрепленный на середине железным стержнем; по величине он неодинаков. При монастырях и храмах на улице, он высотой в 2 и 1 арш., а в кумирнях и частных домах или в юртах монголов – маленькое колесо или цилиндр, ставящийся на почетном месте, при божнице. На «Хорбэн», наматываются молитвы или прикрепляются, которые и читают при поворачивании цилиндра. Изображения на холсте, тканях, бумаге, из глины и литые высеченные из камня, Будды, Бодисатв, Дрокшидов – чрезвычайно разнообразны. *Шакьямуни* имеет много поз, с рукою благословляющею или держащею зерно (жизни), чашу для милостыни и проч., *Падмапани* имеет иногда одиннадцать лиц и тысячу рук. Бог огня (Melha), страшный видом и всегда сопровождающий богов, красный и огненного цвета, имеет разные виды. Бодисатвы всегда самодовольно сидят на лотосовом ложе, поджав ноги. Трехглазые *Дрокшиды*, враги злых демонов, имеют вид гордый и тоже самодовольный и всегда вооружены. Всех вообще олицетворений буддийских чрезвычайно много. Ламы, специально занимающиеся живописью, скульптурой и другими работами, крайне изобретательны на создание божеств своих и украшений их, соответственно своему вероучению и фантазии.

В 1855 году, в двенадцати монастырях Восточного Тибета всех лам, по сообщению «*Bengal Society Journal*», было 18.500; в Западном же Тибете Куннингэм насчитывает по одному ламе на тринадцать мирян, все же число одна на семь полного населения. Ламы суть постоянные жители своих монастырей и их стражи, вращающие «хорбэны», занимающиеся резьбой, изваяниями, живописью, писанием св. книг. Часто они и не образованы, хотя умеют читать и писать, и беззаботны к высшему образованию. Их одевание и шапки двойного войлока или поярка, с складными сгибами, или бывают соломенные, довольно ноские; по форме – конические или шестиугольные, иные подобны митре, одежда длинная, со стоячим воротником, опоясывается тонким кушаком, на ногах бывают сапоги или башмаки, в руках носят четки по 108 шариков, точеных из дерева, каменных и других. На шее носят разные амулеты, содержащие изображение божества или мощи почитаемых святых. Для неизменной организации монашеских орденов существует Устав (code), состоящий из 250 правил (rulers). Целибатство и нищета имеют видное значение в образовании монашеского характера, и возвращение в мир, или нарушение обета бывает редко. При нестяжательности и убожестве монахов, самые монастыри бывают богаты и великолепны по внешности, и на содержание их идет много денег. Живущих милостынею бывает очень много во время хлебной уборки и осенью. Похороны мирян, браки и другие церемонии доставляют немало доходов. Монастырская собственность не подлежит налогу, повинностей и податей монахи изъяты, хотя несут свое послушание. Во главе духовенства тибетского – Далай-лама, по преемству идущий с 726–786 по Р. Х., а настоящая система только идет с XV ст. В 1417 г. лама Цзун-каба основал «золотой монастырь», но Далай-Лама в Хласе и Банчень Римбочи оказали перевес и объявили свое божеское происхождение. *Далай-Лама* (Великий Лама) считается воплощением «Диана Бодгисатва», Чанризи, изображается с лучезарным сиянием и

потомства физического не имеет. "*Банчень*", с другой стороны, есть воплощение отца Чанризи, именовавшегося Амиитаба. Первый, присвоивший себе титул «драгоценного Величества», был Далай-Лама Гедун-Груб (1389–1473 г.). С пятым Далай-Ламой светское управление распространилось на весь Тибет. Далай-Ламы избираются жрецами буддийскими, но с 1792 г. избрание во многом стало зависеть от политики Пекина, т. е. от китайского правительства. После Далай-Ламы следуют в иерархии начальники монастырей – "*хамбо*" (khanpos), они назначаются Далай-Ламой от трех до шести лет и некоторые даже почитаются его воплощением. Третью степень иерархии составляют *регент*ы хоров и капельмейстеры музыки при храмовом богослужении, называемые "*Буджад*" (Budzad). За ними следуют *Гебкои* (Gebkoi) – благочинные, избираемые монахами для поддержания дисциплины. Ниже их суть – «аввы» (abbots), отцы или иеромонахи. Шестую степень составляют "*Ламы*" – «начальники», независимые лица. Наконец «*Астрологи*» – и "*Цзихани*" (Tsikhan), заклинатели, носящие треугольный музыкальный инструмент.

Буддийские монахи (ламы) живут в монастырях, имеющих каждый свое название. Архитектура их во всем сходна со зданиями мирян. Входные фасы – с юга или востока, они всегда украшаются флагами. Иногда состоят из обширного дома, высокие здания бывают с этажами, а в прочих случаях – придельные к главному храму. По внешности они уступают таким же в других странах. Храмы не представляют в себе ничего особенно величественного. Кровли – плоские или наклонные, с квадратными отверстиями для окон простых или косых. Стены – на четыре стороны, северная – окрашена зеленой краской, южная – желтой, восточная – белой, западная – красной. Иногда бывает и другой порядок. Внутренность здания, вообще, представляет свободное однообразное пространство, с боковыми комнатами (halls), украшенными картинами, идолами и другими вещами. В боковом зале помещается библиотека, в которой тома книг расположены по полочкам, иногда переплетены шелком и завернуты в бумагу. В углах статуи богов, богослужебные наряды и украшения, музыкальные инструменты и прочие принадлежности ритуала.

Ламайские храмы индо-китайской формы, квадратные, фасом на восток в Тибете и на юг – в Монголии; часто бывают и крестообразные; имеют трое ворот и три внутренние отделения – входной зал, корпус здания с двумя параллельными рядами колонн и самое святилище с кафедрой первосвященника (high-lama) или настоятеля. "*Чодтэны*" (Chodtens) суть памятники, высотой от 8 до 15 футов, иногда до 40; предназначаются служить приемным местом народных жертв или складами останков буддийских мощей, или, вообще, уважаемых особенно почивших лам. Иногда они ставятся при храмах, украшаются металлом и запираются снаружи. "*Ман*" (man) есть валик, в виде стенки, в 6 футов длины и 4 или 5 в окружности, имеет тоже священное значение. "*Дерчоки*" (Derchoks) и "*Лалшасы*" (lapchas) суть священные флаги с молитвами и устои, высеченные из камня, на плоскости которых народ может ставить или класть свои вещи. (Клинтон и Стронг – Cyclopaedia).⁹⁰

II. Внешняя история буддизма и переводов св. книг

§ 47. А. Распространение буддизма в Китае и переводы священных буддийских книг разных императоров с 58 г. по Р. Х. по настоящее время

Цзай-инь и Чэн-цзин привозят из Индии Сутры, постепенно переводимые далее, имена переводчиков и ученых в разное время: Чу-фа-лань, Буддожинга, Вэй-дио-ань, Кумаражива, Фа-сян, Чжи-мэн, Будги-да-мо, Юань или Сюань, Юань-чуан, Башпа, Дао-янь и др.; императоры и покровители буддизма: д. Минга, Чжу, Лян-ди, дин. Сань-го, Шао, дин. Цинская, дин. Сунская, Ци и Лян, Дай-ву, Чоу, д. Суйская, Танская, имп. Тай-цзун, Гао-цзун, Юань-цзун, Су-цзун, Сянь-цзун, И-цзун, Гао-цзун, Ши-цзун, Чэн-цзун, Гао-цзун, Чингиз-хан, Кублай-хан, Ин-цзун, Шун-ди, Тай-цзу, Юн-лэ, Цянь-лун; взгляд императора Канси на буддизм и др. религии в особом эдикте о них. Основание буддийских монастырей мужских и женских, их роль, значение учености и художников, упадок нравственности и гонения в последующие времена

При династии Мингов – Ming-Ti (по Р. Х. 58–76 г.) в Китае прошла молва о необыкновенно ученом и благочестивом человеке в странах Запада, по имени Будда; среди образованных и правительственных лиц возникла и укрепилась мысль о посольстве особых избранных людей. Такими были Цзай-инь и Чэн-цзин, отправленные в Индию, для более глубокого и всестороннего изучения буддизма и получения оттуда священных книг с прочими предметами новой религии. Эти люди привезли чрез некоторое время 42 главы буддийских сутр, с новыми идолами и чужеземными монахами во главе Шинмаданга. По прибытии в Китай, они поселились в столице, в Хун-лу-сы, подчиняясь в управлении министерству церемоний. Один из пришельцев Чу-фа-лань перевел на китайский язык *Ши-чжу-цзин*, т. е. сутры, стихами в десять строф. В царствование Чан-ди (76 г. до 89), глава династии Чжу объявляет себя приверженцем буддизма и при нем вносят в Китай многие другие книги. Восемнадцать лет спустя, парфянский монах прибывает в Ло-ян и переводит сутры с чрезвычайным рачением. В царствование Лян-ди (168 до 190 г.) из страны Гетов и Индии прибывают еще монахи и переводят Нирвана и прочие сутры с особенною верностью. С разделением царства при династиях *Ган*, *Вэй* и *Ву* и соединением в единую федерацию *Сань-го*, одним монахом привозится прочая часть сутр и тоже переводится по-китайски. При Shao Ti (254–260 г.) один китаец посылается в Ходань (Khotan) и получает 90 глав из сутр, которые затем и переводятся в течение 30 лет, после чего в Хонане появляется и самый труд на китайском языке, под заглавием *Фан-юань-бань-жу-цзин*, т. е. «свет, проливаемый в мир из Pradina Sutra». При Цинской династии, от 265 по 420 г. по Р. Х., в Лоян приносятся одним Гетфским монахом буддийские неизвестные дотоле классики и тоже переводятся. Благодаря этого рода во множестве распространяемым книгам, буддизм все более становится известным и получающим кредит. Религиозным настроением пользуются многие выходцы-монахи из Индии, из коих особенно выделяется имя буддийского миссионера Буддожинга; распространяются реликвии Будды, устрояются места поклонения, монастыри и кумирни, являются церемонии, монахи и монахини. Китаец Вэй-дио-ань, при Ханьской династии, настолько успевает в буддизме, что славится, как отличный его истолкователь, изучает сутры, объясняет их и переводит народу устно и письменно; около себя собирает множество учеников, учреждает особую школу буддийских законоведов. Подобно ему, индийский монах Кумаражива, в царствование *Ань-ди* (397–419), устрояет свою школу; переводит с оригиналов буддийские книги у себя в домашней аудитории и на улицах многолюдных городов и местечек. Его переводы и проповеди почитаются лучшими и образцовыми из всех. В 399 г. предпринимает новое путешествие с ученою целью в Индию знаменитый *Фа-сян* с товарищами; из Чан-наня он совершает свое путешествие в Индию для отыскания буддийских книг «запрещений и постановлений». Его взыскания, чрез пятьдесят лет позднее, издаются на его родине, под заглавием *Фо-гуо-чжи*. Они известны в переводах на французский язык Ремюза и английский – г. Laidlay и в последнее время г. Beal. Труды *Фа-сяна* почитаются капитальными, он переводил все лучшие им изучаемые буддийские книги, которые находил в Индии и на острове Цейлоне. Другой китаец, *Чжи-мэн*, вскоре тоже путешествует в Индию и переводить Нирвана Сутра. При династии Цинской буддизм объявляется господствующей религией Китая, тоже продолжается и при Сунской, и ученые буддисты не уступают даосским и конфуцианцам, целибатство, хранение целомудренной и духовной жизни еще более содействуют процветанию и успеху буддийской учености. Ученые монахи пользуются особым благоволением и милостями императоров династий *Ци* (по Р. Х. 479–500) и *Лян* (по Р. Х. 502–553). В 520 г. великий реформатор *Бу-дзи-да-*

мо или Бодгидгарма прибывает из Индии в южный Китай, но утверждается в северном царстве и много содействует успехам буддистов. В конце четвертого столетия, при династии Дай-ву, воздвигается гонение на буддистов, многие монастыри и их жители уничтожаются, сжигаются буддийские иконы и книги; но при Сюань-Ву публично объявляются сутры, строится особый монастырь для 3.000 монахов из Индии, в Лояне, в провинции Юннане, насчитывается уже 13.000 монастырей. В 518 г. христианского счисления Сун-юнь и Хуй-шэн идут в западные страны за буддийскими книгами и в стране Кан-ло, первый получает сто семьдесят буддийских сочинений, которые и привозит в Китай. Об этих находках, с переводом на европейские языки, трактовали проф. Ньюман и Жульен. При династии Чоу (Chou), когда столицей была Чжан-ань (нынешний Си-ань-фу в Шэньси), управителем был получен указ, по которому признавались три религии – конфуцианство, даосизм и буддизм. В 574 г. князь Ву отменяет буддизм и даосизм, нарушает их храмы, монастыри, сжигает книги и образа. Однако ж, к середине шестого столетия по Р. Х. буддисты распространены чуть не во всей империи, приверженцы одного встречаются между князьями, учеными и народом, и слово сэн в смысле ученого буддиста, не только прилагается к монахам, но и мирянам и трансцендентальные добродетели – Paramitas, пользуются общеоно известностью. В южной столице насчитывается 500 монастырей, богато содержимых, число частных домов буддистов очень тоже значительно. При императорах Суйской династии, затрачиваются огромные денежные средства на переписку и распространение книг буддийских, несмотря на противодействия и гонения скоро затем следовавшие, особенно от конфуцианцев. При династии Танской, сочувственно относившейся к семейной жизни и неприязненно к умножающимся монахам и монахиням буддистов и даосов (с 618 по 906 г.) воздвигается на последних гонение, 100.000 из них обращаются к семействам. В сие время (627–650 г.) славится ученый буддист Юань или Сюань, (Сюань-цзин по франц. транскрипции) занимавшийся изысканиями книг и учения буддийского, он славился как отличный знаток санскритского языка, пользовавшийся в своей школе оригиналами литературы, мастерски переводивший на китайский язык и объяснявший буддизм. При императоре Тай-цзуне было переведено 657 буддийских книг под надзором самого государя и на его счет. Жизнь ученого Юань-чуана, была описана его друзьями оценившими достойно труды его.

Насколько при императоре Гао-цзуне в 657 г. буддисты терпят некоторое давление с побуждением воздавать должное их родителям и индийские выходцы даже удаляются в свое отечество, настолько при императрице Ву (684–705 г.) и императоре Юань-цзуне (713–755 г.) положение монашества терпит переменное счастье. При последнем изгоняются 12.000 монахов и монахинь, разрушаются храмы и монастыри, книги буддийские истребляются. При императорах Су-цзуне (756) и Тай-цзуне (763–779 г.) многие буддисты занимают высокие должности, объясняются священные книги и особенно Сутры, учреждается особое даже празднество в честь Улан-гуй – духов умерших предков в 15-й день каждого месяца. Император Сянь-цзун (819 г.), обращая особенное внимание на внешний блеск религии буддистов, расширил для них поле театральных церемоний и этикета, художественные памятники украшали монастыри и храмы, высшие классы находили в сем особенное удовольствие в связи с метафизическими представлениями и идеалами буддизма. Император Ву (841 г.) под влиянием даосов несколько уменьшил число монастырей буддистов и обращал к семейной жизни, монастырские земли и собственность секуляризовались, драгоценности иконов и облачения жрецов превращались в монету и другие государственные ценности, лишние здания монашеской роскоши отдавались народу или превращались в публичные. 4.600 монастырей разрушены, и более 40.000 мелких, эгоистически созданных для буддистов только учреждений – закрыты или разрушены; 265.580 монахов обращены в мир; 150.000 мужских и женских учреждений для рабочих и прислуги экспропрированы в пользу казны. При императоре И-цзуне (860–875 г.), расположенном более к религии, нежели делам государственным, буддизм процветает, во дворце устрояется особый зал для пения и речитатива буддийских религиозных гимнов и молитв, нарочитые писцы копируют эти труды и распространяют в народе, увеличиваются церемонии, монастыри, государь делает богатые вклады и часто сам посещает. Первую половину десятого столетия занимает период Ву-дай или пяти династий, – время это анархическое, буддисты терпят гонения и их собирают всех в одно место на острове Пу-то (915 г.), сделавшемся главным центром монашества и религиозной жизни, со многими монастырями, киновиями и отдельными кельями. Императрица Лю (923–935 г.) оказывает особенное расположение к буддистам, часто посылает им богатые подарки и даже царские от стола кушанья: тоже видим при династии Минской; в Фуцзяне, Фуцжоу строятся

богатые пагоды и тысячи монахов и монахинь находят себе приют и покровительство. Монастырь «Белого дракона» в Фучжоу особенно получил свою известность. Несмотря на временное воспрещение строить новые монастыри, при императоре *Гао-цзун*, Цинской династии (936–958 г.) в последующей – *Чжоусской* и именно при императоре *Ши-цзун* буддизм получает новую силу. Распоряжения сего императора чрезвычайно важны: он повелевает, чтобы монастыри имели императорские таблицы (– знак государственного патроната) и появилось 30.000 новых буддийских учреждений; в монашество, гласит эдикт, должны поступать и приниматься только лица, с дозволения своих родителей, – воспрещается всякого рода благочестивое юродство с нанесением вреда собственному здоровью, разного рода пыток и самоистязаний, ни к чему не ведущих, возбуждающих ужас и отвращение, в особенности оскпление ради целомудрия; окружному начальству вменяется в строжайшую обязанность следить за поведением и путешествиями монахов и монахинь, иметь их точные списки и чрез год рапортовать высшему начальству о жизни и смерти сих лиц; и чтобы всякого рода скопляемые ценные при монастырях металлы превращаемы были в денежную монету на поддержание нужд монастырских, прочие драгоценности, составляющие только излишнюю роскошь, тоже должны быть продаваемы и обращаемы в монету. При Сунской династии (960–1280 г.) буддизм не всегда благосклонно принят при дворе и его история – темна; даосизм играет первую роль и конфуцианство по прежнему сильно. Около 1020 г. замечателен собор, созванный императором Чэн-цзуном из приверженцев двух первых сект, для публичного обсуждения достоинства и авторитета оных. На вызов явилось более 300 и орфодоксивная партия была немногочисленна. Даосы обнаружили себя не только оппонентами, но прямо врагами буддистов и отстаивали только свои интересы. Даос *Лин-Линг-цзо* при государе Гуй-цзун (*Hui tsung*, 1101–1125 г.), уничтожал влияние противников, где мог, и, играя видную государственную роль, даже заменял имена и названия буддийские даосскими, сам *Фо* (Будда) и другие боги подучили такие же названия; одеяния и церемонии получили даосскую форму и устав.

Император *Гао-цзун* (1127–1162 г.), избравший столицей Ганьчжоу, относился к буддизму крайне осторожно, особенно в оказании почестей и в повышении государственных, стараясь вообще держать монахов и монахинь в пределах их надлежащей скромности и нравственной высоты; будучи строгим философом, он ценил конфуцианство и ему наиболее доверял и придерживался его системы в устройении государства и формах общежития. В XIII ст. Китай представляет поле бедное и полное смешения. Цинские государи управляют на севере и Сунские – на юге; монгольские орды, увеличившись в силе, начинают беспокоить набегами и самоуправством, и подобно хищным волкам – совершив свои жестокие операции, преспокойно удаляются, когда им нужно, – в свои беспредельные пустыни. К буддизму они обнаруживают большую склонность и любят скорее усвоить его внешнее общежитие, нежели внутреннюю силу религии. Обладая страстным темпераментом, чувствительным и склонным к увлечению, лишённые умственно развитого критерия, добываемого образованием, ведя кочевую и примитивную жизнь, монголы, как дети природы, не могли понимать и достойно ценить какую-бы ни было религию, а потому усвоили все, что им проповедовали и сообщали другие, более интеллигентные и энергичные проповедники и последователи известного вероучения или школы. Сам *Чингиз-хан*, окружая себя тибетскими и монгольскими ламами, в сущности далек был давать им особое преимущество, а потому веротерпимость для него служила более примиряющим и полезным критерием, даже индифферентизм, нежели нетерпимость. Те же черты во взгляде на религию обнаруживают и другие могущественные государи Китая. Гиббон, в своей истории «Decline and Fall» (ch. 64) справедливо замечает, что «татары и моголы были приверженцами идолов каждый в частности своего племени; многие из них также легко обращаемы были к чужеземной вере, как наиболее лучшей, миссионерами закона Моисеева, Магомета, Христа. Различные системы эти, усвоясь и распространяясь на одном поле, легко уживаются и соблюдаются; поэтому – бонза, имам, раввин, несторианин, латинянин, с их священнослужителями и учителями пользуются одинаковым почетом и привилегиями за их служение и труды».

Первым монголом на китайском тропе был Кублай-хан, при нем буддизм процветает непрерывно, пользуясь значением при дворе и в государстве, возбуждая умственным превосходством своих представителей энтузиазм и уважение. Один монгольский лама Пашуба или Башпа, изобретает особый алфавит для монголов из 41 буквы, который получает скоро известность и распространенность. На седьмом году возраста Башпа изучил уже несколько

буддийских книг и почитался феноменом среди соотечественников, будучи называем «божественным младенцем» или «необыкновенным мальчиком». Он был лучшим другом юности самого Кублай-хана и пользовался его расположением всю жизнь. Буддисты настолько делаются сильными, что по их наущению, император повелевает истребить все даосские книги и спасти только *Дао-дэ-цзин* философа Лаоцзы. На соборе 1286 г., состоявшем из 10 000 человек, Кублай-хан оказал предпочтение буддизму, к неудовольствию южных жителей Китая, мало расположенных к крайностям как этой религии, так и конфуцианству. По видам политическим Кублай-хан давал свободу вероисповеданий своим племенам; чувствуя себя пришельцем среди настоящих китайцев, оказывал конфуцианам притворное расположение и предпочитал буддизм. Так держали себя и другие ему подобные приемники. Лучшим и могучим средством религиозного благочестия и влияния на народ, монгольские императоры находили – приготовление и распространение священных книг оригинальных, и в переводе, и ввели в способ переписки оных золотые иероглифы и буквы; при четвертом государе монгольском потрачено было на сей предмет 3.900 унций золота. Его преемник Ин-цзун (1321–1323 г.) также, точно украшал священные книги, имевшие изящное расположение на строфы, к ним знаменитый писатель Вучжун приготавливал и присоединял даже особые предисловия. Варварская склонность к внешнему блеску и великолепию находила в сем для себя должное удовлетворение и еще более поселялось уважение к священному авторитету религиозных писмен, означенный литератор употребил также для сплава 500.000 медных свинок (*catties of copper melted*) на украшение храмов идолами и прочими предметами. Особый мастер Ди-ши нарочно был командирован в западные страны для изучения техники и художеств у буддистов, в приготовлении образов, книг и прочих изящных предметов и украшений; на эти расходы он получил 1.000 унций золота, 4.000 унций серебра, сверх кредитных денег и тканей. В столице, по делам церковно-буддийских украшений и искусствам, устрояется особое общественное управление, заведующее и контролирующее всеми предметами сего рода в государстве, с относящимися к оному зданиями, чиновниками, мастерами и прислугой. На содержание сего учреждения было ассигновано 430.000 денег для рогатого скота, 79.000 для масла древесного, коровьего, и меда – 50.000 денег. В конце династии, излишки, остававшиеся в столице, рассыпались в разные части страны. За этого рода художественное учреждение и работы, буддийские ламы отовсюду привлекали к себе почет и уважение; их вкус и влияние оказывали великую культурную силу на народ, привыкший к простоте и малознакомый с изящными предметами собственно религиозными. Ламы искусно воспользовались при этом сохранением за собою означенного влияния и привилегий от правительства и не преминули скоро постыдно злоупотреблять оными, так что потребовались энергические меры к обузданию многих вольностей. Некоторые ламы стали сильно богатеть и давить народ своим капиталом и образом действий, и немонашеской жизни. В 1320 г. начальник секты «Белые облака» в Цяннане, скупая соседние земельные участки от частных собственников, так округлил свои владения, что скоро оказался настоящим землевладельцем, даже более – князем 302.570 акров. При императоре *Шун-ди*, иностранные монахи доходили до чрезвычайных злоупотреблений и крайностей, являясь зачастую шарлатанами и обманщиками, под видом алхимиков и некромантов, пользуются суеверием и расположением народа к его вреду. Марко Поло, наблюдавший буддистов, особенно на юге Китая поражался их нечестивой жизнью и часто называет их сущими идолопоклонниками, ничем не отличающимися от прочей невежественной массы народа, хотя умалчивает о самих жрецах более образованных и честных, не допускающих насилия и угнетения народа.

При династии Мингов, собственно туземной китайской, первый император *Тай-цзу* (1368–1398 г.), по происхождению из простого звания, учился в юности в буддийском монастыре и обнаружил большие дарования, пользуясь также расположением многих учителей и благочестивых людей, удостоился быть государем.; качества нравственные, приобретенные с детства и благочестивое монастырское воспитание, сохранились в нем на всю жизнь, и он сердечно любил буддийское учение, многих друзей он расположил к тому же. Конфуциане неприязненно относились за это к государю и один из этой партии даже покушался на его жизнь. Следующий император *Юн-лэ* (1403–1424) также был расположен к буддизму и постоянно имел около себя иноземного монаха, читавшего ему буддийские книги и молитвы, и также поминавшего массу почивших предков. Государь почтил сего монаха, по имени *Дао-янь*, пожизненным титулом «Царя великого и драгоценного Закона». При *Ин-цзуне* и позднее при *Тянь-шуне* (1436–1461 г.) допущено к обетам буддизма и даосизма 20.000 человек, братом

последнего государя также допущено 50.000 человек. Такого рода факт не прошел бесследно для народа и государь Сяо-цзун был вынужден сократить число монахов, с изгнанием чужеземцев в их страны, но при импер. *Ву-цзуне* (1506–1521 г.), количество монахов вместе с даосами возросло до 40.000 чел. Сам государь был весьма сведущ во многих науках и языках, особенно любил буддийские книги. Несколько позже, *Ши-цзун* (1531) находившиеся буддийские храмы в его дворце приказал нарушить, но буддизм вообще (в 1628 г.) пользуется народным значением. Евнухам особенно принадлежит честь в построении и поддержке многих монастырей буддийских и других. В последней четверти рассматриваемого столетия, иезуит Риччи с его братьями миссионерами является в Китай и посвящает силы и энергию на дело обращения китайцев в христианство, он трудится на сем поле всю свою жизнь, не уступая буддистам и сам усваивает костюм туземного монаха, но, в видах лучшего успеха, переходит на сторону государственной партии – конфуцианцев. Проработав 28 лет в Пекине, он умирает в 1610 г. «*doctrinae et virtutis fama celebris*» по характеристичной надписи на могильном памятнике. Проповедуемое христианство, однако ж, оказалось противным не только буддизму и даосизму, но и конфуцианству, а потому для обоих казалось чужеземной и еретической религией, возбуждавшей подозрения и впоследствии неоднократные гонения. Завоевательная династия Китая, являющаяся в XVII столетии, обнаруживает вообще нерасположение к буддизму среди своих подданных, как религии и её представителям – пришлым из чуждых стран. Такого рода отношение, часто основанное на политических видах, обнаруживают сами маньчжуры, хотя сизмала научаемые в правилах буддизма. В 1642 г. князь, коего по смерти имя Тхай-цзун-вэнь, издает чрез министерство церемоний эдикт о новой секте или обществе в отношении к буддизму и даосизму как религиям, искони известным в Китае. Последующие преемники, хотя формально и заявляют признание двух сект, но замечается политика диаметрально противоположная их процветанию. Император Жень-хуан-ди, наиболее известный по стилю его шестидесятилетнего царствования, под именем *Кан-си* (с 1662 г.), один из самых знаменитых в мире, выражает явно свое отречение от еретических учений, и совершенною стезею признает учение древних мудрецов, в седьмом артикуле известного «*Священного эдикта или XVI наставлений китайскому народу*». Памятник этот настолько важен, что переводим о данном предмете из него весь VII-й артикул, в особом приложении, под заглавием «*изгоняйте (из Китая) всякую иностранную секту и прилагайте все попечение о сохранении учения православного*».

Преемник сего государя Канси, *Юн-чжэн* и ученый мандарин Фань, проповедовавший изречения из текста Канси, были весьма суровы в отношении к буддизму и даосизму, как и к романо-католицизму, явившемуся под названием религии Царя небесного – «Тянь-чжу-цзяо». Сам Канси, на половину буддист, поощрял «*Фо-цзяо*» у тибетян и монголов. Юн-чжэн понимал значение лам и, не желая раздражать их, издал даже особый эдикт, повелевавший строить храмы, приспособительно для их религии и в местностях, наиболее для них потребных; но в другом эдикте, он воспрещает празднование с церемониями буддийскими, в день его рождения. Имея при себе ревностных конфуцианцев, поручил им следить везде за буддистами и даосами, в видах государственных. Следующий император *Цянь-лун*, царствовавший непродолжительно, обнаруживает к буддизму особенное благоволение; он часто посещает монастыри, жалует императорские таблицы, разные вещи, украшения, делает денежные вклады, по всему Китаю исправляются храмы и некоторые сооружаются вновь. Ламы ценятся высоко, не уступая в авторитете самим мандаринам; народная пословица гласит: «В Пекине буддийский хошэн (или лама) тоже, что в провинции мандарин», т. е. оба – великие люди. Высшие правительственные чиновники, по большей части конфуцианцы, стараются всеми мерами в управляемых ими провинциях угнетать буддистов, воспрещают нередко их сборища, даже отнимают лишние сокровища. При *Дао-гуане*, один мандарин в Гуан-дуне изгнал монахов и заключил всех их, из разных монастырей, в гор. Фучжоу в особом доме. Тайпинские мятежники, в новейшее время, во многих частях Китая, содействовали своим образом действий значительному ослаблению силы буддийских монахов и монахинь. Так было особенно в Цзе-цзянской провинции. Монахи в *Лин-ин-сы*, будучи очень многочисленны, нередко любили ходить для сбора милостыни большими партиями и позволяли в отношении к народу разные вымогательства и дерзости. За это трудолюбивые китайцы, выведенные из терпения, перерезали попрошаек-монахов, как людей, не желающих жить в мире и работать по-мирски; многие монастыри буддистов и даосов подверглись разграблению и разорению. Правительство, назначив для рассмотрения дела особого цензора, воспретило реставрацию зданий; сам же народ примирился с монахами и

монахинями только тогда, когда они снова вступили под покров прежних своих семей и покинутых родичей.

§ 48. Б. Тибетский буддизм, значение его для Манчжурии и Монголии, их взаимные сношения⁹¹

Страна и народ, начало религии и реформатор Цзун-Кхаба или Цзун-Хава 1355 г., устройство монастыря в XV ст. и начало Далай-ламы, его господства и управления, города Хласса и Урга – центры ламизма, религии «Красной веры и Церкви» и «Желтой веры и Церкви» их слияние; Далай-ламы, банчени и ламы – их деятельность и постепенное расширение влияния; имена шести главных Далаи и события, при них совершившиеся; реестр Далаи и Банченей; новейшие статистические сведения о Тибете

Тибет до сего времени представляет еще мало обследованную во всех отношениях страну, признающую над собою патронат Китая, с ежегодной контрибуцией ему 60.000 р., и с коим она сопредельна с востока, на запад же тянутся Кашмир, Афганистан и Туркестан, на севере – турки и монголы. Тибет у китайцев называется *Си-цзан*, в древности – *Туфан*, у монголов и мингов – *Уз-цзан*; но это не одно и то же, что «страна Будды», а та, которая неподалеку от «Тянь-чжу», т. е. садов, рая, райской страны, иначе – сопредельна с Индией. Поэтому, и самый язык тибетский разговорный связан непосредственно с севером Индостана, от коего отделяется Гималайскими горами. Западные части Тибета, однако ж, не признают над собою власти Китая. Народ, населяющий сию страну – тангуты или туботы, самой страны три деления: Кхам, Кхаму или передний Цзан, на запад от Батхана; Вэй или Путала, т. е. великий монастырь, великая Лавра (Хлассы, в древности служившая главным пребыванием Туфана, а ныне Далай-Ламы), или Центральный Цзан; Цзан, главное управление Лацзан, нынешний Течилумбо, служит резиденцией Банченей-Ламы. Если включим крайний запад – Ари, то получатся четыре деления.

Желтая река протекает на северной границе, и на юге «Великая» золото-песчаная река или Иравадди, вливается чрез Бурму в море. Яру-Цзан-бу, проходящая Тибет, есть верхний рукав той же реки, называемой иначе «Черная вода» или «Черная река», которая гораздо шире «Малой» золото-песчаной реки, соединяющейся с Ян-цзы. Западные пределы Тибета суть Гандизри и служат только проходом от Китая к переднему Тибету.

По китайским источникам, вкратце история религии в Тибете может быть представлена так: при царе Стронстан Гамбо, в 617–698 г. до Р. Х. жрецами из Синде вводится буддизм. Зная хорошо языки, они переводят буддийские книги на язык тибетский и основываемые монастыря становятся центрами ученого образования и профессиональных занятий; в XI ст. древний культ демонов или религия Бомпа несколько удерживает перевес, но скоро вытесняется буддистами, которые в XIV ст. известны как ловкие фокусники. Истинная реформация начинается в 1355 г. монахом Цзун-Кхабой, уроженцем округа Амдо, где ныне знаменитый монастырь Кунбум, с сего времени начинается объединение и сочинение диалектических и мистических школ Тибетского буддизма. В XV веке Гедну-Дуб устроит обширный монастырь в честь воплощения Будды, с титулом Далай-Ламы, т. е. «истинно-драгоценнейшего и глубокою мудростью одаренного учителя», и ламаизм становится с сего времени преобладающим; Далай-Лама готовится и избирается с детского возраста, выбор происходит с ведома китайского правительства, для ламаистов монгольских точно также избирается другой лама с титулом «Хутухты» и резиденцией в г. Урге в известном монастыре.

Тибет чрезвычайно изобилует духовенством или «dharani», главным образом состоящим из монашеских орденов с весьма сложной иерархией, живущей всегда отдельно от мест, обитаемых мирянами. Сношения тибетян с Китаем начинаются с княгини Вэнь-чэн, вступившей в замужество с Бзанбо (Btsanpo). Первосвященник Си-фан от императора Кублай-хана получил титул «императорского ученого (instructor)», а его потомство получило и власть светскую. Первосвященник этот, именуемый *Пашпа*, (Paspa), изобрел монгольское письмо, состоящее из 41 алфавитных знаков или слогов, имевших в свое время распространение и употребление в государстве. Сакья-Лама из дальнего Тибета, глава «Красной веры», считается прямым потомком. Основатель Мингской династии продолжает признавать династию князей Пашпа от начала до самого цветущего состояния; Мингский император Юн-Лэ посылает в Пекин в качестве уполномоченного западного ламу (priest) Халима, пользовавшегося большою репутацией святого и получавшего почести «Учителя» (instructor). Между прочим, ему вверялся еще надзор за ежегодно являющимися с податью в Пекин «местными начальниками родов»; обычай этой подати соблюдается и до сего времени, и при Мингах имел особенное значение. Принадлежащие

«Красной вере» не изъяты были также от соблюдения оногo. «Желтая вера» начинается с Цзун-каба или Робзанчакба, уроженца Си-нин (Кан-су) в 1417 г.; свое рукоположение (inspiration) он получил в Тибете, в храме Кандан, умер в 1469 г. Мингская династия любила всегда жаловать «Красное одеяние» древнеиндусского образца разным «князьям по закону», но, с течением времени по разным суевериям и обычаю, религия их испортилась во многом от её прежних форм и принципов, особенно с допущением индульгенций (подобных римским), амулетов, всякого рода бездельных побрякушек и украшений ремесленных и балаганного свойства. Цзун-каба и его два ученика уклонились «хубилхан» или «системы перерождения» и сами заключились в «желтой». Старший из учеников был *Далай-Лама*, второй – *Банчень-Лама*. «Лама» значит «без начальника» лицо самостоятельное, не признающее над собою власти, а «Банчень» известен как «эрдени» т. е. «блестящий, лучезарный» сиятельство, по перерождении «вадьа рапани»; «Далай» предполагает содержащим в себе часть «Авалокитесвара». Все это, однако ж, незначительно и малодоказательно. Гораздо важнее у обоих учения, известные весьма далеко как «Хинайяна» и «Мадгимайяна», имеющие высокое положение для поименованной «Красной веры» задолго ранее Мингской династии. В начале XVI ст. по Р. Х. славится в Китае имя «живого Будды», с понятием о котором соединяются в известном числе «диба» в «хутухту», между коими распределяются обязанности управления. Император Ву-цзун (1506–1522) посылает целую экспедицию в Пекин для приглашения к себе «Далай», но тот упорствовал, так что пришлось обратиться к вооруженной силе для усмирения непокорного. Следующий император Ши-цзун, как бы во вторичное отмщение, принимает даосизм и удаляет прежних лам (bonzes). Далай, *Кенкун-камчо*, наследовав второму Далай, *Дункен-чуба* сменяется в свою очередь более знаменитым по имени *Зонан-камчо*, крайне уважаемым у монголов Кукенора и в области Ордос. Князь Анда, лично ставший во главе управления над Тибетом сделался союзником Далай в Кукеноре, где и был построен великолепный храм, и все племена сходились для питья «вечной воды». Далай склонял монголов оставить воинственные предприятия, в тоже время и князь Анда советовал Далай поддерживать дружественные сношения с Китаем. Следуя этой политике, Далай при отправлении своего посольства, титулуется «Шакьямуни Биклу» и «Красная вера» провозглашается коренною во всем над «Желтою верою», даже присволяет лично себе полубожественное положение. В окружности тысячи миль его власть считалась абсолютною и оставалось такою до самого последнего времени упадка старой формы правления. *Пятым Далай* был *Юн-тан-Камчо*, по происхождению монгол из Дуклон-Канатэ, и умер на 28 г., после 14-летнего царствования. Хотя он не оставил за собою особенной истории, но почитают его за увещания к сохранению мира. *Шестым Далай* был *Лобзан-камчо*. В 1637 г. маньчжурский император Тхай-цзун, будучи доведен до последней крайности, приглашает Далай чрез трех калка-канатов, в Пекин. 1639 г. Велуты (Oelots) подстрекают Далай к политическим интересам и оба ламы, – Цзанг-ба-хан и Гучи, отправляют в Мукден посольства в 1642 г. для присяги в верном подданстве. В 1643 г. отправляются особые чиновники за справкой о здоровье Далай и Банченья, а когда формально укрепился на троне Китая император Шунь-чжи (Shun-Chih) оба ламы и Гучи посылают к нему ценные подарки и искренние уверения в своей преданности и верности. В 1652 г. Далай приходит в Пекин, где восторженно удостоивается приема, получает великолепное помещение, украшается титулами «Будды рожденного для Запада, великим Господином Буддийской веры», и проч.; после всех церемоний столичных, отправляется затем обратно домой с почетным конвоем восьми знамен, под начальством маньчжурского царственного князя. Из четырех тангутских племен, известны следующие – Киам и Кукунор на востоке, Вэй и Цзан на западе. Гучи-хан завоевал два первых при династии Мингов, в то время как Кукунор служил местом для пастбища и заготовления боевой конницы, с области Кхамской собирался земельный налог. Вэй управляем был от Далай – «диба» (diba), а Цзан находился под управлением Цзан-ба. «Диба» по имени Сан-цзе (Saug Kieh) вступал в диспут с Цзан-ба-хан в изложении всех пунктов «Желтой веры», опровергаемой и умаляемой от Лацзана, и, по настоянию Гучи, разгромляет Цзан-ба, ставит Банченья в отношении к себе в соподчиненное положение как помощника в управлении, при совершенном исключении «Красной веры» и «Смешанной» как самостоятельных для их последователей. Эта совершилось в 1645 г. Сан-цзе становится с сих пор надменным и Ву-сань-гуэй (Kwei) старается угождать ему дарами чая. В 1674 г. Ву возмущается, и император повелевает куконорским монголам вступить в Сы-чу-ань путем Сун-пхань. Диба, однако ж, старается порасстроить это дело чрез Далай, и ходатайствует за Ву. Когда Ву Ши-бхань был окружен войсками, принес два трактата куконорским монголам как

приз за их помощь, то их поспешность имела временный успех. В 1682 г. Далай умер и Сан-цзе вступив во владения по смерти, управлял на его месте согласно его прежним планам и распоряжениям, с объявлением, что Далай был всегда «самый высший в его парении под небесем» (т. е. заслуживающим неземные почести). Против калкасов он дает поддержку чжунгарам, возбуждает их к неповиновению китайцам, и, в течении всей своей вражды с Лацзаном, производит на чжунгар нападение из Тибета. Кардан (Галдан) был также одним из четырех союзных Велутских племен, в качестве ламы, он посылается в Тибет и вступает в дружелюбные сношения с Дибой (регент). Похитив трон Чжунгарский, он был уверен в том, что Далай сделает его Пошохту-ханом Чжунгарии. Нынешние калкасы занимают положение другое, сравнительно с прежним, и становятся известны, среди велутов и Тибетом, с 1604 г. (по Р. Х.) возрождения Чептузудампа, третьего ученика Цзун-каба. Цзэцен-ханство Калкаса вступает после сего в военные столкновения с ханством Тушету и император упрощает Далай прекратить оные. Вследствие сего Дибой (регент) тотчас посылает своего Галдана Сирду для устроения мирных соглашений. (Сирду – значит возведенный на престол, то есть первый ученик Далаи). Чептузундампа, несмотря на краткое время услуг, подучил от императора патент на звание «Духовного начальника» и склонил калкасов к принятию галдановых посланцев, которые и были успокоены чрез Тушету. Галдан был осажден калкасами, бежавшими скоро, однако ж, на восток. Советник Дибой, думавший было все уладить мирно, в действительности еще более возбудил воюющие стороны. Произошли разные интриги, в результате коих было то, что, в 1694 г., император пожаловал Дибой (т. е. регенту) титул царя Туботы. В 1696 г. император лично преследовал Галдана почти до реки Керлон, и послал письмо с упреком Дибой в интриге с Галданом при прохождении племени Уранбу. Вскоре Дибой, пользуясь смертью Далай, объявил о своем возрождении, совершившемся на 15 году его возраста. Для большего объяснения, он доложил чрез нарочно уполномоченного, что Банченъ опасается идти в Пекин, так как не имеет привитой предохранительной у себя оспы. Споры при этом о местничестве у Дибой и Цзэ-вана продолжались долго, так что потребовалось выяснение причин оных пред самим императором. В 1705 г. регент пытался отравить хана Лацзанова, наследовавшего ему в нерасположении. Император еще, в признательность за верность, вознаградил Лацзана и даровал ему титул «защитника веры» Лацзан приходился внуком вышеупомянутого Гучи, умершего в 1655 г., уполномоченного с его двумя сыновьями на управление Вэй-Цзана. Ложно поставленный Далай, по проискам Дибой и по его распоряжению отправляется в Пекин, но умирает в Кукуноре. Монголы, с другой стороны, отказываются признавать Далай, поставленного в Тибет, на западе от гор Букта (Да-цзянь-Лу). Означенный Далай простер свои притязания на влияние в Ли-дане (Запад от Да-цзянь-Лу), до «Бла-бзан-риамта» и имел свое перерождение в 1683 г. В течении времени, на двадцатилетнем году, ему подчинились и монголы, живущие в Кукуноре; император, однако ж, услышав о беспорядках в Тибете, направил Далай на жительство в Си-нин, сказочную область при озере Кукуноре, в самый главный пункт настоящего буддизма в Тибете. Скажем о делах Цзы-ван Набтан. Пленный сестрою Лацзана, и получив от неё сына Тан-чжуна, он поселился со своим новым отцом по закону в Или. Император, не доверяя велутам, уверил Лацзана в своем благорасположении к нему и его сыну. Лацзан, будучи доволен до опьянения еще прежними почестями, не обращал, однако, должного внимания на оказание новых. За сто миль к северу от Хлассы в Тенгри-Нор, что значит по-монгольски «Небесное озеро», около 1.000 м. в окружности, существует в северной части обрывистое горное ущелье, с дорогой в Чжунгарию и перекинутым мостом, слегка охраняемыми; здесь-то и жил Лацзан. В 1716 г. Цзы-ван тайно посылает шеститысячный корпус инфантерии, кругом Гоби и Ххотэн. После восьмимесячного пути, он прибывает в территории Тибета, осенью 1717 г., и, под предлогом свидания с Танцзуном и его женой, перейдя мост, ограбил Хлассу, умертвил Лацзана и заключил насильственно нового Далай в тюрьме, при храме Табкури. Татарский генерал в Си-ань был послан в Тибет, с отрядом войска, и монголы Кукунора обещались быть его сотрудниками. Чрез «Муруи-Усу», (т. е. верх р. Янцзы) совершилась благополучно переправа, на берегу р. Хара (Khara) произошла битва, кончившаяся поражением империалистов. Доведенные до нищеты, монголы обращаются с просьбою о милосердии к Далай, тогда как император Канси повелел, не допуская чжунгарам нападать на его границы. В 1719 г., после сего, он посылает 14 сына генералиссимуса на «Муруи-усу», с прикомандированием еще четырех маньчжурских генерал-лейтенантов, долженствовавших атаковать на пути от Кукунора и Сы-чуаня, защищать Алтай и Балкан. Туботы жаловалась на кукунорского Далай за вероломство в Тибете, монгольские князья, в 1721 г., по

воле императора, сопровождали его с великим штатом до Тибета. Как кукунорские, так и батанские колонны войск оказались победоносными, и велуты предпочли за лучшее удалиться до Или.

Букта Далай, поставленный Лацзаном, отправляется в Пекин, за ним следуют и несколько заинтересованных велутов. Один из сановников Лацзана, по имени Канчинай, формально "Дайжи" (daiji), по прозванию Болонай, посылается в передний и дальний Тибет. В воспоминание сего события сооружается каменная таблица, которая и ставится в большом храме Хлассы, в числе прочих древних памятников. Так кончается «тридцатилетняя война на континенте», или «война последовательного преемства Ламы», о которой, при введении буддизма в Китай, задолго прежде сохранилось пророчество в Дарме (Dharma). Вводится же буддизм в Китае при династии Танской неким Падма Самбава. При Канси, калкасы отчасти признают протекторат России, отчасти – Китая, и только будучи под влиянием Чептзун-дамна переходят на сторону Китая.

Вообще же самая религия является в трех ей видах в Тибете:

1. Хун-цзяо = красное учение, древнее, преимущественно магическое и заклинательное; введено Ургенем (Падма Самбава) и распространилось в Непале, и далее на Востоке.

2. Хуан-цзяо = желтое учение, – Буддизм тибетский, исправленный Цзунхабой (1358–1419 г.). Ламаизм.

3. Сян-цзяо = одна из философских школ буддизма, идеализм.

В 1723 г. Чептзундамба приходит в Пекин, и умирает здесь на 90 году; пять лет позднее, его перерождение имело место в Урге. Был построен один храм в Долоноре, для другого перерождения святого, для равномерной почести, по обычаю внутренних молитв. Император Юн-чжэн был очень расположен к буддизму до возмущения Бло-бзан Станчен в Куkenоре, 1724 г., где усмирено шесть монастырей с приведением их к повиновению власти государственной. В том же году вспыхнуло восстание в Тибете против Канчинай; в усмирении непокорных отличился его сотоварищ Балонай и прогнал их до Чжунгарии. После сего, учреждены два военных резидента, один в переднем Тибете и другой – в заднем, каждый с гвардией по 1.000 китайских солдат. В этот год умер Дзун-гар Цзэ-ван, и ему наследовал его сын Цзэ-лен; вследствие чего Лацзан и его два сына принуждены были отказаться от власти. Из них Батан и Лидан присоединились к Сы-чужан, и получили двух помощников из туземцев. Чунь-тянь и Вэй-си удалились в Юн-нань, под покровительство двух *тхин* – или местных управлений. Весь запад Чамбо отошел к Тибету, и Далай удалился в храм, недалеко от Литхан, а в 1729 г., снова в Дайнин (к востоку от Та-цзянь Лу). Всякое лето, войска из Тибета отправлялись для охраны пути Тэнгеринор. Яркандская дорога и Кукунорская достаточно были защищены только природою и монголами. В 1733 году чжунгары просят о мире; Далай удаляется в Тибет; также от 1.500 до 2.000 войска возвращаются к своим местам. Чептзундамба, временно проживавший в Долоноре, также удаляется в Ургу. Пекинский лама узнает скоро, что святая земля Батан и Лидан может быть снова возвращена Тибету; но император только оставляет за собою право подати (taxation), с охраною за то самой страны. В 1738 г. Галдан Цзэнклэн снова делает попытку вступить в Тибет «в область приготовления чая». Болонай, однако, скоро принял меры предосторожности, чтобы Галдан не явился вторично. Три племени Барбу (Ненан) и Ботан (Гручпа) явилась с податью одно за другим. Болонай принял титул «Сиятельное высочество» (Serene Highness).

В 1750 г. возмутился Юрмед, сын Болоная. Наследовав в 1747 г. титул отца своего, согласился быть правителем страны, и просил возвращения китайского гарнизона, и вступил в сообщения с чжунгарами. Китайские полководцы скоро умертвили его, выбрали пожизненного правителя из собственной среды и забрали все в свои руки. Тибетский князь или «Бандита» был подобно Далай-Ламе действительным регентом Цзана, за малолетием шестого Банчен-ламы; он и Цзэ-лэн распоряжались в усмирении возмущения. Независимые отношения между чжунгарами и тангутами приостановились и "Каблон" или совет четырех, при Далай, получил законную власть вместо хана, князей, и проч. имеющих только номинальное значение. Стража резидента возросла на 1.500 чел., с ограниченою властью вмешательства в дела Тибета. В 1757 г. завоеван Или, и Тибет прекращает столкновения с чжунгарами. Шестой Далай умер в 1757 г. В Ургу, нынешнюю столицу в Монголии, Далай-ламою посылается Хутухта, где с 1604 г., устроится храм буддистов, монастырь и школы; между Ургою и Тибетом устанавливаются беспрерывные сношения.⁹²

Велуты всегда обнаруживали свое покровительство крайним претензиям Далай, и под видом «защиты желтой веры» утвердили свое преобладающее владычество в Вэй и Цзане. Когда Галдан возвращался из Тибета, то уже получил от Далай титул «Пошохту-хан»; также точно лживо титуловал себя и Цзэ-ван Лабтан (или Набтан) при своем путешествии в Тибете. Оба патента для сих лиц были награвированы по-санкритски на железных дщицах. На южной стороне Или был воздвигнут монастырь Кхайнук (Khainook), а на северной монастырь Кульджа (Kulja); оба были украшены блестяще, в тибетском вкусе и обеспечены значительными наделями. На церковную кафедру поставлены четыре Сирду (Sirdu), и сооружена вместительная великая Скиния; Амузана провозглашен был ламою Или, он защищает вверенный ему пост и отправляется паломником в Тибет «для чая», с обязательством поддерживать «желтую веру», какую исповедует начальник четырех знамен (Hordes). Кульджинского ламу он посылает к маньчжурскому генералу под тем же предлогом, с сетованием на китайскую резиденцию пред лицом самого Ламы. После поражения своего противника, он овладевает его собственностью. По сему случаю составлена тотчас летописная надпись, гласившая о завоевании и усмирении им «демона в духовном облачении». Скоро, однако ж, появившимися императорскими войсками в Или, монастырь Кульджи был сожжен со всеми находившимися в нем ламами. На место того, император приказал соорудить новый монастырь Иехор (Ieho) для безбедного существования при нем четырех союзных племен. По случаю возмущения Халкасского князя Цзингун-заба, Чепзундамба получил за верность и усмирение непокорных от императора Цянь-луна четыре титула. В 1780 г., в 70-й день рождения государя, является с визитацией в Пекин шестой Банчень, и для него в монастыре Иехор (Ieho) устроится поэтому особенный дворец, по образцу находящегося в Течилумбо. Император, всегда говоривший по-монгольски, по завоевании Цинчуань от мусульман, выучился по-турецки и тибетски; кроме сего он узнал и тангутское наречие, коим и пользовался для объяснений с подданными при публичной аудиенции. По отчету священного статута Далаи и Банчений, они только коленоприклонялись, но не делали полного обряда Кэ-тоу т. е. не падали девять раз ниц и не ударяли челом о землю. В сем случае, император следовал похвальному настоянию Банченя в смягчении для него унижительного "Кэ-тоу". Банчень скоро, однако ж, умер от оспы, и в следующий год препровождены останки в его государство; при чем были посланы 800 человек китайских лам в Течилумбо, для основательного изучения сокровищ библиотеки Далаи. В 7-й или 8-й год управления Далаи, на 22 году возраста, он получил утверждение в своем сане, с титулом «Примирителя всех тангутов». Старший брат Жумба почившего Банченя овладел всеми огромными церковными стяжаниями и миром, собранными Банченем в Китае и Монголии и отказал часть в пользу младшего брата Шемарба, тоже принадлежавшего «Красной Церкви». Кроме сего, 14.000 тибетской кавалерии и 50.000 инфантерии все очутились под властью Далаи, и власть Банченя оказалась лишь чисто духовною; "Дибя", "Тайпинга" и тангутские войска были поэтому не очень значительны и сильны. Обманутый, однако ж, в военной добыче, Шемарба обратился за помощью к чжуркасам (Ghoorkhag), которые за юностью Далаи и испорченностью управителей, скоро явились полновластными хозяевами. В 1792 они наводят на Тибет, но изгоняются великой китайской экспедицией в Непал. После чего, 3.000 варваров и 1.000 китайско-монгольских войск поселяются в Цзане как гарнизон; и с сего времени два маньчжурских резидента являются совместно с Далаи; с совета сих трех лиц и с прикомандированием четвертого из Каблona, составляется годовой бюджет, и ведется инспекция над пограничными проходами и путями. Жумба был вызван в Пекин для наказания, и китайское преобладание утвердилось в Тибете окончательно. Далаи, Банчени и Хутухту, начинают получать свои права и назначение снова, неравномерно, то в Китае, то в Тибете, то в Монголии. После императора Цянь-Луна, этими лицами являются по большей части монголы, и сохраняют «в семействе» княжеские достоинства. По смерти Чепзундамба назначается будущим наследником дитя, имеющее родителя от княгини Тушету-хана. Рождение мальчика, однако ж, стояло в разногласии с пророчествами, суеверно хранившимися у монголов от самого Цзун-Кхаба, который будто написал, что «после шестого Далаи, впредь не будет ни Далаи, ни Банчений, после седьмого поколения».

Когда наступило это роковое время, то обои, и Далаи и Банчень, обратили свое внимание на предстоящую судьбу свою, что не обошлось без некоторого скандала между Жумбою и Шемарбою. Император, узнав в точности о всем, искусно воспользовался возникшим затруднением и устроил дело в свою пользу предложением «системы золотой урны», по которой

Далаи и Банчени должны впредь избираться резидентами от Далаи и Банченя, в торжественном конклаве, пред образом Цзун-кхаба. Точно также и монгольский Хутухта должен был избираться в колониальном управлении, состоящем в Тибете под ведением своего резидента. Чан-цзя, святой из Долон-нора объявил императору Цянь-луну, что за 500 лет, некто Лан-Дарма хан причинил много неприятностей буддийской религии, так что и сам Тибет не укрылся от тех же действий. Он взял копию Лангаватора Сутра, исчезнувшей в Тибете. В ней насчитываюсь 160 святых (гигэнов) Хутухт, занесенных в список в колониальном управлении, предназначавшихся для воплощения Будды и распределенных в разных частях Тибета, Монголии и проч.

Ученый историк Вэй-юань утверждает, что буддизм по происхождению из Индии, которая простирается от Гималая, с Тибета и Непала, окаймляясь на юго-западе рекою Гангом. Отсюда, при Танской династии, переводы сутр сделанные Кумарадживой и Сюань-Цзаном, перешли тем же путем до Ян-Куан и Ю-мынь (дефилии в Кан-сю); Дгарма и другие святые, приходившие морем, на сей раз проникли чрез Тибет, который на самом деле, как думали, не был древним «Царством Будды»; однако ж, во время Монгольской и Минской династий, Тибет был главным буддийским центром. На первых порах, его царственные правители довольствуются китайскими патентами, только Цзун-ниба объявляет свою независимость, которую снискивает и для большей части поименованного государства, так что «желтая вера» оказывает при этом великую услугу хранительницы монгольского спокойствия и благополучия. Буддисты обыкновенно отзываются: «О Манжусри! живи и управляй на веки»!

Монголы суть ветвь туботов, которые, в свою очередь служат отраслью ганадак центральной Индии. Чрез 821 год после Нирвана Шакьямуни, был хан Ватийяна, скрывавшийся после своего поражения на востоке за Индусским Куш (Khoosh), в туземном княжестве. Он сделался основателем дома Ярлун, бывшего рассадником правителей над 818.000 туботов, как Ниатпо хан. Прошло семь один за другим преемников, пока не похитил престол некий Лун-нам, с которого начался поворот законной династии, управлявшейся семью государями. Следовал затем Толи Лун-цзан хан, 2.421 г. после Нирвана (Nirvana); за ним еще, более семи, до Делгезурун-цзан, сына седьмого 2.750 г. после Nirvana. Он замечателен особенно тем, что посылает в Ганадак (Ganadhah) особенных лиц, для объяснения алфавита. Тридцать туботских букв распределялись на четыре тона; из 34 существовавших прежде, отменены были 11, а остальные 23, с 6 новыми буквами тибетского изобретения и первоначальная буква А, образовали вместе алфавит из 30 букв. Помянутый государь был женат на дочери царя Папула (Непал), и затем на китайской принцессе Вэнь-чжен, умершей на 82 г. возраста. Его внук в четвертом поколении женился на китайской принцессе Цин-чжен, дочери императора Су-Цзуна. Сын его воевал с Китаем, и умер без потомства, в 495 г. после введения буддизма в Тибете. Ему наследовал старший брат Лан-Дарма и нанес большой вред религии. После него снова восстановилась законная линия и получила силу, буддизм был восстановлен, из Индии вынесены новые списки Сутр. Это происходило 3,123 г. после nirvana. Союз между Тибетом и Монголией относится по времени после упомянутого узурпатора Лун-Лама. Скоро от одного из законных князей, сделавшихся повелителем четырех Вейратов или союзных монгольских племен, произошел Темучин (т. е. Чингиз-хан), который на 63 г. возраста совершает завоевания с Золотою Ордою, разбивает на 37 г. Аун-хана Кориетского, на 39 г. Тумен-хана Неманского, на 41 г. Нарин-хана Корлосского, и проч., а на 47 г. он приводит себе в подчинение всех двенадцать могущественных ханов земли; не успел только покорить одних тангутов. Он умер в горах Алтая, всецело занятый войною с ханом Ситурку. Старший из четырех сыновей его Чжагантай сделался наследником русского ханства, второй – Джучи (Djudji) – Токмакского ханства, третий Огдай, – великого ханства. Младший сын Тули (Tuli), умер рано, но его второй сын, Кублай, наследовал престол после своего дяди и брата, царствовал 36 лет, умер же на 82 г. возраста. Монгольская династия закончилась быстро с Тимуром (Tokhwan), в 207 г. после рождения Чингиза. Только 60,000 монгольских солдат избежали смерти из 400,000; они собрались при реке Керлоне, где и заложили город Барс-Кото. Армия разделилась на два крыла по 30,000 человек каждая, и ханство продолжало существовать до Даяня в 15 поколении от Чингиза, – простиралось на север пустыни, прочие княжества были на юге. Он собрал 30,000 людей, остававшихся в Папоши (Paposchih), или «храме предков» Чингиза, и умер на 80 г. возраста, процарствовав 74 г. Его потомок Аида-хан делал нападения на Китай около 1570 по Р. Х.

В заключение представленного обзора по истории религиозно-политической, устройства и организации авторитета Далаи и Банченей в Тибете и соседних племенах манчжуро-монгольских,

предлагаем достойную замечания тибетанскую хронологию, она состоит только из знаков зодиака, числом десять и *небесных фигур*. Каждый год делится на XII месяцев, из них вставочный не везде совпадает с китайским; вообще месяц состоит из 30 дней, minus в них означает *dies intercalaris*; в каждом месяце имеют значение 1, 15 и 30 дня.

Тибетские Далаи в их историко-хронологическом порядке суть следующие:

1) *Цзун-кхаба*, иначе *Бло-бзан-Чакба*. Родился в 1417 г. по Р. Х. и, по некоторым знакам, свидетельствующим о его чрезвычайном даровании (*inspiration*), назывался «Карва». Свое воспитание и образование получил у преемников Пашпа и ввел название «желтой» веры и по ней – церкви от случайного цвета, некогда существовавшего на окрашенном колодце (?). В Лацзане или переднем Тибете, его изображениям воздаются особенные почести. Истинная же история сохраняется лишь в Тибетском архиве домашней книги в Хласе. Желтая церковь и вероучение служили лишь продолжением Красной церкви и веры, по замечанию одного европ. ученого проживавшего в Тибете в 1793 г.

Далаи, приемствовавшие Цзун-Кхабе суть:

2) *Дже-гдим Груб-ба* (Цэн-дунь чу-ба). Род. 1391 г. посвящен 1210; настоятель монастыря Течилумбо; умер на 86 г. от роду.

3) *Дже-гдим Рйа-мцзо* (Цзя-му-цзо). Род. 1476 г., основал монастырь *Кунь-Кор-ван*.

4) *Бзод-намс Рйа-мцзо*. (Со-но-му). Род. 1543 г.; проповедовал Желтую веру в Монголии. Монгольские князья усвоили ему титул «Далай-лама Банчень-нортала». В царствование же Вань-ли он титулуется «Великий народный учитель (*instructor*)».

5) *Юн-так Рйа-мцзо*. Род. 1589 г. в семье монгола Кингкор; пришел в Тибет на 15 году, воспитывался у Банчень, получил императорский патент; владел магическою силою; существовал на средства, зарабатываемые печатанием книг и литографированием разных изображений.

6) *Наг-дуан Бло-бзан Рйа-мцзо (А-ван Ло-бу-цзан)*. Род. в переднем Тибете 1618 г., в княжеской фамилии; воспитывался у того же Банчень; в 1642 г. он и Банчень отправляются с податью в Мукден; в 1652 году прибыл в Пекин.

7) *Бло-бзан Ринчень Цзангз-дбиангз Рйа-мцзо (Лин-цзин Цзан-ян)*. Род. 1683 году в Монголии; в 1705 г. Лацзан вопрошал – А-ванч-и-си может-ли быть Далай Ламой?

8) *Бло-бзан Скал-бзан Рйа-мцзо* (Ко-лэ-зан). Род. 1708 г.; на амулетах буд. назывался Кор-цзя-му; получил патенты от императора Канси 1720 г. и Юн-Чэна 1724 г.

9) *Бло-бзан Бетан-бай доан-пхин Гуам-дпал Рйа-мцзо (Ло-цзан Дань-пхай Вань-чу Кэ-цзян ба-рр цзя-му-чжо)*. Род. 1758 г. в верхнем Тибете.

Банчень-Ламы суть следующие:

1) *Кэ-чу-ни-ма-чо-рр-чи-фо-лэ-бу-ко-рр*. Род. 1445 г.

2) *Чу-бай-ван-гу-со-на-ма-чо-рр-чу-ян-ба*.

3) *Кэ-чу-бай-ван-гу-ло-бу-цзан-дун-ю-чу-ба*. Род. 1505 г.

4) *Бан-чэнь-Ло-бу-цзан-чо-рр-цзе-цзя-лэ-цзан*. Род. 1567 г.; в 1612 г. получает подать; умер на 96 году.

5) *Бан-чэнь-Ло-бу-цзан-и-но*. Род. 1663 г.; в 1713 г. получил патент.

6) *Бан-чэнь-Ча-бу-цзун-ба-лэ-дань-и-и*. Род. 1738 г.; в 1782 г. пришел в Пекин.

7) (?) Род. 1782 года; управлял в своей стране на 16 году.

По новейшему китайскому статистическому отчету (т. е. около 1887 г.), народонаселение Тибета очень незначительно. В 1738 г. колониальным правлением насчитывалось 68 городов или «горных гнезд», 30 в Вэй, 18 в Цзан, 9 в Хаме (Kham). 12 в Ари. Население Далаи состояло из 320,500 лам и 121,438 семейств, сосредоточивающихся около 3,150 монастырей. Банчень имеет 327 монастырей, 13,700 лам, и 6,752 семейств. Страна описывается на половину нелюдною, покрытою болотами, ледниковыми горами, с ужасными падениями и повышениями температуры. Город Хласа почитается «землею Будды», и китайский гарнизон расположен в Течи, на две мили отсюда. Постоянное число туземных войск Тибета состоит из 50,000 инфантерии и 14.000 кавалерии; на центральный Тибет приходится 3,000, на дальний (*ulterior*) 2,000, в Ари 5,000; Кхопас – 1,000 и 3,000 первого лагеря тибетян и монголов. Законы, состоящие из 41 гл., весьма суровы. Половина из пожитков и наследства после каждого умирающего человека принадлежит Далаи, другая половина делится по монастырям. К пограничным племенам принадлежит два Ротанских на юго-запад, имеющими 50 местечек (*cities*), 40,000 семейств, 25,000 лам Красной церкви и 120 монастырей. Климат и произведения земли те же, что в Китае, но китайского здесь

мало. На юго-запад, в Парпу (Непал) три племени с 50,000 семейств, сделавшиеся китайскими подданными при Юн-чжене (1723–1736), и позже смешавшимися с Гуркхазами (Goorkhas). Их подать отсылается через Тибет.

Сверх сего есть очень много мелких бродячих племен, сосредоточивающихся более всего кругом Тибета. Из трех больших дорог, одна предназначена для военных и идет через Юн-нань, другая Кукунорская (Kokonor) проходит через монгольские пастбища на 500 миль, отсюда тянется собственно почтовый тракт для официальных сношений, – дорога эта называется Да-цзянь-лу (Ta-tsien-lu). Здесь расположены китайские монастыри, приписываемые по преданию «Ву-сан-гуэй» и все тянутся по дороге к Лари. Крохе означенных, существует много проселочных путей, часто весьма небезопасных и весьма неудобных по естественным преградам. В 1720 г. бивуак из 300 китайских солдат при реке Ва совершенно погиб от мороза, между Цзямбо и Лолун-цзун. Последние 100 миль к Хласе имеют плоскую поверхность, по течению р. Уса, на расстоянии 3.000 кит. ли (1.000 миль) от Да-цзянь-лу. В старых отчетах упоминаются два пути в Дана, страну центральной Индии, одна Будмою, и другая (1.900 м.) Тибетом. Кроме дороги через Ротанов восточной Индии, и через дальний Тибет, Сар, Цзун-ли и Пему-Юн (26 дней) в центральную Индию, есть дорога в Канадгак, в центральной Индии, под другим названием в 2.000 м. на юго-запад от Ари (или Нари). Река Ну или Лу (Брамапутра или Иравадди) окаймляет центральный и передний Тибет на юго-востоке. Тибетские преступники в виде тяжкого наказания ссылаются по ней вверх и поселяются среди дикарей в знак особенной милости. Си-цзан-ци рассказывает, что проходя далее на запад Логи (Lohits), вступают в Ботан (Bhotan), и к дикарям Лу, которые платили подать кожами в Тэн-юэ (Юнь-нань) до 1730 г., из чего можно убедиться, что существовало прямое сообщение из Китая в Индию. По другому отчету, тибетские войска распределяются так: в Хласе конницы 3.000, в дальнем Тибете – 2.000, в Ари – 5.000, в Кхола – 1.000, у черно-лагерных монголов 5.000; кроме сего 5.000 инфантерии расположены в Лари (Ари, Нари), и Тибете, все они тангуты или монголы. Вблизи Течи или Течн (Teshp) подле Хласы расположены еще 600 зеленых китайских войск, сожительствуют с женами Тибета, вопреки строгим военным китайским законам, позволяющим это сожительство только с китаянками.

§ 49. В. Маньчжуро-Монголия и Кашгария, часть Туркестана; упадок буддизма и распространение магометанства

а) Маньчжуро-Монголия и Кашгария, часть Туркестана, состояние в них буддизма, его упадок и замена магометанством, непрочность христианства. б) События в Кашгарии при императорах Цянь-луне и Дао-гуане, мусульмане провинции Гань-су.

Об отношениях Маньчжурии и Монголии, в частности, замечателен очерк г. Паркера (в Chin. Review Vol. XV, № 6), который мы находим не безынтересным и помещаем в выдержке. По мнению автора, маньчжуры входят как составная часть в Монголию. "Монгол" говорит он, прежде всего, есть генерическое наименование, прилагаемое к народу и Монголии, т. е. государству номадов Китая, состоящему ныне из 18 провинций и трех восточных территорий. На западе Китая находятся мусульманские племена, на юге – Тибет, на востоке – Корея, на севере – Россия, – все имеющие оседлое население, обитающее в городах, селениях, им противоположны народы кочевые, без дворцов, хорошо устроенных городов и селений, даже лишенные удобных жилищ, без земледельческих, и других занятий, любящие проводить свою жизнь только под открытым небом, останавливаясь временно в юртах или майхонах, – бродить с пастбищами скота по беспредельным пустыням, – или разъезжать на скакунах и верблюдах и то там, то сям отыскивать удобные для себя и скота местности. Таковы жители севера и юга великой пустыни, на западе джунгары и номады в Хухуноре. В истории, те и другие делятся на оседлые и кочевые; раздельною чертою между номадами служить великая пустыня. Из делений политических неодинаковых по времени и царствованиям заслуживают внимания следующие этнографические категории или группы монголов: 1) внутренние монголы на юге пустыни; 2) внешние монголы на севере пустыни; 3) велуты на западе пустыни; 4) монголы Хухунора. На долю первой группы выпадает Маньчжурия и входит в состав её политического союза. В конце XVII ст. три Халкаских племена на севере пустыни признают подданство, а когда император Канси вел войну против чжунгар, монголы, Хухунора тоже изъявляли свою покорность. Соединившись вместе, означенные три класса составляли одно семейство. Сверх сего велуты, оставаясь неприступными в пространых степях и непокорными Цянь-луну, подвергались его неоднократным нападениям. Северные и южные монголы пустыни по большей части суть потомки Чингиз-хана, и вступают в брачные союзы с императорским маньчжурским домом. Хухуноры или монголы ветви соподчиненной юаньской фамилии, и Туркестана, суть вассалы юаньские. При Минской династии на севере пустыни располагаются: 1) шесть союзов внутренних Джасаков, четыре восточных, граничивших с Чжилийской и Маньчжурской провинциями и, две западных, граничивших с Шан-си, Шэн-си и Кан-сю. Все они составляют двадцать четыре племени или сорок восемь знамен; 3) племя Тумедов от севера Шан-си. Из всех двадцати пяти племен известны наиболее находящиеся в местностях Хуан-хо и на пространстве между Маньчжурией, Амуром, великой стеной и пустыней. С юга они постепенно оказывают давление во все время Мингов. С возрастаньем и усилением маньчжуров подчиняются первыми хорчены (Khorchins), и затем чахары (Chakhars), после них и другие. Они входят в состав военных сил, совершают экспедиции, получают наследные титулы, и в известное время платят подати, исправляют повинности. Таких было двадцать пять племен, или пятьдесят одно знамя, во всем управляемых по образцу восьми монгольских знамен в Пекине, и представляются на аудиенции в трех группах. Не касаясь подробностей в XVII ст. заметим лишь, что внешняя история чрезвычайно богата передвижениями и помесью разных племен монголов-маньчжуров, которые, по завоевании себе права политического первенства в Китае, подчинившись его языку и культуре, сами обогащаются новыми познаниями, создают свою литературу лучшую, очищенную и совершенную. Сами императоры Китая из Маньчжурской династии, подчиняясь китайским обычаям, нравам и законам, заботятся о сохранении и собственно национальных маньчжурских; они даже носят двойные имена – китайские и маньчжурские. Явившись покорителями Китая в 1118 году маньчжуры изгоняются монголами в 1234 г. подчиняясь Чингиз-хану и его потомкам, с 1644 г. они снова завоевывают независимость и даже становятся владыками Китая, создают благоприятные условия для своего просвещения. С литературою китайскою образуется письменность, литература маньчжурская; оба языка взаимно обогащаются усвоениями многих слов и понятий новых. Лучшим временем почитается для маньчжуров царствование Гао-цзуна или Цянь-луна. В свою очередь и монголы успевают,

благодаря особенной энергии буддистов, создать свою письменность и литературу с санскрита, тибетского и китайского языков.

Миссионеры христиан восточных находят поэтому много благоприятных условий в культуре маньчжуро-монголов для проповеди между ними слова Божия и переводов оного на их языки. В XIII ст., по исследованию о. архимандрита Палладия существовало не мало памятников вещественных и литературных, позволяющих несомненно думать, что монголо-маньчжуры, вместе с китайцами, имели не малое число последователей христианского вероучения, отразившего свое влияние на самый буддизм и народные верования даже доселе. К сожалению, при угасшей миссионерской деятельности христиан Востока и временном успехе католических миссионеров в XVII ст., буддизм и ламаизм наиболее оказались сродными духу монголов, маньчжуров и тибетян, а потому христианство между ними имеет мало успеха даже до сего времени, и переводы Св. Писания на их языки далеко не оказывают своего просветительного и образовательного воздействия. Мусульманство, постепенно распространяясь по востоку, в свою очередь увлекает много последователей из монгольских, маньчжурских и других племен, даже среди самих китайцев; буддийское вероучение, смешиваясь с мусульманскими воззрениями и парсизмом, порождает среди азиатских племен разные секты, из коих особенно выделяются современные *Бабиды*, насчитывающиеся в числе нескольких миллионов. Оказывается преимущественно персидско-турецкое влияние и наиболее всего в народах западной Азии, от них же, по непрерывным и разнообразным их сношениям с Китаем, передается и к племенам, его населяющим.

б) В другом очерке Г. Паркера о сношениях маньчжуров с Туркестаном,⁹³ содержится весьма много ценных данных, которыми могут быть объяснены религиозные симпатии и повороты в сознании азиатских народов, наиболее соприкосновенных ныне с Россией и Китаем, а потому сообщаем эти сведения в существенном очертании.

Исторические события, обозреваемые Г. Паркером, на основании китайских и других источников, относятся ко временам китайских императоров Цянь-луна (1736–1791) и Дао-Гуана (1786–1821) и далее. Места действия, на кои обращаем внимание: –Кашгария, территории Вэнь, Западная Азия, Кань-су.

1) *Император Цянь-лун завоеватель Кашгарии*. Магометанские племена Кашгарии (Гуэй-бу), за 2.000 лет тому назад имели 86 городов (city-states) с хорошо организованным управлением в отличие от «Номадных княжеств» на севере Тянь-шань, простирающихся на востоке до Гами. Илийская дорога, проложенная на Урумци, по горам на Нами или Турфин, служила главным большим трактом; другой сокращенный путь лежал по Илийской же на Уш и Аксу, перекрещиваясь в кряже гор Иси (isy). Тающие горные ледники и снега образуют многочисленные потоки и водопады на южных покатостях кряжей и впадают в озера Лобнор или Бу-чан (Pu-ch'ang), или скрываются незаметно в течении Желтой реки. Многочисленные мусульманские города и селения суть недавние представители благоустроенных провинций (states) Ханьского (Han) периода, в коих некогда насчитывалось лишь несколько тысяч душ и несколько сот воинов; прошло двести лет с тех пор, как они были завоеваны чжунгарами. Древний обыкновенный путь сквозь проходы Ю-мынь и Ян-гуань (в округе Дун-хуан), до И-ву (Гами), вел на белоснежные холмы Дракона (великая степь Гоби); чрез Чэнь-чэнь или Ляо-лань (Пиджан) вступали в передний Цю-ши (Kü-shi) или Турфан, где Ганы сохраняли аванпост, – Цяо-хо Тканской и Хо-чу (Ho-Chou) Минской династии. Путь Вэй-сю, 7.290 м. от Ся-ань, Янь-ци (или Гарашар), до гор. Улей (Korla); отсюда до Лунь-дай (Bukur), проход Куэй-цзы (Kuche), на север Заирим, до княж. Аксу; следуют еще три ветви дорог: на север до Усга или Хань-вэй-ту, где на с.-з. живут Буруты; другой путь на ю.-з. к Ярканду и по течению Хуан-хэ до Хотена (Khoten); третий путь р. Улан до Кашгара (древний Сулэ). По сторонам сей последней местности, были многие мелкие государства, и на юго-запад., разных названий, которых города впоследствии обезлюдели и превратились в пустыню. Во времена Танской династии, здесь повсюду господствовал буддизм, заменяющийся мусульманством с царствования Кублая. Примером к такому обращению в особенности послужило государство Тянь-фан, увлекшее за собою весь Туркестан, Магомет признан пророком «беганбар», его учение на языке ислама провозглашено истинным. Махмуд, 26-й потомок пророка, в конце Минской династии (1644), объединяет союз правоверных от Багдада до Кашгара, делается родоначальником братьев Ходжиджан, благосклонно принимается ханами, потомками Чингиза. Города Или, Ярканд и другие становятся местами, наиболее видными, в устройении и распространении мусульманских новых порядков;

увеличиваются новые вассалы и тысячи мусульманских подданных земледельцев; возникают новые должностные лица и власти, – таджики, беги, акхуны, айманы; определяются и новые договорные отношения к китайскому императору и властям. Чего не успевает договор и политика, заложники, то довершает война и расправа палачей, рабская зависимость со всеми тяжелыми последствиями. Насколько предприимчивы и жестоки мусульмане, настолько мстительны и китайские полководцы и солдаты. Китайский генерал Чаовэй с 10.000 маньчжурами и китайцами, посланный из Турфина против Кучэ (Kuche) в 1758 г. разбивает противников, которых Хаджимы спасаются бегством; укрепленный город после отчаянного сопротивления падает и сам император исправляет ошибки своих полководцев личными распоряжениями; Кашгар и Ярканд падают под его власть. Чаовэй с китайскими силами выдерживает страшные препятствия, но выходит победителем, с прочими товарищами, маньчжурским генералом Мингуй, Гоки, Отаем и др. При храме Конфуция был поставлен каменный столб с начертанием на нем побед китайского императора, а по городам разосланы прочие мелкие таблицы в воспоминание одержимых побед. Последствием побед было посольство в Пекин с изъявлением покорности от разных племен, – таковы: Буруты, Андижане, Ваканы, Бодохшане, Белуры, Айвукане (афганцы). Скоро китайский Амбань с подведомственными чинами вступил в управление Кашгаром и городами этой страны. Пунктами сосредоточия власти были: на западе – Кашгар, Ярканд, Янгишар, Хотен, на востоке – Ус (Ush), Аксу, Кучэ. Пиджан, и с Гами – Карашар, Турфан. Кроме постоянно определенной подати денежной и натуральными произведениями земли, китайское правительство нашло непочатые сокровища серебряной руды в Тарбагатае.

2) Из замечаний о подчинении Западной Азии императору Цянь-Луну, заслуживают внимание, по китайским анналам, сведения о разных народностях, которые так или иначе соприкасаются между собою и выражают зависимость от Китая. Таковы джунгары, опоны, киргизы, буруты, монголы, андианцы и бадахшаны с афганцами, велуты (или калмыки). Мусульмане по большей части описываются народом оседлым, живущим в городах и селениях, хорошо благоустроенных, прочие инородцы по большей части кочевые, живущие *ордами* или *Юсу*, делящимися на *вейраты* и другие административные управления (у козаков – киргизов и джунгаров); племенные начальники на севере Тянь-шань называются *отоки*, им подведомственны по несколько тысяч юрт или палаток, с походным хозяйством и скотом. Чрез сих лиц китайское правительство получает подать и начальники племен являются регулярно в Пекин как для сей цели, так и для разрешения разных дел по управлению. При проходе чрез страну Этекена, китайского генерала в 1759 г., начальник племени, вместе с Бурутами, вручил адрес на имя Богдыхана, сравнивая милосердие почитаемого государя с «человеколюбием Сулеймана-Будды, а могущество с Искандеровым (Александра В.), храбрость и неустрашимость с тою, какую имел Рустан (Рустем); при сем сделано заявление, что весь восток Бухары с 200,000 населением рабски предан Китаю, также как и западные племена по Онону, Сулэ, с Сунью и Цюань-тху. К западным мусульманским государствам принадлежали мусульманские Аокане, Хаокхане или Коканцы, и восточные Андижане, за ними Намык-хане, Нам-чине или Наймане, в городах которых управляемых бегами, насчитывалось по несколько десятков тысяч семейств. Главным пунктом был г. Кокан, тогда как Ташкент занимался казаками (или кочевыми киргизами). Бухара наоборот была враждебна к Китаю. В 1759 г. китайская армия, будучи преследуема от Ходжиджана, была принята благосклонно в Кокане, которого Эрдени пригласил китайского генерала письменно, именуя его храбрым, подобно Далаи Шаменду и послал свою конницу в самый Пекин «без кровавого пота», т. е. цельную, здоровую силу. Братья Ходжиджане скоро были пойманы, один зарезан в Бодагшане, другой казнен в Кокане. Коканцы и андижане описываются народом трудолюбивым и способным. Бадакшан – южно-мусульманское государство, с городом, имеющим 100,000 населения, занимает весьма важное место в горных проходах и дорогах, отсюда посылалась китайскому правительству подать деньгами и естественными продуктами. В *Афганистане*, на запад от Бадакшана тоже значительное мусульманское государства с значительными городами – Цзя-пин (Капен, Кабул), Кхандакга (Кандагар) и Ме-ша-де (Мешед), с племенем Илан (Иран Персидск.), Кашмир; они платили подать Китаю в 1762 г. Необходимо заметить, что князья, воевавшие с императором Цянь-луном, были *Ходжи*, т. е. потомки Магомеда. Самое население Кашгарии (или Малой Бухары) было смешанное персидско-турецкое, с преобладанием персов; сарты – суть купцы кочевых турок и потомки уйгуров. Сами бухарцы суть *таджики*, кит. *Дяо-чжи* или Бо-сы, Бо-цзы, доходившие по торговым делам до Пекина, Кантона и др. городов Китая, – называются еще *таранчи* (буква

молотое зерно), в 1864 г. они принимали участие в усмирении дунган или мусульманских мятежников.

3) При императоре *Дао-гуане* в Кашгарии произошли беспорядки, вследствие злоупотребления властей и притеснений чиновников, казенных краж, побудивших многие города к мятежам и восстанию. Илийская крепость, служившая резиденцией главного китайского генерала из маньчжуров, была центром военного управления всею страной, в городах которой были резиденты из маньчжуров, и прочее местное управление находилось в руках бегов. Ежегодно собираемая контрибуция денежная и продуктов поступала китайскому правительству; *Кашгар* платил ежегодно 8,000 или 9,000 веревок чистой монеты, *Ярканд* – 10,000, *Хотэн* от 4,000 до 5,000. Главным лицом, протестовавшим на правительственные злоупотребления властей и защитником народа явился в 1820 г. Ячангир, который в 1826 г. на время успел было освободить совершенно города Кашгар, Ярканд, Иекгишар, Хотэн и другие, от китайцев, но энергические мероприятия Китая, военные силы нарочно посланных маньчжурских войск и других, свыше 50,000, под предводительством маньчжурских генералов, нанесли поражение возмущившимся мусульманам во многих схватках и окончательно при р. Яндама, недалеко от Кашгара. Сам Ячангир был схвачен в сражении при горе Картекай, и доставлен с прочими узниками императору. Вся компания стоила Китаю потери 36,000 войска и 10,000,000 талеров. В подчиненной стране, после долгих колебаний за вручение самоуправления детям Ячангира под надзором Китая, большинством решено было передать эту власть, с ответственностью пред китайским правительством, маньчжурским чиновникам. В 1842 г. к Бухаре присоединяется Кокан. После завоеваний в 1758 г., пространство в 280,000 кит. му, занимается и возделывается колонистами в Чжунгарии и около 30,000 в Кашгарии, для порядка посылаются сюда с особыми привилегиями маньчжурские и китайские семейства чиновников, кроме солдат и китайских купцов. Замечательна характеристика Вэй-юаня, автора маньчжурской летописи, относительно отношений китайцев, туземных мусульман и других, в означенной стране: «Китайские чиновники, говорит он, могут быть рассматриваемы как пастыри-хранители мусульманского стада от Коканского волка, Буруты действуют подобно ночным сторожевым собакам, им следует всегда доверять, особенно когда по примеру событий 1826 и 1830 г.г., на их лай и завывания сбегаются волки».

4) *Мусульмане провинции Гань-су*. Явились в Китае около 756 г. по Р. Х., они известны впервые как участники в усмирении татарского мятежника Анлушаня, при Танском императоре. Они постепенно водворяются в новом Шань-дуне, Хо-нане и Кан-су; а в 841 по 847 г. поселяются в количестве 30,000 вблизи нынешнего Пекина и живут доселе, сохраняя свои обычаи и нравы, изучая только язык китайский, поскольку необходим для сношений общественных и повиновения власти государственной. В простом народе китайском к учению магометанскому, особенно в предметах наказаний и наград, обнаруживалось большое почтение, также как и к учению буддийскому. Из случаев неповиновения или столкновения с властью у мусульман Гань-су известны редкие примеры, бывшие в первое и четвертое царствование Маньчжурской династии; главным образом они объясняются попыткой некоторых предводителей ислама завоевать себе независимые политические права в организация своей общины, помимо власти китайской. В китайской летописи различаются две партии мусульман – «стариков», покорных китайцам, и молодых, составляющих новое вероучение и порядки, а потому не живущих смирно. В 1649 г. некто *Ми-лэн* с партией были наказаны за участие в одном деле; «*черношапочные челарские мусульмане*» – племя очень горделивое, занимавшее Си-нин и стремившееся все устроить по правилам Корана из Мекки, в лице Ма-мин-сина, составившего особую школу сектантов. Сгруппировавшись они не замедлили в 1781 г. дать плоды, т. е. вызвали военную силу китайских солдат для усмирения. Таких людей оказалось не свыше 2,000 против 10,000 корпуса китайцев. Мусульмане заняли горные позиции в разных местах, а потому и потребовалось для усмирения большое число императорского войска. Местами действия были Лань-чжеу, Хуа-лин-шань, высоты Лун-вэй и Хуа-лин. В 1784 г., в местности Дун-вэй, возмущаются под предводительством Акхуна. «Тянь-ву» (новой религии) мусульмане Ши-фын-бу, думавшие таким способом отомстить за смерть наказанного Ма-мин-сина. Потребовался Пекинский «дивизион света» и мушкетеры для усмирения повстанцев, которые, бросив своих жен и детей, сами убежали в горы и одни навсегда скрылись, другие были пойманы и казнены. С сего времени «Новая мусульманская вера» воспрещена и ревнители стали подвергаться заслуженному наказанию в случаях сопротивления власти и самоуправства. Ныне, мусульмане, составляя собою постепенно

увеличивающуюся массу среди Китая, проникают более и более всюду и поддерживая общение и взаимопомощь единоверцев, не преследуются и составляют мирный оплот государства. Теоретически, они делятся на разные школы, определяющиеся более всего под влиянием персидской, арабско-турецкой учености, нежели китайских философов в собственном смысле и особенно буддистов, нетерпимых с точки зрения Корана за идолопоклонство, играющее видную роль в внешнем культе. В частях Китая, наиболее близких к персидской и турецкой границе и Индии, замечается в новое время усиление секты Бабизма. Касаясь мусульманского мира в маньчжурской народности, замечаем наибольшее с ним столкновение, позволяющее предполагать о взаимном знакомстве и влиянии более, нежели собственно китайцев, от коих для себя маньчжуры получают силу устройства государственного и дух административный.

§ 50. Г. Монгольский буддизм в современном его виде

Сила и значение буддистов монголов, преобладание лам; благородные идеи монголов о добродетели, понятие о ней и заповеди, о наградах и наказаниях в будущем, небо и ад, молитва, обеты; перерождение монголов и улучшение, сходство некоторых верований с христианскими, значение и услуги лам, грамотность, суеверия и обманы; хутухта Ургинский – его значение, отрицательные стороны: злоупотребление лам, идолопоклонство, унижение личности, индифферентизм. Указание на авторов, у коих содержатся прочие сведения о монголах

Предлагаем некоторые черты буддизма с практической стороны; буддизма в абстрактном смысле специально не касаемся, но лишь в конкрете, насколько он воплощается и проявляется в жизни и привычках монголов современных, нередко поражающих невежеством или неправильными формами практики, по сравнению с системою вероучения у лиц ученых, в их сочинениях и строе общезнания. Рассматриваем предмет с доброй и дурной стороны на основании весьма метких наблюдений английского миссионера (Chin Recor., v. V. 1874) с собственными замечаниями и дополнениями к оных, составленными при двукратном путешествии по Монголии, в 1880 и 1887 г.

1) *Сила, значение (power)*. Одним из характерных признаков монголов – безукоризненность и благотворность влияния (completeness of the sway) на них собственной их религии. Отправляется ли в дорогу, находится ли в пути, на лошади верхом, или идет пешком, – монгол предовольно и спокойно перебирает свои четки, или напевает любимые мотивы и причитания. На вопрос, при встрече, «куда идешь?» получаете ответ, что «на богомолье» или «с богомолья» из какого-нибудь «дацана» или «кумирни». Если желаете проследить за ним в самом храме, то действительно, всегда находите кучку богомольцев, с их вожаком, часто наклоняющих бритые головы, путешествующих с благоговейным страхом и верою кругом какого-либо священного ковчега (shrine) или пред идолом; эти богомольцы, внимательно осматривая все, стараются схватить, – унести в своей памяти так сказать весь предмет, поражающий их благочестивое чувство и ум. Монгол не только делает простые земные поклоны или коленопреклонения, – он простирается всем телом пред поражающей его святыней, и не только в храме, но и пред могильной насыпью камней на вершинах гор, мимо коих пролегает дорога. Таковы «Обо» – священные курганы, известные наперечет всякому верующему. Когда монголы останавливаются на своих подворьях в известных городах, то часть из них остается для стражи при своем караване верблюдов, а другая часть отправляется на разные закупки любимых или необходимых предметов, даже просто с целью поглазеть на все, но всего более – поклониться известным местам и идолам, побеседовать с ламами, приобрести от них религиозные книжки, мелкие медные образки, картинки, четки или изваяния фигур любимых идолов. После продолжительного монотонного пути в пустыне, любит монгол чрезвычайно остановиться в уединенной тиши пред кумирней, побывать в самом монастыре, которого храмы и памятники всегда вызолоченные, посеребрённые, или раскрашенные пестрыми красками снаружи, издавлек манят к себе взоры путника и производят на воображение свое глубокое впечатление. Многочисленные разноцветные флаги, с молитвенными на них надписями, придают особый эффект как храмам, так и частным постройкам пустынников, которые уютно лепятся точно ласточкины гнездушки около главного места святыни. Войдите в тесные и всегда дымные, походные «юрты» монголов, скучивающихся около монастырей в зимнее особенно время и иногда обносимые деревянною оградой, как напр. в г. Урге. Приподняв слегка фартук походной двери юрты, или отворив одну её дверцу, вы вступаете в убогое убежище, посреди коего – курящийся вечно «аргал» или конский, коровий сушеный помет, иногда – дрова, если близко лес. Здесь готовится кушанье, варится каша, вода «усу», жарится мясо барана; кухонный запах издали приманивает голодающего путника, который часто, не спрашивая о желании приема, по заведенному исстари обычаю, незвано, нечаянно, является погреть руки, полежать около домашнего огонька, выпить теплой водицы или кирпичного чаю, и потом, закусить что найдется у хозяйки. Сами хозяева и гости усаживаются всегда чинно кружком, почетное место – с разными ларцами и на них отлично расписанными «Кумирами» и чашечками с угощением, занимается главою семьи и уважаемым гостем. Иногда эта юрта – довольно большая и вмещает в себе разные кадушки, котлы, чайники, говядину, живых малых домашних животных. Если гость – богатый, или имеющий при себе что-

либо лишнее, он непременно подарит за гостеприимство какую-либо вещь или даст чаю, рису, уступит из украшений одежды, поделится табаком, запасным чубуком или трубкой. Мелкие вещицы, приобретаемые монголами богатыми, по большей части расходятся на этого рода и другие подарки. Гость, остановившийся под вечер, может ночевать, а его конь – неразлучный путник, в свою очередь найдет призор и корм хозяйских караульчиков, – будет неподалеку пастись с прочими, а если это верблюд, и даже несколько, то все они в сторонке около юрты найдут себе воду и корм, и могут вдоволь выспаться; ибо сон для верблюда самое главное в дороге и усталое животное спать, подобно человеку – храпит и пробуждается неохотно, пережевывая свою жвачку. После ужина или обеда, также утром или вечером, можно принести и жертву богам, состоящую из рису, чистой воды, сушеных фруктов или особенных сладких пряничков, изготовляемых китайцами, – поставить и курительные тонкие свечи, тоже особенно изготовляемые для этой цели, даже просто – для раскуривания трубки, которая переходит иногда кружок гостей, из уст в уста, от одного к другому, как знак дружбы. Молитвы произносятся всегда речитативом, для иностранца хотя и монотонно, но не лишены особой гармонии; но большей части впечатление от них тоже, что от колеса, часто вращаемого, и которого форма хранится под именем «Курду» или «Хорбен» у каждого набожного монгола при божнице. Вращая оную, молящийся читает или бормочет и самые молитвы; по большей части – это заклинания от злых духов или благодарения добрым из них.

Монгол чрезвычайно суеверен и в отношении встреч, и выборе места своего пребывания, наблюдает дни счастливые и несчастные, во время отдыха и труда, боится дурного глаза, также – воров, и потому держит ловких собак; хотя к гостям приветлив и ласков, но всегда доволен, когда они удаляются, особенно с благодарностью; он любит чрезвычайно поболтать и узнать новости, которые передаются чрезвычайно быстро и скоро отдаленным пустынножителям. Если, например, русская обыкновенная на верблюдах почта идет два месяца от Пекина до Кяхты, то по-монгольски, на своих скакунах, ездоки монголы могут сообщить её в неделю – две. Ведя непостоянную жизнь, избирая удобные места для скота, монгол следует самым простым привычкам, избегает всякого сложного труда, свойственного земледельцу, промышленному деловому человеку, никогда не может даже составить правильного и падежного капитала, который отдает то правительственным чиновникам, то потребляет на самое необходимое. Без ламы и его постоянного влияния не обходится ни одна семейная юрта, которую тот, по своему сану, оберегает молитвами, заклинаниями и лечением; ламы – по большей части лекаря, – знахари-самоучки, или получающие образование в г. Урге и Тибете. Без совещания с ламою не обходится ни одно дело и простолюдины верят в его. Многие больные, слабосильные, зараженные, выделяемые из семейных юрт в особые и нередко отдаленные места, благодаря надзору и участию этих лам, получают под счастливым небом и выздоровление от опасных болезней. Отшельническая жизнь нигде поэтому так не ценится, как в Монголии, она же и оберегается большим штатом людей, живущих в монастырях и в известное время разъезжающих для религиозных, медицинских и хозяйственных целей по Монголии. Любя монастыри и лам, монголы делятся последними трудовыми копейками для храмов и их служителей. По обету или расположению, они иногда делают значительные пожертвования, по большей части домашними животными или продуктами, получаемыми с них. Китайские чиновники, купцы, нередко довольно бесцеремонно обходятся и позволяют лишние поборы, благодаря слабосилию и беззащитности пустынных обитателей.

2. *Благородные идеи монголов.* Сами о себе монголы любят говорить, что до принятия и распространения буддизма они были большие невежды и блуждали во тьме, отличались большими суевериями и зверством, даже не щадили своих матерей преданием смерти, при достижении оными пятидесятилетнего возраста. За то теперь, говорят они, знают они больше, судят о всем правильнее, поступают лучше, благодаря приобретаемой грамотности и чтению священных книг «Номо», служащих законом в жизни. Наиболее распространенное учение у них – *о бессмертии души, десять заповедей*, в коих раскрываются понятия о добре и зле; следуют затем – учения *о наградах и наказаниях, о человеколюбии, о небесах и аде, наконец – о молитве.*

а) *Бессмертие души* – верование в неё ясно и определительно выражается в будущем так: душа начинается в человеке вместе с телом, кончается со смертью этого тела; душа может в иных случаях жить одинокою, смотря по заслугам человека и его праведности на земле, оставаясь неизменной в её существе и индивидуальную. Но было время, когда душа не

существовала, придет и то, когда она должна кончиться. Такого рода верование, передаваемое разными способами у буддийских ученых, известно и всем старым и малым, мужчинам и женщинам. Тело представляется большею частью подобным келье монаха или птичьей клетке, в коей душа обитать должна невольно; нет дома, нет и хозяина в нем обитающего, и наоборот. Это не мешает, однако ж, душе сохранять её стремления к свободе и независимости, проявлению власти над собою и миром; таким образом она отличается от простого животного и птицы. Даже более, душа существовать может во всяком предмете, меняющем место, двигающемся, летающем: таковы звери, птицы, пресмыкающиеся, которые сами могут продолжать свой род и передавать ему свою жизнь, свою душу. Эта душа, насколько своеобразна и неизменна у каждой живой твари, настолько индивидуальна и неизменна у известного народа, живущего в известной стране, окруженного известными предметами; таковы монголы, отличающиеся от китайцев и других народов. Поэтому, смешение души монгольской не может быть допускаемо ни с какою другою, из опасения изменения её сущности, хотя для *перерождения духовного, и нравственного усовершенствования* желательно, допускается и необходимо для человека. Если таким образом бессмертен монгол, также бессмертен китаец, индеец и всякий народ, раса; также бессмертны души тигра, волка, птиц – не изменяющиеся в их существе и телах, где обитают.

б) Особенно оригинально учение буддийское, заключающееся в *десяти заповедях*, это не заповеди Моисеева закона, но перечень или таблица десяти, так называемых «*черных грехов*», разделенных на три класса, соответственно *телу, слову, уму* (body, tongue, mind). Грехи плотские или телесные трояки: – *убийство* не только человека, но всякого рола умерщвление живого существа даже насекомого, *нечистота, воровство*; грехи языка – четыре: лжесловие (false word), грубое, дерзкое слово, ругань (harsh word), злословие, клевета (slandorous word), суесловие или празднословие, гнилое бесполезное слово (idle word); грехи умственные, или чисто духовные суть трояки: корыстолюбие всякого рода, недоброжелательство, злорадство, еретичество, раскол. Кроме таблицы десяти грехов существуют еще *пять грехов* – «*Забзор огвэй*». «Забзор» есть как бы разлом, неправильность, расщелина или расселина, малое отверстие, в интервале пространства или времени. «*Черные грехи*» как смертные, – весьма дурные, содействующий оные терпит страшные наказания в чистилище, хотя оно и может периодически, постепенно облегчаться с улучшением состояния души. *Промежуточные грехи* суть еще хуже и влекут неминуемо в ад вечных мук. Грехов этого рода – пять следующих: отцеубийство, матереубийство, убийство ученого богослова (doctor of divinity), кровоизлияние Будды (bleeding Buddha?), возбуждение ненависти и свары между монахами. Под доктором богословия разумеется лама чрезвычайно ученый, и соблюдающий обеты сравнительно строже, нежели обыкновенные монахи (priests). Кровавое знаменание на теле Будды – образное выражение, в роде встречающегося в посл. к Евр. 6:6.

в) Учение о *наградах и наказаниях*, составляющее предмет более или менее обстоятельных рассуждений у буддистов, заслуживает особого внимания. Оба предмета – награды и наказания связаны и рассматриваются один с другим совместно. Монгол верит, что его будущее состояние зависит от действий в настоящей жизни. От большого количества добрых дел зависит лестница повышения и в получении наград, наоборот – чем больше будет грехов, тем более будет и наказания. Религия поэтому оказывает свое непосредственное практическое воздействие на душу верующего, который желает путем самоотречения, молитвы, путешествий по священным местам подкрепить свой дух и заслужить награду. Он делает дорогие приношения в кумирни, на содержание лам, с тою же целью. Он кормит голодающего, одевает нагого, освобождает узника, ибо уверен, что это добрые дела, заслуживающие награды; потому же самому, он избегает всего злого, не любит дьявола, благосклонен ко всему справедливому и доброму.

г) *Человеколюбивое обращение* (hamanity) без сомнения для монгола есть один из высших и лучших уроков его религии. В силу этой добродетели он простирает свою любовь ко всякому живому существу, заботясь о неприкосновенности и охране, и тем более избегает насильственного отнятия жизни. Поэтому, рыбы, птицы, даже мелкие насекомые, оберегаются набожным монголом и он боится употреблять в пищу как мясо животных, так рыб и дичи, хотя в обращении с верблюдами, быками, лошадьми, на которых ездит и развозит пожитки, монгол не отличается особенною благосклонностью, и в обращении бывает суров, требователен, но он их не убивает.

д) *Небо и ад*. С идеею о небе монгол соединяет место вечного блаженства, довольства, сожительства со святыми, где нет зимы и стужи, но царствует весна, растут прекрасные деревья

и растения, где плоды и вкусная пища, сладкое питье не истощаются никогда для верующего, и где он не имеет ни в чем надобности, живет беспечно. С адом наоборот, соединяется место пыток, мучений, неудовлетворяемых желаний и страстей, ужасное пребывание бесконечной борьбы и сознание греха. Человек постоянно алчет и не может насытиться, жаждет и не в силах утолить эту жажду.

е) Монгольский буддизм придаст особое значение *молитве*. Ламы по преимуществу отличаются в ней и выражают свою набожность непрерывным чтением разных видов молитв, заклинаний, заговоров и проч., причем перебирают постоянно четки и бормочут так быстро, как вращаемое сильно колесо, которое и употребляется в знамение этой силы молитвы. Монгол, с молитвою соединяет и чтение своих священных книг, которые имеет при себе всегда с изображениями каких-либо своих святых или других богов на груди, в особом ящике, или связке, облачаемой шелковым платком.

3. *Сила и значение обетов*. Монгольский буддизм может похвалиться в сем отношении; каждый благочестивый и глубоко созерцательный верующий стараются неуклонно исполнять эту добродетель, в соединении с непрерывным произношением формулы «*ом-ма-ни-бад-мэ-хом*», имеющей силу отгнания всякого врага и бедствий человека. Магические буквы её, могут быть воспроизводимы на разных предметах – флагах дома, снаружи и изнутри, вместе с прочими молитвами. В каждом буддийском монастыре и городе, этими флагами украшается каждая кумирня, келья, домик богатого человека и убогого нищего.

4. *Способ узнавать тайные намерения при помощи гаданий и других суеверий*. Каждый шаг в жизни благочестивый и благоразумный монгол старается совершать заранее приготовившись и заручившись благоприятными предзнаменованиями. Иначе, он почитает себя несчастлив. Поэтому, он прежде всего по своему молится, призывает на помощь духов и затем всматривается пристально во все, что его окружает, вредит ему или приносит пользу; заботится об устранении всего противного и вредного.

5. *Буддизм переродил монголов* до такой степени, что невозможно видеть в них прежних ужасных и страшных воинов Тамерлана и Чингиз-хана; он смягчил их нравы, удалил от всякой воинственности и ламы, нередко отличающиеся качествами мужества и выправки воинской, на самом деле далеки от кровожадности, разбоев и хищничества, столь обычных у других с ними сродных жителей пустынь. Монголия представляет свободную от насилий обширную площадь, на которой спокойно пасутся стада, тысячи верблюдов, лошадей, овец и других животных, принадлежащих разным хозяевам. Нападения разбойнические бывают как исключения из общего мира и вызываются самыми крайними случаями общей нужды и голодовки, побуждающих братья за оружие и совершать насилие. Общий миролюбивый дух и симпатии монголов простираются и на тех, кто проезжает или временно останавливается в Монголии; к путникам, они относятся весьма ласково и дружелюбно, гостеприимство в общем ходу и обычае. Способ выражения взаимной дружбы и благодарности – также пользуется большим значением.

6. *Многие из современных учений буддизма имеют сходство с христианскими*; нет сомнения, что многие из них суть остаток от времен христианских проповедников, распространивших слово Божие среди монголов. Не касаясь подробностей, ограничимся некоторыми примерами. Напр., сказания о потопе, разрушении мира грешников, награде праведников; Авраам – праотец, от коего происходят благочестивые и добрые потомки; Иосиф и Давид, несмотря на множество врагов и препятствий, достигают славы и почестей; этих трех лиц особенно любят монголы, как и Илию, умножающего хлеб и елей у бедной вдовицы во время голода. Притча о блудном сыне – его поведении и возвращении к отцу, о мытаре и фарисее – совершенно православные; особенно поразительно сказание о добром самарянине, предложившем верблюда для облегчения страдальца, побитого разбойниками. Ламы особенно осуждают при этом священника за его жестокосердие, но охотно прощают, судя по себе, потому, что по всей вероятности он был монах и не мог совершить благочестивого подвига надлежащей помощи, т. е. предложить коня или верблюда. Буддийские легенды для христианского проповедника, если он знаком с ними, открывают очень много подобных поучительных примеров. Наиболее важные пункты учения о жизни благочестивой – как приготовительной к вечности, о воскресении тела, о спасении верою во Христа, о Творце – существующем до творения мира, и управляющем оным силою всемогущества; часть буддийского понятия здесь не редко диаметрально противоречит христианству, но этим не нарушается сходство остальных пунктов.

7. Не касаясь многих недостатков и погрешностей буддизма, его неправильности в учении и практике, с нашей точки зрения, заметим лишь о тех добрых сторонах, какие он имеет для монголов в их стране и отражается на быте. Прежде всего материальное благополучие сего народа стоит в тесной зависимости от лам, а затем от аскетического самоотречения, побуждающего сознательно довольствоваться весьма немногим и избегать всякой роскоши, житейского комфорта, столь свойственных народам оседлым и цивилизованным. Монголов нельзя смешивать с китайцами в собственном смысле.

Что касается лам, то ими наводнена буквально Монголия. Молодой и старый, богат и бедняк, по наружному виду довольно кажущиеся суровыми и недовольными, на самом деле благословляют Бога за жизнь, которую получили от него и пользуются ею; желают идти своею стезею, не нарушая духа молитвы у человека благочестивого и расчетов, коими полон купец и всякий деловой человек. По личному и другим наблюдениям, склонны думать, что шестьдесят на сто мужского населения приходится на долю умеренных; амбиция этих людей по большей части ограничена их религией и соединена с обычным суеверием. Ламы, как бы многие не были ограничены в понятиях, в мнении народа почитаются хранителями веры, оберегателями его интересов. Нет монгольской семьи, в которой бы поэтому не было своего ламы, живущего своею жизнью, преданного всецело изучению св. книг, молитв, лечению, поскольку знакомы с медициной и изучают её более или менее по своему – основательно. Дух ламизма настолько все проникает, что незнакомому наблюдателю все монголы могут показаться ламами, и самое имя ламы – почти нарицательное. Многие главы семейств и родов, окруженные женами, детьми, домочадцами, владеют большими стадами скота и табунами лошадей, верблюдов: ламы – сопровождают их всюду и оказывают те или другие услуги, сверх религиозного исполнения обрядов и молитвы своей религии. Материальное благополучие страны не мало зависит от сего рода богатых и довольных своею жизнью кочевых людей широкой пустыни; ламы особенно помогают в разных сделках, требующих ловкости и посредства, они много знают, часто путешествуют, все наблюдают и потому почитаются мудрецами. Довольствуясь самым необходимым и живя простою патриархальною жизнью, монголы еще более счастливы, ибо не знают мучительных требований цивилизованной жизни. Один лама говорил иностранцу: «Вы иностранцы весьма искусны по своему. Вы имеете телеграфы, пароходы, железные дороги, почтовую систему, издаете множество газет и журналов, книг, пользуетесь мануфактурой, торговлей, медициной; ваша наука доведена до высшей степени совершенства. К сожалению, *одного не достаёт вам – надлежащего познания нашей религии и её священных книг.* Скажу вам откровенно: ваш ум похож на устье цветного кошелька или сумки, связываемой или развязываемой по надобности, чтобы ничего постороннего в лишнего не входило туда. Читая ваши книги, вы обогатите ум ваш новыми познаниями, которые будут расширяться, освежать вашу грудь и питать своими сочными плодами, вы не замедлите почувствовать скоро, что обладаете в уме своем всеми чудесами неба и земли. Если вы умеете писать письма и сообщать оные быстро посредством телеграмм, беседовать издали, то знайте, что и студент, изучающий наши книги сидя в палатке, и увлекаемый привязанностью к науке, в свою очередь овладевает совершенным познанием универса и его законов». Такого рода откровенное признание может почитаться весьма характерным с точки зрения народа, не обладающего пока европейскими изобретениями и усовершенствованиями и вполне почитающего себя счастливым тем, что имеет, несмотря на заботы англичан, русских и других об улучшении положения и усовершенствовании монголов разными способами и путями. Относясь на половину отрицательно, или с недоверием ко всему, что не сродно, или превышает узкий кругозор понятий, монгол почитает это ересью, нарушением своей религии и национальности; он желает, и от других требует, говорить и судить так, как сего требует буддизм, иначе – он не поймет и не примет ничего ему противного; так по части медицины, географии, астрономии, нравственности и догмы. Что же делать человеку, незнакомому со священными книгами монголов? – давать и сообщать лишь то, что существенно необходимо для него и не касаться вопросов, о коих рассуждать бесполезно. Так поступают сами китайцы, по-видимому, более понимающие монголов; они, посредством торговли, мены, передают им сапоги, горшки и чаши, котлы, зерновой хлеб, муку и проч., кроме молока и мяса. Китайские купцы путешествуют по всем направлениям страны своей и Монголии, ведут мену, добывают деньги серебром, золотом, и медью, посредством особенного веса и меры, успевают всюду, пользуются доступом и кредитом. Монголы не отличаются такою находчивостью; они не очень предприимчивы, даже в приготовлении хлеба и одежды – для себя необходимых. Один

лама говорил: «Мы, монголы, умеем одну вещь – войлоки», т. е. предмет необходимый постоянно для лошади, верблюда и юрты.

8. Монгольский буддизм славится ученостью (*learning*) и вообще народной грамотностью; хотя посещает школу правильно и достигает образования только три четверти юношества, но выходит из школы одна десятая часть, умеющая читать со смыслом, знатоков же письмен и языка бывает только самая малая часть. Причина в том, что буддизм для своего изучения требует непременно тибетского языка и письмен, кои вовсе отличны от монгольских. Произношением слов, и именно из священных книг, ограничивается все познание учащегося чтению; по достижении этого совершенства остается пред учащимся другое поле, весьма трудное – уразумение текста, который он читает зря и вслух, не отдавая отчета в идеях и концепции. Только специалисты, ламы и другие духовные лица, доходят до правильного разумения на собственном языке того, что содержится в священных тибетских письменах; большинство же народа, для изучения своего языка родного и письмен, не может обойтись без правительственной помощи. Из лам, читающих как следует по-монгольски, приходится три или четыре на сто; из простолюдинов же, умеющих более или менее сносно читать, приходится тринадцать или четырнадцать на сто. Таково плачевное состояние дела, побуждающее некоторых обращаться к помощи языка китайского. На самом же деле алфавит монгольский легок и немногосложен, так что для изучения гораздо легче английского языка, как в усвоении звуков, так письмен и конструкции. При такой крайности, народ хотя учится священному языку у лам, но неохотно и по нужде.

9. Будучи буддистами или частью – ламаитами, ламы для монголов крайне тяжелы и угнетают национальность более, нежели помогают её развитию, особенно часто подвергают её всякого рода взысканиям. Человек болен, посылают за лекарем, а лекарь – лама, которому нужно дать за труд что-либо. Будет пациент богатый или бедный, он должен заплатить или деньгами, или домашними животными, послать лошадь за врачом и обратно отвезти его, иначе лама не придет; некоторые, впрочем, денег в сем случае не берут, но получают за то после и с процентами. Как при лечении, во время и после, так и при всяком ином занятии. Лама молится и молитве приписывается главнейшее значение; если вблизи есть храм, он идет туда для сей цели. Набожный монгол, помогая ламе, должен поделиться и для пользы кумирни; богатый человек жертвует лошадьми, верблюдами, свиньями, баранами на содержание лам, живущих при известной кумирне или монастыре. Вместо животных и вещей могут быть и денежные подарки, и жертвы. При тяжелой болезни, на смертном одре, монгол бывает покинут всеми и погибает от голода; ни одна душа не придет облегчить его горя, и только, когда умрет, бездыханное тело омоют с молитвою ламы и родных, но затем бросят в пустыне на съедение диким зверям и птицам; – известны всем «собаки-людоеды и волки монгольские».

10. Обман, совершаемый ламами, нередко ставит их в невыгодное положение пред общественным мнением, хотя многие из них совершенно искренни и правдивы, добросовестны. Известны три случая или обстоятельства, в жизни, при которых ламы не могут не лгать или не фальшивить пред людьми. Например:

а) При *Ву-дай* или небольшом храмике с идолом, вне города, при дороге. В течении нескольких дней месяца должен гореть здесь, для освещения пути путешественников, светильник. За это путники обязаны что-либо жертвовать в кумирню; лама, обязанный присутствовать все это время, нередко отлучается, а деньги берет себе, вместо того чтобы сдавать в общую кружку.

б) В случае смерти какого-либо знаменитого ламы и сожжения его тела (по тибетскому обычаю), приготавливают из золы сожженных останков малые белые пилюли с мукою, которые, как святыня, продаются нередко за дорогую цену между набожными почитателями, уверенными в том, что при тяжелых болезнях употребление сих пилюль может быть целебным и даже в будущей жизни избавит от мучений. Такого рода шариков у ламы бывает на запас по несколько и они охотно торгуют ими, с барышом для себя.

в) Система живого Будды. Этот Будда у северных монголов, в Урге, называется «Гэгэн» (*Gegens*). Пекин, славный своими стенами, славится и Хуан-сы или желтым храмом монгольского монастыря, с памятником в честь одного умершего из сих лиц – Банчень-эрдени. Существует поверье, что когда он умер, то моментально возродился, превратившись в живого Будду. Знамением сего перерождения служит религиозное почтение, оказываемое новорожденному

хутухту, особенно избираемому на место первосвященника буддистов и окружаемому большим штатом преданных ему лам, с особенным монастырем и храмом в честь его.

На самом деле всем управляет главный лама, даже «телегой» дитяти, т. е. хутухтой. До тех пор, пока продолжается период младенчества или отрочества для хутухты, он почитается ламами с исполнением божеских почестей, но едва будет приходить в зрелый возраст и начнет действовать самостоятельно, вопреки ламам, как они его умерщвляют вероломно или отравляют неожиданно. И это не почитается грехом. Такими-то «живыми Буддами», следующими в преемственном порядке, поддерживается буддизм и авторитет ламизма. Эти Будды – суть столпы настоящей монгольской религиозной системы.

11. Полная система ламизма заслуживает проклятия (Curse) по замечанию английского миссионера:

а) *В отношении к самим ламам*, которые отличаются порочностью. Самые великие грешники в Монголии без сомнения суть ламы, а их храмы суть центр всевозможных беззаконий; но этого вслух и прямо никто не осмеливается говорить, юридически, и религиозно ламы почитаются на высоте своего положения. Даже явно они могут быть виноваты и достойны строгого наказания, но они так искусно прикрываются друг другом и системой своего вероучения, что и самый грех как бы имеет законное основание и ненаказуемость: ламская система справедливо служит каменным ложем для покоя. Немногие только ламы с честью держат себя и не напрасно носят священную одежду, драпируясь ею не без некоторой напыщенности и сознания своего достоинства. Мальчик, по достижении шести или десяти годов, его родителями и стражами семьи (ламами) непременно предназначается к духовному званию, т. е. признается ламою. Некоторые начинают с сего возраста носить красное платье, брить голову, завертывать в складки верхней одежды священные тибетские книги, связанные между двумя продольными и длинными досками, получать от всех почётные приветствия, подобно ламе. На первых порах это крайне лестно и для юноши приятно, но, по прошествии нескольких лет опыта, он приходит к противному убеждению и часто вспоминает период, когда многое дурное из ламской жизни было ему неизвестно. Давая известные на время обеты, стараются тщательно исполнять оные, или повторять систематически; переживая мучения совести, при нарушении заповеди добра, они стараются забыть самый момент греха, но рады совершить другой, третий, и тогда получают порочное облегчение – совесть не беспокоит. При таком настроении ламы готовы на совершение какого угодно преступления, к которому становятся безучастны и индифферентны лишь бы это не было гласным и не вызывало преследований законной власти. Эти центры ламизма являются зачастую местом совершения всякого рода грехов более или менее тяжких. Урга, – главное местоутверждение монгольских лам – может почитаться тому достаточным примером. Нигде так не развито конокрадство и мошенничество при торговых сделках, как в сем городе, где на площади постоянно шатаются ламы, и вмешиваются в дела монголов. К чести лам, убийства среди их крайне редки и исключительны. Не редко юные возрастом мальчика становятся за то жертвою дьявольских страстей и ухищрений лам, или эксплуатируются ими без особенного сострадания.

12. *Монгольский буддизм лишен разумного богочтения (worship)*. Большая часть молитв совершается на языке тибетском и некоторые из них почти вовсе непонятны для самих лам. Выбор этих молитв, совершение и применение зависит от лам, их произвола. Ламы не переводят сих молитв на монгольский язык, потому, как уверяют они, дабы этим переливанием чистой воды в другую чашу не помутить её, т. е. чистый тибетский священный язык опасаются переменить на простонародный, в коем слово священное может исказиться и дух молитв ослабиться в своей силе и величии. В каждой монгольской палатке или юрте, имеющей ламу, на почетном месте с идолами, расставленными пред ними курениями и жертвою, обращает на себя внимание столбик священных книг в числе десяти, которые прочитываются обязательно однажды в году. Иногда, придя из кумирни после поклонения «Майдеру» и другим Буддам, ламы Ургинские размещаются в числе десяти кругом в своей юрте и долго читают св. книги, каждый свою, иногда между собою говорят по поводу чего-либо им непонятного, даже о других предметах, потом снова читают все до конца. После чего расходятся. Так совершают чтение механически и редко с надлежащим смыслом.

13. *Монгольский буддизм, соединенный с идолопоклонением для человека унижителен*. Для удержания своего молитвенного духа в надлежащей высоте, ламы и монголы часто обращаются к жертвоприношению пред идолами, в соединении с поклонами. Грубая чернь нередко

пресмыкается пред храмами на расстоянии многих сажень, со страхом и трепетом подходить к капищам, или долгое время проводит во вращении молитвенных цилиндров, стоящих рядом пред ними. Сверх сего, ради выражения богопочтения, каждый богомолец, а тем более отец семьи, за счастье почитает что-либо пожертвовать в кумирню, а также ламе учителю или даже корпорации Бакши – т. е. учителей. Звание и профессия эта ценится очень высоко, даже более естественных родителей, а потому ученики всегда находятся под непосредственным руководством и влиянием своего Бакши, ибо главное его попечение – озарение и спасение души питомца. Учитель является в сем случае как бы воплощением самого Будды, всегда в нем обитающего и располагающего к добрым мыслям, желаниям, действиям. Как бы бедны ни были по своему быту монголы, но при их семейных юртах, непременно есть Лама-Бакши. Дети иногда могут почему-либо не научиться монгольской грамоте, но обойтись без воздействия ламы – никоим образом.

14. *Так называемые добрые дела буддистов чаще приносят вред, нежели пользу.* По Священным книгам – оказание помощи измученному домашнему скоту есть дело достойное похвалы и награды. При проезде китайских городов, особенно при воротах г. Пекина, часто встречаются китайские торговцы с клетками и в них посаженными птичками. Буддисты, видя неволю крылатых обитателей, по чувству сострадания, находят удовольствие выкупать их на волю и отпускать за небольшую плату тут же на воздух. Еще более оказывается буддистами сострадания при подаче милостыни несчастным нищим, коих положение, вид на востоке – действительно ужасен. И хотя не велика бывает подачка, но и её достаточно на дневное пропитание. Всем странствующим по Монголии, конным и пешим известно радушие и гостеприимство монголов, оказывающих приют усталым и измученным путникам. Пред домашним очагом, они всегда могут находить теплоту и питание, если в нем нуждаются. Зачастую бывает, что монгол по нужде, несется на своем скакуне огромные пространства, и проголодавшийся, без хлеба и воды, измученный, с величайшим блаженством отдыхает при этом очаге как родной, причем рассказывает все ему известное к удовольствию обитателей. В Урге, в холодное время года, нередко встречаются на площади теплицы из хвороста, дров, кругом которых чинно сидят дрожащие и согревающиеся нищие и другие посетители. Дело согревания есть благочестивое, но требует некоторой жертвы. Пред храмами монастыря, для голодающего народа, в известные периоды неурожая, собирается много народу, для которого варится пища и раздается рис. Такие монастыри особенно уважаются и чествуются, в прочее же время, после угощения и стола братского, остаются крупички для нуждающихся богомольцев и нищих. Таковы дела милосердия и подобные им прочие, коими монгольские буддисты справедливо могут гордиться и почитаться достойными похвалы.

15. *У монгольских буддистов, грешники по действиям, в действительности приходят к индифферентизму.* Сего рода состояние духа зависит, однако ж, не от того, в какой степени грешники не являются строгими буддистами, – оно проистекает и от многих других причин, побуждающих здравомыслящих язычников отрицательно и холодно относиться к ненормальному своему состоянию и не имеющих в тоже время ни благодатных средств, ни достаточного другого образования и знаний, благодаря которым можно было бы душе найти должное успокоение, облегчение и твердую уверенность в истине.

Прочие интересные подробности о монголах и ламах, могущие служить дополнением предложенного нами очерка содержатся в трудах о. *Иакинфа*, преосвященного *Вениамина* Иркутского, архиепископа Ярославского *Нила*, о. прот. *Иоанна* Никольского, (в труд. Иркут. Мисс.), гг. *Тимковского*, *Пясецкого*, *Позднеева* и др.

§ 51. Буддийские храмы и идолы

а) *Чан-тхан-си*, буддийский монастырь деревянного красного идола Будды в Пекине; б) храмы на горе Ву-дай, «Убегун-Манжусри» и «Дара-эгин-сум»; в) главные идолы Будды (фо) – «Матрей», «Фо-му», «Дим-чога», «Цзун-кхаба» и пр.

1. *Чан-тхан-си*, буддийский монастырь деревянного красного Будды в Пекине – по описанию И. Эдкинса. Поименованный монастырь составляет любимое место, посещаемое с благоговением буддийскими богомольцами, особенно монголами, имеет в себе замечательных идолов, коим поклоняются все с величайшим почтением. Собрание сих художественных восточных изображений и прочих предметов святыни, – довольно редкое сравнительно с другими, и вполне археологическое. Монастырь неподалеку от татарского квартала и близок к дворцовым зданиям императорской фамилии; по народной вере, царствующий дом находится под охраною сего святылища, им оберегается от злых духов и влияний. Пред зданием обширная площадь, вместо булыжника покрытая плоскими кирпичами серого цвета; здесь собирается в праздники народ и в 6 день 1 месяца бывает религиозный танец; вывозится на кафедре наружу, в процессии, огромный идол Будды-Матрейи. По сторонам пред храмом поставлены два больших памятника, состоящих из каменных таблиц, на которых начертана полная история монастыря и его сооружений, на языках китайском, маньчжурском, тибетском и монгольском. В первом лицевом зале, весьма обширном, поставлен главный весьма видный идол *Чань-тхань-Фо*, вырезанный из красного дерева, стоячий, высотой 8 футов, покрытый легким красным плащом по буддийскому обычаю. Руки Будды переполнены подарками богомольных монголов, состоящими из разноцветных носовых платков и кушаков, подносимых Бодисатвам – *Су-фо-гуан*. Поднимая дар – “гада”, лама подхватывает оный на длинную крючковатую палку. На фронте круглого ковчега с башенками под столбами, где стоит позолоченный идол, начертано «*хото-мандал*»; у идола навешено очень много драгоценных бус и бисера в виде четок, особенно черного цвета и довольно крупных. Жертвующий гада подходит к Будде по узкой лестнице до самого верха площадки, где он стоит. По объяснению ламы, это отличие было сделано *гэгэну* (Агавиму Будде) от Алошанского племени, пожертвовавшего черное одеяние и дорогие бусы. По сторонам сего Будды стоят два ученика его – идола, один, лицом на восток, другой – на запад; и они имеют дорогие золотистые плащи, – тоже пожертвованные богомольцами. На запад от ковчега стоит еще идол *Жан-дэнь-Фо*, бывшего учителя и изображенного в преклонных годах, а на восток поставлен идол Матрейя, т. е. грядущий Будда. Следуют затем, кругом всех сих, восемь изображений Бодисатв, или божеств второстепенных и меньших по четыре с каждой стороны. Далее, по восточной и западной стенам расположены в ряд 18 Лоханов, принадлежащих к низшему классу. В обширном зале, следующем позади *Чань-дань-Фо*, выделяются три идола огромной величины, обычное представление буддийской троицы, Будды времени настоящего, прошедшего и будущего. На каждой стороне находятся еще идолы 20 богов индусского пантеона, так часто встречающегося в храмах китайско-буддийских; с ними видим представления Браммы, Индры, Сивы, солнца, месяца. Здание, стоящее позади описываемого и далее на дворе – двухэтажное, служит продолжением восточного и западного крыла на том же дворе. В восточном отделении на верху расположены в ковчегах и нишах тысячи малых Будд сидящих; на северной части десять тысяча Будд в виде малых деревянных фигурок поставленных в шкафах по стене.

В среднем помещении расположены меньшие изображения *Вэнь-чжан*, Матрейя, *Чань-лису Фо* или Амитаба. Идол Матрейя выносится в известное время года для религиозного танца с прочими божками. Особенно чтимый Будда – *Дун-гора-борхан*, хранится в особом изящном ковчеге, за ним следует еще почитаемая в Китае – *Фо-му*, по-монгольски *Дара*, т. е. женское божество Будды, Мать-Будда. В центре северной галереи поставлены стоящие мужская и женская фигура Будд; первая имеет четыре лица на одной шее и восемь рук, зовется *Дим-чога*, другая зовется *Яби-юн* или Карамия. Идолы эти, редко встречаются в прочих китайских храмах и здесь служат для украшения, их изобретение не позднее в самом Китае, но несомненно, что индийского происхождения из культа Сивы.

На западной храмовой части расположены изображения, представляющие пятьсот метаморфоз Дара-матери Будды. Здесь же находится и божество именуемое *Жудер-Намжин*, с четырьмя руками, одна поднята вверх, другая книзу, третья держит печать, четвертая с идолом

Абида-борхан. О божестве этом известно на китайском языке сочинение – *Тхо-хуа*. Неподалеку от *Жудер-Намжин*, – «*Намзарай*» сидящий на льве, с крысою в левой руке и с прямым жезлом в правой руке. О чествовании сего бога, говорится подробно в китайской книге *Дун-хода-цзин*.

Следует несколько сказать о божествах монгольских, прежде всего о Чан-заль-борхан и Шакьямуни-борхан; они поставлены на почетном месте. В нижнем шкафу хранятся две огромных богословских буддийских циклопедии – *Ганжур-Данжур*, по сторонам коих стоят фигуры идолов, со священными книгами в руках, обернутыми в желтые покрывала. На полу наброшено в кучу много разных других покрывал желтого цвета, за неимением особых ящиков для хранения. Идолы *Цзун-каба* с двумя при нем товарищами – ламами, также *Матрейя* и *Абида*, с малыми божками, занимают центры помещения. Большое число медных божков поставлены прямо на пол, они, как оказалось по объяснению ламы, были приобретены для кумирни после пожара Юань-мин-юаньского дворца; таким же образом оказались приобретенными сюда и многие книги из того же дворца, здесь спасенные от пламени. Второстепенные идолы изображены в благочестивых позах и расставлены в шеренгу. В зале трех Будд сохраняется также череп для питья из его чашки, наполовину наполненный рисовою водкой, он опоясан тонким кольцом из красной меди. Лицевые кости, во время питья, приходят в движение; головная маковка, затылок, и части боковые только остаются неподвижны, швы равно видимы снаружи. Пред идолами трех Будд поставлен стол со скамеечкой и жертвенными таблицами. Для почетного ламы поближе к кафедре «гэгэна» поставлен другой стул. Гегэн или главный лама, олицетворяющий Будду, сидит на кафедре прямо против идола Будды и лицом к югу. Лама, заведующий в храме порядком во время дневного богослужения, утреннего и вечернего, как и в прочих монастырях, имеет свое место с боку, с красным столом пред собою, на котором положены священные и богослужебные книги, по ним он следит за верным соблюдением церковного устава. Вблизи черепа стоят еще два рога около восьми футов длиною, устроенные подобно телескопу могут быть удлиняемы и сокращаемы; будучи ставимы по надобности на пол и сильно надуваемы они издают звуки то низкие, то высокие. Наставление о том, как разговаривать по мертвому черепу и его рогам, содержится в особой книге – *Дошида-цзин*. Питье отвратительного напитка и роговые звуки указывают на особую мистерию, совершаемую как символ победы буддийской религии над ей враждебными неприятелями.

На дворах храмов *Чань-тхань-Фо* и трех Будд, с особыми дорожками для прохожих и богомольцев, стекающихся в многолюдстве, соблюдается особое чествование божества, – оно состоит в коленопреклонениях и простирании наиболее ревностных, в хождении кругом святыни, падении ниц пред идолами. В разных местах двора поставлены каменные столбики с небольшою плоскостью, заменяющей стол. Таких столиков очень много и на них богомольцами раскладывается хлеб – приношения богам: когда богомольцев нет, двери храмов запираются четырьмя замками, ключи от коих хранятся у особенных лам. Доступ сторонним лицам и отдельным богомольцам допускается с согласия и распоряжения как настоятеля, так и храмовой прислуги. Священный танец *чама-рэ* (ch'an-harain) фактически превратился в буддийскую забаву; в большом «чам» пляшут не более восьмидесяти лам. Матрейя обносится кругом храма в сопровождении многих почитателей, убежденных, что это божество само будет сопровождать их в небесные обители по смерти на земле. Двадцать один лама представляют собою 21 метемпсихозис. Дара Гамзарай. Эрлик-хан, Ямандага, и Махагала, все имеют свое олицетворение при религиозных играх и процессиях. Три представителя местных божеств называются *Гажир*, их представляет *чагань-убегун* (седой старик из местных старожилов), управляющий землею и заботящийся о благоденствии тех, кто молится с ним. Четыре ламы представляют собою Азур (Asuras), и восемь мальчиков – род бабочек или мотыльков, с свирелями в руках, они дуют и наигрывают разные трели, прыгают и скачут довольно забавно и смешно. Ямандаган имеет девять превращений, разыгрываемых разными ламами, его олицетворяющими; они известны под именем девяти *Докшидов*; сверх сих богов, представляются и разные животные, действительные и мифические. Для сих и других священных театралных представлений изготовляются, или имеются наготове, разнообразнейшие костюмы и маски, соответственно разыгрываемым лицам и предметам. Таково праздничное почитание Будды. Известен и другой, малый *чам* в честь *Минэ-богда*, тибетского ламы, жившего 600 лет тому назад. В игре принимают участие 30 лам. Религиозные буддийские игры и представления весьма нередкие в Китае и любимые народом, в них принимающим участие, напоминают средневековые мистерии христианства, или персидские и

магометанские времена новейшего; это лучший остаток времени древнейших народов азиатских и общий их религиям. Соблюдаются они весьма последовательно, медленно, по уставу, все роли распределены строго и выполняются надлежаще, со всеми мелкими аксессуарами, символами и эмблемами.

2. Из прочих храмов с буддийскими ламскими святынями характерны на очаровательной горе и долине *Ву-дай*, по описанию И. Эдкинса; таковы храмы «*убегун Манжусри*» и «*Дара-эгин-сум*». В первом находятся идол с видом старого человека, белой бородой довольно длинной. Он стоит под небольшим балдахин, увешанный разного рода шелковыми украшениями, имея перед собою всегда кучи богомольцев; кругом всей залы расставлены в малых шкафах 10.000 прочих Манжусри, олицетворяющих разнообразные степени и виды воплощений божества и заботливости о спасении людей. Главный идол Манжусри стоит между двумя другими *Самантабгадра* и *Пуан-ин*, и коронован над островерхней шапкой Будды – бодисатвами, означающими разные метаморфозы, держит в левой руке лук, а в правой – скипетр. По цвету Манжусри разнообразен, он может быть красным, белым, черным, зеленым или желтым; чаще всего он имеет в левой руке цвет; он пишется на картине с восемью руками, держит небольшой зонт (*umbrella*), громовую стрелу, колесо и др. вещи, он сидит то на льве, то на лотосе со скрещенными ногами и выступившей ступней. Суеверы убеждены, что он любит необитаемые места, долины, является под видом слепца, пастыря, ламы или другой личности.

«*Дара-эгин-сум*» или храм матеря Будды – очень древний и самый культ сей богине введен при Танской династии, с утверждением сиваизма как религии в Китае и смешением одного с буддизмом, до появления ламаизма, т. е. с VII по XVII ст. Празднество в честь духов умерших (*hungry ghost*), магические движения рук, употребление железных и бронзовых зеркал с санскритскими заклинаниями и чарами, изображения на них матери Будды, принадлежит тому же времени. Храм, посвященный этой богине – «*Дара-эге*» имеет два зала с идолами. В одном представлены 21 метаморфоза Дара, сидящими по установленному неизменно образцу и крестовидно сложенными ногами, правою рукою они слегка касаются цветка лотоса, выходящего из-под сидения. Пышный «*Хао-гуан*» (букв. «славно-косматый») образует задний щит для всего тела, тогда как голова окаймлена цветным круглым нимбом. Цвета, наиболее употребительные – пять. Голова убрана в пять пучков волос с бантами; в другом зале, Пхуса коронован шестью листьями. С левой стороны у каждого идола – поставлен раскидывающийся на стебле роскошный цветок. Сверх прочих, находятся три идола «*сань-бао*», т. е. трое драгоценных. Будда настоящего времени, Будда прошедшего времени, Будда будущего времени; но эти божества служат лишь украшением главного *Дара-эге*, как и многие мелкие изваяния – изобретения художников нового времени. В другом зале, помещен сам Будда и рядом в приделе *Цзун-каба*, основатель ламаизма, живший за четыреста лет до настоящего времени. Изображение его часто встречается на многих картинах.

3. В дополнение к слегка описанным храмам буддистов, и монгольским по преимуществу, следует заметить, что в этого рода храмах и монастырях содержится пантеон художественного творчества, поражающий всякое воображение христианина в необыкновенной изобретательности и разнообразии. Буддийская иконография настолько окрепла и сроднилась с народным кругозором, что раз создав типы не отступает от них и их придерживается везде более или менее однообразно. Буддийские художники, большею частью ламы и тибетяне, при трудности восточных языков в разумении идеи, искусно пользуются всеми средствами разнообразных символов и эмблем на основании священных буддийских книг и народного обычая. Идолы, кроме кумирен и монастырей, распространены во множестве среди народа. Каждый верующий имеет при себе по несколько бурханов – медных или картинок с их изображениями. Это особенный мир, требующий серьезного и специального изучения, в общем – это энциклопедия живая и лицевая всего буддизма, заменяющая справочные словари. «В одной частной коллекции, предназначенной к продаже для любителя буддийских идолов в Сибири, было найдено и описано мною⁹⁴ до пятидесяти фигур разного рода, многие из которых исполнены безукоризненно изящно. Вот названия сих идолов: Ямандага, Ариаболо, Майдари, Чойчжил, Намсрай, Махагала, Нарахаджит, Чжамсаран, Манзошири, Бадма Санбуба, Хламо, Цаган-дара-эхэ, Ногон-дара-эхэ, Адиша, Молон, Дан-чжан-дорлик, Цзанбала, Цзу-дорна-мчжил, Дэмчик, Дартор-дакба, Сэнгэлэн-дан-чжан, Цифэн-данчжан, Пурбохан-раха, Дуйн-хор, Сэн-дэма, Юм-чон-жил, Хаян-хирба, Очир-дарэ, Гунгар, Банчин, Субурга, Вачир-бани, Шицзы-вэйшу, Бодисада, Пуса, Хуа-гун-хуа-цзян и много других. С некоторых из означенных идолов сделаны рисунки,

ныне хранящиеся с прочей китайской коллекцией в Императорской академии художеств, пожертвованною мною в 1888 г. по возвращении из Пекина в С.-Петербург. В сочинениях о. архим. Иакинфа, Тимковского, Позднеева, архиепископа Нила, в «Православном собеседнике», можно найти достаточный материал для объяснения иконографических означенных предметов буддизма. Необходимо заметить также, что между идолами собственно буддийскими не мало есть индусского происхождения и таких, которые собственно принадлежат маздеизму, имевшему в Китае и сопредельных ему подчиненных провинциях, своих издавна поклонников. Буддизм современный представляет во многом помесь понятий разнородных, браманских, зендских, христианских и прочих. Ученым анализом здоровой критики эти сплавы еще не выяснены, а ученых художников специально интересующихся мало. Среди самих китайцев в г. Пекине я нашел одного ученого ламу, который при своем доме в особой кумирне составил на собственные средства драгоценную коллекцию разных идолов и картин. К сожалению, специальных трактатов о подобных собраниях — весьма немного на самом китайском языке. Из наблюдений над творчеством и деятельностью художников в их мастерских, в г. Пекине, пришел к убеждению, что они руководствуются типами, определенными в их иконописных подлинниках или священных книгах, а скульпторы зачастую делают слепки и формы с замечаемых ими образцов, которые у себя хранят и по ним отливают из меди, бронзы, или фарфоровой красной глины, затем позолачиваемой или раскрашиваемой по надобности.

III. Будда, его личность и жизнеописания, священные буддийские книги, – их канон, содержание, разделение, издания; изложение категорий Готама и содержание VI сутр

§ 52. Личность Будды, его учение и школы, названия, северный буддизм в Китае, его особенности и св. книги, их составители и названия сборников

В лице Будды необходимо различать две сущности собственно историческую действительную личность и идеализированную, под которую подводится весь вообще буддизм и с которою соединяется понятие и представление о множестве других Будд. Поэтому, Будда имеет весьма много характеристичных наименований, кои различны по существу и словам, происхождения индийского или китайского и других языков. «Буда», "буд" "Budha" слово санскритское и значит «глубоким сном спящий по телесному существу» или «пробуждающийся от глубокого сна, пробудившийся от спячки», по-китайски – «цзяо», санскритски – "Budh". Другой китайский перевод – «цзин-цзяо», т. е. имеющий истинное понятие о вещах, озаренный светом дня, пробужденный и здраво судящий о всем, также – «цзяо-ву» – получивший ясное сознание о предметах и себе, самосознающий и определяющий. В дальнейшем понимании, под Буддой разумеется, сверхчеловечное существо, без усилий переменяющее свое место, являющееся в мире под известными образами, или вовсе невидимое, по своей воле, всемогущее, свободное от страстей и плотских вожелений, бессмертное, чуждое перемен метемпсихозиса. Наиболее точное понятие о Будде соединяется с представлением о совершенно нравственной и чистейшей природе человека, спасительной для мира, мудрой, великой умственной силе и энергии. По-санскритски, Будда называется еще «Фа», «Фо», «Фу», также "Фо-то", "Фу-ту" и Готама. – По идеальной концепции, Буддой может быть всякий человек, стремящийся к усовершенствованию своей природы и доводящий её до высоты. Предполагается при этом борьба с плотью, чувственным миром, освобождение посредством разных очищений, перерождений, от уз этого мира, стремление ко спасению и других людей от диавола и грехов. В сем смысле, Будда выше царей земных, выше демонов и духов гениев, невидимо управляющих делами людей, выше самих богов обитающих в низших небесах; сам величайший Брахма воздает Будде должное почитание. Число Будд поэтому может быть беспредельно; различаются одни из них уже явившиеся в мире, другие ожидаются, появление тех и других спасительно для человечества и сопровождается великими событиями. Периоды появления Будды обставлены в воображении буддистов огромным и баснословным временем, разного рода легендами – плодом воображения. Из множества Будд вообще известны в определенном количестве бывшие до Фо или Готамы⁹⁵ и непосредственно за ним явившиеся. Будда древний и баснословный называется *Жань-дэн-Фо*, т. е. светоносный, озаряющий мир своим учением "Жу-лай" или *Тафагата*, т. е. пришедший; во многих священных книгах Готамы представляется разговаривающим с сим Буддой. Китайцы убеждены, что *Жань-дэн-Фо* историческое, действительное лицо. *Бгадра Калпа* был первым Буддой, о коем предсказали ранее тысяча ему предшествовавших, самое рождение и жизнь обставлены чудесами; по происхождению он – с берегов Ганга, сын раджи, взят из воды, подобно Моисею, одною царицей и ею воспитан; с возрастом обнаружил необычайные способности и в борьбе всегда выходил победителем. Тысяча юношей состязались с ним, но были разбиты, это были 1000 Будд и Готамы признал их учениками. Семь Будд, явившихся в течении сей Калпы были: *Ви-бо-ши* (санскр. Viprosyn) обративший 348.000 человек; *Си-чжи* (санскр. Sikhim), обративший 250.000; *Ви-шэ-фу* (санскр. Visvabhu), обративший 130.000 человек; *Цу-лю-сунь* (Санскр. Krakuchanda из Браманов); *Цю-на-ше-лю-ни* (санскр. Kupaṇaṇi) тоже из касты Браманов; *Цзя* (санскр. Kasyapa) из Бенаресских Браманов. Будды эти, предшествовавшие Готаме, разными учеными принимаются неодинаково; китайцы убеждены, что все они действительные исторические личности, европейские ученые (Куннингэм и др.) допускают действительность лишь трех последних. Готама или Шакьямуни, седьмой из рассматриваемой калпы – есть действительное лицо, несомненно признаваемое всеми; год рождения его неточен, одни признают 690 до Р. Х., другие 550. Жизнеописаний Готамы чрезвычайно много и о них мы даем понятие в своем месте, пользуясь изысканиями Макса Мюллера.

В XIX т. «Sacred Books of the East» (Oxford, 1883 г.) по изданию Макса Мюллера, содержится перевод жизни и учение Будды с китайского текста, составленного с санскритского оригинала. В введении к английскому переводу S. Beal предлагает ценную характеристику буддийских школ, с особым выделением северной – для русских, имеющей особенный интерес, а потому остановимся на сем предмете и затем скажем о самом каноне буддизма – по замечаниям об

оном в X т. того же издания Мюллера (introduction). Буддизм вообще имеет существенное различие с тем, каким он известен в Непале, Тибете, Китае, Японии, Монголии, особенно отличается в Цейлоне, Бурме и Сиаме, т. е. между школами северною и южною замечаются особенности, не позволяющие их смешивать вместе. Разность эта стоит в связи с племенами народа и усвоенной ими системой на севере и более развитой, осложненной, нежели на юге, где буддийское вероучение сохранилось в примитивной простоте и в том виде, как перешло от основателя к ближайшим и следующим преемникам. Древнейшие школы буддизма несомненно – в долине реки Ганга, развитая же школа одного – в долине р. Инда. В Китае смешиваются обе школы. Северный буддизм может быть разделен в его обзоре на три периода развития, или эпохи: а) *древнейший период*, в котором вероучение сообщается и передается от самого Будды и его ближайших учеников, заносится в книги и понемногу распространяется письменно, будучи известно под названием *Гинайяны*, (Hīṇayaṇa) или «малой телеги», т. е. несовершенного способа убеждения, представляющего «море разумения», б) во втором периоде вероучение становится известным в более расширенном и распространенном виде как и «большая телега» – *Магайяна* (Mahāyāna), коренная идея одного выражается в признании «универсального спасения мира, посредством учения Будды», в) третий период, имеющий несколько неопределенную форму, известен как *Вайпуля* (Vaiṣṇava), и основан на идее об универсе (universal nature), к коему принадлежит всякое живое существо, в своем развитии помогающее полному обновлению природы, из которой и произошли все вещи. Очевидно, это учение, есть вид чистого пантеизма и указывает на период, когда определенная вера буддизма помрачилась погружением в поздний браманизм, если не выродилась снова из него. Явление это подтверждается как книгами буддистов, так особенно историей их сект и раскрытием вероучения в своеобразной системе, причем великий раскол примитивной буддийской церкви в Вайзали (Vaisali), 100 лет после Нирвана (Nirvana), имеет особенное значение. Об этом событии весьма ясно излагается в буддийской исторической летописи начала IV или V стол. по Р. Х., составленной в Цейлоне под названием «Дипавамса». По этой летописи, буддисты Вайзалийские, отделившись от прочих (Theras), составили свою партию и изложили особенности письменного вероучения на соборе, в Дгамма, названном великим собором, – *Магазангити*, с признанием и провозглашением на нем перевода Винайя (Vinaya), в свою очередь переведенного затем на язык китайский Фа-сянем (Fahien), около 420 по Р. Х. После сего, составлен был другой буддийский сборник и последующие, придерживавшиеся одинакового числа разделений – 80.000. Имена этих лиц, по порядку перечисляющиеся суть: 1) *Великий Касьяпа*, собравший Винайя Питака, под заглавием *Дарма-Питака*, затем – 2) *Ананда*, 3) *достопочтенный господин Мо-янь-дин*, 4) *Шенаваза*, или *Ше-на-бо-са*, 5) *безупречный во всем Упагупта*. За ним следуют пять школ, из коих первая начинается с «великого синода» (Great Assembly); имена здесь выделяющиеся, суть: Дгармагупта, Магисасака, Казиапийя, Сарвастивада. С последним именем соединяется название самой школы, как имеющей самое определенное понятие о всех вещах мира настоящего, прошедшего и будущего. Во времена царя Асокарага по возникшему недоразумению его в справедливости письменного закона, один из жрецов буддийских отвечал, что закон «*Дарма*» (Dharma) должен быть устанавливаем по большинству голосов. Царь согласился, и с сего времени образовалась особая секта буддистов, признающих законом решаемое на основании сего принципа – *Магазангити*, или великого собрания, синода; самые же последователи называются Магазангики, разделившиеся впоследствии еще на четыре секты, признаваемые от других еретическими. Священные книги – Винайя будучи списываемы весьма тщательно, понемногу распространяются и даже переводятся с санскрита (Фан) на китайский язык Фа-сянем (417 г. по Р. Х. как заметили выше). В этом китайском списке Винайя упоминается, что редакция канона буддийских правил и вероучения принадлежала несколько ранней школе, отличной от общественной и что составлены были даже другие Сутты (Suttas) и Винайя. В китайской редакции «*Трипитака*» в «вопросах Сарипутра» находим подтверждение того же. В другом произведении – «вопросы Упатисса», принадлежащем школе Магазангинка, встречаются тексты, коих нет в Винайя. В древней части Сутра приводится следующая сцена в Рагагриге, где, на вопрос Сарипутра «кто истинный ученик Будды и кто нет?» приводится ответ Будды: истинный ученик Будды тот, кто внимает и повинуется правилам, таковы Бикшу Бао-цзы, слушающие со вниманием учение Будды о непостоянном мире вещей и стремящиеся всегда к совершенной истине. Ученик, внемлющий преданию церкви есть также истинный буддист, как и тот бикшу, который воздерживается вина. Всякий, с другой стороны, не приемлющий наставлений Будды, или не исполняющий оных, не

есть истинный его ученик. Затем Сарипутра переходит к вопросу о правилах Винайи, воспрещающих или позволяющих вкушение известных родов пищи, особенно мяса, без коего нередко простолюдин обойтись не может. Получается ответ в том смысле, что в пище последователь Будды обязан руководиться соображением самых обстоятельств, тогда как истинный ученик должен обращаться для разрешения сомнения к настоятелю церкви. Таковыми авторитетами почитаются великий Касьяпа (Фо-сян), Анаида, Мадгиантика, Санакавава, Упагупта, Мария Куко (т. е. царь Асока) и его преемник Пу-шья-митра; их писания – *Дармавинайя*, могут служить руководством для всего мира. Следовавший затем период был не особенно благоприятен для буддизма, терпевшего гонение, но, благодаря 500 архатам, ускользнувшим от оногo, сохранились Винайи; а при справедливом царе Майтрейя 300 образованных юношей распространили по миру эти спасенные архатами законы и учение; Дармавинайя были также приведены в порядок и разделены на многие части. Одни бикшу в редакции следовали лучшим текстам и между ними составленном на соборе Касьяпа, другая партия бикшу следовала иным дополнениям и извлечениям, более ошибочным. Так образовались два текста; один – старой школы с черными лоскутами, другой – новой школы, с белыми пропусками (!); первых оказывались мириады, а последних только сотни. Ко второй школе принадлежали Магазангики, в новой – старейшины, называемые *До-бу-лао* или Стгавира. Эта последняя школа получила свой авторитет, как наиболее православная.

§ 53. Жизнеописания Будды, разные сборники и содержание главных, прочие издания на китайском языке в числе XIV и прочие книги буддийского канона: «Трипитака», «Сан-цзин» и «Сюй-цзин»

Жизнеописание Будды в переводе на язык китайский и оригинальных компиляциях имеет много изданий, представляющих вместе довольно большое собрание книг, дающих возможность европейскому ученому установить всестороннее и разнообразное понятие о личности, деяниях, учений Будды и истолковании многих мест комментаторами. С. Беаль, в своем введении к изданиям Мюллера «Священных книг Востока», (vol. XIX) перечисляет четырнадцать биографий Будды и избирает для перевода лучшую под заглавием «*Фо-му-ин-цзань-цзин*», состоящую из пятикнижия, в трех замечаниях, при конце английского перевода (с китайского) присоединяет сравнительный лист для 17-й главы с санскрита и китайских экземпляров Будгакарита, – образчик стиля пространных сутр, известных по-китайски, и заглавия к разным сочинениям о том же предмете.

Содержание книг означенного жизнеописания Будды следующее: *Кн. первая*: 1) Рождение; 2) жизнь при дворце; 3) запустение в Сорроу; 4) воздержанием предупреждается вождение; 5) остатки города. *Кн. вторая*: 6) возвращение из Кхандака; 7) вступление во дворец; воздержания и испытаний; 8) общее горе дворца; 9) миссия служения царя. *Книга третья*: 10) Бимбизара Рага приглашает князя; 11) ответ Бимбизаре Рага; 12) визит Араде Удрараме; 13) поражение Мара; 14) О-вей-сань-бу-ди; 15) распространение закона. *Кн. четвертая*: 16) Бимбизара Рага приходит к ученику; 17) великий ученик приходит к пустыннику; 18) беседа о призревающем сирот и покинутых несчастных; 19) объяснение между отцом и сыном; 20) принятие Гетавана-Вигара; 21) бегство опьяненного слона и Девадатта; 22) лэди Амра вззирающая на Будду. *Кн. пятая*: 23) духовная сила, управляющая летами жизни; 24) разновидности Лингави; 25) Паринирвана; 26) Магапаринирвана; 27) восхваление Нирвана; 28) деление Сарирас.

Прочие жизнеописания Будды, других авторов и разного времени, суть:

I. *Фо-бянь-синь-цзин* в пяти книгах (цзюань), переведено на китайский язык в 67–70 г. по Р. Х.

II. *Сю-син-бянь-цзи-цзин*, перев. в 194 г. по Р. Х., состоит из семи глав – Варга (Varga): 1) картина превращения; 2) Бодисатва в виде духа; 3) состязание атлетов; 4) отступление от наблюдения; 5) домашнее пребывание; 6) шестилетнее воздержание и строгость в жизни; 7) поражение Мара и достижение Буддой совершенной мудрости.

III. *Сяо-бянь-цзи-цзин*, в двух книгах (цзюань), перевод Срамана Ци-яо, в 196 г. до Р. Х.

IV. *Да-цзы-суй-ин-бянь-цзи-цзин*, состоит из двух частей, в первой – поражение Мара, во второй описывается состояние святости Будды и славы; перевод сделан в 222–264 г. по Р. Х., при династии Ву.

V. *Кун-бянь-цзи-цзин* есть перевод Срамана Дгармафала около 208 г. по Р. Х. Несомненно, это первая каноническая книга явившаяся из Капилавасту; делится она на две части, с 15 Варга: 1) обращение к закону; 2) указание перемен; 3) обращение Касьяпа; 4) Бимбизара Рага; 5) обращение Сарипутра и Магдалияна; 6) возвращение в отчизну; 7) история Су-та; 8) история королевы Удиана, и царя Козамби; 9) Готама приходит к Бакшуни; 10) непостоянство; 11) самолюбие (речь Будды); 12) обращение Магакасьяна; 13) обращение Ахбанами; 14) разговор с Нигранфа; 15) Будда вкушает ступню от четырех коней (метафор. выр.).

VI. *Пху-яо-цзин* есть второй перевод из Лалита-Вистара, сделанный индийским жрецом Дармаракша, при западной Цинской династии, около 300 г. по Р. Х.; содержит восемь глав и принадлежит к распространенным книгам буддийской литературы.

VII. *Гуо-цзюй-инь-го-цзин*, в 4-х цзюанях, (436 г. по Р. Х.).

VIII. *Гуо-цзюй-сянь-цзай-инь-го-цзин*, в четырех цзюанях, переведен Гузадгадра в 536 г. по Р. Х., содержание: 1) рассказ о Сумедга и событиях жизни Будды – его рождении, воплощения и проч.; 2) военное ратоборство и победа Бодисатва; 3) встреча Бодисатва с Риши и разговоры; 4) обращение Яза, его отца и 50 друзей.

IX. *Фо-бянь-син-цзин*, переведен на китайский язык Бао-юнь, около 420 г. по Р. Х., в семи главах, составленных метрически из равных стихов от 4, 5 и 7 иероглифических символов в строке.

X. *Фан-гуан-дай-гуан-ян-цзин*, перевод из Лалита Вистара, Срамана Дивакара при Танской династии, известный в 676 г. по Р. Х.; состоит из XII глав и 27-ми секций.

XI. *Сан-цзя-ло-ша-шу-цзи-фо-син-цзин*, перевел индийский жрец из Кофена, около 445 г. по Р. Х., текст писан другим лицом – Сангаракша: книга состоит из 5 цзюаней, содержит историю Будды и распределение его мощей по смерти.

цXII. *Фо-бянь-сын-цзи-цзин*, перевел Гванагупта при династии Цзуй (около 588 г. по Р. Х.); состоит из 60 цзюаней, содержит жизнь Будды до обращения Касьяпа и других.

XIII. *Фо-шуо-гун-ху-мо-го-ди-цзин*, перев. Фа-цин при Сунской династии, в начале 960 г. по Р. Х.; состоит из 2 томов, 13 цзюаней, оригиналом был текст Пали.

XIV. *Шэнь-тхун-яо-и-цзин*, перев. из Лалита-Вистара.

Наилучшим переводом из перечисленных как заметили вначале, почитается несомненно метрический, *Ма-мэнг-бу-са* или Асвагоша Бодисатва, под заглавием «*Фо-шуо-син-цзань-цзин*». Переводчиком был Будга-карита-кавиа, текст писан Бодисатва Асвагоша, двенадцатым буддийским патриархом и современником Канишка. Китайский жрец И-цзин говорит, что гимны, употребляемые в буддийской церкви во время путешествия его по Индии, были составлены и приведены в порядок у Асвагоша, который был музыкантом и поэтом. Счастливое сочетание сих качеств дало возможность Асвагоша перевести стихами жизнь Будды «цветистым слогом», в изящной народной простоте. С этого произведения переводилась жизнь Будды на китайский и тибетский языки, оригиналом же оставался санскрит.

Примечание. При обзоре книг буддийских нельзя не подивиться множеству переведенных на язык китайский, с диалектов Индии, исполненных по большей части индийскими или индо-скифскими жрецами, которые проникли в Китай от Кабула до северных областей Инда. В течении 600 и более лет тянется непрерывный поток преемственно следующих друг за другом учителей и проповедников из Индии и Центральной Азии по Китаю. Результатом является то, что буддийская Трипитака (канон) составляется из разных переводов без соотношения взаимного частей, свидетельствующих только о происхождении буддизма из Индии и стран соседних, в каждом периоде развития. Неудивительно, что наряду с древними книгами Дгаммапада, встречаются и грубой формы Тантра. На вопрос, в какой степени могут быть почитаемы за достоверные китайские переводы? Можно отвечать тем, что переводчиками были люди весьма опытные в знании санскрита и китайского языка. К таким лицам принадлежит справедливо Дармаракша из южной Индии, который на 6 году возраста читал ежедневно 10,000 слов св. кодекса, позднее – он составил около себя целую школу; в Китай он прибыл в 412 г. по Р. Х. и трудился над переводами по 454 г.; в течении сорока двух лет он работал вполне безупречно. Затем является Кумарагива, переводивший сочинение Асвагоша под заглавием «*Да-гуан-ян-цзин-лунь*». К главнейшим китайским источникам будд. принадлежат также: сборник 1000 различных сочинений *сан-цзин*, его составляют: Сутры, Винаи, Абидармы; *сюй-цзан* есть дополнение и продолжение отдельных сочинений по буддизму.

§ 54. Дхаммапада, название, переводы, содержание, разделение; Питака – Викайя, Сутта, Абидгама

А. Дхаммапада а) *Название и переводы Дхаммапада* и прочих книг. После жизнеописания Будды, не менее важное и главное место занимает у буддистов полное собрание разных трактатов, коими определяется догма веры, нравственность и жизнь; таков канон книг Пали «Дхаммапада», переводимый на другие языки (см. M. Müller, *Sacr. Books of the East*. vol. X).

Заглавие буддийского канона – Дхаммапада объясняется различно: в смысле религиозном, это – учение, которое должен признавать и соблюдать всякий буддист; буквально же, *Дхамма* значит добродетель или осуществление, тогда как *пада* есть мир, вещь, степени бытия, *Дхамма-пада*. т. е. «основание религии» или «основные степени религиозного знания» или «стеся, узкие пути религии, добродетели, закона». Будучи сборником изречений, текста закона, Дхаммапада имеет неодинаковое расположение оных: на языке Пали встречаем *дазападам* или собрание десятистиший (*подас*), по-китайски, под Дхаммапада разумеются и стихи закона, (*stanzas*), текст закона, или священный текст.

На китайский язык Дхаммапада переведен у буддистов как северных, так и южных; первый перевод при династии Ву, в начале III ст. по Р. Х., под названием «*Фа-цзы-цзин*», исполнен шаманом *Вэй-ци-лань* и другими.

Китайское «цзы» – стих, изречение, тоже что *гафа* (по тиб.) или полнее – *гафазанграфа*. При каждом таком *гафа* из четырех строк и даже шести, шаман в переводе ставил известный знак содержания, для удобства при последующем объяснении. «*Фа-цзы-цзин*» в оригинале состоял из 500 стихов, и был приобретен из Индии Вай-ци в 233 г. по Р. Х., а переведен на язык китайский с помощью другого индийца «*Цзян-син*». При окончании перевода, было прибавлено 13 отделений, составившим с предыдущими 752 стиха, 14,580 слов (иероглифов) и 39 глав. При сравнении с Пали текстом, китайский согласен с ним, с 9-й по 35-ю гл. (исключая 33-ю), даже в последнем переводе 79-я более нежели в Пали. В самом начале китайский перевод имеет *восемь* прибавочных глав (о невоздержании, и побуждении себя к мудрости, *Sravaka*, простая вера, соблюдение долга, размышление, самолюбие, обращение с другими в беседе), прочие четыре главы в конце (нирвана, рождение и смерть, польза религии, о благополучии), с 24-й и 25-й гл. взято из Пали текста (о преимуществе служения), все прочее в настоящих Пали текстах не имеется.

Второй китайский перевод – «*Фа-цзы-би-ю*» суть притчи, согласованные с учением Дхаммапада, и переведены по-китайски двумя шаманами западной Цзинской династии (по Р. Х. 265–313); скорее, это несамостоятельные притчи, но стихи с пояснениями.

Третий китайский перевод – «*Гу-ян-цзинь*», т. е. Сутра, состоящая из 7-ми томов, которой автор – Дгарма-трада, а переводчик *Гу-фу-нянь*, около 410 по Р. Х.

Четвертый перевод, времен Сунской династии (800 или 900 по Р. Х.); автором текста признается Ария-Дгарматрата.

Тибетский перевод Дхамма-пада, открытый Шафнером, содержит 33 гл. и более 1,000 стихов, из коих около четверти находились в тексте Пали. В Данчжуре тот же сборник встречается в 71 томе Сутр, и за ним следует комментарий – «*Уданавагавивирана*», писан. Акария Прагнаварман.

б) *Содержание Дхамма-пада*: гл.: I, 20, двойные стихи; II, 32, ревностное усилие; III, 43, мышление (thought); IV, 59, цветы; V, 75, безумный; VI, 89, мудрец; VII, 99, почтенный человек (архат); VIII, 115, тысячи; IX, 130, злой человек; X, 145, наказание; XI, 156, старость; XII, 166, сам, XIII, 178, мир; XIV, 196, Будда просыпающийся, недреманный; XIV, 220, удовольствие; XVII, 234, гнев; XVIII, 225, нечистота; XIX, 272, праведник; XX, 289, путь; XXI, 305, смесь; XXII, 319, обратное течение; XXIII, 333, слон; XXIV, 352, жажда; XXV, 382, бикшу (нищий); XXVI, 423, Брамана (архат). К означенному порядку по изданию М. Мюллера, на английский язык, присоединен index слов буддийских, встречающихся в Дхаммапада.

в) В оригинале текст сего канона делится на три *Питака* или корзины (baskets): *Виньяй-питака*, *Сутта-питака*, и *Абидгамма-питака*. Каждая *Питака* состоит из пяти *Никайя*: *Дигга-никайя*, *Маггима-никайя*, *Самийутта-никайя*, *Ангуттара-никайя*, и *Кхуддака-никайя*; последняя из перечисленных (кхуддака-никайя) содержит еще следующие сочинения; 1) *Кхуддака-патга*; 2) *Дхаммапада*; 3) *Удана*; 4) *Иттавутака*; 5) *Сутта-нипата*; *Виманавагг*; 8) *Тьерагафа*; 9)

Тьер-гафа; 10) Гатака; 11) Ниддеса; 12) Патисамбгида; 13) Анадана; 14) Будгавамза; 15) Карийяпитака. По другому делению, полный буддийский канон состоит из пяти *Никайя*: *Дигга-никайя*, *Маггима-никайя*, *Самиутта-никайя*, *Ангуттара-никайя*, и пятая *Кхуддака-никайя*, состоящая из *Винайя* (дисциплина), и *Абгидгамма* (метафизика) с 15 книгами начиная с *Кхуддака-пафа*.

Порядок сих 15 книг различен: в школе Диггабганака допускается только 12 книг, под названием «*Абгидгамма*», тогда как в школе Маггима Бганака принимаются 15 книг под названием «*Сутта-питака*». Порядок последних, с подразделением: 1) Гатака (10); 2) Маганнидеса (11); 3) Кулланидуеса (11); 4) Патисамбгидамагга (12); 5) Сутта-нипата (5); 6) Дгаммапада (2); 7) Удана (3); 8) Итавуттака (4); 9) Виманаватфу (6); 10) Петаватфу (7); 11) Ферлафа (8); 12) Феригафа (9); 13) Карийя-питака (15); 14) Ападана. *Кхуддака-пафа*, следующая кн. во втором перечне, делится в Ниддеса на Мага-ниддеса и Кулла-ниддеса. На Дгаммапада есть свой комментарий, на палийском языке, писанный Будгагоша в первой половине V ст. по Р. Х. В сем комментарии, на каждый или ближайший стихи, приводится притча, для разъяснения смысла учения; метод этот был любимым у Будды в беседа с его учениками и проповеди к народу.

В Pali Dictionary Childers'a, содержится следующее разделение взятое из Трипитака, касательно полного буддийского канона;

I. Винайя-питака. 1) *Вибганга*: том I, начало Парагика, или изгнание для разрешения грехов. Т. II, начинался с Пакиитта, или отпущением грехов посредством покаяния.

2) *Кхандгака*: т. I. Магивагга, обширное отделение. Т. II. Куллавагга, малое отделение.

3) Паривара-пафа, appendix и последнее резюме (25 гл.).

II. Сутта-питака. 1) *Дигга-никайя*, собрание длинных сутта (34); 2) *Маггима-никайя*, собрание средних сутт (152); 3) *Самиуттаникайя*, собрание сутт, имеющих связь. 4) *Ангуттараникайя*, смешанные сутты, в делении их длины; 5) *Кхуддака-никайя*, собрание кратких *Сутта*, (15), а именно: 1) *Кхудакафа*, малые тексты; 2) Дгаммапада, стихи содержащие правила закона; 3) Удана, молитвы в 82 сутты; 4) Интвуттака, рассказы о жизни Будды; 5) Суттанипата, 70 сутта; 6) Виманаватфу, рассказы о Вимана, небесных дворцах; 7) Петавитфу рассказы о Претас – духах умерших людей; 8) Фарагафа, станзы для монахов; 9) Феригаф станзы для монахинь; 10) Гатака, 500 новостей, касающихся рождений; 11) Ниддеса изъяснение некоторых сутт сделанных Сарипуттой; 12) Патисамбгидамагга, путь к различению истины от лжи, и индуктивное познание; 13) Ападана, легенды; 14) Будгавамза, история предшествовавших 24 Будд и Готамы; 15) *Кариапитака*, краткий рассказ о поведении Будды и добрых делах его.

III. Абидгама-питака. 1) Дгаммасангани, исчисление условий жизни; 2) Вибганга, изыскания (18); 3) Кафаватфупакарана, разные рассуждения (1.000 сутта); 4) Пуггалапаннатти, провозглашение личности – пуггала; 5) Дгатукафа, отчет об основных началах; 6) Ямака, десять делений; 7) Патфанапакарана, кн. причин.

§ 55. Сутта-Нипата, прочие тексты Винайя, трипитака в английском переводе и прочие каталоги

Сутта-Нипата, значение сего сборника, разделение на пять книг, их содержание, представления в них Будды, его учение. Самые книги суть: Уравагга, Кула-вагга, Мага-вагга, Амтгака-вагга, Парайяна-вагга; прочие тексты Винайя, их названия, трипитака в английском переводе и прочие каталоги, значение собрания буддийских книг Пекинской библиотеки и названия оных по переводу иером. Алексия

Б. Сутта-нипата. Состав, общее и частное деление, взгляд на Будду и его основные черты учения.

Существует еще весьма ценный древний сборник рассуждений «Сутта-Нипата» важный по языку и содержанию и тоже переведенный по-английски в издании М. Мюллера. (Sac. Books of the East. vol. X). «Сутта-Нипата» делится здесь на пять книг: I. Уравагга, с 12 отд.; II. Кулавагга, с 14 отд.; III. Магавагга, с 12 отд.; IV. Амтгакавагга, с 16 отд.; V. Парайя-навагга, с 17 отд.

Для примитивного буддизма означенный сборник имеет важность по содержащемуся в нем учению, не столько для жизни монастырской, сколько отшельнической, а потому фундаментальные истины излагаются в слабом систематическом зародыше, и Будда лично противопоставляется самой философии (*dumru-darsana*). Во времена же самого Будды, индийское общество представлялось состоящим из многих (именно 63) сект религиозных, из них наиболее известны Саманас и Браманас, имевших своих учеников (Пурана-Касеана, Макгали-Гозала, Агита-Казакамбали и проч.). Все они выводятся диспутантами, и каждый придерживается своего взгляда, убеждения, предания, добродетели и проч. Сам Будда представляется как Самана-Готама и придерживающимся наиболее истины, он озирает свободно все системы и концентрируя их находит смысл в высшем разуме и добродетели.

Каким представляется в Сутта-нипата сам Будда? 1) Прежде всего он *ясновидец* (*visionary*), в добром значении слова, он обладает интуитивным познанием; взирая на все как имеющее недостатки, убожество, он ищет повсюду истины и стремится к миру, спокойствию внутреннему, ведет непрерывную борьбу, всегда торжествует, но никогда не останавливается как победитель, поучает постоянно, непрерывно, живет глубоко религиозною жизнью, он одарен чудесным зрением и все видит издали, таково и его ведение доходящее до проникновения самонаималейших вещей; словом – он есть самбудга т. е. совершенно-всеозаренный, всеведущий, мудрый; 2) Во вторых, Будда есть *аскет-муни*, не имеет определенного дома, семьи в государстве, поэтому он переходит с места на место и избегает домашней оседлости; при этом, будучи окружам подобными же философами, живущими милостыней, ходит с ними, спорит или мирно беседует, находя видимое удовольствие в том, что ничего из вещей ни имеет ни за собой, ни при себе; стремясь к доброду он удаляется от всего злого, всякого рода страсти и вожделения он посягает внутреннею силою воздержания и ума, когда нужно – немного кушает, пьет воду, отдыхает. Любя всюду тишину, везде ищет покой, который почитает желанным для мира благополучием, этот покой он находит в Ниббана, наступающем окончательно с разрушением сознания, прекращением всякого ощущения. Если таково назначение буддиста, как праведника, то что же значит самый грех с точки зрения Будды? Субъективно, грех есть пожелание, похоть (*desire*), во всех разнообразных видах: желание существования, жизни вообще и специально под известным именем, формой, т. е. пожелание индивидуального существования. По той мере, как желает сего последнего и живет в мире со всеми, он сам становится мирским и уже со дня рождения до смерти состоит таким; на свое существование он взирает как на течение к смерти; непрерывного перерождения своего (*Samsara*) не сознают только невежды. Желание зарождается в теле; грех связан объективно в составе или материи, а потому и человеческое тело почитается участвующим в оном.

Что же самое блаженство? Субъективно, это освобождение (*emancipation*) от середины мира, о коей проповедует Будда; объективно, состоит в освобождении от тела и материи. Поэтому, мудрец должен давать элементам существования, пред духовными потребностями, второстепенное значение, – достигать святости постепенно, – не привязываться к реальному бытию, – подобно светильнику сиять в мире, и видеть все умственно, – быть спокойным во время

бурь и треволнений, по имени и телу сохранять себя неизменным и отличным от прочего мира вещей.

Каждое отделение из пяти вышепоименованных книг Сутта-нипата, может быть рассмотрено в следующем виде.

Книга I. Ура-вагга. 1) *Урагасутта*: бикшу сообщает, что все человеческие страсти могут быть сравнены с игрою тонкого слоя кожи, покрывающей его тело (текст и перевод Шпигеля в *Anecdota Palica*). 2) *Даниясутта*: разговор между богатым содержателем стад Дания и Буддой, один наслаждается своим мирским благополучием другой – силою религиозного сознания и убеждения. Прекрасный образец подобного разговора см. в притче Ев. от Лк. 12:16; 3.3) *Кхаггавизана-сутта*: семейная жизнь и сношения с разными людьми, в своем течении принимает от общества и все пороки; вследствие сего рода испорченности общества потребна и жизнь отшельническая как наиболее чистая и идеальная. 4) *Кизибгарадияга-сутта*: Браман Кизибгарадияга упрекает Готаму в праздности и тщеславии, но последний его разубеждает своим учением и творениями, так что Браман сам и его семья признают Будду святым и обращаются к нему. (Ср. Sp. Hardy «A manual of Buddhism» p. 214; и Ев. от Ин. 5:17). 5) *Кунда-сутта*: Будда приписывает четыре разных Саманас Кунде-кузнезу. 6) *Парабгава-сутта*: разговор между богом и Буддой о вещах, по коим человек, теряется и обратно приобретает в сем мире. (Текст см. Grimblot, в *Jour. Asiat. t. XVIII* (1871) p. 237; transt. d. Feer, *ibid. t. XX* (1872) p. 226; Gogerly repr. *ibid. t. XX.* (1872) p. 226). 7) *Вазала-сутта*: Браман Аггиабгарад-яга обращается Буддой, по выслушанию его определения об одном изгнаннике с объяснением сказания о некоем Матанга. (Ср. Sp. Hardy, «The legends and Theories of the Buddhists» p. 49; текст и перев. Alwis Buddhist Nirvana, p. 119). 8) *Метта-сутта*: миролюбивый дух и доброе настроение воли угодны Богу и всеми разумными существами испрашиваются в молитве. 9) *Гемавата-сутта*: разговор между якшасами о качествах Будды, после чего они собираются около Будды, говорят с ним и сто из них обращаются к нему. 10) *Алавака-сутта*. Якхалавака первый вступает в беседу с Буддой и убежденный его учением обращается к нему. 11) *Вигайя-сутта*; размышление о тленности и преходящем состоянии в мире человеческого тела; последователь Будды взирает на оное как на реальное и в конце всего вступающее в состояние Ниббана, 12) *Мунизутта*; определение Муни.

Книга II. Кула-вагга. 1) *Ратана-сутта*: Будда, Дамма и Санга, суть единственные в мире, коим обязаны в спасении все существа. 2) *Амагандга-сутта*: униженный дух и порочный оскверняет человека, до такой степени грех овладевает им, что даже не предвидится никаких средств к очищению и спасению от оного. (Ср. Еванг. от Мф. 15:10). 3) *Ниризутта* об истинной дружбе. 4) *Магамангала-сутта*: высшее блаженство Будда находит в Божестве. 5) *Сукилома-сутта*: Яккха Сукилома уговаривается изменнически нанести вред Будде в том случае, когда получит ответ на его вопросы. Будда отвечает в том смысле, что все страсти происходят от тела. 6) *Дгаммакария-сутта* или *Капила-сутта*: бикшу увещаются остерегаться от грешных людей и приглашаются к чистой жизни. 7) *Брамана-дгаммика-сутта*: всесветные Браманы являются к Будде, и вопрошают об обычаях древних Браманов. Будда описывает их образ жизни и перемену происшедшую в нем лицезнением богатого царя, которого они доводили до совершения греха с тварями, обрекаемыми на убиение и жертву. Браманасы, по выслушании блестящего рассуждения Будды, принимают его сторону и становятся буддистами. 8) *Нава-сутта*: о выборе доброго и ученого учителя. 9) *Камзила-сутта*: о получении высочайшего добра. 10) *Уттгана-сутта*: увещание не быть ни слишком медленным, ни ленивым. 11) *Рагула-сутта*: Будда рекомендует замкнутую жизнь в Рагуле, и увещевает не думать о мире и быть воздержным. 11) *Вангиза-сутта*: Вангиза желает знать о судьбе Нигродгакаппа, в его цветущую пору сил и развития, и затем когда стал довольствоваться самым существенным в жизни. Будда отвечает на то. 13) *Саммапари-брагания-сутта*: правая стезя добродетели для бикшу. 14) *Дгаммика-сутта*: Будда доказывает Дгаммика, что жизнь бикшу и жизнь домохозяина должны быть допустимы.

Книга III. Мага-вагга. 1) *Паббагга-сутта*: царь Бимбизара чувствуя интерес в испытаниях Будды, старается его искусить вместе с избранными из мира, но Будда весьма тонко приводит его в замешательство и к убеждению противоположному. 2) *Падгана-сутта*: Мара искушениями своими пытается Будду, по обескураженный, вынужден отказаться от продолжения преследования. (Ср. Еванг. от Мф. IV). 3) *Субгазита-сутта*: о языке удобопонятном всему миру. 4) *Сундарика-бгарадвага-сутта*: Будда объясняет, какие жертвоприношения суть наилучшие, с чем в заключение и соглашается Брамана. 5) *Магха-сутта*: разговор Будды с Магха о жертвах, заслуживающих внимания и благословения. 6) *Сабхия-сутта*: Сабхия – один из славных

учителей своего времени, для решения некоторых его мучивших сомнений, обращается с вопросами к Готаме, затем переходит к Брамана, Самана, Нагатака, Кеттагина, Кузала, Пандита, Муни, Ведагу, Анувидита, Дгира, Аганийя, Соттийя, Арийя, Караванату и Париббагака. На вопросы отвечает Бгагават, после чего Саббийя получает одеяния и правила буддийского устава. 7) *Села-сутта*: Кенийя, Гафила, приглашает Будду с его собранием принять участие в яствах, ему поднесенных для следующего дня. Села, Брамана приходит на то же место со своими 300 юношами; глядя на совершенные приготовления к столу, он вопрошает о причине и узнает, что Будда скоро ожидал уже и его. При слове «Будда», Села вопрошает – где живет Будда? поспешает в место его обитания, разговаривает с ним и обращается к его учению, а за ним и его последователи. 8) *Салла-сутта*: жизнь кратка, все люди – смертны, но узнать кончину мира предусмотреть не в силах – даже мудрый; и кто сумеет прожить без печали, тот заслуживает благословение. Текст из Дазарафа-Гатака. 9) *Вазеттга-сутта*: происходит диспут между двумя юношами, Бградвага и Вазеффа, по рождению один от Брамана, другой верит тому, переходят к разговору о Самана Готаме. (Перев. см. у Alwis Buddhist Nirvana, p. 103). 10) *Кокалийя-сутти*: Кокалийя вопрошает Сарипутта и Моггалана о Будде, который по словам, живет подобно солнцу, повсюду ходит, спускается даже до ада Падума, и все замечая – впоследствии передает в рассказах свои наблюдения над муками бикшу. 11) *Налака-сутта*: Иззи-Азита, по прозванию Кангазири, взирая на блаженство богов вопрошает о причине одного, узнает – что там родился Будда и сошел с небес Тузита. Когда Сакья соделался младенцем, с радостью был принят по пророчествам о нем. Будда объясняет Налаке – сестре Азита, в чем состоит мудрость. (Ср. Лалита-вистара, Abhyaya VII; Asita and Buddha or the Indian Simeon, by I. Muir in Indian Antiquary, Sept. 1878 г.) 12) *Дийятанупассана-сутта*: весь хлеб или жизнь в мире проистекает от upadhi, avigga, samkhara, vinnana, phassa, vedana, tanha, upadana, arambha, ahara, ingito, nissya, rupa, mosadhamma, sukho.

IV. Атггака-вагга. 1) *Кама-сутта*: необходимо избегать чувственных наслаждений. 2) *Гухаттхака-сутта*: не должно склоняться на сторону жизни плотской и удовольствий чувственных. 3) *Дутт-хаттгака-сутта*: Будда не стремится к цензуре, которою бы задерживались всякого рода системы философские, – он лишь желает сохранять свою независимость от всех их. 4) *Судгаттхака-сутта*: без очищения себя философией, никто, желающий чисто философствовать, не может обойтись без учителя; для мудрости не требуются страсти, ни всякого рода пожелания чего-либо в мире. 5) *Параматтгака-сутта*: не должно стремиться самому лично к философским словопрениям; для Брамана должна существовать и иметь силу одна философия, неизменяемая, свойственная Ниббана. 6) *Гара-сутта*: от себялюбия свойственно переходить к скорби и скупости. Бикшу, удаляющийся от мира, живущий в пустыне и бездомный, – независим, и выше всего должно почитать для себя и другого очищение (от греха). 7) *Тиссаметтейя-сутта*: половое излишество и похоть должны быть устраняемы. 8) *Пасура-сутта*: пустые спорщики нередко почитают друг друга глупцами, требуется умолять их о примирении, на что они соглашаются не скоро и весьма неохотно; не в диспуте должно искать желаемого очищения (мысли), но в хранении себя подобно Будде далеком от всякого греха. 9) *Магандийя-сутта*: диалог между Магандийей и Буддой. Старый Будда предлагает в жену свою дочь, но Будда (настоящий) отказывается от сей чести. Магандия убежден, что чистота достигается посредством философии, но Будда производит её от внутреннего мира. Муни есть исповедник мира, которого не может быть в диспуте. 10) *Пурабгеда-сутта*: определение спокойствия Муни. 11) *Калагавивайя-сутта*: происхождение диспутов, рассуждений, и проч. 12) *Кулавийюга-сутта*: описание спорящих философов. Разные школы философии, противоречащие одна другой, требующие разных истин, при единстве одной только. Чем больше будут продолжаться споры и пререкания, тем дольше будет продолжаться распря в мире. 13) *Магавийюга-сутта*: философ знает как должно достигать чистоты, под условием молитвы со своей стороны и надзора других; Браман, удаляющийся всяких диспутов, относится безразлично ко всякому иному знанию. 14) *Туватака-сутта*: бикшу в стремлении к блаженству заботится лишь об исполнении своих обязанностей. 15) *Аттаданда-сутта*: описание всего совершенного Муни. 16) *Зарипутта-сутта*: Будда доказывает Зарипутте, что жизнью бикшу руководит он сам.

V. Парайяна-вагга: к брамана Бавари, живущему на берегах Годгавари, в стране Ассака, приходит другой брамана и просит 500 монет, но не получив, удаляется, говоря: «голова с сей минуты в семь дней да разобьется на семь частей!» Боги покровительствуют Бавари в

достижении до Будды. Тогда Бавари посылает шесть своих учеников к Будде, который и вопрошает каждого из них: 1) Ватгугафа. 2) Агитаманава-пуккха. 3) Тиссаметтейяманава-пуккха. 4) Пуннакаманава-пуккха. 5) Меттагуманава-пуккха. 6) Дготакамаса-пуккха. 7) Упастваманава-пуккха. 8) Нандаманава-пуккха. 9) Гемакаманава-пуккха. 10) Тодейяманава-пуккха. 11) Каппаманава-пуккха. 12) Гатуканниманава-пуккха. 13) Бгадравудгаманава-пуккха. 14) Удайяманава-пуккха. 15) Позаламанава-пуккха. 16) Могхарагаманава-пуккха. 17) Пинтияманава-пуккха.

Примечания: а) Из текстов Винайя, переведенных с Пали Р. Давидсон и Г. Ольденбергом в XVII т., изд. Макса Мюллера (*Sacred books of the East*), служащих дополнением к полному собранию буддийского канона, известны части из *Мигавагга* и *Кулавагга*. Вкратце, содержание их следующее: *Маггаваягга*: 5) Кхандгака (правила об одеянии и обуви, о кушаниях, упряжи и проч.). 6) Кхандгака (о лекарствах). 7) Кхандгака (о церемониях). 8) Кхандгака (молитвы и дисциплина бикшу). 9) Кхандгака (действительность и недействительность формального начала Самга). 10) Кхандгака (рассказа в учении Самга). *Кулавагга*: 1) Кхандгака (малые дисциплинарные предписания). 2) Кхандгака (искус и покаяние). 3) Кхандгака (тоже). Замечание об Абхигаттхуре.

б) В частности, следует обратить внимание на издание каталога китайского перевода Трипитаки, или священного канона буддистов, в Китае и Японии, под заглавием «A. Catalogue of the Chinese Translation of the Buddhist Tripitaka, the Sacred Canon of the Buddhist in China and Japan, compiled by Priest of the Temple, Eastern Hongwanzi, Japan, member of the Royal Asiatic Society London». 1883 г. Означенный каталог основывается на журнале и заглавиях священного вероучения (буддистов), изложенного в трех сокровищницах или Tripitaka, начертанных при Минской династии, по Р. X. 1368–1644 гг. – неизвестным составителем; в нем содержатся названия 1662 г. различных сочинений с именами авторов, означением времени, с примечаниями по санскритским оригиналам. Ныне – это одно из лучших пособий к изучению буддийской литературы китайской, японской. В нем ценны и два приложения; в первом содержится перечень индусских авторов с названием их сочинений, входящих в Tripitaka, во втором излагаются краткие биографические данные о переводчиках иностранных и туземных. *Beal* издал также «A catena of chinese buddhistical scripture».

в) Для изучения буддийской литературы и жизни Будды, имеет значение собрание книг китайской библиотеки, Пекинской Российской Духовной Миссии, каталог, которой составлен и переведен на русский язык иеромонахом Алексием Виноградовым (быв. членом означенной Миссии) и издан им в С.-Петербурге, в 1889 г., с указанием на состав Библиотеки китайского императора и Лондонской, с замечанием о Ганджур и Данжур – будд. сборниках.

§ 56. XVI категорий Готамы (по Кольбруку), изложенных в системе Нияя и Вайзешика (Nya'ya, Vaiséshika), и VI категорий Кинада

Предлагаем любопытную картину означенных категорий потому, что в них исчерпываются самые основные понятия в языке философии буддистов и ламистов, как и браманов, равно устанавливается самый метод разных диалогов и рассуждений буддийских.

I-я категория: *Прамма* (Pramma) или опыт, доказательство, причина, соотношение причины (preuve, cause, relation de cause).

II-я категория, с 12-ю подразделениями: 1) *Душа*, её определение: – существо познающее, живое, высшее, индивидуальное, не материальное, имеющее 14 качеств или свойств. 2) *Тело*, его определение: – существо сложное, предназначенное для удовольствия души; седалище энергии, земляное, способное к половой жизни и производительности. 3) *Органы ощущения*: – *внешние*: обоняние, вкус, зрение, осязание, слух, и *внутренние*: воспринимающие и простые (manas). 4) *Предметы ощущения*: (objets de sens), (artha), *экстензивные*: запах, пот, цвет, осязаемость, вязкость, звук.

После чувственных предметов следуют по теории Готамы: 5) bouddhi, т. е. рассудок, intelligence, как понятие – notion, и воспоминание – reminiscence. Первое – четырех родов: сила восприятия – perception, индукция или наведение, сравнение и раскрытие – revelation; следствия неточного установления понятий – сомнение, приведение к нелепости, заблуждение. 6) *Manas*, т. е. внутренний орган (organ interne), здравомыслие, здравый рассудок – sens intelligent. 7) *Деятельность душевная* – activité и *действие* – action, 8) *Действия* проистекающие из *ошибок и недостатков* – faites et. defautes. 9) Состояние души по смерти, её *переселение* (metempsychosis). 10) Возмездие загробное, состоящее из вечного блаженства или мучения. 11) Наказание и мука (peine, angoisse). 12) Освобождение или разрешение от уз мучений и труда, т. е. блаженство с его 12-ю свойствами.

III-я категория. Сомнение, sansāya (dute).

IV-я категория. Мотив (motif) = prayòdjana.

V-я категория. Пример = dricht-anta.

VI-я категория. Доказанная истина (vérité démontrée) = siddhanta.

VII-я категория. Правильный аргумент или полный силлогизм, состоящий из пяти членов или посылок: предложение (preposition) = pratitjna; суждение (raison) = heton или apadesa; пример (example) = oudaharana или midarsana; приложение, применение практическое (application) = oupanaya; заключение (conclusion) = nigamana.

VIII-я категория. Приведение к абсурду (réduction à l'absurde) = tarka.

IX-я категория. Достаточное основание в чем, убеждение, приобретение уверенности именно в том, а не в другом чем-либо = nirāya.

X-я категории. Диспут, как ученое исследование, основанное на ряде правильных доказательств, примеров, посылок, данных, в различие от пустых разглагольствий = katha.

XI-я категория. Спор (débat) = djalpa, с теми или другими доводами соперников, приводящий к соглашению или к тому, что каждая сторона остается при своем.

XII-я категория. Контроверс (controverse shicane) = vitanda.

XIII-я категория. Non causa pro causa, или assertion falla cieuse, лживое мнение, semblance de la raison, иначе – hetwabhasa.

XIV-я категория. Обман, ложное понятие или убеждение, составляемое намеренно или ненамеренно, для себя или других (fraude) = tchhula; повреждение, искажение истины (alteration) или дурное расположение, настроение понятий, суждений, составление силлогизма доказательств (mauvais construction).

XV-я категория. Бесплодный, пустой ответ (réponse futile), – djati. У Готамы исчисляются двадцать четыре случая.

XVI-я категория. Недостаток или порок в самом аргументе (défaut dans l'argument), = nigrasthoma.

К XVI-ти категориям Нияя а Вайзешика, *Кинада* присоединяет еще шесть нижеследующих:

I. *Субстанция*. 1) земля; 2) вода; 3) свет; 4) воздух; 5) эфир; 6) время; 7) место; 8) душа, как их субстанция, к которой причисляются еще атомы.

II. *Качество*, с своей субстанцией. Сюда принадлежат двадцать четыре свойства: 1) цвет; 2) вкус, *saveur*; 3) запах, *odeur*; 4) впечатление температуры; 5) число; 6) количество, мера; 7) индивидуальность, множество; 8) механическое сцепление или случайное соединение, мимолетное и непрочное, *conjonction, connexion passagère*; 9) разъединение, *disjonction*; 10), 11) предыдущее и последующее; 12) тяжесть, *gravité*; 13) текучесть; 14) вязкость или клейкость, *viscosité*; 15) звук, *son*; 16) – 23) восемь качеств, постигаемых только умом, но не внешними органами; таковы: 16) рассудок, *bouddhi*; 17) удовольствие; 18) мучение, страдание, *peine*; 19) желание, похоть; 20) отвращение; 21) хотение, *volition*, – *yatna*; 22) добродетель, *vertu*, – *dharma*; 23) порок, *adharma, vice*; 24) способность, *faculté*, – *sanskara*, которая трояка: или как деятельность, или как импульс, *wéga*, или как растяжимость, *ethitisthavaka*, воображение, *bhavana*.

III. *Действие*, *action, karma*, с пятью родами его: бросание сверху, – снизу; положение, самое разнообразное движение.

IV. *Общее или обыкновенное*, *commun, samanya*; высшая степень чего – множество и нижайшая – ничтожная, середина, род, вид, индивид.

V. *Разновидность, различие*, *difference, visecha*, или особенность, *particularité*.

VI. Есть отрицательное свойство, противоположное прежним описанным, как отрицание, или умаление, *negation, privation, abhava*; отрицательное всеобщее – *antecedent, inoplexe, absolue*.

§ 57. Часть буддийских сутр в их кратком изложении

Понятие, название и разделение, издания в переводах Мюллера и Гримблота: 2-я Сутра – *Samana-phala*, 3-я Сутра – *Maha-nidana-sutta*, 5-я Сутра – *Maha-samaya-sutta*, 6-я Сутра – *Singalo-vada-sutta*

Часть буддийских Сутр⁹⁶ в их кратком изложении. К числу священных книг у буддистов относятся Сутры или Сутты, известные в переводе Г. Гримблота и изданные после смерти ученого его супругой в числе семи, обстоятельный отзыв о коих сделан Бартоломи Сент Илером. Предлагая названия Сутр, содержание и извлечения, отчасти понимаем гениальную и своеобразную методику философских определений, художественное раскрытие мыслей, и тонкую диалектику. Христианский проповедник и философ может пользоваться с великою пользою для себя этими уроками восточного ума, не отступая от Евангелия и разума Церкви. Общее направление Сутр: 1) *Brama-asala* есть чисто полемическая; 2) *Sāmannahala* и 3) *Soubha-Sutta*, замечательны, как исторические; 4) *Mahā-nidana* существенно метафизическая; 5) *Maha-samaya*, как бы апофеоз буддизма; 6) *Sing-alo oada* есть совершенная мораль; 7) *Atanatiya* – заклинательная формула, рассчитанная на умягчение суеверных ужасов, овладевающих нередко духом монахов и аскетов. В частности сюжеты сутр весьма разнообразны и по содержащий заслуживают интереса.

Во II-й Сутре – *Sāmannaphala*, содержится наставление и размышление о неизбежном результате человеческих действий; приводятся также и исповедание царя Аджатакатты и его обращение в буддизм.

III-я Сутра *Maha-nidana-sutta*, о великих вещах в мире.⁹⁷ Почтенный Ананда предлагает ряд вопросов двоюродному брату Тафэгате о последовательности причин бытия и жизни (existence). Результатом диалогов являются ряды следующих тезисов, развиваемых один за другим в виде сорита: 1) причиной старости и смерти служит рождение; причина рождения заключается в существовании (existence); причиной бытия ила существования бывает зачатие; причиной зачатия – чувственное пожелание, похоть или вожделение; причина вожделения кроется в чувственности или ощущении (sensation); причиной ощущения служит соприкосновение, соитие; причиной соприкосновения – имя и формы; причиной имен и форм служит разум (intelligence). Высшею степенью блаженства в означенной лестнице служит экстаз, – двойственное освобождение мысли и мудрости.

V-я Сутра – *Maha-samaya-sutta* т. е. великое собрание, вселенский собор, представляет апофеоз Будды среди множества поклонников, сошедшихся вместе с целью почитать его. Сонм сих лиц состоит из монахов, отшельников и Дев, под видом нищих. Самая сцена собрания, разговоров и молитвенных излияний пред Буддой совершается в большом лесу – mahavana, окружающем Капилаватту, столицу Шакья. Четыре Девы, управляющие миром, под именем soudha-vasa-kaaya, присутствуют при этом и попеременно речитируют хвалебные стихи в честь и славу Будды, в личном его присутствии.

1-я Дева: сонм великий и вы Девы, собравшиеся среди леса, пойдемте взглянуть и насладиться зрелищем благочестивого сборища непобедимых бикшу (Bhikshous)!

2-я Дева: Бикшу погружены в сладостное размышление (samadhi), умом своим они летят в высь мудрости Эти ученые бикшу умеют ловко управлять своими чувствами, и подобны сильному кучеру, крепко держащему вожжи в руках своих и дающему правильный ход колеснице, влекомой быстро лошадьми!

3-я Дева: Бикшу – чудесны! они разбили вдребезги жало удовольствий, скорби и невежества, сокрушили щит вожделений, печали и мрака: подобно молодым слонам, они грациозны в движении, чужды всяких дурных помыслов, чувств и страстей; они чисты, а потому имеют пять очей Будды, и в поведении – безупречны!

4-й Дева, обращаясь к Будде: – когда человек отдается под покровительство Будды, он более не страшится идти в четыре ада; оставляя человеческое тело, разрешаясь от оков оных, он возвращается на небо и перерождается в Бога!

Будда, тронутый сими словами, обращаясь к аскетам и монахам, говорит: «Бикшу и Девы, пришедшие сюда с 10.000 Sakvalas, вы собрались видаться с Тафэгатой в Бикшасами! и прежде, неоднократно в честь мою, происходили подобные же собрания бикшу и Дев, исполненных добродетели и знания. Уверен, что и на будущие времена будут совершаться такие же собрания

кругом меня, как и ныне! Бикшу, я знаю поименно всех Дев, произношу их, возвещаю вам; послушайте, сохраните эти имена в вашем сердце»... «Да будет тако господине, по словеси твоему», благоговейно отвечали монахи и отшельники. Сделав несколько обычных приветствий к бикшу, Будда начал перечислять всех собравшихся Дев. «Бикшу, вот несметная толпа здесь присутствующих Дев: возвещаю вам, да ведаете их: 7.000 Якшасов рожденных в Капилавасту явились в сонмище собравшихся в лесу жрецов; 6.000 Якшасов уроженцев гор Рималайя; 3.000 Якшасов рожденных в горах Сата-Гупри; 6.000 Якшасов по цвету их кожи и одеяния самых разнообразных, но одаренных с прочими разумными существами одинаковыми свойствами души и способностями; 500 Якшасов Вессамиттас; Якха Кумбгира из Раджагрига, что на горе Верулба, в сопровождении верных ему 100.000 Якшасов; Царь Дгаваффа управляющий восточную страну и начальствующий над Гандгарвами, Царь Вирулга, управляющий югом и Кумбгандасами; Царь Вирупакха, повелитель запада и Нагасов; Царь Кувера, обладатель севера, повелитель Якшасов. Все сии Цари, пришли из своих мест окруженные многочисленной свитой».

Автор Сутр перечисляет засим громадное количество прочих Дев, имеющих разнообразные цвета и наименования, из всех их особенно выделяется тип Мара-отца всякого греха, беззакония и порока, вечно помышляющего только о преступлениях, насилии и имеющего для того исключительную армию достойных окаянных сподвижников и рабов. Мара преимущественно любит нападать и обольщать своими маневрами истинных монахов и благочестивых аскетов. Обычные распоряжения Мара таковы: «идите, бегите сюда, ловите Арчатас, оковывайте их цепями вожделений, окружайте всюду, дабы не ускользнули от ваших сетей!...» Явившись с прочими поклонниками Будды, Мара забил руками по земле, и сделав страшный удар стрелой о землю, подал сигнал к ловитве Дев и на них быстро напустил свою армию. Девы оказали отчаянное сопротивление, и невзирая на ярость, неистовство Мара, остались неподвижными. Пятиглазый Будда, при виде совершившегося на его глазах, мог сказать лишь одно: «жрецы, вот кортеж Мара, узнаете-ли его?»

Архаты первые обратили внимание на слова обожаемого учителя. Армия Мара, несмотря на её силу, принуждена была обратиться вспять, будучи не в состоянии противиться Архатам и не коснувшись даже их волоса и Мара неоднократно, с отчаянием восклицал: «все сии жрецы (pretres) доказали свою победоносную силу в войне страстей. Они неустрашимы, стойки, бодры и в блаженстве внутреннем невозмутимы; слава о них далеко распространилась между людьми во всем мире. Их ученики, полные мира и радости, счастливо живут посреди Архатов, оставаясь верными религии Будды!»

VI-я Сутра. *Singalo-vada-sutta*, содержит весьма нежный и поучительный нравственный урок в честь учения Будды, изложенный в высшей степени художественно и достойный театрального представления по объективному изложению мыслей и постановке лиц действующих. Картина первая открывается появлением в лесу Велу Будды Тафагаты, в местности Каландака-нивана, неподалеку от Раджагрига. Весьма рано утром он идет в столицу и встречает господина дома – Сингало, молящимся благоговейно с перекрещенными на груди руками и волосами – покрывшимися росой. При своей молитве на Восток, Запад, Север, Юг, к Нидиру и Зениту, Сингало совершая поклоны машинально, простирался каждый раз и на землю. Сам же Будда-Тафагата шел под видом нищего, держал при себе сосуд для милостыни и, как мудрец, после обычных приветствий, спросил Сингало о значении и смысле совершаемого им молитвенного обряда, тот отвечал, что так научился молиться от своего отца, но почему так нужно – не знает. Будда-Тафагата почел долгом объяснить значение молитвы на шесть сторон, причем расположил соответственно оным самое объяснение, состоящее из шести отделений. Предварительно идет объяснение значения четырех частей света с нравственной стороны и шесть родов поведения. «Ученики мудрецов и святые должны воздерживаться четырех родов действий, могущих осквернять человека, таковы: убийство, кража, любодеяние, леность; Четыре причины также ведут людей ко злу: эгоизм, гнев, страх, сумасшествие. Оберегаясь от первых четырех грехов, люди становятся истинными стражами шести стран, по коим хорошо расположен и устроен весь мир; такие святые, по смерти земной, делаются небожителями. Совершающие грехи второго рода и подпадающие власти оных, помрачают свое блаженство подобно лунному затмению или погружению во мраке ночи; наоборот, воздерживаясь от грехов сих, они становятся светоносными, подобно луне в период её блеска.

Шесть родов дурного поведения приводят человека к потере им владеемых благ с соответствующими последствиями: 1) Употребление чрезмеру опьяняющих напитков. Последствие: потеря денег, ссоры, дурная болезнь, уничтожение характера в личности, расслабление и расстройство ума.

2) Привычка к бродячей жизни в недозволенные часы. Последствие: повреждение здоровья, распущенность жены и детей, опасность потери собственности имущества, излишняя подозрительность к своим и чужим, дурное о себе общественное мнение и опасные встречи, могущие клониться к вреду личному и других.

3) Частое посещение публичных и увеселительных мест. Последствие: одинаковое с предшествующим родом жизни.

4) Страсть к азартной игре. Последствие: мот ненавидим людьми, проигравшийся – делается нищим, теряющим у всех кредит, терпит позор, бывает оставлен родными и друзьями, холостой – не может быть женатым и любимым.

5) Сообщество с развратными людьми ведет к тому, что всякий игрок, развратник, пьяница, разбойник, обманщик, приемлются за истинного друга.

6) Лениость ведет человека к холодности и индифферентизму; но из холодного человека может вдруг делаться горячим и нетерпеливым, из медлительного – поспешным и опрометчивым. Ленивый – значит сыт чрезмерно, но он может вдруг почувствовать и голод, он должен поэтому или честно трудиться и добывать себе пропитание, или – быть назойливым нищим, наконец – совершить преступление, если не будет получать просимого даром и от других совершенно незаслуженно.

В частности, Тафагата объясняет подробно значение дружбы *истинной и ложной*. Есть друзья, говорит он, которые являются добрыми товарищами только в пьянстве, иные любят вас и расположены только по расчету, третьи наконец только ради интереса своего лично. Четыре рода ложных друзей, нередко принимаемых за настоящих: 1) *эгоист*; 2) *вечно навязчивый в своем к вам расположении и уважении*; 3) *льстец*; 4) *мот*. Первый друг получая благодеяние от вас, сам возвращает очень мало и при возвращении ожидает всегда более, чем сколько нужно; в добрых действиях он скорее руководится боязнью, нежели любовью и всегда заботится только о собственном благополучии. Второй друг – *демонстративный*, кажущийся, слишком много придает цены своему прошлому, не менее заботясь о благах и будущих, любит рассыпаться в пустых комплиментах, но при случае вас всегда оставляет и даже презирает. Третий друг – *льстец*, опробует ваши грехи и пороки, как и добродетели, в лицо вас всегда хвалит и пресмыкается, за глаза – поносит и бесчестит, но обижается, когда о том ему замечаете, и готов сделаться истцом за личное оскорбление. Четвертый друг – *расточитель, мот*, дотоле в дружбе с вами, пока вы с ним участвуете в пирах и попойке; шляетесь по разным улицам, чтобы убить время, когда посещаете часто театры, игорные дома и прочие публичные увеселения, не редко с женщинами подозрительной нравственности. Мудрецы, замечает Тафагата, равно убегают означенного рода друзей, ибо путь этот полон опасностей. За то, они ищут таких друзей, которые помогают в нужде, любят неизменно и в горе, и радости, и благополучии, подают вам спасительные советы и обнаруживают благорасположение. Познав истинных друзей, мудрец привязывается к ним подобно младенцу при груди матери. Если он и соглашается поделиться излишком от своего сокровища, то делает в отношении к друзьям своим подобно пчеле собирающей мед, не отнимая от него ни блеска, ни вкуса, ни благовония; или – подобно муравью, силою терпения раздает собранное свое богатство мало-помалу, по мере надобности и полезности, и для своей семьи и других. Имущество свое деля на четыре части, он выдает одну для угощения друзей, другую для поддержания своего лично, третью для облегчения трудных дел своих, четвертую оставляет в экономии в виду возможной надобности реверса.

Обращаясь затем к объяснению поклонения шести частям света, Тафагата устанавливает следующую символику. Для ученика мудрецов, говорит он Сингало, родители суть – *восток*, учителя и воспитатели – *юг*, друзья и знакомые – *север*, рабы и слуги – *надир*, Граманасы с Браманами – *зенил*. В каждой из означенных шести групп, перечисляются *пять главных правил*, обязательных для ученика мудрецов в нижеследующем порядке.

I. По отношению к родителям, представляемым на восточной стороне (*le quartier de l'est*), ученик обязан себе говорить и припоминать: *я должен* 1) поддерживать до глубокой старости тех, кто мне дал жизнь, воспитывал с детства и поддерживал в последующее время; 2) – помогать им в делах и управлении семейном; 3) заботиться о сохранении их имущества и защите

собственности ими благоприобретенной; 4) по смерти, – с честью совершить похороны и поминание. Обязанности самих родителей в отношении к детям: они должны 1) удалять детей от всякого рода порока; 2) вести их к добродетели; 3) поучать искусствам и наукам; 4) заботиться об устройении и упрочении законного супружеского их союза; 5) передавать им при своей смерти наследство.

II. В отношении к наставникам представляемым на южной стороне, ученик имеет следующие обязанности: вставать в присутствии учителя, – иметь о нем попечение и охрану, – выслушивать с почтением и вниманием делаемые им наставления и замечания, – всячески духовно сближаться с ним и любить его, – всеми силами заботиться о сообразовании своего поведения с назиданиями и правилами учителя. Наставник, хозяин школы (le maître) в свою очередь обязан к ученикам своим и воспитанникам: – проповедовать добродетель, насаждать её в сердцах питомцев, и поучать приличному обхождению и учтивости (manières), – трудиться над делом воспитания ревностно и рачительно, – передавать, без утайки, плоды знаний и мудрость, добытые и унаследованные от древних учителей и мудрецов, – делать одобрителный отзыв и аттестацию учеников, – предохранять их от всякой опасности и вреда.

III. Супруги, представляемые на западной стороне, имеют следующие обязанности. Супруг в отношении к жене должен: – обходиться с нею ласково и учтиво, – говорить с ней любезно и приятно, – в прочих людях пробуждать к ней уважение и расположение, – прилично одевать её, украшать и вообще доставлять все погребное для женского этикета и здоровья. Жена в свою очередь обязана: – заботливо удовлетворять личным потребностям мужа, – хранить внутреннее расположение, – соблюдать нерушимо целомудрие, не быть блудливой, – прилежать о благе своего мужа, и – обнаруживать прилежание и деятельность во всем, что он делает.

IV. Почтенный человек или заслуженный, (l'homme honorable), в отношении к его друзьям и знакомым, представляющим северную сторону, обязан: – делать подарки, – говорить и обращаться всегда любезно, – думать об их интересе, не только о своем, – почитать друзей равными себе, – делиться с ними избытками. В свою очередь друзья и знакомые обязаны к уважаемому им человеку: – оказывать всевозможную бдительность в случаях, когда сам он имеет не может, – охранять его имущество в случае надобности, – поддерживать и помогать в затруднительном положении, – жить вблизи его, – помогать сколько возможно его семейству.

V. Господин в отношении в рабам и слугам, представляемым на стороне надира, обязан: – назначать работу, сообразуясь с их силами, – доставлять необходимое содержание, – заботиться во время болезни, ходить за ними, лечить, – отлагать в пользу их на непредвиденные расходы часть денег и других средств, – в случае необходимости производить в пользу их ссуду или денежный заем. В свою очередь рабы и слуги обязаны: – вставать утром раньше господина, удаляться от него только вечером, по прекращении работ, – не позволять никакой утайки или кражи, – тщательно исполнять возлагаемые поручения, – оказывать всегда должное почтение.

VI. Наконец почтенный человек в отношении к Граманам (Gramanas) и Браманам, представляемым в Зените, обязан: обнаруживать любезность и почтительность во всех действиях, словах и мыслях, – быть общедоступным, – во всех действиях быть расчетливым и уметь располагать окружающими его средствами и людьми. Граманы и Браманы обязаны к почтенному человеку доказывать свое благорасположение таким образом: отвращать от порока и дурной жизни, – побуждать к стези добродетельной, – научать предметам прежде неизвестным, укреплять в истинах уже достаточно познанных, – указывать путь к небу.

Благодаря соблюдению всех правил, вышеизложенные шесть стран мира остаются в спокойствии и мире, и люди далеки от опасностей. Почитающие порядок и закон, несомненно, обязаны исполнять и все предписанное, особенно в отношении к домовладыке, владеющему всею добродетелью, превосходящему прочих людей, одаряющему их всем истинно потребным и содействующему благополучию на земле, блаженству на небе.

Будда, по окончании изложенного объяснения стран света, обратившись к Сингалу, остановился, и еще раз посоветовал ему уважать родителей. Сингало, почувствовав всю силу убедительности и глубокомыслия Тафагаты-Будды, воскликнул: «всечестнейший и высокопоставленный, великий господин! все тобою сказанное меня поразило до глубины сердца, я увидел новый свет, остававшийся доселе для меня скрытым. Подобно путнику, сбившемуся с настоящей дороги, я обрел её, благодаря тебе, твои наставления, подобно светильнику, внесенному в темное место, озарили внезапно мои мысли и я познал все предметы как следует. Ты Bhagava изложил весьма ясно свое многообразно содержательное учение. Обращаюсь чрез

то к Будде, погружаюсь в его учение, и присоединяюсь охотно к сонму его почитателей. Прими меня, о Bhagava, в число избранных учеников твоих. Итак, с сего дня и минуты, до конца своей жизни, обращаюсь я к Будде и становлюсь ревностным его поклонником и последователем!»

VII-я Сутра – *Atanatiy-sutta*. Она написана наполовину стихами и представляет своего рода похвалу в честь монахов и монахинь. Это одна из знаменитейших Сутр южных буддистов и наиболее среди их распространенная; её чтение совершается поэтому правильно и постоянно в конце церемонии, установленной Буддой и называемой Paritta, т. е. помощницей, покровительствующей в нравственной жизни, укрепляющей в ней (*cérémonie protectrice*).

Начало Сутры, по обыкновению буддистских книг, обставлено чрезвычайно живописно. Сцена открывается ночью в местности Раужагрига; на «орлиной вершине горы» представляется сидящим Будда, а около него размещаются четыре бога, управляющие странами света, их сопровождает множество других низших богов и Nagas, которые все, собравшись для поклонения Будде, внезапно воспламеняют «орлиный пик» бесконечным радужным сиянием и молчаливо молятся, одни сидя, другие стоя со скрещенными руками, или на коленях и поднятыми вверх руками. Когда все боги и Якшасы разместились по своим местам, среди общей тишины, великий царь демонов – Вессавана, держит следующее слово, обращаясь к Будде: «Господин! среди могущественных демонов одни враждебны Будде, другие благосклонны, одни принадлежат к среднему классу, другие к низшему, и между ними царствует разногласие. Если так, то значит (по мнению некоторых демонов), Будда проповедует учение, им неприязненное. В особенности злые демоны стараются поселять такое враждебное расположение к Будде среди учеников его, любящих безмолвие и удаляющихся для спасения в пещеры и пустыни. Для смягчения ярости и дерзости сих злых существ, позволь господине, проповедать Atanatiya (Paritta), которой излагаемое учение да послужит охраною монахов, и монахинь и да получают они по нему навсегда невозмутимый мир!»

Молчаливо выслушав слово и озираясь кругом, дает свое согласие на то Будда, и великий царь Вессавана приступает к речитативу Сутры Atanatiya, наполовину стихами, наполовину прозой. «Поклоняюсь, – восклицает он, – Випасси всевидящему, поклоняюсь Сикги, сострадательному ко всем тварям, поклоняюсь Вессабгу победителю в сокрушителю страстей, поклоняюсь Какузандга, победителю тьмочисленных армий демона Мара, поклоняюсь чистому и совершенному Конагама, поклоняюсь Кассапа совершенно свободному, поклоняюсь славному Будде, сыну Шакья, которого учением исцеляются все скорби и несчастья. Все, сумевшие погасить свои мирские страсти, понимают вещи каковы они на самом деле; эти люди, одни исполнены нежности, благородства и спокойствия, истинно почитают Готаму – благодетеля богов и людей, ведающего все тернистые пути мудрости, и которого доблестным духом отгоняются далеко все страхи и привидения... Поклоняюсь тебе, первому из людей, начальнику народа, покровителю всех существ. Тебя обожают и поклоняются тебе сами демоны. Рцем вси, якоже и они: поклоняемся Готаме – победоносному, поклоняемся Будде, обладателю мудрости, ведущему все вещи мира... (Далее перечисляются многие мелкие божества малоизвестные, коих имена и атрибуты чисто фантастические. Эти боги почти управляют разными частями мира, подобно Девам). – «Вот Atanatiya, – продолжает Вессавана, – щит и оплот для укрепления мира, читаемый и изучаемый в тени далеко от шума и бурь света, всеми монахами и монахинями и их многочисленными учениками и ученицами! Все они, по мере полного и совершенного познания учения Atanatiya, получают крепкую силу и оборону, становятся неустрашими и непобедимы сонмами Амануссас, Якшасов, мальчиков и девушек – слуг Якшасов, Гандарв и их начальника Гундгарва с его слугами, Кумбганда и Нагас где бы они ни были, куда бы не шли, или оставались одиночками на ночлеге. Всякий раз, когда к ученику Будды приближаются злые демоны с злыми намерениями, достаточно прочтения Atanatiya, и не одно чудовище не осмелится близко подойти к порогу, городу, деревушке, куда идет и где принят гостеприимно этот ученик. Ни один демон не будет допущен к нему, и дверь всегда будет на запоре, и в собраниях и в семье; да будет он предметом презрения хулы, и глава его повиснет подобно иссохшему листу и да разобьется череп его на семь меньших частей... Лишь только кто-либо дерзнет из Якшасов напасть на буддийского монаха или монахиню, пусть начальник этих демонов сам возопит: оставьте его, (её), не мучьте, не наносите никакого вреда!.. (Всех Якшасов, наиболее главных, перечисляемых в Сутре – 42)».

После сего гимна в честь Будды и речитатива означенных формул, служащих охранительным талисманом для монахов и монахинь, четыре царя демонов испрашивают у Будды дозволения

удалиться из собрания для совершения им свойственных скверных деяний и распоряжений. Будда благосклонно исполняет просьбу и боги удаляются поочередно, с вежливыми поклонами, со своей свитой, каждый в свою страну. С рассветом, Тафагата будит и созывает своих учеников, которым слово в слово и сообщает все, им виденное и слышанное ночью от сонма богов – стражей мира; причем просит этих учеников внять, уразуметь сердцем и сохранить навсегда сообщенную Сутру Paritha – как верный щит от ударов и нападений злых демонов.

IV. Христианство в Монголии и Китае XIII ст. и позднее

§ 58. Следы христианства в Китае и Монголии в XIII ст. по китайским источникам

Перевод с английского исследования о. архим. Палладия, помещенного в *Chin. Recorder*: памятник Соратани; кн. «Бянь-вей-лу» свидетельство об успехах даосизма, взгляд Мэнгу-хана на религию и предпочтение буддизму; кн. «юань-ши», свидетельство о Кублай-хане и его отношении к христианам, построение «Чун-фу-цзы» (управление и храм) для сношения с ними, кн. «описание Чжи-цзян-фу» и свидетельство о христ. храмах и монастыре XIII ст., название христиан – «Е-ли-го-вэнь», их роль и значение, Мар Сергиус и его родословная, служение государю. – Сон китайского государя и видение ангела, повелевающего построить семь храмов, построение оных и название, обеспечение земельными участками управление Мар Сергием и епископом Мо-ли А-си-а (Марк); торжество буддизма и падение означенных храмов, поступление в ведение буддийских жрецов с другими христианскими храмами в Цин-шань, 1303 г. – Попытки Рима к распространению христианства в Китае, миссии Анселина 1245 г., Плано Карпини 1246 г., францисканец В. Рубруквис 1258 г. и его свидетельство о религиозном состоянии в Китае; отзыв о религиях Кублай-хана пред венецианцами; И. Монте-Корвино 1292 г., его прибытие в Пекин и успехи миссии

Бывший настоятель Русской Д. Миссии в Пекине о. архимандрит Палладий поместил интересный очерк по китайским источникам на английском языке в *Chin. Recorder* за 1875 г. vol. VI, под заглавием⁹⁸ «Следы христианства в Монголии и Китае в XIII столетии». Предлагаем в переводе эти ценные сведения, которых в русской литературе духовной не имеется, за исключением весьма немногих им подобных.⁹⁹

а) В начале монгольского периода в истории восточной Азии, мы встречаем часто упоминание о христианах в современных китайских памятниках, доказывающих существование их как в Монголии, некогда отдельной от Китая и потом соединенной с ним, так и в самом Китае. О существовавшем христианстве в Монголии до царствования Чингиз-Хана мы доходим только ощупью; наиболее вероятные знания почерпаем в семействе Кераит-хан-Тоорил (Вань-кхан). Его племянница Соратани, по завоевании сего племени Чингиз-ханом, была замужем за его сыном Толуи, и потом сделалась матерью Кублай-хана; по всей вероятности она была христианкой. По смерти, её изображение сохранилось на память в «Монастыре Креста Ши-цзы-ди», в нынешней губернии Гань-су. (Впоследствии образ был перенесен в Пекин, и помещен в зале посвященной духу почившей государыни под именем Юань-ши).

б) Положительное упоминание о существовании христианства в Монголии встречаем в буддийской полемической книге за 1291 год «Бянь-вей-лу», направленной против учения Дао-цзяо. Успеху этой секты, после Чингиз-хана, содействовало и благосклонное отношение других сильных лиц, что конечно возбуждало зависть со стороны китайских буддистов, нападавших страстно на учение, книги и догму даосов. Дао-цзы со своей стороны тоже не оставались в долгу и молчании, их диспуты продолжались и в царствовании Мэнгу-хан. По неоднократным жалобам буддистов на даосов, Мэнгу-хан наконец, в виду примирения партий, приказал удаляться им для диспутов в Каракорум, и отнюдь не заниматься этим пустословием пред лицом Его Величества. Такое повеление состоялось в 1256 г. На первом диспуте, происходившем в присутствии хана, успех был за буддистами; Мэнгу-хан констатировал вопрос в следующем слове: «Сян-шэн (т. е. учитель) говорит, что даосское учение – высочайшее; а Сиу-цзай (т. е. ученый конфуцианец), что конфуциево первейшее в мире; а Дэ-се (Tie-sie), почитающие Мя-ши-го (Мессию, И. Христа) и учение его, полагают, что оно небесное – Шэн-Тянь и сам Да-хи-ман (архимандрит, начальник или ученый) в молитве к Небу, благодарит оное за все благодеяния. При изучении всех этих религий, приходится отдать предпочтение буддизму». При сих словах, хан, подняв свою руку, для сравнения, сказал: «Что большой палец для ладони, которой он с прочими служит суставом, то и все прочие религии по отношению к буддизму».

Очевидно, что под именем Дэ-се (Tie-sie) разумеются христиане; Ми-ши-го – «Мессия», упоминается на сирском памятнике VII в г. Сю-ань-фу, Танской династии; под выражением шэн-тянь несомненно разумеется «вступление в царство небесное», преуспевание в жизни христианской.

Ясно также, что Дэ-се есть транскрипция слова Терса – под которым магометане разумели христиан: оно встречается нередко и в разных магометанских сочинениях на языке китайском в

особенно в биографии Магомеда, сами же арабы христиан называют назара. Слово Дэ-се встречается в статутах монгольской династии Китая, во всех официальных актах, документах, и других, и относится к христианам.

в) Первый и важный памятник касательно христиан, встречается, после завоевания Китая монголами и перенесения ханской резиденции в Пекин, в *Юань-ши* (гл. LXXXIX, fol. 32), где говорится, что Кублай-хан основал в этом городе главную консисторию для христиан в 1289 г. под именем «Чун-фу-цзы», – слово, буквально означающее: «здание для приема даров и жертвоприношений в монастыри или храмы Креста, управляемые Мар Аси Лебань Елико-вень». Слова эти заимствованы с разных языков, а потому несколько непонятны. Мар Аси, или – на памятнике в Си-ань-фу «Ма-ли Га-си-я», есть то же, что по-сирийски Мар Иезуа, Dominus Iesus, или – Иисус Христос, сын Марии Девы. Ле-бань вероятно Раббан, еврейское слово, означающее ученого, класс ученых монахов, которых так называли на востоке; по отношению к несторианам, жившим в Китае, слово это относилось и к женатым священникам. «Е-ли-ко-вень» есть то же, что «Еркфун» в монгольском тексте, «Аркхайюн» или «Аркау» в сирийской, персидской и армянской хронике. Под словами «дары и жертвоприношения» мы должны разуместь на китайском языке именно те, которые приносятся в христианском храме для совершения таинства евхаристии. О «Чун-фу-цзы», как храме христианском для собрания верующих, замечается, что священники сирские, входя в оный, строго исполняли возлагаемые на них обязанности Богослужения. Монгольские ханы оказывали покровительство всем духовным общинам в религиозном отношении, гарантируемым ярлыками или гранатами («letters of exemption»), с освобождением от всякой денежной подати и повинностей, под условием только «беспрестанной молитвы за мир и особенно за хана». Чун-фу-цзы, как юридическое учреждение, служило для контроля над исполнением ханских повелений, указов в храмах христианских, находящихся исключительно в Китае и Монголии, иначе, – в непосредственных владениях хана. В 1315 г. юрисдикция над всеми чан-цзяо-цзы остается исключительно в Монголии, также Персии и Туркестане, где только были христиане. Под словом же «чан-цзяо-цзы» или «чжан-цзяо-сы» разуместь должно несторианских епископов и хорепископов в Азии; у магометан этому слову равнозначуще «имам». По причине трудности на громадной территории Китая следить за всеми церквями христиан, в нем рассеянными, значение Чун-фу-цзы ослабевает, а с 1320 г. только остается в собственных доменах хана, что характеризуется просто словом «сы» или «цзы».

г) Другой не менее важный документ касательно существования христианства в монгольский период находим в «Чжи-шунь-чень-цзян-чжи», т. е. описание Чжи-цзян-фу; сочинение это компилировано в царствование Чи-шунь, 1330–1332 г. Манускрипт с сего сочинения, в копии, хранившийся в библиотеке министра Жань-Юань, был опубликован в 1844 г. В отделении о храмах и монастырях, существующих в это время внутри пределов Чжи-цзян-фу, упоминается среди их и христианский монастырь (гл. IX, fol. 8,9). Храм «Да-син-ю-цзы», стоящий в Чжи-цзян-фу, в особом квартале, называется Цзя-дао-сян. Он построен в 18 году Чжи-юань (по Р. Х. 1281) Суб-дару-гачи Се-ли-цы-цзы (Sergius). «Достопамятное описание об этом предмете составил учитель конфуцианской школы Лян-сян».

После сего замечания следует сокращенный текст памятника. Автор описания Чжэ-цзян-фу оговаривается, однако, что им делается только основной очерк наиболее важных предметов; имя Сергия, как и других названий, делается не совсем правильно, что не редкость у китайцев, ломающих иностранные слова. Далее читаем: «Се-ми-цзы-сянь» (Самарканд) отстоит от Китая на 100,000 ли к С.-З. В этой стране преобладает религия «Е-ли-го-вень». На расспросы об этой религии узнал, что во всем мире существует двенадцать монастырей Креста. Один из таких храмов в Самарканде поддерживается четырьмя огромными деревянными столбами, каждый в сорок футов высоты. Основатель религия называется Мар Е-ли-а (т. е. Иисус Христос): он жил и творил чудеса за тысячу пятьсот лет прежде сего; преемником его считается Ма-се-ли-ци-цзы (Mar Sergius)? Главный предмет религии – поклонение на восток (!) и не имеет сходства с индийским вероучением о *pigva*. Действительно-же то, что великий свет изливается с востока. Годовое времячисление в этой стране начинается с весны. Страна же восточная соответствует (по китайскому календарю) элементу дерева и имеет влияние на производительность. Восток называется еще свыше благодетелем небом. Крест есть образ человеческого тела. Крестообразно строятся дома, крест пишется на храмах, виднеется на груди и главе медведя. Крестом обозначаются шесть главных пунктов частей мира. Се-ми-цзы-сянь (Samarcand) есть название города страны, а Е-ти-го-вень – религии (!). Дед Ма Се-ли-ци-цзы (Mar Sergius), по

имени Го-ли-ци-цзы (Georgius) – его отец Ме-ли, а дед по матери Чэ-пи, были все придворными лекарями. Во времена Дай-цзу (Чингиз-хан) завоевал эту страну (Самарканд); дед Ма Се-ли-ци-цзы и его конгрегация знают молитвы. Император прикомандировал Сэ-ли-ба-чи к этой общине с титулом «Да-ра-дан» (т. е. старший). В пятый год Чи-юань (по Р. Х. 1268) император или Ши-цзу (предок, Кублай) повелел Ма Се-ли-ци-цзы явиться поспешно в Канбалу (т. е. Пекин), по порядку представиться к Чэ-ли-па. Ма Се-ли-ци-цзы был щедро награжден. Чэ-ли-па угощал его благовонными фруктами и плодами, разваренными на воде. Чэ-ли-па-чи – название должности. Ма Се-ли-ци-цзы сам и его предки отличались искусством приготовления напитка «чжэ-ли-ба», имевшего целебную силу. Император, в знак своего благоволения, наградил его золотой таблицей, на которой начертана была и привилегия на означенную медицинскую профессию. В девятый год (1272) тот же император, вместе с министром Сай-тянь-чжи путешествовал в Юн-нань, а в двенадцатый год (1275) – в Фу-цзян и Цзе-цзян, и всегда с напитком чжэ-ли-ба. В четырнадцатый год (1277) император пожаловал ему же, в знак военного достоинства, тигровую золотую таблицу, с титулом «хуай-юань да цзян-гун», т. е. сделал начальником-интендантом губернии Цзе-цзян-фу, с другим титулом «суб-даругачи» (на монгольском языке означающем высшую номинальную должность).

д) Замечательно, что раздавая разные чины и должности, император не изменял своей религии и ревностно заботился о её распространении. Однажды, когда он спал, среди полуночи вдруг узрел отверстыми над ним *семь небес*, из глубины которых явились два ангела со словами: «ты должен построить семь храмов», и тут же они, как бы для памяти об этом факте, оставили белый значок (на одежде императора?). Тронутый таким небывалым, чудесным видением, император с большим благоговением собственноручно совершил закладку храмов и построил их. Подле ворот его, называемых «тянь-вэнь-мынь» построен был храм Ба-ми-чу-му-ла (или по-персидски *Баши* – главный и сиро-халдейски – *Гумра* – собор, церковь, храм), именуемый еще «Да-син-чо-цзы». По отыскании возвышенного места – шу-ду-шань, вблизи Си-цзин, он соорудил на них два храма – Да-ши-гу-му-ла и Юн-шань-цзы, и Ду-да-ур Гу-му-ла-коу-мин-шан-цзы. Сверх сих двух храмов для христиан было еще отведено кладбище. Далее, в округе Тан-ду-сянь, построен храм Да-луй Гу-му-ла си-дуань-цзы, с внешними воротами Дэн-юн-мынь; на горе Хуан-шань, храм Ди-лян хай-я Гу-му-ла строил Гао-ань-цзы. Вблизи Да-син-го-цзы сооружен храм Ма-ли Це-ва-ли-ци-дзы Гу-му-ла; строил Кхань-цзюань-цзы. В Ган-чжу, подле ворот Цзянь-цзяо-мынь, императором основан храм Ян-и Гумула; сооружал Да-пху-син-цзы. «Все сии семь храмов действительно были построены ревностью помянутого лица (императора); набожность его и привязанность к государству замечается в каждом названии храма, как и способе построения».

«Министр Вань-цзы рапортовал императору об основании этих храмов с выражениями большой похвалы. Император на содержание их положил определенный денежный фонд, с изъятием от всякого государственного налога, а наблюдение за целостью и сохранностью храмов поручил особому чиновнику, снабдив его земельными документами на 30 цзинов в Цзян-нани. Кроме сего, тридцать четыре цзина земли были приобретаемы с крестьян в Чжэ-си. Мар-Саргис, управляющий в Цзе-цзяне делами, управлял в течении пятилетия. При постепенном сооружении храмов, народ никогда не терпел непосильных податей и налогов. Народ, живший на этой земле, по взаимному договору, считался принадлежащим Е-ли-ко-веню. Желая почтить славное учение и мирное, благоговейное уважение к Св. Писанию, он пригласил из святой земли Мо-ли А-си-а (Марка), епископа (ша-ли го-ни-цзы-гу-на), и тогда было совершено по чину во всех семи храмах надлежащее Богослужение.

«Мар Саргис также заповедал потомству своему хранить профессию изготовления целебного напитка чэ-ли-ба, и навсегда поддерживать секрет в роде. Самая сигнатура наставлений и рецептов для этой профессии тоже сохранялась в семействе Саргиса (Сергия). Факт этот доказывает ревность помянутого лица. Вот все, что собрал я мне известного во единое и изложил по порядку, как слышал и передавали о том другие».

Однако ж, судьба храмов, выстроенных Сергием, была непродолжительна; два из них во времена монголов обращены в языческие храмы. Буддийские жрецы оказали перевес при дворе в Пекине о им было отдаваемо всюду предпочтение и влияние; но сами они к другим религиям относились крайне предосудительно и враждебно. Два помянутых храма были расположены на берегу р. Ян-цзы-цзян, на земле, принадлежавшей в давние времена монастырю, сооруженному, и остатки его ныне стоят на полуострове этой реки, именуемом Цин-шань. Все христианские

церкви потом были экспропрированы в пользу буддийского духовенства, наследовавшего христианскому.

е) В 1303 г. по Р. Х. такого рода церковные постройки в Цин-шань, под именем Бо-жо-юань, тоже отняты от христиан и поступили в ведение буддистов. На таблице, сооруженной в воспоминание о сем факте, была сделана самая подпись весьма известным в свое время ученым Чжао-мэн-фу. О самом событии излагается следующим образом: «В год восшествия на престол (1308 по Р. Х.) императора, в 5-й месяц, был издан высочайший указ, в котором повелевалось судье Бо-лу быть на службе в императорском департаменте, а Да-ши Де-му-р, советником при департаменте по хозяйству и религиозным делам; вскоре те же распоряжения разосланы были губернатору Цян-нань и Цзэ-цзянь, с нижеследующим предписанием: «Е-ли-го-вэнь самовольно построил храмы на земле, принадлежащей к Цин-тань. Повелеваем разрушить прежде всего кресты на храмах. Художник Леу-гао, написавший образа и устроивший идолов в Ба-та-цзы (храм белой пагоды) в столице, уполномочен был, по возобновлении этих-же храмов на новый вид, наполнить как внутренность их, так и стены изображениями Будды, Бу-са, картинами духов и драконов. Хранители храмов обязаны были, в свою очередь, снабжать художника и всеми материалами, требовавшимися для совершения сего предприятия. Самые храмы должны были иметь свои сигнатуры с означением их местонахождения – Цин-шань. «В тот же месяц, храмам Цин-шань пожалованы льготные грамоты, с оговоркой, что ни настоящие христиане, ни их потомки, не имеют прав на требования или какие-либо иски о владении сим местом. Всякого рода правонарушение по сему предмету строго должно быть наказуемо.

ж) «В 11-й месяц, Хай-юн-ду, президент департамента хозяйства и церковных дел получил высочайший ордер в следующем тоне: «Некоторая часть верующих (Е-ли-го-вэнь), приверженная к своей прежней власти, построила храмы на земле, принадлежащей Цин-шань. Недавно христианские образа были внутри уничтожены и на место их поставлены новые буддийские идолы. Стены храмов и места особого поклонения тоже обставлены и надлежащем порядке новыми образами (буддийскими). Отныне таковые храмы должны принадлежать к Цин-шань. Чжао-мэн-фу подучил приказание о немедленном составлении надписи и сооружении постоянной храмовоздательной таблицы». На этой таблице действительно Чжао-мэн-фу описал вышесообщенные исторические сведения, с заключением оных несколькими похвальными стихами.

з) Однако-ж, одной надписи показалось недостаточным в воспоминание о достопамятных событиях, а потому Пхань Ян-сяо, член императорской академии Ганлин, был уполномочен на составление другой подобной. Здесь, прежде всего, восхваляется буддийская религия, а после описания художественного положения Цин-шань на великой реке и сообщения о горах, противоположных этому месту и находящихся на правом берегу Ян-цзы, автор продолжает следующее: «В 16-й год Ши-юань (в 1279 по Р. Х.), христианин Ма Се-ли-ци-цзы, управлявший губернией Цин-цзянь, в силу своей власти, завладел лучшим местом возвышенного берега реки и выстроил на вершине храм, который и назвал Ин-шань-цзы, а на прилегающей не возделываемой и никем незанятой земле отвел площадь для кладбища своих единоверцев. В Индии (т. е. по ту сторону Китая) существует девяносто шесть сект, как о том пишется в буддийских книгах. Но из всех вероучений тамошних самым истинным почитать должно буддийское; а если это действительно так, то ужели возможно терпеть другое вероучение? Настоящий император, со времени восшествия своего на престол, приказал старые образа вынести и уничтожить, одни написать, другие вылить из металла новые, по образцу находящихся в других храмах столицы. Начальнику монастыря Цин-шань предоставлено было право управления и храмом, на сем месте построенном и получившем название «Бо-жо-чжань-юань»; вместе с сим, повелевалось все буддийские молитвы и песнопения произносить *на одном и том же языке по всей стране*»...

Несмотря на все труды и благочестивые усилия Мар Сергия, дела его не достигли совершенного успеха и были непродолжительны. Касательно судьбы прочих храмов не известно ничего. Кроме Мар Сергия известны несколько других христиан, упоминаемых в надписи Цин-цзянь-фу. Некоторые из них занимали высокие места в государстве, другие только посылались в разные пункты на время. Ань-чэн-син, например, был губернатором Чэн-цзянь (с 1283 по 1286 г.); то же место находилось под управлением Го-ли-ци-цзы (Georgius?) с 1308 по 1312 г. и Дай-бин с 1312 по 1316 г. Под управлением последнего, признательные чины и народ соорудили в честь его, как выражение благодарности, памятник за личные заслуги. Другие христиане, упоминаемые

в том же сочинении, суть: Ма Ао-ла-гань, О-ло-цзы, Ань-ма-ли-гу-цзи и его сын Е-ли-я; также Лю-го, сын Го-ли-ци-цзы.

Вот все сведения, какие мог собрать почтенный о. архимандрит Палладий по китайским источникам в книгах, им прочитанных; остальное, по его словам, касательно древнего христианства в Китае и Монголии, рассеяно по библиотекам императорским и лиц частных, а также разных монастырей.

и) С уменьшением влияния христиан Церкви Восточной, Византийской, католические миссионеры, пытаются неоднократно о приведении монголов в лоно своей церкви. В XIII столетии, когда монгольские орды, вторгнувшись в Россию, угрожали и самой Европе, папа Иннокентий в 1245 г. отправляет два посольства для мирных сношений и дела миссионерства. Доминиканцы, во главе *Анселина*, трудятся безуспешно; францисканец *Плано Карпини*, с горстью товарищей, лично знакомится даже с ханом татарским (1246 г.), но принужден был остаться лишь молчаливым свидетелем успехов монголов с преобладанием буддизма, магометанства и других сект, распространяющихся по востоку. Тщетны были также и любезные дипломатические попытки в 1253 г. Людовика IX, посылавшего *францисканца В. Рубруквиса* с тенденциями установить миссионерство. Монгольский начальник лишь терпеливо позволил выслушать предложение с замечанием, что монголы, имея своих богов, не нуждаются в чужестранных. Несмотря на то, удалось учредить одну церковь, и образовалась потом община христиан не более 70 человек. Рубруквис видимо не мог оказывать большего успеха в распространении христианства и сосредоточивал внимание на изучении исторических текущих событий востока; здесь он замечал уже антагонизм буддизма и ламаизма. «Сын неба» обнаруживал одинаково безразличное отношение ко всем религиям, также и к христианству, поскольку они не нарушали общей государственной гармонии. Кублай-хан говорит: «Четыре великих пророка известны, которым поклоняются все люди: христиане почитают своим Богом Иисуса Христа, сарацины имеют Магомета, иудеи чтут Моисея, а идолопоклонники – Сакиамуни или Будду, самого главного из всех идолов. Я же чту равно всех четырех». Более успеха имел среди китайцев и монголов *И. Монте-Корвино*, прибывший в Пекин в 1292 г.; для христиан им переведена часть Св. Писания, воспитывалось юношество, совершалась проповедь и богослужение. При Минской династии, в 1370 г., христиане, казавшиеся опасными язычникам, изгнаны; однако-ж появились новые в небольшом числе. Миссионерство имело некоторый успех по берегам Каспийского моря и в Средней Азии. В новейшее время, хотя в Монголии католицизм и не имеет хорошо организованных христианских общин, но странствующие миссионеры ведут свое дело проповеди без строго определенных пунктов.

§ 59. Переводы и распространение Библии и христианства европейскими миссионерами у монголов, маньчжуров, тибетян

Переводы англо-американскими миссионерами Св. Писания и христианская проповедь нового времени среди монголо-бурят, маньчжуров, тибетян. а) У монголо-бурят членами Лондонской миссии (Суан и Сталибрас), их неудачная попытка, утверждения в г. Селенгинске 1817–1833 гг., издание Н. Завета и Библии на монгольском языке 1846 г., значение бурятского диалекта. б) Слово Божие на маньчжурском языке и в) – на тибетском, замечания о миссии

а) Когда англичане получили доступ в Китай и американцы, то и Монголия не ускользнула от их внимания, как и Сибирь. Члены Лондонского миссионерского общества – Суан и Сталибрас, в царствование государя императора всея России Николая Павловича, проникнув на окраины Сибири, поселились на некоторое время около гор. Кяхты и начали свою проповедь среди русских бурят, что было в 1817–18 г. Пунктом миссии избран был Селенгинск, но в 1841 г., по указу императора Николая Павловича, миссионерам повелено удалиться с избранного ими поля действий. И поныне остаются в г. Селенгинске, в месте, у англичан называемом «Anagen Dome», три могильных плиты, надписи на которых говорят, на латинском языке, что «in hoc sepulchro conduntur reliquiae mortales Sabae Stallybrass uxoris carissimae fidelissimae que Eduardi Stallybrass emissarii a societate Londenensi pro Evangelio inter ethnicos propagando obiit Februarii 10 die ASH 1833, setat 49». Надпись заканчивается знаменательным акростихом: Ubi est mors stimulus tuus? Ubi est sepulchrum Victoria tua!» Такая же надпись и на русском переводе, т. е. одного содержания, по описанию Нойнос'а, автора статьи «черты древле-бурятской миссии»,¹⁰⁰ откуда заимствуем свои сведения о лондонских миссионерах. Несмотря на кратковременное пребывание их, остались некоторые и другие следы. Один дом существовал в самом г. Селенгинске, а другой «Anagen Dome», стоявший одиноко, служил пунктом пребывания начальника бурятско-монгольской миссии. Здесь помещалась школа и квартира для учителя, сведущего в языках монгольском и бурятском. Пункт, выбранный англичанами, был самый удобный и безопасный, предполагавшийся служить центральным при дальнейших действиях и распространении миссии. По Селенге миссионеры могли свободно проплывать летом и весною, а зимою ездить по льду в санях до самого озера Байкала, посредством замерзших мелких речек, и, минуя горные перевалы, отправляться в другие места. Весь плац Монголии от Кяхты до Урги и далее мог служить выгодным местом для миссионерских разъездов и визитаций по бурятским и монгольским юртам. Несмотря на непродолжительное существование Лондонской миссии на границе Монголии и России, был сделан смелый шаг – перевод Св. Писания для бурят, исполненный двумя лицами – Суаном и Сталибрасом. Ветхий Завет напечатан и издан для Сибири в С.-Петербурге 1840 г., с разрешения государя императора Россия. Новый же Завет опубликован в Лондоне, в 1846 г. Особенность сих изданий та, что для Ветхого Завета усвоен монгольский тип письмен, тогда как для Нового Завета – маньчжурский. Последний тип письмен почитается литературным монгольским. Сталибрас и Суан, однако же, не ограничивались только этими переводами; существовали у них и другие, касающиеся проповеди Евангелия. Ревизией таких переводов заведовали в Пекине д-р Эдкинс и еп. Шерешевский, тогда как проживающие в г. Калгане г. Гулик с женою и г. Жильмур принимали особенный труд сношений с монголами, заведовали сбытом для них изданий Св. Писания и занимались изучением языка монгольского. Русская Духовная Миссия в Пекине, по выходе в свет изданий Сталибраса и Суана Св. Библии, неоднократно обращалась за ними в Лондонское Миссионерское Общество и делилась как между монголами китайскими чрез русских в г. Калгане и г. Урге, так и с сибирскими бурятами, соседними маньчурами, посредством русских миссионеров и епархиальных преосвященных. Из пунктов Монголии наиболее населенных и главных, где могут быть миссионеры для христианской проповеди среди тамошних жителей, известны: Урга, Лоб-нор, Улясутай, Кобдо, Калган; прочие места трудно определить по причине большею частью меняющихся кочевых пунктов. Для буддистов и ламаистов их монастыри служат специальными миссионерскими рассадниками и станами, но для иностранцев, тем более миссионерам христианским они недоступны. По отношению к г. Урге, где устроено русское консульство, заметить следует, что здесь более, нежели где-либо в Монголии, возможен миссионерский русский стан. Сами монголы – народ преимущественно бедный, очень нуждаются в учреждении, где-бы могли они отдыхать, питаться хлебом вещественным и духовным. Язык монгольский, которого лучший диалект – бурятский,

располагает самих бурят служить посредниками в деле проповеди христианской. Между тем, ламаисты монгольские ежегодно, под предлогом поддержания единоверцев, приходят массами в русские пределы и волей-неволей стараются бурят воспитывать в своем духе и питаться его средствами, а это обходится весьма недешево, и для русского национально-православного народа не очень полезно.

б) *Слово Божие о Маньчжурии* на языке маньчжуров является в зачаточном состоянии, и в начале только пятидесятих годов настоящего столетия переведены некоторые части Нового Завета параллельно с китайским текстом и переводами, как языке наиболее знакомом грамотным маньчжурам после их родного. Протестантская миссия, утвердившаяся в Мукдене, провинции Шэн-цзин, служит главным средоточием, имеет свою школу и проповедников. Пекинской Русской Миссией, которой христиане знакомы с маньчжурским языком и китайским, сделанный опыт перевода студентом Липовцевым на маньчжурский язык части Евангелия лег в основу последующих и издан Лондонским Библейским Обществом на его счет. Словарь маньчжурско-русский и грамматика для изучения маньчжурского языка, профессора С.-Петербургского университета И. И. Захарова могут служить для гг. миссионеров не только русским, но и иностранным, лучшим пособием в изучении языка сего; сами маньчжуры и китайцы с должным уважением относятся к означенному труду. По видам политическим, китайское правительство, однако ж, заботится о распространении преимущественно китайского языка и письмени среди маньчжуров, а потому весьма неохотно дает перевес и влияние изучению языка маньчжурского в школе и проповеди. Обстоятельство это весьма важно для целей миссионерских и успеха христианской проповеди. Пограничные с Россией *"Манизы"* имеющие ломаный монголо-маньчжуро-китайско-русский язык, представляют свои особенности и трудности, не поддающиеся пока литературному определению; их язык – разговорный по преимуществу.

в) *Миссионеры в Тибете и переводы их Слова Божия*. В 1816 г. Церковно-Миссионерское Общество сделало попытку снабдить тибетанцев переводом Св. Писания на их языке, но, к несчастью, столь важное предприятие не получило своего исполнения и авторитета. Предмет этот оставался в неопределенности до 1843 г., пока д-р Габерлен (Haberlin), агент Британского и Иностранного Библейского Общества, после его путешествия по Тибету, не настоял пред Миссионерскими Обществами над предприятием тибетанского перевода Св. Писания. При этом ученый доказывал, в результате наблюдений и изысканий по Тибету, что тибетский язык как разговорный, так и употребляемый ламами в их литературе, оказывает громадное влияние на азиатские народы. А поэтому и перевод Св. Писания на языке, почитаемом священным по преимуществу, может служить средством весьма могучим и полезным в обращении ежегодно тысячей томов внутри Азии, на разных пунктах, и по всей громадной границе Британской Индии; что миллионы народов, говорящие сим языком, или понимающие его литературу и любознательные в китайской, могут извлекать действительную пользу в познании предметов веры ведущих ко спасению. В 1856 г. усилия д-ра Габерлена направляются к переводу Евангелия от Матфея, которое в 1863 году и публикуется Моравской Миссией в Цилане (Kuelang). Около того же времени образовалось Библейское Общество Пунжаба, с его главной квартирой в Лагоре, и в числе главных предметов предстоящей деятельности, внесен был проект о переводе Св. Писания на язык тибетский, тогда начатом моравскими миссионерами. Затруднения при этом были очень велики, и дело перевода естественно шло весьма мешкотно. Неудивительно, что только после пятилетней публикации Евангелия от Матфея возможным оказался перевод и публикация Евангелия от Иоанна и Марка; затем преступлено к остальным частям Нового Завета, которого полный перевод еще незакончен. Насколько может быть успешна проповедь и распространение Библии среди тибетанцев, обладающих громадной религиозной буддийской и ламской литературой – вопрос очень трудный, особенно если принять во внимание сольную и мощно организованную корпорацию духовенства. Нищета народа – поразительно велика, а нравственная распущенность еще ужаснее, от ненормальной жизни, несемейной, при отсутствии надлежащих экономических условий и земледельческого труда. Дух нетерпимости к прочим религиям и иностранцам столь силен, что нет ни малейшей возможности вести дело проповеди христианской. Между 1854 г. и 1864 г. несколько французских миссионеров сделали попытку утвердиться в Бонге и организовать там римско-католическую миссию, в юго-восточной части Тибета, но получили сильное расстройство от упорства и нападений лам, а китайские власти

нисколько не защищали иностранцев. Все другие усилия ввести христианство, остались безуспешны; и после сего, тибетанцы еще суровее стали относиться к европейцам.

§ 60. Литературные замечания (Зейдель и архим. Палладий)

Литературные замечания: а) теории Зейделя относительно Будды и его учения по сравнению с лицом И. Христа и его Евангелием: б) труды о. архимандрита Палладия по истории буддизма, даосизма и христианства в Китае, с характеристикой оных.

А) В заключение изложенного о буддизме в Китае и христианстве в некоторых частях его (Монголия, Маньчжурия, Тибет) предлагаем интересные сведения о своеобразном ученом направлении в европейской литературе, рассматривающем *Евангелие Иисуса Христа в его отношении к буддийским сказаниям о Будде, его учении и другим соприкасающимся религиозным представлениям того-же рода*. Означенная задача, так или иначе разрешаемая и затрагиваемая европейскими учеными, наиболее рельефно изложена у немецкого ученого Г. Зейделя в его трудах:¹⁰¹ под указанною рубрикою и в других, специально касающихся того же предмета:¹⁰² «Религия и религии»,¹⁰³ «Легенды о Будде и жизнь Христа»,¹⁰⁴ «Будда и Христос»,¹⁰⁵ «О христианстве Христа». Эта последняя книжечка есть продолжение выводов, прежде изложенных автором, в исследованиях «О религии и религиях». Её содержание следующее: а) Христианство И. Христа в отношении чудес; б) исторический Иисус; в) Христианство Христа как ученая философия – *Lehrgehalt* в отличие от вышепоименованного – *Christentum Christi*. Положения Зейделя связываются и с другими поименованными (3, 4, 5). Труд, поименованный в начале (1), особенно заслуживает внимания по истории сравнительного изучения религии; можно сказать – это свод всех предшествовавших результатов, добытых многотрудным анализом науки. По литературно-историческим разысканиям, доселе предпринятым, главными источниками по сему предмету служат легенды о Будде, и имена, содержащиеся в Лалита-Вистара, имеющей значение нашего евангелия или точнее, буддийско-христианской евангельской гармонии. Как общеисторический продукт она может быть рассматриваема в целом зависящею от общего течения легенд о Будде и Евангельской истории; а чрез это получается возможность совместного рассмотрения исследователю и его самостоятельной точки зрения на предмет, с полною верою приближения к истине. На основах католической евангельской литературы, представляющей строго ограниченное собрание в тексте древних отрывистых изречений и сказаний, устанавливается пред нами в определенном облике как бы третий источник – «поэтически-апокалипсическое евангелие древнейшей эпохи», составляющее среднее искомое между буддийскими легендами и Евангельскими сказаниями христианства. Следующие евангельские факты подвергаются сравнительному сопоставлению и объяснению с буддийскими, под тремя видами теории автора: 1) Картина Храма, сравнение современного состояния одного с будущим разорением (гл. 13 от Марка). 2) Постыющийся Христос в пустыне (Мк. 1, Мф. 4, Лк. 4, Зейдель гл. 18). 3) Предвечное бытие Иисуса Христа – Богочеловека (Зейд. гл. 23). 4) Смоковница как символ первоначального исправления (гл. 24). 5) Вопрос в повествовании о слепорожденном «не сей ли согреси?» (гл. 37). В означенных и подобных случаях, сравнений и параллели Евангелия с Лалитой-вистара, особенно в пояснении беседы Христа с самарянкой (гл. 32). Зейделем приводятся много буддийских легенд, весьма интересных по себе о рождении и предсуществовании Будды, его чудесах и учении. Несмотря на кажущееся сходство многих параллелей, весьма опасно, однако ж, пользоваться ими для доказательства одностороннего, что буддизм служил главным источником для христианства, его многих концепций и сказаний. Г Зейдель однако ж не чужд сего направления, коего придерживаются и некоторые другие ученые того же предмета касавшиеся и нередко отуманиваемые художественно-поэтическими наружно сходными представлениями, но в существе различными и со строго христианской ортодоксальной точки зрения недопустимыми. Показать, представить что-либо в известном свете и облике возможно многое, но доказать, убедить здравомыслящего, и глубокомысленного человека – довольно трудно, даже – невозможно. Макс Мюллер при издании священных книг народов Востока, везде, где возможно сравнение, параллелизм, сближение Евангельского учения, картин, представлений, позволяет, подобно Зейделю, делать слегка этого рода указания и предоставляя самому читателю судить о них более подробно и верно.

Б) Для более точного понятия о буддизме вообще и Будде в частности, имеют значение труды бывшего начальника Пекинской Духовной Миссии о. Палладия, краткий очерк о которых и характеристика делается в предисловии к Китайско-Русскому словарю (1889 г.), начатому этим

почтенным о. архимандритом и оконченным П. С. Поповым. О. Палладий обратил внимание на условия, при которых появился и действовал основатель религии Нирваны, с очерком современных Будде философских учений Индии, её нравов и обычаев, коими определился тип Будды – его характер и учение, (см. «Жизнеописание Будды», I т. Труд. Член. Пек. Д. Миссии 1852 г.).

«В историческом очерке древнего буддизма», обнимающем шесть веков, со времени смерти Будды до Р. Х., в течении первых трех периодов, исчерпывается по разным источникам вся картина состояния первичного буддизма. В частности, автор знакомит нас с характером и организацией буддийских братств, их разделением на многочисленные школы, с характеристикой главнейших, и литературой их, с отношением к современным им небуддийским учениям и братствам» (II-й т. Труд. член. Пек. Д. Мисс.). В очерке – «Старинные следы христианства в Китае», о. архим. Палладий представляет свод и критическую оценку многочисленных китайских первоисточников, с сведениями из них о христианстве в Китае при династии Тан и Юань. Им же сообщается не мало сведений о разных христианских сектах в Китае – манихеях и иудеях и о религии гебров. Всего более интересные данные о периоде Чингиз-хана и его личности, состоянии и событиях при нем религиозных и других, а также по истории Юаньской династии (IV т. Труд. чл. Пек. Д. Мисс.); заслуживают внимания и очерки из путешествия даосского монаха Чан-гуня на Запад, и проч.

Приложение 1-е к § 44, 47. VII-й артикул эдикта императора Канси о религиозных сектах из его XVI наставлений китайскому народу с содержанием ОНЫХ

VII артикул Священного эдикта «Шэн-ю» императора Канси «о религиях и иностранных сектах»¹⁰⁶ 1671 г

1) Мы убеждены, что для преобразования к лучшему нравов общественных, прежде всего необходимо исправить человеческое сердце, иначе – прежде и главнее всего позаботиться о надлежащем преподавании народу *шэн-цзяо*, т. е. священного учения конфуцианского, каким оно излагается классом ученых – *жу-цзя*.

2) Когда человек, познав *тянь-ди чжи-чжун* – учение об истинной середине неба и земли, получит жизнь, остается ему только подчиняться в ежедневном поведении правилам этого учения, с ними сообразоваться в общественных отношениях и основных добродетелях, обязательных одинаково для ученого и невежды; но изыскания неизвестного, допущение на деле чудесного, несообразно с духом священных философов. Достоинство мудреца, по выражению И-цзин, заключается в определении и уяснении справедливости начиная с самого нежного возраста. *Вань-дао* или «Царственный путь мудрецов», говорит Шу-цзин, «состоит без отклонения в сторону или наклона, без заблуждения и без уклонения». Иначе, заслуга мудреца по «Вань-дао» заключается в коренных началах истины и орфодоксивном их истолковании.

3) Книги, не принадлежащие сим философам, и обрядники, несообразные с их учением, устрашающие поколения, развращающие нравы, умножающиеся без числа, распространяемые среди народа, подобно шутивым и насмешливым изделиям стихоплетов, должны быть все без исключения изгоняемы, как содержащие в себе чужеземные правила жизни (*maximes*)!

4) Солдаты и народ! Мы знаем, что большинство из вас, несмотря на повиновение власти и честность, не чуждо заблуждений по опасным стезям, а потому вы становитесь виновными пред законом, сами того не замечая. К таким людям мы не можем не относиться безучастно и без сострадания!

5) Три религии или системы учений нам известны, как древние: 1) «жу-цзун», «жу-цзя», т. е. школа учения, конфуцианство, наблюдающее религию государственную, в *Ли-цзи* с церемониями и правилами управления; существуют еще секты 2) *Дао* и 3) *Фо*. Первая есть учение мудреца Лаоцзы – «*Дао-цзяо*», изложенное в его книге «*Дао-дэ-цзин*» поддерживаемое последователями – школою бессмертных, «*Сянь-цзя*»; второе учение – «*Фо-цзяо*», «*Фо-ту*», «*Фо-то*» т. е. принадлежащее Будде, *Ши-цзя-му-ни*, Шигемуни. Философ Чжу-си выражается так: «Секта Фо не рассуждает ни о том, что существует между небом и землею, ни о том, что содержится под четырьмя пунктами горизонта: её предмет только сердце (т. е. нравственная жизнь и правила поведения). Учение Лао (т. е. даосизм) рассуждает лишь о сохранении духов животных». Из сего определения Чжу-си, мы видим, чем занимаются, чего ищут издревле секты Фо и Дао. Тщетно увлекаются многие праздношатающиеся, лишенные средств (т. е. учения Вань-дао), призрачным блеском этих сект к собственному вреду и разрушению принципов. Вообще, чтобы прикрыть и провести в народ свои лживые и нелепые басни, они стараются излагать под ними небесные нестроения и благословения, общественное несчастье и благополучие; прежде всего они не щадят серебра для мира, дабы увлечь его и пропитать своим ядом; затем, мало-помалу завлекая в свои сети, кого ни попало, из мужчин и женщин, образуют из них религиозные ассоциации под предлогом сожигания благовоний; земледелец и художник бросают свои работы и примешиваются в бродячей толпе, разглагольствующей лишь о чудесах и диковинках. Еще того хуже, обманщики, вероломные, развратные, подобно змеям, вползают они в эти союзы и сходки, образуют тайные общества, связываются клятвой, собираются во тьме и мрачных уголках, исчезают точно привидения при утренней заре и солнце, нарушают всякое учение, презирают всякую справедливость, обманывают целые поколения и играют чернью. Но вот, в прекрасное утро, обнажается все; они преследуются, схватываются своими же соучастниками и бросаются на дно страшной тюрьмы; привлекаются к тому же их семейства, как виновные и увлеченный сектатор подчас наказуется как самый страшный преступник; всякий таким образом искавший для себя в означенных сектах источник счастья, на самом деле получает величайшее несчастье. Таковы для примера и секты *Бай-лянь-цзяо* (т. е. тайное общество белого ненюфара) и *Вень-сян-*

цзяо (т. е. общество благовонных курений), и прочие им подобные, (разумеются имеющие политическое значение, а потому бурные и опасные для правительства). Что касается учения западного – Тянь чжу-цзяо (т. е. христианства, принесенного католиками), то оно равным образом противно православному, содержащемуся в наших священных китайских книгах *цзинах*, и потому особенно, что западные апостолы (иезуиты и другие р. катол. миссионеры) более знают науки математические, нежели понимают дела государственные; остерегайтесь же (китайцы) подпадать под власть этих невежд!

6) Все лжеучения, обманывающие народную толпу, суть вещи, достойные законного преследования и наказания своих шарлатанов за их злое искусство; государством они предусмотрены и возмездие определено как следует – справедливо. Постановляя законы на сии случаи, правительство проникнуто единственной целью – воспрепятствовать своему народу совершение зла, увещевать к добродетели, с искоренением ереси, восхвалять и ставить высоко здоровое учение, отдалять всех от опасностей и утверждаться в спокойствии.

7) Солдаты и народ! Если ваши отцы и матери жили в сем мире спокойно, счастливо и долгие годы, то и вы не останетесь без пищи и одеяния, будучи изъяты от беспокойств вас удручающих отовсюду. Тем не менее, по своей природе всегда справедливой, вы иногда ослепляетесь, забывая существенные добродетели, являясь возмутителями законов вашего князя, нарушаете государственную защиту и таким образом терпите поражение, доходите до безумия. Впредь, да не будет сего!

8) Наш августейший отец и благодетель император, по своему человеколюбию соделал свой народ крепким как сталь, приучил его к правдивой и прямой жизни, внес для его усовершенствования, основные общественные добродетели. Сколь он глубок и возвышен в светоносных и великих начертаниях, направленных на пользу многих поколений и близких сердцу людей!

9) Солдаты и народ! почитайте августейшие благожелание и волю государя, следуйте его священным наставлениям! Изгоняйте ересь наравне с хищниками и разбойниками, огненными потоками; помните, что вода, огонь, разбойники и воры могут нанести вред только телу и имуществу, но бич ядовитых лжеучений причиняет опустошения в самом сердце людей. По своему первоначальному образу, человеческое сердце справедливо, изъято всякого зла, и если бы человек умел навсегда сохранить оное силою своей воли, без сомнения, он никогда бы не заблуждался. Да будет предстоящий вам жизненный путь прям и правилен как иероглиф; всякого рода правонарушение наоборот – не имеет этой прямоты. Да царствует же тихое и безмятежное святилище семейства и да не будет никакой опасности его благополучию?

10) Кто благочестиво почитает родителей, тот может похвально служить и своему государю, исполняя благородно обязанности человека, он достоин также и милостей небесных. Всякий, кому дорог его жребий и честь, да остережется от зла и верно да исполняет долг в отношении к государству. Несомненно, на него снизойдут благословения божественные!

11) Земледельцы! оставайтесь на полях ваших, будьте терпеливы и ревностны в обработке. Солдаты! будьте красноречивы в маневрах ваших! Все наслаждайтесь мирно обычными дарами дорогих тканей и хлебных зерен!

12) Живите все сообразно с учением о великом самоусовершенствовании, будьте справедливы и прямодушны! Да изгоняются вами чужеземные секты учений; да погибнут сами они во вражде и борьбе взаимной!

Предложив полный перевод VII артикула из эдикта императора Канси, извлекаем и самое содержание XVI наставлений китайского государя, известных под названиями *"Шэн-ю"* 1671 г. и *"Шэн-ю-гуан-синь"* 1724 г. т. е. краткой и пространной редакции.

I. «Искренно исполняйте сыновнюю добродетель и братскую любовь, дабы общественные отношения стояли как можно выше.

II. Крепко соединяйтесь узами родства, согласие и единение да будут для всех явны.

III. Мирнолюбиво живете со своими соседями и избегайте тяжёлых процессов.

IV. С честью трудитесь над возделыванием земли, заботьтесь о созревании и собирании плодов и семян, дабы всегда быть сытым и одетым.

V. Цените порядок и экономию и сберегайте богатства.

VI. Воспламеняйтесь любовью к высшему образованию и прилежите о нем, дабы достигнуть почетного звания ученого человека.

VII. Клеймите презрением всякую иностранную секту вероучения, и как можно выше противопоставляйте им православную истину.

VIII. Изъясняйте законы, дабы научить невежду и воздержать разнузданного человека.

IX. Показывайте превосходство обрядов и благопристойности, направленных к усовершенствованию нравов.

X. Упражняйтесь в фундаментальных занятиях, дабы энергия народа становилась более крепкою и сильною.

XI. Поучайте и воспитывайте юношество, устраняя от него совершение дурных дел в последствии.

XII. Прекращайте лживые обвинения и доносы, оказывая покровительство невинным.

XIII. Уведомляйте правительство об укрывателях беглых солдат, и препятствуйте законными мерами совершению преступлений, могущих произойти от сего.

XIV. Регулярно, вовремя, уплачивайте подати и налоги, дабы не подпасть строгому наказанию по закону за неисполнение сей обязанности подданного.

XV. Организуйте из себя караулы по закону «Бао-цзя», для истребления разбоев, грабежа и воровства.

XVI. Усмиряйте между собою возникающие раздоры и дорожите ценою жизни».

Приложение 2-е. § 61. Краткий буддийский китайско-русский словарь, с русскою транскрипцией и переводом (по словарю Дуоляйтля)

Буддийские слова и фразы в китайском словаре в переложении оных, из словаря Дуоляйтля с романизированной транскрипцией, по русскому произношению и транскрипции, – в переводе с английских объяснений, иеромонаха Алексия

I. Буддийская троица

1. *Фо*, первое лицо будд. троицы, т. е. Будда, всепроницающий, обладающий совершенною мудростью и знанием.

2. *Фа*, второе лицо будд. троицы, или *Дгарма*, – закон (law), в коем содержится вероучение Будды.

3. *Сэн*, третье лицо будд. троицы, *Санга*, – собор последователей Будды.

II. Титулы Будды.

4. *Жу-лай*, высший титул Будды, т. е. Будда пришедший, явившийся, – Тафагата, – являющийся и здесь и там в его учении, школах; также – Будда действительно явившийся, реальное лицо.

5. *Дуо дэ ся-дэ* (to'toc hia'to), или Тафагата; *жу-лай*, *татаива* – этот, *мат* – я – истинный, *гата* – грядущий или имеющий прийти.

6. *Сань-ши жулай*, Будда трех времен – настоящего, прошедшего, будущего.

7. *А-ло-го*, достопочтенный (venerabilis), слово священное, которое дается Будде и его ученикам.

8. *Сань-мяо сань фо-дэ*, Самъяк, Самбудга – непосредственное или универсальное знание. *Сам*, т. е. весь, подобный, справедливый, *сам-як*, т. е. правильный, универсальный, прямой, ровный; *Бодги* – знание (knowledge).

9. *А-ну-дэ ло сань-мяо сань фо-то*, Ануттара, Самъяк. Самбудга, т. е. имеющий несравненно совершенное и всеобъемлющее звание.

10. *Би-чжи чэ-ло на сань бань-на*, Бита, чалана-сам-пурна, т. е. тот, кто различает силу и имеет полное действие: или владеет шестью силами – *шэнь тхун*.

11. *Сю цзя тхо*, Сварата, т. е. владеющий полным спокойствием своих страстей.

12. *Лу цзя бай*, Lokavita, т. е. имеющий жизнь (vita) из Лока (или Мира).

13. *А-ну до ло*. Anuttara, без начальника живущий, не имеющий власти над собою или – совершенный, святой, сильный человек в действиях и усовершенствовании, руководящий других – *ко хуа чжан фу дяо ю ши*.

14. *Тянь жень цзяо-ши*, небесный наставник в добродетели, людей.

15. *Фа*, *фо*, Будда, или всепроницающий, всеведующий.

16. *Ши цзунь*, единый в мире достопочтенный *Локаната*.

17. *Бо цзя бо*, Бгагават, достопоклоняемый, блаженный; *Бо-цзя-фань*, Бгагават, владеющий всеми добродетелями.

18. *Тянь-чжун-тянь*, Бог в сонме богов, главный из них, Devatideva.

19. *Фа ван*, царь справедливости, закона (law).

III. Названия Будды (Buddhas).

20. *А ми-то-фо*, Амитабга Будда; Будда западного неба; *А* – не, *ми* – измеримый, т. е. беспредельный.

21. *Ши цзя му ни фо*, или *ши цзя взнь фо*, т. е. Шакьямуни Будда, действительный основатель буддизма.

22. *Жань дэн фо*, Будда горящей лампы, Дипанкара, собственно – Будда, сияющий подобно свету лампы; *ден* – лампа, светильник, *кафа* – свет.

23. *Ми-лэ*, Майтрейя, грядущий Будда (Мессия), единый благодарный.

24. *А-чу-фо*. Акху Будда; неподвижный Будда из царства редких ожиданий.

IV. Личная характеристика названия Будды.

25. *Фа-шэнь*, тело буддийского закона, духовной природы. Дгармакайя.

26. *Бинь-шэнь*, тело, способное к переменам, преобразованиям.

27. *Бао-шэнь*, тело совершенной радости, блаженства, или совершенного вознаграждения Sambhoga kayat, радость получающий.

28. *Фань-нао-ди-цин* (ching), чистый от мирских увлечений, страстей, беспорочный, Вайрочана.

29. *Лу-шэ-на*, блестящий, Вочана.

V. *Названия семейств и каст.*

30. *Бо-ло-мынь*, каста Браманов.

31. *Ча-ди-ли*, каста царей или Кшатриев, военных.

32. *Фэй-шэ*, каста купцов, Вайзия.

33. *Су-до-ло*, земледельческая каста, Судра (Shudra).

34. *Цю дань*, Годاما; племя, к которому принадлежал Шакьямуни.

VI. *Степени в буддийской иерархии и обязанности.*

35. *Пху-са*, Бодисатва, (от *Бодги* – ум, и *Сатва* – реальность, сущность, умственная сила, блаженство. У буддистов сим означает величайшая нравственная сила.

36. *Цзю* (chiu) *ма-ло-фу-дэ*, ребячески прямодушный, честный (от kumara – мальчик, boy и bhuta – истинный, вежливый; так называются царские дети (kumarata, kumaraga), Будда или Бодисатвы, обладающие наивным детским простодушием, называются еще проще – *ван-цзы*, т. е. сыны, дети князя (– мудрости).

37. *Би ши-фо*, Патьяка Будда; тоже, что *юань-цзяо*, т. е. понимающий 12 причин, или прозорливый, бдительный, дающий размышлением всему жизнь посредством 12 причин (от *Пратья* – причина, и Будда – наперед усматривать, все проникать, разуметь).

38. *Сю* (hsu) *то-юань*, Сротапанна, разряд буддистов посвящаемых, вступающих (apatti) в течение (srota) буддийского поведения, дисциплины.

39. *Су* (ssu) *то-хань*, Сакридагамин, разряд однажды навсегда (sakrita) вступивших и идущих (gamin) среди людей с освобождением от всех мирских забот.

40. *А-на-хань*, Анагами, разряд людей свободных от недостатков и заблуждений, истекающих от мира смерти и развращения.

41. *А-ло-хань* Арган или Логан, разряд победивших неприятелей и преимущественно свои страсти, а потому заслуживающих почитания и поклонения (arha – поклоняемый, или – идол).

42. *Ши ба ло-хань*, восемнадцать Лоханов, шестнадцать из коих индусские и два китайские, изображения их ставятся по большей части в буддийских храмах.

43. *Мо хо на цзя* (chia), Мага нага, – великий дракон, прозвище, усвояемое одному из высших Лоханов.

44. *Цзун чэ* (tsun che), почтенный, Арийя; у буддийских комментаторов *Шэн-чэ*, святой, или мудрый, в смысле китайских мудрецов и тоже почитаемый у них наравне со своими.

VII. *Главные Бодисатвы.*

45. *Вэнь-шу-чжили*, Манжузари; Бодисатва севера почитаемый в Вудаи, в Шанси. *Вэнь-шу пху-са* – компаньон Пху-янь Пху-са, называется он еще *да ши-чжэ*, т. е. обладающий великим знанием.

46. *Пху-сянь* ('pu hsien), Самантабhadра, Пху-сянь Пху-са, всеблаженный (samanta) и счастливый (bhadra).

47. *Гуан-инь*, (Авалокитесвара), также – *Гуан ши пень Пхуса*, т. е. прозирающий, всеозирающий – (авалокита), самосущий – (исвара), или – озирающий миры (авалокас Лока). С двумя предшествующими лицами он образует троицу; атрибуты трех божеств – мудрость, блаженство и благодарность. Идол сей почитается на о-ве Путо, имеет в изображении женские признаки, выражающие благодарность, и деторождение.

48. *Да ши ши* (ta shih chih), Маганана или Магастгама, т. е. имеющий великую силу, могущественный.

49. *Шэн-мин* (chin-meng), Вималакиртта, т. е. не имеющий пятен, имеющий беспорочное (vimala) имя (kirtti).

50. *Мяо-и*, chinda, прямодушный, честный.

51. *Яо-ван*; –*Яо-шан*, два равных Бодисатва приемлющие жертвы и почести, особенно от медиков и больных.

52. *Ди цзан пуса*, Бодисатва помогающий черни в спасении от ада.

VIII. *Классы буддийских учеников.*

53. *Би-цзю* (pi-chiu), бикшу, нищенствующий ученик, – главное прозвание буддийских монахов в Индии.

54. *Би-цзю-ни*, бикшунни, т. е. монахини или буддистки.

55. *Сяо-цзе-ни* (hsiao-chieh-ni), ученицы, изучающие сяо или шесть запретительных правил: 1) не осквернять и не омрачать души; 2) не похищать четырех родов монет; 3) не закалать для пищи животных; 4) не произносить никакой лжи, не позволять обмана; 5) не вкушать пищи в не дозволенные часы; 6) не пить вина.

56. *Ша-ми* (sha-mi), человек, прилежный в методическом изучении Shramanera, желающий слышать и внимать наставлениям Будды, с выражением при этом чувств благодарности.

57. *Ша-ми-ни*, буддийские монахи, не имеющие никакого общения с прочими классами народа.

58. *Ю-бо-зай* (yu 'po sai), Упасака, близкий последователь, слуга.

59. *Ю-бо-и*, Упазика, верующая женщина; *син-ши-ню*, верующая служанка.

60. *Ши-чжу* (shi-chu), датель, верующий жертвователю в пользу буддистов, данapati. *дань-на*.

IX. Главные названия последователей Будды.

61. *Ши-ши*, принадлежащий к семейству шакья-муни, буддийский ученик его, буддист оставляющий отличия кастовые и делающийся им по обету. Чаще всего это прозвание усваивается племенем Шакьямуни.

62. *Чжу-цзя-чже* (chu chia che), живущий в согласии с племенем, но вне семейных связей, и делающийся сам Буддой.

63. *Сэн*, Sanga, член собрания.

64. *Ша-мынь*, Shramana, аскет, букв. в индийской этимологии Shrama знач. труд, Shramin – трудолюбивый.

65. *Би-чу* (pi-chu), бикшу, нищенствующий монах, также *Би-цзю*.

66. *Хо-шен*, общее название буд. монахов у китайцев. Слово это древне – тюркское, в санскр. означает лицо, организующее около себя учеников для изучения закона и чтения сутр; это Uradhyaya – самостоятельно научающий учитель.

67. *Ду-ли* (tu-li), Acharya, наставник (преceptor), наблюдатель за добрым поведением.

X. *Сверхъестественные существа*.

68. *Тхянь*, санскр. Deva, лат. Deus, т. е. чистое, светносное, величайшее и почтенное существо, владеющее всею добродетелью, обитающее в разных райских селениях горы Сумеру. Сын сего Deva назыв. *Тхянь-цзы*, сын неба, сын Божий, Devaputra, или *эвр ши сы тхянь*, – двадцати четырех небес сын, или 24-й из Devas (включая Брахму и Индру), особенно почитаемый и покланяемый в будд. храмах, имеющий особого идола с соответствующими ему символами.

69. *Си-да-тхянь-ван*, четыре великих князя (царя) дев, живущие в верхних частях горы Сумеру.

70. *Дэ-вэнь-тхянь-ван*, Vaishramana, один из четырех царей, управляющий севером, коему подчинены Якшасы и Рахшасы, именуется также – *Би-ша-мынь*.

71. *Цзэн-чан-тхянь-ван*, Virudhaka, один из четырех царей, управляет на юге, владычествует над Kumbhanudas и Pretas; по кит. – *би-лю-ли*.

72. *Чжу-гэ-тхянь-ван*, Dhritarashtra, один из четырех царей, управляет на востоке и господствует над Candharvas и Pishachas, по кит. – *ди-до-ло-ча*.

73. *Гуан-му-тхянь-ван*, Virupaksha, один из четырех царей, управляет на западе, повелевает драконами, по кит. – *би-лю-бо-ча*.

74. *Ди-ши*, Indra shakra, индусский бог воздуха; по кит. – *ши-ди-хуань-ин*; Индра = *ди*, воздух – *ин*, Шакраши, Deva, т. е. бог – *ди-хуань*.

75. *Фань-тхянь*, Брахма (с Индрой, Ямой и Шивой заимствованы у китайцев от индусов).

76. *Ши-чжи*, Shikina, огонь, Брахма повелевающий огнем для укрощения чувственной похоти, желаний.

77. *Да-цзы-цзай-тхянь*, Maheshvara, Шива, имеет 8 рук в 3 глаза; по кит. – *мо-го-шу-ло*.

78. *Жи-шэнь*, Surya, дух солнца.

79. *Юэ-шэнь*, Soma, дух Луны.

80. *Лун*, Nagas, дракон, управляет дождем, реками и морем.

81. *Юэ-чжа* (cha), Yakshas, небесные якшасы проникающие всюду в воздухе на колесницах и конях, ими охраняются рвы и стены райских обитателей. Земные якшасы только летают по воздуху.

82. *Ло-ча*, Ракшасы, разряд безумно бегающих и движущихся демонов.

83. *Цянь-та-бо* ('chien'ta'po), Гандарвы, небесные музыканты.

84. А-сю-ло, Asuras, демоны чудовищной величины, равные по силе с Девами.
85. Ло-ху, Kaһu. Демон восходящего месяца и затмений луны, которую он прикрывает в сие время ладонью руки (?).
86. Цинь-да-ло, Киннары, рогатые лесные певцы и музыканты, отлично играющие на бамбуковых инструментах, они – превращение Дев.
87. Мо-ху-ло-цзя, Магорагас, цари змей, гений удава, по кит. да-ман-шэнь.
88. Мо, Мага, демон убийца, обитающий в одной из райских обителей.
89. Бо-зюнь (po shun), грешник, сатанинское исчадие.
90. Чунь-ди, Chundi, индусский бог Durga, кит. доу-лао, или фо-му, женский Будда, и мо-ли-чжи, marichi, рассвет.
91. Янь-мо-ло, Яма, индус. бог смерти, правитель 6-го рая.
- XI. Классы людей и еретики.
92. Му-ни, гений пожилых людей, или земной Kishi.
93. Ву-цзе, пять запрещений: 1) не убий; 2) не укради; 3) не прелюбы сотвори; 4) не лжесвидетельствуй и не обманывай; 5) не упивайся вином.
94. Чжан-фу, муж безупречного поведения, добродетельный, Purasha, постигнувший природу Будды – фо-син.
95. Фань-фу, безумец; Bala.
96. Ди, император, повелитель; Индра, бог воздуха.
97. Чуань-лун-ван, царственное колесо, chakra vartti rajah, букв. призрак вращающегося светоносного колеса кругом святого человека, символ перемен.
98. Чжан-чжэ, старейшина (elder), в Индии, богатый человек.
99. Сань-ши, быть щедрым.
100. Вай-дао, еретик, человек иной религии, направления.
101. Бо-ло-мынь, Брамины, люди чистой жизни; рожденный от уст Брамь.
102. Фань-ми, Брамачари, монах учащийся, потомок Брамь, чистый.
103. И-чан ди, противники буддизма.
104. Сы-вэй ту (*to), четыре Веды.
105. Ши-гу, десять бедствий удручающих людей, – рождение, болезни, старость, смерть, печаль, ненависть, и проч.
106. Ши чун да ту цяннь, десять ядовитых стрел, постоянно отравляющих человека: любовь, корыстолюбие, заблуждение, глупость, соединенная с упорством, жажда добычи и пр.
- XII. Демоны мира.
107. Сю ло ху (hsiu lo'ku), пещера Азурас, местность в центральной Индии, где Азурасы обитали в светоносных чертогах, столь же прекрасных как обитель Дев. Азуры имеют тоже одеяние, которое носят и последние.
108. А сю ло ван, царь азурас, огромной величины, который своим прохождением затмевает солнце и луну.
109. Гуэй-шэнь, буддийские демоны и духи лесов, тайных мест, гор и долин, рек.
110. Э-гуэй, голодные духи; духи умерших людей, они имеют глаза, искрящиеся подобно блуждающим огням, и гортань подобную тонкой игле, – не вкушают никакой пищи.
111. Э-гуэй-цзе, область Претас, 500 gojanas низшего порядка существ; управляются они Ямдью, по кит. жень-лэ ван.
- XIII. Животные.
112. Чжу-сэн, животные, пятый класс метемпсихозма, почитаются ниже демонов, но стоят выше адских существ; это разряд обыкновенных людей, но лишенных смысла, от рождения тупых и неспособных к самосознанию и развитию. При жизни они действуют мучительно для самих себя, а по смерти движение их еще того мучительнее и невыносимее. Символом их служит животное сапскр. toṃyaś, мечущееся часто и непрерывно туда и сюда.
113. Дай луань цзи хуа, четыре рождения, – от млекопитающих, – несущих яйца, – мечущих икру, и посредством перерождения.
114. Цзин-цзы няо, золотая, крылатая птица, чудовищная, питающаяся драконами.
115. Хай-лун, морской дракон, с рогами, огромными зубами, и тонкой чешуей, сильно любит сон.
116. Лун-ван, царь морских драконов, живет во дворце на дне морском, к северу от горы Сумеру

XIV. Небо и ад.

117. *Тхянь-тхан*, дворец Дев; общее слово для неба, как обители богов. Буддизм предполагает небо более счастливым местом нежели земля, но оно населяется только бесплотными существами. При существовании страстей, неминуема для существа телесного смерть; но истинная бессмертная жизнь возможна и бывает только в Нирване.

118. *Сань-цзе*, три мира, – страстей, – зрения или призраков, и – невидимый.

119. *Ю-цзе*, мир страстей, со включением земли, ада, обителей Туспита, Ямы, Шакра, и всех райских небес низших Браны.

120. *Сэ-цзе*, мир видения; включает в себе области, занимаемые Браною, и прочими светоносными духами и чистыми.

121. *Ву сэ-узе*, мир невидимый, с полным отсутствием всего материального.

122. *Да-дао*, шесть путей душепереселения: *тхянь* (небо Devas), *жень* (человек), *синь-лэ* (Asuras), *чжу-шэн* (животное), *э-гуэй* (голодные духи), *ди-ю* (ад). Для всякого живого существа отводится ему по заслугам место. Но между человеком и зверем буддизм не проводит существенной разности какая должна быть для разумного и нравственного существа. По его учению, все существа подвержены страданию и мучению как бы за грех.

123. *Лунь-хуэй*, вращающееся соединение, samsara, мир; санскр. samsriti – мир, и samsrishri – соединенный, srishri – сотворенный, объединенный, и sriti – двигать, вращать, свивать; sami – с. Отсюда кит. *лунь-хуэй*, означающее комбинацию разрешения и воссоединения.

124. *Эрр ши ба тхянь*, 28 раев; шесть в мире страстей, восемнадцать в мире раздробления, делений, и четыре в мире невидимом.

125. *Си тхянь ван тхянь*, дворец четырех царей Дев, на половине пути на гору Сумеру.

126. *Сань ши сань тхянь*, небеса из тридцати трех (частей), traiastrimsas, центральный гребень Сумеру занимает Индра шаква, в прочих четырех – восемь Дев, из коих главный Индра с 33 другими управляет всем.

XV. Добродетель, добрые дела.

127. *Ши-юань*, вечный разум, желанный, искомый, обетованный.

128. *Фа-ши*, делать присягу, действовать по ней всю жизнь, это – торжественный обет, состоящий из следующей формулы: желаю спасения всякого живого существа – *чун-шэн*; желаю разрушения всякого рода смертей и духовной скорби – *фань-нао*; желаю изучать буддийское вероучение, его законы и правила нравственности – *фа*.

129. *Леу-ту*, шесть родов спасения: 1) *бу-ши*, раздача милостыни; 2) *чжи-цзе*, хранение обета; 3) *жень-жу*, терпеливое перенесение обид; 4) *чжэн-цин* (ching-chin), прогресс в усвоении ясного, определенного знания; 5) *чан-дин* (chan ting) созерцательное мечтание, 6) *чжи-хуэй* (chiñ. 'hui), мудрость.

XVI. Доктринальный взгляд на буддийскую жизнь.

130. *Си-гуань*, четыре взора или взгляда (буддиста) – девятнадцатилетний Шакьямуни, при взгляде на четверо городских ворот, пришел к образному заключению о состоянии человека в течении его возраста, таковы: зрелость возраста, болезненное состояние, смерть или конец всего.

131. *Да-ву*, первое великое умственное пробуждение Будды.

132. *Чжен-дао*, или *чжэн чэн дэн сяо*, совершенное приобретение буддийского совершенства и мудрости.

133. *Цзюань-фа лунь*, вращать колесо буддийского вероучения о разрешении от уз мира, т. е. проповедовать буддизм.

134. *Ли фэн* бе *син*, покидать мирскую природу с её делениями, оставлять все несовершенное или препятствующее нравственному самоусовершенствованию и улучшению природы человека.

135. *Шэн ву чжу син*, управлять умом без предрассудка и заблуждений.

136. *Бу чжу сэ шэн сян вэй чжу фа шэн син*, удалять ум или разрешать оный от всех шести предметов, подлежащих чувственному восприятию, от зрения, звука, обоняния, вкуса, осязания и учения.

137. *Бу син инь ю*, не разнуздывать чувственных пожеланий.

138. *Фань сэ кэн* чэн, удаляться от шести действий – *леу кэн*, и шести чувствительных предметов – *леу-чжэн*, т. е. освобождаться от влияний мира и погружаться в самосозерцание.

139. *Ци (chi) ме вэй ло*, вступать в спокойствие или бесстрастие и состояние блаженства.

140. Жу не бань, вступление в Нирвану.
- XVII. Образцовые речения (*compendious phrases*), составляющие сущность школьного обучения (*teaching*) у китайских буддистов.
141. Жень тянь сяо го (кю), малые плоды людей и Дев, разумных – построение буддийских монастырей и размножение списков буддийских книг, особенно касающихся начального обучения.
142. Цзин ши мяо юань, чистое знание, глубокое и совершенное.
143. Си юань ань син, останавливать XII причин (возраст, смерть и пр.), и давать место уму во всем остальном.
144. Чжи сын цянъ син, посредством самостоятельного самоиспытания и сознания доходить до истинно буддийской природы.
145. Сэнь фо ву бе, не производить разности между собою и Буддой, т. е. доходить до совершенного отображения Будды в собственном лице, иметь его всецело внутри себя и на все взирать, относиться как он сам.
146. Ву фу хо цзе, если вы не связаны ничем, то можете почитать себя совершенно свободным от всего.
147. Бянь сэн сань вэй, мечта о высшем достижении знания да будет присуща вам самим (Samadhi).
148. Син гун ву син, моя природа начинается в пустоте, и в действительности этой природы нет нигде. Иначе, моя природа столь неумолима и неосязаема, как только могу себе представить и объяснить.
149. Нянь нянь цзы цзянь, постоянным размышлением вы проходите к самопознанию.
150. Бин си вай юань ву сэн и нянь, вы должны устранять и останавливать опасные причины (ши эр инь юань) заблуждения и лжи и следовать во всем собственному здравому смыслу.
151. Синь син цзин (*hsing*) шэн, при движении и работе духа, раскрывается и буддийская природа (т. е. в мироведении – фа цзе).
152. Син ди син ван, в области духа, несомненно буддийская природа есть царица.
153. Сяо син жу-лай, Будда научает разуместь какова наша природа.
154. Ву шэн ву ме, быть без рождения или разрушения есть величайшее счастье (?).
155. Жу-лай чань-цзо, буддист в созерцании – свободен от всего.
156. Цзу син ши фо, ваш собственный дух есть Будда.
- XVIII. Характерные изречения (*sayings*) одной из буддийских школ – вэй ин цзан.
157. Ву син ши дао, быть без учителя и все знать, свойственно единой мудрости.
158. Фань сю хуань юань, кто не желает учиться, тот должен обращаться к великому началу всего.
- XIX. Изречения школы Ли ци цзун.
159. Ву вэй чэнь жень, внутри вас обитает истинный учитель, не имеющий иной кафедры (кроме вас самих).
160. Ну ли бу гун, старайтесь всемерно о прохождении стези пустоты (мира).
161. Шэнь ши дао чжан, со вниманием ли возжигаешь фимиам? И часто ли посещаешь зал для поклонения (богам)?
- XX. Изречения эзотерической школы.
162. Чжи шэн цин ту, взирай на страну, где ты родился среди прочих.
163. Не бань чжан чжу, вечное бытие нирваны.
164. И син нянь фо, с нерассеянным умом, читать в слух буддийские молитвы.
165. Чуань сю цин е, всецело исполнять обычаи, помогающие достижению чистой страны.
166. Чжан фо лай ин, при пении гимнов о Будде сам Будда сходит с небесных чертогов для принятия оных.
- XXI. Три развития.
167. Чжань ю цянъ шэн цзе чжи, при созерцании на землю, требуются известные стадии.
168. Сяо шэн чань, созерцание в стадии малого развития.
169. Шэн вэнь сяо шэн, малое развитие, приобретаемое обыкновенным учеником.
170. Юань сяо чжун шэн, среднее развитие, достигаемое тем, кто получит точное познание о двенадцати причинах.
171. Бу са да шэн, великое развитие, приобретаемое Будгисатвами.
- XXII. Три сборника (буд. книг).
172. Цзин, Сутры (*Sutras*) или рассуждения Будды, сю дуо-ло.

173. Лю, Винайя, *би-ни* или дисциплина; сборник учения о Бодисатвах. Предмет дисциплины – *чжу фу фань нао*, – приведение к подчинению чувства и предметы нас беспокоящие. Приведение всего к повиновению, покорности, послушанию есть главная цель Винайя и все добродетели зиждутся на сем принципе. Оно есть *не бань ши чжу*, первые врата Нирваны, и *фа фа ин ло*, венок живых цветов, украшающих буддийский закон.

174. *Лунь*, рассуждения (discourses), *а-би-тхань* или Abidharma. Первое отделение Matrika, второе – *чжэ са да ло*, Шастры (Shastras). третье – *ву бо ни шэ*, Упанишады (Vpanishads), четвертое – *а би да мо*, Abhidharma, дополнительное к Soutras, в форме ответов по закону противоположения.

175. *Сань-цзан*, Трипитака, т. е. три сборника.

176. *Да-шэн* (sheng), большая телега (great vehicle) или великое развитие, Махайяна, пространное знание.

177. *Сяо-шэн*, Хинайяна, малая телега или малое развитие, сокращенное начертание знания.

178. *Фа-сян цзун*, школа изображения (image) закона, система Yoga и Shastras.

179. *Ву-сян цзун*, школа отрицающая существование формы, система Pradjna Paramita.

180. *Чжун-цзяо*, школа конечного (end), система Nirvana Sutra и Lotus благого закона или *фа хуа-цзин*, как последнее слово буддийской жизни.

181. *Юань-цзяо*, школа полного совершенства (completeness), система *хуа-янь-цзин*.

182. *Дунь-цзяо*, школа быстрого, неожиданного распространения (Sudden exspansion), система Langa Sutra занесенная в Китай Бодгидармой.

183. *Ю цзя ми цзяо*, тайная школа Yoga, основатель её – *бугун*, знаменитый буддист Танской династии.

184. *Чжун лунь син цзяо*, школа философии Мадгиамика, система изложена Нагарджуной – *лунь-шу*, в Шастра – *чжун-лунь*.

185. *Фа син гуан цзяо*, школа созерцания истинной природы Дгарма, система основана на *хуа-янь-цзин*.

XXIII. Экзотерическая и эзотерическая школы.

186. *Цзяо-ши*, учителя экзотерического буддийского учения.

187. *Лю-ши*, учителя монашеской и аскетической дисциплины Винайя – *лю*.

188. *Чжань-ши*, учитель эзотерического или созерцательного буддизма. Dhyana – созерцание.

189. *Чжу-цзу*, первый патриарх Бодгидгарма, основатель созерцательной (meditative) школы в Китае, *Бу-ди да-мо*.

190. *Бу ли взнь цзу*, букв. не употреблять литературной письменности. Первый китайский патриарх и 20-й индийский, тщеславный от Бодгидгарма.

191. *Чжи-чжи жень син*, основное начало знания и преобразование человеческого сердца.

192. *Цзянь син чжэн фо*, природа человеческая заключается в состоянии Будды; таково основное начало сего учения.

193. *Син инь*, сердце есть трон, седалище; таков символ эзотерического буддизма. *Чжень-инь* есть истина, очевидное доказательство, ограниченное только учением о сердце.

194. *Цзун-мынь*, школа патриархов, название эзотерической школы, в Китае.

195. *Цзяо-мынь*, школы обыкновенных наставлений; название эзотерической школы.

196. *Би-бао*, тайное сокровище, так называемое эзотерическое учение.

197. *Лин чжи*, самое популярное из делений эзотерической школы, основанной китайским буддистом *И-сюань*.

NB. Китайские иероглифы приведенных выше слов и выражений см. подробнее в «Vocabulary and Hand-Book of the Chinese Langage, Romanized in the mandarin dialect, in two volumes. by Rev. Justus Doolittle. 1872. Foochow.

**Отделение 5-е даосизм, его элементы, школы, распространение
св. книг, их особенности, значение буддизма, маздеизма,
магизма**

§ 62. Предварительный взгляд, исходные моменты, общее содержание и направление рассматриваемых материалов

Культурное историческое значение даосизма и особенности, взгляды разных ученых (Потье, Эдкинса, Бальфура и др.), важность даосских текстов – Лао-цзы и его учеников Мяо-мо, Ди-цзюнь, Чжан-цзы и др., влияние буддизма, сабеизма, маздеизма, магизма в формации астрономии и астрологии; выводы Фабера, издание Бальфура и М. Мюллера

После буддизма, даосизм или даосская школа, представляет интерес и значение для христианского ученого и миссионеров в особенности, по самостоятельной и сложной силе, не позволяющей смешивать оную с прочими, как в памятниках литературы и особенностях языка, так и в самом содержании внутреннем и способах раскрытия вне. Даосизм имеет свою историю, философию, догму, внешний культ религиозно-государственный, свою ифику и политику; это как бы китайский протестантизм, вырабатывающийся из многообразных влияний и материалов чужеземных и своих отечественных, имеет свое течение мысли и жизненной деятельности. В течении столетий, он настолько окреп и сформировался, что в теоретическом направлении составил и получил своеобразный канон св. книг, отличный от других. Несмотря на многие общие исследования ученых или по частным предметам, даосизм имеет еще много загадочного для серьезного наблюдателя течений и симптомов восточного китайского мира. Нет сомнения, что европейский культурный гений, чрез него и в нем, совершит свое влияние и поможет перерождению исстари сформировавшихся и укоренившихся взглядов и направлений ему несродных; христианству в особенности предстоит чрез даосизм – успех и священным книгам – Библии, христианским Богослужбным и другим, является возможность мало-помалу войти в силу и народное употребление. Даосизм – не только философия, но и религия, имеющая свою иерархию чиновно-ученую и государственную, в её руках – право юристов, толкование законов, совершение обрядов священно-национальных, особенно стоящих в связи с астрономией и астрологией унаследованную и своеобразно сохраняемую с глубокой древности; даосы суть маги, гадалы, основывающие свои наблюдения и выводы на древних обрядниках и системах натурфилософских; они имеют свои храмы и монастыри, своеобразный культ, круг идей, своих богов и богинь. Индия, Аравия, Ассирия-Вавилония и Персия с их древними системами верований и строем жизни, в даосизме получают свое объяснение; благодаря ему могут быть объяснены многие древние отрывки философии и религии, живущие в Китае доселе; поэтому, сравнение некоторых священных книг браманизма, маздеизма, приводит европейских ученых к необходимости давать кажущемуся сходству действительное сродство, взаимообщение и влияние. Потье, посвятивший мемуар о Дао-дэ-цзин Лаоцзы, находит в нем несомненные признаки заимствований из Упанишад, которых сходные места текста санскритского и персидского он помещает рядом с китайским текстом и его так или иначе объясняет. Прочие ученые – Эдкинс, Бальфур, Фабер, Шлегель, А. Ремюза, Ваттерс, и другие, коих указаниями, взглядами, примечаниями пользуемся или имеем в виду, имеют каждый более или менее своеобразный взгляд на предмет в его общем очертании, или детальном исследовании. Отдельные труды русских ученых В. П. Васильева, о. арх. Палладия, С. М. Георгиевского, или помещенные в Восточн. Сборнике и Трудях членов Пекинской Миссии, дают о даосизме особенные понятия, которых мы не касаемся, пользуемся, известиями исключительно иностранными и преимущественно новейшими в их извлечении в русском переводе. Остановливаясь на подробностях в раскрытии даосизма, его истории, учении, и прочих сторон, не думаем уклоняться от предмета главного исследования, но еще более содействовать установлению начал более или менее незыблемых, при помощи коих с успехом могут быть распространяемы идеи христианства и достигаться лучшие переводы Св. Писания. Знакомство с каноническими даосскими книгами, хотя поверхностное, дает возможность миссионерам пользоваться сродными элементами и устранять все враждебное и несогласное с принципами и обычаями христианства. Даосские тексты мудрецов неоспоримо имеют много в себе привлекательного, и поучительного, но вместе и опасного для истины, коими христианский проповедник и учитель может удобно и легко пользоваться, если не в оригинале, то в английском или французском и немецком переводе; мы даем некоторые отрывки лучших рассуждений по-русски. Таков даосский словарь, имеющий своеобразности в понятиях, нами вкратце переведенный, а о слове Дао – его толковании у Лаоцзы, китайских ученых и некоторых

европейских (Потье) дается специальное рассуждение тоже в переводе русском. Сообщая отрывки из Дао-дэ-цзин приводим и другие – «о наградах и наказаниях» Лао-цзы, его учеников Мяо-Мо "о Дао", Ду-цюань «о тайной добродетели», диалоги Чжан-цзы «о жизни, – смерти, – бессмертии и смертный одр мудреца» и изложение содержания разных книг того же философа по Бальфуру. По своеобразности даосских понятий о рае и аде, наряду с их изложениями, представляется и другая картина собственно буддийских понятий о том же предмете. При обзоре элементов философии, религии даосов особенное внимание обращаем, на общую характеристику сабеизма, магизма, маздеизма и парсизма, поскольку китайцы находились под их влиянием и выработали свои системы. Истории утверждения в Китае выходцам магам, гебрам – огнепоклонникам, нередко смешиваемым в китайских словах, под названиями "Бо-сы", "Янь" и др., отводим несколько специальных рассуждений, с обзором и их св. книг; прилагаем также словарь астрономический китайский; в названиях планетных созвездий, паранателлонов и звезд обнаруживается чрезвычайный интерес и тонкий анализ народной жизни, его нравов, понятий, имеющих силу и живучесть доселе. Деление сего календаря лежит в основании как государственной, так и религиозно-нравственной и хозяйственной жизни китайцев вообще. Можем заметить, что в небе китайской сферы разворачивается лучшая живая и своеобразная, постоянная, неизменная картина народа китайского в его девственной простоте и облиции, под влиянием священных законов и явлений природы. По истории даосизма древнего, до новых времен и установления канона св. книг этой школы, важны труды и выводы Г. Фабера, которые и воспроизводим по-русски; к сожалению, подробно перечисленные им даосские книги и необследованные со стороны их содержания частного, лишили и нас возможности сказать о них точно и определенно, кроме некоторых. Зато изданные Г. Бальфуrom в английском переводе даосские тексты "нань-хуа" философа Чжуан-цзы дали возможность познакомить по ним и русского читателя с их содержанием. Ценны характеристики И. Эдкинса и Потье, собранные нами из их сочинении. Нельзя не заметить при этом, что как Бальфур, так Эдкинс и некоторые другие ученые пришли к убеждению, что текст Дао-дэ-цзин, послуживший основанием даосизма в его начале и далее, сложился постепенно, после неоднократных его переделок и изменений, дополнений, что таким образом потерялась даже самая возможность считать это творение образцовым и классически достоверным и авторитетным. Попытка Фабера направлена поэтому на историческую истину учения всей даосской школы, также как Потье старается доказать компиляцию Дао-дэ-цзин из Упанишад и других источников браманизма и индуизма. Как бы ни было, Дао-дэ-цзин, если основываться на его изданиях и комментаторах, нами подробно указываемых в своем месте, не теряет своего достоинства, цены; на сей книге стараемся восстановить истинные черты даосизма теоретические и практические, в связи с прочими философами сей школы и указанием на другие сочинения, имеющие особенное значение, напр. *Инь-фу-цзин* *Нань-хуа* и др. Умалчивая об индусских источниках – браминских (в роде Упанишад по мнению Потье,) влиявших в даосизме на основные его догмы, останавливаемся на маздеизме и его св. книгах, которые подробно излагаем следуя новейшим изысканиям и английскому переводу М. Мюллера. Этими сведениями может восполняться нами сообщенное ранее в 1-м отделе о евреях и персах, сносившихся в глубокой древности с Китаем имевших несомненное, влияние на воззрение китайцев.

§ 63. Конфуцзы и Лао-цзы, сказания о их рождении, особенное чествование последнего и черты его учения по определениям Потье, Эдкинса, Штрауса

Название Лао-цзы и другие титулы, апофеоз, значение Дао-дэ-цзин в истории рационализма. – Характеристика Потье учения Лаоцзы в Дао-дэ-цзин: Дао, его виды, природа, результат дуализма – единство, отзыв ученого Си-хэйдэ, идеализм и аскетизм Лао-цзы, иффика, политика, значение спокойствия в нравственном усовершенствовании человека. – Названия других рассуждений, дополняющих Дао-дэ-цзин: 1) рассуждение Мяо-мо «о вечном разуме и спокойствии», понимание сего названия у Ньюмана, Жульена, и собственно китайское обозначение; 2) рассуждение Ди-цзюня «о тайной добродетели»; 3) сочинения Чжуан-цзы и выдержка из оных. – Характеристика Эдкинса в материалистическом смысле учения даосского и как религии государственной-национальной, разбор понятия о Дао по определениям ученых европейских, самого Лао-цзы, Хоай-нань-цзы и др., сравнение Дао-дэ-цзин с прочими книгами у других народов в значения авторитета. – Соображения Эдкинса, основываемые на доводах Штрауса в понимании слов «уи», «hi», «wei» (и, ци, вэй), сравнение с ассир. «Ану», «Бэл», «Нуах», аккадск. «Илу», «Эну», «Ся»; термины «Дао» в XXV, XXXIX, XL гл. Дао-дэ-цзин, их понимание и пояснение.

Каждому народу дороги личности, с именем коих соединено живое представление о их учении и жизни, как соединяющими высший нравственный и умственный подъем, условливающий самое благополучие государства, его общественной и личной жизни подданных. Если в отвлеченных или поэтических идеалах о совершенном человеке выражается запрос о желаемых совершенствах, то в известных, действительно исторических личностях оправдываются эти народно-государственные чаяния и мечты. Таковы Конфуцзы и Лаоцзы, доселе стоящие базисом двух великих собственно китайских туземных школ с их многочисленными последователями, с коими из иностранных – пришлых соперничает пока Будда и его школы. О рождении и жизни сих лиц, подобно Будде, известны замечательные сказания напоминающие некоторые Библейские черты о рождении Спасителя. Однако ж в характеристике и представлении должно различать два типа: один – действительного человека, другой – идеального, обоготворенного или точнее *идола-человека*. К этому последнему роду должны быть отнесены и китайские легенды о необычайном рождении мудреца, его свойствах ума и учения, по которым Иисус Христос не должен быть смешиваем ни с Буддой, ни с Конфуцзы, ни с Лаоцзы. В одной легенде касательно Конфуцзы сообщается следующее предсказание: младенец чистый как лед родится при конце династии Чжоу; он будет царем, но без всякого домена; в другой легенде: – два дракона виднелись над домом, в котором родился философ, и пять старцев входили в комнату его матери; в воздухе слышались звуки чудной небесной музыки с припевом: да веселится и радуется играя ныне небо, ибо родился святой сын-младенец (Ли-дай-ци цзы, к. 13, 45).

Ученый Потье, в своем исследовании о Дао – Верховном Разуме, приводит следующие легенды о Лао-цзы, его рождении и конце жизни: в XVII-й год царствования Тан, династии Инь, цикла Цзя-цзы, в год Цзян-шэнь, Лаоцзы начал открывать тайны своего рождения. В месте великой чистоты – «дай-цзин», и вечно-неизменного разума – «чжан-дао», явился от мужского начала – «Да-ян» и из сущности солнечной – «жи-цзин», под видом пяти изменившихся цветов шарик, величиною с горошину или водяной пузырь. В это время, прекрасная дева – драгоценнее алмаза – «Ю-нью», сладким сном почивала среди полудня; вдруг чудесный шарик (плодотворное семя) из солнечной сущности проник в её внутренность и – она сделалась беременною. В этом состоянии она находилась восемьдесят один год, до девятого года царства Ву-дин цикла Цзяшэнь. Тогда-то, от этой прекраснейшей девы, из левой стороны, показался младенец с белою главою, – прозванный поэтому «Лао-цзы» – *старец-младенец*. Родился же он под деревом, именуемым «Ли» и, тотчас же по выходе на свет, указав на это дерево, сказал: «вот мое семейное имя!» «Малое-же имя его было «Эрр», а прозвище «Бай-ян» (– белый агнец). С девятого года царствования Ву-дин, династии Инь, цикла Цзя-шэнь, до девятого года царствования Чжао-ван, в царствование Цзинь, он жил в этом мире; затем удалился на запад, на гору Кунь-лунь, где и провел девятьсот восемьдесят шесть годов!» В сочинении *Ли-ци-цзи*, о необычайных происшествиях, говорится: в третий год Ву-дэ, царствования Гао-цзу, Танской династии, был один человек – Цзин-чэу, проименованный за благочестие *Шэнь-синь*; спасался он

на горе Ян-сю (гора молний и громов), покрытой белоснежным одеянием. Старец этот однажды подзвал к себе другого такого же благочестивого отшельника и сказала ему: иди от моего имени к императору Тан, а скажи ему: я, Лао-цзюнь, твой дедушка – (великий предок). Не столько вследствие этого мнимого родства, о котором будто узнал император китайский Гао-цзу сколько действительное уважение к мудрости Лао-цзы послужили причиной его неслыханного в свое время, после Конфуцзы – чествования. Император Гао-цзун даровал ему почетный титул – «Сюань-юань-хуан-ди» – *черный первоначальный император*. Императором Мин составлен был комментарий на сочинение Лао-цзы «Дао-дэ-цзин», а сама книга была изучаема в коллегиях двух столиц северной – Бэй-цзин (Пекин), южной – Нань-цзин (Нанкин). Во всех городах второго разряда сооружались храмы – «Сюань-юань-хуан-ди» также как и в столицах при самых дворцах, под тем же названием и прибавлением «гун», – дворец, т. е. придворный храм. В городах второго разряда они именовались дворцами или храмами императорского князя – цзы-ци-гун; в Нанкине это название изменено в другое – «Дай-цзин-гун» – *храм совершенной чистоты*; в столице же восточной тот же храм назывался «Дай-вэй-гун» – «*храм великого непостижимого*». Ученики, изучавшие при каждом таком храме сочинения Лао-цзы, чтили своего учителя дарованием множества эпитетов, крайне характеризующих и доселе китайский обычай восхваления мудрецов и вообще других лиц, почему-либо славных и государству полезных. Вот эти титулы и похвалы: а) Великий и святой предок – «Да-шэн-цзу». б) Высший и совершеннейший, недостижимый Разум – «Дао-Гао-шан да-Дао». в) Черное и первоначальное существо Золотого времени – «Цин-цюэ-сюань-юань», г) Царь небесный – «Тянь-хуан». д) Великий государь правитель – «Да-ди».

У Чжао-хоэй, времен Сунской династии, существует замечание, что император Чжэн-цзун, той же династии, в шестой год своего царствования, именуемого Дай-пин-цзян-фу – год совершенного равенства и благополучных предзнаменований, в 11-й день VIII месяца, объявил, с религиозным благоговением, нижеследующие почтенные прозвания в честь мудрого Лао-цзы, с таковым провозглашением: «Всевышний Лао-цзюнь – начало первобытного вещества; добродетельнейший император и царь!» Император Инь-цзун, Сунской династии, также восхвалял и превозносил его, и его идеи говоря: «О сколь светозарен и высок над всем – Разум-Дао! – Вечнопокоящийся и существующий сам собою! – Начало и конец творений, достойный всякого благоговейного почитания! Кто был первее Неба и земли – как не Он! Сколько света и славы кругом его! Вечный и бесконечный сравнительно со всем сотворенным и разрушающимся! На востоке он поучает учителя нашего Ни (Конфуцзы); на западе преобразует бессмертных духов! Все цари внемлют Его мудрости! Святые и мудрецы распространяют его наставления! Он прародитель всех вероучений! Он повсюду – Черный, т. е. глубокий, непроницательный (для смертных) черный (– ум)!» Самою блестящею эпохой для учения Лао-цзы и его почитания было время царствования первых императоров Танской династии и Минской; по всей империи сооружены были храмы в честь этого мудреца и Разума, о котором он учил. Судя по надписям, сохранившимся в древней синагоге евреев – пришельцев в Китай, идеи Лао-цзы так близки были им, что самое место школы при синагоге, где изучалось *Св. Писание* и *Дао-дэ-цзин* с прочими классическими китайскими книгами, имело надпись «храм вечного разума» и «храм истины и чистоты», а на двух храмоздательных таблицах синагоги 1488 г. 1511 г. по Р. Х. выраженные идеи о Дао– или Вечном Разуме еще более подтверждают изучение и усвоение Дао-дэ-цзин наравне с книгами Ветхого Завета. Подобного сочетания понятий о Боге не чужд и другой памятник китайский с надписью 721-го г. по Р. Х., – так называемая несторианская таблица, где – наряду с историческими данными об утверждении христиан сирийских в Китае излагаются и некоторые пункты вероучения. Лучшими истолкователями философии Лао-цзы были профессора коллегий его имени «Дао-чжан», которых должно всегда отличать от «Дао-цзы», даосов, извративших первоначальную философию учителя, даже составлением и распространением текста о Дао, ему не принадлежащего. По этой и многим другим причинам, а главное по глубине идеи о Боге и способам её развития, учение Лао-цзы не пользуется общою распространенностью и известностью среди всех вообще китайцев и доступно только ученым. Для буддистов и христиан за то – Дао-дэ-цзин есть дорогая книга мудрости о Боге и назначении человека. Ифика Лао-цзы, будучи идеальна в направлении, дает высший подъем человеческой природе отрешением от всего чувственного, земного, тогда как ифика Конфуцзы чисто практическая, её цель – сделать человека достойным и полезным членом человеческого мирского общежития на земле. Насколько Лао-цзы полезен для монахов, аскетов, высших мудрецов, настолько Конфуцзы (разумею его «Да-сюэ-цзин» и «Сяо-сюэ-цзин») – для всех без исключения людей-

граждан. В общем построении учение обоих философов восполняется одно другим и видимо вытекает из народных преданий, верований и понятий, одинаково распространенных в свое время на востоке. Вкратце система Лао-цзы в его сочинении «Дао-дэ-цзин» – следующая.¹⁰⁷

а) По определению и характеристике Потье – *Метод сего сочинения онтологический, синтетический*, или *a priori*, в основание которого берется первая причина, а исходным пунктом – первобытное единство, *unité primordiale*. *Философская концепция – пантеистический и абсолютный рационализм*, в котором мир рассматривается как источник несчастий и личность человеческая – как низший и мимолетный призрак великого Бытия, *Être*, великого Единства – *Unité*, из которого проистекли и в которое возвращаются все существа. *Критерием* в направлении действий служит *"Дао-дэ"* – *Высший Разум и добродетель*, посредством противоположений *antithesis*, ограниченного и безграничного, определяемого и неопределимого, тленного и нетленного. Первое есть мир феноменальный – *Дао*, второе – мир трансцендентальный. Система Лао-цзы вообще может быть представлена схематически (следуем Потье), так:

I. *Дао*, или Разум первоначальный, вечный и высший, означаемый также словом *сюань* – невидимый, непостижимый чувственными органами, есть абсолютное Единство. Из Единцы проистекает Двоица, (Ин, Ян), из двоицы Троица, (Хо – Гармония), «из Троицы все существа в мире возвращающиеся к своему Первоначалу».

II. Рассматриваемые два вида *Дао* суть:

1. *Небытие* = *Ву* или бестелесность

2. *Бытие* = *Ю* или телесность.

III. Ими представляется:

1. Природа непостижимая для чувственного усмотрения и разумения – эфирная тонкая, спокойная, невозмутимая ничем.

2. Природа телесная или феноменальная, подвижная, доступная внешним органам и внешнему пониманию.

IV. Конечный результат – Единство, к которому *все снова* возвращается. «Надлежит стараться о достижении последней степени бестелесности, чтобы сохранить возможно наибольшую неподвижность, даже абсолютный покой. Всем существам в мире свойственно непрерывное движение. Замечаем, что одни существа сменяются другими, появляются и исчезают друг за другом по преемству, причем получают разнообразные внешние формы; но каждое из них возвращается к своему корню, своему принципу, т. е. вступает в абсолютную неподвижность, чем и исполняет свое конечное назначение; дойдя до такого состояния, делается вечным и неизменным, т. е. существом светоносным, *être éclairé*. Это значить, что существо такого рода освобождается от всякого рода беспорядка. Такими становятся и все прочие существа, достигшие этой-же степени, где все вообще приобретают любовь и благорасположение, справедливость и равенство, вообще получают свойства и привилегию автономии и власти над другими (*soveraineté*), иначе – облекаются в Божескую природу. Становясь-же причастниками Божественной природе, они отождествляются с *Дао* или Высшим Разумом, достигают вечности ему присущей, т. е. – такого состояния, когда не может быть никаких опасений за разрушение тела, уже исчезнувшего навсегда» (*Дао-дэ-цзин*, гл. 16). И «как *Дао* произошло из Небытия – *Ву*, так и всякое существо, получающее начало жизни из Бытия – *Ю*, должно возвратиться в *Ву* – Небытие; такое движение называется возвращением существ к своему началу *Дао*". "*Дао*" подобно святилищу для всех существ; оно есть драгоценное сокровище для человека добродетельного, не забывает и злого без оказания той же помощи (гл. 62).

Две природы – бестелесная или Божественная (духовная) и другая телесная или феноменальная, совмещающаяся в человеке представляют в нем и два начала – огненное и светоносное, проистекающие из ума Божественного и начала материального. «Требуется поэтому, говорит Лао-цзы, по разлучении духовного начала от тленных уз – соединиться душе с первоначальным единством – *Дао*». «Умиравший, однако ж, для телесной жизни человек сохраняет навсегда свое начало жизни (духовной)» (гл. 33).

Си-хэи объясняет это так: «Дыхание жизни (телесной) испаряется, но дух, душа, Божественное начало ума сохраняется». Другой комментатор Н замечает, что «душа человека не поглощается в лоно Бытия *Дао*, но сохраняет свою индивидуальность, т. е. не гибнет, не умирает, становится бессмертной».

О мудреце Лао-цзы можно сказать то, что говорит Риттер (trad. d. M. Tissot. III) о Зеноне; он находится в состоянии бездействия, проводя созерцательную жизнь; – нечувствителен ко всему окружающему; он выше всего внешнего, преходящего, изменяющегося; блаженство его состоит в индифферентизме или абсолютном освобождении от всех страстей возмущающих прочих людей; он освобожден от всех вожделений, всякого страха, всяких чувств удовольствия или страдания.

Поэтому самому, что существуют две природы – духовная и материальная, являются и двоякие стремления: одни влекут человека к добру, другие к злу. Святой человек, по Лао-цзы, есть тот, кто ищет и желает совершенства, и в этом поставляет исключительную цель духовной своей природы. В следствие сего, он убегает всяких треволнений и бурь жизни мирской; все его слова и дела направляются к назиданию и обращению людей на путь добра, и к распространению сего мирного царства в душах их. – Заботясь только о благополучии рода человеческого, он не отталкивает от себя даже и прочих существ, имеющих в нем надобность; всем сообщает духовную жизнь и нравственную святую, будучи сам чужд усвоить себе заслуги и почести других (гл. 2); он не тщеславится, делая добро ради самого добра со смирением в благорасположением, но всегда старается быть только добродетельным и совершенствоваться в добродетели. Самоотречение, поэтому, имеет огромное значение в глазах Лао-цзы.

«Система нравственности, по которой определяется нравственно-идеальный человек, в философской концепции Лао-цзы, говорит Чжу-и, состоит в смирении, гармонии духа, умеренности, экономии; вообще направлена к преобладанию и господству разумного начала над чувственностью. Созерцательные же идеи вообще, вращаются на пустоте, покое или бездействии, в смысле отрешения от страстей, соединенных с уединением и удалением от мира, – заключаются в *хранении естественной чистоты и простоты*. Имея пред собою постоянно образы слабости, то телесной, то духовной, он всего более дорожит смирением и самоуничижением. Духовность, удаление от совершения всего дурного и вредного от себя и других существ, – вот все, составляющее для него действительное требование. Из сих принципов выводятся и правила поведения в жизни. Что, однако ж, не препятствует сказать о себе мудрецу: я ничего не делаю, между тем народ обращается сам собою к добру». При всяком затруднении на жизненном пути, мудрец просто просит обращаться только к его авторитету, который, однако ж, приписывается им не себе лично, а *Дао – Высшему Разуму – Богу*.

Политика Лао-цзы сообразна с его моралью. Цель доброго правительства должна заключаться в благополучии и народном спокойствии. Одним из наилучших средств для сего, и полезных для занимающих государственные должности чинов – их пример для народа и сослуживцев, если не непренебрежения различных почестей и богатств, то равнодушного к ним отношения. Для этого, ни в одежде, ни в утвари, ни в домашней обстановке, ни в торжествах, они не должны позволять особенной, или крайней роскоши, дабы не поселять в народе чувства зависти и вражды (гл. 3). А что бы сам народ не портился нравственно, мудрец рекомендует распространять для него знания и предметы только необходимые для жизни; все же, что может быть прикладным, излишним, подавать повод к злоупотреблению, должно быть от него удаляемо. Чтобы дать понятие более точное о способе раскрытия понятий Лао-цзы, предлагаем в русском переводе его рассуждения о наградах и наказаниях, по-китайски «*Кань-ин-бянь*» учеников сего философа *Мяо-мо, Ди-цзюнь, и Чжан-цзы*, отрывки из которых приводим в особом приложении.

По значению для человека обуздания страстей и необходимости всякого рода воздержания, как вернейшего средства в достижении внутреннего мира и благоразумного отношения к другим людям, важны условия этого рода усовершенствования. Существует один краткий трактат дополняющий Дао-дэ-цзин, весьма интересный, который мы и предлагаем в переводе; Ньюман, издавший этот трактат на немецком языке озаглавил «*книга о вечном духе и вечной материи*» – «*das Buch des ewiges geistes und des ewiges Materie*», а Станислав Жульен, «*книга о постоянной чистоте и спокойствии*» – «*Memore de la Puret  et de la Tranquillit  constantes*». Так как чистота сердца и душевное спокойствие описываются действительно верными средствами в достижении *Дао*, т. е. высшей степени нравственного усовершенствования, то мы и предпочитаем перевод Жульена наиболее верным, которому даем преимущество пред Ньюмановым. По-китайски означенное рассуждение называется *Чан-цин-цин-цин* и входит в состав любимых даосских книг; буквально оно значит «*о постоянной, вечной ясности и чистоте – книга рассуждений*», и принадлежит ученику Лао-цзы, – *Мяо-Мо*; другое сочинение, нами воспроизводимое, ученика того же философа, – *Ди-цзюнь*, есть книга «*о тайной добродетели*» – *Инь чжи-вэнь*; помещаем

наконец выдержки из сочинений Чжуань-цзы по изданиям Жилеса и Бальфура. Все поименованные рассуждения особо прилагаемые, восполняющие одно другое, дают возможность достаточно судить о древней философии даосизма.

б) До Эдкинсу, – Даосизм есть материалистическая система учения, понятие о душе есть то, что она чистая форма материи, бессмертие зависит от физической дисциплины или рода химического процесса, в коем дух доводится до эфира и переносится в область высшего мира; не лучше и боги даосские по усвоенной системе о душе; пустынные и лекаря, маги и фокусники ищут философского камня и растения бессмертия. Даосизм пользуется конфуцианством и буддизмом в тех случаях и предметах, где не может быть оригинальным; по месту и странам он усваивает их божества, а желая быть народным он пользуется народными суевериями, возводя их до системы оракула и гаданий для сношений с богами. Даосизм даже более, нежели буддизм, может быть рассматриваем как государственная религия: Бог – войны, Вэнь-чжан – бог литературы, и многочисленные духи – патроны городов, местечек, стран, наравне с другими, по императорскому эдикту, получают свою санкцию и формы культа. Правительственные чиновники, управляющие городами, регулярно посещают храмы государственных богов в известное время и случаи. Конфуцианство, будучи религией государства только теоретически, на самом деле все прочее практически предоставляет даосизму. Кроме сего, влиянию философской системы даосских писателей, приписывается характерный национальный тон в разных легендах и учениях. Ныне, весьма народное явление то, что вместе с буддийскими жрецами участвуют даосские, в одних и тех же обрядах и церемониях. Протектору города обязательно полагается храм с культом, совершаемым даосами и преимущественно в 1 в 15 числах каждого месяца.

Даосизм, в смысле философском, по первоначальному изложению одного у китайского философа Лаоцзы, и именно в его классической книге «Дао-дэ-цзин» (букв. книга о пути к добродетели), у европейских ученых вращается на том или другом понимании и разъяснении коренного понятия о первопричине всего – Бога, по кит. «Дао». Школа последователей Лаоцзы, со временем уклонившихся от него, называется даосскою, самые ученые – даосами. Потье, изучавший означенную систему Лаоцзы сравнительно с индусскими и прочими китайскими, делает следующее определение «Дао» и «Дао-цзяо». Китайское «Дао» говорит он, есть тоже, что Брами в сборнике Ману, т. е. означает вечное и высочайшее слово, ум, управляющий и движущий всеми вещами, из сего начала, говорят китайцы, происходит весь мир и человек. Если «Ли» есть начало страдательное, то «Дао» – деятельное. Моррисон замечает, что это слово сходно с вечным разумом – «Éternelle Raison» или *ratio* лат. и Λόγος греков, А. Ремюза того же мнения. По Конфуцию, Дао – не Божество, но нечто доступное и сродное для человека; это – правый путь, путь добродетели, совершенства, чувства справедливости, нравственного сознания того что должно быть и чего не должно быть, иначе – правила поведения. Поэтому, говорят конфуцианские комментаторы, сообразоваться с «Дао» значит следовать природе, что Дао постоянно подле людей, Дао, говорит сам Конфуций, для человека возвышенного и мудрого может быть сравнено с путешествием странника, начавшего идти с известного пункта с все более возрастающим от него уклонением, или – «Дао есть возвышеннейший исходный пункт с которого человек начинает свой путь, или исследование истины». Мудрец Лаоцзы, возвышаясь над Конфуцзы более религиозным и возвышенным учением, дает и «Дао» более духовное значение; это – ум высший, и первоначальный разум, нечто Божественное. Между тем даосские комментаторы понимали Дао несколько материалистично и не всегда одинаково с Лаоцзы, хотя соглашались, что Дао есть абсолютный дух совершенства, с коим должны люди сообразоваться в жизни, в приближении к Божеству. Хоай-нань-цзы, учит, что «Дао охраняет небо, поддерживает землю, существует на высоте недоступной, имеет глубину неизмеримую, будучи беспредельным, поддерживает вселенную и встречается даже в самых малых вещах». Как высшее значение, «Дао» сходно с «цзяо» – вероучение, наука, и заимствовано китайскими учеными с санскритского слова Sasana – правило, доктрина, от корня sas – учить, наставлять; по всецелому знанию предмета, проникновению всех частей и целого, «Дао» ниже, «брама», (от корня bran, – dire, parler; bravimi, bhram) т. е. блуждать во всех направлениях, исследовать; у неоплатоников это – Λόγος; под «цзяо» Конфуцзы, в «Чжун-юнь» разумеется усовершенствование, происходящее от знаний, добываемых научно, в системе, противоположно простому знанию, естественному. Предлагая более пространное объяснение слово Дао в особом приложении, заметим, что китайские иероглифы Чэн-пзяо (tchin kiao) согласно с учением Вед, означают вообще истинное учение, (vraie doctrine), – знание, тождественное с первоначальными письменами. У сектаторов

Лаоцзы его «Дао-дэ-цзин» поэтому есть тоже, что Веды у браманов, Зендавеста для гебров, «Тора» для евреев, Евангелие для христиан, Коран для магометан. Эдкинс замечает, что Лаоцзы все свое учение направляет к тому доказательству, что Дао, по всемогущей и вечной деятельности, и неизменному ряду молчаливых побед, есть истинный учитель человека; что цель этого научения – доставить человеку спокойствие, развить в нем смирение, самоиспытание, нежное и благоразумное сочувствие, бесстрашие, в отношении к другим людям. Действовать с предварительным размышлением и убеждением, свойственно великой мировой матери – мудрости, таков дух и всех её уроков; мы обязаны поэтому, относиться к ней с сыновним почтением, учиться в строгом порядке, и так руководиться приобретенными знаниями на всю жизнь. Высшим контролером должно быть для нас Дао, с ним же должны соединиться и при конце жизни, с момента смерти. Сосредоточивая особенное внимание на учении Лаоцзы о Дао, Г. Эдкинс (в *The China Review* 1884, July and Aug), делает описание «Дао-дэ-цзин», который по главам сжато и воспроизводим, поскольку выясняются в нем источники идей Лаоцзы, образование и происхождение.

в) Свои соображения Г. Эдкинс излагает, с доводами или положениями *Штрауса*. В гл. XI, говорит Эдкинс, встречаем три иностранных слова, *ай, кай, май* по-видимому выражающих одно или троеименное имя Бога. Китайские иероглифы, употребляемые при сем, означают буквально существо невидимое, недоступное слуху, ощущению, – далеко отстоящее, эфирное, вассиум; таковы знаки *уі*, равный. *hi*, редкий, малый, *вэй*, тонкий, *subtile*. Эти три неисповедимые начала, будучи тесно соединены, фактически составляют одно, единицу, сама же по себе *троица* ни светла, ни темна, бесформенна, и может быть доступна умозрению, – выражена известным именем. Иезуиты и А. Ремюза и Штраус думают в словах *уі, hi, wei* находить еврейское Иегова, к сему склонен и Жульен; Потье стоит за индийское происхождение. Сам же Лаоцзы и его комментаторы обращаются с означенными знаками то как с иностранными, то как с китайскими. Обращаясь к религии вавилонской, говорит Эдкинс, подобных слов для означения троичности мы не находим: по ассирийской или семитической форме будет *Ану, Бэл, Нуах*; по аккадской – *Илу, Эну, Ся*. Из *Илу* произошел всевышний, господь, источник хаоса, по-китайски *Хунь-лунь*. В сем хаосе смешаны были все формы; Бэл, Ану, есть мир с его элементами, выходящими из хаоса, *Нуах, Ся*, есть свет Божий, проникающий вселенную и содержащий порядок мироздания. Такого рода представлениями был проникнут и Лаоцзы, но, рассуждая о Боге и происхождении мира, он не согласен с китайской философией и религией; ясно, что в новой космогонии он следовал чужеземному источнику, но старался быть эклектиком и самостоятельным мыслителем. Из посещенных стран запада (Индии или Тибета) он заимствовал лишь то, что казалось наиболее ему подходящим и целесообразным.

В XXV гл. (Дао-дэ), говорит Ф. Штраус, китайский мыслитель достигает необыкновенной высоты созерцания и чистоты концепции во всем, касающемся дел Божиих; здесь он доходит до представлений и идей, присущих только еврейским священным книгам. «Было нечто, говорит Лаоцзы, существующее искони до хаоса, и прежде неба и земли, – существо молчаливое, постоянно неизменное, распространяющееся повсюду и вне всякой опасности. Его можем назвать отцом и матерью мира, хотя лично я и не знаю его имени, но называю *"Дао"*, для более же лучшего уразумения говорю *"Да-Дао"* (великий путь, мудрость), великий Дао, далеко отстоящий, возвратный. Дао велик, и небо и земля тоже велики, и царь – тоже велик. В тех государствах может быть царь, где существуют четыре предмета. Земля получила свой вид подобно модели в руках художника, она вышла от неба по его образцу; творец всего – Дао, действующий по своей воле, усмотрению и самостоятельности, ни от кого независимый». На языке человеческом и в письменах нет слов, знаков, коими бы можно было точно определить и изобразить ясно это великое и непостижимое начало. Китайские иероглифы и слово *"сюань"* значит темно-голубой, небесного цвета, черный, мрачный (санскр. *tamasa*, или *pela* – черный фиолетовый, или *Krichna* – темно-голубой). Цвет этот вообще принятый и употребляемый в Индии, Египте, одинакового значения и в Китае. Китайское слово *"Дай-шан"*, всевышний, санскритск. *Parama*, лат. *altissimus*. Кит. *Шан-ди* – всевышний, Господь, санскритск. *mahisvara*, лат. *magnus, Dominus*, суть вообще равнозначущие термины.

В XXXIX гл. (Дао-дэ) *"Дао"* называется *"единицей"* издревле, от коей получили свое начало небо, земля, человек, духи, долины, все твари, правители и цари; от него же созданы чистота неба, твердость земли, охраняется деятельность духов, наполняющих долины, зависит жизнь

всех вещей и справедливость царей. Без сих духов – хранителей, в свою очередь небо, и земля и все вещи, могли бы разрушиться и погибнуть.

В XL гл. (Дао-дэ) описывается творение мира посредством движения: "Дао" производит единицу, единица – двоицу, двоица – троицу, из троицы проистекают все вещи. В Ли-цзин говорится о движении иначе: *Дай-ци* производит две сферы, от двух сфер – четыре формы, из четырех форм – восемь сочетаний или "*па-куа*", употребляемых в гаданиях. Встречается и выражение, что небо властвует над началом всех вещей, тогда как земле принадлежит сила их совершения. Таково действие грома, ветра, дождя, солнечного света, лунного влияния, холода и жара. Нельзя не заметить, однако, что космогония Лаоцзы есть древнейшая китайская. В тексте говорится, что все вещи проистекают из взаимодействия начал, темного – *ин* и светлого – *ян*. Штраус, замечая у Лаоцзы резкий переход к другой форме, думает объяснить позднейшей вставкой даосских ученых, внесших оную в текст. А. Ремюза, в числовой комбинации троицы, думает находить Пифагорово учение, с коим был знаком Лаоцзы. Эдкинс признает влияние мудрости вавилонской, ибо вавилоняне, плававшая по Индийскому морю, имели разного рода способы счисления и изложения пространства и времени, а потому математические науки и комбинации играли у них весьма важную роль и в космогонии и феогонии. В некоторых даосских книгах встречаются прямые доказательства такого влияния: напр., «Дао» произвел тонкий пар – эфир, называемый *ци*, а из него два начала – *ин* и *ян*, из них образовались небо, земля, человек, т. е. *три силы*, отсюда все вещи. Иначе, говорится: "*Ву-ци* произвел *Дай-ци*». Дао при сем отождествляется с *Ву-ци*. С большею вероятностью, – замечает Эдкинс, – можно думать, что безыменные *единица*, *двоица* и *троица*, были *Ану*, *Бэл* и *Нуах*, хотя цифровым величинам и даются некоторые названия у Лаоцзы. Учение о Троице Штраус думает объяснить заимствованием у иудеев и христиан даосскими учеными; иезуиты были убеждены в сем еще более положительно, потому что иудеи в Китае поселяются со времен Чжеусской и Ганской династий; по преданию, идеи о Боге едином и троичном занесены из Центральной Азии, в кн. Есфирь ясно указывается на существование иудеев в Персии в V-м стол. до Р. Х. Из жизни самого Лаоцзы видим, что он, будучи весьма близок к китайскому государю, как ученый и сановник, мог весьма легко приобрести глубокие и точные познания, философские и религиозные, от разных представителей народов и стран, имевших сношения с китайцами. Кохин-хина, Кантон были главными пунктами, откуда иностранцы (вавилоняне и др.) сносились с китайцами. С появлением в первом столетии по Р. Х. буддизма в Китае, иностранные идеи особенно прививаются и развиваются в сей стране.

Штраус думает, что *ин*, *ян*, *ци* суть проявление одной творческой силы и не противоречат Библейским сказаниям о творении, также как и вавилонским преданиям о сем предмете; что под *ян* разумеется свет, под *ин* – тьма хаоса, а *ци* есть движущийся Дух (Руах евр.) над водной поверхностью. В И-цзине замечаемый дуализм (*ин*, *ян*), сменяется введением третьего элемента – *ци*, который иностранного происхождения и встречается у Лаоцзы в сказании о творении. У древних же авторов слово *ци* употребляется в смысле дыхания, ветра (у евр. Руах).

NB. Для специального объяснения слова Дао по учению Лаоцзы, о понимании оногo китайскими учеными и европейскими, и по народному употреблению, см. особое приложение.

§ 64. О буддийском влиянии на даосизм, с определением философско-религиозных особенностей по сравнению с разными другими учениями и системами

1. Доводы Эрнеста Фабера о самостоятельности даосских понятий и воззрений и противоположение с буддийскими и конфуцианскими с другой стороны; выделение духовной природы от материи, необходимость эфирной чистоты в усовершенствовании, значение магии и элемента сверхъестественного, завоевания даосов в общественной лестнице и создании своей иерархии. – Значение учения Лао-цзы об усовершенствовании человека для монашества и аскетов (мнение Эдкинса). – 2. Особенности даосизма как религии (по Э. Фаберу) сравнительно с конфуцианством; на системе философской Лао-цзы (Дао-дэ-цзин) и Конфуцзы (Сы-шу) зиждутся особенные религии, у Лао-цзы индивидуальный status, у Конфуцзы – социальный, у первого – идеализм, у второго практицизм земной жизни людей, у одного в основе культ предкам, у другого – общедоступное для всех самоусовершенствование духовной природы человека вообще, стоящей в связи с миром звездным, небесным и проч. – 3. Даосские понятия о Божестве, (по Эдкинсу): пять элементов природы богов, их зависимость от материи, звездный мир, мировая эссенция, возвышение святости человека до эфирного мира и перенесение в звездный, связь этой области с человеком в образовании и действиях души; чествовании планет, их богов, устройство им храмов (Вэнь-чжан, Гуэй-син, Чжан и др. звездные боги). Китайская уранография (по Шлегелю) её особенности и понятие материалистическое китайского астронома о Боге, распределение богов в храмах даосов, их сродство с буддийскими (Троица – Сань-цзин, Сань-ши-жу-лаэ, Ю-гуан-шан-дэ, Тянь-цзунь, Будды, Бодисатвы и проч.); семейство Чжан – прародитель даосской иерархии; прочие боги – Цзаэ-шэнь, Сань-гуань, Гуан-инь, Гуан-дэ и др. – 4. Даосские храмы: особенности расположения здания и порядок установки идолов; названия и отличия – Гун – дворец, Гуань, Мяо. – Даосские церемонии: ежегодное празднество в 1 и 15 день каждого месяца при храме, с чтением и объяснением XVI наставлений императора Канси народу. – а) Чествование духа-хранителя городов и местечек по описанию миссионера Адриана из Тонкина. – б) Замечание о разных богах, в честь коих по китайскому календарю должны быть приносимы жертвы и совершаться церемонии. – 5. Буддийско-даосское учение о будущем состоянии людей за гробом, в связи с представлениями о наградах и наказаниях по смерти и обителях небесных (по Эдкинсу): 1. Сущность индуистского национального учения о душепереселении как необходимость очищения и перехода из настоящей жизни в будущую, по смерти тела, – 36 небесных обителей и переходы в них души, их боги и степени совершенства; Прета – его три рода состояния бедствия – ад, животный мир и голодные духи, вид блаженства – небеса, человек и Азура, бог смерти Яма, как Янь-лу-ван. 2. Шесть путей очищения души по смерти, по учению буддистов и седьмое состояние – нирвана. 3. «Рай Западных небес», общее учение о нем в северном Китае; Будда – как цель соединения с ним в раю его почитателей, его «дворец высочайшей чистоты», «Златые врата», бог Ю-дэ, его трон, гора «Гуань-лунь», боги, богини, духи обитающие здесь. – Начертание «Западных небес»; представление о небе и земле с 9 ярусами или отделениями, 12-ть небесных поясов, их названия и особенные признаки. – Представления небес у древних астрономов – Птолемея, Альфонса Кастильского, Евдокса, Региомонтана, Аристотеля, Фракастера; понятие китайское о небе, его боги – «Шан-ди», «Ю-ди»; драконы – зеленый, красный, белый, черный, гора Меру буддистов и цари-девы; три части универса-трилока, их названия, 6 небесных миров над горою Меру и их обитатели; три предела Дианы, их виды и степени блаженства. – Замечание о зависимости китайских астрономических понятий с другими народами – индийцами, персами, арабами, коптами в делении неба на 28 лунных домов, или домицилей, и значение сего рода календаря.

1) Эрнест Фабер, сопоставляя буддийские и даосские понятия и верования, приходит к соображениям, не позволяющим смешивать то и другое. Так: а) даосизм предполагает реальность по отношению ко всем переменам природы. Каждая вещь, существуя сама по себе, имеет соответствующую ей идеальную форму бытия и может развиваться или разрушаться. Идеальная форма – не материальна, ни абстрактно-идеалистична в смысле западной философии, она – эфирна, сосущественна с материальной формой и может быть отделена от неё. Материальный элемент, в свою очередь, может быть также преобразован в эфирный, а тот

возвыситься до степени чистоты и совершенства, в составных его частях света и духа. По мере того, как смертным началом достигается высшее состояние бытия, является на помощь вечная жизнь в тесной связи с блаженством небесным. Такое состояние бессмертия, однако ж, не возвращается снова во всепоглощающее *Дао*, или в течение природы, но продолжительность индивидуального бытия с особенностями личной жизни только освобождается от всякого грубого материального состава и несовершенства. б) Каждое творение по своей сущности – добро. В сем основном учении согласны конфуциане и даосы, но противоположны буддизму, который утверждает, что каждое существо, даже в самом малом индивидуальном проявлении, есть само по себе зло и источник всякого несчастья в мире, и что грех не есть вовсе какой-либо вид или действие индивидуальной жизни, но сама жизнь в её индивидуальных формах. Все конфуциане и даосы стараются поэтому усилить мотивы своего вероучения, требуя чистоты их для удобного преобразования мира; буддисты, наоборот, руководятся иными мотивами, избирая очищение средством возвращения в ничтожество, духовная смерть есть для них высшая степень желания, т. е. поглощение в великом небытии. в) В целях и мотивах высшего образования и воспитания: *конфуцине* стремятся к развитию высших способностей посредством предписания и соблюдения разных правил этикета и собственности, полагая при этом главную цель и попечение в приготовлении к достойному и, более или менее, специальному служению государству в том или другом звании; *даосы* простирают свои воззрения выше сего мира: они стремятся к очищению материальной природы, как бесполезной и не могущей самой по себе достигнуть состояния бессмертия, они направляют свои усилия к очищению сердца посредством своеобразных методов и доведения тела до эфирного состояния, при помощи эфирных веществ – *tinctura rerum* западных алхимиков. При сем предполагается, что тело человека, становясь все более эфирным, может и должно поглощать грубые части, в человеке находящиеся; *буддисты*, наоборот, стараются об искоренении в себе греха с умерщвлением тела, подавлением индивидуальной личной жизни, во избежание греха, а также и всяких вожделений, при неприменном желании найти истинную жизнь в себе самой. Буддизм и даосизм в своеобразном исключительном развитии, по необходимости, таким образом, исключаются один другим; совместность их в жизни практической – весьма редка, и внешние обстоятельства чаще всего зависят от большей последовательности, нежели философских размышлений. В силу простого здравого смысла невозможно совместное допущение и полное уравнивание противных сил в каком-либо пункте без того, чтобы не произошло между ними какой-либо реакции и воздействия, с тем или другим видоизменением их природы или отношений. г) Буддийская каноническая литература в Китае, как можем судить о ней по европейской науке, отличаясь своеобразным складом и развитием, очень мало представляется зависящею от даосизма. Есть достаточное основание отсюда думать, что буддийский канон представляет в себе более на китайском языке переводы, нежели оригинальные произведения китайских классиков. С другой стороны несомненно, что буддийская литература представляет и признаки даосского влияния, например, преобладание заклинаний, большое доверие к магической силе, формулам волхвования и чар, и проч. Правда, предполагаемая сила волшебства над демонами и духами может быть производима от буддистов более, нежели даосов, тем не менее превосходство и сила известных физических законов природы остается на стороне даосов и служить основанием всех их теперь. Даосизм с другой стороны был более дозволенным с предпочтением буддийской литературы, которой канон образовался позднее в цветущий период династий Танской и Сунской. В то же время, и конфуцианизм закончил и надолго упрочил свою победу; его канонические книги объявлены и признаны императорским авторитетом учебными во всех школах, при экзаменах на государственные должности, значение это продолжается и до ныне. Некоторые императоры покровительствуют даосизму, тогда как другие – буддизму, тот и другой являются во всеоружии разного рода книг для чтения, посвященных разным предметам и правилам в жизни; со временем, при распространении массы сих книг в народе, предписания и законы конфуцианских классиков мало-помалу ослабевают в их силе. д) Даосизм и буддизм, по мере своих завоеваний, являются участниками в правительственной сфере деятельности, продолжают уживаться, хотя не без антагонизма, имея всегда в народе массы своих приверженцев, и силясь всегда удерживать свое влияние самыми разнообразными способами. е) У буддистов замечается особенное развитие церемоний, с преобладанием монашества, тогда как даосы имеют свои фаланги ученых, магов, заклинателей, алхимиков, астрологов, монахов и монахинь, оказывающих свое влияние на народ. Анализируя таким образом сознание народной массы,

замечаем крайнее разнообразие и противоположности в воззрениях и обычаях, придающих особенную нервную жизненность и смесь.

Эдкинс, характеризуя даосизм в вопросе о пустынной жизни и монашестве его последователей, говорит, что Лао-цзюнь спокойствие и самоограничение поставляет целью жизни, для этого «все страсти должны быть как можно более сдерживаемы и ограничиваемы», что «сила и прогресс заключаются в концентрированном равновесии способностей, хранении их в спокойствии». Ревностные последователи, объясняют это учение в пользу пустынной и уединенной жизни, хотя не признают для всех абсолютно необходимым целибатство, бритье головы, всякого рода уничтожение в себе животной жизни, соединенной с физическими требованиями природы, как того требуют буддисты. Даосы употребляют все усилия к сохранению своего здоровья и долговечности, для этого верят в универсальный жизненный эликсир и заботятся самое тело сделать бессмертным, любят также хорошо покушать и выпить, повеселиться. Если они стремятся к уединению или пустынножительству, то не для чего иного, как для самоуглубления, очищения от греха, и возведения души к идеальной высоте к совершенству, как учил Лаоцзы. Даосизм таким образом подготавливает человека к совершенной религии и сам становится религиозною системою для своих последователей.

2) *В чем же заключаются особенности даосизма, как религии?* На этот вопрос Э. Фабер отвечает следующее. Несомненно, что не один Конфуцзы, но и Лаоцзы должны почитаться не столько основателями новых религий, сколько учителями религиозных предметов; оба они были политиками более, нежели строго верующими. На основе нравственных своих систем они стремились построить своеобразные формы государственной жизни, оба проникнуты, по-видимому, некоторым религиозным чувством, не позволяющим, однако ж, называть и почитать конфуцианство и даосизм религиями в их возвышенном и обширном смысле. Озабоченные религиозно имеют под собою почву, обе эти системы, по-видимому, обеспечены с окружности и с тылу. Даосская религия, или, точнее, философия, зиждется на «*Дао-дэ-цзин*» Лаоцзы, тогда как конфуцианская на «*Сы-шу*» или четверокнижии; прочие опыты в сем роде малоуспешны, за то весьма много дорогих материалов в разных других китайских сочинениях древности, при помощи коих возможно проникнуть в истинно-религиозные основы обеих философий. Со стороны религиозной конфуцианство представляет черты поклонения природе с древнейших времен, культ этот поддерживается самим правительством и народом; богам природы и древности поклоняются: император, князья, чиновники, офицеры, сам же народ жил своею жизнью, своею набожностью и благочестием, преимущественно выражаемым в поклонение домашним пенатам и коммунальным богам, культ предкам был зато общим и обязательным для всех классов. В сем культе идея почтения к авторитету, повиновения и соподчинения властям, с начертанием типа правителя и князя, нашла всестороннее и полное на деле приложение. Сама природа рассматривается, вообще, как приходящее нечто в человеке, его обычных занятиях и делах, так же точно рассматриваются духи или божества природы. Культ почившим предкам получает все большее и преимущественное значение, в конце всего – сама жизнь кажется существующею лишь для смерти и живые для умерших; благополучие жизни становится священным по столько, поскольку способствует предполагаемому блаженству почивших. Крайности подобного рода не замечаются в культе предкам древнего даосизма; обычный круг человеческих отношений рассматривается как маловажный, самое количество даосских святых кажется не имеющим естественной генерации и только немногие из них почитаются женатыми. Индивидуальное состояние (status) в даосизме имеет предпочтительное значение сред социальным, каким он очерчивается у конфуциан. Дао не имеет особых алтарей, которые ставятся весьма в редких случаях; силы природы им олицетворяются и индивидуализируются. Конфуциане женят своих богов, которых идолами украшаются кумирни и частные дома; нередко можно видеть куклы сих счастливых супругов, рядом сидящих на столе, украшенном жертвами и курениями, а в особом ковчеге, подле богов, занимают место родители бога, а также и предки почивших. Такая практика распространенная даже у новейших идолопоклонников, не в обычае у даосов, дающих силам природы высшее значение над смертным человеком. Светила небесные в особенности почитаются резиденцией богов, управляющих судьбами мира и на земле. Даосы преимущественно, во все эпохи их секты, любили сосредоточивать свою любознательность над наблюдениями небесных светил, с целями, как астрологическими, так и чисто астрономическими; сами конфуциане в сем отношении являются ревностными учениками даосских ученых. Если даосы, склонные всего более к признанию силы рока, ударились в отыскание жизненного

эликсира и развили алхимию, то конфуциане, в болезненных стараниях доставить земное благополучие людям, развили *землеволование* (геомансу, фэн-шуй). Поскольку даосизм оказался производительным в мифологических концепциях, постольку конфуцианство ознаменовалось составлением правил о собственности, разных церемониях, светском этикете. Разные легенды о гениях-духах и волшебницах страны, чудесах и чародеяниях, принадлежа к древнему периоду даосизма, продолжают умножаться и в последующие времена; образовалась троица несозданного начала и затем другая троица во времени и пространстве, подробно описываются способы мироздания и особенно формация первой человеческой пары, существуют разные рассказы о воплощениях богов, занесены в летописи сказания о многих откровениях богов, возрастают все более волшебные сферы, будучи населены лицами мужского и женского пола. Ад, с его многочисленными отделениями и пытками, заимствован у буддистов, также как и рай, с его обителями и небесными сферами, почти одинаков у буддистов и даосов; тоже сходство и в системе наград и наказаний у обеих сект, в чем убеждаемся из специального обзора некоторых частностей даосизма, и сравнения с буддизмом.

3) *Даосские понятия о Божестве*. Пользуемся в сем предмете характеристикой И. Эдкинса. Даосская мифология, прежде всего, имеет общие признаки с прочими языческими народами и свои китайские. Некоторые боги, являясь олицетворением известных сил природы, управляют соответствующими частями оной, другие суть те же люди, но доведенные до апофеоза святости. К первому роду относятся боги морей, рек, звезд, метеорологических явлений и произведений земли; по морским берегам часто встречаются храмы в честь духа морей, царя морского и бога времен, на речных берегах не редкость весьма обыкновенные ковчеги (shrines) царя драконов, из коих одни предполагаются летающими по воздуху, другие – живущими в воде. С замечаемым на поверхности воды волнообразным ровным течением или бурным, представляется дракон, один из коих называется «Царем грома», другой – «Матерью молнии». Многие звезды обоготворяются как обители известных богов или сущности вещей мира, при этом замечается преобладание материалистического учения, самый мир понимается состоящим из пяти родов вещества, каждое из коих содержит, в свою очередь, элементарную сущность или душу, чистейшая находятся в теле человека. По мере частоты телесной усложняется и индивидуальная жизнь святого.

Пяти духовным сущностям соответствуют пять видов существования в материальной природе: – металл, дерево, вода, огонь, земля; очищенные элементы эти сквозь воздух превращаются в пять планет: Меркурий есть сущность воды, Венера – металла, Марс есть огонь, Юпитер – дерево, Сатурн – земля. Постоянные звезды суть также эссенции или души материи, блуждающие в беспредельном пространстве, одаренные внутреннею активной жизнью, и видимые простым глазом на тверди небесной. По сему звездному пути, сообразно с ним должен идти и весь мир. Живой дух материи, возвышенный до сей степени, однако ж не имеет особенного имени. Звезды в отдельности становятся божествами и наделяются соответствующими свойствами. Вся звездная высочайшая область представляется как океан эфира, которого наша атмосфера образует низшую и грубую часть; здесь-то и вращаются звездные божества. Из сей области чистоты, доступной зрению, и простирается то или другое благодетельное влияние на людей, и зависит их вообще счастье. В силу таких представлений имеют сродство алхимия и астрология в системе даосов, это две любимые науки материалистической их религии, с ними сообразуется учение о бессмертии и метод самодисциплины. Средневековые европейские понятия о душе и звездах имеют сродство и аналогичны с древнекитайскими *шэнь* (дух, душа) и *син* (звезда). В легендарной биографии даосских богов, вообще говорится, что звезда снисходит с небесной выси и воплощается при рождении замечательного человека, получающего от сего и самый характер своего светила. Вэнь-чжан, бог покровитель изящной литературы – один из сего рода божеств; малое созвездие Большой Медведицы носит его имя; изображается же Вэнь-чжан на спине медведицы, он имеет особые храмы в городах независимо от храмов Конфуцы. Самый храм, по виду шестигранный, устроится на шестигранной платформе в местах наиболее видных и возвышенных, на подобие самого созвездия, начертываемого на сферах китайских. Существует верование, что Вэнь-чжан приходит в мир по истечении многих поколений и снова возвращается в свою обитель. Добродетельные и высокодаровитые личности истории почитаются также воплощениями сего божества, изобретаемые при этом легенды принимаются за достоверные факты. Как даосы, так и конфуциане не изъяты из сего рода круга представлений. В богослужебных книгах даосов встречаются содержащие молитвы *Тоу-му* (букв. голова матери), женской богине, обитающей в

большом созвездии Медведя; части того же созвездия поклоняются под именем *гуэй-син* (kwei-sing). Малый храм, обыкновенно сооружаемый при конфуцианском, в сторонке, почитается с изображением сей богини с посохом, как покровительницы литературы. Одно из 28 созвездий китайского зодиака состоит из 6 звезд, расположенных в изогнутой линии; оно называется *Чжан* (Chang), т. е. натягивающий лук или стрелец; подле него расположена кучка из 7-ми звезд, называемая «небесный пес». Живописцы изображают Чжана с луком в руках и сопровождаемого охотничьей собакой означенного названия. Подобного рода названиями и изображениями наполнено китайское небописание и сферы астрономические; в них воспроизводятся не только боги, особенно чтимые, но и разного рода предметы вымышленные или действительно существующие, взятые с натуры из быта народного, его обычаев, обрядов и проч. Изучение китайской уранографии в сем отношении представляет чрезвычайно занимательный предмет, о котором французским ученым *Шлегелем*, в его классическом труде «*Uranographie Chinoise*», дается весьма точное и обстоятельное понятие. Не касаемся подробностей, которые могли бы нас завести на путь крайне обширный и специальный, требующий многих предварительных сведений, заметим, что уранография китайская имеет свою энциклопедию иероглифов, эмблем, символов и образов, нередко с глубиной философской идеи, или религиозной, с игрою иероглифических знаков и толкований оных, ставить для читателя много преград, препятствующих быстрому и скорому усвоению предмета. Г. Эдкинс познакомился с одним китайским ученым, владевшим огромным знанием книг, астрономических и астрологических, а также и трактатов по астрономии, переведенных на китайский язык с европейских миссионерами-иезуитами. На вопрос, предложенный сему ученому: кого китайцы разумеют под именем Господа неба и земли? – получился ответ: «Тянь-хуан-да-ди», т. е. великий царственный господин неба, что это название одной из звезд полюса или – полярной звезды, что с её наименованием соединяется понятие и о высшем существе, от коего истекают все вещи. При сем многие места, приведенные из Конфуцзы о Боге-мироправителе, Царе неба, независимом от видимого творения, привели к заключению ученого астронома понимать это высшее начало в материалистическом смысле, но не духовном и высшем, как о том учит христианская Церковь. По мнению сего ученого, творение не было действием Бога, но материального агента – *ци*, т. е. истинно чистой формы материи, пара (*varour*); что этот *ци* и был Богом, творцом всех вещей, из чистой части которого произошли небеса, а из грубой – земля.

До появления буддизма китайцы имели понятие о Шан-ди, духах-правителях разных частей света и расе гениев, коим воздавались божеские почести. Эти последние назывались небесными или высшими, и земными или низшими, обитателями гор, островов и проч. Даосские представления, усиливаемые буддийскими бреднями, значительно содействовали увеличению пантеона богов и гениев, как небесных, так и земных. В храмах даосских всего более можно видеть разного рода распределенные божества эти; верхние помещения предназначаются для небесных, нижние – для прочих богов, также – Будд, Бодисатв, буддийских пустынных и гениев, собственно китайских. Баснословные и полубаснословные личности времен древних выделяются пред позднейшими, за ними следуют сонмы ученых, алхимиков, изобретателей растения и напитка бессмертия, разных мистиков и магов, называемых вообще *сянь-жень* и обитающих на небе. Главные божества выделяющиеся преимущественно буддийские, *Тянь-цзунь* и *Дэ*, соответствующие Будде, за сим *Цзо*, соответствующие Бодисатвам; *Ю-гуан-шан-дэ* есть высочайший из всех (исключая *Сань-цзин*), он есть господь мира и спаситель людей, подобный ему – Будда. Если *Шан-ди* есть Будда активный, то *Сань-цзин* или «трижды чистойшая единица» есть Будда созерцающий; оба они сообщают свои чувства и идеи людям, сами всегда размышляют, говорят с людьми на том языке, какой возможен для их вразумления; к этой «единице-троице» присоединяется и третье лицо – «*Лао-цзюнь*» (Лаоцзы) основатель даосской религии в обоженном его состоянии. Такова «трижды чистойшая единица» или даосская «единица-троица», в отличие от буддийской троицы «*Сань-ши-жу-лаэ*» или *Тафагата трех периодов, времен...* В каждой означенной троице содержится проявление известной исторической личности, в обоих случаях это – обоженный человек за умственные и нравственные качества, поставившие его выше прочих людей, даровавшие ему силу и авторитет. У северных буддистов Шакьямуни имеет весьма много видов или образов; наиболее распространено изображение Будды в трех его видах, это Будда прошедший, Будда настоящий, Будда ожидаемый, или грядущий, будущий. Обыкновенно это три огромные идола, сидящих друг подле друга и совершенно тождественные по виду и величине; ими украшаются большие китайские

храмы. Существуют особые буддийские книги, в коих с точностью определен вид и пропорция этих Будд, изображаемых в значительном числе на картинах, отливаемых из меди, они сидящие, или стоящие, по величине различные; ими украшаются кумирни и частные дома, они возятся в пути, им поклоняются и приносят молитвы, жертвы, ставят курительные свечи. Как у даосов, так и у буддистов божества мира физического и сил природы имеют второстепенное значение и расположение в кумирнях, сравнительно с изображениями высших богов и обоженного человека, в свою очередь боги-воины ниже богов мудрости или мудрецов. Фу и Пуса индусские суть боги интеллектуальные, их сфера деятельности почитается выше и благороднее, нежели Браммы и Шакра, управителей физического универса. В даосизме "Сань-цзин" или троича, суть инструкторы, тогда как Шан-ди и боги звездные, боги врачевания или медицины, боги элементов природы и духи, обоженные пустынных почитаются правителями физического универса. Даосы отождествляют конфуцианского Шан-ди с «Ю-хуан-шан-дэ», главного бога из своего пантеона (исключая "Сань-цзин"). Этому божеству даосы, главным образом, дают руководительную роль для человечества; следуя «Ю-гуан-шан-дэ», человеческая раса отождествляется с ним, как прародителем, имеющим наследственную иерархию в даосской религии и сохраняющейся в семействе по имени Чжан (Chang). Эта наследственная глава имеет резиденцию в провинции Цзян-су (Keang-se), на горе Дракона и Тигра. По человекообразному представлению китайских классиков, Шан-ди имеет как имя, так и день рождения, который празднуется торжественно в 9-й день первого месяца; многие духи предполагаются служащими ему и исполняющими его волю в надзоре за миром и контроле человеческих деяний. В конце каждого года эти соподчиненные духи "Ци-шэнь" (Kitchen) дают отчет в делах человечества, в обители небесной пред троном «Ю-хуан-шан-дэ»; чрез несколько дней после сего снова удаляются инспектировать людей.

Из звездных богов, подчиненных главному относится троича, к которой принадлежат звезда счастья, звезда достоинства и чести, звезда преклонного возраста; изображения сих богов-звезд особенно любимы и распространены в Китае. Есть еще любимое божество, от коего зависит земное благополучие, особенное богатство – «Цзаэ-шэнь»; оно отождествляется с одним государственным человеком, особенно оказавшем народу заслуги в его благосостоянии. Култ сему богу распространен среди купцов и лиц, совершающих выгодные сделки; он имеет очень много храмов в городах и местечках. Наибольшею известностью пользуется триада соподчиненных богов, именуемая «Сань-гуань», т. е. три правителя, или владыки; их власти подлежат небо, земля, вода (*тянь, ди, шуй*); они изображаются под видом трех человек, мирно и единодушно рассуждающих. Эта троича, в смысле единицы, зовется еще «Сань-гуань-да-дэ», ей ежедневно возносятся молитвы. Боги среднего порядка между троичами «Ю-гуан-шан-дэ» и «Сань-гуань» суть духи земли, – северной полярной звезды, – владыка звезд и прочие звездные боги, повелитель грома, духи солнца, месяца, наконец, буддийское божество "Гуан-инь", особенно чествуемое на острове Путо (Pooto), где имеет храм и многих отшельников. Это божество – «мудрости», покровитель ученых и учащихся, в честь коего составлены молитвы и богослужения; он почитается посредником между Шан-ди и миром существ разумных, в храме изображается под видом стоящего пустынного на вершине баснословной горы Гуань-лунь или Сумеру. Не менее замечателен бог «отец грома», представляемый в разных метаморфозах, управляющим громами, молниями, ветрами, бурей, огнем, сопровождаемый девятью прекрасными птицами и 36 генералами, низвергающий демонов, обладающий для этого величайшею мудростью, поучающий людей добродетели. Государственные даосские боги, после буддийских, не менее многочисленны: таковы гении-хранители городов, местечек. Это по большей части обоженные государственные чиновники, воины, прочие люди, особенно замечательные своею добродетелью, доблестью и заслугами. Бог войны – "Гуан-дэ" (Kwan-te) особенно известен и поставлен на ряду с мудрецами и великими людьми, обожаемыми в Китае. Несмотря на множество богов даосских и других, коих храмы весьма часто встречаются везде, правильного им богослужения и повсюду обязательного нет, каждое божество чествуется местно.

4) О храмах, как местах особенного поклонения и священных церемониях надлежит заметить следующее. Прежде всего, даосы придерживаются общего порядка в их расположении с буддийскими, т. е. храмы рассчитаны на помещение богов по их рангу. У буддистов первое место занимает Будда и затем прочие. В vestibulum ставятся четыре вида богов, их обязанность – быть стражами-хранителями входной двери пред лицом главного Бога (Будды), а внутри помещения находящиеся играют роль как бы музыкантов около больших идолов. Центр занимает Буддою, сидящим на цветке Лотоса в позе учителя; в лице его и посадке отражается

соединение созерцания и благоволения, внушительная мудрость и величие с состраданием к обращающимся поклонникам, желающим получить от него спасение. Большая часть индусских богов – Брами, Сива и Шакра, стоят и внимательно слушают молитвы и прошения, или занимают низшее положение сравнительно с другими, каковы – Пуса, Лоханы и пр., большая или меньшая близость или отдаление от главного Бога указывает на известную соподчиненность и зависимость. Храмы даосской религии имеют следующего рода отличия: одни называются *Гун* (Kung) дворец, большой зал, palace, боги здесь располагаются в порядке, занимаемом ими на небесах, на тронах, и как бы каждое в своем дворце, они совершают суд или изображены поучающими народ; другие храмы, более обширные, называются *Гуань* (Kwan) с значительным количеством божеств в их разных залах и боковых апартаментах здания. Обращают на себя внимание исторические мудрецы даосской секты, боги разных небес, упоминаемые в книгах, боги звезд, боги циклические, управляющие годами национального шестидесятого цикла, с изображениями оных и символами соответственно их рангу и достоинству. Третьи храмы в честь государственных богов, каковы; бог войны и покровители городов и местечек. Здания эти называются *Мяо* (Meaou), сходные с храмами конфуцианской секты, построены в честь умерших, почивающих славных героев или государственных людей, охраняются и содержатся на счет правительства в известных местах национального пантеона. Лица официальные и занимающие видное положение в городе или местечке, где существуют сего рода храмы, обязаны посещать оные в известных случаях и в определенное время, по усмотрению даосов.

Из даосских церемоний заслуживают внимание две. а) Перенесемся мыслью, в утренние часы новомесячия, в один из храмов, посвященных Богу китайского города «*Цин-хуан-мяо*». Пред нами совершается в 1-й и 15-й день каждого месяца, ежегодно, весьма важная и интересная церемония: в общественном зале, в присутствии военных и гражданских чинов китайский градской мандарин официально читает публичную лекцию народу, содержанием которой служат императорские наставления народу о его специальных обязанностях. Всех сего рода чтений – шестнадцать, они принадлежат в оригинале императору Канси, беседующему с подданными как отец с детьми. Процесс самого чтения с толкованием означенных наставлений, таков. По собранию чинов и народа, церемониймейстер – «*Лэ-цзан*», громогласно, при начале каждого чтения, командует: «стройся!», т. е. становитесь в ряды, занимайте свои места. Когда все придет в порядок, *Лэ-цзан* снова произносит: «Кланяйся трижды! девять раз ударь головою о землю!». При сем на средину зала, на роскошно убранном столе, полагается золоченый резной ковчег, с таблицей, на которой начертано имя царствующего государя императора Китая. В другом соседнем зале, на таком же столе и в таком же ковчеге, хранится самая книга «священных наставлений императора Канси» – *Шэн-ю*. После сигнала к чтению и объяснению сей книги, толковник-оратор, «*Сы-цзын-шэн*», почтительно приблизившись к столу с курящимся фимиамом, берет почтительно таблицу, с изречениями императора и расположенными соответственно дню чтения: потом, отойдя от места, передает ту же таблицу почтенному старцу, а тот, обратившись лицом к народу, во все время чтения и объяснений, бережно и благоговейно держит оную во все время собрания, как святыню. *Лэ-шэн*, прежде всего замечает объясняющему оратору вслух: «объясняй народу такое-то правило, такого-то отделения из священных наставлений государя!». Свое вступление к беседе оратор начинает, например, в следующей форме:

«Вы, земледельцы, прядильщики и ткачи, возделыватели шелковичного дерева, должны прилежать в исполнении ваших обязанностей; для того особенно, чтобы сокровища страны, даруемые вам для вашего прокормления и одеяния, не оставались без пользы и употребления. Был император великий некогда, до имени Канси, справедливо прозванный иезуитами в их письмах «*великим Канси*», он установил настоящий празднуемый обычай, который продолжаем был его сыном и затем далее, до сего времени». В одном из означенного рода «священных наставлений императора Канси народу», читаемого исключительно пред небольшим собранием правительственных чиновников с особенным благоговением, есть одно (отд. VII), посвященное взгляду критическому на чужеземные религии и борьбе с оными; весь народ призывается удаляться от вероучений неправославных или еретических, ходить с опасением в храмы буддистов и даосов; избегать церемоний этих новых сект, имеющих несообразности с истинными обычаями и Конфуцием. Император называет буддийских жрецов бездельниками, объедающими горожан, тварями, похожими на ночных бабочек и прочих вредных насекомых, живущих на счет других и портящих дело религии. О прочих сектах инославных и между ними о «*Тянь-чжу-*

цзяо» (римско-католическое иезуитское вероучение) император замечает, что это – религия западных людей. Ныне эти люди Запада искусны в математических науках, коими с пользою делали точные вычисления пред астрономическим трибуналом, определяют верно затмения и течение небесных тел. Но самая религия их несогласна с православным (нашим) учением; поэтому народ китайский не должен слепо доверять ей! По государственно-религиозному и учено-популярному, законодательному значению отеческих наставлений императора Канси, делаем особое их приложение в краткой редакции на русском языке, следуя их английскому переводу Милня.

б) Не менее замечательна церемония чествования «духа-хранителя городов и местечек», какую описывается она миссионером Адрианом из Тонкина в его сочинении «*о религиозных сектах у китайцев и тонкинцев*». ¹⁰⁸ Интересны подробности касательно чествования этого духа-хранителя и его изображений, о жертвоприношениях в честь его и возведении идолов в известный ранг правительственными чиновниками. (§§ I, VI, VII). Вот что он сообщает:

Ученые китайцы, и другие, поклоняются духу покровителю и хранителю своего города или местечка, именуя этот дух *шэнь-хоан* – *ching-hoang* или *thanh-hoang* – тан-хоан, под коим разумеется обыкновенно человек, отличившийся при жизни чрезвычайными заслугами государству или известной местности, и по смерти считается таким же благодетелем; представителем в этом случае является дух умершего и в него веруют как в ангела хранителя этой же местности, обращаются с молитвою благодарения или прошения, смотря по надобности. Однако ж китайцами разумеется под означенным понятием не ангел хранитель как у христиан, но только особенная сила даруемая с неба духу умершего. Один император, из дома Тан, около 270 г. до Р. Х. приказал соорудить, единственный в свое время, храм в честь небесного духа-хранителя государства; над входом храма была надпись: *Thanh hoang taug vi* – престол духа-правителя города. С тех пор все вообще духи-хранители, олицетворяемые в идолах, после их торжественного возведения в известную степень, ставились в нарочно устрояемый храмик *мяо* – *mieu*; не имевшие же степени, т. е. не получившие официального признания, ставились в другого рода домики – *thang-hoang*, даже в особом отделении частного дома, служащего священным местом чествования духа предков того или другого рода и семейства. Храмик, где стоял идол духа-хранителя, имел таблицу с надписью золотыми иероглифами двух слов – *dai-breong* – великий правитель, (*grand gouverneur*). По обеим сторонам таблицы стояли несколько впереди две резные из дерева руки (*bras*), а сверху всего – дурное изображение лица, посреди зеркала. В иных местностях, этого рода таблица покрывалась одеждами. Из духов хранителей – Дао-хуан, или местных покровителей, есть много таких, которые получают известную степень по особому императорскому диплому; таких степеней три: высшая, средняя и низшая, называемые *Thuong dang*, *Tru dang* и *Ha dang-than*. Духи возводятся в степень, после публичного экзамена, сопровождающегося особыми церемониями – *Tao khoa bat than*. Они состоят в следующем: в ограде нарочно устрояемой на площади города для этой цели, ставится жертвенник и на нем располагаются чинно все идолы-духи – (*chin-шэнь*), имеющие экзаменоваться, на особой доске тут же полагаемой сверху надписаны имена всех их, с отметкой – «храмовые, священные» – *than-тхан*. К ограде подводится несколько быков, по числу идолов, с надписью «тхан», которому принадлежит.

Чиновник 1-го ранга или офицер, присылаемый нарочно от царя, по произнесении имени того или другого духа и «тхан» производимого в степень, приказывает ему посвящаемого в жертву быка убить тут же. По исполнении чего, чиновник прочитывает императорский диплом о возведении в степень духа, с перечислением его достоинств, заслуг и определением самого ранга, к коему причислен по каталогу с остальными духами, возведенными в степень заранее. Все местное население, которого дух объявлен покровителем, торжественно приходит на эту церемонию, приемлет с радостью диплом, совершает поклонения и prostирания пред идолом, после чего относит его в особо устроенный общественный дом; там приносятся жертвы, возжигаются свечи, курится фимиам, и народ веселится по случаю такого дорогого для него праздника. Духи высшего ранга пользуются пред прочими тою прерогативой, что для жертвоприношения, ежегодно совершаемого в честь их пред идолом, посылается императорский чиновник с жертвенным подарком от царя – желтым быком. Все проходящие мимо храма с идолом высшего ранга *Thorong-dang-than*, должны снимать с голов шапочки, а при входе в самый храм – обувь, совершить поклон благоговейно и тихо удаляться. При общественных церемониальных процессиях этого рода идолы в отличие от других пользуются особым почетом

– впереди носится великолепно украшенный зонтик и военное знамя. В каждом провинциальном, губернском, уездном городе, и вообще значительном местечке есть храм с идолом духа, которому приносится однажды в году жертва особым чиновником Ву-фу, или Ву-цзяо, также – Ву-сюань. Подробности жертвоприношения, сверх вышеуказанных бывают и следующие: в назначенное определенное время идол духа-хранителя – дай-вун, *grand gouverneur*, торжественно выносится из храма в общественный дом, где и ставится в нарочно устроенном и весьма изящно украшенном павильоне. Впереди становится сосуд с благовониями и стол с рисом, бычачьей или буйволовою головою, или чаще всего – свиною, раскладываются крестообразно и книги из позолоченной или серебристой бумаги. Подле жертвенника, на земле расставляют блюда с разными кушаньями, в несколько рядов. По самой же середине, насупротив жертвенника, разрублено на части мясо жертвенного животного. Впереди же всего этого еще стол с четырьмя ножками, называемый *хуан-ань* – *huong-an*, с курящимся на нем в сосуде фимиамом, по сторонам фимиамницы – *сян-лу* горят на особых подсвечниках – *дэнн*, две свечи – *ла*. Местная знать и потом все граждане, одетые по праздничному, вступают в дом и потом зал, приготовленный для праздника. С каждой стороны стола *хуан-ань* помещаются два церемониймейстера, перед серединой стола занимает место главный официант, а позади его все прочие слуги. Тот же порядок соблюдается и при жертвоприношении в честь Конфуэцы, пред его изображением или таблицей с его именем. По особому данному знаку главного официанта, все гости делают пред идолом поклон, с этого момента, уверены китайцы, сам дух ими почитаемый снисходит с высоты к таблице с его именем и невидимо присутствует. Умыв руки в нарочно приготовленном сосуде с водою, главный официант передает его остальным гостям для той же цели, и потом занимает свое место пред серединой стола *хуан-ань*; здесь, став на колена, он совершает возлияние вина, поднимает чашу кверху и с глазами, устремленными на небо, призывает его благословение, передает жертвенную чашу слуге, который и ставит её на столе с прочими блюдами. Один из самых почетных гостей-граждан, став на колени, торжественно берет в руки лист бумаги *вань-дэ*, на которой написан адрес к богу-духу и прочитывает вслух. При чтении, главный официант коленопреклоняется, дважды простирается пред жертвенным столом. В адресе обыкновенно вся местная знать и собравшиеся прочие жители, восхваляют духа за его доблестную природу, знание, власть и покровительство; умоляют принять благосклонно все подносимые ему жертвенные мяса и блюда; затем особенно упрощают об оказании покровительства, отгнании всех бедствий, дарования мирного жития и во всем благополучия, долгоденствия во всякой радости. Что особенно замечательно, в обращении к духу, китайцы в числе добрых качеств его упоминают о почтении и повиновении оказываемом им императору; ибо они уверены, что духи, получая свое признание и утверждение в той или другой степени от императора, тем самым зависят от него как и все прочие подданные. По прочтении адреса духу, совершается как и прежде двойное возлияние, и пробуются кушанья с жертвенного стола. Затем церемониймейстер, совершив благодарение духу, удаляется, за ним – главный официант и все слуги; уходя из зала простираются четыре раз пред духом, благодарят его за внимание и удаляются. Потом все идут кушать за общий стол, приготовленный на общественный счет города или местечка; и так кончается праздник.

Почитание духов-покровителей совершается в разное время года с подобающими церемониями, при чем молитвословия занимают видное место. Время празднования и жертв следующее: в первые дни первого месяца, совершается молитвословие о мирной жизни, *ки-уен* – *ци-янь*, *prière de tranquillité*; в 10-й месяц совершается жертва. *Сом-вуйа* – *ком-вуйа*, *offrande des prémices*; в 11-й месяц, молитва о благополучии, *ки-фус* – *цифук*, *prière de bonheur*. В конце последнего месяца, сверх поименованных случаев, приносятся жертвенные кушанья духу в благодарение за полученные благодеяния в продолжении года. В случае морового поветрия или других эпидемических болезней в известной местности, приносится особая жертва об удалении и отгнании несчастья, *Тон-ач*. В случае засухи, опасной для земледелия, совершается молитва о дожде, *дао-ви* – *дао-ву*. Существуют и другие жертвы, приносимые разными лицами, особенно богатыми, с разрешения местных властей и общин, сопровождаемые доставлением местному населению удовольствий, с утолением их желудка сытым обедом в честь почитаемого духа. Кроме того, почти ежегодно, если не попрепятствуют общественные неурядицы и голод, в 1, 3, 9 и 11 месяцы происходит народное гулянье, продолжающееся день и ночь в течении нескольких дней, даже – месяца; главным пунктом увеселений бывает общественный дом. Там поются песни, рассказывается быль и небывальщина, играют комедии и музыка, происходит за деньги

– угощение. Это в своем роде клуб – трактир и театр. По смерти императора, эти празднества отменяются на три года, т. е. на все время траура. В известной китайской энциклопедии Ма-дуан-лян (см. *Nouveau Journal Asiatique*, Т. X., 1832, р. 36) содержатся любопытные сведения о различных божествах китайских и жертвоприношениях им. Таковы жертвы цзяо-кiao, мин-тхан – ming thang, сю-тху – heon thon (царице земле), ней – уи или в честь дождя, ву-ди – ou-ti (пяти императорам; солнцу – жи, луне – юэ, звездам – син и планетам, холоду и теплу, шести достопочтенным – six venirables (т. е. четыре времени года, тепло и холод, небесные тела, вода и сухость), четырем странам мира; сюда же относятся жертвы духам полей, недели, гор и рек, горным ветрам фын-шань и проч. Самые подробности времени жертв в разных храмах богам и духам, определяются в китайском календаре, нами воспроизводимом в русск. переводе в особом приложении к астрономическому календарю.

5) *Буддийско-даосское учение о будущем состоянии людей за гробом в связи с представлениями о наградах и наказаниях по смерти и небесных обителях.* Необходимо различать три степени в развитии сего учения, говорит И. Эдкинс, имеющие точную связь. 1) Индусское национальное учение о душепереселении составляет основное начало буддизма, как и его системы; его сущность: настоящая жизнь каждого живого существа есть состояние мздовоздаяния за прошедшее и испытание в будущей, от ада до неба существует вечное состояние метемпсихозиса. Все подвержено перемене, и твари, населяющие мир – смертны. В каждой из 36 областей, называемых небесами, находится какое-либо управляющее божество и множество соподчиненных оному личностей; таковы Девы и Девы-цари народного индуизма, из них в особенности фигурируют Брама, Сива, Индра. Души людей могут проходить в райские обители каждого из сих богов от соподчиненных до самого главного бога. В течении времени жизнь каждого существа должна заключаться и затем наступает другое состояние жизни. Высшая или низшая степень чести и блаженства достигается пропорционально заслуге индивидуальной души; но в самой градации наград и наказаний замечается значительная разность, ибо настоящий мир рассматривается как состояние животных, в котором души могут странствовать и переходить из одного животного в другое до тех пор, пока не достигнут человека. В сих переходах различаются два разряда существ, именуемых "Азура" и "Прета", между людьми и животными. "Прета" на языке китайском означают «голодных духов», здесь три состояния бедствий – ада, – животных, и – голодных духов. Другой вид, сравнительно с первым, состояние блаженства – небеса, человек, и Азура. Но обыкновенным и сокращенным понятиям китайцев, состояние души по разлучении с телом, определяется Ямою, индусским богом смерти, по-китайски именуемым «Янь-лу-ван». Он часто упоминается в буддийских священных книгах и ходит в устах народа, с представлением о смерти и будущем суде. Из массы буддийских имен, занесенных с санскрита, только немногие пользуются известностью в народе; но Янь-лу-вана знает всякий, ибо этот бог определяет вид и время смерти, также и последующее состояние души. Царство сего бога ограничено лишь низшею сферою бытия, которую сам человек, мудростью и благочестием при жизни земной, может переступить и достигнуть области чистой, высшего начала и бытия, где владычествует сам Будда.

2) Во второй фазе развития буддийское учение о будущем состоянии человека, назначает шесть путей, по коим шествуя душа подвергается постепенному очищению и вступает в область высшую, где она освобождается от всякой перемены и бедствия, – она достигает Нирваны, становится абсолютно свободною от всяких ощущений, страстей, тревожений. Когда Шакьямуни Будда умирал, то заметил, окружающим его ученикам, что он вступил в область Нирваны. Этого рода состояние – самое любимое в языке философии и религии буддистов и всех их сект, им означает торжество духа над материей, уничтожение прежней жизни и самой смерти, состояние новое и вечное в мире высочайшего бытия.

3) Третья фаза китайско-буддийского вероучения о будущем состоянии души человека есть рай западных небес, или «Мирная страна на Западе». Масса почитателей Нирваны, состоящая из большинства народа, имеет не менее поклонников и этих небес мирной страны. В силу сих верований, Будда воображаемый отличен от Будды исторического, действительного Шакьямуни или Готамы. Он прозван «беспределенным по возрасту». Все призывающие «Намо Амитабга Будда» по-китайски – «Нань ву о-мэ-то-фо» (честь Амитабы Будды), уверены, что по смерти вступят в рай сей личности, расположенный на огромном расстоянии к Западу от видимого универса, что души почитателей Будды останутся в его обители на миллионы лет, – что занятием их будет созерцание и собеседование лицом к лицу с Буддою – Амитабга, слушание пения

прекрасных птиц и блаженство среди великолепия садов и озер, орошающих райскую обитель. Такого рода наградами за веру в Будду проникнуты его почитатели и его рай предпочитается Нирване, представляющей менее привлекательности для религиозной фантазии. «Рай Западных небес» неизвестен буддизму Бирмы и Цейлона, и более всего распространен в вероучении буддистов северного Китая и провинций от него зависящих. О человеке добродетельном и почившем мирно, китайцы любят выражаться на языке даосов, что он «вознесся на небеса» – *"шан-тянь"*; в книгах их описываются многие дворцы, устроенные на звездах, и где будут жить святые с богами и гениями. При сем соединяется то верование, что массы неверующих людей умрут по душе и телу в сем же мире, но только души святых людей *"цзин-шэнь"* достигнут райского блаженства, где обитают боги и гении, где царствует вечное бессмертие. Исторический основатель религии даосов – Лао-цзюнь описывается обитателем *«даэ-цзин-гун»*, – дворца высочайшей чистоты. В раю собственно находится первое лицо буддийской троицы; это место считается метрополией драгоценных гор, входом к которому служат *«золотые врата»*. Божество соподчиненное троице – *"Ю-дэ"*, сидит на престоле в «чистом жемчужном дворце». Звезды вблизи северного полюса почитаются телами гениев; некоторые имеют имена богов, предполагаемых живущими в них, другие называются по частям дворца, напр. *«зал неба»*, *«небесная дверь»* и проч. Боги, населяющие звездный мир, почитаются правителями его; названия звезд, измышленные даосскими учеными и жрецами, однако ж уступают впоследствии собственно национальным китайским, хотя боги, для них изобретенные, и сохраняют свои имена доселе. В даосских книгах эти боги часто представляются поучающими своих учеников на звездах, где они живут; по их верованию, боги эти нередко сходят с небесных высот на землю для вразумления людей. Одна из гор Тибета – *Гуань-лунь* (Kwun-lun), составляет любимое баснословное место, где живут гении и боги китайские; на одной из вершин представляется живущей богиня *"Си-ван-Му"*. Герои даосской мифологии часто представляются в земном рае; таковы *«сы-жень»* – гении, *«тянь-жень»* – небесные бессмертные и *«ди-жень»* – земные смертные. Все они описываются наделенными мудростью, добродетелью, вечною молодостью, магической силой, с разными степенями оной. Низшие боги-духи обитают на райской горе, подобной *«Гуань-лунь»* и отсюда переносятся в звездную область.

Более полная картина понятий даосов о небесах начертана в *«the China Renew»* (vol. XI, p. 295–97), которую и воспроизводим в русском переводе, на основании китайских источников. Даосские понятия о небе суть следующие: свет выходит, мрак небесный снисходит, возникают небеса и земля. Небесное тело это окружает землю подобно скорлупе яйца, облекающей белок и желток; человек, являющийся на землю, усматривает над собою небо и под собою – землю, на которой он обитает, затем узнает, что землю облекают одни небеса. Земное тело, сравнительно с небом весьма мало; небеса имеют двенадцать отделений, расположенных естественно подобно куполу или балдахину, сводообразно над нами. Все содержимое под небом, на земле поддерживается четырьмя крайними пределами и пунктами. На самой земле находится девять отделений или ярусов (storeys). (The Perfect Mirror of the Gods and Genii, Bk. 11. p. 1, D. B.)

Двенадцать небесных поясов, расположенных ярусами, или отделений, суть следующие:

1-й пояс небесный над землею непосредственно называется *«великая пустота небесная»*.

2-й пояс, – называется *«небеса производящие благодетельное обновление»* посредством смена явлений ветра, дождя, облаков и проч.

3-й пояс – *«свет (тооп), разрешающий небеса»*. Сюда принадлежать: солнце и месяц, движущиеся слева направо. По обычаю князя и его офицера месяц празднуется (zasted) тринадцать раз (в году); под князем разумеется солнце, под его офицером – месяц.

4-й пояс – *«четвертое небо»*.

5-й пояс – *«небеса блуждающих путей»* (и разных дорог, по описанию китайского текста).

6-й пояс – *«небеса стройно и премудро расположенных созвездий»* для всего мира. Сюда принадлежат 28 созвездий (китайской астрономической сферы) с соответствующим оным содержанием звезд и распределением по группам.

7-й пояс – *«седьмые небеса»*.

8-й пояс – *«неподвижное небо»*.

9-й пояс – *«просторный свод неба»*. Он делится, подобно земле, на девять пустынных частей. Предел каждой части, – определенный, навивается своеобразным именем по цвету, отличающему их один от другого. 1-е деление восточное называется *«Лазурь небесная»*; 2-е отд. юго-восток, – *«глубокая лазурь небесная»*; 3-е отд. юг, – *«мужественное небо»* (Ян); 4-е отд.

юго-запад, – «небесная груша»; 5-е отд. запад – «чистое, ясное небо»; 6-е отд. северо-запад, – «зубчатое небо»; 7-е отд. север – «мрачное небо»; 8-е отд. северо-восток, – «весеннее пространное небо»; 9-е отд. центр, – «ровное, гладкое небо», иначе именуемое «желтое, золотое небо».

10-й пояс делится на долины имеющие, каждая свой центр – «пурпуровый дворец уединения». Разумеется при этом звезда или кучка звезд подле северного полюса, это – «*трон небесный*» и «дворец с верхними, средними, низшими божествами, отгоняющими злых духов». (Chalmers).

11-й пояс, над ним простирается высшее отделение, светоносное, ясное, где царствует совершенно вечное спокойствие. Если десятое небо представляется ровным, то одиннадцатое – стоящим совершенно дугообразно, отсюда оно называется «*небесною дугою*» или «*сводом*». 12-й пояс высочайший из всех, называется «*Великим шелковым небом*», одна сторона коего опоясывается великим кругом. Этот круг (букв. горизонт) простерт над землею, отделяя ону совершенно от двенадцатой, ясной, светоносной области. Все двенадцать поименованных небес – обширны, пространны, каждое управляется своими законами, правилами, имеет своего повелителя». (The Perfect Mirror of the Gods and Genii, Vol. 1, Sec. 2). Надлежит иметь в виду, (говорится в Encyclopedia, Americana, Art. Heaven), что древними астрономами допускалось много небес, имевших различные замечаемые движения. Предполагалось, что сферическая форма была лучшею формою для их движения, что семь планет имели свои семь небес (Месяц, Меркурий, Венера, Солнце, Марс, Юпитер, Сатурн); для звезд постоянных предполагалось восьмое небо, называвшееся в частности твердью – firmamentum; Птолемей присоединил девятое небо, назвав оное primum mobile; после, Альфонс, король Кастильский, присоединил еще два кристалльных неба; наконец Эмпиреум – местообитанием Бога, заканчивает все 12 небес. Другие астрономы допускали большее: Евдокс – 23, Региомонтан – 33, Аристотель – 47, Фракастер – 70. По исследованию Майера (Mayer, Chinese Reader's Manual) видимое небесное голубое пространство, представляемое у китайцев с четырех сторон состоящих из четырех морей, находилось под управлением четырех драконов, подчиненных баснословному Ю-ди, с титулом «*мрачного небесного Шан-ди севера*». Драконы эти различного цвета; *зеленый* дракон для востока, *красный* – для юга, *белый* – для запада, *черный* – для севера, каждый имеет при себе двух офицеров – один носит императорский штандарт, другой выслушивает царственные повеления неба и передает оные на землю людям. По представлениям буддистов, имеющим индусское происхождение от браманов, существуют небеса, управляемые *четырьмя царями-девами*, и расположенные по 4 сторонам горы Меру, все же небесные области разделены на *тридцать две*, с существами, одаренными баснословными огромными цифрами годов своей жизни в небесных пространствах. Вообще *универс траелокуа* или *Trilokya*, делится на три предела (сань-цзе), с неравными подразделениями: 1-й пред. *Kamadhatu*, имеет 6 отделений, 2-й пред. *Rupadhatu*, с 18 отделениями, 3-й пред. *Arupadhatu* с 4 отделениями. В первом пределе или области заключена земля и шесть «*девалок*» (devalokas), она называется областью «пожелания и вожделений». Шесть небесных миров расположены над горою Меру между *Брама-лока* и землею, они называются: *Шатур магараджа катказ*, – *Траиястримза*, – *Яма*, – *Тучита*, – *Нурманарти*, – *Паранирмита*. В 1-й обитают «четыре царя небесных» по сторонам Меру, каждый из коих имеет 91 сына с 28 демонами и 8 генералами; жизнь здесь состоит из 500 годов, и 24 часа равны 56 годам земным. В отделениях и прочих частях, находятся «*Девы*» в состоянии перемен и переходов от одной области к другой. Вторая область *Rupadhatu* или предел, где обитает Брама (Брамалока), в 18-ти небесных отделениях (диана) имеет обитателей, в состоянии созерцания, Диана первая «пространная подобно небу»; содержит: 1-я *Брама-паричадья* – собрание Брам; 2-я *Брама-пурочита* – спутники, товарищи Брам; 3-я *Магабраманас*. т. е. Великий Брама. Вторая диана, «из малых холодных миров». 1) *Париттабга*, т. е. ограниченный свет; 2) *Анрамабга*, т. е. «беспределный свет» населен девами такого же света; 3) *Аргасвара*, т. е. девы светоносной природы. *Третья Диана* «из средних холодных миров»: 1) *Паритан-убга*, т. е. определенная, имеющая границу, чистота; 2) *Апраманас-убга*, т. е. беспредельная чистота с девами той же чистоты; 3) *Сурга-криштна*, т. е. распространенная чистота; жизнь состоит из 64 калп, здесь обитают высшие юджанасы. *Четвертая диана* в пропорциях равна обширным и пространным небесам, к ней принадлежат: 1) *Пуниарразава*, т. е. счастливое рождение; 2) *Анаеграка*, т. е. блаженная любовь; 3) *Вригат-фала*, т. е. обременение плодами, заслугами; жизнь здесь из 500 калп; 4) *Асанд-женнисатва*, т. е. без главы или начальства; 5) *Аврига*, т. е.

без усилия подвизающийся в деле мысли; 6) *Атана*, т. е. безмятежный, чуждый борьбы страстей; 7) *Судриза*, т. е. благообразный; жизнь продолжается здесь 8,000 великих калп; 8) *Сударз-ана*, букв. благочестивых воззрений, жизнь здесь – 4,000 великих калп; 9) *Аканичта*, букв. единый высочайший.

3-й предел или область – *Arupadhatu*, имеет четыре неба, не имеющих ничего чувственного и плотского, образующие предхрамие Нирваны и четыре неба необъятной пустоты. 1) *Аказ-анантийятанам*, т. е. «обитель беспредельной пустоты или небесного пространства»; жизнь здесь – 20,000 великих калп; 2) *Виджнананчжайтнрам*, букв. «обитель беспредельной мудрости»; жизнь здесь состоит из 40,000 калп; 3) *Акинтицаниякатанам*, т. е. «обитель абсолютного уничтожения»; жизнь здесь состоит из 60,000 великих калп; 4) *Найвазанджана Санджнайятинам*, букв. «обитель не имеющая ни сознания, ни самосознания»; жизнь здесь обнимает 80,000 великих калп. По определениям буддистов и браманов «каждое разумное существо» разрешившееся от уз всего чувственного, от всякого ощущения и самого себя, достигает совершенной «окончательной нереальности всего феноменального-преходящего, и вполне вступает в область Нирваны»; высшая степень святости буддистов – «Бодисатвы»; «Браманы» суть лица, достигшие мудрости; «*Архаты*» или «*Ло-ханы*» существа, достигшие сверхъестественного состояния, наравне с богами, они прямо вступают в Нирвану; небеса населены богами – «*Девами*», ниже небес Брами обитает «*Мара*» – демон (кит. Могуэй); *люди* четырех стран имеют свой континент и переселяются из тел в другие – «*Девы*», т. е. по очищении от земного в душепереселениях достигают божеского состояния. «*Девы*», однако ж, тоже люди, но огромных размеров, они рождаются и тоже умирают.¹⁰⁹

Из сравнения двух систем в устройении небес, по понятиям даосов и буддистов, нельзя не заметить, что они имеют метафизико-астрологическое и мифическое значение более, нежели чисто астрономическое, с точки зрения современной европейской науки. В основании воззрений несомненны религиозные принципы и понятия о Божестве первобытного человечества, затмившиеся со временем, до неузнаваемости Богооткровения. У даосов и буддистов замечаются колебания, уклонения, но истина просвечивает и побуждает к отысканию её в религиях и воззрениях народов, имевших общение с древними китайцами. Исследователь китайской астрономии и небоописания, Шлегель, приводит любопытную таблицу, в коей он сравнивает ученые понятия китайцев о небесных созвездиях со сферами других народов – индийцев, древних персов, арабов и коптов. У всех их замечается единообразная система астрономическая в разделении небесного свода на *четыре части* (восточная, западная, северная, южная), содержащих каждая по группам звезд *созвездия по семи* в каждом отделении, так что всех их приходится *двадцать восемь*; названия им усвояемые различны по языкам, по-китайски – «*су*» (siou) букв. гостиницы, месяца, луны, лат. *domicilium*, французск. *domicile*, по-санскритски – «*Накшатроны*», у персов – «*Кордеши*», у арабов – «*Лунные дома*», у коптов – «*Нимонеи*». Соответственно единообразно замечаемому звездному течению, восходу, заходу и кульминации, поименованными народами издревле определялось время года, те или другие земледельческие занятия, обычаи, церемонии, жизнь общественная и домашняя, как и государственная, на астрономических наблюдениях и вычислениях устанавливался тот или другой вид календаря деревенского или городского; астрологи, маги, сообразно с ним занижались и совершали молитвы, гадания, предсказания. Прилагаем особо ниже сравнительную таблицу означенных 28 домицилей.

§ 65. Ключ к даосизму (по Фаберу) или определение метода в исследовании оного

Частные черты: либерализм (по изданию Дао-цзюань-шу), писатели – И-янь, Дай-гун, Ю-сюн, Гуан И-ву; утилитарист – Ме-дэ, коммунист – Нун-цзя, Тянь-бянь: медики – Бянь-цзюэ и сочинения о вечной молодости и здравии (Шэнь-синь); детерминисты и фаталисты – Цзо-Цюань, и др.; партия мира – Лао-тан, военная – Сюань-цзы-ву, изд. Сюань-цзы-ши-цзя; эклектики – их издание разных сочинений, даосы Хуай-нань-цзы, Лю-бу-вэй, Ши-цзы. – Партии Конфуцзы – единства, и Мэнцзы – федеративная, Цзун-ван-цзя, Су, Чан, Гуэй-гу-цзы, пан-монголисты, право обычное и письменное – его кодификация у Конфуцзы, Тан-се-цзы, выделение права уголовного; ригористы – Сан-ян, Сэнь-бу-гай, Гань-фи-цзы, Цзя-и, Чао-цзо, пуританская школа – Гуан-ян-цзы, сенсуалистическая – Ян-чу и книга «семь драгоценностей бамбуковой рожи», Фан-ли и его И-цзы; Чан-лянь, Цзо-цзан, Вань-ци-шан. – Дуализм в литературе изящной словесности и её народность по содержанию и языку у даосских писателей, классических древних и Конфуцзы по преимуществу, влияние сего направления на формуацию языка и нравы китайского народа.

В смысле переносном, под ключом означает способ изложения какого-либо знания, научно, (говорит г. Фабер), независимо от разрешения всякого рода в нем встречающихся затруднений. Владея ключом, изучающий имеет возможность вникать и понимать все подробности изучаемого предмета, – предусматривать все существенные черты оного, сопоставлять сходные черты и группировать оные, достигая общих и наиболее точных понятий. Таким ключом к даосизму служит сокращенное изложение (concise outline) всего, входящего в состав собственно метода исследования и в частности – самого учения даосов. Метод состоит в историческом обсуждении всех документов, относящихся к даосизму; по нему, прежде всего определяется действительный или предполагаемый период времени каждого текста, его подлинность и неповрежденность, затем – тексты делятся на соответствующие группы подразделения, периоды. Тексты одного периода последующего поясняются предыдущими, и предыдущие – последующими, по внутренней и генетической их связи. Смешивать тексты разные по времени и их содержанию, – значит производить смешение и неясность в понятиях о предмете. Всякого рода сличения даосских учений между собою и с другими, оставляем в стороне, хотя стараемся показать различие в делениях на школы или партии внутри самого даосизма, которого термин весьма эластичный и пространный, подобно «протестантизму». Пользуясь разными сведениями, останавливаемся на сторонах предмета, мало обследованных у других ученых; предлагаем характеристику древнего даосизма, сравнивая идеи Конфуцзы и Лао, – тоже и других, указываем на выдающиеся партии и их представителей, переходим затем к даосской революции, обзоре древний канон классических книг и даосский в особенности, с его делением на группы последнего времени, касаемся в частности Дао-дэ-цзин. В дополнение к излагаемому г. Фабером, со своей стороны имеем в виду вышеизложенное резюме учения Лао-цзы и Дао-дэ-цзин и его учеников, останавливаемся на изданиях этого сочинения, а также на переводах английских Чжуан-цзы с образцов оного в русском переводе, и других текстах.

А) *Краткая характеристика древнего даосизма.* В продолжение всей Чэусской династии даосизм представляет собою ни более ни менее как оппозицию. Конфуцианство успело собрать и сосредоточить в себе все тенденции консерватизма, установившиеся в феодальном законодательстве. Даосизм явился по отношению к ним антитезисом, совместившим в себе всякого рода усилия против современных сильных авторитетов. Конфуцианство, как консерватизм, представляет силу устойчивости в политической и социальной жизни; даосизм в себе самом носит силу движения, перемены, революции. Конфуцзы объявил определенный порядок вещей, до малейших подробностей социальной жизни; даосизм напротив всякое искусственное и не эластическое распределение предметов почитает ненормальным и ненатуральным делом. а) Дао – природа, в значении вечного обновления и перемены жизни (everchanging life), стало знаменем даосского либерализма и против неподвижности формы абсолютизма. Конфуцианство, как политическая система, было чистым и простым абсолютизмом, не ограничиваемым каким-либо правом для самого императора; правда, нравственные или религиозные рассуждения могли быть доводимы до него; но они были бессильны пред тем гнетом, который всегда могли получать от него во всем. Только титаническое

зло абсолютной власти согласовалось с древним обычаем и Конфуцзы встречал не мало примеров её в старых формах; сам он находит в них защиту, способную отражать незаконные злоупотребления и безответственность власти. Это как бы род конституционного столкновения, бывающего нередко при дурном правлении, и возникающего необходимо в пользу усиления самой власти. б) *Даосы суть либералы*, насколько возникает в том надобность, и отрицательно относятся к праву абсолютного авторитета: они протестуют против всякого рода вмешательства, с отрицанием древних форм как неупотребительных для времен новейших. Собрание даосских оригинальных сочинений известно под титулом *Дао-цзюань-шу*, могло бы оказать большую услугу в анализе и истинном уразумении этой философии в её историческом развитии; – этим сборником и пользовался составитель предлагаемого очерка. *Сокращенное издание сею thesaurus доходит до 80 in octavo vols, книг*. Нет надобности входить в полное их рассмотрение, а ограничимся лишь наиболее типичными и выдающимися произведениями.

а) По мнению почитателей китайского историка *Пан-Гу* (Pan-ku) первое место из даосских писателей занимает *И-янь* (I-Yen), славившийся при первом государе Тане, основателе Танской династии. Затем следуют *Дай-гун* (Tai-kung) и *Ю-сюн* (Yuh-Hiung), два других писателя, бывших советниками феодального *Ваня*, и восстававшего против жестокого правления Шана. Царь Вань потерпел неудачу в даосских предпрятиях, но его сын Ву, наследовав от отца готовый план, воспользовался оным с успехом. *Гуан И-ву* (Kwan I-wu), другой даосский писатель, по собрании *Пан-гу*, был главным министром г-ва Цзи в 685 до Р. Х., которое было в числе первых федер. г-в с правом гегемонии, с номинальным даже признанием императорского авторитета при правителе Чэусской династии (Chow).

б) Сочинения *Медэ* (Mih-Teh) составляющие нечто отдельное (в сборнике Гань-шу), впоследствии включены в число даосских сочинений. *Ме-дэ* является оппонентом правительства Чэу (Chow). Будучи часто цитируемы у разных авторов и часто повторяющиеся в них, тем не менее представляют разность в тексте при сличении ссылок и экстрактов из них, в сочинениях конфуцианских писателей. *Ме* пытался совершить реформу в социальной жизни и проповедовал *принципы утилитаризма*, доведенные последователями этой школы до крайнего коммунизма. К этому классу лиц *Нун-цзя* (Nung kia) принадлежат главным образом земледельцы; это был род *социалистической земельной лиги*, который требовал, чтобы все земельные собственники лично сами обрабатывали свои участки, чтобы бедняки имели свои паи в привилегиях богатых. Труд и наслаждение, проповедовали они, должны быть одинаковы у всех людей, что цари и крестьяне должны жить на том же уровне. Философ *Менций*, как можно судить по старым листам его сочинений (Mencius III, г. IV), был не чужд тех же мыслей и даже старался практически приводить их в жизни. С такого рода коммунистами имел соотношение и знаменитый агитатор *Тянь-бянь* (T'ien P'ien), часто упоминаемый в литературе ему современной. О нем известно, что вместе с остальными радикалами, стремился проповедовать, что наследственные лорды могут быть в оппозиции правительственным мероприятиям и делам.

в) Адепты *медицинской профессии* сего периода, также подобно землевладельцам, принадлежали к классу обманувшихся в ожидании своих политиков; *Бянь-цзюэ* (P'ien Ts'ioh) китайский Гиппократ, был из даосов. Даосские жрецы даже до сего времени почитаются как знаменитые доктора, фармацевты, заклинатели, астрологи и ворожеи. Для изучающего даосизм наиболее ценна древняя литература памятников медицинской профессии в Китае. В остальных сочинениях встречаем наилучшее объяснение многих темных мест, содержащихся в даосских текстах. Понятия об окрашиваниях (Tairies) и жизненном эликсире имели свое происхождение от этих же медицинских писателей. Медицинские рассуждения древнего Китая делятся вообще на четыре части, из которых 4-я известна под заглавием *Шэнь-синь* (shin sin), т. е. способы и средства изменения смертного тела человека в единое бессмертное. Неуклонное исполнение содержащихся здесь правил *вечного здоровья* особенно ценно для лиц, желающих вступить лично, с душою и телом, в страну чудес (Tairy-land). Наиболее интересно в этом же роде другое сочинение, в котором разные исчисления и суждения излагаются в виде диалога между *Хуан-ди* и его министром *Ци-Бэ* (Ki PeH), знаменитым основателем врачебного искусства в 2700 до Р. Х. При взгляде, с точки зрения современной медицинской науки, понятия даосов могут почтяться весьма детскими; как, в телесном организме, так и внешней природе допускаются основные пять элементов, из гармонического или дисгармонического сочетания которых зависит здоровье и счастье, или болезни и немощь и самая смерть.

г) Другую даосскую партию того же периода, так называемую *Ин Ян Ця* (Yin Yang Kia), составляют *детерминисты* или *фаталисты*. Взирая на звезды и рассуждая о них, они убеждены были в том, что каждое событие на земле предопределено свыше и управляется движением небесных тел. С древних времен также, даосами были обсуждаемы открытия и средства влияния звезд-богов (Star-gods) и расположения звездных течений согласно с политическими соображениями. *Цзо Цюань* (Tso Chuen) в особенности сообщает много рассказов в этом роде.

д) Существовала еще партия *мира* или *тишины* и *спокойствия*, к которой принадлежал и *Лао-Тан*, и другая ей противоположная – *партия военная*. Приверженцы той и другой в общем течении даосизма оставили весьма интересные сочинения каждые в своем роде. Одна из таких книг переведена г. Бальфуром под названием «*книга простых слов*» (Book of the Plain Words). Авторы сего рода сочинений вообще известны под названием «*Военных писателей*». Бальфур замечает весьма справедливо о них следующее: «Необходимо иметь в виду, что большая часть сих рассуждений» – чисто политическая; представляемые в них разного рода изречения и советы касаются главным образом правителей и государей, с целью оказать им помощь в управлении государством. Сверх сего, большинство сих писателей возлагали все свои надежды на мирное разрешение беспорядков своего времени; однако ж последовательно рекомендованы, как неизбежное «*кровь и меч*» не только как средство обороны, но, по мере надобности, и для нападения. Наиболее древний и можно сказать лучший список в сем роде есть *Сюань-Цзы-Ву* (Suen Tsze Wu), из г-ва Цзи, около 500 г. до Р. Х. Лучшим советом Сюань-цзы, предлагаемым князю, есть тот, что объявление войны и умирение должны совершаться без всякого вмешательства военных операций до тех пор, пока сам князь не объявит себя главнокомандующим своих войск. Хотя со стороны конфуцианцев и делаются многие возражения против мнений даосов в их сочинениях как несогласных с общепринятыми в г-ве, тем не менее они продолжают иметь свою живучесть под знаменем даосизма даже до сего времени. Лучшим изданием такого рода писателей с обильными комментариями из разных авторов, может быть поименовано: *Сюань-цзы-ши-цзя*.

е) Партии, так называемой *Цзя ця* (Tsioh Kia), принадлежат вообще в переводе известные «*Смешанные сочинения разных писателей*» (miscellaneous Writers); преимущественно касающиеся древнего периода. Лица, которым они принадлежат, по преимуществу суть *эклетики*. Некоторые из них, сверх сего, по своей благородной ревности к исключительности, оценке и выдержке всего лучшего, разбросанного в разных местах авторов, дорабатывались даже до собственных оригинальных выводов и начал. Наиболее достойным писателем в этом роде был даос *Хуай-нань-цзы* (Huai Nan Tsze), которого текст приводится в сборнике Бальфура. Известен старше его и другой славный писатель *Лю-Бу-вэй* (Lu Pu-wei), умерший 237 г. до Р. Х., и *Ши-цзы* (Shi Tsze), около 280 г. до Р. Х.

ж) Конфуцзы твердо веровал в возможность политической реформы, или реновации древнейшей формы, как и в возобновление периода силы и славы в Китае длившихся во все царствование Чэусского Дома (Chow). Мэнцзы и Конфуцзы сходились между собою в том, что не мудрствуя о перемене конституции государства, желали лишь уничтожения императорских прерогатив. При этом Мэнцзы весьма сильно оппонировал другой партии, и не без успеха. Политика этой партии заключалась в *конфедерации* состоящих княжеств, или по крайней мере, в порядке создания равновесия власти в более обширных г-вах. Такие адвокаты конфедерации были известны под названием *Цзун Ван цзя* (Tsung-wang Kia). Их главными и наиболее славными предводителями были двое – *Су* (Su) и *Чан* во времена Мэн-цзы. Эти три поименованных политика были воспитанниками знаменитого даосского философа *Гуэй-Гу-Цзы* (Kwei-Kuh-Tsze).

з) Однако ж, последователи Конфуцзы и Мэнцзы об этом классе политиков рассуждают довольно презрительно. Причина легко понятна. Опорой конфедерации были *партикуляристы*, ревностные приверженцы целостности и неповрежденности прав индивидуальных государств. Раствление Китая являлось теоретически неизбежным результатом, если бы успела восторжествовать эта партия. Конфуциане были универсалисты и для них *единая китайская империя* служила идеалом всей монгольской расы; их можно поэтому считать *пан-монголистами*. (Panmongolian).

и) О такого рода положении дел свидетельствуют до сего времени сохранившиеся в литературе административные законы времен Конфуцзы. Большая часть феодальных князей

сего периода управлялись как им было угодно. Высшим законом нередко являлось личное удовольствие князей и угодничество их вкусам и взглядам со стороны фаворитов. В некоторых только г-вах, как оппозиция произволу получили свое значение *письменное право* и *школа*, в которой оно хранилось и развивалось под именем *Фа-цзя* (fat kia), и приверженцы её не только составляли законодательство (Statute law) для специального образования правителей, но также точно обращали свое внимание и на обычное право (customary law) своего времени. Некоторые из таких людей увлекались высокой идеей, что *право небесной природы* есть *высшее право*, и что императорское или положительное законодательство (law) должно быть *рефлексом естественного права*. Конфуциане также желали последнего предложения, (ср. Mencius), но весьма сильно противились введению «письменного права», как служившего причиной раздора между народом и *неупорядоченными* тонкостями известной части законоведов. Они старались доказывать, что правительственные чиновники должны руководиться началами благосклонности и справедливости, и что решения, ими производимые, должны соразмеряться со степенью вины, и что, для сохранения собственного достоинства в случаях сомнительных обязаны обращаться к приговорам собственных судебных трибуналов.

к) Конфуцзы и его последователи неблагосклонно относились к существовавшему обычаю обсуждения некоторых законодательных вопросов публично. Некоторые из оппонентов осмеливались обнаруживать часть своих взглядов, но не смешивали их с крайностями либерализма, потому что не находили мужества в примерах древнего Китая. Конфуцзы также естественно имел основание опасаться либерализма; издавая *Летописи Лу*, он удержался от разоблачения разных низостей и злоупотреблений правительственных классов своего времени. Философ старался, при изложении истории не столько высказывать собственные взгляды, сколько о том, чтобы факты, им описываемые, ясно говорили за себя, не возбуждая ни малейшего сомнения в их достоверности, или – отделялся общою фразою, в роде – «*возмущения министров, сынов злодеяний*», совершаемых с полным терроризмом. Конфуцзы, как мудрец, воздерживается от рассуждений вопросов политики или права, хотя в его наставлениях и проглядывают ясно те и другие. Каждое осуждение правительственных предметов он почитает недозволительным посягательством на законные права государственного авторитета.

л) Одним из наиболее известных либералов сего периода, и вероятно современник Конфуцзы, был *Тан-се-цзы*, сообщивший довольно много о возмущении главного министра государства Чэн (ch'ing). Он был автором кодекса писанного на бамбуковых таблицах, и который может считаться *кодификационным правом* (codified law), принятым и практикуемым в государстве Ch'ing. Отдел сих писателей по законодательству, и фактически приготавливающих самую суровую часть, заключается в *сочинениях по уголовному праву*. На каждый случай определяется самое строгое наказание. Вследствие сего, для объяснения буквального и общего смысла терминологии в этих сочинениях, встречаются весьма пространные рассуждения. Сами конфуциансты не всегда бывают в состоянии точно определить границу известных мыслей той или другой буквы или выражения, заключающегося в этого рода законодательных документах. На каждый возникающий случай практики руководятся поэтому общими соображениями и главною мыслью законоположения.

м) Главою ригористов был *Сан Ян* (Shang Yang) около 361 г. до Р. Х., министр княжества Цзин (Ts'in); его положение – «Кровь пострадавшего да будет вылита в воды реки Вэй». *Сянь-Бу-Гаи* (Shen Pu-hai) около 351 г. до Р. Х., министр Ганский, (Han) один почитается его учеником и считается наиболее лучшим распространителем доктрин Лао-Тан. Те же принципы были усвоены у *Гань-фи-цзы* (Han fi Tsze) около 229 г. до Р. Х., министра Т'ин (T'in). *Гань-фи* часто называется также учеником *Сан Ян* (Shang Yang). Влияние этих трех знаменитых авторов простиралось до орфодоксивных ученых Ганьского периода, таковы *Цзя-И* (Kia Yi) и *Чао-Цзо* (Chao Ts'o), последний был канцлером Гань Ван-ди около 165 г. до Р. Х.

н) Существовала еще даосская школа, так называемая *пуританская*, которой друг *Лао-Тан Янь-И*, вообще называемый *Гуан-Ян-Цзы* был особенным приверженцем. Школа эта придерживалась чисто идеалистических взглядов, а приверженцы вообще считались изъятymi увлечений какой-либо политической партией. Гуан-Ян даже причислен к лику даосских святых. Сочинение его имени, очевидно, ревизовано в последующие столетия, тогда же включено в канон даосский, а самые издания сочинений означенного писателя снабжены особыми комментариями, но они в настоящее время очень редки. Одно издание однако же составляет

часть коллекции прежде упомянутой – *Дао шу-цзин*, одно в тексте Бальфура, *Шэн-шэн-цзин*, принадлежит той же школе.

о) Другая школа, равным образом изъятая участия в политическом стремлении, и по мотивам диаметрально противоположная, была *сенсуалистическая*, которой замечательный глава *Ян-Чу* (Yang Chu), непосредственный ученик *Лао-Тан*, если согласиться с преданием о том. Во времена Мэн-цзы эта школа имела много приверженцев. Собрание так называемое «*Семь драгоценностей Бамбуковой рощи*» в 275 г. по Р. Х. представляло попытку в том же роде. Некоторые отрывки из сочинений Ян-Чу встречаются и в сочинениях *Ле-цзы*. Славный в китайской истории советник сего князя *Фан-Ли* издал написанную Ци-Янем книгу в XII главах под заглавием «*Ицзы*», которая потом занесена в канон даосских сочинений. Из остальных патриархов даосизма оказавших влияние своими наставлениями и сочинениями на государей и правителей, были *Чан Лян* при Ганских императорах. 189 г. до Р. Х.; и *Цзао Цзан*; известен еще так называемый «*господин реки*» по месту, где жил, и который передал свое учение *Нань-Ци-Шан* (Ngan-Ki-Shang).

п) *Литература изящной словесности* (belles lettres, сзяо) с древних времен и до ныне продолжает обогащаться у даосских писателей, что отзывается в свою очередь и в конфуцианских писателях. В Ганском (Han) каталоге о всех этого рода сочинениях составлено такое определение, что язык, на котором они *писаны есть чисто общенародный*, и что на нем описываются по преимуществу *народные же обычаи* или рассказывается обычная жизнь народа; поэтому правильнее всего определить такого рода произведения словом «*Culturgeschichte*».

р) Конфуцианисты вообще привыкли рассуждать об этого рода литературе очевидно с обдуманном намерением. Следуя учению Конфуцзы, великий человек может поучаться и от простого народа, при неизбежном обращении с ним. *Тем не менее образование высших классов, для официального служения, должно совершаться по образцам классических мудрецов*. Что бы ни принадлежало к изучению низших классов народа, – одинаково хорошо, но заимствовать для себя возможно то, что прежде всего будет достойно уважения и иметь известный авторитет. В этом отношении даосы являются с более либеральными и народными взглядами на все. Один впрочем неоспоримый факт есть и тот, что большая часть этой народной чахлой литературы и почти исчезающей, носит на себе следы и заимствования самого дурного, как в языке, так и понятиях, нередко грязных концепциях, уличных и пошлых. Это отравя, сущий яд для нравственности читателя, который, вместо удовольствия, порождаемого чтением произведений гениальных людей, имеет дело только с ужасами порока или житейской пошлостью, отражающимися и на самом стиле. Иначе говоря, в этого рода жаргонной литературе недостает благородства человеческой природы, а собрано лишь то, что её унижает и обесценивает пред глубокомысленным взором нравственного читателя.

с) *Общенародная поэзия, однако же в устах Конфуцзы является вполне достойною великого человека. Он сумел выбрать из канонических книг и песней чисто народные, все лучшее, и выкинуть все дурное*. Из баллад или поэм сего периода, коих сборники известны под именем *фу*, наилучшим можно почесть составленные *Гу-Юанем* (Ku Yuan). Многие поэмы сего класса можно встретить занесенными в императорские истории разных династий. Некоторые со времен глубокой древности собраны в одно целое под особыми названиями; есть и другие подобные коллекции.

Предложенный краткий обзор достаточен для составления понятия о великой умственной, социальной и политической деятельности древнего даосизма. Из его литературы ценная доля выпадает позднейшим поколениям, на коих лежит долг воспользоваться ею и воспроизвести в хорошем переводе; особенно это интересно и важно для иностранных ученых, студентов, миссионеров. Скажем еще, даосская проповедь и литература произвели совершенное брожение духа в древнем Китае. То, о чем мечтало и пыталось привести в сознание конфуцианство, совершил своеобразно даосизм на повсюду необозримом поле жизни.

§ 66. Ключ к даосизму. Б) Даосская революция

Передовое значение даосизма и его приверженцы императоры – Ши-хуан-ди, Вэнь-ди, Ву-ди, Сюань-ди. – Древние классики Китая – Конфуцзы, Цзо-ю-мин, Сы-ма-цзянь, их значение для даосов и подражания последних в создании собственного канона.

а) Фактически несомненно, что даосское вероучение и проповедь в состоянии были произвести великую революцию в Китае. Ши-хуан-ди Цзинской династии (Ts'in) находился под влиянием даосского учения и его великие министры принадлежали разным даосским школам. Император Вэнь-ди (Wen Ti) до Р. Х. 179, 157, известен по даосским взглядам, которые старался проводить в императорском управлении. Как уже заметили выше, к означенным школам принадлежит Шан Ян-бай, Лио бу-вэй, и Хань-фу-цзы; первый министр Ли-цзы считался даже явным противником конфуцианской школы своего времени. Много мятежей и безурядицы пронеслось над Китаем, унося с собою и погребая в собственных развалинах испорченные правительства истлевших династий, но ни одна из этих бурь не произвела ощутительной перемены в правительственной системе; все дело ограничивалось лишь небольшими реновациями то тех, то других старых форм. Образцом в этом роде может служить Ши Хуан-ди. Несмотря на то, что это был в сущности низкий и отвратительный тиран, полный жестокости и гордыни, не владевший всеупорядочивающим гением, о себе был убежден, что древне правительственная форма могла пережить самое себя, и потому сознавал необходимость лишь сохранять в своем лице необходимую энергию в созидании новой эры. Он льстил себя уверенностью в обладании терпеливой проницательности мудрого государственного человека. Будучи по духу солдатом и весьма тяжелым, страстным при самом воздержании, легко приходил в ярость при малейшей оппозиции всякого рода.¹¹⁰ Имея великий военный успех в предприятиях, он отличался крайнею надменностью и властолюбием почти бесконтрольным, так что может считаться самым худшим тираном когда-либо существовавшим на троне в Китае. По отношению к сочинениям и школьным книгам он был также жесток, когда усматривал в них что-либо противное его взглядам и существовавшим убеждениям, такие книги предавал сожжению, а их авторов казнил. Результатом такого направления было обращение к древним системам китайского правительства.¹¹¹ Другим характеристическим примером благосклонного отношения к даосизму может служить Танский император Ву-ди; обратившись к даосизму, он усвоил и его мистерии, и даже носил титул Дао-мынь (привратник, проводник). При нем все буддийские жрецы в монахи были причислены к классу мирян. И когда император находился уже на смертном одре, то был уверяем даосами, что только с переменою костного состава он может достигнуть высшего мира. Его преемник Сюань-ди тоже привлечен был к даосам и реставрировал буддизм, но успел в деле религиозной реновации в пользу даосизма только на половину как желал. Главным советником его был даос Янь-юань-цзи (Hjen-yuan-Tsih), учивший, что единственный путь к достижению вечного блаженства должен заключаться в укрощении страстей и упражнении в благочестии.

Было бы заблуждением думать о новейшем китайском государстве, что правительство в нем чисто конфуцианское. Политика самого Конфуция никогда не заходила за пределы феодализма. Не менее фиктивно и другое положение, будто китайское правительство чисто патриархальное, каким оно действительно представляется в деревенской и городской общине Китая. Государственное управление современного Китая есть чисто бюрократическое с хорошо составленной и компактной системой чиновников. Следствием такого направления во взглядах развилось и утвердилось совершенно превратное понятие о святом и мудром человеке; вместо чисто идеального и святого, каким рисуется образ Конфуцзы и других, наравне с ними почитается даже чудовище Ши-Хуан-ди. Великая революция, совершившаяся при Цинском государе (rules of Ts'in), составляет поворотный пункт от древнего к новейшему Китаю. Вникая в раздвоение принципов тирании и жестокостей правителей империи с высокими нравственными правилами мудрецов и развивающегося на почве права законодательства, находим, что личным произволом и неблагоразумием, отнюдь не умаляются эти принципы морали и права. Оппозиция со стороны даосов – то, или приверженцев конфуцианства, успевали восстанавливать нарушаемое тиранией равновесие и государственная жизнь вступала в обычную колею. Для нас, в этом отношении имеет особенное значение ознакомление с духом и направлением высших представителей умственно-нравственных и государственных идеалов, с какими являются мудрецы в их

сочинениях. – Таков канон книг *конфуциан, даосов и буддистов* по степени его влияния на даосизм.

б) *Классики или канонические сочинения древнего Китая*. Конфуцзы обнаруживает свой высочайший гений даже до ныне потому, что его собрание и издание древних литературных памятников Китая в той форме, в какой успели до него сохраниться, стало победным знаменем для всей его партии. Наибольшим успехом пользуется Конфуцзы не столько как политик, но как учитель. Сотни учеников спешают соединиться около него и быть его последователями. Получая с почтением сочинения о древности из рук учителя, они удивлялись истинному облику древности мастерски данному великим философом. Конфуцзы, сверх сего, был главою политической школы, которой отличительные особенности условливались отлично выбранными и изложенными текстами из значительной части сочинений древности и которые преимущественно согласовались с общими политическими наклонностями и намерениями. Приводя эти тексты в надлежащий порядок, Конфуцзы умел соблюсти единство в направлении и цели, с сохранением крайней осторожности и мудрости воздержания. Конфуцианские классики стали *каноном консервативной партии* древнего Китая; они, однако ж, не столько служат для облегчения исторических документов, сколько безошибочно знаменем Конфуцзы и его партии. Естественно, что всякого рода даосские тенденции не имеют себе места в этом каноническом собрании. Текст Конфуция в особенности, в его чистом и авторизованном издании, тщательно очищен от всего даосского, т. е. антагонистических и неконформистических доктрин, а также, насколько возможно, и легких намеков в сем роде. В области исторической истины и во взглядах даже выше Конфуцзы стоят двое ученых – *Цзо-Ю-мин* и *Си-ма-цзянь*. До этой же причине у даосских писателей, почти без исключения, никогда, или очень редко делаются ссылки на что-либо из конфуцианского канона, хотя по большей части они и признают действительное достоинство и важность сочинений изданных самим Конфуцием. Те же самые даосские писатели реферируя с другими авторитетами, к несчастью пренебрегали иметь всегда под рукою подлинные издания даосской литературы древнего периода, могущие дать для них твердый базис.

Доказательства сего рода довольно значительны и поразительны. Напр., последователи Ме (Mihists) ссылаются на книги Шанской династии, из коих некоторые содержатся в Шу-цзине Конфуция, но имеют значительные разногласия между двумя сравниваемыми текстами. Подобное явление встречаем в одах, цитруемых даосами и отчасти у Цзо Цюаня (Tso Chuen), которых вовсе не находится в Шу-цзине Конфуция. Большинство даосских писателей, с другой стороны, цитует авторитеты из мифологии периода китайской истории, и реферирует почтенных учителей других периодов, приблизительно к их времени, и решительно достигает своего идеального мудреца в лице Лао-Таня.

Ни один, притом, из великих даосских поклонников и ученых не пытался, в подражание Конфуцзы, собрать и опубликовать полный и настоящий капов древне-классических сочинений по всем частям даосского знания и который бы действительно мог считаться вполне достоверным и совершенным. При методе частных исследований и притом полемическим или несогласным с началами конфуцианства, даосские ученые, при всех попытках о создании такого канона, не могут сравняться даже с Конфуцзы, в догматическом содержании, народном и государственном значении его философии, и в исправности изданий её. Даосы не всегда поэтому владели строго определенным и общепринятым каноном своих классических сочинений. Конфуцзы, установив *пять канонических книг*, однажды навсегда придавал этому особенное значение, хотя самый материал в них содержащийся и не принадлежал всецело ему. Непосредственное и авторитетное значение сего канона состоит и в том, что он реципирован как таковой в более или менее отдаленной древности, и в нем гением Конфуцзы сгруппировано все, что только можно было найти лучшего, соответственно политической и нравственной цели. Легко поэтому становится понятен весь гнев и нападения, которые специально падали с различных сторон на Конфуцзы и его канон. Даосы и другие партии благоприятствовали письменному праву, хотя и были противниками всякого письменного догматического авторитета или канона. *Уголовное право* они думали находить в определенной форме для покровительства от злоупотребления авторитетом и для охраны против произвольного каприза правителей. Дао нуждается не в покровительстве, но требует силы, пособия, всей заботы и поддержки. Конфуцзы особенно настаивает на необходимости преподавания и обучения началам справедливости, с целью по ним регулировать частное и общественное поведение. Отсюда, он заключал, – должна произтекать надлежащая благоразумная администрация и юстиция. Не менее того, конфуциане

даже во времена их преследования, напр. в период Цинов (Ts'in), старались доказывать, что в отпор и защиту против всякой кровавой тирании непременно требовалось изучение и письменное законодательства, с другой стороны, даосы, во время процветания конфуциан, при Ханьской династии (Han), придавали особенную важность твердому каноническому базису среди состояющихся партий и собственных приверженцев. Поэтому все, находимое у Конфуция неопределительным, индивидуальным или субъективным, они старались поспешно исправлять своим дополнительным каноном. Несмотря на такое похвальное соревнование и цель, нередко устанавливали субъективные свои теории. Даосы сами вдавались в крайности, доходящие даже до абсурда. Но, подобно буддистам, раз получив толчок в известном направлении, они неуклонно продолжают следовать по нему, постепенно увеличивая свой канон хотя поныне, число сочинений их насчитывается до ста, но с точностью не определено. Конфуциане, невольно соревнуя такой плодовитости даосов, сами как бы вынужденно довели свой канон от пяти до тринадцати цзинов. Даже и в настоящее время, как у даосов, так и буддистов продолжают увеличиваться рассуждения, приемлемые в канон, напр. об идолах *Гуан-ди*, *Вень-шан-ди* и проч. Как же велико число сочинений собственно даосских, какое их деление, содержание, наименования общие и частные?

§ 67. Даосский канон, его деление, замечательные книги и издания: Дао-дэ-цзин, Шан-хай-цзин, И-цзин, Инь-фу-цзин, соч. «Нань-хуа». (Чжуан-цзы) и другие, пособия к их изучению

Кит. Дао-шу цзинь-цзи и Хуай-нань-цзы, переводы даосских текстов Бальфура, Ньюмана, понятие об эзотерическом и экзотерическом делении даосских книг, или мистическом и магическом с их подразделением. – 1. Кн. «Дао-дэ-цзин» её значение у даосов, происхождение (450–250 до Р. Х.), название, редакции при династиях Цинской, Танской, Ханьской, писатели, упоминающие и цитирующие сию книгу – Хань-фи, Ли-сы, Мэн-цзы, Сюань-цзы, общий вывод ученых о Лао-дане и его Дао-дэ-цзин. – Разделение комментариев на «Дао-дэ-цзин» (политический отд., ифический отд., спекулятивный отд., о наградах и наказаниях отд.) с наименованием авторов и сочинения Люй-цзю чуань-шу (VII в. по Р. Х.). – Замечательные издания на китайском языке «Дао-дэ-цзин» с отзывами ученых – Жульена, Ремиза, Потье. – 1. «Дао-дэ-цзин-шу», изд. Хо-шан-гуна; и 2) ученого Ван-би; 3) «Дао-дэ-цзин-шу-и», изд. Лю-тхун-бяня или Лю-цзы; 4) Су-дун-по; 5) Лю-дун-лая, или Лю-цзу-цяня; 6) «Дао-дэ-цзин-чжу», изд. Ву-чжэна; 7) Дао-дэ-син-мин-цзянь-ши, XV ст.; 8) «Дао-дэ-син-мин-коу-чжи», изд. Чэу-чэнь-гуна; 9) «Дао-дэ-цзин», изд. Сю-да-чуня; 10) «Дао-дэ-цзин-као-и», изд. Би-юаня; 11) «Лао-цзы-цзан-шу», изд. Э-юань-даня; 12) «Дао-дэ-цзин» с присоединением кн. «Инь-фу-цзин», изд. Ли-цюаня и кн. «Чоу-шу-инь-фу», изд. Сю-чэня. – Исследования и переводы частей «Дао-дэ-цзин» европ. учеными – М. Мюллера, Эдкинса и Потье, с замечанием о его мемуарах «*Mémoire sur l'origine et la propagation de la doctrine du Tao*»; отзыв Г. Жилеса о Дао-дэ-цзин. – 2. Даосские книги «Шан-хай-цзин» и «Шуэй-цзин», замечание об употреблении слова «Цзин» потерявшего у даосов прежнее строго классическое и священное значение книг авторитетных, и введение слова «Цзы» к сочинениям Чэусского периода и даосов затем снова чрез 1000 л. «Цзин». – 3. «И-цзин» – даосская книга жертвоприношений. её отличие от «И-цзин» Конфуцзы, и общие черты сходства и особенности; 64 диаграммы и 8 па-гуа Фу-си и Вень-вана, соображения о их происхождения, важность сей книги в гаданиях и суеверных обрядах и значение как теории вероятностей, влияние её в конфуцианстве и даосизме на борющиеся партия и даосские сочинения Лю-сана (80 г., 89 г. до Р. Х.) и Вэй-бо-яна. – 4. Даосская кн. «Инь-фу-цзин», т. е. обзор предметов мира видимого и невидимого в их гармоническом сочетании и единстве; деление на две воловины сей кн. и её подробное содержание по изданию Чан-ши-чуна Мингской династии, в английском переводе Г. Бальфура. – 5. Священно-классическая даосская книга «Нань-хуа» писателя-философа Чуан-цзы, по английскому переводу и примечаниям Г. Бальфура (1881 г.) в 6-ти кн. из 31-й гл. предисловие, оглавление книг, характеристика автора и его направление, стиль сочинений, основные пункты философии, форма изложения учения о человеке, природе, материи и принципе – Дао. – 6. Прочие даосские сочинения по переводу их текстов на английском языке Г. Бальфура и издания в *Chine Renew*, vol, IX, X, XI; 1) кн. о чистоте и непорочности жизни и вечном спокойствии; 2) кн. простых слов; 3) кн. о дыхании зародыша; 4) кн. великого света, соч. Хуай-нань-цзы; 5) три рассуждения, печать сердца, об универсальном уме и бороздах черепа; 6) кн. руководство к познанию мира видимого и невидимого

Даосизм в китайской истории есть факт, имеющий несомненно огромное значение по могущественному влиянию на спекулятивную, политическую, ифическую, религиозную и практическую жизнь. Лучшим и интересным, для всестороннего изучения разнообразных сочинений этого рода может служить сборник на китайском языке, так называемый *Дао-шу цюань цзи*, состоящий в целом из 40 книг. Из переводов с ученым объяснением самого текста этого сборника в настоящее время, наилучший принадлежит г. Бальфуру (m-r Balfour) на английском языке; их собраны все наилучшие китайские тексты даосских писателей, кроме сочинений Hwai-Nan Tsze (Хуай-нань-цзы), которые впрочем им уже переведены на английский язык. Другой перевод несколько отличается от этих текстов и не совсем полный, сделан был на немецком языке мюнхенским профес. Ньюманом (Neumann), (изд. в 1840 г.), в котором, однако, недостает для сравнения самой копии с текста. Первый поименованный ученый труд имеет титул: «*Taoist Texts, Ethical, Political and Speculative*» by Frederic Henry Balfour. В настоящее время различается канон эзотерический и экзотерический. Смысл этих выражений несколько различен от того, который принят и употребляется в западных странах. Так, по нашему разумению, эзотерический

канон есть тот, в котором изложены сведения об образовании внутренней жизни, тогда как под *экзотерическим* разумеется все касающееся хозяйства и внешних занятий. *Эзотерический* по мнению даосов тоже, что *мистический*, (таинственный), тогда как *экзотерический* равняется слову *магический*, касающийся волхований. Но мистический и магический каноны почитаются каждый состоящим из *пяти* или *четырех основных книг*, по конфуцианскому обычаю, к которым потом присоединяется то или другое количество дополнительных текстов из других канонических сочинений.

Вот это деление с соответствующими подразделениями:

А. Мистический канон – *Най-сю*, состоит из *пяти книг* – (*ву-цзин*). 1) Ин-ху, 2) Дао-дэ, 3) Цин-цзин, 4) Лин-ху, 5) Хуан-тхин.

Того же разряда из четырех книг (*сы-шу*): 1) Цань-чжэнь-сю-тхун-ци, 2) Ву-чжень-пянь, 3) Сань-хуан-юй-цзюэ, 4) Цин-хуа-ми-вэнь.

При этом для упражнений рекомендуется еще Дао-шу-цюань-ци.

Б. Магический канон – *вай-сю*.

а) Пятикнижие – *ву-цзин*: 1) Ду-жень-цзин. 2) Хуан-цзин. 3) Юй-шу-цзин. 4) Сань-гуань-цзин. 5) Бэй-доу-цзин.

б) Четырехкнижие – *сы-шу* (или *сы-цзин*): 1) Шен-шень-чжан, 2) Цзи-лян-кэ, 3) Ци-дао-и 4) Цянь-цзин-фан.

Для всех сочинений этого канона и волхований рекомендуется еще *Чжу-пхин-цзин-цянь*.

Большая часть книг позднейшего периода наполнены грубого суеверия и отвратительного идолопоклонения и служения. Переходим к обзору наилучших и классических.

1) *Дао-дэ-цзин*. Первый из даосских текстов по порядку *канонизации* несомненно есть *Дао-дэ-цзин*. Такова классическая книга сочинений известного философа *Лао-цзы*, жившего в последние два года двухсотлетия Чэусской династия (Chow) (до Р. Х. 450–250 г.). Император *Цин* (King) Ханьской, (Han) династии (до Р. Х. 156–141), дал этой книге титул *цзин*; а *Сюань-цзун* (Huan-Tsung) Танской династии, по Р. Х. 713–755, включив сочинение *Лао-цзы* в число канонических книг, еще определеннее наименован *Дао-дэ-цзин*. Он же определил число глав и сентенций, написал к ним комментарий, а текст и панегирик (Eklogium) в честь автора вырезал на камне в храме *Вуо-коу*. По свидетельству лучшего китайского авторитета об этом предмете – *Лао-даня*, в 488 г. до Р. Х., *Лао-цзы* написал свою книгу, состоящую из 5000 слов. Прошло после триста годов, в продолжении времени между сочинением и достижением великого его успеха, т. е. канонизации по императорскому повелению. По отношению к подлинному тексту, некоторые авторы и темные писатели относят его ко времени до Ханьского (Han) периода. *Хань-фи-цзы* (Han-fi-Tsze) не только упоминает о сочинении *Лао-цзы*, но даже пространно комментирует его, и свидетельствует, что последние 22 главы *Дао-дэ-цзин*, суть наиболее полные главы. И так как *Хань-Фи* (Han-Fi) умер в 230 до Р. Х., то мы в праве заключить, что книга *Лао-даня* должна была иметь обширное свое обращение при конце Чэусской династии, до Р. Х. 300–250 г. К тому же периоду с *Хань-Фи* принадлежат и анналы княжества *Лу* – *Люй-ши-чунь-цю*. В этом сочинении цитируются страницы из *Дао-дэ-цзин*, как и сказание о *Лао-дань*. В сочинениях *Ле-цзы* встречаются не менее шестнадцати страниц буквальных выдержек из корреспонденций *Дао-дэ-цзин*, которые по *Ли-сы* относятся к 350 до Р. Х. И так как, при проведении параллели *Ле* с сильным его канонизмом, мы имеем только три вообще единственных с приводимыми у *Хань-фи*, то, на основании этих двух авторов, полагаем, что означенный канон принадлежит предшествовавшему периоду Ханьской династии прежде второго столетия до Р. Х., как и 35 различных глав *Дао-дэ-цзин*, или почти половина всего текста. *Хуай-нань-цзы* несколько позднее, – около 170 г. до Р. Х. Двенадцатая глава его сочинения снабжена также комментарием на *Дао-дэ-цзин*, равно как о том же предмете в 16 и 17 гл. *Хань-фи*. *Хуай-нань* цитирует означенный канон под именем *Лао-цзы*, состоящий не менее 41 различных глав; из этих глав им приводимых 22-х не находим у *Ле* и *Хань*. В общем всех ссылок у поименованных первых авторов на *Дао-дэ-цзин*, встречаем на 57 различных глав. Нельзя не пожалеть при этом, что ни один из писателей о *Дао-дэ-цзине*, не воспользовался сам неоцененным пособием этого древнего писателя. Еще и доселе существует пробел в точном определении подлинника канона, каким понимаем его мы теперь. Не точно то, что не *Цзо-Цюань* (Tso Ch'uen), но *Мэнцзы* упоминает о *Лао-Дане*, но кто он – неизвестно. Тот же *Мэнцзы*, не упоминает об *И-цзине* или книге перемен, и самый *Ши-цзин* Конфуцзы не всегда реферируется у *Яо* и *Шуня*. Можно удовольствоваться сим аргументом против существования их прежде современных авторов. Есть

другой конфуцианский автор сочинения несомненно подлинного, современный с Мэнцзы, – Сюань-цзы (Suen-Tsze). В гл. XI его книги встречаем мы критику на Лао-цзы, конечно, доказывающую существование личности, носящей это имя и как организатора обобщаемых доктрин. Ими доказывается и то, что Дао-дэ-цзин по происхождению своему ранее IV и может быть V в. до Р. Х. Положим, сами мы, однако ж, следуя общему мнению, доказываем, что Лао-цзы, а никто другой написал сочинение его имени, и было бы даже странным опровергать общепринятую и освященную веками традицию о том. Трудно очень отыскать другое лицо отдаленного периода, которому бы можно было приписать Дао-дэ-цзин, кроме *Лао-дань*. Ему более, чем кому-либо посвящено было множество исследований которых конечный вывод следующий: что *Лао-дань* был человек глубокоученый и образованный, кроме сего, имел достаточно опыта в политической жизни, как и в том, что касалось понимания тайников сердца человеческого, затем, что это был человек чуждый суетного тщеславия за славные труды свои. Все убеждены, что желая только внутреннего спокойствия, удалился он под старость от деятельной жизни, довольный сам собою и своей пантеистической философией.

Большая часть комментариев на Дао-дэ-цзин, существующих у китайских писателей, подразделяются на четыре главных отдела.

1) *Политический* – *Мин-ли-го-чжи-дао*; сюда принадлежат: *Хэ-шан-гун* и *Янь-цзюнь-пин*.

2) *Ифический*: *Мин-ли-шэнь-чжи-дао*; сюда относятся *Сунь-дэнь* (Вэй), *Тау-хун-цзин* (Лян) и *Гу-Хуань* (из южного Цзи (Ts'i)).

3) *Спекулятивный* – *Мин-сюй-цзи-ву-вэй-ли*. *Цзя-ли-гэ-чжи-дао*. Сюда принадлежат: *Хэ-янь* (из Нань-яна), *Ван-ду* и другие.

4) О наградах и наказаниях, или – о *возмездии* (retributinal). *Мин-ши-ли-ин-гэ-чжи-дао*; к этому классу принадлежат буддийские комментаторы.¹¹²

Г. Бальфур в своем переводе поместил и комментарий Лю-цю (Lu-Ts'u). Лю жил в VIII в. по Р. Х. и считался одним из патриархов даосизма. В честь его в Кантоне устроено множество храмов, которые часто предполагались посвященными только духам. В этих храмах не было обыкновенных прорицаний и гаданий, как в остальных храмах, но они совершаются при посредстве духа – покровителя ученых (Spirit-writing). Из сочинений Лю-цю собраны и изданы хорошим шрифтом у Г. Бальфура – *Люй-цзю чуань-шу*, представляющий неистощимый материал для ученого анализа даосизма.

1) Наиболее замечательные издания на китайском языке *Дао-дэ-цзин* (по Ch. rec. 1868, vol. 1. № 25. р. 84–86), суть следующие:

Многие европ. ученые занимавшиеся переводом Дао-дэ-цзин, сознают, что точное уразумение текста и объяснение весьма многих темных мест встречает более затруднений, нежели перевод и интерпретация других классич. книг. Жульен (Julien) прямо доказывает, что и это замечательное сочинение по справедливости должно считаться одним из глубоких, абстрактных и затруднительных из всей китайской литературы. Ремюза и Потье тех же мыслей. Не менее затруднений встречали мы в определении подлинника текста и интерпретации Дао-дэ-цзин у самих китайских ученых. Литература учен. буддистов, даосов и конфуцианцев по этому предмету столь обширна, что еще и доселе можно сказать представляет поле знания, необследованное надлежащим образом несмотря на добросовестные труды поименованных и других ученых. Следуя указанию Жульена в observations detachés помещенных к изд. переводу Дао-дэ-цзин, приводим наиболее замечательные издания и комментарии к этой книге, существующие в китайской литературе:

1. *Дао-дэ-цзин-шу*. Это издание принадлежащее *Хо-шан-гун* может считаться «editio princeps». Хотя и существует предположение, что *Инь-си* издал эту книгу гораздо прежде. *Хо-шан-гун*, жил во времена царя *Вэнь-ди* Ханьской дин. во 2 стол. Р. Х., свое имя получил от образа отшельнической жизни на берегу одной реки; Жульен думал, что настоящее его имя было Do chin kong (дао-шэнь-гун). Этому отшельнику приписывали разделение книги Лао-цзы на 81 гл., а также и предисловий к каждой из них обозначаемых двумя начальными каждой главы словами, подобно Пятикнижию Моисея, в коем каждая книга означалась первою её буквою текста. Как известно, оригинал «Дао-дэ» не сохранился и позднее дошел только печатный текст поврежденный. Несмотря на то, такое издание продолжало носить имя означ. пустынножителя, хотя правильнее бы почтить его скорее комментарием, нежели самим текстом. Так думает Жульен. Издание *Дао-дэ-цзин*, составляющее первый том всего сборника *ши-цзы цзюань-шу*, опубликовано в царствование *Цзя-шэнь* настоящей династии; текст *Хо-шэнь-гун* признается

ревизованным двумя учеными Минской династии. Поздние издатели разделявшие мнение о достоинствах склонны признавать означен. труд комментарием; некоторые же, а их большинство, находят со своей стороны в выводах и объяснениях автора совершенное невежество; иные наконец находят изложение учений Лао-цзы только терпимым. Однако ж, текст ему приписываемый при сличении с другими представляется более свободным от неясностей, чем во многих поздних изданиях.

2. Издание учен. *Ван-би*. Он был уроженец Чан-ан во времена Цинской династии, царствовавшей в Китае в 4 ст. нашей эры; по образованию ревностный ученик Лао-цзы, писал в стиле сы-фу (Szu-fu); ему принадлежит комментарий на Дао-дэ-цзин, умер на 24 году возраста, к сожалению своего государя. Совершенные им издания текста очень хороши, и заключения к нему весьма кратки; к сожалению, они трудно понятны, как и самые изъяснимые места. Mr. Wylie, говорит, что комментарий этого ученого ценится по глубине учения и чистоте дикции, ему же приписывается деление текста на 81 гл. Самое издание своего труда *Вань-би* исполнил в 40 году Цянь-луна и в его же дворце, при помощи трех чиновников. Вариации к сему изданию и замечания Вань-би помещены также в большой энциклопедии, известной под названием *Ян-ло да-тянь*.

3. *Дао-дэ-цзин-шу-и*. Так называется труд ученого *Лю-янь* наиболее известного как *Лю-тхун-бянь* или *Лю-цзы*, славного даоса при Танской династии. Комментарий его, однако же, очень затруднителен и не слишком много содействует уяснению концепций Лао-цзы. Некоторые китайские ученые, также, уверены, что это не настоящее, и что во многих его изданиях ясно видны неопределенные места (spurious). Лю-янь причислен к разряду гениев и включен в число Па-сянь (Pa-hsien) или восьми гениев, под стилем *Шунь-ян шень-жень*. В 29 год Кан-си, Моу-му-ван (Moу Mu-uан) публиковал свое издание *Дао-дэ-цзин* прежде просмотра издания означенного ученого. Это истинно полезная книга, имеющая в прибавлении к комментарию перечень разных чтений, звуков редких, или сомнительных иероглифов, и других цепных наставлений. Изданием этим пользовался Жульен и свидетельствует как о опубликованном в 1690 г. Шуньян-чэнь-женем и заключающем в себе бредни новейших даосов. Новое издание *Моу Му-ван* книги опубликовано в 14 год Цзя-цин (Chia-ch'ing) неким Цзо сюэ-гуном.

4. Издание с примечаниями *Су-дун-ло* (Su-Tung-p'o), принадлежит знаменитому поэту Сунской династии; комментарий может считаться очень хорошим.

5. Другое издание *Дао-дэ-цзин* опубликованное в продолжении Сунской династии было *Лю-дун-лай* (Lu-Tung-lai) или Лю-цзу-цянь (Lu-Tsu-ck'ien), также известно под именем *Бэй-гун* (Pei-kung). Это был ученый конфуцианец, написавший кроме других сочинений, знаменитый комментарий на *Чун-цю* Конфуция.

6. *Дао-дэ-цзин-чжу*, принадлежит изд. *Ву-Чжэн* (Wu-cpeng). Он был уроженец из Лин-цюань-сянь (Lin-chuan-hsien) в Цян-си (Kiang-si), жил при Юаньской и Монгольской династии. *Дао-дэ-цзин* разделено им на 68 глав, с расстановкой двух или трех обыкн. глав в одну. Его комментарий есть один из лучших и самых популярных у китайских literati. Важен и тот факт, что Ву-чжэн был и всем известный классический писатель конфуцианист; сочинения его писаны в стиле Ynch'ing, известном под названием У-ю-цин (Ou-yeu-thsing), как полагает Жульен.

7. При Минской династии были особенно хорошие издания, из которых известно *Дао-дэ-син-мин-цзянь-ши* (Tao-tehsing-ming-ch'ien-chi) опубликованное в царствование Юн-лэ (Yung-lo), в первой четверти XV столетия. Издатель не означает собственного своего имени, но пользуется термином имени *войны*. Комментарий, им составленный, очень полезен, особенно в изложении многих пунктов сходства в учении Лао-цзы и учении Конфуцзы. Текст и заглавие к главам составлено по изданию *Хо-шэн-гуна*, а всех глав 81.

8. *Дао-дэ-син-мин-коу-чжи* (Tao-te-hsing-ming-kou-chi), появилось в царствование Цзя-цин (Chia-ch'ing) Минской династии. Автором комментария были *Чу-чэнь-гун* (Chu-cgen-hung), по происхождению из царственного дома, и полномочный военный министр, сделанные им замечания кратки, и незначительны; для объяснения некоторых мест учения Лао-цзы вводится цитата из разных писателей.

9. *Дао-дэ-цзин* с комментарием, составленным *Сю-да-чун* (Hsu-Ta-ch'un), опубликованное в 1760 г.; стиль коммент. *Лин-дай* (Ling-t'ai). Автор родился в *Ву-цян-сян* (Wu-chiang-hsien), в Сучжэусской провинции в царствование Юн-чэн (Yung-cheng). По жизни своей известен как настоящий ученый, писавший разные сочинения по медицине и другим предметам. Его комментарий на *Дао-дэ-цзин* признан самым общеупотребительным и известным из всех прочих

до него появлявшихся; весьма обстоятельно говорит о всех предшествующих изданиях и сочинениях ученых и преимущественно *Хо-шан-гуна*; автор воспользовался всем лучшим научным материалом до него собранным, который мастерски и приложен к делу. По отзыву *Wylie*, *Да-чуня* (Ta-ch'un) комментарий представляет сжатый и ясный стиль, при развитии идей сочинения Лао-цзы стоит выше конфуцианских классиков.

10. *Дао-дэ-цзин-као-и*, составлено в царствование Цянь-луна *Би-юанем*, и опубликовано им в 46 год того же царствования, в 2-х томах, состоящих из 81 главы; текст избран по выбору Фу-и, императора-анналиста при Танской династии, а замечания состоят исключительно из перечня вариантов, находящихся в предыдущих изданиях. *Wylie* отзывается об этом издании как превосходном по чистоте составленного текста, несмотря на разнообразие предлагаемых чтений из других изданий.

11. *Лао-цзы-цзан-шу*. *Wylie* говорят, по критическом рассмотрении сего произведения видно, что оно писано *Э-юань-данем* и озаглавлено «Лао-цзы-цзан-шу».

12. В отдельных изданиях *Дао-дэ-цзин*, присоединяется еще небольшое рассуждение, носящее название «*Инь-фу-цзин*». В нем содержится несколько изречений неясных и загадочных о предметах, заимствованных из сочинения Лао-цзы о «*Дао-дэ*». Автор сочинения неизвестен, и некоторые приписывают его престарелому императору Хуан-ди (до Р. Х. 2630), тогда как другие – *Лицзяню*, времен Танов; весьма вероятно и то, что писано *Дай-гуном*, называемым также *Лю-ван* и *Цзян-шан*. Это был феодальный князь страны Ци (Ch'i) и жил при царях Вэнь и Ву (до Р. Х. 1150–1120) Чэусской династии.

Сы-ма-цзян упоминает о книге *Чоу-шу-инь-фу*, объясненной ученым генералом *Сю-чэнь* (Su-Ch'in) во времена Мэнцзы, бывшего министром при шести государях и потому прозванном *Лей-гэ-сян*.

Касаясь изданий «*Дао-дэ-цзин*» с комментариями или без оных, принадлежащих китайским ученым разного времени, нельзя не упомянуть, что в европейской литературе еще нет до сей поры полного и всестороннего, на основании их исследования и перевода, хотя известны добросовестные труды М. Мюллера, Потье, Эдкинса, Штрауса. Мюллер, при издании «*Sacred Books of the East*» включает и перевод на английском языке текста *Дао-дэ-цзин*, с введением, в коем обзревается этот предмет, с более или менее полными объяснениями и замечаниями, самые же детали разработаны Г. Эдкинсом в *The China Review*. Особенного же интереса заслуживает «*Mémoire sur l'origine et la propagation de la doctrine du Tao*», par M. G. Pauthier, Paris. 1831. Французский ученый, после краткого introduction о «*Дао-дэ-цзин*», предлагает китайский текст по известной ему редакции, с французским переводом и подстрочными примечаниями к иероглифам; параллельно сему тексту, приводятся выдержки из Вед Индии (Яджур-веда, Риг-веда, Сама-веда, Упанишад), на французском их переводе, на основании исследований Раммагун-Роя, Карея, Вильсона, Розена, Бюрнуфа, Анкетиль-Дюперрона; в конце своего мемуара, Потье предлагает, с французским переводом, особенно санскритский текст «*Kena oupanichad du sama veda*» (29 стихов), и «*Jsa oupanichad du Yadjour-veda*» (17 стихов), присоединяется ко всему и текст того же на персидском языке. Цель ученого Потье состоит в собрании текстов, путем сравнения и сопоставления из означенных индийских источников с текстом «*Дао-дэ-цзин*» в самых важных предметах богословской и ифической терминологии и учения. Из этих сближений и сопоставлений Потье устанавливает несомненную истину образования и переработки, даже перевода буквального по-китайски, великим философом Лао-цзы идей из философии и космогоний древней Индии. Тщательный анализ китайских иероглифов и соответствующих оным индийских примитивов подтверждается их сопоставлением, таковы например: китайские: 1) *Инь*, 2) *Ян*, 3) *Шан-ди*, 4) *Дай-шан*, 5) *Дао*; санскр. 1) *temas* (тьма), *prakriti* (начало мужское), 2) *radjas* (свет), *ougrucba* (начало женское, душа), 3) *Brahma*, 4) *Krichna*, *Pradha* и проч. Нет надобности указывать на многие другие, более или менее удачные и точные сближения, имеющие интерес только в их подробном исследовании. Миссионер, ученый, желающие знать более точно и всесторонне, могут сами сравнить и обследовать предметы, их интересующие по указанным источникам и исследованиям вышеупомянутых ученых. Важнее всего для нас замечание о «*Дао-дэ-цзин*», принадлежащее г. Жилесу, при разборе им издания даосских текстов (г. Бальфура), именно: 1) что упомянутое сочинение Лао-цзы не принадлежит всецело ему, и что оно, по всей вероятности относится к первому и второму столетию по Р. Х.; 2) что оно есть результат мировых вдохновенных священных книг; 3) что оно не может быть с точностью переведено на английский язык, как и сочинения Чжуан-цзы; 4) что многое,

содержащееся в «Дао-дэ-цзин», приписываемое Лао-цзы, в сущности должно быть отнесено к разным писателям даосской школы комментаторов, кои между собою не все согласны в допущении разных трактатов Лао-цзы. Этим только и объясняется неодинаковость изданий «Дао-дэ-цзин» разного времени и несоблюдение единообразия в тексте и количестве как его, так и канонических мест означенного мудреца. Прочие сочинения Лао-цзы «о наградах и наказаниях», «о Дао» и его учеников, «о тайной добродетели» и др., о коих нами замечено было выше в разных местах, предлагаются в особом приложении и в русском переводе.

2) Следует упомянуть о древнем даосском произведении, также известном под названием *Шан-хай-цзин*, содержащем в себе летопись древней даосской мифологии. Книга эта упоминается в Ханьском (Han) каталоге и по своему содержанию более подходит к древним народным изданиям – китайским (folk-lore), но ненастоящим. Существует и другая книга о *водных течениях* – *Шуэй-цзин*. Количество медицинских рассуждений, специальные содержания по анатомии и физиологии, тоже причисляются к *цзинам* с их наименованиями. Обстоятельство это немаловажно. Слово *цзин* в древнем периоде прилагалось лишь к «Священному писанию» или «откровению» и отнюдь не усваивалось сочинениям, трактующим о других предметах или описывающем оные. По отношению к канону даосскому и именно к сочинениям писателей Чэусского периода: *Ле, Чуан, Кан-цзун, Гуан-янь, Вань*, и проч., употреблялось слово *цзы*, после них и далее; только при Танской династии, спустя тысячу лет после первого появления означенного канона, вводится слово *цзин*.

3) Одна из книг конфуцианского канона, несомненно в глубокой древности принятая даосами, была *книга жертвоприношений*, иначе называемая *И-цзин*, или книга перемен. Настоящее наименование указывает, что этот канон мало мирится с либеральными даосскими тенетами, и с ухищрениями консервативных конфуцианистов. Насколько либералы вообще склонны к переменам, настолько наоборот консерваторы не видят необходимости в какой-либо перемене: *И-цзин* даосов, таким образом, не должно понимать в смысле одинаковом с *И-цзин* Конфуцзы. Некоторые прибавления в сей книге, суть позднейшие и вероятно принадлежат ученикам Конфуцзы. В *И-цзине* Конфуцзы встречаются 64 диаграммы с их относительными наименованиями и краткими к ним изречениями, прибавленными Князем-Ванем и только объяснение десяти из последних приписывается князю Чоу. Каким образом эти 64 диаграммы образовались чрез удвоение восьми из оригинальных единиц, – вопрос трудно разрешимый, хотя императору Фу-си приписывается изобретение основных 8-ми знаков (па-гуа), видоизмененных позднее Вэнь-ваном. Эти восемь коренных и оригинальных диаграмм носят чужеземные имена, и могли быть азиатские (Центральной Азии) или даже аккадского происхождения. Верно то, что все названия их суть односложные и аналогичные с китайскими; в чем можем убедиться соотношением между словом *куань* (k'wan) к некоторыми производными китайскими, обозначающими землю и так далее в остальных восьми названиях. Новые иероглифы, в них встречаемые, могли быть отнесены к Чэусскому периоду, и кажется суть фонетические. В оригинале единственная фигура диаграммы служит только представлением в самом письме. Имена 56 прибавляемых диаграмм все производятся с китайского. Первичные элементы восьмичисленной диаграммы состоят из двух линий, одной ломаной и одной цельной, указующих на начало природы ин и ян. В осмичисленном оригинале диаграммы, китайцы усматривают изображение универса, а в полном абрисе из 64 линий схему человеческих занятий. Этим, однако, определяется общее расположение методических расчленений частей о предмете подлежащем исследованию. Не значит еще, будто самые вещи или предметы исследований, зависели от условного очертания означенных линий диаграммы, могущей в уме другого ученого получить иной своеобразный вид. Однако же выработанная форма представления остается неизменною и часто повторяющеюся в той или иной перемене *И-цзин*. Сверх изменения начертания 64 знаков в *И-цзин*, для нас имеют значение их *общие определения у Конфуцзы*, которые и даем в русском переводе в особом приложении и дополнении пояснительном этого рода основных начертаний Фу-си и Вэнь-вана (па-гуа) с самими чертежами всех их. Древние китайцы между тем старались по тому или другому сочетанию линий и соответствующему им изменению, судить о задуманном будущем событии, определять тот или другой его исход и изменение. Вычислением и определением таких перемен с тупою настойчивостью занимаются все комментаторы *И-цзин*. Таким образом, как эта книга, так и комментарии её играют самую важную роль в гаданиях суеверных и волховании, особенно много цитат из *И-цзин* и объяснений представляет Цзо-цюань (Tso-C'huen). Некоторые новейшие комментаторы говорят, что каждая

диаграмма может быть изменена на все 63 кроме себя самой. Действительно, система имеет только количество *63 вероятностей* в переменах, – не более, и каждая черта из 64 возвращается снова к своему оригиналу, или может быть повторением другой диаграммы. Совокупность изменений составляет сумму 4,042. Древняя система, также говорят, не заходила выше. В *Чэу-и* (Chou-fi) верхняя или шестая линия остается всегда неизменяемой. Перемена может начинаться от нижней или первой линии, простирается до пятой и потом назад до первой, оставляя лишь пятую в измененной форме. В каждой диаграмме насчитывают *девять* перемен, а все в общем дают 576 перемен. Другие писатели полагают число перемен по семи в каждой диаграмме, с обращением изменения в них трех низших линий в одну поверочную, всего 448, одна прибавочная и 449-я считается как типическая диаграмма для всех перемен. Что в деятельности жизни существует постоянное колебание и переменны всякого рода, для Конфуцзы составляет важную истину; как бы в отпор этой текучести и изменчивости, он является храбрым воином в пользу постоянства, ищет и достигает устойчивого равновесия, которое определить и старается в политическом строе, находимом им в действительности не совсем прочным. Будучи самым знаменитым человеком своего времени, Конфуцзы посвятил все свои таланты и энергию на возвышение и усиление закономерности, и потому навсегда имел должное сочувствие от князей и правителей, для которых трудился, и даже встречал сопротивление проведению своих идей в государственном строе. Имея возможность во время странствующей жизни посетить многих правителей, побывать в разных княжествах, он сталкивается с индифферентизмом к своим идеям или получает прямо отпор от каждого княжеского двора. Отсюда, мудрец замечает, что виноват не столько сам он в истине своего учения, и умиротворении тенденций, сколько развращенный век. Идея изменения дурного порядка вещей глубоко лежала однако ж в духе философа и была всегда с ним неразлучна. Не сочувствующим себе лицом, но глубоко почитавшим идеи свои, Конфуцзы имел в престарелом Лао-цзы, которого он посещал некогда лично. Факт этот, занесенный в И-цзин (Anal. VII, 16) тем не менее обставлен позднее легендарными подробностями, как нарушающими его достоверность. Важно для нас то, что Конфуцзы влиял на даосизм и *И-цзин*, в издании конфуцианской школы, есть результат этого влияния. Конфуцзы, будучи такого направления, в свое время, не мог, конечно, не симпатизировать чувствам и мыслям первого писателя диаграммы, *князя-Ваня*, который также вооружался против испорченности и тирании, и сам, за свои резкие выходки и за вольномыслие попался даже в тюрьму. Непосредственные ученики Конфуцзы, и последователи его школы вообще, до начала Ханьской династии, очевидно очень мало были под влиянием И-цзин. *Ши-цзин* и *Шу* цитируются сотнями конфуцианистов в то время, когда И-цзин вовсе не упоминается, а если и цитируется, то наугад или в кратких намеках. *Ши*, *Хуан-ди*, произвели переменную в Китае, одинаково со взглядами изложенными в книге перемен – И-цзин. Из всего конфуцианского канона, эта книга осталась единственной, которая никогда не сгорала в числе других. Факт этот может служить сильным аргументом того, что ни один император или его чиновники и ученые противники не могли найти в И-цзин ничего такого, что могло бы противоречить общему политическому направлению и образу мыслей. Недолжно удивляться по-видимому странному названию *книги перемен* – И-цзин, являющейся в данном отношении консервативною и однажды навсегда догматическою, определенной, и как бы непогрешимою; придерживаясь разумения этой книги и её начал, *меняются лишь правители и государственные чиновники*, но самые основания г-ва остаются неизменными и как бы независимыми от обычной текучести жизни и обновляющихся людей. Иначе, не должно смешивать эту смену чередующихся должностных лиц с реакцией, подрывающей в корне строй г-ва общественной жизни по иным, даже противным началам. Конфуциане придерживаясь установленных общих философских начал, поэтому старались их проповедовать, развивать, и так или иначе приносить к новым условиям жизни и проводить в своей литературе. Результатом общего внимания, сосредоточенного на И-цзине, было то, что конфуциане и даосы проявляли необычайную деятельность на изучение и разработку этого произведения. При Ханьских императорах особенно благосклонно относившихся к даосизму известны многие ученые этого периода, занимавшиеся в означенном направлении: – *Лю-сян* до Р. Х. 80–9, один из самых знаменитых. И-цзин служил связующим звеном общего направления для ученых (т. е. даосов и конфуцианцев). *Вэй-бо-ян* (Wei Peh-yang), по образованию даос, написал свое рассуждение на И-цзин, под названием *Шэнь тун-ци*. Вообще, И-цзин остается и доселе самою знаменитою книгою в даосской литературе и кроме её ни одна книга из остальных, конфуцианского канона, не была принята даосами вообще

авторитетную, ее можем рассматривать как ифико-математическую доктрину по теории вероятностей.

4) Не менее важно даосское сочинение «Инь-фу-цзин», (по переводу и изданию Бальфура). Означенное сочинение, понимаемое в смысле печати, вершины всего фу (seal) делится на две части: в первой половине – фу, обозреваются видимые явления нас окружающей природы, очертанные однако ж автором не совсем полно; во второй половине – Фу, излагается указание пути к небу или миру невидимому, с предварительным замечанием о том, вследствие чего и каким образом существует настоящий порядок вещей. Между миром видимым и невидимым, каким он излагается и понимается в «Инь-фу» в двух отделениях книги, приводится взаимное согласие и гармоническое совпадение. Лучшее и последнее издание означенного сочинения сделано в царствование Цзун-Чэна последнего императора Мингов, хонаньским ученым Чан-ши-Чунем. Содержание и тезисы глав: 1) Наблюдение за принципом неба, уразумение метода его действия, есть предел всякого совершенного предприятия; небо имеет пять атмосферических влияний и перемен, от коих зависит жизнь земли; нравственная природа неба – в человеке, дух человека есть его движущая сила; установлением принципа неба определяется, и судьба человека; когда небесная механика разрушится, тогда звезды и созвездия сойдут со своих мест, земля потрясется и появятся драконы: человек точно также может затмиться в способностях своих и погибнуть, небеса и земля в разрушении своем покроют его. Если же небо и человек в согласии, то и все творение совершает правильное обращение и совершенствование и снова может приходить в равновесие на новом основании. Пять влияний (despoilers) принадлежат и сердцу, но их действия в мире – смешаны. Универс – с одной стороны, с другой – все, перемены происходят и от тела. Ученость (sagacity) или мудрость и тупоумие (stupidity) суть нераздельные части человеческой природы, та и другая могут быть упущены из виду. От употребления девяти отверстий телесных с тремя наиболее важными, зависит желаемое действие и спокойствие. Огонь есть продукт дерева (горящего), и в случае несчастья, дерево сгорает дотла; главное точно судьба магистров в государстве, когда они изменчивы, – они погибают со своими детьми от вероломства. Счастливы святые люди следующие справедливости и дисциплине.

Гл. 2. Производящие и разрушающие свойства неба составляют вместе управляющее начало природы. Небо и земля суть потребители всех вещей – из них человека, который в свою очередь потребляет прочие предметы. От взаимного согласия трех потребителей зависит спокойствие и трех сил. От жертвоприношения духам зависит также спокойствие, а от деятельности духа человеческого происходит многообразная перемена вещей. Дни и месяцы имеют постоянные числа, величием и малостью их обуславливается самое измерение; тоже происходит от заслуги святого человека, или действий благоразумия духов. Причинная сила (motive power) трех потребителей – невидима и неразличима вообще у людей; когда образцовый человек (model man) получает оные, то облагораживается и становится крепким по телу, если же получит оные человек низший (mean man), то и жизнь для него бывает нередко опасным предметом.

Гл. 3. Слепой имеет особенно острый слух, глухой одарен силою зрения. Соединив вместе в одном источнике все сии преимущества, вы получаете вдесятеро более силы сравнительно с толпою солдат, находящихся в вашем распоряжении и коими можете располагать как хотите; и по прошествии двух-трех ночей вы выиграете значительно в самом времени. Ум происходит от материи и смерть неразлучна с нею; деятельная способность души сосредоточена в зрении. Источником благодетельных служит небо, от него происходят все для нас благотворные действия; ни сокрушающие раскаты громов и молний, ни буйный ветер не могут нарушить жизненную силу природы. Совершенная радость – счастье, состоит в духе (mind), располагающем досугом в изобилии; при совершенном же спокойствии человек довольствуется очень малым. Небо представляется весьма пристрастным, но в действительности его обхождение основано на справедливости. В дыхании и жизненной жидкости (кровь) существуют свои деятельные законы, коими управляется животное творение. Жизнь есть корень смерти и смерть – корень жизни. Благотворительность происходит (нередко) от обиды, ущерба, так и несправедливость связана с щедролюбием. Если простое изучение неба и земли может приводить к мудрости, то познание времен года и вещей дает мне возможность быть просвещенным человеком. Все зависящее от простых вещей делает и нас простыми, все же превышающее прочее разумение делает нас мудрыми. Одни при помощи этой мудрости стараются быть такими же; я же наоборот. Принципом самопроизвольности (spontaneity) служит неподвижность; он происходит от неба, земли и всех

вещей. Постепенность в творчестве – таков принцип неба и земли; таково все, происходящее в обилии от инь и ян. Когда инь и ян постепенно действуют друг с другом, то и перемены в универсе совершаются ровно и спокойно; по сей причине, святой человек познает, что закон самопроизвольности вовсе не есть нечто противоположное ему начало, но такое – коим он может управлять по своему. Усматривая, что познание принципа спокойствия (*quiescence*) приобретается под контролем календарных вычислений и соображений, приходим к заключению, что он есть тайный резервуар в природе; от него имеют происхождение мириады *simulacra*, восемь начертаний (па-гуа), шестидесятый цикл, потенциальные способности духов, и невидимость демонов. Тайна антагонизма между инь и ян ясно проявляется, и входят во все формы видимого бытия.

5) Предлагаем содержание сочинений «Нань-хуа» даосского философа Чуан-цзы (по английскому переводу и изданию Фридриха Г. Бальфура 1881 г.). «The divine classic of nan-hua; being the works of Chuaug tsze Taoist philosopher, with an excursus, and copious annotations in English and Chinese, by Frederic Henry Balfour. London».

После *Excursus* и *Notae*, автор располагает все рассуждения о разных предметах в следующей системе, состоящей из 31 главы, в шести книгах: 1) переход от заблуждений к спокойному исследованию истины; 2) опыт о единообразии всех вещей; 3) постановления о жизненном питании; 4) мир человечества (*humanity*); 5) проявление внутренней добродетели; 6) всемирный учитель; 7) обязанности императора и князей; 8) двойная неловкость в игре; 9) конские копыта; 10) похищение из портфеля; 11) снисхождение к погрешностям; 12) небо и земля; 13) путь к небу; 14) революции неба; 15) двойственные идеи; 16) реновация единицы природы; 17) осенние воды; 18) совершенное счастье; 19) интерпретация жизни; 20) горные деревья; 21) Тянь-цзы-фан; 22) путешествие мудреца на север; 23) Кэн-сан-цзу; 24) Сю-ву-гуэй; 25) Цзэян; 26) внешние преимущества; 27) о метафоре; 28) философ Ле-ю-Коу; 29) империя; 30) отречение князей от престолов; 31) Чэ разбойник; 32) любовь мечей; 33) старый рыбак. Бальфур, в своем предисловии и дополнительном к нему замечании, делает следующего рода характеристику Чан-цзы и его философии, сопоставляя с прочими китайскими учеными: будучи современником Мэнцзы (*Mencius*) и по воспитанию конфуцианцем, Чуан-цзы есть блестящий писатель-метафизик, сатирик, фабулист и парадоксист, одаренный особенным умом вести удачную борьбу с современными системами и учениями, с критическим, смелым обличением их противоречий. Его стиль очень тонкий, даже совершенно темный, он чудесно пользуется по своему игрою иероглифов и понятий, комбинируя их и так и иначе, поэтому – весьма труден в переводе на чужие языки, нередко сами китайские комментаторы затрудняются в понимании многих двусмысленных мест. Сочинения его, долгое время остававшиеся тайными среди праха и костей китайской литературы представляются памятниками мистического красноречия. Из тенет воображения и горячки метафоры, в них замечается сильный порыв к освобождению мыслящего духа от всего тленного и вещного и апофеозы под руководством Божественного духа, коим управляется универс. Совершенное счастье человека, говорит философ, состоит именно в этом самоуничтожении и подчинении своей воли высшему началу. Излагая свое учение в виде разговоров, Чуан-цзы, возвышает истинную мудрость до её идеала и относится к разным случайностям и пошлостям жизни иронически, сатирически. Темнота стиля составляет контраст с пышным набором тропов, рассеиваемым в речи с разными метафорическими и аллегорическими намеками, нередко со смешною гиперболою. Например, «Я хочу иметь своим саркофагом небо и землю!» или – «солнце и месяц должны служить мне – в все творение будет оплакивать мое погребение!» Чуан-цзы верил в контролирующую силу, которой приписывал известную меру личности; он почитает её защитой, умерителем всего (*sustainer*), если не автором жизни, взгляд на творение поэтому не совсем ясен и естествен. Чуан-цзы верил в душепереселение; началом всего признавал единицу, что из единой сущности образовались все вещи и формы жизни, с разными фазами и обнаружениями. Святость он определяет и понимает как положительное начало и бдительно охраняющее, во всем искони чистое, простое, свойственное первобытной природе человека; поэтому он учит, что всякое искусственное усовершенствование, нравственное и умственное, все мирские пожелания и требования, мотивы, честолюбия или хитрость, суть достойные порицания беспорядки и порча с неба насажденной в человеке природы. В заключении всего он утверждает, что корень высочайшей формы добродетели покоится в абсолютной недеятельности, и сей принцип он применяет к каждому отделению личной, политической и социальной жизни.

Космическое учение Чжуан-цзы состоит в идеи, что универс проистекает с самого начала из абсолютного бытия. «Деление нематериальной энергии природы есть разрыв жизненного зерна материи, его продукт – видимый универс, по исполнении коего воспоследует разрушение»; постепенно следуют одно за другим эволюция и разрешение всего. После бесконечного и беспредельного начала, из небытия, совершается творение; до разделения неба, земли, существовала великая пустота – вакуум, хаос и в нем – зерно всех вещей. С началом выделения всех вещей возникает их обособление, противоположение, антагонизм (добра и зла); оригинальный принцип природы – Дао – разрушен, но было время, когда этого не было, существовало только "ничто" – вакуум. «В универсе, говорит далее Чуан-цзы, нет ничего, что не было бы объективным и субъективным. С точки зрения первой невозможно все видеть ясно, и только чрез субъективное знание может быть все обнято умом. Между бытием субъективным и объективным – связь и одно проистекает из другого, после жизни также бывает смерть, с смертью неразлучна жизнь, справедливое и несправедливое идут одно за другим. Познание причинной связи и зависимости всего, обращение к небу, различение вещей и не смешивание противоположностей – такова задача мудреца, любящего добро, удаляющегося от зла». Рассматривая природу и определяя свойства Божии, Чжуан-цзы ставит тварь в полную зависимость от своего Творца, что и старается доказать в аллегории под заглавием «Мрак и дождь», рассматриваемых в зависимости от управляющей силы, Primum mobile, первопричины, единицы, хранителя людей, духа жизни, виновника всех тварей.

6) В заключение заметим, что *Генри Бальфур в своих исследованиях о даосских текстах и книгах несомненно дает весьма ценный вклад в науку; особенно важно его издание 1884 г. обнимающее тексты даосской школы, касающиеся политики, метафизики, этики; (Taoist Texts: Ethical, Political, and Speculative) отдельно печатаны в Chin. Review, в vol. IX, X, XI, в журнале The Chin. Recorder vol. XV, 1884, p. 311–16, помещен о них краткий отзыв m-г Giles'a. Прочие даосские сочинения по переводам Г. Бальфура, помещенные в Chin. Review в томах IX, X и XI, суть следующие: 1) Книга о чистоте, или непорочности жизни, и вечном спокойствии (book of purity and rest). 2) Книга простых слов (plain words) или "Сю-шу", её содержание: введение; первооснования: природа, добродетель, благоволение, правдивость, приличие; правильное учение; исследование мотивов; добродетель – корень; природа как основание; искание справедливости; устойчивость в правилах приличия. 3) Книга о дыхании зародыша «Дайси-цзин». 4) Принцип природы, глава из книги – «история великого света» «Хуай-нань-цзы» князя Цян-лин. 5) Три рассуждения: 1) книга печать сердца, «Син-инь-цзин»; 2) рассуждение об универсальном уме; 3) о пещеристых бороздах (черепа). Самым важным по содержанию представляется книга, содержащая 4) «указание к невидимому или руководство к познанию мира невидимого». Это сочинение есть наилучшее и классическое, корень и сущность всего даосского канона и приписывается преданием императору Хуан-ди, хотя появилось позднее, при династии Шан, за XII стол. до Р. X.*

К § 67. Система «Па-гуа» и «Па-шэнь» её значение у даосов и замечания о драконе – «лун» и черепахе – «гуй», как символических знаках у даосов и конфуциан

«Па-гуа» = 8-мь древних богов Китая, их частные названия и общее «па-шэнь», поклонение оным в 1107–1120 г. до Р. Х. вместе с прочими духами, замена изображений сих 8-ми богов-мироправителей 8-ю знаками из черточек при Фу-си и Вэнь-ване, перенесение в календарь и на компас и в разные книги, построение систем философии, употребление в медицине; изобретение игры «Хо-ту» и «Ло-ту». – Монгольский компас (см. табл. VI, рис. 10-й, и схема «па-гуа» Медгурста, объяснение системы Фуси, основанной на чертах сего восьмигранника (сян-тянь па-гуа), называемой у Вэнь-вана и «Хоу-тянь па-гуа», названия линий – инь и ян, их сочетаний; древние комбинации; в означении 8-ми частей горизонта и общепринятые у даосов: цянь, лян-дуань, чжэнь, гэнь, ли, кхан, дуй, сюн (см. табл. V), их комбинации в 64 и прочие величины. – Комбинации XII циклических знаков «суй-инь» и «суй-ян» и X-ть циклических знаков – «ши-гань» или «тань-гань»; XXIV комбинации даосов «эрр-ши-сы шань-сян», самые рисунки «па-гуа», «Ло-ту» Вэнь-вана и «Хо-ту» Фу-си. – Дракон – Лун, значение его изображений, их виды у художников и поэтов, астрономов и астрологов, смысл и происхождение у Фу-си, в словаре Муо-вэнь, Шуо-вень, у Гуан-я; дракон, как весенний знак созвездия, его части, названия, церемонии, употребление в языке и разные названия. – Черепаха – гуй, её виды и названия, означение. – Таблица V-я с начертанием па-гуа и 64-х знаков «И-цзина» с их объяснением по мнению Фу-си и Вэнь-вана, рисунками дракона и черепахи, схемами сферы китайской и европейской

В дополнение к учению даосскому, содержащемуся в его книгах, и «И-цзине» в частности, или встречающемуся в суевериях, гаданиях, производимому в разных символах, эмблемах, на рисунках и прочих предметах искусства, даже при играх и забавах, остановимся на системе «па-гуа», которую рассматриваем до Фу-си и после Фу-си.

«Па-гуа» – обыкновенный и всем китайцам известный чертеж – восьмигранник, октаэдр, с известного рода черточками по сторонам, соответствующим пунктам обыкновенного компаса. Эти знаки имеют своим происхождением поклонение восьми богам, весьма древнее в Китае и на Востоке; о «па-шэнь» (8-ми духах, богов) говорится в энциклопедии «Ю-хай», в сочинении сяо-сюэ кань-шу. Божества эти, чествуемые китайцами, суть: 1) Тянь-чжу, Господь, царь небесный, видимого неба; 2) Ди-чжу, Господь, владыка земли; 3) Бин-чжу, бог воинств, царь солдат; 4) Ин-чжу, бог, владыка, царь тьмы, ада (начало ин); 5) Ян-чжу, бог, владыка, царь света (начало ян); 6) Юэ-чжу, господь, владыка, царь месяца; 7) Жи-чжу, бог, владыка, царь солнца; 8) Цзы-ши-чжу, господь, владыка, царь четырех времен года. В частности, настоящее число богов – «шэнь» чествуемых повсюду превышает цифру «па-гуа» или «па-шэнь», таковы духи возрождения и обновления, осени, зимы, весны, лета, земли, моря, рек, воды, огня, домашнего очага, сухости, влажности или дождя, духи покровители городов, домов, местечек, духи сна, цветов, умерших людей хоронимых и погребенных, бурь и тифонов, вод, снегов, и проч. О категории «па-шэнь» в означенной выше энциклопедии говорится, что в первый год царствования Юань-фынь (до Р. Х. 110) Ханьской династии, восьми богам сам император совершал поклонение; по преданию, тоже продолжалось во времена Дай-Гуна (до Р. Х. 1130 г.). В летописях Ву-ди Ханьской династии встречаются реляции о сумасбродствах сего государя, поклонявшегося восьми богам (па-шэнь) на пяти горах, «Шань-ву» в восточном направлении; Вань-шуй тоже поклонялся и приносил жертвы означенным богам на тех же горах и еще богам гор и рек – «шань-чуань па-шэнь». По замечанию Иосифа Гасса (Notes and Queries. 1869). «wunderliche System» па-гуа была господствующею в Китае до мифологического Фуси и известна как «система восьми богов мироправителей, облегающих вселенную, следящих за событиями и происшествиями на земле совершающимися». Образно, эти 8 богов представлялись, сверх их лицевых фигур. (напр. на буддийском календаре) и простыми чертами в обыкновенном восьмиграннике, играющем затем роль у художников и философов, в развитии дуализма ин и ян. Князь Вэнь-ван, основатель Чжэусской династии (1122–55), впервые объяснил па-гуа в И-цзине; тоже продолжил Шэн-синь (1166–1123 г.) славный мудрец своего времени, построивший первую в Китае обсерваторию; его дуалистическая система развивалась последующими учеными, особенно Дай-гуном, Чэусской династии, который с благочестием соединял и дар мудрого правителя. Система Вэнь-вана в И-

цзине, построенная на восьмиграннике, доводится далее до комбинации *шестидесяти четырех* и назыв. «Цзе-ци». Линии диаграммы этой так пересекаются и соединяются, что дают разновидности разных названий, на них зиждется и вся схема философско-астрономическая. Сущность этой системы следующая: исходным пунктом служат два рода линий, одна прямая, другая на двое расчлененная, соответственно двум сосуществующим и вечным началам, по языческому представлению, "*лян-и*" – двоица-единица, т. е. начало мужское, жизнь, *ян* в виде – я начало женское, смерть *инь* в виде – –; по мнению Моррисона, под *ян* означалось единство, под *инь* – множество, расчленяемое до бесконечности; равновесие, гармония природы зависит от сочетания и взаимодействия сих начал. В медицине под *ян* подводится здоровый организм, под *инь* – болезненный. Под *ян* означает также небо, определяемое в 10.000 годов, прочее время за сим пределом относится к *инь*, как принципу хаотическому, ненормальному, из коего образуется и земля, годы 40–50.000, прикладываемые к сим началам, входят в состав их прогресса. Первый человек *Пхань-гу*, будучи выделен из сего брожения начал, есть произведение, плод, неба и земли, как думает Чжу-фу-цзы; образное начертание *па-гуа* и системы философии, впервые сделанное Фуси, известно под именем «Лун-ма» – дракона-коня, представляемого низринутым с неба и желающим возвратиться туда же, чем и объясняется его быстрое движение. Фуси пришла также счастливая мысль, из наблюдения над быстрыми обращениями сего животного, воспользоваться часто бросаемыми экскрементами, которые в виде точек или шариков изобретатель приложил в игре, известной под именем "*Хо-ту*". Игра основана на расположении нечетных чисел в известной симметрии. В свою очередь князю Вэнь-Вану пришла счастливая мысль создания своей системы *па-гуа*, благодаря наблюдениям над видом черепахи "*гуй-бэй*" животного, водящегося в большом количестве в *Ло-хо*, Хонанской провинции, черепахе приписывалось замечательное влияние на судьбу людей. Вэнь-Ван, экскременты Фусиева Лун-ма расположил в виде точек на рисунке, следуя очертанию черепахи. Ряды точек у Фуси нечетные 1, 3, 5, 7, и 10 изображены в белых кружках, а четные 2, 4, 6, 8 – черными точками; у Вэнь-Ваня, белыми кружками означены нечет 1, 3, 5, 7, 9, чет – 2, 4, 6, 8; по четным числам, их расположению, система Вэнь-вана называется еще "*Ло-ту*". Здесь встречаются пять элементов – "*ву-син*" По главным пунктам китайского и монгольского компаса: на С. вода – *шуй* (уссун), на Ю. огонь – *хо* (гол), на В. дерево – *му* (модон), на З. металл – *цзин* (тум-мен), по середине всего (чжун) земля – *ту*. На монгольском компасе сверх сего соответствуют: на С. В. – гора *оола*, на Ю. В. воздух – *ци*, на Ю. З. земля – *соррои*, на С. З. небо – *окторгол*. По схеме Медгурста система Фу-си может быть представлена наглядно в виде девяти квадратных клеток, в коих цифры знаков располагаются так:

492

357

816

Сумма всех нечетных чисел здесь есть 25, а четных чисел – 30, те и другие в сложности образуют у китайцев все возможные перемены не только в математических чисто комбинациях, но и философских, где рассматриваются случайности; законы действия и событий в жизни людей и духов. По другому, собственно китайскому, общепотребительному начертанию, Фусиева система имеет вид восьмигранника по сторонам круга, в коем изображено *Инь* – женское начало в темной половине, мрачной, смертоносной, другая половина – *Ян*, светлая, жизненная; иногда в этих двух головастиковых формах – (черной и светлой) ставятся точки, в белой половине – черная и в черной половине – белая; малый темный кружок есть *Шао-инь* в начале *Ян*, или *Дао-ян*, а *Шао-ян* есть малый светящийся кружок в *Инь* или *Дай-инь*. В сего рода начертании с четырьмя основными наружными линиями "*сян*", различаются: – одни прямые и цельные, другие раздвоенные, не цельные; из сочетания же всех образуется простой восьмигранник – *па-гуа*, доводимый до 64 и затем далее – до 16,777,216 комбинаций! Фусиева диаграмма называется «*сян-тянь па-гуа*» – небесное изображение, начертание восьми линий, знаков, тогда как диаграмма Вань-Вана называется «*Хоу-тянь па-гуа*». Основные наружные черты – *сян* в восьмигранном *па-гуа* суть следующие: 1) *Дай-ян*, великое мужское начало, имеет изображение $\equiv$; 2) *Шао-инь*, малое женское начало, имеет изображение – – ; 3) *Шао-ян*, малое мужское начало, имеет изображение $\equiv$; 4) *Дай-ин*, великое женское начало, имеет изображение $\equiv$. Дальнейшие комбинации таковы, из основных элементов и химического сочетания оных происходят следующие сложные силы в явления; А. *Цянь* – небесная материя, рождающая эфир; *дуй* – пар, испарение; свойственное силе воды; из этих *цянь-дуй* образуется *дай-ян*. Б. *Ли*

– огонь, свет, жар, зной, деятельное начало; *чжень* – гром, огненное запаление; из них образуется *Ли-чжень*, и отсюда – *шао-инь*. В. *Сюнь* – приводящий все в движение фактор ветра; *кхань* – жидкость, вода; является *сюнь-кхань*, слагающие *шао-ян*. Г. *Гэнь*, гора, твердый, упругий фактор и неподвижный, останавливающий движение; *кхунь* – земля, земное вещество, ад, бездна; *гэнь-кхунь* слагаются *дай-инь*. Все эти элементы, занимающие неизменно известные пункты компаса, у даосов служат материалом кабалистической логомантии. Вообще же, в образовании начертаний – *сян*, в *па-гуа*, китайцами соблюдаются следующие правила:

1) *Цянь* имеет *сань-ян*, т. е. изображается $\equiv \equiv \equiv$ ¹¹³; 2) *кхунь* или *лян-дуань*, имеет изображение $\equiv \equiv$; 3) *чжэнь* имеет *нян-ю*, т. е. изображение $= =$; 4) *Гэнь* имеет *фу-вань*, т. е. изображение $\equiv \equiv$; 5) *Ли* имеет *чжун-сю*, т. е. изображение $= \equiv$; 6) *кхань* имеет *чжун-мань*, т. е. изображение $= =$; 7) *Дуй* имеет *шан-чжи-юэ*, т. е. изображение $= =$; 8) *сюнь* имеет *ся-дуань*, т. е. изображение $= =$. Расстановка сих знаков у Фуси и Вэнь-вана имеют разницу и в названии и начертании как видим на рисунке ниже (табл. V – см. стр. 588 оригинала). Будучи комбинируемы до 64 фигур, чрез прибавление 24 представленных линий, все вообще могут быть доводимы до новых знаков в числе 16, 777, 216, как заметили выше. Система *па-гуа* играет большую роль в сочинении даосов "*фын-шуй*", т. е. ветер и вода, в смысле указателя воздушных перемен в воздухе и на земле, от сочетания холода и жара, сухости и влажности. *Си-ма-цзян* в своей истории помещает распределение означенных явлений природы под главными силами *ян* и *инь* в комбинации с XII циклическими знаками, "*суй-ян*" и "*суй-инь*", так: десять цикл. ветвей – *ши-гань* или *тянь-гань* т. е. небесные столбы, "*суй-инь*": 1) *цзя*, 2) *и*, 3) *бин*, 4) *дин*, 5) *ву* (*у*), 6) *чжи*, 7) *кэнь*, 8) *синь*, 9) *жень*, 10) *гуэй*; двенадцать ветвей (или пней земли) *ши-эрр-ши*, также – *ди-ши*: 1) *инь*, 2) *мао*, 3) *чэнь*, 4) *сю*, 5) *ву*, 6) *вэй*, 7) *шэнь*, 8) *ю*, 9) *су*, 10) *хай*, 11) *цзы*, 12) *чоу*. Первому циклу соответствуют: 1) *янь-фэн* или *янь-фын*, 2) *дань-мэн* или *дуань-мэн*, 3) *жу-шао* или *ю-шао*, 4) *цянь-ю* или *цянь-ву*, 5) *чу-юн* или *ту-вэй*, 6) *шань-шан*, или *шан-хэн*, 7) *чун-гуан* или *шао-ян*, 8) *сюань-дай* или *хэн-ай*, 9) *шао-ян* или *шан-чан*; второму циклу (XII) соответствуют 1) *шэ-ди-го*, 2) *дань-янь*, 3) *ши-сю*, 4) *да-хуан-ло*, 4) *дунь-цзян*, 5) *се-ся*, 6) *чунь-тань*, 7) *цзо-у*, 8) *янь-му*, 9) *да-юань-сянь*, 10) *кхунь-дунь*, 11) *ши-фэнь-жи*. У даосов же известны двадцать четыре комбинации, истекающие из сочетания циклических знаков с *шань* и *сян* (*бинь-шань*, *бин-сян* и проч.), вообще эта система называется *эрр-ши-сы шань-сян*. Посредством *па-гуа* и прочих знаков, изыскиваются, положения домов, определяется способ вырывания и место могил, устройство гробов, расчленение домовых построек и комнат, пропорции зданий, клетки рыночной площади для товаров, купцов и продавцов, и проч. Прилагаем схемы систем Фуси и Вэнь-вана, объясняемые ниже (см. стр. 534 оригинала).

В системе Фуси играет роль *дракон*, у Вэнь-вана *черепаха*. Эти же знаки часто встречаются в Китае в астрономии и предметах искусства. *Дракон* – «лун» есть любимая эмблема китайцев, вовсе отличная от апокалипсического зверя изображаемого у евангелиста Иоанна Богослова и вообще иначе понимаемого у христиан и евреев – в смысле сатаны, дьявола. Прежде всего, китайский дракон не имеет крыльев, приписываемых сатане, хотя они и даются впоследствии; подобие дракона китайского взято с вида разных животных, но с лицом самого старого человека, одаренного великим умом и опытом, владеющего – мудростью, прочие части тела представляются в виде громадного чешуйчатого змея, с вздутым чревом, с большим головным черепом и рогами на лбу, худобой лица, глубоко впалыми глазами, сверкающими пронизательно и грозно, с огромною пастью, вооруженною рядом острых зубов, откуда изрыгается молния, облака, морская пена; с понятием о движении дракона соединяются представления о раскатах грома, реве бури, молнии, дожде, дыме. Другой вид дракона, похожий толстою головою на льва с кудрявою гривой, маленькими четырьмя ногами и пушистым хвостом, есть тип любимый в украшениях пред дворцами, храмами, домами, чаще представляется сидящим на задних ногах с вытянутыми передними; если он идет, то на спине нередко покоится Будда, царица небесная или другой бог и лун становится похожим на услужливую собачку, обыкновенно называемую "*сяо-лун*" – маленький дракон, особенно любимую детьми и женщинами. В древние времена, по китайским источникам, существовало особое огромное пресмыкающееся, похожее на аллигатора, и которого ископаемые остатки доселе находят в разных частях Китая. Разные факты, вместе взятые, приводят к убеждению – что изображения дракона у китайцев мифологическо-астрономические не чужды действительности. Как известно, крокодил любит в дни весеннего равноденствия зарываться в ил, где и лежит одержимый спячкой, от коей пробуждается с раскатами грома и проливными дождями. Фуси, в своем чертеже *па-гуа* поместил поэтому

дракона под знаком грома, соответствующего восточной части неба, т. е. весне. Замирание и воскресение дракона (крокодила) совпадает со смертью и воскресением солнца, т. е. с временами двух равноденствий. Поэтому, дракон является символом солнца; то, что называется *зерном дракона*, на самом деле есть светоносное начало, выходящее из мрачного начала, это огромное зерно-солнце, дракон представляется ловящим своею пастью (на изображении импер. штандарта) и проглатывающим по легендарным сказаниям, без всякого вреда. Пробуждается дракон, – значит, всплывают на небе лазоревом облака. В словаре Муо-вэнь говорится, что существует 360 родов животных чешуйчатых, из коих главнейший дракон. Он может просветляться и помрачаться, свертываться и разворачиваться, сжиматься, удлиняться. В весеннее равноденствие он восходит на небо, а в осеннее погружается в бездну. По объяснению, 360 родов животных соответствуют 360 степеням (градусам) небесной сферы, где дракон занимает главное место; восходя в высшие знаки весеннего равноденствия на небе, солнце-дракон становится поэтому самым светоносным, тогда как в осеннее равноденствие, погружаясь в знаки низшие, как бы в тартар, оно делается темным, далеким, невидимым. *Би-я* говорит: «дракон имеет 81 чешую, т. е. имеет произведение числа 9-ти помноженного на 9-ть, иначе, число *девятнадцать* означает самое солнце». Будучи сего рода символом весеннего солнца, дракон есть как бы царь природы, её полной жизни и силы, а потому, он служит символом и царей земных. Уже в глубокой древности китайский император сравнивается с солнцем – царем вселенной, природы. *Конфуцзы* говорит: «как на тверди небесной нет двух солнц, так не может быть для одного и того же народа двух царей».

Шуо-вэнь говорит: «солнце массивно, т. е. огромной величины, и без всякого недостатка, поэтому оно – эмблема царя, князя». По выражению *Гуан-я*, «дракон, – это сам князь, царь». По сим причинам, изображение дракона и солнца приняты как непереносные инсигнии власти царской и высших военных чинов. Когда говорят о лице дракона, ушах дракона, бороде дракона, то разумеется лицо, уши, борода самого императора иносказательно, в смысле органов верховной власти, правительственных чинов; как исключительно императорская эмблема, дракон изображается на желтом фоне импер. штандарта, и государственного; будучи эмблемою смерти и воскресения, дракон часто вышивался на траурных завесах на темно-голубом фоне, и облакает погребальную колесницу с телом покойника, изображается также и на всех инструментах музыкальных и других, употребляемых при похоронах и других торжественных процессиях; им украшается грудь мандаринов, и военных начальников, одеяния полицейских и других чинов, даже праздничные костюмы простых людей. Когда солнце проходит по восточной части неба, тогда путь этот именуется *цзин-даю* – лазоревый путь, или *дун-лу* – восточная дорога, под коею разумеются на небесной сфере созвездия (су): *цзе* – рог, *кан* – шея, *ди* – корень, *фан* – дом, его вершина, *син* – сердце, *ви* – хвост, *ци* – корзина, соответствующие все на европейской сфере *Virgo*, *librae*, *Scorpio*. В созвездии первом, представляющим голову лазоревых драконов, вообще разумеются и производительные весенние силы природы, какими управляет солнце – дракон. Когда на небесной тверди появится эта голова, тогда птицы, начинают опериваться, звери покрываются новым пухом шерсти, у иных вырастают новые рога, тогда как все злаки, растения дают новые отпрыски, деревья-побеги. Дракон управляет поэтому метаморфозами всего творения. Восток, восточное небо называется *лазурным небом*, и сама земля покрывается зеленью, дракон представляется зеленого или лазоревых же цвета. Во времена Чэу (1122–255 до Р. Х.), существовала церемония приветствия новой весны, или *востока*, посредством *голубого, лазурного скипетра*, этим воздавалась честь богу-дракону, управляющему весною. Известен и ныне обычай, с праздничным веселием, в разноцветных одеждах, встречать весну со *знаменем дракона*, т. е. изображением сего животного. Термины, характеризующие у китайцев понятие о драконе и усвоение его в переносном значении суть следующие (словарь кит. русск. арх. Палладия и Попова): *лун-ван*, царь драконов, буддийские кумирни в честь его с 320 г. по Р. Х.; *лун-тоу*, голова дракона, первый министр, пункт выхода луны из эклиптики, и *лун-вэй*, пункт, где луна вступает в эклиптику; *лун-вэй-трон*, *лун-ти* – особа государя; *ин-лун*, дракон с крыльями, *цин-лун*, зеленый дракон, симв. востока, *бо-лун*, белый дракон, символ рек, *хэ-лун*, черный дракон, симв. дождей и дождевых облаков, *хуан-лун*, желтый дракон, *фэй-лун*, вознесшийся дракон, символ восшествия императора на престол; *леу-лун*, шесть драконов в упряжи у солнца или шесть высоких коней у государя в его колеснице; *шуй-лун*, военное судно, т. е. с флагом дракона, *лун-нао*, парадные придворные кафтаны с драконами, *шань-лун*, изображения драконов и гор на парадных кафтанах; *лун-ху-шань*, гора в

провинции *цзян-си*, где находится резиденция даосского первосвященника – архимага и его родичей до ста семейств, со множеством кумирней с 126 медными идолами. Прежде было здесь 9 дворцов – *гун*, по числу 9 небес, или главных монастырей, 36 скитов – *юань*, по числу 36 духов небесных, и 72 кумирни по числу 72 духов земных. Нет надобности приводить других названий с именем *лун* – дракона, с коим неразрывно и другое представление о черепахе, один род которой называется также *ту-лун* т. е. черепаха длиною в 10 футов. По мудрости сего животного скрывать свою голову и лапки при опасности под щитообразную кожу, буддисты сравнивают с нею подвижника разобщающего свои чувства от внешних влияний на него. У китайцев известна баснословная 1000-летняя черепаха – *гуй*, и большая – *вань-гуй*, на которой гадали, черепаха с дщицею на спине *гуй-фу*, дождевая баснословная – *шэнь-гуй*, и содержащая на спине о-ва блаженных *цзюй-гуй*, водяная – *шуй-гуй*, огненная – *хо-гуй*, гадательная – *ши-гуй*, струистая – *вэнь-гуй*; по Эрр-я насчитывается десять родов сего животного; оно изображается на печатях, или в виде черепах делаются самые печати – *гуй-шоу* (наградные знаки отличия). Часть северная, у астрономов на китайской сфере называется также черепахою или черным воином, в состав его входят созвездия: *доу* – хлебная мера, *ню* – бык, *нюй* – девица, *сю* – могила, *вэй* – вершина дома, *ци* – пирей, костер, *би* – стена дома. Более подробное значение и смысл созвездий *дракона* и *черепахи* дается нами в особом приложении годового астрономического китайского словаря.

§ 68. Китайский календарь

Общее понятие о нем на основании изысканий и сведений Фритче, Шлегеля, Дуоляйтля, арх. Палладия, арх. Иакинфа, иер. Исаии. Древнее происхождение сего календаря, исправления его за 1122 г. до Р. Х. Чэу-Гуном; осложнения счисления времени и разные виды оного по циклам, смешение астрономических знаков и астрологических понятия о них. – 1. Деление времени: китайский год, месяц, неделя, день и ночь, час и его части ши-чэнь, 8 четвертей па-кэ: секунды мяо, минуты фын, пять страж ву-цзин, вставочный месяц жун-юэ, полный юэ-да, малый юэ-сяо, час-чэнь по направлению хвоста северной медведицы и образование XII знаков чжи, назыв. ши-эрр-чжи или ди-чжи, (12 пней, ветвей земных). – 2. Цикл XII месяцев дворцовых «гун», назыв. «ши-эрр-гун», происхождение сего названия от расположения 13 отд. императорского дворца, название самых месяцев, начертание оного у даосов. – Цикл десятиричный небесных столбов «ши-гань» или «тянь-гань» из коих 5 муж. начала (ин) и 5 женск. начала (инь), их частные названия. – 3. Цикл «Цзя-цзы» или состоящий из 60 годов и протекающий от комбинации 10 небесных столбов (тянь-гань) с 12 земными пнями или ветвями (ши-эрр-чжи), самые названия каждого года сего цикла в его шести десятках. – 4. Цикл седмиричный астрономический для лунных домицилей (су) в четырех четвертях года, по семи в каждом; название этих четвертей: В. – дракон, С. – черепаха или черный воин, 3. – тигр, Ю. – красная птица. Подробная таблица (№ III-й) этих XXVIII домицилей сравнительно с такими же европейцев, индийцев, парсов, арабов, китайцев и по Иделеру. – 5. Цикл тройного деления времени у китайцев, (по Сы-мя-цзяну) в эпохи: царство человеческое, царство земное, царство небесное и самая таблица сего распределения (№ 1). – Сравнительная таблица (№ II) циклов: XII ветвей (ши-эрр-чжи), им соответствующих животных, XII зодиака Европы, XII часов и страж китайских, знаков компаса, китайские часы, соответствующие европейским и их названия. – 6. Цикл «Цзе-ци» или XXIV атмосферических перемен, названия оного и русский перевод. Китайские соответств. знаки, зодиака, солнечная долгота, европ. зодиак, и дата по григорианскому времясчислению (Табл. № IV). – Пояснительные подробности к циклам XXVIII домицилей лунных и XII месяцев года, «Цзе-ци», о китайском високосном вставочном месяце чрез 4 г. – Пояснения к таблице № VI (к § 68) систем Фуси и Вэнь-вана, Шао-яу-фу (круглое начертание 64 знаков, planetarium Скалигера, календари и зодиаки, китайский, индийский, монгольский, буддийский)

Способ времясчисления и распределения сообразно с оным жизни гражданской и религиозной у китайцев получил большое разнообразие, и настолько отличен от европейских народов, что требует особенного внимания к оному, а потому даем краткие понятия. Важны для нас в особенности принципы, для точного и безошибочного уразумения китайской системы и согласования оной с христианскою народов европейских, в первой много архаизмов и сложных приемов, во второй – простота и точность, благодаря высокому развитию астрономии, и изобретений математических инструментов, не позволяющих поддаваться фикциям и бредням астрологов и магов древности. Русскому ученому Фритче – члену Императорской Российской миссии в г. Пекине, принадлежит честь в сжатом, но весьма дельном очерке на английском языке изложения понятия по означенному предмету, коим и пользуемся из The China Review (vol. X., 1882–82, on the Chinese Calendar, p. p. 326–333). Прочие подробности дополняем из Шлегеля (uranographie Chinoise), словарей Дуоляйтля, о. арх. Палладия и П. С. Попова, и о. иер. Исаии, трудов о. арх. Иакинфа, с оригинальных китайских календарей приобретенных в Пекине в 1881 г.

Вычисление времени года было известно китайцам с эпохи Яо т. е. 2500 г. до Р. Х. и все наименования звезд и земледельческих занятий уже существовали. По свидетельству книги обрядов Чэу, составленной Чэу-гуном за 1122 г. до Р. Х., исправлен был средний год и лунный, применительно к разным работам народа, и придворным чинам, ученым поручено самое распределение трудов земледельческих в государстве сообразно с *правильным постоянным календарем*. Несомненно, что Чэу-гун применил астрономическое деление семи планет в созвездиях четырех времен года (saisons), и составил цикл из 28 астеризмов, или планетных домицилей, избрав случайно это число в созвездиях уже существующих тысячи лет до него; самые названия созвездий принадлежат не одному лицу, но всему народу, который изобрел их по собственному наблюдению простым глазом над звездами, и распределением времени более или менее точным и постоянным в разные периоды года. Ученым астрономам времен Чэу

принадлежит честь разработки и самого определения названий национальных, – составление при астрономическом коллеже народного альманаха, с вычислением затмений, введением и распространением самого календаря.

Числовое деление, на которое разлагается время китайцами, состоит из цифровых циклов IV, VII, VIII, X, XII, XXIV, XXVIII, и шестидесяти, характеризующихся соответствующими наименованиями *чэнь, чжи, гань, цзы, изя-цзы, су, цзе-ци, нянь юэ, нянь-жи-суй-ян, суй-инь* и др.; при сем необходимо различать солнечное и лунное времясчисление, астрономическое и для целей агрономических, или земледельческих. Такого рода осложнение времясчисления и искусственное означение известно только в Китае. Кроме книжных пособий существует особенный народный дешевый календарь, чаще всего искусно нарисованный на деревянном круге в роде блина или лепешки, в диаметре – четверть арш. и менее; на плоскости оного начертываются в кругах, с китайскими иероглифами, почти все деления астрономические и астрологические. Даосские ученые, гадатели, маги, пользуются оным не без влияния на народные умы; также форма воспроизводится, в рисунке, миниатюрно почти на всех печатных, календарях на XII месяцев года, с допущением большей или меньшей полноты и разнообразия. Самый центр оных занимается всегда изображением в круге, в виде двух головастики-зародышей – белого и черного, что значит *Ин* и *Ян, активные и страдательные силы* природы, свет и тьма, день и ночь; по сторонам помещается иногда компас "*лу-цзин*" с 8-ми делением назыв. *Па-гуа* или *па-гун*, изображенный черточками, облекающими круг с магнитною стрелкой. Здесь различаются четыре главных положения "*сы-да-цуй*" двух пересекающихся линий С. Ю. В. З. в виде креста четырехконечного или фиксируются циклы – (10, 12, 5 (элементов) и 8-мь); далее располагаются *десятеричный* цикл *ши-гань* или *тянь-гань*, стволы или столбы небесные, цикл *двенадцати* земных ветвей, *ши-эрт-чжи*, или XII дворцов *ши-эрт-гун*, каждый из коих соответствует какому-либо из 4-х главных положений компасной стрелки, наконец цикл двадцати четырех пределов солнечного года, *эрт-ши-сы-цзе-ци*. Прочие циклы суть: шестидесятый, *цзя-цзы* и состоящий из 60 годов, и *эрт-ши-па-су* т. е. состоящий из 28 созвездий или лунных домов гостиниц (*domicilium*). В частности, деление времени у китайцев таково; кроме обыкновенного деления – ночь (е), утро (цзао-ци), полдень (шан-ву), вечер (вань-шан), существуют и другие; китайский час – *ши-чэнь* равный двум часам обыкновенного нашего часа, первая часть его называется *чу*, вторая – *чжэн*; час этот имеет 8 четвертей, *па-кэ*. Из 60 секунд (мяо) слагается одна минута (фын), *леу-ши мяо вэй и фын*, из 60 минут состоит час (ся-чжун), *леу-ши фын вэй и тянь-чжун*; из 15 минут составляется одна четверть (кэ), *ши сы фын вэй и-кэ*; из 24 часов слагается один день (жи-цза), *эрт-ши-сы тянь-чжун вэй и-жи*; из 7-ми дней состоит неделя (ци-тянь), *ци-жи вэй и ли-бай*; из 12 месяцев состоит один год простой (нянь), *ши-эрт-го юэ вэй и нянь*; год високосный имеет 13 месяцев т. е. к 12 мес. присоединяется вставочный (жунь-юэ), *жунь-нянь ши-сань-го юэ*; полный месяц (юэ-да) имеет 30 дней (жи), *юэ-да сань-ши жи*; малый месяц – 29 дней, *юэ-сяо эрт-ши-цзюэ-жи*; год обыкновенный (нянь) состоит из 360 дней, *и-нянь сань-бай леу ши-жи*; шестьдесят годов составляют цикл (цзя-цзы), *леу-ши нянь вэй и чжу цзя-цзи*; год лунный (нянь-юэ) имеет 12 лун, из коих одни имеют 29 дней (ся-юэ), другие 30 дней (да-юэ), этот же год состоит из 354 дней, и для уравнивания с солнечным годом в 365 дней, чрез 19 лет имеет вставочную луну *жунь-юэ*. Вечернее и ночное время измеряется китайцами на *пять страж* (ву-цзин): 1-я *тоу-цзин-тянь* (день) с сумерек по IX ч. вечера; 2-я *эрт-цзин-тянь* до XI ч. ночи; 3-я *сань-цзин-тянь* до I ч. пополудни; 4-я *сы-цзин-тянь*, по III ч. утра; 5-я *ву-цзин-тянь*, по V-й ч. утра.

Часовое или градусное деление – *чэнь*, в небесной сфере, берется по направлению хвоста северной медведицы и определяется в XII циклических знаках, называемых *чжи*, – ветви, *ши-эрт-чжи* (XII ветвей). Соответствие между европейскими и китайскими часами, с означением названий их знаков зодиака, стражи-компаса предлагаем в особой таблице (№ II) с прочими. Не можем не приложить здесь чертежа находящ. в IV-й кн. *Юэ-лин* из Ли-цзицин, (изд. М. Мюллера, стр. 252), изображающего расположение XII комнат в императорском дворце – "*гун*" по числу XII месяцев. Центом служат времена года (season), а по сторонам следуют комнаты (гун) с указанием на солнечное обращение и обряд подобного прохождения во дворце самого императора, в начале каждого месяца. Циклу XII месяцев дворцовых "*гун*" соответствуют XXIV перемены (12х12) атмосферы в течении года имеющие свои особенности как видим на таб. IV.

		С.				
З	10 мес.		11 мес.	12мес.		
	9 мес.				1 мес.	В.
	8 мес.		Средина (цэцэн) года		2 мес.	
	7 мес.				3 мес.	
	6 мес.		5 мес.	4 мес.		
		Ю.				

Ши-эрт-гун или XII дворцов, отделений дворцовых означающих положения направлений компаса и соответствующие XII часовому циклу или эклиптике, суть следующие: 1) *чжан-шэн*, (новорожденные, свежие ростки, почки); 2) *му-ю*, (влажность, сырость); 3) *Гуан-дай* (шляпа и окно); 4) *Лин-гуан* (приходящие чиновники, офицеры); 5) *Ди-ван* (счастливый император, шах); 6) *шуай* (недостаток, порок); 7) *бин* (болезнь); 8) *сы* (смерть); 9) *му* (могила); 10) *дзюэ* (конец); 11) *дай* (зародыш); 12) *ян* (пища, питание). Означенный цикл, употребительный в гаданиях даосов и в их календаре, осложняется в его употреблении прочими знаками, каковы: *инь-цзы*, тьма внутри, – могила, и *ян-цзы*, свет внутри, – дом; изображаются эти силы в виде двух зародышей – *темного и светлого* (см. рис. па-гуа); геомансы (землеволовователи) при копании колодца – *цзин*, наблюдают чтобы он приходился к светлой стороне дома, или компаса, тоже наблюдается при устройстве *мяо* – кумирни. Противопологая *небо земле*, даосы различают циклы *ши-гань*, или 10 столбов небесных от *ши-эрт-чжи*, т. е. 12 ветвей (или пней) земных, иначе именуемых *ди-чжи*. *Ши-гань* или *тянь-гань*, десятичный небесный цикл, коего знаки употребляются в геометрии для означения углов, сторон, фигур, разделяются на 5-ть циклич. знаков женского начала (*инь-гань*); *и*, *дин*, *цзи*, *синь*, *гуй*, и пять циклич. знаков мужского начала (*ин-гань*): *цзя*, *бин*, *у*, *гэн*, *жень*. Самое расположение сих знаков в календаре таково: 1) *цзя*; 2) *и*; 3) *бин*; 4) *дин*; 5) *у*; 6) *цзи* (*ki*); 7) *гэн* (*keng*); 8) *синь*; 9) *жень*; 10) *гуй* (*kwei*).

От комбинации 10-ти столбов небесных (*тянь-гань*) с 12-ю пнями земными (*ди-чжи*), китайцы образовали полный *шестидесятый цикл* «*цзя-цзы*», подразделяющийся на собственно годовой 60-ти летний период, из 60 годов и период шестидесятидневный, из 60 дней, заменяет обыкновенную неделю в VII дней, самые названия возникшие и образовавшиеся от комбинации тех и других поименованных циклических знаков суть следующие:

Десяток первый: 1) *Цзя-цзы*; 2) *И-чоу*; 3) *Бин-инь*; 4) *Дин-мао*; 5) *У-чэнь*; 6) *Цзи-сы*; 7) *Гэн-ву*; 8) *Син-вэй*; 9) *Жэнь-шэнь*; 10) *Гуй-ю*.

Десяток второй: 11) *Цзя-сюй*; 12) *И-хай*; 13) *Бин-цзы*; 14) *Дин-чоу*; 15) *Ву-ин*; 16) *Цзи-мао*; 17) *Гэн-чэнь*; 18) *Син-сы*; 19) *Жень-ву*; 20) *Гуй-вэй*.

Десяток третий: 21) *Цзи-шэнь*; 22) *И-ю*; 23) *Бин-сюй*; 24) *Дин-хай*; 25) *Ву-цзы*; 26) *Цзи-чоу*; 27) *Гэн-ин*; 28) *Син-мао*; 29) *Жэнь-шэнь*; 30) *Гуй-сы*.

Десяток четвертый: 31) *Цзя-ву*; 32) *И-вэй*; 33) *Бин-шэнь*; 34) *Дин-ю*; 35) *Ву-сюй*; 36) *Цзи-хай*; 37) *Гэн-цзы*; 38) *Син-чоу*; 39) *Жэнь-инь*; 40) *Гуй-мао*.

Десяток пятый: 41) *Цзя-чэнь*; 42) *И-сы*; 43) *Бин-ву*; 44) *Дин-вэй*; 45) *Ву-шэнь*; 46) *Цзи-ю*; 47) *Гэн-сюй*; 48) *Синь-хай*; 49) *Жэнь-цзы*; 50) *Гуй-чоу*.

Десяток шестой: 51) *Цзя-инь*; 52) *И-мао*; 53) *Бин-чэнь*; 54) *Дин-сы*; 55) *У-у* (*ву-ву*); 56) *Цзи-вэй*; 57) *Гэн-шэнь*; 58) *Син-ю*; 59) *Жэнь-сю*; 60) *Гуй-хай*.

Хотя в древности, китайцам и была известна неделя в VII дней, но с течением времени, её употребление заменилось означенными выше циклами, седмичное же деление, как наиболее точное сохранялось в астрономическом распределении лунного года на двадцать восемь созвездий, называемых лунными домами, гостиницами, дворцами, домилиями, проходимыми на звездном пространстве луною. Эти домилии, по кит. Су содержатся по семи в каждой четверти года и календаря, под следующими названиями: 1) семь домилий на севере, в созвездии *черепахи* или северного воина; 2) семь домилий на юге в созвездии *красной птицы*; 3) семь домилий на востоке в созвездии *дракона*; 4) семь домилий на западе, в созвездии *тигра*. Этим созвездиям на земной поверхности соответствуют: *дракону* – средняя теплота;

тигру – средний холод; *птице* – крайний жар; *черепахе* – крайний холод. В отношении распределения теплоты играет роль *солнце*, его большее или меньшее приближение и удаление от земли. Наблюдая за переменами этого движения и относительного положения земли, по созвездиям Северной Медведицы, древние китайцы, как свидетельствует знаменитый их историк Сы-мя-цзян (в его книге Тянь-хуан), делили годичное время на три *великих эпохи*: *царство человеческое*, – *земное*, – *небесное*, с тремя подразделениями на периоды *полу-зимы*, *зимы* и *весны*, в известные часы или зодиакальные знаки, в сем виде (по компасу). Табл. № 1.¹¹⁴

Царство человеческое				Царство земное				Царство небесное			
Эпоха				Эпоха				Эпоха			
4-я	3-я	2-я	1-я	4-я	3-я	2-я	1-я	4-я	3-я	2-я	1-я
По захождении солнца, звезда η По восходе солнца звезда α В полночь звезда ε λ α ι θ ς				Большой Медведицы				Большой Медведицы			
направляется в течении <i>полу-зимы</i> :				направляется в течении <i>полу-зимы</i> :				направляется в течении <i>полу-зимы</i> :			
в час ю	в час сую	в час хай	в час цзы	в час ю	в час сую	в час хай	в час цзы	в час ю	в час сую	в час хай	в час цзы
OVEST.	NO.	NNO.	N.	O.	NO.	NNO.	N.	O.	NO.	NNO.	NORD.
в конце <i>зимы</i> :				в конце <i>зимы</i> :				в конце <i>зимы</i> :			
в час сую	в час хай	в час цзы	в час чоу	в час сую	в час хай	в час цзы	в час чоу	в час сую	в час хай	в час цзы	в час чоу
NO.	NNO.	N.	NNE.	NO.	NNO.	N.	NNE.	NO.	NNO.	N.	NNE.
в начале <i>весны</i> :				в начале <i>весны</i> :				в начале <i>весны</i> :			
в час хай	в час цзы	в час чоу	в час инь	в час хай	в час цзы	в час чоу	в час инь	в час хай	в час цзы	в час чоу	в час инь
NNO.	N.	NNE.	NE.	NNO.	N.	NNE.	NE.	NNO.	N.	NNE.	NE.
	*	**	***								

* – великая настоящая Цинская династия.

** – при династии Ганьской до конца Мингов.

*** – при династии Тан-яо до Цзинь.

Таблица № II¹¹⁵

XII ветвей ши-эрр-чжи	Соответствующие животные	Знаки зодиака	Часы стражи	Деления компаса	Кит. часы европейским	соотв.
1 цзы	шу – мышь	Овен – бо-ян или белый баран	XI–I (3-я стража)	ночи N.	XII-й ч. полн. цзы-чу I-й ч.ч. Мыши	
2 чоу	ню – корова	Телец – цзинь-ню или золотая корова	I–III (4-я стража)	ночи N.N.E.¾E.	II-й ч. чоу-чу III-й ч. чоу-ч. Коровы	
3 инь	ху – тигр	Близнецы – инь-ян или 2 разнородных начала	III–V (5-я стража)	утра E.N.E.¾N.	IV-й ч. инь-чу V-й ч. инь-ч. Барса	
4 мао	ту – заяц	Рак – цзюй-се	V–VII	утра E.	VI-й ч. мао-чу VII-й ч. мао-ч. Зайца	
5 чэнь	лун – дракон	Лев – ши-цзы	VII–IX	утра E.S.E.¾E.	VIII-й ч. чэнь-чу IX-й ч. Дракона	
6 сы	шэ – змей	Дева – шуан-нью	IX–XI	утра S.S.E.¾E.	X-й ч. сы-чу XI-й ч. сы-ч. Змеи	
7 у	ма – конь	Весы – тинь-пин	XI–I	полдень S.	XII-й ч. ву-чуч. I-й ч. ву-чжен Лошади	
8 вэй	ян – баран	Скорпион небесный тянь-се	I–III	полдень S.S.W.¾S.	II-й ч. вэй-чу III-й ч. вэй-ч. Барана	

9 шэнь	хоу – обезьяна	Стрелец человек-лошадь жень-ма	или III–V –полдень	W.S.W. ^{3/4} S.	IV-й ч. шэнь-ч. чу V-й ч. Обезьяны шэнь-чжен VI-й ч. ю-чу VII-й ч. ю-ч. Курицы чжен VIII-й ч. суй- чу IX-й ч. суй-ч. Пса чжен X-й ч. хай-чу XI-й ч. хай-ч. Свиньи чжен
10 ю	цзи – курица	Козерог – мо-ге	V–VII полдень	W.	
11 суй	гоу – собака	Водолей драгоценная ваза бао-пин	или VII–IX веч. —	(1-я W.N.W. ^{3/4} W.	
12 хай	чжу – свинья	Рыбы, пара – шуан- юй	IX–XI веч. – (2-я стража)	N.N.W. ^{3/4} W.	

Сравнительная таблица (№ III) XXVIII лунных домицилей с их названиями у разных народов.
(Составленная по Шлегелю, Фритче, М. Мюллеру и др.)¹¹⁶

Китайские названия лунных домицилей «Су» русским переводом Восточное созвездие лазорного дракона (весеннее)	Соответствующие европейские –знаки састрономической сферы	Названия санскритские 28 накшатр (Nakschatrons)	Названия у персов кордех (Kordehs)	По М. Мюллеру французские английские (Tistar)	28 арабские названия лунных домов (maisons lunatres) по Ideler'y	Названия у 28 лунных коптов Киркеры нимоней (Nimonei)
1 Цзе – рог	α Virginis	15. Tchitra	15. Maschahé	Mâshâha	15. El-Simâkh	15. Choristo-ti.
2 Кан – шея	κ – » –	16. Souati	16. Sapner.	Spûr	16. El-gafr.	16. Chanbalia-ti
3 Ди – корень	α Librae	17. Visâkhâ	17. Hosro	Husru	17. El-zubênâ	17. Pritithi-ti
4 Фан – дом	π Scorpii	18. Anouradha (древнее равноденствие)	18. Srôb	Srob	18. El-iklil	18. Steiphani-ti
5 Син сердце	σ – » –	19. Djezhthâ	19. Nor	Nur	19. El-kalb	19. Chartian-ti.
6 Ви – хвост	ε – » –	20. Moûla	20. Gu'el	Gêl	20. El-schaula.	20. Aggia-ti
7 Ци корзины плодами Северное созвездие черепахи или черн. воина (зимнее) Доу	– cy Sagittarii Северные	21. Pourvachadda	21. Grefsché.	Garafsa	21. El-naâjim	21. Nimamrekh-ti
8 хлебная мера	φ Sagittarii	22. Outtarâchdâ	22. Vareand	Varant	22. El-belda	22. Polis-ti
9 Нью – бык	β Capricorai	23. Abhidjit	23. Gaô	Gau	23. Sa'd-el-d'asabih	23. Oupeotos-ti
10 Нью – дева	ε Aquarii	24. Sravanâ	24. Goi	Goi	24. Sa'd-but	24. Oupeiouritos-ti
11 Сю погребальн.	–β – » –	25. D'hanichta Solstice	25. Moro	Muru	25. Sa'd-saoud	25. Oupeiouineiou-

холмы, пустыни						tes-ti
Вей	–					
12вершина дома	α – » –	26. Satabischâ	26. Bondé	Bunda	26. Sa'd- el-achbija	26. Oupeuouthei- rian-ti
13Ши – пирей, костер	α Pegasi	27. Pourva- Bhadrapada	27. Kehtser	Kahtsar	27. El-ferd- el-mukdin	27. Artou-los-ti
14Би – стена	γ – » –	28. Outtara- Bhadrapada	28. Veht	Vaht	28. El-ferd- el-muccher	28. Artou- Losias-ti
Западное созвездие белого тигра (осеннее)	Западные	Западные	Западные	Западные	Западные	Западные
15Куй сандалии	– ρ Andromedae	1. Revaty	1. Mélân	Mîyan	1. Betu-el- hôt	1. Kouton
16Лю – жнецы	β Aries	2. Asouinî	2. Keht	Kaht	2. El- acheratain	2. Pi-kout- orion
Вэй	–					
17хлебный сторож	35 – » –	3. Bharany	3. Pesch	Pudevar	3. El-botein	3. Koulion
Мао	–					
18заходящие солнце	η Tauri	4, Criticâ, (древнее расноденствие)	4. Perviz	Pesch- Parviz	4. El- thoreya	4. Ori-as-ti
Би	–					
19охотничьи силки	ε – » –	5. Rohini	5. Perouez	Parviz	5, El- debarân	5. Pi-orion-ti
20Цзи – зев, пасть (тигра)	λ Orionis	6. Mrigasiras	6. Pehé	Paha	6. El-hek'a	6. Klusos-ti
21Цзин Орион	– δ – » –	7. Ardra	7. Aveser	Avezar	7. El-hen'a	7. Klaria-ti
Южное созвездие красной птицы (летнее)	Южные	Южные	Южные	Южные	Южные	Южные
22Цзин колодец	– μ Geminorum	8. Pounarvasou	8. Beschem	Besu	8. El-dsirâ	8. Ni-makhi-ti
23Гуй – души умерших	θ Cancri	9. Pouchya	9. Rekhad	Bakhvad	9. El- nethra	9. Oueir-melia- ti
24Леу плакучая ива	– δ Hydrae	10. Aslêchâ	10. Tarché	Taraha	10. El-terf	10. Piaoutos-ti
25Син – звезда	α' – » –	11. Mâghâ (древнее солнцестояние)	11. Avréc	Avra	11. El- Dschebba	11. Toueikhni-ti
26Чжан силок, сети	– υ' – » –	12. Poûrva- Phal-gouny	12. Nehn	Nahu	12. El- soubra	12. Pi- chourion-ti
27И – крыло	α Crateris	13. Outtara- Phal-gouny	13. Meïan	Miyan	13. El- serfa	13. Asphulia-ti
28Чэнь колесница	– γ Corvi	14. Hastâ	14. Avdém	Avdeni	14. El- aouwâ	14. Aboukia-ti

Китайская астрономическая таблица «цзе-ци» годовых атмосферических перемен и сравнение с оной знаков европейского календаря (сост. по Иакинфу «Китай, его жители, нравы и обычаи, просвещение», Спб. 1840 г. и Фритче «On the chinese calendar» (Chin. Review, vol. X, 1881–82). Табл. № IV.¹¹⁷

Кит. Русский перевод
названия

Кит. Солнечная Европ. Приблизительное время по
названия долгота знаки грегорианскому календарю

«цзе-ци»		зодиака		зодиака		
Ли-чунь	Начало весны	Цзы	15°315°	Февраль		4
Юй-шуй	Дождевые воды	Хай	0 330	Рыбы	»	19
Цзин-чже	Сотрясение, пробуждение куколок	»	15 345	Март		6
Чунь-фынь	Весеннее равноденствие	Цюй (Su)	0 0	Овен	»	21
Цин-мин	Ясность	»	15 15	Апрель		5
Гу-юй	Хлебный дождь	Ю (yeo)	0 30	Телец	»	20
Ли-ся	Начало лета	»	15 45	Май		5
Сяо-мань	Налив хлебов, злаков	Шэнь	0 60	Близнецы	»	21
Ман-чжун	Созреван. хлебов, пересадка риса	»	15 75	Июнь		5
Ся-чжи	Летний повор. или летнее солнцест.	Вей	0 90	Рак	»	21
Сяо-шу	Малые жары	»	15 105	Июль		7
Да-шу	Большие жары	Ву	0 120	Лев	»	23
Ли-цю	Начало осени	»	15 135	Август		8
Чу-шу	Конец жаров	Сы (sze)	0 150	Дева	»	23
Бай-лу	Белая роса	»	15 165	Сентябрь		8
Цю-фынь	Осеннее равноденствие	Чэнь	0 180	Весы	»	23
Хань-лу	Мерзлые росы	»	15 195	Октябрь		8
Шуан-цзян	Падение инеев	Мао	0 210	Скорпион	»	23
Ли-дун	Начало зимы	»	15 225	Ноябрь		7
Сяо-сюэ	Малые снега	Инь	0 240	Стрелец	»	22
Да-сюэ	Большие снега	»	15 255	Декабрь		7
Дун-чжи	Зимний повор. или зимнее солнцест.	Чоу (ch'ow)	0 270	Козерог	»	22
Сяо-шу	Малые морозы	»	15 285	Январь		6
Да-шу	Большие морозы	Цзы	0 300	Водолей	»	20

По исследованиям Chevalier de Paravey о древних иероглифических сферах, Иделера и Шлегеля, система четверичного деления года у китайцев по лунным XXVIII домицилям, имеет древнее и обширное распространенное значение; она известна индийцам, парсам, коптам, арабам, так что трудно исключительно приписывать оную китайцам, хотя несомненно, что они переработали её по своему, приновивительно к своей стране и национальным обычаям, нравам, занятиям, потребностям, создали свою терминологию. Предлагаем сравнительную таблицу этих XXVIII домицилей луны кит. "су", разделяя на четыре части – восточные, северные, западные, южные; следуем французской транскрипции, какая изложена у Шлегеля для названий санскритских, парсов, арабов, коптов, и латинских для знаков сферы европейской, китайские домицили – «су» и созвездия их воспроизведены в русской транскрипции с русским переводом. Подробности о кит. «су» излагаем особенно, здесь же заметим что китайский год есть лунный по преимуществу и состоит из XII синодических месяцев (lunations), от времени до времени, он совпадает с солнечным течением посредством вставки (intercalation) тринадцатого месяца (lunation, month). По сему положению мы узнаем точно древнейшее время (около 2.000 до Р. Х.), по одному из коренных пунктов эклиптики, именно по зимнему солнцестоянию и произведением наблюдения посредством гномона (вертикальный столб) над высшею длиною солнечной тени в полдень; таким образом положительно думаем, что прежде Ганской династии лунный год начинался с новомесечия, в течении коего солнце вступало в цикл цзя-цзы (60-й) в ю-шуэй или хай (рыбы), в пункте эклиптики, отстоящем от зимнего солнцестояния точно на 60 градусов, вся же долгота коей – 330 градусов. Вступление солнца в знак хай или ю-шуэй встречается всегда около 19 февраля, и как этот день должен быть всегда включаем в первом китайском месяце, то позднейшая дата китайского нового года должна быть 19 февраля и, как китайский месяц имеет

maximum 30 дней, то в китайский новый год можем относить назад более нежели в 30 дней от 19 февраля, или древнейшее данное время китайского нового года приходится на 20 января. Отсюда, китайский новый год всегда встречается между 20 января и 19 февраля, или в "цзе-цы" между «да-хань» (Ta-Han) и ю-шуэй, или точнее между зодиакальными знаками цзы и хай (вода и рыбы), главный знак соответствует долготе солнечной 300° и позднее – 330° следуя китайскому сочинению «Вань-нянь-шу» или элементам китайского календаря от 1624 по Р. Х. по 1921 по Р. Х. Пекинской Астрономической Коллегией древнейшая дата дня китайского нового года определена 21 января и позднейшая – 20 февраля, хотя способ вычислений не совсем точен.

Китайский способ деления года по солнечному обороту на 24 части, называемый «цзе-ци» (Tsie-khi), соответствует европейскому разделению и дате григорианского календаря, всегда совпадающего почти близко с 24 пунктами эклиптики, по прилагаемой ниже таблице. В ней расположены китайские названия «цзе-ци» по русской транскрипции, с русским переводом их, означены соответствующие знаки китайского зодиака и европейская долгота солнца, названия месяцев и числа по календарю григорианскому. Время, в которое солнце проходить в двух «цзе-ци» состоит круглым числом за год – из 30, 44 дней, пока промежуток между новомесечием и ближайшим состоит только из 29, 53 солнечных дней. По сему обстоятельству должен существовать один синодический месяц (lunation), в течении коего солнце не вступает равномерно в «цзе-ци» т. е. в один из 12 знаков зодиака. Месяц этот есть вставочный (intercalary) и называется «джун-юэ», не имея собственного числа, он складывается из дополнительного, воображаемого (previous) месяца. Вставочный месяц случайный по времени, когда солнце весьма далеко отстоит от земли, или близь aphelium, между апрелем и сентябрем (китайским 3 и 8 месяцами); причем, когда оно близко к aphelium, то солнечное движение медленно, и проходит на две «цзе-ци», или 30° долготы в 31,5 почти солнечный день, и когда вблизи perihelium, в январе (кит. 12-й месяц), солнце делает оборот 30° в 29,4 дня. Отсюда, солнце вступает в XII зн. зодиака, всегда встречается около 21 европ. месяца, и европейская дата новомесечия рецедирует ежегодно на 11 дней или в каждый месяц почти на один день, дата новомесечия должна пройти в 21 европ. месяц чрез каждые два или три года. При сем прохождении имеет место синодический месяц (lunation), которым восполняются совершенно условия китайского вставочного месяца. По вычислению г. Фритче, за двадцатилетие с 1880 и по 1900 гг., вставочные месяцы приходятся на годы 1881, 1884, 1887, 1890, 1892, 1895, 1898, 1900, это китайские високосы в 384 дня, так как прочие имеют 355 дней каждый. В дополнение к сказанному в § 68, предлагаем самые таблицы времясчисления китайцев, а при конце следующего § 69 чертежи полные систем Фу-си, Вэнь-вана, Шао-яу-фу, Скалигера, китайских буддийских календарей древних и новых, (табл. VI – см. стр. 589 оригинала).

Свидетельства китайских источников о существовании оногo в древности: 1) места из И-цзина о периодическом повторяющемся совпадении седмиричного периода между V и XI-м месяцем и обычай празднования в течение 7 дней солнцестояния; 2) упоминание 7-го дня «Да-ян-сань-вань-жи» на несторианской таблице VII в. в пункте соотв. воскресению; 3) Самые названия сего дня «Ми», ми-жи, у китайцев подтверждают тоже, происхождение семидневного периода и образования у египтян, евреев, в западной Азии; значение семипланетной недели древних халдеев и переход к грекам, римлянам. тевтонцам, соображения о том по Диону Кассию и Плату; употребление седмиричного числа в разных случаях и комбинациях у китайцев. – По исследованию Уайля (A. Willie) на основании альманахов 1740 г. известны: а) запретные дни, высчитываемые по совпадению созвездий (суббота) и Ми и Цай-и – время, кройки одежды, день Ми или Жи (в созвездиях фан, суй, мао, син) указывающий на субботу, согласен с планетной неделей 28 созвездий; б) Ци-чжэн или 7 планет, соответствуют 7 звездам Ursa Major и Ми есть *dies Solis* (т. е. воскресный); в) о согласовании 28 созвездий с днями существует рассуждение в 1 кн. Е-гэ-бянь-фан-шу, периодически семь раз повторяющиеся одни и те же знаки в цикле 60 (Цзя-цзы) образуют как бы неделю; комбинация 7-ми планет с 28 созвездиями образует тоже седмиричное число и каждой планете усвоены свои созвездия. – Словоупотребление для солнца кит. жи, перс. яусюнь-ву, индийск. А-ни-ди-я, уйгуров kün, в азиатск. языках му, bif, тиб. нима, и проч. наречиях. Все сии факты приводят к понятию о дне, соотв. воскресению, изыскания Готамсиды VIII ст. в его сочинении «Ци-чжи-лэ» и китайское издание «Кхай-юань-чжень-цзин», подтверждающие семипланетный цикл и регистр дней им соответствующий в недели; подтверждение того же в сочин. «Ху-гэ-бянь-фан-шу». – Свидетельство Диона Кассия о планетной неделе, мнение Био о распространении оной на Востоке, и отзыв Гумбольдта о согласовании часов с планетами, Planetarium Скалигера и его начертание соответственно семи дням и периоду (Таб. VI, р. 7). – Объяснение дней недельных у Лептрония, по коему на каждый знак зодиака приводятся по три планеты, киргизско-тюркский зодиак 12 животных, подтверждающий это распределение, усвоение у римлян христианами и скандинавами планетной системы в днях недели, происхождение оногo от халдеев и индусов, греческие часы ѱра указуют тоже на планетную систему, разные обычаи и предания у народов вообще говорят в пользу древнего семидневного и седмиричного периода и даже во времена доисторические. – Прочие факты созвездий Цзуй и Цзан в установлении дней и парные сочетания 23 созвездий с 7 планетами, – Цзуй соответствует всегда день Си, случаи новолуний и ущербов, способ определенногo вычисления совпадения созвездий и узнавания времен. – Доводы П. Смита, что под «Да-яу-сань-вань-жи» надписи несторианской в Китае, разумеется суббота, по-сирски Sham-bun, но вернее, что это воскресенье, по-персидски Yaksabah (Sanbach – день, як – первый), это же слово упоминается и на несторианской таблице в смысле великого воскресения (813 г.), вычисления китайского ученогo, Лэ-шен-ляна указывают, что день этот был субботный, в смысле времени великого покоя в конце недели; по изысканиях Эдкинса о днях недели у вавилонян, и сравнении с другими народами Азии – соблюдалась суббота и этот факт доказан наукой. – Вставочный месяц вавилонян имеет седмицы с соблюдением субботы, совпадения оной с *dies candidus* римлян, у халдеев – уит unbattur (день возгласения, день сердца), у народов восточных, китайцев и персов это – «день счастливый»; значение Северной Медведицы в определении времени года по замечанию о. Иакинфа. – Объяснение Эдкинса «счастливого дня» – «ци-жи» китайский, по книгам Хань-шу, китайским календарям, народному обычаю и приметам; семидневные периоды по книгам И-цзин; обычай князей праздновать день прибытия в зимнее солнцестояние, или 1-й день периода семидневного и праздничного, по кн. Ли-цзи – день уединения, покоя; объяснение семидневного периода по 64 знакам «гуа» по системе Шао-яу-фу, и по кн. Ли-цзи 7-й день – праздничный, 7 праздничных дней Танской императрицы, объяснение дней недели Вэй-Шеу и седьмого – в особенности; вывод известий о праздновании 7-го дня в Китае. – О соотношении дней недели к циклу XXVIII созвездий: названия некоторых в кн. Яо-тянь (фан, суй, мао, син), расположение по 7 созвездий в четырех группах по пунктам горизонта (дракон = В., черепаха = С., тигр = З., птица = Ю.), и совпадение дня воскресного с фан, суй, мао, син, влияние распределения дней в

вавилонской и индийской неделе на другие народы и в Китае до Р. Х; особенности распределения 5 элементов в астрономическом цикле, начиная с севера, с дня зимнего солнцестояния во времена Ян-сюна; значение прецессии в цикле Цзя-цзы и перемены в исходных начальных знаках при императорах Хань и в кн. Ши-цзи, замечание в кн. Дай-сюань-цзин, что в 104 г. до Р. Х. и в момент самого Рождества Христова было созвездие Девы, кит. Нью, и что цикл XXVIII созвездий служил проверкой древней системы деления года и недели по 5-ти элементам. – Принесение буддистами в Китай индуистской недели с применением 28 звезд дневных и совпадение некоторых из них с нашим днем воскресным, усвоение сей системы в Китае и ослабление пятидневного прежнего счисления; расположение элементов на календаре, найденном в 73 г. по Р. Х, и сравнение сей системы с системою «па-гуа» и 64 прочих знаков. Приложение. Пояснительная таблица (№ VI-й), содержащая начертание: 1) «Па-гуа» и 64 знака в круге по частям; Шао-яу-фу: 2) древний китайский календарь с циклами XII часов, XII знаков зодиака, XXVIII домилиями луны; 3) и 4) новые китайские круглые календари с разными циклами; 5) и 6) схемы буддийских календарей с Буддами и прочими богами; 7) planetarium Скалигера с означением 7-ми планетного-недельного цикла; 8) система Фуци с начертанием 8-ми элементов; 9) Индийский зодиак с начертанием 7-ми планетного цикла и XII знаков зодиака; 10) Монгольский компас с означением 8 пунктов и элементов; 11) положение северных созвездий Большого Медведя и Малой Медведицы около полярной звезды в течении четвертой года

За недостатком у китайцев современных в календаре годичном употребления седмичного периода – недельного, играющего важную роль у народов христианских восточных и западных, в годе церковном и гражданском, помещаем особенное исследование о сем важном предмете, на основании ученых изысканий европейцев и самых источников китайских. Существует одно место, встречающееся в книге перемен, составляющее часть изречения из Вэнь, перевод которой с пояснением относящихся слов приводят к следующему выводу: Фу (Fuh) есть начертание XI-го месяца, в котором встречается и зимнее солнцестояние, период к которому также относится и возрождение восходящего начала Ян, совпадающего с сим месяцем. Им замыкается и год, когда совершается над преступниками казнь и затем день начинает становиться длиннее. В V-й месяц возвращается начало Инь в летнее солнцестояние, и расстояние между им и XI-м месяцем могут быть признаваемы, по тому же вероятно, периодом из семи частей, слагающих длинный космический год, приближающийся к астрономическому году. Такое совпадение может быть объясняемо только уяснениями причины постоянной встречи седьмого дня, намекая в тоже время на семь дней как восполняющие отчасти решение слова. Ученые замечают также, что и в память человек приходит только чрез 7 дней. Тоже согласование можем усмотреть и в пространном выводе о Тянь-ли – или Божественном Провидении, и таким образом – установить гармонию между силами неба, земли и человека. Другое годовое или полугодовое наблюдение над возвращением двух периодов солнцестояния, замечается в другом месте у того же классика.

«Древние государи приказывали, чтобы в дни солнцестояний заканчивались всякого рода работы и прекращалась торговля, над чем строго должны были наблюдать князья, каждый в своем владении». Однако ж Regis и другие думают, что это место должно быть объясняемо в отношении к другому периоду времени. Один шотландец в проповеди, произнесенной в Гонконге, старался убедить, что в приведенном месте указывается на несомненный остаток сохранения первобытной субботы в Китае, а потому, выводит заключение о своевременной правильности и необходимости празднования воскресного дня в Китае, – с другой стороны, в пользу сего говорят иероглифы китайские, встречаемые на таблице несторианской VII в. – «Да-ян-сань-вань-жи» и относятся к субботе. Есть другие следы семидневной недели, кроме указанных случаев китайским суеверием, коими в медицине объясняется священный характер седьмого дня в древние времена. Сюда в особенности относится строго соблюдаемый по похоронному обряду обычай задерживания тела без погребения на земной поверхности в течении семи дней; погребение тела покойника в костюме времен Минской династии. Д-р Шмидт, в объяснении несторианской таблицы слов сань-вень (суббота) находит древние звуки Sham-bun – Шам-бунь. Наиболее замечательная особенность встречается в издании Императорского Альманаха, опубликованного в Цзюань-чеу-фу, и общеупотребительного в Амоэ и всей прилегающей стране; христианская суббота неизменно отмечена иероглифом Ми – Mih (по амойскому произношению bit), что значит «тайный», «спокойный» или «молчаливый». Достоин замечания, однако же, то, что иероглиф означавший Ми, ставится в кит. альманахе на странице

с ежедневными элементами дурных предзнаменований, указывающих на несчастье всякого рода дел предпринимаемых или совершаемых в сие время. С другой стороны, словом *Ми-жи* – *mīh jīh* – означает остаток времени, конец, когда, по общему поверью язычников, не должно ничем заниматься. Время введения дня, в этом именно смысле очень древнее и никто из ученых китайцев с точностью определить не мог; говорят только, что так введено с времен незапамятных. Самое отведение в эту категорию дней несчастливых противоположно дням счастливым указывает на глубокую древность. Думать же, как попинают некоторые, что этот обычай введен иезуитами, нет основания потому, что они являются в Китай в позднейшее время, сравнительно с помянутым альманахом. Замечательно еще и то, что день совпадения *Ми-жи* приходится не на еврейскую субботу, но на христианское воскресенье. Возможны два объяснения. *Первое*, что первобытная суббота была тоже, что христианское воскресенье, видоизмененное противоположно синайской субботе и реставрированной Христом и апостолами; положение – подтверждаемое многими учеными мужами; или *второе*, – что в течение веков, после того как *Ми-жи* сохранялось и усвоено в Китае, день мог случайно стать вместо другого; или – иезуиты, желая сличить и точнее определить китайский календарь с христианским, намеренно поставили один день впереди еврейской субботы. Дальнейшие рассуждения касательно сего вопроса могут быть двояки; или должно объяснять происхождение *Ми-жи* в Китае из *Западной Азии*, или из *Египта*. В первом случае должны допустить субботу первобытную еврейскую, согласующуюся с Библейским повествованием о шестидневном периоде творения, и подтверждаемую многими местами из книг В. Завета. (Быт. 29:27). Мы думаем, что вообще *семидневный период* времени существовал у многих народов в разных частях мира и наиболее сохранился у евреев. Фактически, неделя носит все признаки глубокой древности. Она доказывается именами дней недельных, которые содержатся и в именах богов тевтонских народов, проникших на север Европы из других частей мира. Имена в них встречающиеся суть эквиваленты: *dies Solis*, *dies Lunae*, *dies Martis*, *dies Mercurii*, *dies Jovis*, *dies Veneris*, и *dies Saturni*; по другим наименованиям, дни нашей недели посвящены семи планетам, в число которых включались у древних солнце и луна. Каким же способом образовалась неделя у наших северных предков? И была ли она употребительна у греков и римлян в древнейший период? Римляне имели семидневную неделю еще до христианства. В свою очередь римляне, по всемирному их значению и сношениям могли получить её у халдейских астрологов, а отсюда могли заимствовать и тевтонцы. Могло быть, что европейская неделя образовалась из *древнепланетной халдейской*, времен язычества. *Dio Capius* (Cassius?) писавший около III-го столетия по Р. Х., делает объяснение, начертанное по халдейской астрологии, что порядок нынешнего значения дней недели был насколько можно сроден с названием планет. Он говорит, что, располагая планеты в египетском порядке, получаем: – Сатурн, Юпитер, Марс, Солнце, Венера, Меркурий и Месяц, и назначая для них ежедневно по 24 часа, в последовательном семеричном порядке, замечаем, что Сатурн согласуется с первым часом дня, Солнце согласуется с 1-м третьего дня, Марс с 1-м четвертого дня, и т. д. Кроме сего, Дио замечает, что халдеи имели свой порядок расположения дней, нежели какой существует у древних египтян, и что впоследствии, однако ж, усвоенный в Вавилоне, был применен к вавилонским же понятиям. Этим мы желаем сказать, что неделя у Дио начиналась с субботы (Saturday) вместо воскресенья (Sunday); могла произойти конечно и перемена только тогда, когда христианское влияние оказалось преобладающим и когда была введена иудейская неделя, в которой воскресенье (Sunday) поставлено первым днем. Мимоходом нельзя не заметить, что египтяне в древние времена не имели семеричного деления. Их месяцы состояли из 30 дней и делились на три раздела по 10 дней. Кроме замечаемого соглашения существовало и другое между семью днями недели и семью планетами; вероятно, что седмеричное деление также отчасти было основано на попытке делить лунное обращение на четыре равные части, в распределении, какое мы знаем было относимо к первоначальной стадии астрономии. Кроме сего, по исследованию ученых, семидневная неделя и доселе в общем употреблении у народов Центральной Азии. Следует отсюда вопрос: все ли китайцы имеют издревле свою неделю? Plath в своем исследовании *Cultus of the Ancient Chinese* (München, 1862), ничего положительно не отвечает на это, хотя и приводит одну выдержку, отчасти известную из *Ли-цзы*, в которой замечает, что в последней (degree) степени семи дней, строго соблюдалось воздержание, пред совершением одного великого жертвоприношения *в три или во все десять дней*. Не можем не остановиться и на особенном значении *числа семь*, употребляемого на разные случаи и предметы у китайцев

(Notes and Queries, 1867. Jun., vol. 3, p. 7). *Семь правителей* – *Ци-чжэн юэ жи ву-син*: понимаются семь отверстий у человека великих органов: 2 глаза – *эрр янь*; 2 ноздри – *эрр би цзы*; 2 уха – *эрр дуй* и рот – *коу*; также солнце, луна и пять звезд; *семь отверстий* мудрого сердца – *ци цяо*, сюда относятся великие органы; *семь страстей* – *ци цин*; *си* – радость, *лэ* – веселье, *ай* – печаль, *цзюй* – боязнь, страх, *ай* – любовь, страсть, *ву* – нелюбовь, *юй* – желание, вожделение; *семь звезд медведицы* – *ци-син-дэу*; *семь духов* – *ци по*; семиэтажная пагода; *семь детей* желаемых у новобрачной, *ци-цзы* – *семь законных* причин расторжения брака: *ци чу джи няо*; *семь струн* лиры – *ци сян-синь*; *семь затруднений* – *ци-цяо*; *семь глав Мэнцзы*; *семь критических дней* в лихорадке; *седьмой день* – *бао-ци*, и *семь недель*; каждый седьмой день, вообще с другими из 28-ми, поименованный в порядке после 20 созвездий – *су*, может быть означен иероглифами *фан*, *сюй*, *мао*, и *син*, хотя неисключительно составляет особенность китайского народа. В седьмой вечер седьмого месяца женщины совершают обычное поклонение. Известен медицинский термин – *сань-ци* – трижды семь – 21. *Семь знаменитых личностей* бамбуковой рощи – *чжу линь ци сян*; *семь рук и восемь ног* – *ци шеу па цзяу*, выражающие множество поваров, приготовляющих бульон. Известны также выражения – *ци жи лай фу* и *ци дао лунь хуэй* – которыми описывается окружность, время, или полное обращение, как совершенное в семь дней или времен.¹¹⁹

Уайль, в дополнение к сообщению и затронутым вопросам о субботе в Notes and Queries, посвятил другое довольно ценное и обстоятельное исследование; коснувшись факта о существовании субботы в Амоэ, он прежде всего обращает внимание читателя на ревизию альманахов 1740 года и говорит, что в *Си-сянь-шу* (Императорском Альманахе), *фу-дуань* заповедует запретные дни, *день (суббота) Ми* и *Цай-и* – кройка одежды, т. е. дни, высчитываемые по совпадению созвездий. При дальнейшем исследовании предметов мы убеждаемся, что метод избрания времен и определение их по 28 созвездиям зодиака заимствован из Центральной Азии, известной в Китае под именем *Си-юй* – *Западных стран*. Счисление это происходит от удвоения дней с созвездиями, теоретически подобных в *сюнь-кхун* (черной декаде) и *Лу-гун* – (столбец, белый путь), согласных с замеченными принципами. Так, день *Ми* отмечается в четырех созвездиях: *Фан*, *Сюй*, *Мао* и *Син*, которые соответствуют семи планетам, *Жи* – солнце, называется на языке западном – *Ми* – в смысле правителя господ радостных событий, так что в Китае погребение и положение тела на кладбище в эти дни избегается и отлагается до другого времени. Замечательно также, что в центральной Азии двадцать восемь созвездий распределяются с их вращением сменой *семи планет*, к которым подводятся и самые дни; каждому дню усвоены такие предметы, действия и свойства, которых не встречаем в других днях; но в этом усматривается и полнейшая разность с китайским собственно распределением времени и обычаями. Самое усвоение поэтому и дня *Ми* совершенно остается бездоказательным. Также точно малоосновательно допускать и то, будто тринадцать дней отмечаются созвездиями; *Цзе* (Kio), *Кан*, *Фан*, *Доу*, *Ню*, *Сюй* (Hen), *Би* (Peih), *Куй* (Kwei), *Лоу* (Low), *Гуй*, *Чжан* (Ching), *И* и *Чэнь* (Chin), и что они следуют за днем «кройки одежды». Оба мнения должны быть приняты. Заметить следует, по отношению семи планетам, что по-китайски она называются *Ци-Чжэн* – *семь правителей*, царей, владык, – наименование применяемое к Солнцу, Месяцу, Меркурию, Венере, Марсу, Юпитеру и Сатурну. Некоторые ученые понимают, что под этим названием должно разуметься семь звезд *Ursa Major*, играющие роль у астрономов в их гаданиях. Из рассмотренного нами места видим, что день *Ми*, в действительности и научном употреблении соответствует воскресенью, *Sunday* (*dies Solis*); формальное подтверждение находим в альманахе, издаваемом высшим министерством в Пекине. В Амоэ, даже существует обыкновение а этот день совершать поклонение солнцу, по наблюдениям миссионеров. В объяснении обычного усвоения дня *Ми* в Китае, вообще приходится сказать, что он не туземный, но усвоенный извне, и что сочетание в правильной последовательности 28 созвездий с солнцем, месяцем и пятью планетами, принятое в обращении дней, согласуется в действительности с астрологическими суевериями более, нежели с астрономическими вычислениями. В 1-й книге *е-гэ-бянь-фан-шу* есть краткое рассуждение об этом предмете, и которое исключительно согласовано с вопросом относительно седмичного деления времени, а потому находим полезным дословно изложить самый перевод сего места: «О согласовании двадцати восьми созвездий с днями».

«В записках изысканий говорится: так как дней шестьдесят, а созвездий двадцать восемь, то следует, что четыреста и двадцать составляют полный цикл; отсюда же происходят и семи-

шестидесятый цикл. Первый день первого цикла – *цзя-цзы* начинается с созвездия Сюй (Heu), и Цзы, представляемого под Шу (Крыса), которая в свою очередь есть синоним Сюй (Heu). Первый день 2-го цикла начинается с *Куй*; первый 3-го есть *Би*; первый четвертого – *Гуй*; первый пятого – *И*; первый шестого – *Ди*, и первый седьмого – *Ци*. Когда исполнится седьмой цикл, ряды начинаются обратно с Сюй для первого дня, совершается восполнение и начинается далее также как и прежде. Но в какой именно год, месяц и день начинается первый цикл, требуется особое изыскание. Ныне солнце, месяц и планеты обращаются во все 28 домицилей (Stations – лунные стоянки, станции, гостиницы) при разных степенях скорости, каждое имело свой порядок преемства, соединения, уклонения, пертурбации, замедления, неподвижности, скрывания, обратного возвращения и неправильности. Если все это принять в соображение при вычислении хронологической эпохи, то в результате получится первый день шестидесятилетнего цикла, год, месяц, день и час. Солнце пусть будет в *Сюй*; месяц в *Вэй*, к пяти планет последовательно в *Ши*, *Би*, *Куй*, *Лю* и *Вэй*. Месяцем непосредственно обгоняется их грань; но можно ли напротив выводить искомый порядок, исходя из *Мао* до *Куй* (Huei), сквозь полное прохождение созвездий? Вследствие неправильностей небесных движений, известные определенные домицилии (Stations) могут быть пожалуй устанавливаемы согласно принципу крайней нелепости. Откуда иначе объяснить на практике удвоение и сочетание (pairing) семи планет с 28 созвездиями? Конечно, экстенсивно мы можем перебирать все книги, изысканные по порядку должного объяснения касательно сего предмета, но без успеха; не принесет даже пользы и сочинение «*Западных классиков о счастливых и несчастных днях, часах, и доброго или дурного предзнаменования планетах и созвездиях*». Из него мы узнаем, что в стране, где незнакомы с десятичным или двенадцатеричным циклом, все дни подводятся под 28 созвездий; семь планет комбинируются с созвездиями в таком же порядке, как десятичный комбинируется с двенадцатеричным циклом; несомненно, что эти планеты встречаются в соответствии с созвездиями. В приложении сих правил, планета и созвездие, под которыми человек получает жизнь и охраняется в течении её, должен и умирать под той же роковой звездой. На том же основании, той или другой планетой и созвездием объясняется известное происшествие, а при тех или других их переменах определяется самое влияние – то доброе, то дурное. По степени уклонения или согласования с предметом гадания, определяется даже тот или другой характеристичный признак созвездий и планет. Так, по крайней мере, принято у китайских астрономов; созвездия: Сюй, Мао, Сан и Фан принадлежать к Юэ – *Месяцу*; Ши, Куй, И, и Вэй – к Хо – *Марсу*; Би, Чэнь, Цзан, Чжан и Ци – к Шуи – *Меркурию*; Гуй, Цзин, Цзе и Доу – к Му – *Юпитеру*; Лю, Гуй, Кан и Ню (Бык) – к Цзин – *Венера*; а Вэй, Леу, Ди и Нюй (Дева) – в Тху – *Сатурну*. Кроме того каждый язык имеет свои собственные названия. Для примера берем слово *Солнце* по-китайски *Жи*; на языке уйгуров оно – *Ми* (Mih): на персидском *Бо-сы*, оно – *Яу-сюнь-ву*, на индийском Тянь-чжу зовется *А-ни-ди-я*. Подобное можем сказать о других языках. Исполнение и начинание слова семи циклов повсюду согласно с ним. В той же китайской книге, из которой заимствуем эти сведения, делается замечание о силе изложенного правила у народов западного Китая. Тоже правило помещено и в императорском альманахе, где отдельные дни шестидесятилетнего цикла распространяются на астрономический год, без их применения и усвоения к *Ань-цзянь* – (Мрачная Венера) и в духовном значении, вытекает из того же источника. Народы, при распределения в известном порядке времен года, пользуются обыкновенно астрономическими наблюдениями и приметами, а дням или вообще временам усваиваются те или другие циклические иероглифы. Тоже можно сказать о иероглифе *Ми*, хотя на языке уйгуров Солнце означает чрез «*Kup*» и тот же звук удерживается на прочих тюрко-татарских языках. Под влиянием исламизма, однако же, некоторые термины туземные видоизменились значительно и слово *Ми* или *bit* употребляется в разных азиатских языках. На диалектах бирманских слово Солнце сохраняет родственную близость так: на диалекте Marlu оно есть *Ми*, на диал. Pla – *Muu*, на диал. Pussuko – *Muta*, на диал. Moita – *Numit*. На туземном наречии дикого племени в Китае – Лоло родственном бирманскому языку, планета эта признается *Mo-cha*, на тибетском – *Nima*. На разных диалектах кавказских она имеет видоизменения: Buk, Baak. Barch, Barje, Beri, Milch, Marra, Match, Mitchsi, Mitli; на финских диалектах: Beiwass, Chipass, Paiw, Pawane, Paw, Peiwaz, Peiwe, Pewen, Poiwa. На *афганском* языке – *Nmar*; на языке грузинском и родственных ему – существуют слова: на мингрельском – *Rsha*; семитическом – *Mij*; грузинском – *Mse*. В семитических языках, еврейском – *Shemesh*, арабском – *Shems*. В Индии элементарное понятие солнца *Анидития*, и вместе божества им управляющего. Это слово употребляли в астрономических трактатах до XVI ст., им

означалось и воскресенье Sunday. В *Aysel Akbery*, очерк Индии, писанном императором Акбаром, содержится начертание дней недельных, употребительных в его стране, и где *Additia* означая Солнце, поставлена в дне воскресном (Sunday). Несомненно, что более древние данные в объяснении недели, должно искать не в китайских источниках, но у других народов, влиявших на китайскую культуру: таковы *индийцы и халдеи*. Одним индийским миссионером – *Готамсида* сделан был в VIII столетии, по императорскому повелению, перевод с древне-санскритского астрономического рассуждения, известного в китайской литературе под заглавием: *Ци-чжи-лэ*. Рассуждение это более астрологическое, чем строго астрономическое, говорит о недельном периоде времени, как наиболее принятом и распространенном. В 733 году, по свидетельству его, существовали три системы: *Лин-ди* – наиболее древняя, *Да-янь* – новейшая и изобретенная буддийскими жрецами и астрономами *И-ин*; наконец – *Ци-ши* (*Kewchih*).

По строго критическом рассмотрении этих систем оказывается, что *Да-янь* правильна в семи или восьми случаях из десяти, *Лин-ди* – в трех или четырех, и *Цзеу-чжи* (*Kew-chih*) только в одном или двух. Следствием было то, что последняя система совершенно отвергнута, хотя об ней и говорится во многих китайских сочинениях, а самый перевод уцелел только в астрономическом отделе времен Танской династии. Перепечатанное с сего сочинения китайское издание известно под заглавием, «*Кхай-юань-чжень-цзин*» – но очевидно это типографская ошибка. В первой главе перевода *Готамсида* высчитывается количество дней, истекших от взятого какого-либо произвольно, лунного четверга, день шестидесятигодичного цикла и день недели, или день *ци-юэ* (*Tseih yueu*) семи планетного цикла. Например, кроме разделения целого числа на 7, получается остаток 5; а в объяснении применения сего правила это число и название дней располагаются в следующем порядке: 1. *Ин-хуо* = Марс = *dies Martis*. 2. *Чэнь-сю* = Меркурий = *dies Mercurii*. 3. *Суй-син* = Юпитер = *dies Jovis*. 4. *Дай-бу* = Венера = *dies Veneris*. 5. *Тянь-син* = Сатурн = *dies Saturni*, который и есть искомый день. (Движение сих планет см. в рисунке Инд. Зодиака Табл. VI – см. стр. 589 оригинала). В одном японском сочинении изд. 1810 г. есть заметка, касательно индусов, что и их *регистр дней составлен по семи планетам, но отнюдь не десятичного цикла*.

Приводимое совпадение в порядке планетных дней нашей недели, также подтверждается и сочинением «*Ху-гэ-бянь-фан-шу*» (*Hu-ke-reen-fang-shoo*) и почитается очень замечательным; не столько важен сопоставленный порядок, согласный с индусской астрономией, сколько иная система астрономической летописи. Для объяснения она нетрудна. Затруднение заключается лишь в выборе между различными предлагаемыми решениями. Все однако же писатели об этом предмете ссылаются на Диона Кассия (*Dio Cassius*) жившего в III веке по Р. X., как на авторитет наиболее древний (см. *Humboldt. Cosmos. Vol. 4, p. 412, Bo'nhs edit*). Он пишет, что «обычай наименования дней по семи планетам впервые был усвоен египтянами, и не с очень давнего времени, и что перешел к ним от других народов преимущественно римлян, сношения с которыми велись у Египта издревле». Biot заключает на приведенные слова так: «У Египтян, несомненно, существовали астрологи и философы новой александрийской школы, много содействовавшие оживлению и распространению отвлеченных теорий Платона и Пифагора... Наверное можем утверждать, что многое ими проповедуемое усвоено было от халдеян; хотя положительно и не можем доселе собрать всех точных сведений о степени усвоений тех или других астрологических учений; предмет этот доселе один из самых темных» (*Études sur l'astronomie Indienne, pp. 98, 99*). Дион Кассий, в разъяснении названий дней недели предлагает две гипотезы. Одна изложена в приведенном рассуждении Goodwin'a (в *Notes and Queries vol 4, p. 77*). Она несколько ошибочна, а потому считаем за лучшее воспроизвести страницу из Гумбольдтова Космоса. Он говорит: «Если считать часы дня и ночи от первого (*rue dav*), и приписывать Сатурну, то будут далее следовать час Юпитера, третий – Марса, четвертый – Солнца пятый – Венеры, шестой – Месяца, всегда начинающиеся снова от самого начала; должны согласиться, что и все 24 часа вместе взятые, будут следовать друг за другом так, что первый час следующего дня будет совпадать с солнцем, первый третьего – с Месяцем; кратко сказать, первый час того или другого дня совпадает с планетою по которой поименован самый день» (*vol. 4, p. 415, Cosmos*). Планеты здесь размещены в усвоенном порядке их расстояний от земли, как центра системы. Объяснив, что такое применение имен планет было неизвестно в Риме в дни Цицерона, Biot продолжает: – «Но, двумя столетиями позднее, Дион Кассий представляет сии суеверные соотношения как уже получившие силу у римлян, хотя и явившиеся извне; два предмета в объяснении их происхождения считаются вполне достаточным ключом.

Сюда относятся выражения под формою философскою, представляющею сочетания соотношения между частями времени и порядком звезд, коими регулируется их преемство; комбинируя таким образом, по строго математической концепции, гармонию небесных движений с гармоническими интервалами музыки, находим, что с ними посредством их два великих предмета воображаемых созерцаний, передаются александрийскими нео-пифагорийцами их преемникам по философии. Такова например двойная тайна, объясняющаяся просто, при внимательном рассмотрении прилагаемой фигуры, которую заимствуем, отчасти исправленную у Скалигера, из его сочинения (*de Emendatione temporum*, кн. I, р. 8). Хотя самый источник, откуда заимствована эта фигура, неизвестен (см. рис. на особенной таблице № VI-й).

Раздели окружность круга на семь равных дуг частей, представляющих части седмихорда (*Heptachord*). В пунктах деления помести знаки солнца, месяца и планет, в вышеуказанном порядке. Сочетай эти точки четыре и четыре непрерывным рядом хорд, отделив каждую пару интервалом из четырех. Вписав в эту фигуру первый день солнца, и исходя из сего пункта далее в непрерывном ряде хорд, в направлении, указанном стрелками, посредством сего можем идти по хордам от одной планеты к другой, в следующем порядке: Солнце, Месяц, Марс, Меркурий, Юпитер, Венера, Сатурн, соответственно каждому дню недели, и которые в IV ст. христианства назывались *богами дней*. (*Études sur l'astronomie Indienne*, pp. 99–101).

Третий способ объяснения имен дней недельных предлагается у *Летрония*, так: – «о размещении какой-либо из трех планет над знаком зодиака», отделив эти планеты друг от друга, чтобы в каждом из знаков была одна из трех, получится последовательный ряд планетных дней недели (*Virgo*: Солнце, Венера, Меркурий; *Libra*: Месяц, Сатурн, Юпитер; *Scorpio*: Марс, Солнце, Венера; *Sagittarius*: Меркурий и проч., которые к могут служить образцом для первого из четырех дней неделя: *Dies Solis, Lunae, Martis, Mercurii*). (См. *Cosmos*. Vol. pp. 415–416). Теория эта кажется поддерживается и укрепляется очевидностью древнего греко-киргизского зодиака, хранящегося в Лувре в Париже. Из взаимного сопоставления приходим к убеждению, что китайский цикл 12 животных заимствован от киргизов тюркского племени, близко родственного уйгурам (*Вань сянь тхун кхао*, кн. 348). Весьма возможно, что они могли получить только астрологические гадания и знания из того же источника (?). Как известно, вышеприведенные понятия в отношении разделения времени, были повсюду распространены в римской империи в III стол., когда разные народы усваивают христианство и Церковь, постепенно устрояясь, пользуется даже языческой номенклатурой, настолько укрепившейся в силу привычки и обычая, что остается и доселе господствующей. Тевтонский и скандинавские народы, усвоившие ту же практику до принятия христианства, замещают римских богов с своими национальными, удерживая только *Солнце, Месяц и Сатурн*. В англосаксонском – Марс заменяется *Дином*, соответст. Tuesday – вторнику, вместо Меркурия ставится Водин или Один для Wednesday – среды; Юпитер – Тиром для Thursday – четверга; и Венера – Фриггой, для Friday – пятницы. Бюот однако же отвергает халдейское происхождение недели, как вращающейся на семи планетах. Гумбольдт выражает тоже сомнение, хотя его заключения менее доказательны, но, с другой стороны, Goodwin более авторитетно убежден, что халдея служила местом колыбели сего института. Цикл этот встречается также в астрономических рассуждениях индусов, но ни один из них, даже самый древнейший, не имеет такого значения, как принятый от римлян и греков. Значительная часть слов в индусских книгах указывает на заимствования с греческого, напр., название часа – *hora* – греч. ὥρα, заимствовано из семи планетного цикла; таково же и суточное деление на 24 часа. Даже в китайских переводах из индийских книг удержаны некоторые греческие слова, напр. Лэй-ту (*Leih-to*) с санскритск. *lipta*, по греч. λεπτον – «минута» – часть градуса degree (см. Whitney's notes on the Surya-Siddhanta). Сверх сего должно заметить, что индусы владели этим циклом до христианской эры, и что оправдывается неопифагорейским происхождением теории, или путем возможным заимствования оной у халдейцев. В позднейшие времена только, как кажется, китайцы могли получить от индусов наиболее употребительные имена планет в переводе. Отсюда мы имеем два различных русла, по которым наша неделя вводилась в сознание китайцев, еще до прибытия первых римских миссионеров; одно русло из Индии в VIII ст. и ранее, а другое – от уйгуров, которых должны мы почитать несколько позднее. Хотя строго документального доказательства и не имеется, но можем утвердительно думать, что это совершилось ранее XII столетия. О другом источнике требуется изыскание археологическое, а потому не можем сказать ничего утвердительного. Хотя иероглиф *Ми* и встречается в печатном альманахе, но им одним не можем ничего сказать положительно верного в объяснение предмета.

О древности наименования семидневного периода можем судить из установлений Моисеевых; знание же зодиака в 28 созвездий у азиатских народов, имеет по истине высокий характер и основывается на четырехседмичном планетном делении года, или точнее – *зодиака*.¹²⁰ Нельзя не заметить только, что четыре созвездия, приписываемые воскресенью (Sunday), суть относительно центры для четырех групп; и как центр, помещается всегда *после часа в Kumaе*, вероятно и в других частях Азии, то не без основания эти созвездия имеют связь в теории с солнцем Подобное должно иметь в виду и в гептахорде приложенного ниже рисунка, вышеупомянутого (табл. VI).

Другой article мемориала и введении в *Hu-Ke-peen-Fang-Shoo*, посвященный обзору сего цикла, упоминает о фактах несколько интересных; – в порядке преемств 28 созвездий, судя по каталогу звезд и уранографии, оригинальное созвездие Цзуй (Tsuy) было прежде, и Шэнь (Tsan) после. Когда день *Си*, при определении времени, совпадает с созвездием Цзуй, то им устанавливается самый день. Астрологами при сочетании (pairing) 28 созвездий с 7 планетами принят следующий порядок: Солнце, Месяц, Марс, Меркурий, Юпитер, Венера, Сатурн. Цзуй принадлежит к Марсу и Шэнь (Цзан – Tsan) к Меркурию, как определяемые древним порядком преемства. *Син-фу-суань-Шу* (астрономический Thesaurus) на которое часто ссылаются Лонгобради, Теренций, Ро, Шаан и другие, издан был в конце Минской династии, под императорским покровительством. Автор сего сочинения, полагая звезду впереди от Tsan как определяющую, ставит Tsan прежде и Цзуй – после; так что созвездие Цзуй приходит в связь с днем *Си*; но астрологи думают, что Меркурий и Марс переставляются. Мы знаем, что определители созвездий, суть как бы выборные люди, содействующие аккуратности вычислений с прочими данными. Наоборот, когда встречаются из семи планет, *Лоу* (L-how) или *Rahu* и *Ketu*, то первым означает по санскр. *восходящий узел* (на прибыли) месяца и вторым *нисходящий узел* (на ущерб); они ставятся на местах, в Императорском альманахе, указующих на возрастание или ущерб месяца. Издревле – Rahu считался *узлом восходящим*; но Sin-fa-swan-shoo отмечает его узлом нисходящим. Астрологи считают Rahu принадлежащим Марсу, и Ketu – Сатурну; говорят поэтому, что они переставляются. Ныне мы убеждены, что в действительности в Rahu и Ketu не должны искать особых звезд; иных мнений и вычислений мы допускать не можем. Оба эти предмета, с другой стороны, должны быть исправляемы и проверяемы согласно древнему образцу. Писатель об этом замечательном пункте приводит курьезное обстоятельство, имеющее связь с вопросом о зодиаке, т. е. перенесении двух созвездий, и всего недельного порядка планет, служащее свидетельством об оригинальной последовательности сих созвездий. Чтобы удобнее уразуметь самый порядок, необходимо замечать, что 28 созвездий могут быть измеряемы посредством одной какой-либо избранной звезды, от которой, как определяющей, и расстояние от прочих разнообразится, смотря по степени отдаления или приближения к экватору; при таком экстраординарном способе требуется, чтобы целое искомое не превышало тринадцати градусов (degree) и чтобы было не менее одного из них, и при самом несогласии всегда возрастающим. В 3-м millenium прежде христ. эры (2357 г.) мы встречаем меру Tsuy – Цзуй, которая была 2° 42', 24", но при постоянной вариации имеет место в косвенном (obliquity) уклонении эклиптики, и круг уклонения также по необходимости подвергается постоянной перемене. По этой причине кажется, что круг, в котором определителем ставится Цзуй – Tsuy (Δ Orionis), в действительности пересекается кругом с определителем Tsan (Δ Orionis) около XIII ст. по Р. Х.; вследствие сего и время Tsuy формально являющееся впереди Tsan, падает на 1800 г. по Р. Х.; в действительности под 31' 59" начинается последний, с сего момента останавливается, и более не идет дальше.¹²¹ Такова вкратце характеристическая неуступчивость народа, свидетельствующая о глубокой древности сего астрономического установления. Замечательно также большое совпадение числа семидневного в народных обычаях, обрядах, суевериях и преданиях туземных; тоже подтверждается и свидетельством из И-цзин, указывающим на вероятные остатки древнего соблюдения семидневного периода и может быть субботы, во времена доисторические; подтверждением чему служат сами предания у туземцев и упорство в сохранении сего обычая.

Сделаем еще несколько замечаний: д-р Портер Смит, занимавшийся рассуждением об означенных предметах, заключает такого рода сообщением о них: «Можно заметить, что под иероглифами *Да-яу-сань-вань-жи*, встречающимися в несторианской таблице можно разуместь указание на субботу». (Notes and Queries, vol 4, p. 16). По всей вероятности Смит, хотел здесь сказать, что несторианская *сань-вань* – суббота, была перифразисом сирской *Sham-bun*. Для нас

важнее обратиться к сличению индийского и уйгурского воскресенья, по всей вероятности занесенного христианами. Несторианские миссионеры, будучи выходцами из Персии, не могли не вносить много в своей проповеди и слов персидских. Так напр., слово *яу-сань-ву* настоящее весьма несходно с несторианской таблицей, но оба выражают один звук *Yaksabah* – персидское слово, означ. воскресенье. Справедливо заключить можно поэтому, что *Shambun* есть испорченная суббота, *Sabbath*. Слово *Sanbah* вообще значит «день»; *Yak* – один; *Yaksanbah*, як-сан-бах – *первый день*, *Dusanbah* – второй день и т. д. Такого решающего значения простой этимологии. Другое подтверждающее доказательство получаем из хронологии. На каменной несторианской таблице 781 г. по Р. Х. значится: «Во 2-й год Цянь-Шунь (по Р. Х. 781), в 7 день 1-го мес. в начале великого *Yaksanbach* (воскресенье, Sunday)». Ныне, по указанию De-Torgan'a «Book of Almanacs», известно, что день этот был 4 февраля 781 г. (старого стиля) и что день был действительно воскресенье, новомесячие, и что год падал на январь 20 числа; но когда он стал называться «*Великим Воскресеньем*» – неизвестно. По нестоящему церковному ритуалу, это будет 5 воскресенье после *Epirhanu*. Но праздник Богоявления, как известно впервые встречается в 813 году и вероятно эпитет этот относится к нему. Объяснению вопроса помогает близкое знакомство с несторианским календарем; возможно также производить из названия и означения в китайском году, где начало месяца и недели падает на первое воскресенье. По исследованию, важному в китайской математической хронологии, *Лэ-шен-ляна*, профессора математики в китайском пекинском коллеже, (1855 г.), день этот падает на воскресенье. Несомненно то, что один день из семи в Китае составлял особый прибавляемый (day of rest) или субботный день, на что указывает и древний обычай. Наиболее древним источником из классических китайских книг должно почтить *И-цзин*, по части разрешения вопроса о недельном периоде времени и древней субботы. Пользуемся по сему предмету исследованием I. Edkins'a (в *The Chine Review* 1886 г. vol. XIV, № 6). Сущность оного заключается в том, что как вавилоняне имели неделю из 7-ми дней, в числе которых один был посвящен покою и прекращенью обычных занятий; также точно должны понимать и те места в *И-цзин*, где говорится о том же предмете. *Не только у евреев китайцев, даже у всех азиатских народов и Вавилонян, соблюдалась суббота; это факт, в настоящее время признанный наукою несомненным.*

В вставочном месяце вавилонян в дни 7, 14, 19, 21 и 28 соблюдалась суббота. Mr. W. St. C. Boscawen пишет, что 7, 14, 22 и 28 дни астрономического происхождения, хотя выбор 19 дня как первого и подлежить сомнению. Он объясняет происхождение 49 дня от начала предшествующего месяца, т. е. 30 и 19, или 7 времени седмицы, а халдейский месяц определяет в 30 дней. Он также упоминает, что *dies candidus* «белый день» римлян происходит от *yum ibbu* «белый день» халдеян, суббота также называлась *yum unbattur* «день возглаголения» или *yum nuklibbi*, день оставляемый для сердца, day rest of heart. У вавилонян о дне творения говорилось: «день седьмой определен днем священным и во время которого заповедано было прекращение всяких занятий» (H. Fox Talbot in *Records of the Past.*, vol. IX). У китайцев и народов восточных, эти дни, священные для вавилонян и евреев, просто считаются днями счастливыми. На одном памятнике в Хорсабаде читаем надпись: «в благознаменательный день счастливого месяца, в месяц Сиван, в день *ар*, *ар* (ap, ap), измерял я землю для основания и вылепил кирпичи» (*Records of the Past.*, vol. XI, p. 20). Обращаясь к народным древнейшим приметам и наблюдениям над некоторыми созвездиями, именно в Китае, замечаем, что в установлении точного периода времени, сообразно четвертям года (сы-ши), играет немаловажную роль *Большая Медведица, состоящая из семи главных звезд*. По сходству очертания основных пунктов созвездия с колесницей или хлебной китайской меркой, она называется также колесницею (чэ) или *Бэй-дзу* – северной меркой, а хвост её зовется *дэу-бин* – ручкою этой мерки. О. Иоакимф¹²² в одном из своих умных замечаний к переведенному тексту китайской книги *Сань-шу* говорит (стр. 35), что *когда хвост Медведицы обращен к востоку*, что бывает в 1-м, 2-м и 3-м месяцах (соответствуют февралю, марту, апрелю), тогда все твари возрождаются, и бывает *весна*; когда же хвост обращен к югу, что бывает в 4-м, 5-м и 6-м месяцах (май, июнь, июль), тогда все творения в цвете и силе; и сие время именуется *летом*. Когда хвост Медведицы обращен к западу, что бывает в 7-м, 8-м и 9-м месяцах, тогда все твари достигают зрелости; и сие время называется *осенью*. Когда же хвост её обращен к северу, что бывает в последних трех месяцах года, тогда все твари скрываются, и сие время именуется *зимою*. Обыкновенно народные наблюдения над положением хвоста Медведицы в ту или другую сторону, совершаются часу в 8-м и 9-м вечера. Вследствие этой же простой причины у китайцев времена

годовые отнесены к четырем странам света: весна к востоку, лето к югу, осень к западу, зима к северу. (См. табл. VI. рис. II-й).

Обращаемся к объяснению Г. Эдкинса. В кит. литературе мы часто встречаемся до сего времени с так называемым «счастливым днем» или ему противным, влияющими будто так или иначе на известные события. Первое время обыкновенно означает *ци-жи* в одах и связывается с молитвословиями. В *Хань-шу*, оно соединено также с постом. Из сего очевидно, что слово счастливый может быть эквивалентным в смысле издревле употребляемому китайскому слову *ци* с религиозным его значением; иначе, *ци-жи* есть день счастливый, благоприятный, религиозный, посвящаемый на добрые дела. Около 60 года по Р. Х., во времена Мин-ди, государь при введении буддизма в городе Лоане, по летописному замечанию, сказал, что «*сладостная роса снизошла с небес и красный гриб вдруг вырос пред императорским дворцом*». (*Polypogon lucidus*). Чиновники, заведующие жертвоприношением в храме предков, под клятвою записали об этом событии и самый день объявили благознаменательным и счастливым. Примеры такого рода фразы – «счастливый день» имеют связь с Богопочтением и самоочищением, и усвоены этому дню не только у буддистов, но соблюдались даже ранее у вавилонян, китайцев и индусов; «счастливый день» совпадает с субботним днем, или по крайней мере очень сходен с ним. Распространяющееся такого рода влияние особенно заметно со стороны египтян и вавилонян в древнем мире, в южных странах Азии и особенно в Китае, что *подтверждается и самыми народными верованиями и обычаями доселе сохраняющимися*. Заслуживает в этом отношении преимущественно народный китайский календарь, редактируемый ежегодно под управлением китайского правительства, и издаваемый частными лицами, и в коем на день *субботний и воскресный* за целый год приходится не мало указаний на благознаменательное время распределения занятий, обрядов и отдыха. Указания эти особенно ценны для проверки с древними, рассматриваемыми данными и новейшими о том же предмете.

Рассмотрим самые периоды семи дней, упоминаемые в И-Цзин. Первое встречается в Гуа, при повороте зимнего солнцестояния, как поясняют китайские толкователи; первая черта в ней – целая, пять других – все делимые. Текст говорит, что посредством их объясняется свободное движение и прогресс. Предмет получает выяснение вначале и при конце его. Друзья могут следовать ему безошибочно. Посредством его обращается и повторяется главное его направление и течение. В семь дней совершается поворот; сверх сего, от периода этого зависит самое счастье. Все туземные писатели при разъяснении сего текста руководятся понятием, что каждый месяц, имея свойственный ему Гуа, согласуется и в отношении XI месяцу так, как соответствует ему его Гуа. Приведенный отрывок текста, встречающийся у Легга, заимствован из достоверных комментаторов, как и другой appendix: «Гром над землею». Древние цари в «*день прибытия*» запирали врата, купцы не занимались торговлею; ленные князья прекращали надзор за вверенной их попечению страной. Объяснение этого «*дня прибытия*» относится к зимнему солнцестоянию и имеет за собою преимущество пред другими толкованиями. Можно быть уверенным, что запирание ворот и прекращение будничных занятий имело и религиозное значение. И в наступающее время, когда императором в храме неба приносится жертва, обычные занятия прекращаются. Однако ж, в тексте И-цзин о том же означенном предмете, выражение «*день прибытия*» заменяется *периодом семи дней*, из которых один наиболее чествовался. Не все однако туземные комментаторы согласуются в этом. Если 7-й день считать днем прибытия именно во время солнцестояния, то и объяснение наше – просто и верно. В Ли-цзи также говорится, что месяц зимнего солнцестояния был временем празднества и очищения, один из всех прочих посвященных на уединение. Нет сомнения, что обычай этот в Китае существовал со времен древнейших. У вавилонян и иудеев существуют и другие дни, сверх недельной субботы, которые также соблюдались и считались священными днями.

Как же понимать *семь дней* текста (и-цзин)? Некоторые полагают, что под сим должно разуметь интервал 23 Гуа и где один день приходится на 24; 23 Гуа состоящее из пяти раздельных линий внизу и полной линии сверху, означает землю и выше её – гору. Верхняя строка Бо (Po), 23 с шестью линиями Fu, и 24-мя составляют *семь*. Другие говорят, что день этот составляется из месяца и что от V-го до XI месяца существует *семь дней* подразумеваемых. *Шао-Яу-фу* распределил 64 Гуа в круге с 2 Куа-Кунь (Kwa-Kwun) на северном пункте, а Po и Fu на каждой стороне их таким образом (см. рис. стр. 574 оригинала). Здесь, под темными линиями разумеются полные шесть дней предшествующих зимнему солнцестоянию; тогда как светлые места означают шесть дней других им предшествующих; середина же просвета к низу

указывает на самое солнцестояние. Известно также, что верхняя линия Ро и шесть линий Kwan составляли семь дней. Мао-Си присоединяет, что 7 дней есть число, часто встречающееся в небесных революциях, и что полный семидневный период представляет некоторое затруднение. Встречаясь при этом с некоторыми трудностями объяснения текста И-цзин, приходим к убеждению, что под 7 днем должно разуметь недельную субботу.

Из другого рода наблюдений у древних китайцев над периодами из 7 дней, известно следующее. В *Ли-цзи* читаем: «Торжественный день (fast) для человека возвышенного, т. е. совершенного, ученого, добродетельного, состоит в простоте или единстве его цели, побуждающей его чистый ум быть всегда бдительным и деятельным. Вследствие сего, он празднует седьмой день как строго определенный для деятельности мысли, а свыше трех дней посвящает на приведение в порядок и исполнение всего, что было обдумано в этот день». Смысл празднования таким образом состоит в предупреждении вреда, происходящего от преизобилия в питании, в совершении правил внешнего богопочтения и обуздании грубых чувственных требований природы. Из сего можем заключать, что 7-й день в древние времена был периодом, наиболее соединенным с Богопочтением и поклонением, и самое празднество отлагалось (из остальной недели) исключительно на это время.

В последующей Ханьской истории, в биографии императрицы Танского рода сохраняется известие, что *восьмой день* первого месяца был праздничным (Fast) из *семи дней* в храме предков. Далее говорится, что все придворные чиновники освобождались от совершения своих текущих обязанностей на это время. В сем случае праздничная неделя описывается как имеющая религиозное значение. Кроме сего, в VI ст. по Р. Х. Император Вэй, на одном из таких празднеств вопрошал своих собеседников, почему *Жэнь-жи* – день чиновников, людей, народа, называется таким образом? Некто Вэй-Шеу на это отвечал, что 1-й месяц и 1-й день онго есть день птицы (курицы, петуха, фазана, перепела), 2-й – собаки, 3-й – свиньи или борова, 4-й – барана или овцы, 5-й – коровы, 6-й – коня и 7-й – человека. *Эти семь дней в Лю-ши (Lu Shi) упоминаются как дни творения и начало мира.* Известно, что прежде были сотворены низшие твари, как более легкие в их произведении. Самое же почтенное и многотрудное дело творчества совершилось под конец всего. В сем представлении нельзя не усматривать остаток преданий вавилонян и евреев о мироздании, хотя в весьма искаженном виде. Действительно сформировалось это воззрение в VI ст. по Р. Х. или было ранее – неизвестно. Результат изыскания нашего тот, что *в Китае в древние времена существовал обычай празднования 7-го дня, совпадавшего с Богопочтением в зимнее солнцестояние, а также и с церемониями посвященными в честь культа предков, хотя и не знаем определенно: – каждый-ли 7-й день входящий в годовое счисление времени праздновался одинаково?* Переходим теперь к рассмотрению соотношения недели к XXVIII-ми созвездиям. Некоторые из названий сих созвездий встречаются в *Яо-тянь* – исторической книге, весьма точно обозначенные, как-то: *Мао* – Плеяды, и *Сю (Hu)* – β в Водолее, или по смешению *Няо (Niau)* для *Син* (в Гидре) и *Хуо (Hwo)* для *Фан* в Скорпионе. В Одах упоминается *Би (Pi)* в Гиадах, включая Альдебаран, – владыка влаги и дождя, и *Ци (ki)* – веяльная лопата, владыка ветра в Стрельцах и *Деу (Teu)* и *Ню (Nieu)* в Стрельце. Звезды эти в 28-ми созвездиях упоминаются и в VIII стол. Ясно можем заключить отсюда, что 28 созвездий известны от времен *Яо*, и два определенно упоминаемые в начале суть верные ручатели за остальные. *Фан, Сю, Мао, Син*, были наблюдаемы в это время как звезды меридиана. Сила сего аргумента связана фактически с тем, что их положение, по наблюдению, согласуется с таковым же по закону прецессии искомых равноденствий. Сюда относятся средние созвездия в четырех группах, по семи в каждой. На востоке – Лазоревый Дракон (Scorpio); на севере – Черный воин или Единорог Ци-лин (chi-lin) (Aquarius); на западе – белый тигр (Taurus и Orion), – на юге – красный перепел или феникс (Cancer, Leo). Заметим при этом факт, что при Ханьской династии или позже, индусская неделя стала известною у китайцев и день солнца, или воскресенье (Sunday), отождествлялся с *Фан, Сю, Мао* и *Син*; а это ведет к предположению, что у древних китайцев названия 28 созвездий применялись к самым дням. Учение о пяти элементах (вода, огонь, металл, земля) смешивается самым неразгаданным образом с древнеазиатской неделей, а воскресенье (dies Solis) и понедельник (dies Lunae), вначале применяются солнцу и месяцу, тогда как для прочих пяти дней служат другие названия: огонь, вода, металл и земля, в смысле относительном. Неделя переходит из Азии к древнесаксонской расе, и распределение дней под покровом пяти тевтонских богов конечно было позднее, чем самое распределение по планетам в Индии и Вавилонии. Вавилонская и

индийская неделя была вспомогательной в элементарной философии, которая, достигнув известной высоты у вавилонян, поучала, что элементы суть активные силы в природе, от обращения которых и движения в соответствующих кругах, или определяемых строгими линиями, при всестороннем анализе, зависит смерть и жизнь универса повсюду.

При таком применении солнца, луны, звезд и дней возникали новые идеи, согласующиеся с первым календарем в Вавилонии, также Индии, и, в первом столетии до Р. Х., в Китае. Писатель малого рассуждения о сем предмете в И-цзин уже дает также понять, что подобная система в его время была известна. Можно сказать, что в *Дай-сюань-цзин* содержится тот же намек, и где, вместо 64 Гуа, поставлено даже 81. Они распределены по внешней окружности начертанного круга, которого центр составляет *сюань* т. е. *черное начало*. Словом этим характеризуется основание действий универса, которое также однозначнее с *Дао* Лао-цзы. В *Дао-дэ-цзин*, сочинении сего философа, оба эти термина поэтому (*сюань*, *Дао*) употребляются очень часто. Самое распределение 81 символических Гуа начинается на севере, в месте зимнего солнцестояния, и каждое занимает пространство, соответствующее четырем дням и фракции.

Первый символ есть *Чжун* (середина), второй *Чэу* на востоке. Следует затем *сянь* (hieu) и *Шау* (Shau). Элементы распределены под соответствующими наименованиями, так: земля, вода, огонь, дерево, металл. Кроме ближайших пяти, берется и другой порядок: вода, огонь, вода, металл, земля, и такое видоизменение повторяется в каждой группе; 81 символ делится на девять групп по девяти в каждой. При сем, из системы 28 созвездий, избираются для отметки только главнейшие пункты солнечного годового кругообращения, которое достигает по означенному определению 300°; *Ян-сюн* означал весьма неточно солнечное положение в период зимнего солнцестояния под 270°. Декабря 21-го, по общему замечанию, год начинается с солнцестояния и солнце тогда занимает 1° Nien.

Если китайцы в первое столетие имели астрономическую неделю с 5 элементами, солнцем и луною, присоединенными позже, то можем сказать, что искомый день зимнего солнцестояния, во времена *Ян-сюна*, написавшего об этом свою книгу, был в субботу. Пункт этот, однако ж, сомнителен. Когда знаем, что в 104 г. до Р. Х., как говорится в *Ши-цзи* (Shi ki), солнце и месяц были в ближайшем соотношении (conjunction) в первой степени (degree) Nieu в 12 часов ночи, в зимнее солнцестояние, и что и день был также *Цзя-цзы* (kiu tsi). Допустим прецессию в 50 секунд 25, мы получаем около 28° 4' разности в положении Nieu сравнительно с настоящим временем. Император Хань (Han), по совету астрономов, усвоил на время своей династии элемент земли. Теперь трудно сказать, когда именно этот элемент применен к зимнему солнцестоянию; он в 104 г. до Р. Х., был введен императором Хань Ву-ди, хотя его распоряжение и занесено в календаре *Дай-чжу*. По всей вероятности, астрономы задолго до сего времени употребляли означенный элемент в применении к дням недели. Год 104 был *Дин-чэу*, но в *Ши-цзи* (Shi ki) он называется *цзы*. Отсюда можно заключить о его неправильности. Что упомянутое созвездие Nieu встречается в замечаниях *Дай-сюань-цзин*, как помещение (домиция) солнца в зимнее солнцестояние, — факт несомненный; стало быть верно и то, что для 104 г. до Р. Х. было тоже созвездие. Такое заключение наше подтверждается и тем, что во времена Господа нашего Иисуса Христа, *Ян-сюн* — великий поэт в философ китайский, изучавший природу от одного солнцестояния до другого солнцестояния, также как свет и тьму в их возрастании и ущербе; говорит о *пяти элементах действующих* в непрерывном их преемстве изо дня в день, избегая при сем деления года на недели, и следуя *Цин-Фану* в установлении годовых времен от четырех до пяти дней; 28 созвездий у него употребляются только для того, чтобы указать место солнца при его годичном обращении.

Такое положение вещей продолжалось до пришествия в Китай *буддистов*, которые с собою приносят из Индии и индусскую неделю. Самый зодиак из 28 созвездий тоже до сего времени вовсе был неупотребителен в Китае. Из всех фактов относительно зодиака можем вывести то, что он был в употреблении за 2000 годов до нашей эры, и что был делим на четыре группы седмиц, из коих центральная *Фан*, *Мао*, *Сан*, были звездами Меридиана, в дни равноденствий и солнцестояний, и что когда буддисты принесли индусскую неделю, то применили 28 звезд дневных, что и сообщили прежде в своей отечественной стране, самые же два этих остальных звезд приходятся всегда на наше воскресенье. Другие страницы в И-цзин, касающиеся семидневного периода и в них упоминаемые, можно сказать не дают нам ничего особенно важного в разъяснение рассматриваемого вопроса. При рассмотрении их даже убеждаемся, что жертвоприношения, которыми бы думали характеризовать праздничное время и 7-й день недели

по преимуществу, могли совершаться и в другие дни; и, что особенно важно, период в семь дней приравняется и периоду в пять дней. Обстоятельство, – указывающее на два счисления недели, и подтверждающееся народной пословицей: «он хочет идти после *семи дней*». Прежний пятидневный период недели, заменившись мало-помалу семидневным, удержался в народной памяти; известна и священная формула: *ву шу цзи жи дэ*, указывающая на обычай праздничных семи дней, имеющих значение религиозное; разумеется здесь именно время в зимнее солнцестояние, сопровождавшееся главными жертвоприношениями. Таким способом толкования могут быть объяснены только смысл и значение в китайском календаре 24, 51 и 63 Гуа, упоминаемых в И-цзин. Предлагая свои объяснения на И-цзин в связи с вавилонскими обычаями, должны заметить, однако же, что сами китайцы не вполне между собою согласны в истинности и правильности того или другого рода толкований о семидневном периоде времени.

Другой источник, тоже древний, сверх И-цзин, на основании которого можем сделать эти выводы и соображения по рассматриваемому нами вопросу, есть последнее из прибавлений на И-цзин. Здесь говорится, что в царствование Сюань-Ди, в 73 или 48 г. до Р. Х., найдена была молодой женщиной случайно в мусоре полуразвалившегося дома книга, оказавшаяся прибавлением к И-цзин и содержащая в себе календарь. Чэнь-дуань (Chen-Twan) и Шао яу фу (Shao Yau fu) встретили здесь знаменитое учение о происхождении и образовании небес. Фу-си, оригинальный автор книги о гадании, по объяснению его учеными X и XI стол. представляли в следующем виде эту систему образования мира. Символы расположены в следующем их виде и значении: *небо* – на юге; *земля* – на севере; *огонь* – на востоке; *вода* – на западе; *гром* – на Ю.-З.; *ветер* – на С.-В.; *гора* – на Ю.-В.; *ил, грязь* на С.-З. Начало Ян преобладает на юге и начало ин на севере. Кеп – *гора* кажется получает свое положение от направленного течения в Китае рек, и в действительности потому что знаменитая гора Куань-лунь находится на С.-З., так же как на Ю.-З. Китая скаты и горные отлогости расположены к морю. Гром – символ весны, находится на С.-В. и противоположен *ветру* на Ю.-З.; *огонь* помещен на В., преимущественном месте солнечного жара и сухости, ему противоположена *вода*, на З. Чтобы понять надлежащим образом представленное распределение, необходимо взглянуть на диаграмму из 64 гуа и *круглую и четвероугольную*, как они начертаны у авторов. В круглой форме *небо* встречается в 8 гуа и занимает деления *ву*, *земля* в 8 гуа *цзы* *огонь* в *Мао*, *вода* в *Си* и т. д. В квадратной же форме, *небо* помещено на С.-З., а *земля* на Ю.-В. При обозрении *Па-гуа* или 8 элементов на прилагаемой V-й таблице и 64-х прочих знаков с их названиями и объяснениями из книги И-цзин, необходимо различать системы Фу-си и Вэнь-вана; на следующей же таблице VI-й «па-гуа» расположены в 64-х знаках по системе Шао-яу-фу, а среди их начертан в 16 кругах новый китайск. календарь (1881 г.) и другой меньший с 8-ю кругами и иероглифами в них (1881 г.) означающими разные циклические и гадательные знаки, на другом подобном календаре древнем содержатся циклы – часовой, зодиакальный в XXVIII лунных домицилей; показаны на прочих рисунках движения 7-ми планет (по Скалигеру) и около полярной северной звезды Большой и Малой Медведицы с их положением в четверти года, зимою, весною, осенью и летом; приложены также 2 буддийских календаря в их схематическом виде, индийский зодиак и planetarium, и монгольский компас, а в особом верхнем круге показана система мирообразования по Фу-си.

§ 70. Древние сабеи и маги, их сродство с китайскими астрономами и даосами. Маздеизм, его священные книги и история в Китае и на Востоке

А. Древние сабеи и маги – сродство с китайскими астрономами и даосами, влияние на последних, оправдываемое преемством преданий и книг мистических и магических; сущность религиозных представлений сабеизма и тождество с ними китайских или сходство; слово «маг», «магия» в смысле мудрого человека и знания, маги халдейские и упоминаемые в В. Завете – их 5 классов, маги у Страбона, китайские названия и виды, значение астрономии в Китае и особого учреждения – астрономический институт в Пекине, его состав и категории лиц, прочие учреждения ученых, Академия словесности и Министерство обрядов и церемоний – их служебная роль и назначение; составление календаря и астрономических трактатов. – Б. Маздеизм и парсы (или гебры, огнепоклонники) их история на Востоке и в Китае, с обзором особенностей вероучения по священным книгам и влияния на китайцев: дуализм в системах Заратушты, Конфуэцы, Лаоцзы и Будды, частные особенности оных; реставрация маздеизма и авторитет магов при Артаксерксе, их успехи и падение при магометанах, рассеяние гебров, пункты утверждения в Индии, Китае, Персии, храмы и школы, нравы и просвещение парсов, обряды (Даруна, Бомах, Дагман и погребение в Докхма), секты, названия парсов и персов у китайцев, с прочими сектантами (мо-ни – манихеи). – Священные книги парсов; 1-я Авеста Занд, 1-я часть и прочие, значение сего названия и неправильное употребление – (Зенд-Авеста), её содержание: Вендидат, Вишерад, Ясна, все же вместе составляют Вендидат-Садах; 2-я часть – Хорда-Авеста, содержание: молитвы – гах из Сирозах, Африган, Нуаюй, гимны – Ясты и проч. – II. Бундаги или кн. о первобытном творении человека и мира, общая характеристика 34-х глав; первых с учением о добром и злом духе, их борьбе, демоны, сталкивающиеся с 6-ю классами творения, создание мира и человека; следующие 10 глав – описание земли, её поверхности, животных, растений, людей, морей, – о календаре, характеристика демонов и людей, о воскресении и будущем состоянии мира: заключительные главы – генеалогия и история персидских царей; дополнение – «Зад-спарам» или избранные места, их смешанное содержание; воспоминания и письма. – Содержание Бундаги: Главы I–IV. Гл. V–X. Гл. XI–XX. Гл. XXI–XXXI. Гл. XXXII–XXXIV и подробности о времясчислении III. Бахман-Яст или Bahman-Yast, также «Зандт» «Багуман-Ясно» т. е «Зандт» к «Багуман-Яст» – пророческая книга о будущности иранского народа и религии, содержание трех отделений – (глав) и замечание о MSS дополнительных о Гушедар-Маге и Сосиане. – IV. «Шайяст ла-Шайяст» (Shayast la chayast), или «Ривайяст» также – «Шайяд», две части и содержание книги о разных предметах и обычаях 3-я ч. appendix. – V. «Ясты» и «Сирозах» (Yasts and Sirozahs), происхождение названия книги, соотношения в сих названиях. Название и содержание XXIII Яст. – VI. Нуаюй (Nuais) – солнцу, месяцу, водам. – VII. «Вендидат» или «Вендидад-Садах» – кодекс об очищениях, с законами гражданского и уголовного права; общее содержание глав и замечания о порядке в расположении, MSS, указание на выдающиеся места, о переводах и ученых исследованиях и разделении полного Вендидада на XXII фаргарда. – Содержание фаргардов: I–XXII.

А) Китайские звездочеты, астрономы и астрологи, в частности именуемые даосами, имеют общую связь с прочими той же профессии другими соседними и отдаленными народами. Даосские книги по большей части мистические и магические, – общего происхождения с им подобными или тождественными, перешедшими от других народов востока. Историческая преемственность означенного рода подтверждается из сравнительного сопоставления многих воззрений и обычаев, унаследованных издревле от особенного рода лиц, занимавшихся астрономией, астрологией, магией. Египет, Ассирия-Вавилония, Персия, Индия – суть главные центры. По китайским анналам, из чужеземцев, обращавшихся в Китае и пользовавшихся влиянием на народ, кроме индусских выходцев, различаются маги, гебры-огнепоклонники или парсы, впоследствии – манихеи, имеющие свои храмы и особый культ среди китайцев буддистов, магометан, евреев и христиан. Означенный факт чуждых народностей, религий и наплыва иностранцев, очень важен в истории даосизма, но на него, к сожалению, не обращалось должного внимания до новейших исследований и нередко были смешанные представления, разрешенные определительно в исследованиях о. архим. Палладия, Потье, Финна и др.

Древнейший народ, откуда, согласно с Библией и другими древними преданиями и летописями, распространяются понятия о Боге в связи с астрономическими знаниями, были *сабеи* или *сабеяне*, от *Саби* – сына Энохова. Основное верование их то, что *Бог* – *творец* всех вещей, и что посредником между ним и человеком, в молитве и прочих сношениях, служат *духи невидимые*, что небесные тела в их движении и управлении влияют на землю и человека. Вследствие сего убеждения возникает культ светилам небесным, преимущественно солнцу, луне, планетам, с верованием в *духов* ими управляющих и потому тоже покланяемых и почитаемых в идолах. Таково звездопочитание и идолопоклонение сабеизма; солнце, месяц и планеты почитаются высшими божествами, прочие звезды – низшими, для душ грешных людей полагается тысячелетие в испытаниях и покаянии, после чего получается прощение. Главным культом сабеизма почитается «*Ур Халдейский*» или «*Харран*», и Месопотамия. Сабеяне позднейшие имели более усложненные обычаи, они поклоняются при молитвах, обращаясь лицом к северному полюсу, также при восходе и заходе солнца и луны, воздерживаются от вкушения многих растений, верят в полное прощение грешников по истечении их тяжелых страданий в тысячелетний период, соблюдают трижды в году праздники – один семидневный в феврале, другой в марте 30 дней, третий в декабре – 9 дней, приносят многие всеожожения, или возлияния, поклоняются звездам; учат, что в каждой из семи планет обитает посредник и ходатай пред Богом, хотя существует единый из всех Бог, именуемый «Богом богов», «Господом господей», каждой планете усваивается особенная область, деятельность, штат для служения и охраны порядка; веруют, что между планетными духами и землею существует непрерывное сношение и вмешательство в дела, на сем влиянии основывается употребление мистических талисманов печатей (брактеады), устрояемых с целью и согласно астрологическим правилам. Народы эти любят путешествовать для поклонений в Харран, в Месопотамии, почитают храм в Мекке, пирамиды в Египте, верят, что последние суть гробы Сифа, Эноха и Саби, приносят здесь в жертву петуха и черного наполовину тельца, курения (см. Sale, Koran).

С примитивным сабеизмом стоит в связи *магизм*, с более или менее характеристичным разрядом лиц, занимающихся волхованиями, гаданиями, всякого рода чародейством; *маги*, *волхвы*, *гадатели* и *вещуны*, играют роль у всех народов и восточных по преимуществу. *Буддисты*, *шаманы*, *даосы*, как и *конфуциане*, сохраняют во многих обычаях и церемониях молитвы, заклинания, обращения к духам небесным и земным; по звездам определяют судьбу человека, или несчастный исход своих предприятий, также как в играх и по книгам, имеющим значение оракула. Китайские маги суть астрологи и астрономы, лекаря и жрецы вместе; их книги, несмотря на многие несообразности, сравнительно с прочими философскими, получали поощрение в периоды тяжелых гонений по признанию почему-либо вредными правительством; самый канон их сложился более или менее определенно, имеет свою историю. Вникнем в смысл названия «*маг*», «*маги*», «*магия*», с равносильными определениями и видами понятий на разных языках и затем у китайцев. Евр. и халд. «*маг*» вообще значит мудрый человек, ученый, жрец, звездочет, снотолкователь. У халдеев за 600 лет до Р. Х., существовал институт магов, и вавилонские маги, как класс ученых, славились во всем древнем мире. В Св. Писании В. Завета у евреев различаются *пять классов*: *хартуммим* – излагатели Св. Писания и истолкователи, *асафим* – заклинатели или волшебники, *мекасефим* – увещатели, *вещуны*, предзнаменователи, *магики*, *гозерим* – вычисляющие дни рождения, астрологи, *хаздим* – халдеи в тесном смысле; ассирийские жрецы и Артемиды в Эфесе у Страбона называются *мег-абизи* или *маг-этзер* (у финикиян), *Текер-маг* (в Киликии). Китайское слово *ши* и иероглиф, вообще означающее ученый класс людей, с приложением других иероглифов употребляется в многообразном значении. Известны *Дао-ши*, ученые даосы и философы *шести родов*: *тянь-жэнь* – философы, *шэнь-сянь* – достигшие бессмертия, *шань-цзюй* – отшельники, *чу-цзя* – монахи, *цзай-цзя* – миряне, так же – *хо-цзюй-дао-ши* – женатые люди (все даосы вообще могли быть женатыми до Сунского Тай-цзу). Вообще энциклопедисты, ученые по словесности, медицине, гаданию, называются *бо-ши*, звездочеты, астрологи – *тянь-ши*, доктор – *и-ши*, академик – *сио-ши* или *мао-ши* – отличный ученый, *цзинь-ши* или *цзао-ши* – магистр, *цзюй-жень* – кандидат, *цзюй-ши* – ученый на покое; прочие профессии: *фан-ши* – знахари, *кай-ши* – духовный просветитель Бодисатва, *у-шан-ши* – ученый буддист, *гао-ши* – Бодисатва, *вэнь-ши* – студент, ученый, *инь-ши* – анахорет, *цзюнь-ши* – кандидат ученой степени, *цин-ши* – сановник; чиновники высшего ранга – *шан-ши*, среднего – *чжун-ши*, низшего – *ся-ши*. Даосские философы и буддийские вообще, и древние в особенности называются *дао-жень*, *дао-цзя* или *да-минь*, или *дао-ши*, наконец составляющие особую ученую

корпорацию – консисторию или на жаловании у правительства, эти лица известны как *дао-гуань*. Наивысшее и государственное их положение и служение с прочими учеными – конфуцианами, без сомнения проявляется в *астрономическом институте*, существующим донныне в Пекине. В нем сочиняется месяцеслов *ши-сяньшу*, ведутся астрономические наблюдения – *гуань-син*, и наблюдения над водяными часами *бяо-шуй*. Институт состоит из присутствия и трех комиссий под контролем самого императора как непосредственного лица, ответственного пред небом. Штат ученых лиц, занимающихся астрономией *син-ши*, *син-чжэ*, *син-цзя*, очень значителен; для одного месяцеслова состоит комиссия из 33 астрономов, 63 воспитанников; они вычисляют с точностью 24 годовые перемены в атмосфере, в Пекине и главных городах империй, новолуние и полнолуние, восход и заход солнца в разных местах империи, определяют год, месяцы, дни, часы; счастливые и несчастливые дни, на основании чего, государь имеет 67, а подданные 37 дел, коих исполнение приспособляется к счастливым дням. Комиссия для наблюдений на обсерватории, построенной на восточной стене Пекина, имеет 11 астрономов, 43 воспитанника, занимающихся наблюдениями небесных явлений: исчислениями дней, ночей, взаимного расстояния планет, наблюдениями явлений в солнце, луне, планетах, замечаниями разных небесных феноменов. Комиссия наблюдений по водяным часам имеет 13 астрономов, 18 воспитанников; они определяют истинное время дня и ночи в разных местах, наблюдают время по часам, назначают дни счастливые и несчастливые, выбирают места, имеющие счастливое расположение для жителей. Все, чего не могут, по специальности, исполнить ученые астрономы означенного института, то ведут и разрабатывают другие ученые, составляющие особый «*приказ ученых*», имеющий свое присутствие и канцелярию, и которому подчиняются *академии словесности*, *комиссия придворных журналистов*, *общество историческое*. Не менее важную роль играет и *министерство обрядов и церемоний*. Здесь определяется вся национальная жизнь китайцев и страны в неизменяемом облики, хранимом доселе; устанавливаются точно времена церемоний государственных, общественных, частных, жертвоприношения предкам, духам, богам, мудрецам, силам природы, сочиняются молитвословия, обряды, которые видоизменяются и восполняются учеными разных религий по своему (конфуциане, буддисты, даосы, христиане, магометане и пр.). Астрономический народный календарь всего государства, имеет и частные оттенки; у буддистов существуют свои священные времена, действия, обычаи, у даосов и конфуциан – свои. Таков религиозный месяцеслов на целый год той или другой секты, нами предлагаемый особо ниже. Несмотря на высокое положение свое, для народов востока, современная китайская астрономия неразрывна с астрологией и многими отделами её дополняющими, начертанными в И-цзине и разных книгах, даосских по преимуществу. Основной принцип, из коего выводят китайцы свою систему и воззрения тот, что существо всех вещей имеет свой образ на небе и свою форму на земле, и перемены между людьми предначертаны свыше; «древние, сосредоточивая все свое внимание на земледелие, (говорит Маймонид, Моге Nebuch. p. V.), давали звездам имена, заимствуемые от занятий в течение года»; «звезды, индивидуально распределяемые по группам (замечает Volney, том V), получили имена, заимствуемые от действий человека или природы, в продолжение солнечного обращения; и небо астрономическое делалось как бы зеркалом, отражающим все, совершающееся на земле; следуя сей оригинальной своеобразной системе воззрения, и руководясь ею, в национальной китайской астрономии и с нею астрологии, получаем весьма точные понятия как о современной народной жизни, так и исторической. Предлагаем для примера следующие названия звезд китайских и понятия о небе, земле и человеке. Все вообще небо с его звездами есть *тянь*, невидимая сила им управляющая и превыше всего – *шан-ди*; земля с обитателями подобно небу имеет *мин* – народ, государя именуемого *тянь-цзы* – сын неба; звезды суть очи Божьи – *тянь-ян*, от движения светил зависит судьба людей – *тянь-шу*; древний Китай делился на девять областей, им соответствуют *девять светил* – *цзю-син*: луна – юэ, пять планет – *ву-син*, соответствующих пяти элементам, и 2 узла Рагу и Кету, таков же смысл и 9 звезд северной медведицы *бэй-доу* или хлебной меры, в коей есть *бин-син*, трон Тянь-ди (царя неба); южная полярная звезда, называется *шоу-син*, богом долгоденствия; существуют: *тай-син*, звезды 3-х высших советников государства; *лан-син* звезда всех чинов империи, *син-доу*, 2 звезды в созвездии Большой медведицы, которой духи заведуют литературою; *син-хо*, разные товары, выставленные рядами; *жуй-син*, благовещие звезды: *жень-синь* звезда человека, *лао-жень-син*, звезда человеческого долголетия; *лин-сын*, небесное поле или звезды покровительствующие земледелию, также созвездия – *тянь-тянь* небесные поля, *тянь-жу* небесное млеко; *ди-си*

императорская циновка *ци-гоан*, восходящая гвардия, *тан-мин* врата света, *тянь-цзи* небесная житница, *тянь-цзин* небесный колодец, *тянь-е* небесная мера, *цзин-мяо* храм очищений; *цзун-мяо* храм предков и проч. Нет надобности вдаваться в приведение прочих примеров разнообразнейших названий, изобретенных китайцами в разное время для неба в полном смысле китайского, их ученые восполняли свой кругозор прочими знаниями и суеверием, таковы гадатели, волшебники, с их искусством и средствами. Сюда относятся: *шу-цзя* колдовство, ворожба, *шэн-шу* наука жизни или долголетия, с *яо-шу* содержащей важные средства; *фан-шу* магия, *ци-шу* чудесные способы, или *би-шу* – таинственные, *чжоу-шу* искусство заиливания, *сань-шу* или три способа, средства, *бэй-хай-ту* – некромантия или вызывание умерших, *фан-чжунь-шу* – секретные средства к возбуждению полового влечения, *син-ци-фын-шу* – разные гадания, *цзин-шу* – заговаривание острий и проч. Вникая в профессию китайских ученых астрономов и астрологов-магов, и сравнивая с мидо-персидскими, находим много пунктов совпадения, позволяющих судить о них более или менее одинаково, по замеченным градациям от чисто ученых до шарлатанства. Важно разделение сих ученых на государственных, состоящих на службе и имеющих главным образом религиозное назначение, другие лица суть частные «мудрецы», иногда ловкие люди, обладающие тайными знаниями и пользующиеся суеверием людей ради барыша, и для прокормления. Благодаря однако же глубочайшей вере в известные религиозные представления и сохранение предания в названиях небесных светил, эти восточные астрологи и астрономы не ошиблись в свое время во времени чудесного рождения Спасителя от Приснодевы Марии, в убогой пещере города Вифлеема. Зороастр, по астрономическим преданиям и религиозным, предсказал, что некогда придет в образе человека от всемогущего единого искупителя, коего рождение будет ознаменовано появлением необычайной звезды. По восточным рассказам, ученые маги или астрономы ожидали с нетерпением исполнения предсказания; 12 из них под конец пророчества, день и ночь неустанно наблюдали над небом, пристально всматриваясь в тихие ночи на зеркальные воды бассейна, отражавшего звезды небесные; наконец, с величайшим изумлением и необычайною радостью заметили, при легком колебании воды, появление *младенца лежащего на кресте* и в необыкновенном сиянии. Такова была звезда, поразившая взоры магов. И вот они мгновенно, не без соизволения Божия, отправляются в путь, который и совершают два года, пока не прибыли к Иерусалиму и Вифлеему. Принесли священные дары новорожденному и насладившись созерцанием предвечной красоты Иисуса Младенца и Матери Его, возвратились они, руководимые тою же звездой до своей страны, посвятив последующую жизнь созерцанию и молитве.

Б. Переходим к *маздеизму* и *парсам*, именуемым также *гебрами* или *огнепоклонниками*, рассеянными в Персии, Индии и частью Китае после введения и усиления на Востоке магометанства. После краткого исторического обзора и характеристики поклонников зороастровой религии (маздеизм), особое внимание сосредоточиваем на их священных книгах – *Зендавесте*, *Бундаги*, *Ястах* и др.

Для объяснения основных пунктов вероучения и философии даосов, даже самих конфуциан равно многих обычаев, обрядов, верований, им свойственных, существенное значение с индийскими источниками имеет парсизм или маздеизм, перешедший в Китай с древних времен, при разных переворотах персидского государства и стран соседних. Дуализм Конфуцзы и Лаоцзы весьма сроден с проповедуемым в *Зендавесте* Зороастра или Заратуштры, составлявшего религиозный кодекс на основании индийского браманизма. В наиболее древних секциях книги *Зендавесты* содержится политеистическое учение о поклонении и богочтении естественных сил природы, каковы сияние солнца и свет, огонь, земля, ветер; конфликт между арийцами и иранцами, и обособление политически-религиозное последних послужили главною причиною дуализма в учении как нравственном, так и догматическом, многие прежние боги сделались враждебными и заменились новыми. Установились и понятия противоположные во взаимной борьбе начал. В методе противоположения и борьбы, развиваются и устанавливаются системы Зороастра, Конфуцзы, Лаоцзы и Будды, с неодинаковыми консеквенциями частными, исходными началами и целями; вера в единое высшее начало всего Бога сохраняется у всех сих мудрецов, хотя и заменяется более или менее понятиями и представлениями сложными, крайне сбивчивыми в восточном пантеизме и дуализме. Высшая мировая потенция и совершеннейшая мудрость и сила низводится до сил или явлений природы, до самых низших степеней и безобразия, олицетворяется в идолах и фантастическим вымыслом нередко дается реальное значение. Личность человеческая, будучи ставима на рубеже крайностей, находится в

беспрерывной борьбе и опасении за жизнь на земле, и за гробом – до получения райского блаженства и единения с Божеством. Материалистическая концепция в создании даже высших космически-религиозных понятий лежит в основании и дает себя чувствовать во всех означенных системах веры и нравственности. Аскетизм буддизма и Лаоцзы враждебный ко всему чувственному, мирскому, излишней роскоши в жизни, благоприятны к разъединениям полов, для низших и бедных классов народа в создании монастырской жизни и отшельнической; конфуцианство стремится в государстве, обществе, дать опору людям, скрепляя их семейными узами, церемониями, обрядами, и даже за гробом не изменяет земных условий жизни почившего, т. е. его духа; возвышая добродетель и вознаграждая, понижая пороки и грехи, наказуя за них людей, конфуцианство руководится принципом справедливости и закономерности, высшим мерилом коей служит правительство и верховная власть Хуан-шана (государя-императора). В маздеизме добродетель и пороки, добро и зло, получили свое определение в законах религиозных Зендавесты, его комментариев, праве жрецов, человек занимает нейтральное и весьма плачевное положение, ибо его нравственность двусмысленна и противоположна; если Ормузд есть источник добра и света, то и человек служит ему и награждается им по мере совершенного добра; если Ахриман начало зла и тьмы есть бог сосущественный и совечный Ормузду, то угождая ему, человек должен получить вместо наказания за грехи и преступления – награду. На самом деле не то: Ормузду присваивается право суда и победы в смысле окончательном и решительном, следовательно он выше, сильнее, могущественнее, таково же значение и нравственных начал пред безнравственными; добродетель торжествует над пороком и беззаконием. Признавая активную и пассивную силу природы, *ин* и *ян*, китайский мыслитель, подобно Зороастру, устанавливает шесть родов добродетели и соответствующее оным отрицание, т. е. пороки, отделяя то и другое как свет от тьмы; тот же антитез приводится и в прочей системе. Лаоцзы и его школа, расширяя силу и круг действий нравственных, с противоположением греховных и беззаконных, устанавливает градации наград за добродетель и наказаний за нарушение. Буддизм в начертании райских обителей для святых и духов, ада для грешников и демонов, еще казуистичнее распределяет степени, исходя из того же метода дуалистического антитеза. Признавая чистоту души, ума и сердца, необходимыми для счастья человека земного и загробного, маздеизм предлагает целый ряд законов, направленных к очищению телесному и душевному; в даосизме теория эта развита не менее совершенную и неразрывна с понятием о высочайшем уме и добре, в честь коего сооружаются храмы: таков «храм истины и чистоты», или «храм священных книг», даже у евреев в зданиях синагоги в г. Кхай-Фын-фу. Не касаясь подробностей анализа и сопоставления маздеизма с школою даосов, сообщим некоторые сведения об оном и по отношению к Китаю в особенности. Зороастрова религия со времен её основателя, с течением времени подверглась переменам, потребовавшим реставрации, что и совершилось во время Александра Севера, при Ардшире сыне Бабегана, прозванного у греков и римлян Артаксерксом или Артаксаресом – основателем Сасанидской династии. При нем испорченные или затерянные св. книги восстановлены и очищены, избраны 40,000 магов для поддержания и сохранения религии. Священные тома переведены с оригинального зендского на язык народный туземный, наиболее понятный, храмы огню увеличены и построены в разных местах страны. Маги приобрели огромный авторитет, действовали против греков и их влияния; фанатизм часто простирался даже на иудеев и христиан. Восстановленная религия Зороастрова, пользуясь четырьмястами лет непрерывно успехами и влиянием в стране и окраинах, в 651 г. по Р. Х., поколебалась с подчинением политическим калифу Омару, который нанес капитальное поражение царю Ездигерду, нашедшему убежище у китайского императора и скитавшегося в его государстве. По праву мусульманскому, побежденные персы, одни добровольно, другие после ряда кровавых гонений, обращены к религии Магомета; и ныне 8.000 *зебров*, живущих в Иезде или рассеянных в окрестности оного в 24 местечках, составляют остатки древних последователей Зороастра. Часть их находится еще в Тегеране, Испагани, Ширазе и в Баку, вблизи больших гор с нефтяными источниками. Во время преследований в VII ст., многие из приверженцев маздеизма удалились в Хорассан, где поселились, долгое время наслаждались спокойствием и гражданственностью; другие рассеялись по берегам Персидского залива или эмигрировали на о-в Ормуз, в устье оного; третьи убежали в Индостан, где отчасти видоизменили некоторые религиозные древние обряды и подчинились туземным. При помощи одного индусского раджи в г. Санджане им удалось построить храм огня и сохранить первичную религию в её чистоте, что совершилось в 731 г. по Р. Х. Пользуясь свободой богослужения и покровительством местных

властей, парсы в течении 300 л. значительно увеличились, особенно притоками новых единоверцев, выселившихся из Персии и таким образом в Западной Индии из них образовались значительные колонии. В XVI ст., с усилением мусульманского владычества в Индии, парсы союзные с туземными индусами, должны были подчиниться магометанским начальникам страны, что не обошлось без сопротивлений и насилия. Мослемы оказались победителями, а индусские правители, – слабыми в искусстве управления людьми. Из Санджана, парсы унесли священный огонь в горы Багарута, откуда чрез 12 лет подвинулись к Бажде и Ноузарею, самый же храм перенесли в Удвар к югу от Сурата на 32 мили, где и существует доныне, пользуясь почитанием у всех индийских парсов. Город Ноузарея, населенный ныне преимущественно жреческим сословием парсов, посылает их для высшего образования в Зороастровой религии в г. Бомбай, последователи живут с половины XVII стоя., прочие утвердились в Гуджерате, Калькутте и других больших городах Индии, а отсюда перешли в разное время в Китай, как и прочие части Азии. По позднейшему цензу, парсов в Индии насчитывается до 110.544 или 20 на 100 всего населения, они пользуются отличною репутацией трудолюбивых, честных и предприимчивых людей, поддерживающих дружественные торговые и другие сношения с единоверцами в Персии и прочих частях Азии. Они подчиняются охотно местным законам, хотя религиозно признают право Зендавесты, пользуются для мирских целей и сношений простонародным разговорным языком, а в богослужении и обрядах сохраняют древнезендский, которого лучшими хранителями и истолкователями является особая каста духовенства, имеющего свои традиции и кастовые особенности. Парсы с иностранцами и туземцами, посредством браков не смешиваются и строго соблюдают брачные и семейные союзы, только в круге своих единоверцев, избегают всякой нечистоты и нескромности в пище, также одежде и правах; управляются своим национальным советом – *"пунчайст"*; составившееся в 1852 году общество *«Рахнумай-Маздиасна»* поставило задачей поддержание религии и нравов и просвещение на древних основах, в особенности воспитание и образование юношества. Редкие между ними, которые не знают основательно священных книг, обрядов, постановлений и языка Авесты, по большей части на память цитируют все лучшие места и молитвы из неё. Жреческая каста наследственная, поддерживается особым институтом *«Мулла Фируз Мудриса»*, где, кроме св. книг изучаются языки зендский, пельви и персидский. Известная школа гебров в Тегеране пользуется уважением у самих мусульман, посылающих учиться своих детей. В Индии община парсов особенно влиятельна и пользуется расположением англичан. Из предметов наиболее изучаемых парсами выделяются *астрономия, астрология, алхимия, символика* как науки, за ними следуют всякого рода искусства, *гадания и магия*, церемонии и обряды, этикет, тщательно соблюдаемые. Из традиций парсов особенно сохраняемых и чтимых, известны верование в священный огонь, полученный будто Зороастром с неба, и сохраняемый поныне в священных храмах, имеющих для сего особый класс лиц для поддержания сего огня. Поэтому парсы почитаются *«огнепоклонниками»*; с поклонением огню соединяется поклонение солнцу, луне и светилам небесным, и вообще свету, в коих проявляется Божество; изображения сих светил – тоже почитаются невежественными и низшими классами парсов. Из обрядов известны пять родов жертвоприношения, в смысле священныхдействий: принесение в заклание публичное жертвенных животных, молитвы, таинство *"Даруны"*, в коем освящается хлеб и вино в честь первоначального основателя закона, называемое *"ом"* (Hom) или *"Бомах"* (санскр. Soma), и *"Дагман"* соединенные с благословением, – таинство очищения состоящее в бичевании и дарах, в омовении освященною водою (ниран), землею и проч. веществами; существуют 16 молитв обязательно прочитываемых ежедневно всеми, наконец – чтение и толкование слова заключающегося в священном писании Зороастра; всякого рода кастрация, celibat и распутство, почитаются мерзкими пред Богом. Умершие полагаются на железную решетку в *"Докхма"* или в *«башне молчания»* под открытым небом на съедение хищным птицам и когда труп-мясо будет съеден, прочие части – кости убираются и хоронятся в особой пещере. Известны в Индии две секты парсов *"Шэн-зои"* и *"Кудми"*, образовавшиеся вследствие несогласия в счисления времени, разнящемся у обоих на один месяц. Разность произошла в неточности счисления эры Эздигерда – последнего царя персидского.

В дополнение к сказанному нами прежде (отд. 2-е Ист. Биб. на Вост.) о сношениях китайцев с Персией и соседними странами, заметим что персы или «огнепоклонники» в тесном смысле известны в Китае с древних времен и не смешиваются ни с евреями, ни с мусульманами и христианами, даже с сектантами манихеями, о коих упоминается в китайских анналах. На сфере китайского неба нанесены дважды мелкие созвездия *"Бо-сы"*, т. е. персы (Asterism. XCI) южного

созвездия "Янь" или "Цун" (Aster. LXXXIV) созв. северного, в седьмом домициле созвездия красной птицы (paranatellon V), известна группа "чао-ви" из 4 звезд начертываемых столпообразно, верхняя называется "Ху-сы" – тигры или военные начальника, вторая "И-сы" – советники, третья "Бо-сы" – мудрецы, маги, четвертая "Да-фу" – знаменитые, славные люди, добродетельные. Автор Цзянь-да-инь в исследовании о светоносной христианской религии – «цзинь-цзяо-гао» при описании монастыря «чжун-янь-сы-бай» говорит, что и между разного рода иностранцами, прибывающими в Китай и в нем поселяющимися известны: манихеи – "Мо-ни", сирийцы – "Да-цзинь" и поклонники духу "Янь" (Hien) или персы – "Бо-сы", которые все имеют свои монастыри или храмы. Губернатор Фуцзяня в своей «географии» говорит также, что сверх народов, поклоняющихся небу – *тянь* и духу неба, существуют народы поклоняющиеся «чужеземному духу» – *янь*, отличающегося от других – *хо-шэнь* и *хо-янь*, что в честь этих божеств существуют в Китае соответствующие храмы и жертвенники, что *хо-шэнь* или духу огня и *тянь-шэнь* небесному духу, поклоняются парсы; что *янь* (Hien) поклоняются евреи и выходцы из западной (Византийской) империи. С этими выходцами с запада, выделяются в незначительной степени манихеи (Мо-ни) – христианская секта, о которой подробно сообщает о. арх. Палладий в своем очерке «следы христианства в Китае». Здесь же заметим, что в манихействе отражается влияние маздеизма и воззрений астрономо-астрологических, общих восточному миру, и личность И. Христа изображается как эманация звездного мира, которая в погружении в него ведет борьбу к торжеству духа над материей с освобождением от оной в смерти и воскресении.

Главным религиозным источником парсов служат «Зендавеста», св. книги коей известны на древнезендском языке, *пельви*, *гуджарати* и *персидском*, с относящимися комментариями («Вендидад») на тех же языках; прочие книги «Зердушт-Намех» т. е. легендарная история Зороастра, «Заддер» или краткое начертание вероучения парсов, «Дабистан», т. е. школа нравов и обычаев, «Дезатор» или священные письма; особенно ценятся учеными «халдео-пельвийские тексты» св. книг «Бундаш», также не менее важны «Баман-яст», части Авесты – «Сурозах», «Яст», и «*Hiaiu*», (переведенные на англ. язык М. Мюллером). По определению и замечаниям сего ученого,¹²³ не должно смешивать понятий о так называемой «Зенд-Авесте». В Авесте, содержащей краткое начертание религии парсов, а также и в пельвийских писаниях излагаются предания, церемонии, обычаи древности, характеризуемой словом «маздеизм» или доброе вероучение «мазданас», в просторечии – «багдиан», хорошая добрая вера. Письмена сего вероучения поэтому у парсов делятся на два класса – одни содержатся в Авесте, другие в текстах *Пельви*, соединенные же вместе образуют «Авесту» и «Занд» т. е. откровение и комментарий на него, обоими же словами означает «ведение, мудрость»; по пельвийски Авеста называется «авистак» познавать что, с известным разумением или толкованием, и «Занд» пельв. «заинти», от корня «зан» знать что, с разумением. Магометанские и европейские ученые изменили «Авеста-Занд» в «Зенд-Авесту»; тогда как под «Авестой» должно разуметь исключительно текст, коего переводы и комментарии на разных языках и преимущественно пельви излагаются в «Занд». О самой формации и содержании означенного сборника должны сказать следующее: собрание Зендских фрагментов делится обыкновенно на две части: первая часть – Авеста в собственном смысле, содержит «Вендидат» т. е. компиляция религиозных законов и мифических сказаний, «Вишерад», т. е. сборник чинопоследований (litanies) о жертвоприношениях, и «Ясна», состоящей из чинопоследований в том же роде, – пять гимнов или «гафаз», писанных на особом диалекте, который древнее общего языка Авесты. Означенные три книги встречаются в MSS в двух разных видах: каждая в отдельности сопровождается переводом на языке пельви (Pahlavi); или – три соединенные вместе по надобностям и чину богослужения, не читаются все разом, в сем случае самый сборник называется «Вендидад-Садах» т. е. чистый Вендидат, как этого требовал некогда оригинальный текст, без всякого перевода.

Вторая часть, вообще называемая «Хорда-Авеста» или малая Авеста слагается из кратких молитв, прочитываемых не только жрецами, но и прочими верующими, в известные моменты дня, месяца или года, и в наличности разных элементов. Эти молитвы суть пять «гах», тридцать формул из «Сурозах», три «африган» и шесть «*Huau*» (Huayis). К «Хорда-Авеста» присоединяются еще, имеющие дополнительное значение, «Ясты» или молитвенные гимны и прославления в «Изадах» известного количества, особенно содержащиеся в «*Hadhokht-Nosk*», где излагается учение о состоянии души за гробом. В полном историческом виде, литература парсов более значительна, чем сколько известна ныне учеными и хранится в сем народе; фанатизм арабов-

магометан не пощадил дорогих сокровищ, из коих сохранились до ныне отрывки. Пельвийский перевод Вендидад содержит немало Зендских цитат из книг, уже исчезнувших при Сассанидах; другие цитирования не менее важные встречаются только в переводах и трактатах пельви и парсов, тексты "*Niranogistan*" и "*Aogemaide*". Предлагаем подробности содержания самих св. книг.

1) *Обзор и содержание Бундаги, т. е. книги о первобытном творении человека и мира.* В сей книге находится немало текстов из древних MSS пельви; в фрагментах содержится учение по космогонии, мифологии и легендарной истории, традиций маздеизма. Сочинение начинается описанием первоначального состояний вещей; добрый дух есть начало, обитающее в вечном свете, одаренный всеведением; злой дух – в вечной тьме, и имеет ограниченное знание. Оба начала производят собственных тварей, пребывающих независимо, в духовном или идеальном состоянии, по три тысячи лет, после чего злой дух начинает обнаруживать свою оппозицию доброму творению, что продолжается только девять тысяч годов, из коих только три тысячи проходят с успехом для злого начала. По произнесении священной формулы, добрый дух приводит злого духа в состояние возмущения и хаотических действий в течении второго трехтысячелетия, производит архангелов, и материальное творение, включая солнце, месяц, и звезды. При конце сего периода, злой дух, подкрепляемый созданными им демонами, употребляет всю энергию и хитрости для уничтожения доброго творения. Демоны представляются сталкивающимися с 6 классами творения, (небеса видимые, вода, земля, растения, животные, начиная с первобытных быка, коровы и человека в образе Гайомарда). Следствием столкновения являются: движения и перемены на небе, солоноватая вода, горы на земле, быстрое произрастание растений, смерть и исчезновение первозданного быка, коровы, а также Гайомарда. В следующих затем десяти главах содержится описание семи областей земли, её гор, морей, пяти родов животных, – происхождение людей по поколениям, описываются пять родов огня и три священных, белое древо хом (Hom) и древо со многими семенами, бык Hadhayos, птица Kamros, и прочие птицы и животные противоположные злему творению, берега мира, семьдесят родов жидкостей, озер, происхождение обезьяны и медведя, главы отдельных родов тварей и творения, календарь, линейные меры, деревья и растения, характеристика разных демонов, духовные начальники разных областей земли, воскресение и будущее состояние. Все означенные описания сделаны с авторитетом «Дина» (Din), т. е. книги, имеющей значение откровения вообще. Заключительные главы посвящены генеалогиям легендарных персидских царей и героев. Заратустра и некоторых жрецов, вместе с ерпите персидской хронологии от сотворения мира до мусульманского завоевания. Всего в "*Бундаги*" тридцать четыре главы с неравным количеством статей. Парафразисом сей книги гл. I–XVII служат избранные места «Зад-спарам» (ч. I, гл. I–XI) сына Юдан-им. Текст пельви, в виде вопросов и ответов имеет следующее содержание: волхование и чары против лихорадок и проч. болезней; указания на признаки в теле; о постоянном неизменяемом состоянии или нейтральном человека в будущей жизни – «гамистакан», и различных степенях на небе; копия посланий Гербад-Манускихар сына Юдан-им к благочестивым людям Сиркана, и к брату; копия с замечания Гербад-Манускикара и первосвященника Парсянина и Кармана, о необходимости пятнадцатикратного обливания водою при случаях тяжкого греха (MS. 881 г. по Р. X.); воспоминания и письма Зад-Спарама; в первых говорится о многих предметах из Бундаги, с легендами о Заратуште и его семействе, во вторых – о формации человека, его тела, о жизни и душе; третья часть посвящена деталям реновации мира; последняя, часть, отрывочная содержит вопросы и ответы о всеведущей мудрости, злом духе, и пр.

Содержание Бундаги.

Гл. 1. (1–28). По традиционному знанию, от Агурамазды происходит все творение, с него же начинается и борьба с злым духом, переходящая затем и во всей природе сотворенных существ, сначала до конца времен. Агурамазд и Агарман – два со начала производят им соответствующих духов и тварей мира, первому принадлежит создание небес, воды, земли, растений, животных, человека.

Гл. II. (1–11). Создание светил небесных, заключающихся в созвездиях: а) XII зодиакальных. – Varak – агнец, Tora – телец, бык, Do-patkar – близнецы, Kalakang – рак, Ser – лев, Khusak – дева, Tarazuki – весы, Cazdum – скорпион, Nimasr – центавр или стрелец, Vahik – козепор, Dul – водолей, Mahik – рыбы; б) XXVIII подразделений астрономических неба, называемых у других народов лунными домами или домициями и каждое из коих содержит до 6480 малых звезд; все они расположены по четырем пространствам неба так: Восточное созвездие – *Tistar*: 15.

Mashaha, 16. Spur, 17. Husru, 18. Srob, 19. Nur, 20. Gel, 21. Garafsa. Западное созвездие – *Sataves*: 1. Miyan, 2. Kaht, 3. Padevar, 4. Pesh-Parviz, 5. Parviz, 6. Paha, 7. Avezar, Южное созвездие – *Vanand*: 8. Besu, 9. Bakhvad, 10. Taraha, 11. Avra, 12. Nahu, 13. Miyan, 14. Avdeni, 15. Северное созвездие – *Haptok-ring* (Ursa Major), 22. Varant, 23. Gau, 24. Goi, 25. Muru, 26. Bunda, 27. Kahtsor, 28. Vaht; в) периоды дня *Gah* (Gah) и полудня – *Rapitvin* с церемонией архангелов; г) ангелов хранителей людей или духов – стражей – *Fravahar*.

Гл. III. (1–27). Стремление и попытка злого духа и его сообщников к производству расстройств в гармонии неба, сотворении им ядовитых и вредоносных тварей, нарушению порядка в созвездиях, оппозиция добрых духов и ниспровержение дьявола в ад с устройством небесной преграды.

Гл. IV. (1–4). Гайюмард – родоначальник людей и Газурван – животных.

Гл. V. (1–8). Семь планетных духов-правителей, соответствующих созвездиям, *Tur* – Меркурий в созвездии Тистар, Марс – *Vahram* в созв. *Haptok-ring*, Юпитер – *Auharmazd* в созв. *Vanand*, Венера – *Anahid* в созв. *Staves*, Сатурн – *Kevan* в созв. великого единого среди небесной тверди, *Гокикар* и скрывающийся *Muspar* с хвостами, между солнцем, месяцем и звездами; горы окружающие мир, – *Alburz* и *Terak* в середине мира, – восполняют творение, от них начинают периодически свое обращение и кончают солнце, луна и все звезды. На кольцеобразной горе Альбурз в четырех частях, находятся по 180 отверстий (*rogin*), сквозь которые проглядывает солнце в своем движении; дважды в году день и ночь бывают равны (равноденствия), два дня бывают длинными и две ночи тоже длинными, им противоположны кратчайшие дни и ночи. День и ночь равны – весной, когда солнце в 1-й степени (*Khurdak*); когда солнце в 1-й степени *Kalakang* (Рак) – день длиннейший, так быв. в начале лета; когда солнце в знаке *Taraguk* (весы), день и ночь равны, так в начале осени; когда солнце в знаке *Vahik* (козерог) – ночь самая длинная, так вначале зимы; когда в знаке *Vanik* (Aries), ночь и день равны. Солнце вступает снова в то место, откуда вышло и стало видимо из окон Альбурза через 365 *Gatha* дней. Когда солнце в восточной области *Savak* – самый краткий день тоже и в южной области в знаке *Fradadafch* и *Vidadafsh*, на западе в *Arsah*, на севере в *Vorubarst* и *Vorugarst*.

Гл. VI. (1–4). Попытки злого духа предвосхитить власть на небе в царстве Агурамазды, возмущение против него и ниспровержение ангелами-хранителями – *fravahar*.

Гл. VII. (1–17). Вторая борьба с водою.

Гл. VIII. (1–5). Третья борьба с злым духом на земле.

Гл. IX. (1–6). Четвертая борьба с растениями.

Гл. X. (1–4). Пятая борьба с первобытным буйволом (*ox*) – представителем семенной плодотворной энергии – *tokhmih*; Гл. XI. (1–6), прочие случаи: шестая борьба *Гайюмарда*, седьмая – огня, восьмая – созвездий, девятая – небесных ангелов с злым духом, десятая – при невмешательстве прочих звезд; о видах творений и природе почвы (*lands*).

Гл. XII. (1–41). Природа гор и название их.

Гл. XIII. (1–16). Природа морей и название их,

Гл. XIV. (1–31). Природа пяти родов животных (верблюды, конь, пес, гриф, рыбы *Кар* и *Немаду*), сто десять пород птиц.

Гл. XV. (1–31). Природа людей (дыхание – *nismo*, душа, – *zubân* тело, мужчина и женщина) поколения – мужск. *Siyâkmaq* и женск. *Nasak*, от них – *Fravak* и *Fravakau*; раса = *sardak*; всех рас шесть. 1) от *Tâz* и *Tâsak* произошли *Tâsikân'e* (арабы); 2) от муж. *Hoshuang* и *Cusak* жен: произ. *Airânakân* (иранцы), 3) *Мазандеране*, 4) *Surak* т. е. жители восточного Оксуса и *Anêr* жители побережья Каспия, *anârya*, т. е. неарийские, 5) жители стран *Tur*, *Salm*, *Seni* и *Dai*, т. е. Туркестан, *Salm* – *Arum* – Римская империя и малая Азия. *Seni* (*Send*) вероятно Самарканд или китайцы. Все 25 рас произошли от *Гайюмарда*.

Гл. XVI. (1–7). Плодородная природа мужчины и женщины, её определение, происхождение цвета волос, кожи; предметы мужского рода в женского; замечание о рыбе.

Гл. XVII. (1–9). Природа огня, его пять родов: огонь *Berezi-savang* горящий пред Агурамаздой, жертва гор, молния, огонь *Voha-fryân* в теле людей и животных, огонь *Vrvâzist* в растениях, огонь *Vazist* – облачный, огонь *Spenist* обыкновенный, употребляемый всеми.

Гл. XVIII. (1–10). Природа глубины океана, гор и других предметов.

Гл. XIX. (1–36). Сотворение животных (осел, олень, бык, еж), птиц (камрос, грифон, зобара) и гадов (змеи).

Гл. XX. (1–34). О природе рек (Араг, Вег, Диглиг, Фрат, Датик, Даргам, Зондак, Гарот, Марв, Гетуман, Акхошир, Зисманд, Кхегаванд, Балк, Мерва, Спед, Рад и проч.).

Гл. XXI. (1–6). О природе жидкостей семнадцати родов и течении рек, наводнениях и разливах рр. Араг, Марв, Вег и др.

Гл. XXII. (1–11). О природе озер (Кекаст, Савбар, Куаризем, Фраздан, Зарниманд, Асваст, Гуюду, Сатавес, Урвиз).

Гл. XXIII. (1–3). О природе обезьяны и медведя, и негритянской черной породы.

Гл. XXIV. (1–30). Главные представители людей и животных: Гайюмард – как родоначальник людей, козел, баран, верблюд, бык, конь, кошка, осел, собака, заяц; птицы – грифон, карсипт; рыбы; кар, дантик, дарага; леса: седой или древнейший; озера, растения (медицинские), реки, деревья, горы и проч.

Гл. XXV. (1–22). Религиозный год: мир создан в 365 дней, в 6 периодов Гаганбар; месяцы, дни и ночи, (газары), времена года: Mīdīyagēm, Medokshem, Hamespamadāyem, год, месяц и день високоса; год месячный (месяцы *весенние*: Фравардин, Ардавашет, Гарвадад; мес. *летние*: Тир, Амерадах, Shatvairo).

Гл. XXVI. (1–3). Паразанд (3½ до 4 английских миль).

Гл. XXVII. (1–25). О природе растений, зерен, их виды и названия, древо None (жизни) и древо Gokard, кипры, и проч., цветы, ароматы и пр.

Гл. XXVIII. (1–48). Злой дух Агарман и соподчиненные ему духи, их природа, названия, действия (демоны, Андар, Савар, Наикиа, Тапрез, Затрик, Таримат, Митокт, Араск, Эсм, Варена, Зег, Бушаен, Визареш, Уда, Акатат, Зарман, Аз, Нас, Фрифтар, Спарг, Арас, Ангаш, Бут, Астовидад, Яздан, Апаош, Аспенгарак, Кундак, Гочикар, Муспар и проч., герои – Кауап).

Гл. XXIX. (1–15). Патриархи в разных странах земли, их имена и провинции древнего Ирана.

Гл. XXX. (1–33). О природе воскресения и будущем состоянии тварей.

Гл. XXXI. (1–41). О расе и генеалогии Кауап'ов.

Гл. XXXII. (1–10). Продолжение того же.

Гл. XXXIII. (1–12). Семейство Мобедов (жрецов парсов).

Гл. XXXIV. (1–9). Времясчисление и определение годов (до арабского завоевания и эпохи Магомета).

Текст 1) Время состояло (вначале) из 12.000 годов. В откровении говорится, что 3.000 годов были продолжением духовного состояния и когда твари жили без мысли, неподвижно, неизменяемо и 3.000 годов жил Гайюмард в мире с первобытным быком.

2) Так прошли 6.000 годов в ряде тысячелетних царствований в зод. знаке *Весы* – libra и, противоположно им Гайюмард жил 30 годов в скорби и несчастий.

3) После 30 годов Масгия и Масгийой пустили свои корни; 50 годов не было ни жены ни мужа, прошли 93 года, когда вместе жили муж и жена, и после должен был явиться Госиан (Hoshyang).

4) Госиан жил 40 годок Такморун 30 годов, Им в своей славе скончался 616 годов и 6 месяцев, после чего 100 годов прошли в тайне.

5) Тогда тысячелетнее царство перешло в знак *Скорпиона* – Scorpio и Дарак управлял 1.000 годов.

6) После тысячелетия царствование перешло в знак *Стрельца* – Sagittarius, Фрадун царствовал 500 годов, в числе коих 12 годов, Айрика; Манускигар – 120 годов в том числе на горе укрепленной прошли 12 годов – Фразиава; Зоб Tuhmaspian провел 5 годов.

7) Kai-Kabad провел 15 годов; Кай-Каус жил под небом 75 годов, и 75 годов, всего – 150 годов, Кай-Кузров – 60 годов; Кай-Лерасп 120 годов; Кай-Вистасп обратился к вере на 30 году, всего – 120 годов.

8) Вогуман, сын Спайд-дад –112 годов; Гумаи имел дочь Вогуман 30 годов; Дараи сын Кигар-азад, от дочери Вогумана, 12 годов; Дараи сын Дараи 14 годов; Александр Руман (т. е. римский или византийский, в пельвийском тексте Sikandar-i Arūmak) – 14 годов.

9) Ашканиане (Askatians) царствовали непрерывно 284 года, Ардастр сын Папак и Сазаниев (Sāsānians) 460 годов, затем произошло подчинение арабам.

2. «Бахман-Яст» (Bahman-Yast), обыкновенно называемые «*Зандт и Вагуман Ясно*», т. е. «*Занд к Вагуман Яст*», – признается пророчесственной книгой, в коей Аугармазд объясняет Заратуште учение о предстоящей будущности и судьбе иранского народа и религии. Вся книга состоит из трех глав беседы: (гл. I) говорится о бессмертии, всемогущей мудрости; приводится видение древа с четырьмя ветвями из разных металлов, символизирующих четыре периода

времени; сообщается о некоторых демонах и идолопоклонниках, имеющих явиться при конце тысячелетия, – о еретике Маздаке и Кузро-Нокшрване, не принимавших учения Яст, но только комментарий. (Гл. II). Приводятся подробности из комментария к Вогуман-Яст. После беседы Аугармазда о бессмертии, объясняется символически отдельный период времени из семи дней, под видом древа с семью разными металлическими ветвями, знаменующими семь эпох религии, шесть приходится на царство Вистаспа, Ардакшира – царей, и седьмая – несчастная, когда Иран будет достоянием восточных демонов и идолопоклонников, и самый народ рассеется по разным странам и религия почти едва будет заметна. Подробности сего несчастного периода, описанные плачевным тоном, составляют большую часть текста, с замечаниями о предстоящем и сменяющемся господстве арабов, римлян, народов тюркских – не туранцев, и которых писатель называет демонами, опоясанными кожами. (Гл. III, 1). На вопрос, каким образом должна будет обновиться религия и разрушиться царство демонов? Аугармазд отвечает, что с течением времени, злые враги с красными знаменами, красным оружием и красными шляпами, какие видим у христиан, появятся на северо-западе, проникнут до Арванда (Tigris) или Евфрата, прогонят обратно прежних демонов, составлявших между собою большие скопы для великой борьбы, и на одном из трех страшных сражений религий мира, окончательно потерпят поражение и ни один из них не спасется до предстоящего тысячелетия. (Гл. III, 12). После побежденных демонов с мерзким видом, появится *Гушедар*, первый из трех последних апостолов, уроженец подле озера Фраздан, и когда он соединится с князем Кайяном, по прозванию Ваграм или Варгаванда, и соберет в течении 30 лет обширную армию из Инда (Бактриана) и «Цини» (Kini – Самарканда), и двинется на Иран, тогда усиленный иранскими войсками, он поразит демонов черной расы в огромной битве, после страшного столкновения сил, так что останется в живых только один мужчина на тысячу женщин. (Гл. III, 24). Для произведения доброго результата гигантской борьбы необходимо будет участие сверхъестественных сил; сам злой дух соединится со своими поклонниками тогда как Аугармазд пошлет своих ангелов в Канадез, пригласит Пешиотану, бессмертного сына Вистаспа, с его учениками, для восстановления священного огня и обновления религиозных церемоний; тогда ангелы ополчатся против злых духов, так что Ваграм Варгаванд успеет разрушить враждебную расу, после чего Пешиотану сделается первосвященником иранского мира.

Прочие подробности (гл. III, 44) касаются миссии трех последних апостолов, являющихся для разрушения враждебных рас. Гушедар знаменует свое послание остановкой солнца на десять дней и ночей, он придет с целью – обратить в первобытное состояние все творение; по истечении тысячи лет явится Пешиотану и начнется разрушение Сассанидов – династии, имеющей прекратиться в 17 столетий. Второй апостол *Гушедар-маг* явится в мире для врачевания людей и дарования жизни; тогда, против демонов Аугармазд пошлет своих ангелов и в конце тысячелетия распространит свою власть. Последний апостол *Сосиан* явится сделать все твари снова чистыми; по воскресении мертвых тогда начнется и жизнь будущего века. В MS персидского перевода той же книги сообщаются более определенные подробности, касательно будущего состояния мира и людей. Так, говорится, что с пришествием Гушедар-мага и началом тысячелетия его царства, люди будут довольствоваться только молоком коров; что с появлением всех сил Ауграмазда солнце станет на 20 дней и ночей, и $\frac{2}{3}$ народа уверуют в истинную религию, будут вкушать млеко и масло и Гушедар-маг поразит страшного змия, его преследующего, при помощи божеской славы и формул Авесты; он осветит все вредные твари мира, и дикие животные будут жить среди людей без всякого вреда для них; все враги и отступники веры будут изгнаны вон, мир населится блаженными обитателями и всякая ложь изгонится от них. После 500 годов Гушедар-маг снова придет, явится Сосиан (Сазан), разрушит врага и предаст огненному мучению. Солнце станет на 30 дней и ночей, люди уверуют в религию, год будет из 360 дней ровно. Дагак убежит из заключения, и воцарится в мире в полтора дня, с многою тиранией, тогда Сосиан победит хитростью Сам-Парамана, принявшего религию и сделавшегося бессмертным. Сам призовет Дагака к принятию религии, но последний будет предлагать свою для совместного царствования на небе. Всякое зло удалится от людей и они будут подобны архангелам, совершится воскресение, каким оно описано в XXX гл. Бундаги.

3. *Шайяст ла-Шайяст* (shayast la chayast) есть другое рассуждение подобно Бундаги, относительно того же времени; это – компиляция разного рода законов и обычаев о грехе и нечистоте, с замечаниями о церемониях и религиозных предметах вообще. На персидском языке смесь и традиционные воспоминания называются "*Ривайяст*", по пельви – «Ривайят», что

равносильно перс. "Шайяд" (shayad) или "Шаяст". Помянутое рассуждение состоит из двух частей об одном и том же предмете, одинаковых и по времени, особое прибавление составляет дополнительную третью часть смешанного содержания и другого автора. В первой части содержатся: названия и итоги разных степеней греха, и имена главных комментаторов Вендидат. Излагаются подробно предосторожности в обращении с трупами покойников и сношении с женщинами, имеющими месячные очищения, и случаи нечистоты; упоминается и нечистота (pollution), причиняемая змеем (гл. II, 33–35), описываются особая величина и материал для тканого священного пояса и рубашки, сообщаются случаи греха излишней и неуместной болтовни, происходящей во время гуляния и хождения с обнаженными ногами; особенное внимание сосредоточивается на добрых делах и тех, кои могут улучшить человека, направить к хорошему; приводятся примеры осмотрительности у христиан и иудеев (гл. VI, 7), – говорится о почитании солнца и огня, исповеди и отречения от греха, очищении от него, особенно от смертных, происходящих как от влияния сторонних, так от собственной души; замечание о запрещении собирания богатства от охотничьего промысла (гл. VIII, 3). Остальная часть рассуждения – смешанного характера; так, во времена Газара жрецы обращались к идолопоклонству, не заботились рассуждать о вере и соблюдении церемоний, нечистоту бросали в море, любили кушать запрещенное и дурное во тьме; замечается четырех родов поклонение, и время призывания в молитве ангелов, – преходящей природе жизни, о ширине пояса, об изготовлении и употреблении священных лепешек, приносимых добрым духом, о поддержании священного огня во время беременности женщины, о благодарственной молитве по обливании водою, запрет чтения, Dathas над покойником, употребление пищи и питья ночью и лицом к северу, незаконное умерщвление животных, о том – сколько времени женщина бывает беременною и изъятою от наказаний, когда должна она ходить босоною, и когда рожденное ею дитя становится священным, отрывочное чтение про себя молитвы, о необходимости присутствия женщин при рождении дитяти, о способе обращения с ним, – грех от нанесения побоев и ударов невинному лицу; зло лжесвидетельства, о мужчинах и женщинах незамужних, о необходимости невмешательства в чужие семейные дела, дознание о детях служанки и их распознавание, преимущество потомства и крайности в раздаянии милостыни, молитва по случаю приобретения чего-либо или потере, Авеста не должна быть прочитываема бессознательно и про себя (mumled), при действиях сомнительных необходимо ею руководиться и искать совета, во время молитвы не следует смеяться и болтать, петь петухом или по куриному, обращение с нечистыми животными (Hedhegog), также после внезапной смерти не должна быть допускаема порча (тела), необходимость смотреть пристально за псами, гнилыми съестными припасами, плетеными хлебными лепешками и маслом при церемониях, случаи – при которых женщинам дозволены обязанности жреческого служения, и пр.

Вторая часть начинается названиями и определением разного рода степеней греха; говорит о жертвоприношениях разным ангелам и гениям хранителям людей; затем следует указание на следующие случаи и предметы: простейшая форма богослужения, необходимость повиновения первосвященнику, выгода от нахождения огня в доме, грех облачения умершего человека, принесение святой воды на ряду с огнем по смерти, нарезки гвоздем при молитве над покойником, необходимость и полезность при рождении младенца употребления освещения, жертвы ангелам, поддержание огня при беременности женщины и рождении дитяти, зубочистка (Toothpick) должна быть свободна от грязи, распознавание дитяти служанки (haudmaid), преимущество жертвы и польза милостыни, зло от добывания колодезной воды ночью, полезность молитвы во время пиршеств, обращение при нечистоте, молитва при умывании лица, собственный выбор жреца для очищения, потребности твердой надежды на небо, необходимость женщине быть религиозною и верной своему мужу, церемонии, сопровождаемые добрыми делами, причина чихания и зевоты и усиленного метания. Следует далее обзор мистического значения Dathas, с наставлением и предупреждением об ошибках кои могут случиться в изготовлении священных лепешек, и времени начинания утренней стражи.

Третья часть, или appendix, начинается рассуждением о том, как много благодетелей может ожидать молящийся от тех или других ангелов, какое требуется собственное мнение о их духовном бытии и особенном покровительстве. Устанавливаются разные степени греха, перечисляются и излагаются священные формулы при разных церемониях. Говорится далее о церемониях похоронных, случаи, по которым не может быть воскресения из мертвых, – об обязанности подчинения первосвященнику, – не должно платить злом за добро, о месте, в

которое может удаляться народ при смертных случаях. Случаи, при коих должна быть прочитываема молитвенная формула Ahunavar; постановления о продолжительности полуденной и послемесячной тени, о славословиях и благословении 30-ти ангелов и архангелов, управляющих днями месяца, специальные эпитеты каждого из них. Шават ла-Шайяст имеет в себе глав XXVIII.

4) *Ясты и Сирозах* (Yasts and sirozahs). Слово *Яст*, Зендски "есту" (yesti), означает собственно действие богопочитания и в предании парси часто синонимично с yasna; преимущественно же прилагается к известному числу сочинений, имеющих высший поэтический и эпический характер и весьма ценный летописный обзор древней мифологии исторических легенд Ирана. У парси "сирозах" служат вводными к "Яст" в собственном смысле. Эти сочинения ныне известны не все и Мюллером переведены на английском языке по фрагментам и сборникам наиболее лучшим. "Сирозах" букв. значит «тридцать дней», по коим расположены молитвы и славословия к соответствующим Изедам, управляющим 30 днями месяца. В Индии Сирозах читались в честь умершего в 13-й день по погребении, в 13-й день 6-го мес., в 13-й день 12 мес., и ежегодно в 13-й день после дня годовичного (Anqueilil, Zend Avesta, II, 315). Соответствие между формулами Сирозах и Яст – следующее: 1) Ормазд = Ормазд-Яст (1,1–23); 2) Баман = Баман-Яст (1,24–33); 3) Ардибегест = Ардибегест-Яст (III); 4) Шаревар; 5) Сапендармад; 6) Хордад = Khordat-Yast (IV); 7) Мурдад; 8) Дай-на-Адар; 9) Адар; 10) Абан = Абан-Яст (V); 11) Хорзгред = Khorshed-Yast (VI); 12) Мар = Mah-Yast (VII); 13) Тир = Tir Yast (VIII); 14) Гос = Gos-Yast (IX); 15) Дай-па-Мигир; 16) Мигир = Mihir-Yast (X); 17) Срош = Srosh-Yast (XI); 18) Рашн = Rashn-Yast (XII); 19) Фарвардин = Farvardin-Yast (XIII); 20) Бахам = Bahram-Yast (XIV); 21) Рам = Ram-Yast (XIV); 22) Бад; 23) Дай-па-Дин; 24) Дин = Din-Yast (XVI); 25) Ард = Ashi-Yast (XVII); 26) Астад = Astad-Yast (XVIII); 27) Асман; 28) Земиад = Zemyad-Yast (XIX); 29) Маграспанд; Анеран. В переводе Мюллера, пред Ястами поставлены сначала два «Сирозах» в коих указывается на значение имен 30 Изедов в виде похвалы и славословия к каждому из них.

Содержание Яст и примечания к ним (по Мюллеру).

1) *Ормазд-Яст*, – собственно так называемая, кончается § 23, остальное до конца из Баман-Яст; в сей кн. перечисляются имена Агура с похвалою его добродетели и могуществу: §§ 1–6. Имена Агура Мазда наиболее высшие из св. мира; §§ 7–8. Перечень 20-ти других имен его; §§ 9–11. Сила и значение их; §§ 12–15. Прочие имена; §§ 16–19. Тоже; §§ 20–23. Различные молитвенные формулы призывания божества. О числе известных имен надлежит заметить, что оно весьма значительно у восточных писателей: Дастур Наширван насчитывает 101, Дастур Марзбан до 125, у мусульман Аллах имеет 1001 прочих. Вторая часть Яст, так назыв. Баман-Яст, состоящая из фрагментов, несколько повреждена, особенно в §§ 28, 29, 30.

2) *Галтан-Яст*, читается в дни, посвященные Амешаспента, содержит повторение формул из Сирозах §§ 1–5 = Сирозах I, 1–7; §§ 6–10 = Сироз. II, 1–7; прочие секции из оригинальной части Яст §§ 11–15.

3) *Ардибегист-Яст* по большей части посвящена молитве к Айриаману об избавлении от всякого рода язвы и болезней, напускаемых на людей от Ангра Майни; далее излагается похвала Айриаману от Асга-Вагиста. Силы приписываемые Асга-Вагиста, имеют происхождением двойственную природу Амеша-спента, служащего олицетворением высшего начала маздеизма, т. е. Божественного порядка и святости, а в конкрете означающего гения, коим управляются физические элементы, из них огонь как наиболее могущественный и противоположный Ангра Майни. Яст имеет 19 ст.

4) *Хордат-Яст*; первые две секции оной посвящены Гаурвашат – гению здоровья и воды, прочая часть – церемонии Зороастровой Барешнум, для очищения от бездны зол. Эта Яст имеет 12 ст.

5) *Абан-Яст* посвящена великой богине вод – Ардвизура-Анагита, Anahita, имеющей свои фонтаны для всех рек и морей на мифической горе Гукайриа, в звездной области, отсюда имеет начало, по индийской легенде, река Ганг. Яст содержит 20 имен исторических героев Ирана особенно чествуемых, говорится подробно о происхождении Ардвизура с небес (§§ 86–89), о правилах жертвоприношений Заратустра (§§ 90–97); начинается же похвалою Ардвизура за его благодеяния (§§ 1–16); имеет всего 133 ст.

6) *Хоршед-яст*, читаемая в дни, посвященные солнцу, Мифре (Mihir), небу (asman), бесконечному свету (anaghra), и Кшатра-Вайриа (Shahrivar); имеет 7 ст.

7. *Маг-яст* посвящен месяцу, читается в дни его и других (Bahman, Gos, Ram), имеющих свое пребывание в созвездии тельца; всего стихов 7.

8. *Тир-яст*. Тистриа или Сириус, управляющий звездами против планет описывается как божество дождя и влаги, ему посвящен первый месяц летний (21 июня по 21 июля); яст читается в дни Тистриа, и гения воды (Гаурватат), ветра (Бад), и Фарвардина; имеет 62 стиха.

9. *Гос-яст*. Гос букв. корова, есть олицетворение животного царства, которого почитается покровителем, иначе называется Дрвасна и Гозурун, первая охраняет коней, второй – дух тельца (созвездие) или женский ангел 14 дня. В означенном яст описывается Гос (§§ 1, 2), излагаются молитвы к иранским героям Гариманга (3), Ими (8), Третаона (13), Гаома (17), Гуераваг (21), Заратуштра и Вистиспа; всех стихов 32.

10. *Мигир-яст*, одна из длинных в Авесте и наиболее интересных с литературной точки зрения; содержит разные молитвенные отрывочные славословия и прошения к небесному богу свету Мифре (§§ 12, 50, 67, 104, 124, по 136 и пр.), он же божество истины и всеведущий, свидетельствующий об истине, хранитель всякой клятвы и правоверия (§§ 2, 44, и след., 79 и след., 81 и след.), он умудряет и сохраняет всякого верующего в Мифру, разрушает дома и наносит поражение противящимся (§§ 17 и след., 28 и след., 35 и след., 47 и след., 99 и след., 105 и след., 112 и след., 128 и след.). В частности интересны §§ 115–118, где содержится набросок нравственной соподчиненности в Иране и §§ 121–122, где излагается начало троичности (3 дня и 3 ночи, 30 строк молитвы); всего стихов 145.

11. *Срош-яст гадгокхт* (Srosh-yast Hadhokht), два яста эти посвящены Сраоше – ангелу богослужения; одна часть из Яст (LVII, LVI) и другая Срош-яст-гадгокхт; обе сходны в общем (§§ 9, 10 и 13), первая более описательного свойства и поэтическая по преимуществу, другая литургическая, и читается ежедневно в течение многих дней исключая Рапитвим; всего в означенном яст 23 ст.

12. *Расн-яст* (Rashn-yast). *Расну-Разиста* «истиннейшая истина» есть гений истины, один из трех судей умершего человека, с Мифрою и Сраошей; он держит весы, на чашах коих измеряются дела почившего, это бог справедливости, строгого суда, всеведущий и неподкупный (§ 2), поэтому призывается при судебных ордалиях и показаниях свидетелей и защитников; ему ведомы все тайны мира на земле (9–22), он высочайший на небе (34), проникает сквозь Alborz (23–26) и звездную область (26–32), пространства месяца (33) и солнца (34); эта яст читается в 18, 7, 26 и 28 дня месяца, содержит 40 стихов.

13. *Фарвардин-яст*. *Фравасги* есть внутренняя сила в каждом существе, ею оно движется и поддерживается, растет, живет, вначале она тоже что Pitris индусов и manes латинян, затем под нею разумеются и обоготворенные души умерших (§ 49–52), наконец не только люди, но боги всяких физических предметов под небом и на земле (§ 85–86), все они имеют свои «Фравасги» (см. Ормазд и Ахриман, § 111–113). Яст делится на две части; первая (§ 1–84) содержит прославление сил и атрибуты Фравасги вообще; в последней части исчисляются Фравасги наиболее знаменитых героев маздеизма (§ 85–158), начиная с первого человека Гайя Маретан, до последнего. Саосиан (saoshyant). В сей части содержатся легенды Ирана, с множеством имен собственных, коих перечень делится на семь глав: первая часть (§ 85–95) содержит имена некоторых богов, первого человека – Гайя-Маретан, первого законодателя Заратуштра, и первого ученика его Maidhyo-maungna; вторая часть (§ 96–110) содержит имена ученых Заратуштра, наиболее эпического цикла Вистаспа: третья ч. (§ 111–117) неопределенного характера, имеет имена, неизвестные в эпических легендах; четвертая ч. (§ 118–128) посвящена героям прочих Karshvares и мифических существ (§ 121, 122, 127, 128); пятая ч. (§ 129) посвящена Саосиану; шестая ч. (§ 130–138) героям до Заратуштра; седьмая ч. (§ 139–142), посвящена святым женщинам маздеизма от Хуови, жены Заратуштра до Срутат-федри, Вангу-федри, и Эредат-федри, будущих матерей трех нерожденных сынов. Всех стихов в Фарвардин-яст 158.

14. *Барам-яст* (Bahram-yast). Барам или Verethraghna, гений победы; яст в честь его делится на четыре части: первая ч. (§ 1–28) содержат исчисление воплощений означенного бога, под коими он являлся Заратуштре: ветер (§ 2), бык (§ 7), конь (§ 9), верблюд (§ 11), боров (§ 15), юноша (§ 17), ворон (§ 19), баран (§ 23), олень (§ 25), человек (§ 27); вторая ч. (§§ 30–33) силы Веретрагна обнаруженные к его почитателю Заратуштре; третья ч. (§§ 34–46) магические силы, приписываемые перьям ворона наводящим террор на армию и её рассеивающие; четвертая ч. (§§ 47–64) прославление Веретрагна. В Барам-яст стихов 64.

15. *Рам-яст* назван от гения 21 дня месяца (Сирозах § 21) иначе именуемого *Bama Hvastra*, и посвящен его Гамкар-Вайю. Яст делится на две части: первая ч. (§§ 1–140) содержит перечень поклонников и жертвоприносителей Вайю: Агура-Мазда (§ 2), Гаосианга (§ 7), Такма-уруна (§ 11), Има (§ 15), Ази-Дагака (§ 19), Траэаона (§ 23), Керезаспа (§ 27), Аурвазара (§ 31), Гутаоза (§ 35), иранские девушки (§ 39); вторая ч. (§§ 42–58) содержит специальный перечень многих имен Вайю (§§ 42–50). Всего стихов 58.

16. *Дин-яст*. Название от *Din* (Daena) божества, управляющего 24 днями месяца вместе с *Kista*, а потому фактически ясно посвящен сему последнему (§§ 2, 7); оба эти гения сходные по природе, отличаются тем, что *Daena* есть олицетворение Зороастрова закона и религии, а *Kista* – религиозное познание, мудрость (*Farganak, pirvanagnana*); всех стихов 19.

17. *Асги-яст*. *Ashi Vanguhi* или «добрый Асги», есть женское олицетворение благочестия и в тоже время почитается источником всякого блага и богатства, неразлучных с добродетелью, потому призывается в молитве наравне с богиней счастья (*Fortuna*) и сокровищ (*Parendi*); в сем последнем образе она представляется в Яст (§§ 1–14), ей молится, её любит Заратуштра (§§ 15–21), ей поклоняются Гаосианга (26), Има (28), Триэаона (33), Гаома (37), Гузривах (41), Заратуштри (45), и Вистиспа (49); она не приемлет жертв от народа бесплодного (старые мужчины, куртизанки и дети (§ 53–61)).

18. *Астад-яст*. *Arstat* значит полнота истины, – божество вместе с гением истины *Расну Разиста*, управляют 26 днями месяца, всех стихов Яст имеет 9.

19. *Самияд-яст*, называемый от гения земли посвящен описанию гор и царственной славы (*Kavaem Hvareno*); прежде перечисляются горы (§§ 1–8), затем излагаются молитвы к *Hvareno* и его силам, обращение к Агура-Мазде (10), Саосиану (89); перечисляются: Амеша-спента (15), Гаосианга (26), Такма Урупа (28), Има (31), Мифра (35), Траэаона (36), Керезаспа (38), цари Кайлианской династии (66–72), Кави Гусравах (74), Заратуштра (79), Вистаспа (84). Означенный Яст содержит краткую историю иранской монархии упоминаемой в Шах-Намэ, имеет 97 стихов.

20. *Ванант-яст* (*vanant yast*), дополнительные к *Тар-яст*.

21 и 22. Фрагменты яст, у парсов известны под названием *Hadhokh Nask* (имеют 21 ст.); 21 яст есть похвала Асгем Богу с молитвою к нему; 22 яст есть описание судьбы, ожидающей душу праведника (§§ 1–18) и душу грешника (§§ 19–37) по смерти. Первые три ночи проводят они в высшей радости, затем приходят в себя под видом прекрасных небесных девиц, идут по четырем ступеням на небо или в ад, сквозь три рая бога мысли-разума, бога-слова и бога-действий, или три ада злого духа, злого слова и злого действия; они молятся пред Агурою, славословят его, или отринутые ими уносятся в царство Ангра-Майниу, питаются или амброзией или ядом. Подобные описания см. в яст XXIV, 53–65; *Arda Varat* XVII, *Minokhired* II, 123–194. Всего стихов в 22 яст – 42.

23. *Африн пайгамбар Заратуст* и 24. *Вистасп-яст*. Бог даровал Заратуштре величайшее творение – Зендавесту, причем сказал: иди пред лицо шаха Гуштаспа, прочти сию книгу, дабы он уверовал словам её... соблюди весь совет мой и повтори слово в слово шаху Гуштаспу. Заратуштра, повинувшись Богу, идет ко двору Гуштаспа; прежде всего призвал на шаха благословение Божие, затем прочел Зендавесту и сказал: «изучи постановления и ходи согласно с ними; и если угодны будут законы получишь рай на небесах, если же отвратишь от них лицо свое, будешь низринут с главою во прах; Бог прогневается на тебя и лишит великого счастья. Напоследок ты сойдешь во ад, если не примешь на сердце и не исполнишь совета всемогущего».

Приведенные строки из Шах-намэ могут служить вкратце повторением в означенных двух ястах. Первая из них озаглавлена: «благословение пророка Заратуштра» содержит слова благословения Божьего, изреченные ему пред посланием к царю. Подобные же слова произносит и Гамаспа, первый министр Вистаспа. Яст 24 содержит увещания пророка царю следовать и исключительно повиноваться закону Мазда. Таков же дубликат в XIX фаргард Вендидада, где Заратуштра уполномочивается передать закон и обетования о наградах и наказаниях. Вистаспу – яст 23-й в сущности был в начале с 24-м в одной книге и составлял её введение, только впоследствии отделился. Издания обоих не все дошли в надлежащем виде и полноте; всего стихов в 23 яст 10-ть, а в 24-м 65.

5. *Нуйиу* (*Nuiais*). В собственном смысле эта начинательная молитва, противоположна *sitayis* – молитве хвалы; в частности это название усвоится пяти молитвам солнцу, Мифре, месяцу,

водам и огню; каждый мирянин с 8-летнего возраста по старость читает эти *ниайи* притом всегда стоя и опоясанный священным кушаком (*kosti*).

Ниайя солнцу читается трижды в день, при восходе с зарею (Гах Гаван), в полдень (Гах Раптивин), и в три часа по полудни (Гах Узирен); *ниайя* Мифре читается с солнечною, потому что Мифра представляется следующим за солнцем в его течении по небу. *Ниайя месяцу* читается трижды в месяц: сперва, когда месяц начинает быть видим, затем – во время полнолуния, наконец при ущербе. *Ниайя водам и огню* читается ежедневно, последняя соединяется с *Пеном*. Первые четыре *ниайи* должны быть прочитываемы специально в дни, охраняемые изедами, таковы дни Хормед, Мигир, Маг, Абан (11, 16, 12 и 10 дни месяца); последняя в сборнике Мюллера – *Atas Nyayis* (в 18 ст.).

6. "Вендидад" или «Вендидад-Сидах»

Означенного названия книга парсов, имеющая значение законов, может быть точнее определена как кодекс об очищениях по преимуществу, хотя и содержит другие отделы гражданского и уголовного права. Первые две главы обилуют мифическим содержанием, в прямом или косвенном соотношении с главным предметом, и суть остатки древнеэпической и космогонической литературы. В 1-й гл. говорится о творении и враждебно противоположных действиях Агура Мазда и Ангра Майниу; во 2-й гл. о Име (Yima), основателе цивилизации. В 19-м фаргарде, рассуждается об откровении закона Агурою Заратуштре, прочие семнадцать глав, главным образом с религиозными правилами, с мифическими фрагментами, или нравственными размышлениями, рассеяны по разным местам, и более или менее искусно согласованы с текстом. Главы с 5-й по 12-ю главным образом посвящены обзору случаев нечистоты и способов устранения оной, хотя о сем предмете рассуждается и в других фаргардах. Фаргарды 13-й и 14-й посвящены псу (*dog*), и отдельно говорится еще в фарг. 15-м; 16-й, 17-й и большая часть 18-го посвящены частным родам нечистоты; 3-й – земле, 4-й поставлен особняком и касается более гражданских и уголовных законов. Наибольший порядок в расположении предметов замечается внутри отдельных частей и повторений об одном и том же замечается менее. Замечаемый недостаток в системе, свойственный более или менее многим творениям восточным, зависит как от первых составителей Вендидада, так и от господствующих редакций. Закон открывается Агурою в серии ответов на вопросы, предлагаемые ему от Заратуштры; эти вопросы однако же, не имеют общего характера, но обсуждаются детально, предмет разбивается на фрагменты, каждый из них состоит из вопроса и ответа, ставится самостоятельно и независимо от прочих на странице. Для нас, приноровительно к ученому методу, эти вопросы могут быть рассматриваемы под следующими категориями: 1) законы об очищении; 2) законы гражданские (договорные и семейные), 3) законы уголовные, 4) законы религиозно-гражданские. Следуя сему замечанию М. Мюллера, в его введении к Вендидад, и переводу оной книги на английский язык, должны сообщить о самых источниках и пособиях, коими он руководился в восстановлении означенного зендского кодекса. Сличая несколько списков разных редакций, комментариев пельви, он пользовался переводами Гуджарати и парафразисом Аспендиаржи (*Aspendiarji*), персидским новым переложением (*translincation*) и переводом Гауга (*Haug*) Мюнхской коллекции, комментариями к Авесте проф. Spiegel'я и Мартина Haug'a, текстом Авесты Westergaard'a с делениями на §§ ими усвоенными; нечистые места текста исправлены, недостающие восполнены, терминология установлена определительная и точная. Полный Вендидад разделен на XXII фаргарда (*Fargard*), каждый имеет свои секции по частным предметам, в англ. переводе означены римск. цифрами, со стихами – арабскими цифрами. Полагаясь на англ. перевод с замечаниями и изъяснениями Мюллера, как на последний и лучший сравнительно с прежними (Анкетиль Дюперрон во Франции. Париж, 1771 г., проф. Спигель в Германии, Лейпциг, 1852 г., Канон де-Гарлец в Бельгии, Лувэн, 1877 г., проф. Блекк (Гертфорд, 1864 г.)), предлагаем следующее содержание фаргардов, предоставляя читателю ознакомление с подробностями в введении к Вендидад, в 5-ти главах, где рассматриваются вопросы: 1) об открытии Зенд-Авесты, 2) её интерпретации, 3) формации, 4) происхождении религии Авесты, 5) о Вендидаде.

Фаргард I. Исчисление 16-ти стран созданных Агура Маздой, и многих язв, происшедших от Ангра Майниа.

Фаргард II. Мифы об Име (Yima).

Фаргард III. Земля. I (1–6) пять местностей, где изобилует радость и счастье; II (7–11) пять местностей, где этого нет; III (12–35) пять предметов наиболее ценных на земле; IV (36–42) трупы умерших людей не должны быть хоронимы в землю.

Фаргард IV. Договоры и нарушения их. I (1) попечение о собственности своей и ближнего; II (2) классификация договоров; (3–4) вредные следствия их нарушения; (5–10) ответственность родственников; (11–16) денежная пеня за нарушение договоров; III (17–55) оскорбления, насилия; (18) определения их; (18–21) угрозы; (22–25) самоуправство и нанесение обиды; (26–29) удары; (30–33) раны и увечья; (34–36) раны с кровоизлиянием; (37–39) разбитые кости; (40–43) смертоубийство ненамеренное; (44–45) договоры; (46–59–55) ложная клятва и лжеприсяга; (47–49) молитва о физическом благоденствии и здоровье.

Фаргард V. I (1–7) человек не погрешает, когда ненамеренно, случайно, окажет некоторое пренебрежение к огню или земле; II (8–9) вода и огонь не боятся смерти; III (10–14) распоряжение об умершем в зимнее время; IV (15–20) кладбища с трупами – Dokhmas очищаются небесною водою, т. е. дождевою; V (21–26) о превосходстве чистоты по закону, когда она необходима; VI (27–38) о нечистой силе Nasu более или менее происходящей, смотря по достоинству умершего; VII (39–44) о приготовлениях к жертвенным действиям для очищения нечистоты умершего; VIII (45–62) обращение с женщиною разрешившеюся от бремени мертвым младенцем, и как поступать с её одеждами.

Фаргард VI. I (1–9) как велико бывает пространство земли нечистой, в случае когда она заражается мертвым телом; II (10–25) денежные штрафы за осквернение земной почвы мертвым и гнилым веществом; III (26–41) очищение разного рода водою, когда кто-либо оскверняется от покойника; IV (42–43) очищение Наома; V (44–51) место для мертвых тел, Dokhmas.

Фаргард VII. I (1–5) как долго после смерти Nasu остается около мертвецов? II (6–9) как далеко простирается нечистая сила Nasu? III (10–22) об очищении одеяний покойника; IV (23–24) постыдно вкушать пищу после покойников; V (25–27) гнусно бросать мертвое тело в огонь или воду; VI (28–35) очищение дерева и рога совершаемое при умершем; VII (36–40) врачи, их искус и доводы; (41–45) их доходы и плата за труд; VIII (45–50) очищение землею и в Дохма (Dokhmas), Дохма и девы; IX (60–72) рассуждение о женщине, родившей мертворожденного младенца; X (73–75) очищение сосудов после покойника; XI (76) очищение коровы; XII (77) нечистые возлияния.

Фаргард VIII. I (1–3) очищение дома после умершего в нем человека; II (4–13) похороны; III (14–22) очищение дорог, по которым проносятся трупы умерших людей; IV (23–25) не должно бросать одеяний, остающихся после умершего человека; V (26–32) незаконные вожделения; VI (33–34) не должно осквернять или пачкать труп покойника, когда он высушивается; VII (35–72) очищение человека, совершаемое после погребенного им покойника; VIII (73–80) очищение огнем после удаления покойника; IX (81–96) огонь Bahram; X (94–107) очищение в пустыни.

Фаргард IX. Девять ночей Барашнум (Barashnum). I (1–11) описание места для очищения нечистоты (Барашнум-гах); (12–36) описание очищения; II (37–44) денежная плата очистителю; III (47–57) ложный очиститель и наказание его.

Фаргард X. Заговорные формулы (spells), прочитываемые при процессе обряда очищения.

Фаргард XI. Специальные формулы (spells) при очищении разных предметов в отдельности.

Фаргард XII. Унаман, обязанности сына и дочери по отношению к умершим родителям и родителей к детям почитавшим, братьев и сестер, дедов и внуков, дядей и племянников, иностранцев, в случае смерти, определение времени очищения и молитвы.

Фаргард XIII. Dog – пес, собака. I (1–7) дог Ормазд и Ахримана; (1–4) дог Vanghapara (еж, hedge, Dog); (5–7) дог Lairimyangura (черепаха); II (8–16) проступки в отношении к догу; III (17–19) частные обязанности в отношении собаки; IV (20–28) собачий корм; V (29–38) собачье бешенство, как остерегаться от него и какие принимать меры; VI (39–40) о превосходных качествах дога; VII (41–43) собака-волк, wolf-dog; VIII (44–48) о похвальных качествах и дурных дога; IX (49–50) молитва за дога; X (50–54) собачья вода.

Фаргард XIV. Искупительные дела за убиение водяного дога, water-dog.

Фаргард XV. I (1–8) пять грехов, из коих один касается Peshotanu; II (6–19) о незаконных союзах и попытках к защищению преждевременных родов и выкидыша (abortion); III (20–45) обращение самки со своим детенышем; IV (46–51) о рождении и воспитании дога.

Фаргард XVI. I (1–11) о нечистоте женщины в течении её болезни; II (11–12) когда может вставать с одра болезни; III (13–18) разные законы, касающиеся сего предмета.

Фаргард XVII. Волосы и ногти.

Фаргард XVIII. I (1–13) о недостойном жреце и искушаемом в ереси; II (14–20) священное значение петуха; III (30–60) четыре любимцы Друга (drug); IV (61–71) незаконные вожделения.

Фаргард XIX. I (1–10) о попытке Ангра-Майниу убить и соблазнить Заратуштру; II (11–42) Агура Мазда открывает закон Заратуштре; III (43–47) Ангра Майниу скрывается в ад.

Фаргард XX. Thrīta и происхождение медицины.

Фаргард XXI. Воды и свет. I (1) молитва о священном быке; II (2–3) молитвенное обращение к граду как силе врачующей; III (4–7) молитвенное обращение к водам и свету солнечному; (12–17) – к воде и свету звезд; IV (18–21) волхование и чары против болезни.

Фаргард XXII. Ангра Майниу создает 99,999 болезней; Агура Мазда обращается за целебной силой врачевания в святому слову и Айриаману.

К §§ 62, 63, 64, 67. Замечания о сродстве древнего даосизма с буддизмом и маздеизмом, о личности Лаоцзы и почитании его наравне с Буддой

Замечания о сродстве древнего даосизма с буддизмом и маздеизмом и личности самого Лаоцзы, как буддиста, смешиваемого даже с самим Буддой; мнение Герберта Аллена по сему предмету; – даосизм есть результат смешения индуизма, парсизма, буддизма: а) замечание Эдкинса о Заратуштре, как основателе даосизма (?) и первый буддиста Си-ла в Китае, выходец из Индии, его жизнь и сочинения; б) мнение д-ра Вилльямса, о начальном буддизме при Мин-ди (65 г. до Р. Х) и Ши-гуане (221 г. до Р. Х.), генерале Хочу-бине (120 г. до Р. Х.), имевших буддийских металлических идолов; в) мнение о Лаоцзы, Сыма-цзяна и сказание о последних днях его жизни. – Смешение жизни и учения Лао-цзы с жизнью и учением Будды, значение слов «фо-ту» (сияющий, мудрый) и «Хуан-лао» – мудрецы и добродетельные, учителя юношества, изображение художниками сих лиц под типом Будды, пустынные сего рода, жившие в некоторых местах Китая, имевшие свой язык и письма (65 г. до Р. Х.), их знаки «черепаша» и «аист»; вывод из сказаний Сы-Мацзяна, что учение «Хуан-лао» и «Хуан-ди лаоцзы» есть простой буддизм, особенно известный с 221 г. до Р. Х. и что «Дао-дэ-цзин» – простой буддийский распространенный и известный трактат, Лао-цзы вовсе не принадлежащий

Предлагаем результат изысканий о сем предмете Герберта Аллена (The China Review, vol. XV, 1880). Как можем видеть и убедиться по разным памятникам и обычаям, донные существующим, древняя форма религии в Китае была основана на почитании неба, земли, предков, и духов, по предположению обитающих в звездах и планетах, горах, реках и разных предметах природы. Существует явное согласие этой религии и с тою, какую имели прочие восточные народы древности – парсы, индусы и другие, и космические представления коих находим даже в древних школах Платона, равно у последователей Зороастра. Даосизм поэтому, может быть рассматриваем как смешение (mixtura) дуалистической системы парсов о природе и чистого простого буддизма. По Майерсу, индусские метафизические идеи воспринятые в школе Лаоцзы, соединившись с буддийскими, привели к созданию мистицизма, благодаря коему возникли странные изыскания о превращении металлов в золото, о вечном жизненном эликсире и долголетию, с допущением в ранги гениев. Эдкинсу, за южными воротами города Дай-хуай, в Вудайшаве, удалось видеть небольшой храм, посвященный Ормузду-Тенгри (Hormosda Tingri), отождествляемому сим ученым с даосским божеством Ю-хуан-шан-ди. Zarat и Ushlra, переводимые Лаоцзюнем, означают основателя религии даосов. Самый термин Дао-сю (Tapasvi), применяемый к даосам, был обще буддийским для аскетов всех названий и Ficus religiosa, под которою Шакьямуни будто получил совершенную мудрость, называется Дао-шу или древо мудрости, древо познания и разумения добра и зла. Дао должно быть понимаемо вообще обоготворением мудрости. Если верить преданиям, что существующая донные в Вудайшане древняя пагода, одна из 84,000 прочих, сооружена царем Асокою и содержит мощи Будды, то буддисты в Китае появляются не раньше третьего столетия до Р. Х. В седьмой год Чао-вана государства Янь (305 г. до Р. Х.) появился в Китае человек по имени Си-ла (санскр. «нравственная чистота»), имевший 130 лет от роду, и пришедший из страны, называемой Му-су или Шэньту, что в Индии, где он и жил все время прежде. Этому мудрецу, по всей вероятности буддийскому монаху, приписывается очень много разных трактатов, особенно магического содержания, о разных чудесных предметах, к числу коих принадлежат рассказы о десятиэтажных пагодах Фо-ту в три фута высоты, с изображениями людей в пять и шесть дюймов длины, прогуливающих и танцующих кругом и вырастающих из конечностей пальцев. Д-р Вилльямс убежден, что буддизм до времен Ганской династии имел ничтожный успех; а по китайским авторам он входит в силу с Мин-ди, имевшего металлический идол спящего западного бога, который и побудил сего государя отправить в Индию нарочных посланцев для принесения и самых священных книг религии его заинтересовавшей (65 г. по Р. Х). По историческим летописям Сыма-цзяна, идолы сего бога (Будды) встречаются уже раньше. В 221 г. до Р. Х. император Ши-гуан (первый), для приготовления себе оружия из металла, покупает несколько колокольчиков с 12-ю металлическими человечками (цзин-жень), каждый весом по 1,000 piculs, некогда бывшими идолами в Лян-дао (Lint-dao). Первые буддисты появляются в Китае, в нынешней Чилийской губернии, в Шаньдуне; тот же император, по китайским летописям, имеет сношения с одним святым человеком, поселившимся на о-ве Бянглае, при Шандунском побережье; а в 219 г. до Р.

Х., Лушень, уроженец княжества Янь, посылается лично навестить некоего святого человека *Сян-мыня*, бывшего пустыножителя – *Sramana*. В 120 г. до Р. Х. некий генерал китайский *Хочу-бин*, одержав решительную победу над *Сюту (Hsiutu)* – племенем, имевшим свое утверждение в нынешней губернии Кансу, вывозит как трофей «металлических людей» (*цзин-жень*), т. е. литых буддийских идолов, и ставит их у себя на почетном месте при поклонении небу. Буддийский комментатор к означенным фактам прибавляет, что «ныне сии «металлические люди» (*цзинь-жень* – статуэтки) называются просто буддийскими изображениями, или – идолами». Кто же был *Лаоцзы* и какое соотношение между ним в Буддоу? *Сыма-цзян* дает весьма скудную биографию, говорит, что *Лаоцзы* был уроженцем одного нищенского переулочка, в бедном городе несчастного княжества, что носил имя *Лаоэрр* (годовое перо, *plum ear*), или «старец-младенец», произведение неба и земли, и впоследствии прозванный *Дань* (*Tan*); что сам *Конфуцзы* в бытность его хранителем летописей при *Чоусском* дворе, ходил некогда к сему *Лаоцзы* для решения некоторых вопросов о церемониях, но был поражен его обращением, страстями, причудливыми манерами, и необузданным воображением; и что когда *Лаоцзы* умирал, то ученики увидели его преобразившимся в дракона. *Лаоцзы* славился высокою ученостью и в особенности разрабатывал учение о *Дао*, некоторое время жил в уединении, как бы заключенный, был свидетелем падения княжества *Чоу*, из коего и удалился; при своем оттуда путешествии чрез проход *Ханкоусский* (*Hanku*), по желанию губернатора (прохода *Си*) *Гуань-янь-си*, написал в 2 частях книгу из 5,000 слов, известную под заглавием «*Дао-дэ-цзин*» (книга о мудрости и добродетели), после чего и удалился в неизвестные области. «Учение *Лао-эрр* (*Lierh*) состояло в стремлении к недеятельности (*inaction*) и в проповеди о душепереселении, чистоте и спокойствии, о правильном поведении». Историк продолжает: «По рассказам, летописец *Чоу* по имени *Тань*, при посещении князя *Сянь-Цинской* династии в 374 г. до Р. Х., предсказал о пришествии чрез 70 лет некоего великого мужа, которым и оказался *Лаоцзы*». Предметы размышлений и внутренней жизни сего мудреца совпадали с лицом, жизнью и учением самого Будды, а потому неудивительно, что для современных искателей или почитателей этих лиц, при склонности восточных мыслителей к преувеличениям и легендам о них, Будда и *Лаоцзы* смешивались в их представлениях, пока точно и явственно не определено было впоследствии заключавшееся между ними различие. Г-н *Аллен* действительно приводит сего рода факты. Слово *Фо-ту* в смысле озаренный мудростью, святейший, имеющий на своих изображениях сияние или круг, усваивается не только одному Будде, но и другим святым прославившимся своею непорочною жизнью, чистотой нравов, склонностью к пустынножительству, уединению, таковы были *шаманы* (*Shaman*), прочие буддисты и старцы-монахи, по-китайски называемые *Хуан-лао* – мудрецы, сияющие непорочною жизнью, образцы добродетели, учителя юношества. Учение, известное в западных областях Индии, было учение Будды, называемое у китайцев – *Дао*, оно имело не столько созерцательное, сколько практическое направление, представляло нравственную дисциплину, уклонение от всего скверного, плотского, чувственного и стремление к духовной жизни с полным разлучением от мира. Таковы были буддийские ученики и последователи, образцом у коих всегда служил светоносный *Фо-ту*, *Фо* – Будда, возведенный художниками до типа Будды в натуральной величине имеет 16 футов высоты (прочие идолы – меньшей и разной величины), устрояется бронзового или желто-золотистого цвета, с нимбом кругом головы, представляется в разных земных метаморфозах, доводящих его до этого вида; то он стоит как нищий с чашею для подаяния, то сидит на лотосе скрестив ноги и руки, со свитком учения, то он возлежит величественно и спокойно, то он сухой, тощий и болезненный видом, то довольно тучный, сытый, самодовольный, сияющий блаженством и всегда погруженный в состояние размышления, самоуглубления. Большими и малыми идолами сего рода, золотыми, глиняными золочеными, меднолитыми, изображениями на бумаге, тряпках, холсте, наполняются более и более, с распространением буддизма, все кумирни, кельи монахов и людей благочестивых. Император *Мин-ди*, увидев во сне сего рода «златого человека с сиянием кругом головы», пожелал в точности познакомиться и с учением, которое им было дано людям и особенно распространено на западе Индии; для сего он отправил туда особенных уполномоченных, которые действительно и принесли в Китай св. буддийские книги. В 65 г. министр *Чоусский* замечает, что при посещении им князя *Чэу* (*C'hu Liuing*), он слышал чтение на таинственном языке *Хуан-лао*, его учение, и что встретил в том же году трех монахов, последователей *Фоту*, славившихся аскетизмом, молившихся этому новому богу, славившихся вообще безупречностью жизни, что к сожалению, в шелковых свитках забракованных, содержатся

некоторые новые преступные мысли о смерти, которые бы вообще желательно было проверить и яснее определить, хотя они и приемлются у «upasaka sramana» (т. е. членов новой буддийской церкви). По изданному вскоре эдикту означенного князя Liuying (Люяня), буддисты-монахи становятся его друзьями и получают дозволение на беспрепятственное распространение их вероучения и устройство жизни согласно с оным для новых последователей. Видимым знаком для новых последователей религии «становится золотая черепаха и птица *aust* из нефрита, или иероглифы оных, которые вообще признаются спасительными талисманами». В 88-й гл. книги «Море классиков» говорится также, что «император Хуан-ди (147–167 гг. по Р. Х.) любил таинственную религию, почитал и поклонялся Фо-ту Лаоцзы, содействовал обращению к тому же своего народа и покровительствовал проповеди сего вероучения». Слова «Фоту Лаоцзы» – Будда единый достопочтенный, поклоняемый, могут быть смело относимы вообще к буддизму; слово же «Хуан-лао» в истории богов и бессмертных гениев усвоится первому из них, от коего истекает свет, все пронизывающий и озаряющий как бы от звезды, и который по преимуществу видится на горе Сумеру – центре буддийского универса. Учение «Хуан-лао» и учение «Хуан-ди Лаоцзы», о которых часто трактует Сыма-цзян, несомненно указывают на простой буддизм, особенно имевший силу в Китае при Цинской (Ch'in) династии с 221 г. до Р. Х. Герберт Аллен, устанавливая таким образом понятие о распространенном значении буддизма в Китае, и в княжестве Чоу – родине Лаоцзы в особенности, высказывает вообще убеждение в том, что книга «Дао-дэ-цзин» трактующая главным образом о любви, благотворительности, смирении, воздержании от всего чувственного, молчаливом созерцании, чистоте, недеятельности, может почитаться простым и весьма общеизвестным буддийским рассуждением, писанным во 2 ст. до Р. Х., значит – не принадлежащим исключительно уму всеми чествуемого и обоженного в Китае мудреца Лаоцзы. К сожалению, разделять сего личного взгляда ученого европейца с другими приводимыми фактами, мы не можем, но предлагаем, и признаем попыткой, направленной на уничтожение авторитета, установленного и признанного самими китайскими учеными и народом, как самостоятельного мудреца, отличного от Будды, Конфуцзы и других. Даже, допуская заимствование мудрецом-аскетом Лаоцзы учения Фоту (Будды), не можем не отдавать ему самостоятельности и преимущества пред теми многочисленными трактатами, которые в разное время были приносимы то из Индии, то чрез Персию, в Китай и переводимы на язык китайский с санскрита, пали и других наречий. Гениальная самостоятельность Лаоцзы именно усматривается в сжатом выборе, изложении предметов учения, методе и началах, несколько отличных от современного ему буддизма, индуизма и маздеизма.

Приложение 1-е к §§ 62 в 63: Даосские слова и фразы

А. Слово Дао в его различном употреблении и 100 комбинациях (внешние признаки). – Б. Внутренние признаки Дао метафизического и уподобительного значения. – В. Замечания и выводы Эдкинса о Дао. – Г. Замечания и выводы Потье. – Д. Прочие изменения в понимании Дао и сравнение сего слова на других языках. – Е. Дао по употреблению и понятию у китайских древних евреев. – Ж. Дао в философии Штрауса. – З. Определение Дао и комбинации в словаре Дуоляйтля. – Прочие даосские слова и выражения по числовому порядку: Двоица (эрр-цзы-лян-цзы) – Троица (сань-цзы) – Четверица (сы-цзы) – Пятерица (ву-цзы) – Шестерица (леу-цзы) – Седмерица (ци-цзы) – Восьмерица (па-цзы) – Девятерица (цзю-цзы) – Десятерица (ши-цзы) – Одиннадцать и далее. – Слова и выражения нравственно-религиозного и мифологического значения: а) действия предосудительные и еретические; б) степени нравственного преуспеяния; в) титулы божества; г) духовные достоинства; д) баснословные или мифические личности. – Характеристика даосской философии и её сродство с конфуцианской, с таблицей разных знаков и названий из царства земного, человеческого и небесного под пятью основными началами или элементами

1. Слово «Дао», его определения и значение среди прочих синонимов в китайском языке и письмени. В дополнение к очерку Библии в Китае, не можем не обратить особенного внимания на интерпретацию некоторых классических слов и выражений, связанных с китайской иероглификой. Останавливаемся на слове, весьма часто встречающемся в разговоре и письменах, имеющем многообразные комбинации, послужившем источником философем и восточных концепций о Боге, начиная с самых простых обыденных предметов; таково слово Дао, для богослова особенно важное. И так, что такое Дао?¹²⁴ Представляем анализ внешних признаков этого понятия, затем перейдем к внутренним, имеющим значение философское, как понимает Лао-цзы и объясняют китайские синологи – Эдкинс и Потье, и как понимали тоже слово евреи, жившие издревле в Китае, как наконец поняли и перевели этим словом европейские миссионеры идеи о Боге, в частности предлагаются разные слова о "дао" по Чельмерсу из словаря Дуоляйтля.

А. Внешние признаки слова «Дао» и соответствующие оным определения. а) Существуют три письменных китайских иероглифа, или способа начертания, однообразно произносимого слова: первый обычный вид, обыкновенный у Лаоцзы другой более древний, последним обозначается вообще глава, head, мера, measure, прочими – «глава» или «идти куда», to go. Такое определение делает Моррисон, следуя в своем словаре – энциклопедии Канси. По времени и диалектам слово «Дао» произносится тоже не одинаково, то как «Т'ао», «Дао», «Тао», или как «Ти», «Ду», «Ту» и вероятно древнего происхождения. В Японии «Du», «Ду», в материальном и первичном смысле, и «Ти», «Ту» в фигуративном; в пекинском это – Chu-cheng, «Цюй-шен» т. е. означает падающий тон, не всегда произносимый, кроме известных случаев. В амойском диалекте «Ти», «Ду» на низшем или падающем тоне, соответствует пекинскому «Тао» – «Дао». На обыкновенном языке, слово это употребляется в смысле «пути», «дороги», way, road; в смысле синонимичном как нынешнее «Ту» и «Лу» В классиках «Лю» чаще всего присоединяется к «Дао» в качестве суффикса; или же «Дао-Лу» дорога, road, в отличие от «Дао-ли» руководящее начало, принцип; собственно говоря «Лу» часть дороги, тропинки, дорожки, «path» или «road», а «Дао» – «Тао» высокая дорога, насыпная, highway, хотя и не существует строго большего различия. Тем не менее, речной путь «Шуй-лу» не смешивается с сухим «Даорр» т. е. нельзя сказать «Шуй-дао». Когда речь касается дороги, спрашивают: сколько верст, «Ли» до такого-то места? «Дуо-шао ли-лу»? А когда подразумевается водяной путь, то говорят «Дуо-шао шуйли»? Слово «Ти», «Ду» в смысле «Дао» часто встречается в Шу-цзине, б) Существует много разных названий или дороги уличной, way, road. Так большая возвышенная и широкая дорога, проезжая, называется «Чао-дао», «Chou-дао»; в Ши-цзине пишется: «в своей четырех-конной колеснице ехал он на большой возвышенной дороге». Прочие слова в том же смысле: «Да-дао», «Гун-дао» «K'ung-дао», которой противоположна малая, низменная дорога, путь, «сяо-дао» для прохода пешеходов, обыкновенная в китайских городах на ряду с большей проезжей; узкий же проход между двумя предметами есть «Тун-дао», «Tung-dao», откос, или наклонная плоскость, по которой возможно проходить только верхом на лошади или осликах, называется «Ма-дао». По отношению к этому пути самый главный конный есть «Дао-тоу», иначе

главный путь, прохажая и проезжая дорога. Узкое русло, ложбина, по которой свободно проходит всадник или вереница, тоже именуется «Ма-дао»; чаще всего такой путь называется «Chien-tao», «Цянь-дао». Внутри императорского города (в Пекине) есть пути, исключительно предназначенные для прохождения императора; центральный, или средний – «Чжун-Дао» т. е. царский путь, правая и левая стороны суть его половины. в) Есть еще узкий средний путь, по которому может идти один государь, и называется "И-дао", т. е. дорога для одного, один – метафора государя, как единственного человека в своем государстве – «И-жень», «Игэ-жень». Мандарины, без особой надобности, не могут ходить по этому пути, тем более другие лица. Император в своих доменах имеет еще особую проезжую дорогу, называемую «Лянь-дао», «Leen-tao», по особой улице. Здесь, в известные дни государь торжественно совершает прогулки со свитой или отправляется в гарем и другие увеселительные места. В сфере астрономической «Лянь-дао», означает группу звезд «на восточной стороне» созвездия Лиры; говорится образно, что здесь небесный император прогуливается в ожидании наступления ночью месяца, для обычного совершения перед ним поклона. И ныне, в подражание императору, в каждой официальной резиденции существует возвышенная дорожка от центральной наружной двери сквозь всю средину двора и ведет прямо в приемный зал для знатных особ. Путь этот называется «Vung-tao» «Юн-дао». В подражание императорскому пути на этом освещаемом солнцем проходе садятся в носилки или сходят с них знатные особы; самый же путь, по которому проносятся эти носилки по улице, называется «Ching-tao», «Чэнь-дао» – светоносный торжественный путь, свободный от народа и обыкновенно украшаемый флагами или таблицами, и похвальными на них эпиграммами, со всякого рода благожеланиями. Восхождение и захождение по небесной лестнице, – эклипике, звезд, тоже называется «лестничной дорогой», Chie-tao, «Ци-дао», а извилистый звездный путь начертанный на камне в одной пагоде называется «Teng-tao», «Дэн-дао», т. е. путь светила – луны, именуемой ночным или небесным фонарем, светильником, «дэнн» «Тянь-данн», «Юэ-дэнн».

г) Дорожка, Walk, или проход, passage, между двумя стенами или рядами деревьев в аллее называется «Chia-tao», «Цзя-дао». Однако, выражение это употребляется в смысле переносном и своеобразном. Когда чиновник или ученый достигает общественного уважения и значения, тогда говорится о нем, как идущем по «цзя-дао» – пути между двумя стенами народа, выражающего к почтенному человеку знаки своего удивления и уважения. «Цюй-дао», «Chu-tao», есть дорожка подле стены или забора. Длинный, излучистый путь в горах называется «бараньим или птичьим брюхом» кишками, вообще внутренностями «Yang-tsang-niao tao», «Ян-цзан-Няорр дао», поскольку такой путь имеет узкие изгибы подобно кишечному каналу, или потому, что этим путем с трудом может пройти одна овца, пролететь одна птица, что так обыкновенно в горных ущельях. Дорога, установленная законом, купеческий, почтовый, народный тракт «прямой путь» или «большая дорога» называется «Cheng-tao» Чжэн-дао; дорога для чернорабочих, проходящих массами из Пекина в южные провинции и наоборот, для заработков, есть «Гун-дао» – «Kung-tao», «tributs-road», дорога для податного класса, простолюдинов. Дорога, прерываемая рекой, ущельем, или соединяемая мостом, насыпью, есть «Chan-fang-kou-tao» «Чжэн-фан-коу-дао»; а мост из досок или бревен, перекинутый наскоро есть «Chan-tao», «Чан-дао». Существуют еще два выражения, означающие путь, «дао». Наиболее обыкновенное «Kai-tao», «Кай-дао» т. е. открытая дорога, другое слово – «hsing-tao» – «Син-дао», т. е. проход на гулянье или, дороге; в Ши-цзине читается «hsing-tao-tui», «Син-дао-дуи» сквозная, проходная, дорога сквозь чащу густо растущих деревьев или кустарника.

д) Вообще же «дао» употребляется в смысле свободного проезда или прохода «passage», противоположно понятию «Chia-tao» – «Цзя-дао» заемный путь или дозволенный, который существовал у ленных князей Китая по строго феодальному праву. По сему праву, с проезжающих в ленных землях, за право прохода и проезда, во вратах городских существовали особые заставы и надсмотрщики, собиравшие денежный сбор; такие заставы при дорогах назывались «Chia-tao-ju-how-men» «Цзя-дао-ю-хоу-мынь». Пространство пути для пешехода или верховой езды в 30 или 50 кит. миль, называется «Yuan-tao» – «юань-дао» – долгий путь, ему противоположен «Chin tao» – «Цинь-дао» краткий путь, «Short journey» или вообще недалекий, в ближайшем околоселении, окрестности. Путь, в смысле какого-либо упорного и продолжительного труда, определенного по времени занятия, называется «Тянь-цзы-дао», т. е. небесный, царственный путь; в течении сего времени император по древнему обычаю, мог кушать для счастья или жевать тысячелистник. Путь для аудиенции пред императором, соединенный с

церемониальными поклонами, называется «K'ue-tao» «Кэ-дао». В смысле направления известного действия или явления, начала, соответствует слово «дао» с частицей – откуда, с какого места, с чего, from. Напр. «ветер дует с севера» – «feng-tao-pe-lai», «Фын-дао-бэй-лай». Путь совершаемый для поклонения предкам на их могилах или в храмах, и соединяемый с благожеланиями, называется «Tsu-tao» «Цзу-дао», «путь предков» или «Chien-hsing» «Цзянь-син». Путь, совершаемый младшим чиновником или простым человеком на пир к высшему чиновнику по его приглашению, называется «Pi-tao» – «Би-дао», в отличие от пути для той-же цели к простому человеку, – «Chwang-tao» «Чуан-дао».

е) «Дао» может быть понимаемо в смысле округа известной страны, с прилегающей по ней дорогой. Начало дороги в одной области или стране может служить связующим звеном пути другой страны или области. «Дао» поэтому, в своем примитиве просто значит «линия», «черта». Ныне общеупотребительно выражение «Дао-ли», т. е. расстояние между N городом, местностью известной страны или площадью этой страны. Напротив, «Дао-ши-ли» есть окружность в десять (ши) ли; а запись о земельном наделе, или книга, называется «Си-дао-фу», т. е. генеральное начертание западных частей земли, иначе, здесь разумеются как главные измерения, так и все подразделения соответствующие земельной секции. Комментаторы, при объяснении сего слова, говорят, что в древности вся страна Китая делилась на девять политических округов «Дао». Био перевел это слово «Zones» – пояс. В некоторых же местностях слово «Дао», употребляется в смысле семьи; иногда берется равнозначное ему «Chou» «Чоу». Некоторые же основатели Танской династии в Китае делили страну на десять частей и провинций, называя их «Дао» и термин в сем смысле сохранился доселе в древних актах. С усвоением нового разделения страны в последующее время, «Дао» получило преобладающее значение и доселе под ним разумеются не только провинции, но даже их округа, подразделяющиеся на две или на три префектуры и управляемые «Tao-tai» – «Дао-дай» или просто «Tao» «Дао». В столице отдельная часть города, или квартал, называется «Chi-tao», «Ци-дао», подразумевается здесь домен собственный государя императора и его двора. «Chi» «Ци» – древне-классическое слово, означающее императорский домен в *тысячу ли*, – единица измерения, ныне существующая более номинально.

ж) В значении течения воды, движения по орбите, употребляется тоже «Дао», в соединении с другими словами, определяющими известное действие в отношении к другому предмету. Так «Ho-tao» «хэ-дао» – речной путь, подразумевается здесь «хуан-хэ» – Желтая река, для надзора за которой существует особый водяной губернатор – «Shui-tao», «Шуй-дао» – водяной путь, течение, water-way, указывает на быстроту, стремительность водного движения, тогда как «Hsia-shui-tao», «Ся-шуй-дао» – выход из этой стремнины, тихое ровное течение реки. «Ji-dao», «Жи-дао» – солнечный путь или движение солнца от Востока на Запад, по эклиптике, иначе – центральное, среднее течение, путь; тогда как экватор означает словами «Chi-tao» – летний путь солнца, vermillion road, – червлёный путь. Небо по представлению китайских астрономов имеет девять «Дао» или дорог, соответствующих четвертям года (весна, лето, осень, зима) и которые обозначаются соответствующими цветами – *лазорево́й* для весеннего «Дао», – *червлёный* для летнего «дао», – *белый* для осеннего «дао» и *черный* для зимнего «Дао», последовательно сменяющихся при экваторе. Таков же и путь лунный или месяца, с соответствующими четвертями лунного обращения по путям неба, таков «Дао-юэ». – Одно «дао» без определенного суффикса прилагается также к движению и вращению звезд, как видим в книге «Чжун-юн».

з) Когда китайцы говорят «Hsie-tao», «Се-дао» или «кровавый путь» по отношению к звездам, это не значит, что на небе действительно существует такой путь. «Hsue-tao», «Сюэ-дао» букв. путь в отверстии, а hole road, или ущелье, но словом «сюэ» означаются также и известные части тела человеческого, в коих предполагается затаенным жизненное начало, а отсюда и самое выражение указывает на подозреваемую жизненную часть. Будучи чем-либо сильно огорчен, или уязвлен, человек должен клясться «сюэ-дао», иначе, по поверью китайцев, он грешит. Проходы на коже человека и животных для испарения, также как и места, на которых они находятся, и где растут волосы и шерсть, называются «Мао-дао», hair-way. Отправляясь с работы домой для завтрака или чая китайцы говорят «Дао-ца», «Дао-чи-фань» (кушать). Свеча или фонарь зажженный служат благотельным указателем путнику на жилье, гостиницу, где может остановиться и не сбиться с дороги; такой свет называется поэтому «руководящим в пути», ведущим к тихому пристанищу в гостиницу «гуань». Китайцы поэтому выражаются «И-дао-янь»

Yi-tao-uep «единственный путь для глаз»; отсюда произошло другое выражение «И-дао-янь-цзоу-ляу», пошел в дорогу, вышел на дорогу с одним глазом (т. е. огонь светильника издали). В отношении к предметам знаний усвояемых в известном порядке, постепенностью правильности, в системе существует выражение «Tai-hsue-ehi-tao», «Дай-сюэ-чжи-дао» букв. «великий путь знания», или курс учения для взрослых, противоположно «сяо-сюэ» малое знание, элементарное, начатки знания, для детей.

В. *Внутренние признаки Дао, метафизического и уподобительного значения.* В рассмотренных нами выше понятиях о «Дао» в различных комбинациях, ценных в физиологической формации, одни признаки имеют сами по себе значение предметов, другие служат для других целей. Останавливаемся теперь на обзоре этих последних. а) С словом «Дао», в сем смысле могут встречаться сочетания, означающие знание, способы его достижения, силы интеллектуальные и нравственные, или же добродетель и порок. Китайские философы – даосы, стараются в «Дао» найти с одной стороны определение абсолютной силы разума в себе самом, в природе человека и в мироздании, с другой стороны – выделить её в описательном и высшем значении в нечто самостоятельное. В означенном направлении и предлагаем дальнейший анализ «Дао» как путь добродетели. «Chau-tao», «Чэ-дао», как видели, означает большую проездную дорогу, возвышенный путь. По отношению к добродетели этим определяется её высочайшая степень, «Да-дао» великий путь, противоположно «сяо-дао» – малый, узкий путь. В сем китайском взгляде нельзя не замечать различия с христианским, по которому узкий путь есть единственный для достижения Царствия Божия. По-китайски, широкий путь означает свободу от всяких заблуждений, чистоту и ясность взглядов, возвышенность цели самоусовершенствования; в свою очередь путь порока представляется полным опасностей, терний, злых приражений, ведущих человека к заблуждению, тьме, сбивающих с прямого пути истины и добра; «Cheng-tao», «Чжень-дао» и есть правильный, истинный возвышенный путь, для ума и сердца, тогда как «Hsie-tao», «Сиз-дао» – опасный путь, узкий, порочный, «Чэ-Дао» – тележный путь, есть преимущественно славный и в ифическом значении своеобразный, также как «вуо-дао» самонравный, злодейский, порочный путь или направление, и «се-дао» – дорожка, тропинка, в стороне большой дороги, имеет смысл срамного направления, бесчестных поступков.

б) Надлежащий и правильный путь в жизни, с китайской точки зрения, имеет лишь человек женатый, тогда как холостой, одинокий вечно, идет незаконным путем, может попадать в опасные стези порока и греховной жизни, если потеряет высшее сознание и идеалы. Другое название для порока и стезя его – «Hwa-tao», «Хуа-дао» или путь цветистый, цветной, так именуемый очевидно по времени года. «Chi-tao», «Чжи-дао» – прямой путь указывает на правдивость, прямодушие в речи, чуждое лукавства, вражды, вообще все, связанное с понятием о чести, честному поведению. Сюда относятся – чистосердечность и беспристрастие. Император Юн-чжэн, в одном из эдиктов, порицая губернатора Гуан-си за пристрастное управление «Chu-tao» – кривой путь, требует беспристрастия «Ци-дао» или прямого пути. «Се-дао», или «Вань-дао» (Wang-tao) тоже означают путь извилистый, нравственную распущенность, бесчестность. Умный путь, благоразумный способ действий, есть обыкновенный для всех людей; отсюда, «Chi-дао», «Чжи-дао» означает обычное течение или направление, обуславливающее исполнение сыновнего благочестия, разных государственных и народных церемоний, обрядов. В сем смысле может быть употреблено и слово «Дао», указующее на справедливый путь или стезю добродетели, в свою очередь «И-дао» согласен с добродетелью и справедливостью, тогда как «Бу-дао» «pu-tao» не – дорога, на стези несправедливости и порока. В сем последнем слове могут быть определяемы и так называемые «десять преступлений» или беззаконий, «Chi-ngo» «Ши-ву». Всякий, не идущий путем честным, добродетельным, святым, «Чжэн-дао», «Cheng-tao», есть грешник, порочный человек, опасный для общества, может быть даже преступником, вообще это человек беспутный «Бу-дао», не имеющий пути, сбившийся с житейского круга.

в) Правильный жизненный путь человека может быть сравнен с искусственным руслом реки, текущей в определенных границах, по канаве, отводу, ложбине, поэтому он есть «Tao-ta», «Дао-да». Прямой путь, подобно железнодорожному, характеризуется прямой линией, строкой, хорошо начертанной и пролинованной на бумаге, о нем и говорят как о «Да-дао», справедливый, истинный путь. В китайском начертании так называемых «па-гуа» в виде строгого восьмигранника, с дополнительными линиями, линии эта называются «Дао»; дорожки для стока воды на кровле тоже – «дао». Известный период времени, возраст человека, правильность

действий, характеризуются словом «дао». Китайские числительные имена один «и», два «эрр» или «лян», три «сань», десять «ши» означаются черточками «дао» так: — = ≡ +

Когда китайцы хотят на известном человеке наложить какое-либо клеймо, означающее количество совершенных преступлений или грехов, их силу, качество, то употребляют род пытки, состоящей в том, что посредством особой веревки на шее, делают виновному *надрезы* без выпуска крови, запекающейся под кожей; такие багровые продолговатые знаки, подобные тигровой коже, называются «Дао», их количеством определяется число преступлений. «Дао» употребляется еще в значении медной китайской монеты, «чохов», нанизываемой на веревки довольно длинные, которые можно перекидывать чрез плечо. Для правильности в счете, на этих веревках делаются особые узелки или надвязываются бумажки, с надписью на них чисел 1, 2, 3 и т. д. Таким способом устраняются лишние хлопоты в счетоводстве. Сколько веревок с определенными узлами, столько будет и денег. Обыкновенно, в китайских лавках такие веревки развешиваются на крючьях рядами, или укладываются в сундуках и на столах и называются «дао» – дорожки. Все перечисленные, сходные друг с другом понятия и, даже противоположные, имеющие значение «Дао», или в соединении с ним образующие новые слова, иллюстрируют друг друга, смотря потому, как они комбинируются.

г) Выражением «Wang-tao», «Вань-дао» указывается *способ* достижения царской власти; тогда как «Pa-hao» «па-дао» означает путь этого достижения силою оружия, противоположно мирному, кроткому, мудрому получению этой-же власти – «чжун-цзы-дао». Этот путь и есть исключительно принадлежащий мудрому, святому человеку. В значении пути мучений с прекращением жизни человека употребляется слово «ssu-tao» – «сы-дао», тогда как путь сохранения жизни, её целостности и неповрежденности характеризуется словом «Shing-ts'ai-ta-tao», «Шен-цзай-да-дао». Термин этот употребляется у Конфуцзы в смысле достижения национального богатства и благополучия. Фраза эта однако стала всеобщей и часто встречается воспроизводимую на досках, кусках материи, бумаге, на стенах, воротах, домовых окнах и магазинах. Словом «Дао» обозначается или искусство, обдуманность в достижении известной цели, по составленному наперед хорошо плану; синонимом в сем же смысле является другое слово, «Shu», «Шу».

В. Все рассмотренные нами понятия о «Дао» не смотря на их многосложность лексикологическую однако ж не могут сравняться с возвышенною концепцией о Боге, выраженной и развитой в системе «Дао-де-цзин» китайского философа Лао-цзы и его последующей школы. Едкинс, в рассуждении об этой философии делает следующий вывод. Лаоцзы учит, что Бог троичен в единице; небо, земля и все вещи сотворены Богом, или точнее – произошли вследствие развития их в Божестве в продолжении трех периодов. С другой стороны, Бог есть безличное существо и личное начало. Будучи безличным он именуется у Лаоцзы «Дао» в смысле вечного и безымянного начала, служащего базисом природы, источником жизни и смерти. От «Дао» проистекает мудрость для мудрецов, сила власти и управления народом для царей. Как личное существо, Бог у Лаоцзы не имеет однако где-либо определенного жилища. Именуется он «Ди», и то однажды. Усилия этого философа направляются к тому, чтобы доказать насколько «Дао» по всемогущей и вечной деятельности и неизменному ряду молчаливых побед, есть истинный учитель человека. Цель научения заключается в доставлении человеку спокойствия, развития смирения, самоиспытания, самого нежного и благоразумного сочувствия и беспристрастия в отношении к другим людям. Уроки великой мировой матери – мудрости состоят в научении людей действовать с предварительным размышлением, а не наобум, и убеждать с полным сохранением и видом внутреннего своего убеждения. Поэтому, мы обязаны относиться к мудрости «Дао» с выражением сыновнего почтения, учиться в строгом и последовательном порядке, руководиться так приобретенными знаниями на всю свою жизнь. Высшим контролером во всем должен быть для нас «Дао», дабы достойно с ним же соединиться и при конце жизни, в момент смерти. Лаоцзы однако ж не предупреждает о личной индивидуальной жизни, имеющей быть по смерти с разрушением тела.

Г. Французский ученый Потье, которому принадлежит замечательный мемуар о «Дао-де-цзин» китайского философа Лаоцзы, сравнивая учение сего мыслителя с индусскими религиозными и философскими сказаниями и учениями, также как и прочих китайцев, представляет следующие соображения и выводы. Что такое «Дао?» – Ответ: тоже что Брами в философии Ману, т. е. этим словом означает вечный, высочайший ум, управляющий и движущий универсом. «Дао», говорят китайцы, есть начало, из коего проистекают небо, земля и

человек, – вся вообще природа, мыслимая и существующая в действительности под сими тремя категориями. «Ли» есть начало страдательное, тогда как «Дао» – деятельное. «Дао» замечает Морриссон в своем словаре, очень сходен у Лаоцзы с «Raison eternelle» – Вечным Разумом, у латинян именуемом «ratio» у Греков «Λόγος», Авель Ремюза того же мнения. Вообще, ничего не может быть неопределеннее и труднее оценки известных слов в философской терминологии. «Дао» школы Конфуцзы неодинаково по значению с атрибутами у Лаоцзы. По Конфуцзы – «Дао» не божество, но нечто естественное человеку, это – правый путь, путь добродетели, совершенства, чувства справедливости, нравственного сознания того, что не должно быть и что должно быть, иначе – правило предания. Сообразоваться с «Дао», говорят комментаторы этой школы, значит следовать только природе, а потому каждый может поступать и исполнять все легко, без особого труда. «Дао» всегда подле людей; и если кто презирает легко удоисполнимое и обыкновенное, тот считается в жизни как бы недостойным его. «Дао» ведет человека постоянно к возвышенному, отдаленному и самому трудному. «Дао» для мудреца, говорит Конфуцзы, может быть сравнено с идущим странником, который начав свой путь, по мере удаления с известного пункта, уклоняется все далее и более; «Дао» похож на возвышенное место, с коего путник начинает нисходить на равную и низкую поверхность. У Лаоцзы иероглиф «Дао» имеет значение более возвышенное, поскольку он одушевлялся великими религиозными идеями о бытии высшем человеческого существа, могущественном и бесконечном. «Дао» доведено до обоготворения. Это ум высший, разум первоначальный. Большинство комментаторов «Дао-дэ-цзин» кажется, не понимают в смысле более возвышенном и первичном; они так сказать материализовали значение «Дао» отнимая образный смысл; тогда как часть других комментаторов понимает это слово в высшем значении.

Д. Разнообразное словоупотребление «Дао» в дальнейшем его анализе, может выяснить и все его значение. Хоай-нань-цзы, знаменитый философ Лаоцзы, говорит: «Дао» сохраняет небо, поддерживает землю, оно высоко и не может быть достигнуто, его глубина неизмерима; несмотря на всю беспредельность вселенной, существо «Дао» воспроизводится во всех почти вещах. Таково «Дао» с атрибутами божества. Необходимо заметить, что почти во всех философских и религиозных сектах, «Дао» употребляется в смысле пути, voie, chemin, правил поведения; все не имеющее правильного пути, droit chemin, есть ложь, заблуждение. У Лаоцзы «Дао» употребляется с абсолютным типом совершенства, по которому следуя, человек может приближаться к божеству. Большинство комментаторов это слово именно и употребляется в означенном смысле, т. е. равносильным божеству. Как высшее знание, мудрость, «Дао» сходно с «Цзяо» верование, наука о религии, слово, заимствованное и употребляемое у китайских писателей с санскритского слова sasana – правило, доктрина, от корня sas – научать, наставлять. В более глубоком и всестороннем значении предмета, проникновении его частей и целого, «Дао» равнозначает «Брама», от корня bhram (dire, parler – говорить, беседовать) или brou, bravim или cirsumvagare блуждать по всем направлениям, исследовать. То и другое, сходно с абсолютным Λόγος или verbum, платоников и неоплатоников. У Конфуцзы в «Чжун-юн» под «цзяо» понимается усовершенствование, происходящее от знаний, добываемых наукой, в систематическом изложении и усвоении, противоположно усовершенствованию практическому и естественному. Два иероглифа – «tchin-kiao» – «чэн-цзяо» встречающиеся в тексте у Лао-цзы, подтверждают поразительное сходство всей этой части исследования с индийским верованием Ведических священных книг, означающих вообще в своем названии «истинное учение», vgaie doctrine, или знание, тождественное с первоначальными письменами. Все вообще основатели религиозных систем и философских, от которых в зависимости история человечества, стараются дать в самом названии излагаемого учения указание на авторитет оногo; таковы "Веды" у браманов, «Зенд-Авеста» у гебров, "Коран" у магометан, Ветхозаветная Библия, в особенности «Тора» для евреев, Новый Завет для христиан. «Дао-дэ-цзин» у Лаоцзы для китайцев имеет тоже значение учения о Разуме абсолютном и знании совершенном, служащих критерием, руководительным началом для человека.

Е. Замечательно, что евреи, жившие в Китае, на своем каменном памятнике 1511 г. пред синагогою в г. Кхай-фын-фу, начертали свои понятия о Божественном Разуме согласно с учением Лао-цзы и Конфуцзы, полагая однако в основу «Дао-цзин» или «Дао-ву-цзин», т. е. Пятикнижие Моисея. Сочетавая в своем сознании три системы разом, они представляют любопытное явление в философии – стремление к примирению общих начал, руководящих миром и человеком. Начало небесное, высшее, невидимое есть "Тянь-Дао", поскольку оно мудрое и

управляющее мирозданием, называется "Дао-юань"; и, как от него зависят все явления в мире и законы, по которым все живет, умирает, возвращается, то называется еще – «Тянь-мин» небо правитель, законодатель; от него проистекает истинная религия, а потому оно есть «Цзяо-дао» – путь истинной религии, и заключается в Св. Писании – «Цзин-чжуань», законе "фа", обрядах "ли", знании жизни человеческой – "чжи", правилах мудрости – «Ли-чжи», и тех, коими определяется вся нравственная природа и обязанности человека – «Дао-син». Этому Богооткровенному Разуму не противоречит и тот, который содержится в философских китайских книгах – шестикнижии «Леу-шу», поскольку они писаны мудрецами – «Шэнь-сянь»; известные в сочинениях Конфуэца – «Сюэ-дао» и других, поучают добродетели – «дэ» и пяти неизменяемым родам её «ву-чан», ведут к разумению самого сокровенного и направляют нашу природу к совершенству «Шуай-син». Поскольку писатели ветхозаветные и те, от которых по священному преданию, они воспроизвели истинное вероучение, проистекающее от Бога, суть личности необыкновенные от прочих людей, постольку и другие философы языческие, все лучшее в понятиях о Боге и религии получили от «Дао» – Вечного Разума. Вот вкратце понятия евреев, живших в Китае с древнейших времен по XIX ст. и успевших сделаться китайцами, сродниться с ними в нравах, обычаях и воззрениях и затем исчезнуть, для повторения тех же типических особенностей и далее, поскольку китайцы хранят в чистоте и свой язык, и авторитет любимых философов.

Ж. По замечанию исследователя философии Лао-цзы у фон-Штраусса, к XXV гл. «Дао-дэ-цзин», понятия этого мудреца о Боге в высшей степени достигают чистоты концепции, и созерцания, незамечаемых у других мыслителей древности, за исключением Европы. Было нечто, говорит Лаоцзы, существующее совершенное во времена хаоса, и прежде неба и земли, – молчаливое, свободное от всех пристрастий, неизменное, повсюду распространяющееся и не подвергающееся опасности исчезнуть. Его можно назвать родителем всего мира; и хотя нельзя дать ему какое-либо достойное имя, но я называю «Дао», для лучшего же разумения – «Да-Дао» – великий «Дао» или «Разум». Называю «Дао» скоропреходящим, далеко отстоящим, возвратным. «Дао» велик, небо, земля и царь – тоже велики, и где существуют эти четыре предмета, там есть и государство. Как художник делал тот или другой вид из глины при созидании художественной вещи, так от неба зависит образ земли, и «Дао» действует всюду по своему усмотрению, нигде не ниже своей воли и самостоятельности. Вообще «Дао» есть отец и мать всех вещей, субстракт мира, содержащий все вещи. Как существо творческое, «Дао» описывается со свойствами матери; как первопричина всего имеет много разных терминов, так или иначе характеризующих Божеские свойства. Таковы иероглифы "сюань" – темно-голубой, мрачный, небесного цвета, т. е. непостижимый глубокий для ума смертных. Представляемое в таком виде существо сходно с санскритскими терминами «tamasa» желтый, с тремя качествами вещей (?), или «mīla» черный, фиолетовый, также – «krichna» желто-голубой. Цвет этот – общий у индийских богов, таков же и в Египте и Китае, и очень важен в символике, ибо указывает на понятие о высшем существе "Дай-шан", санскр. parama, altissimus, или «Шан-ди», санскр. Mahisvara и magnus dominus, Господь.

3. Даосские слова и фразы (по Чальмерсу), с русской транскрипцией и переводом английских объяснений.¹²⁵

1. Определение "Дао"

Даосизм, учение даосской секты, – дао-цзяо; Абсолютное начало, сю-ву, Великая пустота, дай-ци; Бытие, проистекающее из небытия, ю-шэн ю-ву; Начало небесное, тянь ди ши ши; Реальная пустота, обнимающая таинственное бытие, чэнь-гун эрр, хань мяо ю; Безымянная пустота, ву-мин чжи-бо; То что не имеет имени, не может быть определено словами – Дао, чан ву мин. 2) Выражения, наиболее тождественные с «Дао». Бессмертный дух долины, ку шэнь бу сы; Скрытая мать, сюань бин; Мать всех вещей, вань ву ши му; Великое первоначало, дай-ци; Единое дыхание, живое начало, и-чи; Не имеющий тела, ни вида, ву-син; Первые небеса, сянь-тянь. Все видимые вещи имеют предварительно невидимое бытие, технически определяемое означенным выражением, противоположно «последним небесам», т. е. настоящему видимому состоянию бытия, – хоу-тянь. 3) Дао как седалище в человеческом теле. Желтое зало, хуан-дин; Желтая дорога, хуан-дао; Средний дворец, чжун-гун; Срединный закреп, (mour), чжун-е; Земной или глиняный котел, тху-фу; Земной центр, тху-чжун; Драгоценная комната, помещение, ю-фан; Квадратная мера (inch), фан-цзунь; Дом духа, шень-ши; Пещера дыхания, ци-сюэ; Корень ума. лин-кэнь, Нарастающая печь месяца, инь-юэ-лу; Проход таинственной матери (мужской или женской), сюан-бин-чжи-мынь. 4) Начало управляющее и управляемое в человеке. Дух в

селезенке, желчи (меланхолическое состояние души), *би-чжун-ши-шэнь*; желтый промежуток, *хуан-бо*; реальная идея, *чэнь-и*; реальная вера, *чэнь-син*; реальная земля, *чэнь-тху*. Слово «реальный» – *чэнь* усваивается даосами предмету, изъятому от грубой материальной природы и доведенному до состояния невидимости; это первичное состояние противоположно другому, характеризующемуся словами «первое или главное небо», *сянь-тянь*, и «нижнее небо», *хоу-тянь*; первобытный дух, всезнающий, *юань-шэнь*, *ши-шэнь*; сердце Дао, сердце человека, *дао-син*, *жень-син*.

NB. Необходимо при чтении даосских книг обратить особенное внимание на слова «небо» – *тянь*, «дух» – *шэнь* и «сердце» – *син*, имеющие двусмысленное значение. Сердце Дао в тесном смысле есть часть в человеческом организме, имеющая известное значение; «дух первоначальный, познающий» принадлежит сердцу в высшем значении.

От сердца зависит жизненность, жизнь человека, которая может иметь два смысла: «жизнь бессмертная в мистическом понимании» – *цзе-шэн-дай-дэ-чан-шэн*, как высшая потребность святости, освящения; другой смысл: «быть свободным от уз жизни (временной) и смерти» – *до-шэн-сы*.

2. Слова и выражения по числовому порядку

Двоица

«Все формы двоицы должны быть приводимы к единству» – *ин-ян-хунь-хо*. Таковы: Небо, земля, *тянь-ди*; движение, покой, *дун-цин*; $\equiv \equiv \equiv$ *цян-гун* $= = =$ $= =$ *кань-ли* (черты из *и-цин*);¹²⁶ жесткий, мягкий, *кан-жу*; солнце, месяц, *жи-юэ*; мужчина, самец, женщина, самка, *нань-ню*; дерево, металл, *му-цин*; огонь, вода, *хо-шэнь*; дух, тело, *шэнь-син*; закон, существо (substantia), *ли-ци*; природа, судьба, *сын-мин*; внутри *ян* есть нечто из *инь*, говорится поэтому: *ян-чжун-яу-инь*; внутри *инь* есть нечто из *ян*, говорится поэтому: *инь-чжун-яу-ин*; начертание *кхань* есть мужское начало и представляет месяц, будет: *кхань-нань-вэй-юэ*; начертание *ли* есть женское начало, его представляет солнце, будет: *ли-ню-вэй-жи*; свинец черен извне (*инь*) и бел изнутри (*ян*), будет: *цян-вай-хэй-нэй-бай*; Меркурий бел снаружи (*ян*) и темен изнутри (*инь*), будет: *хун-вай-мин-вэй-ань*; свинец и Меркурий суть составы тела – *цян-хун-вэй-яу-ву*, из которых рафинируется столбик (pill), *лянь-тань*; в подражание природе необходимо перенесение *ян* в огонь – *цин-ян-хо*, а также для полного добывания чего и *инь* (для холода) – *ян-ин-фу*; требуется «знать, насколько нужно умерить огонь» – *чжи-хо-ху*; все прочие 60 начертаний из *и-цин* могут быть употреблены по тому же началу: *и-ю-леуши-куа-вэй-хо-ху*; бессмертное искусство врачевания может быть находимо в солнце и месяце, *жи-юэ-чжун-яу-яо*; в солнце – золотая корона, *жи-яу-цин-ву*; в месяце – алмаз драгоценный, *юэ-яу-ю-ту*; прежде устрояется котелок и жаровня, *цян* и *гуан* (небо и земля), *сянь-ба-цян-чун-вэй-дин-ци*; затем составляется лекарство из золотой короны и драгоценного камня, все доводится до кипения, *цу-бо-ву-ту-яо-лай-пхэн*; после чего оба элемента доводятся до желтого пути (эклиптики!), *ци-цю-эрр-ву-куэй-хуан-дао*; так добывается «золотой столб бессмертия», *шэн-дэ-цин-тань-бу-цзе-шэн*; «цвет месяца», *юэ-хуа*, и «эссенция солнца», *чжи-цин*, суть как бы «реальное знание» *шэн-чжи* и «разумное ведение» *лин-чжи*; эти два, соединенные вместе, составляют «реальное знание», *шэн-лин*; образно, они суть «мужское дитя, мальчик», *ин-эрр-ча-ню*, «соединенные между собою желтым поясом», *хуан-бо*; результат – «реальный ум», «золотой цвет», *цин-хуа*; желтый бутон, почка, «хуан-я»; белый снег, *бай-сюе*; перловое зерно, алмаз, *су-ми-чу*, или «частица производящего, всеоплодотворяющего ума, *и-тянь-лин-мяо*.

Троица

Дао приводит к единству, *дао-шэн-ии*; единица приводит к двоице *и-шэн-эрр*; двоица ведет к троице, *эрр-шэн-сань*; троица приводит ко всем вещам, *сань-шэн-вань-ву*; невидимое, неслышимое и нерушимое, *и-си-вэй*; эти три приводят к единству, *сань-чэ-хунь-эрр-вэй-ии*; тьма, свет и согласное дыхание, *ин-ян-хуо-ци*; небо, земля и человек, *тянь-ди-жень*; три оригинальных начала, *сань-юань*; эссенция, дыхание, дух, *цин-ци-шэнь*; три рода слова, *сань-бао*; – небесный глагол, разумное речение, духовное слово, *тянь-бао-лин бао-шэнь-бао*; три высших области, *сань-цин*; земля святого, земля реального (мира), земля бессмертная, *шэн-цин*, *шэнь-цин*, *сянь-цин*; три чистых единицы, *сань-цин*; драгоценная чистая единица, высочайший и чистейший единый, великий и частый, *ю-цин*, *шан-цин*, *дай-цин*; три отделения человеческого существа, *сань-цзя*; тело, сердце, ум (идея), *шэнь*, *сын*, *и*; три таинственных столба, *сань-тань*; укрепляющий столб, золотой столб, духовный столб, *хуан-дань*, *цин-дань*, *шэнь-дань*; три пятерницы, *сань-ву*; металл, вода, *цин-шуй*; дерево и огонь, *му-хо*; земля в её середине, *тху-*

чжун; три духа ян, *сань-янъшень*; первобытный дух, *юань-шэнь*, познающий дух, *ши-шэнь*, реальный дух, *чэнь-шэнь*; три семейных духа, или три муки *сань-ши-шэнь*, ци, сань-пхэн: пхэн-цю, пхэн-ши, пхэн-цзя, это суть духи – *инь*, записывающие грехи людей ежедневно – *кэнь-шэнь*, когда человек спит, или соотносится с *шан-ди*; *ци-жень-го-ши кэнь-шэнь-жи-шэн*, *жень-суйкао ши сюан-ди*; три феи островов, *сань-шэнь-шань*; *пхэн-лай фан-чан-ин-чоу*.

Три начала – небо, земля, человек и 3 императора – небесный – *тянь-хуан*, земной – *ди-хуан*, человеческий, народа – *жень-хуан*; 3 источника света – солнце, луна, звезды. 3 отца: один, от которого получает свою жизнь сын; другой, – который только воспитывает детей; третий – имеющий мачеху; 3 секты – конфуцианство, даосизм, буддизм; 3 комментария: Гун-ян, семейство Цзо, Ку-лянь; 3 высшие литературные степени; 3 класса на Ямыне: музыканты, ликторы, носильщики; 3 правителя: провинциальный казначей, уголовный судья, комиссар соляного департамента; 3 периода великой теплоты: с половины лета – третий терм *кэн* есть 1-й период, четвертый терм *кэн* есть центральный период, пятый терм *кэн* есть последний период; месяц имеет три декады, 1-я с первого по 10 день, 2-я с 11-го по 20 день, 3-я с 21 по 30 день. Три союза в отношениях высших и низших: 1) государь к подданному 2) отец имеющий сына; 3) супруг к жене своей; для сего требуются: 1) справедливость между государями и подданными; 2) любовь между отцом и сыном; 3) согласие и мир супругов; три класса юных женщин: буддийская монахиня, даосская и чародейка; трижды повинуетя женщина: 1) пред супружеством – своему отцу; 2) по выходе замуж – своему супругу; 3) по смерти мужа – подчиняется старшему сыну; три причины, по которым для женщины развод возможен: 1) когда нет для неё дома, в коем могла бы жить и в него возвратиться; 2) когда прошло три года по смерти родителей или мужа; 3) когда семейство из состояния бедного и презренного стало зажиточным и почтенным; троякого рода манией могут быть одержимы люди, когда желают только богатства, или добиваются почестей и долгоденствия, хотят иметь коль можно более детей; три рода животных: собака, свинья, куры.

Четверица

Четыре формы, *сы-сян*: *цянь*, *кунь*, *ли*, *кхань*, небо, земля, солнце, месяц, *тянь*, *ди*, *мси*, *юэ*; четыре направления или части света, *сы-фан*: восток – *дун*, запад – *си*, юг – *нань*, север – *бэй*; четыре (соответствующие силы) элемента *сы-син*: дерево – *му*, металл – *цзин*, огонь – *хо*, вода – *шуй*; четыре времени года, *сы-ши*: весна – *чунь*, осень – *цзю*, лето – *ся*, зима – *дун*; влияние времен года, поколение оплодотворения – *шэн*, разрушение – *ша*, питание – *ян*, запасы на будущее время – *ме*; (относительные положения), левый – *цзо*, правый – *ю*; четыре символических животных – *сы-шоу*, именно: зеленый дракон – *цин-лун*, белый тигр – *бай-хо*, красная птица – *ши-сэ*, черная черепаха – *ву-гуэй*. Часто сии наименования употребляются для элементов, коим они соответствуют. Четыре баснословных начала: единорог, феникс, черепаха, дракон, 4 времени года – весна, лето, осень, зима, 4 направления восточное, западное, южное, северное; 4 формы или светила – солнце, месяц, звезды, созвездия; 4 силы – небо земля, солнце, месяц; 4 моря – восточное, западное, северное, южное; четыре класса народа: ученый, фермер или сельский хозяин, ремесленник и купец; 4 класса иностранных варваров: на восточной стороне Китая – *и*, на юге – *ман*, на западе – *цзян*, на севере – *ди*; 4 частных советника или канцлера Китая, 2 китаец, 2 маньчжура; 4 *ди* или судьи, т. е. беспокойных старца: при собирании податей и народной ссорки, разрушении и уничтожении всего дурного, с исполнением добродетели и четыре вещи, особенно необходимые для человека: осторожность и осмотрительность в словах, – действиях, – сделках, – в обращении с любимыми лицами и предметами; 4 добрых занятия: изучение хороших и полезных книг, дружелюбное сношение с благомыслящими людьми, добрые и полезные разговоры, добрые дела; 4 способа образования: изучение букв или иероглифов, совершение действий нравственных, верность и вера; 4 коренных добродетели: приличие или этикет, справедливое обхождение со всеми, умеренность, чувство стыда; 4 высоких и желательных качества потребны для женщины: доброе поведение, благородное обращение в беседе, добрые дела и милосердие особенно, любезность и мудрое расположение к людям; 4 изящных искусства содействуют образованию: поэзия, обыкновенное чтение; правила этикета и украшений, музыка; книги наиболее главные суть четыре – (*сы-шу*): 1) высокое знание – *да-сюэ*; 2) учение о человеке, *чжун-юн*; 3) конфуцианские аналекты или смешанные разговоры, *лунь-ю* в двух частях; 4) сочинение Менция, *Мэн-цзы* в трех частях; – авторы школы Конфуцзы, особенно чествуемые за их сочинения, известны 4 в храмах, украшающих города, пример – храм Конфуцзы и его ассессоров в г. Фучжоу, их таблицы с именами, расположенными в нишах направо и налево.

Пятерица

Каждый из пяти элементов имеет соответствующие им по два из сочетания циклических иероглифов. Нечетные числа принадлежат к *ян*, прочие к *инь*.¹²⁷ Те и другие расположены согласно положению групп пространства, начертанных на спине «дракона-коня» с реки Ман, мудреца Фуси, и расставленных в следующем порядке (представляем цифры и название китайское): 7 = *ци*, 2 = *э*рр огонь – *хо*, 5 = *ву*, 8 = *па*, 3 = *сань*, дерево = *му*, 10 = *ши*, 4 = *сы*, 9 = *цзеу*, металл = *цзин*, земля = *тху*, 1 = *и*, 6 = *леу* вода = *шуй*. Расположение сего рода, называемое «речной план» *хо-ту*, представляет естественное движение пяти элементов и соответствует даосскому принципу самопроизвольности и недеятельности, *ву-син-сунь-син-цзю-ян-ву-вэй-чжи дао-е*. Таковы: земля производит металл, *тху-шэн-цзин*; металл – воду, *цзин-шэн-шуй*; вода – дерево, *шуй-шэн-му*; дерево – огонь, *му-шэн-хо*; огонь – землю, *хо-шэн-тху*. Священная черепаха, сверх сего, пришедшая с реки Ло (River Lok) во времена великого Ю, с многими полосами на спине составленными из особенных знаков, имеет следующие распределения оных: 4, металл, 9, 2, (*сы*, *цзин*, *цзеу*, *э*рр), огонь – *хо* 3, 5, 7, (*сань*, *ву*, *ци*) дерево, земля (*му*, *тху*) 8, 1, вода, 6, (*па*, *и*, *шуй*, *леу*). В китайской книге *лу-шу*, (Lok book) представлены обратные движения пяти элементов – *ву син ни юн ю вэй*; они соответствуют даосскому принципу приведения всего к деятельности и преобразованию – *бянь хуа чжи дао е*; при чем, высшая сила остается неподвижно, неизменяемо – *шан дэ ву вэй*, тогда как низшая – подвижна, дает и прочим тоже движение – *ся дэ вэй чжи*. По этому будет: земля разрушает (поглощает) воду, *тху го шуй*, водою погашается огонь, *шуй го хо*, огнем плавится металл, *хо го цзин*, металлом уничтожается или заменяется дерево, *цзин го му*, дерево разлагает землю (в своем роде), *му го тху*. Фуси сделал восьмеричное начертание «вида небес», Фу-си хуа *сянь тянь па-куа*, небеса, огонь, солнце, земля, месяц, дерево, металл, земля вода; царь Вэнь, сверх сего сделал еще 8 начертаний «нижних небес», *вэнь ван ху хау тянь па-куа*, солнце земля, месяц, небеса; смешение (элементов) – велико, называется *цзянь кхунь тянь дао*; дыхание высших небес, могло быть вредно, *сянь тянь чжи ци и шань ян* мог быть разделен на *инь*, – *ян вэй инь сянь*; человек, будучи и микрокосмом, естественно мог прийти в это же состояние беспорядка, *жень и цю ии тянь ди*; пять элементов и циклических иероглифов могут быть согласованы так:

полночь	Вода = шуй		Дерево 3, 8.
	Вода = шуйбай.	дун.	Огонь 7, 2.
	Земля = север.	зима.	Земля 5, 10.
утро	тху.		
	Дерево =		
	му.		
	Дерево = дун.	чун.	Металл 9, 4. Вода 1, 6.
	му.	восток.	
	Земля =	весна.	
	тху.		
	Огонь = хо.		
	Огонь = хо.		
полдень	Земля =	нань. юг. ся. лето.	Земля преобладает во всех четырех временах года, <i>тху-ван-ю-сы-чжи</i> .
	тху.		
	Метал. =		
вечер	цзин.		
	Метал. = си.	цзю.	Земля стоит посреди, <i>тху-цю-чжун</i> .
	цзин.	запад.	
	Земля	осень.	

В начале человеческой жизни пять элементов были все *ян*, *сянь-тянь-ву-син-су-ян*, слова 1, 2, 3 в каждой из вышеприведенных фраз пяти слов): 3 – дерево, 9 – металл, 7 – огонь, 1 – вода, 5 – земля.

Пять цветов, *ву-чжэ*: зеленый – *лю*, белый – *бай*, красный – *хун*, желтый – *хуан*, черный – *хэ*; пять вкусов, *ву-вэй*: кислый *суань*, горький, соленый – *янь-ди*, сладкий – *тянь-ди*; пять органов чувств, *ву-куан*: зрение – *янь-шэ*рр, обоняние – *вэнь-гуань*, вкус – *коу*вэй, слух – *тинь-гуань-э*рр, осязание – *мо*; пять оригинальных начал, *ву-юань*: природа – *син*, движения – *цин*, дух – *шэнь*, сущность – *сиц*, дыхание – *ци*; пять главных органов (viscera), *ву-цзан*: сердце – *син*, печень –

гань, селезенка – *ни*, легкие – *фэй*, почки – *шэнь*. В отличие от главных есть шесть низших органов, *леу-фу*: малые кишки – *сяо-чан*, желудок – *вэй*, желчный мешочек – *дань*, пузырь – *да-чан* и канал мочевой – *бань-коан мин-мынь*; пять видов добродетели, *ву-дэ*: человеколюбие – *жень*, справедливость – *и*, собственность – *ли*, мудрость – *ши*, верность – *синь*. В развитии состояния человека, элементы *инь* идут в порядке восходящем – *хоу тянь ву син шу инь*: 8, 4, 2, 6, 10 – *па, сы, эрр, леу, ши*; дерево, металл, огонь, вода, земля; вместо пяти видов добродетели, являются пять творений, *ву-ву*: странствующая душа – *ю-хунь*, мрачный призрак – *гуэй-бо*, познающий дух – *ши-шэнь*, грубая сущность – *хо-цин*, необузданный ум – *ван-и*; пять разбойников, *ву-цзэй*, именно: радость, ликование – *сю*, гнев – *ню*, наслаждение, удовольствие – *ло*, горе, печаль – *ай*, вожделение – *ю*. Подпавший под власть этих сил должен сосредоточивать и смешивать пять элементов – *цзан-цзу-ву-син*; или «обратно приводить простое дыхание жизни к реальному единству» – *хуан-сянь-тянь-шэнь-и-чжи-ци*; тот, кому дается это дыхание жизни, обязан «без замедления писать книгу или сочинять» – *нань-и-шу-цюань*; может наконец сообщать её живым голосом, проповедовать громогласно, т. е. учить, – *ко-и-коу-цюэ*; высшая добродетель Лаоцзы – *лао-цзы шан-дэ*: не делать греховного, порочного – *вэй-у-вэй*; не оставлять без занятий т. е. не быть праздным – *ши-ву-ши*; давать вкус или делать приятным то, что на самом деле горько, неприятно – *вэй-ву-вэй*; стараться обуздывать свои пожелания – *ю-бу-ю*; поучать невежд, неграмотных – *сюэ-бу-сюэ*; быть сострадательным – *цзу*; экономичным – *цзянь*; смиренным и уединенным – *дуй*; не останавливаться ни разу в случаях, когда кончается воздаяние за услугу или добродетель, но идти дальше т. е. беспрерывно совершенствоваться – *гун-шэн-бу-чу*; носить простую грубую одежду с украшением только на груди – *бэй-хо-хуай-ю*; признавать вечность – *ши-чан*; поступать во всем и жить сообразно с Дао – *тхун-ю-дао*; умирать не погибая – *сы-эрр-бу-ван*; стремиться к абсолютному – *к уэй-ю-ву-ци*; Чжуан-цзы и Ле первые начали говорить – *чжуан-ле-ши-шуо*: о дорогой пище – *ю-ши*, духовном врачевании – *шэн-яо*, духовных фонтанах – *шэн-фан*, восхождении на небо – *дэн-тянь*, переходе к гениям – *шан-сянь*; следующий писатель Бэ-ян, называемый «золотым или желтым классиком» – *вэй-ба-ян цзу-цзин-би-цзин*; Чжуан-цзы, Ле и Бэ-ян соединенные вместе известны под названием – «цзо-цзан-дун-ци»; на основании сих писателей начинаются рассуждения о драконе, тигре, свинце и Меркурии, химической жаровне, медицине, и проч. Пять классических или канонических книг – *ву-цзын*: 1) книга перемен, 2) кн. исторических документов, 3) кн. од, имеющая национальные напевы, малые похвальные слова и большие, молитвы; 4) кн. обрядов и церемоний; 5) весна и осень. Пять императоров: Фу-си, Шэн-нун, Хуан-ди, Янь, Шунь, они почитаются богами эпидемий, моровой язвы и прочих бедствий; 5 богов – правителей стран света: бог востока, – запада, – севера, – надира, – зенита; 5 сил управляющих: год, солнце, месяц, звезды, астрономические числа; 5 направлений: восточное, западное, южное, северное, центр; 5 элементов природы: металл, дерево, вода, огонь, земля; 5 воздушных перемен: ясно, дождливо, жарко, студено, ветрено; 5 цветов; 5 вкусов; 5 органов тела; 5 родов зерен; 5 гор; 5 озер; 5 видов животных: несущих яйца, размножающихся от зрения и пр. Пять буддийских правил: не убивай живых существ, не похищай чужого, не развратничай, не лжесвидетельствуй и не обманывай, не пьянствуй; 5 отношений: государя и подданных, отца и сына, мужа и жены, старшего брата и младших, друзей; 5 видов благоденствия: долгая жизнь, богатство, спокойствие, преуспевание в добродетели, естественная смерть. У других писателей означенные виды счастья суть: долгоденствие, богатство, честь, потомство и естественная смерть; 5 почтенных качеств в женщине: отсутствие глупости и чрезмерной простоты, отсутствие вычурных манер и кокетства, также – спеси или кичливости, непостоянства или капризов, вообще безупречность в поведении; 5 видов непослушания или неповиновения: непокорность небу, земле, государю, не желание уступать другим и особенно своему учителю, с разного рода неудовольствиями для него и оскорблением; 5 наказаний: легкие палочные удары по пяткам, тяжелые и медленные, обезглавливание, изгнание за пределы родины на 3 года, изгнание на расстоянии 1.000 ли в пограничную провинцию; 5 причин по которым женщине воспрещается вступление в брак: если она принадлежит к бесплодному семейству (не имеющему дочерей, *unfilial family*), 2) проститутка, 3) когда происходит от семьи потомков преступников в течении нескольких поколений, 4) когда убит её отец или погребен и она носит траур.

Шестерица

Шесть путей или главных начал: небесное, земное, человеческое, 6 даосских и буддийских божеств и демонов, 6 ассистентов при идольных процессиях (в г. Фучжау), несущих изображения

– бычачья голова, конское лицо, долгорукий демон, жирный и приземистый дьявол, два сопровождающих богов ассистента; 6 сочетаний; зенит и все, что на нем (верх), надир и все, что в нем (низ), восток, запад, север, юг; 6 влияний, мужское и женское начало, ветер, дождь, свет, тьма; 6 корней – глаза, нос, рот, уши, язык, тело и все прочее. Шесть классических книг: – оды, летописи, перемены, обрядник, весна и лето – анналы; 6 музыкальных нот – 1 в 11 мес., 2 в 1 мес., 3 в 3 мес., 4 в 5 мес., 6 в 9 мес.; 6 родов животных – вол, конь, свинья, куры, собака. Шесть отношений: отец, мать, старший брат и младший, жена, дети; 6 родов повиновения – государю, верность приближенных, добрый отец, покорный сын, любезный старший брат и почтительный младший; 6 родов добродетели – сыновнее благочестие, братская любовь, миролюбие, согласие, дружба, сострадательность; 6 основных правил – утверждение и образование сильного характера, сыновняя любовь, погребение родителей с относящимися церемониями, храбрость в делах военных и мужество, земледельческие занятия во время мира, доброе имя гражданина и наследие собственности, прилежание и преуспеяние в художествах и ремеслах; 6 добрых дел – родительская любовь и расположение, воздержность, человечность, трудолюбие, искренность, внятная речь; 6 добродетелей – мудрость, милосердие, созерцательное знание, справедливость, середина во всем, гармония или согласие; 6 страстей – радость, гнев, печаль, удовольствие, любовь, ненависть; 6 видов несчастья – убийство ближнего, болезнь, печаль, нищета, порочность поведения, дряхлость духовная и телесная. Шесть высших управлений с их мандаринами: министерство назначения на должности, – финансов, обрядов, военное, юстиции и общественных работ; 6 видов женщин – сводня и посредница, продавщица цветов, акушерка, певица или проститутка, колдунья, ученая.

Седмерица

Семь регуляторов неба: – Солнце, Месяц, Юпитер, Меркурий, Венера, Марс, Сатурн; 7 планетных циклов, 7 дней, 7 мудрецов посланных небом, 7 страстей – радость, гнев, печаль, ненависть, любовь, вождение, скупость; 7 путей мудрого сердца; 7 причин развода; 7 игр; 7 исторических пагод; 7 огромных бамбуковых деревьев; 7 добродетелей феникса – голова, эмблема достоинства, шея – справедливости, спина – благоволения, тело – верности, шея – несправедливости, талия – эмблема военной ловкости; 7 дорогих характеров благородного человека: боязнь пред небом и землею, страх пред национальными законами, почтение к драгоценной из трех единице – сань-бао, уважение родителей, миролюбие с ближними, согласие в обхождении с детьми, любовь родителей и детей; 7 предметов для наставлений: отец и сын, братья, супруги, князь и подданный, юный и старый по возрасту, хозяин и гость, друзья; 7 причин развода для женщин, когда она обнаруживает неповиновение к родителям мужа, когда бесплодна, или распутна, ревнива или неизлечимо больная, болтлива или воровка.

Восьмерица

Восемь годовых праздников: в начале весны и лета, осени и зимы, в середине весеннего равноденствия и осеннего, в середине летнего солнцестояния и зимнего; восемь богов: бог неба, бог земли, бог войны, бог тьмы, бог света, бог месяца, бог солнца, бог четырех времен года; 8 направлений – восток, запад, север, юг, северо-запад, юго-восток, северо-запад, юго-запад; 8 гениев или духов; 8 дорогих вещей: сердолик, коралл, амбра – род черепаховой кости, перл, яспис или красный прозрачный камень, млечный камень, кристалл; 8 драгоценных материалов: перл, слоновая кость, гемм, камни, земля, металл, кожи и перья; 8 музыкальных веществ: тыква, глина, кожа, дерево, камень, металл, шелк и бамбук; 8 матерей – первая или главная жена отца, законная мать или мачеха, одна только мать, мать вторично вышедшая замуж, мать разведенная, служанка сделавшаяся женою господина, кормилица и мать натурально воспитавшая дитя; 8 привилегированных классов: некоторые ветви императорской семьи, долго находящиеся при лице государя, заслуженные высокие военные чины, замечательные личности по нравственным качествам, необыкновенно талантливые личности, необыкновенно прилежные чиновники, лица 1-го и 2-го класса, потомки предшествующих династий.

Девятирица

Девять отношений: прапрадед, прадед, дед, отец, я – сам, сын, внук, правнук, праправнук; 9 поколений, живущих между собою в согласии и подчинении; 9 классов добрых людей: милосердный государь, верный слуга, отец нежно любящий, преданный сын, старший почтенный брат и ему преданные братья, приятный певец супруг и сопутствующая ему жена; 9 классов чинов: чиновники, ученые, фермеры, магики, художники, гадатели по точкам и черточкам, прочие гадатели и вещуны, физиономисты, лекаря; 9 классов представителей и вещей пред

императором, во время церемоний и выходов: телеги и кони, облачение или дорогие одежды, музыкальные инструменты, раскрашивание разных предметов красной краской, известного рода расположение людей и предметов справа и слева, при самой процессии или остановках, вставании и сходе, употребление солдат для шпалер и порядка, колчаны, луки и стрелы, род секир или военных топоров, благовонные предметы и курения; 9 небес; 9 рек; 9 подобий: подобие гор, холмов, верхушки холма, огромной насыпи, речного течения в разные стороны, постоянства луны и месяца, восходящего солнца, длины южных гор, роскошных переливов огня и форм Кипра.

Десятерица

Десять черепашек: божественная, духовная, употребляемая при гадании, драгоценная, испещренная, предзнаменательная, земляная, болотная, водяная, огненная; десять отделений буддийского ада: царь 1-го ада, царь 2-го ада, царь 3-го ада, царь 4-го ада, 5-го, 6-го, 7-го, 8-го, 9-го, 10-го; десять философов или знаменитых писателей древности; десять нравственных обязанностей: взаимная любовь отца и сына, согласие супругов, расположение и миролюбие между братьями, старшими и младшими, и почтение прочих, дружелюбие товарищей, надлежащие отношения государя к подданным и подчиненных к начальникам.

Одиннадцать светильников: Солнце, Луна, Юпитер, Венера, Марс, Меркурий, Сатурн, звезда Кагу (?) и звезда Кету (?). *Двенадцать* стражей (12 месяцев); 12 идолов мудрецов, стоящих в храме Конфуэцы в Фуцжоу; 12 учеников. *Тринадцать* классических книг: книга перемен – *шуцзин*, книга исторических летописей – *шицзин*, книга од – *ицзин*, книга обрядов – *лицзин*, книга весны и осени – *чуньцю*, книга сыновней благочестия – *сяоцзин*, книга Чеу, книга народного приличия и церемоний, книга комментариев Гун-ян и книга комментариев Гу-лянь, древний словарь, конфуцианские разговоры, сочинения Менцзы.

3. Слова и выражения нравственно-религиозного и мифологического значения

а) *Действия предосудительные и еретические, бан-мынь вай-дао*. Блуждание во все стороны глазами, *юн-суан-цин*; протирание живота – *мо-ци-лунь*; задерживание дыхания – *би-си-син-ци*; размахивание и кривляние телом – *чу-шэнь-дао-инь*; вкушение необыкновенных трав – *ни-чжи-фу-су*; косвенные взгляды или крайнее самоуглубление – *нэй-ши-цзунь-сян*; тайное употребление чар или колдовство – *ми-чоу-чу-се*; сидение в молчаливом столбняке – *чан-дин-буй*.

б) *Успех и степени нравственного усовершенствования*. В течении исторических времен более 100,000 лиц достигли степени бессмертных гениев, *цзун-коу-ши-цин-чэн-сянь-чэ-ши-вань-ю-жень*; многие достигли такого совершенства, что прославили свои тела и души чудесами, и соединились счастливо с *Дао*, *син-шэнь-цю-мяо-ю-дао-хо-чэнь*; хуан-ди вознесся на небо на драконе, *хуан-ди-цюй-лун-шан-шэн*; другие уносились на птицах, облаках, ветрах, иные прямо устремлялись на небесную высь, *хо куа-хо-хо-цзя-юн-хо-ю-фын-хо-чжун-цю*; 800 из них сделались домоправителями, 3.000 улетели (на небо), *ба-цзы-ба-бай-фай-шен-сань-цянь*; все эти люди преобразились – *цзо-хуа*, они умерщвляли свои тела тем или иным способом – *ши-цзе*; или добровольно переходили от совершенства к совершенству и как бы переселялись в других людей – *цю-юань-чуань-шэн*; одни с утробы матерней достигали этой святости – *му-дай-лай*; другие самоумерщвлением тела – *до-шэ*.

в) *Титулы божеств*. Небесное величество (excellency), *Тянь-цзун*; титул, прилагаемый ко всем чистым единицам (pure ones), т. е. троице вообще и отдельно каждому лицу; небесное превосходство, драгоценное чистейшее единое начало, (т. е. пан-ку-хаос), *ю-цин-юань-ши тянь-цзун пань-ку хунь дунь ши*; Великий высочайший князь Дао, *дай-шан лао-цзун* (т. е. Лаоцзы), именуемый еще: его небесное величество ума и добродетели, великий чистый единый, *дай-цин-дао-дэ-тянь-цзунь*; драгоценная заря, разумное высочайшее слово, чистая единица, *шун-цин-ю-шэнь-лин-бо-тянь-цзунь*, царственное начало самоуничтожения, пустоты, *це-юань-ши сю хуан-чжи дун-си*. Означенные прозвания – заря, слово, единица, суть «боги пустоты», *сю-ву шан-ди*, или таинственное небытие *мяо-ву шан-ди*, *ю-хуан*, т. е. три чистые единицы, или бог тайнобытия, *мяо-ю шан-ди*; действительная черепаха, черно-небесный бог северного полюса, *Бэй-ци шань ву сюн тянь шан-ди*. Это божество более всего почитается в Кантоне, настоящее положение имеет со времен Минской династии.

Прочие божества: небесные боги, *тянь-ди*, тридцать шесть небесных богов, *сань-леу тянь-ди*; или 36 ю-хуан, *сан-ши-леу-ю-хуан*; тридцать два небесных бога, *сан-ши эрр-тянь-ди*; все небесные боги, *чу-тянь шан-ди*; действительные князья, *шэнь-цзюнь*; великие боги – *да-ди*; боги

князи – *ди-цзунь*; человек Дао, *дао-жень*; реальный человек, *шэн-жень*; прозвания прилагаются ко всем божествам наивно почитаемым и воображаемым на небе, земле, воздухе, и в темно-голубой столице – *сюан-ду*, или в метрополии перлов, звезд, *ю-цзин*. Есть еще названия: звездное небо, – богов – мальчики перлы ю-ду, алмазные девочки ю-нуй.

г) *Духовные достоинства* (priestly orders). Высшая и древняя степень достоинства у даосов есть «Небесный учитель, правитель», *тян-ши*. Название это сохранилось наследственным в семействе Чжан более тысячелетия; члены оно почитают себя потомками «Чжан-дао-лин», некоего ученого фокусника, процветавшего в первом столетии по Р. Х. Начальник храма *дао-чжан*, самый же храм или монастырь есть *дао-гуан*; духовные лица, жрецы, *дао-ши*, т. е. ученые даосы; народные исторические рассказчики, или говоруны, маги – *фан-ши*; роскошно одетые, быстроногие юноши *ю-ши*; желтые шапочки – *хуан-куан*, это последнее отличие дано при хуан-ди.

д) *Баснословные или мифические личности*. Великий единый, *дай-ци*; хаос, *хун-дун*, дух воздуха, *хун-мэн*; учитель хуан-ди *гуан-шэн-цзу*. Царственный отец востока, *дун-сан-гун*, цар. мать запада (олицетворение дерева и металла) *си-ван-му*, эти лица суть родители, *фу-му*, или *бань-цзу*, и многие другие, жившие за сто и тысячу лет, не имели реальной истории. Замечательные личности и их творения литературные известны по одиннадцати династиям в следующем порядке: до Р. Х. 1) династия чэу VI ст. и III ст.; 2) дин. *чин*, 218 г.; по Р. Х. 3) дин. *хан*, 164 г., 139–85 г., 165 г.; 4) дин. трех государств, 226 г.; 5) дин. *цин*, 370 г.; 6) дин. северная *вэй*, 423 г.; 7) дин. *тан*, 702–745 г. 837–850 г.; 8) дин. поздняя *цин*, 935 г.; 9) дин. *сун*, 989–1014 г., 1100–1125 г.; 10) дин. *юань*; 11) дин. *мин* 1401–1423 г.

е) *Характеристика философии даосов и система общая китайцев*. В разных сочинениях философов рассмотренного времени встречается много рассуждений о бессмертии и тайне оно и подобных трудных вопросах. У Лаоцзы, Чжуан-цзы и Лецзы встречается немало рассуждений довольно темных друг друга поясняющих, особенно усложняемых привнесением разных басен и мифов, необычайных, невероятных. Китайская алхимия во многом обязана своими вкладами даосским ученым и даже смешивается с философией Лаоцзы; император Ву, Ханьской династии, был особенно ревностным поклонником этой системы, представлявшей множество аллегорий и мистификации. Под влиянием буддистов, Конфуцзы – его И-цзин, даосы создали особые церемонии, обряды, учение, историю и мифологию, о чем обстоятельно в общем очертании знакомят нас сочинения «*Дао-шу ци-чжу*» и «*Шень-сян тхун-цянь*».

На основании частных воззрений и систем Конфуцзы и даосской школы, образовалась следующая общая китайская натурально-философская система, в коей сравнительно сгруппированы соответствующие силы и отправления природы в 15 столбцах.¹²⁸

Соответствующие циклические комбинации	Ву-син, первоначальных сущностей	Качества Ву-син, по изложению «Великом плане»	Ву-вэй, вкусов, от Ву-син	пять Сы-ши, времени Ву-син	четыре года, соответствующих	Ву-фан, пять пунктов компасной розетки	Действ на бо-х
Жень-гуэй.		Орошать и спускаться.	Соленый.	Зима.		Север.	Укрепл.
Бин-дин.	Хо, огонь.	Пламенеть и восходить.	Горький.	Лето.		Юг.	Прониц
Цзи-и.	Му, дерево.	Наклоняться и быстро поднимат.	Кислый.	Весна.		Восток.	Оживот
Кэн-син.	Цзин, металл.	Подчиняться и едкий, производить острый.. перемену.		Осень.		Запад.	Разруш
Ву-ци.	Тху, земля	Производиться зерно.	сладкий приятный	–		Центр.	Привод согласи гармон

Приложение II-е к §§ 62, 63, 65. Разные философские рассуждения

1. Книга о наградах и наказаниях «Кань-ин-бянь» Лао-цзы (209 изречений). – 2. Книга «Чан-цин-цзан-цин» ученика Лаоцзы Мяо-мо-юань, о Дао или верховном разуме (41 стих). – 3. Книга «Инь-чжи-вэнь» о тайной добродетели сочинение Ди-цзюнь – ученика Лао-цзы. – 4. Пять диалогов Чжуан-цзы о жизни и бессмертии. – 1) Четыре приятеля – 2) Губернаторская дочка Аи и спящие сотрапезники – 3) Разговор философа с фигурчатым сосудом – 4) Размышление о жизни и смерти – 5) Смертный одр мудреца

А. Книга о наградах и наказаниях. – «Кань-ин-бянь», или «о причинах возмездия», сочинение «Великого Совершенства», т. е. Лао-цзы¹²⁹

1) Дай-чжан говорит: несчастье и счастье человека не могут быть определены заранее, – они не имеют двери; то и другое являются сами собою, судя по поведению. Награда за добро и наказание за зло следуют подобно тени, сопровождающей тело. 2) И так как, на небе и над землею существуют духи, имеющие назначением – следит за поведением людей, то, судя по легкости или тяжести проступков, сокращают они и периоды жизни по сто дней. Когда жизнь уменьшается в первый раз на один период стодневный, тогда незаметно подкрадывается нищета; наступает обуревание от бесчисленных скорбей и болезней, преследующих человека, с ужасом бегущего от них; вслед за сим наступают наказания и бедствия. Исчезают блаженство и веселие, и зловещие звезды предрекают грядущие казни. А когда истощатся все стодневные периоды, т. е. жизнь, – настает и смерть. 3) Существует также великая троица – "сань-дай" (три высочайших единицы – eminent ones), и Дух – правитель звезды – «северной купины» (куст, bushel), который будучи над главою людей ведет постоянно летопись их преступлений и проступков, или грехов, посекая периоды двенадцати годов или сотню лет из всей жизни. 4) Есть еще три Духа – "Сань-ши", надзирающие за нашим телом, обитающие внутри оно. С наступлением урочного часа "чен-шень" (keng-chin), они появляются в небесном чертоге и рапортуют о преступлениях и согрешениях людей. 5) В последний день луны тоже самое па небе творит и Дух семейного очага. 6) Когда человек совершает важный грех, отнимается у него XII годов; – легкий, – то сто дней. 7) Великих и малых грехов – многие сотни. Необходимо всячески заботиться об избежании оных тому, кто хочет получить бессмертие или долголетие. 8) Спешите следовать доброму пути и удаляться дурного. 9) Не топчите ногами и тернистой стези (т. е. не пренебрегайте трудностями и опасностями в жизни). 10) Не позволяйте себе обмана в вашем тайном убежище (т. е. избирайте надежное пристанище). 11) Совершайте как можно более добрых дел, – преуспевайте в них и ревнуйте о заслуге. 12) Будьте сострадательны к животным бессловесным и вообще ко всем тварям. 13) Преуспевайте в справедливости и сыновнем благочестии, оказываяте благорасположение к вашим младшим братьям и почитайте старших братьев. 14) Исправляйте свое сердце, дабы удобнее обращать его к ближнему. 15) Имейте жалостливость к сиротам и сострадательность к вдовицам. 16) Почитайте людей возрастных и будьте ласковы к юношеству и детям. 17) Не причиняйте вреда даже насекомым, растениям и деревьям. 18) Оказывайте сострадание к несчастию ближних. 19) Соулаждайтесь и радуйтесь благополучию других. 20) Помогайте людям в случае надобности. 21) Спасайте от опасности, если кто ей подвергнется. 22) Довольствуйтесь успехами ближних (в добре) и будьте строгими к своим барышам (gains) или грешкам (revers), если только позволяете давать им в себе место. 23) Не распространяйте дурной славы на счет совершенств ближнего. 24) Не будьте тщеславны при своем совершенстве или превосходстве. 25) Предупреждайте зло, не позволяйте совершиться ему и будьте мужественны, творя добро. 26) Больше отсекайте от своего самолюбия и поменьше надейтесь на себя. 27) Не приходите в ярость или раздражение в том случае, когда понесете бесчестье или иное оскорбление. 28) Принимайте почести от князей с чувством страха. 29) Расточайте благодетия без надежды или расчета на какую-либо награду. 30) Подавайте милостыню другим без всякого сожаления о своем ущербе. 31) Вот тот, которого я называю добродетельным человеком. 32) Его почитают и все люди. 33) Провидение покровительствует ему. 34) Благословение и слава следуют за ним. 35) От него бегут, удаляются сами демоны. 36) Сами небесные духи окружают, сочувствуют ему и защищают его. 37) Во всех своих предприятиях он имеет успех. 38) Может быть твердо уверенным в получении бессмертия и стать духом или гением (после земной жизни). 39) Кто хочет сделаться бессмертным на небеси (быть небесным гением), тот должен совершить тысячу триста добрых дел; если желает

бессмертия на земле (*быть земным гением*), должен совершить только триста добрых дел. 40) *Размышляя о несправедливости и деяниях, противных здравому смыслу, человек презирует порочность, как и тонкое искусство притворства*, 41) *Особливо бессердечность, которой признаки следующие*: зверство в обхождении с другими людьми. 42) Желание тайного нанесения вреда людям добродетельным. 43) Тайное презиране своего князя (господина) и родителей. 44) Недостаточное уважение и почтение к наставникам. 45) Возмущение и недовольство прислуги в отношении к её господам. 46) Пользование невежеством других, для обмана их обманчивыми словами. 47) Возбуждение свар и неприятностей между соучениками и товарищами. 48) Изобретение ложных предметов, – выдумки и хитрости, с употреблением притворства и вероломства. 49) Рассеяние дурного мнения и славы о своих родителях и родных. 50) Жестокость, насилие и бесчеловечие. 51) Удовлетворение своих капризов с видимым бессердечием. 52) Нарушение справедливости в оценке доброго и злого, или неправильное назначение людей на несоответствующие должности и предпочтете лиц недостойных более заслуженным и добродетельным. 53) Безразличие в лицах, из которых одних должно убежать, к другим приближаться. 54) Угнетение низших лиц в воздаянии должного за их заслуги. 55) Льстивое заискивание благорасположения от начальства и стремление к излишнему угождению им. 56) Неблагодарность к своим благодетелям. 57) Злопамятование, или беспрестанная мысль об оскорблении и обиде от другого с пожеланием отмщения. 58) Умышленное невнимание к народной жизни и сочтение её ничтожною. 59) Допущение беспорядков в государственном и общественном управлении. 60) Удостоение наград тех, кто не заслуживает оных. 61) Наложение известных по закону наказаний на лиц неповинных. 62) Смертоубийство ближнего с целью присвоения себе его имущества. 63) Унижение и ниспровержение достойных лиц, с целью замещения их вакансий другими малоопытными. 64) Убийство неприятеля добровольно полагающего оружие и просящего пощады, и поголовное истребление (massacre) тех, кто сдается массами. 65) Ссылка лиц добродетельных и диффамация мудрых. 66) Дурное обращение и обида сирот, угнетение вдовиц. 67) Нарушение законов, принятие и получение подарков, взяток с племен подчиненных. 68) Порицание того, что благоразумно и почитание здравым, что предосудительно. 69) Принимать простые ошибки за серьезные преступления. 70) Надменно обращаться с людьми, обреченными на смерть. 71) Знать свои ошибки и недостатки, и в тоже время оставаться беззаботным в исправлении их. 72) Знать, что добро и не творить оное. 73) Сваливание собственных преступлений и грехов на других. 74) Вместо поощрения устроение разных препятствий в успехе искусств и ремесел. 75) Насмехательство над святыми и мудрыми мужами, произведение между ними несогласия и раздоров. 76) Оскорбление и дурные отзывы, с зверскими и бесчинными выходками против лиц, предающихся познанию мудрости и добродетели. 77) Стрельба из лука птиц и охота на четвероногих зверей. 78) Выведение зловредных насекомых из их норок и трещин древесных для вспугивания и устрашения птиц, спящих на деревьях. 79) (Грешно) затыкать дырочки, служащие проходом для насекомых и разрушать птичьи гнезда. 80) Не должно умерщвлять беременных самок и разбивать птичьи яйца (грех смертный). 81) Не д. домогаться того, чтобы другие люди терпели невзгоды и потери – (грешно и преступно). 82) Не д. умолять и разрушать заслуги, благоприобретенные другими людьми. 83) Не д. подвергать других людей опасности для того, чтобы как можно лучше упрочить за собою собственное благополучие. 84) Не д. изыскивать собственный барыш в ущерб благополучия других людей. 85) Не д. в торговле спускать при всяком случае дурной товар вместо хорошего за дорогую цену. 86) Не д. не внимать общественному благу и вовсе забывать думу о нем ради собственных интересов. 87) Не д. хищнически жить и пользоваться талантами ближнего и незаконно присвоят себе плоды оных. 88) Не д. скрывать и умышленно умалять превосходные качества других людей. 89) Не д. выводить со смехом на свет недостатки других людей. 90) Не д. публиковать перед народом частные и секретные дела других людей. 91) Не д. быть скрытным врагом благосостояния народного (с дозволением по этому соответствующих преступных деяний). 92) Не д. разлучать родных, соединенных между собою дружественно и тесно, подобно костям и мускулам в теле. 93) Не д. присвоить себе вещи, составляющие собственность другого. 94) Не д. пособничествовать людям порочным и преступным в совершении злых поступков. 95) Не д. предаваться водительству насильственных страстей своего характера для того только, чтобы легче и удобнее проявлять над другими собственную власть и силу. 96) Не д. позорить других людей для собственного возвышения и славы. 97) Не д. истреблять без нужды зеленеющие полевые всходы семян, также как и спелые. 98) Не д.

расторгать брачные союзы других. 99) Не д. обогащаться разными недозволительными путями и потом гордиться своим благополучием. 100) Не д. счастливо ускользать от заслуженного наказания за проступки и потом говорить о них без всякой стыдливости, – хвастаться за свое молодечество. 101) Не д. приписывать себе заслуги и благодеяния других с перенесением собственных недостатков и грехов на тех же лиц. 102) Не д. женить ближних на своем собственном несчастье и постыдно торговать своими дурными действиями. 103) Не д. приобретать за деньги обманчивые похвалы других ради суетной славы. 104) Не д. тайно скрывать внутри своего сердца вероломство. 105) Не д. унижать людей достигших за заслуги высших почестей. 106) Не д. скрывать свои несовершенства. 107) Не д. пользоваться собственной силою для насилия и угнетения ближнего. 108) Не д. предаваться крайностям зверства и жестокости, наносить раны и совершать смертоубийства. 109) Не д. шить себе дорогие одежды без всякой надобности и рассуждения. 110) Не д. умерщвлять животных домашних и рассекать их мяса на части, без соблюдения предписаний о том обрядника. 111) Не д. терять напрасно или разбрасывать пять родов зерен (без особой нужды). 112) Не д. утомлять и причинять страдания людям и животным. 113) Не д. разрушать цельность чужого имущества и украшаться им самому после захвата. 114) Не д. спускать в реках воду поднятием плотины, и нарочно производить пожары, с целью истребления чужого имущества и повреждения жилой собственности. 115) Не д. ниспровергать добрые планы и предначертания других людей, с намерением воспрепятствовать успешному исполнению оных. 116) Не д. портить разные орудия (напр. земледельческие) других людей, с целью сделать их негодными к употреблению. 117) При взоре на славу и почести, чрезмерно воздаваемых лицам оные заслужившим предосудительно пожелание, чтобы эти люди были ссыльными или изгнанниками из родного отечества. 118) Замечая других – владеющих большими богатствами не должно желать, чтобы оные терялись или рассеивались по сторонам. 119) При созерцании и наслаждении красотою других, не должно позволять в своем сердце вожделения, тайно овладеть оною. 120) Уплачивая денежный долг своим благодетелям не д. желать им смерти (– дело постыдное); также 121) не д. порицать и проклинать тех, кто хотел удовлетворить наши насущные потребности. 122) Не д. смотреть на потери других и приписывать их недостаткам этих лиц. 123) Не д. замечать телесные слабости ближнего и обращать их в смех. 124) Не д. видеть в других таланты и способность к получению похвал, но полагать непреодолимые препятствия их дальнейшему росту и движению. 125) Не д. погребать портрет или изваяние какого-либо человека с целью получения чрез то зловредного влияния над людьми (при гаданиях и других суеверных действиях). 126) Не д. губить и истреблять жизнь деревьев, при помощи разного рода лекарственного снадобья зловредно действующего на них. 127) Не д. хранить чувство ненависти к своему учителю. 128) Не д. сопротивляться отцу своему и старшим братьям, даже открыто оскорблять их. 129) Не д. насильственно присвоить себе чужую вещь, или требовать того, что не должно; также 130) не д. тайно наслаждаться благом другого с сильным пожеланием приобретения себе недозволенными способами. 131) Не д. приобретать свои сокровища посредством воровства и грабежей. 132) Не д. употреблять хитрость и обман для получения счастья и успеха в деле. 133) Не д. различать в несправедливой мере вознаграждение и труды. 134) Не д. безмерно предаваться излишествам в наслаждении жизнью. 135) Не д. слишком тщательно и мелочно отыскивать недостатки в своих подчиненных, или нижестоящих лиц, и жестоко позволять себе бичевать оные. 136) Не д. поражать других страхом и ужасом. 137) Не д. роптать на Небо и винить других людей. 138) Не д. производить между другими свары и тяжёлые дела. 139) В обществах людей порочных требуется держать себя крайне осторожно, и убегать неблагоприятного обхождения; (иначе – требуется удаляться от всякого сообщества с людьми дурными). 140) Не д. слушаться советов и безумных слов своей жены или конкубины (– не следует). 141) Не д. не повиноваться наставлениям своего отца или матери (– неблагоприятно). 142) Не д. (Не нужно) бросать древние вещи, чтобы приобрести только новые. 143) (Не должно) говорить так, а думать иначе. 144) Не д. требовать богатств или домогаться с ослепленною жадностью, и обращаться к лжи для обмана своих начальников. 145) Не д. употреблять клевету и злословие (с прочими средствами) только для того, чтобы добиться гибели благополучие ближнего. 146) Не д. порочить и бесславить других, а себя выставлять человеком правдивым и искренним. 147) Не д. жаловаться на духов и проклинать их, а о себе проповедовать как о единственно добродетельном человеке. 148) (Не должно) уклоняться или убегать от исполнения обязанностей, налагаемым разумом, и поучаться творить только то, что может быть

вредоносным и для людей опасным. 149) Не д. обращаться спиною к близким родным и отыскивать дальних родственников (неблагоразумно). 150) Не д. в случаях преступных отношений и действий призывать свидетелей в свое оправдание, указывать на небо и землю. 151) При совершении безнравственных действий помни, что небесные духи взирают стремительно на тебя (а потому зови их на помощь, да предотвратят тебя от совершения зла и вразумят как следует, дабы ты не погиб совершенно). 152) Не д. раскаиваться в делах милосердия, требующего денежных расходов. 153) Не д. брать в долг деньги и не возвращать (предосудительно). 154) Не домогайся получать то, что свыше законов неба. 155) Употребляй все свои усилия в достижении благородных намерений и предприятий. 156) Не предавайся чрезмерно сладострастию. 157) Не д. сохранять зверское сердце, а на вид представляться добрым и милостивым. 158) Вкушай с другими людьми рассеченные порции мяса и плодов, приготовляемых при церемониях, по обряднику. 159) Удаляйся бесчисленных заблуждений свойственных неразумному темному люду, лишенному просвещения. 160) Пользуйся во благо при торговле законною мерою и весами как малою (напр. *Чу*) так и большою, снабженною шкалою точных делений. 161) Не смешивай (в торговле товарами) дурного фальшивого с настоящим и хорошего качества. 162) Не д. собирать богатства и прибыли, наживаемые обманом. 163) Необходимо всячески прилагать заботу о том, чтобы лица знатных и добродетельных семейств не назначались на низкие должности, свойственные классу малообразованному и неразвитому. 164) Постыдно обманывать людей простых и устроить им везде ловушки; (равным образом) 165) низко желать благ ближнего с ненасытимою жадностью. 166) Безумно произносить клятву и молитву пред лицом богов, дабы они покровительствовали и оказывали свою справедливость (людям). 167) Не д. страстно любить спиртные напитки и быть пьяницей, готовым всегда на беспорядочные поступки. 168) Позорно вести споры и ссориться, с гневом, с близкими родными. 169) Избегай быть человеком, не имеющим искренней и правдивой души – (крайне нежелательно) также точно 170) (предосудительно) женщине не иметь свойственной её природе нежности и повиновения (авторитету мужчины). 171) Кто не живет согласно с женою своею (дурно поступает). 172) Жена не почитающая мужа (несчастлива); и еще более – когда 173) она любит тщеславие и оказывает оное при всяком случае. 174) (Когда) беспрестанно обнаруживает ревность и зависть. 175) Жалок тот, кто, имея жену и детей, не способен благоразумно обращаться с ними; (также и тот). 176) кто пренебрегает обязанностями в отношении к отцу и матери, по закону; (и кто) 177) не заботится оказывать должное уважение к душам умерших предков; (кто) 178) противится приказаниям своих начальников; 179) творит вещи и предпринимает дела, не имеющие пользы или значения в жизни; (кто) 180) скрывает в своем сердце двоедушие; (кто) 181) проклинает других, не щадя и себя; (кто) 182) несправедлив в выражении чувств расположения любви к другим, как и ненависти. 183) (Смешен и несчастен человек), прыгающий чрез закрытый или открытый кладезь, также – скачущий чрез огонь домашнего очага; – 184) попирающий ногами хлебные злаки и перевозносящийся над людьми. 185) (Мерзок тот), кто губит дитя свое тотчас же по рождении на свет и даже ранее, когда оно находится во чреве матери. 186) Есть много вещей потаенных и необыкновенных (в мире людей, содевающих оные); таковы: 187) песни и танцы в первый день луны и последний день года. 188) Испускание воплей и крика, с выражением даже чувств гнева и ярости, в первый день луны или утром. 189) Слезы, плевание и пускание мочи на северную сторону. 190) Песни, плач и крики пред домашним очагом. 191) Сожжение благовонных порошков и растений над огнем домашнего очага. 192) Приготовление пищи на нечистых и оскверненных дровах. 193) Хождение совершенно нагим днем и спанье ночью без всякого покрова (?). 194) Совершение смертных приговоров в периоды «па-цзе» (pa-tsie), или в восемь главных годовых праздников. 195) Плевание и харканье на заходящие звезды. 196) (Предосудительно) указывать пальцем на радугу. 197) С непочтением указывать на три ясны (солнце, луну и звезды). 198) Взирать продолжительно на солнце и луну. 199) Охотиться весною после сожжения хвороста. 200) Совершать ругательства и бесчинства лицам на северную сторону. 201) Умерщвлять без всякой надобности черепах и змей. 202) Божество, охраняющее жизнь, начертало все означенные роды преступлений, и, судя потому – насколько они тяжелы или легки, определило строго периоды – *двенадцати годовой и стодневный*. Когда число дней (жизни) истощится, человек помирает; и если, при самом моменте смерти, остается у него какой-либо грех, требующий очищения, то наказание за оный продолжается в виде разных несчастий, над сынами и внуками почившего. 203) Всякий раз, когда человек неправедно получает стяжания сокровищ от других, духи исчисляют количество его жен

и детей, и, мало-помалу, отнимают у них жизнь или сокращают, для того чтобы произвести таким образом справедливое погашение прежних долгов (прародителей). Если же члены семейства не умирают, то, для произведения должного равновесия в возмещении, имеют место разного рода неприятности – беспорядки в воде и огне, воровство негодными людьми имущества, всякого рода обманы, потеря вещей, болезни, злословия или лживые доносы. 204) Губящие людей неповинных похожи на врагов, меняющих свое оружие и умерщвляющих друг друга. 205) Получающий несправедливо богатства другого, похож на человека, хотящего утолить свой голод гнилым мясом, или жажду питьем отравленного вина. Хотя бы он и мог на несколько моментов лишних поддержать этим свою жизнь, но смерть не замедляет своевременно взять свою силу и погубить человека. 206) Если в сердце твоём рождается доброе намерение, хотя бы оно и не осуществилось, то добрые духи сопровождают тебя и повсюду окружают. Наоборот, когда в сердце возникает злой умысел, то, хотя бы он и не был приведен в исполнение, злые духи уже подле тебя и с радостью готовы помочь тебе. 207) Если человек, совершающий зло, кается потом и исправляется в поведении, и если воздерживается от дурных действий и совершает всякого рода возможное добро, то получит непременно и на продолжительное время радость и счастье. Таким образом, для него и скорбь предложится в радость. 208) Почему ж все это? – Потому, что добрый человек есть добродетельный в своих словах, взглядах на вещи, во всех действиях. Если ежедневно в нём будут замечаться эти три небесные добродетели, то, по истечении трехлетия, небо не замедлит соделать его блаженным, злой же человек – порочен в своих словах, в своих взглядах, действиях. Если ежедневно будут замечаться в нём эти три порочных вещи, то в конце трех годов небо не замедлит ниспосылать на него всякого рода горе. 209) Как же после всего изложенного выше не желать нам быть добродетельными и не употреблять всех сил и средств к соделанию добра в нашей земной жизни?

Б. Сочинение Чан-цин-цзан-цин принадлежащее ученику Лао-цзы Мяо-мо-юань¹³⁰

Лао-цзы говорит: 1) Верховный разум Дао – бестелесен; им произведены и поддерживаются небо и земля. 2) Великий путь – Дао бесстрастен; он дает движение и путь солнцу и луне. 3) Первоначало всего – Дао не имеет имени; оно умножает и питает десятки тысяч существ. 4) Сам я не могу подобрать имени, которое бы достойно было для его выражения (Дао) и, с большим усилием произношу наименование – *Дао* – путь, Разум. 5) Но Дао содержит в себе только то, что чисто, как и то, что грубо-вещественно; в нём же имеют свое место движение и покой. 6) Небо чисто, земля – груба, небо имеет движение, земля его лишена. 7) Мужеское начало – чистое, женское – грубое; первое активно, второе – пассивно, и пребывает в спокойствии. 8) Свыше, Небо есть источник для земли и производит десять тысяч существ. 9) Если человек может быть постоянно чистым и спокойным, на небе и на земле все может покориться ему. 10) Ум человека любит чистоту, но сердце возмущается; сердце человеческое любит спокойствие, но страсти увлекают оное в свои окопы. 11) Если человек будет постоянно отгонять от себя страсти, то сердце по его воле может сделаться спокойным; если он омоет, очистит (букв. просветит) свое сердце, то и ум очистится уже сам собою. 12) Следствием сего будет то, что шесть беспорядочных положений (в человеке) не возродятся, и три яда (сладострастие, вождделение и гнев) вовсе исчезнут. 13) Если люди не могут соделаться чистыми и спокойными, это потому, что они еще не успели омыть своего сердца, ни удалить от себя порочных наклонностей. 14) Всем, кто может удалять от себя все беспорядочное внутри их сердца, то это сердце уже не то, что было прежде, оно переродилось и стало как бы другим (т. е. достигло своей цели – состояния абсолютной абстракции). 15) Они видят свое тело и снаружи, но и оно уже перестало быть их телом, т. е. преобразилось, под влиянием духа смирилось. 16) Издали они узнают существа, но скоро и эти существа перестают быть для них действительными (т. е. и они как бы делаются призраками). 17) Лишь только поймется этого рода тройное состояние вещей, как пред человеком открывается одно пространство пустоты. 18) Они видят пустоту, и зрелище остается неизменным. Скоро однако ж и это сознательное ощущение теряется из виду. 19) С уничтожением чувства пустоты, прекращается как бы и сама она, или снова возвращается в сознание и далее, попеременно. 20) Когда такое уничтожение прекращается, в сознании исчезает вовсе, тогда и человек становится *спокойным* или овладевает *вечным блаженным покоем*. Скоро и этот покой становится таким, что человек даже лишается чувства оного. 21) Могут ли пробуждаться в таком состоянии человека (беспорядочные желания?). 22) И так как они прекращаются вовсе, то и человеком овладевается *истинный покой*. 23) Покой этот соответствует потребностям существ самым истинным и постоянным образом; также точно

овладевает и самой природой их. 24) И так как он соответствует вполне требованиям существ, поскольку вечно неподвижен, то он есть в тоже время всегда *чистый и тихий, безмятежный*. 25) При помощи сей *чистоты и тишины* (pureté et tranquillité), человек мало-помалу вступает на истинный путь – Дао. 26) Существо, вступившее на истинный путь – Дао, называется получившим Дао – путь. 27) Хотя такое состояние и называется получением или овладением Пути – Дао, но в действительности человек не овладевает ничем (т. е. вещным телесным, внешним). 28) А потому самому, что владеющий Дао может и другим показывать истинный путь, и выводить на оный, то справедливо говорится, что такой человек владеет *Путем, Умом – Дао*. 29) Кто в состоянии постигнуть Дао, тот конечно, вполне достоин и распространять учение о нем.

Лао-цзы говорит далее: 30) Люди высшего порядка не оспаривают (честь и репутация); люди же низшего рода могут опорочить таковые. 31) Люди высшей добродетели не любят выставлять на показ своей добродетели; тогда как люди добродетели низшей не хотят расстаться с нею идти далее и выше (т. е. беспрестанно совершенствоваться). 32) Кто любит придерживаться только своей добродетели, тот не может считаться достаточно усвоившим Дао. 33) И вот почему все люди вообще не владеют в совершенстве истинным Дао или истинным Разумом, Путем; – они беспорядочны своим сердцем. 34) И так как большинство людей имеет сердце беспорядочное, то и дух их постоянно волнуется и тревожится. 35) А когда дух (ум) мятежен, то и человек прилепляется невольно к мирским вещам или предметам. 36) С прилеплением же и склонностью к мирскому, в людях ощущается порождение вожделения (cupiditis). 37) Лишь только родится вожделение, человек испытывает возмущение души и чувства горести. 38) Потрясения душевные и томления сердца, беспорядочность в мыслях, наполняют состав телесный, сердце скорбит, ощущает горечь; тогда-то человек падает в тину порока и бесчестия. 39) Увлекаемый в круговороте заманчивого течения, человек беспрерывно начинает вращаться в этом круге, и не в силах из него выбиться; увы! он навсегда погружается в бездну океана горечи и страданий, а за сим теряет и самый истинный путь – Дао! 40) Силою собственного ума и рассудка (здравомыслия), человек может вступать на истинный путь (усовершенствования) и получать свыше то, что мы называем истинным и вечным, сущим – Дао. 41) Как только человек достигает этой степени Разума и Пути – Дао, он навсегда становится *чистым и спокойным* (pur et tranquille)!

В. Развитие идей Лао-цзы о добродетели – дэ и нравственной награде за неё, изложенное учеником Лао-цзы Ди-цзюнь в его сочинении «Инь-чжи-вэнь» (о тайной добродетели)¹³¹

В сочинении этом излагается непрерывный ряд изречений нравственного содержания, в виде советов для руководства людей в том, что им надлежит делать при достижении нравственного усовершенствования и чего избегать, дабы не сделаться преступниками и грешниками. Заканчивается оно выражением блаженства, которым должен рано или поздно увенчаться человек по исполнении лежащих на нем нравственных обязанностей.

Вот что говорит Вэнь-чан-цзы-тун-ди-цзюнь: будучи юным по возрасту, за успех в науках я сделался ученым и Да-фу. Любимым делом моим было освобождать людей от разных несчастий, помогать им по мере своих средств; я был сострадателем к сиротам и спешил всегда утешить их; оказывал много тайных благодеяний. И лазурное небо узрело меня из своих чертогов! Люди, подобно мне, храните в чистоте ваше сердце, и небо дарует вам блаженство!

Также поучая людей, я говорил: некогда Ю-гун был уголовным судьей, он соорудил себе врата, в которые могла свободно проходить телега (т. е., отличался гостеприимством и радушием как человек).

Если ты хочешь распространить поле своего блаженства, положишься смело на силу своего сердца. Постоянно старайся оказывать благодеяния; делай всевозможные добрые и похвальные дела; будешь полезен тварям, оценен и людьми. Возделывая добро усовершеншай собственное счастье. Будь прямодушен, справедлив пред небом, и, как можно чаще, обновляйся в добродетели. Кто сострадателен и человеколюбив, того любит и народ. Будь верен к своему учителю, благочестив в отношении к родителям. Почитай своего старшего брата; будь дружелюбен и доверчив к добрым друзьям.

Воздавай благоговейное почтение звезде Теоу (северного созвездия – бэй-доу), преклоняй колена до земли пред священным изображением (Будды), молись по священным книгам. Совершай благодарения четверем благодетелям (небу, земле, царю или князю и родителям); щедро распространяй три вероучения – (Будды, Конфуцзы, Лао-цзы); помогай несчастным; даже рыбу, брошенную на сушу, опускай в воду. Освобождай всякого, кто очутится в опасности

подобно птице, со всех сторон окруженной сетями, даже и ту отпускай на волю. Будь жалостлив к сироте, сострадателен к вдовице; почитай старцев, от чистого сердца помогай бедным; доставляй необходимое платье и пищу, кто идет в дорогу, голодает и терпит холод. Полагай в гроб и хорони останки трупа, валяющегося без погребения на земной поверхности, под открытым небом.

Если твой дом богат, давай содержание родным твоим, не только родителям; и, если в который год случится голод, благородно вспомоществуй твоим соседям, друзьям. Да будут твоя хлебная мера и весы всегда точны и без фальши. Не делай обременительных налогов, непосильных народу, но соразмеряй их со степенью зажиточности и богатства. По отношению к рабам и слугам обращайся великодушно и соблюдай возможную справедливость.

Публикуй священные книги, печатая оные в исправном виде. Обновляй пагоды и монастыри, если они ветхи и полуразрушены. Давай лекарства и медицинскую помощь требующим уврачевания, особенно бедным людям. Приготовляй чайный напиток для утоления жажды, особенно летом. Одни покупают животных для сохранения их жизни и отпускают на волю, тогда как другие соблюдают пост и воздерживаются от пролития крови.

Когда ходишь, остерегайся всегда как-либо не раздавить ногами ползающих насекомых и мурашей; для сего внимательно смотри вниз. Не производи лесных пожаров на горах. Возжигай по ночам светильник при доме и соседней дороге, чтобы проходящий мог не сбиваться с пути. Делай судно для свободной переправы чрез реку себя и других. Не всходи на горные вершины для ловли птиц сетями. Не подходи близко к воде речной или озерной для отравы рыб и земноводных. Не убивай вола работающего. Не разбрасывай бумаги, на которой начертаны иероглифы; помни пример Сянь-ю-гуань, который таким образом уничтожив сочинение философа Мэнцзы подверг себя и свое семейство смертной казни. Не замышляй и не учиняй злохитростной стратагемы против твоего патримониального соседа. Не посягай на таланты и искусство другого. Избегай вожделений плотских в отношении мужчин, женщин и девиц. Остерегайся прерывать брачные узы. Берегись также, по своим личным интересам, ослаблять согласие, существующее между старшим братом и младшим. Остерегайся, ради какого-либо прибытка, производить распрю между отцом и сыном. Не пользуйся собственной силой для обеспечения добрых людей. Не опирайся на свои богатства для угнетения бедных. Люби людей добрых, будь предан добродетели, исполняя её и служа ей и телом и душою своею. Убегай злых людей подобно тому, как ты избегаешь какого-либо несчастного случая, мелькающего пред взором твоим.

Скрывай всегда недостатки ближнего и обнаруживай только добрые качества. Пусть уста твои будут молчаливы в то время, когда сердце мятежно. Вырывай терновник и колючки, растущие на проходной дороге. Очищай также камни и всякой мусор по пути, препятствующий свободному проходу твоего ближнего. Возобновляй дорожки в горных проходах и ущельях, заброшенные почему-либо издавна. Устрой мосты, по которым могут свободно проходить твои соседи и дальние путники, как и сам ты. Сообщай и оставляй своему потомству наставления в жизни для исправления всего порочного в людях. Передавай твоя богатства во благо человечества. В своих действиях внимай Небесному Разуму; произносая словами речи, сообразуйся с человеческим чувством. Взирай на мудрецов древности в самых чистых делах твоих. Экзаменуй свою совесть под тенью собственного убежища.

Удаляйся зла и совершай добродетель, тогда далеко убежит от тебя и дурного предзнаменования звезда; и при себе постоянно будешь находить блаженных духов тебе покровительствующих. *Самою ближайшею наградою для тебя, которую ты увидишь, будешь ты сам*; наиболее же отдаленною будут твои потомки (сын, племянники и т. д.). Сто блаженств, соединившись все вместе, вселившись в тебя, увенчают славою; тысячи счастливых облаков соединятся вместе над тобою и будут осеять тебя. Ужели всего этого еще мало в вознаграждении человека за его добрые дела, и преимущественно тайно совершенные?

Г. Диалоги о жизни, смерти и бессмертии (из сочинений Чжуан-цзы IV ст. до Р. Х.)¹³²

1) Четыре приятеля шли однажды по дороге; долго и весело разговаривая о разных предметах, остановились они на следующем интересном рассуждении: «конечно, не только мы, но и всякий другой человек согласится с тем, что в начале существует *бездействие* или пассивное состояние (inaction), следует затем *жизнь* (life) или деятельное начало, »со смертью (death) прекращается и самое *бытие* наше». Разговаривающие с улыбкой переглянулись и молчаливо кивнув головами, дружественно продолжала идти далее. Скоро, один из них, по имени Цзу-ю, захворал (в дороге), а другой, – Цзу-сы, продолжал идти, заботясь о товарище.

«Поистине Бог велик!» сказал ему больной. «Порассуди, сколь он ко мне вдвойне милостив. Спина моя так сгорбилась, что можно явственно пересчитать все позвонки и прочие косточки на теле. Плечи мои осунулись и шея вытянулась, (точно у птицы), а волосы удлинлись и стали подобны в цвете лазурному небу. Весь запас моего организма и сил порасстроился и переменялся. Тем не менее, умственное равновесие не поколебалось». Так рассуждая, кое-как тащился больной, насколько мог, и продолжал: «Да, Бог более, чем вдвойне ко мне милостив!» «Ты боишься (Его)?» спросил Цзу-цы. «О, нет!» возразил Цзу-ю. «Зачем мне бояться, о чем беспокоиться? В скором времени я должен буду разложиться (по телу) на составные части. Левое плечо мое уже поднимается вверх, а это – верный вестник приближающейся кончины. Под правую лопатку чувствую стреляние и принужден метаться судорожно, точно селезенка на солнышке. Нередко рождается желание повернуться на заднице (точно на седле верхом), свою душу принимаю за коня, а всего себя с телом – за телегу, которую я должен влачить и ехать дальние. Улучшить или изменить по желанию свой земной жребий не могу теперь; должен неизбежно совершить его. Довольствуясь естественным ходом такого положения, радуюсь и скорблю, что меня уже более не будет на белом свете. Просто, как выражаются древние мудрецы, вишу на древе под открытым небом, но не могу перерезать веревки, стягивающей горло. Я связан тенетами материального существования, со дня рождения превышающего духовную жизнь: но где, когда найду я желанное освобождение и успокоение?»

Скоро подошел к разговаривавшим другой из четырех товарищей, по имени Цзю-лай с трудом задышавшись, заметил, что его семейство достойно всякого сожаления и со всех сторон окружено нищетой. Четвертый друг, Цзу-ли, медленно подходя, со вниманием прислушиваясь о жене и детях воскликнул. «Неправда! лжешь; это все твои выдумки!» Прислонившись затем к двери дома, сказал: «Воистину Бог велик! удивляюсь только, почему ты так ныне рассуждаешь и что побуждает к такому странному мнению, как будто у тебя печень крысы или ребра змеи?» «Законный сын», отвечал Цзю-лай, должен повсюду сопровождать своего отца, куда бы тот не захотел. И это вполне естественно. Если б он захотел немедленно моей смерти, – я обязан, умереть если бы усомнился на минуту исполнить эту священную волю, то рисковал бы не быть его сыном. Он может однако ж и простить мне. В земной жизни я должен во всем подражать его примеру; он одевает меня до совершеннолетия, доставляет спокойное убежище под старость, даже не покидает при смерти и после. В отце родном нахожу я защитника и ходатая при своей жизни, он же лучший попечитель и по смерти. Предположи, что накалившийся металл в плавильном горне доведен до кипящего состояния. Если б ты обратился к мастеру, от которого зависит такое распределение жара с предложением: «Доведи и меня до такой же высшей точки кипения!» Конечно, этот человек отринул-бы твоё желание и не замедлил бы объяснить, что ты подобен тростнику, а потому немного нужно, чтобы ты вскипел, как металл. Подобным образом и грешник может сказать к Богу: «Сделай из меня человека совершенного создай меня крепким, мужественным, сильным!» Уверен, что Господь не признал бы меня в сем случае слабым тростником. Вселенная есть как бы плавильный горн, а Бог – главный мастер, наблюдающий над химическими процессами и превращениями. Я должен следовать повсюду за небесным повелителем и везде повиноваться ему, невольно и напряженно бодрствовать, подобно человеку, не могущему заснуть от грез».

* * *

II. «Могу ли я сказать ныне, что любовь к жизни – не пустая мечта? и что кто боится смерти, тот подобен ягненку, убегающему при встрече с ним в поле незнакомца. «Дочь губернатора Аи, сделавшись пленницей китайцев, наряженная в дорогие одежды, вдоволь насыщалась слезами: но потом, когда была приглашена во дворец князя и прожила несколько с ним, по обычаю страны, раскаивалась в том, что прежде горько плакала. Поэтому, не вправе ли и мы думать, что не нужно оплакивать умершего человека, ибо его ожидает другая жизнь?»

Был случай, что одному гостю на пиру захотелось заснуть на часочек, на место того принялся плакать и горевать; а другому сотрапезнику захотелось уснуть только тогда, когда он достаточно пролил горьких слез и после всего весело провел время на охоте. А когда все люди почувствовали дремоту и уснули, то оба друга не могли понять – почему всем захотелось спать, и что значит сон? Некоторым спящим грезилась сны и видения, но когда они проснулись, то убедились, что это был обман, ибо действительность казалась совершенно иною.

Итак (заключает философ), необходимо прийти к выводу, что и вся жизнь наша подобна величайшему сну, от коего мы пробудиться можем только при первом великом пробуждении

(Great Awakening), в день великого и страшного суда Божия. Даже сами нынешние безумцы уверены в том же».

* * *

III. Чжуан-цзы однажды удалось приобрести небольшое суденышко, окрашенное в белый цвет и по виду довольно прочное. Ударив по земле своим хлыстиком, он подумал: «Может быть некоторые суетные граждане при случае надобности и купят когда-нибудь у меня эту вещь мимоходом? Не таков ли и государственный человек, погружающий страну свою в бездну нищеты и губящий в междоусобных раздорах? Не таков ли нищий бедняга, думающий получить богатое наследство по завещанию на место прежнего унижения и срама? Не таков ли и нищий плут, умирающий в агониях от голода и холода? Итак, скажи же мне, какой (из указанных) вид состояния (status) желаешь себе избрать в естественном течении жизни, приводящем к старости?» Кончив свое размышление, Чжуан-цзы взял на руки кухонное суденышко, похожее на череп (skull), положил оное под голову, как подушку, прилег и заснул. Ночью, когда спал, приснилась ему эта вещь и сказала: «Ты почиешь, хозяин мой! но ты знаешь все, касающееся жизни смертных и всех беспорядков, с нею соединенных. По смерти – их не существует. Слыхал ли ты что-либо подобное о смерти?» Чжуан-цзы отвечал утвердительно. Суденышко продолжало: «В смерти нет ни царя, ни подданного, различающихся между собою, пред нею – они все равны. Не знает она и трудов, совершаемых людьми сообразно с четырьмя временами года. Существо наше связано с вечностью. Наше веселие и радость состоит в том, что люди кушают и пьют из нас все потребное для себя, точно цари из своих подданных». Чжуан-цзы, недостаточно, по-видимому, убежденный сказанным, подумал про себя и произнес: «Желал бы очень я получить от Бога силу для возрождения своего и с телом, и чтобы все кости и мускулы на нем были те же, даже в лучшем и исправном виде; хочу также, чтобы возродились родители, их жизнь, друзья юности. Согласен ли ты, череп, со мною?» При сих словах череп (skull) раскрыл свои глазные впадины и, наморщив чело, произнес: «Ужели я должен ныне потерять счастье большее, нежели самого царя, и из всех трудов рода смертного буду глотать только ужасную микстуру?»

* * *

IV. Жизнь есть состояние, следующее за смертью; а смерть есть состояние, коему предшествует жизнь. И кому из них неведомы законы, управляющие преемством (сих двух начал)? Жизнь человека есть результат сил. Скопление (aggregation) этих сил производит жизнь; рассеяние же, или исчезновение, служить источником смерти. Если ж жизнь и смерть, суть последовательно сменяющие друг друга состояния бытия (existence), то зачем и скорбеть мне? И так как все вещи суть только фазы единичности (unity), то к чему человеку услаждаться духовным существом (essence) жизни? К чему отвращаться и убегать материальной порчи по смерти? Но это состояние гниения или трупоразложения дает место другому состоянию – духовности (spirituality), и обратно – состоянием духовности не уничтожается телесное разложение (corruption). Вследствие сего, мы можем безбоязненно заключить, что все в универсе заключено в единство (unity), и что все располагает нас (inspired) к признанию этого единства нашим критерием в рассуждении об означенном предмете.

* * *

V. *Смертный одр мудреца.* Когда пришло время смерти Чжуан-цзы, почитавшие его друзья, столпившись вместе предлагали мудрецу устроить пышные похороны. На это лестное предложение он отвечал: «Да будет само небо катафалком моим и земля да послужит гробницей; солнце, месяц и звезды – вот мои погребальные регалии; что же касается всех снаряжений погребальной церемонии и большой свиты носильщиков и друзей, равно торжественного несения моих paraphernalia, то считаю все это совершенно делом излишним и бесполезным». – «Как? ужели позволим мы бросить на съедение хищным зверям и птицам дорогие останки нашего уважаемого учителя, подобно падали и всякой мертвечине?» возразили ученики. На это Чжуан-цзы им отвечал: «На земле – я должен все равно сделаться пищей коршунов; опустите в землю – буду источен и поеден червями и муравьями. И что отнимется у одних грабителей, то достанется в добычу другим хищникам».

«Если же вы допускаете, как абсолютное, знамя спокойствия души, то оно только относительное; и ваши результаты не вполне согласны с предположением. Если же вы, за абсолютный критерий принимаете право всегда относительное, то и ваши результаты не будут абсолютно справедливые. Те же, кто доверчиво относится к своим личным суждениям и взглядам, как преходящим и обыкновенным, могут соделаться рабами объективного бытия.

Искомое знамя могут обрести для себя только люди, руководимые в своих исследованиях истиною».

Приложение 3-е: к § 64 и отд. VI (конфуцианство). Наставление императора Канси китайскому народу «Шэн-ю гуан-сюнь» с объяснениями его сына императора Юн-чжэна (по переводу и замечаниям Мильня), XVI изречений в пространном изложении

1. Обязанности детей и братьев к родителям – 2. О почитании родителей и родных – 3. О миролюбии в дружбе – 4. О возделывании шелковицы – 5. О домашней экономии – 6. О необходимости высшего образования для юношества – 7. Об иноземных вероучениях и важности конфуцианского – Вариант другого перевода о том же в пространной редакции Юн-чжэна – 8. Необходимость для народа законоведения – 9. О собственности и обрядах – важность изучения и знания правил о них – 10. О серьезности в занятиях частных и на службе – 11. О начальном обучении и воспитании юношества – 12. О воздержании от судебных процессов и тяжб – 13. О дезертирах, укрывательстве их и поимке – 14. Об исправности в уплате податей и несении повинностей – 15. О мерах пресечения воровства и разбоя посредством сбора «Бао» и «Цзя» – 16. О важности и значении воздержания от страстей и внимание к жизни

«Шэн-ю гуан-сюнь» или XVI-ть наставлений императора Канси (1669–1723 г. по Р. Х) китайскому народу с объяснениями его сына – императора Юн-чжэна (1723–1736 г.);¹³³ с замечаниями Мильня.

1. *Обязанности к родителям братьев и детей.* На исполнении означенных двух обязанностей зиждется вся система китайской нравственности и их гражданской политики (civil polity). От родительской добродетели «истинно великой и неисчерпаемой как самое небо» Юн-чэн переходит к потребности исполнения сыновнего благочестия (filial piety), которое, по его словам, «основывается на неизменяемых законах неба, согласуется с земными, и общими обязанностями всего народа». Точнее говоря, мотивом к публикации самого священного эдикта отца Канси было благочестие его сына, для цели лучшего управления империей; и в сем деле он положил начало к исполнению лежащих обязанностей сына и брата. Сын обязан употреблять все свое сердце, и совершенное внимание в отношении к своим родителям. Ссоры, пьянство и драка разрушительны для добродетели сына, также и всякого рода беспорядочное поведение не может почитаться сыновним. Дети обязаны повиноваться родителям, быть почтительными к старшим братьям, повсюду в целой империи, даже мире, где-бы они не были. Окончательным аргументом в сей истине служить может часто повторяемая, всем известная истина: «лица, стремящиеся к исполнению сыновней добродетели и повиновению, хотят иметь и детей покорных и послушливых; упрямство и непокорность служит тоже причиною и детей настойчивых и непослушливых». Таковые награды и возмездие, встречающиеся в нравственной и политической системе учеников Конфуцы.

2. *О почитании родителей и вообще родных.* Во всей китайской многомиллионной империи насчитывается фиктивно сто семейных имен; отсюда, и семейные отношения крайне многочисленны. В сложности, численность их теряется в старине предков, как об этом свидетельствуют генеалогические таблицы, правильно составляемые календари и хранимые бережливо в семействах. Обыкновенно же, число родственников, простирающихся до девяти степеней, может быть легко высчитано и определено, хотя чаще всего оно не всегда живет при одном доме, но бывают и случаи довольно густого семейного союза. Юн-чжэн указывает примеры; в одном доме живет семьдесят человек вместе, тогда как в другом их равное количество с собаками, а собак оказывалось по счету до сотни и все они принадлежали семейству, только что обновленному. Девять родственных степеней перечисляются Ваном в его парафразисе: «Я сам, – 1-й класс; отец мой – один; брат мой – один; дед мой – один: прадед мой – один; мой прапрадед – тоже один, эти поименованные выше меня составляют четыре класса. Сын мой – один класс; мой внук – один; мой правнук один; мой праправнук – один. Все сии четыре класса – ниже меня. Все же вообще, со включением меня самого, составляют девять классов родства.

Юн-чжэн делает следующие вероятные размышления о родстве, которое не может быть признаваемо таковым, в пояснение чего приводит противоположные примеры, именно: «богатый и скарредный, не имеющие добродетели щедрости; или, бедный и алчный, ненасытимые в

ожиданиях; достойный почтения и унижаемый человек, находящийся под чужим влиянием и смиренномудрый перед небом; оскорбляемый и почитаемый всеми, приходящий в возбужденное состояние и потрясающий кости и тело; имеющий всевозможное попечение о собственности; любящий споры и разбирательства о ней, и человек пренебрегающий ими, довольствующийся только слезами; при всякого рода оппозиции, человек теряет добродетели родства; не имеет их и тот, кто любит все основывать на чистых домашних толках и пересудах жен и детей, а также на лживых и обидных речах сплетников; отсюда проистекают распри, несправедливости, всякое зло». На все означенные случаи предлагаются императором соответствующие наставления и замечания, поразительно справедливые и меткие.

3. *О миролюбии и дружбе.* Замечания сего наставления те же, что и в предыдущем, и вместо семьи преподаются целому селению или местечку. Причины и действия раздора, также средства к устроению вожделенной гармонии, означаются точно, все призываются к соблюдению одних и искоренению других. «Сим увещанием, говорит Ван, обращаясь к солдатам и народу, призываетесь вы и благородные семейства, юные соотечественники и престарелые, ученые в разных школах, и лица живущие тесно друг с другом, следовать прежде всего примеру взаимного согласия, и побуждать следовать как должно оному и прочий народ, всегда склонный к подражанию». В доказательство сего увещания, городской начальник, объясняющий эдикт народу, (замечает Мильн), обращается довольно строго и грозно к тому классу лиц, которые являются мятежниками и спорщиками; он говорит: не выжидая мудрого решения законовевов, и сами становясь судьями, или иногда подговаривая умышленно чиновников, эти люди позволяют себе составление обвинения, наполовину невразумительного и трудноразборчивого; они рассказывают много таких вещей, которые противны их собственному убеждению, и в состоянии ослепить умы других. Люди эти, сами расхаживая по селениям, беспокоят многих приглашением к процессу и тяжбе; или становясь препоною между партиями, как адвокаты, дозволяют подкупы и спаивают вином обоих спорящих, добиваясь получить от них большее за свои труды. Волнуя многих попусту, в действительности ничего не делают. «Поддержите ваше достоинство, говорят иногда они, не пожалейте ваших денег, дабы не потерять самой чести и не уронить характера». Неблагоразумная чернь, подстрекаемая ими, иногда попадает в беду; необходимым становится, вмешательство официальное и составление протоколов. Несомненно, что сии неукы юристы показывают вид знатоков и представляют обманчивые планы выигрыша, позволяют всякого рода другие нечестные пути, лишь бы заманить неопытных в свою ловушку, решаются даже обмануть видом дружбы и знаками задушевного расположения; или иногда пользуясь языком судейским, тайно достигают своих собственных целей. Между тем, по государственному закону, касающемуся лиц, требуется справедливость высших властей под страхом ответственности, но когда мера преступлений наполнится, их бедствие наступает в ужасающем виде; за свои преступления они подвергаются заслуженному наказанию. Подумав скажите наконец, кто хотя когда-либо из сих непрошенных законовевов в стране, доходил до естественного и благополучного окончания дела?»

4. *Значение шелковицы и домашнее возделывание оной.* Замечательно, что китайцы более расточают похвалы земледелию и разведению хлопка, нежели обращают действительное внимание на оное дело; хотя встречаются и исключения противные. Их *modus operandi* прост, груб, и каждый трудится по своему. К новейшим усовершенствованиям они относятся как-то странно и неподатливо, только немногие занимаются как следует рачительно. «В старые времена сами императоры занимались хлебопашеством, а императрицы ухаживали за разведением и обработкой шелковицы. Несмотря на высокий свой ранг, они не пренебрегали трудом, при том так, что миллионы простонародья с соревнованием стремились усвоить радикальные перемены политической экономии». Так говоря, Юн-чжэн присовокупляет: «отнюдь не позволяй запускать ни одного клочка земли и давать место пустыне, или одичалости, также точно в городах и местечках, – зорко следи за своею собственностью, не позволяя ей становиться добычею другого лица. Также точно ни один фермер и мужичек не заходите далеко с вашим плугом и мотыкой; хозяйка-же может заниматься дома разведением шелковичного червя, уходом за ним, и тканьем. Сверх произведений с холмов и болот, плодовых и растительных садов, могут быть употребляемы сообразно с временем года, в дополнение земледельческих недостатков, разведение хорошо вскормленной домашней птицы, собак и свиней, с правильным их приплодом». Таковы в немногих словах предметы царства растительного, животного, продукты земли и моря, входящие в состав перечня съедобных веществ Китая. Во времена же

голода, нередко посещающего страну, трудно сказать, какие вещества могут быть пригодны для пищи, какие нет.

5. *Важность домашней экономии.* После прилежания и труда, «величайшее дело в жизни» без сомнения есть экономия, состоящая в крайне умеренном всякого рода расходовании средств, за исключением всего существенно необходимого в домашней и хозяйственной жизни, особенно в случаях погребальных церемоний. Народ заботился исстари (по книге обрядов) употреблять все искусство и попечение в устройении гробов для предполагаемых почивших, необходимого покрова, в котором бы как можно удобнее могли покоиться родители, приглашались также для молитвы, совершения похорон и чтения священных книг даосы и хэшэны буддистов. В случаях, когда желалось несколько выиграть в экономии, народ китайский исстари имеет добрый обычай взаимной помощи, хотя фактически обращаются к этому редко. «На черный день имей вино, на черный день (или и другое праздничное время) запасайся в свое время напитками; завтра позволено погоревать, завтра же можешь и подкрепиться». Таковы два нераздельные с празднествами и печальными днями чувства радости и скорби, постоянно существующие между людьми.

6. *О необходимости и значении высшего образования для юношества.* Китайцы имеют четыре степени ученого ранга: «Сю-цай» – цветущий талант, «Цзюй-жень» – повышенный человек, «Цзинь-ши» – возведенный в степень ученый, «Ган-лин» – достигающий вершины дерев или Дянь-ши. Посредством первой степени учащийся становится выше уровня и простонародья, и удостоивается быть кандидатом второй степени, по получении которой избирается на должность. Посредством третьей степени получается особенная честь – аудиенции пред императором; посредством четвертой степени ученый достигает высшей литературной почести. Китайцы всегда обращают особенное внимание на ученость и образование. «Издревле семейства имеют свои школы; в городах есть свои академии, в уездах и губерниях (districts) полагаются коллежи; весь же народ имеет университет; вследствие сего (в Китае) никто не может быть необразованным. Хотя это положение не везде имеет свою силу, тем не менее в Китае школ общественных и частных очень много, но они крайне бедно ведутся и содержатся; сверх сего приходится две десятых на мужской и девять десятых на женский пол населения, остальная часть народа остается в невежестве.

7. *Об иноземных вероучениях и важности православной национальной веры.* Из многочисленных религий в мире, по большей части полных заблуждения, некоторые проложили себе пути издревле и в Китай, с разными их видами, но затем постепенно бесследно исчезли. Остались только, как бы на память потомству, полуживые и даже мертвые принципы, без всякого основания и порядка системы, полные мрака, невежества, суеверий. Хотя их уже нет, но природа известна и основана на крайностях, отсюда, – их неудовлетворительность, испорченность и зловерность, которая должна быть избегаема и презираема, поскольку имеет разрушительные действия. И если бы мы сами не были в известном заблуждении, то и ложных религий в Китае быть не могло, он бы пали; можно твердо сказать, что благодаря только значительному числу ученых и образованных, их авторитету, эти религии и системы не имеют для нас особенного значения, хотя и держатся по их убожеству, пользуясь с нашей стороны известным снисхождением. От древности сохраняются до ныне *три секты*. Сверх «Жу-цзяо» – вероучение класса ученых (конфуцианцев), есть еще «Дао-цзяо» – даосизм, и «Фо-цзяо» – буддизм. О первой секте, как более известной, в священном эдикте Канси очень мало сказано, о других двух «орфодоксивных», как и «странных других вероучениях» находится более подробное описание и сведение, которое и сообщаем.

"В секте «Дао-цзяо» признается закон реновации, объясняемой подобно ртути – её отвердению и разжижению, сжимаемости и расширяемости; содержится рассуждение о свинце; совершаются призывания гремющего дракона, рыкающего тигра; обсуждается формация внутреннего и внешнего столба; обращается особое внимание на питание живущих духов, и добывание жизненного эликсира продолжающего жизнь человека на многие годы; вот и все. Чао говорит, что «секта Дао главным образом заключается в предохранении дыхания жизни». В сем наречении кратко определяется сущность даосизма. Истинно то, что главный начальник из жрецов – Фо (Будда) или Фу, обитающий в драгоценном монастыре знаменитой горы, почитаемой авторитетом в деле вероучения, производит весь мир от одного – сердца (heart). И прочие ученые даосские, удаляющиеся в горные пещеры, рассуждают, что все вещи в мире приходят к одному – обновлению духа (renovation of spirit). Углубляясь в предмет, можно сказать

утвердительно об этих уединенных жилищах, что в них нет людей, а только курево после них и пепелище; и на перекрестках их царит глубокое молчание, это полный корень к разрушению обязанностей относящихся к жизни. Ныне едва ли найдется в мире хотя один человек, который бы мог сравняться с Фо (Будда) или достигнуть ранга бессмертных, даже, если бы и действительно были, то кто может видеть хотя одного из их класса восходящим в западные небеса? И не фарс ли во всем этом? Не дьявольское ли искушение и в самом блаженстве? Между тем нельзя не сказать с сожалением, что народ увлекается и верит всему этому. Об аскетах Фо и ученых Дао, следует вообще заметить, что взамен пользы, они подрывают отношения человеческой жизни; словом – это пух, перья только человеческого общества!

Все эти бессмысленные рассказы о соблюдении и хранении праздников, постройке храмов, украшении их идолами, выдумываются вечно шатающимися «Хэшенами» и «Даосами» (жрецами Будды и Дао); им-то вы и доверяетесь, к ним сами приходите для поклонения идолу и ставите курительные свечи, возжигаете фимиам в самых кумирнях; тем же недугом страдают ваши жены и дочери. Со своею намащенной головою, залезанными волосами, раскрашенными и зарумяненными лицами, в ярко-пурпуровых мантиях, убирают они свои храмы зеленью и цветами, близко знакомятся и сходятся с монахами Фо и учеными Дао; тут же толпятся полицейские служители с обнаженными палками, рассуждающие или весело болтающие школяры, потирающие руки, и шумливая подвижная беспрерывно толпа всякого рода народа. Смотри на все – не замечаю хорошего, а в болтовне еще более не слышишь ничего дельного, наоборот – много неприличных вещей встречаешь взамен ценных, и народ чаще любить все веселое и смешное взамен серьезного. (Такова уличная обыденная праздничная жизнь).

Все это и многое тому подобное, как «мандаринский скачок» (salt Mandarin) свойственно всего более у даосов буддистов. Нравственный характер «деда Фо» по мнению противников достоин осуждения, поскольку обнаруживаются черты скупости и отсутствие сыновних чувств, тогда как другие даже более – вместо «доброты» называют его и почитают негодяем. «Последователи Фо, не имея сыновнего благочестия, по большей части порочны и развратны, – не лучше и даосские сектанты, и они вечно рассуждают о пользовании духов и обращении к демонам, любят посылать в дальние страны целые армии с их генералом, – охотиться, наперед посылая толпы дьяволов, обращаться к ним о ниспослании дождя, молиться большому медведю, знаю нечто многое и иное». В сего рода суетных и презренных занятиях, при болтовне о чудесах, развращаются невольно сердца и нравственность народа. О прочих сектах – «презреннейших людей (of most abominable men!), нельзя не заметить, и довольно строго; наконец выступает пред нами и религия римских миссионеров, о которой Ван замечает: «секта *тянь-чжу*» так называемая по небу (иначе – «*Тянь-чжу-цзяо*» букв. религия Господа небес), простирающемуся над землею, с его невидимыми предметами, – вероучение это неправильно и испорченное потому самому, что европейские учителя оной секты разумеют под ним, (определеннее, – смешивают) астрономию, занимаются более математикою; вследствие чего правительство (т. е. китайское) пользуется ими составленным правильным календарем. Однако ж, несмотря на недостатки, вероучение это признается единственно хорошим; но вы не должны слишком доверчиво относиться к оному. Закон весьма строг ко всем, кто любит ходить неправильным путем вместо прямой для всех дороги, и к сектам, имеющим ложное направление! Наказание за них определено тоже, что учителям и учительницам ваших танцующих богов (т. е. колдунам и колдуньям). Правительство устанавливает этот закон с желанием защитить народ от дьявола, воспретить сношения с ним, побудить и направить только к добру, вывести и предохранить от порчи, обратить к истине, удалить от опасности, и доставить всем желаемое спокойствие».

Мы делаем несколько отрывков из священного эдикта Канси, давая возможность читателю самому сделать соответствующие размышления, и составить собственные замечания. «Издrevле имея два живых божества, поставляемых в почете в каждом семействе (т. е. идолы прародителей, мужа и жены, отца и матери) и олицетворяемых самих родителей наших, должны ли мы входить для поклонения на горные вершины, или молиться о ниспослании счастья пред прочими медными и резными изваяниями? Пословица прямо говорит: «В семействе есть отец и мать; поэтому, какая надобность удаляться далеко для курения фимиама?» Вы должны различать ясно истину от всего ложного, познавать небо и признавать оное; что ясный и разумно-свободный дух есть храм небесный, и что мрачный и невежественный ум – темница и ад. Вы хотите действовать решительно, не мучиться в соблазнах лживых вероучений. Исправьте раз

навсегда ваши характеры, и все испорченное удалится согласно вашему желанию. В семействе воцаряется в высшей степени гармония и порядок, и при виде несогласия, он может обратить вас только к блаженству. Старайтесь же поддерживать насколько возможно честность и правдивость в отношении к вашему князю и сыновнюю обязанность в отношении к родителям, уже этим вы исполните все вообще прочие обязанности людей и вы достигнете небесного благоволения».

8. *Необходимость законоведения для народа.* Как в пространном изъяснении (amplification), так и парафразисе сего изречения (maxim), заметно ограничение по уголовному кодексу. Главными предметами, на которые обращается внимание в уголовном праве, почитаются: побои, ссылка, отсечение головы, удушение веревкой и рассечение всего тела на мелкие куски. На рассуждение об одних преступлениях и соответствующих оным разных наказаниях посвящен особый том. Перечисляем некоторые из преступлений: воровство, разбой, поджог, подлоги, пьянство, любодеяние и прелюбодеяние, обольщение, похищение людей (детей), смертоубийство, мятеж и бунт, раскол (heterodoxy), лжесвидетельство, подражание демонам. Народ при этом придерживается того взгляда, что всякое незначительное правонарушение, совершаемое по неведению, не должно быть наказуемо. А чтобы народ не заблуждался и не злоупотреблял сей оговоркой неведения преступлений и наказаний по закону, составитель эдикта предложил понятие о тех и других в особом перечне, с присоединением и других дополнительных изъяснений и постановлений.

9. *Важность изъяснения и соблюдения правил о собственности и обрядах.* Китайцы давно пользуются известностью в торжественном соблюдении их вежливости (politeness). Многие правила поведения – превосходны, и ничто не может сравниться с ними, ни в одном христианском кодексе. Истинная учтивость, с их с точки зрения, состоит не только во внешних украшениях, но в особенности поведения и снисходительности. Под *собственностью* они понимают известную «способность», по которой все вещи, материальные и нематериальные, сохраняются в их собственном порядке, и признаются по их истинной стоимости (value). «По неизменным статутам неба и земли, – это предисловие и заключение к мириадам вещей; природа собственности – велика до чрезвычайности; самая польза – беспредельна. Когда люди совершают что-либо с собственностью, тогда господствует главным образом дух уступчивости; внешняя грань сгиба и очертания имеют место в чистосердечии или искренности сердца (sincerity of heart); умеренность и смирение имеют место в соревновании и борьбе; нежность и приятность в обхождении (gentleness), вместо жестокости и упорства (stubbornness); когда цветет масличная ветвь мира, тогда и счастье, ею распространенное приводит все к совершенству». Но увы! каждому приятно поговорить о вежливости и приличии (politeness and yielding); но как мало они исполняются на деле!» – Насколько согласуется с ними наш личный взгляд, также свидетельство в истине или лжи, – предоставляется самому читателю означенного рода правил.

10. *Значение серьезности и рачительности в занятиях частных и служебных.* В священном эдикте, как и на китайском разговорном языке в его объяснении, перечисляются пять главных родов профессий: образование и ученость, домохозяйство, механика, торговля, военная служба; обязанности и занятия, свойственные оным, считаются существующими. Каждый класс сих лиц обязан поэтому крайне внимательно и прилежно трудиться в своем круге специальности, ибо от этого единственно зависит самый успех и польза для мира. Женщины – тоже должны заниматься своим делом, таковы: – тканье, пряденье, приготовление льна, вышивание, шитье башмаков, плетенье чулков и проч. Даже простой небогатый народ любит находить удовольствие в означенных делах, дабы покушать повкуснее, одеться попригожее, и навеселе потом провести остальное время, но если бы захотел нарушить этого ради «царственный закон», то совершил бы непростительный грех.

11. *О начальном обучении и воспитании юношества.* Правило это, по Юн-чжену, относится главным образом к домашнему обучению, и образованию по древним обычаям. «Священный отец» – «шен-фу» (т. е. государь Канси) во всем государстве почитается таковым и потому имеет в каждом семействе детей, – как бы собственных, коих очевидно оставлять без помощи и образования он не имеет намерения; семейному воспитанию дается поэтому очень важное значение. «Мы», – продолжает он, – получив весьма сильное доверие и стремясь осуществить все наше отеческое попечение и заботы, с большим участием относимся ко всему, что касается настоящей нужды в руководстве нашего народа, особливо же нашего юношества, которого без образования оставлять не можем». На десятилетнем возрасте кровь и ум юношей еще не успевают остановиться, и начинающееся разумение их требует постепенной обработки. Для

воспитания и обуздания страстей их требуется известный, хотя неравномерный для всех период. Отцы и старшие братья особенно должны заботиться о них, охранять от дурных увлечений и склонности, культивировать главнейше «добрую природу» (virtuous nature), воздерживать от всяких излишеств и парализовать дурные привычки, расширять способность к приобретению знания. Для этого, сами родители и братья должны подавать прежде всего добрый пример, ежедневно говорить и объяснять наглядно от всего сердца, только доброе и хорошее, особенно же как можно лучше и основательнее укоренять добродетельные склонности и привычки. Чрез это отцы и братья получают добрую славу; их врата домашние становятся светозарными, радость и счастье снисходят с неба и водворяются в потомстве».

12. *О воздержании от судебных процессов и лжесвидетельства.* Необходимость сего наставления весьма велика. Относимся с должным доверием к царственному писателю, в пространном объяснении и понимании его. «Мастеров тяжёлых процессов» не много, и их преступления, по обыкновению, всегда крайне гнусны и презренны. Сами они, всегда алчные к наживе, имеют испорченное сердце, вначале мягкое как воск, становится лукавым, они рассыпают свой яд и далее, смешивают доброе и честное с лукавством, пользуются кистью («гуань-бя» при написании иероглифов) как мечом, смотрят на закон и тюремных обитателей как на детскую игрушку. «Невинный, которого ложно обвиняют эти личности, должен поэтому заслуживать большего сострадания; ибо ложно обвиняя бедняг этих, взирают на них даже как на страшных врагов».

13. *Об укрывательстве дезертиров и законной каре.* По восшествии на престол китайский монгольской династии, был издан императором строгий закон, воспрещавший солдатам удаляться или перебегать из одной провинции в другую без надлежащего на то дозволения начальства; такие лица объявлялись «дезертирами» или «бегунами». Закон требовал также, чтобы сии лица, и особенно семейства, из коих они происходили, были удаляемы из пределов провинций которым принадлежали; и чтобы начальники десяти близ лежащих семейств били их палками и загоняли в другие округа той же провинции на три года.

14. *Об исправности в уплате податей и исполнении повинностей.* Доходы государства китайского главным образом состоят из земельных налогов и добываются из торговых оборотов страны; первые весьма важны, посредством их мандарины вознаграждают все расходы по управлению и содержанию войска, и сам император получает средства продовольствия с «нашего народа»; сотни прочих нужд удовлетворяются все наполовину с народа. Часто однако ж происходит и большой недочет в уплате податей, несмотря на разные мероприятия к исправности оных, совершаются нередко подарки, ласки, подкупы, замедляющие и затягивающие правильный сбор; сами сборщики податей, подобно голодным собакам, истощают многочисленные способы к восполнению собственных недочетов; чаще бывает так, что народ принужден платить гораздо более, чем сколько с него требуется. Тем не менее, без взимания податей государство быть не может. «Если вы сами желаете себе удовольствий в жизни и комфорта, то на него имеют право и сами мандарины, также и чиновники; а потому для вас (подданных) нисколько необременительными будет пожертвование известной небольшой доли с ваших частных доходов в пользу государства. Так поступая, вы будете вдвойне счастливы и благополучны!»

15. *Меры пресечения воровства и разбоя посредством собрания народа (Бао и Цзя).* Нет никаких средств избавиться навсегда от этих дьяволов иначе, как посредством приведения в силу закона о «бао» (раон) и «цзя» (кеа). Десять простых семейств составляют «цзя», а десять «цзя» образуют «бао». Каждое «цзя» имеет своего старшего или правителя (elder) и каждое «бао» – начальника, голову (chief). Составляется регистр, куда вписываются имена всех лиц и таким образом начальство знает точно своих обывателей, может при случае пользоваться ими и приглашать для содействия. Таких случайностей много. В эдикте перечисляются сооружения высоких земляных насыпей для большой дороги, для прохода войска, и отвод для него помещения, как и устройство ночных караулов и обходов; в конце каждой улицы и над воротами полагается фонарь, или ставится колокол, звонки, зажигаются по ночам лампы с маслом; и после девятой ночной стражи, движение людей и повозок – прекращается совершенно. Если бы не было всех сих вещей, предупреждающих преступления, то их могло быть очень много, а потому соблюдение сего рода правил полицейских должно быть исполняемо весьма строго. В дополнение всего, важен факт самого искоренения зла, от грабителей и разбойников, при помощи народной толпы, как днем, так и ночью. Побуждением к сей крайности могут служить три

причины: неисправность и нерадение местных чиновников, влияние неблагоразумных местных обывателей и помещиков, или наконец сам народ известного места неграмотен в исполнении закона о "цзя" и "бао".

16. *О важности и значении воздержания от страстей и внимании к жизни.* «Мы убеждены, что из принципов человеческого поведения, самый великий бесспорно тот, по которому охраняется и развивается тело. Народ имеет тела, посредством коих совершает радикальные вещи, – обрабатывает землю, кормит родителей, поддерживает свои семейства. Войско тоже имеет свои тела, посредством коих совершает великое военное дело, и доставляет защиту государства, получая за то вознаграждение от правительства. Тело устроено для благоразумного пользования оным: вследствие сего человек и все люди должны любить себя самих. Но страсти человека, полного жизни, требуют их обуздания и могут быть изменяемы в их направлении. Потворство им, вместо воздержания, приводит к страшным взрывам, а потому необходимо обуздание. Будучи раздражены в известный день, они крайне трудно победимы; требуется взаимное возмездие со стороны противной, по обе партии могут оказаться несправедливы. Часто от малых причин происходят великие и несправедливые последствия.

«Наш святейший отец, благочестивейший государь император, вследствие его благосклонного воззрения и сострадания к нам, изволил всемилостивейше заключить в шестнадцати кратких изречениях своего увещательного эдикта все существенно важное в познании задач и отношений жизни. Сердцу неба и земли свойственны приятные чувства радости и удовольствия за природу, полную души и жизни; к сожалению, есть глупцы, думающие и чувствующие иначе. Правительство с добрым государем любит всему давать питание, образование, тогда как черни неведом и непонятен свет истинной жизни. Если бедность, нищета происходит и увеличивается не от первичной вражды (animosities), то обязана бывает моментально воспламеняющемуся раздражению, гневу. Буян, неистовый человек, нетерпимый спокойными, тревожить их мир и своими порывистыми действиями нарушает общее согласие. Но при содеянии преступления, сам он и другие пособники, становятся крайне трусливыми и желают загладить все следы деяния, даже бросаются в воду или давятся на веревке. Гнев влечет за собою вражду и враждою порождается ненависть, и опять происходит тот же гнев. Сами по себе эти явления редки, но среди солдат и простого народа чаще всего происходят от неумеренного употребления спиртных напитков; от вина может расстроиться ум и воля человека, требующих всегда спокойствия для их правильного и здорового образа действий. Нередко от простого расположения духа записать веселое, от коего в крайности переходят и к пьяному одурению; сие чаще замечается в людях, любящих таскаться по гостям и поздно ночью же возвращаться с фонарем. В пьяном же виде происходят, после неприличной перебранки на словах, рукопашные схватки, с нанесением ран и увечья друг другу; вместо того, чтобы примириться и простить обиды друг другу, враждующие долго косятся и питают дурное расположение, холодное подобно льду, за то для них стоит только немного выпить вина, как кровь, ударяясь в голову, возбуждает скрытое чувство неприязни и, охватывая все более и сильнее, приводит враждующих к мести. Вообще замечается, что в пяти или шести случаях из десяти, уголовного характера и разбираемых на суде в уголовной палате, все зло происходит от неумеренного употребления вина. Горько взирать на участь осужденных за то! Их тело появляется в цепях, собственность уничтожается, личность погибает с отделением головы от туловища; не только сами преступники, даже их семейства разрушаются; нищета распространяется и на всю ближайшую окрестность. После сего тщетно биение в грудь, поздно раскаяние или просьба о помощи. Да и можно ли чем пособить такому плачевному горю?

В отношении всего вреда для души, в крайне возбужденном её состоянии, надлежит быть чрезвычайно бдительным и осторожным. Древние люди, при годовых празднествах, не даром назначали особого человека, обязанного хранить меру в числе чаш, подносимых с вином гостям. Не без страха и боязни следили они за тем, чтобы среди шума веселья и песней не было ссоры, и гости не бросались бы разбитыми черепками посуды. Не должны ли и мы, со своей стороны, точно также подумать о гнусности и грязи пьянства, принять от него меры осторожности и чрез то предотвратить от гибели и наказания многих уважаемых нами людей?

Воины и народ! с почтением внемлите и повинуйтесь тому, что говорю вам; не презирайте слов моих. Народ в своих жилищах да будет покровительствуем, и солдаты на поле да починут; да укрепится и пребудет со всеми семейный и мирный характер отношений, – лучшей награды для народа и быть не может. Удобства и благополучия в дни счастья, да продлятся и далее на

многие годы в житии добродетельном; да не будут иметь места всякого рода действия и наклонности противные!»

Приложение 4-е к §§ 67, 68, (даосизм) и VI-му (конфуцианство). Китайский астрономический словарь и календарь с разного рода циклами времясчисления и с указанием на религиозные праздничные дни у конфуциан, даосов, буддистов

Астрономический словарь и китайский календарь, расположенный по четвертям года в XXVIII созвездиях или лунных домицилиях (су); зодиак XXVIII животных и солнечный из XII знаков («Ши-эрт-цзы» и «Ши-эрт-чжи-чао»); звездный цикл XII знаков («Ши-эрт-чэнь») и планетный XXVIII созвездий; гражданские и религиозные праздники китайцев – конфуциан, даосов, буддистов. (Составлен иеромонахом Алексием Виноградовым по Шлегелю, Перни, Дуоляйтлю, Фридчэ, Иделеру и др.). – Предварительные о том замечания: образование и происхождение китайского времясчисления и сравнение астрономического распределения по сфере европейской и китайской, деления XXVIII домицилий лунных (су), XII часовой цикл, его названия и особенности, три начала или царства – небесное под знаком «цзы», земное под знаком «чоу» и человеческое под знаком «инь», их определение по Северной Медведице; китайский компас, его румбы и названия; порядок рассматриваемых ниже циклов, ученые исследования и имена авторов (Шлегель, Дуоляйтль, архим. Иакинф, С. М. Георгиевский и др.) – I. Годовой астрономический словарь китайского неба, разделенного на XXVIII лунных домицилий, содержащихся по семи, в четырех главных созвездиях дворца – I. «Дун-ци-гун-ци-су» – VII домицилий восточного дворца или созвездия Лазоревого дракона – Цзан-лун; название домицилий считая частями: 1) цзио – рог. 2) Кан-су – дом. шеи. 3) Ди-су – дом. корня. 4) Фан-су – дом. дома или чрева восточного дракона. 5) Син-су – дом. сердца. 6) Ви-су – дом. хвоста. 7) Ци-су – дом. корзины. – II. «Бэй-гун-ци-су» – VII домицилий северного дворца или созвездие черного воина (хэй-бин) или черепахи (сюань-ву, юань-би); название домицилий: 1) Доу-су – дом. хлебной меры. 2) Ню-су – дом. быка. 3) Нюй-су – дом. девы. 4) Сюй-су – дом. пустынного холма. 5) Вэй-су – дом. вершины дома. 6) Ши-су – дом. могилы или пирея. 7) Би-су – дом. стены. – III. «Си-ци гун бэй-хо-ци-су» западного дворца или осеннего созвездия белого тигра VII домицилий: 1. Куй-су – дом. сандалии. 2. Лоу-су – дом. бамбуковой корзины или жницы. 3. Вэй-су – дом. хлебного сторожа или желудка. 4. Мао-су – дом. заходящего солнца. 5. Би-су – дом. охотничьих силков. 6. Цзуй-су – дом. зева или пасти (западного тигра). 7. Цзан-су – дом. величества или Ориона. – IV. «Нань-ци-гун Хун-няорр-ци-су», VII домицилий созвездия южного дворца или летнего красной птицы: 1. Цзин-су, дом. колодца. 2. Гуй-су, дом. душ усопших предков. 3. Лю-су, дом. плакучей ивы. 4. Син-су, дом. звезды. 5. Чжан-су, дом. охотничьего силка, сетей, веревки. 6. И-су, дом. крыла птицы. 7. Чэнь-су, дом. колесницы или «тянь-чэ» небесной телеги. – II. Годовой астрологический древне-китайский зодиак XXVIII животных, соответствующий XXVIII лунным домицилиям и XII месяцам лунного китайского года; понятие о предмете, виды животных, название: Цзяо, лун, хо, ту, ху-ли, лао-ху, бао, сяй, ню, фу, шу, янь, чжу, ю, лан, гао, цзи, цзи, ву, хоу, юань, хань, ян, чжан, ма, ху, шэ, ин, замечания о некоторых, сяй – единорог, ню или гун-ню – рабочий бык, фу – летучая мышь, янь – ласточка, ю – панголин, лан – волк, гао – собака, е-цзи – фазан, ву – ворон, хоу – большая обезьяна, хань – дикая цепная собака, лу – малый олень. – III. Солнечный зодиак «Ши-эрт-цин» или «Цы» т. е. ряд XII знаков их названия: Шоу-син, да-хо, син-цзи, чэ-му, сюань-сяо, цзу-цзы, цюй-лю, да-лян, ши-чэнь, чунь-шоу, чунь-хо, чунь-ви; происхождение сих знаков, замечание о буддийских календарях и их знаках. – IV. Цикл XII животных или ветвей, пней – «Ши-эрт-чжи-чао», их названия: шу, ню, ху, ту, лун, шэ, ма, ян, хоурр, цзи, гао, чжу, замечания о происхождении и соответствии сих знаков европейским, о жертвоприношениях из мяса животных, особенно коня – его названия и изображения на монетах; замечание о прецессии знаков и древности китайских зодиаков. – V. Китайский звездный XII часовой цикл «Ши-эрт-чэнь» изобретение Да-яо (за 2697 г. до Р. Х.) названия: Цзы, чоу, инь, мао, чэнь, сы, ву, ви, шинь, ю, су, хай, положение сего цикла в ряду других и соответствие, объяснения особенностей, замечание о XII месяцах и их названии во время французской революции. – VI. Астрологический Planetarium, по начертанию в «тянь-юань-ли-ци» или седмиричный планетный цикл, расположенный соответственно XXVIII домицилиям лунного года; определение четырех четвертей года и названия по семи планет и домицилий лунных в каждой четверти, значение сего рода

расположения знаков и подробное рассмотрение времен планетных солнца или луны. Луна – юэ. Юпитер – суй-син. Марс – юн-хо. Сатурн – тянь-син. Венера – да-бэй. Меркурий – чэнь-син. – VII. Таблица главных китайских языческих праздников в течение года, с означением дней оных: февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, январь. – VIII. Китайский календарь на 1887 год с простонародными приметами на дни субботные и воскресные месяцев в течение года, о том, что нужно делать и чего не делать: январь, февраль, март, апрель, май.

Предварительные замечания. Китайский астрономический календарь, он же астрологический, религиозно-государственный и вместе земледельческий, в общей формации и отдельных его частях имеет своеобразности, не позволяющие отождествлять многие предметы и понятия, в нем заключающиеся, с европейскими и церковно-христианскими. Только сравнительное изучение и сопоставление дает возможность правильных суждений, приводящих к законам природы одинаково общим и тем, кои имеют основанием национальный способ воззрений в известной стране или развитой и определенной точно по научной системе. Многое зависит при этом от общепринятого критерия и указателя истины, выражаемого догматично, аксиомой, но не всегда верно и решительно. Многое поэтому может быть понимаемо и допускаемо только в относительном смысле, ограниченном значении. Мы верим и убеждены наукой и опытом в шарообразности земли, китайцы – в её квадратной поверхности, ограничиваемой морями; для нас, при помощи современной астрономии, открыто небо с 18-ю планетами, для китайцев и других восточных народов существуют лишь семь планет, число которых далее не заходит свыше четырех новых; у европейских ученых звездный мир северного и южного полушария имеет названия и очертания, перешедшие от египтян, греков, римлян, с позднейшими дополнительными открытиями и наименованиями, у китайцев деления и наименования звездной области весьма разнообразные, приурочиваются главным образом то к земным условиям и потребностям их жизни, то к религиозным, от наших различным, не менее зависят и от географического положения служащего причиною резкого противоположения между общепонимаемыми пунктами горизонта. Шлегель (в *Uranographie Chinoise*) говоря: 1) о пути солнца – восточном (дун-дао) или домициле лазоревго дракона (цзан-лун); 2) северном пути (бэй-дао) в домициле черного воина (сюань-ву) или черепахи (гуй); 3) о пути западном (си-дао) в домициле белого тигра (бэй-ху), и 4) южном (нань-дао) или полуденном красной птицы (чжу-няо-ор), замечает, что эти четыре созвездия на китайской сфере соответствуют следующим западноевропейским сферам: 1) Восточное созвездие (цзан-лун) – Деве (Virgo), Скорпиону (Scorpio), Бесам (librae) и Стрельцу (Sagittarius); 2) Северное созвездие (сюань-ву, гуй) – Стрельцу, Козерогу (Capricornus), Водолею (Aquarius), Перасу (Pegasus); 3) Западное созвездие: Андромеде (Andromeda), Рыбам (Pisces), Овну (Aries), Мухе (Musca), Тельцу (Taurus) и Ориону (Orion); 4) Южное созвездие: Близнецам (Gemini), Раку (Cancer). Гидре (Hydra), Чаше (Calix) и Ворону (Corvus). Такого рода распределение, однако ж, не совсем удобно и неприменимо для известных исторических эпох, говорит Шлегель, а потому предполагает две сферических схемы в чертежах для демонстрирования того положения, что у китайцев замечательное с нами противоречие: наши южные созвездия, соответствующие лету, у них называются северными и соответствуют зиме, тогда как наши северные – зимние у них должны соответствовать южным и лету. Поэтому на одном чертеже устанавливается первый порядок (европейский), на другом (китайский) ему обратный, в сем роде: 1-е деление: созвездиями восточными будут: Pisces, Aries, Taurus; созвездиями западными: Scorpio, Libra, Virgo; южными: Gemini, Cancer, Leo; северными: Sagittarius, Capricornus, Aquarius. 2-е деление (китайское) на небе восточном: Virgo, Libra, Scorpio, на небе западном: Pisces, Aries, Taurus, на небе северном: Gemini, Cancer, Leo, на небе южном: Sagittarius, Capricornus, Aquarius. На сфере европейской значатся 18 планет в их следующем порядке в солнечной системе, говорит русский ученый С. Зеленый (лекции популярн. астрономии, Спб. 1880 г., стр. 99): Солнце, Меркурий, Венера, Земля с её спутником – Луною, Марс, Флора, Веста, Ирида, Метида, Геба, Астрея, Юнона, Церера, Паллада, Гигея, Юпитер с 4-мя спутниками, Сатурн с 8-ю спутниками и кольцом, Уран с 6-ю спутниками, Нептун с 2 спутниками и кольцом. У китайцев, определяет Шлегель, планет – семь издревле принятых: Жи – Солнце, Юэ – Луна, Суй-син – Юпитер, Юн-хуо – Марс, Янь-син – Сатурн, Да-бэй – Венера, Шинь-син – Меркурий, четыре новых (Сы-ю): Ло-син, Ци-ту, Бэй или Бу, Ци (Khi). На северном полушарии сферы европейской новейшей значатся созвездия: Большая Медведица и Малая, Дракон, Кассиопея, Цефей, Пегас, Андромеда, Персей, Возничий, Воотес, Северный Венец,

Лира, Орел, Лебедь, Геркулес, Змей, Змееносец, Орион, Телец, Большой Пес, Близнецы, Малый Пес, Лев, Дева, Скорпион. На южном полушарии созвездия: Орион, Телец, Большой Пес, Близнецы, Малый Пес, Лев, Дева, Скорпион, Боотес, Южная Рыба, Эридон, Крест, Корабль Арго, Гидра, Центавр, Кит, Единорог, Орел, Пегас, Змей, Змееносец, Млечный путь в обоих полушариях включает группы звезд, мириады коих не имеют доселе названий и едва доступны телескопу. Составленные новейшими европейскими астрономами северные созвездия в числе 18-ти и южные – 39, равно – известные древним – северные 24 и южные – 25, по каталогу астронома Зеленого (ibid, стр. 28–32), и 12 общеизвестных знаков эклиптики, у китайцев имеют иные очертания и группировку, о которой дается нами в предполагаемом очерке надлежащее понятие, с устранением специального сравнения какое делает Шлегель в своей уранографии китайской сферы с европейскими знаками. Для нас важен смысл названий и характеристика как крупных главнейших созвездий (Дракон, Черепаха, Тигр, Феникс, Красная птица) так и входящих в состав их 28-ми домицилей лунных и планетных, 12 знаков эклиптики или часовых. В предложенных при самом тексте нашего исследования таблицах астрономических сделаны возможные сокращенные сравнения и сопоставления. При этом не должны терять из виду китайского способа начертания на сферах самых созвездий и звезд, совершенно, или по большей части другого вида, нежели они приняты в европ. учебных пособиях по астрономии, физической и математической географии; об этом для специалистов достаточные сведения излагаются Шлегелем в «Uranographie Chinoise», где содержатся рисунки разных групп звездных и самое начертание небесной сферы китайцев на основании китайских источников. Главные деления у них – «Су» или домицили лунные и планетные, *паранателлоны*; прочие мелкие подразделения, величина звезд и вид определяются белыми кружками и черными, соединяемыми линиями тех или других начертаний, в роде «Цзи-цзу» – храмовая стража, и «юань-би» – вечная черепаха, северное созвездие, (см. V табл. приложение, см. стр. 588 оригинала) В предлагаемых нами под №№ 3 и 4 рисунках китайских круглых календарей (см. табл. VI приложение, стр. 589 оригинала), встречаем трижды в кругах повторяемые знаки с их подразделениями, двенадцать из часового цикла и его дополняющих, по пяти прочих, от правой руки к левой, так: 1) «Цзы» – 12 ч. ночи, младенец час рождения: шень-цзы, нэй-цзы, су-цзы, инь-цзы, гэн-цзы, 2) чоу – 1 ч. до 3 ч. по полуночи, (отпрыски, побеги): и-чоу, дин-чоу, сы-чоу, синь-чоу, гуй-чоу; 3) *инь*, (травяная корзина) 3–5 час утра: бин-инь, гэн-инь, жень-инь, цзя-инь; 4) *мао* (открытая дверь), 5–7 час утра: дин-мао, сы-мао, синь-мао, гуй-мао, и-мао; 5) *чень* – движение, пробуждение, 7–9 час утра: сю-чень, гэн-чень, жень-чень, цзя-чень, бин-чэнь; 6) *сы* – (исполнение, совершение всего), 9–11 ч. утра: сы-сы, синь-сы, гуй-сы, и-сы, дин-сы; 7) *ву* – (час коллизии, луна совпадения): гэн-ву, жень-ву, шэнь-ву, бин-ву, суй-ву; 8) *ви* – (плодовые спелые деревья), час 9 до 11 утра: синь-ви, гуй-ви, и-ви, дин-ви, сы-ви; 9) *шэнь*, час 3–5 пополудни: жень-шэнь, цзя-шэнь, бин-шэнь, суй-шэнь, гэн-шэнь; 10) *ю* – (кружка с вином, осеннее время): гуй-ю, и-ю, дин-ю, сы-ю; 11) *су* или *суй* – (разрушение, рубка дерев), 7–9 ч. вечера: шэнь-суй, бин-суй, сю-суй, гэн-суй, жень-суй; 12) *хай* – (убежище), 9 и 11 ч. вечера: и-хай, дин-хай, сы-хай, синь-хай, гуй-хай. На основании объяснения иероглифа *чжэн*, в словаре о. архим. Палладия и П. С. Попова, под выражением *сань-чжен*, нового года первой луны, первое число, трехкратным повторением приведенного нами цикла в китайском календаре означаются три системы начала года: 1) с луны под знаком «Цзы», под которым появилось небо (– небесный цикл), почему и система называется «небесным началом»; она была принята династией чжоу; 2) с луны под знаком «Чоу», когда появилась земля, почему и система эта, принятая династией Шан называется «земным началом» (земной цикл); 3) с луны под знаком «Инь», когда явился человек, почему и система эта, принятая в Китае и ныне, известна под именем человеческого начала (цикл человека). Этого рола преемственность, имеющая древнее происхождение, (как видим в 1-й табл. *выше в этом разделе (даосизм)*) по свидетельству Сы-ма-цзяна, коренится в означении трех великих эпох года – царства небесного, земного, человеческого, определявшихся по созвездию Северной медведицы в четверти года положением хвоста её над землею (см. табл. VI, рис. 11). Не должны терять из виду и способов в означении, на круглых календарях, знаков китайского компаса или разности румбов: юг под знаком *ву*, восток – *мао*, запад – *су*, север – *цзы*, ю-в. – *синь*, с-з. – *гэн*, ю-з. – *цян*, ю-в. – *кхун*, прочие мелкие деления 24 суть: ю. – *ву*, ю. в. – *дин*, ю. ½ в. – *вэй*, ю-в. *кхун*, ю. ⅔ в. – *шэнь*, ю. в. – *гэн*, в. – *су*, в. с. – *синь*, в. ½ с. – *ву*, в. ⅔ с. – *хай*, в. с. – *жень*, с. *цзы*. с-в. – *цян*, с. з. – *гуэй*, с. ½ з. – *жи*, с-з. – *гэн*, с. ⅔ з. – *ин*, с. з. – *цзя*, з. – *мао*, з. ю. и, з. ½ ю. – *чэнь*, ю-з. – *сюнь*, з. ⅔ ю. – *цзи*, з. ю. – *бин*.

Четыре времени года – *сы-цзи*, суть: весна – *ли-чун* (с 4 февраля), лето – *ли-ся* (с 6 мая), осень – *ли-цю* (с 8 августа), зима – *ли-дун* (с 9 ноября). У даосских составителей календаря, к вышеозначенной троекратной в кругах системе, присоединяются еще знаки счастливых и несчастных дней, дней жертвоприношения разным духам и означение главных звезд, имеющих гадательное значение, коих подробности и смысл коренятся в книгах магических и астрологических. Нами дается поэтому понятие весьма краткое и на основании только приложенных таблиц рисунков (табл. VI, № № 3 и 4, 1, 9); остальное можем почерпнуть в исследовании Шлегеля о китайской уранографии, которой резюме и предлагаем. Для нас важно установление основных понятий о каждом созвездии и цикле, основанных на земной жизни китайцев; их небо представляет оригинальное отражение характера народа, его быт, нравы, обычаи, занятия, церемонии и обряды, совершаемые в известные времена года в неизменяемом виде. Порядок сего рода сообщаемых нами очерков следующий: 1) XXVIII лунных созвездий «су» с подразделениями в четвертях года; 2) зодиак XXVIII животных; 3) солнечный зодиак XII знаков, «ши-эрр-цзы»; 4) цикл XII ветвей, животных, «ши-эрр-чжи-чао»; 5) звездный XII часовой цикл «ши-эрр-чень»; 6) астрономический planetarium XXVIII «су» с замечаниями о семи планетах; 7) времена разных празднеств в течении года у даосов, буддистов и конфуциан, составл. по Dictionn. franc. chin. Perny; 8) к сему присоединяем также переведенные нами с народного китайского календаря за 1887 г. разные замечания, падающие на дни субботные и воскресные в течении пяти месяцев с января по май, о том, «что должно делать и чего не должно делать». Англичане, живущие на дальнем Востоке, для точного времясчисления и соглашения европейского календаря с китайским и другими, печатают ежегодно сравнительную таблицу всех их, за исключением астрономического цикла и нами помещаемых по исследованию Шлегеля. В Гонконге, при газете «Daily Press», в виде приложения и для отдельной продажи, издается с сравнительными календарями «the chronicle directory for China, Corea, Japan, the Philippines, Cochinchina, Annam, Tonquin, Siam, Borneo, et caet». Сведения, сообщаемые по китайскому календарю в сем ежегоднике, за 1887-й г., касаются празднеств в воспоминание не только богов, но государей – живых и умерших, знаменитых философов, государственных сановников, героев и др. лиц. Весьма ценные материалы для календаря китайского, астрономии и астрологии, разных празднеств в честь богов и знаменитых лиц, содержатся в словаре *Дуоляйтля* (Vocabulary of the Chin. langage – by Doolittle); описаниями разных церемоний, обрядов в разные времена года, особенно брачными и погребальными, правилами о трауре и поклонении предкам, о разных жертвоприношениях в честь их и многих богов, обилуют труды о. архимандрита *Иакинфа* (Китай, его жители, нравы и просвещение. 1840) и С. М. *Георгиевского* (Принципы жизни Китая. 1888) и др.

А. Годовой астрономический словарь китайского неба, разделенного на XXVIII лунных домицилей, содержащихся по семи в четырех главных созвездиях-дворцах. (Китайские названия в русском переводе, составлены в сокращении по Шлегелю. Uranographie chinoise 1875).

I. «Дун Ци-гун Ци-су» – семь домицилей¹³⁴ восточного дворца¹³⁵ или созвездия лазоревого Дракона, Цзан-Лун¹³⁶ (соответствующего весне. Название домицилей: *цзио*, *кан*, *ди*, *фан*, *син*, *ви*, *ци*).

I. «Цзио» или «Цзю» – рог, первый домициль; его паранателлоны и звезды: *тхянь-тянь* – небесные поля; *цзинь-сянь* – произведение в высшие степени и на должности даровитых ученых; *бин-дао* – путь равенства, или *бин-син* – астеризм равенства; *тянь-мынь* – врата небесные, двери.

II. «Кан-су» домициль шеи (Aula anterior, cour antérieure, portique du temple). Паранателлоны и звезды: 1) *цзе-сян* – преступная шея, разбойники; 2) *чэ-вэй* – утешение раздоров, мятежей, неприятельских нападений; 3) *да-цзио* (цзэ) – великий рог; *тянь-дун* – восточная перекладка неба (небесного дома), *тянь-ван* – небесный царь, *тянь-чжуан* – небесное знамя, звезда прибытия.

III. «Ди-су» домициль корня, *rerum terminum*, нижняя часть, база, *грудь дракона*, голубой дворец. Паранателлоны и звезды: 1) *тянь-жу* – небесное млеко, *небесная кормилица*, царская кормилица – *небесная дева*, питающая младенца своего грудью; 2) *ди-си* – небесная скатерть или зал царского пиршества; *пестрые ласточки*; 3) *кан-чжи* – канал небесного двора или императорской залы, палатки для приема гостей, *цзэ-гун* – княжеский дворец на пруде, озере; *молодая зелень хлебных злаков*; 4) *ци-гуань* – восходящий караул, стража императора; о) *чэнь-*

чэ – военная колесница; 6) чэ-ци – кавалеры военной колесницы; 7) ци-чэн-цзян-цзюнь – кавалерийский генерал; 8) тянь-фу – небесные спицы (колесницы, телеги).

IV. «Фан-су» – домициль дома, или чрева восточного дракона, небесный дракон, великий открыватель; солнечный круг и путь великого теплопровода, лунный круг и путь великого холодильника, четыре знамения: небесная конюшня, небесные кони (тянь-ма), небесная телега *тянь-цзы*, небесная упряжь, сбруя – *сы-ма*; небесная пара коней и зловещая упряжь; небесный конь; производитель коней – *ма-цзу*; великая житница – *тянь-цзан*, небесный рынок – *тянь-чжи*, хозяин небесного рынка. Астеризм называется еще – храм света – *мин-тхан*, которого архитектурное подобие: – (квадратный в плане, купольный с верху), его 8 окон – (ветров), 4 двери – (4 времени года), 9 отделений – (9 округов Китая), 12 придельных комнат – (12 лун, месяцев), 36 дверей – (36 дождей), 62 плетенных или решетчатых, окон – (62 ветра). При династии Чэу «храм света» имел 5 отделений: на В. дом Юпитера, на Ю. дом Марса, на З. дом Венеры, на С. дом Меркурия, на *середине* всего – дом Сатурна; весь храм строился лицом на восток в месте уединенном, мрачном, спокойном. В нем издаются правительственные распоряжения, покланяются публично небу, земле, предкам, духам, небесным светилам коих культ назывался «*Бо*» вообще, в отличие от культа магов персидских, называемых «*Бо-сы*». Древний *тхан* – храм, имел возвышенный алтарь для жертвы, опоясанный оградой каменье, тесаных или из булыжника; здесь собирался народ и начальник рода или племени со старшинами и воинами. Поэтому, некоторые звезды *фан* называются «*советники*» и «*воины*». *Фан* имеет и другие звездочки, – «*опочивальня императрицы*» и «*императорский гарем*» или «*конкубины государя*», «*трон императрицы*» и «*трон принца*». *Паранателлоны* и звезды *фан-су*: 1) *жи* – солнце на востоке – господь солнца, звездочки, или «утренняя звездочка», противополож. *юэ* – луне на западе, вечерней звездочке; 2) *гоу-цин*, – ключ небесной двери (созвездия *Фан*), *да-кхай* – великий открыватель, ключарь небесный, привратник при дверной занавеске; 3) *цянь-би* (kien pi) – дверной китайский замок, *сadenas*, с небесным ключом – *тянь-цянь*; 4) *дун-гань* – восточная гармония, согласие; 5) *си-гань* – западная гармония, согласие; (оба созвездия составляют *тянь-мынь* – врата небесные с двумя створами В. и З.); 6) *ян-мынь* – дверь яна, света; 7) *нань-мынь* – южная дверь, врата небесные, врата света; 8) (Houng) *хун-син* – звездные весы; 9) *ву-чжу* – небесные козлы (на коих утверждаются весы, с их *гирями* и *каменным привесом*), *гуань-ши*, – уравнивательная мера – «*хо-цзун*» (quart égaliseur); 10) *гу-леу* – сокровище, *тянь-лао* – небесная императорская башня (tour celeste, impériale), где хранились сокровища; 11) *фа* – штраф, денежная пеня; 12) *цзун-гуань* – свита, следующая за государем, т. е. маги и медики-звезды, – указатели времени жертв, их духам для исцеления от болезней. При династии Чэу «*маги*» обязывались наблюдать весною за болезнями, отгонять их и привлекать благоволение небесное жертвами».

V. Син-су – домициль сердца (весеннего дракона), его центр – *хо* – огонь, *да-хо* – великий огонь, или *син-да-хо* – звезда огненная, пламенеющая, весенняя. Появление оной сопровождалось церемонией «*обновления огня*»; чиновник огня (у парсов жрец огня) ударами в барабан объявлял народу о наступлении весны и с нею – теплоты солнца. По объяснению Хоай-нань-цзы, зажигание огня добывалось посредством металлического зеркала, наводимого на сухой мох и травы в жертвенном сосуде; лучи солнца, сконцентрированные на поверхности полированного металла и наведенные на сосуд, воспламеняли жертву «*гению огня*». У островитян *Хэнаня* и жителей Фуцзянской провинция соблюдается церемония «*затапывания огня*»: ученый даос, носимый с идолом пред ним кругом местного храма на носилках, держит в руках на крест притупленный *кинжал* и *меч*, коими махая наносит удары окружающему народу по спинам, затем «направляется к храмовой жаровне; по сторонам, на двух кострах с горючими предметами и зернами риса, совершается воспламенение. Народ, троекратно обходя священное место, затапывает потом эти костры, обходит кругом своих деревенских жилищ, унося «*угли*» которые и дает скоту домашнему с хлебом. Деревенский праздник этот зовется в *Эмуи* «*да-хоэ*» – затапывание огня, и совершается пред храмом «*Бога покровителя жизни*». У индусов, праздник огня совершается в летнее солнцестояние, у китайцев – в весеннее время. Созвездие «*сердца*» называется еще «*тянь-сы-гун*» – небесный господин огненного костра или «храм света», – «*царь небесный*»; «*син*» есть также символ престола наследника или императора, который и считается сыном неба, владыкою людей; «*син*» – сердце означает и *народ*, ибо он есть *сердце неба и земли*, говорят астрологи. Звездочки «*син*», называются поэтому «*тхай-цзи*» – царственный князь (Prince), «*чу-цзы*» кровный князь, сын конкубины.

Паранателлоны и звезды: 1) «цзи-цзу» – лакеи, холопы, служители, храмовые воины, оберегающие «мин-тхан» – храм света от дурных влияний, а также «императорскую опочивальню». (Начертание см. табл. V, в прибавлении).

VI. «Ви-су» – домициль хвоста (драконова); лун-дао состоит из 9 звезд; их названия: «хао» – царица, «фу-жень» – её дамы, «бин-цзе» – конкубины, «цзю-цзы» – девять сыновей (императора), «тянь-мяо» – небесный двор или императорский, «тянь-цзы-гун» – небесный хозяин, распорядитель эмпирея, «тянь-као» – небесный пес, собака (ибо она рождается во время сего созвездия и похожа на дракона, с длинными ушами), «тянь-ци» – небесная курица, «фын-хао» – царица ветров, «цзю-цзян» – девятиречье, многие реки или «тянь-цзян» – небесная река, т. е. млечный путь, «небесный брод», «чжэ-му» – рубка деревьев, «небесный разделитель» (элементов дерева и воды).

Паранателлоны и звезды: 1) «тянь-цзян» – небесная река; 2) «шэнь-гун» – отделение духа, обитель бога, комната государя; 3) «фу-юэ» – поучающая, приглашающая звезда или располагающая к молитве об императорском долгоденствии и потомстве, и к жертвоприношению по сему предмету. Название заимствовано от придворной должности «мага» – великого пригласителя (grand invocateur) к совершению молитвенного обряда и жертвы; 4) «гуй» – черепаха, «лень-чжу» – жемчужное ожерелье, перловый ошейник; 5) «юй-цзы» – рыбы (месяц мая) «цзюй-син» – звезда свидетельства, вещунья, звезда знамения (бурь и ветров), «юнь-син» – звезда облаков, дождливого времени (moung-sing).

VII. «Ци-су» – домициль корзины для собирания назема, соломы, решетка для сего; по очертанию, самые звезды представляются в виде экскрементов дракона. По объяснению астрологов, название и представления эти объясняются душистым благовонием (монг. аргал), сожигаемым с прочими веществами на решетке при жертвоприношении, соответствующее сему домицилю время – очищение полевого мусора сожиганием. Прочие названия: «тянь-цзин» – небесное болото, брод, «тянь-хань» – небесная река, «дун-гун» – восточный дворец, «фын-коу» – ущелье ветров, устье вихрей, «тянь-коу» – небесный рот, (время мая месяца), т. е. астеризм, «любящий ветер»; «тянь-ци» – фазан, небесный петух (время крика этой птицы), «ху-син» – астеризм лисицы (время её родов и вреда людям с февраля по май), «тянь-чжэн» – небесные ряды (т. е. нивы спелого хлеба), гряды: «ци» – означал последний день месяца весною, когда кузнецик появлялся на спелых хлебных полях.

Паранателлоны и звезды: 1) «нун-чжан-жень» – земледelec, пахарь; 2) «тянь-ци» – фазан, небесная курица, – «золотой фазан» – цзин-ци, как эмблема времени общей амнистии, прибывался над воротами судебных мест, что совершалось пред началом лета, в конце весны.

II. «Бэй-гун Ци-су» – семь домицилей северного дворца, – созвездия черного воина («у-бин», «хэй-бин») или черепахи – «Сюань-ву», гуй, – «юань-би». ¹³⁷ (Названия их: доу – хлебная мера, ню – бык, нюй – девица, сюй – могила, вэй – вершина дома, ши – пирей, костер, и би – стена дома. По фикции, – части дракона сочетаются с частями черепахи, а посему они изображались в виде черепахи перевитой со всех сторон кольцами змеев, как видим на древних медных брактеадах, называемых «змеевиками»).

1. «Доу-су», – домициль хлебной меры – приходился в голове черной черепахи, называется нань-доу – южная хлебная мера, в отличие от бэй-доу – северная мера, соответствующая большой медведице нашей сферы. Прочие названия доу – «зимний покой» (в 10 мес.), «тянь-мяо» – зал небесных предков, от обычая совершать благодарение им и празднество у земледельцев в 1-й зимний мес. под управлением местного начальства; в это же время император производил чиновников в высшие степени, что совершалось чрез министров, поэтому созвездие называется еще «тянь-сян» – небесные министры, ученые, а от наград за заслуги хлебом – «небесная житница», «тянь-гуань» – таможня, застава, или «ворота небесной стражи», тянь-цзюй холм для небесного жертвоприношения планетам и духам домашним и местным. *Паранателлоны и звезды:* 1) «Би» черепаха, «юань-би» – первобытная черепаха; 2) «тянь-юань» – небесная пропасть, пучина, «тянь-чи» – небесное озеро, тянь-хай – небесное море, «тянь-цзы-юань» – небесный источник. Разумеется время особенного изобилия в реках черепах. 3) «тянь-ио» – небесная мера просяных зерен (содерж. 1.200 зерен), замок; 4) «Тянь-бянь» – небесная коническая военная шапка, колпак, каска (scutum Sobieski). Причина названия – начальник известного селения на которое нападали зимою вору, разбойники, надевал каску и собирал караул для охраны. Сам император охранитель государства почитался первым стражем оного, поэтому каска или шишак назыв. в созвездии «императорским».

II. «Ню-су» – домик быка. Причина названия, – зимою для охраны земледельцев и его хозяйства, избирались сильные быки для военных телег и стражи селений, тоже животное приносилось и в жертву богам земли, солнцу, луне и планетам. Бык избирался лучший и большой, назывался «начальник с большими ногами», на сфере астрономич. заменялся названием «волопас», *предводитель, вожак быков «цзянь-ню»* (Kien-piou), и всегда держался на привязи около домов, как страж. Созвездие называлось еще *тянь-гуан* небесный барьер, защита (означавший опасное время, требовавшее защиты стражею). *Паранателлоны и звезды*: 1) «хэ-гу» – барабан (небесный) реки, или млечного пути, также «*тянь-гку*» – небесный барабан. Этот астеризм восходил ночью в 1-й зимний месяц, время вторжений дикарей и кочевых разбойников в мирные обитатели оседлых людей; местечки и селения, коим угрожала опасность имели ночной дозор, стражу и удары в барабан возвещали об опасности. «Хэ-гу» стал анонимом опасностей военного времени, его звезды называются еще «*сань-ву-ци*» скорбь, слезы войска, или «три корпуса княжеской дружины», также «*да-цзян-цзюнь*» (kioun) – генерал левого фланга, «*цзо-цзян-цзюнь*» – генерал правого фланга, охранявших врата домов и селений. Первые барабаны делались из верхнего черепа черепахи и назывались поэтому «Тхо», покрывались снаружи кожей змея, быка или лошади. Особая порода черепахи – «Тхо» называется еще «*бдительная черепаха, сторожевая черепаха*» и когда она выходит ночью, производит шум, подобный барабану из её черепа, называется «*ши-цзюнь*» – экстренный часовой государя производящий тревогу. 2) «*Тянь-фу*» – небесный посох, или ударная палка, великого государственного барабана, тревогою которого мобилизуется вся армия; помрачение астеризма означенного названия влечет беспорядок времени и водяных (госуд. часов). 3) «*Цзянь-дай*» – терраса фильтрации в водяных часах или спуска воды из одного ящика в другой. Разумеются древние часы, изобретенные буддистом Гуй-яо, на горных склонах устроившего 12 спусков воды; опущенная сверху веточка или лист древесный проходили в 12 часов сверху вниз; так устанавливалось деление времени приблизительно точное. В подражание изобретены другие часы из ящичков с водою и трубкой для неё из каждого, расположенных уступами; в нижнем помещении ставилась стрела с делением повышений и понижений воды. Названия частей этих часов: первый водяной бак – «вода ночного времени», второй бак – «вода дневного неба», третий бак – «сосуд равенства», четвертый бак – «сосуд десяти тысяч минут», наконец – внизу плавающая стрела со шкалою, «воды и моря». Horologium ex aqua известны были издревле вавилонянам, грекам, индийцам и в большом употреблении у китайцев за 1100 лет до Р. Х. 4) «*Лянь-дао*» – путь телег и военных колесниц прогуливающегося императора со свитою (ноябрь, начало XI мес.). 5) «*Цзо-ци*» – знамя левого фланга; 6) «*ю-ци*» – знамя правого фланга. Разумеется время ношения великого императорского знамени «*дай-чжан*» – употребляющегося при государевых прогулках и шествии; 7) «*Ло-инь*» – сеть плотин или земляных окопов в виде решетки, устрояемой на полях, преимущественно рисовых и орошаемых водою или удерживаемой после наводнений и дождей. Другое название астеризма «*цюй-ма*» – борона, или решетка с зубьями, деревянная или железная, возимая лошадью или парю быстроногих «*хин-ма*». 8) «*чжи-ньюй*» – ткачиха, т. е. время женских рукоделий и работ в 10 мес.

III. «Нюй-су» домик девы из 4 звезд, время первой половины декабря в XI час «*цзы*», соотв. XI китайскому месяцу зимнего солнцестояния; с сим домиком соединено время народных брачных союзов, веселия, зачатий, даже родов, обилия земных плодов, особенных расходов женских рукоделий – тканей и брачных одежд. Прочие названия: «*сюй-ньюй*», «*ву-ньюй*» – служанка, комнатная девушка, младшие конкубины, помогающие главной жене в рукодельях, особенно в ткацких комнатах гинекея «*тянь-ньюй*» – царские девицы, охраняемые сторожевым офицером, «*линь-гуан*», «дщери караульного офицера» «*линь-гоан-ньюй*». Не менее известна звездочка «*гуань-лан*» или игрок на рожке, деревянной флейте, в ночь зимнего солнцестояния, пред которою мальчики, для получения мудрости и ума, выходили на улицу и совершали коленопреклонения. Флейта делалась из бамбуковой трубочки, поэтому и звездочка еще называлась «*управляющий бамбук, дирижер, господин бамбук*».

Паранателлоны и звезды: 1) «*Фу-куан*» – бамбуковая корзина с ручкой или ушками, в которой царские девицы продавали свои ткани и изделия; 2) «*ли-чжу*» – перлы или жемчужные украшения одежд – дела девственных рук; 3) «*ньюй-чуан*» – девственное ложе, постелька девушки, опочивальня царских конкубин; 4) «*Тянь-цзин*» – небесное болото, пруд, реки небесной, т. е. на млечном пути, «*синь-хань*» – река звезд, «*тянь-хэ*» – небесная река, «*тянь-хань*» небесный берег «*хэ-хань*» – река, «*цзин-хань*» – чистая река, «*инь-хэ*» – серебряная река; «*цзян-хэ*» – красная

река; вообще млечный путь есть река небесная, текущая по небесам, и льющаяся на землю, "шань-хоан" небесный водопад, из коего почерпается вода в царственной чаше. Означенным астеризмом небесного болота и рек характеризуется время наводнений китайской зимы и стоячих вод; 5) «Пай гуа» – треснувшая тыквенная бутылка, сосуд, называемый еще "гуа-хао", т. е. тыква с вином рисовым; астеризмом сего названия означает время созревших фруктов и овощей, их употребление простое и на праздниках.

IV. «Сюй-су», – домициль пустынного холма (du tertre funéraire). Иероглиф слагается из знака – холм, насыпь, и тигра, т. е. места пустынного, куда удаляются звери и воют, также – северный холм, убежище и вечное спокойствие, северная страна, иначе – «северный погребальный холм вечного покоя и смерти» или – «зимняя страна». Восхождение сего созвездия совпадало с зимним солнцестоянием. Прочие названия: "лян-фын" – холодный, убийственный ветер, «гуан-мо-фын» – пустынный ветер, «сюй-фын» – ветер холмов погребальных, пустынных могил, «цзэй-фын» – ветер-разбойник. Зима и север, будучи символом смерти, тогда как лето и юг символом жизни, соответствуют и самым событиям среди людей, счастливым в царстве света и несчастным или траурным в царстве тьмы. Отсюда следующие обычаи в Китае: садятся лицом к югу, и головою обращенною на восток, откуда восходят солнце; голова покойника всегда обращается поэтому на север, самый же труп полагается в северном месте; дома доселе устроятся ориентированными по тому же плану, Вход в главную комнату всегда приходится на полдень, и обитатели садятся безошибочно, фасом к входной двери, глазами на юг. Северо-западный ветер, дующий из ледников арктических и Сибири восточной на Китай, побуждает жителей не делать ни окон, ни дверей в домах с этой стороны, кроме одного маленького оконца для света, в центре же всего построения – на дворе и даже в доме устрояется колодец. По замечаниям ученых китайских, хоронили мертвецов на севере и головою к северу потому, что север почитался как бы печатью всего сотворенного; и, поскольку зима служит центром, то и предметы располагались в центре же. Когда начало теплотворное достигает величайшего развития, оживляет своим дыханием все творение, питает оное и раскрывает; наоборот, когда начало холода достигает величайшего развития, то своим движением мертвит и сжимает творение, погребая все в своих недрах. Посему говорится, что дыхание (respiration) природы служило союзом, бракосочетанием начал темного и светоносного, концом и началом творения. Чернодуслистые деревья "сюань-сяо" преимущественно встречающиеся на севере и зимою, дали повод к названию самой зимы «сюань-ин» – черный герой; сам император ездит в это время на черной колеснице, запряженной конями железного цвета, знамена, его сопровождающие, и одеяние свиты – тоже черные. Зимою преимущественно погребались – преступники после казни, войны, павшие в битве с разбойниками, военные узники истребляемые в плену; «смерть – конец для человека, подобно зиме, составляющей конец года» – говорят китайцы. В зимнее солнцестояние приносятся жертвы в храме предков «прародителям китайского народа» в северной части здания. Домицилем "Сюй" означалось разделение жилищ и народа; в древности 9 жребиев земледельцев составляли один колодец – "цзин"; 4 колодца образовали ограду (enceinte), 4 ограды – общину (communauté), чиновник "цзай" обязан был зимою производить проверку и переключку жителей, другой чиновник "Мо-да-фу" заведовал похоронными церемониями и гробами, жил для сего в середине селения и дома, поэтому и домициль "сюй" называется еще «чжун-гун» – дворец центральный, т. е. средний из 7 домицилей севера и зимы. Хуань-тань говорит также, что «по всем вычислениям хронологистов и счетам эпох, с глубокой древности, с самого начала происхождения небес, в конце XI-го месяца, в час цзя цзы (цикла 12 часов), в середине ночи, начинается зимнее солнцестояние, что совпадает с 20–25 декабря нашего стиля христианского, вычисление по годам приводит к периоду с 6000 года от сотворения мира. "Сюй" называется еще «тянь-цзи» – небесный предел, граница, а по причине центрального положения на «северной дороге» он есть "бэй-лу" – северная дорога, путь.

Паранателлоны и звезды: 1) "Ку" – вопли, стоны, означает время плача и воплей женщин, детей, о родных, павших на войне, или под секирою палачей при казни. Иероглиф слагается из знака «собаки» (цюань) и двух ртов, зевов (сюань), что значит «воющие собаки»; в Китае женские вопли на могилах совершенно подобны означенному вою. 2) "Ци" проливные слезы, нежные вопли, ибо в зимнее солнцестояние многие женщины теряют своих близких. По списку, жертв, поименованных красными чернилами, известных народу, судебные приговоры и казни совершаются в это время. 3) "Бо-цзюй" – мертвые скученные могилы или ямы для казненных преступников, также – гробы из дулистого дерева – «гоан-цзай-син»; оба названия звезд

объясняют достаточно их смысл; 4) "сы-мин" – судья жизни, прочие звезды – *следствия о преступлениях и наказаниях*», «жизнь» и "смерть", «духи», «предки», коим в сие время приносились жертвы; 5) "сы-фи" – судья преступлений (уголовных и государственных); 6) "сы-вэй" судья опасностей, наблюдавший за местностями, в коих почва и нечистоты при их испарении производили смертельные опустошения в народе и животных. Это – местные полицейские надзиратели, следившие за чистотой и особенно обязывавшие обывателей крепко запираť свои дома и окна на все время ночи, пока гнилые испарения проходят и исчезают с солнцем; 7) "сы-лоу" – судья наград. Они давались, по кн. обрядов, – старцам и земледельцам в конце года, они были четырех родов: – награды добродетельным старцам, отцам и дедам, коих дети и внуки погибли на войне за отечество, старцам, живущим на покое и в отставке, – старейшинам народным; лицам военным и чиновникам гражданским давал награды сам император; 8) "ли-ю" – украшенные платья, т. е. женские драгоценности и девические, употреблявшиеся при празднествах зимних. При Ханьской династии (по Р. Х. 947–949) все офицеры и чиновники, также и женщины, надевали платье *красного цвета* (эмблема рождающегося солнца), встречали солнцестояние зимы ночью с его началом (20–25 декабря) с веселием, музыкою, песнями; 9) «Тянь-луи-чэн» – небесная ограда, оплот, тюрьмы; в это время из опасения к варварским вторжениям неприятелей мирные обыватели в старину запирали все свои жилища и городские ворота.

V. «Вэй-су» домициль вершины кровли дома (du faîte). Три звезды, его составляющие напоминают двухскатную кровлю дома жилого и китайского гроба, которого головная часть возвышенна и с фронта представляет совершенное очертание дома. С глубокой древности и ныне известны церемонии при погребении умершего, коими объясняется значение самого созвездия. При династии чэу, за 1122 г. до нашей эры, заведовавший похоронами "цин-чжэ", «призывал смерть по достижении места погребения, и открывал при этом гроб»; впоследствии, особый глашатай, громогласно призывает душу умершего, на особо устроенных подмостках «лестницы» *пын* подле дома почившего, в присутствии музыкантов и родных. Взойдя по лестнице на восточное крыло дома, глашатай всходил на центральную *вершину дома* (ву-вэй) и кричал трижды, обратясь лицом к северу; взирая на небо он просил душу вознестись на небо; затем, смотря вниз, просил душу выйти из земли; еще пристально озираясь между небом и землею, умолял душу пройти четыре области между небом и землею. После всего дрожащим голосом просил душу о возвращении в тело почившего. При этом глашатай бросал вниз одеяние покойника, которое с почтением брал в корзину "сы-фу" или «господин одеяний», а тот передавал слугам "сяо-чэн", а сам в сие время спускался с левого или С.-З. крыла дома. Домициль «Вэй-су» назывался еще "цзя-ву" древний иероглиф *ву* слагался из знаков *чжу* – господин, *ми* – кровля, *цзюй* – (tchi) достигать; это значит «крайнее, последнее жилище господина»; новый иероглиф слагается еще из *ши* – фигура, изображение почившего духа, коему в древности приносили жертвы, и *чжи* – место где останавливаются. При Конфуции сии изображения, – куклы делались из соломы или дерева. Ныне, они заменились табличками с именами почившего – "шэнь-чжу" или господин дух N. Позднее вызывание духа умершего совершалось при могильном холме над рублеными деревьями в виде дома – "цзя-ву". Иероглиф *ву* равносильный *ци*, имел три очертания и значения, один – «*изображение духа*» имя его, "древний", т. е. *статуя, идол, фигура древнего* (предка); другой иероглиф «*фигура духа*», «*ставить, утверждать*», т. е. «*место, где ставятся изображения предков*»; третий иерогл. слагается из "дома" и "древний", т. е. «*дом древних предков*». Знак "Цзюй" – жилище, слагается из иерогл. «*фигуры духа*» и «*скамья, пьедестал*», на которых они ставились. Название "У" вообще дается дому жилому, с помещением особым при нем для «изображений» или "таблиц" с именами почивших предков, назыв. "дом духов" или храм предков. Астеризм "Вэй" называется еще "тянь-ши" небесный рынок, от древнего обычая, во время зимнего солнцестояния запираť рынки днем, и отпирать оные при колодцах, утром для меновой торговли с дикарями, приходившими сюда и оставлявшими свои товары соответствующей ценности.

Паранателлоны и звезды: 1) «кхай-ву» – кровля (toiture) дома. Первый иероглиф состоит из знаков «*растение, трава*», и «*покрывать*», что указывает на кровлю, устроявшуюся издревле из тростника, или колючих сухих растений, китайской соломы, смазанных глиной и выбеленных известью; от этого кровля называется еще «белою» в отличие от простой, не имеющей сей связи. Эта деревенская простота общераспространенная в Китае, даже существовала и в богатых домах, дворцах. Черепичная кровля глазурная на дворцовых и княжеских домах, храмах и

особенно на казенных учреждениях, составляет особенность более позднего времени и настоящего, на простых же домах она простая из жженой глины. Астеризм "кхай-су" предшествует звезде именуемой «чиновник зданий государевых домов», дававший отчет о состоянии оных императору – как народному домохозяину (Chef du Peuple). 2) "Сю-лян", мост погребальных насыпей, могилы. В древности, места погребения обносились четырьмя земляными бороздами, а для надзора за могилами и гробами был особый надзиратель – «чжун-жень». Гробы императорские и мавзолеи назывались "син-цзин" в отличие от простых народных – "лин". 3) "Фань-му" – надгробные камни. 4) "Жень-син" звезда человека или «звезда успокоения» «во-син». Астеризм этот очень древний и имеет видную роль в китайской космогонии. Вообще, он содержит группу звезд, с появлением коих на небе, сердце земледельца получало спокойствие после окончания трудного и мрачного зимнего времени, поселялась надежда и убеждение об оживлении природы, приближении солнца, его теплоты и света. «Звезда человека» восходящая на небе ночью, по древнему преданию, говорит Gaubil (traite du Chronologie Chinoise), относилась в рождению Панькху, имевшему место в 16 день 10-го мес. По заключению Шлегеля, поименованная «звезда человека» находилась на востоке в мес. ноябре, соответствующим X-му китайскому месяцу. По «экзегезу небесных владык» китайцы называли человека воплощением силы неба и земли, сыном от брачного союза Ина и Яна. В начертании иероглифов сей заезды, находили "жень" – человек, и "жень" – благодетельствованный; = две горизонтальных черты намекают на ин и ян, или небо и землю; «жень» – благодетельствованный, благодетель, указывает на силу от сочетания обоих начал, и человеколюбие в особенности, отличающее человека от прочих тварей неразумных. В одном из монастырей даосских, под названием «мрачная столица» в г. Чжан-чжу, Фуцзянской губернии, существует замечательная статуя из красной глины, бронзированной сверху; она изображает Пань-ку (Pan-an-koу), сидящего, с ногами покоящимися на огромной черепахе; на ладони правой руки содержит знак солнца, на ладони левой руки – знак луны, символизирующих рождение человека в эпоху союза света и тьмы в зимнее солнцестояние, имеющее место в северной области, называемой «мрачная столица» (Шу-цзин, «canon de Yao»). Самая статуя сделана при императоре Гуй-цзуне Сунской династия, 1101–1126 г. нашей эры. Из сопоставления сказаний астрономических и философских рассуждений китайцев находим общее положение, что «небо сотворено или – образовалось в час "цзы", т. е. ночи, в XI луну первого теплопровода (calorifère) яна; "цзы" имеет значение "младенца", т. е. сими словами указывается на продукт от соединения сил деятельных и производительных – инь и ян, в зимнее солнцестояние, что может быть переведено точнее "цзи-ши", т. е. час рождения (L'heure de la génération), называемого «часом великой пустоты», когда произошел homo primo genitus – «Пань-кху-ми». Самое время имеет четыре части или силы неба (vertu du ciel): первая есть начало (commencement), вторая – возрастание (accroissement), третья – совершение (perfection), четвертая – исполнение, кончина времен (comssomation); эти силы соответствуют четырем временам года (saisons): все рождается (naissant) весною; все возрастает (croissant) летом, все достигает совершенства, зрелости (perfection) осенью, и все потребляется (consommation) зимою. Зимнее солнцестояние имеет место в этом последнем периоде, именно в течение XI-й луны, в час "цзы" – младенца на северном небе, что и определяется астеризмом «звезды человека». Этого рода астрономическая фикция послужила основанием фальшивого верования, что первый человек родился ночью в то время, когда его рождение возвестила на небе впервые соответствующая ему звезда – "жень-син", звезда людей, всего человечества, происходящего от Пань-кху или – Адама по сказанию кн. Бытия Моисея. Многие восточные сказания о рождении великих людей, под известною звездою, преимущественно приурочиваются к этой же «звезде человека» или «восточной звезде», потому что она приходилась в ноябрьский месяц на восточной части северного неба или в X-й мес. китайский. С сею звездою, однако ж, отнюдь не должна быть смешиваемая особенная, чудесная звезда, возвестившая рождение Господа нашего Иисуса Христа от Пр. Девы Марии, и руководившая восточных магов, как они сами говорили «видехом звезду его на востоке и приидохом поклонитися ему». (Мф. 2:2).

Астеризм «жень-син» – звезда человека, называется еще "сы-мин", т. е. время народной переписи и составления сметы на финансовые расходы и прочие предприятия предстоящего года, что совершалось при посредстве особого сановника выборного от народа (préposé au peuple), представлявшего свой отчет императору. Положение сего сановника – "сы-мин"

почиталось столь великим, что астеризму, носившему его названия приносились жертвы и народные дары.

5. «Тянь-гоу» – небесная колесница, ярмо, так называемая по сходству очертания звезд с колесницей или телегой, запряженной гуськом. Название это еще более объясняется присутствием и следующих других астеризмов "Чэ-фу" и "Цзао-фу", названных в честь двух знаменитых кучеров древности, отлично управлявших конями и мастерски заведовавших их упряжью. Положение астеризма "Тянь-гоу" таково, что оно находится в круговом вращении около северного полюса, хотя поэтически представляется катающимся «солнце». Первая звезда приходится в первом градусе домициля "Вэй" или «вершины» и восходит с ним одновременно, т. е. в конце декабря и начале января, последнего месяца китайского года. Вращение "Тянь-гоу" в это время – несколько медленное; захождение оно называется "Си-хо" (Hi-ho), что значит «солнце, оставляющее позади себя эфирные» дорожки испарений, или следы ни сильные, ни слабые, но средние, самый кучер или управитель колесницы называется тоже "Си-хо" и представляется родителем солнца. В *Шан-хай-цзин* приводится астрономическая легенда, эпохи Чэу, следующего рода: «За юго-западным морем (неба), между сладкими и приятными источниками (млечный путь), находится царство Си-хо. Некогда, там жила дева, по имени Си-хо (Hi-ho), жена "Ди-цзюня". Через десять дней по рождении, она омыла солнце (дитя) в сих сладких водах; самое время появления астеризма "Девы" происходило в час "Цзы" 12-го декабря; десятью днями позже, 22-го декабря, имело место зимнее солнцестояние, когда замечен был подле полюса астеризм «небесной колесницы», управляемой "Си-хо", который, родившись в зимнее солнцестояние, был сыном Девы и Ди-цзюня, т. е. Царя – героя Солнца (sol invictus). У египтян солнце, называемое Озирис, при вступлении в созвездие Девы-Изиды, рождает Arueris (древний Гор, Horus), т. е. день зимнего солнцестояния. Arueris происходит от Aor – свет. По Плутарху, Гор есть сила, управляющая революцией солнца, самый же ум греки называли Аполлоном, египтяне – Orus. Египетская легенда имеет основанием тот факт, что за 2000 лет созвездие Девы всходило на востоке над горизонтом ночью зимнего солнцестояния; созвездие Девы называлось посему «матерью солнца». Эратосфен именует её Церси или Изидою, ею открывался год и управлялось новое солнечное обращение и бог – солнце. В Саисе, на фронтоне храма сей Девы-богини, была надпись: «Плод, мною рожденный – есть солнце», т. е. существо, не имеющее человеческой плоти, но светило; маги, также и египетские жрецы, поклоняясь солнцу, богу света и дня, веровали в его воплощение от недр этой Девы, которая и по рождении не перестает пребывать Девою, и не потерпела никакого мужеского содействия в сем деле. Гаубель (Chou-king, discours preliminaires), при объяснении названия Си-хо (Hi-ho), замечает, что это не было даже одно имя, но название двух должностей астрономических, известных при Яо, и что такие же «служители жрецы Ора» были и в Египте, что этот Ор одно и то же с китайским Си-хо. Китайское свидетельство Хоай-нань-цзы не менее важно, он говорит: «Медленное движение солнца и остановка оно зимою зависит от того, что Си-хо (Hi-ho), управляющий шестью небесными быстроногими конями, сдерживает их стремление на привязи к тяжелой колеснице (le char attaché)». По народному верованию, с зимнего солнцестояния этот кучер привязывал новую колесницу на новые шесть месяцев, по той же причине, в подражание небу, сам император и народ обновляли свои телеги, повозки, коляски, украшали их. 6. Новому астеризму «обновленной колесницы» усваивалось имя – "Чэ-фу", а её кучеру – "Цзао-фу", названному в честь славного лица сей профессии у царя Му, чэусской династии. Государь этот, при помощи сего кучера и восьми быстроногих коней, разъезжал в колеснице по своему царству и успевал обозревать оное ежегодно. "Цзао-фу" за чрезвычайный ум в обращении с конями и расторопность называется еще "Си-ма" – маршал. Не менее славился и другой кучер – "Би-ло" или "Бо-ло", выбиравший самых лучших коней для государя. Оба названия кучеров иногда смешивались в поименованом астеризме, называемом еще "Си-цяо" – западный мост (в млечном пути), противоположном «Дун-цяо» – восточному мосту на востоке млечного пути, и астеризму "ткачихи" или Лире нашей сферы. 7. "Цзю-пао" или "пао" – мортира (небесная). 8. "Чу-пест" (небесный). 9. «Тянь-цзянь» – небесные металлические серпы или ножи, синоним всякого рода земледельческих орудий, заготавливаемых в это время года; под тем же названием разумеются и бамбуковые, равно другие дуплистые бревна, служившие сосудами для сохранения разных зерен для посева хлеба и называемые еще "чжу", мортира, столб, дуплистая колода.

VI. «Ши-су» домициль могилы, семейства, пирея или жертвенного костра; храм для всесожжений, – очищений, – предков, – света; дворец гения тьмы, мрачный, ограда спокойствия

и проч. В своем начертании поименованный астеризм складывается из четырех звезд, расположенных по 4-м углам трапеции и входивший в месяц январь, т. е. в XII и последнюю луну китайского года, им возвещалось приближение солнца и плодотворной теплоты. Комментатор Tching-chi говорит: «в конце года царь давал великий пир с членами своего семейства в *храме предков*, увеселение сопровождалось музыкой и испрошением у предков благополучия в предстоящее время года. Отсюда государь отправлялся в *храм света*, для исполнения церемоний последнего месяца зимы; народу разрешалось приготовление и употребление вина на собрании родных трех степеней, т. е. отцов, сыновей, внуков». По другому комментатору, празднества, кончающие год, устраивались и семейные, на которых чествовались великие силы природы – солнце, луна, звезды, духи. Для особенного и великого всесожжения народных жертв небу, императором повелевалось собиране с разных гор, лесов, долин, – душистых растений, смолы, трав, которые все сваливались на одно обширное место. Здесь устраивалась центральная жертвенная площадка известной высоты, называемая *"тань"*, окаймленная двумя оградами, с зеленеющими лугами внутри, по сторонам два жертвенника меньших, духам – *шэнь* и предкам – *цзу*. Обыкновенно это было неподалеку от дворца императора. Зал или храм предков *"цзун-мяо"*, назывался *"цзин-мяо"*, т. е. храм очищений, или *"Ши-ши"* – дом поколений, где приносились жертвы в XII луну, после зимнего солнцестояния, с благодарением за благодеяния прошедшего года и о добром начале нового. Предметы для жертв приносились самые лучшие и ценные, *"предметы или вещи творения"*, т. е. образцовые; в жертве принимали участие: государь, все чины двора, войска, чиновники и представители народа. Сожигаемые жертвы на трех кострах, небу, духам, предкам, в 12-й месяц, назывались *"Инь-ши"* – ясность огней дома предков, самая ограда, где это совершалось – *"Тянь-гун"*, небесная ограда, стены, также *"Сюань-мин"* или *"Сюань-гун"* – дворец ночи, мрака или гения тьмы, *"Чжи-вэй"* – ограда жертвенных свиней, заранее выкармливаемых в хлеву лучшими хлебными зёрнами и травами. Названия эти сохранились и в китайской сфере. Всего более разнообразно означение одного и того же астеризма *"Ши"* разными именами, образовавшимися исторически, но в сущности они одинаковы. Пирей для всесожжений есть *"Ши-ши"* – дом поколений (при династии Ся, 2209 г. до Р. Х.), *"Чжун-у"* – дом обновления (при династии Чан, 1766 г. пред Р. Х.), *"Мин-тхан"* – храм света (при династии Чэу, 1122 г. пред Р. Х.); все сии здания посвящены были исключительно культу агентов природы и предкам. Хоан-ши говорит, что эти храмы, существовавшие до династии Ся, имели тоже разные названия: *Шэнь-нун* (2737 г. до Р. Х.) называл их *"Тянь-фу"* – дом небесный; Хоан-ди (2697 г.) называл *"Хо-гун"* – соединенные дома; Яо (2357 г.) называл *"Цю-ши"* (Khiu-chi) – дом четырехугольный, квадратный, по четырем странам света; Шунь (2255 г. до Р. Х.) называл *"Цун-чжан"* – собранные ясности; Ся называл «дом поколений, потомства, рождений»; Чан – «дом обновления», и Чэу – «храм света». Планета Юпитер, по причине обращения её в течении 12-ти лет, соответствующих 12-ти месяцам года, также имеет домициль в *"Ши"* – рассматриваемом астеризме, с двумя другими названиями *«гром и молния»*; называется «храмом Сатурна», царственной звезды, сверху именуемой *"Тянь-цзы-чжи-гун"* – дворец императора, снизу – *"Дай-мяо"* – великий храм предков; весь же астеризм именуется *"Тянь-фу"* – императорская сокровищница.

Паранателлоны и звезды: 1) *"Ли-гун"* – светоносный храм или княжеский дворец тихого убежища и уединенного спокойствия. В древности, в сего рода здании совершались общественные дела, политические и религиозные; располагаемый со ступенями на высоком месте, храм назывался *"Кэ-фо"* – ступени для восхождения с поклонами, *"Цзин-мяо"* – храм очищений. 2) *"Лэй-тянь"* – гром и молния. Китайские иероглифы, означающие эти понятия в их начертании имеют следующие знаки: «тянь» – поля, четыре поля, замкнутое поле, огороженное, «поворот к полевым работам», *"три поля"*, *орошаемых дождями* или искусственно, посредством каналов, *«уста дождевые»*, *«четыре рта»*; иначе: время полевых работ, грома и молнии, дождей и канализации, разрешением туч небесных плодотворною влагою при теплоте солнца. Гром – *"лэй"* называется еще *"черным"*, т. е. с черными тучами, гром плодотворный, происходящий от столкновения «сочетаний положительных и отрицательных сил *инь* и *ян*, называемый также *«старшим сыном неба»*. 3) *"Лэй-би-чэнь"* – линия окопов, возвышенной насыпи, батареи (remparts). 4) *"Ю-лин-цун"* – корпус, т. е. войска подобные стадам летящих весною птиц, или деревьям в лесу; оба названия соединены с представлением о предмете охраны, это – «храм предков» императорской фамилии той или другой династии. Известно Минское кладбище, по сторонам коего, на расстоянии нескольких верст, расставлены шпалером

каменные изображения солдат, офицеров, генералов, верблюдов, ослов и прочих фигур, указывающих на церемониальных жолнеров, в большей части случаев заменяемых живыми лицами, во время церемоний посещения кладбищ государями. Буквально *«Ю-лин»* значит перья, лес, т. е. людей, солдат, защищающих государя, охраняющих дворцы и храмы предков, с разными драгоценностями могилы почивших. Название астеризмов *«Цзай-гуань»* – офицеры драгоценностей, *«Тянь-нань-коу»* – южная небесная сокровищница, неразрывная с храмом предков и дворцами, указывают еще определеннее на смысл названий. 5) *«Бэй-лу-сы-мынь»* – генерал северных стран. 6) *«Па-куй»* (ра-коуи) – восемь начальников, указывают на время усиленных работ, совершавшихся военнопленными и преступниками, также – казней над ними. 7) *«Фу-юэ»* – топоры, секиры, коими рубили головы разбойников, военнопленных. В И-цзине говорится: *«Когда гром и молния достигнут начертания фын (foung), тогда князь обязан осудить заключенных преступников и казнить»*. 8) *«Тянь-ган»* – небесные сети или охотничьи веревки, означает время охоты и ставки палаток. 9) *«Ту-гун-ли»* – хозяин земляных сооружений, распорядитель работ, подрядчик, домостроитель. Астеризм этот означает время *измерения полей, устройства, планировки и починки жилых домов для народа и других зданий*. 10) *«Тэн-шэ»* – восходящий змей, своим появлением ночью в последний день зимнего месяца (январь) в меридиане, он возвещал начало весны.

VII. *«Би-Су»* – домициль стены, которая называется еще *«дун-бу»* – восточную стеною, противоположно западной, между ними различается *«тянь-цзюй»* – небесный проход (passage) солнца и вступление после зимнего пути к новому году, поэтому есть другое название, более определенное, *«тянь-лян»* – небесный мост или небесный щит. Полный астеризм с *ши* составляет *«цзу-цзы»* или *«цзу-цзы-ши»*, т. е. уста Цзу-цзы (начертанные иероглифом квадрата). По объяснению словарей, *«цзу»* значит прекрасная дочь, *«цзы»* – говорунья, любящая посудить о всем; на языке фуцзянском, древнейшем диалекте Китая у манов, населяющих Фу-цзян, говорится *«Цзу-цзуй»*, т. е. уста прекрасной золотой рыбки, головля (рыбы). Более точное объяснение *«цзы»* – рыбки, называется *«ван-юй»* – рыбка надзирающая, дышащая свежим весенним воздухом на поверхности воды; разумеется время, когда рыба долгое время бывает под ледяным покровом, нуждается в отдыхе и глотании воздуха чистого. *«Дун-бу»* – восточная стена называется потому, что древние государи при первых раскатах грома отправлялись в храм благодарить небо, после чего отправлялись в императорскую библиотеку и государственный архив, для обзора добрых дел, совершившихся в государстве в течении года и награждении за оные лиц достойных.

Паранателлоны и звезды: 1) *«Тху-гун»* – каменщики, каменотесы, время работ сего класса лиц. 2) *«Юнь-ю»* – облака и дожди. 3) *«Бэй-лэй»* – раскаты грома и блеск молний, сопровождаемые ливнями; другие названия: *«Сы-гуан-чэн»* – шум дождя при первых ударах весеннего грома, также – *«Ко-ко»* или *«Кок-кок-пик-лик»*. 4) *«Тянь-цзюй»* (Кіоу) – или *«тянь-ма-цзюань»*, небесная конюшня или стойло небесных коней, на которых разъезжает солнце (соответствует Пегасу европейской сферы). По своей природе, лошадь носит во чреве своем 354 дня, т. е. двенадцать месяцев лунных, рождает жеребенка в апреле и мае месяце в Европе, в Китае – среди весны, в марте месяце, в конце января и начале февраля. По сему совпадению производительницы-кобылицы с луною, обходящую небо 354 дня, лошадь признается сущностью луны. Конь быстр на ходу, имеет 4 ноги с округленными копытами, что дает повод к олицетворению солнца – его шествия в 4 времени года. В диаграмме кн. И-цзин, коню соответствует знак К'іен, т. е. солнечное огненное начало, *ян*, как самка носит 12-ть мес. плод свой, то 6 мес. лунных посвящены этому огненному началу (*ян*) и 6 мес. других холодному началу (*инь*); поэтому в лошади сочетаются оба эти начала и она почитается первою священной жертвою солнцу, луне, ину и яну, наравне с прочими, (бык, агнец, боров, петух). Жертвенные кони имеют особое пастбище, содержатся чисто, и порода их оберегается тщательно, конюшня устилается на зиму соломою, к весне очищается и кони выгоняются на пастбища. Конный надзиратель Харас (Haras) следит за всем содержанием и управлением; для жертвы он избирает лучшего коня по масти *красного цвета* (*ин*), с гривой и хвостом *черного цвета* (*инь*). При династии Чэу существовали 12 лошадиных парков с 6 породами коней; у феодальных же князей было по 6 парков с 4 породами; прочие сановники могли иметь только 4 парка с 2 породами. Появлением астеризма «небесная конюшня» означалось время рождения коней, жертвы коня черному гению, очистка стойл конскою кровью, отпуск на подножный корм; все это совершалось вначале весны. Высшею породою почитались кони, пробежавшие в сутки тысячи ли китайских,

подобно солнцу, эти быстроногие скакуны называются «*цян-ли-ма*» кони тысячу ли. При царе Му (1001 г. до Р. Х.) различались 8 следующих коней: 1-й «бросающий землю», ибо его ноги едва касались земли, 2-й «бьющий крыльями», ибо был подобен птице, когда бежал во весь галоп; 3-й «туманный бегун», ибо пробежал 10.000 лье в одну ночь; 4-й «преследующий тень», ибо бегал подобно солнцу; 5-й «блистательный», ибо имел чрезвычайно лоснящуюся кожу; 6-й «застилающий свет», ибо где он бежал, оставалось только десять теней; 7-й «карабкающийся на облака», облачный бегун, т. е. скачущий с быстротою бурного ветра; 8-й «двукрылый» (*Ilane-aile*), ибо имел по бокам наросты, похожие на крылья, и которые приходили в движение при его беге. Помещая в «*небесной конюшне*» крылатого коня, равносильного баснословному Пегасу, китайцы были убеждены, что он однажды совершает дневное обращение с солнцем вокруг неба, и что полное обращение с места исхода совершается однажды в год. По преданию, император Фуси (2852 г. до Р. Х.) видел, как однажды из реки Мэн вышло животное, поименованное вскоре *лун-ма* – дракон-конь, с телом лошади, чешуёй дракона, с плавниками по бокам или крыльями; оно было из сущности неба и земли. Такова астрономическая фикция, но не историческая; конь небесный, помещенный в астеризме *конюшни*, возвещал своим восхождением и кульминацией полночь, конец зимы и начало весны; тогда как следующее утро поднималось с солнцем созвездие *дракона* и равным образом возвещало начало весны. В священной музыкальном гимне династии Хань говорится: «конь небесный есть производящая причина дракона грядущего», «прибытие коня (небесного) есть несомненный знак появления и дракона (небесного)». У египтян, греков, римлян, вместо *небесной конюшни* на сфере стоит *Пегас* – крылатый конь, им означалось время жертвоприношения коня. На Дендерском зодиаке поэтому изображен конь без головы. В начертании иероглифа кит. «*цзюй*» замечается значение собрания, соединение вместе коней в замкнутой ограде. Следующий астеризм 5) «*Фу-чжи*» ножи, соответствует времени жертвоприношения коней, а также резки трав для кормления коней.

III. Семь домицилей западного дворца или созвездия Белого тигра (бэй-хо), соответствующего осени. (Поименованное созвездие слагается из следующих семи домицилей: *Куй, Лоу, Вэй, Мао, Би, Цзуй, Цзан*).

I. Куй-Су – домициль сандалии или подошвы её; звезда ученых и словесности, – присуждения ученых степеней, идол с драконовой головой, в левой руке его квадратная ложка из 4 звезд, в правой – писчая кисть, *мин-куй* – светлое созвездие ученых. Название дано по сходству очертания созвездия с сандалией; оно состоит из 16 звезд, восьмое и 13-е зовется *доу-куй*, 14 и 15 – *би-куй*. Название «*куй*» в смысле сандалии, башмака, усвоено потому, что в древности земледельцы для весенних работ шили обувь с кожаной подошвой, тогда как для лета – с соломенной, для зимы и осени – кожаные, не только сандалии, даже сапоги на подошве с железными гвоздями. По «месячным правилам для народа, кожаные сандалии приготавливались в 8-ю луну, и холщовые в 10-ю луну»; так на юге Китая, на севере же его употребляются зимою холщовые сандалии, а в дождливое время *сапоги* – кожаные. Прочие названия астеризма: «*тянь-чжи*» – небесная свинья, небесный боров, и «*фын-чжи*» – небесный вепрь, кабан, и большая юго-западная звезда «*тянь-чжи-му*»; т. е. глаз небесного борова, свиньи. Как известно, эти животные весьма любят грязь, болота, дождливое время, когда они могут со всем удовольствием лежать во влажной земле и рыться в ней добывая нежные и сочные травы, корни и клубки овощей. По календарю династии ся этим временем было начало мес. августа, и 7-я луна, когда беспрерывно шли дожди подобные «*каплям вина*»; по замечанию комментария, «свиньи любят нежиться в грязи и болоте во все время, пока «*небесный генерал*» поливает землю дождями. Этот генерал и есть созвездие «*куй*»; поэтому же, в 8-й и 9-й день луны свиней не кормят, ибо они сами добывают себе корм. «Куй» называется еще «*лежащие свиньи*». При династии ань известен был один ученый, по причине крайней бедности принужденный быть свинопасом, и чрез то терпеть много неприятностей. Несмотря на то, он имел много почитателей – ученых, следовавших за ним повсюду, даже по мхам и болотам при охране свиней, и слушавших с удовольствием его философские беседы и наставления. Поэтому, созвездие «*Куй*» почитается покровительствующим ученым. Называется оно «*небесным генералом*», *да-цзюнь* – великим генералом, потому что в сие время начинались военные приготовления, осматривались арсеналы и оружие, для защиты на зиму от вторжений дикарей и номадов, исправлялись городские стены и окопы; астеризм «*куй*» соответствует *металлу*, символу железа, войны, смерти. *Паранателлоны и звезды*: 1) «*Тянь-гуан*» – лужа грязи, свиное болото, «место небесных наводнений»; 2) «*вай-бин*», – внешняя ограда, устроявшаяся для сего рода мест, опасных на

полях гнилыми испарениями для здоровья и свободного прохода; другое название «ди-унь-коу», т. е. места изрытые свиньями. 3) "Ту-сы-гун" – небесный надзиратель за земляными канавами, окопами или насыпями, устрояемыми против наводнений речных и дождевых. 4) «Цюнь-нань-мынь» – полуденные полевые ворота на западе в начале августа, противоположно другому созвездию «полевые ворота восточные». По книге обрядов, император в начале осени, во главе своей свиты военной и гражданской выходил к западной ограде дворца для встречи осени. После выхода, он благодарил генералов и офицеров, и приказывал главнокомандующему производить набор самых лучших рекрутов, во всех частях войска. 5) "Кэ дао" – аллея пред вратами (l'avenue de vestibule) называется также «цзы-гун-ци» или «знамя дворца цзы» по соседству с оградой цзы-вэпи, и «ван-лян-ци» или знамя Ван-лян по близости к астеризму сего имени. 6) "Фу-лу" – боковая аллея, соответствует времени дождей. Названа так потому, что вход с главных сеней во дворец императора запирался и посетители обязаны были заходить с боку. Называется еще *расчисткой*, т. е. означает время церемоний, требовавших пред ними расчистки дороги и установки беспрепятственного прохождения государя и церемоний; другое название – «Би-ло-дай-пху», т. е. кучер сего имени, пред которого поездом бежит все, и путь расчищается сам собою. 7) "Ван-лян" «мост царей» астеризм на млечном пути, назыв. еще "тянь-сы" небесная телега от 4 звездочек похожих в очертании на телегу, или "тянь-ма" – небесные кони, или "кавалеры". Колесницы, телеги, кавалеры, т. е. всадники с их конями, имена эти даются по времени, когда племенона начальники представлялись ко двору с данью для обновления своего мирного союза. Император в сие время удалялся в палатку или приемный дворец среди озера, чрез особый мост, по которому и должны были приходить к нему ленные князья и соседние цари. 8) "Цзэ" – плетень, кнут в руках кучера «Ван-ляна» для проведения коней по означенному мосту.

II. «Лоу-Су» (leou-siou) домициль бамбуковой корзины или жницы. В иероглифе этом три начертания, в одном – квадратное поле с двумя мужчинами (жень) и одной женщиной (нью) ожидающей вне), – квадратное огражденное поле, в коем две женщины (нью); или наконец – одна женщина, несущая на голове корзину с травою, или просто рис (му). Все сии знаки указывают на осень – время созревших плодов и растений, равно – уборки хлеба и овощей, совершаемых чаще всего женщинами. Ноэль и Guignes переводят иероглифы лю «collectio fructuum decidentium» или – «récolte des fruits». Настоящее название и начертание лю состоит из ключа – бамбук, и молодой девушки несущей на голове корзину. Другие названия астеризма: "цян-лю" жнецы нисходящие (с поля). Позднее, это название усвоено зодиакальному циклу XII знаков или делений эклиптики; в первую луну осени император давал приказ только об уборке народом жатвенных полей. Название «тянь-мяо-фу» – магазин или сокровищница залы царственных предков, дано потому, что все земледельцы приносили императору начатки своих новых семян и зерен, для жертвы в означенном храме, именуемом "чан". И ныне существует обычай в деревнях китайских под открытым небом на полях на особом столе принесения жертвы небу из вина, плодов, овощей, зерен. Предполагается, что сама предки приходят вкушать этого стола своих потомков. Иногда закалывается в жертву хорошо выкормленная свинья на священных пахитях, устрояются музыкальные увеселения. Астеризм называется еще "тянь-ио" небесная тюрьма и "Ми-гун" подземные тюрьмы, которые повелевалось в сие время готовить судьям, отправлять осужденных преступников, держать в оковах прелюбодеев, менее виновным наносить раны и увечья. Приговор в окончательной форме и самые наказания совершались с участием народа, а потому астеризм называется "Куо-ши" («Kwo-chi») – союз государства. При династии Чэу (1122 г. до Р. Х.) уголовный судья, товарищ прокурора (sous-prepose aux brigands) вопрошал прежде всего высших чиновников, засим – низших, наконец – народных уполномоченных; после народного голоса, требовавшего наказания или помилования осужденного, назначалась и соответствующая степень наказания. Когда народные представители государственного союза скажут: «можно убить» – совершается смертная казнь. (Коммент. Ли-ци). Виновных людей наказуют на рынке, потому что от них отказался мир. (Кн. обрядов). Паранателлоны, звезды: 1) «цзо-кхань» – левый надзиратель, "ю-кхань" правый надзиратель. Первый надзирает над болотами и озерами, лесами, второй над пахитями, лугами, жертвенными животными. Вначале это были наемные люди, с династии Чэу (1122 г. до Р. Х.) чиновники государственные, заведующие народным земледельческим благосостоянием и дележом наделов для обработки земли, производившемся погодно и сообразно с имущественным и личным составом хозяйственной единицы известной местности. 3) "Тянь-цан" – небесная четырехугольная житница или магазин для зернового хлеба, назначаемого под семена; врата сих зданий

открывались осенью, происходили исправления и затем, самое наполнение хлебом. 3) «Тянь-юй» – небесная мельница или мельничный жернов для растирания зерен, очистки, от шелухи, приготовления муки и жертвы от начатков, царские житницы. 4) «Тянь-да цзян-цзюнь» – главный небесный генерал и его *знамя* и *офицеры*, из них один «кавалерийский генерал» (*grande commandant des chevaux*). При Чэу, этот генерал имел особенные обязанности.

III. Вей-су, или домициль хлебного сторожа, букв. желудок. пищеприемный канал. Называется и изображается на древней сфере в виде груды зерен с сферической или конической поверхностью, называемой *чревом корабля*, поскольку хлеб служит предметом торговля или «житницей», «засеком хлебным», «закромами» (цан); другие названия: *тянь-фан* – небесный магазин, *тянь-чжун-фан* – центральный небесный магазин, или *ми-гун* – подземные тюрьмы (*oubliettes*), *да-лян* – великое болото, пруд дождевой осенней воды. *Паранателлоны*: 1) *тянь-лин* – священная небесная житница, императорская, для склада зерен с императорских полей, *тянь-гуай* – небесный крытый соломою сарай, *гуай-дай* – соломенная мельница (*meule de paille*); 2) *тянь-цзюнь* – круглая небесная житница или четырехугольная; 3) *тянь-чуань* – небесная лодка, корабль, челнок рубленный из цельного бамбука или выделяемый из кожи воловьей, оправленной в дерево, вообще малое судно для плавания при наводнениях; 4) *цзи-шуй* – собравшиеся, скученные пруды, лужи, озера стоячей воды; 5) *да-лин* – великий ров, куда *бросались трупы* государственных преступников или феодальных неприятелей, лишаемых погребения, в наказание, или вообще народа, во время моровой язвы и других болезней повальных часто являющихся после наводнений; рвы для погребения убийц и других тяжких преступников; 6) *цзи-ши* – скученные трупы, или наваленные друг на друга тела умерших или убитых на войне.

IV. Мао-су, или домициль заходящего солнца, соответствует Плеядам или Гесперидам европ. сферы, им определяется первоначальное положение запада в день осеннего равноденствия, иероглиф слагается из *жи* – солнце и *юмао* – запертая дверь; это означает «солнце над запертой дверью», или запертая дверь, врата, с надписью – *Yeou* (ю), – кружка, т. е. момент захождения солнца, что соответствует 8 луне (сентябрь), когда созревает просо и дистиллируется чрез него вино. Знаком «ю» выражается полнота всех вещей, созреваний. *Мао* называется еще *тянь-ци* – небесный сосуд, ваза, наполненная вином, также – место остановки, задержания, ареста, полевые запертые ворота, *лю* – бамбук, ветвь ивы над запертой дверью, *си-лу* – западная дорога (солнца). *Мао* называется еще *Моу-моу* (*t'euou*) копье с смертоносным лезвием, коим убиваемы были преступники, или *лезвие, острие коровьего хвоста*, по страшному виду астеризма, являющегося в суровое и убийственное время года. По книге обрядов, император повелевал среди *полуосени* совершать всем судьям строгие приговоры над виновными и соответствующие сто родов наказания; поэтому, *Мао* называется еще *тянь-ю* (yo) небесная темница, также «*Тун-гузы*», по дикому племени совершавшему вторжения и разбои на западные пределы Китая, *тянь-чжу* – небесный барабан (*abattoir*), в который ударяли при храме предков во время осеннего жертвоприношения; *тянь-лу* – небесная дорога осеннего солнца. *Мао* называется еще *эрр*, – *янь* ушами и глазами, *звезды-коу янь-тянь* – небесными *уста*ми и *языком* для небесных вещей. По внешнему виду, звезды *Мао* начертываются вообще в виде *нити*, в частности, его *паранателлоны* суть: 1) *юэ* – луна (представляющаяся рождающейся на западе, противоположно солнцу – на востоке), ею охраняется течение великого холодильника (*frigorifere*) в градусах (эклиптики), она находится в домицилиях *Мао* и *Би* (Плеяды и Скорпион). По закону процессии, замечает Шлегель, это созвездие уже во времена Яо сместилось на 182 градуса, сравнительно с древним его положением. По кн. обрядов, при закате солнца вечером, *Луне* совершалось жертвоприношение в западной ограде в день осеннего равноденствия; 2) *тянь-инь* – первые сумерки осенние, время, когда выпивали пред запертой дверью вино из сосуда; 3) *тянь-а* – небесный оплот или *тянь-хэ* – небесная река – время разлития рек и появления стоячих вод, когда требовалось устройство плотин для защиты от воды; 4) *ли-ши* – камни для устоя, булыжник, коим скреплялись плотины, а также и полированные камни, для ставки в них оружия (топоры, копья, знамена, мечи и проч.); 5) *цюань-шэ* – висячий язык (т. е. обвинительные речи судей и противников); 6) *тянь-цзан* – небесный обвинитель прокурор – время судебных разбирательств и сутяжничества; 7) *тянь-юань* – небесный оплот, ограда (расаге) пастбищ жертвенных животных (быков и баранов); 8) *Цзао-кау* – полевая печь для сжигания нечистот или *тянь-цзи-син* – астеризм небесных груд (*amas*), – разумеются солома и полевые корни, выдергиваемые и обрабатываемые в кучи для удобрения.

V. Би-су, домициль нити, охотничьих силков, или «тянь-кан» – небесных сетей (соотв. половине месяца сентября 8-й кит. луны). Это время императорской охоты и соединенных с нею распоряжений и действий по разным частям государства, обильным дичью. Под кан разумеются длинные сети для загона зверей, и под би – ручная веревка с петлей для ловли зайцев, мелких зверьков и беглых дезертиров. Прочие названия созвездия: уста, рот, уши неба, зев тигра – *ху-коу*, – *тянь-гао* небесная высота, *тянь-тоу-вэй*, – командир небесных границ, *тянь-кун* – небесная пустота, *хоан-чэ* – летучий силок, петля для птиц. *Паранателлоны*: 1) *Тянь-гао* – небесная высота, дозорная башня, уста в пустынном месте т. е. сигнальная башня пограничная. 2) *Фу-эрр* – выслушаватель, аудитор на означенных башнях, вестовой в военное время или при пограничных набегах неприятелей. 3) *Тянь-цзюй* – небесный путь, проход, 4) *Тянь-гуань* небесная преграда, барьер. 5) *Тянь-цзе* – небесная свирель, с бамбуковыми изгибами, – инструмент, употреблявшийся для подания таможенных сигналов и в военных проходах, для беспрепятственного пропуска прохожих с паспортами. С лицами подозрительными полицейская стража могла обращаться как с дикими зверями и ловить их на веревку. Астеризм называется еще *фу-цзе*, т. е. пропускная паспортная таблица, 6) *Тянь-юань*, – небесный сад, – похлебка, небесный напиток, – время (в конце мес. июля по август) жатвенной уборки хлеба и пробы его зерна, садовых плодов. 7) *Па-ко*, – восемь родов хлебных зерен, имена коих даны и видимым в сие время звездочкам; 1-я называется *бай-ми*, *дао-ми*, *рис*, 2-я *гу-цза*, *шу-цза*, *просо* (*milium geobosum*), 3-я *да-май*, *ячмень*, 4-я *сяо-ми*, *бай-ми*, *пшено*, 5-я *доу-цза* *крупный горох* (*Dolichos*), 6-я *сяо-доу*, *малый горох*, 7-я *и-ми*, *и-жень-ми*, *маис*, 8-я *ма*, *конопля*; когда эти звездочки сияют весело, – предзнаменуют урожай, когда помрачатся – к неурожаю или скудости оною. 8) *Ву-чэ* – пять телег, колесниц – время приготовления к борьбе с хищниками и разбойниками в древнем Китае. При *Чеу* пять звезд (колесниц) назывались: 1) Военная боевая колесница, 2) – широкая с поперечными скамьями, 3) – вспомогательная или запасная – 4) – крытая, со щитами для защиты при атаке, 5) – легкая, быстрая, на коей дрались открыто. Астрологи говорят, что звезды эти покровительствуют *пяти родам* оружия государя: лук, дротик, пика, копье, алебарда; по времени соответствуют девятому кит. месяцу. По кн. обрядов, император созывал в это время войска в лагерь, где начальниками произносилась клятва в верности, а народ – милиция, получал военные телеги и все готовились к защите на случай войны с дикими – номадами. Государь сам раздавал военные значки и знамена, с черепахой и драконом, частям войск и сортировал по роду оружия на полки и отряды. В конце церемонии военная присяга отвозилась на особой таблице, в боевой телеге в храм предков, и затем совершалась императорская охота за дичью и зверьми. Означенная звезда называется еще – *тюрьма небесная*, ибо в сие время заключались преступники, приговоренные к смерти; другое название – *надзиратель над полевыми работами* в уборке полей, их расчистке, построении крестьянских домов, отводы воды по канавам. 9) *Сань-чжу* (*san-tchou*) – три благочестивых, почтенных человека и *чжу-фу* – *офицер* над ними надзиравший в приготовлении военных колесниц и сортировке войск, приходивших и уходивших; для порядка в деревнях, когда входил в свои дома рабочий люд после полевых работ – существовали те же почтенные лица за ними надзиравшие. Поэтому звездочки называются еще *тянь-су* – небесный покой, приют для народа, также – *тянь-ци* небесное знамя, *тянь-юань* небесные пруды, *сань-цзюань-юань* – три источника. 10) *Цзю-ю* (*yeou*), *цзю-ци* – девять знамен, – группа в продолговатую линию расположенных девяти звездочек; в древности в сие время *небесное знамя* (с изображением оных) привешивалось в военным колесницам, их заменяют после *флаги*, имеющие астрологическое значение. На 1-м знамени изображалась *солнце и луна*; на 2-м – драконы, символы жизненной силы природы; 3-е – было однообразного цвета, 4-е – смешанного цвета; на 5-м – виднелись фигуры *медведя* и *тигра*; первый изображался потому, что в 9 луну он выходил на землю из берлоги, последний потому, что осенью спускался с гор в долины; на 6-м – изображался *феникс* или *фазан*, также *ястреб* – эмблемы солнца летнего и времени равноденственного (*solsticial*); на 7-м – была *черепаха* и *змея* – эмблемы зимы; 8-м – служило знамя с ротным значком из развивающихся, полных *птичьих перьев*, и 9-е – знамя с *перьями сверху обрезанными*. Астрологи называют это созвездие *императорским военным знаменем*, от коего в зависимости звездочки «пастыри девяти небесных областей». 11) *Чжу-ван* (*tchou-wang*) – ополчение царей, князей (время половины октября или 9 луны китайской), когда ленные владельцы представлялись императору, или составляли вместе общий союз и договор. 12) *Цзю-чеу-фу-коу* – собрание народа с девяти областей, говорящего на разных языках, название, – от обычая древности устроят сего рода собрание начальников племен и стран, для

обсуждения дел государственного значения, особенно касавшихся мероприятий войны и мира; здесь собирались разного рода народные местные песни, сказания, изречения, и заносились в книги, особенно объяснявшие местные нравы и обычаи. В *Ши-цзине*, в *го-фын* – «нравы страны» собрано немало таких песен; при династии Чеу офицеры и чиновники прочитывали императору собранные таким образом сказания и исторические былины. Нередко правительство соображалось с ними сборниками в своих распоряжениях и мероприятиях. 13) *Янь-чи* (Hien-tchi) *юй-чи* – садок. 14) *Тянь-хоан*, *тянь-тан*, *тянь-чи-цза* – небесный пруд с рыбою (время октября, 9-й мес. кит. года, когда рыба особенно вкусна в пище), в это ближайшее время показываются *волки и тигры* нападающие на животных (10-й лун. мес.).

VI. Цзуй-су, домициль глотки, зева, пасти (bouche) созвездия западного тигра.

VII. Цзан-су, домициль величества (auguste) или Ориона (полное захождение коего – в сентябре, видимо же бывает на западном небе осенью). Вообще оно представляется под видом воинственного огромного человека; в очертаниях и расположении основных точек – звезд примечаются – *тело* или *корпус*, – *голова*, при поясе – *меч*, *кожа*, или *знамя*. В древности, в это время народ собравшись вместе, выбирал полководца – государя (dux), великого ростом, красивого, сильного, мудрого и благочестивого, расчётливого, тихого и осторожного в движениях и всегда победоносного. Беспокойство сего лица, неожиданный поворот его созвездия, помрачение – вызывают беспокойство самого народа, и особенно солдат на границах государства, опасаящихся набегов неприятеля, войны. Цзан называется еще – *Цзан-фа* – величественный воин, совершающий атаку, и *фу-юэ*, – небесная секира, висящая при левом бедре (вообще именуемая меч Ориона); поэтому он – охранитель, защитник государственной границы, также – надзирает за *небесными темницами*, заведует казнями преступников на земле, называется еще *тянь-чи*, небесная площадь, рынок, – время меновой торговли китайцев оседлых с дикарями на границах; другое название – *Да-цин*, великий Гор (соотв. сердцу скорпиона), также *ши-чэнь*, т. е. десятичасовой цикл времени, и *истинный запад*, *бай-хоу*, белый тигр, *цзан-цзян*, или *сань-чэ*, т. е. генерал, главнокомандующий трех армий (солдаты, унтер-офицеры и офицеры), вообще он есть *сань* (троица, троичный), т. е. трижды великий (Trismegiste), *сань-цзиан*, три генерала, совмещающий трех. В центральных звездочках его (на поясе) средняя главный генерал, правая и левая – *военные советники*; от пояса падающая как бы привеска звездочек есть *хоан-ци*, или *чэн*, т. е. безмен, состоящий из деревянной палки и к ней привешенные – *чаша* для товара и *гиря* на другой стороне, середина перехватывается *кольцом* – *хуан*. Таким образом, Цзан означает купца, продавца, *мерю*, *числом*, *весом*, определяющего торговлю на небесном рынке.

Цзуй, голова Ориона; астеризм этот управляет *небесными преградами*, называется еще *тянь-хо*, небесные товары, драгоценности, также – *цзуй-гуй*, черепаха, которой в сие время восхода звезд народ поклонялся, а на коже её – совершал гадания; другие названия: *голова тигра*, *хвост* или *меч тигра*, (созвездия) *фа* – меч Ориона, военный топор, знак военачальника; астеризм управляет 9-ю родами атак, военною конницею; пограничную стражею. *Цзань-ци*, кожа Ориона или знамя, слагается из 9 звезд, называется *тян-ци* – небесное знамя, *тянь-гун*, – небесный лук, стрелец из лука.

Паранателлоны созвездия: 1) *Цзо-ци* – осадное знамя, знамя заседания князей, состоит из 9-ти звезд выше *цзуй*; астеризм управляет временем собирания и сессий ленных князей под президентством императора. Каждый князь, являясь пред ним, имеет свое знамя и получает место, которое занимает по рангу. 2) *Си-гуай* (sse-koai) надзиратель за гаданиями по черепахе, которую одни солдаты сжигали, другие следила за звездами и по разным приметам на звездах и знаках горячей кожи определяли – «*быть войне или не быть*».

IV. Семь домицилей южного дворца или созвездия красной птицы (*чжу-няо-рр*, *хун-няорр*). Эти домицили суть: *цзин* – колодец, *гуй* – души усопших, *лю* (или *лю-шу*) – плакучей ивы, *син* – звезда, *чжан* (*ван*) – нити, сети, силок, *и* – крыло, *чэнь* – колесница. Первоначально сии семь групп звезд представляли собою разные части красной небесной птицы: *цзин* соответствовал *голове*, *гуй* – *глазам*, *лю* – *клюву*, *син* – *шее*, *чжан* – *горлу*, *зобу*, *и* – *крыльям*, *чэнь* – *хвосту*. Значение самых названий частей созвездия следующее:

I. «Цзин-су» – домиц., колодец, – дцы, состоит из 8 звезд на млечном пути, его пересекающих и на сфере чертится в форме как бы стула со спинкой. Китайский иероглиф, означающий колодец, имеет форму деревянного сруба, с круглым отверстием и с внутренней круглой трубой, довольно узкой, достигающей ключа с водою так (*рис. стр. 749 оригинала*).

Восход сего астеризма – в месяце апреле, время, когда народ очищал от грязи эти колодцы или копал новые. Вырывается их несколько, ибо зимою и летом нередко высыхают одни, а в других содержится вода; они называются звездные, *тянь-цзин* или *ци-цзо*, т. е. небесные колодцы. Имея назначением – служить окружающему населению, колодцы копались сообща и *цзин* означает также – *деревенскую общину, селение*; называют их еще *закон, мера*, с которою пользовались водою. В местах сухих и высоких, вода собирается после дождя в резервуарах – *тянь-чи*, резервуар небесной воды, также – *тянь-цюй*, т. е. сточная отсюда вода для орошения полей. Для уравнивания воды в проводимых по полям желобах, канавах, в главном резервуаре употреблялся *водяной нивелир* или *баланс*, поэтому созвездие *цзин* называется сим именем, также – *небесным рынком*, потому что у колодцев, устраивавшихся посреди площади, часто толпился народ, происходили сходки и совещания по делам. От обычая при путешествиях императора, на остановках, располагать кругом колесницы и коней и оставлять в одном месте проход между дышлами двух телег, созвездие *цзин* называется еще *врата дышл*. Другие названия – *дун-лин* – приток, канал восточной воды, распределяемой из общего резервуара по полям для их орошения; *Чунь-шоуу* (Chun-cheou) – голова феникса (южн. созвездия). Астеризм *цзин* есть центральный путь солнца, луны и пяти планет по эклипике. *Паранателлоны*: 1) *Юэ-фу* (Youe) секира, *фу-цзы*, – топор, эмблема времени устройства колодцев, резервуаров. 2) *Ю-цзин* (Yo) – драгоценные кладязи. 3) *Цзюнь-цзин* – военные кладязи, пограничные, при крепостях и лагере. 4) *Тянь-цзы* – кладязи небесного удовольствия. 5) *Тянь-чжи* – грязь небесная, – *ни*, мусор, – *гэ-нан* время в конце 3-й луны и начале 4-й, когда собирались всякие нечистоты для полевого удобрения – *фынь*, и по большей части подле колодцев или ям, куда они бросались и затем извлекались по надобности. Здесь сажались и деревья, особенно бамбук. Эти ямы полевые – «*puits d'aisance*», служившие складом навоза, были и опасными заразными пунктами болезней, появлявшихся от гниения и разложения нечистот в жаркие месяцы. Нередко эти места обносились особенно оградой, даже стеною, а потому на небесной сфере упоминается и она (паранателлон 6) под именем *бянь*, полевой плетень, – *ли-ба-чжан-эри*, решетчатая изгородь, – *ли-чжа-ца*. 7) *Сы-ту* – четыре борозды, желоба (время 4-й луны, май), канавы – *гоу-цюй*, коими разделялись полевые участки земли для орошения водою. 8) *Нань-хэ* – южная река и *бай-хэ* – северная река, т. е. млечный путь звезд; пространство между сими реками называется «*вратами небесными*» – *тянь-мынь*, служащими преградой. Когда проходит между ними Марс (планета), тогда поднимается война и полевые всходы умирают (от холода, стужи, морозов). 9) *Шуй-фу* – водяной пруд, резервуар, служащий пунктом орошения полей и снабжающий прочие каналы и водяные стоки для орошения. 10) *Шуй-вэй*, *шуй-чи-ца*, – водное помещение, водоем, собрание дождевых и от наводнений вод. 11) *Цзи-шуй* – собранные вместе воды, лужи, болото. 12) *Цюэ-цюй* (K'oue-k'iou) – вырытые на возвышенных местах канавы и бассейны для стока с них вод на орошаемые поля. 13) *Ву-чжу-хао* – пять именитых граждан, чинов, составлявших совет государя: *та-цзы* – советник государя, *ди-ю* – друг его, *сань-гун* – три советника, *бо-сы* – мудрец, маг (персиянин), *тянь-чжи* – великий анналист (grand registrateur). Астеризм этот управляет открытием изменников и тайных вообще преступлений при помощи офицеров, непосредственно составляющих свиту императора, князя. В древности четырежды в год государь собирал князей ленных в присутствии означенных же чинов; таковы аудиенция – весенняя, *чао*, для государственных дел и обсуждения их по плану на будущее время; аудиенция осенняя, *цин*, для обсуждения дел ленных княжеств и округов; аудиенция летняя, *цзун*, для выборов должностных лиц; аудиенция зимняя, *ю*, на которую созывались все ленные князья для совместного обсуждения дел по управлению. 14) *Тянь-цзун*, небесная амфора, винный сосуд, – время 1-й летней луны народного праздника, устрояемого самим императором для своих подданных, соединенное с церемониями приветствий государя и его подданных и питьем заздравной чаши с вином, с музыкою и пением народных песен. 15) *Цзи-син* или *син-цзи*, наваленные в кучи связки горючих материалов для кухни; – время общественных обедов и угощений. Сюда же принадлежат астеризмы, так называемые *чжан-жень*, древние, выслужившиеся люди, почетные старцы, проживающие на покое; *Лао-жень*, старцы, опора сирот, *нань-ци лао-жень цзы-сюнь*, или *сунь-цзы* – старец южного полюса, сыны и внуки. 16) *Цзюнь-ши*,¹³⁸ военная площадь, рынок, звезды сего астеризма расположены в виде цепи или четок окаймляющих среди их лежащие малые звездочки. 17) *Е-цзи*, дикий петух – неперемнная принадлежность китайского войска, не начинавшего в древности сражения без крика сей птицы. Хоай-нань-цзы говорит: «когда петух запоет ночью, все воины приходят в движение, а военные кони чувствуют опасность и дрожат с

замиранием сердца; поэтому петух служил образцом военных коней и сил». Один военачальник, по рассказам в Цинской истории, наловив несколько сот петухов, связал их на длинную веревку, а к бодцам прикрепил дымящиеся фитили; в таком виде он пустил птиц в неприятельский лагерь, произвел смятение и победил. В древности, петух подавался как угощение только храбрейшим воинам. Известна «петушиная земля» в одной области V и VI в., в Китае специально занимавшаяся кормлением и выводом петухов и кур; услугами петухов, роющихся в мусоре, нередко пользуются китайцы при открытии дорогих вещиц и камней; астрологи с его эмблемами соединяют образ храбрости и бдительности полководцев. 18) *Тянь-лан*, небесный шакал в отличие от земного – *цай-лан*, волк – *лан*, животное это, также и лисица *ху-ли*, составляющие бич для земледельцев китайских, замечательны тем, что любят прятаться и выводить детенышей в полях пшеницы, когда она вырастет и окрепнет на стебле, что бывает летом. Птицы, особенно фазаны, – *шань-цзи*, *е-цзи*, кузнечики, – *ма-чжа*, в обилии водящиеся среди этого хлебного злака, служили главной целью охоты волков и лисиц, а за ними и других животных. Древние цари любили поэтому, в летние месяцы устроить охоту на этих животных и птиц, причем волк, его зигзаги в пшенице, служили верным признаком к отысканию его и других товарищей. При охоте пособием служили ловкие сыщики – собаки. Поэтому, существует соседний паранателлон звезд. 19) *Тянь-гоу* – *цюань*, небесный пес или охотничьи собаки. За ними следуют охотники с оружием в руках, доселе употребительным, *ху-шэ*, или *гун-цзянь*, лук и стрелы, которыми означаются прочие звездочки той же группы в направлении к небесному шакалу.

II. Гуй-су, т. е. домициль душ усопших предков, *manes*. В Чжеу-ли говорится, что «в древности существовали четырежды в год жертвоприношения в честь душ усопших предков: весною известно жертвоприношение *цзы*, летом – *ю*, осенью – *чжан*, зимою – *чжен*; по комментарию, они совершались в первую луну четырех времен года. Предметами жертв были дичь, пшено, плоды и вообще начатки из хлеба и лучших животных, приносились они чаще всего в храме предков, сопровождалась возлиянием и питьем вина. Поэтому астеризм *Гуй* вызывается еще *тянь-мяо* – зал, храм небесных предков; – *ю-гуй*, т. е. телега с душами предков, *тянь-гуй*, небесный ковчег, *тянь-гуань* – небесный гроб; по не усыпаемой же бдительности духов усопших предков о живых людях, астеризм гуй назывался еще «небесное око – *тянь-янь* – надзирающее над злыми», или «*тянь-сун*» – небесный отмститель, палач, управляющий смертью и казнями. Прочие названия: *цзи-ши*, небесные покойники, трупы умерших вместе скученные, *цзи-ши-ци*, души собранных вместе почивших предков, *гуй-чжи*, сущность духов умерших, также *фу-чжи* т. е. ножи, коими резались куски жертвенных мяс и прочих предметов, *тянь-шэнь*, небесные боги-духи, покровительствующие живым иудеям, их семейным очагам и местечкам.

Паранателлоны: 1) *Тянь-ци*, небесный распорядитель жертвенной добычи, сортируемой в честь духов умерших предков. 2) *Вай-чу*, внешняя кухня, поварня, где приготавливаются блюда для жертвоприношений духам предков, пред храмом в честь их. Повара, внутри храма в особом отделении, занимались резкой и сортировкой самых жертв, из мяса животных, птиц и рыб. 3) *Гуань* (*kuang*), факел, горящий маяк, сигнальная сторожевая башня с *янь-юань* – вечно горящим или курящимся огнем. При празднествах и церемониях ночью, эти факелы и маяки устроятся по мере надобности всегда в разных местах, из разных горючих материалов.

III. Лю-су, домициль плакучей ивы (*лю-шу*). При поминовении родителей летом, народ, составлявший «священный союз, или собрание», сходил в зал предков для общего обеда. На это время сносились из разных домов и храмов все таблицы с именами почивших и чинно расставлялись в своем месте в храме главных предков. Точно тоже совершалось и в другие времена, посвященные поминовению родителей, весною – в честь прапрадедов, летом – всем вообще предкам, осенью – прадедам, зимою – всем вообще почившим. Частные, семейные сверх сего дни поминовения полагались, с жертвоприношениями, весною – деду, бабке, летом – вообще всем родным умершим, осенью – умершему отцу, матери, зимою – снова всем умершим родным. Плакучая ива, верба, особенно в мае мес., служила символом погребальных и траурных церемоний. Полный иероглиф *лю* – ива, верба, складывается из *му* – дерево и *мао* – или *мынь*, т. е. посаженное, воткнутое при проходных створчатых дверях, иногда присоединяется знак *ян*, что значит – дерево, посвященное светоносному началу – солнцу, и знаменующее собою вечность, бессмертие, необыкновенную живучесть. Дерево это, скоро растущее, часто садится в Китае, особенно на кладбищах, и при домах; в летнее солнцестояние, его ветвями или – сосновыми украшаются двери домов. Иву заменяет также бамбук, из коего устрояется особое знамя – *лю-цзин* или *чжу-цзин*. Иначе, созвездие ивы называется еще «огонь фазана», или «красной птицы».

Паранателлоны: 1) *Цзю-ци, цзю-сюнь-юй*, – веселое назидание, наставление, получаемое при двери с ивою, после выпивки винной жертвенной чаши, подносимой на поминальном празднике «господином, управляющим винами» Устраиваемое здесь ивовое знамя, ветвь, зовется также *цзю-ци* «винное знамя», «зеленое знамя, флаг» – и доселе при гостиницах, кабачках китайских вывешивается этот знак, указующий на продажу вина или даровое угощение вином вообще.

IV. Син-су, домициль звезды, астеризма; первоначально, им означалось время зимнего солнцестояния, конец царства теплоты и начала холода и тьмы. *Ци-син* – семь звезд, слагающие астеризм, приходились на шее красной птицы (созвездия), или даже – сердце оной и потому именовались *чунь-хо* – огонь феникса. Другие названия: *тянь-тхин* – небесный двор, *тянь-ту* – небесная метрополия; храм планеты часов т. е. Меркурия, бога времени, управляющего огнем по преимуществу, и *"тянь-ю"* – небесный управитель, владыка, заведующий также царицами, конкубинами, дочерьми императора, а потому и звездочки зовутся *"ю-нюй"* – царские дочери; от обычая же награждения в это время людей почтенных, добродетельных, «син» называется еще *"сянь-цзы"* (*hien-sse*) – люди добродетельные, достопочтенные, вносившие собою, своим прибытием ко двору, благодетельный воздух и обилие, *"цзин-фын"*, *"ветры светносные"*, *благвременные, блестящие*», а с ними и перемену зимних одежд на летние, легкие, прозрачные золотистые материи; эти одежды первые переменялись при дворе и заготавливались искусными художницами императорского гинекеума; *тхай-цзы*, особый царский инспектор заведовал за придворным костюмом и переменою одного, обязательного для прочих чинов государства.

Паранателлоны: 1) *Сянь-юань* (*hien-youen*), – колесница (*char*), в коей 15-ть звезд расположены в виде гуськом запряженных коней, делающих змееобразный поворот дышла и везомой колесницы; первоначально этим означался небесный дракон. Астрологи говорят: «астеризм *сянь-юань* имеет форму дракона, управляет гениями грома и дождя: от порывистого союза теплорода и холодильного начала рождаются облака и бури, вихри и молнии, от их гармонии истекают дожди, от смешения – туманы, от сгущения – иней, от их рассеяния – роса, от собрания в кучи – облака, от крайнего их напряжения является радуга на небе; с удалением сих начал, образуются противоположные круги, а от разлучения зависит кругообразное сияние (*halo*). Все сего рода перемены совершаются под управлением астеризма *сянь-юань*, который есть *цюань-син* или влиятельное созвездие по преимуществу.

С сими временами соединялась издревле, особенно при Сунской династии, церемония дракона, состоявшая в том, что искусно приготовленную деревенскими мужичками чучелу вывозили в известное место, где сооружался жертвенник; искусственно, дракон этот выбрасывал из пасти огненные охлопья и воду, при криках народа; черное знамя, соорудившееся при этом, бросалось с самим животным в воду и церемония кончалась, сопровождаясь молитвами набожных земледельцев о ниспослании дождевой влаги, грома и молнии с неба. Впоследствии, изображение сего дракона просто заменялось вывозением в церемонии водяной колесницы – *шуй-чэ*, имеющей у китайцев особенное значение при орошении посредством её полей. Называется она *лун-коу-чэ* – колесница, телега спинного хребта дракона, потому что состоит из непрерывной и перемежающейся цепи ящиков или ведер, бадей, одна с другою соединяющихся посредством веревки, которая с одного конца перекидывается в озерной или вообще водный бассейн, а с другого конца кверху перекидывается в место, орошаемое искусственно. Операция эта совершается при помощи на горке, самой середине хребта драконова, колеса вращаемого ногами двух или трех крестьян так, что спицами одного задеваются ящики или ведра машины, переносящие в себе воду из известного места в другое. Колесо устроено на трубице, вставляемой в особой оси в воротцах. Протащить *лун-коу*, значит оросить известный участок земли водою. По медленности самого движения сей колесницы, она сопоставляется и с погребальною, в которых отвозят умерших на кладбище, поэтому последняя называется *сянь-юань* и на китайской сфере отмечается созвездием сего имени. 2) *Ю-нюй*, царские дочери. По Чэн-и, главная звезда зовется *сянь-юань* – великая госпожа, повелительница, вторая – *о окружающие дамы*, третья – *конкубины*, прочие звездочки – *придворные девушки, барышни*; южная малая звездочка – *царские дочери*, левая – *семейство жены принца*, вправо – *семейство царицы-матери*. 3) *Тянь-сян* – небесные министры, иначе – «заведующий костюмами» (*prépose aux costumes*) при погребальных церемониях, или «прикомандированный к императорским женам» (*Attaché aux Femmes impériales*). 4) *Нэй-пин* (*noui-ping*) – внутренний уравниватель

(*égaliser*). По Син-цзин, астеризм этот называется еще «правитель, заведующий наказаниями, пытками, прокурор или просто палач», точнее – «управляющий дома государева, лицо, заведующее надзором за императорским гаремом, имеющее право управления», наказаний, взысканий более или менее легких или тяжелых, по степени виновности. 5) *Шао-ви* (*chaou-wi*) – малые чуланы, комнаты (*petits cachés*). Первая звезда называется *ху-цзы* – тигры, или военные начальники, вторая *и-цзы* – советники, третья *бо-сы* – мудрецы (персы), четвертая *Да-фу* – знаменитости, славные, именитые мужи, сановники государственные. Ясность сих звездочек знаменует выбор на должности лучших и добродетельных людей. Впоследствии, с процессией, когда в северном полюсе стали видимы другие звездочки, присоединена группа *тянь-цзи*, (*гу-цза*, *шу-цза*) небесное просо, поспевающее в Китае в мес. июне, а другие роды сего хлебного зерна – в мае.

V. Чжан-су, домициль охотничьего силка, веревки, сетей (*ху-чжан*), – употребляемых для ловли зверей и птиц, портящих созревающие хлебные поля; означает время половины июля мес. 3-й кит. луны, когда приносилась жертва в храме предков, при императорских покаях. Другие названия: – *тянь-чжан* – небесный блеск, сияние, млечный путь, *ю-фу* – императорский магазин, казначейство, в которое вносилась подать народом в последний летний месяц.

Паранателлоны: 1) *Мин-тхан*, – храм света, и 2) *Тянь-мяо* – храм небесных предков, 14-ть звезд очертанием своим напоминают это здание и потому так называются; разумеется и время жертвоприношения в храме предков императора.

VI. И-су, домициль крыла (красной птицы), – состоит из 22 звезд, очертанием напоминающие летящую птицу. Государь устраивал в это время пиршественные угощения ленным князьям, поспешавшим из отдаленных краев страны. Созвездие это называется еще: *тянь-тоу-цзин* – двор небесной столицы, *чоу* (*тянь-чао*) – небесный притвор, проход (*vestibule céleste*). При поднесении своих даров императору, князья говорили несколько слов приветственных или назидательных, учтивых, полных остроумия; поэтому домициль и называется еще *хуа-гун* – дворец цивилизации, лиц высокопросвещенных, дворец для произнесения стихов и игры на музыкальных инструментах, также *тянь-ци* – небесное знамя, по сходству расположенных в нем звезд с развивающимся знаменем, украшавшим зал императора для аудиенции князьям.

Паранателлоны: 1) *Тхай-цзы*, императорский принц. 2) *Цзун-гуань* (*koan*) – свита. 3) *Син-чэнь* – счастливые офицеры или свита государя вносящая счастье в посещаемых ими странах с императором. 4) *Ху-фин* – быстроногие ветру подобные на бегу тигры, т. е. военные чины, всадники сопровождающие государя или князя ленные, его окружающие. 5) *Шан-цзян* (*tsiang*), – первый генерал. 6) *Цзы-цянь* – второй генерал. 7) *Шан-сян*, – первый советник. 8) *Цзы-сян* – второй советник. 9) *Лан-вэй* – заседание офицеров, военный совет. 10) *Лан-сян* – комендант гвардии, императорского караула. 11) *Шан-сян* – первый генерал. 12) *Цзы-сян* – второй генерал. 13) *шан-сян*, первый советник. 14) *Цзы-сян* – второй советник. 15) *Цзо-чжи-фа* – левый судья или друг правосудия. 16) *Ю-чжи-фа*, правый судья. Оба эти судьи, в древности разбирали судебные дела между феодальными князьями. 17) *Сань-гун*, три придворных советника. 18) *Цзю-цин* – девять дворян (*nobles*). 19) *Ву-чжу-хао* – пять офицеров, чиновников. 20) *Е-чэ* – посетители, визитёры, начальники, являвшиеся на аудиенцию к императору в последний день летнего месяца. 21) *Чжан-чэнь* – несменяемые капралы (*l'escouade perpétuelle*), или чины, окружающие императора при производстве им лично дел государственных и лиц частных. 22) *Чжан-хуань* – длинная стена. 23) *Нэй-бин* – (*poui-ping*), решетчатая внутренняя стена, перегородка комнаты, щит у князей удельных внутри ворот. 24) *Тоу-ань-мынь*, главная дверь, врата. 25) *И-мынь* – боковые двери, ворота. 26) *Лин-дай* (*ling-tai*) – божественная терраса, на которой наблюдались облака зловещие или благодетельные; церемония эта обязательно совершалась пред каждым торжественным праздником. Устраиваемая для сего высокая башня с террасою, служила вообще местом наблюдений астрономических и называлась *Ши-дай*, т. е. терраса четырех времен года; ей подобная *Юй-дай* – терраса в парке, служила местом наблюдения над птицами, четвероногими, рыбами и черепаками. Другое название – *дун-ао*, восточная чаша *чарка* (с вином), которую выпивал начальник, приветствуя своих гостей во время пиршества, вообще – домохозяин; это – заздравная чаша, кубок, *цзю-бэй*, выпиваемый *дун-дао-чжу*, господином восточной дороги. В Кн. обрядов говорится: «князь подносит вам чашу. Выпивайте её медленно, проходите степенно все места между им и вами и получите её из рук самого хозяина».

VII. Чэнь-су, домициль колесницы, или Тянь-чэ,¹³⁹ небесная колесница, телега, – время 6-й луны, когда просушивались целые дни на солнце домашние одежды, книги, рухлядь. В книге од

говорится: 1) Земледельцы во время 5 и 6 луны скрываются под тенью зеленеющих деревьев; покупают вино и пьют между делом, пока не упадут от опьянения муж и его старая сожительница. 2) Под сенью зеленеющего дерева идет насладиться парочка влюбленных; здесь, после трех глотков вина она счастливо засыпает на благовонной луговине трав; запирая полевую изгородь ожидают все, пока не созреет пшено, и качая головой, поднимается поздно-лениво наш земледелец». Вообще под домицилем разумеется время деревенских и городских пирушек, на которые съезжаются издали родные, друзья и знакомые благодушных и довольных хлебосолов-хозяев; поэтому звезды астеризма *чэнь* называются еще *транспорты, телеги гостей*.

Паранателлоны: 1) *Чжан-ша* – пыльная дорожка (звездочек). 2) *Цюнь-мын* – военно-полевые ворота или южные полевые ворота, лагеря, князей, собирающихся издали, также войсковых частей, коих обоз, телеги, лошади, остаются за городом, за селением, в поле – если оно не занято хлебом. 3) *Ту-сы-гун* – главноуправляющий над земляными работами, или буквально тот, кто управляет, заведует удовольствиями, увеселениями. Разумеются здесь любимые земледельческие народные труды, состоящие, по Чжэу-ли, из следующих: измерять земельные участки, устраивать народные жилища, созидать города, проводить полевые канавы и нивелировать каналы, обновлять мосты; по окончании всех работ должны наступить и дни собственно отдыха, удовольствий. Таково было время 6-й луны, когда поправлялись житницы, исправлялась домашняя рухлядь и земледельческие орудия и проч. предметы деревенского труда и увеселений. У самого императора приготовлялись в сие время обеденные столы и помещения для посещающих его ленных князей и народа. В Экзегезе небесных владык говорится, что Ту-сы-гуну подлежало заведование и управление над обрабатываемыми землями; треножки (и) колесницы (чэнь), и магазины с сосудами (ци-фу), тоже состояли под его надзором и в распоряжении; сюда же относились чаши для народа и музыкальные инструменты, изящные колесницы, устроившиеся для феодальных князей. 4) *Цин-цю*, темно-зеленые – зеленеющие холмы, – время 6-й луны, когда все деревья покрываются зеленью и поспевают хлебные злаки в полях.

Б. Годовой астрологический, древнекитайский зодиак XXVIII животных, соответствующий XXVIII лунным домицилям, составленный до Р. Х., при Чеу-гун, за XI стол. Об этом зодиаке говорится подробно в сочинении китайского ученого Сю-фа (siu-fa) и в «observations mathématiques du Per Noel»; пользуемся выводами Шлегеля (Uranographie Chinoise). Животные, природою и появлениями коих определяются времена года на астрономической сфере принадлежат разным видам, таковы под соответствующими цифрами: – водяные (1, 2, 27, 28), – земные (3, 4, 5, 24, 25, 26) – горные (6, 7, 22, 23), лесные (8, 9, 20, 21) – летающие (10, 11, 12, 17, 18, 19), домашние и по природе поддающиеся власти человека (13, 14), наконец – вовсе дикие и жестокие (15 и 16). В эпоху Сю-фа, зимнее солнцестояние возмещалось направлением ε Alioth Большой Медведицы к знаку Цзы в полночь, в домициле U или *чаши* наших сфер. Во время составления означенного зодиака, зимнее солнцестояние возмещалось восхождением знака *Canter* – рак, соответствующего китайскому *Ян* – *овен*. Предлагаем,¹⁴⁰ параллельно XXVIII лунным домицилям (су) самый зодиак и ему соответствующих животных, отмеченных курсивно и составляющих часовой цикл дня и ночи зодиакальных.¹⁴¹

1) Цзио – рог	Цзяо – удав	мес. февраль	1-я луна китайск.
2) Кан – шея	Лун – дракон	Март	2-я
3) Ди – корень	Хо – Барсук, язвиг (?)		
4) Фан – дом	Ту – заяц	Апрель	3-я
5) Син – сердце	Ху-ли – лисица		
6) Ви – хвост	Лао-ху – Тигр	Май	4-я
7) Цзи – плетушка	Бао – леопард		
8) Доу – мера	Сяй (hiaï) – единорог (или Ду-цзя-шоу)	Июнь	5-я
9) Ню – бык	Ню – Бык		
10) Нюй – дева	Фу – летучая мышь		
11) Сюй – холмы	Шу – крыса	Июль	6-я
12) Вэй – верш. д.	Янь – ласточка		
13) Ши – пирей	Чжу – свинья, боров	Август	7-я
14) Би – стена	Ю – Pangolin		
15) Куй – сандалия	Лан – волк	Сентябрь	8-я

16) Лоу – бамб. корзина	Гао – собака, пес		
17) Вэй – хлеб. стор.	Цзи – птица, курица	цин-цзи – фазан	Октябрь 9-я
18) Мао – зах. солнца	Цзи – петух		
19) Би – силки	Ву – ворон		Ноябрь 10-я
20) Цзуй – зев	Хоу – обезьяна (большая)		
21) Цзан – Орион	Юань – обезьяна (малая)		
22) Цзин – колодцы	Хань – дикая собака	Декабрь	11-я
23) Гуй – душ. умер.	Ян – баран, овен		
24) Лю – ива	Чжан – великий олень	Январь	12-я
25) Син – звезда	Ма – конь		
26) Чжан – сети	Лу – малый олень		
27) И – крыло	Шэ – змий	Февраль	1-я
28) Чэнь – колесница	Инь – земляной червь		

О некоторых из означенных животных надлежит заметить следующее: 1) *Сяй* (Hiaì) единорог, почитаемый ныне полубаснословным, на самом деле составляет чудесное исключение и известен издревле в Китае, особенно любим как символ правосудия и мест тюремного заключения или вообще наказания и суда, называется поэтому *сяй-чжи* или *жень-фу-хао*, т. е. животное имеющее способности пред всеми прочими в распознавании доброй или злой природы человека – «исполняющее закон» и употребляемое при судебном процессе для определения осуждения или оправдания обвиняемого. Изображение его встречается на зданиях судебного ведомства, при буддийских монастырях на стенах, картинах, также на груди судебных чинов китайских. На самом деле, не животному должно приписывать означенного рода способность, но обычай у китайцев, среди лета, в мае и июне, заковывать в кандалы важных преступников, увеличивать их рацион хлеба и производить судебное вообще разбирательство дел. В это же время, появлялись большие стада единорогов, и коз кашемирских, именуемых вообще *Чжиру* (tchirau) в южном Тибете, *Зеру* – в северном Тибете, у монголов *Керé*; ученый *Абель* причисляет единорога вообще к семейству *Antilopa Hodgsonii*. По виду, оно похоже на козу с одним рогом, имеет черный волос, и ноги весьма косматые; по природе оно – справедливо, и если увидит двух борющихся людей, то нападает и убивает всегда виновного из них. 2) *Ню*, или *Гун-ню* – бык. Горные тибетские быки пасущиеся огромными стадами по горам Гималая, летом сходят с них в долины, орошаемые ручьями для утоления жажды, а зимнее время довольствуются снегом и некоторыми очень жесткими травами. 3) *Фу* – *летучая мышь*. Она водится в значительном количестве в Китае, в начале июля, зимою находится в летаргии, летом в сумерки наполняет воздух стадами подобно ласточкам, ловит мух, других насекомых коими питается. Китайцами она причисляется к птицам дурного предзнаменования; некоторые суеверы думают, что чрез несколько лет она превращается в человека. При трауре, в Пекине и других местах, китайцы украшают изображением красной мыши на плече свои белые одежды, равно и другие ткани, особенно позументы головной шапочки, встречается и на прочих вещах, имеющих священное значение. 4) *Янь* – обыкновенная ласточка (*hirundo, rustica, daurica*) или береговая (*cotyle riparia*), и каменный стриж (*cypselus, martinet*) суть птицы, в июле месяце кишачие при монастырях, храмах, дворцах, городских воротах и на прочих зданиях населенных городов и местечек Китая, где они любят лепить свои гнездышки и разводить птенцов. По китайской народной пословице: «ласточка проводит свое утро с восходом солнца до самого заката, а летучая мышь проявляет свою жизнь с раннего утра, которое для неё наступает сряду вечером, по заходе солнца. 5) *Ю-панголин* – неопределенный с точностью натуралистами, описывается китайцами животным в виде рыбы, с хвостом змея, глазами свиньи, и моментально умирающим при случайном к нему приближении кого-либо (?); называется оно чаще *чжуань-шань-цзя* т. е. принадлежащим к семейству ископаемых, следовательно – допотопных животных. По астрологическим замечаниям, с ним соединяется время наводнений, потопа, что бывает в Китае особенно в августе мес. 6–7) *Лан* – волк и *гао* – собака, означают время охоты в мес. сентябре и жертвоприношения пса в храме предков. 8–9) *Е-цзи* – фазан, живущий более на возвышенных местах; спускается с них в долины и во время созревания хлеба на поля, что бывает особенно заметно в октябре, тогда же в древности начинались и военные приготовления к защите и нападениям от кочевых народов; с сим временем соединялось изображение *цзи*, или *гун-цзи* – *петуха*, символа людей военных и осень (мес. октябрь). 10) *Ву* – ворон, ворона, черная птица (*corvus sinensis, c. pastinator, monedula daurica, monedula neglecta*); птицы эти во множестве

водятся преимущественно в ноябре, и служат лучшими очистителями разных городских нечистот, особенно в столицах и других людных местах, а также любят поля и деревья, летают стаями с необыкновенными криками и шумом, особенно вечером в отыскании и выборе ночлежного приюта. 11–12) Хоу – большая обезьяна и юань – малая, суть животные которые любят лазить по деревьям, в мес. декабре, отчаянными криками дают чувствовать приближение зимы и потому стараются бежать в места более теплые и лесные. 13) Хань – дикая цепная собака, означает время в декабре мес., когда по Книге обрядов устроились и исправлялись тюрьмы и прочие места заключения, к коим приставлялись кроме людей и сторожевые собаки, в особенности весьма злые и неугомонные. 14–15, 16) Лу – малый олень, весною в феврале мес. особенно замечается по плодотворной силе и появлению детенышей, также как змеи – шэ, любят в весеннее время выползать из своих нор, и по преимуществу инь – земляные черви. Таким образом все означенные животные и прочие, о коих замечено было выше, имеют в китайских зодиаках вполне рациональное значение при определении времен года более или менее точном или приблизительном. Обращаем подобное же внимание и на прочие зодиаки и циклы, которые и рассматриваем в нижеследующем порядке.

В. Солнечный зодиак¹⁴² «ши-эрт-цин» или – «цы» т. е. ряд XII-ти знаков (*la série duodénaire*): 1) Шоу-син, звезда долгоденствия, – сапорус у южного полюса. 2) Да-хо, великий огонь. 3) Сун-цзи, памятливая звезда следящая за действиями людей. 4) Чэ-му, разделение, распускание дерев, его рост, также – рубка деревьев. 5) Сюань-сяо, темная пустота т. е. север, букв. черно-дуплистое дерево. 6) Цзу-цзы – рыбий рот. 7) Цюй-лю сходящие с поля жнецы. 8) Да-лян – великая плотина. 9) Ши-чэнь – истинный запад. 10) Чунь-шоу голова феникса. 11) Чунь-хо – огонь феникса. 12) Чунь-ви – хвост феникса.¹⁴³ Зодиак этот, по объяснению Шлегеля, случайно составленный из древних созвездий, применительно к эклиптике и солнечному обращению, – не единственный; как в Китае, так и у других народов востока – сиамцев, монголов, маньчжуров, игуров, тибетян существовал другой более точный и достоверный двенадцатный зодиак из XII животных. К сожалению, составляемые так или иначе китайские зодиаки, долгое время служили украшением дорогих вещей, или имели чисто астрологическое и магическое, неодинаковое значение. Образцы их, принадлежащие разным династиям и эпохам истории Китая, довольно разнообразны, таковые циклические знаки 12 животных приписываются императорам: Хуан-ди (2697 г. до Р. Х.), Мин, ханской династии (58 от Р. Х.), татарам сунской и юаньской династий, и императорам Танской (618 г.), дин. На круглой дощечке последнего времени изображен 12 часовой цикл, на коем часу цзы соответствует змей – шэ, и часу ву – конь – ма. Многие разыскания китайских ученых о зодиаке привели их к полному неведению точного времени происхождения, хотя делаются объяснения того или другого рода. Напр., по комментарию месячных правил цзай-юн, XII знаков животных зодиака указывают на время жертвенного вкушения народом в продолжении пяти времен года: в месяц чэу (tcheou) вкушали быка (ню), в июле – ви, барана (ян); в мес. октябре – су, – собаку (гао); в сентябре – ю цзи – кур, птиц (няорр); в ноябре – хай – свинью, чжу. Что касается прочих зодиакальных животных, именно тигра и других, то их мяса не ели. В «Истинном объяснении (signification) деревенского календаря» говорится: "Петух соответствует элементу дерева, овен – огню, бык – земле, собака – металлу, свинья – воде"... По мнению Сю-фа, XII знаковых животных д. б. почитаемы центральными в числе XXVIII созвездий. Так домицили ню (Niu), сю, инь, Вэй, находятся в знаке цзы, коему соответствует знак крыса; сю зовется крысой и потому сделался центральным знаком цзы. Центральная сущность сих трех домицилей – полная, тогда как прочих боковых – смешанная. По сей причине 28 домицилей управляются только 12 знаками... «При этом, Сю-фа отрицает происхождение зодиака XII животных от христианских народов – ю-сы (You-sse), а профессор Гофман, в «Nippon Archive» убежден, что этот же китайский зодиак существовал и у японцев, и что зодиак индийский введен только буддистами с пришествием их в Китай. Придавая особенное значение Будде и его вероучению, разным Бодисатвам, и основным богам, олицетворяющим главные силы и явления природы, буддисты выработали своеобразную систему календарей своих, в которой центром служат священные их книги – "номо" изображаемые в сиянии, а по 8 сторонам ближайшей окружности, – боги управляющие временами года, или Будды сидящие на лотосах, по четырем же вообще наружным сторонам и четырем между ними средним – изображаются боги – стражи частей света. Все прочее пространство, в разных поясах, на квадратной площади занимается Буддами; зодиакальных и других животных вовсе не встречается, кроме фигур с лицами и очертаниями людей. Таковы два замечательных буддийских

календаря, хранящиеся в Обществе поощрения русских художников в С.-Петербурге, привезенные из Китая и пожертвованные в музей г. Влангалли; они расписаны на холсте клеевыми красками чрезвычайно изящно; предлагается на таб. VI-й их схематический набросок под №№ 5-м и 6-м.

Г. «Ши-эрр-чжи-чао» т. е. цикл XII животных или двенадцати ветвей, пней,¹⁴⁴ состоит из двенадцати знаков эклиптики, имеющих следующие названия и им соответствующие знаки на европейской сфере: 1) *шу* – крыса, (= водолей); 2) *ню* – бык (= козерог); 3) *ху* – тигр (= стрелец); 4) *ту* – заяц (= скорпион); 5) *лун* – дракон (= весы); 6) *шэ* – змей (= дева); 7) *ма* – конь (= лев); 8) *ян* – баран (= рак); 9) *хоурр* – обезьяна (= близнецы); 10) *цзи* – петух (= телец, taureau); 11) *гао* – собака (= овен, bélier); 12) *чжу* – свинья (= рыбы). Зодиак этот, употребителен у маньчжуров, монголов, игуров, персов (вместо *дракона* ставящих знаки *пешенк* – крокодила), тибетян, японцев, сиамцев, корейцев, туркестанцев и бухарцев. Такого рода общераспространенность зодиака, свидетельствует несомненно о его астрономическом значении и происхождении более, нежели астрологическом. Шлегель (в Uranographie Chinoise) поместил изображение сего зодиака в своем сочинении (стр. 568, часть 1-я). Соответствие между ними в астрономическими европейскими знаками сделано следующее: 1) *крыса* соотв. водолею и Пегасу; 2) *бык* – козерогу и стрельцу; 3) *тигр* – стрельцу и скорпиону; 4) *заяц* – скорпиону и весам; 5) *Дракон* – весам и дева; 6) *змей* – ворону и чаше; 7) *лошадь* – гидре; 8) *Овен* – близнецам и раку; 9) *обезьяна* – Ориону; 10) *Петух* – тельцу (taureau) и мухе; 11) *собака* – овну, Андромеде и рыбам; 12) *свинья* – Андромеде и Пегасу. Но выводам Шлегеля в объяснении некоторой разности в соотношении знаков цикла животных к астрономическим европейской сферы за разное время, приходится согласиться с тем мнением, что дракон или крокодил своим пробуждением означал вообще время весеннее, после зимней спячки этого животного; дракон китайский именно совпадает с этим же знаком во время 2-й луны китайского года, или в месяце марте. Тот же китайский дракон соответствует и нашим *весам* (librae) – означающим равенство дней и ночей, мес. февраля 1-го кит. луны, или – вступлению солнца в предшествующий знак, именуемый – *Дева*. Деве соответствует на кит. зодиаке *Шэ* – змий, символизирующий конец зимы – начало весны, (1-я луна кит. года), и потому называемый еще *тхан-шэ* или *тянь-шэ*, – змей восходящий, или небесный. По всей вероятности, по прецессии знаков, *Дракон* занял место *Девы* впоследствии в означении весны. В следующий месяц, солнце вступает в *весы*, коим соответствует китайский знак зодиакальный – *лун* – дракон, означавший весеннее равноденствие, или 2-ю луну, т. е. мес. март. Вступая в знак Скорпиона, солнце имеет соответствующий китайский – *Ту* – заяц. 3-я луна кит., или – наш месяц апрель. В сие время зайцы плодятся в большом количестве; самка рождает трижды в году, в мес. марте и чрез три недели зайчата уже живут независимо, в апреле бегают по полям, хлеб коих и деревья с молодыми побегами опустошают немилостиво; крестьяне охотятся с сетями, стреляют из луков, ловят их собаками. В следующий месяц, солнце вступает в знак Стрельца, которому соответствует китайский *ху* – тигр, 4-й луны кит., нашего мес. мая. Тигрица, зачинает в полужиме и приносит чрез 100 слишком дней детенышей, они появляются в мес. мае на свет, и бегают летом до Сибири из Индии; китайцы охотятся за ними. Зовется тигр еще *шан-цзюнь* – горный князь, ибо любит бегать на добычу с гор. Солнце вступая в Козерог, соответствующий китайскому знаку *ню* – бык, 5-й кит. луны, нашему июню мес., когда бывает летнее солнцестояние, т. е. время сильных жаров. На северной части устраивается жертвенник, «китайцы приносят *быка* гению земли, с молитвою о плодородии; закалался для сего *бык* *черный*, так как *красный* приносился зимою. Этот закалаемый бык виден и в Дендерском зодиаке. Солнце, проходя *водолей*, вступало в кит. зодиакальный знак *шу* – крыса, что соответствует 6-й луне кит. года, или нашему месяцу июлю, когда в Китае, два рода пшеницы достигают совершенной зрелости, также и рис; тогда же появляется и страшный враг – полевая *мышь* – *mulot*, массами разводящаяся на полях и пожирающая хлеб, она – рыжеватая по виду с головою похожую на зайца и волосистым хвостом, Китайцы зовут её «*ван-тянь*» – князь полей, что особенно важно, порода эта любит обеспечивать себя на зиму сбором хлебных семян в нору, которую проследить стараются крестьяне дабы воспользоваться в свое время этим хищническим добром; пора эта называется «*житницею хищных крыс*». Солнце, проходя *рыбы*, вступает в кит. знак *чжу* – *свинья*, что соответствует 7-й кит. луне, или месяцу августу – времени, когда много бывает водяных луж и ям от дождей, в ил коих любит зарываться это животное и когда оно бывает особенно сыто, наедается вдоволь желудей, земляных кореньев и прочих хлебных злаков. Проходя *Овен* (Belier), солнце вступает в кит. зодиакальный знак *Гао* – *собака*,

возвещающий 8-ю луну кит. года, и соответствующую нашему месяцу *сентябрю*, т. е. времени осеннего равноденствия, также – приготовлений военных к защите или нападению и когда собаки играют сторожевую роль в лагерях, укрепленных городах и позициях, при охране тюремных заключений и разных действий судебного ведомства министерства юстиции. Поэтому, императором, министром юстиции, прокурорами, приносились небу жертвы состоящие из *собаки* разной породы, в особенной церемонии. В следующий месяц, солнце проходило знак тельца (*taureu*), коему соответствует кит. знак *цзи* – *петух, курица*, – время 9-й кит. луны, или наш месяц октябрь, – время военных приготовлений по преимуществу. У китайцев петух вообще почитается воинственною, храброю птицей – *цзи-сяо-цзы*, и её образ служить эмблемою военных доблестей. Петух – благовоспитан, благороден, и потому имеет на голове малую корону – гребешок, как воин – наделен бодцами, или шпорами, будучи храбрым, он нападает на противника с фронта без всякого страха, он человечен, ибо найдя что-либо съедобное, приглашает вкусить других, особенно любимых кур-хохлаток; он верен, ибо поет в определенный строго час и ничуть не обманывает других. Знаменитый Цзы-лу (*Tsze-lou*) ученик Конфуцзы, любивший силу и храбрость, имел воинственный и справедливый характер, и всегда носил на своей шапочке петушиные перья, а одежду имел из бараньей шкуры. Началу Инь – тьмы, приносился белоголовый петух с черными перьями и был посвящаем гению земли и хлебных начатков (*cereales*), он был также почитаем символом смерти постигающей клятвопреступника и за нарушение договора. Солнце, проходя знак Близнецов, вступало в соответствующий китайский хао – обезьяна, означающий 10-ю кит. луну или наш, месяц ноябрь, когда эти животные, живущие стадами, чувствуя приближение холодов, удаляются с севера Китая в более теплые места до самого Гималая. Известны в Китае породы *Rhinocerus roxellane*, *Macacus Tcheliensis* в провинции Бэй-чжи-ли, *Semnopithecus schistosus* Годзона в Гималаи, у туземцев называемой «*lungour*», величиною с леопарда. В следующий месяц солнце проходит знак Рака, соответствующий китайскому *ян* – овен, баран, время 11-й луны или наш мес. декабрь, – зимнее солнцестояние, 3-я эпоха рождения агнцев, коими овцы разрешаются также в январе или феврале, по деревенскому календарю китайцев. При пастбище овец, избирается всегда для того или другого стада лучший, белый и сильный баран – *ян*, называемый поэтому «управителем, князем стада», коему оно слепо повинуетя после пастуха. Китайскому императору в сей месяц подносится пирог, изготовленный с бараньим жиром; в свою очередь император совершает жертвоприношение небу с одним из лучших *агнцев*. В следующем месяце солнце проходит знак *Льва* и вступает в китайский – *ма-конь*, время 12 кит. луны, наш мес. январь. По наблюдениям китайцев и установившемся у них понятию, конь, лошадь, имеет особенное значение в установлении года и его месяцев или – лун. Так, кобыла, со дня зачатия, носит жеребенка XII-ть лун, шесть из которых соответствуют светоносному началу – ин и шесть других – мрачному, темному началу *инь*; значит, в сем животном усматривается полное сочетание активных и пассивных сил природы. Лучшею жертвою небу поэтому издревле почитался конь; для жертвенных коней существовала при дворце императора особая конюшня и особые парки – *тянь-цзю*, или *ма-дзюань*. Жертвоприношение отличалось как в это время, так и прочие, с особую торжественностью, о чем замечено было выше при обзоре XXVIII лунных домицилей. Известные китайские монеты с изображением коня, имеющего астрономическое и государственное значение, в народе называются «*ма-цянь*» – конская монета, деньги. Дуоляйтль в своем словаре («*Vocabulary of the Chinese language*», 1872 г., ч. II и III, стр. 614), приводит несколько образчиков, заслуживающих внимания, под №№ 311–18. Сюда относятся: 1) *Лун-мэй*: изображен один конь, на обратной стороне среднего отверстия два иероглифа. 2) «*Цюань-мао*» конь с волнистою гривой, волнисто-власатый, – времени Тай-цзунской или Сунской династии, с изображением неопределенного всадника. 3) «*Вань-юнь*», монета с иероглифами сверху и снизу и означением, что конь пробегал 1000 ли в день. 4) «*Чан-фу*», с изображением коня и 2 иероглифов. 5) «*Хань-сюэ*», изображен сторожевой конь на одной стороне, и 2 иероглифа на другой, времен Ханьской династии. 6) «*Ю-му*», изображен конь с иероглифами «рыбы глаза». 7) «*Фэй-хуан*», изображен конь с надписью «золотой быстро-летающий». 8) «*Ву-шуй*», водяной – надпись из двух иероглифов.

Рассматривая разные китайские зодиаки древнего и нового происхождения, нельзя не заметить в них совершающейся смены знаков по закону астрономической прецессии. Если рассматриваемый зодиак имел солнце в *весак* эклиптики, то ныне эти весы ушли уже на семь знаков; и если каждый знак смещается другим в 2100 лет, то изобретение древнекитайских,

зодиаков будет, относиться к 14,700 обратно от настоящего периода времени. По данным 388 г. до Р. Х., солнце находилось в градусах *овна*, противоположного знаку *весов*. Не должно забывать, однако же, что время, издревле измеряемое в зодиаках китайцев, определялось законами не только солнечного обращения, но и лунного. Если так, то и способ вычисления прецессии должен быть соответственный. Со временем, вследствие влияний иностранных и астрономических бредней, затмевается истинный способ и верность вычислений китайцев. Поэтому, нередко на одной плоскости встречаются зодиаки солнечные и лунные, с разными замечаниями магов, астрологов, сельских хозяев о днях счастливых и несчастливых, временах известных церемоний, обрядов; становится поэтому весьма грудным объяснение и правильное истолкование всех сего рода памятников, свидетельствующих о необыкновенном остроумии и находчивости китайцев, которых тайны не всегда доступны ученым европейским и русским.

Д. Китайский звездный XII-ти часовой цикл «Ши-эрт-чэнь»¹⁴⁵ – изобретение Да-яо министра императора Хуан-ди (за 2697 г. до Р. Х.). Вначале этот цикл служил для разделения дня на 12 равных частей и затем – всего года. Названия сего цикла с соответствующими месяцами европейскими суть:¹⁴⁶ 1) *Цзы* – (младенец) = декабрь; 2) *чоу* – (отпрыски, побеги) = январь; 3) *инь* – (корзина для травы) = февраль; 4) *мао* – (открытая дверь) = март; 5) *чэнь* – (движение) = апрель; 6) *сы* – (исполнение, совершенство) = май; 7) *ву* – (совпадение, коллизия) = июнь; 8) *ви* – (созревшие плодовые деревья) = июль; 9) *шинь* – (зрелость) = август; 10) *ю* – (кружка с рисовым вином) = сентябрь; 11) *су* – (разрушение) = октябрь; 12) *хай* – (убежище) = ноябрь. Означенный цикл, начертан в середине с окружающими его двумя другими; ближайший к центру круга разделенный на день, ночь, утро, вечер, есть цикл XII-ти часовой в собственном смысле, дважды повторяющийся (*ши-эрт-чэнь*), второй круг его облегающий состоит из XII-ти облегающих зодиакальных знаков – «*ши-эрт-син-чэнь*», т. е. XII-ть звездных времен, соответствующих (солнечным) месяцам, наконец третий наружный и большой круг, с XXVIII созвездиями или лунными домициями, – «*эрт-ши-па-су*». Названия XII зодиакальных знаков суть следующие: 1) *шоу-син* – древнее, главное из созвездий. 2) *да-хо* – великий огонь (т. е. сердце, пирей); 3) *сю-му* – деревянная ограда, деревья – ограждающие дом, здания, поле; 4) *син-цзи* – знаменательный астеризм (signalant); 5) *юань-куан*, вечная пустыня, уединение; 6) *цзу-цзы* – рот, уста рыбы; 7) *лю* – жнецы несущие корзины на голове с травой; 8) *да-лян* – великое болото, лужа, ров для преступников; 9) *ши-чэнь* – (chi-tchin) собств. имя, баснословные борющиеся лица, в астрономном смысле – звезды *син* и *цзан*, (Ориона); 10) *чунь-шоу* (choun) – голова, шея феникса (птицы); 11) *чунь-син* – сердце феникса; 12) *чунь-и* – хвост феникса.

Порядок расположения лунных XXVIII домиций – следующий. Восточные созвездия: 1) *ио*, (*цзе*), 2) *кан*, 3) *ди*, 4) *фан*, 5) *син*, 6) *ви*, 7) *цзи*. Северные созвездия: 8) *дэу*, 9) *ню*, 10) *нюй*, 11) *сюй*, 12) *вей*, 13) *ши*, 14) *Би*. Западные созвездия: 15) *куй*, 16) *лоу*, 17) *вей*, 18) *мао*, 19) *би*, 20) *цзуй*, 21) *цзан*. Южные созвездия: 22) *цзин*, 23) *гуй*, 24) *лю*, 25) *син*, 26) *чжан*, 27) *и*, 28) *чэнь*. Порядок расположения сих созвездий и XII зодиакальных по отношению к часовому циклу – обратный, – первые идут от левой руки в правой, часовой круг от правой руки к левой, с севера на восток, с юга на запад. Эта установка знаков объясняется тем, что 18-е звездное деление *мао*, было указателем весеннего равноденствия, и следовательно первым; отсюда исходил и обратный порядок часов: созвездия 1-е по 7-е соответствовали *весне*; созвездия 8-е по 14-е – *зиме*; созвездия 15-е по 21-е *осени*; созвездия 22-е по 28-е – *лету*. Далее, 1) *утро* соответствовало *весне*, *день* – *лету*, *вечер* – *осени*, *ночь* – *зиме*. 2) *фан*, или скорпион, возвещал солнечным восхождением весеннее равноденствие; *мао*, или Плеяды, солнечным заходом означал осеннее равноденствие; *син* – или гидра, знаменовало летнее солнцестояние при прохождении своем в нижнем меридиане в полдень, на юге (теоретически), или своим акроническим восходом (практически); наконец *Нюй* (дева) и *Сюй* (погреб. холмы) или Водолей возвещал полночной кульминацией зимнее солнцестояние. В древнюю рассматриваемую эпоху (по зодиаку), время начинается с часа *цзы*, с 11-ти часов ночи, когда было и зимнее солнцестояние; часом *цзы* определяется истинный север, коему соответствует *ву* истинный юг, часу *мао* на истинном востоке, соответствует час *ю* (Yeou) на истинном западе. Час или *гун-цзы* имеет значение новорожденного младенца как плод сочетания неба и земли, активных и страдательных сил природы, небо есть отец, земля – мать, а *цзы-ши* или *цзы-гун* – час рождений или дворец поколений, рождений – им означает и XI-я луна кит. года именуемая также и луною рождений, поколения, потомства; *мао* или открытая дверь, также – *мао-ши*, час отверстой двери, или *ву-мао* – время открытой двери, т. е. мес. март, весеннее равноденствие,

зовется еще *тянь-мао*, время отверстой небесной двери. Этим означаетс я ныне эпоха пробуждения сил природы; *мао* соответствуют созвездия *Ди*, *фан*, *син*, или *весы* и *скорпион*. Полуденный 11-й час, утро и 5-я кит. луна, есть время летнего солнцестояния, называется временем, часом коллизии, сочетания, совокупления (*l'heure de collision*), *ву-ши*, или луною сочетания *ву-юэ*; в сие время солнце достигает maximum теплоты и тогда же получает рождение холод, постепенно увеличивающийся. *Ю* – кружка, есть час захода солнца и пункт запада, 8-я луна, с которою совпадает осеннее равноденствие; время это называется час кружек – *ю-ши*, луна кружек – *ю-юэ*, т. е. мес. сентябрь, когда из созревшего проса процеживалось вино, самый иероглиф напоминает вид кружки, наполненной жидкостью, русский штоф; другое название – закрытая дверь, т. е. окончание времени летнего и достижения в природе совершенства всего живущего. Час *ю* – 5 и 7-й вечера сентябрьской луны и захождения Плеяд. Рассмотренные четыре *гуна* или часовые знаки – *цзы*, *мао*, *ву*, *ю*, – суть основные пункты четверичного деления круга времени и по ним легко находить и угадывать прочие.

Чэу (*tcheou*) – *отпрыски*, молодые побеги растений и деревьев, есть 1 и 3 час утра, называемый «часом отпрысков», 2-й луны китайской – «луны отпрысков», – *чэу-ши*, означ. январь; час этот изображается художниками еще под видом «младенца поднимающего руки», и соответствует также знаку козерога или *ню* – быка, означая этим конец зимы и начало работ полевых, исполняемых при помощи быков. *Инь* – *травяная корзина*, ею означаетс месяц февраль, 1-й кит. луны, 3–5 ч. утра «час травяной корзины» – название, указывающее на собиpание полевых трав и растений. *Чэнь* (*tchin*) – *движение*, испуг, сим означаетс 3-я луна, соответствующая мес. апрелю и называется «луною движения, пробуждения жизни»; час 7 и 9 утра, назыв. «часом движения», когда в воздухе слышны раскаты грома и блистание молнии. *Сы* (*sse*) *исполнение*, совершенство есть 4-я луна, соответств. мес. маю и называется «луною исполнения» (*accomplissement*), «часом исполнения», соответствующим 9 и 11 часам утра. *Ву* – деревья, обремененные плодами и зеленью, 6-я луна, мес. июль, «луна сего рода деревьев», час 1 и 3 пополудни, «час деревьев, обремененных плодами». *Шинь* (*Chin*) – зрелость, 7-я луна, мес. август, «луна зрелости», час 3 и 5 пополудни, «час зрелости», т. е. время полного налива хлебных злаков. *Су* (*sou*) – *разрушение*, 9-я луна, мес. октябрь, «луна разрушения», час 7 и 9 вечера, «час разрушения». *Хай* – убежище, 10-я луна, мес. ноябрь, «луна убежища», час 9–11 вечера, «час убежища», время построения и исправления жилищ на зиму.

Нельзя не заметить, что,сообразно с естественным ходом времени и явлениями в течении года, китайский часовой цикл, соответствующий нашим солнечным месяцам или лунам китайского года, во французском изобретении (быв. республики) в названии месяцев имеет соответствующее их определение и характеристику. Названия эти таковы:

Цзы (дек.) *le Génital*. *Чэу* (январь) *le Germinal*. *Ву* (июнь) *le Collisal*. *Ву* (июль) *le Fructidor*. *Шинь* (февр.) *l'Areal*. *Мао* (мар.) *l'initial*. *Чэнь* (*Chin*) (авг.) *le Messidor*. *Ю* (сентябрь) *le (tchiu)* (апр.) *l'Agitataire*. *Сы* (*sse*) (май) *le Vendémair*. *Су* (окт.) *le Sicaire*. *Хай* (ноябрь) *le Clôturai*. *Refugiaire*.

Е. Астрологический Planetarium, по начертанию в Тянь-юань-ли-ли. По сему сочинению, время распределяется так: год имеет четыре времени, (*saisons*): весну, лето, осень, зиму; каждому времени этому, или четверти года, соответствуют времена семи планет, повторяющиеся четырёхкратно в году; от помножения этих 4 времен года на 7 планетных, получается число 28, коими означаются на китайской и других сферах, домицили «Су» солнца (жи), луны (юэ) и прочих планет – «*ву-син*». Эти планетные в собственном смысле домицили, «семи правителей» «*Ци-чжэн*» отличаются от XXVIII лунных и им соответствуют в следующем порядке:¹⁴⁷

Домицили весенние.

Домицили осенние.

1) Цзё соответствует Юпитеру. 15) Куй соответствует Юпитеру.

2) Кан » Венере. 16) Лоу » Венере.

3) Ди » Сатурну. 17) Вэй » Сатурну.

4) Фан » Солнцу. 18) Мао » Солнцу.

5) Син » Луне. 19) Би » Луне.

6) Ви » Марсу. 20) Цзан » Марсу.

7) Цзи » Меркурию. 21) Цзуй » Меркурию.

Домицили зимние

Домицили летние.

8) Дау соответствует Юпитеру. 22) Цзин соответствует Юпитеру.

9) Ню » Венере. 23) Гуй » Венере.

10) Нью	» Сатурну.	24) Лю	» Сатурну.
11) Сюй	» Солнцу.	25) Син	» Солнцу.
12) Вэй	» Луне.	26) Чжан	» Луне.
13) Ши	» Марсу.	27) И	» Марсу.
14) Би	» Меркурию.	28) Чэнь	» Меркурию.

Семидневный период каждой четверти года, или четыре седмицы в году, в их означенном распределении, несомненно свидетельствуют о существовавшем в древности сего рода цикле, мож. б. видоизмененном из семидневной недели, или – эта последняя возникла из планетного цикла. О сем предмете, здесь достаточно только заметить, в дополнение к изложенному *выше* очерку в § 68 «о Китайской субботе и седмичном периоде времени». Хотя современной астрономией количество планет определяется свыше древнего седмиричного числа, но китайцы придерживаются оно, и лишь в новое время допустили четыре новых, как исключение и сверхштатное дополнение, таковы – *сы-ю*, «четыре остальных», почти невидимые простым глазом, *Ло-ю* (lo-heou) или *Ло-син*, санскр. Rahou, 2) *Ци-тоу*, санскр. Ketou, 3) *Бэй* или *Бу* (Pou), 4) *Ци* (Khi). Пяти планетам – «*ву-син*», вышеозначенным, дается управление над пятью элементами: дерево – *Му* – усвоается Юпитеру, земля – *ди* – Сатурну, металл – *цзин* – Венере, вода – *шуй* – Меркурию; характер сих планет определяется их названиями так: Юпитер есть *Суй-син*, или планета года, Марс – *Инь-хо* или перемежающееся мерцание, Сатурн – *Тянь-син*, – планета вечная (Sempiternelle), Венера – *Тхай-бэй* – великая белая, Меркурий, *Чэн-син* – планета часа, часовая. Скажем, в частности, о каждой из сих планет по китайскому воззрению, определению времен года и пользованию оными.

1) Солнце – жи. У всех народов древности – это бог главный, владыка вселенной, пред несравненным величеством и поражающею силою света – все склоняется и вращается самое время. Китайцы именуют солнце проявлением света, великим регулятором зрелищ природы, сущностью всех теплотворов, образом всего в мире драгоценного. С восходом солнца просиявает мир, с заходом все погружается в мрак. Вследствие сего, солнце справедливо есть князь, отец, супруг, старший брат; по теплоте даруемой земле, солнце есть «мать теплотворной силы», «источник всякого теплотворного начала», кои будучи собраны вместе производят огонь, и коего эманацией является солнце. Посему, посредством горящего полированного зеркала, обращенного к солнцу, и переведенного на воспламеняющиеся легко вещи, добывается огонь при жертвенных церемониях, солнце называется «*дун-цзюнь*» – царь востока, «император, рождающийся на востоке». Солнце есть *Ли-янь* – всевидящее, проникающее око дня, которому подобное находится в луне – ночи; оно есть *Лю-чжу*, прядущийся перл, огненное яблоко, и полнота лазоревого дракона; *Yo-hoa* – блестящий, светоносный (гений), душа света; *Чжу-гоан* – Красное светило, *Ян-ву* – теплотворный ворон, *Су-ли-е* (т. е. санскр. Sourya). Китайцы говорят, что солнце пробегает ежедневно по 1000 миль и столько же ночью, по 148½ лье в 24 часа, что таким же образом проходит ежедневно градус по небесам, и снова начинает такое течение беспрестанно вращающееся. Как богу теплотворного и светоносного, всеоживляющего начала, Китайцы воздавали солнцу особенное почтение с жертвоприношением и молитвою, весною и утром, вне восточных ворот – *дун-мынь*, что происходило во время последней луны с особенной церемонией. Главный жрец, каким являлся по большей части сам император, а в провинциях его высший чиновник, министр или губернатор, на круглом алтаре в восточной части, приносил солнцу *быка*; жертва зажигалась посредством круглого металлического зеркала, коего лучи, отраженные от солнца, наводились на сухой и воспламеняющийся мох и солому, травы. До сего торжественного момента и времени строжайше воспрещалось всем подданным зажигание огня, добываемого впервые только при означенном весеннем жертвоприношении богу-солнцу. В Тибете и разных частях Китая, еще и доселе сохраняются следы этого рода круглых древних жертвенников, устрояемых для пиреев, и подобных доисторическим памятникам *Abury* и *Stonhenge* в Англии.

2) Луна – юэ. Феномены фаз луны изменяющиеся в внешнем виде пред взором людей и влияние её не менее солнца на природу, издревле побуждали к установлению особенного культа и времен года – лунного. Луна, говорит один китайский ученый, есть сущность начала женского и охлаждающего, имеет круглую форму и чистое существо; когда она освещена – солнце сияет, без солнечного света – она темнеет, называется *Би* – помраченною, также – *ван*, взирающею когда сияет; в отношении к солнцу она является как бы царицею, ему воздающею почести. В комментарии *Ву-чэнь* говорится: «год имеет 12 лун, каждая луна – 30 дней; после трехлетия

прибавляется луна вставочная (*intercalaire*) из 29 дней; 16-й день считается началом помрачения, а 17-й полного ущерба, и луны как бы нет, в последний день она бывает серовата и называется *хуэй* – пепел, воскресшая же как бы после смерти она становится *со* (*so*), что значит *воскресение*; в 18-й день «её ожидают сидя», в 19-й она ожидается людьми при сонном состоянии; половина луны по виду изогнутой называется «веревчатой»; в первой четверти она есть «веревка верхняя», а с 22 по 23 день «веревка нижняя»; будучи на западе, она есть «*дяо*» и на востоке – «*Цзи-ни*»; первым словом означает быстрота движения, последним – медлительность: до 20 дня с 1-го, луна есть светлая – *бэй-юэ*, с 16 до конца мая она темная – *хэ-юэ*: до полнолуния она зовётся *несовершенною*, с полнолуния – *совершенною*; вообще она есть *сестра* солнца, своего *брата*, – *небесный вестник*, от неё зависят воды, притягиваемые по мере её приближения к ним и удаления; она есть *чжан-и*, светило постоянного закона и неизменного, звездочка – спутница луны, всегда её сопровождающая, называется *ван-чжу* «тихо взирающая, мерцающая» и *ци-лин*, гений, дающий жизнь луне; осенью, в равноденственное новолуние луне поклонялись на западе, вечером, и устроилось жертвоприношение на алтаре, имевшем высеченную впадину, выемку, поставленном в темном и глубоком месте. Костер с жертвою зажигался посредством обыкновенного огня, но на него наводилось лунное зеркало, металлическое, полированное и квадратное, называвшееся *фан-чжу*, совершенный квадрат, в отличие от круглого солнечного «*фу-суй*». Во время осеннего равноденствия и «доселе вечером, в Китае выходят на террасы смотреть на луну» посредством означенного же зеркала; а во время вставочной луны, известен был древний обычай, когда сам царь садился у ворот дворца, в ожидании появления луны, называемой *жунь* и которой иероглиф состоял из «*мынь*» – ворота, двери, и между их створами *ван* – царь, князь, а древний иероглиф *жунь* слагался из *ма* – рис, *хо* – огонь и *ту* – земля, что указывало на жертвоприношение из хлебных зерен и трав, сжигавшихся на костре в честь луны.

3) Юпитер – Суй-син, или планета года, называемая так по обращению около солнца почти ровно в двенадцать годов, составляющих как бы 12 месяцев обыкновенного года. Почтенный русский астроном Зеленый говорит, что «Юпитер обращается около солнца, от запада к востоку, в 11 годов, 312 дней и 20 часов, а около *оси*, от З. к В., в 9 ч. 55½ минут, что и составляет его сутки, при годовом обращении проходит 12 верст в секунду». Проходя в течении года один знак (эклиптики), Юпитер, говорили китайцы, имеет обращение малое в 12 годов, и великое или полное в 1728 годов ($12 \times 12 \times 12 = 1728$). Планета года в первом смысле называется *видимой-ян*, ибо доступна зрению с земли, во втором значении она есть *великий год*, которого положение и отыскание имеет свои особенности. Во время XI луны, когда хвост великой медведицы направляется к циклическому знаку *цзы*, и великий год будет в *цзы*, а в следующем обыкновенном году 12 луны планета Юпитера будет уже в другом знаке, а солнце и луна в знаке *сянь-сяо* или водолее; во время этой луны хвост великой медведицы будет обращен в часовому знаку *чэу*, в нем же будет и *великий год* и т. д.; в конце 12 годов, планета года и великий год – *инь* встречаются в одном исходном пункте и потом снова расходятся обратно до следующего 12-летия. Планета Юпитера управляет домициями весны: *цзе*, *кан*, *ди*, *фан*, *син*, *ви* *ци*, составляет сущность *деревя* восточной области, есть гений «*лин-вэй-ян*» лазоревый императора (дракона), или «божественного ожидаемого величества» (солнца); планета Юпитера соединяется на востоке, и потому она есть символ лазоревых драконов, называется также *чи-ди* (*chi-ti*) или регулятором, означавшим весну, когда в царстве растительности пробуждается жизнь, являются *листья*, *цветы*, *травы*, поэтому, он есть *чжун-хоа* – обновитель цветения (*floraison*), *чжун-син* – звезда все обновляющая, – *нун-гун* (*noung-koang*), управляющая земледельцами, и весенними хлебными злаками, – *ци-син*, планета знаменательная, ибо с неё начинается год трудов земледельческих. У древних китайцев, Юпитер был символом начальников, князя, почитался источником счастья и добродетели, народного богатства, а потому продолжительное пребывание этой планеты было желательно всем, особенно на восточной части неба; для наблюдений за переменами и движениями её был со времен Чэу приставлен особый астроном, дававший знать государству о малейших движениях и переменах планеты. Её блеск желто-блестящий почитался особенно благознаменательным для царства; *благоденствия*, *человеколюбие* служили её эпитетами. Жертвоприношение Юпитеру совершалось также возжжением пирея и на нем предметов, угодных божеству.

4) Юн-хуо – мерцающее сияние, блеск, или Марс, а по красному цвету – *Чжи-син* (*tchi-sing*), движется по небу вправо, полное обращение имеет в 1 год и 322 дня. По китайским астрономам,

планета эта в 10 луну (ноябрь) всегда находится в *Дай-ву* – ограде (группа звезд в Деве и Льве); её шествие ровное, в два дня проходит градус, в два месяца – знак, в два года совершает полный оборот; от солнца расстоит на полузнак; к востоку направляется 276 дней, останавливается и опять идет на запад в 60 дней, еще останавливается на 10 дней, опять идет обратно к востоку в 276 дней и скрывается в лучах солнца. По утру она скрыта бывает таким образом на 71 день, вступает потом из 51 градуса и видима бывает на востоке. Вечером – снова невидима. Вообще проходит градус в полтора дня, а при ускоренной скорости – 5 градусов в 7½ дней. «Будучи летнею планетою, Марс управляет на юге, и огнем, коего он домициль; в период крайних жаров находится в созвездии красной птицы и управляет его составляющими: – цзин, гуй, лю, син, чжан, и, чэн, т. е. областью от Близнецов до ворона». Названия Марса – *сюань-си*, спокойно висящий, на 3. *тянь-ли* – небесный закон, правило, в нижнем меридиане – *юн-хо* – мерцающий блеск, *чжи-бяо-ну* – яростный красный метеор, правитель полуденных стран Цзу и юэ, кавалерийский генерал или военный министр, председатель летнего судебного трибунала, наказывающий возмущающихся, изменников, бунтовщиков; светило, наказывающее их – *фа-син*, или *чжи-фа* – прокурор, палач, небесный вестник, судебный представитель императора, министр юстиции во время мира в военный во время войны. Наконец, Марс заведует всем относящимся до траура и погребальных, скорбных церемоний, поэтому он есть *великий церемониймейстер*, а также и заведующий земляными работами и наказывающий преступления, подрывающие пять коренных добродетелей.

5) Сатурн, *тянь-син*, – планета вечная, беспрестанная (*sempiternelle*), продолжительная, медлительная и величественная в движении, как бы осторожная подобно старцу, как говорят китайцы, движется вправо равномерно; в 28 дней проходит градус, в 28 месяцев – знак, полное кругообращения заканчивает на небе в 28 лет; утром замечается от солнца в расстоянии на полузнак; идет к востоку в 80 дней, затем останавливается на 34 дня, обратно идет затем к западу в 101 день, и стоит еще 33 дня с фракцией. После опять идет, и чрез 85 дней исчезает в лучах солнца, в течении 21 дня и фракции она остается таким образом утром и затем видима бывает на востоке. Вечером исчезает точно также. «По новейшим изысканиям европейцев, Сатурн, замечает Шлегель, имеет 29 годов и 166 дней обращения. По желтоватому цвету и тяжелому движению эта планета называется у китайцев «*Хуан-ши-гун*» – желтый царственный камень, а по нахождению её в центре вселенной и в отношении к земле, называется *ди-хао* – земной вешун, провозвестник земли, от коего зависят и земляные работы. Подобно земле, воображаемой жене (солнца), Сатурн также – женствен, судит и разбирает женские преступления на земле, задерживающие поэтому его кругообращение, он же и покровительствует добродетели женской, ускоряющей его движения по небу. Для отыскания места, куда на время скрывается старец Сатурн, китайцы обращаются к звездочке *Чжу-ньюй-чжи-чэнь* или гению *шпиля* или хвоста Малой Медведицы, следят за направлением её и по ней судят о Сатурне – царе, отце вселенной, – «*хуан-цзюнь*» (желтый государь). Означенная звездочка, на самом деле есть *полярная звезда*, всегда занимающая центр на небе (северном) и служащая указателем более или менее безошибочным для простого зрителя, откуда он может вести свои наблюдения и делить небесные поля на известные участки и группы (см. Табл. VI, рис. 11). Сатурн есть планета господства, управления четвертями года и занятиями людей, – *чэн-син*, имея домициль в Пегасе, он управляет им в течении года земного. Год Сатурна соответствует месяцу земному, полное же обращение 28 летнее её, равное – 28 домицилям – *Су*, на кои делится время обыкновенного года. При достижении Сатурном высшего пребывания на небе в последнюю летнюю луну, императором Китая устраивается пир и аудиенция ленным князьям, поэтому означенная планета почитается покровительствующею сему *собранию народа*. Вообще, царственный и ветхий денми Сатурн соединяет в себе, по представлению китайцев, основную добродетель – веру и верность, за нею человеколюбие, справедливость, соблюдение обрядов, мудрость, доброе поведение, дар слова, различения и слышания управляемым сердцем, прозорливость и сострадательность в обращении с людьми, он заботится о предотвращении всякого рода опасностей и несчастий, удаляемых во время, заранее, силою мудрости.

6) Венера, «*Да-бэй*», т. е. великая белая», весьма блестящая и подвижная планета. Будучи понимаема греками и римлянами как *Lucifer* и *Vesper* – утренняя звезда и вечерняя, под двумя названиями и самостоятельными видами, «*Да-бэй*» китайцев с глубокой древности понималась как *единая планета и звезда*, являющаяся утром, при восходе солнца, и вечером при его закате. Видимая на востоке, она именуется *ци-мин* «открывающая свет, сияние», т. е. заря, *aurore*, а

когда показывалась на западе, называлась *чжан-ган* (tchang-kang) – медленная (как говорится в Ши-цзин); прочие названия: «*тянь-лян-сяо*» – ясность, сияние авроры, заря (утром), «*хоан-чуан-сяо*» – вечерняя ясность, сияние; *ин-син*, блестящее светило, «*Мин-тхан*», – «храм света», «*дай-хо*» – великая светоносная, «*инь-син*» – цветоносная звездочка, – «*вэнь-бяо*», прекрасная, «*да-хоан*» – великая и восхитительная, «*да-цзы*» – великая благоприятная, «*хо-чэн*» – пламенеющая, факельная, управляющая пламенем. Планета эта усвоена западу, движется равномерно вправо, сопровождая солнце или предупреждая его шествие, в день она проходит градус, в месяц – знак, полное её обращение – год; восход имеет в часовом знаке *Чэу* и *Ви*, весною восходит на восток, высшая степень её в часовых знаках *чэнь* и *сы* (sse); осенью видима на западе, высшая степень в знаках *Ви* и *Шинь* (Chin). Она проходит меридиан, когда находится в знаке *Ву* (ou); при солнечном восходе зовется «*чао-цзянь*» видящая день, свет, провозвестница дня, света, от солнца поутру отстоит на ползнак. Обратное шествие имеет 6 дней, затем стоит 8 дней, снова боязливо идет к востоку в 46 дней, со скоростью по 125 дней, останавливается на 46 дней, затем еще на 7 дней и идет обратно к западу 6 дней, после чего поглощается в лучах солнца. Венера – «*да-бэй*» управляет домициями запада и осени: Лю, Вэй, Мао, Би, Цзуй, Цзан, т. е. областью неба с Андромеды до Ориона. Первоначально, сие пространство находилось в созвездии белого тигра, а потому и Венера называется «белой тигрицей» «*ху-бэй*», её сущность в металле, т. е. соответствует времени вооружения и изготовления металлического оружия. Как воинственное светило, эта планета есть образ «генералиссимуса» и «военного министра» называется «*мессин*» – звезда разрушения, «*да-хоай*» – великое нападение, «*да-сяо*» – великий ревун, солдат-горлан, почитается *гением белого царя* (тигра), *Бэй-чжао-цзюнь*, или блестящим защитником, западно-осенним светилом, «*си-фан-цзю*». Прочие названия: «*лян-син*» – светило болот, прудов, луж, *тянь-хо* – небесное наводнение; «*вуй-вэй*» – лунная планета во время равноденственного новолуния осенью; *чжун-син* – планета окончательная, исходная (т. е. являющаяся в конце дня), – *да-чэн* (tching) – великая правильная, и «*гоан-син*» – звезда наблюдающая, всеозаряющая, «*да-сян*» – великий министр, «*гун-син*» – планета дворца, придворная.

7) Меркурий, *чэнь-син*, т. е. планета часа, часовая, – самая малая из прочих, близкая к солнцу и блестящая, быстрая в обращении и легкая при движении. Китайские писатели говорят: «Меркурий движется на небе вправо, сопровождая солнце или предупреждая его; его шествие ровное, ежедневно совершается на градус вперед, и в один месяц проходит знак, а полное обращение – в один год. Он видим всегда, в весеннее равноденствие, в домиции *Куй* и *Лю* (Андромеда, рыбы, овен), а в осеннее равноденствие в домициях *це* и *кан* (Дева); в летнее солнцестояние видим в восточном кладязе (близнецы), а в зимнее – в *цян-нью* (козерог). В остальную часть года поглощен лучами солнца. Утром, эта планета отстоит от солнца на полтора знака; обратное течение имеет к западу в 10 дней, затем останавливается на 2 дня, опять идет к востоку в 67 скоро, а в 10 дней – медленно. После 13-ти дневного поглощения в лучах солнца, она видна на западе. Вблизи солнца Меркурий движется медленно, с удалением от него быстрота движения увеличивается, тогда как Марс идет наоборот быстрее при солнце, медленнее вдаль от него. *Сань-чэнь* – планеты времени т. е. солнце, луна и звезды, равно называемые *часовыми* (чэнь), служа средством распределения занятий на земле между людьми, имеют известные признаки, содействующие в общей сложности к точному установлению этих времен. Но Меркурию особенно усвоится наименование *да-чэнь* – великий часовой, ибо им определяются эпохи двух равноденствий и солнцестояния, четырех времен, и содействуют к более быстрому вычислению времен движения других планет и звезд; утром Меркурий наблюдается на востоке, и вечером на западе, восходить он в знаках *Чэнь* и *Су*, заходит в знаках *Чэу* и *Ви*, в течении 20 дней остается в заходе. Названия Меркурия более частные: *сяо-чэн* – малый регулятор времени, *чэнь-син* – планета часа, *тянь-цзан* – небесная опора, *нань-чжэу-син* – светило управляющее небесными революциями, *нан-син* – могущественная звезда, *сы-нун* – смотритель над земледелием, *сы-чэнь* – начальник утра, *сы-син* – звезда ожидания, и если она не была видима в свое время в четверти года, то предвещала голод в мире. Меркурий имеет свое местопребывание и власть в северном зимнем созвездии черного воина и управляет его созвездиями: *Дэу*, *Ню*, *Сюй*, *Вэй*, *Ши*, *Би*, т. е. в области неба от Стрельца до Пегаса, поэтому зовется еще *и-гуан-ци* – гений черного государя, и контролер светил согласно идущих по небу, также – *цзюнь-син* – планета равенства; *цзюнь-тянь* – уравновешенное небо; *сяо-ву* – малый воин, *шуй-син* – планета управляющая водами, также – северными княжествами *Янь*, *Чжао*, *Дай* и проч.; планета, управляющая правосудием, надзирающая за казнями больших преступников,

имеющая в управлении своем судебный двор, палату с генерал-адъютантами. Меркурию усваются поэтому судебная мудрость, острый и тонкий слух при процессах, власть наказания и помилования, он есть образ министра, князя, Гидры; он называется еще *огненной чашей*, *огненным напитком*, управляющим огнем, коего главный центр в *син* – сердце Гидры, в коем некогда было летнее солнцестояние.

Ж. Таблица главных праздников в течении года, гражданских и религиозных, у китайцев-язычников

Февраль. 1-й кит. месяц. 1) *Праздник 1-го дня года*. Известно, что ни один из прочих дней года не празднуется с такою торжественностью в Китае, как день нового года. Описанию разных церемоний и обычаев посвящены очень много книг и разных сочинений. Утро сего дня по преимуществу называется *юань-дань*. 2) *2-й день* есть праздник *чжэ-да*, знаменитого воина, причтенного к лику богов. 3) *6-й день* – праздник буддистов в честь Тэн-гуан. 4) *9-й день* – пр. даосов, учеников Лаоцзы; рождение одного из их божества Ю-хоан-шан-ди. 5) *10-й день* пр. пяти домашних пенатов (кит.) как стражам всякого дома и семейства, им приносят жертвы и молятся о покровительстве. Он совершается еще в десятый день четырех следующих месяцев. 6) Ночью в *15-й день* называемой *юнь-сяо*, начинается праздник фонарей «Шан-юань», подобный старому дню или восьмому нового года. Праздник этот самый многошумный и он более торжественный чем первый день года. В этот день горят более двухсот миллионов фонарей. 7) Шестнадцатый день праздн. двух ангелов – стражей при вратах и дверях домов «Шэн» и «Цзай». 8) *19-й день*. Рождение знаменитого медика по имени Чжинь-Чжунь, произведенного даосами в число богов. С утра до вечера, его *châsse* открыт во всех аптеках и фармациях. 9) *21-й день*. Позади двери жилого помещения ставятся два изображения, представляющие каждое – младенца, это как бы очистительная церемония.

Март. 2-й мес. 1) *1-й день второй луны*. Праздник денежных ассоциаций, организуемых и реорганизуемых по мере надобности. Ассоциации сего рода весьма распространены в Китае. Одни основаны на госуд. и общ. праве, другие по католическому церковному, каковы банки и ростовщики. Этим значительно упрочиваются и обеспечиваются общественные отношения китайцев. 2) *2-й день*. Рождение домашних богов *Ду-ди-тан*. В течении сего дня играют на общественных площадях драмы, комедии, а вечером бывают фейерверки. 3) *3-й день*. Рождение Вэнь-чжан-ди-цун. Это бог литературы, которому ученые оказывают особый культ, образ сего бога ставят в храмах Конфуцзы, в Академиях и залах гостиниц, где производятся публичные экзамены ученых. 4) *6-й день*. Рождение Дун-хоа-ди-цун, или повелителя восточного цвета – божества даосов. 5) *13-й день*. Рождение Хун-чжэнь, бога южного моря. Культ в честь его особенно распространен на полуденной части Китая. 6) *15-й день*. Рождение Лао-цзун, основателя секты даосов. 7) *19-й день*. Рождение богини Гуан-инь, от которой происходит Су-чуань.

Апрель. 3-й месяц. 1) *23-й день второй луны* – есть праздник в честь умерших или *Цзин-мин*. Совершается он в продолжении 105 дней после зимнего солнцестояния, т. е. 5 апреля. Все язычники ходят в это время на семейные кладбища к гробам почивших предков, которые предварительно очищаются и обмываются; затем каждым совершается более или менее торжественное жертвоприношение. Затем все заканчивается весьма веселым поминальным обедом. 2) *25-й день второй луны* – есть рождение отца – владыки темного, непроницаемого царства, т. е. глубочайшего неба; поэтому он называется Сюань-тянь шэнь-фу (мрачного, непроницаемого человека неба, святой, духовный отец). Праздник этот даосский. 3) *26-й день* – есть день рождения адского бога, – китайского Плутона и второго главного даосского божества. В эту эпоху, в Китае имеет место церемония, весьма грандиозная по происхождению и цели, – проведение первой борозды императором на поле, и к совершению которой готовится он за несколько дней прежде, с соблюдением строгого поста и воздержания от мясной пищи, известных овощей, с сохранением супружеского целомудрия и совершенного удаления от официальных дел. В назначенный день, император отправляется в роскошной свите, со всем своим двором в храм неба, где и приносит жертву Шан-ди, умоляя его о ниспослании на народ всякого благополучия. Затем идет далее со своей свитой до известного места. Там проводит *три* борозды плугом и засеивает хлебом. Придворные князья тоже проводят борозды по *пяти* числом, а сановники и министры по *девяти*. Осенью, все эти роды посева (*céréales*) тщательно собираются. Император с тою же торжественностью отправляется в храм неба и приносит эти начатки семян Шан-ди, с выражением чувства благодарности за все полученные свыше

благоденствия народу Китая. 4) 15-й день третьей луны – рождение знаменитого медика, которому приносятся те же молитвы и обеты, его имя – *И-лин дай-ди*. 5) 18-й день третьей луны – есть праздник богини земли.

Май. 4-й месяц. 1) 20-й день третьей луны – есть праздник *Матери детей*: Цзы-сян-нян-нян. Китайские бесплодные женщины приносят ей жертвы и молятся о разрешении бесплодия. 2) 23-й день третьей луны – есть праздник царицы небесной – Тянь-хэ. По своему происхождению этот культ из провинции Фу-цзян, есть самый распространенный в остальной части Китая. Китайские матросы преимущественно считают её своею покровительницею. 3) 8-й день четвертой луны – есть праздник Будды под именем Ша-кья-му-ни. 4) 17-й день четвертой луны – рождение Цзин-хоа фу-жень. Китайские женщины преимущественно обращаются к сему божеству в то время, когда дети их страдают оспой. 5) 20-й день четвертой луны – есть день посвященный покровительнице слепых, называемой по-китайски *Янь-гуан Шэн-му*.

Июнь. 5-й месяц. 1) 28-й день четвертой луны. Праздник бога медицины Ю-ван. 2) 5-й день пятой луны есть великий день праздничный во всем Китае, известный под именем *Дуан-ян*. В сей день дается обед, приготовленный из разных блюд, между прочим пироги из риса *Хе-ми*. Главное препровождение его состоит из боя на воде. В это время появляются на китайских реках длинные узкие барки, называемые Лун-Чуан, по причине их сходства с драконами. 3) 13-й день есть рождение бога *Гуан-ди*.

Июль. 6-й месяц. 1) 6-й день шестой луны есть день посвященный благодарению и молитве Небу. 2) 13-й день шестой луны есть праздник царя драконов Лун-ван. Все моряки особенно его чествуют. Тот же день посвящен и покровителю плотников и каменщиков. 3) 19-й день шестой луны есть день исчезновения богини *Гуан-инь*. 4) 27-й день есть рождество бога огня, поэтому на улицах и площадях города и местечек сжигаются фейерверки.

Август. 7-й месяц. 1) 1-й день седьмой луны посвящен душам умерших родителей – *Manes*. Совершаются по сему случаю жертвоприношения, возлияния, сжигается фальшивая денежная бумага, известная в виде кружков из обыкновенной бумаги, часть их сжигается и часть разбрасывается по воздуху; это остаток обычая денежных даров, рассыпаемых народу при процессиях. 2) 7-й день – язычники убеждены, что в сей день сходятся на землю богини из семи дворцов. 3) 14-й день празднуется всеми обществами денежными, члена которых визитуются и соединяются вместе на веселых пирушках. 4) 22-й день седьмой луны – это праздник бога богатства, китайского *Plutus*, называемого *Цзай бэ син цюн тан*. 5) 24-й день седьмой луны, есть день, когда правительственные чиновники представляются лично императору, и приносят в храмах жертвы богу – покровителю города.

Сентябрь. 8-й месяц. 1) 13-й день седьмой луны есть праздник одного из божеств буддийских. 2) 1-й день восьмой луны есть праздник жнецов, он продолжается до 15 месяца и сопровождается театральными зрелищами в городах и местечках. 3) 2-й день восьмой луны есть день, посвященный культу бога земледелия. 4) 3-й день восьмой луны, специально посвящен в честь бога домашнего очага: *Цзао-шэнь*. 5) 5-й день луны посвящается богу грома – *Луи-шэнь*.

Октябрь 9-й месяц. 1) с 1-го по 9-й день девятой луны. Даосы поклоняются девяти богам Большой Медведицы. 2) 9-й день девятой луны, посвящается визитации гробов умерших предков. Также бывает и весною. Китайские юноши начинают забавляться с сего дня метанием стрел в летающих оленей, которые готовятся из бумаги и подобно бумажному змею пускаются на воздух. 3) В тот же день совершается воспоминание о древних императрицах, занимавшихся шелководством; сама императрица отправляется поэтому в сад и собирает там листья с тутового дерева для кормления шелкопряда.

Ноябрь 10-й месяц. 1) 15-й день второй луны славится праздником в честь бога, от которого зависит оспа, он именуется – *Чжеу-шэнь лю-сы*. 2) 27-й день десятой луны посвящен, богам управляющим пятью священными горами Китая.

Декабрь 11-й месяц. 1) 4-й день одиннадцатой луны, рождение Конфуция. Он получает, в храме предков, почести от ученых и сановников империи. 2) 16-й день той же луны есть праздник в честь богини *Гуан-инь*, происходящий из *сы-чуань*. Теперь культ её стал повсеместный в Китае. 3) 17-й день одиннадцатой луны есть праздник живого Будды (?). 4) 8-й день двенадцатой луны есть торжественный праздник в честь буддийского божества; в тот же день празднуется открытие императорской охоты.

Январь 12-й месяц. 1) Первый день 12 месяца. 2) Большой буддийский праздник. 14) Великий бог. 20) Праздник *Лу-Бань* – бога покровителя плотников и каменщиков. 23) Праздник

богу земли. 24) Праздник духу рапортователю Небу о делах людей, совершенных в течении прошлого года.

3) Китайский календарь за 1887 год с простонародными приметами и замечаниями на каждый день о том, «что нужно делать», или можно, и «чего не делать», с *означением дней субботных и воскресных для христиан-китайцев*¹⁴⁸

1-й Январь, чжэн-юэ (1-я луна) цикл цзя-ву. 1-я суббота – *чжэн-ли ци*; знак *вэй*. Должно: *инданн*: приносить жертвы – *ци-сы*; умываться – *му-юй*; брить голову – *чжи-тоу*; кроить и шить платье – *цай-и*; рубить деревья – *фа-му*; ловить преступников, воров и воришек – *бу-чжэ*; охотиться за дичью – *тянь-ле*; не должно – *бу-индан*: подавать прошение на имя государя – *шан-бяо-чжан*; жаловаться на кого пред судом и просто – *цы-сун*. 2-я суббота, цикл *син-чау*, знак – *леу*. Должно: приносить жертву – *и-ци-сы*; не должно: выезжать, путешествовать – *чу-син*; переселяться куда-либо – *и-си*; колоть чирьи иглою, вскрывать раны у больного – *чжэнь-цы*; копать землю, возделывать её – *дун-тху*; садить деревья – *цзай-чжун*. 3-я суббота, цикл – *ву-шэнь*, знак – *ди*. Должно: приносить жертвы (на могилах, духам предков и др.) – *ци-сы*; омываться водою – *леу-юй*; лечить больных, *ляу-ци*; убирать, очищать от грязи комнату – *сау-шэ*; ломать и уничтожать негодные вещи в доме – *по-ву*. 4-я суббота, цикл – *и-мао*, знак – *цюй*. Должно: начинать с сего дня присутствие (чиновникам) – *шан-гуань*; сватать невесту – *ци-хунь-инь*; делать визиты – *хуэй-цин-ю*; выезжать, путешествовать – *чу-син*; ставить лавки, шатры, открывать магазины и открывать свой торг – *кхай-ша*; заключать контракты – *ли-цюань*; торговать – *цзяу-и*; получать деньги, расчет – *на-цай*; покупать домашний скот – *леу-ян*; хоронить, погребать, – *ся-цзан*. 1-е воскресенье – *чжу-жи*, цикл *и-вэй*, знак *мао*. 2-е воскресенье, цикл *жень-инь*, знак *син*. Должно: выезжать куда-либо – *чу-син*; копать землю – *дун-тху*. 3-е воскресенье, цикл, *ци-ю*; знак *фан*. Должно: омываться – *гай тан-жу-юй*; брить голову – *тхи-тоу*; копать могилу – *по-тху*; хоронить мертвецов – *ань-цзин*. 4-е воскресенье, цикл *бинь-чэнь*, знак *сюй*. Должно: писать бумаги на имя государя, простое письмо – *шан-бяо-чжан*; сватать невесту – *цзе-хунь-инь*; открывать, начинать присутствие – *шан-гуань*; делать визиты – *хуэй-цин-ю*; выдавать замуж, совершать брачный договор, церемонию – *цзя-цюй*; нанимать прислугу, рабочих – *цин-жень-коу*; выезжать – *чу-син*; переселяться куда-либо – *и-си*; лечиться – *ляу-бин*; шить и кроить платье – *цай-и*; устроить домашние вещи – *сю-цзоу*; стряхивать пыль – *дун-ту*; ставить столбы при достройке дома – *шу-чжу*; класть перекладки в дому, устроить потолок – *шан-лян*; открывать новый магазин – *кхай-ти*; заключать условие, договор – *ли-цюань*; торговать – *цзяу-и*; получить расчет, деньги – *на-цай*; докупать домашний скот – *му-ян*; хоронить умерших – *ань-цзин*.

Февраль, эрр-юэ (2-я луна). 1-я суббота, цикл *жень-сюй*, знак *вэй*. Должно: приносить жертвы – *ци-сы*; подавать прошение государю – *шан-бяо-чжан*; ходить в школу – *жу-сюэ*; собирать родню, ходить по домам с визитом – *хуэй-цин-ю*; очищать вещи, строить дом – *сю-цзоу*; копать землю – *дун-тху*; ставить домовые столбы – *шу-чжу*; класть потолочные перекладки – *шан-лян*; утрамбовывать под фундамент землю в строении – *ань-дуй*; покупать скот – *му-ян*; хоронить покойников – *ань-цзин*; не должно – *бу-и*; переселяться – *и-си*. 2-я суббота, цикл *ци-сы*, знак *леу*. Должно: ровнять, исправлять дороги, – *пхин-чжи дао-тху*; не должно – *бу-син*: выезжать из дома. 3-я суббота, цикл *бин-цзы*; знак *ди*. 4-я суббота, цикл *гуэй-вэй* знак – *нюй*. Должно: совершать жертвоприношение – *ци-сы*, надевать свадебную шапку – *гуань-дао*; сватать невесту – *цзе-хуань-инь*; делать визиты – *хуэй-цин-ю*; шить платье – *цай-и*; починивать что-либо – *сю-цзау*; ставить столбы – *шу-чжу*; класть потолочины – *шан-лян*; рыть, копать землю – *дун-тху*; писать контракты – *ли-цюань*; торговать – *цзяу-и*; получать счет, деньги – *на-цай*. Не должно: выезжать – *чу-син*; колоть иглой, шилом, чирьи и тело больного – *чжэнь-цы*. 1-е воскресенье, цикл *гуэй-хай*, знак *мао*. Должно: совершать жертвы – *ци-сы*; омываться – *леу-юй*. 2-е воскресенье, цикл *гэн-ву*, знак *син*. Должно: совершать жертвы – *ци-сы*; разравнивать землю на дороге – *пин-чжи дао-тху*. 3-е воскресенье, цикл *дин-чау*, знак *фан*. Должно: совершать жертвоприношение – *ци-сы*; подавать прошение государю – *шан-бяо чжан*; являться и начинать присутствие – *шан-гуань*; сватать невесту – *цзе-хунь-инь*; делать визиты – *хуэй-цин*; сватать невесту – *цзя-цюй*; выезжать – *чу-син*; переселяться куда-либо – *и-си*; лечить больного – *ляу-бин*; починивать строение – *сю-цзоу*; копать землю – *дун-тху*; ставить столбы – *шу-чжу*; приобретать разные вещи для дома или исправлять старые и поломанные – *шан-лян сю-чжи чань-ву*; делать водосточные трубы, канавки, ручейки – *кхай-цюй*; копать колодцы – *чуань-цзин*: покупать домашний скот – *му-ян*. 4-е

воскресенье, цикл *цзя-шэнь*, знак *сюй*. Должно: мыться – *му-юй*; чистить, убирать комнату – *сау-шэ-юй*; не должно выезжать – *чу-син*.

Март, *сан-юэ* (3-я луна). 1-я суббота, цикл *чэнь-инь*, знак *вэй*. Должно: шить платье – *цай-и*; заключать договоры – *ли-цюань*; торговать – *цзеу-и*; получать деньги – *на-цай*; садить деревья – *цзан-чжун*; покупать скот – *му-ян*; рыть землю на кладбище, копать могилы – *по-тху*. Не должно: переселяться – *и-си*; колоть иглой чирьи больного – *чжень-ши*. 2-я суббота, цикл *дин-ю*, знак *леу*. 3-я суббота, цикл *цзя-чэнь*, знак *ди*. Не должно: копать землю – *дун-тху*. 4-я суббота, цикл *син-хай*, знак *нью* (Дева). Должно: делать визиты – *хуэй-цин-ю*; мыться – *леу-юй*. Не должно: выезжать – *чу-син*. 1-е воскресенье, цикл *син-мау*, знак *мао*. Должно: приносить жертвы – *цзи-сы*; делать визиты родным – *хуэй-син-ю*; выезжать – *чу-син*; производить расчеты, расплату – *ли-цюань*; торговать – *цззу-и*. Не должно: копать земли на кладбище – *дун-тху*. 2-е воскресенье, цикл *ву-сюй*, знак *вэй*. Не должно: садить деревьев – *цай-чжун*. 3-е воскресенье, цикл *и-сы*, знак *фан*. Должно: мыться – *леу-юй*; чистить комнату – *сао-шэ-юй*. Не должно: выезжать – *чу-син*; садить деревья – *цай-чжун*. 4-е воскресенье, цикл *жень-цзы*, знак *сюй*. Должно: приносить жертвы – *цзи-сы*; подавать прошения государю – *шан-бяо-чжан*; открывать присутственные места – *шан-гуань*; ходить в училище – *жу-сюэ*; свататься – *цзе-хун-инь*; делать визиты – *хуэй-цин-ю*; выдавать в замужество дочь, жениться – *цзя-цюй*; нанимать прислугу – *цзинь-жень-коу*; выезжать – *чу-син*; мыться – *му-юй*, лечить больных – *ляу-бин*; шить платье – *цай*; строить дома – *сю-цзоу*; рыть землю – *дун-тху*; ставить столбы в доме – *шу-чжу*; класть перекладины – *шан-лянь*; открывать лавку, магазин – *кхай-ши*; производить денежные расчеты – *ли-цюань*; торговать – *цзеу-и*; садить деревья – *цай-чжун*; покупать скот – *му-ян*; копать на кладбище могилы – *по-тху*; хоронить умерших – *янь-цзан*.

Апрель, *сы-юэ* (4-я луна). 1-я суббота, цикл *сюй-ву*, знак *вей*. Должно: совершать жертвоприношения – *цзи-сы*. 2-я суббота, цикл *и-чау*, знак *леу*. Должно: совершать жертвоприношения – *цзи-сы*; нанимать прислугу – *цзинь-жень-коу*; получать деньги – *на-цай*; ловить опасных, недобрых людей (воров, разбойников) – *бу-чжэ*. 3-я суббота, цикл *гуй-ю*, знак *ди*. Должно: совершать жертвоприношения – *цзи-сы*; мыться – *му-юй*; очищать комнату – *сау-шэ-юй*; ровнять, починивать дороги – *пин-чжи-дао-тху*. 4-я суббота, цикл *цзи-мао*, знак *нью*. Должно: совершать жертвоприношения – *цзи-сы*; ходить в училище – *жу-сюэ*. Не должно: рыть землю – *дун-тху*. 1-е воскресенье, цикл *цзи-вей*, знак *мао*. 2-е воскресенье, цикл *бин-инь*, знак *синь*. Должно: подавать прошения на имя государя – *шан-бяо-чжан*; открывать присутствие – *шан-гуань*; ходить в школу – *жу-сюэ*; делать визиты – *хуэй-цин-ю*; сватать невесту – *цзи-хун-инь*; выезжать – *чу-син*; переселяться – *и-си*; ставить в дому столбы – *шу-чжу*; класть перекладины – *шань-лянь*; покупать скот – *му-ян*. Не должно: колоть иглою раны и чирьи – *чжэнь-цы*. 3-е воскресенье, цикл *гуй-ю*, знак *фан*. Должно: открывать присутственное место – *шан-чуань*; надевать женский головной убор, украшения – *гуань-дай*; сватать невесту – *цзе-хун-инь*; выдавать замуж – *цзя-цюй*; нанимать прислугу или мастеров – *цзинь-жень-коу*; выезжать – *чу-син*; переселяться – *и-си*; мыться – *му-юй*; мыть и брить голову – *цзи-тоу*; шить платье – *цай-и*; строить дом, – *сю-цзоу*; рыть землю – *дун-тху*; ставить столбы – *шу-чжу*; класть перекладины – *шан-лянь*; открывать лавки – *кхай-ши*; делать расчеты – *ли-цюань*; торговать – *цзеу-и*; получать деньги – *на-цай*; чистить комнаты – *сау-шэ-юй*; покупать скот – *му-ян*; копать ямы, могилы – *по-тху*; хоронить – *янь-цзин*. 4-е воскресенье, цикл *чэн-гэнь*, знак *сюй*. Должно: приносить жертвы – *цзи-сы*. Не должно: колоть иглою чирья – *чжэнь-цы*; садить деревья – *цай-чжун*.

Май, *ву-юэ* (5-я луна) – 1-я суббота, цикл *синь-мао*, знак *леу*. Должно: открывать присутствие – *шан-гуань*; делать визиты – *хуэй-цин-ю*; шить платье – *цай-и*. Не должно: копать, рыть землю – *дун-тху*. 2-я суббота, цикл – *гэн-цзы*, знак *ди*. Должно: приносить жертвы – *цзи-сы*; подавать челобитье государю – *шан-бяо-чжан*; открывать присутствие – *шан-гуань*; свататься и устроить брак – *цзи-хун-инь*; делать визиты – *хуэй-цин-ю*; выдавать дочь замуж – *цзя-цюй*; выезжать – *чу-син*; переселяться – *и-си*; ставить дом и спальню – *ань-чуан*; мыться – *му-юй*; шить платье – *цай-и*; ставить столбы – *шу-чжу*; класть перекладины – *шан-лянь*; садить деревья – *цай-чжун*; покупать скот – *му-ян*; рыть могилы, копать землю – *по-тху*; хоронить умерших – *ань-цзин*. 3-я суббота, цикл *дин-вэй*, знак *нью*. Должно: приносить жертвы – *цзи-сы*; подавать челобитье государю – *шан-бяо-чжан*; открывать присутствие – *шан-гуань*; сватать невесту – *цзи-хун-инь*; делать визиты – *хуэй-цин-ю*; совершать брачную церемонию – *цзя-и-юй*; нанимать прислугу – *цзинь-жень-коу*; выезжать куда – *чу-син*; переселяться – *и-си*; мыться – *му-юй*; шить платье – *цай-и*; строить дома – *сю-цзоу*; рыть землю – *дун-тху*; ставить столбы – *шу-чжу*; полагать

перекладины на потолке – *шан-лян*; открывать лавки – *кхай-ши*; производить расчеты – *ли-цюань*; торговать – *цзеу-и*; получать расчет – *на-цай*; убирать комнату, очищать её – *сау-шэ-юй*; садить деревья – *цзай-чжун*; покупать скот – *му-ян*. 4-я суббота, цикл *цзя-инь*, знак *вэй*. Должно: открывать присутствие – *шан-гуань*; ходить в школу – *жу-сюэ*; нанимать прислугу – *цзинь-жень-кау*; выезжать – *чу-син*; лечить больных – *ляу-бин*; шить платье – *цай-и*; строить дом – *сю-цоу*; рыть землю – *дун-тху*; ставить столбы – *шу-чжу*; класть перекладины – *шан-лян*; открывать лавки – *кхай-ши*; производить расчеты – *ли-цюань*; торговать – *цзяу-и*; получать деньги – *на-цай*; садить деревья – *цай-чжун*; покупать скот – *му-ян*; копать могилы, рыть землю – *по-тху*.

Отделение 6-е. Конфуцианство, его политико-социальные, философско-религиозные принципы, классически-образовательное и законодательное значение для Китая

Император, народ, класс ученых, богослужение и храмы, священные книги и литература, школы, уставы, правила, наставления, в русском переводе лучших образцов, содержание и анализ некоторых и прочие дополнения

§ 71. Предварительные замечания, определение предмета обзора и план

а) китайская раса как культурная сила для азиатских народов ей подвластных, значение языка и классической литературы и прочие особенности, имена ученых, приводимых ниже; б) определение ими конфуцианства; в) указание на текстуальные приложения и общие дополнения к отделам, предшествующим и настоящему

В предыдущих отделениях историко-литературного развития буддизма и даосизма не раз приходилось касаться, в некоторых отношениях, и конфуцианства в его положительном или отрицательном влиянии на религиозно-философские и политические принципы, а также на язык и литературу китайцев и народов, с ними соприкосновенных. Переходим к более специальному рассмотрению этой великой культурной силы, играющей многие века важную роль в истории языка и письмен, просвещения, в ифике и политике китайской расы, получившей чрез это авторитет и руководящее значение для народов и племен соподчиненных азиатского мира. Конфуцианством связуются многообразные элементы при необычайной устойчивости в концепции, методе их расчленения и приведения к единству типа, характерно выделяющего огромную китайскую империю и доселе из ряда ей подобных в глубокой древности. Государство это, с цивилизацией вполне политической, успело не только сконцентрироваться, но и удержаться внутри собственных пределов, с обществом строго сформированным, обязанным самим законодательством держаться патриархально-индивидуальной более, нежели международной-общественной жизни в обширном смысле. Моносиллабический язык с иероглифической письменностью 12,000, даже 15,000 оригинальных слов, 214 ключевых знаков (по Канси) или 1,040 (по Каллери) с убогой фонетикой, служить коренным началом сплочения и оригинальности китайцев в собственном смысле; благодаря великой образовательной силе классических мудрецов, их изучению почти всю жизнь и неуклонному стремлению повиноваться их принципам, китаец сохраняет глубокое почитание предков, строгое сыновнее благочестие, живет нераздельною жизнью с природой, обоготворяя её силы и законы, не выступает из границ ею начертанных, вступает рано в брачное сожитие и дорожит семейною жизнью как и собственностью не выходя из семьи и рода, повинует власти, – к государю и правительству относится как сын к отцу-матери; привязанный к формальности, церемониям, почтению и служению предкам, мудрецам, китаец имеет своеобразную религию, нравственно обрядовая сторона которой определена в «цзин» и постановлениях правительственных, подобно еврейскому Пятикнижию. Судя по народному календарю княжества Кау – «Юэ-лин», составляющему часть «Ли-цзи-цзин», нет такой мелочи, которая бы не была обдумана и заранее не определена со строгостью закона и силою народного обычая. Отступления от сего рода обрядника и правил наравне с прочими почитаются невозможным для китайца; поэтому он предан им всею душой, дает высокую цену и значение, недоверчиво относится к чужеземным религиозным формам и особенностям культа. Перелагая на свой классический язык идеи и формы жизни других народов, китайцы усваивают то, что им нужно, выбрасывая все несродное, вырабатывают свое национальное, которому следуют и оберегают ревниво. Основываясь на конфуцианской системе языка, письмен, идей, нравов и обычаев, постановлений и правил жизни, китайцы сохраняют крепкую этнографическую единицу, их интеллект направлен к господству и преобладанию над прочими до казуистического разграничения и определения отношений личных, гражданских, государственных, общественных и международных (по сношению с иностранцами). Силою оружия покоряющие китайцев народы Азии, сами подпадают культурно их влиянию и авторитету умственно-нравственному и со временем все более сплачиваются с ними если не наружно, то внутреннею связью законодательства, управления, просвещения. Таковы монголы, маньчжуры, корейцы и другие племена и народы, копирующие китайцев, подражающие им в устройении городского общежития и образованности, перенимающие их изобретения и улучшения в внешней жизни. Д-р S. W. Williams (в гл. XVIII «the middle Kingdom»), при обсуждении причин постоянства китайского государственного строя, дает большое значение конфуцианству; его выводы резюмирует в том же духе Rev. A. P. Harper (в the Chinese Recorder, vol. XV, p. 124–139), Пользуясь этими выводами, также исследованиями по разным предметам других ученых (Легг, Потье, Эдкинс, С. Жульен, Базен, Премар, Паркер, Перни, Мартан, Чальмерс, Моррисон, Кланрот, Дуоляйтль, о. Иакинф, В. П. Васильев, архим. Палладий, С. М. Георгиевский, М. Миллер и др.) предлагаем обозреваемые нами предметы в следующих гранях: I) Исторические

особенности интеллекта китайской расы – её исключительность и постоянство, под руководящим авторитетом конфуцианства (в политическом, социальном, нравственно-религиозном и образовательном отношении), как силы господствующей и самобытной, оригинальной, среди прочих ей подчиненных (в образовании класса ученого и правительственного, самого народа в устройении личном и семейном, государя императора и князей в особенности).

II) Разные определения конфуцианства у европейских ученых, его классическое образовательное значение, канон, содержание "*Цзинов*" и "*Шу*" с очерком литературы прочих писателей, анализ и особенные замечания к некоторым книгам (определения, концепция, система, и метод, расчленение понятий и иероглифов), обзор известных китайских сборников и энциклопедий, словарей, их значение, особенности, содержание, издания. При сем строго разграничиваем собственно классические книги Конфуэца и других мудрецов, от прочих родов литературы народной, о лучших произведениях которой даем также надлежащие понятия, ибо умолчание о них могло-бы повести к ошибочному взгляду на произведения народного творчества, не могущего никогда стоять на одной степени строго определенной и неизменной.

III). Текстуальные приложения с предварительным к ним изложением содержания.

А. Важное значение придаем составленному собранию текстов и изречений из разных классических китайских писателей в русском переводе (по трудам Чальмерса. Премара и Сионнэ), учения «о Боге, природе, человеке, с нравственными идеями о святом, сказания о его пришествии в мир для спасения людей, нравственных его качествах и служении человечеству и проч.». Римско-католические и английские миссионеры, руководимые высшими побуждениями отыскания следов христианства у языческих писателей, более или менее подходящих к библейским представлениям и понятиям, собрали все под разными рубриками, что было для них возможно; а потому, составленная ими *энциклопедия догматико-нравственного богословия* заслуживает особенного внимания, которую и предлагаем в начале собрания наших китайских конфуцианских текстов. К сему же роду собрания принадлежат отрывочные тексты из китайских классиков, составленные английскими миссионерами для целей проповеди христианской; они изданы в словаре Дуоляйтля и отнесены нами к общей грани нравственных мелких изречений и наставлений из классиков.

Б) Классические книги или рассуждения, имеющие общее философское и нравственно-религиозное значение, богатые основными истинами и определениями, для руководства в жизни китайцев суть: 1) «*Хун-фань*» – или великий план небесного мироправителя, 2) "*Чжун-юн*" – вечная, неизменяемая середина, или книга о принципах равновесия и гармонии мира; 3) "*ю-ци*" – рассуждение о музыке и пении (их основные начала, средства выполнения, способы, значение в жизни государственной и личной); 4) «*сяо-цин*» – книга о сыновнем благочестии или об отношениях детей к родителям и родителей к детям; 5) мемориал И-жуна о перенесении священного изображения таблиц и книг императора *Дао-Гуана* из Пекина в Мукден, 1868 г. Описанная церемония приводится как характеристика отношения современных китайцев к личности царствующих особ императорского дома, в связи с принципами сыновнего благочестия и культом почившим предкам; 6) "*юэ-лин*" или книга, содержащая расписание для народа, императора и правительства, – занятий, обрядов, церемоний, с замечаниями о природе, в течении двенадцати месяцев года.

В) Особенное внимание уделяя школьному делу – методу воспитания, дисциплине, характеристике ученых, учителей, учеников и вообще – благовоспитанных людей, в виде правил, советов, наставлений, изречений семейно-школьных, заметим, что они давно переведены на европ. языки гг. учеными (Моррисон, Базен, Потье, Легг и др.) как образцы, могущие быть весьма полезными в организации всякой благоустроенной школы, – в Китае по преимуществу; для гг. иностранцев, являющихся в Китай учителями это особенно важно и знать необходимо, между тем, гг. миссионерами не всегда обращается на сей предмет должное внимание ко вреду их собственного дела и цели. Переведенные нами на русский язык конфуцианские книги и правила касательно народного образования суть: 1) "*Цзин-цзе*" о книгах в китайской школе и методе изучения оных, со взглядом *Ван-ань-ши* на книги не конфуцианские; 2) «*Вэнь-ван-ши-цзы*», правила Вэнь-вана о воспитании и образовании юношества и соблюдении разных церемоний наследником престола, с дополнительным к ним описанием императорских училищ и главных храмов, заимствованным из китайского трактата об архитектуре; 3) "*Сио-цзы*", записка о воспитании и занятиях в высшей школе; 4) «*Да-сюэ-цин*», – книга великого знания для совершеннолетних; 5) школьный устав ученого «*Ши-чжэнь-цзюй*» в 100 параграфах; 6) «*Ду-шу*»

синь-фа» – правила о чтении книг и способах усвоения оных; 7) о китайских сочинениях на экзаменах – их признаки, виды, примеры; 8) *«Цюй-син»* – о поведении ученого конфуцианца, его характере и занятиях; 9) правила о поведении учеников заимствованные из *“Цзя-Бао”* или семейных наставлений – «семейного сокровища»; 10) прочие мелкие наставления разнообразного содержания, принадлежащие *Гуан-фу-цзы, Лю-кхун-чжу* и другим.

IV) *Общие дополнения к VI-му и предшествующим отделениям.* Говоря о китайской расе, слагающей ныне господствующую культурную силу в государстве китайском, не можем не обратить внимания на древний состав племен и народов, сплотившихся для того, чтобы дать ей все разнообразные элементы оригинальности и отдельности, особенно влиявшие на формацию китайского языка – его письмена и диалекты, нравы и обычаи народа, от народов индо-европейских отличные. 1) Известен в европейской науке этнографический обзор народов Центральной Азии, населявших оную до Р. Х. и по Р. Х. по XI стол., составленный как дополнение к карте ученого Клапорта о сем предмете. Предлагаем этот обзор в русском переводе, пользуясь английским в обработке г. Филиппса, в словаре китайско-английском Дуоляйтля. В. П. Васильев, о. арх. Палладий, о. Иакинф и С. М. Георгиевский в своих исследованиях о Китае не касались подробно означенного ученого материала Клапорта, а потому считаем долгом восполнить этот недостаток в настоящем своем труде. 2) Не менее заслуживают внимания выводы Тайлора о формации письмен и алфавита сиро-халдейского, как влиявшего на образование алфавита и письмен у монголов и маньчжуров; 3) И. Эдкинсу принадлежит в свою очередь попытка теории о сродстве или соотношении языка еврейского к китайскому. Выводы означенных ученых также предлагаем в существенном изложении на русском языке; 4) все заканчиваем таблицами рисунков к тексту, с относящимися к ним пояснениями. *В общем заключении* к шести отделениям I-й части нашего труда даем резюме наиболее выдающихся предметов, служащих основанием последующего специального очерка во 2-й части по истории переводов Библии и христианства в Китае, Японии и Корее.

§ 72. Китайская раса, этнографические элементы и характер, особенности правительственной системы под знаменем конфуцианства и монархизма

Условия географические и пункты слияния китайского народа, его состав (во Клапроту, Георгиевскому, Иакинфу) и перечень племен, образование диалектов и сродство китайского языка с соседними народами и племенами, места утверждения; характеристика китайцев (по Вильямсу), устойчивость начала правительственного при разных переворотах и влияниях – внутренних и внешних, население Китая за разные периоды, наплыв религий чужеземных и сила конфуцианских учреждений с преобладающим их влиянием – (просвещение и цензорат), дуализм в направлении и системе народной жизни и правительства от соединения китайцев с монголо-маньчжурами и согласие на началах государственной мудрости, участии мудрых людей, силе закона и авторитете классических писателей

Географическое положение страны Китая как бы создано для исключительности от прочих азиатских рас, с древнейших времен, создаются поэтому и такие своеобразные условия и уставы жизни, которые нигде в других местах применимы быть не могут. Туземные обитатели, еще задолго до Р. Х. занимают бассейн желтой реки (хуан-хэ) или девять северных провинций, на которые делится нынешняя империя; четыре из них прилегают в юго-восточной отлогости обширной долины центральной Азии, а высшие места занимают горными кряжами с проходными ущельями, следуют далее пустыни Гобийская или Шамо и прочие мелкие в том же роде, служащие все естественною преградой и защитой Китая от вторжения орд чужих народов и племен, с бассейна р. Тарим, также – возвышенных местностей древней Персии, нынешней северной России и части около Каспийского моря и далее. Наиболее частые вторжения совершались от скифов, гуннов, монголов и турок по окраинам собственно древнего Китая, остававшегося неприкосновенным и неизменяющего внутреннего течения своего доселе. Пользуясь благоприятными естественными условиями жизни, китайцы вели мирные сношения с купцами Индии, Тибета, и центральной Азии, чрез что обогащались новыми предметами богатства, влиявшими на видоизменение культуры и цивилизации, особенно в научном и религиозном отношении. Буддийские миссионеры Индии вносят новые воззрения и обычаи в Китай, и дают иное направление мысли и нравов. В отношении к самым народностям и племенам Китая и центральной Азии, игравшим роль в создании огромного китайского государства, не можем терять из виду свидетельства о них разбросанные у разных китайских историков и сведенных во едино ученым Клапротом в его замечательной этнографической таблице, воспроизведенной Г. Филиппсом в словаре Дуоляйтля (1872 г. vol. II). Здесь очерчены все разветвления рас и племен бродивших по означенному пространству Азии в течении тысячелетия до Р. Х. и по Р. Х. известных по VII и XI ст.; они обобщаются по восьми группам с их подразделениями так: 1. *тунгузские народы*; 2. *сянь-вэй*; 3. *корейская ветвь сянь-вэй*; 4. *тюркские народы*; 5. *тибетяне*; 6. *алане или готфские белокурые племена*; 7. *расы большей частью нагорной центральной Азии, цзун-лин*; 8. *царство Индии и западно-персидские провинции*. Не вдаваясь в подробности частного описания и названий, при рассуждении настоящим, предлагаем в особом приложении эту этнографическую таблицу, дающую возможность судить определенно и о тех лингвистических элементах, которые несомненно вошли и оказали огромное влияние на язык и письмена китайские, многие обычаи и нравы, которыми только может объясниться характер современных китайцев, их тип и особенности физиономии и всей вообще структуры. С. М. Георгиевский, посвятивший немало ученого анализа в разборе «корневого состава китайского языка, в связи с вопросом о происхождении китайцев» (С. П. Б-г, 1888 г.), устанавливает следующие в означенном отношении выводы: 1. В собственном Китае живет доселе немало племен исконных инородцев, именно: в пров. Гуан-си: *Мяо, Яо, Лин, Я, Нео, Мин*; в пров. Фу-цзянь: *Юэ-минь*; в пров. Гуан-дун: – *Яо*; в пров. Гуй-чжоу – *Мяо*; в пров. Юнь-нань: – *Мань*; разделяющиеся на *Мань, Лоло, Мяо*; в пров. Ху-нань: – *Хун-мяо, Цин-мяо, Яо*, и другие называемые вообще *Ту-жень* – туземцы; в пров. Сы-чуань и Гань-су: – *фань*, тангуты. В остальных 10-ти провинциях нет ныне древних инородцев, но живут переселенцы из разных мест, поздней истории.

2) При Чжоу – первой династии в Китае (от 1122 до 249 г. до Р. Х.) в китайских землях к югу от р. Ян-цзы-цзяна, число инородцев очень значительно, именно: в пров. Сы-чуань: – *Ба и Шу*; в пров. Гань-су: – *Да-жун, Си-жун, Лю-цзи-чжи-жун*; в пров. Шэнь-си; – *Цюань-жун, Ли-жун, Сянь-*

юнь; (они же и в Шань-си); в пров. Шань-си: – *Дун-шань-гао-ли-ши*, *Цян-цзю-жу*, *Лу-ши*, *Лю-сюй*, *До-чэн*; в пров. Чжи-ли: – *Цзя-ши*, *Сянь-юй* (они же Чжун-шань), *Фэй*, *Гу*, *У-чжун*, *Бэй-жун*, *Шань-жун*; в пров. Шань-дун: – *Жун*, *Соу-мань* (они же Чан-ди), *Цзе*, *Лай*, *Гэнь-моу*; в пров. Хэ-нань: – *Ян-цзюй-жун*, *Цюань-гао-жун*, *И-ло-чжи-жун*, *Лу-хунь-чжи-жун*, (они же *Сяо-жун*, *Цзян-жун*), *Жун-мань*, *Мао-жун* (они же в пров. Шань-си), *Цюнь-мань* (они же и в пров. Ху-бэй); в пров. Ань-хой: – *Сюй-жун*, *Хуай-и* (они же в пров. Цзян-су); в пров. Ху-нань: – *Бо-лу*; в пров. Ху-бэй: – *Лу-жун*; в провинциях Ху-бэй, Ху-нань, Ань-хой, Цзян-си, Чжэ-цзян: – *Цзин-мин*. 3) При династиях Ся и Шан известны племена: *Фын-и*, *Хуан-и*, *Юй-и*, *Бай-и*, *Сюань-и*, *Чи-и*, *Цзюань-и*, *Лань-и*, *Юн*, *По*, *Цян*, *Мао*, *Вэй*, *Пэн*, и др. 4) Самые уделы княжеств, вошедшие в состав единой Китайской империи, и народ, со времени *Цинь-ши-хуан-ди*, и поглотившие инородческие племена были (как представляет их схематически Г. Георгиевский): а) в уделе *Цинь* (пров. Гань-су, Шэнь-си, Сы-чуань) поглощенные инородцы: *Да-жун*, *Лю-цзи-чжи-жун*, *Си-жун*, *Цюань-жун*, *Ли-жун*, *Сянь-юнь*, *Ба*, *Шу*; б) в уд. *Цзинь* (пров. Шань-си): – *Сянь-юнь*, *Мао-жун*, *Чи-ди* (распадавшиеся на *Дун-шань-гао-ло-ши*, *Цин-цзю-жу*, *Лу-ши*, *Лю-сюй*, *До-чэн*); в) уделы *Янь* (в пров. Чжи-ли); г) *Ци*, *Цао*, *Лу*, (в пров. Шан-дун): *Цзя-ши* (племя *Чи-ди*), *Бай-ди* (распадавшиеся на племена *Сянь-вей* или *Чжун-шан*, *Фэй* и *Гу*), *У-чжун*, *Бэй-жун*, *Шань-жун*, *Жун*, *Соу-мань* (или *Чан-ди*), *Цзе*, *Лай*, *Гэнь-моу*; д) уделы (пров. Хэ-нань) *Чжоу*, *Чжэн*, *Цай*, *Вэй*, *Чэнь*, *Сун*, инородцы: *Ян-цзюй-жун*, *Цюань-гао-жун*, *И-ло-чжи-жун*, *Лу-хунь-чжи-жун* (иначе – *Сяо-жун*, и *Цзян-жун*), *Жун-мань*, *Мяо-жун*, *Цюнь-мань*; е) в пров. Цзян-су, удел *У*, инородцы *Хуай-и*; ж) уд. *Чу*, (в пров. Ху-бэй, Ань-хуй, северные Ху-нань и Цзян-су), инородцы: *Цюнь-мань*, *Лу-жун*, *Бо-лу*, *Цзин-мань*, *Сюй-жун*, *Хуай-и*.

з) Уд. *Юэ* (в пров. Чжэ-цзян), инородцы: *Цзин-мань*. Не касаясь дальнейшей фармации и обособления, затем постепенного изменения и слияния в единое тело китайского народа, означенных инородческих племен (на чем специально останавливается г. Георгиевский), заметим, что эти разнородные этнографические элементы сильно повлияли на китайский язык, послужив причиной многих диалектов с их вариациями, что отразилось и на иероглифической письменности. При государе *Цинь-ши-хуан-ди*, объединившем Китайскую империю действительно явилась потребность к выработке стройной системы письма. Известен первый опыт этой работы министра *Ли-сы*; он сократил древний почерк *да-чжуань* и создал *новый* – *сяо-чжуань*, который впоследствии еще упрощен чиновником *Чэн-ма*; этот последний почерк, под именем *Ли-шу* сохранился в основе и на дальнейшие времена. При сравнительном анализе корней, инициалов, финалов, суффиксов, способа произношения оных и сочетания в словах и выражениях, письменной и устной речи, китайский язык оказывается родственным со словами *арийскими*, *японскими*, *корейскими*, *маньчжурскими*, *монгольскими*, *турецко-татарскими*, *тибетскими*, *аннамскими*, *сиамскими*, *бирманскими*. Самые случаи, примеры этого сходства языков, и в разных провинциях Китая, где были древние уделы, подробно указываются г. Георгиевским и подтверждаются таблицей этнографических племен населявших Центральную Азию в древние времена, какою она представляется у г. Клапрота, на основании китайских и других источников. По свидетельству о. Иоакима (Китай, 1840 г.), племена, ныне населяющие Китай, суть: 1) *китайцы*; 2) *маньчжуры*; 3) *монголы*; 4) *туркестанцы*; 5) *фань*; 6) *цян*; 7) *мiao*; 8) *яо*; 9) *ли*; 10) *и*. *Китайцы* как коренные обитатели составляют самое многочисленное племя, и обитают по всем губерниям. *Маньчжуры* очень малочисленны; но как племя господствующее в Китае, содержит только гарнизоны в важных городах. *Монголы*, вошедшие в Китай вместе с маньчжурами, служат в Пекине и в гарнизонах по губерниям. *Туркестанцами* называются татары, обитающие в разных губерниях, и причисленные к податному сословию. Только саларские татары в губернии Гань-су находятся под ведомством своих родовых старшин. *Фань* есть китайское общее название тангутов, обитающих в губерниях: Гань-су, Сы-чуань и Юнь-нань. Это же название носят жители острова Тхай-вань, состоящие под зависимостью Китая. *Цян* есть древнее китайское название некоторых тангутских родов, обитающих в Се-чжеу в губернии Гань-су и в Мэу-чжеу в губернии Сы-чуань. *Miao* суть предки тангутов, рассеянно живущие в губерниях Ху-нань, Сы-чуань, Гуан-си и Гуй-чжеу. *Яо* есть название инородцев, обитающих в губерниях Ху-нань и Гуан-дун. *Ли* суть инородцы, обитающие на острове Хай-нань. *И* суть также инородцы, живущие в губернии Ху-нань. В отношении к счислению народа податных сословий, совершеннолетие мужеского пола полагается с 16, а устарелость в 60 лет.

Многообразие причин географических и этнографических, сношений с разными народами, влияло на Китай в высшей степени плодотворно, и самая изолированность содействовала концентрированию и переработке национально-государственных сил в оригинальных формах.

Нравственные и социальные постановления и правила мудрецов, правителей, советников, старших и опытных руководителей и родоначальников, служили семенем, которое со временем давало обильный рост и плоды. Прежде всего, как *раса*, китайцы владеют умственно-нравственным и социальным характером, дающим право на существование как народа. Они смелы, решительны, положительны, имеют превосходных организаторов и администраторов; владеют законодательным талантом, ценят добрый порядок и закономерность; признают разные отношения жизни и обязанности, кои исполняют со всею ревностью; любят промышленность, практичны во всех занятиях и трудах житейских, успешны в разных изделиях; всегда проявляют высший ум и энергию; каждая династия имеет замечательных, талантливых государей; существует по большей части непрерывное преемство способных государственных людей и администраторов, знаменитых ученых и мудрецов, в каждом столетии есть выдающиеся своеобразные философы и писатели. Сам народ всегда стоит на высоте своей цивилизации, управления и силе, не уступая соседним нациям, которые сами сознают это превосходство. Известны в истории примеры, когда верховную власть приобретают простые правители, без всяких потрясений в политике, и все вообще государи руководятся с уважением и подчинением к выработанным формам и обычаям их предшественниками. Изучение искусств и мануфактуры, успехи в оных содействуют развитию житейского комфорта, начиная с древних времен славятся шелковые ткани, обделка драгоценных камней и металлические изделия, также пользуются неменьшею распространенностью бумага и печатные книги, рисунки, приготовляемые на вырезанных деревянных досках, равно фарфоровые изделия; каменные, кирпичные и земляные постройки начиная с простых деревенских и кончая дворцовыми, монастырскими и монументальными, не менее достойны внимания; дело воспитания и образования ведется не менее успешно и ученость пользуется должным уважением в народе. Такова первая причина из рассмотренных признаков успеха китайской расы на её территории, по мнению д-ра Вилльямса, вторая заключается в форме правительственной, продолжающейся неизменно в течении многих столетий, несмотря на разные революции и перемены династий. Под монархическою формой правления существует китайский народ с 2205 г. до Р. Х. по 1895 г. по Р. Х., т. е. 4.098 годов; в двадцати шести династиях, начиная с императора Ю до великого Канси, по китайской хронологии, сменялось 238 государей; средним числом каждая династия продолжалась не менее 157 годов и каждый монарх царствовал по 17 годов; совершилось двадцать пять политических переворотов при внутренней междоусобице и войне в периоды более или менее продолжительные и сопровождавшиеся значительным обезлюдением страны. Пережиты и не менее тяжкие столкновения военные с разными народами, в разное время, каковы – гунны, татары, монголы, маньчжуры, тибетяне, аннамцы, сиамцы, бирманцы, корейцы, японцы, англичане, французы, португальцы и испанцы, отчасти русские. Девятнадцатое столетие особенно ужасно для Китая по страшным потерям людей и деморализации при восстании тайпингов, охватившем 16-ть провинций, и восстании магометан на С.-З. и Ю.-З., с последовавшим затем голодом; после первого убыло разом *двадцать* миллионов народонаселения; при столкновении мослемов с китайцами, с 1855 по 1874 г., в провинции Юннаньской, в одну ночь было вырезано все магометанское население. Генеральный французский консул Тирсанд в своей книге «le Mahométanisme en Chine» замечает, что «семьдесят семь укрепленных городов были взяты приступом и зверски опустошены, сорок из них абсолютно разрушены, бесчисленные местечки, деревни, мызы и домики истреблены до основания, имущество разграблено». За 19-ть лет в Юннане и в короткий период в Кансу выбыло живых людей *восемь миллионов*. От голода в провинциях Чжили, Шандуне, Шанси, Шэнси и Хонани, погибли *тринадцать миллионов*. Несмотря на то, нынешнее население Китая достигает до *трехсот миллионов*. Подобного рода вышепомянутые (от землетрясений, наводнений, моровой язвы) несчастья, повторявшиеся неоднократно в истории Китая, составляют необычайный контраст с неутомимой энергией труда и всесторонним развитием всех сил в мирное время. Исторический рост населения в Китае шел таким образом: в IX ст. до Р. Х. насчитывалось 21.753.528; после Р. Х. – 80.000.000; в 1102 г. – населения было *сто* миллионов; в 1290 г. при монгольском завоевании насчитывалось *пятьдесят восемь* миллионов; при мингской династии – *шестьдесят шесть* миллионов; с 1472 по 1812 г. народонаселение возросло до *трехсот двенадцати миллионов*. Много убыло народу в Китае, много явилось новых племен и религиозных сект, направлений с древних времен до новейших, но основные принципы собственно китайских мудрецов, государей, правителей, остаются фундаментальными,

простираясь на всех подданных, без изъятия религиозных особенностей для буддистов, магометан, евреев, христиан, и других. По основным законам современной китайской империи («да-цзин-хуэй-тянь», т. е. свод постановлений великой чистой династии), государственное управление основано на семейном; император есть духовный и светский верховный повелитель и государь, главный первосвященник, управляющий народом чрез непосредственных своих представителей и министров, заведующий великими религиозными и другими церемониями. Церковной иерархии признанной государственною и содержимой на казенный счет, кроме некоторых исключений и привилегий, – нет; государственной религией признается только конфуцианское вероучение и обряды в коих непосредственно заинтересован и всегда принимает известное участие сам государь император Китая. Царственные «Цзины мудрецов» привитые повсюду в империи в течении двадцати пяти столетий оказывают неотразимое влияние на ум и форму народного государственного духа; более миллиона школьных учителей прежде всего испытывает силу и могущество этого влияния; обширный класс *literati* – ученых, просвещенных и благовоспитанных людей царит повсюду и управляет общественным и личным мнением. Всякая новизна, идея, непротестовавшая и не переработанная головами китайских ученых, не может иметь силы и самостоятельности без их активного участия, может остаться всегда только в процессе борьбы и отрицательной силы, быть в тени, игнорируемой большим светом общества. Администрация империи состоит под дирекцией Внутреннего Тайного Совета, состоящего из четырех членов (два монголо-маньчжура и два китайца), сверх двух ассистентов от Ганлина или Академии. Эти последние суть ученые члены надзирающие затем, чтобы ничего не происходило противного гражданским и религиозным законам империи, что определено, предусмотрено и содержится в «Да-цзин-хуэй-тянь» и в священных книгах Конфуцзы – «Цзинах». Эти члены именуются «Да-сюэ-цзы» или государственные министры. Под их ведением состоит Лю-бу или шесть министерств, во главе управления которых состоят один природный монголо-маньчжур и другой – китаец. Эти министерства суть: 1) «Ли-бу» – министерство чинов заведующее назначением на должности способных, образованных и нравственных людей; 2) «Ху-бу» – министерство финансов; 3) «Ли-бу» – министерство обрядов и церемоний, наблюдающее за правильным исполнением оных всем народом; 4) «Бин-бу» – министерство военное для армии, кавалерии и флота; 5) «Син-бу» – министерство уголовное или вообще юстиции; 6) «Гун-бу» – Министерство общественных работ. Ко всему причисляется еще «Цзун-ли ямынь», т. е. министерство иностранных дел для сношений с иностранцами и державами, имеющими своих представителей в самом Китае. Независимо от всех, и выше всего стоит «Ду-ча-юань» или комитет общественных цензоров (ма-кань-гуань) иначе «Прокурорский Приказ»; их всего от 40 до 50 членов под председательством одного монголо-маньчжура и одного китайца. По привилегии издревле, они имеют непосредственно право докладывать государю о делах лично. Один из цензоров обязательно и постоянно должен присутствовать на собрании или совещании, в каждом министерстве. Прокурорский приказ занимается: а) надзором за порядком в делах по всем частям государственного управления; б) за поведением чиновников; в) за нравственностью в народе. К составу приказа принадлежит шесть палатских контор «Му-кхо» и пятнадцать прокурорских отделений – «дао», заведуют ревизией дел 18-ти губерний и Маньчжурии. В ведомстве сего приказа состоят 109 прокуроров – «Дао», служащих по разным частям управления в губерниях. Нельзя без особенного чувства почтения и умиления читать доклады этих учреждений и лиц государю императору, нередко направленных к его личному вразумлению в ошибочности и неправильности действий, и сопряженных со страхом смерти и ответственности пред Богом. Образцы сих докладов изложены в русском переводе С. М. Георгиевским в его труде (Принципы жизни Китая, 1888, гл. XII, стр. 417–429). Замечаемый дуализм в назначении на должности из китайцев и монголо-маньчжуров установился со времени вступления на китайский престол монгольских государей и с тех пор, для удобства в управлении собственно китайским народом и расы монголо-маньчжурской, соблюдается доселе; раньше сего – чины избирались только из китайцев. Таким образом, учрежденное правительство обнаруживает светлые принципы в делении должностей и направлено к покровительству народа, безопасности его жизни, труда, собственности, чести, продолжении рода, – соответствует и, во многих случаях, не уступает подобным учреждениям христианской Западной Европы. Д-р Вильямс замечает «Китайское правительство имеет доныне демократические привычки, уважает права подданных, оберегая их законами, поставляет государя ответственным лицом пред высочайшею силою (Неба), могуще наказывать его, заботится о предотвращении всякого рода господства

феодалов, наследственных и жреческих классов», и что «в советах от Яо до Шуня находится весьма много самых лучших изречений (maxims) о добром управлении государством, весьма полезных для правителей, управляемых, освященных и соблюдаемых свято издревле во всей стране. По основным законам «император может избирать для себя при управлении только лучших и вполне достойных лиц» (Шу-цзин р. 262). Об одном государе говорится, что «раздавал великие должности людям великой добродетели, ценил их труды достойно великими наградами». По Конфуцзы, «доброе управление зависит только от участия в нем способных людей», что «справедливость – в природе вещей; высшее обнаружение её зависит от честных, нравственных и талантливых людей». Мэнцзы говорит: «Когда человек добродетельный занимает официальное положение, ему соответствующее, и имеет у себя сподручных талантливых людей, и когда правительственные члены ведут дела не спеша, но обдуманно и осторожно, тогда законы – во всей их славе и благолепии, и из самых дальних уголков страны воссылается благодарение и похвалы». Император Вэнь-ди, при восшествии на престол в 179 г. до Р. Х., в манифесте народу объявил: «Великий Ю необыкновенно заботился окружать себя для мудрого управления лицами добродетельными и способными». Этими лицами были, по Шу-цзину, сановники высших управлений государства, таковы – первый министр народного просвещения, министр юстиции, министр общественных работ. Повиновение статутам империи и образ действий согласно с волею предков, составляет священную обязанность каждого императора Китая, а потому воля его почитается сообразною с природою и законами Неба; государь – есть отец и мать своего народа, заботящийся о мире и благосостоянии его. В Шу-цзине говорится: «Царь Вань, будучи чистосердечен, прилагал все заботы об умиротворении и народной экономии. Необычайно приятный в обращении и смиренный, он очень любил и покровительствовал простому народу, отечески относился к нему, как бы к детям, особенно к вдовцам и вдовицам с их семействами». В другом месте Шу-цзина говорится поэтому, что «великий государь есть отец и мать народа». В манифесте Шан встречаем замечание: «Небо любит народ, и государь должен почитать духа небесного». В чем же должно выражаться это небо-почитание? На основании священных книг мудрецов, постановлений государственных и религиозных, по истории заведенным и существующим обычаям, в особе государя сливается высший и лучший тип китайского народа, и как высоконравственного и образованного, так и мудрого законодателя и правителя, характеризуемого словом «Шэн-жень» – святой, мудрый человек. Частные достоинства и степени совершенства наиболее, проще и яснее всего определяются в книгах Конфуцзы, «Сяо-цзин», т. е. в кн. об обязанностях сыновних и родителей к детям, в «Да-сюэ» о высшем знании или мудрости получающего образование человека, в «Цюй-син», т. е. нравственный идеал поведения ученого, в «Хун-фань», т. е. в великом плане приготовления лучшего правителя для надлежащего управления народом; время для его занятий, правительства и народа определяется в «Юэ-лин» и прочих книгах. Изучение и разумение этих классических книг, равно и всех прочих исторических, юридических, законов государственных и других знаний теоретических и практических, с самого детства начинаемое и упражняемое со всею строгостью и вниманием под руководством мудрецов, составляют идеал для приготовления человека-царя, сильного характером и высоконравственной личности. Нет возможности в немногих словах охарактеризовать все высокие качества и обязанности государя и человека, какими они ясно, кратко, в системе и определительно-художественно, очерчиваются в поименованных книгах, кои отрывочно нами, с другими мелкими постановлениями и определениями, для примера предлагаются сполна в русском переводе, или излагается существенное оных содержание и смысл. Нельзя не отнестись во многом без особенного чувства умиления и удивления к мудрецам-авторам, не должно забывать и глубокой языческой древности, когда были написаны их творения, имеющие для нас и свои темные стороны. Сбрав возможно лучшее из исследований европейских ученых и единоличными силами, отрывки из классических мудрецов, предоставляем самому читателю все недостающее восполнить из других источников и пособий, в литературе известных. Если китайский император есть первосвященник своего народа, то прежде спросим и дадим ответ – в чем состоят эти особенности служения и почтения небу, духам и силам природы, особенно родителям, предкам давно почившим? Следуем при сем характеристике и описаниям религиозных церемоний с участием императора, какие делает Г. Эдкинс, не только на основании китайских книг, но и личных, продолжительных наблюдений в г. Пекине, кои отчасти проверены и нами лично.

§ 73. Черты религиозного культа китайского императора и народа, с описанием церемоний и указанием на места и времена жертвоприношений, поклонения небу, земле, духам, предкам, таблицам императора, Конфуцзы и других лиц, о служении шаманском

Церемония восшествия на престол императора Китая, его молитва и жертвоприношения на алтаре небу и земле. – Прочие церемонии и обряды в зимнее солнцестояние и летнее, алтарь неба и заколаемые животные, жертвоприношение духу неба – Шан-ди и расположение таблиц и других предметов на алтаре, поклонение императора, музыка, пение, молитвы и формулы простирания, участие чиновников, и прочие обряды, замечания о духе и времени жертвоприношения на южном алтаре (в полночь, в час младенца). – Служение земле, описание алтаря, молитва, поклонение и жертвоприношение императора. – Императорский культ предкам: его древность и значение для китайцев, храм в Пекане «Дай-Мяо» его отделения (пять) и таблицы с посмертными именами почивших, прочие предметы, принесение государем жертвы в «Бао-хо-тянь» – во дворце, вкушение жертвенной пищи и молитвы предкам, поклоны, простирание, храм Фэн-сянь-тянь. – Императорское поклонение духам земли и зерен, и изобретателю земледелия, алтарь «Шяо». – Шаманское идолослужение, его происхождение и совершение императрицей и императором в известные дни в особом храме маньчжурским богам, их название (по Иакинфу, Онготы и др.) значение, еловой веши, времена поклонения, жертвоприношения. – Таблица трех главных родов жертвоприношений императорских, их названия, и жертвоприношений народных, лиц частных; места служения богам и идолопоклонения – храмы «Цзу-тхан», «Хуан-цзю-тянь», разные мяо в честь духов великих людей, мудрецов, правителей и сил природы; различные названий «тхан» и «мяо». – Древнейший храм предков в г. Кантоне (за 300 г. до Р. Х.) в честь ученика Конфуцзы и его потомства доселе сохраняющийся, описание одного с распределением таблиц «шэнь-чжу-пхай» по родам, замечание о значении китайского семейства и «сина», о взгляде на императора «как отца и мать народа, составляющего великое семейство» и о почитании таблицы царствующего государя с надписью его имени, описание сего храма с «драконовою таблицей» и церемонии поклонения 1-го и 15 числа каждого месяца и в дни рождения государя и государыни, в 5-й день 5-го месяца и в день зимнего солнцестояния, дракон-эмблема, герб императора лично и государственный. – Замечание о церемонии перенесения императорской таблицы Цянь-луна и его изображения, из Пекина в Мукдэн – столицу Маньчжурии 1868 г. 26 ноября (текст мемориала (см. ниже в особом приложении под № XXI). – О храмах в честь мудрецов и поклонении таблицам с их именем преимущественно при школах и экзаменационных учреждениях в городах, зал Конфуцзы или его учеников, жертвоприношения, поклоны пред «шэнь-вэй» – местом души, взгляд на этого рода почет мудрецам. – Малые храмы в честь изобретателя земледелия, доблестных женщин и девиц, тип храмов конфуцианских и буддийских

Богочитание китайского императора довольно древнее, вполне цельное и торжественное в отношении церемоний. С установлением каждой новой линии и династии, императоры обязательно выполняют всё требуемое древними обрядами и обычаями, особенно в отношении жертвоприношений. Изучение сего рода Богочитания и поклонения (worship) чрезвычайно интересно, оно переносит нас к временам весьма древней истории китайского народа, и дает возможность к сравнительной проверке многого с тем, что излагается в священных книгах Ветхого Завета, также – что встречается в религии царей Ниневии, Вавилона и Египта.

а) В 1644 г., в Пекине, по случаю восшествия на престол Китая первой маньчжурской линии императоров, в 1-й день десятого лунного месяца, совершалась торжественная церемония на алтаре Неба и Земли с принесением жертвы. Оригинальная молитва, вознесенная к Богу по сему случаю и повторяющаяся более или менее полно в других подобных – следующая: «Я, Сын Неба, Великой Чистой Династии, как верноподданный смиренно приношу выражение своего благоговения царственному Небу и владычице – Земле. Мой императорский дед, получив милостивое повеление Неба, основал царство на Востоке, которое прочно и непоколебимо утвердилось. Мой императорский отец, наследовавший в царствующем доме, распространил империю и соделал еще более могущественной. Я, покорный слуга Неба, по своему смиренному

положению призван быть тоже наследником государства мне передаваемого. Когда династия Мингов близилась к концу, изменники и люди насилий являлись во множестве, доводя народ до крайней бедности и разорения. Китай оставался без достойного государя. Мне благоугодно было с величайшим почтением принять на себя бремя ответственности в достославном деле устройства доброго порядка от наших предков. Я спас народ, истребил с корнем всех, кто его угнетал, и ныне, следуя общей воле, урною империи избрал ныне Янь-цзин (Yen-king). Удерживаясь от всякого своеволия и несправедливости, в силу божеской непреклонной силы, сознаю, что должен взойти на престол и восстановить с оного порядок на десять тысяч царствующих династий. Приемля с благоговением милость Неба, и сообразуясь с народною мудростью, в сей первый день десятого месяца, объявляю пред Небом о своем восшествии на престол Империи, с избранием для себя и своей династии имени Да-цзин (великая чистота, Great-Pure), с титулом моего царствования, как и прежде, Шунь-чжи (Schun-che). Соблюдая почтение к Небу и Земле, я готов всегда покровительствовать и охранять империю, с изгнанием всякого рода неповиновения и беспорядков до самой своей кончины, с стремлением и единственным желанием всеобщего мира и радости государства. По сей причине смиренно возношу свою молитву и совершаю жертвоприношение».

Военные и гражданские чины в тоже время отправлялись в храм предков, к жертвеннику духов хлебных семян и страны (Grain and Land), для принесения жертв и выражения соответствующих знаков благодарения и молитв. Главным же центром религиозного торжества служил жертвенник Небу, предназначенный для императорского поклонения. Он находится вне Пекина, на расстоянии двух миль от дворца, здесь же и два жертвенника: – южный, называемый "юань-коу" – круглый холм, и северный, налево с храмом, называемый «чже-нянь-тянь» – храм для молитв о плодотворном годе или временах оного.

б) Сверх означенных церемоний по особым случаям, существуют чрез три года другие жертвоприношения и молитвы, соблюдаемые императором и сопровождаемые доступом к нему. Одно – в зимнее солнцестояние, другое – в начале весны, и еще, – в летнее солнцестояние. Первое и последнее совершаются на южном жертвеннике, второе – на северном. Существует еще величественное зрелище. Император в утренние часы прогуливается на слоне, в сопровождении многочисленной свиты из князей, княгинь, сановников и царедворцев, прислуги до 2.000. Ночью же, в известный час, он отправляется внутри парка мимо алтаря Небу в здание, называемое "Чай-гун" или пиршественный замок, как место наиболее приличное «для помещения проходящих ночью по дороге» (о чем упоминается в классической книге «Чоу-лэ»). Здесь император сам prepares себе после жертвоприношения спокойное ложе. После некоторой паузы молчания и сосредоточения, приглашается даосский жрец, видной наружности, высокий в полной форме, который садится при церемониальной процессии на коня и едет верхом все время подле императора – справа, до самого приезда в пиршественную залу (fasting-Hall), на груди своей он несет разрисованную табличку с надписью: «Трехдневное празднество». Во все время аудиенций император сохраняет постоянное молчание. При сем соединяется та идея, что при разговорах и рассеянности небесные духи могут скоро рассеяться и не услышать молитв, какие бывают при жертвоприношениях праздничных. По юридической презумпции неразрывного единства императора с его народом везде и повсюду предполагается, что во время пиршественных дней и церемоний императора и его двора, сам народ китайский принимает нераздельное участие в полном составе т. е. трехсот миллионном населении страны. Поэтому, существует при церемониях особая таблица с изображением на ней уст («Коу» – рот) к коим приложены три перста левой руки; этим знаменем выражается *молчание* пред лицом императора всего его народа, невидимо присутствующего и безмолвно повинующегося. Такого рода оригинальный символ изобретен при императоре основателе династии Мингов, в 1380 г.

Алтарь неба состоит из трех мраморных террас, круглый, с двадцатью семью уступами с каждой стороны. Самый верх трех террас украшен восемьюдесятью одним камнями, искусно высеченными и расположенными в кругах. Круглый камень в верхней площадке, в самом центре, служит местом коленопреклонения и молитв императора. В структуре сего алтаря употреблены везде только нечетные числа, специально положенные от трех до девяти. Зритель, став на террасу эту, видит на севере малый храм (chapel) служащий для хранения таблиц, и обнесенный полуциркульной стенкой, а далее расположены пристройки, имеющие связь с северными алтарем и храмом. Этот храм – в 99 китайских футов высоты, имеет тройной roof (мера в 15

футов длины), или башенки, расположенные симметрично под одну кровлю с отрогами и покрытую лазурной черепицей. На оба алтаря восходят посредством четырех высоких лестниц, направляющихся к центру с четырех главных пунктов (С.-Ю. В.-З.). Позади посетителя, находится на Ю.-В. гончарный камень, служащий печью для всесожжения жертв, в коей поджаривается самое мясо; на Ю.-З. – три высоких фонаря повешенных на жердочках, и свет которых озаряет далеко ночную тьму в зимнее солнцестояние, когда совершается самим императором государственное коленопреклонение, и он обходит постепенно по террасам алтаря и спускается на мраморный помост вниз, с игрою музыки, простираниями, что совершается и прочими сопровождающими государя китайцами в самых торжественных случаях, как то требуется древними обрядниками. Два алтаря, с парком, три мили в окружности, по сторонам одного относятся по времени в 1421 г. по Р. Х., когда третий император Мингской династии жил в Нанкине (Нань-цзин), и избрал затем столицею г. Пекин. Первое поклонение Небу и Земле совершалось одновременно по распоряжению о том императора Дай-цзу (Tai-tsoo); но в 1531 г. по Р. Х., произошло другое повеление, с выделением поклонения Небу и Земле особо. Верхняя терраса большого южного алтаря имеет 220 футов в диаметре и девять фут. высоты; вторая – 105 фут. в диаметре, и восемь высоты; третья нижайшая и последняя – 59 фут. в диаметре и 8 фут. и 1 дюйм. высоты. Вся же высота, вообще, 25 фут. 2 д., базис приподнят на пять футов в виде степенного спуска. Нижняя ограда, окаймляющая жертвенник покрыта сверху лазуревой черепицей. На месте зеленого фарфорового горна, на Ю.-В., для сожжения жертвоприношений, был в древности еще алтарь несколько южнее, называемый Даэ-тань (Tae-tan). Слово tan – «алтарь» указывает, что во времена «Ли-цзи» (одна из клас. книг), где встречается этот термин, был алтарь, но не печь или горн; находящийся ныне алтарь, где молится с коленопреклонением император, и где написана молитва всесожжения, соответствует иудейскому алтарю всесожжений. Печь имеет девять футов высоты и семь футов внутри и поставлена вне нижней внутренней стены, окружающей алтарь; когда она курится и восходит кверху дым, чувствуется со всех сторон запах жареного мяса, и часть этой церемонии называется «ван-ляо». Кроме очага (furnace), есть и наружная стенка, в расстоянии 150 фут. от внутренней. Существует также и колодец, для опускания в него всех остающихся при заклании жертв, нечистот и остатков костей и крови; причем соединяется идея об удовлетворении жертвенном земных духов. Животные обыкновенно колются на восточной части алтаря. Сего рода жертвы очень разнообразны: коровы, бараны, зайцы, олени и лани, свиньи и боровье; кони иногда употребляются, иногда нет. Здание, где помещаются жертвенные животные, находится в северо-западной части алтаря подле залы, в которой музыканты и танцоры принимают свое участие в жертвенной церемонии.

в) Идея жертвоприношения есть – *пиршество*; и когда приносится жертва высочайшему духу Неба, то она как бы от всех верующих китайцев невидимо присутствующих и приглашенных быть гостями. Император Китая призывает молитвами своих предков принять тоже участие в пире и жертве Шан-ди, с воздаянием должной чести и поклонения как Богу неба и земле – как бы матери. Пред Шан-ди на его алтаре ставится таблица с именем прародителя (*“Ши-цзу”*), на все время церемонии. Император, движимый чувствами сыновней почтительности и любви, выражает желание отплатить насколько возможно величайшим почтением родителю. Естественная любовь к родителям и личное желание прославлять свою родовую линию, вдвойне побуждают императора относиться к предмету серьезно и с величайшим благоговением к небу. Монголо-татарские императоры Китая, по сходству обычаев своей древней религии с конфуцианской в почитании родителей и неба, удержали и исполняют все советы относительно означенных церемоний со стороны старых и мудрых государственных сановников. На верхней террасе алтаря, на таблице Шан-ди написано «Хуан-тянь Шан-ди», т. е. Господь неба, Царь небесный; она ставится лицом к Ю., непосредственно пред челом коленопреклоняющегося императора. Таблицы же императорских предков располагаются в два ряда, лицом на В. и З.; пред каждой таблицей расставляются жертвы. Крупное и малое просо, метельчатое просо и рис, обвариваются и кипятятся как-бы для домашнего употребления. Бычачье мясо и свиное нарезанное ломтиками, с приправами и без них, подаются в виде супа. Соленая рыба и маринованная, резанные ломтики зайчины и ланей, ломтики лука, бамбуковых молодых побегов, обваренных в кипятке, петрушка и сельдерей, свинина и вермишель, все расставляется близко одно подле другого. Приправы для употребления к кушанью, подаваемые на особых тарелочках, суть: кунжутное масло, соя, соль, перец, анисовое зерно и лук. Жертвенные плоды суть: каштаны, сливы *sisuphus*, каштановая вода и грецкие орехи. Сначала подаются цветы и гречиха в

шариках, с сахаром в середине, затем тисненные в форме плиточек. Напереди всего ставятся чаши с "цзю", т. е. вином, за ними – отвар супа; далее следует восемь рядов чашек в количестве всего 28-ми, с плодами, отваренным рисом и другими начинками зерен, пирожное и разные прочие блюда с кушанием. Янтарь (jade stone) и шелковые ткани для жертвенника всеожжения расставляются также на 28 тарелках. Здесь поставлен полный телец из меди, для сожигания в сторонах его, с дверками, жертвенных предметов. Сверх сего, расставлены также пять предметов буддийского богочтения – урна, два канделябра и два дрожащих цветка (из металлических листков). Пред особым столом на Ю.-З. отроге, где читает молитвы император, расставлены также несколько подсвечников с горящими свечами. На другой террасе, со стороны восточной, ставится таблица солнца, также – большой медведицы, пяти планет, двадцати восьми созвездий, и одна из всех звезд. На западной стороне, ставится таблица духа месяца, с таблицами облаков, дождя, ветра и грома. В жертвоприношении духам звезд включены – телец, овен, боров, вполне выкормленные и совершеннолетние. В прочих отношениях жертв соблюдается тоже, что в отношении их для солнца и луны. Двенадцать кусков голубой шелковой материи сожжены были в честь Шан-ди и три белых в честь императоров. Семнадцать кусков шелка, желтый, голубой, красный, черный и белый, сожжены были в честь духов небесных тел, также ветра и дождя. Употреблены были и разные роды благовонных курений. Все они были составлены из душистых дерев, превращенных в опилки и положенных на землю в виде связок в узлах или пастилы в разных оболочках.

Приблизившись к убранной и заранее приготовленной палатке, император омыл свои руки и возложил на священные для жертвоприношения одежды; затем, поддерживаемый под руки директорами церемонии, взшел на алтарь и стал в коленопреклоненном положении на подушку, после чего все князья и вельможи заняли свои места на террасах алтаря или каменном ниже помосте. Когда государь становился на колена, становились и они, и когда он держал в руках благовонное зажженное курение и полагал в урну, тоже делали и они. После чего государь подходил к таблицам предков с коленопреклонением и подносил в честь их возженные плиточки благовонных курений; также кланялись затем и другие предстоящие, получая от него эти же курения. Встав спиной к главной таблице, государь совершал церемонию троекратного поклонения с простираем и девятью ударами головою по земле; тоже самое и точно также делали и прочие богомольцы в разных занимаемых ими местах. Музыканты, в числе 234 человек, исполнявшие разные арии во время церемонии стояли безмолвны. Император стоял пред столом, на котором были горящие жертвы из шелка и нефрита (jade stone); после он поклонялся тельцу, в коем сгорали шелковые куски и нефрит (янтарь). Чиновники, обязанные при сем петь известные слова и стихи, или подпевать протяжно к общему концерту, наблюдали также и за переложением и сменою чаш, наполненных жертвоприношениями, тогда как прочие чины и прислуга разбивали особыми шарами эти сосуды с их горячим бульоном, которым троекратно окропляли и самого металлического раскалившегося тельца, постепенно охлаждая его. Во все это время император, стоял в восточной стороне палатки, а по окончании – музыканты аккомпанировали «песни о мире всеобщем».

Последующее действие церемонии состояло в приношении пред таблицами предков чаш с бульоном, которое совершал сам император, с участием музыки. Особый чиновник, обязанный следить за молитвою, поставил на стол письмена оной, которые в свое время и читал сам государь. При февральском жертвоприношении, с окончанием принесения жертвы, читается следующая молитвенная формула: «Я, твой подданный по преемственному наследию престола сын Неба, получивший свыше милостивейшее повеление – питать и утешать населяющих страну мою людей всех религий, помышляя о них в сердце сочувственно относиться к человечеству, всегда ревностно желаю всем благополучия и возможного счастья. Взяв приближению радостного дня ("Син") и весеннего хлебопашества, по чину ныне совершаемого, сердечно уповаю на милостивое покровительство неба. Вместе со своими подданными и слугами обильное и тучное жертвоприношение совершаю я тебе, Шан-ди, будучи исполнен глубоких чувств почтения. Смирненно молюсь, призри на нас с высоты величия твоего, – ниспошли плодоносный дождь с Небеси; да возрастут и дадут обильный урожай начинки зерен, тебе приносимые, и да будут вообще успешными и все земледельческие труды». Остальная молитва посвящена похвале почившим императорам, духу коих совершается при сем самое поклонение и жертвы. По прочтении и сей молитвы, император берет со стола лежащие жертвы из шелка, а также и нефритовый скипетр. Здесь, совершив коленопреклонение, полагает эти предметы в

ларец и затем совершает еще с большим почтением простирание на земле. Имеет место за сим второе представление чаши с вином, а после третьего, сам император становится священнослужителем. Музыканты разыгрывают арии «песнь о величайшем мире» и «песнь о гармоническом мире», т. е. мире для всего мира, о благосостоянии и благополучии, блаженстве для всех. Труппа музыкантов на нижнем помосте, значительная числом не менее танцоров, аккомпанирует при выполнении последними известных фигур и оборотов. Когда закончится песнопение, с верхней террасы слышится унисон при алтаре напевающий слова: «Сотвори чашу благословения и мясо благословения». В ответ, чиновник, заведующий передвижной подушкой при коленопреклонении, простирает оную; тогда как другие чиновники подносят чашу благословения и мясо благословения императору, который, отведав их немного, передает тем же лицам обратно, и затем сам снова простирается и ударяет троекратно головою о землю, и только после девяти раз, выражает свое благодарение за предложенное вино и мясо. Все собравшиеся князья и знать подражают своему повелителю единожды в том же. Официант провозглашает: «удалить мяса!» Музыканты наигрывают пьесу следующего действия, а другой официант возглашает: «песнь о славном мире!» Против таблицы в ковчеге, на северной части алтаря, представляем был (в картине) дух неба, осеняющий это священное место; тогда как особый глашатай восклицал: «вознось выше, вперед, ты, фимиам курящийся, вы, горящие шелк и мясо, с благоговением принесенные в жертву на *Даз-тан*!» Под словами *Даз-тан* разумеется алтарь всесожжений, – древнее название, навсегда усвоенное за местом, где, вместо печи, приносились жертвы на плац-форме жертвенника. Чиновник еще восклицал: «воззри на всесожжение!» Музыка наигрывала арии, а император, удалившись на особое место в сторону, посматривал кругом, особенно следил за горящею жертвою и дымом. Прочие чиновники тем временем уставляли таблицу с молитвенною формулой на стол; затем эта таблица коленопреклонения, фимиам, шелк и мяса, положенные на площадку горна алтаря, поросшего зеленью, все вместе с почтением сжигались. В тоже время, выносились другие шелк, фимиам, мяса и таблица почивших императоров, на широкую медную жаровню, заранее приготовленную, и там сжигались. По окончании церемонии, император возвращался во дворец.

г) Необходимо сделать следующие замечания – о духе описанного богослужения и времени совершения оного императором Китая. Прежде всего, говорит И. Эдкинс, оно должно быть совершаемо *на южном алтаре и в полночь*, в час *цзы*, т. е. *час рождений*, или *младенца*; это первый из двенадцати часов (=) и применяемый к одиннадцатому месяцу китайского года, или – декабрю. Солнце бывает в *Цзы*, когда переходит зимнее солнцестояние. День был издревле разделяем на XII часов по числу XII месяцев или лунных времен (lunation) в году, естественно было начинать счет месяцев с времени, когда солнце находилось на низшем пункте. Время жертвоприношения в зимнее солнцестояние должно было регулироваться по принципу, что час *цзы* есть в нем самый правильный, с коего можно было считать и другие часы. Когда, при начале года, имеет место весеннее жертвоприношение, то и время, избираемое для оного, есть первая зарождающаяся заря или начинающая брезжить; формально, однако ж, этим началом признается также полночный час. Солнцу совершается поклонение на солнечном алтаре в четыре часа утром, а месяцу или луне, на лунном алтаре, – в десять часов вечера. За недостатком истинного и точного познания природы, китайский ум вместо того изобрел круги и символы, установил четные и нечетные числа со строгим оных разграничением. Китайская философия поэтому есть скорее всего численная и символическая; китайский ученый есть редкая личность, который может сам по себе извлекать идею из циклов десяти, двенадцати, шестидесяти, представляя оные субстанциальными в природе, на основании коих выводится известного рода истина. Этим объясняется, что китаец уже со дня рождения своего верит в астрологию, без неё не может обойтись ни рождение, ни брак, ни самая смерть, астролог и гадатель – даос непременно принимают известное участие; если не в силах решить известной задачи конфуцианец, обращаются к буддистам или шаманам. Фортунноопределители (fortune-tellers) фундаментально суть все астрологи и верующие в нумерические циклы, также – адепты в хиромантии (гадании по рукам) или геомантии (землеволховании). Посредством сих циклов, различия ин и ян, мужского и женского начала, распределяются разные житейские дела и занятия, в медицине, архитектуре, рытье могил, копании колодцев и проч. Императоры, располагающие всеми возможными знаниями и силами, сами иногда делают свои комбинации с прочими учеными в установлении времен жертвоприношений и тех или других дополнений или упущений при них от установленного общего чина; особенное внимание обращается на

жертвенных животных, избираемых лучших и заранее выкармливаемых на тучных пажитях. Нередки бывают совещания о духах Неба и Земли, о времени празднования им вместе или отдельно на одном и том же алтаре. Это бывало в тех случаях, когда в устроенном для служения и поклонения храме, в старину трех-наосном, не было полного числа отдельных помещений и приходилось на одном жертвеннике совершать служение нескольким божествам. Чаще всего делались в одном двух-наосном храме два алтаря, – один на север, другой на юг; для общего поклонения сходились в северном отделении. Трех-наосный храм соответственно божествам был окрашиваем изнутри тремя красками: желтый для алтаря земли, красный для солнца, синий для луны. Для большего удобства принято вообще – храм с алтарем в честь земли и её духов устроить особый от храма солнца и луны с светилами. Этот алтарь в честь земли устроился за городом у северной стены, и называется доселе *"Бэй-тан"*, т. е. северный храм; на севере Китая, принят в нем цвет *черный* или *коричневый*, равносильный с *желтым* (охро-земной цвет).

д) Характер императорского поклонения и служения земле почти тот же, что и небу вообще, и алтарь устроен одинаково; существуют другие виды поклонения и алтарей – солнцу, луне, звездным богам, духам гор, рек, озер. Алтарь в честь Земли имеет две террасы: одна в 60 ф. квадратных и 6 ф. 2 дюйма (inches) высоты, другая в 106 фут. кв. и 6 ф. высоты. В самом же построении имеют действительное значение только равные числа. Кровельки стен террас покрыты желтою черепицею; ступеньки с каждой из четырех сторон по 8-ми, алтарь окружен канавой в 494 фут. и 4 дюйма длины, 8 фут. и 6 дюйм. глубины и 6 фут. ширины. Между алтарем и канавою стена в 6 фут. выш. и 2 фут. толщины, и внутри четыре открытых проходных ворот. За северными, немного к западу, колодец для сожжения молитвы и шелка, приносимых духу земли. Кроме сего, есть небольшое пространство, с которого приносится шелк духам почивших и почитаемых императоров и тут же сожигаемый. На верхней террасе, где имеет место жертвоприношение, расставлены таблица духу земли, обращенная на север, и таблицы императоров лицом к В. и З. На нижней террасе 14-ть китайских и маньчжурских гор, представлены на 14-ти таблицах, и моря и реки Китая, каждые на четырех таблицах. Половина гор, морей, рек, занимают восточную террасу, и половина – западную. Моря эти суть просто север, восток, запад, юг; горы и реки почитаются по их именам, и взяты по их величине и священному значению. При жертвоприношении земле, погребальная молитва и шелк имеют свое место на С.-З. Следуя настоящему распределению сторон на север поставлена таблица так, чтобы была видна на все время церемонии духу земли. Западная сторона, начиная слева, имеет почетное положение. Император после представления трех чаш вина направляется к своему месту на известное расстояние от алтаря, дабы удобнее следить за процессом сожжения жертвы шелка и молитвы Земле. Эта молитва, следующего рода: «Я твой верноподданный, сын неба по преемственному наследию, объявить честь имею *Хо-ту* (How-toy), императорскому духу земли, что время летнего солнцестояния наступило, что все живущее полно радости и благословений за дарованные средства питания, и потому охотно отдаюсь под твою действительную помощь. Ты одинаково приемлешь честь, и место наравне с царственным Небом; прими же от нас жертву тебе приносимую, состоящую из нефрита, шелка, тучных и лучших животных, откормленных для мяса тебе посвящаемого, с разными прочими туками обильно приносимыми». Императоры Таэ-цзу, Дай-цзун, Ши-цзу, и проч., представляются при сем с почтением принимающими участие в жертвоприношении. Только дух земли есть истинный дух после небесного, к которому обращаясь с молитвою император называет себя «подданным». Цвет нефрита приносимый есть желтоватый, и самая молитва духу земли написана на желтой таблице. Двадцать восемь блюд, три чаши с вином, и одна чаша супа, суть те же, что и приносимые в храме Неба. Недостаёт золотой лампы, серебряной кадила, пары канделябр и сосуда с цветами. Наименование Шан-ди усвоится только духу Неба. Сожжение шелка ограничено принесением одного в честь духа земли. В случае жертвоприношения императорам, их таблицы на алтаре с такими же духу земли, сжигаются на медной жаровне, какая существует при алтаре неба; музыкальные инструменты одинаковы для всех случаев: таковы два рода струнных, два рода труб, и проч. всего 64, наружность их и особенно барабанов окрашена и вызолочена в желтый цвет. 204 музыканта и танцора одетые в голубой или черный костюм, окаймленные золотистыми фигурами, завершают обстановку. Музыка сопровождается словами, расположенными в неправильных стихах; из 6-ти поэтических строф, только в 4 есть правильный ритм. Поэтическая частица *hi*, встречающаяся в середине каждой линии, разделяют её на две части (clauses), каждая линия имеет в себе 6, 7, 8 или 9 слов. Девять или десять пьес такого рода, выполняемых с

аккомпанементом музыки, составляют обыкновенную принадлежность каждого жертвоприношения. Когда сам император лично исполняет обязанности священнослужителя при жертвоприношении, подробности онога бывают более или менее полны и несколько отличны от той же церемонии, совершаемой другими лицами. Жертвенная чаша с вином и мясом благословения, устройство и украшение особой палатки, музыка, и иные аксессуары, опускаются. Тоже бывает, когда церемония совершается сыном императора. Таким образом, полный жреческий характер усваивается только за императорским богослужением.

е) *Императорский культ предкам, или церемония поклонения и чествования духов почивших предков пред их таблицами, и в особом храме, или на кладбищах.* Почитание предков, составляющее первую и главнейшую обязанность каждого китайца, даже больше, – всякого человека, основано на естественной любви и уважении к тем, от коих получается жизнь, зависит воспитание, образование человека и известное положение между другими людьми. У китайцев, эта обязанность, и вместе долг, доведены до высочайшей степени; родители и предки почитаются не только при жизни, но и по смерти предполагаются живущими со своими семействами, детьми, потомством под видом духов, но с именами прежних людей. Для всех государей и особ царствующих домов, для замечательных и достойных славы в потомстве лиц, имена эти суть *посмертные*, особенные от носимых при жизни. Переходим к описанию типа храма предков у китайских императоров. В Пекине, на Ю.-В. от *"ву-мынь"* или главных ворот столицы, находится этого рода храм, называемый *"Дай-мяо"*, т. е. великий, главный храм; он разделяется на три главных *"тянь"* или зала, и особых малых. Фронтальный *"тянь"* служит местом общего жертвоприношения всем предкам в конце года. Средний «тянь» содержит самые важные таблицы, каждые в своем ковчеге, имена императоров и императриц поставлены попарно, начиная с прародителя Шунь-чжи, все обращены фасом к югу. Представлены десять поколений до ныне существующей династии. В 1 день каждого первого месяца, в четверти года, приносятся в сем зале жертвы, также в конце года, и при разных особенных случаях празднеств. По Конфуцзы, умершим должны быть

831

приносятся жертвы как бы живым, поэтому их должно одевать и давать пищу. Ящик с одеждою, со всеми сполна снарядами, также как циновки и скамеечки, сохраняются здесь в большом количестве, и представляются при жертвоприношении. Пред фронтальным *"тянь"* – залом предков, есть двор, с каждой стороны которого расположены второстепенные залы, содержащие таблицы известных знаменитых лиц, которые считаются как бы прикомандированными или свитскими гостями, долженствующими принимать участие в пиршественных жертвоприношениях своим государям. Родственники занимают восточный зал, а прочие достойные офицеры и чиновники – западный. На восточном дворе – медная жаровня для сожжения молитвы приносимой предкам, шелка для них и их родственников. На западе находится другая жаровня для сжигания шелка, приносимого заслуженным офицерам и чиновникам. При воротах, с фронтовой части выставлены 24 старинных копья. Задний зал содержит таблицы прадеда и прабабушки Шунь-чжи и трех предшествующих поколений. Книги, из которых извлечены настоящие подробности о сообщаемых церемониях, были изд. в 1721 г. по Р. Х., с некоторыми переменами в новейших изданиях. Когда, по докладу, император узнает о времени рассмотрения молитвенной формулы, то немедленно отправляется в *«Бао-хо-тянь»* или *«Чжун-хо-тянь»* – два государственных зала во дворце; ему представляется молитва, писанная на желтой таблице и тут же одобряется. Жертвы приносятся в среднем и заднем залах храма предков одновременно, по чину общему для всех императорских предков; все устроится как можно ближе, чтобы все могли получить радость и честь. Таблицы императоров и императриц располагаются попарно, в каждой рядом поставлены супруг и супруга. Жертвы расставляются пред каждой четой супругов; каждый император занимает восточную сторону, слева полагается одежда и шелк, тогда как справа императриц полагается одеяние, но нет шелка. Самые жертвенные вещи располагаются в следующем порядке.

Таблицы Императриц

Стол и скамьи | Три кубка с вином,
с одеждою, | Две чаши с супом.

Таблицы Императоров

Три кубка с вином. | Два куса шелка, стол
Две чаши с супом. | и скамья с одеждою.

Двадцать восемь блюд с кушаньем

Стол чтеца. Поросятина. Говядина (коровье и бычачье мясо). Баранина. Шелк.

Свеча зажженная | Ладан и курительная | Зажженная свеча

в подсвечнике. | свеча. | в подсвечнике.

Нельзя не заметить китайского обычая: при жизни, император и императрица имеют стол отдельный, и только по смерти им дается право вкушения жертвенной пищи, рядом друг с другом, но отдельно от всех прочих гостей и лиц их свиты, располагаемых по таблицам, которые ставятся несколько поодаль. Молитва для чтения пред столом полагается на юго-западной части, так как пункт этот почитается весьма смиренным, тогда как восточная сторона есть самая почетная. Чтением молитвы с коленопреклонением занимается, от имени императора, особый чиновник, причем объявляет имена лиц, пред коими читает эту молитву, и, обращается по степени родства с императором, то к внуку, то к деду, сыну и проч., с произнесением собственного имени носимого при жизни, но не посмертного, которое начертано на таблице. Самая формула молитвы: «Объявляю моему предку (родителю), что я со всею любовью приготовил, на сей первый весенний месяц (или иной в четверти года) всех жертвенных животных, шелк, вина, разные блюда, как знаки выражения моего глубочайшего почтения, и прошу поэтому милостиво принять оные в жертву от меня смиренного (такою-то)». В молитве содержатся титулы всех почивших императоров и императриц, от 12-ти до 20-ти слов в каждом. Поются при сем шесть поэм, различной мелодии. Некоторые названия напевов одинаковы с употребляемыми при жертвоприношении небу. Каждая поэма имеет восемь строф, по четыре или пяти слов в каждой, за исключением первой, в 12 строф, шесть из них – ритмические. Смысл одной из таковых: «Увы! мой императорский предок вознесся как дух в высочайшее небо. Славные деяния его на войне и мире стали ведомы во всех областях. Я, сыновний потомок, получив небесный приказ, обсудил устроить все, что мог по силам, и ныне приношу вам дар, да благоденствует народ с вашими потомками, тысячи и десятки тысяч лет!» Такова песнь при поднесении императором шелка. Музыканты поют во имя императора, произнося его проименования и титул, не отступая от усвоенного напева, по обычаю, и излагают его волю в виде следующей поэмы (содержащей манифест): «Добродетелью предков и мне дано небесное преемство от них. Сознаюсь, что я еще дитя, и полон радости за исполненный конец (т. е. назначение земной жизни). Желанная мною добродетель побуждает невольно прилагать старание о продлении с ними связи, небесному свету подобной. В знамение чего, со всем расположением и радостью сердечной, третий раз совершаю представление вина, чашу которого и выпиваю, ваш законный потомок, император (имярек)». После сего совершается троекратное простираение с девятиричным ударением головы о землю; тоже делают и все окружающие государя чины и слуги. Церемония начинается и совершается с прибытием духа (почившего предка) из ковчега, в коем он обыкновенно остается все время заранее и по окончании всего пиршества. Мясо благословения и чаша благословения здесь те же, что и при жертвоприношении на алтаре неба, отменить оные или заменить чем другим зависит от императора. Представляет это вино и мясо пред каждую таблицу предков от лица императора, чиновник, как пред мужскими, так и женскими лицами, в них упоминаемыми; молитву читает тот же чиновник в присутствии государя и от его имени, тогда как при служении небу и жертве, слова молитвенные произносит сам император. После молитвы он отправляется трижды бить челом до сырой земли; и приняв чашу и мясо благословения совершает он полную церемонию простираения на земле и коленопреклонения по дважды, при снятии со столов мяса, и пред возвращением во дворец обратно. Во всей описанной обременительной церемонии, император обязан по необходимости 16 раз коленопреклоняться и 36 раз бить челом о землю; такого рода смирение государя служит очевидным знаком всей важности, соединенной с обрядами и требования сыновнего благочестия, в коем сам император должен служить образцом для своих подданных. Сжигание молитвы и шелка, приносимых императорам с императрицами, указывает на то, что и женщины – их духи (шэнь) относятся к духам небесным, но не земным. Таблица, на которой начертаны имена предков императорского дома называется *"шэнь-чжу"*, т. е. место, трон души почившего или почившей N; словом же *"ин-шэнь"* означает собрание духов почивших предков родителей, сохраняющихся в ковчеге, ящике, до церемонии, и после, а также самое место над алтарем, где эти таблицы почивших расположены в известном порядке для означенной цели. В новый год, жертвоприношение совершается духам этих предков мужским и женским, и которых таблицы хранятся на задней стене зала *"дай-мяо"*; в день рождения императриц совершается тоже. Число

музыкантов бывает на $\frac{2}{3}$ из тех, кои присутствуют при жертвоприношении в храме неба. Другой храм предков императорских находится внутри дворца в восточной его части, и называется «фэн-сянь-тянь». Кроме сего здесь находится храм на гробе каждого императора.

ж) Весьма важную часть императорского поклонения составляет жертвоприношение духам земли и зерен; алтари в честь их устроены справа дворцовых ворот, а положением соответствуют храму предков. Алтарь духа земли "Шао" (Shay), состоит из двух террас, со спуском по лестнице о трех ступенях. Верхняя терраса покрыта пятицветною землею: желтый занимает средину, голубой – восток, красный – юг, белый – запад, черный – север. На юго-западе алтаря есть колодец для сжигания жертв. Таблица бога земли – "Шау" поставлена на террасе на восток, а таблица богу зерен "цзэй" (Tseih) – на запад, обе лицом на север. Здесь же и две таблицы, занимающие места гостей: "сяо-ту" (Hea-tao) назыв. "коу-лунь" обращена на запад и "хоу-цзэй" (How-tseih) – на восток. Последний был суперинтендентом хлебопашества при императоре Яо, а первый был офицером, Хуан-ди; оба они почитаются изобретателями и главными распространителями земледелия в Китае. Поклонение им совершается в средине месяцев весеннего и осеннего, по случаю важных событий, совершающихся в сие время для земледелия. Жертвы бывают здесь те же, что и в честь предков, и в храме земли, т. е. полагается 28 блюд, мясо – свинина, баранина, говядина, нефрит, шелк, сжигаемые на месте жертвоприношения с тремя животными.

з) Как исключительный пример и образец особенного рода богослужения небу и духам знаменитых личностей туземного происхождения – не китайского, и совершаемого не только императорами, но преимущественно императрицею китайскою с целым штатом ей прислуживающих женщин, жен придворных офицеров и чиновников, достойное внимания *шаманство*. Известен на маньчжурском языке целый устав богослужения сей религии, изданный в Пекине 1747 г.; это памятник религий маньчжурского народа и государя, сохраняющийся и реализуемый доныне потомками императора маньчжура, завоевавшего трон китайский и соединивший свой народ во единое целое с китайцами в собственном смысле. О. Иакинф сообщает обстоятельные сведения о сем предмете в своем классическом труде (Китай, его жители нравы и просвещение, 1840 г., стр. 315–333). В Пекине доселе существует капище «тангэ» состоящее из трех храмов: один состоящий из зала в три звена; другой круглый в виде павильона, и третий очень малый в виде беседки; в самом дворце государыни, также устроится подобие этого рода капища, с принесением жертв, молитвословий небу и онготам. Обряд совершает в известное время года, месяцы и дни, сама государыня с шаманками, в особом одеянии – обряды и национальные маньчжурские молитвы переносят ко временам глубокой древности первобытной религии северных народов, часть коих сохранилась и доныне в Сибири с тою же шаманскою верою иначе – «черною верою». По описанию о. Иакинфа обряды и жертвоприношения шаманские суть: 1) Онготам или духам почивших предков (тунгусов) вначале каждого из четырех времен года во дворце государыни; 2) Моление онготам Фу-ли-фу-ту и Омоши-Мама о ниспослании счастья; 3) в круглом храме – онготам Ниохоль-Тайцзи, Удубынь-Бэйцзэ и Шаньси; 4) омовение онготов 4 мая при перенесении их идолов в главный шаманский храм из дворца государыни; 5) водружение шаманской веши весною и осенью с жертвами, состоящий из срубленной ели в 20 футов вышиной и 5 дюймов в поперечнике; 6) жертвы онготам хранителям лошадей царских и казенных, с подвязкою в гривах из лоскутков, красно-шелковых – при утреннем жертвоприношении и черных лоскутков, – при вечернем жертвоприношении, прочие лоскутки черные рассыпаются по всем конюшням для счастья; 9) поклонение онготам самого государя в Новый год на 1-е число и при походах со всеми князьями и вельможами маньчжурского племени и затем поклонение небу в шаманском кладбище.

Предлагаем перечень прочих жертвоприношений – "цзи", совершаемых императорами, а также их чиновниками, и народом китайским в разное время года, по разным случаям, с указанием и названием храмов и алтарей, в честь разных богов, духов, императоров и знаменитостей. В частности даем понятие о таблицах в храме предков лиц частных, по образцу находящегося в г. Кантоне; особенное внимание обращаем на императорские таблицы царствующих государей, почет и поклонение оным.

и) Таблица жертвоприношений и храмов, с определением празднеств, у китайцев – даосов, – буддистов и конфуциан, в течении года. А. Жертвоприношения – цзи, их виды и названия: одни совершаются императором и его чинами, другие – частными лицами и провинциальными чиновниками. А. Императорские жертвоприношения – цюн-жень чжи-цзи, бывают тройки – сань

дэн-цзи; *первого порядка*: 1) юань-цзю; 2) фэн-цзю; 3) ци-коу; 4) ю-сы; 5) дай-мяо; 6) сы-цзи; *второго порядка*: 1) жи-цзи – солнцу; 2) юэ-цзи – луне; 3) цзянь дай-ди ван – царям династии; 4) сянь-сы гун-цзы – древним мудрецам, особенно Конфуцзы; 5) сянь-лун – дракону; 6) сянь-цзан – созвездию Ориона; 7) тянь-шэнь – низшим духам; 8) ди-ци и 9) дай-суй; *третьего порядка*: 1) сянь-и – древним врачам, медикам; 2) сян-лян – древним мудрецам; 3) чао-чжун – древним героям. Б. Жертвоприношения, совершаемые частными лицами, очень многочисленны, наиболее главные суть следующие тринадцать: 1) тан-ци – жертвоприношение почившему в 7 день месяца по преставлении и 2) – чрез 27 дней по кончине и сложении траура; 3) фу-цзи, жертвоприношение обыкновенным почившим; 4) ся-цзи, жертвоприношение торжественное, регулярно совершающееся чрез каждые три года, с участием всех близких родных; 5) жень-цзи, жертвоприношение с молитвою при исцелении от болезни и удалении от прочих несчастий; 6) си-цзи, жертвоприношение об удалении бедствий; 7) гуи-цзи, то же; 8) жертвоприношение с молитвою о благополучии; 9) инь-цзи, жертвоприношение умиловительно-благодарственное; 10) мэй-цзи, жертвоприношение с испрошением императору наследника; 11) ма-цзи, жертвоприношение пред началом войны богу войны; 12) чу-цзи, жертвоприношение всем духам; 13) ча-цзи, жертвоприношение духам в конце года.

Б. Места служения богам и поклонения идолам (у даосов, буддистов, конфуциан) суть «тхан», «мяо», или кумирная; по отделениям устрояемым в храме в два, три, называются "тянь", также – "мян", в отличие от храма, как места изучения священных книг (у буддистов и даосов) «цзин-тхан», «шэн-цзин-тхан». Известны вообще следующие главные храмы: 1) Храм предков «цзу-тхан»; 2) Храм Неба, «хуан-цзю-тянь» (букв. «девять царственных областей, отделений» неба и земли, т. е. китайской империи); 3) «ли-дай-вэнь-мяо», мудрых государей всех династий или «храм мудрецов»; 4) «вэнь-мяо» хр. ученых; 5) «цзин-чжун-мяо» хр. отечественных героев; 6) «фо-цзяо» или «фу-мяо» хр. Будды, буддийский; 7) «дао-мяо» хр. даосский, или Лаоцзы, «Дао-цзяо-мяо»; 8) «гуан-ди-мяо» хр. Гуан-ди; 9) «гуан-инь-мяо» хр. богини Гуан-инь; 10) «сяо-ци-мяо» хр. богини хлебного плодородия; 11) «ци-нянь-тянь» хр. семи хлебных начатков, их освящения; 12) «ву-го-мяо» хр. пяти хлебных растений. Каждый храм должен иметь и следующие жертвенники или алтари, посвященные богам – духам (шэнь) или лицам прославившимся в истории Китая: 1) алтарь гению или духу земли, «гэ-цин-тянь»; 2) «фын-юн-лэй-ю-вань-шань-тянь» алт. ветра, дождя, грома, гор, рек; 3) «шэнь-гун» алт. первого земледельца; 4) «вэнь-мяо» алт. ученых; 5) «гуан-ди-мян» алт. древних императоров; 6) «мин гуан-цзы» алт. знаменитых государственных министров; 7) «сян-янь-цзы» алт. городских и деревенских мудрецов; 8) «чжун-и сяо-ди-цзы» алт. образцовых личностей, прославившихся благочестием, справедливостью, строгостью жизни, добродетелью; 9) «лэ-нюй-цзи-фу-цзы» алт. целомудренных дев и стыдливых женщин; 10) «чэнь-хуан-мяо» алт. духа хранителя городов; 11) «вэнь-чан-ди-цун-мяо» – созвездия большой медведицы, покровительницы ученых и бога словесности.

В частности о названиях "тхан" и "мяо" приводим следующие отличия и комбинации, дающие особое понимание: 1) "тхан" знач. вообще почетное помещение, дворец, зал собраний, игр, церемоний, ученых; *и-цзянь-тхан* или *и-цзуо-тхан*, одна зала, одна палата, крыло, *чуан-тхан*, аудиенц-зал, *фо-тхан*, аудитория Будды, или место хранения его мощей, ковчега с книгами; *гун-тхан*, двор храма, *фан-тхан* *фын-кхай*, разделенный или открытый зал, освещенный окнами, *ли-бай-тхан* – церковь, синагога. 2) «мяо», «цзя-мяо» или *цзу-мяо*, храм предков, *тхан-мяо*, императорский храм предков, *шэнь-мяо*, храм в честь известного духа, с его идолом, *сян-хуо-мяо*, народный храм, часто посещаемый поклонниками, *гун-ши-цзун-мяо*, императорские дворцы и храмы, *мяо-юй* храмы всякого рода, построенные в кучу в честь разных богов и разных религий; *мяо-чжу*, куратор храма, заведующий храмом, *цзи-цзу*, храмовые сторожа, прислуга, особенно при жертвоприношениях и церемониях наблюдающие за порядком и сохранностью вещей.

к) В China Review (vol. IV, 1875–76 г.) в заметке под заглавием: «Ancestral worship», т. е. культ предкам, сообщаются интересные подробности, могущие служить дополнением к изложенным церемониям императорским в честь их предков. В г. Кантоне до сего времени сохраняется древнейший зал при одном частном доме с таблицами предков, с хорошо сохранившимися надписями на оных, называемыми вообще «шэнь-чжу-пхай». По времени, это здание с таблицами относится за 300 лет до Р. Х. и сооружено в честь прародителя "Ши-цзу" по имени "Лян", имеет два отделения – "тянь", в каждом из коих содержится до 1.100 таблиц, а по середине всего здания («тянь» или «чжун-тянь») находится самое изображение или идол

прародителя – некогда бывшего государственным сановником и учеником Конфуцзы. Каждая таблица сопровождается надписью одного или двух глав семьи с числом их поколений и означением династии государей, царствовавших во время их жизни. Таблицы расположены рядами по стенам на полках, сверху начинаются общим родоначальником или старшим в роде и почетным и кончаются внизу самым последним и младшим потомком. Иногда ставятся заблаговременно и заранее приготовленные таблицы для лиц, которые имеют умереть и почитают себя достойными быть причисленными к общему сонму своих родичей; такие таблицы прикрыты сверху *красной бумагой*. Зал предков нередко переходил к другому лицу по линии, обязанному его охранять, обновлять и поддерживать, с оказанием самого почтения, предкам. Это выражается поддержанием фимиама и курением онога в фимиамнице «сян-лу» утром и вечером. Пред таблицами поставлен стол *"Шэнь-чжу"* и на нем две свечи в подсвечниках *«Ля-цян-ь-эrr»*, возжигаемых в праздники, 1-го числа каждого месяца, в новолуние и полнолуние, с принесением и жертв, с коленопреклонением и битьем чела до земли, сожжением благовонной бумаги или свеч, приготовляемых особо в Тибете. Для примера представляем таблицы пяти поколений: в первом поколении значится три лица – отец, мать, сын, или – прародитель – *"Ши-цзу"*, прародительница – *«Ши-цзу чэнь-ши»* (супруга), и *«Эrr ши-цзу»*; во втором семь лиц (от сына), в третьем – 6 лиц (от внука), в четвертом – 6 лиц, в пятом – 6 лиц, всего 22 чел. мужск. в женск. пола. Первым иероглифом означает поколение по порядку (1, 2, 3, 4, 5-е); *эrr, сань, сы, ву*, вторым иероглифом вообще означен *"Ши-цзу"* родоначальник, и третьим – собственное имя лица; последними двумя иероглифами означает самое место (вэй) или сиденье, кафедра души (шэнь) почившего предка – *"Шэнь-вэй"*. Таким образом будет: 1) *«Ши-цзу Лян-гун шэнь-вэй»*, прародителя достойного (гун) Ляна души место (1-е); 2) *Ши-цзу Чэнь-ши шэнь-вэй*, прародительницы Чэнь достойной супруги (ши) место для души. 3) *«Эrr-ши-цзу Лян-гун шэнь-вэй»* старшего сына достойного Ляна, души место и т. д. Следуют имена *Ли, Лян, Ван, Хо, Лин, Чжан*, неоднократно повторяющиеся. Для изучения родственных степеней и определения принадлежности лица к тому или другому семейству, такого рода таблицы предков и храмы, или залы, дома, где они сохраняются, представляют богатейший и точный материал, на который всегда и полагаются правительственные лица. Такого рода система семейно-родового права ничем не уступает римскому праву и в определении кровного родства и свойства; ассимиляция в китайских *"Синах"* допущением лиц чуждых племен и народов, по кровным или юридическим и хозяйственным мотивам, также по праву завоевания, дают особенную силу и характер, живучесть неразрывность. Язык, нравы, обычаи, просвещение в китайском духе, по конфуцианским принципам, семейству дому, единоличной власти, и семейно-родовой собственности еще более дают устойчивость, постоянство, патриархальную простоту отношений и единство; споспешествуют скреплению этих союзов в единицы более или менее крупные, зажиточные, богатые, населенные, трудолюбивые, полные жизни и энергии. На сих началах развиваются и разрастаются местечки, деревни, мызы, города, с более или менее сложным механизмом общесвязующих государственных законов и дисциплины. На семействе, правильно развитой личности и собственности, Конфуцзы строят систему, поражающую своим практицизмом и простотой всякого, кто изучает китайскую жизнь и вникает в её основы, принципы, цель и задачи общежития. Семейство – прототип государства, родоначальник, прародитель, живет в государе, в царствующем доме или династии, представляется с свойствами «Отца и Матери народа, как великого семейства». Не только личность или правильное, «священная особа государя императора» высоко чествуется китайцами, но и самое имя его служит предметом поклонения и почитания; так, видим не только в храме предков, но и в местах общественных, присутственных, в храмах, имеющих *«пхай-вэй»* – императорскую таблицу, и называемых поэтому *«вань-шеу-гун»*, т. е. храмами, местами императорского почитания. Таблица эта, с именем царствующего государя, дается известным местам и учреждениям, как знак особенной милости и внимания, сопровождается для лиц сих учреждений известными привилегиями. Некоторые христианские храмы сирохалдеев в Китае, как видим из надписи седьмого в. на их памятнике, и синагога еврейская в г. Кхай-фын-фу, имели эту таблицу на почетном месте внутри святилищ. Судя по обычаю почитания имени императора на сего рода таблицах, соблюдаемому в г. Кантоне, можем судить и о других. По описанию, помещенному в *China Review* (vol. VIII, 1879–1880) обряд состоит в следующем. В особо устроенном храме *«вань-шэу-гун»*, хранится в большом зале – *«вань-шэу-дянь»*, в дорогом ковчеге – *«лун-пхай»* – *драконова таблица*, с именем настоящего государя императора Китая. Ковчег поставлен на

алтарь пирамидальной структуры с квадратною плоскостью посредине на верху, он состоит из ряда нескольких ящиков друг на друга поставленных и высеченных с орнаментами из переплетающихся драконов, вьющихся по облакам. Надпись на "Лун-пхай" гласит: «хуан-ди-вань хуэй, ван-суэй. Вань-вань-суэй!» т. е. Божественный, небесный император! Мириады лет, Мириады годов. Мириады мириад годов тебе! или – «царствуй всегда, и ныне во веки!» Над таблицей простерта золотая завеса в виде балдахина, на каждой стороне алтаря по одной, и каждая надета на деревянный жезл с надписью и буквою: – на первом | жи – солнце, на втором | юэ – луна, и с деревянными изображениями сих светил на оконечностях жезлов, солнца в виде круга ●, луны в виде серпика ☾. Эти знаки поставлены: – справа алтаря солнце, слева – луна. Провинциальные гражданские чины, начиная с вице-короля до министра, военные начиная с маньчжурского генерала до капитана, все являются церемониально в храме «вань-шэу-гун» 1-го и 15-го числа первого месяца, в дни рождения царствующего императора и императрицы, в 5-й день пятого месяца и в праздник зимнего солнцестояния. Все они преклоняют свои колена, трижды совершая челобитие о землю, трижды при каждом поклоне; летом для сего полагаются наружные врата великой залы; чины гражданские становятся при сем направо, на В. стороне (дун), чины военные налево на З. стороне (си). Обстановка самого зала, где хранится «драконова таблица», т. е. *государственный герб и под его фирмою имя и лицо настоящего государя*», интересна тем, что изображение дракона в его разных видах и величине виднеется повсюду, и на стенах, и на столбах, на камнях, во всех мелких кельях зала. У Грея во втором томе (р. 92) его сочинения о Китае (China and History of the laws, manners, and customs of the people. Gray) помещен рисунок императорской таблицы, с собственным именем. Она поставлена в виде продолговатой скрижали с надписью на престоле, в форме обыкновенного четырехугольного стола, по сторонам её малые курильницы, спереди и бокам – подсвечники с зажженными свечами, над престолом и таблицю – парчовый балдахин (сень) с золотыми шнурами и кистями. Хотя неизвестно с точностью время усвоения "Дракона" эмблемой, символом государственной верховной власти Китая и лично – знаменем, инсигнией императора, и впоследствии – военных чинов, находим, что этот художественный тип и символ у всех государей императоров Китая не изменяется, без различия религиозных личных симпатий. Императорская таблица заменяется изображениями самой личности, нередко с присоединением к ней прочих инсигний государственного значения, переносимых иногда из одного места временно в другой город или столицу, что служит особым символом утверждения власти или исторического признания оной для известной части страны. Это перенесение сопровождается особыми церемониями, полными интереса и смысла. Предлагаем в особом приложении мемориал И-чжуна о сего рода церемонии, происходившей по случаю перенесения императорских вещей с изображением самого государя, 1868 г. 26 ноября из Пекина в Мукден, – столицу маньчжурских государей Китая.

л) Довольствуясь выше сделанными замечаниями в § 67 (о драконе, и значении его у китайцев), переходим к характеристике храмов мудрецов и поклонения оным у народа китайского. Несомненно, лучшими зданиями общественными и государственными для хранения сего рода памятников могут почитаться дворцы, храмы, разные присутственные места (ямынь) и школы, также – экзаменационные залы с студенческими кельями оных, окружающими подобно пчелиным сотам в улье; такими же местами являются нередко и частные дома, храмы и здания разных религий, названий, отчасти упоминаемые выше в разных частях нашего труда. Хотя китайская архитектура однообразна, но конфуцианские храмы и школы известны всякому как первейшая и главнейшая святыня. Экзаменационное здание, существующее в каждой столице и провинциальном городе, занимая большую или меньшую площадь, обнесенную оградой, имеющей проходные ворота по сторонам, составляет собою самостоятельный квартал, разделенный аллеями дерев, иногда бывает пруд; к сему зданию экзаменационной комиссии, прилегают со всех сторон малые домики студентов, куда они по одиночке или по два замыкаются на все время экзаменов на ученые степени. Эти кельи расположены в виде правильно расставленной в ряды армии или гряд по несколько сот и тысяч в огороде, каждая имеет на стене свой №. Самый храм для поклонения мудрецам, начиная с Конфуцзы, содержит таблицы с их именами, также как и с именами лиц, почему-либо славных в истории или данной местности. Зал мудрецов в Пекине содержит таблицы 72-х лиц – учеников Конфуцзы, расположенных рядами по сторонам его фигуры, с надписью имени и титула. Храм посвящен однако ж специально Конфуцзы, который назван в таблице «всесвятейший и мудрейший Конфуцзы», надпись над входными вратами гласит: «Учитель и образец для тысяч поколений», – «Равный

небу и земле». Статуя Конфуцзы, или таблица с его именем, чаще всего встречается в его храмах и школах; здесь не только поклоняются обыкновенно мудрецу, но даже по временам совершаются жертвоприношения, как и прочим божествам. Эти жертвы приносятся в весеннее и осеннее равноденствие. Заколаются для сего свиньи и бараны, самые туши коих по снятии кожи, ставятся стоймя перед таблицей и столом мудреца. По случаю празднества, мандарины представляются в сих храмах в три часа утра. Свиное мясо или других животных делится затем между соседними обитателями – учеными и учащимся (*literati*) и тут же поедается на месте. Самый характер конфуцианского храма носит погребальный или могильный характер. Проникнув ворота ограды, посетитель идет сквозь длинную аллею кипров в главную залу, где таблицы и поклонение оным тоже, что и в храмах почивших предков. С редкими исключениями, изображение Конфуцзы не в обычае, если оно существует, то в виде статуи, имеющей значение украшения, но *отнюдь не место идола*, чем и отличается от статуй Будды и других храмов языческих. Поклонение совершается исключительно перед таблицей с именем мудреца, именуемой поэтому *“шэнь-вэй”*, т. е. местом, кафедрой души почившего Конфуцзы. При самом поклонении ему, начинаются молитвы как перед идолами известного бога, но простирающийся или коленапреклоняющийся тихо про себя говорит слова приветственные и выражающие величайшее почтение в нему как учителю и добродетельнейшему человеку. Люди высокопоставленные и богатые в Китае, соединяясь с классом ученых конфуцианцев, могут исповедовать всякую религию в её специальном и обширном значении и не изменять в тоже время принципам самого Конфуцзы и с почтением относиться к нему перед его таблицей с именем, которое служит знаменем национального этикета и благородства, учености, системы высочайшей нравственности, содержит в себе все лучшие семена китайской цивилизации. Будучи всегда и во всех отношениях великим образцом для своего мира, сам лично Конфуцзы держал себя чрезвычайно просто, с замечательным смирением и неусыпно заботился о собственном самоусовершенствовании и преуспевании людей прочих в добродетели. О высочайших почестях, которые стали оказываться ему от его учеников и потомков впоследствии, он никогда и не мечтал и не думал! Почтение сделалось почти религиозным поклонением; перед началом учения, с детского возраста до выхода из высшей экзаменационной школы, китайцы обязательно поклоняются имени Конфуцзы начертанном на таблице и повторяют тоже везде, где это имя известно и чествуется как царствующего государя императора или уважаемых предков и великих людей. Несмотря на то, что Конфуцзы и его ученики, не имеют атрибутов коими снабжаются собственно те или другие божества и их идолы, почтение всегда оказывается всеми китайцами, говорящими по-китайски, изучающими «классические книги», с молоком материнским вкушающими оные из уст родителей, как лучшие и питательные элементы для последующей жизни.

Наряду с храмами в честь Конфуцзы или его учеников, нередко ставятся небольшие здания в честь доблестных женщин и девиц; и это весьма нередкое явление не только в городах, но и местечках, деревнях. Почитая мудрость и нравственность, китайцы не забывают изобретателя земледелия – *“шэнь-нуна”* коему сооружены во многих местах храмы – *“Тань”*, с таблицей и именем изобретателя. С этим же храмом создаются и смежные в честь духов гор, рек, плодородия, с принесением в известное время года начатков зерен и плодов этим богам. Преобладающий характер храмов собственно конфуцианских – *кладбищенский, могильный*, а потому они сооружаются чаще среди рощ и в местах уединенных, предназначенных для покойников; самое название таблицы Конфуцзы *«Шэнь-вэй»* или *«Лин-вэй»* – место души, указывает на смысл этого рода таблицы и храмов, соответствующих семейным или родовым *“Мяо”*. Буддийские храмы – *“Сы”* отличаются резко от храма предков и Конфуцзы, тем, что имеют в виду научение богомольцев от лица Будды и его учеников. Поэтому Будда всегда сидит со свитками закона, размышляет, или проповедует, все прочие его ученики *«Бодиситва»* внемлют его наставлениям и размышлению. Как учитель всего мира, по вере почитателей, Будда имеет центральный огромный в честь его идол, около – малых идолов его учеников, изображения эти и других богов нередко ставятся в особых малых зданиях окружающих центральное. Таков тип буддийских монастырей. Конфуцианский храм всегда уединен, рассчитан на немногих; зато – Конфуцзы, его имя и таблица, является собирателем тысяч и сотен учеников и ученых в школах и экзаменационных дворах украшающих города, столицы и селения китайцев! Такова тайна обаяния конфуцианского учения, классических книг, воспитания и образования китайцев в сем духе и направлении, к характеристике чего и обзору переходим.

§ 74. Домашнее и школьное воспитание и обучение, метод, задачи направления, воззвание императора Ву-ди и ответ Дун-фан-су; название и разделение китайских школ, виды учащихся и обязанности, правительственные учреждения заведующие народным просвещением

Понятие об учении вообще – «цзяо» и школьном – «цзяо-сюэ», продолжении оноgo во всю жизнь, порядок и степени преуспевания по возрасту, свидетельство из Ли-цзи-цзин и Чжу-фу (сяо-сюэ и да-сюэ), обязанности родителей и супругов, отдельно – самого учащегося в годы – 10-й, 13-й, 15-й, 20-й, 30-й, 40-й, 50-й, 70-й; цель воспитания – дисциплина сердца, стремление к справедливости, значение по сему предмету разных правил, школьных уставов, семейных наставлений, указание на переводы оных Моррисоном, Базеном, отзыв д-ра Вилльямса об образовании китайском и характеристика; приведение мальчика в школу, отдача учителю, плата ему, занятия и отношения в школе и вне, книги, изучаемые (сань-цзы-цзин, сы-шу, шу-цзин). – Отзывы Бриджмана о содержании книги «Сань-цзы-цзин», выдержки из оной о замечательных личностях, изучавших книги и славившихся образованием (Конфуцзы, Чау, Лаоцзы, Лян-хао, Юнг, Цзай-ванци, Дао-вань, Лю-пань) и наставления детям на основании означенных примеров самообразования. – Воззвание императора Ву-ди к подданным о необходимости образования и доставлении ему лиц просвещенных со всего Китая, ловкий ответ сановника Дун-фан-су. – Состояние народного образования за 900 г. до Р. Х., и распределение школ, по отзывам Коу-чжи-цзяо-чэ, деление оных в новое время (по Иакинфу) на три главных разряда: начальные, уездные, губернские; прочие школы – частные и благотворительные, плата учителю за обучение, положение ученых, предметы обучения в школе и правила, цель – приготовление опытных чиновников; общие обязанности студентов, число экзаменуемых на степень цзюй-жень, обязательность для всех подданных, изучения китайского языка в школе китайский. – Время испытания в китайском языке для монголов, маньчжуров, магомедан; школы для изучения языков иностранных и русского в Пекине, частное значение оных, практическое ознакомление с прочими языками; отзыв маркиза Цзэнга о китайском образовании и опасение за иноземное. – (По Иакинфу). Приказ ученых и Педагогический институт, их значение для Китая и деятельность, студенты, их деление и занятия, курс учения и классы, положение военных и отделение математических наук. – Замечание Мартэна о китайских школах и методе обучения (наизусть, письма, иероглифов и переводы), деление школ на элементарные, средние, высшие

Под учением вообще "цзяо" и в частности школьным обучением элементарным языку, письмени, чтению и разумению книг, арифметике, "цзяо-сюэ", у китайцев понимается все дело воспитания, начинающееся с семьи, продолжаемое в школе оканчиваемое самостоятельным образованием для известного специального положения человека в обществе и государственной службе. Для китайского ученого нет предела, на котором бы он остановился, а потому учится всегда, всю жизнь стремясь в усовершенствованию то нравственному, то приобретению познаний дающих возможность к благоустройству своему и семьи своей, а также и родных более или менее близких. Школа для китайца – колыбель, в которой получают семена, развивающиеся и созревающие впоследствии. Всем матерям вообще внушается мысль учить свое детище с грудным молоком, т. е. очень рано, начиная с приучения к самым необходимейшим действиям и понятиям, с различением предметов противоположных. Чжэн-цзы, писатель Сунской династии, свидетельствует, что «древние, китайские предки, любили начинать воспитание детей с той поры, как они могли лепетать и произносить обыкновенные слова, кушать без посторонней помощи. А для того, чтобы дети приучались заблаговременно ко всему, что служит и помогает к определению и сосредоточению мыслей, т. е. к составлению правильного суждения и умозаключения, тот же автор рекомендует ежедневное изложение и показывание в письмени, существенных для жизни правил и изречений; и чтобы уши питомца наполнялись всегда пищей, подобно туго набитому чреву, иначе, чтобы ум заблаговременно, с малости, постепенно приучался к усвоению и переработке добрых начал, с устранением всех дурных». В книге Ли-цзи (гл. "нэй-цзы" – домашние правила) начало воспитания определяется временем «когда дети начнут свободно владеть правою рукою и кушать одни». Это время возраста определяется на шестом году от рождения. С шести, семи лет таким образом, мальчик начинает учиться, т. е. при помощи

учителя, или отца, матери, братьев и сестер, других родных получивших школьное образование. По *Чжу-фу-цзы* предмет воспитания определяется направлением к добродетели и соответствующим сему питанием ума. Ежедневные занятия начинаются самыми простыми, каковы – мытье вещей и обтирание пыли, чистка их и обметание пола и подобные действия приучающие к опрятности и приличию. Тот же мудрец требует, чтобы приступали потом к “сяо-сюэ” обучению детскому (*l'étude des petites*) и подготовке к знаниям для взрослых или учащихся старшего возраста – “да-сюэ”, где трактуется обстоятельно о нравственности и политике. Материнское влияние преимущественно обнаруживается в нравственных уроках и приведении ребенка к послушанию, затем – повиновению заповедям, молитве, поклонению Богу, как он понимается китайцами. Примеры родителей и старших являются главными воспитательными двигателями в развитии ума и сердца юных питомцев. Общий план и цель воспитания определяется книгой обрядов, состоящую из многих отделов рассуждений о сем предмете для учителей, родителей, детей. Так называемое “сяо-сюэ” или юношеский руководитель, пользуется преимущественным значением и уважением из всех прочих классиков. Вменяется в строгую обязанность и прежде всего, чтобы отцы семейств избирали таких жен, супруг, для брачующихся, которые бы не только являлись здоровыми млекопитательницами детей, но могли нежно, с достоинством, любовью, тщательно воспитывает их, с малолетства умели бы действовать на них словом и обращением. По научении обыденному разговору, беглому объяснению простых вещей, на *семилетнем возрасте*, дети должны в главных основаниях начинать учение, получая при сем особое школьное имя, с которым и заносятся в список школы, где обязуются сидеть как следует за своим столом, держать себя прилично, почтительно, в послушании, и не баловать во время занятий. На *восьмом году* ученик должен повиноваться старшим предпочтительно пред прочими, – ценить их уроки и уважать; на *десятом году* мальчик посылается к частному учителю тьютору, день и ночь обязан изучать письмо, арифметику, носить простое платье, заботится о самостоятельности в самообразовании и приобретении надлежащих знаний, а также о серьезном способе действий и обращении с людьми, по плану, всегда сдержанно, прилично, обдуманно; на *тринадцатом году* он учится музыке и поэзии; на *пятнадцатом* приучается к стрельбе из лука и гимнастике (*charioteering*), на *двадцатилетнем возрасте* он надевает форменное платье, принимается в разряд совершеннолетних (*manhood*), изучает дополнительные правила о собственности, упражняется в выражениях сыновнего благочестия и братских обязанностей, с приобретением сих знаний, он может, сообщать таковые же и другим. На *возрасте тридцатилетнем* образованный молодой человек может и жениться, начать семейную жизнь, управлять домом, вести разнообразные занятия. На *сороковом году* он может вступить на службу общественное или государственное; если это князь, то может управлять своим княжеством или вообще заведовать делами управления. На *пятидесятом году* такой человек может быть принят в разряд министров; на *семидесятом же году* он обязан оставить службу, состоять за штатом, жить частною жизнью, в уединения, вдали от света.

Другое замечание: «Дети всегда обязаны говорить просто, высказывать истину без особенных ухищрений, – стоять прямо, держаться твердо собственного места, читать книги со вниманием и почтением». Юноша-студент должен выслушивать наставления своего учителя со смирением, воспринимать всецело мысли его. Воспитанник, при воззрении на благочестивых людей, выслушивая их добрые слова, обязан сообразоваться с ними в жизни, соблюдать справедливость, удаляться неправды дома и вне, не изменять постоянного местопребывания, обращаться с товарищами дружелюбно и благосклонно, подвергать как можно чаще строгому контролю собственные действия и слова, мысли, чувства, намерения, наблюдать во всем меру и порядок, каждое утро прочитывать, что-либо новое, и стараться уяснить себе тоже к вечеру. *Высшая цель воспитания*, поэтому, с точки зрения китайцев, не столько должна состоять в начинке головы всевозможными знаниями, сколько в *дисциплине сердца и очищении своих влечений и пожеланий*. Один из писателей говорит: «Кто заботится быть добродетельным и избегает сделать что-либо несправедливое, обязан служить своим родителям и князю со всевозможною преданностью и искусством, быть всегда верным в слове; можем поэтому называть необразованным всякого кто уклоняется от этого. Чтобы образованные люди с детства были опыты в правилах приличия, умели держать себя благородно, в одежде, походке, словах и проч., китайцами составлены подробные наставления на все означенного рода случаи жизни, определенные чрезвычайно умно и заслуживающие подражания у других народов. В этого рода национальных элементарных обрядниках китайский народ наиболее старается быть сведущ и

исполнителен. Д-р Морриссон в своем «Chinese Dictionary (vol. 1, Part 1), а за ним и французский ученый Базен, и некоторые другие, перевели собрание правил китайского обучения в школе. Curriculum высшего образования, дающего ученые степени молодым лицам и соединенные с ними государственные права по службе и общественному положению, мы предлагаем в русском переводе, некоторые правила проверив прямо с оригинала. Китайский текст вообще отрывист и выразителен, французский перевод изящен и сообразен наиболее с гением русского языка, английский перевод местами полон, местами также отрывочен и обилен объяснениями китайских иероглифов, в научном отношении – филологическом, это лучший и серьезный труд по данному предмету. Мы придерживаемся более французского перевода. Для всех степеней китайских ученых, замечает Вильямс (р. 426), существует единственный способ образования (study) – следовать прежним наставлениям и руководству учителей, подражать им и развивать в течении всей своей жизни; в сем принципе высказывается вся неподатливая сторона китайского ума, относящегося стереотипно к урокам мудрости, начертанным в классических книгах с детства. Поэтому, вступление в школу для китайского юношества имеет значение весьма серьезное и обставлено соблюдением формальностей, хотя не всегда соблюдаемых, но не теряющих своей обязательности и силы. Происходит следующая церемония приведения отроча к учителю, совершаемая отцом или старшим родственником мальчика. Прежде всего отец приводит сына к учителю на дом, с почтением и поклоном, с выражением цели визитации; совершается торжественное поклонение пред именем или таблицей китайского мудреца (Конфуцзы) или некоторым из других, в соединении с молитвою к ним о благословении мальчика на успехи в предпринимаемом деле; учитель сев на место, дает соответствующее и ученику, прося его учиться и внимать урокам, какие будут проходиться. Сего рода введение в школу сопровождается и приличным подарком учителю. Убранство школы заключается по большей части в столе и скамье для каждого воспитанника, и возвышенной кафедре для учителя; на каждом столе расположены принадлежности для письма и несколько книг. В переднем углу поставлена таблица или на стене надпись, посвященная Конфуцзы или богу учености. Мудрец называется учителем и господином на все времена, в честь его, или обоих, курится постоянно фимиам. Школы, помещения для них, в нашем смысле, для китайцев не имеют строгого обличия; каждый дом, помещение в нем может быть школою, лишь бы она была защищена от ветра и непогоды, чаще всего она бывает в частных домах. Учитель, сообразно с числом учащихся, расширяет помещение приделкою новых цзяней или комнат; иногда они разрастаются под одну кровлю, с общим проходом, до 20, 30, 40. Несколько близких соседей в городе или деревне, устрояют на свой счет или нанимают такого рода школу, или имеют в своем доме и нанимают особого учителя за известную плату, помесечно, в год, на целый семестр, даже подневно, поурочно. Большую часть народных учителей в начальных школах составляют лица, не получившие на экзаменах высших ученых степеней, а потому лишенные возможности занимать другое почетное и выгодное место по службе и принужденные жить частными занятиями. Вознаграждение учителю неодинаково, по обстоятельствам, местам и лицам. В Кантоне учитель за 20 учеников получает ежемесячно от половины до одного доллара с каждого мальчика; в городах других и местечках страны, от 3, 4 и 5 долларов в год, с прибавкою некоторых частных подарков от ученика и его родителей, три или четыре раза в год. Частные тьюторы получают от 150 до 350 или более долларов в год, смотря по удобствам школьного расположения. Школы делятся на учреждаемые самим правительством только общественные, или благотворительные, в пользу бедного народа; прочие – все суть частные. Часы занятий начинаются с восходом солнца и когда мальчики успеют закусить немного в своих домах, затем они идут в школу, собираются в ней на час или более и продолжают учиться далее по книгам около пяти часов по полудни, затем свободны на долгое время. Летом, по случаю жары, послеполуденных занятий не бывает вовсе, зимою чаще занимаются по утру и вечером преимущественно те из учеников, которые днем работают как техники или в магазинах и других местах. Из книг, ученики начинают *Сань-цзы-цзин* (trimetrical classics), прежде всего читают каждое слово и строку вслух за своим учителем, после отдельно сами по себе, и всегда на память. Так постепенно усвоят правильное произношение иероглифов, отдельно и затем их слогосочетание, и целые предложения. Учитель строго следит за этого рода чтением, часто поправляет и приучает слух учеников к разного рода тонкостям и переливам, коими богата китайская техника, хотя в общем более или менее единообразная и довольно скучная. Ученики при уроках становятся спиною к учителю, нередко изумляя посторонних наблюдателей гигантскою памятью; они читают живо, проворно, массу

слов, иногда не понимая смысла. После означенной книги переходят к изучению тоже на память книги «тысяча слов» (millenary classics), прочие из состава *сы-шу* (четыреклассные) и *Ву-цзин* (пятиклассные). *Сань-цзы-цзин*, после основательного её изучения, открывает возможность студенту к высшему курсу знания, служит как бы паспортом в области классической и исторической литературы. Дабы дать более точное понятие о сей книге и судить о её содержании, пользуемся извлечениями из перевода Dr. Bridgman's. Книга начинается с определения природы человека, необходимости и способов воспитания, состоит из сентенций по три иероглифа, в коих определяется далее важность сыновнего благочестия и братских обязанностей в их принципе и примере; за сим следует синопсис разных ветвей знания в восходящем порядке, по отдельным главам и числу, таковы: *три* великих силы – небо, земля и человек, *три* светила – солнце, луна, звезды, *три* союза – между князем, министром, юстицией, между отцом и сыном, мужем и женою; о *четырёх* временах года и *четырёх* главных пунктах горизонта. Под *пятым* числовым знаком рассматриваются: человеколюбие, справедливость, собственность, мудрость и истина, составляющих коренные добродетели, *пять* элементов вещественных. Под *шестым* числом: роды хлебные китайских зерен, домашних животных. Под *седьмым* числом: страсти человеческие; под *восьмым* – музыкальные ноты и тона; под *девятым* – степени родства; под *десятым* – обязанности. Все краткие определения понятий и иероглифы к оным, кратко поясняемые в комментариях, служат как бы темами для курса академических штудий впоследствии, с перечнем книг для сего служащих руководством и синопсисом общей истории Китая, с показанием на самые имена друг за другом следовавших династий и государей. В *Сань-цзы-цзин* включены также случаи и мотивы, заимствованные из поведения древних мудрецов и государственных людей, с размышлениями о славе и пользе, которые они принесли; цитируемые примеры людей и их доблестей, преимущественно ученых, полны интереса, ими разрешаются многие части общего рассуждения. Вот как характеризуется этот мир знаменитостей: «Конфуцзы имел своим учителем Сян-дэ, изучал также самостоятельно и творения древних мудрецов. Чау, государственный министр, читал конфуцианские диалоги, даже прилежно изучал их как школьник, одни уроки копировал красными чернилами, другие черными на бамбуковых листах, кои собирая вместе, составлял книги полные интереса и эрудиции; прочитав известную главу или отрывок, он делал заметки и свои выводы, наставления. В старину чтению впотьмах училась при свете ночных светляков, другие – рано утром; так бывало в бедных семействах. Несмотря на препятствия и недостатки, многие учились настойчиво и неопустительно. Так Лаоцзюнь на 27 летнем возрасте начал прилежно изучать книги и упражнялся в оных с успехом, так жил и учился до самой глубокой старости, подавая пример юношеству, он шел все вперед не отступая ни на шаг. Подобным образом Лян-хао на 82 году, возраста занимал высокий пост среди ученых в императорском зале и всех изумлял своею эрудицией. Юнг на 80 году читал оды; а Би на седьмом разумел шахматную игру. Юноши, старайтесь подражать сим примерам! Цзай-Ванци умел играть на всех струнных музыкальных инструментах, также как Цзе-Дао-вань пел чудесно на разные голоса; оба они в своем детстве отличались умом и образованностью, и вы мои дочери будьте прилежны в науках и деликатны в обхождении с людьми! Лю-пань из Тана, будучи семилетним мальчиком держал себя чрезвычайно благородно, и писал изящно, а в юношестве занимал высокий пост. Пес бдителен ночью, петух всегда возвещает своим криком утро, но никто их не учит. Так и вы, все юные, старайтесь сами быть бдительными в научении себя всему доброму и полезному, будете ценимы после; человек ленивый хуже всякого дикого зверя. Учитесь в юности по книгам, обогащайтесь знанием, дабы легче совершать добрые дела в возрасте зрелом; старайтесь иметь влияние на князя, благодетельствуйте народу, заботьтесь о славе своего имени, делайте знаменитыми своих родителей, размышляйте о славе предков, обогащайте свое потомство. Когда желаете учить детей, не жалеите покупать книг, даже самую малость, но дорожите ею по содержанию и так передавайте знание. Употребляйте все меры к разнообразному развитию ваших душевных сил!» (Chin. Veros, vol. IV, pp. 105–118).

В дополнение к приведенным примерам заботливости китайцев к своему образованию и усовершенствованию в добродетели не можем не привести воззвание просвещенного государя императора *Ву-ди* к своим подданным, в коем он приглашает своих министров отовсюду разыскивать людей просвещенных и добрых на государственную службу. На это приглашение не менее благородно отвечает один из его достойных сановников, сам себя рекомендуя

почтенному императору перечислением достоинств, приобретенных путем долгого образования и личного усовершенствования.

"Герои! где вы? – в вас нуждаюсь и потому к вам обращаюсь! (воскликает император и тут же объясняет – чего он желает). Специальное дело всегда требует и людей к тому специально подготовленных. Практические боевые занятия и конная гимнастика, при уме и постоянстве обращения, самое животное делают предметом драгоценным; так и человек, нередко самый невзрачный и последний среди прочих, может достигать великих деяний и славных, путем образования, самоусовершенствования в добродетели. Для дикого коня и неблаговоспитанного человека, весь вопрос в обуздании, умирении строптивой природы, в доведении оной до степени совершенства и силы подчинением власти. Генералы, министры и политики! К вам настоятельно обращаюсь я ныне и повелительно требую: – изыскивайте людей блестящих и выдающихся талантами во всех округах и местечках страны, дабы все вы были способны и достойны со славою и могуществом стоять на страже, во благо и на пользу дорогого Отечества!..»

Ответ императору его сановника *Дун-фан-су*: «Рано лишившись в детстве родителей, я вырос в доме своего старшего брата. На 12-м году выучился писать, в прочие годы изучил историю и композицию сочинений (вэнь-чжан); на 15-м году умел управлять мечем, на 16-м году повторял оды и книгу истории в 220.000 слов, на 19-м году изучал тактику Сунь-ву, ознакомился основательно с боевой обмундировкой армии, искусно владел сигналами гонга и барабана, узнал 220.000 слов (иероглифов) о всем касающемся военного дела; не менее тщательно и сердечно усвоил речения и сказания из Цзы-лу (ученика Конфуцзы). Достигнув 22-х летнего возраста, я имел 9-ть футов и 3 дюйма роста, глаза мои были подобны искрящимся перлам, а зубы – шеренге солдат. Я храбр и неустрашим как *Мэн-фань*, стремителен и отважен как *Чэн-ци*, чистосердечен как *Бао-иш* и набожен как *Вэй-шэн*. Нося в себе благородное сего рода сознание поэтому, почитаю вполне достойным звания высшего государственного офицера. Со своею жизнью, кратко изложенною на бумаге и держимою в руке, смело предстаю пред лицом Вашего Императорского Величества и отдаюсь в ваше распоряжение. Ваш верноподданный *Дун-фан-су*».

За 500 л. еще до Р. Х. одним китайским ученым *Коу-чжи-цяо-чэ*, вопрос о воспитании и народном образовании был формулирован так, что «каждое семейство обязательно должно иметь залу для учебных занятий – "*cho*" (*ко*); каждая деревня – "*tang*" (*ман*) должна иметь школу для занятий – "*siang*" (*сян*); каждое местечко, village, или "*chu*" (*чу*) должно иметь свою школу – "*siu*" (*су*) для приходящих и временных занятий в ней; каждый главный, областной город *principauté*, "*koue*" (*куэ*) должен иметь учебное учреждение именуемое "*hio*" (*сио*)».

Распределение это остается на долгие периоды и далее почти в том же виде. По о. Иакинфу, (Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение, 1840 г., стр. 55–81) китайские училища разделяются на три разряда: общественные или народные – "*И-сю*", уездные "*Сянь-сю*", губернские – "*Шу-юань*" – училища первого и третьего разряда суть пригготовительные, не имеющие ни постоянного учения, ни постоянных учеников. Уездные училища делятся по количеству постоянно учащихся на *большие, средние, малые*, или иначе – *областные, окружные и уездные*. Частные школы – (*сио-гуань*) существующие для людей бедных главным образом имеют учителей (*сян-шэн, сэн*), которые исправляют свои обязанности приватно, домашним образом, – (*цзяо-гуань*). За право посещения сего рода школы, за учение в ней, родителями мальчика дается единовременно учителю подарок (*чжи-и*), в первый же день, когда вводится для этого учащийся. Право за этого рода постоянный вход оплачивается 200 чохов, от 1 франка 50 сантимов до доллара, или 5 франков 40 с., в 5-ю и 8-ю луну также дается учителю денежный небольшой подарок – (*цзе-и, срочное приношение*). Ученики в эти дни, а также в Новый год отпускаются отдохнуть; с Нового года им дается вакация на месяц или 6 недель. Школы благотворительности – (*И-сюэ*) открываемые местными властями для учащихся второго возраста, не состоят в ведении высшего правительства. В больших городах есть еще *школы вечерние* – (*е-сюэ*), для тех приходящих мальчиков, которые будучи заняты днем другими делами препятствовавшими ученью, желают заниматься вечером. Мальчики магометан, посещающие школы китайские, уплачивают чрез родителей, регулярно в месяц, известное вознаграждение учителю, – средним числом 3 доллара (6 руб.) в год за каждого ученика, – Школы (*сио-гун*) или (*фу-сюэ*), т. е. провинциальные, в (*сяо-сюэ*) – окружные, губернские, уездные, существуют в каждом сего рода округе, под управлением и в ведении местных ученых *сю-цай*, (*litterati, lettrés*).

Школы эти поддерживаются весьма мало, в них по большей части являются молодые люди, заранее подготовленные у своих учителей, для сдачи общественного экзамена (*Лао-ши*), – или почтенные ученые, профессора сих коллегий принимают к себе для помощи и других ученых для временного занятия кафедры, поскольку это бывает необходимо. В образовании юношества в школах вообще предписывается: 1) обучать их религиозным обрядам; 2) изъяснять им содержание классических книг; 3) давать форму для сочинения и задач; 4) внушать правила, приличные людям, приготавливающимся к государственной службе. В каждом училище (губернском, уездном) говорит о. Иакинф (*ibid*, стр. 50–51) по левую сторону главного зала поставлен со времен государя *Чжан-ди*, каменный, в горизонтальном положении памятник, с высеченною для наставления студентов надписью, выражающею попечение верховной власти о народном просвещении и разных льготах, даруемых образованным людям (освобождение от подушной подати, назначение содержания и особых надзирателей и учеников в губернские училища). «Чиновники, говорится далее, обращаясь между собою по обрядам, должны своим примером приготавливать для государственной службы людей с дарованиями; а студенты должны во 1-х стараться доказывать себя достойными милостей государя, во 2-х утверждать себя в правилах доброй нравственности». Для означенной цели начертаны специальные правила, сущность которых следующая: «1) студенты должны повиноваться наставлениям своих благоразумных родителей, а дурных и грубых исправлять всячески; 2) студенты должны учиться быть верными подданными и прямодушными чиновниками; 3) студенты должны быть благонравными во всех отношениях; 4) студенты не должны низкопоклонничать и чересчур угождать сильным и богатым; 5) студенты должны быть осторожны и терпеливы, обдуманны при входе в судебные места; 6) студенты должны иметь почтение и уважение к учителям, преподаваемое ими воспринимать искренним сердцем; 7) студенты не должны сочинять разных представлений государю; 8) студентам воспрещается составлять тайные общества и вступать в особые союзы между собою под клятвою, они не могут также печатать своих сочинений». – Сверх сего, 9) студенты, приготавливающиеся быть чиновниками гражданскими, обязаны учиться *музыке* и *мимике*, насколько это необходимо для служения в храмах славных мужей государственных и мудрецов; главная обязанность жрецов-студентов при сих храмах состоит в приношении им жертв и особенно *предкам*, коим посвящены особые храмы, или воздается им почать в каждой семье и роде. – Все, таким образом успешно кончившие курс в уездных училищах студенты в следующий год препровождаются в главный город губернии для испытания на степень *Цзюй-жень* или кандидата, число коих ограничено штатом для каждой губернии, каковы: Чжи-ли, Шань-дун, Шань-си, Хэ-нань, Цзянь-су, Ань-хой, Цзэ-цзянь, Цзян-си, Фу-цзянь. Ху-бэй, Ху-нань, Шэнь-си, Сы-чуань, Гуан-дун, Гуан-си, Юнь-нань, Гуй-чжеу. По важности и необходимости для чиновников китайцев знания языков маньчжурского и монгольского по преимуществу, поскольку монголо-маньчжуры вошли в государственный и правительственный состав, студенты в школе изучают и эти языки, также как монголо-маньчжурские ученики обязательно учатся по китайским книгам, изучают китайскую письменность и словесность наравне с прочими. Поэтому, полагается особое испытание в знании переводов с означенных языков, производимое чрез 2 года в 3-й; губернское и столичное испытание происходит чрез один год с испытаниями по словесности. Упражнения в переводе состоят из изучения двух языков – маньчжурского и китайского или монгольского и маньчжурского; в особенности это строжайше вменяется маньчжурам, монголам, китайцам 8-ми знамен, и живущим в Пекине потомкам, в 3-м колене поселенцам, из разных мест. Для изучения европейских языков, необязательного для всех китайцев, в видах беспрепятственного сношения с иностранцами, китайское правительство посылает за границу для ознакомления с европейскою культурою, в Англию, Америку и другие страны, не менее 100 человек молодых образованных китайцев и выписывает десятки тысяч книг по разным отделам знания, на разных европейских языках. Большую услугу при этом оказывают миссионерские учреждения Европы и Америки, Англии, в Китае, при коих обучается весьма много китайцев и специально изучаются языки европейские; этого рода обучение хотя совершенно добровольное и необязательное для всех, приносить свои плоды. По отчету Американских Соединенных Штатов за 1869 год значится, что в одной Америке обучалось 120 китайских юношей, и что в Китай выписано было правительством 80.000 томов разных книг из языков иностранных; преобладающим влиянием пользуется английский, затем испанский, португальский, французский и немецкий.

Для изучения русского языка при императоре Цянь-луне 1758 г. учреждена в Пекинской коллегии китайской особая кафедра, а по её образцу в 1861 году «Дун-вэнь-гуань», т. е. высшая школа, где преподаются: математика, физика, политическая экономия, химия, медицина, физиология, астрономия; существует музей и химическая лаборатория, учителями состоят англичане и немцы, изредка – русские. Русскому и славянскому языку обучаются также с успехом православные христиане при русской Духовной и Дипломатической Миссии в г. Пекине, русские купцы в Ханькоу, Тяньцзине, Калгане, Урге, Кяхте и др. местах своей оседлости, также дают возможность китайцам практического ознакомления с русским языком. Что касается восточных языков и наречий народов, с коими издревле ведут сношения китайцы, то они изучаются ими при буддийских монастырях (языки индийские, тибетский, санскритский) или магометанских мечетях и в школах (языки арабский, персидский), прочие изучаются практически при сношениях с туземцами. Маркиз Цзэнг, наблюдательный ученый китайский сановник, в своем дневнике путешествия по Европе, переведенном на английский язык (в the China Review 1882–83, vol. XI) делает весьма умное замечание, с выражением некоторого опасения и соболезнования, чтобы китайцы, обучаясь за границей и в Китае у иностранных европейских учителей в их школах, не помешались на чужих методах и системах знания и обучения; а потому он серьезно советует соотечественникам, только тогда изучать и усвоить иностранные языки и образование, когда основательно усвоят свое китайское и родное. Почтенный Цзэнг имеет полное основание так судить, ибо ничего не может быть гибельнее для народа и юношества, как усвоение чужого знания и культуры без надлежащей к тому подготовки и самостоятельности в усвоении оных. Китайские политики и мыслители, являясь ревностными патриотами и защитниками своего status, стоя на конфуцианских началах, всегда с опасением относятся к вторжениям чуждых китайской национальности преобладающих влияний религиозных, этнографических известных народов, и политических, а потому нередко являются ужасными мстителями и преследователями, всего противного созданному издревле равновесию и преобладанию собственно китайцев. Так китайское правительство относилось нередко к буддизму и магометанству, так относилось и к христианству, когда встречало силу в них противоборствующую и независимую. Классу ученых, создаваемых необычайной энергией своеобразной системы воспитания и образования строго национального, принадлежит самое важнейшее и активное участие в создании китайского единства и неизменяемости, необычайной устойчивости принципов и внешнего строя. Заслуживает внимания поэтому вся лестница, по которой тысячи юношей восходят в приобретении высшей учености и степеней, для служения своему отечеству, после элементарного воспитания дома и обучения в школе. Хотя о сем предмете обстоятельно трактуется у о. *Иакинфа Бичурина* (Китай, его жители, права, обычаи, просвещение, СПб. 1840), но делаем дополнительный очерк по новейшим сведениям помещенным в China Review и в словаре Дуоляйтля. О. Иакинф останавливается особенно на учреждениях министерства китайского Народного Просвещения, во главе которых стоит Приказ Ученых, институт Педагогический, институт Астрономический и Министерство церемоний и обрядов заведующее за соблюдением оных во всем народе. В V-м отделении настоящего нашего труда о *даосизме*, было определено значение Астрономического института в религиозных церемониях и регулировании жизни народной соотношением законов неба и земли, установлением времен и соответствующих оным действий; спросим в частности в чем заключается значение *Приказа ученых и Института Педагогического?*

Благодаря неусыпной и энергической деятельности частных комиссий, слагающихся из членов комитета, Приказом Ученых сочиняется и издается множество книг, имеющих правительственный авторитет и кредит от народа, которого лишены и никогда не достигают иностранные издатели и сочинители, а также и равные компиляторы из самих китайцев. Все, не имеющее одобрения Ученого Комитета и признания оным за достойное и полезное, лишено по взгляду ученых китайцев этого значения. Каждая династия имеет свою ревность – следить за просвещением китайцев, давать должное направление их уму и посекать то, что зловредно и духу китайскому несродно. На основании сего права, были в старину печальные примеры сожжения многих книг и истребления ученых, признанных опасными. Произведения литературы религиозной разных вероучений получили свое дозволенное и самостоятельное право, независимо от приказа китайских ученых, и доселе пользуются сею привилегией. Буддийские и ламские монастыри, даосские, также христианские миссии западноевропейские, магометанские, имеют свою обширную литературу, на свой риск. Китайские ученые, как правительственные лица,

издают – классиков, комментарии к оним, энциклопедии, историю, статистику, разные словари, географические исследования, составляют молитвы на разные случаи, жалованные грамоты утвержденные государем, и проч. Для специального приготовления опытных и искусных учителей для народных училищ уездных губернских, окружных, существует Педагогический институт, в коем находятся главноуправляющий, два ректора и три инспектора, заведующие образованием учителей; воспитанники – все из студентов и учеников казенных училищ в Пекине, студентов представляемых ко двору и принимаемых по милости государя. Поступающие из училищ уездных студенты суть: 1) ежегодно представляемые; 2) представляемые по государевой милости; 3) проставляемые по превосходству, отлично аттестованные своим начальством по успехам и поведению; 4) приобщенные, после губернского испытания; 5) представляемые по положению; 6) представляемые из отличнейших, по прошествии 12 лет в институт, коих экзаменует сам государь в сочинения и вопросах из «сы-шу». Институтские студенты делятся на четыре разряда: 1) по государевой милости, это потомки из славных ученых, – определенные для жертвоприношений их предкам, и ученики из военных училищ, студенты по математике; 2) по службе отцов, чиновников; 3) по отличию, лучшие из трех разрядов, и ученики казенных училищ – 8-ми знамен, – обучающиеся математике, из военных училищ. Полный срок учения гражданским – 36 месяцев т. е. 3 года, а военным студентам и 8-ми знамен – 10 лет. Главные изучаемые предметы первыми студентами суть словесность и политика; после 3 лет, по выдержании экзамена, они получают назначение на места уездных правителей. Образование воспитанников делится на шесть классов (тхан): 1) Шуай-син-тхан; 2) сю-дао-тхян; 3) Чэн-син-тхан; 4) Чжень-и-тхан; 5) Чун-чжи-тхан; 6) Гуан-е-тхан. На содержание института, награды и пособия воспитанникам назначается по штату определенная казенная сумма денег, чем и заведует казначейство института; институту же принадлежит ведение 8-ми училищ восьми военных знамен, в каждом из них находятся по три старших и семи младших учителей и штатное число учеников, избираемых регулярно от 12 до 15 лет начальником каждой дивизии. Кантониисты эти обучаются, сверх прочих наук, маньчжурской и китайской словесности, стрельбе из лука и строевой службе. Отделение математических наук, имеющее главного начальника и двух учителей, назначаемых государем, – тоже подлежит ведению помянутого института, также как инспекционная часть, учебная, канцелярия, библиотека и казначейство.

Нелишним находим присоединить и замечание Г. Мартэна, в его сочинении «Hanlin papers or Essays on the intellectual life on the Chinese» (London, 1880), где говорится о китайских школах и методе образования следующее: – что «оно прежде всего есть дело частной инициативы, получает же значение при правительственной санкции, по выдержании экзаменов на известную ученую степень и государственную должность. Соответственно такому назначению, и постепенный курс школьного обучения может быть разделен на три части: 1) занятия студентов сосредоточиваются на упражнениях памяти, (без особых рассуждений или интерпретации), с заучиванием наизусть канонических книг и правописанием иероглифов самой разнообразной формы (упражнения для руки и кисти); заучиваются образцы изящной словесности с составлением собственных экспромтов или сочинений. 2) Перевод текста книг классических, т. е. их разумение, уроки по словосочинению и сочетанию иероглифов. Соответственно означенной градации методики, развивается память, ум, изоощряется глаз и зрение, преобладают монотонные приемы заучивания вслух поражающие европейского наблюдателя китайских школ. По серьезности образования и методологии, эти школы делятся на три разряда: 1) элементарные, соответствующие нашим школам грамотности, где учат вслух и на память цзырам и писанию иероглифов; 2) средние школы, где объясняются классические книги; 3) высшие школы, в коих истолковываются законы, правила композиции сочинений, критицизм – составляющие главное требование. В одной и той же школе, её разных отделениях, могут быть совмещены все эти три фазы развития китайского юноши. Самая сумма знаний, приобретенных далее, вращается на пяти главных категориях: критицизм, история, агрикультура, военное дело, финансы; математика и астрономия связаны с философией и астрологией, а потому не доходят до той простоты, глубины, абстракции, которые выработаны в Европе, также у арабов и индийцев».

§ 75. Высшее образование: пять китайских ученых степеней, их названия и виды, приобретение по экзаменах для занятия государственных и общественных должностей, подразделение оных, почетное положение, провозглашение, прочие виды образованных степенных лиц

Разделение на три разряда ученых по XXVI гл. китайских правил. 1) Сю-цай, 2) Цзюй-жень, 3) Ган-лян, 8 требований знаний для первой степени и конкурсные письменные опыты – Система Китайских экзаменов на ученые степени по описанию Г. Паркера в *China Review* (vol. IX) – 1-й годичный экзамен суй-као, 2-й – ко-као, 3-й – да-кэ (дающий степени цзюй-жень); округ и его уезды, волости, управления, ямынь, к коим прикомандировываются степенные ученые, – их положение, число, свидетельство о личности, желающей экзаменоваться, составление регистров экзаменующихся, не допускаемые к экзаменах личности; окружной уездный экзамен чао-фу или сянь-као, плата экзаменующимся денег лин-шэнам, к коим они прикомандировываются, и в казну, ямынь – место экзамена и число лиц, экзаменующихся по 7-ми сменам, прием градоначальником и выдача свидетельств экзаменованным цзин-цюань, объявление лиц, удостоенных ученой степени, первый в списке – ань-шоу; время экзаменов. запираение на время экзаменационных зал, темы для писания сочинений прозаических – вэнь-чжан и поэтические – ши-чжан, с объяснением оных и прочтением мест из Шэн-ю импер. Канси, чтение студенческих сочинений и проверка, меры осторожности. – Экзамены губернские в Ямыне губернатора, под председательством экзаменационного префекта Фу-као, прошение желающего экзаменоваться, собрание таких лиц в экзаменационном зале, самые экзамены разделенные на семь перемен, распределение экзаменующихся по сменам, составление разрядного списка, получение прозвания «ань-шоу» первыми в каждой десятке, и преимущество сих лиц пред прочими, и взгляд на последнего в общем списке би-шоу (последний из последних). – Экзамен сюэ-дао на получение степени сю-цай (или сянь-ши, дао-ши, куо-дао) при дао-тай – интенданте в Ямыне провинциальной столицы, или особом пхын – бараче, время экзамена, предварительное прошение, предварительная плата по закону, получение экзаменационного билета от префекта – ли-фан, значение ученого секретаря и его самостоятельность – собственная походная канцелярия, и право путешествий на 3 года для экзаменов в провинциях, расписание их экзаменов по циклическим знакам и выдача экзаменовавшимся ученой степени, производство им самого экзамена из классиков и письменный опыт; экзамены 1-го года суй-као (или чэнь, вэй, сю); экзамен 2-го: ку-као (инь, цзы, шэнь, хай). Первый разряд экзаменованных секретарем студентов в списке его для линь-шэнов и цзэн-шэнов, прочие получают свидетельство као-цай; значение и роль старого учителя лао-ши или е-ши и его отзыв; предметы экзамена-сочинения прозаические и поэтические. Порядок экзаменов при секретаре в Ямыне или палатке – пхын, время представления студентов, занесение в список их губернатором, объявление темы, писание сочинений и штемпель на оных – «чо», накладываемый чиновником в течение 10 часового заседания, проверка дальнейшая; окончание экзамена и обед секретарю и прочим чинам, кандидатам, получившим ученую степень, их число, сортировка по местным управлениям, на своей родине; проверочный дополнительный экзамен для желающих – фу-ши; объявление, списка получивших ученые степени, право таких лиц на ношение особых знаков (шапочка, мао-цзы и сапоги особого рисунка, официальный костюм голубое платье би-цзянь и юнь-цань). Обязанность экзаменованных – визит секретарю в сопровождении их лао-ши, денежные при сем подарки; разные доходы с экзаменующихся прочими чиновниками и казною, замечание о проверке секретарем экзаменационных опытов и формализме самого экзамена, о поклонах студентов, визитах начальству и в храме предков. – Провинциальный экзамен, выдача аттестата получившим степени, повторительный экзамен для лао-сио (державших прежде), объявление списка экзаменовавшихся – чу-ань; подача прошения чрез лао-ши новопришедших лиценциатов и денежное вознаграждение при сем, корпорация и-цаев в которую тоже вносятся деньги, фу-шэны их экзамены. За ними – гун-шэны их число, молодые юнкера – цю-гуань и гуань-чжэн, лиценциаты местных коллегий – шу-юань, студенты академии – цян-тэн, виды гун-шэнов и их положение и титулы, их достоинства и преимущества и почетное прозвание ба-гун – отличный ученый. – Экзамены в Пекине чао-као, для получения степени ци-

жень, их сбор и сортировка после экзамена на должности низшие сяо-цзин-гуань и секретарские чжу-ши, в провинциальные управления и при секретаре, его инструкторе или знаменном; гуны и их подразделения: эн-гун, ю-гун, суй-гун, фу-гун, ли-гун; шэн-лин-шэн, цзэн-шэн, фу-шэн; резюме всех экзаменов в их порядке: уездный при градоначальнике губернский, секретарский, повторительный, разных лиценциатов. – Экстраординарные экзамены у градоначальника, губернатора, секретаря чрез три года гражданских студентов и военных, предметы 1-го и 2-го испытаний; конкуренция в Пекине для степени провинциального чина и на степень «ци-жень» при экзаменаторе чжу-као и его ассистенте фу-джу-као, права, обязанности и привилегия сих путешествующих экзаменаторов и отношение к ним экзаменуемых и местных властей. Экзамены ими устрояемые, их время, порядок, предметы. – Описание производства экзамена для степени «Ци-жень»; назначение тем и объявление оных на листах, кельи экзаменуемых, письменные опыты, отдых, чиновники – принимающие эти опыты, прикладывающие свои печати, делающие прочие отметки; супервизоры, поверяющие сочинения и сортирующие переписчикам, проверка беловых и черновых опытов, чтение экзаменаторами сочинений и сортировка, объявление о результате экзаменуемых, выписка имен авторов, прибитие именного их списка на воротах Ямыня, название имен лучших кандидатов, удостоенных степени, визитация ими губернатору с соблюдением формальностей, пир у губернатора «лу-мин-янь» (экзамен согласия); достоинства хорошего экзамена, экзаменационного опыта; изящная бумага, приступ «по-ти», два предложения, развитие предмета «шэн-ти», изложение «ци-цян», нравоучение «жу-ти», «цян-ся» с примером, новое подтверждение «ти-би», «ти-ку», второе доказательство «чжун-ку», «чжун-дуй», заключение «вэй-дуй», «чу-ку», «мо-би»; для поэтических опытов требуется известное число строк и стихов «цзюэ» определенное количество иероглифов; экзаменационная бумага и красные чернила – её приготовление и значение. – Экзамен на степень «Ши-цзы» для «сю-цаев» их права, «тхун-шэнь» и их положение, переходящее с известными привилегиями для отца и матери и прочих лиц семьи; «лян-шэнь», их права и преимущества, переходящие тоже к их родителям как почетные прозвания. – Историческое происхождение и название ученых степенных «сю-цай», «ци-жень», «хуан-юань», «шэнь-ши», и система совместничества «тхан-хуа» и «чуань-лу»; образованные чиновники «цзяо-ю», «цзя-шу», «сюнь-дао», исполнительные чины и их экзамены; экзамены «сянь-ши», для окружных чиновников, их экзаменаторы «да-цзун», «цзай», степени, ими даруемые; «Шэнь-ши» и «Ци-жень», экзамен для них, время и порядок в Пекине и экзаменаторы «цян-ши-ван-да-чэнь», назначаемые государем и сочинения, ему представляемые лично; избранной и лучший чиновник «чун-чи», второй – «чуань-лу»; экзамен «чао-кхао» во дворце «бао-хо-тхьянь», сортировка экзаменуемых на три разряда «сань-дэн»: «юань», «чжу-ши», «фэнь-фа» и «шэн-фэнь»: выписка во дворце громогласная имен, отличавшихся, их аудиенция у императора. – Экзамены – четвертый «тоу-вэй-цзы-ку» и совершаемый чрез 12-ть лет, называемый «Да-као-хань-чжань»; замечания о главных названиях ученых и их значение (сю-цай – пробуждающийся талант, ци-жень – достойный производства в ученую степень и получения должности цзинь-ши, шэнь-ши, ган-ляны и проч.), значение корпорации ученых для государства, характеристика их званий «вэнь» и «дао», авторитет сочинений китайских ученых до-вэнь; любознательность и ученость самих государей-императоров Китая и членов их дома, ученая дворцовая библиотека и состав её книг

Всех ученых степеней пять, но каждая имеет свои подразделения, а именно: I. Тун-шэн – ученик, отрок 15 и менее лет, юноша, получивший начальное в народной школе образование, и первый в списке окончивших курс в оной – ан-шэу.

II. Сю-цай или кандидат низшей степени, бакалавр: а) шэн-юань – штатный студент, первый в списке, ан-шоу; б) ан-юань – первый студент по экзаменам; в) фу-шэн, или сю-цай – студент 3-го разряда; г) цзэн-шэн – студент 2-го разряда; д) линь-шэн – лучший сю-цай, или студент стипендиат; е) линь-шань-шэн – студент получающий корм или пропитание, стол (воспитанник); ж) линь-гун-шэн – стипендиат 2-го разряда, пользующийся служебными правами кандидата; з) суй-гун-шэн – созревший годами, сдающий экзамен в зрелых летах стипендиат 2-го разряда и пользующийся служебными правами кандидата (на должность); и) фу-гун-шэн – помогающий (в службе) означенный стипендиат; к) ю-гун-шэн – отличный, превосходный по учености и службе – гун-шэн; л) эн-гун-шэн, по особенной царской милости – гун-шэн; м) ба-гун-шэн – повышенный

гун-шэн: н) *цян-шэн* – ученый купивший ученую степень за деньги, и потому почитаемый самым низшим из перечисленных.

III. *Цзюй-жень* или ученый 2-й степени, кандидат наук: а) первый в списке *цзе-юань*; б) второй до 5-го или 6-го – *цзин-гуй* – букв. ученый подобный духу, знающий классические книги, понимающий дух оных, мудрый.

IV. *Цзинь-ши* – магистр или ученый 3-й степени: а) *хуй-юань* – ученый из собранных во дворце в 1-й день нового года; б) второй до 5-го или 18-го в списке, иначе – *хуй-гуй*.

V. *Дянь-ши* – ученый, получивший степень магистра – *цзинь-ши*, и выдержавший после сего при дворце высший экзамен: а) *чжуан-юань* – первый доктор, *optimus*; б) *бан-янь* – второй магистр получивший доктора; в) *тань-хуа* – третий доктор (по испытанию), г) *чуань-лу* – провозглашенный в списке с ученою докторскою степенью, или *ган-лян*; и д) *чжу-сы*.

По получении сих докторских степеней известен *тань-хуа-янь* – пир в честь ученых, с сего времени они получают известность и славу – *Минь-чуань*, а их литературные труды – *вэнь-чжан*, имена их становятся народными и вывешиваются на особой доске – *цзя-бан*, т. е. объявление об удостоенных докторской степени. Иначе – эта доска называется *цзинь-бан*, т. е. золотая таблица, подобная же с объявлением имени других ученых называется *инь-бан* (т. е. магистров), а объявление имен удостоенных степени кандидата (*цзюй-жень*) называется *и-бан*. Общее объявление о получивших ученую степень есть – *чжан-бан*, или *вань-вэнь*; составление же списков этого рода удостоенных лиц – *ти-бан* или *тянь-бан*, вывешивание сего объявления народу – *фан-бан*; лица хотя непризнанные достойными кандидата, но признанные обладающими некоторым знанием суть вице-кандидаты, *фу-бан*; студент, ученый есть *вэнь-ши*, отличный из них – *мао*; софист, оратор – *бянь-ши*, кандидат – *цзюнь-ши*, магистр – *цзинь-ши* или *цзао-ши*, доктор – *и-ши*; *шу-цзи-ши* – звание академика без должности, получаемое магистрами (*цзинь-ши*), чрез 3 года им бывает новый экзамен и тогда они получают должность; *Дао-ши* – суть ученые философы конфуциане и даосы, коих 5 родов: *тянь-жень* – философы, *шэнь-сян* – достигшие бессмертия, *шань-цзюй* – отшельники, *чу-цзя* – монахи, *цзай-цзя* – миряне. Вообще, конфуцианские философы зовутся *да-ши*, академики – *сио-ши*, астрономы и астрологи – *тянь-ши*.

По отношению ко всем означенным названиям китайских ученых, надлежит вообще заметить следующее: согласно XXVI главе китайских правил образования и по общей программе публичных испытаний и конкурсов, различаются три главных ученых вида степеней; 1) *сю-цай* или бакалавр, по выдержании экзамена – *суй-кэ*; 2) *цзюй-жень* или *цзин-ши* – лицензиат после экзамена *янь-ши*; 3) *Ган-лян* или *цзинь-цзы* – высший ученый доктор, после экзамена *хуй-ши*. Для получения степени *сю-цай* требуется: 1) мораль, 2) китайский язык, знание *коу-вэнь* или древнего стиля и обыкновенного – *гуань-хуа*, провинциальный жаргон *ratois*, *янь-тао* строго изгоняется из школы в нетерпим от образованного человека; 3) чтение книг; 4) письма, или начертание иероглифов *цяй-син-шу* (лучшее, образцовое, употребительное) и каллиграфические упражнения сообразно с особыми правилами оных «*юнь-би-сян-хэу-фа*», или составляемых самими учителями, по известным образцам; 5) точная интерпретация *сы-шу* или четырехкнижия классических книг, сообразно с комментарием *чжу-и*; 6) Искусство словосочинения по древнему стилю *гу-вэнь* и в новом стиле *гуань-хуа*; 7) обряды; 8) пение. Экзаменом *кэ-цзюй* констатируется приобретете в школе или самодеятельностью учащихся его способность к выдержанию второго надлежащего экзамена, имеющего последствия призвания за экзаменуемым известными прав.

Высшее образование китайцев констатируется конкурсным опытом (*épreuve de concours*); первый из них есть *Тянь-ши*, обуславливающий получение почетного титула «Член Императорской Пекинской Коллегии – *Ган-лин*»; конкурс этот открывается во дворце без императора; второй конкурс, в личном присутствии императора во дворце *чао-кэ*; дает успешно выдержавшему оный титул *чжуань-юань*. Что касается экзаменов на ученые степени, то первый совершается в окружном или уездном городе, а второй – в губернском или провинциальном, наконец третий – в самой столице империи царствующей династии. Получение ученых степеней обставленное разными формальностями и требованиями дает человеку высший почет и служебное значение, более или менее высокое. Но, все это зиждется на первой степени образования – *школьном обучении и семейном воспитании*, обязательном для народа; – без элементарной подготовки в чтения, письме, понимании книг, китаец не есть китаец – это «*ничтожный*», «*нигилист*», «*несчастный человек*», полный невежда, для коего недоступны никакие повышения и соединенные с оными уважение и почитание, это чернь, рабочий люд по преимуществу

обрекающий себя и обстоятельствами поставленный только в отыскании насущного куска хлеба, в земледелии поставляющий свою задачу жизни, дабы нести бремя личной и семейной жизни, устроить свое хозяйство по заведенному порядку и обычаю. К сожалению, в Китае необразованных масс более чем где либо, а потому неудивительно многообразие местных, наречий, обычаев и нравов, служащих тормозом к распространению образования и высших идеалов жизни. Китайцы грамотеи и образованные смотрят на таких людей как на варваров.

В «The China Review» (vol. IX, 1880–1881) помещен весьма живой и интересный очерк образовательного курса у китайцев с системой экзаменов, под заглавием «The educational curriculum of the Chinese». Воспроизводим этот очерк Г. Паркера в русском переводе. Хотя о. Иакинф в своем сочинении (Китай, его жители, нравы, обычаи, просвещение СПб. 1840 г.) и д-р Вильямс (в the Middle Dome) дают обстоятельные сведения об означенных предметах, но упомянутый очерк, составленный по практическим наблюдениям и беседам с китайскими учеными людьми, освещает многие интересные стороны, равно самые законодательные постановления более подробно и определительно. Не теряем из виду и замечаний о том же франц. ученых Баззена, Перни, и др. По установленному обычаю, чрез два года или три последовательно, в каждом провинциальном городе, чрез ученого секретаря *сюэ-тай*, доводится во всеобщее сведение о экзаменах, на которые и приглашаются все молодые люди получившие домашнее или школьное воспитание на местах своей родины и ищущие ученой степени *сю-цай*, т. е. кандидата 1-й начальной степени и *Цзюй-жень* – кандидата наук 2-й степени более высшей. Первый годичный экзамен для студентов ищущих ученой степени называется *суй-као*, и второй – *кэ-као* (на степень кандидата); на третий год великий экзамен – *да-кэ* производится специальным ученым – *чжу-као*, по выдержании коего достигается степень *цзюй-жень*. Разного рода чрезвычайные препятствия (голод, смятения, болезни, наводнение) служат причиной рассрочки экзаменов, о чем доводится до всеобщего сведения провинциальными властями. По усмотрению и воле императора может быть допускаем и провинциях и экстраординарный экзамен, называемый поэтому *энь-кэ*, для получения степени *сю-цай*, особенно при надобности в сих ученых для замещения провинциальных должностей. По выходе из школы, каждый юноша получает право ношения почетной шапочки. С получением первой степени кончивший курс удостоивается права поступления на должность в *ямынь*, т. е. присутствие в своем округе или уезде – *сян*, т. е. на родине. В каждом уезде полагается по три *сян* – волости, *чжау-сянь* суть округа и уезды, а *дао-сянь* – инородческие уезды, *бан-сянь* – область и уезды; самый Китай в его древнем делении на 9 провинций представляется как *Чи-сянь* или *юй-сянь*. Поступая в которое либо из такого рода *ямыней*, молодой человек изучает на практике обязанности, начиная с низших должностей и всегда под руководством *линь-шэна* т. е. лучшего студента стипендиата – *сюцай*; таких опытных местных ученых *сю-цаев* полагается в каждом округе от 20 до 30 человек. Имя поступившего вносится в *цзи-цзы* или регистр; с означением возраста, месторождения, имени отца, деда, прадеда, вообще – трех главных лиц рода, – *сань-тай*; делается также точное описание примет лица и наружности по узаконенной форме. Рабочий люд служащий у известного хозяина и прислуги, имеет свое прозвание от него, даже дети этих служащих и рабочих. Для выхода из под этой власти требуется особый отпускной акт от предка, с получением коего лицо, бывшее *in aliéna potestate*, становится *sui juris*, может являться на общественные экзамены, получать ту или другую степень. В больших округах имеющих 4.000 или 5.000 кандидатов на должности, могут быть производимы для них экзамены; наименьшее население в провинции Гуан-дун и Гакка.

При малонаселенности могут по два округа в известном городе соединять студентов для экзамена, который называется *го-фу*. Свидетельство, по означенной выше форме считается столь важным от поступающего экзаменоваться, что даже лицо, без ясного обозначения в оном трех безупречных поколений «*сань-дай-бу-цин*», не допускается к экзамену, также как и лица без определенного домициля и занятия, праздношатающиеся (*ши-фэнь*). По собрании всех точных сведений и составлении регистров в первый месяц года, объясняется время первых экзаменов *суй-као* и *ко-као* – год, время, когда дано свидетельство, экзаменационный магистрат – «*чао-фу*», *ямынь*, лицо желающее экзаменоваться для получения степени или *тхун-шэн*. Замечательно также, что к экзаменам и получению свидетельства для оных, не допускаются: цирюльники, буддийские и даосские жрецы, даже христиане (без особенной просьбы и усмотрения), далее – личные слуги, резачи животных, мусорщики, публичные певцы и актеры, фокусники, их потомки до третьего поколения, с некоторыми исключениями. Правительственный окружной экзамен –

сянь-као, называется еще чао-фу; когда регистры ямыня с именами лиц имеющих право экзаменоваться будут объявлены, *тхун-шэны* – студенты обязаны каждый заблаговременно дать своему чиновнику *лин-шэну*, к которому прикомандированы, известную денежную сумму, в бедных округах 100 денег разменных, за что получают расписку, называемую *цзюань-бяо* с подписью и печатью, означением окружного управления, имени выдавшего оную чиновника, на все время экзамена. *Лян-шэн* получает для себя из 100 денег только 50, прочее дается в казну; в округах богатых, эта цена несколько выше. Экзамены обыкновенно происходят в местном *ямыне*, или управлении, где имеются для того обширные помещения для 500 или 600 экзаменующихся студентов; в провинциальных столицах, куда стекается еще больше экзаменующихся, имеются особые здания с разного рода пристройками и кельями, и обширным двором для приезжающих верхами и в телегах из далеких мест; самые экзамены производятся в особом экзаменационном зале. Если таких зданий нет, то студенты *тхун-шэны* находят себе приют в окружной школе – *сио-гун*, вмещающей несколько тысяч человек. Градоначальник или губернатор экзаменует в семь перемен, по очереди, с объявлением при семь удостоенных звания *кэ* или *цай*. Список таких лиц проэкзаменованных называется *цзюань* или *цзин-цзюань*, соответствующий английскому «round robin». Первое имя произведенного в ученую степень ставится посредине, а прочих лиц – по сторонам. В больших округах полагается *цзюань* из 50 имен и более, с превышением для левой стороны не более семи; в округах малых, могут быть прибавляемы внизу списка до пяти имен. Первый в списке из экзаменованных студент называется *ань-шоу*, объявление о том – *чу-ань*, а список для прочих другой величины – *чу-цзюань*. Эти листы объявлений выходят в течении 20 дней от начала самого экзамена. Экзамены обыкновенно совершаются в продолжении второго и третьего месяца; в исходе 8 часов утра кандидаты собираются вместе, а перекличка их совершается иногда с самого рассвета. После объявления собравшимся о начатии экзаменов, запираются двери залы и производится самое испытание. Две темы прозаического сочинения – *вэнь-чжан* и одна для поэтического – *ши-чжан*, объявляются вслух в виду всех, с прочтением на память текста из священных наставлений императора Канси китайскому народу – “*мэ шэн-ю*”. Вторая и третья очереди разнятся между собою немного, сообразно с местными потребностями того или другого округа; четвертая очередь до шестой несколько короче; после чего, вежливый и услужливый градоначальник предлагает экзаменовавшимся отдохнуть и освежиться на чистом воздухе. Седьмая очередная смена, самая краткая; её кандидаты все приглашаются до последнего к угощению в роде завтрака, от самого градоначальника. Во избежание какого-либо недоразумения, фальши, в рукописном экзаменационном опыте, кандидат в том подозреваемый, кроме личного представления градоначальнику, имеет в запасе и точную копию хранимую при себе. Экзаменатор может таким путем узнать настоящего автора и сравнить почерки и содержание рукописи. На деле, однако ж, экзамен при градоначальнике, не более как шуточная комедия. Единственное преимущество, остающееся за *ань-шоу* есть то, что достигается известного рода почесть, доставляющая однако ж окружному городскому управлению до 1.000 тaelов с известными расходами и со стороны его; при чем, от любезности ученого секретаря округа, может зависеть занесение в список, в число первых, и тех кандидатов, которые бы пожелали получить следующую ученую степень лиценциата. По истечения месяца или более, после уездного экзамена – *сянь-као*, экзаменационный префект – *фу-као*, начинает заседание в экзаменационном зале правительственной метрополии, а в других губерниях и просто в управлении – *ямыне* начальника. Прошение на имя его подается чрез *лин-шэна*, с выдачею от него ярлыка или ордера, а в иных случаях просто от лица самого местного *ямыня*. По сделанному наперед распоряжению от градоначальника, все студенты собираются вместе, в экзаменационном зале, где последовательно совершаются все семь экзаменов по одной форме, и с фиктивным предположением, что всех собравшихся для сей цели не менее 10.000 человек. После первой очередной смены, может быть допущено формальное исключение одиннадцати на сто, а имена остальных жаждущих допущения во внутренность залы, расположенных по соответствующим градоначальствам местным, получают отметку по 10 чел. на каждую магистратуру. По истечении каждого срока, градоначальник следуя точно букве закона, делает исключение около 10 на 100 из комплекта экзаменующихся. Результатом всех испытаний бывает то, что 11-ть из всего состава экзаменующихся, являются избранными от каждого им соответствующего градоначальства; имена же лучших 10-ти объявляются как преимуществующие перед прочими, а первый из каждого десятка, получает местное прозвание *ань-юань* или *ань-шоу*. Преимущество

сего титула таково, что имеющий оный признается лучшим, *optimus*, и может быть внесен секретарем управления в список лиц, ищущих степени *цзюй-жень* (лиценциатов). Все другого рода отличия, на деле почти ничтожные, хотя и дают известный почет от собратий, лиц старших и друзей; даже тот, чье имя занесено в конце списка экзаменовавшихся, гордится этим, и не без удовольствия носит прозвище "*би-шоу*" (т. е. последний из самых последних!).

Экзамен на степень *сю-цай*, называется *сян-ши*, *дао-ши*, *куо-дао*, ибо в древности держался при интенданте *дао-тай*, а также и потому, что секретарь, при коем экзамен происходит, называется *сюэ-дао*. Экзамен этот происходит также при *ямыне* в провинциальной столице, в VIII-й китайский месяц весны, а в других городах в особом бараке – *пхын*, устроенном нарочно. Просьба о желании экзаменоваться д. б. подана *линь-шэну* за установленную плату по ордеру о том от префекта – *ли-фан*, писанному на экзаменационной бумаге с пометой иероглифом из «книги тысячи знаков» – «*вань-цзы-цзин*», с № канцелярского стола из *ямыня* и подписью секретаря, откуда этот документ выдан. Ученый секретарь всегда в столице, и вообще везде в провинции, где бы ни был, имеет свой собственный *ямынь* (канцелярию) с правом исполнения своей комиссии на три года. На первый год всегда приходится циклические знаки *цзы*, *мао*, *ву*, *ю*, и этот год с знаком всегда точно означает ученым секретарем, с указанием на месяцы и дни экзаменов; два года экзаменационных других – *суй-као* и *кэ-као*, для ищущих степени *сю-цай*, имеют следующие знаки: 1) год *суй-као*: – *шу*, *чэнь*, *вэй*, *сю*; 2) год *ку-као*: *инь*, *цзы*, *шэнь*, *хай*. Прежде один секретарь имел право производства экзаменов, и в каждой губернии мог устроить род предварительного испытания лицам ищущим означенной ученой степени, а также и всем старым лиценциатам. Молодые студенты к нему являвшиеся назывались *бянь-ю-тхун*; секретарь заставлял их сначала читать на память известные места классиков, потом беседовал. Это называлось *као-дэн-ди*, *као-ли*, или *као-лао-шэн*, *цин-гу*; такой экзамен должен был производиться однажды по истечении десяти годов. Впрочем, корпорация *сюцаев* относилась скорее к *фа-гун-мин*. Вместо обращения к *линь-шэну*, кандидат мог уплатить узаконенную сумму долларов или китайскими деньгами, в пользу своего старого школьного хозяина-учителя, *Лао-ши*, или *Е-ши*, за расписку и ордер на экзаменационной бумаге, также и за столбчатый регистр, как и в прежнем случае, называемый *тянь-цзы*. Чиновник-помощник секретаря, в личном присутствии его самого, давал еще документ, в котором обозначалось *status* и род занятий; причем от каждого из остальных лиценциатов – *да-гун*, он получал по поклону, в знак особенного уважения от ученых собратий. Экзамен производился в одном заседании – *чжан*, с предложением тем для прозаического и поэтического сочинений как и прежде. Чрез два или три дня выходил список. Первый разряд, содержащий отличных студентов, назначался для *линь-шэнов* и *цзэн-шэнов*, так как второй разряд и первый пяток из третьего, получали только экзаменационное свидетельство – *као-цай*.

Впрочем, от вышеупомянутого *Лао-ши* может быть покупаемо, или приобретаемо по его любезности и фиктивное почетное прозвище, характеризующее лицо с хорошей стороны; но оно имеет значение частное, служащее вывеской одобрительного или похвального отзыва о человеке. Предметы на экзамене полагаемые лиценциатам те же, что на экзаменах у градоначальника и губернатора (*Magistrates and Prefect's examinations*), т. е. прозаические и поэтические упражнения, *лян-бянь-вэнь-чжан*, *и-шу-ши*. Кандидаты сперва представляются секретарю в его *ямыне* – управлении, или особой экзаменационной палатке – *пхын*, от 2 до 3 часов утра. Сам губернатор (*prefect*) записывает имена явившихся "*тянь-мин*" т. е. с рассветом дня при первых вратах, а секретарь при вторых, где они все тщательно подвергаются осмотру. Когда совершенно рассветет, секретарем надписывается прозаическая тема предназначенная для экзаменационных сочинений, прикрепив которую к длинному круглому бамбуковому древку – *пхай* (*p'ai*), разносит с собою и демонстрирует пред готовящимися к экзамену, а они каждый для себя записывают в свои тетрадки. Чрез полчаса объявляется точно также поэтическая тема и записывается собравшимися; после чего, все кандидаты усаживаются за свои дела. По истечении 10-ти часов заседания, один из чиновников с штемпелем "*чо*" в руке, обойдя всех сидящих, прикладывает оный на письменном сочинении, с которым каждый кандидат потом представляется к экзаменатору и сдает ему на руки. Если кандидат не успел набело переписать черновой набросок, на двух листах красной бумаги (которая не должна быть скрученной), а между тем переписана уже начисто, тогда чиновник ставит клеймо, не на конце письменного опыта, а в начале. После чего, сочинение заканчивается обычным порядком, в личном присутствии секретаря, а если он поленился подождать, то даже в присутствии писаря. Именной

список с отметками успехов не скрывается и кандидаты могут каждый беспрепятственно справляться в нем; если кто-либо изъявит свое неудовольствие за полученную отметку, тот, после личного объяснения с секретарем, получает более удовлетворительный отзыв, исправляемый в списке. Конечно, при этом допускается сравнительно небольшая перемена, дабы не подорвать авторитета экзаменатора. Когда все кандидаты удовлетворятся, устраивается секретарю, экзаменаторам и чиновникам приличное угощение. Общим числом может быть допущено *десять на сто* кандидатов, для строго определенного и установленного комплекта *чжэнов*, экстраординарных – *"изя"*, и сверх излишних – *бо*; после чего, эти лица, как получившие степень *prima facie*, сортируются каждый по своему округу. До выхода окончательного списка (*Final list*), *чжэн-бан*, последовательно выходящего за предшествующим *шу-као*, имеет место второй поверочный экзамен, – *фу-ши*, чрез несколько дней после первого, с надлежащею осторожностью от всякого рода обмана, или литературного хищничества и воровства плодов мысли товарищей; как только этот, в действительности бесполезный экзамен пройдет, все с успехом выдержавшие его кандидаты становятся известными каждый под соответствующим ему нумерическим числом и прозванием *чо-хао*, исходящим в виде английского «round robin». Вообще, после девятости из ста последовательно выходящих и по порядку таких листов, составляется полный список степеней, который, по его утверждении, и вывешивается в ближайший же день в экзаменационной зале. В Гуан-дуне, секретарь обыкновенно экзаменует сперва северные и западные губернии, затем Кантон, и наконец остальные восточные. Все его издержки оплачиваются управлением тех округов, которые он посещает, получая при сем подарки монетой от всех чиновников в провинции, высших и низших. Ближайшим следствием для выдержавших экзамен и получивших назначение на места, есть право на ношение почетных должностных знаков: таковы, обыкновенные китайские шапки – *Мао-цзы*, с прибавочным золоченого бронзового на верху её шарика и особого рисунка чиновничьи сапоги. Успешно окончившие экзаменационный курс и наиболее ревностные, должны по одиночке сделать визит секретарю, окапироваться в свой официальный костюм, состоящий из голубого шелкового платья, с голубым же галуном, и особо вышитыми оплечьями, *би-цзянь* (буквально одежда скромности, почтения), *юнь-цань* (буквально облачная одежда, скромная, почтенная, монашеская). Визит совершается в *ямыне*, в большом зале, в котором секретарь любезно принимает всех являющихся в его управление. Отличные кандидаты приводятся своими почтенными школьными старцами-учителями – *Лао-ши*, которые за свою такого рода почтенную услугу получают от своего лиценциата подарки от 20 до 100 таелов. В дополнение к регулярному составу лиценциата, сообразно по каждому округу, *чжэн-но* (*chenq ngo*), относится особый разряд туземных обитателей (как напр., *Hakkas* из *P'an-yu*, *Tung-kwan*, и *Sin-an*); экстраординарный состав лиценциата увеличивается также соразмерно собираемой денежной сумме из военного казначейства, *цзя-но* (*chia ngo*) *superextra*. Лиценциаты получают жалование, собираемое из округа – *бо-о*, к числу которых относятся также и кандидаты из коллегии губернатора (*prefect's college*) *фу-сио*, наиболее известные под именем *бо-фу* – окружных стипендиатов. Вероятно, некоторая разница существовала и продолжала существовать в сем правиле в разных губерниях (*prefecture*), но в Кантоне таких лиц накапливается до 40 человек, которые и распределяются между каждым уездом (*district*). Первый из лиценциатских экзаменов, имеет место на внешнем дворе секретарского *ямыня*, тогда как проверка или переэкзаменовка происходит внутри правления, в присутствии секретаря. Чтоб не было подложной наемной руки писаря или сочинителя, – *дай-цян*, для обнаружения фальши и проверки настоящего автора и писца, секретарь держит в руках своих белой список сочинения, который и сверяет с держимым черновым в руках экзаменуемого. Если окажется почему-либо серьезная разница и недоумение в подлинности, осторожный секретарь предлагает ряд вопросов, в доказательство истины; когда откроются значительные погрешности злоумышленные при соучастии другого лица, о таких сочинениях публикуется в особой газете и виновные осуждаются и наказуются по закону. Первый экзамен кандидатов распределяется соответственно округам. При втором экзамене тема бывает не всегда известною, а потому, вместо неё все дело ограничивается изъяснением – *"ци-цзян"* одного из предложений заданных в первой теме. В формальном введении, его превосходительство, г-н экзаменатор, заняв свое место, принимается за дело, тогда как двое слуг расставляют стулья для степенных кандидатов, которых головы, украшаются цветами и называются *«цзань-хуа»*.

Первостепенные кандидаты, обратившись к северу, по совершении троекратного поклонения – *кэ-тоу* пред именем Его величества, – «*се-шэн-энь*», оборачиваются затем в сторону секретаря, и также точно делают ему троекратное *кэ-тоу*. Секретарь, встав с своего места, отвечает троекратным поклонением, и церемония кончена; студенты удаляются и расходятся каждый по своим домам. Визитация с поклонением в усыпальницах предков, – *бай-цзу*, совершается сама по себе независимо от описанной официальной; она делается прежде, с поклонами духу – *шэнь* одного из предков, как доказательство не прекращающегося почтения к почившему главе семьи. Следовал затем обычный визит в Императорский храм, *Вань-шоу* Гун и в местный храм Конфуцзы, *Шэн-жень-Мяо*.

В ближайший год имеет место заранее определенный, подобно описанному *ку-као*, т. е. провинциальный экзамен, непосредственно за которым, и не позже седьмого месяца, ученый секретарь раздает свой экзаменационный аттестат (Test Examination) *као-и-цай*, для двух групп ново-удостоенных степени – *синь-шэнь* (букв. ново-успевший в науке), хотя не достигнувших почетной степени на прошедшем экзамене (Pass Examination), и потому называемых «*левыми* от начала списка» и *последними* в оном *сю-цау*. *Лао-сио* или старые ученые сего рода могут повторять экзамен чрез каждый третий год, если кто пожелает получить высшую степень. Так как цель экзаменов – получение если не известной должности, почетного положения, то и выдержавший эти экзамены причисляется к почетному рангу – *сань-дэн*, и становится известным по прозвищу *чжэн-ань*. Экзамен полагается для сих лиц краткий, состоит из прозаического сочинения и продолжается один день, происходит же в управлении секретаря – *ямине*. О результате объявляется чрез несколько дней, подобно экзаменам у градоначальника и префекта (the Magistrate's and Prefects Examinations); для этого вывешивается именной список экзаменованных, в роде афиши, известный под названием *чу-ань*, или *чу-цзин и-цзай*, по форме своей он несколько иной, сравнительно с списками для вышеупомянутых *цю-жень*, *шэнь-ши*, именно этот список менее великолепен по виду, и скорее похож на «*бан*», – название, прилагаемое ко всем вообще именным официальным спискам.

Известно, что новопришедшие лиценциаты подвергаются экзамену на *и-цай* легче, нежели старые кандидаты, так как они считаются в мнения секретаря почти школьниками (*pupils*). Просьба подается чрез старшего школьного учителя (*schoolmaster*) *лао-ши*, по узаконенному порядку в управление губернатора (*prefect's office*) с особым денежным вознаграждением *лао-ши* за внесение имени кандидата в регистр, – *Тянь-цзы*, другая часть препровождается к ученому секретарю (*Literary Chancellor*). Старые лиценциаты уплачивали своему школьному учителю также подарками, когда снова приходилось держать экзамен. Этот экзамен, по обыкновению начинался рано утром у губернатора или депутата; секретари вносили в список имена являющихся по очереди кандидатов. Некоторые из них даже вовсе могли быть освобождаемы от взноса установленной экзаменской платы в том случае, когда при поступлении в корпорацию *и-цзай* было внесено около 300 таелов. Настоящий лицензиат – *Фу-шэн*, экзаменовался первым, вообще соответственно той губернской школе (*prefectural school*), где он обучался; иных лиц обыкновенно приходится около 60 на 100. Самые старшие лиценциаты – *гун-шэн*, подвергались экзамену и выпускались в пропорции 70 на *сто*. С *гун-шэнами* экзаменовались также и молодые юнкера (*educational officers*) *цяо-гуань*, и сыновья влиятельных лиц, – *гуан-чжэн*. Также экзаменовались и лиценциаты из местных коллегий, *шу-юань*, в конце всего, студенты императорской академии, – *цянь-тэн*, из которых пропускалось 40 на 100. К сим последним присоединялись иногда *це-юань* или *хуан-кань*. Считаем долгом сказать несколько о *гун-шэнах*, иначе называемым *ву-гун*: они суть *ба*, *юй*, *суй*, или *линь*, *энь* и *фу*. К ним же можем присоединять (вероятно новейшего времени), *фу-гун* и *ли-гун*. Преимущество всех *гун-шэнов* пред прочими состояло в том, что для них не было надобности являться на трехлетний выпуск (*Triennial Pass*). Однажды, в XII-й год, всегда в год «*ю*», *линь-шэны* прошедших восемнадцати годов, остававшихся при той же должности, вместе с *линь-шэнами*, *цзэн-шэнами*, и другими лицами первого ранга самого недавнего экзаменационного выпуска, *Кэ-сань-дэн*, экзаменовались при секретаре для степени *ба гун-шэн*. С постепенным получением высших должностей, усвоялось соответствующее им почетное наименование. Почетный титул *фу*, только имеет цену в случайном соединении его с словом *чжэн* (буквально прямой, правильный) в полном значении слова. Когда юноша приобретал способность и навык *нянь-хао*, т. е., хорошо понимать и бегло пробегать взором книгу (*good-looking*), отчетливо и ясно читать её *жень цзай*, (*well-read*), основательно пользоваться в вопросах и ответах пройденных в круге школьного знания *сюэ-*

вэнь, имея при этих качествах и хороший почерк цзы-хао, тот само собою признавался принадлежащим к корпорации отличных ученых людей, ба-гун, («distinguished scholarship»). Сверх всего, всеведущий школьный учитель (ubiquitous schoolmaster), получает по закону и обычаю в свою пользу значительный денежный доход, с воздаянием почтения и оценки труда со стороны бывших учеников. Преимущество этой степени и то, что если бы кто не удовлетворился почетным прозвищем ба-гун и пожелал бы получить степень ци-жень, тот имел право в ближний же год отправиться в Пекин, явиться там на особом экзаменационном дворе чао-као и экзаменоваться наравне с прочими ба-гунами, собирающимися туда для той же цели со всех провинций. Все эти желающие экзаменоваться лица, прежде всего устанавливались чинно по трем рангам: лучший из них и первый, занесенный в именной список 70 есть ранг мелких чиновников метрополии (rank petty metropolitan officers) сяо-цзин-гуань, занимающихся при департаментах (Boards), и которые приходят после, получают 2 класс секретарей-ассистентов (Assistant Secretaries) или чжу-ши. Второй разряд составляют лучшие и отличившиеся из провинциальных управлений (magistracies), за исключением их собственной провинции; второй ранг прежнего состава и набора (educational officers), чиновников избираемых по усмотрению министерства (Board): остальная часть такая же должностных лиц продолжают оставаться при своем poste в собственных провинциях только, при ученом секретаре, т. е. как корпорация в зависимости от инструктора (instructorships), цю-гуан. Сверх сего, позднейшие ба-гун, за недостатком у них экзаменационных свидетельств (Test Examination), и-цзай, подобно всем гун-шэнам, могут быть причисляемы к корпорации инструктора при знамени (Banner instructorship); но это случается редко.

Энь-гун, также как чрезвычайные суй-гун, в важных случаях особенному экзамену не подвергаются при церемонии восшествия на престол или брачном союзе государя. К каждому управлению прикомандировывается один из них, равно как, отличившиеся суй-гуны, и фактически, – все гуны; прикомандировываются к должности инструкторов, знаменных служилых людей (Bannermen) в Пекине, или могут быть назначаемы на должность инструкторов в провинции с известным жалованием. Фу-гуны, суть просто сю-цаи, и которые обыкновенно всегда стремятся к получению полной степени ци-жень, чжэн-бан, даже фу-бан, т. е. самой низшей. Им можно не являться на экзамен, для получения аттестата, который бы свидетельствовал о принадлежности к корпорации фу-гун, хотя наоборот, – могут достигать того же в своем провинциальном степенном сословии (graduateship).

Ю-гуны избираются из старых Линчжэнов чрез каждые три года да-кэ (великого экзамена). Четвертый допускается в каждой провинции, а следующий мог быть выполняем иначе подобно ба-гун как чао-као или с фу-гун, синь-гун и суй-гун для должности (posts), каковы маньчжурские инструкторы. Первый ранг отбирается в ожидании назначения чиновниками в провинции; второй отбирается для Board по усмотрению и для пополнения вакансий в роде educational officers; нередко и такие лица остаются без места, дожидаясь, или занимая где-либо должность учителя (educational officers).

Суй-гуны производятся на должность чрез каждый год суй-као, из наличного комплекта лин-шэнов, остающихся без определенных занятий и нередко состоящих вне штата несколько годов, тогда как другие остаются в одной должности полные восемь лет, иные как говорят, даже 10 и 20 годов. Они имеют право поселяться в Пекине и определяться на должность инструкторов при восьми знаменах. Если эти лица чрез пять годов, выдержат успешно экзамен, то отборная часть назначается на места в округа. Часто однако же представляются затруднения для лин-шэнов даже имеющих звание суй-гун, и потому дело не обходится без взяток, и кто даст её больше, тот и место получает скорее. Сверх сего, необходимо даже уплатить по закону от 100 до 300 тaelов секретарю при ямыне. В случае затруднительного денежного для лица положения, сама корпорация Лин-шэнов, делает добровольную подписку и сбор денег для этого рода взноса, и впоследствии ведет расчет со своим сослуживцем. Лин-шэны, не успевшие подвергаются двум повторительным экзаменам, для большего успеха дожидаются сего до более удобного случая; одни Цзэн-шэны изъяты от этого. Официальное жалованье, назначаемое для лиценциатов, очень малое, – тaelов 5 в год, хотя другие доходы часто бывают очень значительны. В китайской губернии корпорация лиценциатов получает в пропорции 40 тael. Смысл такого явления тот, что в каждой губернии есть своя школа фу-сюэ, имеется при ней на год один должностной суй-гун, а в каждом департаменте два на три года; в каждом управлении (magistracy) один на двухлетие; и так как назначение совершается чрез три года (sui-као), то количество передвижений с места на

место возрастает значительно, что конечно зависит от числа округов уезда – (districts) в губернии (prefecture). *Фу-гуны*, суть *Фу-шены*, которые достигают высшего ранга – *Цзя-цюань*; они подвергаются Pass Examinations. *Ли-гуны*, как лица обыкновенные, не внесенные в нумерованные регистры, достигают того же ранга. На основании вышеизложенного представляем следующий порядок гражданских экзаменов:

- 1) Экзамен при градоначальнике (Magistrates Examination) или уездный;
- 2) Экзамен при губернаторе (Prefects Examination) или губернский;
- 3) Экзамен при секретаре лиценциатов (Chancellors Licenciate Examination);
- 4) Повторительный экзамен, переэкзаменовка для старых лиценциатов при секретаре (Chancellors old Licenciate Pass Examination);
- 5) Лиценциат секретаря, Академии студент, и старший лиценциат получающие аттестат (Chancellors Licenciate, Academy student and Senior Licenciate test Examination).

Заметим еще, что чрез каждый третий год, градоначальник (magistrate), губернатор (prefect), секретарь (chancellor) в каждом случае, (после *ку-као*) переэкзаменовки (Pass) экзаменовали гражданских студентов, продолжая тоже и с военными студентами *ву-тхун* или лиценциатами; – *ву-сю-цай*. Последние экзаменовались в верховой езде и стрельбании из лука. Два первых очередных опыта происходили на экзаменационном плацу или дворе (grille ground) – *као-чан* или за стенами каждого города. Первое испытание состояло в верховой скачке (hosemanship) – *бао-ма*; второе испытание в стрельбании в цель из лука во время скачки на коне (horse-archery) и фехтовании оружием, тоже сидя на коне (horse-tilting) – *ши-ма-цянь* и *ши-ди-цюй*. Третье испытание, чаще совершаемое на аллее двора при самом ямыне, заключалось в пешем стрельбании из лука (foot-archery) – *ши-бу-цянь* и гимнастической борьбе (athletics) – *гун-дао-ши*. Во время экзаменов во внутреннем помещении (indoor Examinations) *нэй-чан*, испытуемые кандидаты читали вслух (recite), или писали что-либо на память из военных классиков – *ву-цзин*. Для кандидатов родовой знати, экзамены с малыми исключениями производились также как и для всех прочих. Военные экзамены обыкновенно совершаются чрез каждые три года однажды, но не дважды, как в гражданских экзаменах, и всегда в год *суй-као*. Подобным образом, военный экзамен *и-цзай* для получения военной степени производился всегда в год *да-ку* при секретаре, как и для гражданских чиновников. Эти специальные экзамены имели место в *Ю-нани*, Гуэй-чоу и прочих местах, называются *мяо-ши*, для степеней *Мяо-цзы*, *мяо-шэн*, и также происходят при ученом секретаре (Literary chancellors).

Судя по одной современной прокламации, изданной казначеем Кантона значилось, что "*гун-шэн*" и "*цянь-шэнь*", приобретая ранг в Пекине, могли конкурировать на экзамене для степени провинциального чина (degre of Provincial Gruduate). В сем случае, они разнятся от лиц, которые получая ранг в провинциях, лишались тем самым права конкуренции. Сын чиновника уроженца в Пекине или выходца из него в провинции, мог экзаменоваться только в этой столице. Экзамен на степень *ци-жень* производился при *чжу-као*, специальном комиссионере, прикомандировываемом императором для каждого экзамена – *кэ*. Чиновник этот всегда имеет при себе экзаменатора ассистента (Assistent Examiner) или *фу-джу-као*, и ведет свои занятия в городской зале, *гун-гуань*, как в провинциальной метрополии, так и во всякой другой полуофициальной резиденции, не имея подобно секретарю особого *ямыня* при нем, неразлучного в его квартире или доме. Он вообще старается предварительно устроиться так, чтобы прибыть в провинциальную столицу не позже 1-го дня 8-го месяца, в немедленно по представлении к *цин-шэн-ань* высшему начальству провинции, или даже по заявлении о своем прибытии ученому секретарю, тотчас получить отведенное для него особое помещение. Ассистенты и секретари экзаменатора сюда прибывают из других провинций и входят в состав его свиты. Будучи местом официальным, квартира ученого экзаменатора носит усвоенную ей вывеску или клеймо (lodging sealed), для отличия от обыкновенных зданий и в предохранение от смешения с остальным миром. На 6-й день VIII мес., *чжу-као* и лейтенант-губернатора (или вице-король, где нет губернатора) отправляются в экзаменационную зад, и открывают в ней свою резиденцию на все время производства экзаменов. В 8-й день того же месяца собираются и являются *сю-цзай*, каждый принося с собою белую книгу бумаг, получаемую с помощью своего начальника школы, старшего учителя (schoolmaster) из казначейства при ямыне, с приложением вместо печати одного из китайских иероглифов, заимствованного из классической книги «Десять тысяч иероглифов». Эти бумаги должны быть куплены между 2-м и 5-м месяцами. Имена сравниваются с списком *и-цзай*, вручаемым предварительно секретарем губернатору; затем

отводится для каждого индивидуума особая келья хао-ши (буквально удобное, хорошее, уютное помещение). Таких келий в каждом переулке или аллее полагается по 20, и всякий кандидат свободно может вести беседу с другими сотоварищами, находящими в соседнем проходном переулке (lane); как величина зал, так и обязательные исполнения мелких правил составляемых на эти случаи, бывают различны соразмерно с местными требованиями и условиями в каждой провинциальной, метрополии. При выкличке каждый явившийся кандидат говорит свое имя. Экзамен для них полагается несколько строже чем для степени сю-цай, продолжается девять дней, в три смены – чан, по три дня в каждой, и в течении которых каждый из кандидатов подвергается строгому заключению в келье, просто как арестант, и днем и ночью. Также изолируются и все прочие кельи и аллеи на время экзамена. Первый экзамен посвящен бывает на опыт по предметам, заимствуемым из сы-шу – четырехкнижия и поэзии – ши (стихи), избираемых классиков ву-цзин-ву-цяо; третий экзамен состоит из смешанных опытов по собранным предметам, заимствуемым случайно из цзе-лунь или ву-дао-цзе. Кандидаты распределяются не по управлениям (magistracies), но исключительно по времени их производства в степень сю-цай. От сорока до ста степенных цу-жень назначаются для каждой провинции. Под именем фу-бан (о коем говорится выше), производятся в ранг малый, достигшие высшего достоинства, также как с низшей степени доходят до высшей исправляющие должность знаменного инструктора (instructor to Bauermen) в Пекине – ба-чи-цяо-си (pa-ch'i chiao si). И эти лица – также носят титул и подписываются лао-е (т. е. почтенные, старые, заслуженные). Число производимых в чиновники (graduates) в провинции Гуан-дуне доходило до 73, и недавно свыше 80; из них были 14 фу-баны.

Экзамен для степени цу-жень производился следующим образом: в конце 4 по полудни, в 8-й день шу-као, губернатор и экзаменатор назначают 4 темы, три из сы-шу и одну из ши (цзин), которые объявляются и переписываются всеми сейчас же. Двадцать тем набиваются, или чаще все наклеиваются над воротами каждого прохода между кельями проулка, и кандидаты свободно могут прочитывать их ежедневно и выбирать любую для обсуждения внутри своих келий. С 9 часов начинается приготовление опытов, а в 10 часов они переписываются и сдаются на руки, кому следует. Три таких опыта – бянь, должны состоять каждый не менее как из 700 иероглифов (characters), и одной поэмы в 80 иероглифов. От полудня до сумерек, кандидаты в числе 10, держа в руках своих тетрадки, имеют право подышать чистым воздухом, прогуляться на дворе, подкрепиться пищей и отдохнуть до следующего утра. Письменные опыты их вручаются шу-цюань-гуань, который сравнивает имя и подпись автора позади сочинения с именем его в экзаменационном аттестате (Test List) и передает его потом ми-фэнь-гуань. Оба указанных лица суть чиновники, прикомандированные в управление (magistrates). К сочинениям с именем авторов, коих подлинность считается несомненною, прикладывается печать де-чу (t'ieh ch'u); такая бумага считается штемпелеванною (plucked). Ми-фэнь-гуань справляясь подробно означает имя, местожительство, сань-дай каждого кандидата в конце его сочинения (essays), а по окончании этих подробностей, отмененным в особом листе бумаги, ставит № кандидата по порядку. Тот же самый процесс повторяется от 11 до 13 раз с избранием пяти предметов из классиков; в 14 и 16 разы, избираются пять различных лучших образцов литературы, для рассуждений о них. Все вообще бумаги проходят чрез руки supervisor'ов ди дяо (t'i tiao), сдаются главному копиисту, дэн лу гуань (t'eng lu kwan), а им сортируются между многочисленными копиистами, дэн лу (t'eng lu), для переписки красными чернилами, ин-шу (yin chu), и сравнения с оригиналом ме цзюань (me chuan), производимого чиновником дуй-ду-гуань (tui tu kwan), верность копии утверждается с надлежащею пометою – копиистом; если копия кажется неверна, копиист подвергается дисциплинарному наказанию – ней-шу-чжан, или получатели отдают оригиналы лейтенант-губернатору (lietenaut governed, который связывает их в пачки и просмотрев, кладет в сундук. Красные копии вручаются тринадцати суб-экзаменаторам, ши-сань фан-ши, которые выбрасывают дурные сочинения, а лучшие передают двум чжу-као (экзаменаторам). Между тем, ни один из кандидатов не остается в экзаменационном зале. По воле губернатора, чу-вэй, в 5 и 9 числа месяца снова приступают к текущим занятиям, по мере их накопления. После консультации с чжу-као, определяется им срок для объявления результата, кхай-бан. За день прежде сего важного события, чжу-као вручает губернатору следующего числа, чжун-ци-цюань; сочинения эти, кроме сего, сравниваются с оригиналами чрез особых экспертов – мо-кхань гуань, в порядке достоинства; изготовляется большего формата бумага, и в присутствии собравших в ямине губернатора в парадной форме всех авторитетов, немедленно

составляется именной список, в копии, с соблюдением в нем от начала до конца возможно большей каллиграфической чистоты и изящества. При чем, выкликается торжественно каждый номер и имя, и губернатор по обычаю, прежде всего раскрывает сундук и выбирает из него оригинальные манускрипты с реестром, известных имен кандидатов. В полночь, именной список прибавляется для объявления на воротах *ямыня*. Первое объявленное имя называется *цзио-цзе-юань*, второе – *я-юань*, – третье до пятого *цзин-гуй*, а все пять вместе *ву-цзин-гуй*, остальная часть просто *вэнь-гуй* или *ци-жень*. После сего следует визитация провинциальному губернатору и – *чжу-као*, со стороны всех получивших с чином назначение на места (*graduates*), независимо от прежней полученной степени. О дне этом объявляется чрез *чжу-као*, или же определяется и самое место *цзань-хуа*. Церемония эта сходна с тою, какая происходит и у секретаря, надевается серое платье с голубым обшлагом *гун фу* вместо старого. Успешные кандидаты, по случаю для них торжественного дня, также принимают участие в пиру у губернатора (в его *ямине*), называемом *лу мин янь* – экзамен согласия.

Экзаменационные опыты должны быть написаны в лучшем стиле. Они начинаются с вступления или приступа («broaching») *по-ти*, долженствующего состоять из двух предложений (*sentences*). Затем следует развитие предмета *шэнь-ти* долженствующее начинаться иероглифом, *фу*, и состоять из трех до пяти предложений – *цюй* (буквально украшения). После сего следует изложение «exposition» *ци-цян*, которое может состоять из семи до десяти предложений (*sentences*). Затем излагается нравственное приложение, нравоучение «moral» или вершина, самое существо дела «point» *жу-ти* или *цян-ся*, подкрепляемое примером в доказательство истины, или основания предмета; следует далее «instance», *ту-би* или *ту-ку*, т. е. новое подтверждение и защита «re-assertion» *чу-ти* и второе доказательство или основание предмета «second instance» *чжун-ку*, или *чжун-дуй* и в конце всего заключение «conclusion» *вэй дуй* или *чу ку* = *hou ku*, также *мо-би*. Может быть и до десяти предложений *sentences* или около того числа. Лица интересующиеся сим предметом должны приобрести первый опыт *це-юань* = *chien yuan* или «primus» у провинциального степенного чиновника, который и разносит почти непосредственно, лишь только объявится именной список. Стансы китайской поэзии называются *лю* = *lu* и состоят из 8, 12 или 16 строк; когда они состоят из двух линий – двустишие, *distichs*, то называются *цюе* – *chueh*. Во всех случаях количество иероглифов в каждой линии должно быть не иначе как 5 или 7, и каждая линия содержит тоже число иероглифов.

Экзаменационная оригинальная бумага *цзюань* = *chuan*, провинциальных чиновников (*graduates*) готовится вся в Пекине при *чжу-као* т. е. у экзаменаторов, в X-й месяц *да го нянь*, или в год уполномочия и командировки *чжу-као*. Красные же чернила для копий готовятся в провинциях. Во второй месяц последующего года дюжина (такой бумаги) *мо кхань гуань* по надлежащем исследовании хорошего изготовления оной, докладывается императору, который успешно выдержавших экзамен кандидатов производит в степенные чиновники. Чрез три года, все этого рода бумаги перебираются, приводятся на память по экзаменационным иероглифам на каждой из них начертанным, после чего происходит передвижение самых лиц на высшие должности. Однако же и здесь самую главную роль играет тот порядок, какой дан был *чжу-као* успешно выдержавшим экзамен чиновникам.

Ши-цзы есть степень из *сиу-цзай*, имеющие которую получают должности в провинциальной иерархии, также как *ци-жень* поступают в состав чиновников своей метрополии. *Тхун-шэны* – суть члены корпорации лиценциатов; а *сю-цзай* будучи чиновными степенными людьми, получают прибавление к своему имени – *сань-дай* (т. е. отец, дядя, прадед) указывающему на родовое происхождение; дополнительная частица с словом – *шэнь-гун* указывает на положение, *status*, при управлении секретаря. Сверх сего, в силу провинциального корпоративного обычая у чиновников, к чиновному сословию причисляются и женщины. Если отец – чиновник, или был чиновником, то его женских семь персон называются *ши-цзун* или *ши-гу*; если он имел известный официальный ранг или имеет, они называются *вэй-ши-гу*, или *вэй-ши-цзун*. Мать носит на все время прозвище по отцу своему, т. е. какое имела еще в девицах – *Ли-ши-гу*, или *Ли-ши-цзун*.

Лин-шэн составляет грань между официальным рангом, *гун-мин* и не имеющим его. Дети умершего отца христианина носят прозвище *фу-нань-цзун* или *фу-нань-ку*. Сравнение *status* по происхождению – *шэнь-гун*, зависит от секретаря департамента церемоний (*Chancellor of the Board of seremonia*), укрепляется по экзаменационным документам, соответственно той или другой ученой и чиновной степени, за надлежащим удостоверением законности сих документов – *могань*. Акт такого рода проверяется двумя экзаменаторами.

Под словом *сиу-цзай*, *сю-цай*, вообще соединяется понятие об ученом, scholar, или образованном человеке, (man of letters); во времена императора Гуан-ву, из поздней династии Хань, по Р. Х. 25–28, было другое соответствующее слово *мао-цзай*. Древнее наименование удерживается в продолжении двух столетий и при Цинской династии. Другое слово *цижень* впервые является при Танской династии в царствование императора Дай-Цзуна по Р. Х. 637–660. Настоящая система экзаменов и академия Ганлин учреждены тоже в это время, исключая специального отличия *хуан-юань* – слово, – которое одно указывает на высшую степень *шэнь-ши*. При Сунской династии, по Р. Х. 960–1126, выработалась и получила свое гражданство система совместничества (competetive system) с прибавлением отличия *тхань-хуа* и *чуань-лу*.

Образованные чиновники (educational officers), каковы *цзяо-ю*, *цзя-шу* и *сюнь-дао*, могли держать экзамены для получения степени только провинциальных чиновников. Исполнительные власти (executief officers) однажды поступившие на общественную службу, могли не подвергаться дополнительному экзамену. Пред царствованием императора *Сянь-фун*, провинциальные чины не обязывались терпеть задержку вторичного экзамена. Теперь, однако, экзамен должны они держать в Пекине. Для последовательного произведения в чины учреждены в недавнее время провинциальные экзамены *сянь-ши*, для выдержания таковых в своей метрополии, (Metropolitan graduate examination) *хоей-ши*, должны обращаться с прошениями в главное управление прежде 15-го числа 2-го месяца. Все остальные чины могут репортоваться лично каждый от себя не позже 30-го и 2-го месяца. Специальные комиссионеры откомандировывались самим императором для произведения переэкзаменовки – *фу-ши*; как замечено выше о степенных чинах (graduates).

Экзаменаторы на степень чиновников в их метрополии (degres of Metropolitan graduates), называются *Да-цун-цзай*. Но, пред совершением в собственном смысле экзамена они производят переэкзаменовку (extra pass examination), называемую *фу-ши*, производимую *юэ-цюань-да-чень*. Первые три ранга следуют каждый за своею степенью, *и-ди-гуй-ши*. Четвертый ранг получается одновременно с ученою степенью; пятый может не совпадать на две степени, в шестой почти приравнивается провинциальным чинам.

Экзамен для степени *шэнь-ши*, или чина известной метрополии (Metropolitan graduate) имеет место в Пекине, в третий месяц года сряду за экзаменом, производимым для *ци-жень*. Четыре чиновника высшего ранга, называемые *цун-цзан*, назначаются самим императором, но держат экзамен в Пекине, в большом зале *гунь-юань*. Предметы на него полагаются те же, что и для *ци-жень*, в течение девяти сряду дней. На каждую провинцию распределяется не более как от 12-ти до 30-ти часов, смотря по величине и важности провинции. *Сиу-цзай* или *ци-жень*, выступающие на официальную карьеру *цю-шэнь*, за исключением образованных чиновников (educational officers), вышеупомянутых, освобождались от обязательного экзамена на степень *шэнь-ши*. Для всех *ци-жень* обязательным полагается распределение для экзаменов в Пекине, и прежде срока третьего ку. Все главные *ци-жень* должны сами представиться к *гуй-ши*, и, если третий экзамен беспрепятственно пройдет, степень *ци-жень* остается за ними. Могут быть и другие препятствия, которые требуется устранить. Каждый *ци-жень* получает из местного окружного управления *уведомление* (dispatch) удостоверяющее в его личности – *цзы*, от лейтенант-губернатора своей провинции, с адресом на имя соответствующего выше управления. По прибытии в Пекин, должностным произойти не позже последнего дня 2-го месяца, *ци-жень* передает означенный документ в руки *цяо*, одного из унтер-секретарей департамента церемоний (Board of ceremonies), – *Ли-бу-сы-юань*. Шестого числа, эти уведомления – *цзы*, или место удостоверения (certificates) прежде всего отсылают в управление экзаменаторов *цун-цзай*. 8-го числа кандидаты являются в экзаменационную залу по очереди до 10-го числа. Тоже самое происходит обычным порядком с 11-го по 13 ч. и с 14-го по 16-е ч. По выходе именного списка успешно выдержавших экзамен кандидатов, *фа-бан*, первый из них получает почетный титул *гуй-юань*, и второй до десятого или пятнадцатого по счету – *гуй-куэй*, все же прочие просто – *шэнь-ши*. После сего экзамена происходит другой поверочный, *фу-ши*, следующий за *тянь-ши*, или почетным экзаменом, в продолжении одного дня. Он обыкновенно держится при одной из императорских зал, называемой *бао хо тьян*, и строго определенного срока не имеет. Выбор предметов экзамена и порядок расположения зависят от воли экзаменаторов, которыми бывают в сем случае, князья, или высшие сановники государства, *цянь-ши ван да-чэнь*. Об именах лучших кандидатов, написавших сочинения, докладывается императору (жу-ю-цзя), и его величество сам или его регент выбирает три наилучших, составляющих *цзя* – *chia*, кончая по порядку, соразмерно

заслугам, остальными – цюань-юань, бан-янь и дань-хуа. Соблюдается известное при этом то правило, что маньчжур или Hanchun может получить степень ему соответствующую по достоинству и познаниям.

В исключительном случае это зависит тоже от императора, как милость, могущую переходить на будущего отца по закону, *Чун-чжи*, которого избрание в *хуан-юань*, не обходится без некоторого неудовольствия истых китайцев. Первый чиновник второй степени именуется *чуань-лу*. Другой экзамен, *чао-кхао* (который не должен быть смешиваем с экзаменом для *ба-гун* и *ю-гун*) также в императорском зале *бао хо тхьянь* должен быть тоже совершаем в полном присутствии чинов (так как и первые три вышеуказанные), особо назначенных, каковы Ганляны (академики); здесь кандидаты сортируются на три степени, *сань-дэн*; первая степень существующая для членов императорской Академии, Ганлин – *юань*; со второю соединяется получение мест не очень важных, таковы придворные чиновники, писаря при министерстве и управлениях, *чжу-ши* (г.г. книжники, журналисты); и третья степень избирается для назначения прикомандированных чинов – кандидатов на должности в провинциях *фэнь-фа*, *шэн-фэнь*, или низших должностей *чун-шу* в столице. По окончании всей процедуры экзамена, с особого разрешения императора назначается известный день для *чуань-лу*, т. е. громогласной выклички имен удостоенных степени, «Singing the names». Эта своего рода церемония совершается также в императорском зале *дай хо тхьянь*. Все *шэнь-ши*, включая и четырех первых имеющих специальные титулы (1-й относится к 1-му классу, другие два ко 2 классу, все прочие получают похвальные свидетельства из управления главного секретаря), в известный определенный заранее день являются в императорский дворец и удостоиваются молчаливой аудиенции императора. Лишь только будет вручен именной список императору, как по сделанному сигналу, все prostираются ниц и делают это кэ-тоу девять раз, с почтительным преклонением глав (челобитье). После чего все ставятся рядом с поникшими главами и скрещенными на груди руками; затем по порядку, каждый лично обращаясь к государю, говорит отчетливо и несколько протяжно: «имя мое N и Л, родом из N провинции, губернии, уезда» и проч., когда это все кончится, все опускают еще ниже головы на грудь свою, и император пишет кистью свое имя на листе держимом в руках его.

Тоу-вэй-цзы-ку есть лучшее выражение для «всякого четвертого экзамена, и каждого последнего включительно». *Да-цяо*, имеет место чрез каждые девять лет, хотя и не может быть означенный предел в действительности, т. е. когда кончает свое образование, степени и чины китаец. По одному китайскому выражению «достигает силы зрелость духа лишь после трех экзаменов». Конечно, этими и подобными фразами еще не определяется самый предмет мудрости; с выдержанием трех экзаменов и получением степени *ци-жень*, достигается почетное, доброе имя образованного, лучшего человека, – *вай-цзай*. Существует еще экзамен, бывающий чрез XII лет, называемый «да-као-хань-чжань».

По отношению к часто встречающимся названиям ученых степеней и соответствующих им экзаменов, заметить надлежит о значении их еще следующее: *сю-цай*, значит пробуждающийся к развитию талант, достойный к производству в ученую степень и способный к дальнейшему усовершенствованию и повышению; *ци-жень* – человек, заслуживающий производства в ученую степень, с правом на занятие государственной должности соответствующей его познаниям, поведению, и опытности; *цзинь-ши* – способный к службе, могущий быть отличным чиновником; *шэнь-ши*, есть ученый в высшем смысле, мудрый, более теоретик, способный давать направление другим силам, влиять на них и словом и примером. Высшая корпорация ученых Академиков в Пекине – *Ган-ляны*, производят также экзамены для лиц, желающих поступить в их почтенный союз, с приобретением известных прав и степеней, каковы: *чжуан-юань*, *бан-янь*, *тань-хуа*, *ган-лян*, *чжу-сы*. Первый ученый *и-дэн-ди и-мин* получает пост *ши чан сию-ши*, т. е. императорский толковник (imperial exposer) и утверждается в сей степени самим императором. Все остальные ученые Академики делятся на три ранга более или менее почетные. Все они в высшей степени благотворно влияют на установление и характер просвещения в Китае – классический, а в управлении и законодательстве составляют сильную корпорацию юристов.

В совершенстве зная конфуцианское учение – «*сы-вэнь*», а также разумея основательно «*тянь-вэнь*» астрономию и астрологию, эти ученые проникнуты великим сознанием и принципом, что небесный распорядок есть отражение земных порядков, а потому все небесные знамения ими истолковываются в приложении к государству, народной жизни и территории им занимаемому. Можно сказать, что в корпорации китайских ученых отображается их идеальный

«Вэнь-дао» – ученый, руководящий для всего народа путь. Под "Вэнь" китайцами понимается здесь: 1) астрономия, 2) изучение классиков и других книг, определяющих большую или меньшую полноту учености, 3) благотворение и обряды, неразрывно с оными соединенные. К "Дао" относятся: 1) нравственные совершенства, 2) благотворения народу, 3) дарование сана в посмертных титулах лицам того заслуживающим и приобретающим должное почитание в культе предков. Литературные сочинения сего рода ученых мужей – "до-вэнь", по большей части почитаются «цзинь-ши-вэнь» – золотыми, прекрасными произведениями, образцовыми для чтения, подражания и руководства потомкам; деяния и жизнь ученых китайских полная борьбы, необычайного напряжения духовных сил в достижении усовершенствования и постепенного восхождения по небесной лестнице в высшему рангу государственных деятелей и общественных, полны всегда интереса; оттого, жизнеописания ученых не только читаются, но изучаются, иллюстрируются и становятся общенародным достоянием. Это классические герои мира, вполне заслуживающие бессмертия и славу. Китайские государи императоры, движимые любовью к своему народу, большею частью старались и стремились быть высокообразованными и примерными людьми, а потому с детства они строжайше обставлены и всеми условиями к тому споспешествующими в воспитании и образовании. Многие государи эти обладали знанием разных языков, чем и поражали европейских и других восточных путешественников.

Для занятий ученых, государя императора и членов его дома существует дворцовая специальная императорская библиотека, в коей собраны все лучшие произведения китайской и иностранной литературы, – «Вэнь-юань-гэ», в которой все китайские книги разделены на 4 отделения – "сы-ку", и содержат 3.511 названий, в 78.731 тетради: 1) книги классические – цзин, шу, 2) книги исторические – ши-шу, с географией – Ди-ли-чжи, и законами – тянь-ли, в их своде – Хуй-дянь и отдельно, 3) сочинения философов и ученых – вэнь, 4) сборники поэзии – Ши. Более подробные сведения о составе и названиях самых книг сей библиотеки изложены нами в специальном указателе дубликатов оных при Пекинской Российской Духовной и Дипломатической Миссии, пожалованных некогда государем императором Китая для неё и частью приобретенных ею от лиц частных.¹⁴⁹

II.

§ 76. Определение учеными конфуцианства, состав китайских классиков, их канон, авторитет, издания комментарии и прочие виды литературы

Определения ученых о конфуцианстве (арх. Палладий, Эдкинс, Милнь, Георгиевский, Васильев, Иакинф, Легг) и состав китайских классиков – их канон, авторитет, издания, комментарии и прочие виды литературы: положение конфуцианского учения среди буддизма и даосизма – взгляды архим. Палладия, Эдкинса, Милня, Георгиевского, Васильева, Иакинфа. Определение Легга со стороны авторитета, изданий и комментариев конфуцианства: «сы-шу», «ву-цзин», «леу-шу», «цзю-цзин», «ши-сань-цзин», их подразделения на комментарии, классы, переводы некоторых классиков в издании М. Мюллера, и по замечанию Г. Георгиевского, дополнения к оним – Кн. «Сань-цзы-цзин», «цян-цзы-вэнь» «шэн-ю-цзин-сюнь» (Канси), и прочие виды литературы, с указанием на европейские ученые издания и пособия к изучению оним

Венцом трех древних учений, преобладающих ныне в Китае, под единым знаменем священной троицы – «сань-цзяо», несомненно является конфуцианство – «жу-цзяо», противоположно «Дао-цзяо» (даосизм) и «Фо-цзяо» (буддизм). Под Конфуцзы и конфуцианством – термином весьма общим и неопределенным, многие привыкли подводить понятия, ему даже вовсе не сродные или лично Конфуцию неизвестные, сформировавшиеся до него или после него в течении столетий многочисленными учениками и последователями, которые всегда следует различать, что достигается только путем долговременных штудий и специальным ознакомлением с историей китайской литературы, европейскими учеными, к сожалению, мало обработанной. Пользуемся определениями специалистов. а) О. архим. Палладий говорит, что конфуцианское учение почти исключительно ифическое, сухое механическое обожание природы, под формой общей космической силы, лишенное развития и сложности, совершенно безыдейное, как сам Китай – автомат.

б) Конфуцианством определяется, говорит Эдкинс, нравственная природа – moral nature, в нем обсуждается добродетель и порок, обязанности повиновения и покорности по закону и предписаниям совести. Основанием системы служит поклонение вообще, внешний культ, worship. На обязанностях сыновнего благочестия основывается религиозное служение предкам, культ их духам, имеющий свою систему. Нравственное чувство – moral sense китайца поэтому всегда оскорбляется, когда он замечает отступление от правил, выработанных древним употреблением, обычаем, законом, имеющими священное значение. Конфуцианство поэтому есть "шэн-цзяо", божественное, святое учение, состоящее из «тяо-цзяо» – правил, наставлений, к коим в особенности относятся: а) «ву-цзяо» («ву-дянь», «ву-чан», «ву-пинь»), т. е. пять основных добродетелей, семейных и гражданских обязанностей между государем и подданными, отцом и детьми, мужем и женою, братьями и друзьями, и б) "ли-цзяо" или правила поведения отца и сына, братьев, мужа и жены, государя и чиновников, старших и младших, друзей и гостей и проч. В смысле общераспространенности и народности конфуцианство есть «да-цзяо» – великое, серьезное, авторитетное учение, преподаваемое в школе в виде начатков – "сяо-сюэ", или обширном и пространным – "да-сюэ" вообще же оно заключается в древних классических книгах – "ву-цзин", т. е. пятокнижии (Ши-цзин, Шу-цзин, Ли-цзи-цзин, И-цзин, Чунь-цю-цзин), или в "сы-шу" – четырехкнижии, которые составляют Лунь-юй, Мэн-цзы. Да-сюэ, Чжун-юн; далее следует "сяо-цзин" или книга о сыновнем благочестии. Строго говоря, замечает Эдкинс, не должно под конфуцианством разумеать только сочинения или сборники философа Конфуцзы, которого школа получила государственное значение и внесла в народ свою обширную литературу, интерпретирующую идеи философа и всегда имеющую жизненное значение; даже мнение некоторых ученых об отсутствии жизни в законодательстве Китая на основах конфуцианства может быть почитаемо крайне относительным и весьма сомнительным.

в) Вилльям Милнь, в предисловии своем к замечаниям и изложению переведенного им на английский язык «священного эдикта императора Канси» (Шэн-ю гуан-сюнь), относя этот памятник к секте «Жу-цзяо» т. е., ученых конфуцианцев, делает весьма замечательное определение онго с отрицанием религиозного значения, вообще усвояемого некоторым книгам Конфуцзы и его школ, с чем соглашаются и многие ученые исследователи. Милнь говорит, на основании слов одного французского синолога, что «Китай представляет весьма замечательное зрелище обширной и древней империи, с цивилизацией вполне политической, ставящей главною

потребностью – держаться внутри собственных пределов с обществом, строго и постоянно сформированным в единое целое, обязанным самими законами *интересоваться всего более индивидуально, нежели общественною жизнью*. Все прочие древние цивилизованные народы, наоборот, – основывались на религиозных учениях, которые были, как наилучшие, положены в основу устойчивости человеческого общества, для парализования и отпора естественной одичалости, как необходимого инцидента падшего человека... Чем более мы следим за организацией общества Китая, в глубокой древности, тем более встречаемся в нем с утвердившимся политико-патриархальным принципом. Император рассматривается как отец своего народа, а подданные составляют как бы его семейство. Первою добродетелью, первою обязанностью, почитается сыновнее благочестие; дети в действительности являются, по отношению к их родителям, как подданные к своему монарху, коего место занимает отец. *Древние китайцы никогда не признавали системы религии, как предназначенной служить для охраны общественной нравственности, а потому отрицательно относились ко всякого рода религиозному культу (worship)*» (?). Отрывистость изречений Канси, состоящих в оригинале из семи иероглифов каждое, с последующими пояснительными иероглифами, в общей сложности до 600, и парафразиса до 2/3 книги, указывает на крайнее рачение китайцев, придающих особенное значение этим отеческим наставлениям государя, имеющим обязательность для всего китайского народа, а потому прочитываемых и изъясняемых в 1-е и 15-е числа каждого месяца официально и публично учеными чиновниками-юристами. Несмотря на диалектическое разнообразие самого текста и объяснений, «Изречения Государя Канси» поставлены на высоту, превышающую *школьное употребление*, а потому изучаемые лицами совершеннолетними и образованными, из них избираются на экзаменах для ученых степеней известные темы. Эти наставления, дышащие патриархальною простотою царственного мудреца – не единичное явление, а потому принадлежат по праву к категории законодательства государственного. Религиозный принцип и философский, юридический, положенный в основании их есть православное учение – «Жу-цзяо», конфуцианское и других славных мудрецов, чествуемых народом китайским, имеющее для него *священный авторитет*». Не отрицая правдивости Милня о патриархальном значении сего авторитета, позволяем несколько усомниться на основании сказанного в истинности положения французского N ученого, на слова коего положился г. Милнь как на аксиому.

г) Г. Георгиевский, в своем труде «о принципах жизни» Китая, (гл. IX–XII и заключение) приводя массу разных изданий и выдержек из китайских источников и ученых европейских исследователей о религии и философии китайцев, точно также впадает в крайность отрицания религии сего народа в отношении к ней конфуцианства и все сводит только к философии. «Конфуцианство, – говорит он, – основано на фундаменте, дающем возможность людям стремиться к земному только благоденствию; оно не проповедует какой-либо религии и недоверчиво относится ко всему тому, что может быть усвоено только верою, тем не менее способно поддерживать жизнеспособность каждого отдельного человека и определять благоустройство семьи, общества и государства. На вопросы самому Конфуцзы, в чем состоит самое знание? Как служить духам? и что есть смерть? Мудрец отвечал – на первое: «Употреблять все свои силы к исполнению того, что справедливо и прилично человеку; чтить духов и гениев, но держаться в почтительном от них отдалении, – вот что называется знанием» (Луньюй, VI, 20); на второе: «Когда не умеют служить людям, то где же уметь служить духам? Когда еще не знают, что такое жизнь, то где уж знать, что такое смерть?» (ibid. XI, 11). Если почтение древнего китайца к родителям усложнялось более всего *вынужденностью*, более чем любовью или сознанием справедливости, то по Конфуцию сын *обязан* почитать родителей и помимо с их стороны требования; если древний китаец чествовал не только усопших, но и живых родителей по примитивной вере, переходившей иногда в формальность, то по Конфуцию, *разумность отдельного человека и всего человечества* должна лежать в основании сего почитания; если древний китаец вступал в брак, и не один, чтобы побольше иметь сыновей для получения от них жертвы в мире загробном, то Конфуций *только в моногамии* усматривает необходимое условие возвышенного счастья человека на земле. Ставя высший теоретический эгоизм задачею личного бытия человека, Конфуцзы требует ограничений оного в отношении к близким на основе любви и почтении, справедливости; полагая довольство человека в его субъективности, Конфуцзы желает, чтобы люди как можно более заботились о расширении для себя условий благоденствия и земного счастья, особенно на лиц любимых, к коим принадлежат

прежде всего родители, а потому должны всячески стремиться к честному благоприобретению и увеличению собственности, имущества, разнообразных предметов, особенно касающихся ежедневного и церемониального обихода в жизни. Личное усовершенствование в приобретении знаний и собственности вещественной, заботы о семье и добром управлении в нем, заканчиваемые участием в делах общественных и государственных – таковы задачи и принципы Конфуцзы, нами отмеченные отчасти. Можно несомненно сказать, что *высший религиозный принцип* в жизни, по Конфуцзы, есть *идеально-политический*, а потому как для него, так и ученикам его и последователям, каждая религия полагающая в основание усовершенствование природы человека и доставляющая разные способы к развитию в сознательном проявлении чувств самых благородных и возвышенных, в совершении добродетели, может быть не только дозволяема китайцу и терпима, но должна составлять его существо; по конфуцианскому принципу – выбор и определение авторитета зависит от того, насколько сам человек идет в ту или другую сторону, добрую или дурную. Учению конфуцианскому дается в сем случае только руководящее значение в виде добрых и нравственных наставлений отца-мудреца, проникнутого живейшею любовью к детям его, оценивающим и благоразумно пользующимся для себя сего рода уроками. Сообразуясь с ними поэтому, каждый китаец может восполнять свое чувство, знание и практическую добродетель исповеданием какой угодно религии.

Вообще, утверждает Г. Георгиевский в Китае нет общеобязательной религии, – всякий может сделаться буддистом, магометанином, христианином, может совершать поклонение в храмах даосских или других каких-либо. Само китайское правительство, проникнутое духом конфуцианства, не придает поэтому существенного значения религиям, относится к ним как к суеверию, считает их безвредными, поскольку они фактически не влияют разрушительно на правильный строй жизни народа. Встречая новый год, китайский император, нынешней маньчжурской династии, отправляется в свой *шаманский храм* – для выражения дани почтения религии своих предков, потом приносит жертву по обряду конфуцианскому *в храме предков*, затем отправляется на *поклонение сандальному кумиру Будды*, который считается современным самому Шакьямуни, после того заезжает *в даосский храм ветра*». Такого рода отношением самих государей к религиям их подданных, однако ж не умаляется, мы полагаем, религиозное чувство и такт лиц, являющихся хранителями и оберегателями памятников и обрядов своего народа и личной симпатии к той или другой религии. Это не индифферентизм, но вполне благоразумное отношение государственной власти к законам, ограждающим разумные вероисповедания, позволяющим оные для благоденствия народного, терпящим или посягающим суеверия опасные и вредные. Такое поведение служит лучшим символом связи государя с народом, имеющим всегда известные степени и формы религиозного сознания не всегда однообразного. «Кублай-Хан», образованный и религиозный человек своего времени прямо говорил, что для него «дороги и равны все религии, что охотно поклоняется всем их святыням, хотя *христианская религия* всех их лучше и превосходнее». Государь не развивает подробно причин своего взгляда, но несомненно, что в христианстве его пленяла внутренняя сила и высота нравственного Евангельского учения, отсутствие идолопоклонения униженного для человека нравственно свободного, тем более государя императора обладателя всех сил своего государства и грозного повелителя, абсолютного монарха, – «Сына Неба». Показывая арабскому купцу Ибн-фозлану лицевые изображения Моисея, Спасителя, Магомета, мудрецов языческих, Кублай-хан явственно различал значение и их учений, с величайшим чувством любви и скорби относясь к Спасителю, единому пострадавшему за грехи людей. Другой император, – Канси, осуждая буддистов и даосов, даже романо-католиков, видит в их внешнем религиозном культе много опасных явлений и даже смешных, не позволявших почитать их плодом нормального – истинно нравственного вероучения, каким понимается оно в конфуцианстве и каким должно быть в идеале нравственности христианской.

д) «Как первый *народный учитель*, говорит Васильев, (Религия Востока, 1873, стр. 26), Конфуцзы положил в основу своего учения зародыши, выработанные и доведенные затем до совершенства его учениками и последователями: науку, он изложил в виде Истории (*Шу-цзин* и *Чунь-цю*), народность в форме стихотворений (*Ши-цзин*), нравственность, основанную на выводах из истории и поэзии, переданную его учениками, в сборнике «*Ли-цзи-цзин*», (т. е. собрание церемоний), и в книге «*Сяо-цзин*» – о почтительности к родителям». Китайское слово «*Ли*», замечает почтенный В. П. Васильев (ibid. стр. 37), имеет однако ж гораздо более обширное значение, чем нравственность: оно *охватывает значение религии, весь образ жизни, весь*

строй государственный. Во всем этом нужен порядок, форма; здесь, конечно, уместнее слово *церемония*".

е) По мнению о. Иакинфа (Статистич. описание китайской империи, Спб. 1842, ч. I, стр. 88), «Конфуций не был ни законодателем, ни основателем новой религии, или философии, как вообще думают в Европе. При тогдашнем упадке просвещения в Китае, он собрал обширную школу, в которой преподавал прежнюю нравственную философию, или яснее сказать – науку правления, логически, но кратко изложенную в книжке *"Да-сио"* что значит «высшая наука». Сверх сего, он пояснил книгу перемен (*И-цзин*), а древнюю историю (*Шу-цзин*) и стихотворения (*Ши-цзин*) очистил от всех предрассудков и суеверий тогдашнего времени и оставил в сих книгах одно чистое нравственное учение, на котором основал истинную политику, т. е. науку управлять народом; но, признавая нравственное совершенство и допуская бессмертие души, ни слова не сказал о духовном мире и будущей жизни. Можно сказать, что Кхун-цзы открыл своим соотечественникам истинный путь к просвещению и тем увековечил славу свою: *но не менее того он повредил истории мира*".

ж) Наиболее верным взглядом на конфуцианство, со стороны его просветительного значения в школьном воспитании народа и даже высшем образовании, можно почитать ученого *Легга*, который перевел китайских классиков, со всею возвышенною ученою любовью на английский язык и исследовал всесторонне.

Вот что он говорит **о составе, авторитете, изданиях этих классиков, с относящимися к ним комментариями**. Книги, признанные имеющими авторитет высший и решающий для языка китайского, известны вообще под именами «Ву-цзин» – пятикнижие, и *"Сы-шу"* – четырехкнижие. Термин Цзин имеет текстуальное происхождение и означает ткань, основание, упорядочение предметов, вообще же, под сим названием разумеются канонические книги содержащие истину, полные важных определений и аргументов, служащих руководящими началами в жизни китайцев, – писанные мудрейшими людьми и для всех поколений сего народа, т. е. имеющие строго национальное значение. Под *"Сы-шу"* разумеются вообще письмена, – *шу*, writings, или книги – books. Пять цзинов суть: *И*, *-Шу*, *-Ши*, *-Ли-цзи*, *Чунь-цю*. Автором сих книг, или лучше – компилятором, признается Конфуцзы; *Ли-цзи* принадлежит многим лицам, и только *Чунь-цю* непосредственно принадлежит означенному мудрецу. К *сы-шу* относятся: *Лунь-юй*, *Да-сюэ*, *Чжун-юн*, *Мэн-цзы*. Порядок в распределении сих книг, в некоторых изданиях при разных династиях, изменялся; в силу этого, *"Да-сюэ"* и *"Чжун-юн"* встречаются в особых главах в *Ли-цзи-цзин*; в древнейшем каноне известны *"ву-цзин"*. Иногда к ним присоединяется «Ио-цзи» или трактат о музыке, и тогда полное издание всех сих книг называется *Леу-шу* – шестикнижие. Девятиричное деление и издание – *"цзю-цзин"*, составляют: *И*, *Ши*, *Шу*, *Чэу-ли*, (обрядники Чэу), *Е-ли* (церемониальные обычаи), *Ли-ци*, и три дополнительных издания *Чун-цзы*, (цзо-кэ-мин), *Гун-ян-кау* и *Ку-лян-чжи*. Деление классиков на тринадцать известно под названием: «*Ши-сань-цзин*», оно начато при втором императоре Танской династии Даэ-цзун (до Р. Х. 627–649) и явилось при его преемнике в следующем составе: *И-цзин*, *Ши-цзин*, *Шу-цзин*, три издания *Чун-цзы*, *Ли-цзи*, *Чоу-ди*, *Е-ли*, конфуц. разговоры, *Эрр-я* – род древнего словаря, *Сяо-цзин* (кн. о сыновнем благочестии) и сочинение *Мэнцзы*. Существует еще различие в ином составе, под именем «*Сяо-цзин*», – малые классики: соч. *Мэнцзы*, *Лунь-юй*, *Да-сюэ*, *Чжун-юн*. Из сих книг *Да-сюэ* и *Чжун-юн* издаваемые до Сунской династии, и затем в числе *Сы-шу* (четырекнижие) отличаются от *Да-цзин* или великих книг классиков. В «Цзин-цзе» самим мудрецом Конфуцзы устанавливается понятие о содержании и значении классических книг для китайцев; его определение и прочие подробности означенного рассуждения передаем по-русски в особом приложении – ниже.

На означенные книги существуют, кроме сего, разные *цзюань* (chuen) – *комментарии*, а также выдержки, взаимно цитируемые в этих или других книгах; этого рода цитирование или ссылки сами служат комментариями других. Таковы напр. 1) *Да-сюэ* – великое знание, комментарий к гл. VI, на слова аналектов XII, XIII; 2) *Чжун-юн* или учение о середине, коммент. на Анал. VI, XXVII, и в гл. XXVIII, 5, на Анал. III, XXIX; 3) в соч. *Мэнцзы*, II, ч. I, II, 19, на Анал. VII, XXXIII и в VII, 2, на Анал. IV, 1; в IV ч. 1, IV, II, Анал. VIII, XVIII, XIX; в IV, ч. 1, XIV, I, Анал. XL, XVI, 2; V, ч. II, VII, 9, Анал. X, XIII, 4; и в VII, ч. II, XXVII, I, 28, Анал. V, XXI, XIII, XXI, и XVII, XIII. Известны также *парафразисы* и *гlossы*, с указанием на разные чтения и понимание того или другого места Конфуцзы и других. Издания классиков в том или другом их виде дают им особенную цену и значение. У Легга, замечаниями коего пользуемся ныне, указаны 85 учеников

Конфуцзы и те классические издания, коими европейский ученый пользовался в исследовании об означенных выше китайских памятниках, к коим отдельно присоединяет prolegomena, точный английский перевод; самый текст китайский с примечаниями подстрочными внизу, довершают достоинство нескольких больших томов замечательнейшего труда в европейской литературе. Макс Мюллер, при издании «Священных книг Востока» включил в английский перевод и некоторые книги китайские, воспользовавшись трудами Легга и других ученых переводчиков; переведены *И-цзин*, *Шу-цзин*, *Ши-цзин*, *Сяо-цзин*, *Ли-цзи*, с введениями к каждой книге весьма подробными, но без китайского иероглифического текста.

По отношению к "*Цзинам*" и "*Шу*" можно сказать, что в них не осталось ни одного параграфа, строчки, без самого полного объяснения на китайском языке. Лучшие китайские издания, по замечанию С. М. Георгиевского («Принципы жизни Китая». 1888 г., стр. 381) *канонических книг* следующие: 1) «*Ши-сань-цзин-чжу-шу*» содержит 134 книги с толкованиями ученых Ханьской и Танской династий; 2) «*Синь-пань-цзин-цзе*» с толкованиями ученых Сунской и Юаньской династий; 3) «*Тун-чжи-тань*» с толкованиями ученых Юаньской и Минской династий. «*Хуан-цин-цзин-цзе*» содержит 360 книг с толкованиями 180 ученых Дайцинской династии; 4) «*Цин-дин-ци-цзин*» Дайцинской же династии. Самая критика комментариев на канонические книги состоит из 300 книг; издание это озаглавлено «*Цзин-и-као*». Главнейшие сочинения в духе Конфуциева учения, обнимающие разного рода предметы, комментированные более или менее подробно, и наиболее лучшие, известны в сборнике «*Бо-цзы-лэй-хань*» и «*Мао-си-хэ-сянь-шэн-цюань-цзи*» (120 книг). Можно сказать вообще, что все касающееся нравственности человека, его семейных, общественных, государственных и религиозных отношений, исчерпано до конца, на основании указанных Конфуцием принципов. Поэтому понятна привязанность китайцев и интерес к конфуцианским книгам. Уголовное, гражданское, международное законодательство Китая, рассматриваемое в его составе и историческом развитии служит само восполнением конфуцианских принципов, на что считаем долгом обратить наше внимание хотя краткое ниже, также точно и на исторические моменты развития литературы китайской вообще за разные периоды времени. С точки зрения школьных необходимых пособий к классическим конфуцианским книгам и комментариям на них имеет авторитет особая категория оных: — «*Цянь-цзы-вэнь*» (книга тысяча иероглифов), «*Сань-цзи-цзин*» (книга, напечатанная трехстопным размером), «*Шэн-ю-цзин-сюнь*» (священные наставления императора Канси), уставы и правила для учащихся и в особенности касающиеся экзаменов для получения высших ученых степеней, *разные словари* (Шуо-вэнь, Канси и др.), сборники, грамматики и прочие учебные и ученые книги, издаваемые преимущественно правительством или известными учеными. Книги сего рода, наиболее переводимые, обрабатываемые и издаваемые европейскими учеными, приспособительны к своему языку и транскрипции требуют в свою очередь (для русских) особенного к ним отношения и изучения, их разбор и критика представляют сами по себе особенный интерес и значение и довольно обширное поле исследования, умолчать о коем не можем и потому также даем краткие понятия о лучших европейских книгах, касающихся языка и письмен китайских. Для ознакомления с сего рода трудами можем указать на журналы: «The China Review», «The Chinese Recorder», «Repository», «Revue Critique», «Revue Asiatique», «Journal des Savants» и проч. Библиографическим указателем по разным вопросам, исследуемым во многих изданиях и журналах, может служить руководителем Кордье в его «Bibliographie Sinica».

§ 77–78. Содержание и анализ некоторых священных классических китайских книг: И-цзин. Шу-цзин, Ши-цзин, Ли-цзи-цзин, Лунь-юй, Чунь-цю, Чжун-юн, Цянь-цзы-вэнь, оды для детей, Мэн-цзы, Да-сюэ,¹⁵⁰ (по изданиям, исследованию и переводам Легга, и М. Миллера, Вильямса, Мартэна, Потье, Васильева, Георгиевского и друг.)

1. «И-цзин», кн. перемен (пр изд. М. Мюллера), содержание введения, текста 1-е и 2 отд. из 64 гл., appendix – 2. «Шу-цзин», кн. истории (по изд. М. Мюллера), содержание введения, текста из 30-ти §§ и замечание к V ч. – 3. «Ши-цзин», кн. поэзии (по изд. М. Мюллера), содержание введения, текста кн., отзыв Конфуэцы, замечание о Ши-цзи Сы-ма-цзяна – 4. «Ли-цзи-цзин», кн. о предметах и обычаях церемониальных (по М. Мюллеру), содержание введения и текста из 48 кн. – 5. «Сяо-цзин», кн. о сыновнем благочестии (по изд. М. Мюллера), содержание введения и текста к 18-ти главам – Дополнение: пространное изложение сяо-цзин и XII гл. «нэй-цзе», по критическому исследованию Э. Фабера. – 6. «Лунь-юй», философские разговоры Конфуэцы с учениками (по В. П. Васильеву), содержание текста к 20-ти главам, замечание Г. Георгиевского и в Chin. Recorder – 7. «Чунь-цю», кн. весна и осень (по перев. и изд. Н. Монастырева), указатель к 64 главам текста и замечания о содержании и стиле – 8. «Чжун-юн», кн. об истинной середине (по Вильямсу в его the middle Kingdom, и изд. М. Мюллера), понятие о книге, её деление на 33 отдела, определение трех типов людей – высшего, среднего, низшего порядка, содержание параграфов – 9. «Цянь-цзы-цзин», кн. тысячи слов, содержание книги, указание и перевод С. Жульена французский и отзыв Бриджмана – 10. Оды для детей (по Вильямсу в его the middle Kingdom) деление на 34 ст. и замечание о воспитании детей – 11. «Мэнцзы-цзин» кн. философа Мэнцзы, входящая в состав Сы-шу (по Леггу и его изд. Chinese Chassies), характеристика мудреца и его философии, отзыв Абэль Ремюза. замечание о происхождении сочинений Мэнцзы, названии их и изданиях, содержание текста в VII кн., учение Мэнцзы – принципы и определения – 12. «Да-сюэ», кн. начертание великой нравственной науки или – книга знаний для старшего возраста (по изд. Потье Le Chine и Мартану Hanlin papers), деление кн. на 18 отд., метод Кхун-цзы, аргумент – мудрость, значение учения о ней, четыре положения общие, прочие в §§ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7; расположение сорита и содержание, природа человека – Система Конфуэцы по Мартану в таблице с четырьмя подразделениями: 1) начертание великой нравственной науки «да-сюэ чжи-дао»; свойства добродетели: жэнь-дэ, гэ-у, чжи-чжи, чэн-и, чжэн-синь, сю-шэнь, средства в достижении добродетели общежития – цинь-мин, ци-цзя, чжи-гэ или чжи-ли тянь-ся, пхин-тянь-ся. 2) Начертание сердца «синь-тху»; возводящие» пути кверху: дао-син, цунь-тянь-ли, сю-дэ, цян-шу, э-жень-юй, гуа-юй, шэнь-ду – Пути душевного человека: жень-син, сюнь-сы, фан-лян-син. 3) Начертание способов к нравственному усовершенствованию – «цау-цунь-тху», и, ли, чжи, синь с их подразделениями. 4) Начала самоиспытания и самопознания «син-ча-тху»: бу-жень, бу-и, ву-ли или 5 родов правил обрядовых: цзи-ли, сюн-ли, бинь-ли, цзюнь-ли и их виды, противные действия сих 5 родов правил; бу-чжи, бу-син, и их виды – Приложение – таблица с 4 отд. «Да-сюэ» с транскрипцией китайских иероглифов и их перевод по-русски – Замечание о Конфуцианской философии и значение цзинов для китайцев – Прочие классические книги служащие дополнением вышеупомянутых: 13. «Сань-цзы-цзин», его содержание и особенности – 14. «Шен-ю гуан-сюнь» или 16 наставлений императора Канси его народу (краткая редакция), объясненных его сыном Юн-чжэном (пространная редакция) ред. по Милню. – Седьмой артикул из «шэн-ю» в пространной редакции и содержание всех 16-ти наставлений Канси – 15. Семейные изречения Конфуэцы, собранные и изданные с комментариями его учениками под заглавием: «Кхун-цзы цзя-юй юань-чжу» – 16. «Нюй-эрр-юй» слово или увещание к девицам, соч. Си-гуана, и «Нюй-сио» – о женском воспитании и обучении Лю-чаня, «Нюй-цзе» правила для женщин, соч. г-жи Бань-чжао

Перечисляя и излагая подробно содержание означенных китайских авторов, по исследованию разных гг. ученых, предоставляем самому читателю иметь в виду цитируемые в примечании их сочинения к английск. и другим иностранным словам предлагаем русскую транскрипцию.

1. «И-цзин» или Книга перемен. Введение гл. I "И-цзин" XII стол. до Р. Х. «И» – времен Конфуцзы и в настоящем виде с текстом сего мудреца и приложениями ему приписываемыми; спасение "И" от пожара, при коем сгорели прочие цзины. "И" – до Конфуцзы и время её составления, упоминание о ней в офиц. книге Кау; в Цзо-Гуань, свидетельство об appendix'ах, древность пред прочими книгами и текст ранее приложений; труды туземных ученых относительно "И" несовершенно описанные и очерк заблуждений трудов синологов. Гл. II. *Главный предмет текста; начертание линейное фигур и их изъяснение.* Состав "И" на основе линейных фигур, их происхождение, умножение до 64-х, причина сего числа; вид «речной карты», состояние страны во время царя Ваня, характер царя Шан, государи Кау, царь Вань в особенности, – он составляет линейные фигуры в тюрьме, седьмая гексаграмма. Гл. III. *Appendixes – приложения.* Предметы глав, число и значение приложений, их авторы, 3-й и 4-й appendix – не Конфуцзы, заключения о прочих, 1-й appendix; триграмма Фу-си, царя Вана, название "гуэй-сань" (kwei-shan); 2-й appendix; великий символизм; 3-й appendix; гармония между линиями фигур с переменами и им соответствующие явления природы; гадание и древность онога; формация линейных фигур с разделениями на части; названия *инь* и *ян*, – *гуэй-сань*, – только *сань* (shan), 4-й appendix, 5-й. Первый §, Мифология "И", действие Бога в природе в течении года; заключительные §§; 6-й и 7-й appendix's. Самые начертания гексаграммы и триграммы.

Текст «И-цзин». Названия гексаграммы (англо-русс. транскрипция). Отделение I-е. 1) Khien – цянъ; 2) Khwan – гуань; 8) Kun – гунь; 4) Mang – мин; 5) Hsu – сю; 6) Sung – Сун; 7) Sze – сз; 8) Pi – би; 9) Hsiao-Khu – сяо-кху; 10) Li – ли; 11) Thai – тхай; 12) Phi – фи; 13) Thung-zan – тхун-цзэн; 14) Ta-yu – да-ю; 15) Khien – кянъ; 16) Yu – ю; 17) Sui – суй; 18) Ku – ку, гу, кху; 19) Lin – линь; 20) Kwan – гуань; 21) Shih-Ho – ши-хо; 22) Pi – би; 23) Po – бо; 24) Fu – фу; 25) Wu-Wang – Ву-ван; 26) Ta-Khu – да-кху; 27) I – и; 28) Ta-kwo – да-го; 29) Khan – кхань; 30) Li – ли.

Отделение II-е. 31) Hsien – сянь; 32) Hanh – хэн; 33) Thun – тунь; 34) Ta-kwang – да-гуан; 35) Sin – цзинь; 36) Ming-i – мин-и; 37) Kia-Zan – ця-цзэн; 38) Khwei – кхэй; 39) Kien – гянъ; 40) Kieh – це; 41) Sun – сунь; 42) Yi – и; 43) Kwai – кхуай; 44) Kau – кхай; 45) Zhui – цзуй; 46) Shang – шэн; 47) Kwan – кхунь, гуань; 48) zing – цзин; 49) Ko – кхо; 50) Ting – дин; 51) Kan – кань; 52) Kân – кхань, гань; 53) Kien – цянъ; 54) Kwei-mei – гуэй-мэй; 55) Fang – фан; 56) Lu – лю; 57) Sun – сунь; 58) Tui – дуй; 59) Hwan – гуань; 60) Kieh – це, 61) Kung-Fu – гун-фу; 62) Hsiao-Kwo – сяо-кхо; 63) Ki-zi – ци-ци; 64) Wei-zi – вэй-ци.

Appendix. 1. *Рассуждение на Thwan – Дуань, или изъяснение полной гексаграммы царя Ваня*, Отд. 1. от Khien – цянъ до Li – ли; Отд. 2. от Hsien – сянь до Wei-zi – вэй-ци. II. *Рассуждения о символизме гексаграммы, и изъяснение князя Кау на отдельные черты.* Отд. 1. Khien до Li; Отд. 2. Hsien до Wei-Se. III. *пространный appendix.*: Отд. 1. гл. I–XII; Отд. 2. гл. I–XII, IV. *Дополнения на Дуань и Яо на первую и вторую гексаграмму, с указанием на то, каким образом может быть объясняема по ней природа человека и всех вещей в мире.* Отд. 1. О Khien, Отд. 2. О Khwan. V. *Рассуждения и замечания на триграмму, гл. I–XI.* VI. *Следствия вытекающие из гексаграммы,* Отд. 1. Khien до Li, Отд. 2. Hsien до Wei-Si. VII. *Рассуждения на гексаграмму, в смеси или разрозненном виде частей, по противоположению или разнообразию их понимания и значения.*¹⁵¹

II. «Шу-цзин» – Книга истории. Введение. Гл. I. *Природа и история Шу:* смысл названия «Шу-цзин», «Шу» существовал как сборник документов прежде Конфуцзы. Количество в нем документов в его время. Предисловие ему приписываемое. Источники «Шу». Истребление классической литературы императором Цин (Khin). Открытие «Шу». Гл. II. *Достоверность летописей в Шу.* Читались они или нет? Книги Кау – Шан, – Ся, книги «Тан» и «Ю» признаются поздними компиляциями; легендарный характер, основание онога на древних документах. Феодальное княжество «Ю». Яо, Шунь, Ю, суть все исторические личности. III. *О Китайской хронологии и главной эре счисления времени в Шу:* прежде всего в Шу нет подробной хронологической системы, попытки её к систематизации в Ханьский (Hau) период, древний метод определения продолжительности Китайской империи, период династии Кау, – Шан, Ся, Яо и Шунь. IV. Карта профессора Притчарда, представляющая главные зодиакальные звезды над горизонтом в некоторых местах центрального Китая, около 2300 г. до Р. Х., с замечанием и таблицей кажущегося положения главных звезд в 2300 г. до Р. Х., 1500 г., и по Р. Х. в 1000 и 1878 гг.

Текст книги. Ч. I. Книги Тхан (Thang): канон Яо. Ч. II. Книги Ю (Yu): 1) канон Шунь, 2) советы великого Ю, 3) советы Као-яо (Kao-yao), 4) И (Yi) и Ци (Ki). Ч. III. Книги Ся (Hsia): 1) феодал. княжество Ю, отд. 1 и 2; 2) слово на кань, 3) песни пяти сыновей, 4) карательная экспедиция Инь (Vin). Ч. IV. Книги Шан (Shang): 1) речь Тан (Thang), 2) предварительное слово (announcement) Гун-гуй (Kung-hui), 3) Тхан, 4) наставление И, 5) Тхай-цзя (Thai-kia), отд. 1, 2, 3; 6) общее владение чистою добродетелью, 7) Бань-кан (Pan-kang) отд. 1, 2, 3; 8) речь к Юэ (charge to Yueh), отд. 1, 2, 3; 9) день дополнительного жертвоприношения Гао-цзуну (Kao-sung); 10) начальник западного завоевания Ли; 11) исчисление Вэй. Ч. V. Книги Кау: 1) великое объявление отд. 1, 2, 3; 2) речь к Му; 3) успешное окончание войны; 4) великий план; 6) металлический ящик (metal-bound coffer); 7) великое известие; 8) поручение графу Вэй; 9) объявление князю Кхан, 10) относительно пьянства; 11) дерево Роттлера. 12) объявление князя Шао; 13) объявление касательно Ло; 14) избранные чины; 15) против роскошной еды; 16) князь Ши; 17) поручение Гуну из Цзай; 18) исчисленные области; 19) учреждение правительства; 20) чиновники Кау; 21) Гунь-хань; 22) поручение по завещанию; 23) объяснение царя Кхан; 24) поручение князю Би; 25) Гунь-я; 26) поручение Цзюну (Khi-ung); 27) маркиза Лю о наказаниях; 28) поручение маркизу Вань 29) обращение к Би; 30) речь маркиза Цинь (Khin).

В «Шу-цзин», в V-й части, содержащей книги династии «Кау» и состоящей из 30 подразделений, известно рассуждение под названием «великий план или начертание», – «Хун-фань» причисляемый вообще к «наставлениям», имеющим каноническое значение, в коих излагается кратко великий образец управления народом, или раскрывается метод достижения народного спокойствия и благополучия, в гармонии с его положением, при совершенном характере царя и лучшей правительственной администрации. По отзыву Г. Gaubil'я, «книга эта есть трактат одновременно по физике, астрологии, гаданию, морали, политике и религии». Полное рассуждение делится на три главы: 1-я) – введение, в коем раскрывается великий план, состоящий из 9-ти делений, перешедший от «Ю» к царю «Бу»; 2-я гл. содержит названия сих делений; 3-я гл. – самое описание оных отдельно; 4-я гл. о правильности действий правителей; 5-я гл. (или среднее деление) о царственном совершенстве, есть центральное рассуждение и главное из всего, на чем вращается книга.¹⁵²

III. «Ши-цзин» – книга поэзии. Введение I. Название и содержание Ши: смысл иероглифа Ши, содержание книги, отрывки из четвертой части, признанные религиозными, классификация прочих по стилю и форме. II. Ши прежде Конфуцзы и их состояние до него и после: положение (statement) Сы-ма-цян; о летописях династии Суй; – Кху-си; взгляд автора, неосновательность основоположения Цян'а (Khen), слова Конфуцзы и Ши. III. Ши со времен Конфуцзы служит главным предметом в познании и изучении настоящего текста: от Конфуцзы до Цинской (Khin) династии; Ши открыта снова после сожжения цзинов; три разных текста – Лю, – Ци (Khi), – Хань Ин, текст Мао. IV. Формация сборника Ши, его малый и неполный вид в коем дошел до нас; интерпретация и отрывки из автора; исходный пункт времени, определенно указывающий на то; конфуцианское предисловие: теории китайских ученых о собрании поэм по предначертаниям правительственным; царский капельмейстер собирает и составляет оды каждого княжества чрез их музыкантов; собранные поэмы рассылаются снова по их прежним местам, нынешний Ши краток и неполон; авторы отдельных пьес; ясно определенный год до Р. Х. 776; предисловие к Ши.

Текст книги: I. Оды для храма и алтаря: 1) оды жертвенные Шан, 2 – Кау, декада I, II, III; 3) хвалебные оды Лю; II. Малые оды государства: декада I оды 5, 6, 9; IV оды 5, 6, 7, 8, 9, 10. V оды 1, 2, 3, 4, 6, 9. VI 3, 5, 6, 7, 8. VII оды 1, 6. VIII 5. III. Малые оды государства: декады I оды 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10. II оды 1, 2, 3, 4, 5, 8, 9, 10. III оды 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11. IV. Чтения для княжеств (lessons). Книги 2, ода 24; кн. 3 оды 4, 15; кн. 4, оды 1, 3, 6; кн. 5, ода 4; кн. 6 оды 1, 9; кн. 10, оды 8, 11; кн. 15, ода 1.

О книге од сам Конфуцзы делает следующие замечания: «Дети мои! стыдно вам не знать книги песней (Ши-цзин). Оды способствуют к умиротворению и упорядочению духа нашего; они могут с пользою послужить нам и при самоуглублении; в них же преподаются и искусство общительности, ими регулируются чувства удовольствия и диссонанса, из них более, нежели откуда, можете вы изучить непосредственно обязанности в служении вашему отцу, и дойти далее до самого князя. Из них же вы почерпаете сведения о птицах зверях, и растениях». Всех од 300, многие из них написаны в одну станзу, в других стихи повторяются с переменною строфы или иероглифа. Утиное кваканье, крик перепелов, трескотня сорок, стрекотанье кузнечиков, «Яу-яу!»,

писк мыши и визг гребня, стон агнца в лапах леопарда, песни любви и девической тоски о возлюбленном, солдатские причитания и завывание домашней прислуги, – таковы звуковые мотивы классической книги од, которой и самое время доселе не помешало сохранить свою силу и значение для китайцев.

От «Ши-цзин» конфуц. школы, необходимо различать сочинение историка *Сы-ма-цянь* тоже под заглавием "*Ши-цзи*", коего содержание следующее: а) биографии императоров от Хуан-ди до У-ди, 140 г. до Р. Х.; б) генеалогические и хронологические таблицы (бяо); в) разные отделы (шу) о церемониях, музыке, мерах, вращении главных времен, звезд, о жертвоприношениях, водяных работах, податях и деньгах (всего 8 обзрений); г) истории знаменитых княжеских домов (ши-цзя – удельных князей) и Конфуцзы; д) биографии (ле-чжуань) замечательных лиц, чиновников философов, воинов и сведения е) об иностранных государствах и народах.

IV. «Ли-цзи-цзин» – книга содержащая собрание разсуждений о предметах и церемониальных обычаях. Предисловие *Введение*. 1 гл. *три различных Ли-цзин или книги обрядов*, известных в Китае; открытие двух первых, и формация третьей при Ганьской (Han) династии: что говорит о Ли Конфуцзы и Мэнцзы. Ныне известны три *Ли-цзин* или обрядника. Состояние книг *Ли* и распространение при династии Ганов (Han), труд императоров сей династии в открытии и объяснении древних книг, именно 1) – *И-ли*; 2) царь Сянь (Hsien) Хо-цзяна, и его открытие *Кау-ли*; 3) формация *Ли-цзи*. Собор в 51 г. до Р. Х. и состояние сего обрядника в 26 г. до Р. Х.; Hau Zhang и две Tâis; Ma Young и Kang Hsuan; Zhai Yung и его MS; Li великой Tai. II. *Значение китайского иероглифа Ли, смысл заглавия Ли-цзи и достоинства сего произведения*: Ли – символ религиозного значения и чувства собственности, перевод заглавия, значение *Ли-цзи* самой по себе и в общем каноне пятикнижия – *Бу-цзин*. III. Краткие замечания о разных 46 книгах, входящих в состав сборника *Ли-цзи*. I. *Khu-Li – Кху-ли*, т. е. разные обряды или собрание разных обрядов: 1 отд. имеет 5 частей, II-е отд. 2 части. II. *Than-Kung – Тхан-гун* (собств. имя) 1 отд. – 3 части, 2 отд. – 3 части, с appendix'ом ко 2-й кн. в коем определены порядки ношения траура для разных степеней родства *Кн. III. Wang-Kih – Ван-цзи* – царственные правила или статуты, (составл. при императоре Ване 179–157 до. Р. Х.), в пяти отд. кн. IV. *Yüeh-ling – Юэ-лин* – месяцеслов или календарь месяцев князя Кау (XI–XII ст. до Р. Х.) или – «принадлежности, свойства месяцев»; по выражению Кань-сюань, «Книга называется юэ-лин потому, что заключает правительственные правила и распоряжении на XII месяцев года», они расположены в четырех отделениях по временам года, по три месяца в каждом. В особом чертеже эти месяцы расположены на цветном поле в 9-ти квадратах так: В. – весна, 1 мес., 2-й, 3-й; Ю. – лето, мес. 4-й, 5-й, 6-й, 3. – осень; мес. 7-й, 8-й, 9-й; С. – зима: мес. 10-й, 11-й, 12-й. Кн. V. *Цзан-цзы-Ван*, вопросы Цзан-цзы, касающиеся церемоний и обрядов, 2 отд. Кн. VI. *Вань-ван Ши-цзэ* т. е. рассуждение царя Ваня основателя династии Кау; в 1 отд. говорится о воспитании и образовании старших сыновей государя и князей, вообще юношества и о древним методе в сем деле; во 2 отд. излагаются специальные обязанности воспитателей с обзором предметов обучения; в 3 отд. разные церемонии и обычаи при царских столах и кормлении престарелых Кн. VII. *Li Yun – Ли-юн*, букв. «ведение обрядов» или церемониальные обычаи, их происхождение, «развитие, цель». Содержится немало даосских рассуждений и взглядов в учении о природе, действии элементов, о разных процессах, о правительстве, о человеке, обрядах и проч. В книге – четыре отделения.

Кн. VIII. *Li-khi – Ли-цзи* или обряды в формации их характера; говорится в двух отдел. о материале в жертвоприношениях и церемониях, сосудах и проч. предметах. IX. *Kiao Theh Sang – Цзя-дэ-сань*; название взято от трех начальных иероглифов книги, трактующей о избранных жертвах при церемонии, их приношении на алтаре с разного рода обычаями. В 1 отд. и 2 говорится о жертве вообще, видах, поклонении небу и духам, условиях необходимых для поклонников; в 3-м – о поклонах, брачных обычаях, наконец обозреваются разные виды жертвоприношений при разных династиях. Кн. X. *Nei-Zeh – Нэй-цзе* или образцы для семейства, иначе, – «Правила внутренней жизни» для сыновей, дочерей, супругов, вдов и сирот, изложены в 2 отд. Кн. XI. *Yu-Zaoг Ю-цзао* или 12 подвесок на царской диадеме из зелено-красного нефрита; Кн. имеет 3 отд. с планом зала для знатных особ (Мин тхан). Кн. XII. *Ming-Thang wei – Мин-тхан-вэй*, т. е. расположение мест для знатных особ в парадном зале или «бриллиантовый зал», «Зал света». В сем храме различаются части: Храм для жертвоприношений в честь царя Ваня (Ши IV, 1, 7), – для аудиенций, обнародования указов, правительственных распоряжений (Мэнцзы 1, 4, 5), – главный храм в столице, прочие в местах инспектируемых государем; разные части здания

описываются в 67 Кн. *Ли* великого *Tai* и 55 гл. «Мин-тхан» в *Ли-цзи*. у Моррисона в кит. слов. vol. I, p. 512. Кн. XIII. *Sang fu Hsiao-Ki* – *Шан-фу сяо-цзи*, т. е. запись о мелких металлических оконечностях (аксельбанты) украшений в связи с утренним нарядом, или рассуждение, заметки о трауре сообразно с степенью и достоинством лиц.

Кн. XIV. *Ta Kwan* – *Да гуань*, великое, пространное рассуждение: (о жертвоприношении предкам императорским, о семейном благочестии, – семейных отношениях, именах членов семьи, человеколюбию, собственности и справедливости). Кн. XV. *Shao i* – *Шао и*, «Краткие правила поведения» или «сокращенное изложение правил церемоний для юношества», – «Правила поведения молодых и благовоспитанных людей». *Шао-сяо*, т. е. Книга кратких наставлений в приличии, требуемом для молодых людей, особенно при празднествах и в ежедневном обхождении с людьми. Кн. XVI. *Hsio Ki* – *сюэ-цзи*,¹⁵³ «летопись, мемуар о занятиях науками, школьном обучении (studies)». Книга эта однородна с *Kung Yung* и *Ta Hsio* (*Чжун-юн* и *Да-сюэ*), т. е. XXVIII и XXXIX Кн. *Ли-цзи*. В § 4 и 5 содержатся постановления древних государей о воспитании, (в § 6 по 19 – Законы для учителей, прочие – для ученых (learners)).

Кн. XVII. *Yo Ki* – *Ио-цзи*, рассуждение о музыке. Из многих трактатов о ней и изданий в разное время известно: «*Лю-син*» династии Хань (Han), полный сборник, состоящий из 165 бяней, его частные издания: первый сборник «*Ци Вань-ю*» из 24 бяней; мемуар о музыке при императоре Ву, изд. его братом Теh, в 24 бянях; ученый Лю-сян нашел в Импер. библиотеке подобное рассуждение в 23 бянях, непохожее на прежние. Оригинал, коим пользовался М. Мюллер в переводе на английский язык, содержит одиннадцать бяней расположенных в порядке. Музыка понимается в её высшем образовательном значении в деле воспитания личности, народа, правительства и государства, как гармония между небом, землею и человеком, высшим выражением коей служат церемонии и народный этикет; излагаются замечания по теории музыки и о разных инструментах. Книга имеет 2 отдел.¹⁵⁴

Кн. XVIII. *Za-ki* – *ца-цзи*, или смешанные замечания и рассуждения, касающиеся обрядов траура и похоронных предметов. Кн. XIX *Sang-Ta-Ki* – *Шан-да-цзи*, т. е. книга частных правил о погребении и трауре (дополнение к кн. II и XVIII), или «пространные замечания касательно обрядов траура». Кн. XX. *Ki-Fa* – *Цзи-фа*, т. е. «законы или правила о жертвоприношениях» в известные времена солнцу, луне и другим предметам и явлениям природы, для человека благодетельным. Книга имеет два отделения. Кн. XXI. *Ki-i* – *цзи*, т. е. «смысл и значение, цель жертвоприношений» небу, месяцу, духам, предкам в их храме, с замечаниями о приготовлении шелковых траурных материй и некоторых предметов сыновнего благочестия. Кн. XXII. *Ki-Thung* – *цзи-тхун*, т. е. «книга о корне, начале или происхождении жертвоприношений». «*Sacrificii principium*», «*Ceneralites sur les sacrifices*». Это начало – в чувстве сердца задушевности, сердечности, конец – влияние на доброе поведение личности и доброе управление со стороны лиц правительственных. Книга наставлений, составленная для княжества Лу в 248 г. до Р. Х. содержит немало правил о сыновнем благочестии в духе сего времени.

Кн. XXIII. *King-Kieh* – *цзин-цзе*, т. е. «изъяснения на классиков», «*Sens Général des Livres saoponiques*», или «Рассуждение, в коем содержится описание и различие между предметами, подробно обозреваемыми в разных цзинах» таковы *шу-цзин*, *ши-цзин*, *и-цзин*, *ю-цзин* (кн. о музыке), *чунь-цзю*. Кн. XXIV. *Ai-kung-wan* – *Ай-гун-вань*, т. е. «книга, содержащая вопросы князя Ай» предложенные Конфуцзы о церемониях, о добром управлении, о школе (диал. 25), о величии брака (*Да-гуань* – *Ta Hwan*), о пути возводящем к небу – *Тань-дао* или небесной истине. Рассуждение о последнем предмете Конфуцзы строго различается от *Лаоцзы* и *даосов*, хотя терминология во многом и одинакова. *Тань-дао* «Конфуцзы» и «*Дао-дэ-цзин*» *Лао-цзы* могут быть рассматриваемы как противоположные по взглядам. Кн. XXV. *Kung pi Yen-Ku*, *Гун-пи-янь-цзюй*, название это случайное, взято от 4-х начальных знаков текста. Представляется Конфуцзы возвратившимся после визитации ко двору Лу, в собственный дом свой; он разговаривает с тремя учениками о музыке, управлении в связи с церемониями. *Гун-пи* – собственное имя внука или цзы-цзы.

Кн. XXVI. *Khung-Sze Hsien-ku* – *Кхун-цзы-сянь-цзюй*. Кхун-цзы, т. е. философ Конфуцзы, он рассуждает о государе как «Отце народа» и коего добродетелью основаны три династии – *Ся*, *Шан*, *Кау*, на что приводит выдержки из кн. поэзии. Кн. XXVII. *Fang-ki* – *фан-цзи*, т. е. щит, оплот буквально действующий подобно плотине, запруде, преграде, от вредоносного действия стихий, иначе – книга, в коей содержатся примеры и рассуждения, коими читатель может воспользоваться в искусстве софистики и диспутов. Кн. XXVIII. *Kung-Yung*, – *Чжун-юн*.¹⁵⁵ Этот

обрядник, не менее важный «Да-сюэ» и составлявший часть Ли-цзи-цзин с *Лунь-юй* и сочинениями *Мэнцзы*, входит в *сы-шу* или четырехкнижие. Автором Чжун-юн признается Цзы-цзы внук Конфуцзы, книга написана 450–400 г. до Р. Х. у разных ученых название её различное и значит справедливая, истинная середина, постоянная или вечная, неизменная, – золотая (*juste milieu, medium constans vel sempiternum, l'invariable milieu, the constant medium, golden medium, true medium*), также – учение о середине – *the doctrine of the mean*, или состоянии равновесия и гармонии – *the State of Equilibrium and Harmony*». Кн. XXIX. *Piao-ki* – *Бяо-цзи*. Знак Бяо означает наружный покров, одеяние, отличающих вещь одну от другой, также – типичный, образцовый, оригинальный вид предмета. «Бяо-цзи» примерное рассуждение, мемуар, или «*mémoire sur l'exemple*», «*the exemplar record*». Бяо означ. также дневной гномов, часы; *фан-цзи* указывает людям на стражу в данное время, тогда как *бяо-цзи* – на образец для следования оному за другим. Таковы напр. благоволение к людям, справедливость, искренность, почтение, уважение к достоинствам других; книга состоит из 8-ми глав расположенных по изречениям мудреца Конфуцзы, она составлена в 538 г. по Р. Х.

Кн. XXX. *Sze i* – *Цзы и*, т. е. черные платья и одежда, другое название – сан бу (данное ученым Лю-сянем умерш. в 500 г. по Р. Х.). Кн. XXXI. *Pan Sang* – *Бэнь сань*, три обряда о трауре на случай смерти родственника. Кн. XXXII. *Wan Sang* – *Вань-сань*, т. е. вопросы о траурных обрядах (одевание покойника, головные уборы, посох и проч.). Книга эта имеет связь с XIII из собрания Ли-цзи-цзин. XXXIII. *Fu Wan* – *Фу вань*, т. е. руководство при ношении траура и похоронах. Кн. XXXIV. *Kien Kwan* – *Цянь гуань*, т. е. дополнительное рассуждение о похоронных обрядах, или пояснительные правила при похоронах, с указанием и определением существенных предметов и менее важных по содержанию, – о видоизменениях голоса при выражении скорби, о пище и питии, местах для сидения участвующим при похоронах и проч. Кн. XXXV. *San Nien Wan* – *Сань нянь вань*, вопросы и ответы о трехгодичном ношении траура и обрядах: Кн. XXXVI. *Shan i* – *Шан-и*, семейные правила касательно одежды и прочего этикета. Кн. XXXVII. *Thau Hu* – *Тхао-ху*, бросание или метание из лука в цель – игра при праздничных церемониях. Вилльямс в Силлаб. словаре, под иероглифами Hu, говорят, что это был старинный род сосуда с трубками на каждой стороне и общей игрою, называемый Thau Hu, и окрашенный красной краской на трех духовых проходах.

Кн. XXXVIII. *Zu Hsing* – *Цюй-син*, «поведение ученого». В сем рассуждении излагаются отличительные признаки и степени достоинств, с приобретением коих достигается ученость и известность, полезность и способность в служении государству.¹⁵⁶ Кн. XXXIX. *Ta Hsio* – *Да-сэ* или *Да-сюэ*, т. е. высшее знание, великая мудрость. Такова книга, получившая особенную известность в школах и народе китайском, с коею высоко доселе стоит имя Конфуцзы; в ней резюмирована идея о методах и предметах высших школ древности.¹⁵⁷ Кн. XL. *Kwan i* – *Гуань-ли*,¹⁵⁸ т. е. «значение обряда принятия и надевания на голову шляпы» (*Signification de la Prise du Chapeau Viril*); обрядом этим, подобно римскому *toga virilis*, определялся совершеннолетний возраст. Кн. XLI. *Hwan i* – *Гуань-ли*, т. е. брачная церемония, соединенная с брачною одеждою и обрядом, совершаемая по достижении зрелого возраста между молодыми брачующимися. Перечисляются обязанности для сего требуемые и нравственные качества, объясняется мистический смысл брачного союза во образ союза ин и ян, действительных и страдательных сил природы. Кн. XLII. *Hsiang Yin Kiu i* – *сян-инь цзю-и*. Сян было древнее название обширного и многолюдного территории в делении государства; номинально, в нем содержится 12.500 семейств под управлением «великого офицера, чиновника, или – князя»; в императорском домене таких сянов содержится шесть, в феодальном княжестве – три. В каждом из сих делений государств происходят, в известное время празднество, с угощениями на общественный счет и под надзором местной власти; здесь пьют особое вино «цзю» и происходят другие увеселения. В рассматриваемой книге описывается «пир сянов» чрез три года, совершаемый при местном коллеже или школе губернской или уездной, с участием в особенности молодых людей, успевших в науках и готовящихся к занятию общественных должностей. Обыкновенно эти праздники народно-студенческие, происходят после сдачи учащимися экзаменов. В означенной книге поэтому определяется порядок церемонии, известные правила, на сии случаи необходимые. Кн. XLIII. *Shei* – *чжэ-и*, стрельба из лука – игра с древних времен существующая и до ныне, совершается при разных празднествах на дворе государей, князей и других лиц. Цель автора книги – указать на воспитательное и нравственное значение сей игры и способ совершения. Прочие подробности изложения в VIII, IX и X кн. *I-Li* (И-ли).

Кн. XLIV. *Yen-i* – *ян-и*, значение или цель пиршества у феодалов князей при их дворах. Они совершались после жертвоприношений в храме предков. Самые жертвы с обрядами и молитвами приносились феодалными князьями или высшими чиновниками, офицерами, уполномоченными на это служение от государя; определяются в означенной книге и прочие отношения и порядок действий. Кн. XLI. *Phing i* – *пхин-и*, «значение обряда визитов» или «теория посольских учреждений и отношений князей между собою и государем», о визитах этого рода говорится в кн. XV–XVIII i-id (*и-ли*). Кн. XLVI. *Sang Fu Sze Kih* – *сань фу цзы-цзи*. Эта последняя книга из сборника *Ли-цзи* составлена для объяснения некоторых обычаев похоронных, особенно в одеянии (траур); определяются также необходимые качества человека – справедливость, чувство собственности, познание и мудрость, в гармонии с действиями неба и земли в течении природы.

V. The-Hsiao-King – Сяо-цзин, классическая книга о почитании родителей или сыновнем благочестии.¹⁵⁹

1) Введение к поименованной книге. Гл. I. Название книги, её существование до Ханьской династии (*Han*), содержание и автор. Гл. II. открытие сяо-цзин при Ханьской династии, её сохранение до издания комментария Танским императором Сюань (*Hsuan*) Цзун (*zung*). Гл. III. Критицизм сяо с Танской династии и замечание к переводу английскому с указанием на другие (*P. Cibot, P. Noel*).

Текст сяо-цзин,¹⁶⁰ содержание: Гл. 1. Цель и значение рассуждения. Гл. 2. Сыновнее благочестие в сыне неба. Гл. 3 Сыновнее благочестие в князьях зависимых государств. 4. Сыновнее благочестие в высшем министре и у великих сановников. Гл. 5. Сыновнее благочестие в низших чиновниках и офицерах. Гл. 6. Сыновнее благочестие в обыкновенном народе. Гл. 7. Сыновнее благочестие в отношении трех сил (небо, земля, человек – *тянь, ди, жень*). Гл. 8. Сыновнее благочестие в правительстве. Гл. 9. Правление мудрецов. Гл. 10 Характеристика действий сыновнего благочестия. Гл. 11. Сыновнее благочестие в отношении к пяти наказаниям. Гл. 12. Распространение общего правила поведения на гл. 1. Гл. 13. Распространение совершенной добродетели, о коей говорится в 1 гл. Гл. 14. Суждение о том, каким образом достигается славное имя (к гл. 1). Гл. 15. Сыновнее благочестие в отношении порицаний и увещаний. Гл. 16. Влияние сыновнего благочестия и ответственность с ним соединенная. Гл. 17. Заслуга правительственного лица. Гл. 18. Сыновнее благочестие обнаруживаемое при трауре по родным.

VI. Лунь-юй – философские разговоры Конфуцзы с его учениками. Книга эта делится на XX глав, в коих собраны разные изречения и примеры из действий, учениками сего философа. Образчик действий: не имей друзей на тебя непохожих. Образование без размышления или возведение знания в сознание без самостоятельности ничтожно и плача достойно. Знание доставляет истинное и чистое удовольствие; совершенная добродетель ведет человека на высоту и подобна скале. Знанием постигаются все вещи; добродетель спокойна и полна надежды, счастья. Знанием дается блаженство, добродетелью достигается долголетие.

Подробные объяснения и перевод на русский язык сделаны г. профессором В. П. Васильевым для гг. студентов С.-Петербургского университета. Содержание Лунь-юй и расположение глав с их означением, по переводу В. П. Васильева, есть следующее:

Гл. I. *Сё-эрр* – о главных началах учения (§§ 16). Гл. II. *Вэй-чжен* (§§ 24). Гл. III. *Па-и* – о церемониях и музыке (§§ 26). Гл. IV. *Ли-жень* – правила о человеколюбии (§§ 26). Гл. V. *Гун-е-чан* (собств. имя ученика Конфуцзы) (§§ 27). Гл. VI. *Юн-е* (собств. имя ученика Конф.) (§§ 28). Гл. VII. *Шу-эрр* – двойное изъяснение (§§ 37). Гл. VIII. *Тай-бо* (собств. имя) (§§ 21). Гл. IX. *Цзы-хань* (§§ 30). Гл. X. *Сан-дан* (§§ #7). Гл. XI. *Сян-цзань* (§§ 25). Гл. XII. *Янь-юань* (собств. имя) (§§ 24). Гл. XIII. *Цзы-лу* (собств. имя), говорится более всего об управлении и усовершенствовании себя (§§ 30). Гл. XIV. *Сянь-Сэнь* – вопросы Сяня (изображены характеры 3 царей, 2 старшин, обязанности государей и вельмож, значение добродетели, стыда, образования и спокойствия народа) (§§ 47). Гл. XV. *Вэй-лин-гун* – Вейский князь Лин-Гун (§§ 41). Гл. XVI. *Цзи-ши* – беседы с Цзи. (§§ 14). Гл. XVII. *Ян-хо* (собств. имя) (§§ 26). Гл. XVIII. *Вэй-цзы* (собств. имя). (§§ 11) Гл. XIX. *Цзы-чжан* (собств. имя) (§§ 25). Гл. XX. *Яо-юэ* – разговор с Яо (§§ 3).

Книга Лунь-юй, будучи составлена разными лицами – учениками Конфуцзы, записывавшими его беседы и изречения, по замечанию Г. Георгиевского, имеет много разнообразия в истолковании и суждениях об одних и тех же нередко предметах, занимавших Конфуцзы и его последователей. Следующие главы к стихии заслуживают внимания в всестороннем разрешении

вопросов по образованию и достижению мудрости а) нравственное поведение человека ставится выше его образования (гл. I, 6, 7); б) образование уравнивается с нравственностью (IV, 16); в) образование признается необходимым, как обуславливающее нравственность (VI, 25, 27, VIII, 13, 17, IX, 22, XV, 31, XVII, 8); г) только понимание принципов общественности в сыновней почтительности и братской любви дают право на звание Мудрого (I, 2); д) также точно достигается это знанием обрядов, умеренностью, мужеством, пониманием искусства (VI, 25, XIV, 13, 30), справедливостью, любовью ко всем людям (II, 14, IV, 10, XII, 5, XIV, 45, XV, 17); е) Мудрец есть искатель правого пути и исполнитель (XV, 31, XX, 3) поэтому – бесплодно одно размышление без научных занятий (II, 15, XV, 30) и наоборот – ценно самоуглубление (VII, 2), требуется не только одно размышление, но и стремление к приобретению высших нравственных и других знаний (XVI, 9); ж) гуманность есть умеренность в словах (XII, 3), – состоит в согласовании действий с требованием обрядов (XII, 1), предписывается воздавать злом за зло, за добро – добром и не рисковать жизнью (VI, 24, XIV, 36); з) все люди должны любить и почитать других своими братьями, не желать им того, чего не желают себе (V, 11, VI, 28, XII, 2, 5, 22, XV, 23).

NB. На кит. языке Лунь-юй делится на книги Шан-Лунь (1-я кн.) состоящая из десяти глав, и Ся-Лунь (2-я кн.) из десяти глав. Автор «China and Gospel» касаясь "Лунь-юй" Конфуцзы (Analects) делает следующий о них отзыв, с точки зрения миссионерской – христианской: «при взгляде на историю, сочинения и наставления сего мудреца, незаметно приходится знакомиться с элементами и характером всего великого, мудрого, святого для человека. В преамбуле его книг, изучении его разговоров и у его последователей, находим нередко совершенное отсутствие того, что для нас составляет самый главный предмет и достоинство. Соответственно обрядам и церемониям, люди и предметы в их торжественном и главном облике, часто воспроизводятся весьма педантично, с присоединением нередким и всего, заходящего за обыкновенные пределы благоприличия людей. Подобного рода нарушения благопристойности, нам кажутся весьма резкими и несовместимыми не только с возвышенной философией, но и самым правом допущения оных. С этой точки зрения китайские мудрецы не могут быть даже целиком воспроизводимы и терпимы для наших христианских благородных и благовоспитанных студентов». И хотя, в отношении содержания, с методичною эксценцией всего лучшего, высокого, нравственного, изучение классиков требует весьма непродолжительного времени, за то для изучения всех китайских эволюций в иероглифах и слого языка, требуется период весьма продолжительный.

VII. Чунь-цю – весна и осень

По русскому переводу Н. Монастырева Спб. 1876 г. под заглавием: «Конфуциева летопись Чунь-цю» (с 721 г. по 481 г. до Р. Х.)

I гл. Инь-гун (722–721 г.); II гл. (720–719 г.); III гл. (718–716 г.); IV гл. Инь-гун (715–712 г.); V гл. Хуань-гун (711–702 г.); VI гл. (708–704 г.); VII гл. (703–699 г.); VIII гл. (698–694 г.); IX гл. Чжуань-гун (693–688 г.); X гл. (687–683 г.); XI гл. (682–675 г.); XII гл. (674–668 г.); XIII гл. (667–662 г.); XIV Минь-гун (661–660 г.); XV гл. Су-гун (659–656 г.); XVI гл. (655–651 г.); XVII гл. (650–645 г.); XVIII гл. (644–649 г.); XIX гл. (639–637 г.); XX гл. (636–633 г.); XXI гл. (632 г.); XXII гл. (631–627 г.); XXIII гл. Вэнь-гун (626–623 г.); XXIV гл. (622–618 г.); XXV гл. (617–613 г.); XXVI гл. (612–609 г.); XXVII гл. Сюань-гун (608–605 г.); XXVIII гл. (604–599 г.); XXIX гл. (598–596 г.); XXX гл. (595–591 г.); XXXI гл. Чжэ-гун (590–589 г.); XXXII гл. (588–585 г.); XXXIII гл. (584–582 г.); XXXIV гл. (58–577 г.); XXXV гл. (576–575 г.); XXXVI гл. (574–573 г.); XXXVII гл. Сян-гун (572–567 г.); XXXVIII гл. (566–564 г.); XXXIX гл. (563–560 г.); XL гл. (559–557 г.); XLI гл. (556–553 г.); XLII гл. (552–550 г.); XLIII гл. (549–548 г.); XLIV гл. (547–546 г.); XLV гл. (545–542 г.); XLVI гл. (543–542 г.); XLVII гл. Чжао-гун (541–540 г.); XLVIII гл. (539–537 г.); XLIX гл. (536–534 г.); L гл. (533–530 г.); LI гл. (529 г.); LII гл. (528–524); LIII гл. (523–521 г.); LIV гл. (520–517 г.); LV гл. (516–514 г.); LVI гл. (513–510 г.); LVII гл. Дин-гун (509–506 г.); LVIII гл. (505–502); LIX гл. (501–498 г.); LX гл. (497–495 г.); LXI гл. Ай-гун (494–420 г.); LXII гл. (489–485 г.); LXIII гл. (484–481 г.); LXIV гл. (481–479 г.).

Последняя глава составлена учениками Конфуцзы. Летопись Чунь-цю есть весьма сухой перечень события мелких княжеств и Луского по преимуществу. В Prolegomena к «Чунь-цю» проф. Легг говорит: «При обзоре оных испытываем тотчас же подавляющее чувство замешательства и разочарования. Вместо истории текущих событий художественно расположенных друг за другом, встречаем скопление возможно кратких намеков о предметах и обстоятельствах вращающихся более или менее на дворе и княжестве Лу, в течении 242 лет, без

самой слабой помеси литературной способности в композиции, или знака критического взгляда со стороны самого писателя. Параграфы всегда кратки, каждый посвящен воспоминанию известного факта, но всегда так, что он может вызывать наше удивление, или вместо суровости свидетельствовать о нашем безвкусици; можно сказать смело, что и здесь не обнаруживается идеи чувств самого автора. Повествование – абсолютно бесстрастное и правдивое, действительно верное и строго хронологическое. Выделив историю от слога – Stylus мудреца, замечаем три особенности: недостаток надлежащего уважения к исторической истине, перемена довольно частая в лице её, – симпатия автора к силе и угнетению в авторитете».

VIII. Чжун-юн или истинная середина. Книга, написанная внуком Конфуцзы, Цзы-цзы тоже составляет часть *Ли-цзи-цзин*; состоит из 33 отделений, более или менее распространенных компиляторами. План этой книги – описать, охарактеризовать наглядно природу человеческой добродетели, определить поведение в действиях идеального «Цзюнь-цзы (Kinn-tszi) или «первичного, неиспорченного человека, всегда поступающего правильно, без крайностей; в сем хождении по прямому пути и заключается добродетель, выражающаяся в любви и снисхождении к людям, мужестве, постоянстве, справедливости; гармония, согласие с идеалом есть преобладающий принцип человечества, она подобна гармонии соединяющей небо, землю и всю природу. Такого рода идеальный и совершенный человек всегда поступает согласно законам природы, без нарушения их, в сем отношении он самодержавен, чужд излишеств и как бы наружно ни было низко его положение, внутренняя сила всегда будет при нем и он будет стоять высоко над другими, даже – влиять на них благотворно, сам того не замечая. Такого рода личность всегда будет высока, ей открыт доступ в врата неба!» (Collie's Jour. Books, pp. 6–10). Китайский моралист делит человечество на три разряда по трем принципам: «человек высшего порядка есть мудрец, образованный – знающий словесность (worthies), филантропист, герой, добрый без особенного даже на него постоянного законодательного воздействия, по своей природе. Человек среднего порядка или классов является чаще всего как прекрасный супруг, доктор, астролог, солдат и проч. Низший порядок людей составляют простонародье, лишенное образования, не имеющее грамотности, каковы рабы, слуги и все несущие разные профессии для пропитания дневного. Первые люди суть *шен* (shing), или ученые, мудрецы; вторые *сянь* (hien) или трудолюбивые образованные специально люди *workies*; последние суть *ю* или неграмотные (worthies). Начальные шесть кратких параграфов чжун-юн. 1-го отделения могут быть рассматриваемы как резюме (summary) конфуцианской доктрины, и род текста в речи (sermon) следующей в остальной части рассуждения и вытекающей из 1-й гл. Первый термин встречающийся здесь – *небо*, с коим соединяется весьма обширная идея о высшей, справедливой и милосердой силе (power); «небо и земля» в совокупности, в § 6, прежде всего являются как материальные с входящими в них силами и способностями, при посредстве; коих совершаются все феномены произведения, роста и падения. На среднем пути между ними стоит человек; ничто в мире не можем сравняться с его нравственным совершенством, состоящих в совершенном сообразовании с *справедливою стезею* и *стезею обязанности*. «Высший человек» (superior man) в § 3, очевидно имеет нравственное значение имени в его высшей степени. В человеке соединяются эти обе означенные стези добродетели (дэ дао чжи-жень); в § 4 он описывается как «единственно неусыпный и самобдительный», и в своем одиночестве, и покое.

Вот самые слова первых 6 параграфов 1 гл., 1-го отделения: 1) «Небо к нам милосердное и для нас благодетельное называется *природою*; согласие с сею природою называется *стезею долга и почтения*; правила сей стези составляют систему просвещения (instruction). 2) Прежде всего, эта стезя не должна быть левою; если бы она была таковою, то не могла быть и стезею. 3) В сем отношении, совершенный человек, соединяет в одно целое всю стезю мудрости (*сио-дао-чжи-жень*). Описание сего типа заключается в § 4, именно что сей человек неусыпно бдителен в отношении к себе самому, в своем одиночестве, которое, в его идеале, может служить идеальным и желаемым для всех стремящихся к мудрости состоянием, характеризуемой разными названиями, но в сущности одинаковыми. Таковы – «истинная середина», – постоянная, вечная, – неизменная, – золотая, – «учение, наука о среднем состоянии или – о равновесии и гармонии всех вещей» (русс. перев. китайск. текста см. ниже).

IX. «Цянь-цзы-цзин» – тысяча – слов руководство для детей, состоящее из 250 строк, расположенных ритмически, служит для начинающих как бы таблицей умножения понятий, следующих одно за другими, кратко, в таком порядке: а) с первой по 102 линию излагаются

понятия о природе и добродетели для всех государей, о силе и способностях человека, его общественных обязанностях и образе поведения, с наставлениями о нравах в жизни; б) до 162 линии говорится, о великолепии дворца, его высших сановниках и должностях, с указанием на соответствующим им лиц и места; в) в последней части рассуждается о частной жизни и ученой, занятиях земледелием, о домоводстве и хорошем управлении семьей, о воспитании, с указанием на соответствующие примеры. В комментариях на тысячу иероглифов означенной классической книги, содержится топкий анализ над их составом и анекдоты поясняющие текст. Прекрасный французский перевод книги с примечаниями принадлежит С. Жульену.

Предлагаем перевод отрывка на русском языке следуя английскому D-r'a Bridgman'a:

«Человеческое тело наше одарено четырьмя великими силами и пятью коренными добродетелями. С почтением относись к своим родителям и доставляй им под старость должное успокоение и питание, иначе – ты можешь оскорбить их и прежде времени разрушить жизнь, которую они тебе же дали. Женщины да сохраняют свое целомудрие и чистоту, а мужчины да соревнуют им в развитии своих талантов и добродетели. Когда познаешь собственные заблуждения, постарайся о исправлении оных; если успеешь в добре – не будь самонадеян и горделив. Страшись угождать и потворствовать страстям народа, изредка не переставай давать ему чувствовать свое нравственное превосходство. Ищи оправдания в истине, соразмеряй твои способности с предстоящими затруднениями. Наблюдай и подражай в поведении добродетельным людям, будь требователен в преподаваемом учении, в том что соделывает тебя мудрым. Раз стяжав добродетель, употребляй все меры к сохранению за собою доброй репутации. Исправив дурные привычки, будь образцом в правдивости. Чаще повторяй про себя изречения и иероглифы мудрецов – и во сне, и на прогулке, и когда проходишь весело по залам или высоким холмам, знай, что бедность, нищета с её последствиями являются результатом порока, тогда как внутреннее и внешнее благополучие даются в награду за добродетель. Безумец не ценит драгоценного камня, также как не дорожит и временем для научных занятий чтением и письмом. Мэнцзы ценил спокойствие и простоту, историк ю держался твердо справедливости; оба они достойно стояли близко золотой середины, будучи всегда трудолюбивы, смиренны, прилежны, умерены. Чаще перелистывай книги тебе известные и исправляй свои знания, исследуй и изъясняй принципы; экзаменуй свое и других поведение, и различай характеры. Составив добрый план, достигай по оному цели истины, с почтением, не нарушая права других. Когда обличаешь других, смеешься над их недостатками, чаще всего относи оные к себе, в увещаниях и собственных размышлениях».

Х. В одах для детей, писанных ритмически пентаметром, содержится 34 станзы из четырех строк каждая. Предлагаем отрывок, в коем дается краткое понятие о жизни образованного человека, намеки на перемены времени года и красоты природы. В других местах излагаются образцы умных юношей, достигших чрез то высших должностей в государстве, примерные уроки из жизни других людей славным добродетелями (следуем Вилльямсу).

«Самое важное дело – воспитание детей. Не говорите, чтобы в бедных семействах нельзя было вести оно: требуется немного, всего несколько кистей для письма иероглифов и клочков бумаги. (По достижении семи лет, говори: небо, даруй мне и детям ум. Человек с талантом может быть на дворе святого монарха, без него не могут обходиться в совещаниях ни знатные люди, ни князья). Утром я был смиренным крестьянином (cottager), а вечером вступал на двор сына неба; гражданские и военные чины не наследственны, каждый обязан поэтому достигать оных (собственными усилиями). Путешествуя по морям, проходя горы, я видел много камней и утесов, которые расстилаясь предо мною исчезали вдали, подобно облакам снова являлись на небе. В мире – нет ничего невозможного, стоит только сердцу человеческому понять и стремиться неусыпно. (Сам я некогда был бедным учеником и презренным, ныне обладаю четырёхконною колесницею, всхожу на неё весело и еду куда хочу; за мною с удавлением нередко следят своими глазами мои деревенские соседи. Кто имеет детей – старайся их воспитывать насколько позволяют силы и средства)».

§ 78. Кн. «Мэнцзы» и «Да-сюэ» их анализ и особенности. XI. Последняя кн. в *сы-шу* (нов. изданий) содержит сочинения философа Мэнцзы или Менция (Mencius), по кит. Мэн-цзы, *Ман-фуцзы*, что означает вообще человека в высшей степени ученого, *rabbi*, *emineux*, *teacher*. Этот ученый процветал около 80 лет по смерти своего учителя Конфуцзы, наследовал и его характер и сохранил свою оригинальность; он родился около 400 г. до Р. Х. в городе Цзау, в провинции Шань-дун, имел умных родителей и в особенности многим обязан матери, почитавшейся

образцом женских добродетелей. По примеру своего учителя Конфуцзы, Мэн-цзы со своими учениками любил путешествовать по разным частям Китая, представлялся при дворах князей, с коими рассуждал о разных предметах и часто давал великие уроки в политике и мудрости, коими они и руководились всегда. Мэнцзы всегда преследовал одну цель – счастье человечества и соотечественников в особенности. Ученики, по расположению к своему учителю и оценке его наставлений, содействовали распространению оных и разъяснению, особенно в том, что возвышало авторитет князей, правительства *до идеала отца и матери своего народа*. Мэнцзы владел глубоким знанием сердца человеческого и употребил в своем сочинении всю гибкость таланта и искусства в раскрытии произвольных мероприятий царствующих князей своего времени и разных злоупотреблений общественных. В тонкости острот и замечаний в сем роде он не уступает Сократу и Платону; разбивает и парализует своего противника, кто бы он ни был шаг за шагом, от дедукции к дедукции, от следствия к следствию, наконец приводит его к сознанию собственной глупости с жестокой насмешкой.

На европейского читателя, особливо француза, Мэнцзы производил самое глубокое впечатление. Один китайский писатель рассуждал о Мэнцзы так: «Предметы, рассматриваемые в сочинениях сего философа, весьма разнообразны. Здесь рассматриваются добродетель, жизнь индивидуальная и родственная там обсуждается порядок дел. В одном месте – обязанности высших с государя до последнего чиновника, с указанием на примеры доброго управления, в другом – обзореваются работы учеников, земледельцев, артистов, купцов; в курсе всего рассуждения излагаются законы мира физического, неба и земли, описываются горы и реки, птицы, животные четвероногие, рыбы, насекомые, растения и деревья. Много предметов и занятий рассматриваются у Мэнцзы в течении всей его жизни, в сношении с людьми, рассуждение его или диалоги возникают часто случайно с разными людьми, его наставления возвышенны, взгляды на древние классические книги и новые объяснения, – все перемешивается стройно в его сочинении. Мэнцзы напоминает исторические факты, приводит сказания древних мудрецов, назидательные для человечества. Во времена сего философа испорченные учения сект о *Ян* и *Мэ* получили свое начало, но истинное учение извращается и пренебрегается. Все усилия Мэнцзы поэтому направлены к убеждению людей и постоянству в следовании истины, с указанием на ложь; для людей добродетельных он находит неоцененное сокровище в сочинениях Конфуцзы, с ужасом останавливается на узурпаторах притеснявших народ. Цель философа – в исправлении чувств и намерений людей, в назидании искусно управлять сердцем, воспитывать и укреплять добродетельную природу, вести заблуждающихся к справедливости и правоте».

Абель Ремюза так характеризует сравнительно двух философов Китая, Конфуцзы и Мэнцзы: «Стиль Мэнцзы, не столь высок и кратко определителен, как Конфуцзы, но он благороден, цветист приятен. Форма диалога сохранена во всех философских разговорах с великими личностями времени, отличается большим разнообразием, нежели это видели в апофегах и максимах Конфуцзы. По характеру Конфуцзы всегда серьезен, даже строг, увлекает благовоспитанных людей, коих он начертывает идеальный портрет, и говорит о людях порочных, развращенных с крайним презрением или холодным негодованием; Мэнцзы, с одинаковою любовью к добродетели, отзывается о пороке еще резче и презрительнее, даже с ужасом; особенно сильно он действует на ум, не пренебрегая орудия насмешки. Его манера аргументации приближается к иронии Сократа. Не констатируя ничего своим противникам, но соглашаясь с их принципами, старается вести их к нелепым следствиям и приводит в стыд и замешательство. Он не сыплет угроз на великих земли с коими имеет дело, но не упускает случаев делать намеки на неправильный образ их действий; в похвалах князьям он очень осторожен».

В начале династии Ган (Han) труды Мэнцзы получают особенную известность и некоторыми учеными делаются пояснения, служащие основанием дальнейших комментариев, из коих выделяется имя Чао-кхэ (Chao k'e), делающего следующее замечание в своем предисловии: «из всех классиков мною рассмотренных за прежнее время, выше и почтеннее трудов Мэнцзы я не находил; собрав во едино все свидетельства из прочих книг, я разделял моего любимого автора на главы и изречения (Sentences), приложив и свои примечания к самому тексту, к каждой главе сделал предварительную оговорку о её цели: всю книгу разделил я на две части, каждую подразделив на 14-ть отделений». Из прочих комментариев известны: 1) *Лю-шэнь-цин* (после Танской династии 624–936 г. по Р. Х.), и новый образцовый комментарий *Чжу-и* (Choo He) и мнения ученого *Шунь-ши* (Сунской династии), который потом издал особый комментарий под

названием «Изречение и толкование на Мэнцзы» в 2 частях. При издании 13 Цзинов, его комментарий занимает третье место в ряду означенных выше предшественников. 2) В XII ст. Чжу-и (Choo He) появился отдельно и затем с Конфуцзы под заглавием: «Собранные комментарии на Аналекты и Мэнцзы», в 1315 г. окончательно установлено ученое значение за сим трудом. 3) Важным вкладом на Мэнцзы почитается издание «Рассмотрение текста комментариев и примечаний на Мэнцзы» 1039–1054 гг., сделанное Юань Юанем. Из учеников Мэнцзы, так или иначе объяснявших его учение известны: Ю-чэн-ци (Yo-ching kih), Вань-чан, Гун-Сун-чоу, Гун-дэ, Чинь-цин (Chin Tsin), Гао, Сы-бэй, Цин-доу, Ман-гун, Кау, Тан-кан, Бунь-шэн Куо, Чао-цэ, Гун-мин-гао, Гуан-чан, Чэнь-шун, Лоу.

Rev. Griffith John в Royal Asiatic Society, November, 1859 г., поместил article, и после издал отдельно замечательное исследование касательно учения китайских философов о человеческой природе, под заглавием: «The Ethics of the Chinese, with special reference to the Doctrines of Human Nature and Sin». Легг, в издании «The Chinese Classics» vol. II, приводит в «Prolegomena» в отдельном переводе учение философа Сеун «о природе зла», другое философа Хань-вэнь-гун «рассуждение о природе человека»; то и другое с китайскими подстрочными текстами. После сего (гл. III), следуют мнения Ян-чу (Yang-choo) и Ми-дэ (Mih-teih): 1 – любовь, 2 – универсальная любовь. Указав (в гл. IV) на сочинения, послужившие пособием в исследовании Легг излагает китайский текст Мэнцзы со своими замечаниями и в index'e 1-м предметном, 2-м собственных имен, в 3-м кит. иероглифы в фразы под №№ 212 корней, дает точнейшие понятия о философии. Из кит. издателей он указывает: 1) «философ Ми в 15 книгах, с кн. заглавий к его опытам» изд. 1781 г. Бэй-юаня, в 48 г. импер. Цянь-луна; 2) собранные сочинения Хань-чан-лэ, или Хань-ван-гун, с букв. и критич. замечаниями из 500 ученых, изд. 1761 г. в 28 г. импер. Цянь-луна; 3) из европ. ученых известно изд. С. Жульена: «Meng Tseu, vel Mencium inter Sinenses Philosophas, ingenio, Doctrina, Nominisque Claritate, Confucio proximum, edidit, Latina interpretatione, ad interpretationem Tartaricum utramque recensita, instruxit, et perpetuo commentario, e Sinicis deprompto, illustravit S' Julien. Paris. 1824–22 г.

Текст Мэнцзы (по Леггу) Кн. I. *Князь Гуй из Ляна* (ч. I, стр. 1–26), ч. II, кн. I, (стр. 26–56); Кн. II, *Гун-сунь-чоу*, ч. I (стр. 56–84). Кн. II, ч. II, (стр. 84–109). Кн. III, *Тан-вань-гун*, ч. I (стр. 110–136), Кн. III, ч. II, (стр. 137–163), Кн. IV, *Лоу* ч. I (стр. 164–192). Кн. IV, ч. II (стр. 192–218). Кн. V *Вань-чан*, ч. I (стр. 218–244), Кн. V, ч. II (стр. 245–269), Кн. VI. *Кау-цзы*, ч. I (стр. 270–297), Кн. VI, ч. II (стр. 298–324), Кн. VII. *Цзинь-син* ч. I, (стр. 324–353), Кн. VII, ч. II (стр. 353–378).

Учение Мэнцзы посвященное раскрытию истинных понятий о природе человеческой направлено к доказательству, что, будучи доброю по своему происхождению и началу, она подверглась и подвергается неизбежно многим дурным влияниям её извращающим. Он говорит, «путь, по коему вступая и совершая свое шествие человек теряет первоначально добрую природу, подобен пути в аллеи дерев, постепенно теряющих и свои ветви и листья и разрушаемых от времени; если же они далеко расстилают свои побеги и ветви, то становятся добычею скота обрывающего самые почки. И как в дереве все признаки красоты и жизненной силы постепенно замирают и разрушаются, так точно и человек, после долгого ряда искушений, склоняющих ко злу, теряет понемногу все черты природной доброты и святости». Тем не менее, замечает мудрец «первородная сила добра глубоко коренится в человеческой расе» и что «поэтому все люди могут, если захотят, быть подобными Яо и Шуню, двум древним мудрецам и царям, наиболее прославившимся своею добродетелью». Упадок в нравах современных, Мэнцзы приписывает пренебрежению правил Конфуцзы; поэтому, сам он заботился всеми силами об исправлении господствовавшего зла, и обращению народного внимания на изучение нравственных правил и законов, и повороту к древней патриархальной добродетели. Главным предметом в сем деле, Мэнцзы признавал исправление человеческого сердца: «если человек однажды навсегда положит на сердце – быть справедливым, то и малейшее уклонение от добра он заметит и позаботится устранить навсегда». В другом месте он говорит: «великим или высоким может быть тот человек, который сохранит в себе навсегда сердце дитяти».

Принцип этот наиболее определительно понят и высказан в Евангелии: «блажен чистии сердцем, яко тии Бога узрят», сказал Спаситель в Нагорной проповеди, а благословляя детей он заметил апостолам – «таковых бо есть царствие небесное», поэтому он воспретил пренебрегать сими малыми. Народ, Мэнцзы рассматривал как весьма важный элемент, и государя – как ближайшее оного последствие; в основании же отношений между народом и государем полагается воля Божия, Vox populi поэтому есть Vox Dei: «Небо (говорит философ) видит того,

кого усматривает народ, ненавистен небу тот, к кому не лежит сердце народа; когда народ лишен самого необходимого, тщетно будете стучать в его дверь и просить огня или воды – вы и этого не получите; поэтому, мудрость царей должна заключаться в доставлении хотя вещей самых необходимых и между коими – огонь и вода занимают немаловажное место». «Истинно великому человеку свойственны по природе – благорасположение к людям, справедливость, благотворительность, мудрость». «Доброе управление оценивается народом, и благочестивые наставления приятны его сердцу». «Честь и добродетель доставляют блаженство праведнику». «Стараясь сохранить жизнь и справедливость, я забочусь что бы первая была продолжительна и свой выбор останавливаю на последней», «стремление человеческой природы к добру можно уподобить водному течению всегда направляющемуся далее». По замечанию Легга, Конфуцзы и Мэнцзы суть самые влиятельные учителя для китайцев даже до сего дня.

XII. «Да-сюэ» или «Да-сэ» высшее знание, мудрость, для учеников старшего возраста, вообще – книга полезная для всех совершеннолетних. Книга эта, входящая в состав «Ли-цзи» или составляющая отдельное издание, с комментарием и без него, делится на XI отделений, из коих в первом определяется значение мудрого человека, его сумма знаний; вся она состоит из 2.000 слов. По определению Потье, характер *метода* Кхунцзи в Да-сюэ – психологический, аналитический, *à posteriori*; в *основание* всего берется – человеческая личность, индивидуум; *исходным пунктом* – явления видимого мира, воспринимаемые нами чувственными органами; *цель философии* – усовершенствование человека, его природы, и земного благополучия (себя и других); *способ познания законов и велений неба*, с которыми человек должен сообразовать свои действия, есть небо умное, управляющее нами, являющееся образцом, с коим мы должны вести себя подчиненно и зависимо. *Аргумент Да-сюэ* – есть великое знание, мудрость для взрослых, совершенная, каким она изложена учеником Конфуцзы Чжэн-цзы и комментирована им. Несмотря на краткость текста, это книга по преимуществу, «цзин» в числе прочих XIII у китайцев. Она драгоценная по искусству умозаключений, сравнительно с другими книгами философскими; посредством глубоких силлогизмов, она в высшей степени содействует логическому, общеупотребительному методу в усвоении знаний, не уступая в сем случае лучшим философам Греции и Индии, здесь собраны не только афоризмы на удачу, но в строго научном изложении. Замечается удивительный порядок в сцеплении, связь, логическая последовательность в предложениях, соподчиняемых методу естественному, прямого ума и совершенно простого. Аргумент, именуемый соритом, известный китайцам за два столетия до Аристотеля, нашел свою разработку и установку закона в Китае, в разных рассуждениях и у Конфуцзы в особенности.

Философский аргумент, резюмированный в четырех главах содержит положения: 1) о самоусовершенствовании (improvement) человека; 2) наставления для семейства; 3) управление государством; 4) законы для государства. В отделении первом, основные идеи развиваются так: государство для своего благополучия нуждается в мудром управлении, основанном на добродетели тех семейств, из коих происходят сами правители; основанием домашнего порядка служат самоулучшение и усовершенствование, т. е. образование ума знаниями и укрепление ими сердца, т. е. подчинение страстей, обуздание оных, требующее от человека самообладания, характера. Достоинство знания основывается на умении, искусстве пользоваться всем окружающим нас миром. Образованный человек с характером, добрый семьянин, может быть и образцовым правителем, государственным человеком. Развитию мыслей об этого рода деяниях и посвящены следующие отделения, подробно перечисляющие нравственные качества и юридические достоинства личности человека. Метод в достижении означенных целей имеет семь степеней: исследование вещей, восполнение знания, строгость в обучении, исправлении сердца, личное образование, управление семейством и государством.

В частности, *основные положения в Да-сюэ* развиваются так:

§ 1. *Основное положение.* «Разумный человек, по достижении надлежащей зрелости, т. е. способности к мышлению и развитию, должен заниматься изучением обязанностей, налагаемых в различных состояниях и условиях жизни». *Разделение условий.* Таких условий *три*, к которым присоединяется, или лучше, – из которых вытекает и *четвертое* – самоусовершенствование. Именно *требуется*:

1) Давать насколько возможно развитие нравственно-разумной способности в нас всегда живущей, как бы в виде семенного зачатка, который будучи омрачаем страстями остается без прозябания, если не будем постоянно заниматься его возделыванием и производением естественных действий.

2) Возобновлять народ, т. е. просвещать, назидать, сообщать нравственные истины, добываемые нами путем образования, непрерывной работой ума и нравственного упражнения, ибо даже они недостаточны; таким образом, цивилизовать народ и делать его нравственным.

3) Полагать свое определенное назначение в высочайшем добре, т. е. в усовершенствовании, до которого только может достигнуть человек, в различных состояниях жизни.

Таковы три великих принципа *практической философии*, или *науки об обязанностях* у Конфуцзы. Ими определяется в высшей степени вся нравственная наука, которая Кантом определяется: как «система целей чистого практического разума». Китайский философ тоже полагает в основу своей системы чистый разум; посредством его возделывания и развития в обязанностях, мы достигаем низших целей, или различных назначений. Можно сказать, что установление трех первых тем может принадлежать совершенно нравственной догме, тогда как развитие, делаемое философом, относится вполне к научной морали в её самом высшем значении (*conception*).

§ 2. Во втором параграфе философ поучает, каким рядом действий ума, можем достигать этого *состояния научного совершенства*, условливающего исполнение трех великих обязанностей, предписанных в первом параграфе. Отсюда следует, что *мораль* есть высокая и трудная наука.

§ 3. Сущность нравственной науки состоит в распознавании и отличии причин и действий, начал и следствий, потому что в природе все неразрывно связано, и все происходит по законам постоянным, неизменным; эти законы, будучи соблюдаемы и легко распознаваемы в области физической, могут также быть соблюдаемы и признаваемы в нравственной области. Таким образом, в совершенном познании законов сердца человеческого, и мобилей его действий, философ китайский ставит истинное и высокое нравственное познание, могущее поучать человека обязанностям, важным и необходимым в исполнении для достижения определенного назначения. «С самого высшего состояния и достоинства, до самого смиренного и невежественного, имеет силу одинаково общий долг: исправлять и улучшать свою личность или – усовершенствовать себя самого, это – основная цель всякого нравственного прогресса».

§§ 4, 5. В сих двух параграфах, где философ восходит от действий к причинам, и нисходит от причин к действиям, представляются поразительные образцы *анализа* и *синтеза*, самых могучих орудий всякого истинного знания. Два ряда *соритов* или *усеченных силлогизмов* их составляющих, обнимают все условия и перемены, посредством которых мудрец должен пройти до определенного его назначения, начиная с самого простого рода совершения добродетели, до самого управления государством, должностящего служит на самом деле высшим и совершеннейшим выражением нравственной науки. Эта цепь предложений, всегда неопровержимых, по крайней мере, в системе китайской философии, открывает без всякого сомнения формулу самую сильную и точно определенную, по которой когда-либо устанавливались обязанности человека в отношении к себе самому, другим людям, и всему наконец обществу. «Класс ученых, – отзывается один из них, – считает этот параграф самым возвышенным и сжатым сокращенным обзором (*precis*) всего, что философия, политика, и мораль имеют самого светоносного и несомненного».

§§ 6, 7. Резюмируя все учение в великий принцип, с которым связываются все прочие и из которых вытекают, как естественного источника, Конфуцзы определяет его словами: *самоусовершенствование*. Этот основной принцип китайский философ признает фундаментальным, и объявляет обязательным для всех людей, начиная с самого высокого и могущественного, кончая самым невежественным и слабым, а потому он открыто провозглашает, что пренебрежение сими священными обязанностями может делать человека совершенно неспособным к какому-либо нравственному усовершенствованию. *Десять остальных глав* по комментарию Чжэн-цзы направлены к доказательству, что на философии Конфуцзы, его принципах, зиждется развитие китайского авторитета во всей последующей истории страны и эти главы, для настоящих поколений, служат руководящим кодексом, имеющим свою силу и значение.

По отношению к системе философии Конфуцзы, определениям основных её принципов, из многих комментариев имеет особое значение краткое начертание оной, составленное неизвестным ученым, найденное, напечатанное и изданное с крайне недостаточным английским переводом и объяснениями А. Мартэном, г. президентом Дун-вэнь, в Пекине, при Императорской

коллегии, под заглавием «Hanlin Papers or essays on the intellectual life of the Chinese», 1880 г. Сливив английский перевод с оригинальным текстом иероглифов китайской таблицы, исправив и дополнив неточности, в переводе на русский язык, находим весьма полезным дать понятие о резюме учения Конфуцзы в его сочинении «Да-сюэ». Вместо иероглифов, мы делаем их означение по пекинскому произношению в русской транскрипции, и затем особо к каждому сего рода означению, предлагаем перевод их по-русски. Самая таблица оригинальная, воспроизведенная г. Мартэном фототипически, и с неё сделанная нами схема в основных очертаниях (см. ниже) состоит из четырех отделений: первое озаглавлено: «Да-сюэ-тху», т. е. начертание знания, или мудрости высшей школы, для взрослых; второе имеет надписанием «Син-тху», т. е. начертание сердца; третье отделение – «Цау-цунь-тху», т. е. начертание правил поведения; четвертое отделение – «Син-ча-тху», т. е. начала самопознания, самоиспытания. При начале 1-го отделения начертан круг с темною и светлою частями, по кит. «Инь-цзы» и «Ян-цзы» – два начала, из коих формируются в противоположении все вещи мира и располагается философская система мирообразования от Ву-ци и Дай-ци, определенное и неопределенное начала, активное и страдательное, мужское и женское, свет и тьма, добродетель и порок и проч. Противоположно персидскому дуализму Ормузда и Аримана, у китайцев под *инь* и *ян* разумеются по преимуществу безличные агенты в смысле положительного и отрицательного, мужеского и женского, неподвижного по себе, каковы элементы природы и самоподвижность, разумной, самоопределяющей силы. В сем смысле материалистического атеизма должны быть понимаемы и рассматриваемы столбцы китайской означенной таблицы, с распределением материала на *стороне правой и левой, с серединой* (чжун), откуда начинаются разветвления определений. В первом отделении таблицы (Дасюэ) начерчивается полный характер святого человека – *шэн*, в его идеальном облике совершенства, а во втором отделении (*син*) предлагается перечень социальных добродетелей под четырьмя гранями: семейство, общество, государство, весь мир (family, neighbourhood, state, world). Высшие нравственные и социально-политические совершенства определяются в понятии – «*ван*» – князь, государь, император, царь, правитель, начальник, господин, хозяин; силе примера и личной добродетели приписывается самое могущественное значение, и отсюда в постепенной лестнице обозреваются требования, соединенные в достижении означенной высоты авторитета. В сорите, логическое построение посылок и силлогизм развивается таким образом из основного тезиса: «древние государи и князья, желавшие и стремившиеся к повсюдному распространению благочестия, прежде всего заботились о хорошем управлении собственным доменом; для этого они главною заботою ставили благоустройство и дисциплину в своем доме и семье, а чтобы достигнуть сего счастья жизни домашней, они всячески стремились к собственному самоусовершенствованию посредством прилежного самообразования в школе и изучения наук». Самое расположение сорита Конфуцзы таково:

1. Кто познает и исследует природу вещей, тот развивает, изоощряет свой ум и делает его способным к познанию истины;
- 2) кто разовьет и направит свой ум как следует, тот достигает истинного построения плана в мыслях, чувствах, действиях;
- 3) достигнувший надлежащего направления ума, по хорошо составленному плану и системе, может управлять и владеть чувством справедливости;
- 4) обладающий сим чувством (совестью), может быть лично добродетельным;
- 5) кто добродетелен и сам благочестив, тот может точно также управлять собственным семейством;
- 6) из хорошего домоправителя и семьянина может быть истинно благочестивый и мудрый управитель государства;
- 7) оказавшемуся достойным быть сего рода лицом и действительно им сделавшемуся, становится доступно и дозволительно совершенство в добродетели и её распространении по всему миру.

Желая создать на личности разумной и нравственной идеал лица государственного, юридического, – приготовить умных и достойных чиновников в управлении народом, Конфуцзы более всего озабочен об элементарном знании, возможно истинном, в создании и формировании ясности, отчетливости понятий о предметах, цели жизни, способах усовершенствования и достижении благополучия семейного, личного, общественного. К сожалению, мудрец весьма слаб в указании и уразумении природы отношений индивидуума к обществу и универсу; эта задача – разрешается им довольно поверхностно. Даже при определении отношений к небу Конфуцзы касается лишь внешнего поведения, но отнюдь не дает истинного Богопознания и зависящей отсюда добродетели, *хотя важны мотивы*, коими руководясь, человек может более или менее точно исполнить обязанности семейные и общественные. Главных отношений к обществу пять: –

правительственные, родственно-отеческие, супружеские, братские и дружелюбные. Первые трактуются весьма обширно, вторые развиваются в понятии о сыновнем благочестии и обязанностях; супружеская верность в смысле целомудрия обязательна только для женщин; братский союз ставится на соподчинении и дисциплине, по степени возраста, брат старший есть *сюн*, младший – *дэ*; самый порядок семейный поддерживается дисциплиной, основанной на подчинении власти гражданской; в сыновнем благочестии, с естественным чувством к отцу соединяется и служение князю, царю, в виде послушания, повиновения, покорности подданного, с сим вместе неразрывен культ предкам – умершим родителям и родичам. Сего рода правила, резюмированные в положительно-законодательной форме, имеют обязательный национальный авторитет и «Да-сюэ» есть *мудрость*, *wisdom*, в отличие от простых знаний (*sciences*), *чисто практическая*, обладающий его почитается *да-сюэ-ши*, в высшей степени ученым, нравственным и добродетельным человеком, который не только *теоретически знает*, но и *исполняет на деле предписанные обязанности и правила поведения*. Только такому человеку может быть вверено управление семейством и государством в большем или меньшем круге обязанностей и ответственности *пред законом и народом*; чиновнику-правителю достигающему сего идеала усваивается титул *Шэн*, святой человек, представляемый под видом странника. В начертании «сердца» ему усваиваются два равномерных направления – одно теоретическое, другое собственно практическое, первое под словом «*дао-син*» – мудрость сердца, разум, *wisdom heart*, второе под словом «*жень-син*» человеческое сердце, *human heart*, в отличие от животного, инстинктивного начала коим руководятся животные, не имеющие разума. Сего рода понятия оригинально-китайские, разделяются многими писателями кроме Конфуцзы, каковы – император Шунь, Цзы-сы, Гао-цзы, Мэн-цзы, Сюнь-цзы, Ян-цзы, Чжу-цзы. Вот их определения: *импер. Шунь* (около 2100 до Р. Х.): народу свойственно человеческое сердце, «*жень-син*», также как человеку лично заблуждение. Таким образом, «*жень*» может служить антитезой мудрости, *wisdom*, в высшем смысле, и добродетели – *virtue*. Прочие поименованные писатели, занимавшиеся исследованием о природе человека, и бывшие ученики Конфуцзы учат так: 1) *Цзы-си*, его внук: «природа вообще подобна древесному стволу; из хорошего бревна можно сделать надлежащее для плавания судно; такова точно и природа человека в частности»; 2) *Мэнцзы* «возражает (замечает Гаоцзы), что для получения доброй природы человека надлежит оную сперва разломить, т. е. уничтожить все дурное; в сем случае она подобна челноку, устрояемому из дерева не прямо, по после его подруба на корню и превращения в бревно. Или, человеческая природа подобна течению воды то на запад, то на восток. Смотря потому, в какую сторону будет повышение или понижение, таков будет и добрый или дурной человек, по природе индифферентный»; 3) *Сюнь-цзы признает* прямо «человеческую природу наклонною к злу, и что только правильным воспитанием может быть дано ей надлежащее направление; мудрость есть плод повиновения порядку и обучения оному, которых беспорядочная природа вовсе лишена»; 4) *Ян-цзы* старался комбинировать два противоположных направления в природе таким образом, что в ней две силы или наклонности, одна ведет в добрую сторону, другая – в дурную; смотря потому, которой стороны будет держаться человек, в своем развитии, и самый характер его будет тот или другой. 5) В *Сан-цзы-цзин* (т. е. книге, написанной по три иероглифа в стихе), составляющей элементарный учебник, каждый мальчуган знает первые слова «*«жень чэ цзу син бянь шан»*», т. е. человек с самого начала имеет добрую природу, которою и живет». Из показанных двух направлений философии получает значение и тройственное в ней деление, замечаемое в таблице «*Да-сюэ*»: правая сторона её – добрая, нравственная, положительная, левая – дурная, порочная, отрицательная; *среднее положение чжун* есть плод мудрости и знания, корень или добра или зла, зависящих от самоопределения, самосознания, воли человека. Авторизованная теория китайской середины – «*чжун*» в сущности представляет смешанную природу, которая, по мере надобности и течению обстоятельств, то бывает светлою и доброю, то темною и злою. Светоносное начало добродетели, говорится в Да-сюэ, имеет своим происхождением небо, это – чистый дух, интеллект, не помрачаемый, обнимающий истину в её полноте, адекватно в каждом случае. Но, будучи затем помрачаем, вследствие физического состава и заключения в животных желаниях тела (*жень-и*), он становится все более темнее. Источник добродетели, как видим на таблице, есть «*Дай-гэ*» (*Tai-ho*), – первоначальная гармония, тогда как порок приписывается влиянию «*Ву-син*» (*Wu-hin*), т. е. грубой материи. Нравственный характер определяется преобладающим влиянием и согласуется то с тем, то с другим, то с правым, то с левым. Человек поэтому по китайской пословице, определяется в трех видах или

классах: человек первого разряда или степенства хорош без учения; человеку второго степенства необходимо лучше поучиться и потому он учится; наконец, человек третьего степенства удаляется от самоусовершенствования, и даже прямо враждебен всякому учению. Это невежда в полном смысле, живущий на авось и как-нибудь, идущий наряду с другими бессознательно, он чужд внутренней борьбы в выборе доброго или злого, не любит много размышлять и волноваться, а потому бывает нередко самодуром, деспотом, хищником и разбойником, если будут благоприятные обстоятельства, но он трус, ничтожная тварь перед законом и людьми высшего порядка, боится плети потому, что она его дерет, и дубины – которая бьет, но ему чуждо сознание высшей управляющей силы духа. Массы людей живут этою жизнью и не знают ужасного своего состояния. Китайским философам много требовалось ума доказать эту аномалию современного им люда и поставить высшие, благородные цели для государства, общества, семьи коими руководясь люди могли бы становиться лично лучшими и счастливыми в общем ходе и строе жизни, при простом, машинальном подчинении дисциплине то мудрецов, то государственных людей.

Природа человека – "жень-син", добрая по Мэн-цзы, злая по Сюнь-цзы, безразличная по Ян-цзы, называемая по этой тройственной особенности у буддистов "сань-син", есть с одной стороны небесная – "тянь-син", ей свойственна добродетель "Дэ-син" с пятью семейно-гражданскими обязанностями («у-дянь», или «у-чан», «у-пинь») между государем и подданными, отцом семьи и детьми, мужем и женою, братьями и друзьями. Это есть по преимуществу – "хунь" т. е. разумное, духовное начало, душа, энергия, состоящая из трех элементов – дыхания, мышления соображения, с качествами светлости, разумности, незримости, она – неразлучна с духом, создана небом, переходит от отца при рождении. Другая сторона природы – тело, вещество, с его инстинктами от души отличными и свойственными животным. Таким образом человек имеет "Хунь-по", два начала, разумное и животное: хунь – дыхание, по – фигура, от матери, земнородная, обитающая в легких, а хунь – в печени, энергия – семи страстей. Тело есть как бы светильня «дэнн», "по" – огонь, "хунь" – свет; при смерти, прежде уходит хунь, потом по, и наоборот. Так понимается китайцами постоянная, обыкновенная природа наша, – "хэн-син" с различием "синь-хунь" души, от «цзин-хунь» – её жизненной энергии, различной для поэта ("шихунь"), женщины ("сян-хунь"), и др. лпц и положений.

В третьей таблице "Дасюэ" душа, в её высшем идеале нравственного усовершенствования, moral excellence, рассматривается под пятью родами свойственных ей качеств добродетели, «ву-син», «жень», «дэ», «ши», «син» «ли» – человеколюбие, справедливость, мудрость, верность, этикет или знание и соблюдение обрядов и правил приличия (benevolence, justice, wisdom, good-faith, politeness). С последним качеством, весьма ценным у китайцев, соединяется и понятие о собственности, поскольку с нею неразрывны общественно-семейные в личные отношения, их порядок и преимущества. У французского философа Малебранша подобной системой определяется любовь к универсальному порядку. У греческого мыслителя Платона и римского Туллия признаются четыре добродетели: Justitia (справедливость), Prudentia (мудрость, правосудие), Fortitudo (мужество), Temperantia (воздержание).

"Ши", Prudentia, wisdom, мудрость, могут быть справедливо между собою представляемы как соотносительные понятия. В кодексах европейских, под Fortitudo разумеется воинственный характер народа, у греков ἀρετή, полное царство добродетели, у кит. "Дэ" с её подразделениями гэ-у, чжи-чжи, чэн-и, чжэн-синь, сю-шэнь. Справедливость, justitia, justice, по кит. определяется словами "ши" и "юн" (chih, Yung), объясняемых в одном изречении так: «Когда вы терпите неудачу, ищите помощи в себе самом; стойте твердо на вашем poste, и не льстите себя неопределенным желанием бросить оный», или в другом месте: «когда сознаете себя справедливым, то и поступайте как велит вам ваша совесть; при сознании же за собой погрешности позаботьтесь об её исправлении; не вдавайтесь в крайность, будьте нелицеприятны в отношении к бедному и богатому». "Жень" – benevolentia, benevolence, человеколюбие, и "синь" good Faith, доброе расположение, доверие к людям, суть понятия весьма обширные у китайцев, чрез них пролагается путь к добру, тогда как справедливостью "И" регулируются их действия, обуздываются качества противные добру; мудростью "Ши", проливается свет на общественные отношения, с доверием соединен и успех в постоянстве, неизменяемости, с вежливостью, благоприличием, – "Ли" соединяется успех в поведении со всем кругом относящихся сюда правил и предметов.

В 1-м начертании таблицы (№ VII-й по порядку – см. стр. 966 оригинала) «да-сюэ» говорится в начале, что в нем содержится кратко определение мудрости «да-сюэ чжи-дао», дарованной Небом для усовершенствования человека, его личного счастья и внутренней святости, – «Нэй-шэн», с правилами для отношений к обществу «вай-ван», обязательными для всех людей «тянь-ся». Правила эти суть основные, неизменяемые, имеющие значение закона *«ли-цзи»*, и небесного достоинства или авторитета – «цзи-тянь». Все относящееся к «нэй-шэн» составляет стремление к высшему порядку и определяется выражением «чжи-цзай», сторона же противоположная в «вай-ван» есть «шан-чжи» высшее и более сложное знание обязанностей человека: «чжи» – знание, ведение вообще, «жень-чжи» – мудрость, познание себя и людей, и «шэнь-чжи» – божественный ум, делают человека вполне добродетельным «мин-дэ».

А. 1) Свойства сей добродетели, – «жень-дэ» – лично принадлежащие человеку суть: 2) *«Гэ-у»* – исследование природы вообще вещей, познание, изучение оной, в особенности изучение устройства и свойств самого человека, его истории по разным летописям и исследованиям ученых; 3) *«чжи-чжи»* т. е. совершенное познание, состоящее в распознавании свойств и характера человека в направлении к добру, – разумение души, с различением всего справедливого от ложного и эгоистического, правды от неправды; – уяснение истинно конфуцианского учения от других ему противных, – опровержение сект особенно буддийских, и быстрота устремления умственного взора к Провидению небесному; 4) *«чэн-и»* искренность в мыслях и намерениях, с коими неразлучны: самоиспытание, исследование и рассмотрение тайных побуждений, религиозное благоговение, опасение за самообольщение; 5) *«чжэн-синь»* чистосердечие, прямота души, чувство справедливости, для сего требуется: непреклонная воля, твердость характера, средний путь во всех действиях, обуздание дурных пожеланий и страстей, следование добрым наклонностям и поощрение таковых, наконец – радение об общей пользе; 6) *«сю-шэнь»* – беспрестанное занятие нравственным самоусовершенствованием, прямой образ действий или благоприличие в поведении, коему свойственны: верность и правдивость, нежность в обращении с людьми и почтительность к старшим, справедливость к низшим, умение держать себя всегда с достоинством, в осанке, походке, одежде, манерах, пешком и на лошади, – соблюдать точность в словах и действиях.

Б. К способам или средствам в достижении добродетели в общежитии относятся: 1) *«Цинь-минь»* – близость ко всем классам народа, родственное обращение с народом как с шестью близкими родными – «лю-цин» – (отец, мать, старший и младший братья, жена и дети; отец, сын и братья отца, деда, прадеда, прапрадеда; дед по матери, бабушка по матери, братья по матери, моя сестра и дети её и прочие родные – родичи, свойственники, друзья) 2) *«Ци-цзя»* – семейная дисциплина, домострой, правила; сюда относятся: сыновнее благочестие, братская любовь, супружеская верность, осторожность в избрании друзей и сообщников, крайняя осмотрительность в половом общении, внимательность к существующим законам, воспитание и обучение детей, осторожность в пристрастии к кому-либо и чему-либо, дружелюбные отношения к иностранцам, и вообще чужим людям, соблюдение трезвости и воздержания во всем; 3) *«Чжи-гэ»* или *«Чжи-ли тянь-ся»*, т. е. управление государством, княжеством, домоном, правила, законы, постановления касающиеся сего предмета; качества человека потребные при этом: знание, мудрость в управлении, сила комбинации – сообразительность и изобретательность ума, благоговейное служение небу и почитание предков, разборчивость в выборе достойных лиц и назначении на должности чиновников, любовь к народу, ревность к его воспитанию, строгость в исполнении законов; 4) *«Пхин-тянь-ся»* – народное миротворение и спокойствие его качества: мудрость в ведении войны, справедливость при раздаче наград и положении наказаний, щедрость в допущении выражений народных благородных чувств (почтения, признательности, верноподданства, и проч.), расчетливость в расходах государственных и народная экономия, сведения по возможности основательные в законодательстве, знание законов и постановлений, разумение их, толкование и частное применение.

Рис. II-й под названием *«Синь-тху»*, – начертание сердца; имеется посреди в круге «Синь» – сердце, с двумя линиями ведущими одна к верху с табличками «ву-син-ли-ци» – дурное направление сердца, и другая к низу с табличками «шан-да-цы-вэй» – направление возвышенное. Под кругом «синь» начертаны слава: «син-чжи-чжу», т. е. объяснение свободных действий, проявлений сердца; также «синь-чжи-дао-и-чу», т. е. познание путей сердца и правил собственного достоинства.

А. Возводящие к верху пути сердца, суть: 1) «Дао-син» – познание законов, управляющих духовною жизнью сердца воли, нравственных принципов и фики, состоящих в повиновении небу, самообуздании и справедливом обращении с людьми. 2) «Цунь-тянь-ли» – все охраняющее провидение, небесный разум воздающий всем по достоинству должное, всегда бдительный и нелицеприятный. 3) "Сю-дэ" – исправление путей к оной, образование и преуспеяние в оной – "Сю-дэ", любовь к родным «ай-лэй» к жене и детям – «Ци-ну», совершение молитв с курениями Будде пред памятником у пещер (на ю.-з.) Пекина, заключающих на каменных досках, его учение (Ши-лян янь-дун). К "Сю-дэ" принадлежит также «ши-тхин янь-дун», т. е. как должно смотреть со вниманием (ши); и слушать (тхин), говорить (янь). действовать (дун); а) «Си-ну ай-лэ», т. е. выражения страстей или душевных состояний, каковы: радость (си), гнев (ну), печаль (ай), веселость (лэ). 4) "Цян-шу" – обуздание страсти или самоограничение т. е. умерщвление похоти, животных инстинктов, воздержание от самолюбия, охрана себя от опасностей уединения, самоиспытание и исповедь пред самим собою, что выражается двумя определениями «ши-фэй-хао-ву» (исправлять погрешности ши-фэй, и заменять их обратно добрыми делами, с рачительством); «кэ-фа» (строгие законы) "юань-юй" (неизменные слова, изречения мудрецов), т. е. сохранять оные и исполнять. К "Цян-шу" относятся: а) «кэ-фа-юань-юй», т. е. щадить неприятеля, врага, не лишать его жизни (кэ-фа), не роптать на кого или что (юань), не желать кого или чего (юй); б) «ши-фэй-хао-ву», т. е. положительная сторона чего (ши) и отрицательная (фэй), любовь (хао) и ненависть (ву). 5) "Э-жень-юй" букв. определять границу государства, владений, т. е. сосредоточивать все внимание и попечение на своей собственности без нарушения чужой. 6) "Гуа-юй" умаление похоти, вожделений, самоусмирение от них; давать опору "и-бу", покровительствовать "гу-вуо" – своим сиротам – или бедным безземельным князьям, бездомным, одиноким, предотвращать бедствия "Цай-ци" проистекающие от пьянства и частого посещения кабаков "Цзю-сы". К "Гуа-юй" относятся: – «И-бу-гу-вуо», необходимость быть к себе внимательным и строгим, «цзю-сы цай-ци» не должно пить вина (цзю), страстно любить кого или быть привязанным к чему (сы), избегать лишнего обогащения (цай), и гнева (це). 7) "Шэнь-ду" – быть благородным человеком, заботящимся воздавать всякому должное, для сего облегчать свое и чужое горе "Шэнь-син", высказыванием своих мыслей, чувств и астрологическими гаданиями "Син-мин", – собираться для наставлений под древом Кхун-цзы «Цзе-шэнь Кхун-цзюй», обращаться к духу бессмертного учителя с молитвою и благовонным курением пред его таблицею в его храме или просто в школе и семье, иначе – изучать со вниманием книги Конфуцзы, преуспевать в его учении. Вообще необходимо беречь свое тело (шэнь) и душу – синь. «Тот, кто ежедневно будет заботиться о нравственном самоусовершенствовании и следовать сему неуклонно в течении жизни, означенными выше способами, тот достигает в конце всего состояния святости и будет мудрым». Таково первое замечание в II-й таблице; в другом замечании содержится иное наставление: «Кто будет следовать течению в жизни противоположному, неправому, порочному тот со дня на день будет глубоко падать нравственно и в конце всего дойдет до состояния животных, или сделается нравственным уродом. Зловещая звезда будет сиять над ним и приведет к бесчисленным бедствиям».

Б. Направление сердца в дурную сторону и начертание 1) душевного человека "жень-син" под влиянием грубой материи, – «ву-син-ли-ци» подводится под два характерных признака: самоугождение или самопотворство и распущенная, развращенная совесть. 2) Руководясь "сюнь-сы" самоиспытанием, самоуглублением, человек сердечный, душевный (жень-син) находит в себе а) беспорядочные пожелания и чувствования похоти, бесстыдства, гнусной безнравственности – "тханьин", затем – б) "дай-дуо" лень, с её привычками к обжорству, пьянству, праздности или напрасной трате времени; в) "сэ-кэ-цзы", скряжничество, скупость, скарденность любостяжательность, ведущую к грабительству, наглому приобретению всякими неправдами излишней собственности. 3) «Фан-ляс-син» – рассеянное сердце, направление его в разные стороны, обнаруживается: а) в "Цзян-вэй" измене, предательстве, основанных на лести и обмане, вероломстве и лицемерии; б) в "Цзун-сы" нравственной распущенности, проявляемой в желчном стремлении к чувственным удовольствиям, гневу и сварливости, ведущих в раздорам, распри и проч.

Рис. III-й «Цау-цунь-тху», – начертание способов сохранения себя в добре и стремлении к нравственному усовершенствованию. С одной стороны это – «син-чжи-дэ», правила добродетели, которые должны быть воспринимаемы с материнским молоком, преподаваемы и

усвояемы с детства «Цзау-цы кэ-нянь», таковы: человеколюбие, гуманность (жень-дэ) и действия почтения, обряды, церемонии с их правилами (ли); с другой стороны это суть руководящие основания сердца или совести «синь-чжи-ли», златые словеса правды и закономерности «чжэнь-цзинь-цзы-чи», коих выражением служит *справедливость* (и) и *верность* (син). Посредствующее между обоими звено есть «чжи» – мудрость wisdom, understading, разумение и познание всех вещей. Итак, первая категория: А) «жень» человеколюбие, (древний иероглиф означал «тысячу сердец»), к ней принадлежит: а) «гун» свобода рассуждений с людьми, светскость, умение держать себя в обществе, public spirit с содействием общему благополучию и пользе; б) «шу» благосклонность, внимание к другим, терпеливость в отношении к ним, обхождение сообразное с способностями и свойствами людей, со всею любовью, charity, в) «Сяо» сыновнее благочестие, каким оно понимается у Конфуцзы вообще и в книге «сяо-цзин» (475 г. до Р. Х.) написанной учеником сего мудреца Цзэн-цзы. Обязанности сего благочестия суть: сяо-шунь, действия соединенные с покорностью родителям и старшим, син-сяо сердечное, искреннее повиновение им, сяо-син с сыновним сердцем преданность и расположение, се-сяо посещение и чувства благодарности в друзьям после погребения родителей; «сяо-ху хуэй-шэнь» почитание духов умерших предков, по кит. пословице «Шэнь-бао» или «сяо-сунь ю-цин», т. е. духа умерших предков радуются приносимым им жертвам, и благословляют жертвователей за сыновнее благочестие; г) «Цы» материнская любовь, нежность, милосердие, (мерсу) в обхождении со всеми детьми, призвание вдовиц, сирот, безродных, монахов и монахинь, даже бездомных и диких животных, птиц поскольку они нуждаются в милосердии и защите; д) «Кхуань» великодушие, сохранение его при всяких неприятностях и оскорблениях от людей, нежелание вредить другим и мстить, прощать и разрешать обидевших нас напрасно (Кхуань-шу), е) «Хоу» щедрость, щедролюбие (хоу-дэ – благородно, чжун-хоу – правдивый, сердечный, хоу-цзу – искренний друг, хау-дао – рассуждать возвышенно, благородно, примерять, эн-хоу – милость велика и проч.).

Б) «И» – справедливость как высшее нравственное чувство и выражающееся в сознании собственного достоинства, спокойной – нормальной совести; её спутники: а) Чжэн – прямота, правильность, твердость, непреклонность, законность; известны леу-чжэн – шесть качеств или добродетелей для чиновников: мудрость, честность, справедливость, ум, верность и прямота; говорится, что само небо устраивает правильность, правый путь – *тянь-чжу-чжэн*, у буддистов – *жу-чжэн-мынь* или *жу-чжэн-дао* – восемь истинных врат или нравственных правил ведущих в нирвану или блаженство; б) Чжи – прямо направлять, прямое, верное, истинное направление в поведении, неуклонность и последовательность; *чжи-дао* – самодоказательное учение, определенное знание; в) Тхи – действия к людям подобные младшему брату в отношении к старшему, т. е. соединенные с почтением и признанием авторитета; г) Юн – мужество, храбрость в военных действиях; д) Цзе – твердость, решительность, сила делать великими других, помогать, содействовать к тому; е) Чи – чувство стыда, стыдливость.

В. «Ли» действия почтения, церемонии, известные обряды, излагаемые в *ли-фа* или *ли-шу* – правилах и наставлениях относительно оных, таковы вообще: *ли-мау* – хорошие манеры, любезность, *ли-ти* – светское обращение, *чан-ли* – обычный этикет, *сун-ли* – подарки, *ли-бу* – молитвенный обряд, *ли-бай-тхан* – обряды в церкви, капелле, *ли-бай-сы* – в мечети и проч.; в частности: а) *цзин* – почтение, выражаемое поклонами, с известною выдержкою *цзин-чжун*, почитание духов *цзин-шэнь*, также – самоиспытание, внимание к своему поведению, б) *цзинь* – прилежность и бдительность ко всякого рода почтению и этикету, особенно тщательно соблюдать волю Провидения – *цюэ-цзинь-тянь-мин*, а также повиноваться – *цзинь-цзун*; в) *цян* – почтение соединенное с благодарностью, со смирением – *цян-сюнь*, скромностью, – *цян-цзин*, умеренностью и строгостью – *цян-гун*; г) *Жан* – ценить достойно других, быть внимательным и любезным, также *цян-жан* – смиренным и скромным.

Г. «Чжи» – мудрость, ведение, wisdom, understanding, познание вещей, благоразумие, также *чжи-ши* – знание, *чжи-моу* – сообразительность, ум, *чжи-юн* – ум и решимость, *жень-чжи* – человеколюбие и ум, *шэнь-чжи* – божественный ум, мудрость, *сянь-чжи* – добродетельный, умный, *жуй-чжи* – мудрость, *шан-чжи* – высокомудрый, *чжун-чжи* – посредственный ум, *да-чжи* – обладающий великим умом, *сяо-чжи* – малый ум, малое знание, *сы-чжи* – самомнение, *гуй-чжи* – коварные планы, замыслы, *цзе-чжи* – ум, *сы-чжи* – сомнение. У буддистов, *чжи-хуэй* – ум, мудрость, intuition, wisdom, есть pradjina, которую имеющий прямо достигает nirvana, *чжи-ши* – есть здравое рассуждение, благоразумие. В частности *чжи* есть: а) *чжи-жень* – знание людей, разумение человека, его природы и особенностей; б) *чжи-ян* – разумение, дар слова, умение

говорить, произносить мудрые изречения; в) *тхин-цун* – внимать всему, слышать (тхин) и разуметь (цун); г) *ши-мин* – ясно взирать на все, прозирать, быть прозорливым, понимать все; д) *чжи-мин* – понимать, знать, разуметь волю неба, законы, веление; е) *Цюн-ли* – в совершенстве достигать учения, познания принципов жизни, т. е. жить согласно с законами – *шэн-ли*, иметь руководством небесный разум – *тянь-ли* или провидение, у буддистов – *кхун-ли*, т. е. владеть чистым разумом. К мудрости – *чжи* вообще относится: *познание человека*, умение различить лживых, приводить в известность добродетель, удаляться порока и не позволять ничего обидного для ближнего, удалять всякую вражду между ними; *познавание природы* – необходимость её изучения, быть во всем рассудительным, разборчивым, изучать надлежит небо, землю, настоящее и прошедшее; *познавать наиболее* всего добро и зло, упражняться в добродетели и убегать зла.

Д) *Синь* – вера, верность, искренность (одна из пяти добродетелей – *ву-чан*: жень, и, ли, чжи, синь), она бывает или является как а) *чэн* – нелживая, или *чэн-чжи* – совершенная добросовестность, осмотрительность, крайняя осторожность, б) *чжэнь* – истинная, ненарушимая вера и преданность, или, в отрицательном виде, в) *бу-эрр* – лживая, или г) *бу-ци* – без обмана, искренняя, д) *Тхин-цун*, внимание ко всему по службе. Не должно однако ж, под иероглифом "*Синь*" в означенном смысле смешивать другой "*Синь*" в смысле вообще сердца; у буддистов известно классическое выражение "*ву-синь*" (в этом втором значении) по отношению к постепенному рождению мыслей и развитию мышления, сюда относятся: 1) *Шуай-эрр-синь*, первое безразличное, общее впечатление; 2) *Синь-цю-синь*, сознательное распознавание в объекте доброго и дурного, приятного и неприятного (чувственное впечатление); 3) *Цзюэ-дин-синь*, утверждение, определение доброго и дурного сознательно; 4) *Жань-цзин-синь*, явление чистого и нечистого, само собою, после предыдущего, нравственно; 5) «*Дэн-мо-синь*», нравственное, после сего толчка, течение мыслей, в тоне избранного направления.

Рис. IV-й таблицы – "*син-ча-тху*" содержит начала самоиспытания или самопознания, с правой стороны изложены "*син-чжи-э*" зло в сердце, с левой – «*шэнь-чжи-цзе*», средину занимает "*бу-чжи*" – безумие.

А. "*Бу-жень*" отсутствие человеколюбия, не человеколюбие; проявления оно: а) *жань* – многословие, лишние речи, пустая болтовня; б) *цзи* – зависть, ревность, подозрительность. Существуют два иероглифа, произносимых одинаково – *цзи*, но изображаемых различно, хотя смысл имеют означенный общий. Синонимические выражения суть: первый иероглиф: *цзи-ду*, *сянь-цзи*, *мао-цзи*, *цзи-цзи*, *цзянь-цзи* – завидовать, испытывать зависть, ненависть; второй иероглиф: *цзи-юань*, *синь-цзи* – ненависть, завидовать в душе, *шэнь-цзи* – подозревать, глубоко завидовать, *чжун-цзи* – всеобщая зависть, *це-цзи* – полная ненависть, *ду-цзи* – завидовать, *инь-цзи-юн-би* – завидовать тайно талантам и преграждать им путь; в) *кэ* – угнетать, угнетение, теснить, *кэ-бо* – оскорблять, грабить, тяжко прибить, быть вообще опасным вредным человеком, достойным всякого рода законных ограничений его злой воли и действий, таковы: *кэ-бо* – жестокий бесчеловечный, *цзи-кэ* – зависть и придирчивость, *кэ-хэ* – опасный, злой человек, *син-кэ* – оказывающий пагубное влияние на что, поэтому требуется *кэ-чжи* – подавлять, ограничивать его, противодействовать, что выражается словами "*сян-кэ*" – взаимно противодействующие стихии: металл побеждает дерево, дерево – землю, земля – воду, вода – огонь, огонь – металл, закон противодействия, реакции; г) *сы* – своекорыстие; д) *сянь* – опасность всякого рода, положений, препятствующих нравственному преуспеванию, *син-сянь-дао* – идти опасными путями, следовать дурным направлениям воли, *син-сянь* – злое сердце, недобрые чувства; е) *лянь*, ограниченность, невежество и грубость, узкость вообще и ума в частности, *пянь-син* – боязливость, трусость духа.

Б. "*Бу-и*" гадание на черепахе или по правилам, иначе – по книге *И-цзин* т. е. книге перемен; под общим же названием *ли-бу* разумеются: 1) гадание по сочетанию 5-ти стихий; 2) распознавание счастливых или несчастных циклических знаков; 3) распознавание счастливого или несчастного места для дома и могилы; 4) астрология; 5) гадание по звезде северного полюса. Прочее гадание – на черепахе и травяными стволами – *гуа-бу*, *бу-ши*, гаданием черепицы – *сяо-бу*, накануне нового года *Као-бу*, чертами по земле подобно тигру, загадывающему о направлении куда далее идти за добычей – *ху-бу*, ночное гадание – *е-бу*, гадание о судьбе государства – *сы-бу*. Иероглиф "*И*" означающий перемену и древние загадочные начертания, прилагается к *И-цзину* – 1-й книге из *ву-цзин* или пятикнижия китайских классиков. В ней излагаются перемены общего, разнообразного и многосложного движения, а

потому почитается пригодною на все случаи и случайности в жизни человека, которые объясняются и разгадываются ею; она есть плод глубокообдуманный и математически установленных начал теории вероятностей в мире нравственном и внешнем, от комбинации коих проистекает разнообразная и подвижная жизнь людей; известны три редакции *сан-и* книги перемен; *Чжоу-и* есть Ицзин редакции Чжоу, основание её 8-мь триграмм баснословного *Фу-си* основателя династии Чжоу, *Вэнь*, сделал краткие изъяснения, *Чжоу-гунь* присоединил свои, Конфуцию принадлежат общие замечания. К *И-цзин* относятся также и *вэнь-ю сань-и* т. е. три способа облегчающих изучение словесности – видеть с разумением деяния людей, иметь познание букв и свободно читать оные. Изучение *И-цзин* в обширном смысле – *сио-и*, есть царственное занятие – *сун-и*, достойное мудрой императрицы, дающее возможность ясно, легко и спокойно, познавать истину – *цзянь-и*, *чжи-и*, *пин-и*, гадать по сей книге стебельками ромашки, с бесчисленными комбинациями и свойствами предметов занимающих ум и сердце. Таковы: а) *юй* – страстное желание чего-либо, *сы-юй* – иметь самостоятельный взгляд на что или кого, *жень-чжи-да-юй* – управлять требованиями людей; б) *нун* – быть красноречивым, искусным, лстивым в слове, *нин-нинь* – тонким в обращении, политичным; в) *Лин* – любостязание, скупость, жадный, *лин-сэ* – скаред нелюбимый другими; г) *ну* – боязнь, -ливый, слабый, бессилие, -ивный, нежный, тихий; д) *юань* – ненависть, чувство отвращения, *цзе-юань* – взаимная жестокость, *юань-янь* – обидные, колкие слова; е) *бэй* – беззаконие, непокорство, строптивость, – *синь-бэй* – дух непокорства, *янь-бэй-цы-бэй*, неразумные, возмутительные речи, *тан-бэй* – чрезмерная алчность, *цзяо-бэй* – надменный, *лао-бэй* – выжить из ума, ошалеть от старости.

В. "Ву-ли" пять родов правил, обрядов и церемоний обнимающих весь круг обрядовых постановлений Китая, именно: 1) *Цзи-ли* – церемонии и обряды священные, жертвоприношения, 12 подразделений, всех церемоний 723; 2) *Сюн-ли* – церемонии печальные, похороны, подразделений 5, всех же 15; 3) *Бинь-ли* – прием гостей, свидания между князьями и проч., подразделений 8, всех церемоний 20; 4) *Цзюнь-ли* – церемонии военные, большие смотры, маневры и проч., подразделений 5, всех церемоний 18; 5) *Цзя-ли* – церемонии радостные, каковы: восшествие на престол, брак и проч., подразделений 6, всех – 74; *лу-ли* или *леу-ли* – совершеннолетие, брачные церемонии, похороны, жертвы, угощения, свидания; 6-ть свадебных церемоний: 1) *На-цай* – подарки невесте жениха в виде калыма, сговорные дары; 2) *Вэнь-мин* – осведомление об имени и фамилии; 3) *На-цзи* – подарки, приносимые невесте в знак помолвки, после гадания о будущей судьбе четы; 4) *На-чэн* – подарки невесте из материй и служащие знаком окончательного заключения союза; 5) *Цин-ци* – назначение срока свадьбы, невесте посылается при сем – *гусь*, окрашенный малиновой краской (обычай в Пекине); 6) *Цинь-ин* – поезд жениха за невестой. Согласие со стороны родных невесты и её на брак, выражается принятием подарков и предложений жениха – *шэу-ли*; *хэ-ли* – есть обычное поздравление, *на-ли* – чайные подарки невесте, *син-ли* – совершение церемонии поклонения, *шэн-ли*, *се-ли* есть подарок в знак благодарности, *чжань-ли* – совершение поклонений с жертвоприношениями на жертвеннике, в известные сроки, *дун-ли* – земное поклонение, *дун-ли* – поклонение на восток особенно почитаемый и исполняемый монгольскими номадами и соблюдаемый древними христианами Китая, коих вероучение поэтому называется *дун-цзяо* – восточная вера и поклонение. Понимать обряды, приличия – *чжи-ли*, рассуждать о церемониях – *бянь-ли*, устанавливать оные – *чжи-ли*, правильно смотреть и разуметь оные – *гуань-ли*, знать обыкновенные обряды – *юн-ли*, и мелочи – *хэ-ли*, поступать согласно с ними и безошибочно – *хэ-ли*, китайцы научаются с детства. В школах сих обрядов – *сио-ли*, занимаются упражнением в оных – *си-ли*, под руководством особых книг, каковы: 1) *Сань-ли* – три древние книги об обрядах и церемониях: *сян-ли* – деревенские обряды и церемонии, *шэ-ли* – церемонии стреляния из лука, *янь-ли* – обряды при пиршествах; 2) *Цюй-ли* – первая глава из *Ли-цзи* (кн. об обрядах); 3) *Чжэу-ли* – обрядник Чжоусской династии, составленный Чжоу-гуном. С китайской точки зрения поэтому, цивилизованным государством *Ли-ио-чжи-гэ*, признается то, которое имеет церемонии и музыку расположенные по означенным и другим книгам означенного выше рода.

Противные *ву-ли* действия человека: а) *цзяо* – самоволие, распущенность, соединенная с надменностью и своеобразием, каковы – *цзяо-ао* – спесь, чванство, *цзяо-шэ* – своевольная роскошь, *фэнь-цзяо* – необузданность, неукротимость, *цзеу-цзун* – высокоумие; б) *ван* – глупость, безрассудность, невежество, выражающееся в *Куан-ван* – бешенстве, в непристойном поведении – *ван-цзуо ван-вэй*; в) *Цу* – грубость, суровость в обращении с людьми, буйство; *цу-су-жень* – грубый, необразованный человек, *цу-син-фу-ци* – светский вертопрах, бездельный; г) *Чи* –

пристрастие, чрезмерность, -ный, *чи-мэй* – расточитель, мот, роскошь, *хао-чи* – надменный, *шэ-чи* – расточительный.

Г. *Бу-чжи* отсутствие мудрости, недостаток благоразумия и знания, коему свойственны: а) *хунь* – глупость, мрак, темнота, *хунь-мэй* – совершенная непонятность, невразумительность, *хунь-ань* – совершенная тьма, *ли-юй-хунь-синь* – скупость – слепая страсть души; б) *цянь* – поверхность знания, сквозной, блещущий; мишурный, *цянь цзинь чжи тху* – поверхностный ученый; в) *Цин* – неправо суждение, суэта, пренебрежение, *цин-бао* – непочтительный, неблагоразумный; г) *гу* – грубый, деревенский, застарелый (в предрассудках), *гу-чжи-бу-тхун* – неподвижный, строптивый, умственно-тяжелый к переработке впечатлений, глухой, невнимательный; д) *лоу* – низкий, грязный, вульгарный, невежественный, безобразный, достойный презрения, *лоу-но* – тупой, неповоротливый, *цзэ-лоу* – низкий, из черни, неизвестный, *цин-лоу* – безобразный, *гу-лоу* – ограниченный, односторонний, *цзянь-лоу* – неспособный, ограниченный, *цу-лоу* – грубый, невежественный, *юн-лоу* – глупый, *мао-лоу* – безобразный лицом, *чоу-лоу* – безобразный, *лоу-жень-цзы* – простак.

Д. *Бу-син* – верность, вера, доверие, она есть – *синь-дэ*, вера, *ду-синь* – непоколебимая вера, *Я-синь* – доверие, и наоборот – *мо-синь*, недоверие, *ши-синь* изменчивость. Прочие относящиеся виды положительно-отрицательные: а) *фу* – доверие, доверять, *цзянь-фу* – быстро возбуждать доверие, *цзяо-фу* – взаимное доверие *юань-фу* – доверие отдаленных стран, *чжун-фу* – взаимное доверие, одна из диаграмм Ицзина, *шунь-дэ-фу* – доверие вызванное покорностью; б) *Цзяо* – ложный, обманчивый, подложный, ложь обман, насилие, злоупотребление; *цзяо-чжи* – подложный указ, *цзяо-жоу* – фальшивить, *тай-цзяо* – увертливый, упрямый, *яо-цзяо* – кривой, самовольный, *ци-цзяо* – необыкновенно хитрый; в) *Ци* – обогащение насчет других злонамеренно, *ци-син* – крепиться сердцем; г) *Цзюе*, лукавый, -ство, фальшивый, лицемер, обманывать; *цзюе-цзянь* – давать не прямые ответы, *юй-цзюе*, извилины, кривизны, *цзяо-цзюе* – извилистый, хитрый, *гуй-цзюе* – тоже, *чжэн-цзюе* – прямой и лукавый, *цяо-цзюе* – искусный, хитрый, *цюань-цзы* – хитрый, лукавый.

Представив объяснение системы Да-сюэ. отчасти при помощи кит. русск. словаря о. архим. Палладия предлагаем при сем и самую схему с 4-мя отд. на особом листе (Табл. № VII-й – см. рис. на стр. 966 оригинала).

Придавая значение обрядам и церемониям под рубрикою "*Бу-ли*" (IV-я табл.). Конфуцианская система мудрости (Да-сюэ) восполняется специальными собраниями разных о том рассуждений и уставов, содержащихся главным образом в «*Ли-цзи-цзин*» и прочих обрядниках, – "*Ли-бай-шу*" и разных комментариях к ним, имеющих вспомогательное значение. Книги сего рода, замечательные по древности и общенародному распространению, проникают все существо личной и общественной жизни китайца. Император Канси говорил своим детям: "*Ли-цзи*" (цзин) или национальный обрядник есть книга драгоценная; она заключает в себе источник великих деяний, начала счастливого преобразования народа. Соблюдением правил этой книги должны отличаться государь от подданного, высший от низшего; с исполнением же обрядов в поведении и действиях достигается добродетель требуемая небом от человека и приводящая его к совершенству. Соблюдением правил и обычаев «*Ли-цзи*», при отправлении общественных дел, может создаваться превосходное и совершенное для государя правительство; и Конфуций говорил: – «не изучающий (невежда) не может ничего достигнуть». Китайцы справедливо убеждены, что исполнение обязанностей и правил этикета национального ослабляет и преобразует к лучшему естественную суровость ума, внушает нежность, поддерживает мир и добрый порядок как в семье, так и в государстве. Китайские благовоспитанные юноши могут справедливо похвалиться благоразумным исполнением мудрых правил сего рода, и усвоением оных с раннего возраста; сказать поэтому китайцу, что он не знает обрядов национального этикета, значит нанести ему весьма тяжкую обиду в самое сердце. За исполнением этой обрядовой, церемониальной стороны жизни китайцев, следит и заведует особое министерство или – трибунал императорских обрядов и церемоний – "*Ли-бу*"; всякого рода перемены и нововведения в обрядах обсуждаются серьезно членами сего трибунала и составляются соответствующие распоряжения, которых строгость простирается иногда и на иностранцев, напр. в случаях их аудиенции пред лицом императора. Нравственно-национальная и государственная личность китайцев обставлена столь высоко соответственно возрасту, званию, положению, достоинствам ума и чести, что представляет неподражаемый для других пример, если вникнем во все мелочи, смысл и значение разных обрядов и церемоний, в стимулы и

начала, коими проникнуты составители обрядов и исполнители этикета. Французский ученый Peryu и русские о. арх. Палладий, о. Иакинф и С. М. Георгиевский в своих трудах о Китае – языке, принципах, и обычаях, представляют очень много подробностей касающихся национального и государственного этикета, из коих для нас особенную цену имеют все благородные выражения достоинства личности человека, каковы имена, прозвища, школьные, ученые и официальные титулы, приветствия, поклоны, формы письменные и им подобные. На самом китайском языке народная литература по сему предмету чрезвычайно богата разного рода частными правилами и наставлениями и сборниками более или менее многосложными и подробными, представляющими или дословное воспроизведение текстов из классических книг – "Цзинов" и "Шу", или дополнения к оным, заимствуемые из обычаев самого народа, записываемые и составляемые учеными китайцами на языке обыкновенном разговорном, известных диалектов. Таким образом, законодательство и творчество мудрецов древних становясь достоянием народных масс, получает в свою очередь своеобразные оттенки в практическом приложении и усвоении принципов конфуцианских и классических, и законодательства государственного. Наставления государей императоров, правительственные замечательные распоряжения и постановления, тоже заносимые в народные сборники, дают особенную устойчивость, силу и благоразумие народу, извлекающему из оных для своей жизни и разнообразных отношений все потребное.

§ 79. Нравственно политические черты китайского императора, лиц правительственных и частных (на основании классических цзинов), титулы, вежливые названия и приветствия

Значение для человека принадлежащего к известной семье, роду, племени, государству, смысл слов – «тянь-цзы» сын неба, «чжун-го жень» – китаец, «сяо-цзы»; названия столичных городов китайских государей как главных пунктов семейно-политической формации народа; лицо императора в его типическом очертании по Шу-цзину и Ши-цзину, десять основных его признаков: 1) характер государя, 2) первосвященнические обязанности, 3) выбор достойных министров и вообще правительственных лиц, 4) искусное управление народом посредством мудрого законодательства и статуты, 5) неуставная забота и бдительность о благе народа, 6) попечение о народном воспитании и просвещении, 7) и о земледелии, 8) общественные работы и назначение особого министра, 9) частная ревизия государства лично и посредством особых ревизоров, 10) справедливость во власти судебной – Степени китайского наследственного дворянства, чинов гражданских и военных, их названия, знаки отличий и костюм – Народ, его образование из «ши», «син», «цзя» с их подразделениями и способом счисления (десятки, сотни, тысячи, знамена), названия семейные и прозвища (юй-пин, сяо-мин, цзы-бэй, шу-мин, цзы-хао, чи-чжан), посмертное имя и таблица (лин-вэй, мяо-хао) – Вежливые обращения, учтивые приветы и действия, поклоны и виды, разные случаи и примеры

В дополнение к конфуцианской этике находим полезным предложить вкратце некоторые подробности, имеющие весьма важное и существенное значение в установлении понятия о личности китайца.

А. Каждый человек есть сын известной страны, местности, народа, племени, рода, семьи, имеет и свои отличительные особенности по званию, служению, известному положению, достоинствам, возрасту, цензу; все это вместе взятое вращается на имени, прозвище, титуле личности. Китаец особенно тонок и чуток во всех определениях, которые любит придавать себе и чрезвычайно ценит, по мере своего развития, образования и служения людям, начиная со своего семейства, кончая государством. Если императору – наивысшему лицу и представителю своего народа, усвоится титул «Тянь-цзы» «сына неба», то каждый подданный дорожит названием «Чжун-го жень». т. е. человек срединного государства, – Китая, с присоединением имени своего государя или династии; в классических книгах чаще всего каждому китайцу усвоится проименование «Сыновий сын», т. е. сын государев, его верноподданный, или "Сяо-цзы", "Эрр-цзы". Специальная книга, определяющая сего рода политически-семейные отношения есть "Сяо-цзин" с присоединением имени своего государя или правящей династии.

Самые названия царствующих династии Китайской империи, столичных городов, где имели они резиденция (по древнему и новому означению) суть следующие, за разные годы: 1) дин. «Цянь» (349 г. до Р. Х.), столица «Сянь-ян», современный город Си-ань-фу; 2) дин. «Хань» (200 г. до Р. Х.), стол. «Чан-ань», совр. г. Си-ань-фу; 3) дин. «Восточн. Хань» (25 г. по Р. Х.). стол. «Ло-ян», совр. г. Хо-нань-фу; 4) дин. *трех государств* (221 г. по Р. Х.), стол. «Чжен-ту», совр. г. Чжэн-ду-фу; 5) дин. «Ву» (221 г.), стол. «Ву-чан», совр. г. Ву-чан-фу; 6) (тоже 222 г.) «Цян-нэ», совр. г. Цян-нин-фу или Нань-цзин (Nan-king); 7) дин. «Вэй» (ок. 225 г.) стол. «Бу-чоу», совр. г. Чан-дэ-фу; 8) *Западн. Циньская* дин. (280 г.) стол. «Ло-ян», совр. г. Хо-нань-фу; 9) *Восточн. Циньская* дин. (317 г.), стол. «Цянь-е», совр. г. Нань-цзин; 10) дин. «Суй» (582 г.), стол. Си-ань-фу, совр. г. того же названия; 11) дин. «Суй» (589 г.), стол. «Чан-ань», совр. г. Си-ань-фу; 12) дин. «Тан» (168 г.) стол. «Чан-ань», совр. г. Си-ань-фу; 13) та же дин., стол. «Ло-ян», совр. г. Хо-нань-фу; 14) дин. «Сун» (960 г.), стол. «Бянь-лян», совр. г. Кхай-фын-фу; 15) дин. та же, (1129 г.), стол. «Линь-ань», совр. г. Гань-чжоу-фу; 16) дин. «Ю-ань» (1262 г.), стол. «Янь-цзин», совр. г. Шунь-тянь-фу или Бэй-цзин т. е. Пекин; 17) дин. «Мин» (1368 г.), стол. «Цян-нин-фу», совр. г. Нань-цзинь (Nanking); 18) дин. «Да-цзин» (1421 г.), стол. «Бэй-цзин» или Пекин. Таковы все исторические центральные пункты собственно Китая где формировался политически народ китайский в единое государственное тело, с преобладающим культурным влиянием расы собственно китайской; прочие национальности, племена и княжества примкнувшие в разные периоды времени доселе еще сохраняют свои особенности в складе политическом, языке и письменах, нравах и обычаях, хотя понемногу и подчиняются внешне китайцам, и усваивают

внутренние плоды их умственно-нравственного развития и политического, но стараются сохранить свою индивидуальность и особность.

Принимая во внимание принципиальный взгляд на общее убеждение китайцев и сильное верование в идеальную нравственную и политическую личность человека, обнаруживающуюся в особе государя императора, правительственных чинов и представителей семейно-родовых союзов, также – мелких князей и подчиненных княжеств, предлагаем обзор характерных признаков сей идеальной нравственно-политической личности. Основанием сей характеристики избираем классические китайские книги и примеры исторические. Пользуемся о сем предмете извлечением из *Chin. Recorder*, (vol. IX, 1878 г. p.p. 29–49) под заглавием «*The theocratic nature of the Chinese Government, and the principles of its administration as stated in the Chinese classics*» by Inquirer. Основные положения автора те, что обоготворяемые небо, земля и предки императорского дома, составляют государственную религию китайцев, доказательствами служат цитируемые в значительном количестве места из китайских классиков, обрядников, императорских эдиктов и исторических фактов. На основании оных, китайское правительство есть феократическое, коего высшим управляющим божеством служит Небо, его законами и волею совершается все в государстве. На стр. 418 Шу-цзин читается: «Великое Небо создавшее срединное государство с его народом и территорияей, управляет царями, дарует нам наших настоящих государей, употребляет их добродетель для произведения приятной гармонии среди народа, склонного к обольщению, в руководительстве оного и исправлении нравов; мы поэтому счастливы тем, что имеем государей, получающих непосредственно свое полномочие от самого Неба». На стр. 497 читается: «Небо, должно быть признаваемо и почитаемо как истинный господин народа, по его избранию и воле знаменита и славна была династия Танов, Небу неугодны были государи Ся и потому они скоро пресеклись».

Означенные положения классических книг, автор подтверждает действительными примерами китайской истории. В Шу-цзине существует не мало указаний на то, что государи Китая признавали над собою во всем абсолютный контроль Неба, коему они повиновались и доселе повинуются. Великому Ю наследуя престол Шунь, говорил: «твоя добродетель император обширна и постоянна; подобным будучи (небесному) мудрецу, благоразумный, вдохновленный в молитве, ты обожаем за все свои совершенства. Великое небо милостиво взирая на тебя исполняет во благих желания твои; неожиданно для себя, ты вдруг сделался повелителем и государем империи, заключенной в пределах четырех морей». Наоборот, государи династии Ся, прогневавшие небо, становятся нелюбимы народом, вооружается как бы сама природа произведением беспорядков, и потому эти государи скоро угасают, «Шан-ди» оскорбленный беззакониями, – строго наказует их и самый народ». Почитая небо отцом своим и землю матерью, китайские государи усваивают поэтому себе и титул «сына неба»; такими чертами они характеризуются в Шу-цзине и Ши-цзине. Путь, коему следуют цари, описывается как «*Тянь-дао*» – путь Неба, т. е. истины и добродетели, ими они руководятся и в отношении себя лично и в управлении народом; все зависят от «*Тянь-мин*» – воли Неба, в событиях внешних и внутренних истории Китая. Поэтому, когда совершаются несчастья в мире, то значит Небо оставляет его; в Ши-цзине поэт восклицает: «О небо, лазурное небо! Воззри на несчастный род людей! Сжался над его бедствиями! О все вы, кои злобно клеветаете и оскорбляете Небо, ужели думаете ускользнуть от правосудной руки его?» Государь поэтому, как непосредственно уполномоченный самим Небом вести народ в добродетели, более нежели другой кто подпадает гневу небесного величества за свою несправедливость и беззакония. Настоящий государь поэтому есть всегда богобоязненный, благочестивейший и боголюбивейший. «Чти Небо, ходи со страхом пред лицом его, исполняй его царственные веления» – таков принцип, коему должен следовать государь, его законное правительство и им подчиняться народ. Все законы и постановления, церемонии, обряды, совершенные в государстве – носят небесное происхождение и авторитет, и в этом заключается могущественный стимул к их исполнению. Обязанности, исполняемые государем и характеризующие его личность, суть следующие десять основных:

1. Император есть личность совершенная по характеру и поведению, царственное совершенство его обнаруживается в приобретении всякой добродетели и доведении себя до возможного совершенства, умственного и нравственного, он должен быть образцом для народа. В Шу-цзине о царственном совершенстве сказано (стр. 328, 329): «государь должен стоять на высочайшей степени величия, в нем концентрируются пять источников блаженства, распространяемых им для блага любимого своего народа; заботься (всякий государь), чтобы и

толпа народная не была чужда твоему совершенству. Простонародная невежественная масса будучи сама по себе неспособна к законному самоуправлению, нуждается поэтому в людях официальных, которые бы в своих распоряжениях и комбинациях, руководились постановлениями своего государя; и в сем заключается высочайший пункт совершенства его величества». «Император должен постоянно думать о своих обязанностях и возделывать пространное и благородное сердце» (473 стр.); далее он увещевается к сохранению и сознанию своего достоинства. «Старайся прежде всего проявлять собственное достоинство и честь: затем – будь в согласии со всеми твоими ближними; защищай наконец свой царствующий дом. Народ, взирая на сии совершенства, обязан по возможности, соразмерно со своими силами, – подражать своему государю. «Исполняя волю своих предков, действуя согласно с нею, император должен быть живым портретом их добродетели, доблестей и славы» (стр. 532).

2. Другая величайшая обязанность государя – быть первосвященником в совершении жертвоприношений и служению небу, земле, и царственным предкам, в зимнее и летнее солнцестояние и также – при прочих специальных случаях разным богам – духам. Об императоре Шуне говорится в Шу-цзине (р. 33–35), что он приносил жертвы, по обычаю, Шан-ди, затем – шести достопочтенным единицам, и далее – воздавал подобающие почести горам и рекам». В Инь написано (стр. 199): государь всегда устремляет свои очи на небо, беспрестанно молится ему и приемлет светоносные наставления и вразумления, служит и повинуетя духам (шень) высшим и низшим (ци), богам земли и зерен, в храме предков; все совершает с величайшим благоговением. «Небо внемлет сей добродетели и не замедляет вознаграждать своими щедрыми милостями». Следуют засим указания на разные виды благочестивого культа разных императоров (р.р. 309, 287, 457, 286, 214, 259).

3. Третья обязанность государя императора состоит в назначении опытных и достойных чинов для служения с ним и участия в правительственной администрации. В древности чинов было шесть (т. е. шесть министров), каждый с соответствующим кругом обязанностей (р. 528–30, 262, 180, 316, 456, 511). Смысл всех мест в классических книгах тот, что государь должен избирать для себя опытных, просвещенных министров и прочих чинов, ему преданных, благочестивых, любящих народ и добродетель, ревностных и бдительных в служении царю и отечеству, что в этом только и заключается спасительная гарантия правительства, его кредита от народа и постоянного, неизменного авторитета.

4. Четвертая обязанность, возлагаемая на императора, состоит в искусстве управления народом посредством статуты империи, согласно с основными её законами; сим устраняется личный произвол и деспотизм как самого государя, так и всей администрации. Государственные чины являются «стражами законов, прочие – исполнителями, ибо природа сих законов определяется их небесным происхождением, а исполнение условливается повиновением беспрекословным постановлениям государей», (р. 271). О Чоу, государе Шан, говорится, что он посылал от себя (в разные части государства) ответных инструкторов и стражей; что «с ветрами он разносил повсюду статуты и уголовные законы» (р. 295).

5. Пятая обязанность наиболее часто встречающаяся в жизни правителя народа состоит в неустанной заботливости и бдительности о благе его. Император Шанской династии говорит (р. 234): «Издревле, мои царственные предшественники заботились об одном, чтобы все касающееся народа подвергалось самому тщательному исследованию, дабы поддерживалась непрерывно взаимная симпатия народа и государя». В другом месте (Кн. Ся) говорится: «Уроком нашего великого предка было: чтобы народ был любимым предметом заботливости, не был покидаем на произвол никогда; народ – это корень страны, когда он крепок и силен, той государство будет спокойно» (р. 157). «Небо любит народ, и государь должен почитать ум небесный» (р. 290).

6. Шестой обязанностью государя должно быть попечение о народном просвещении и воспитании. Сюда относятся разнообразные постановления и распоряжения правительственные касательно начальных школ и коллегий; министерству народного просвещения принадлежит видная роль в сем великом деле. Государь Чоу отзывался так: «Небо для покровительства народу дает правителей, prepares из них учителей для того, чтобы они, при помощи Шан-ди содействовали спокойствию и счастью империи во всех четырех частях её» (р. 286). Основатель династии Чоу говорит, что «он дает большое значение предметам народного образования, дабы исполнялись надлежаще обязанности пяти отношений общества, совершались церемонии и жертвоприношения, по уставу» (р. 316). Система правительственных инструкций народу о его

образовании и правилах в жизни, доселе поддерживается правительством Китая; из них наиболее известны XVI наставлений императора Канси своему народу. Пять отношений коренных, которые устанавливаются для народа в государстве, суть – правитель и подчиненный или государь и подданный, отец и сын, муж и жена, братья к братьям, друзья к друзьям, все их действия направляются к доброму порядку, миролюбию и счастью. Эти отношения, законы их, даруемые самим Небом, должны оберегаться государем для благополучия народного.

7. Седьмою священной обязанностью императора есть попечение о земледелии и поощрении ими занимающихся подданных. Земля есть величайший источник народного богатства, доставляющая и капитал самому государству на его нужды и расхода. Интересы земледелия нарочно вручаются особому министерству, которое издревле принимает все мероприятия к процветанию и успехам этого отдела национального хозяйства. Министр земледелия обязан поэтому водворять или поселять четыре класса народа на участки земли каждому назначенные и затем регулировать временами года для получения возможно больших выгод с обрабатываемой почвы» (р. 350). Царь Вэнь сам подавал пример «в земледелии и умолял всех к ревностному подражанию его примеру, успокоение и благополучие государства поставлял в занятии хлебопашеством» (р. 469). Все императоры следовали покровительственной системе земледельческих работ и сами подают истари пример первой полевой запашки в особой весенней церемонии, заканчиваемой жертвоприношением богам зерен и плодородия; самые экзамены в народных школах и занятиях классиками рассчитаны на такое время, чтобы не подрывать земледелию.

8. Важным дополнением попечения государя о народном земледелии служит и деятельность особого министерства работ в устройении в улучшении путей сообщения почтовых, военных, торговых и обыкновенных, для сношения подданных между собою и с иностранцами. Сюда относятся – система орошения полей, устройство канав и дорог, водяных каналов, исправление самых бассейнов, улучшение горных дорог и тропинок, и проч.; поэтому, тщательно размежеваны и нанесены на карты девять китайских провинций, с означением удобных пахотных и плодородных участков, определены горные возвышенности и речные низины, – количество налога на известные участки и способы взимания подати» (р. 3). В каноне Шуня говорится, что «он избрал, с начальником четырех гор, особых лиц для открытия всех дверей сообщения между двором и империей, и сам заботился о том, чтобы все лично обзирать и выслушивать» (р. 41). Для правильного порядка в стране Шунь определил помощниками министру работ несколько лиц; один заведовал *водою и землею*, другой надзором за *рынком* (т. е. торговлей, правильными весами и мерой), третьему поручено только *возделывание земли* со всеми улучшениями (р. 113). Далее говорится, что «подобный порядок был введен во всех девяти провинциях и каждый участок земли имел своих хозяев и обывателей; горы и холмы украшались зеленеющими лесными деревьями и растительностью, где приносились и самые жертвы; источники водные окаймляли серебристыми струями обширные пространства возделываемой земли; рынки были полны лодками, товарами и народом, со всех четырех морей был открыт доступ в столицу» (р. 141). Из путей водяных, исполненных под надзором и стараниями министерства работ служит огромный канал от г. Ганчжоу до самой столицы.

9. Император должен знать вполне и совершенно состояние своего государства, а для этого чаще ревизовать законы, их исполнение, следить за правильной администрацией, народною нравственностью, трудолюбием, просвещением и прочими предметами, от коих зависит благосостояние народа. Император – Шунь во 2-й месяц года производил инспекцию, восточной части государства, также как Дай-цзун приносил жертвы небу со всеожжением, равно духам гор и рек; в 5-й месяц он делал подобный обзор южных частей и гор, соблюдая те же церемонии; в 8-й месяц также трудился в обзоре западных частей и гор, а в 11-й месяц северных частей и гор. Возвратясь в столицу, он отправлялся в храм предка-земледельца и приносил ему в жертву пирог». Чрез каждые пять лет регулярно производилась вся ревизия государства с личной аудиенцией при дворе подведомственных князей и вельмож. Каждый из них будучи представителем своего местного управления, рапортовал о своих делах словесно пред государем. Таким образом, все действия провинциальных властей становились определительными, без обмана. За свои заслуги и усердие, достойные чиновники награждались телегами, упряжью с лошадьми и одеждами» (р. 35–37). В книге Чоу говорится, что «государь этот привел мириады областей империи к мирному благополучию; он лично обзирал податные земли от Хоу и Тянь; наказывал всех начальников, которые не хотели представляться ко двору;

заботился вообще о вспомоществовании миллионам народу» (р. 522). «Чрез каждые шесть лет начальники пяти земель, обложенных податью, должны были представляться ему. На второе шестилетие, сам государь лично производил инспекцию государства, в течении четырех времен года обозревал постановления и измерял горные места в четырех пунктах. Князья ожидали его каждый на своей горе удела, все распоряжения и мероприятия совершались с великим умом» (530).

10. Немаловажную заботу императора составляет наказание преступлений по требованиям и руководству действующего законодательства и разуму власти судебной. Эта деятельность поручена министерству уголовному «Син-бу», – «министру уголовных наказаний и преступлений», «он следит за всеми противозаконными и вредными действиями в государстве, изыскивает тайно и самым тщательным образом виновных, наказует угнетателей и нарушителей мира» (р. 536). Подлежащие наказанию преступления констатируются так: «Всякий, кто из народа, совершает преступные деяния, грабеж и разбой, воровство, гнусную измену, убийство человека, всякого рода завладение и насильственное отнятие чужой собственности, при сем не боящийся смерти, заслуживает отвращения и наказания. Таких преступников, как самых главных, нужно всячески убегать и страшиться; самими позорными за ними следуют не имеющие сыновнего благочестия и братолюбия; сын, не почитающий должно своих родителей, крайне уязвляет их любящее сердце; таков и отец вместо любви ненавидящий сына, также – младшие братья не думающие исполнять волю неба повиновением старшим братьям, таков и старший брат, обижающий младшего. Всякий желающий поступать согласно с правительством, и не составляющий партий ему противных, обязан преследовать действия нарушителей законов, даруемых Небом, дабы они не извращались ко вреду всех.

Б. *Степени наследственного дворянства, чинов гражданских и военных, с их названиями и знаками отличий.* Нигде в мире, как в Китае, не ценятся так высоко государственная служба и с нею лично соединяемые права и преимущества, переходящие нередко в наследственные, добываемые трудным путем прежде всего с ученых степеней нами выше рассмотренных. Этим, китайцы достигают огромного политического значения для народов и племен, составляющих обширную империю, поставленных в необходимую от китайской расы зависимость и почти невозможность дойти путем самостоятельного развития на других языках сверх китайского, и равноправного владычества, сверх очерченных пределами национальных привилегий; маньчжуры и монголы более силою оружия, в лице своих императоров хотя и достигли завоевания Китая, но культурно сами подчинились его влиянию и почти переродились наполовину в китайцев, если не в целом народе, то в правительственных лицах и дворянском сословии. Образовался оригинальный дуализм во власти, доселе продолжающий свое существование, и маньчжурский язык отчасти с монгольским имеют свое политическое значение по образцам китайского творчества, с сохранением вместе с тем особенного обличия и типа в национальных достоинствах и титулах, правах и привилегиях, даруемых от соединенного китайско-маньчжурского и монгольского правительства. Религиозно-политическое влияние буддизма и ламаизма, магометанства, на племена и народности им подпадающие, в государственном отношении, стоит в зависимости от китайской высшей силы, какою она сформировалась по началам конфуцианским. Законодательный, мирный, творческий гений китайцев в собственном смысле подчинял силою мудрости и справедливости воинственные народы и еще искуснее воспользовался феократическим их строем под знаменем единого и высокого государства, охраною его правительства, заслужившего кредит и оказывающего покровительство своим подданным. Китайская родовая знать (hereditary nobility) *ши-цзюэ* (chueh) состоит из девяти чинов, с двумя подразделениями (фэн-цзэн) каждый: I. *Гун*: 1-я степень *гуан-лу да-фу*, 2-я степень – тоже; II. *Хоу*: 1-я ст. *цзу-шэн да-фу*, 2-я ст. *дун-фэн да-фу*; III. *Бай*: 1-я ст. *дун и да-фу*, 2-я ст. *чжун-и да-фу*; IV. *Цзы*: 1-я ст. *чжун-сянь да-фу*, 2-я ст. *чао-и да-фу*; V. *Нань*: 1-я ст. *фэн-чжэн да-фу*, 2-я ст. *фэн-ши да-фу*; VI. *Цзин чэ ду-вэй*: 1-я ст. *чжэн дэ-лан*, 2-я ст. *ю-линь лан*; VII. *Ци ду-вэй*: 1-я ст. *вэнь-линь-лан*, 2-я ст. *чжэн ши-лан*; VIII. *Юнь ци вэй*: 1-я ст. *сю-ци лан*, 2-я ст. *сю ци цзо лан*; IX. *Энь чжи вэй*: 1-я ст. *дэн ши лан*, 2-я ст. *дэн ши цзо лан*. Женские титулы жен означенных девяти чинов: 1. *И-пинь фу жень*; 2. *Эрр пинь фу жень*; 3. *Шу жень*; 4. *Кун-жень*; 5. *И-жень*; 6. *Ань-жень*; 7. *Жу-Жень*; 8. *Па пинь жу-жень*; 9. *Цзю пинь жу жень*.

Знаки чинов на парадном платье китайских военных (офицеров) и гражданских чиновников. Гражданские чины 8-го ранга обыкновенно носят форму 7-го ранга; а 10-го ранга носят форму 9-го. Наружные знаки чинов следующие: А – для военных и морских по классам: 1. Китайский

баснословный единорог – ци-лин; 2. Лев (Felis leo) – «ши-цзы»; 3. Тигр (Felis tigris) – «ху», 4. Леопард (Leopardus Japonicus) – «бао»; 4. Черный медведь (Helantos Tibetanus) – «сюн»; 6 и 7. Leopardus Mocroceloides – «бяо»; 8. Тюлень или нерпа (Phoca equestris, Pattas) – «хай-ма»; 9. Rhinoceros soudaicus – «сю-ню». Б. – для второго, гражданского ранга; 1. Маньчжурский журавль (Grus montignesia) – «сянь-хо»; 2. Золотой фазан (Thaumalea picta) – «цин-ши», 3. Малайский павлин (Pavo muticus) – «гун-цио»; 4. Дикий гусь (Anser Ferus) – «юнь-янь»; 5. Серебристый фазан (Euplocamus nychtemerus) – «бай-сянь»; 6. Малая белая цапля (Egretta garzetta) – «лу-сы»; 7. Лиственный лазун, (Leat walker, Hydrophasianus chirurgus) – «си-ши»; 8. Перепел (Coturnix dactylisonans) – «янь-чунь»; 9. Сизая сорока (Cyanopica cyana) – «лянь-цио»; 10. Иволга (Oriolus Chinensis) – «хуан-ли».

Гражданские должностные лица с их значками – шариками на шляпе и вышитыми нагрудниками с изображением эмблем достоинства суть: 1) вице-король «лю-шау, сюнь-фу, фу-тай», имеет красный коралл, и золотого фазана; 2) губернатор – «ку-да-ши», им. красный коралл и золотого фазана; 3) казначей им. красный коралл и золотого фазана; 4) уголовный судья им. прозрачный голубой шарик и павлина; 5) окружный интендант им. темный голубой шарик и дикого гуся; 6) префект – (тоже); 7) субпрефект им. хрустальный шарик и серебряного фазана; 8) окружной судья (magistrate) имеет золотой шарик и изображение птицы баклана; 9) окружной ассистент им. золотой или золоченый шарик и перепела.

В. Обращаемся к господствующему элементу народа.

Древнейшее этнографическое деление китайцев образовалось из ста синов, "бэй-син" или «бэй-цзя-син», сто племен, т. е. родовых государственных единиц, поэтому, первым отличием служит принадлежность такому-то а) «сину», имеющему свое название; другое означение указывает на древнейшее понятие, б) «девяти поколений» слагавших Китай. Оба понятия "бэй-син" и девять поколений "цзю-син" приемлются для означения всего народа китайского. Имена родовые и племена при Сунской династии внесены в особую книгу «бэй-цзя-син», сохраняющую свою силу и доныне; каждый китаец дорожит этой книгой, по ней любит справляться о своих родных и доходит до древних предков, им почитаемых. Где бы ни жил китаец, сознание своего «сина» всюду носит с собою и хранит при себе, как святыню. В самом основном делении китайских подданных на семейства наблюдается следующий порядок. Каждый дом семейства имеет *табель* называемую *воротною*, в коей означает число лиц, проживающих в доме. Десять домов составляет десяток – *пхай*, управляемый десятским – «пхай-тхэу». Десять десятков составляют *сотню* – *цзя*, имеющую сотника – *цзя-чжэн*. Десять сотен составляют *волость* – *бао*, имеющую управителя – *бао-чжэн* (тысяченачальник). Для охраны народа и территории китайское государство имеет войска регулярные, кои делятся на *восьми знаменные* – *бао-ци дин*, состоящие из маньчжуров, монголов и маньчжуро-китайцев, другие только из китайцев *зеленого знамени* – *Цу-инь-бин* для внутренней и внешней стражи; для Туркестана и Тибета посылаются *особо*. Военный штат имеет свое управление, порядок жизни и дисциплину. Когда угрожает пресечение рода – «сина», тогда китайцы прибегают к его восстановлению посредством усыновления из другого сина или брачных союзов с допущением в него монголов, маньчжуров и других; в) Каждый «син» будучи уподобляем стволу растущего дерева – *бэнь* имеет отростки – «*чжи*», от главного корня – «*ши*»; женщины, посредством брака выходящие из своего «сина» в другой – по мужу, считаются отрывающимися от своего родного древа или главной его ветви. После «сина», названия «*цзя*», и «*ши*» остается за личностью в её титуле; г) Для новорожденного дитяти нередко родители или родные и друзья избирают особое имя, – *молочное* (юй-пин) или *малое имя* «сяо-мин»; например для мальчиков «*цзин-син*» – спокойное, чистое сердце, «*чунь-юань*» – начало весны; для девочек «*хунь-ю*» – красный, «*фу-инь*» – старшая из дочерей. Иностранцам может даваться имя только при крещении, если это христианское семейство; это – «*бо-мин*». При многих членах семьи, дети, в отличие по возрасту получают числовое имя; например: «*да-гэ*» – старший брат, «*эрр-гэ*» – второй брат, «*па-гэ*» – восьмой брат, или «*да-гу*» – старшая сестра, «*эрр-гу*», – вторая сестра «*леу-гу*», – шестая сестра; об отце говорится – «*де-де*», о матери – «*ма-ма*», о старшем брате «*гэ-гэ*», о старшей сестре – «*цзе-цзе*», о младшей – «*мэй-мэй*», о двоюродной – «*сау-сау*»; д) Известное семейство, слагающееся из многих членов, нередко составляет свой семейный сложный цикл или цепь имен – «*цзы-бэй*», в нем может быть до 20-ти букв или иероглифов в таком порядке 1-й знак соответствует отцу и всем его братьям родового «сина»; 2-й знак усваивается сыновьям и двоюродным братьям и так далее. е) При поступлении в школу, за мальчиками или девушками усваивается имя семейного цикла по

порядку рождения, это есть *"Шумин"* доброе, школьное имя. Пример сложного цикла из 8-ми знаков: *сэнь-юн-хун-цзи-цзю-ся-чан-дау*. ж) По достижении двадцатилетнего возраста юношей, совершается особый торжественный обряд *надевания шапки* (мао-цзы), при сем дается особое имя *"Цзы-хао"*, т. е. хорошее, счастливое, ставящееся на втором месте после семейного, и потому называемое еще *"чи-чжан"* и употребляемое на визитных карточках. з) Для лиц знаменитых, славных подвигами, ученых, добродетельных, государей, министров и других лиц достойных чести, особенно предков, родителей, после их смерти, усваивается особенное имя *"хуэй"*; оно начертывается на особой табличке – *"лин-вэй"*, служащей местом для души почившего, и ставится в храме предков с прочими таблицами или в особом отделении дома, тогда хранимом в ящике, ковчеге сего рода таблиц. Это *«посмертное имя»* как последняя дань и последняя честь и выражение любви к почившему, дается собравшимися в полукруге у гроба умершего его родными и близкими. Иногда этому имени дается *публичное провозглашение*, не ограничивающееся пределами семейного почитания и культа, это – как бы новый титул, имеющий историческое значение и им означает удостоенное лицо; таковы по большей части государи императоры, упоминаемые историками после их смерти. Таблицы, с сими именами хранятся в храме предков, а потому и зовутся *«мяо-хао»* – храмовое, посмертное имя или точнее – *«бессмертное, историческое»* и соответствующее отчасти нашему выражению *«в Бозе почитающий»*.

Существует еще группа разных учтивых наименований, употребляемых в разговоре и письме, при личных сношениях или отсутствии известного лица, к которому делается обращение. Касательно сего предмета посвящены особенные книжки, составляющие часть грамматики, где подробно излагаются все формулы того или другого обращения к лицам присутствующим или отсутствующим в частной письменной корреспонденции, визитации, или официальности. (Подробные примеры смотри в китайских грамматиках Pernu и о. Иакинфа).

Китайцы в высшей степени разборчивы и утончены в соблюдении сего рода правил вежливости, выработанных городской жизнью образованного класса людей, их знанием большей частью может похвалиться весьма бедный и даже нищий человек. С употреблением того или другого учтвого наименования, титула, соединяется и ряд прочих вежливостей, каковы – поклоны, подарки, визиты, карточки, церемонии при праздниках по случаю дня рождения, поминовения умерших, при браке, похоронах и прочих случаях в жизни. Берем примеры титулов:

1) В отношении к мужчине говорят и пишут, «господин» «милостивый государь» – *«ван»*, *«ван-сань»* (госп. 3-й), *«ван-цзю»* (госп. 9-й) т. е. означает порядок рождения: «великий господин» – *«да-е»*; почтенный, старец, ваше превосходительство, – *«лао-е»* или *«да-лао-е»*; Ваше сиятельство, высокопревосходительство – *«да-жень»* или *«да-е»* (великий муж, – чтимый), лично – *«ван-да-жень»*, *«да-жень»*. Мандарины имеют свой титул по рангу, их родителям усваиваются: отцу – *«тхай-е»*, матери – *«лао-тхай-тхай»*, жене – *«тхай-тхай»*, внукам – *«най-най»*, жене 1-го сына – *«да-най-най»*, жене 2-го сына – *«эрр-най-най»*, сыновьям мандарина – *«гун-цзы»* или *«сянь-гун»*, первому – *«да-гун-цзы»*, *«тхау-е»*, второму – *«эрр-гун-цзы»*, *«да-сянь-гун»*. Титул учитель, – *«сяншен»* (antea natus) дается профессорам, школьным учителям, также и всякому почтенному ученому человеку; можно сказать и *«лао-сян-шен»* (старец – учитель) или *«да-лао-сян-шен»* (старейший учитель). Название доктор мудрец – *«фу-цзы»* усваивается лицам имеющим право на проповедь, публичное научение, назидание, например – *«тун-лао-фу-цзы»* – почтеннейший учитель, наставник тун, или – *«кхун-фу-цзы»* (Конфуцзы), также – *«лао-ми»* древний учитель, мудрец. Слово *«кхун»* вообще означает честнейший, почтеннейший и прилагается чаще всего старцам, например *«Ван-сань кхун»* (Ван 3-й почтеннейший), у христиан прилагается к епископам, пожилым священникам, старцам *«гун-гун»* или *«лао-кхун»*. Часто для означения философа употребляется слово *«цзы»* (сын), также и императора; хотя для ученых, особенно почитаемых, существует выражение *«сян-гун»*. Для самых пожилых принято слово – *«вэнь»*, например *«цзун-вэнь»* – наш почтенный отец, *«тхан-вэнь»* – городской голова; для простых старичков, обыкновенных, употребляется *«лао-цзун-нянь»*, *«лао-ту»*, или *«лао-бэй»* (почтенный дядя). Для духовных особ – *«да-дзя»* – ваше преподобие, также – *«цзун-цзя»*, *«лин-чжен»*; китайские вельможи в обращении друг к другу говорят: *«нянь-сюн»*. Дети говорят к отцу *«лао-де»* почтенный отец; для родных употребляется термин степени родства, с прибавкой *«лао»*, родители говорят детям *«сяо-эрр N»* – мое милое дитя, дитяtko. О домохозяине говорится – *«лао-жень-цзя»* – господин, старец, почтенный человек в семействе; уважение к равному определяется словами *«да-гэ»* – старший брат, или *«лао-эрр»* – старший брат, или вежливыми

выражениями «жень-сюн» – мой благочестивый, милостивый брат, «сянь ци» – мой друг мудрый, благоразумный. Хозяев китайских джонок, капитанов судна, называют «лао-бинь» или «чжу-жень-цзя» – господин дома, все прочие начальники ремесленных, торговых заведений, магазинов, лавок, от своих подчиненных зовутся «ши-фу».

2) Титулы китайским женщинам усвояемые: дамам 1-го ранга, высшего класса – «дай-дай» или «тхай-тхай» или «лао-дай-дай» – достопочтеннейшая мать; к дамам мандаринов, маршалов, адмиралов говорят: 1-го порядка «да-фу», 2-го – «фу-жень», 3-го – «шу-фу», 4-го – «дунь-жень», 5-го – «ин-жень», 6-го – «ан-жень», 7-го – «жу-жень». Дамам добродетельным – «да-нянь» или «тхунь-да-нянь» – г-жа великая и почтенная. Простым дамам и женщинам достаточно сказать: «да-сао», «да-цзе», «да-мэй» – великая, наибольшая сестра; дамам пожилым говорится «най-най» – старая кормилица, или «по-по», также «лао-по-по»; прочим demoiselles – «гу-ня».

3) Выражения усвояемые лично тому, кто говорит о себе самом, по древнему китайскому обычаю полны необыкновенной скромности, даже уничижения. Вместо я – «вуо» приняты описательного рода слова; император говорит о себе: «чжэнь» – я, который вне рангов, «гуа-жень» – человек малосильный, малодобродетельный, «гу-цзя» – слабосильный, невзрачный, «бу-гу» – я человек, не имеющий должности, или «цюн-жень» – бедняк, нищий; мандарины пользуются титулами по своей должности: «цзун-ду» – вице-король, «бу-чжень-сы» при «бэй-гуан» – главный казначей, «ань-ча-сы» – императорский прокурор; префекты городов 1-го порядка – «бэнь-фу», 2-го – «бэнь-чжэу», 3-го – «бэнь-сянь»; в присутствии высших сановников мандарины говорят «бэнь-тхин», «би-ши», а в присутствии самого императора – «сяо-чэнь» – я ваш подданный, или «чэнь» – малый, бедный вассал, – татарские мандарины – «ну-цай» – я ваш раб. При письменном обращении к государю «чэнь» должен быть написан как можно тоньше, чем выражается особое почтение. Простой начальник к подчиненному говорит «вуо» – я, или «ю», также и пишет; старик называет себя в речи «лао-фу» или «лао-хань». Ученые любят говорить о себе «я ваш ученик» «сюэ-шэн», «линь-шен», «линь-ди». Престарелые дамы говорят о себе – «лао-шэн», купец – «шан» или «кэ», т. е. я человек торговый, приказчики и мальчики при хозяине – «мынь-шэн» – я ваш ученик. Буддийские бонзы называют себя «пхин-сэн» – я бедный бонза, а даосы – «сяо-дао», т. е. я малознающий; сын называет себя пред отцом «сяо-эрр» – я ваш внук, с присоединением в письме «янь-фу» – моему строгому отцу, вы мой строгий отец, а к матери – «цы-му» – моей милостивой матери; родные употребляют означение своей степени родства. Существуют еще общие выражения: «сяо-ди» – я ваш маленький, «ху» – я ваш раб, «сяо-ди» – я ваш малый брат, «цзай-ся» – я ваш подчиненный, «бу-цай» – я неспособный, «ю-жень» – я глупый, «ю-мэн» (тоже), «чунь-цзы» – я, «цзуй-жень» – я человек грешный.

4) Для означения касающегося нас или принадлежащего нам, вместо притяжательных местоимений существуют выражения: 1) «Би» – нищий, бедный, прилагается к лицам и вещам: «би-гэ» – мое бедное царство, «би-ди» – моя бедная, убогая страна, «би-син» – мое смиренное, рабское имя, «би-чу» – мое жалкое жилище, «би-фан» – моя отверженная супруга, «би-су» – мой покорный друг, «би-тхун-сюэ» – мой скромный соученик. 2) «Цзянь» – низкий, отверженный, презренный, неразумный, применяется к вещам нашего лица или других, означаемых именами вещей: «цзянь-шоу» – моя рабская рука, «цзянь-фан» или «цзянь-ши» – моя отверженная супруга, «цзянь-ци» или «сяо-ци». 3) «Цзянь-шэнь» – мое нижайшее лицо или «цзянь-тхи» (тоже). «Цзя» – дом, семья, служит для обозначения живых родственников восходящей линии или союзных друзей. Говорится вообще о них – «цзя-цзу», в частности «цзя-цзу-му» – мой дед, avus, цзя-фу – мой отец – pater, моя бабушка, avia; «цзя-му» – моя мать – mater, «цзя-бо» – мой старший дядя, paternus major, «цзя-му» – мой младший дядя, patruus minor, «цзя-цзюань» – моя супруга, uxor, «цзя-сюн» – мой старший брат, frater major, «цзя-хань» – мой дом, domus mea. 4) «Чжуо» – глупый, простой, деревенский, низкий; «чжуо-би» – мое убогое письмо. 5) «Шэ» – дом, хижина, лавка, место ночлега, приюта, для означения живущих родных боковой линии и менее пожилых (младшие братья, сестры, двоюродные братья и сестры и проч.) выражения: «шэ-цин» – мой родственник, cognatus, «шэ-ди» – мой младший брат, frater minor, «шэ-чжи» – мой племянник, peros, «шэ-чжи-нью» – моя племянница, pero. 6) «Сяо» – малый, прилагательное для означения нисходящих, низших (сыновья, прислуга и проч. друзья): «сяо-эрр» – мой сын, «сы-сяо-эрр» – мой 4-й сын, «сяо-нью» – моя дочь, «сяо-сунь» – мой племянник, «сяо-суй» – мой тесть, «сяо-тху» – мой ученик, «сяо-пу» – мой раб. 7) «Ю» – презренный, необразованный, малопросвещенный, когда говорится о личных взглядах, вкусах: «ю-цзянь» – мое смиренное мнение, убеждение. 8) «Сянь» – родственник восходящий, умерший, с указанием на степень:

«сянь-фу» – мой покойный отец, «сянь-му» – моя покойная мать, «сянь-му» – мой покойный дядя, «сянь-сюн» – мой покойный брат.

5) Выражения, заменяющие притяжательное местоимение 2-го лица: 1) Мать-императрица – «гуань-цзя», царствующего императора – «хуан-тхай-хау». 2) При обращении к императору китаец говорит: «вань-суэй, шэн-шан, шен-цзя; би-ся, чао-тхи, шан» (ваше величество), тогда как татарин – «чжу-цзы» – господин-сын (т. е. неба). 3) «Дянь-ся» – высочество, дается сыновьям императора. 4) Пять прилагательных для почтенных лиц «гуй» – благородный, знатный, дорогой, богатый; «гао» – отличный, возвышенный, искусный; «цзунь» – почтенный; «лин» – близкий родной. По инфлексии голоса, каждое это слово имеет и вопросительный смысл, напр. «гуй-син» – ваше благородное имя, «гуй-цзя» – ваше благородное семейство, «гуй-го» – ваше славное государство, «гуй-фу» – ваш знаменитый город, «гуй-шоу» – ваша искусная рука, «гуй-гань» – ваше драгоценное занятие, ремесло, «гуй-гэн» – ваш преклонный возраст, «гао-син» – ваше высокое имя, «гао-мин-ву» – ваш возвышенный ум, «гао-цзянь» – ваше высокое мнение, «гао-би» или «цзунь-би» – ваша блестящая кисть, «гао-ген» – ваш высокий возраст, «гао-шоу» (тоже), «гао-цай» – ваше великое искусство, «цзунь-цзя» – ваше господство, «цзунь-хао» – ваше прекрасное прозвание, «цзунь-хуэй» – ваше благородное малое имя, «цзунь-цзу» – ваше славное родство, «цзунь-нэй» – ваша почтенная супруга, «цзунь-мянь» – ваше почтенное лицо, «цзунь-фу» – ваша благородная гостиница, «цзунь-ю» – ваше частное жилище, «лин-цзу» – ваш почтенный друг, «лин-цзу-му» – ваша почтенная бабушка, «лин-цзунь» или «лин-вэнь» – ваш достойный отец, «лин-тхан» – ваша добродетельная мать, «лин-цы» (тоже), «лин-сюн» – ваш дорогой брат, «лин-лан» или «гун-лан» – ваш дорогой сын, «лин-цзы» – ваша дорогая дочь, «лин-ай» – ваша старшая дочь, «лин-цянь-цзин» – ваша младшая дочь, «лин-бо-фу» – ваш старший дядя, «лин-чжэн» – ваша супруга, «лин-гун» – ваша сожительница, «лин-цин» – ваш родственник.

Любопытна форма приветствий, соединенная с известными действиями и формулами, соблюдаемыми среди китайцев с редким постоянством и разборчивостью; этого рода этикет обычной жизни с детства соблюдаемый и закрепляемый в школе и по выходе из неё имеет свои правила, нами специально излагаемые в особом приложении. Здесь заметим, что главных приветствий с поклонами – пять: 1-й «чжао-ху», с легким наклоном головы и учтивым словом; 2-й «да-гун», с поднятием рук и склонением головы; 3-й «цзуо-и», с крестообразным положением на груди рук, склонением головы и учтивым словом; 4-й «да-цянь», с поднятием рук до чела и опущением к низу, с наклоном всего тела; 5-й «кхэ-тоу» или «кэ-тоу», при важных случаях в жизни и церемониях с земных поклоном трижды, или коленопреклонением. Пред государем на аудиенции совершается девять земных поклонов, тоже и в других важных случаях. При совершении церемоний не только религиозных и общественных, но даже домашних, полагается особый церемониймейстер, который следит за поведением всех, делает распоряжения, произносит своевременно слова, командует собранием и ему все повинуются; чем устраняются беспорядки и бесчинство. Система *визитаций*, их отдавание – «хуэй-бай-хуэй» и получение или принятие – «бай-хуэй», также соблюдение *праздников*, с их сложною обрядовою особенностью, предусмотрены в обычных правилах народа, обставлены благородно и народ предается им в свое время, без нарушения порядка, освященного употреблением и веками. Все эти качества китайского обычного ритуала жизни обнаруживают необычайные черты высоконравственного характера цивилизованного народа, умеющего трудиться и отдыхать.

§ 80. Женщина в Китае её семейное положение, воспитание, права и обязанности, по сочинениям китайских писателей и постановлениям законодательным

Кн. «Нюй-эпп-юй» соч. Сю-гуаня, «Ди-цзы-гуй», соч. Ли-цзы-цзаня; отзыв Лючаня о семейном воспитании женщины и сочинение его «Нюй-сио» – Писательница и ученая дама Бань-чжао, её сочинения по истории и женском образовании «Нюй-цзе» – Места из Шу-цзина и Ши-цзина о женщинах и содержание постановлений о них в «Да-цзин лю-ли» отд. 101 по 117 – Отзыв миссионера Питона о китайской женщине и семье с отрицательной стороны и причины оного

Существуют специальные рассуждения и законодательные постановления по сему предмету самих китайцев, с теми или другими взглядами и исследованиями европейцев. Сэру В. Вильямсу принадлежит весьма ценный артикль в Chin. Recorder, (vol. XI, 1880 г.), посвященный женскому вопросу, на основании китайских источников. Особенное внимание он обращает на сочинение губернатора Цзянь-си Сю-гуаня, под заглавием «Нюй-эпп-юй» – слово или увещание к девицам, женщинам, которое переведено с китайского и на английский язык стихами, а нами передано в русски целиком, в особом приложении. «Китайский автор поименованной книжки, говорит д-р Вильямс, человек весьма любящий детей и особенно симпатизирующий воспитанию девиц, изложил все полезные для них наставления в такой форме и содержании, что воссоздал лучшие мысли предшественников, но гораздо проще и легче для запоминания, в 228 строках (столбцах, lines), при помощи 967 коренных иероглифов; к сей книжке присоединено было позже предисловие неким Ван-сян-цзе». Слово к девицам Сю-гуаня, можно сказать служит непосредственным приложением или дополнением детской книжки «Сань-цзы-цзин», о коей нами сказано было выше в § 74. Известный букварь «Ди-цзы-гуй», т. е. правила для старших братьев и младших, сочиненные Ли-цзы-цзанем из Узяна Шансийской губернии, был первым опытом, за коим последовал скоро другой для мальчиков, составленный поименованным же выше Сю-гуанем. В его книжке метр не совсем правилен; содержанием служит увещание к доброму в жизни поведению, с указанием на опасные стези порока и необходимость беречься от них. В первой книжке Сю-гуаня для девиц, нет ни делений, ни оглавлений, и все кажется направлено для передачи правил главе семьи и от него внушений или наставлений членам его семьи; этого рода внушения и советы касаются добрых нравов и манер, почтения к старшим и супругу; обязанности второстепенных жен и сестер по закону, заботы о детях и обращение с соседями, родными и чужими; все заканчивается характеристикю пороков и добродетели женщин, с похвалою за добронравие и порицанием злонравия. Общие тенденции автора и идеал им набрасываемый доброго семейного порядка, указывает на высокое положение китайцев в сем отношении, сравнительно с другими восточными народами, напр. в Индии и Персии. Еще в 1712 г. некто литератор китайский Лючань (Luhchan), писавший о женском воспитании, характеризует так взгляд и общее убеждение своих соотечественников: «Основание правительства Китайской империи заключается в обычаях народа; самая прочность, незыблемость оных требует правильности в добром управлении семейств, что зависит главным образом от женского персонала. Если проникнуть завесу внутренних покоев и раскрыть оную (т. е. если не будет соблюдаться раздельность мужск. и женск. пола), то в семействе непременно произойдет беспорядок, и в конце всего может распространиться по всему государству. Женщины суть сугубые источники добрых нравов; с древних времен до настоящего есть много тому примеров, склонность в женщине к пороку или добродетели исключительно имеет разницу; от тех или иных расположений зависят и неодинаковые пути, каждый думает идти по своему, но в деле воспитания ничего подобного нет и не может быть. В древние времена молодые обоих полов получали известное систематическое, школьное направление (instructed). По обряднику Чэу (за 1200 г. д. Р. Х.) императорские жены управлялись законом о воспитании женщин, и благородных придворных девиц, они учились нравственности, благородному разговору, приемам (manners) и рукоделию; каждая из них шла для занятий в свой класс, в назначенное время, самые экзамены устроались в личном присутствии государя и государыни». В 1721 г. поименованный Лючань, уроженец Фуцзяна, издал полное сочинение о женском воспитании, под заглавием "Нюй-сио" т. е. женское воспитание и обучение (Femal instructor); в предисловии он обращается к труду г-жи Цзао, рассуждавшей о том же в своей книге, но негодной для учащихся по её необычайной

краткости содержания. Поэтому, он подробно перечисляет заглавия прочих семи книг о сем же предмете, и каждую отдельно критикует по замеченным недостаткам или ложным взглядам и приемам на образование, из книг школьных перечисляются арифметика, география, древняя и новая история, философия и физика, – предметы, не во всех школах своего времени даже известные. Лючань в своем предисловии предпосылает несколько рассуждений о важности женского воспитания и образования как главной причине преуспевания женщин и описывает их беспокойство и непостоянство всегда происходящее от недостатка надлежащего направления с юного возраста.¹⁶¹

Из высокодаровитых и образованных женщин Китая, посвятивших свои труды на дело женского образования и рассуждавших о нем, заслуживает внимания почтенная дама *Бань-гуй-бань* или *Бань-чжао*, славившаяся еще в первом столетии по Р. Х.; ей принадлежит прежде всего *Цзянь-хань-шу* или история первой половины Ханьской династии (за 206 г. до Р. Х. и 26 г. по Р. Х.), начатой её братом *Бань-ку*. Её отец *Бань-бяо* усмотрев в ней замечательные способности, доставил хорошее воспитание и образование; по достижении зрелого возраста была она выдана замуж за четвертого *Цзао-Шеу*, ловкого и славного офицера, рано умершего и оставившего ей несколько детей. После сего, г-жа *Бань-чжао* поселилась в доме своего брата и занялась вместе с ним литературными трудами, которые тот вел как официальный историограф. *Бань-чжао* воспользовалась при этом драгоценными материалами по национальной истории одного генерала, умершего в темнице, восполнив эти труды изящной обделкой, с присоединением таблиц и астрономических указаний; она получила доступ в императорский дворец для означенных работ, её скоро прославивших. Император Хо (Хо) (89 г. по Р. Х.) для воспитания детей сам избрал помощницею императрице г-жу *Бань-гуй-бань*, которая и преподавала во дворце поэзию, красноречие и историю. При сем новом положении она написала "*Нюй-цзе*", т. е. правила для женщин, для образования как женщины вообще, так и воспитанниц в частности. Сочинение это состоит из семи глав, трактующих о предметах давно известных, о коих писали древние. В предисловии г-жа *Бань-гуй-бань* говорит: «Сознаюсь, что я не слишком талантливая и имею довольно ограниченные сведения; отец мой несмотря на все свое старание не мог дать мне обширного образования в литературе и науках, и главным образом обязана своей матери, много учившей разным правилам и обязанностям; поэтому смиренно скажу, что не могу вполне удовлетворить требованию лиц моего пола. Во многих вещах я конечно опытна, а потому считаю долгом для пользы дорогой половины рода человеческого передать все сведения, какие успела собрать и выработать по опыту и от других». После сего почтенная писательница с величайшим рачением излагает все, касающееся домашнего воспитания дочерей матерями, для коих они бесспорно могут служить образцовыми. Предметы, рассматриваемые в "*Нюй-цзе*", озаглавливаются так: 1) Состояние подчиненности женщины со дня рождения и в период её слабости; 2) Обязанности женщины, находящейся под властью мужа; 3) Беспредельное почтение, оказываемое женою своему мужу, и постоянное самоиспытание и самоограничение; 4) Качества, требуемые от любящей женщины, касающиеся её добродетели, обращения с людьми, занятий; 5) О беспрестанной привязанности жены в отношении к её супругу; 6) О повиновении супруга и её родителям (т. е. жены); 7) О сердечных отношениях между братьями и сестрами супругов. В заключение сего рассуждения о женском воспитании и status, можно сказать единственном (говорит Вилльямс), дошедшем до нас с глубокой древности, г-жа *Бань-чжао*, так размышляет: «Юные девицы (ladies), живущие под кровом ваших родителей, заботьтесь употреблять все ваше время на беспрестанное изучение всего, касающегося ваших обязанностей настоящих и будущих! Юные вдовицы, некогда прожившие долго в доме ваших супругов, и не позаботившиеся прежде запастись необходимыми знаниями своих обязанностей на случай вашего одиночества, постарайтесь хоть ныне остепениться и на все смотреть несколько посерьезнее. Изучите как можно рачительнее хотя семь глав для вас мною составленных, ради пользы, о самых важных и необходимых предметах, и когда их поймете, – не будете жаловаться. Исполняйте на деле, всегда то, чему вас научаю, соблюдайте ежедневно требуемое для счастья в жизни миролюбие, заботьтесь быть надлежаще добрыми матерями. Ваш пример личный в глазах детей, всегда будет служить наилучшим и несравненным ни с чем, могучим и спасительным средством в исполнении полученных для вас назиданий, какие можете совершать всегда, внушать их со всею любовью к справедливости и добродетели. Сыновнее благочестие, возрастая и постепенно укореняясь в сердцах одновременно с справедливостью и добродетелью, создаст, с лихвою, чего желаете, для успокоения дней ваших под старость. Вы

сами невольно поблагодарите меня за все мое беспокойство и хлопоты ради вас, за все унижения, кои я перенесла и твердо вытерпела в своей жизни, за все болезни, выдержанные моим слабым организмом, равно за все победы, одержанные и с честью законченные мною ради вашего счастья, и которые невольно побудили меня соделаться для вас поучительною и примерною».

Из классических древних книг, в коих так или иначе затрагивается и рассматривается положение и назначение китайской женщины, заслуживают внимания места из *Шу-цзина* и *Ши-цзина*. В VIII-м отделении первой книги, князь Чоу сожалеет о печальном положении вдов и вдовцов, и недостатке надлежащих ученых и литературных трудов, в коих бы приняты были надлежащие меры к улучшению положения вопроса о сем предмете. Ссылки, делаемые на кн. Од о жене и матери, однако ж свидетельствуют о высоком положении их в семейном кругу, равно о том, что издревле супружеские отношения определялись законом и охранялись силою народного обычая нерушимо. В других одах, упоминается выдел из приобретенного имущества у супругов, не по закону, но по обычаю; случаев детоубийства или жертвоприношении детей богам, как нормального явления – нет; в XII ст. до Р. Х. описывается, случай сопротивления жены мужу, желающему жениться на другой без законной причины.

Наиболее подробные сведения о положении женщины находятся в «*Да-цзин Лю-ли*», т. е. законах и постановлениях современной великой Дайцинской династии, и преимущественно в уголовном кодексе группируются все основные идеи китайцев об обязанностях и случаях нравонарушения женщин как членов государства, именно в отделе с 101-го по 117-й включительно. Содержание оных следующее: Гл. 101-й, состоящей из восьми отделений, определяются отношения партий супругов, равно наказания за нарушение законов и добрых в том обычаев, соразмерно с возрастом, имуществом, подарками, целомудрием и верностью, – подчинение воспитанницы ко второму лицу, – отказ в брачном предложении, – субституция при совершении брачной церемонии, – случаи нарушения брачного договора. На кит. языке и письмени различаются *ци* – жена, *wife*, и *це* – наложница, служанка, всякая женщина, отданная в другое семейство и от которой могущие быть прижитые дети не входят в это семейство как свои, но считаются внешними; *цзя* – значит выдавать замуж, выходить замуж, поступать под власть мужа.

Отд. 102. Воспрещается ссужение мужем своей жены на подержание другому за известную плату, тоже и отцу в отношении к дочери, причем – контракт уничтожается, отдавший в кабалу или распутство наказуется, женщина или девица – освобождаются; не допускаются фальшивые подарки всякого рода при браке или подмены оных, предложивший наказуется 100 ударами палкой, принявшая – 80-ю, с правом возвращения такого подарка обратно. Разбор случайностей и определение наказания предоставляется судье.

Отд. 103. Определяется наказание мужу за низведение *ци*, т. е. законной жены, до самого низкого положения и возвышения на её месте *це*, т. е. наложницы. конкубины, вообще – пришлой со стороны, чужой; требуется, чтобы обе женщины были поставлены на свое место, т. е. их status отнюдь не смешивается. В случае, когда муж будет *двоежен*, т. е. возьмет другую жену, в дополнение к главной и законной, то обязан эту последнюю возвратить её родителям или родным и освободить из-под своей узурпированной власти. Частные случаи сего рода, по статутному законодательству крайне редки и наиболее выпадают на долю мужей – долго живущих на чужбине, без главной жены.

Отд. 104. Когда сын по закону приемлется на время в семейство отца своего, то последний может его устранить, выбросить (*eject*), виновный за сие наказуется 100 ударами палки; а когда женат, то может выдать свою дочь вторично замуж.

Отд. 105. Воспрещается брак в продолжении законного периода траура по родителям или супруге; вдова, пожалованная императором почетным титулом и классом (*rank*), поэтому, как женщина полноправная, имеет право выйти замуж вторично, за кого пожелает. Ни одна вдова не может быть принуждаема против воли ко второму браку; равным образом, если молодой умрет прежде совершения сговора, то девица может выйти за другого, или устроить свою жизнь как пожелает. После брака и подчинения власти мужа, дочь считается умершею в доме своих родителей, также – неспособною к поддержанию культа предков бывшей своей семьи, хотя ношение траурного платья по родным и поддерживается в известные дни.

Отд. 106. Воспрещается законное супружество всякого рода, если в той или другой договаривающейся партии будет отец или прародитель посажен в тюрьму за какое-либо важное

преступление, равно не дозволяется испрашивание такового из тюрьмы для семейного торжества; если же совершится брачная церемония, то ни музыки, ни празднества не полагается.

Отд. 107. Законный брак никоим образом не может быть совершен между лицами одного и того же семейного проименования, т. е. между близкими родными. Сей закон обязательно соблюдается у всех классов и имеет огромное влияние на поддержание существования семейных родов (clan), на которые делится Китай; маньчжуры и монголы нередко переплетаются посредством брачных союзов с китайцами собственно. Жена обыкновенно пишет свое девическое прежнее имя после замужнего, для того чтобы доказать свое прежнее происхождение.

Отд. 108 и 109. Устанавливают степени отношений, внутри коих брачный союз бывает незаконным, простирая ограничение более нежели даже в странах христианских, включая равно дочерей по отцу или материнской бабке, законного сына сестры, внука от жены по сестриной стороне, или материнской и дочерней сестры. Все сии соотношения с целью родства, уничтожаются и партии наказуются 80 ударами палок. Почитается капитальным преступлением вступление в брачный союз, с совершением формальной церемонии, с главными женами деда или отца, с сестрами отца, или братскими вдовами.

Отд. 110. Определяет наказания для чиновника состоящего на службе, если он женится на женщине состоящей на службе и от него зависящей; хотя бы и совершены были такие браки, женщины возвращаются в прежнее семейное положение. Нарушитель закона сего подвергается каббале с поселением в известном округе и с причислением в разряд известных семейств, находящихся в распоряжении правительственного чиновника.

Отд. 111. Предписывает наказание за ведомо совершенный брак с женщиною-преступницею, даже за преступление ею учиненное, исключая самого главного совершенного единично; такой брак уничтожается.

Отд. 112. Определяет преступление, наказуемое смертью «когда кто, пользуясь доверием, властью, или имея известную силу, позволит совершить насилие над женою или дочерью свободного человека, или увлечет почему бы ни было одну из его жен», в последнем случае опозоренная женщина возвращается в свое прежнее состояние или семейство.

Отд. 113, 114 и 115. Воспрещаются супружеские союзы лиц, состоящих на государственной службе, с комедиантами или актерами, также – брак лиц духовных (монахов), или лиц свободных с рабами и рабынями; в каждом таком случае по уничтожении церемонии т. е. непризнания за нею законности, женщина обратно отсылается в её прежнее семейство.

Отд. 116. Устанавливает закон о разводе; к сожалению, здесь слишком мало представляется гарантий в пользу слабой стороны, китайское общество еще не успело созреть и выработать все потребное; для избежания злоупотреблений и ошибок в сем важном случае, для вдов, они сами нередко виноваты в невнимании общества, особливо когда слишком резвы и беспечны, ветрены, расточительны, интриганки, зачастую служат сами причиной своей бедности и нищеты, особенно когда капризны и порочны более своих супругов. Семь законных причин для развода суть следующие: бесплодие, сладострастие, воровство, постоянная ревнивость, необузданная болтливость, непочтительное обращение с родителями мужа и неизлечимая болезнь, за кою следует неминуемо проказа или сифилис; все это может быть достаточным основанием для супруга развестись с законною женою. Богатые супруги, могут по взаимному согласию и полюбовно разойтись, если будут достаточные к тому основания, без нарушения прав семейных и имущественных; за то, когда законная жена убежит от мужа и выйдет замуж за другого – подвергается задушению или удушению веревкой. Но если она проживет три года в бегах и выйдет за другого и о сем не будет следить её супруг прежний, – изымлется от всякого наказания по закону.

Отд. 117. Предписывает наказания разных степеней за контракт или присутствие и участие в оном при устройении незаконного брачного союза, а потому предписывает вмешательство самого закона и чинов одного при супружеских сделках; зато ненаказуемы партии при нарушении *обещания* о женитьбе или выдаче замуж, когда будут на то законные основания.

От. 315 до 323. Касаются вдов и детей, низших и высших, начальников и подчиненных, с нанесением оскорбления, увечий и ран. Кровавая месть и всякое личное самоуправство моралистами китайскими вовсе изгоняется и почитается несообразным с сыновним благочестием.

Приводя означенные постановления и законы китайские о женщине, нельзя не заметить, что в жизни практической нередко совершаются нарушения права самими супругами, мужчинами, и что, весьма важным цивилизующим влиянием пользуются классические китайские писатели изучаемые девицами и женщинами в семье и школе, хотя школьное образование начальное нелегко для ума женского лишенного возможности при общественных, хозяйственных и других отношениях – продолжать образование далее и всестороннее.

Миссионер Карл Питон, в своей книге «La Chine, sa religion, ses moers, ses missions» (ed. religious Books Society, Toulouse) во второй части поименованного труда посвятил несколько ценных сведений о китайском семействе, по наблюдениям с натуры. Он обращает внимание на два весьма важных факта – существование *детоубийства* и *суровость отношений супруга к жене*. Важны причины. Первый факт г. Питон объясняет крайней нищетой многих бедных родителей, поставленных в совершенную невозможность прокармливать детей, нарастающих непропорционально добываемым средствам, а также и потому, что женщины всегда поставленные в необходимость прокармливать семейство и служить духам усопших предков, нередко оставляются своими мужьями, уходящими далеко от дома, и что – когда замечают прибыль в своем семействе детей женского пола в ущерб мальчикам, то таковых жен бьют, презирают, ненавидят, а девочек ни во что вменяют. Те, приходя в возраст и заботясь о пропитании, часто делаются проститутками и нередко бросают своих незаконных детей. Несмотря на эти явления, г. Питон с большею похвалою останавливается на женщинах, особенно старых и опытных, несущих большую часть нелегких домашних повинностей по хозяйству и воспитанию детей, что невольно возвышает женщин в глазах общества и правительства. Бесчеловечное обращение супругов с женами, им почему-либо не нравящимися, г. Питон объясняет нередким воспламенением страстей, возникающих от излишества в жизни и неумеренного употребления вина или в особенности *опиума* – этого величайшего национального яда, потребляемого (по отчетам за 1880 г. английской таможни в Китае) 100.000 миллионами китайцев, т. е. третью всего населения империи. От распространения сего яда чахнет и гибнет много народу, расстраивается добрый порядок в семействах и жизни общественной. К сему присоединяется склонность китайцев к азартным играм и удовольствиям, страсть к рискованным предприятиям «на счастье».

§ 81. Общие черты китайского семейного гражданского права по кн. «Сяо-цзин», законам и постановлениям (Лю-ли) и др. источниках, с указанием на переводы «code civil» и пособия по договорному и международному праву

Критическое рассуждение Э. Фабера и перевод пространного изложения о сыновнем благочестии, замечание о сем труде и содержание оногo в XII гл. внутренних правил китайской семьи – Значение вопроса о китайской семье и родовом начале с времен древних до настоящего и сравнение с другими народами, замечание о древне патриархальных династиях царей в Ассирии-Вавилонии и Персии, Китае, у евреев и магометан и сущность теории о сем предмете – Вспомогательное значение «Шэн-ю-гуан-сюнь» импер. Канси к кн. «Сяо-цзин», имена и сочинения ученых европейских, рассуждавших о китайском семействе (Вилльямс, Дуоляйтль, Грай, Шерзер, Меллендорф, Мэн, Био) и выводы Паркера: определение права и обязанности у китайцев и Мэна о китайской семье; о составе синов и цзя, и объяснение терминов, в нем встречающихся, о родственных степенях – Женщина и её положение в доме, конкубина, их дети, взгляд обычного права на детей законных и вне брака законного – Усыновление, брак по закону, имена и положение лиц, их состояние зависимое и независимое, опека – Женщина в брачном и внебрачном состоянии, семейные храмы и брачная церемония, монашество, девицы, церемония похоронная (отца и старшего в семье), и обязанности сына, отеческая власть, детоубийство – Рабы в Китае, их личное, семейное и общественное положение – Замечание о правилах для купеческих и ремесленных обществ – «Лю-ли», т. е. законы и постановления китайского права, их издание 1727–47 гг., 1869 г. и 1877 г., указание на отделения, переведенные с английского на русский язык (в особом приложении ниже № VIII), а равно и статьи, переведенные на английском языке в *Chine Review* vol. VIII, IX, X – Замечание о трактатах китайцев с иностранными государствами и переводах на язык китайский «Code Civil Français» Буллекея и «Manual of the Laws of War on Land» А. Мармана и прочие переводы у Гарта Дуоляйтля

А. Из классических книг по семейному праву наиболее выделяется книга «сяо-цзин» о сыновнем благочестии, древний текст которой получил пространную редакцию, состоящую из объяснений оногo, дополнений и толкований. Этот новый и пространный вид правильнее назвать «конкорданцией» к «сяо-цзин», поскольку собраны и критически обработаны все сведения по означенному предмету: она относится ко времени Кан-си (Hang-hi), состоит из 100 книг, в 32-х томах. Г. Фабер первый обратил на сие издание ученое внимание, назвав его «amplification of the Canon of filial piety», перевел оригинальный текст с редакцией оногo и пояснениями на английский язык, и посвятил свое критическое исследование в *Chinese Recorder* (vol X, 1879), озаглавив «A critique of the Chinese notions and practice of Filial piety» (by E. Faber). Обращая специально на сей труд внимание, предлагаем изложение содержания к 100 книгам оногo, с русским переводом (в особом приложении) отделений: а) идея о жертвоприношениях, совершаемых «сяо-цзы» (сыновним сыном, т. е. китайцем, подданным своего отца императора); б) «Нэй-цзе» (или внутренние, семейные правила китайской жизни). В «наставлениях китайскому народу» императора Канси и «пространном изложении оных» императора Юн-чжэна (см. выше), можно находить более или менее общие черты семейного права с «сяо-цзин», выраженного в добрых нравах и обычаях, которые переходят в положительное законодательство как «закон» – «лю» и как постановления – «ли». Таковы же и книги прочих названий, посвященных правилам, содержащие наставления о семейной жизни; напр. «Нэй-эрр-юй», «Ди-цзы-гуй», «Нюй-сио», «Нюй-цзе» (см. выше), семейные наставления Конфуцзы, собранные его 72-мя учениками, под заглавием «Кхун-цзы цзя-юй юань-чжу», разного рода рассуждения в «Ли-цзи-цзин» и прочих классиках. В новейшем кодексе «Да-цзин-лю-ли» – собрании узаконений великой Цзинской династии, содержится обширный отдел, посвященный праву личному и семейному, на который и обращаем ваше внимание. Предлагаем прежде самое содержание к 100 главам книги пространного изложения «сяо-цзин» в обзоре Г. Фабера (vol X, 1879, p.p. 1–10). В Prolegomena содержится предисловие и как указатель – распределение пяти родов почтения, служения родителям или сыновнего благочестия – «ву-сяо». Сыновнее благочестие для императора определяется иероглифом, выражающим искусство управления, организующую силу государства, его готовность к изысканию всех вещей, начало и конец всякого дела, совершаемого им быстро, без замедления; для князей оно называется «ду» – мера, закон, ибо

служит образцом (*régula*) для императора и высших чинов; в Ли-цзи сыновнее благочестие губернаторов почитается как молитва, учение, наставление, исследование, — для народа, как необходимая пища. Самое название книги "*сяо-цзин*" из многих пространных толкований сводится к понятию о каноне, собрании разных правил, наставлений, коими определяются все виды сыновней добродетели и родительской, где устанавливаются и определяются подробности взаимных отношений между ними. По-английски это характеризуется словами «*the Canon on Filial piety*». В частности, пространное изложение сих правил в числе 100 — следующее: Кн. 1. Начинается с развития смысла понятия "*жень*", т. е. с человеколюбия, человечности как высшей добродетели, царственной, полной величия, святости, совершенства; перебираются все места классиков, особенно писателей Сунской династии и Ханьской, употребляющие это слово в том или другом его виде и значении.

Кн. 2. Полна разными компиляциями из комментария Thai-ki-Thu (изд. Габэленцом 1876 г.), содержит таинственные фигуры о происхождении природы, и изложение практических обязанностей сыновей, и проч. Кн. 3–6 рассуждает о справедливости, собственности, мудрости, и верности, также — о человеколюбии. Кн. 7–8 содержит пространное изъяснение смысла "*яо-дао*" — важный путь, и начинается числом пять под которое подводятся 5 отношений, 5 элементов, и проч. Отношения отца и сына обсуждаются очень подробно, и в особенности почитание императора; делаются сравнения из Мэнцзы и Сунских философов. Кн. 9 о князе и министре. Кн. 10 о старших и младших братьях. Кн. 11 о супружеских отношениях. Кн. 12 о друзьях и в дополнении — об учителе и его воспитанике. Кн. 13 обсуждает смысл и значение воспитания и собственности, и кн. 14 о том же. Кн. 15 и 16 занимается музыкою в её отношении к цели жертвоприношений. Кн. 17 и 18 об администрации. Кн. 19 и 20 о наказании. Кн. 21–75 о сыновнем благочестии императора «*тянь-цзы-чжи-сяо*», с подразделением на 20–41 о любви к родителям, 42–75 о почитании родителей; каждая книга имеет мелкие подразделения. Кн. 21 о любви к родителям вообще. Кн. 22 о древнем обучении. Кн. 23 о взаимной и равной любви к детям. Кн. 24 о внимании к друзьям. Кн. 25 девять родов отношений и о награждении слуг престарелых. Кн. 26 о ведении дел у министров. Кн. 27 о важности сохранения документов и распоряжений начальствующих лиц. Кн. 28 о любви к подданным и кн. 29 о внимании к вещам и их произведениям. Кн. 29–31 увещание о возделывании полей и тутовых деревьев, о собственных таких же работах самого государя. Кн. 32–35 о земельной таксации, статистике домов и народонаселения, о занятиях и промыслах. Кн. 36 и 37 о поспешности мероприятий против общественных нестроений и бедствий. Кн. 38 и 39 об уменьшении наказаний и поимке разбойников. Кн. 40 и 41 о расположении к чинам пограничной стражи за их служение народу, гарантирующим свободу торговли и путей сообщения. Прочие подразделения книг: 42 о почитании родителей вообще. Кн. 43 и 44 о служении небу и земле. Кн. 45–47 о почитании предков наравне с законом. Кн. 48–50 о принесении жертв на крутых вершинах гор и в светоносных залах. Кн. 51–53 о строгом внимании к содержанию храма предков, о посещении и благоустройении могильного холма над покойником (*tumulus*, *mausoleum*). Кн. 54–55 о важности образования и учености и кормлении престарелых людей. Кн. 56–59 о почитании священного конфуцианского вероучения, об высшей ученой школе, собрании классиков и литературе. Кн. 60–61 об обучении наукам в внутреннем дворце. Кн. 62–65 о выборе к должностям и назначении талантливых людей, их экзаменах, и ученых в отдельности. Кн. 66 о времяпровождении великого министра. Кн. 67 и 68 об образовании и установлении цензората. Кн. 69 о правильном законном способе действий; где говорится о князе и министре, отце и сыне, муже и жене, о трех союзах (дед, прадед и др.), о братьях, родичах, дядях, учителях и начальниках (*principales*), о друзьях и шести отношениях (Ци). Кн. 70 о различии между человеком знаменитым и простым. Кн. 71 и 72 о необходимых существенно предметах для государства. Кн. 73–74 об улучшениях в общежитии народном. Кн. 76–79 о сыновнем благочестии князей государства, — о любви к близким, — почтении к ним, — о смирении и удалении от крайностей. Кн. 80–89 о сыновнем благочестии правителей (*governors*), — о любви их к ближним, — почтении, — форменном одеянии, — формальных словах и приветствиях, — о добром поведении. Кн. 90–95 о сыновнем благочестии классов образованных, о низших чиновниках и кандидатах на должность; в частности: Кн. 90 о любви к родителям. Кн. 91 о почтении к ним. Кн. 92 и 93 о верноподданстве и ревностном служении князю. Кн. 94 и 95 о преданности и искренности в отношении к лицам начальствующим. Кн. 96–98 о сыновнем благочестии простого народа; 96 — о любви к близким, 97 — о почтении к

ним, 98 – о пути к сему благочестию, о делении приобретаемых сокровищ в пользу свою и общую. Кн. 99 и 100 подробно касательно великого благочестия.

По изысканиям г. Фабера об означенном пространном рассуждении «о сыновнем благочестии», книга эта, как дополнение малой *"сяо-цзин"* о том же предмете, составлена тремя китайскими учеными – *Ган-лянами* для личного употребления государя императора китайского и членов его семейства, а потому принадлежит по праву к лучшим классическим произведениям литературы, где определяются нравственные личные, случайные, общественные и государственные отношения, основанные на сыновнем благочестии. Заслуживает внимания нашего перевод Г. Фабера XII-й главы из *"сяо-цзин"* под заглавием «Нэй-цзе» или правила семейного благочестия, текст коих переводим по-русски в особом приложении. Самое содержание означенной главы следующее: глава эта, говорит почтенный переводчик и критик – несомненно самая интересная для читателей. Мы встречаем в ней множество ценных подробностей, дающих самое назидательное описание сцен древнекитайской семейной жизни, о которой не можем не дать ясных и определительных сведений. Так, в §§ 2, 4–6, 9–10, текст дает нам возможность судить о самых необходимых принадлежностях нормальной семейной жизни и её мелочах, коим придается большое значение китайским умом; §§ 58, 60, 66, 68 посвящены обычаям при рождении младенцев, §§ 72, 73, говорится о первом взгляде и осмотре отцом новорожденного, в §§ 62, 70, 71, о женском персонале прислуживающем младенцу; в §§ 63, 64, 65, 67, 69 описывается церемония наименования; общие правила для женщин изложены в §§ 11, 12, 13, 17, 18, 19, 57, об отдельности женщин от мужского общества, в §§ 11, 55, 56, особенно когда имеют младенцев, § 59. Все сего рода предметы составляют область нравов и не принадлежат строго к нравственности или религии, но восполняют то и другое более или менее художественно и свидетельствуют о своеобразной силе и значении нравственных принципов семейной жизни. Существует характеристическая черта разности между автором сей главы Ли-цзи и Цзан-цзи во всем нам известном из неё; сие объясняется разностью школ конфуцианства по смерти их великого учителя, так или иначе понимавших и объяснявших принципы его учения.¹⁶² Для нас имеет особенный интерес вопрос о воспитании с точки зрения конфуцианской, устанавливаемый в 74, 75 и план жизни с детства по 70-й год возраста жизни китайца; должны иметь в виду, что сей план особенно имел силу при династии Чоу в высших классах общества. Можно сказать – все известное нам о жизни Конфуцзы подтверждается изложенным в сих правилах. В § 76 о женском воспитании хотя не говорится подробно, когда нужно учить читать девочек, но несомненно то, что они заранее и предварительно изучали на память все нравственные правила, кои потом предлагались в письменных знаках. Все же счастье их жизни поставлено в зависимость от родителей по закону, как говорится в §§ 12, 13, 17, 18, 19, самый развод супругов зависит от них же (§ 15) и когда будут истощены все нежные мероприятия, § 13. По китайскому понятию сын не может жениться без согласия родителя и не иначе, как для продолжения линии предка; все заботы женщин направлены к тому же. В том же § содержится и мнение об обращении с несыновними детьми; упоминается главным образом суровость в обращении и изгнании, без намека о самой силе родителей над жизнью и смертью их детей. В Цзо-цюань (Tso-chuen) приводятся самые примеры об этой власти времен Чоу. Почтение к родителям развивается в §§ 7, 8, 15, и в особенности о престарелых родителях, в отношении их физических недостатков и потребностей § 44; сын свыше 40 лет, состоящий на службе, обязан, утром и вечером ежедневно, являться к отцу для выражения почтения с поклоном, помогать ему, и жить от него отдельно в своем доме § 5; о самом характере сыновнего отношения говорится также очень кратко в § 15. Можем судить отсюда также, что на обязанности сына лежат чисто нравственные отношения к родителям, имеющие ограниченное значение. Влияние дальнейшее сына в расчлняющейся семье по смерти родителей достаточно характеризуется в § 16 и можем видеть здесь самый мотив конфуцианской системы; о служении начальнику рода и его жене говорится в § 20. Можем видеть отсюда, что система родовая особенно была развита при династии Чоу, и она сохраняется почти такую же до настоящего времени. Кончая извлечение из характеристики Г. Фабера заметим, что со строго очерченным кругом отношений сына к родителям и родителей к детям по изложению в кн. *"сяо-цзин"* развивается и постепенно устанавливается и более обширная – к прочим родным кровным и свойственникам, по линии прямой и боковой. Предмет сей настолько важен, что составляет сам по себе интересный и специальный трактат, особенно усложняемый сравнением многих его сторон с существующими у других народов. И доселе семейно-родовой строй китайской жизни сохраняет древние

патриархальные черты, переносящие в глубокую древность библейских сказаний и ассуро-вавилонской истории. Любопытна картина сопоставления и сличения сего рода памятников с китайскими историческими, преимущественно в отношении к династиям царствующих домов Китая, Ассуро-Вавилонии, и в период патриархально-библейский. О сем предмете предлагаем особый очерк, в отдельном приложении к вашему исследованию по истории Библии на Востоке и в Китае по преимуществу, под заглавием: «Древне-патриархальные династии царей в Ассуро-Вавилонии и Персии, Китае, также – у евреев и магометан». Здесь подробно излагается патриархально-династическая хронология и теория, основанная на исторических памятниках, по новейшим открытиям и выводам современной науки»; обозреваемый предмет составляет резюме частных монографий Фергюссона, Краффорда, Фэрберна, Смита и др., основанием служат древне-родовые таблицы ассуро-вавилонские по Берозу китайские, библейские еврейские сказания, персидские и магометанские. Основной принцип общий в них заключаемый тот, что древне-родовые единицы так или иначе называемые, и более или менее плотно слагающиеся, создаются с течением времени в частные племенные общины, управляемые родоначальниками, старейшинами, тяготеющими к общему и главному предку, с пресечением прямой линии коего и имени передающемуся от одного к другому потомку, пресекается и власть управляющего прочими родами; период времени сей власти и авторитета, основанного на чистокровном происхождении от известного священного лица – патриарха, довольно продолжительный; с окончанием преемственной связи по старшинству сей власти и авторитета, возникает и развивается юридическая связь семей, родов, племен, общин, где чистокровный принцип незаметно ослабевает, уступая началам и требованиям государственного общежития людей, соединяющихся более или менее тесно по языку, религии, нравам, обычаям интересам известной национальности. В первой фазе развития имеют значение кровные нравственные связи и отношения между людьми; во второй фазе они облекаются в простые правила, законы, постановления, с строгим ограничением всякого своеволия и отступления от них; в дальнейшем развитии и осложнении жизненных отношений создается законодательство и литература с их типическими особенностями. Китайцы наиболее из всех представляют в строе государственном и семейно-родовом доселе те и другие черты дуализма, коим объясняется их жизнь и её законы. Конфуцианским патриархальным началам принадлежит по праву сила и руководящее значение, для родоначальников и отцов семейств; в высшем развитии – это авторитет мудрецов и самих государей императоров. Правительства стоят в тесной связи с культом предков, неба, сил и законов природы. К книгою «Сяо-цзин» имеют соотношение и те статьи наставлений императора Канси, в его «Шень-ю гуань-сюнь», где излагаются семейные обязанности родителей и детей (см. выше). В настоящее время к сожалению, в Китае, по многим причинам и развивающемся меркантильном строе городской жизни, патриархально семейные начала деревенской жизни, соединенной с земледелием и существенным обеспечением, при неприветливой обстановке – постепенно ослабевают; с развитием же международных отношений, наплыва и влияния иностранцев, развивается потребность в новых предметах и условиях жизни искусственной, где монета и кредит играют видную роль и люди становятся в зависимость от капиталов.

По китайскому семейному праву известны несколько изысканий ученых, рассматривавших оное с разных сторон более или менее односторонне и относительно, или по сравнению с римским правом и европейским, под канвы коего подводились систематически китайские понятия и законы действующие или права обычного. Ученые и сочинения их по сему предмету суть: *Вильямс* в его «Middle Kingdom», *Дуоляйтль* в его «Social life of the Chinese», *архидьякон Грай* в его «China», *Г. Шерзер* в его «la Puissance Paternelle en China», *Г. Меллендорф* в его «The Family Law of the Chinese», *Г. Е. Буо (Biot)* в его «Memoir on the condition of Slaves in China», *сэр Генри Мэн* в его «Ancient Law» и др. В China Review, vol VII, в article «comparative Chinese family law», (стр. 67–107) *Эдуарда Паркера* изложены результаты изысканий означенных ученых. Прежде всего автор старается выделять элементы китайского права древне-обычного и затем – законодательство имевшее свои традиции и особенности при известных династиях и императорах, чему доказательством служат компилятивные обрядники *Чоу, Чоу-Гуна, и Записки об обрядах* Конфуэцы. Принципы, положенные в основании сих сборников, суть: *сяо* – патриархальный принцип, и *ю* или *ди* – братский принцип, и *шунь* – супружеские обязанности, условливающие собою patria potestas юриспруденции римской. Китайский законодатель обращается прямо с «требованием» повиновения закону и обычаю, на народ налагается «обязанность», которая получает свою «санкцию» самым исполнением и употреблением

налагаемых законом «строгим наказанием за нарушение и неисполнение». По теории Мэна, оправдываемой нынешним китайским действующим и обычным правом, «прогрессивное движение обществ имеет неразрывное место с движением от status к contractus, или от семейств как единиц, к индивидуумам как единицам». В отношении наименований «синов» или родовых единиц сохраняющихся до ныне, замечаются названия, свидетельствующие о местностях, феодальных княжествах, где утверждались и жили китайцы, как раса управляющая и господствующая, прочие же названия как «прозвища», surnames, усвояются до бесконечности за массой остального народа, имевшего значение рабов или подчиненных так или иначе этим «синам». При смешении лиц привходящих в эти единицы извне, получаются двойные прозвания, «син» – древнее, «цзу» – новое для агнатных членов, вначале ставится мужское и затем – женское проименование; настоящие термины суть: «тхун-цзу» «тхун-цзя», или «хуа-цзун», т. е. того же древа или – того же семейства лица привходящие в «сины» как иностранцы, извне, но усыновляемые в сих единицах или соединяющиеся посредством браков, правильнее – эти лица рассматриваются как «листья того же древа» (хуа-цзун). В смысле теснейшем, под «цзу» разумеется собрание лиц, включая и неженатых, также – вдов, могущих обращаться к отеческому древу, лиц усыновляемых как настоящих детей, или покупаемых как рабы, носящих тоже проименование, происходящих от того же предка, или – коих предок происходил от одного древа и получил отдельное место погребения – родовое кладбище (burial-ground). Для рабов, как домочадцев, существует более частный термин «цзя-шэнь-цзы» в смысле лат. familiaris, греч. οἰκέτης, т. е. лица, принадлежащие к телу китайской семьи, дома или «цзя-шэнь-цзы», т. е. рожденные в этом доме или семье, Лат. vernaе, или – «единоутробный N семьи» – vulgo, цзя-чань-цзы», или человек единого наследства, имущества, дома такой-то семьи. У китайцев и маньчжуров законы семейного названия и прозвища – одинаковы. У последних, даже существует обычай в императорском доме, для лиц женского пола – жен государя, в особенности первой из них и главной государыни, если она бездетна, брать по своему выбору и усмотрению сына из другой семьи. У солдат знаменных в Пекине, отец – не имеющий сына от жены, может взять из другой богатой сыновьями семьи по соглашению с родителями, – усыновить сего сына и доставить возможность обеспечения ему и себе получением казенного пайка, достаточного для жизни. Из родственных союзов в брачных отношениях устанавливается кровное родство – «гуй-бяо» для «гу-бяо-цзи-мэй» «гу-бяо-сюн-ди», бяо – внешний, outside, и ку – бабки по отцу, цзы-мэй – старшая и младшая сестры относительно. Настоящий брак у китайцев есть чисто моногамический, для лиц достигших известного возраста, могущих производить род, обладающих средствами к жизни самостоятельно, или в домах своих родичей; с одной стороны брак этот есть договор, с другой – обставлен известными формальностями, соединен с известными правами для супругов и родителей. Полигамия, имение других жен кроме законных, есть явление исключительное и более объясняется воинственным элементом или богатством, позволяющим расширять власть и удовлетворять потребности с многими лицами. Конкубинат поэтому имеет свои ограничения и не смешивается с законными домом и семьей в тесном смысле. Невеста по закону, будущая жена, добывается посредством довольно сложных sponsalia (подарки, перемена имени, послание языка – «вэнь-дин» и получение ответа – «ли-шу», также – шелка, назначение для церемонии, личное прибытие в носилках).

После сего имеет силу «цюй» т. е. in domum deductio, введение жены в дом – (цзя) своего мужа, под его власть, на всю жизнь, с целью иметь детей, друга в этой жене и верную помощницу. Дозволяется развод, как исключение. Жена рассматривается не как вещь или собственность в грубом смысле, но как лицо – persona, его лицо восполняющая, следующая за ним повсюду, с благородными отношениями, охраняющая здоровье, жизнь, имущество мужа, детей и родных. Даже к конкубинам мужа, по его слабости, она относится снисходительно и только заботится о миролюбии между ними. Женитьба на лицах с недостатками (слепые, лунатики и др.) не лишает законности брака, который может быть прекращен совершением известных формальностей, без вреда женщине. Дети рожденные по смерти отца – posthumus, могут быть означены под названием: «ши-фу вэй-хунь», даже вовсе оставаться без сего имени; муж может по строгому китайскому закону иметь только одну жену при жизни, нарушитель наказуется 90 ударами палок (зак. отд. 10), хотя с исключениями по обычному праву bona fide; в Фучжоу известен обычай «тхун-ши» двойной жены, когда законная отчаянно больна или при смерти. В Корее вдовцы знати женятся после трехлетия, по смерти жены законной, если имеют 40 л. и детей, то и через год. По Кантонскому обычаю «пхин-ци» – равная жена, может быть

допущена в дополнение к законной жене как её помощница и конкубина, только с её согласия; самое введение совершается в крытых носилках с музыкантами, с обязанностью на половине пути к своему господину снять прежние панталоны и одеяние, сложить оные, и тогда представиться на простых креслах *в помещение мужа* (как сообщает о том Foochow Herald), ибо женская половина дома по китайскому обычаю всегда бывает особенная. Обычаем "*чэн-тяо*" (t'iau) исполняется, совершается *sacra gentilitia*, по пословице «*И-цзы-шуан-тяо*» т. е. одного сына достаточно для двух *sacra*; выражаясь по-кантонски, «*И-чи-дэн шао-лян цзя-жень*», т. е. одна свеча на свещнице может светить на две семьи, (смысл и значение означенных выражений достаточно понятны). Меллендорф в гл. об *adoptio*, замечает, что племянник может жениться на конкубине, и дети от неё рожденные почитаются внуками дяди, и что конкубинат различается от простого *consortium*, – "*го-мынь*" т. е. когда женщине дозволен только вход в двери мужчины, иначе – когда может входить к нему в дом как жена. В случаях сомнительных со стороны мужчины к женщине, которую желает иметь женою, это «восхождение в его дом» может продолжаться долго, даже могут родиться дети, тогда они присоединяются как законные в его семью; если главная жена бесплодна, этот закон именует этих детей "*е-цзы*" – дикими детьми, подобными животным, или "*цза-чжун*" – смешанное семя, порода. Если же мужем будет лицо, не совершившее брачной церемонии, и живущее с женщиной, имеющее детей, то они все в известное время формально входят в его дом как свой и самая церемония совершаемая есть введение простое, с вхождением без музыки. Иногда молодой человек берет сразу и законную жену и конкубину, тогда дает им особенные апартаменты, иногда живут вместе, и дети рожденные ими почитаются законными, ибо имеют *единого отца по праву и имуществу*.

В *Adoptio* – усыновлении, различается одно кровное для *agnati*, другое для чужого, иностранца; первое называется "*гуо-цзы*". Скрещиванье допускается для наследства, прижитой становится как наследник, а второй есть "*ян-цзы*" т. е. питомец, нахлебник, вскормленное дитя, приемыш для воспитания; когда не будет агнатов для усыновления кого-либо из них, тогда обращаются к другим семьям. На сто семейств в Китае, средним числом приходится пять с усыновленными детьми. Супружество, по закону, между родными и особенно близкими – строго воспрещается; носящие *одно прозвание*, не могут заключить брачного союза; между супругом и сестрою законной его жены – родство не признается, хотя и можно жить в его доме, но юридически, (если это девица), она будет признаваться живущею в доме своего родного отца или старшего брата. Пред вступлением к брак сын обязан получить согласие отца, так точно и при разводе с женою; за неимением отца, старший брат *in loco parentis* имеет это право. Сын или дочь, не желающие обременять себя брачным союзом, могут, с дозволения отца или старшего брата, вступить в монашество (*сэнь*) для усовершенствования себя в добродетели, войти в монастырь как бы в другое семейство под власть святого начальника, что и выражается изречением «*чу-цзя-сю-син*» или «*цзай-ця-сю-син*»; по истечении известного срока они могут снова возвратиться к прежнему состоянию и дому – "*хуан-сю*". Вдова с детьми или без них, как не находящаяся под *manus* супруга, поступает наравне с детьми под опеку агнатов мужа, или одного из них с правами *tutor legitimus*. Все действия им совершаются на имя опекаемого сына вдовы прежде всего и потом от своего имени, хотя мать со своей стороны может совещаться с мужниными и своими родными. Даже несколько поколений могут иметь своим опекуном родового старшину – *цзу-чжен*, как хранителя родовых таблиц – *бу*, и государственного регистра; вместо – родового первосвященника в домашнем культе предкам, этим старшим агнатом тутором может быть только лицо *старшего поколения*. Китайский дед назначается опекуном к своим внучатам, для коих занимает место их отца, хотя все прочие члены умершего и его жены *de facto* суть *tutores legitimi*. Дети рожденные от рабыни по сожитии с нею, суть "*чжу-хунь*", и могут быть свободными по официальному желанию и форме со стороны их отца, или остаться рабами. Вдова может выйти замуж вторично без согласия на то других родных агнатов, *чжу-цзя-суй-цинъ*, *цзай-цзя-суй-шэнь*, т. е. в замужестве (*nubere*) на первый раз она следует воле агнатов, во второй раз – собственной воле; *argha sponsalia* предоставляются или самой женщине, или агнатам её второго мужа; в отношении своего имущества и действий ей предоставляется право иметь доверенного и ходатая по делам. У китайских женщин *Fideicommissa* – весьма часты и обыкновенны, как защита от всякой тирании и хищничества нередко самого мужа, родных и чужих. Женщины, находящиеся под начальством чиновников на государственной службе, могут быть только конкубинами, но не законными женами. Вдова, получившая награду от императора считается правоспособною и может сама выйти замуж, или оставаться в прежнем положении.

Вдовец – чиновник высшего ранга, решившийся жениться в другой раз, считается оказывающим неуважение к оному, а потому – «бу-нэн-тоу хуан-ли-тянь, бу-нэн-чу-тхан-цзу», он не может получать более императорских подарков, не может являться в семейном зале предков (для жертвоприношений и совершения молитв). На подобие римского Atrium, служившего местом, где стояли члены семейства при поклонении пенатам в lares и совершении им жертв, у китайцев существуют семейные храмы или домики, где хранятся *шэнь-сян* – подобию предков почивших, или *шэнь-жун* – истинные портреты, также – *чао-и-да-сян*, украшенный двор, наполненный изображениями предков, куда вступают чрез *кэ-дин* – зал для принятия гостей, посетителей и пиршественный (atrium). Подобно тому, как у римлян при торжественных похоронах выставлялись *imagina maiorum* (изображения почивших), так у китайцев этого рода изображение делалось позади гроба с покойником. Впоследствии, каждое поколение для своего предка вышивало его портрет на ткани, такие «портреты» следующих одного за другим предков и поколений вывешивались в храме в их честь, в дни им посвященные. Брак между чиновниками, с певицами и актрисами, комедиантами, уличными музыкантами, – строго воспрещен законом. Монашествующие лица всякого рода и исповеданий, по снятии сана и выхода из монастыря, могут беспрепятственно обратиться к мирскому состоянию и жизни – «хуан-сю», и даже вступить в брак, если будет *animus matrimonii*, что выражается приведением жены в дом свой для сожителства и имения детей от неё. Женщин, кои по разным причинам не могут быть супругами, по любят погулять, сами родители не властны побудить на законную брачную жизнь. В провинции Гуан-дун существуют даже целые общества довольно сильно организованных вольных женщин ставящие задачей уловлять мужчин в свои постыдные тенета разврата, соединенного с нищетой и болезнями, обставленного религиозно. Правительство вынуждено было издать ряд прокламаций народу о вреде сих женских тайных союзов. В брачной церемонии китайцев заслуживают внимания «нуань-фан-фань» – свадебный рис (хлеб) в покое новобрачных, «хэ-цин-цзю-бэй» – заздравная чаша, заздравница, чаша веселия и соединенное питье гостей из неё; также – «хун-шань» – красное верхнее длинное платье невесты, подобно римской *tunica recta*, или *regilla*, опоясанное шелковым кушаком, носимым в первые три брачных дня; при разводе, женою возвращается хранимый ею «ли-шу» – форменный документ от жениха с предложением руки, и «кэнь-ди» – назначение брачной церемонии, у римлян это были *tabulae nuptiales*, разбиваемые при разводе, при смерти супруга и отца семейства. По смерти отца семьи тотчас совершаются четыре акта: «май-шуй-му-ю» – омовение почившего речной водой и «ши-чжан» – приготовление для него гроба, после чего происходит «шао-ши-цянь» – сжигание красной бумажной (по виду) монеты, и «ши-тянь» – принесение пищи и воды покойнику – его душе, после погребения; через год обязательно посещение гроба на кладбище. По исполнении первого рода формальностей совершается назначение *heres penessarius* – сын или старший в роде. Неимение потомка для продолжения рода, для каждого китайца составляет величайшее несчастье, и только сыну, старшему по преимуществу, дается право на закрытие очей отца своего, и все должное попечение при жизни; он обязан омыть отца, положить в гроб, похоронить, возжечь огонь и поставить таблицу с его именем в храме предков, он один из всех родных и семейства может возносить молитвы о родителе, принести ему жертвы в присутствии прочих, в известные дни поминовения общего и частного, его голос и решающее влияние обнаруживается во всех семейных делах и семейных совещаниях, он олицетворяет во всем своего отца – продолжая его телесную, духовную, имущественную личность. Ему принадлежит во всей полноте *patria potestas* над ближайшими членами семьи, домочадцами и рабами. Но эта власть не беспредельна, имеет ограничения: за исправление и наказание сына, детей, влекущее смерть, виновный отец наказуется 100 ударами палки, или ссылается далеко; продажа детей или отдача на временное подержание в качестве слуги (конкубины для девиц) хотя и совершается, но как исключение, и то – в беднейших классах народа. «По смерти отца, власть отеческая передается потомкам мужеского пола со стороны отцовской, и, за неимением их, материнской». По 319 арт. законов Цянь-Луна и кодексу, детоубийство почитается преступлением, хотя в обычае и совершается, с забвением сего закона; преимущественно замечается у Гакка, в провинциях Цзян-си и Фу-цзян. За городом в Фучжоу есть столб подле колодца, с надписью: «здесь не дозволяется топить (в воде) младенцев»; даже в 1877 г. местное начальство обращалось с неоднократными воззваниями и запрещением к народу о прекращении детоубийства, но напрасно. Это преступление преимущественно совершалось над девочками, оно может скорее всего свидетельствовать об ужасной нищете родителей, нежели о их намеренном нежелании

воспитывать детей, при средствах мало-мальски достаточных; всего чаще совершается это преступление под видом выкидышей (abortions). Закон китайский позволяет за то продажу родителями их детей, и помимо их согласия. Несмотря на размножение детей среди классов народа законных и незаконных, существует в Хуай-ане и Цзян-су обычай левирата, также единично и в других местах Китая; откуда он перешел, когда, какие основания существования, вопросы трудно объяснимые. В провинциях Цзян-си и Фу-цзяне замечательно преобладание детей женского пола, что отзывается не совсем благоприятно на народной нравственности. Дабы избежать семейных ссор при разделе имущества, каждый благоразумный отец старается разделить известные доли детям при своей жизни; при долговых обязательствах «фу-чжай-цзы-хуан» – сын уплачивает долги отца, если ж сыновней собственности будет мало, отвечают и все родные, особенно при долгах казне (напр. при растрате казенного имущества чиновником). Отцу предоставляется даже право посылать на известный срок сына в тюрьму чрез ближайшее начальство за преступление против его (неповиновение, оскорбление, побои). В Китае рабство имеет вид *mancipium* и *servus* римского права. Известно, что некоторые преступники у китайцев, взамен казни, издавна отсылались на границу своего государства как солдаты, и сей обычай сохраняется доселе. Магометане, как споспешные наиболее к исправлению сей повинности, в случае измены, по усмирении с их потомками, до 16-ти летнего возраста, убивались или кастрировались. В сем смысле известен мемориал генерала Цзо-цзун-тхина относительно пленных сыновей Якуб-бега. Рабы означенного рода, как исключение, всегда могут быть во время войн китайцев с магометанами, что с особенною силою было при восстании последних после тайпингов. Обыкновенным рабством у китайцев служит кабала, (*mancipium*), заточение (*bondage*) по договору, при участии власти отца; условия раба – *пу*, *ну-пу*, *ну*, или рабыни – *ну-би*, *ну-цай*, могут быть только созданы по настоянию отца дома, семьи. Китайский раб по большей части также свободен, как и римский, который был *civis* и *liber* в отношении всех лиц не его хозяина; наказуется же он степенью строже, сравнительно с свободным человеком, за убийство раба китайского, назначается наказание одинаковое за убийство и свободного гражданина. Китайский раб может иметь законную жену и concubine, как и все другие, его жена не обязана удовлетворять похоти своего хозяина, но знать только своего мужа, дети сего раба не могут быть продаваемы без согласия своего отца их господином; даже в отношении к образованию и экзаменам, для получения государственных должностей, потомки кит. рабов пользуются равными правами с прочими гражданами, как это постановлено законом при последних императорах нынешней династии, хотя некоторые чины и думают умалять этого рода статут. *Patria potestas* китайского раба почти одинакова с хозяином, у коего он живет и служит. Г. Шерзер, относя современные законы китайского и маньчжурского уголовного кодекса, по большей части к воспроизведениям таких же законов при цзинской династии (265–319 г. по Р. Х.), утверждает, что и всякое отношение между полами мужским и женским, вне брачного законного союза семейного, строжайше воспрещено, а потому преследуется как уголовное. Дети, рождающиеся от сих преступных связей, отнюдь не обязываются следовать состоянию матери; наоборот, такие дети обязаны отыскивать своего родного кровного отца, коему они принадлежать должны всегда. Несмотря на то, во многих городах Китая, имеет силу проституция, и местными обычаями изобретаются разнообразные способы к признанию детей. В иных случаях незаконнорожденные убиваются сряду по рождении, в других – поступают в больницы, где призреваются несчастные родильницы. Сами матери по большей части хлопочут о судьбе дитяти и если это девочка, то стараются отдавать в такие семейства на воспитание, где существуют мальчики, дабы те, при достижении половой зрелости могли жить с ними как с concubines и даже женами, если свое сожитие пожелают облечь в законную брачную форму. По отношению к рабам заметить следует, что в истории Китая, полной бурных политических переворотов и естественных периодических явлений засухи, наводнений, голода, болезней, классы нищего народа и рабов очень многочисленны, всегда были и будут; виновным политически и по уголовным законам получающим жизнь в изгнании или на службе, большею частью дается *status* рабов государственных под надзором чиновников; в отличие от простого народа полноправного, эти рабы брили всю голову или половину, оставляя косу, со временем, это бритье стало дозволительным и прочим, ныне обычай бритья головы почти повсеместный с оставлением длинной косы на маковке.

Изложив общие понятия о праве китайском – семейном, нельзя не заметить об организации разных обществ, преимущественно из лиц торговых, художников, ремесленников, издателей книг

и других подобных также возникающих с целями благотворительности в устройении школ, больниц, приютов для рожениц, домов призрения старых и больных, несчастных детей. Все сего рода отношения и возникающие учреждения, с законного дозволения, под охраною правительства, имеют разнообразные узаконения и распоряжения в форме статутного права, детальная разработка коих нередко совершается китайскими учеными в виде частных руководящих правил, советов, наставлений, помимо закона. В *China Review*, (vol. XII, p. 5–9) помещен в английском переводе интересный образчик правил, в числе 25, для купеческих и ремесленных обществ в портовых городах Китая, под заглавием: «Chinese guilds and their rules», другой образчик подобных правил в г. Кантоне, помещен в англ. переводе г. Дуоляйтля в его «*Vocabulary and Hand-book*» (p. 399). В них определяется личный состав, денежный взнос, условие действий и отношение членов, раздел прибыли и проч. детали. Таким образом, китайцами поддерживается всегда должный порядок, с устранением препирательств и борьбы, могущих происходить при неясности и не установке взаимных отношений и преимущественно с иностранцами.

Пользуясь переводами в *China Review* (vol. VIII, IX, X) отрывков из *Лю-ли* или общего китайского кодекса законов, даем понятие о сего рода новейшем сборнике законодательства. Издание оно совершено в 1877 г. и содержит, с дополнениями, все позднейшие ревизии за восемь лет существования Тун-чжи (1869). В оригинальном предисловии к сему кодексу говорится, что он компилирован по приказанию императора Шунь-чжи, – первого из татарской династии, и при котором *Лю* мингов были переведены на язык маньчжурский, с некоторыми прибавлениями новейших законов новой империи. Вследствие сего появились две части законодательного кодекса; в одной части помещены *Лю*, т. е. уже существующие таковы страны изданные старанием победителей, а в другой части собраны прибавления – *Ли*, составленные последующими правителями. В пятый год Юн-чжэна (1727 г.) Цинской династии, все законы были собраны вместе и пересмотрены, приведены в настоящий порядок и вид; число заглавий и глав, на которые они разделены, доходят до 436-ти; каждая глава состоит, (следуя основному делению), из двух частей, в одном отделе – *лю* т. е. собственно законы, и в другом *ли* – постановления и прибавления позднейшие из двух, трех, даже тридцати и сорока отделений, в коих излагается последовательно по времени самое нарастание законов более новых и современных по известному предмету. С появлением каждого нового закона в кодексе вводится и новая глава, которая и помещается под тою или другую главою предшествующего закона ему соответствующего и вводится в отдел *Ли* или особенных, специальных постановлений. Так. образ. *лю* служит образцовым типом (Framework), под который подводятся и все последующие указы, распоряжения, постановления; *Лю* остаются навсегда неизменными, хотя дополнительная последующая ревизия к оным может иметь изменения, входящие в состав *Ли*. По высочайшему повелению Цянь-луна, во II-й г. царствования (1746), постановлено производить ревизию кодекса однажды чрез каждое пятилетие. К сожалению, происшедшие внутренние беспорядки в государстве и внешние войны служили причиною пренебрежения к исполнению сего постановления, и только предпринята была ревизия законов в 1864 г. и закончена в 1870 г. Самая ревизия состоит в следующем: после многочисленных материалов служащих введением кодекса, – извлечения из императорского декрета и других правительственных распоряжений по предмету законодательных работ империи, все статьи расположены сообразно с существующими законами в их связи и последовательности с предыдущими, так что легко можно различать новые законы от старых, служащих литературными памятниками. На английский язык Стаунтон перевел часть кодекса – *Лю* и после него другая часть в неполном виде, отрывочно изложена в *China Review* (vol. VIII, IX, X). Для определенного и точного понятия о *Лю* и *Ли*, т. е. законе коренном и основном в собственном смысле (*лю*) и праве статутном (*ли*) его дополняющем по требованиям времени, важности и силе обстоятельств, взглядам законодателя, предлагаем образцы в русском переводе, с присоединением к ним примерных комментария и авторизованного парафразиса. Таковы следующие главы, отделения и параграфы: гл. 75 – о семействах и лицах не внесенных в государственный регистр и об ответственности за то пред законом; гл. 77 – о сооружении буддийских и даосских храмов, с привилегиями для их начальников и гл. 114 – о незаконном супружестве монахов буддийских и других и наказании за оное; гл. 78 – о незаконном назначении наследника, закон, перифразис, постановление; гл. 91 – об инспекции земель податных при случаях общественных бедствий, закон и постановления. В отношении литературном языке и стиля, китайское законодательство заслуживает

обстоятельного изучения, – это лучшее пособие в понимании не только языка строго официального (documentary, Styl Mandarin), но и общекитайского *гуань-хуа*, очищенного и обработанного, удобопонятного во всей империи, поскольку закон – необходим для всех подданных, со всеми их диалектами и наречиями, отговариваться неведением коего и отсюда неисполнением не может никто. Для гг. миссионеров и иностранцев живущих в Китае, знание коренных законов и статутных, в высшей степени желательно и полезно, ибо дает возможность к определению правильных отношений с их стороны к китайскому правительству и подданным. К сожалению, это законодательство, европейскими учеными только начинаемое научно разрабатываться, лишает возможности и нам передать полные и всесторонние сведения. Пользуемся для примера только указанием статей переведенных на английский язык в *Chine Review*.

Указание на главы и статьи китайского кодекса «Да-цин-лю-ли» переведенные на английский язык в *The Chine Review* vol. VIII, IX, X. vol. VIII – p.p. 1–18, 193–205, 259–276, 357–363. I. Гл. 225, воспрещение оставаться власти бездейательною по распоряжению на морских судах, плавающих по морю и вообще о действиях на них противозаконных; Лю (закон) и 45 Ли (постановлений). II. Наследство и назначение наследников (*hereditas et successio*) понятие о предмете: гл. 78, назначение в семействе наследника; закон и 7 постановлений (Ли); гл. 87, закон и одно постановление; гл. 88, закон, одно постановление (Ли) и замечание об *agnates*, с таблицей оных: родство – *цзун*: 1-й класс – сыны и потомки, 2-й класс – все сыновья и племянники брата (ши, тхан-ши, цзай-цзун-ши) и проч. Первая прямая линия *прапрадед*, от него: *прадед*, – *дед*, – *отец*, – *Adopter*, – *сыны*, – *внуки*. По боковым линиям: 1) *Прапрадед*, от него – 1-й двоюродный дед, – 2-й двоюродный дед, – дяди (цзу), – братья (цзу), – племянники (цзу), – двоюродные внуки (цзу). 2) *Прадед*, от него – двоюродный дед, – дядя (тхан), – братья (цзай-цзун), – племянники (цзай-цзун), – внуки двоюродные (цзай-цзун). 3) *Дед*, от него, – дяди, – братья (тхан), – племянники (тхан), – двоюродные внуки (тхан). 4) *Отец*, от него – братья, племянники, двоюродные внуки. Таков порядок классов родства, имеющих право наследования по китайскому праву. Во втором замечании касательно лиц в семействе – наследников, обозреваются: а) все сыны и мужские потомки, рожденные от главной жены или конкубины: б) права и особенности усыновленного в наследовании.

III. Регистрация и таксация, или занесение лиц в семейные и другие списки, с обложением земли налогом; понятие о сей системе, семья – *цзя*, *бао* или *ли*, их состав, *бао-чжан* и *цзя-чжан* (главы семейств), отношения *ху-лю*, списки – *цзе*, округ – *сян*, податная земля (*tenure land*), её виды и военные колонии – *тюн*; три случая ленного права по земле: 1 – плата земельной подати или правительственная рента, 2 – плата за лен, поместье, по отчуждении (о *alienation*), 3 – исполнение известных неопределенных личных услуг. Самые главы законов и постановлений касающиеся означенных предметов суть: гл. 75, о семействах и индивидуумах нерегистрированных; Лю и 2 Ли; гл. 76, каждое семейство должно быть зарегистрировано и принадлежать известному классу лиц; Лю и 26 Ли. IV. Гл. 77, регистрация и таксация: о сооружении буддийских и даосских зданий и построек храмов, с привилегией для начальников и наказаниями за нарушение законов о монахах и их действиях; гл. 80, недобросовестность в разделе общественного бремени (налогов и повинностей); 5 Ли; гл. 83, воспрещение незаконного приобретения титулов старшины (Ли-чжан или начальник 100 человек, *Шу-бао* или *Бао-чжан*); (Ли = 100 семейств, *цзя* = 10 семейств; в городах *фан* = квартал, гарнизон, крепость); гл. 84, об уклонениях от исправления общественного служения, Лю и 2 Ли; гл. 89, о мероприятиях направленных к облегчению положения престарелых и покинутых несчастных бедняков; Лю и 6 Ли.

Vol. IX, p.p. 129–136, 343–349. V. Гл. 90, лживое уклонение от земельной подати; Лю и 5 Ли; гл. 91, инспекция земель во времена разных бедствий; Лю и 15 Ли. VI. Гл. 93, обман при продаже земель и домов; Лю и 10 Ли; гл. 95, о закладном недвижимом имуществе и аукционной продаже земель и зданий; Лю и 11 Ли.

The Chine Review. Vol. X. 1881–1882, pp. 95–99, 357–365. Отд. VII. *Законы супружества*. Гл. 101. Лю. Брак вообще – его определение и понятие о семейных узах. Ли – 4 ст. Гл. 102. Приобретение жены или дочери за деньги. Гл. 103. Положение жены и конкубины. Гл. 105. Брак, совершаемый в течении законного периода траура. Прочие случаи – гл. 106, 107, 108. Гл. 109. Брак, заключенный между вдовцами, вдовами и их отношения. Гл. 112. Насильственное приведение свободной (вольной женщины). Ли 5; *случаи*. Гл. 113, гл. 114 (о буддийских и

даосских монахах), гл. 115 (отец семьи, женящийся на рабыне), гл. 116 (разводы и женитьба). Гл. 117. в браке незаконном наказание падает на главные договаривающиеся стороны – *Ли* 4. *Замечания:* а) о происхождении семейных наименований, при разных государях и в разные периоды времени; б) о происхождении воспретительного правила касательно браков между лицами одного и того же семейного названия и таблица кровного родства, степени коего расположены для мужского пола в квадратах с названиями оных, а для женского пола в кругах – тоже с означением родственных степеней; в) о рабах мужского пола и женского.

В международных трактатах Китая, преимущественно торгового и мирного характера, можно заметить необыкновенно тонкий ум и изворотливость в языке, побудившую европейских дипломатов к китайскому тексту присоединять по мере надобности договаривающихся сторон несколько переводов европейских – (русский, английский, французский или немецкий и др.) с дополнением тех же статей на маньчжурском (также корейском) языках. Европейскими учеными, с целью доставить возможность китайцам сравнивать свои законы и постановления с европейскими, сделаны на кит. языке два замечательных перевода, один – французского кодекса императора Наполеона I-го, и другой законов войны по праву международному. При богатстве и определенности множества специальных юридических понятий права европейского и подведением соответственно оным китайских понятий, устанавливается возможность к созданию точного и выработанного языка китайского, что для изучающих оный всесторонне и особенно переводчиков книг с европейских языков, представляет дорогой материал, облегчаемый и разного рода словарями, пособиями к изучению китайского языка разговорного и литературного, делового официального и простого общенародного по диалектам.

Честь перевода на язык китайский французского кодекса принадлежит Г. Биллекену, озаглавившему свой труд «Code français, translated into Chinese, by A. Billequin. Tung-Wen Collège, Peking. 1882. Для юристов это собрание законов имеет очень высокое значение. Наполеон I-й был уверен, что потомство оценит его труд и будет с ним в руке являться повсюду, куда поведет судьба, и что далеко за пределами Франции будут известны спасительные законы, составленные под руководством римского классического права. Ожидания законодателя исполнились великим вкладом оного переводным в литературу китайскую. Первый проект Наполеона I-го был напечатан об издании оригинала на французском языке в 1801 г. и разослан опытным ученым юристам, для разработки и пополнений; после продолжительных дебатов в законодательном отделении, Бонапарт передал оный в законодательный трибунал и комитет; в 1804 г. обнародован «Code Civil des Français». Китайское правительство в свою очередь оценило этот законодательный памятник, почтив переводчика с его товарищами достаточной оценкой и изданием на свой счет для китайского народа в весьма изящной форме, под редакцией Ван-вэнь-му, вице-президента министерства финансов и одного из самых влиятельных членов Цзун-ли-ямыня. Книга напечатана при Дун-вэнь-коллеже, и как издание правительственное, заслужило руководящий ученый авторитет для народа, юристов и чинов китайских. В своем введении к кодексу, Ван-вэнь-му говорит: «Мы, китайские государственные сановники, идучи ощупью и впотьмах в ожидании ключа к разумению варварских народов (?), ныне получили возможность изучать характерные их учреждения посредством одного (законодательного сборника) самого устойчивого, гибкого и благоразумнейшего из всех, и по нему учась, можем составлять безошибочное суждение о других. Да позволено же будет и нам сравнивать свои законы с чужеземными!» Хотя нельзя не пожалеть, что по обычной национальной ревности, китайские ученые всегда ставят свою цивилизацию выше других, тем не менее и означенный взгляд в лице их ученого, позволяет относиться с уважением к сделанному шагу сравнения и сличения своих законов с другими. В *Chine Review* (vol. X, p. 420–23) помещены для сравнения оригинальный французский текст кодекса ст. 144–151, и китайский иероглифический перевод.

Другим законодательным пособием для китайцев служит китайский перевод, под заглавием «Manual of the Laws of War on Land, prepared by the European institute of international Law transl. into Chinese by W. A. Martin. LL. D. President of the Tungwen College etc. Prepared by order of the Council for Foreign Affairs. Peking. 1883. Лучшее понятие о сем труде дается в предисловии к нему Чэнь-лань-бэнь, члена совета иностранных дел. Он говорит: «При внимательном обзоре руководства о законах войны, начертанных гг. Мойнье, Блунчи и другими, представляющими образ действий Швейцарии, Германии, Англии, Голландии, Франции, Испании, России, Австрии и Италии, я убежден, что цель сего рода поименованного труда – не поучение искусству войны, но состоит в изложении и надлежащем понимании веры в договоры (the faith of treaties),

соблюдении войны, мира с ближними, уврачевании раненых и уход за ними, с заботливостью о погребении убитых и от болезней умерших». Что касается мирных, торговых международных отношений, то все их касающееся, с установлением иностранной китайско-английской таможни в Китае, издается периодически в разных отчетах, на китайском и английском языках. Г. Гирту принадлежит честь в издании многих образцовых деловых документов, касающихся сего дела, разработки и установлении особых правил для стиля китайского языка, называемого им документальным. В словаре Г. Дуоляйтля, собраны также дорогие материалы, не только коммерческих, но и других специальных понятий в языке китайском находящихся и получивших право гражданства в новое время. Нельзя глубоко не пожалеть о том, что право церковное и многие ветви богословских знаний составляют недоступное поле для пытливого и благодарного ума китайцев, что отражается и на переводах Св. Писания на их язык, до сих пор не могущих почитаться удовлетворительными и законченными.

§ 82. Общее понятие о китайском уголовном праве и его развитии

Понятие (по Иакинфу) о законе и постановлениях китайских, разделении преступников на зачинщиков и сообщников, с перечнем десяти важных преступлений, с лестницею разных уголовных наказаний по Стаунтону – Уголовные случаи в брачном праве и общая характеристика преступных деяний китайцев и наказаний за оных – Монгольско-маньчжурское уложение и его содержание Обзор исторического развития китайского уголовного права (по очерку П. С. Попова); значение сего права и связь с философией классиков, общий характер права – Строгие государи и правители (Гао-ян, Вэнь-ди) и их суровая уголовная теория, им противоположный государь У-ди – Эпоха трех царствований; уложение Шуня, определение преступлений и наказаний при дин. Шан, Чжоу, государь Му-ван и его «теория штрафов»; «Фа-цзин» (уложение) в период уделов, суровость наказаний при дин. Цинь – Уложение «Люй-лин» импер. Ву-ди, пересмотр при импер. Юань-ди; законы при императорах Пин-ди, Хо-ди, при династиях Вэй, Хань, уложение импер. Мин-ди, законы Цзиньской династии и понятия о преступлениях – Кодекс при династии Лян и 20 статей оного – Кодекс при династии Хоу-вей, импер. Тай-у-ди, Сянь-вэн-ди, династии северной Ци, суровость наказаний, кодекс династии Чжоу, под именем «Да-люй» и содержание оного – Состояние законов при династии Суй, Тан, значение их кодификации и особенности

По отношению к законодательству Китая, как замечает о. Иакинф, должно вообще иметь в виду, что законами положительно определяется мера вины, а постановления, по стечению обстоятельств, смягчают или увеличивают оную, и потому считаются только пополнением законов, случайные же государевы решения по уголовным делам отнюдь не считаются положительными законами; для ведомства военного, лиц военнослужащих, существуют свои специальные законы.

По Уложению Уголовной Палаты Цинской (нынешней) династии, замечает о. Иакинф (Китай. 1840), преступники делятся на *зачинщиков* и *сообщников*, наказания делятся на пять видов с их степенями (наказание малою палкой, – большою, ссылкой в близкие или отдаленные места, отсечение головы сряду после судебного приговора или «по заточении» во время общей казни по всему государству, зимою). Известны следующие десять важных преступлений влекущих смертную казнь и не прощаемых никакими милостивыми манифестами: 1) *злоумышление против общественного спокойствия* и 2) *против царствующего дома*; 3) *измена отечеству*; 4) *отцеубийство* (т. е. убийство отца, матери, деда, бабушки, старшего брата или сестры, – мужа женой); 5) *бесчеловечие* (т. е. умерщвление семейства из 3-х и более человек; – рассечение человека на части; – детоубийство; – отрезание сосцов у женщин; – составление ядов и чародейство); 6) *неуважение к верховной власти* (состоящее в следующем: похищение жертовенных сосудов, колесниц, одежды; – кража и подделка царских печатей; ошибки в изготовлении недолжных рецептов для государя и блюд для его стола; – непрочное строение судов для путешествия государя, – ошибки при вложении докладов в конверт); 7) *неуважение к родителям* (к сему относятся: поношение деда, бабушки, отца, матери, свекра, свекрови; – перемена родины и раздел с отцом, матерью, дедом, бабушкой; – отказ в пропитании отца и матери; – женитьба в трауре по отцу и матери; – утаение траура по отцу, матери, деде и бабушке; – ложное объявление о кончине их); 8) *семейный раздор*; 9) *несправедливость* (случаи её и признаки: когда разночинец убьет своего начальника – уездного, окружного или областного; – солдат – своего командира; канцелярист – своего начальника от 10 кл. и выше; – ремесленный – своего учителя; – когда жена, по кончине мужа, не выносив срока траура, выйдет скоро замуж за другого); 10) *кровосмешение* (т. е. прелюбодеяние с родственницами до 4-й боковой линии и с наложницами деда и отца). Преступники, коим отрезывается сряду после суда голова и выставляется напоказ, (и в некоторых случаях самое тело режется в куски), суть тринадцати степеней: 1) злоумышленники против государя; 2) умышленные отцеубийцы; 3) жены и наложницы – убийцы мужа или деда, бабушки и свекрови; 4) зачинщики из убивших более 3 человек; 5) убийцы старших родных; 6) зачинщики – убийцы детей или оскопители женщин отрезанием сосцов; 7) сын убивший в ссоре отца или мать и внук – деда или бабушку; 8) атаман, убивший чиновников при освобождении преступников из тюрьмы; 9) старшие, убившие в семействе, до 3-х человек с хищническою целью наживы; 10) ссыльный невольник, убивший до 3-х человек в семействе своего хозяина; 11) жены и наложницы, вступившие в любовную связь с

родными и убившие своего мужа; 12) младший родственник убивший старшего родственника; 13) сухопутные и морские разбойники, убившие правительственных чиновников. Всего по Цинскому уложению считается 2.750 преступлений, влекущих пять видов наказания; с 1644 г., с отменой для чиновников телесного наказания, существует для них пеня и снятие чинов, за преступления по должности, от смертной казни хотя и не изъеются за общие преступления, но могут откупаться, исключая случаев не прощаемых законами. Вообще для *чиновников* от 10-го класса, – *знаменных*, т. е. родившихся в состоянии восьми знамен, – *воспитанников астрономического института*, – *женщин и девиц*, – *престарелых и малолетних* существуют известного рода изъятия из шкалы суровых наказаний за разные преступления более или менее тяжкие.

Наказание по китайскому уголовному кодексу. В дополнение к ссылке существуют три степени *изгнания* в разные местности: 1) *зловредные*, 2) *близко зловредные границы*, 3) *самые зловредные и отдаленные местности*. Во всех случаях соединяется весьма тяжелая военная работа. Для двух первых классов чинов, из пяти первых, (по замечанию Стаунтона) изгнания не существует; самым же легким наказанием считается получение от своего начальства 60 ударов палкой; старики мужчины и старые женщины могут освободиться и от сего наказания денежным выкупом, хотя не освобождаются от ссылки, или телесного наказания ремнем по спине (для женщин) и мужчин по заднице. Вредоносными местностями почитаются: *Хэ-нань*, в Гуан-си, части *Юнь-нань* и *Гуэй-чоу*; прочие места отдаленные суть *Или*, *Урумци*, *Гирин*, *Амур*.

Лествица китайских уголовных наказаний за преступления против публичного и частного права (по Стаунтону)¹⁶³

Уменьшенные наказания									
№ по порядку	Непосредственные наказания	Денежный зачет	За воровство	За взяточничество по закону	Подкуп объекта незаконному	по объекту собственности	по объекту общественной	по объекту общественной	по объекту общественной
Счет на унции серебра									
1	20 ударов бамбуков. палкой	1 или менее.	–	–	–	–	–	–	–
2	30 »	1 до 10 унц.	–	–	–	–	–	–	–
3	40 »	20 »	–	–	–	–	–	–	–
4	50 »	30 »	–	–	–	–	–	–	–
5	60 »	40 »	1 или менее.	1 или менее.	–	–	–	–	–
6	70 »	50 »	10 »	10 »	»	1 или менее.	1 или менее.	–	–
7	80 »	60 »	20 »	20 »	»	1 до 5 унц.	1 до 5 унц.	1 или менее.	5
8	90 »	70 »	30 »	30 »	»	10 »	10 »	1 до 2,	5
9	100 »	80 »	40 »	40 »	»	15 »	15 »	–	5
10	60 1 год ссылки	100 »	50 »	50 »	»	20 »	20 »	– 7,	5
11	70 1 ½ года ссылки	200 »	60 »	60 »	»	25 »	25 »	–	10
12	80 3 года ссылки	300 »	70 »	70 »	»	30 »	30 »	– 12,	5
13	90 2 ½ года ссылки	400 »	80 »	80 »	»	35 »	35 »	–	15
14	100 3 года ссылки	500 »	90 »	90 »	»	40 »	40 »	– 17,	5
15	100 вечное изгнание на ли и более	2000 »	100 »	100 »	»	45 »	45 »	–	20
16	100 вечное изгнание на ли и более	2500 »	110 »	110 »	»	50 »	50 »	–	25
17	100 вечное изгнание на ли и более	2500 »	120 »	120 »	»	55 »	55 »	–	30
18	Смертная казнь посредством удушения	свыше 120 унц. серебра	свыше 120 унц. серебра	свыше 120 унц. серебра	80 или 100, если низш. чинов	80 или 100, если крайнем случае	80 или 100, если крайнем случае	В 80 в крайнем случае	

Случаи в китайском уголовном праве, касающиеся брака и отношений брачного права: 1) Ли-цзы, adoptio или усыновление, его значение и сила замечаний об оном (Chin. Review, vol XIV, 1885–86, p. 199–205) (гл. 18, Ли 10); 2) Член семейства, однажды изгнанный формально из него, не может быть наследником в семейной собственности; 3) После формального сговора женщина может выйти за другого, если брак не совершился, но если невеста уже зачала младенца, то может выйти за другого, только по разрешении от бремени; 4) Брак с женщиною, до истечения срока ношения ею траура по умершем первом муже; 5) Жена выходить за муж за другого во время нахождения в темнице своего первого законного мужа; 6) Брак женщины, помолвленной за одного из братьев незаконно и без юридических последствий; 7) Сила брачного союза и случаи неправильности технической восполненные добрым поведением и обычаем согласия; 8) Контроль, долженствующий принадлежать хозяину рабов при устройении между ними брачных союзов; 9) Случай, когда некто, долженствовавший получить наследство из одной семейной собственности, был принужден насильно вступить в брак с женою младшего брата, вследствие чего совершил убийство.

Из преступлений у китайцев наиболее частые и обычные суть – кража в её разных видах и степенях, от самой мелкой до высшей и крупной, как в отношении собственности частной, так и общественной, лихоимство, незаконные поборы и вымогательство чиновников и служащих, подкупы при ссорах и судебных тяжбах, что влечет за собою неминуемо законную кару, начиная с наказаний палочными ударами бамбуком или плетью и кончая ссылкой или изгнанием в отдаленные места, почему-либо вредные для здоровья, или сопряженные с изнурительными исправительными арестантскими работами. Китайское законодательство, весьма разборчивое и тонкое в распределении степени наказания за означенные, и другие более тяжкие преступления, представляет оригинальную лестницу, в коей включается и денежная сумма от заслуженных наказаний. Заимствуем оную от г. Стаунтона, переведившего на английский язык часть китайского уголовного законодательства (см. выше). На основании разных кодексов уложений, за различные периоды времени, сформировались роды наказаний более или менее суровые и легкие, таковы: удары бамбуковою палкой, стегание кожаной плетью, нарезы на шее, удушение, удушение, отравление ядом, кастрация половых органов, ослепление, отсечение части телесного органа, совершавшего преступление, отсечение головы, рассечение всего тела на мелкие куски, раздавление между камнями, распиливание пополам, варение в котле с горячею водою, сжигание, побиение камнями и заживо погребение в земле, утопление в воде; прочие мелкие наказания дисциплинарные (для учеников и детей в семействах) удары по ладоням рук, привязывание за косу головы к какому-либо предмету внутри дома или школы и вне оных, наказание розгами, ставление на колена в комнате и за дверь, оставление без обеда и проч.

Составляя законы и уложения для китайского народа в собственном смысле, правительство китайское – в уважение к прежней политической самостоятельности монголов и маньчжуров, и по особенностям их быта, нравов и обычаев, руководствуется особым для них уложением, выработанным в течении многих годов их жизни, до соединения с китайцами. Этот кодекс переведен поэтому при китайской палате иностранных дел и уголовной на китайский язык, с присоединением монгольского и маньчжурского текста; на русский язык, переведен о. иеромонахом Иакинфом и издан в его записках о Монголии (1828 г.). Следуя сему последнему переводу даем следующее понятие о монгольско-маньчжурском уложении. Содержание оно следующее: отд. I-е (1–24 ст.) о *достоинствах* (различаются сыновья царевен, князей 1-й и проч. степеней. Тайцзии, Бэйз-Тайцзии, Табунаны, Чжасаки – князья владетельные управляющие знаменем, Хомун-чжангин, Мэйрен-чжангин, Сомун-чжангин, Чжалань-чжангин, княжеские управители и телохранители, Бэйлы и Бэйзы, Гуны и проч.); отд. II-е о *ревизии и обязанностях* (1–23 ст.) с означением штрафа (пятки, десятка скота; народные единицы: эскадрон (15 чел.), десятка юрт, и проч.); отд. III-е о *приезде ко двору и представлении дани* (1–9 ст.); отд. IV-е о *соборании на сейм и отправлении на войну* (1–13 ст.); отд. V-е о *межах и караулах* (1–17 ст.); отд. VI-е о *грабеже и воровстве* (1–35 ст.); отд. VII-е о *убийстве* (1–10 ст.); отд. VIII-е о *жалобах* (1–5 ст.); отд. IX-е о *поимке беглых* (1–20 ст.); отд. X-е о *разных преступлениях* (1–17 ст.); отд. XI-е о *ламах* (1–6 ст.); отд. XII-е о *решении следственных дел* (1–29 ст.). Прочие отношения жизни, имеющие религиозное основание для монголов и маньчжуров, определяются в кодексах

буддийских «Ганджур-Данжур» переведенных и на китайский язык. У магометан имеет значение Коран по преимуществу (см. выше отд. III).

Предлагаем в частности обзор постановлений и законов постепенно формировавшихся по уголовному праву китайцев, часто изменявшемуся в установлении градаций наказания и определения степеней тех или других преступлений. Пользуемся для сего очерком по сему предмету П. С. Попова (1880 г.), в коем обзревается уголовное китайское законодательство с древнейших времен до X века по Р. Х.; недостающее далее, восполняем сведениями о праве новейшем по исследованиям и переводам помещенным в *China Review* (vol. VII, IX, X). Для нас имеет этого рода обзор особенный интерес, необходимый в дополнение к классикам китайским потому, что устроая свою жизнь по философским и практическим принципам, и высоко нравственным идеалам социально-политическим и религиозным, китайцы доходят и до законодательной регламентации всех мелочей жизни, не отступая от закона (Лю) как высшего руководящего принципа и нормы в мелких случаях. Этим они достигают более или менее полно до того идеала, с коим соединяют понятие о святом и совершенном человеке. В праве уголовном раскрывается отрицательная сторона идеально-совершенно и святого человека, все уклонения его от прямого пути и направления к природе испорченной, тогда как в праве гражданском устанавливаются в идеальном очертании и обобщении разнообразные отношения людей друг в другу – личные, имущественные, договорные, права вотчинные и наследственные.

Нужны ли ужасающие законы, коими караются отступление от добрых и прекрасных нравов и обычаев? Если они существуют, то в каком виде и насколько помогают улучшению народному? Каждому периоду истории Китая и известному царствованию государей свойственны особенности жизни, отражавшиеся на законодательстве уголовном в особенности. Таковы понятия о преступлении, его видах, силе ответственности пред положительными требованиями закона и нравственными правилами обычая, градация соответствующих наказаний, большая или меньшая жестокость и суровость оных нередко стоят в связи с благоустройством государственным или политическими и внутренними беспорядками и войной. Иногда сами государи, их министры, законодатели и судьи настолько являются испорчены и недостойны своего великого назначения, что возбуждают ужас и содрогание в преступлениях вопиющих на небо; что всего замечательнее – те же лица требуют от народа идеальной святости и непогрешимости, а потому к его грехам и правонарушениям являются крайне жестоки и непропорционально требовательны. Основатель династии северной Ци (850–577) Гао-ян, отличавшийся надменностью и слабостью к вину, при разгулах чувства гнева или радости, в своем дворце имел всякого рода пытки для обвиненных преступников, которые совершал с величайшим наслаждением, сам распиливал человека, толоч в ступе, резал в куски, жарил это мясо, а изжарив пожирал. Для сего «высокого употребления» судебный трибунал всегда держал наготове жертвы. Сей царь, отправляясь даже для принятия обетов буддизма в Цзинь-фынь-тай, как говорят историки, призвал множество приговоренных к смерти преступников, и с крыльями сплетенными из камыша, приказал им лететь вниз (с места в. высокого); что конечно сопровождалось смертью несчастных жертв. Это, на языке тирана называлось «отпустить живым» или «отпустить на свободу». Другой император Вэнь-ди, проложивший путь к престолу убийством отца и старшего брата, любил жестокие наказания для виновных и пытки при допросах; предаваясь необузданному сладострастию и мотовству, истощая казну и народ непомерными налогами, был причиною того, что сам народ в сильной степени предался грабежу, насилиям, воровству, что еще более увеличило издание строгих наказаний – разорвание, раздавление и т. п. Один из государей династии Лян (502–567) У-ди представлял другой противоположный тип крайне сострадательного и жалостливого человека при наказании даже важных преступников и весьма неохотно подписывал смертные приговоры; что вело к большим злоупотреблениям милостью и служило источником громадного зла среди служителей правосудия и в народе, коего дурные страсти вели к своеволию и попиранию всяких законов нравственных и положительных. Эпоха так называемых трех царствований представляет печальное забвение нравственных принципов, и отсутствие положительного законодательства, ограничивающего злую волю подданных; несправедливости правительства и распущенность народа – обычные явления. Формация законодательства в составлении сначала частных кодексов, затем их сборников и уложения более сложного и правильного в Китае совершается постепенно. По уложению Шуня (за 2225 л. до Р. Х.) известны пять родов наказаний: плетью

чиновников, – розгами за нерадение о хозяйстве, – денежная вира за неумышленные преступления, – суд по делам до высочайшего помилования, смертная казнь для нераскаянных преступников. Цель наказаний – исправление народа и выведение на нравственную дорогу.

При дин. *Шан* (1783–1134 г. до Р. Х.) определяются десять преступлений, имеющих основание в нравах своего времени, таковы: страсти к песням и играм с пьянством (волшебные нравы), – к любостыжанию, распутству, разгулу и охоте (развратные нравы), презрение к словам святого, сопротивление советам искренним, удаление от добрых людей и опытных (революционные нравы). При дин. *Чжоу* (1134–258 до Р. Х.), законы делятся на 5 родов: – земледельческие, военные, гражданские договорные, о чиновниках, о наказаниях. Замечателен обычай сидения *на камне* преступника в оковах известное время и потом отдача в работы. Казни убийц – сжигание, изрезание на мелкие куски, прочих преступников – клеймение, ослепление, рабство; малолетние, старики, безумные – освобождались. При *Му-ване* (1001–946 г. до Р. Х.) развивается принцип штрафования, сверх казни и других наказаний. В период уделов, составляется уголовное уложение в 6 главах – “*Фа-цзин*”, к нему присоединяется после министром Сяо-хэ еще 3 статьи, и все уложение о 9 гл. называется “*Цзю-фа*”. При дин. *Цинь* (246–202 г. до Р. Х.), при соединении в одно целое множества разрозненных дотоле владений и борьбе власти с произволом и упорством многих личностей, наказания чрезвычайно жестоки, (сверлят голову, вырывают ребра, варят в котле). При дин. *Хань* (202 г. до Р. Х. и по 9 г. по Р. Х.), *Гао-ди* смягчает жестокость прежних наказаний, дает три закона новых о преступниках, и импер. *Вэнь-ди* (179–157 г. до Р. Х.) заменяет клеймение *обритием головы и надеванием на неё железного обруча*, другие обязаны толочь для горожан рис, иным даются только палочные удары вместо урезывания носа. К сожалению, смягчение наказаний повело к увеличению преступлений, что доказывается насилием, кровопролитием и необузданным произволом китайцев в сие время, стоявших невысоко в понятиях о нравственном долге. При воинственном императоре *У-ди*, составлено уложение о наказаниях – “*Люй-лин*” в строгом духе, с привлечением к ответственности лиц, знавших о преступлении и укрывавших, зато старикам 80-летнего возраста отменяется вовсе самое наказание, за исключением случаев клеветы, убийства и нанесения ран. Император *Юань-ди* (48 г. до Р. Х.), желая затруднить нарушение законов и облегчить исполнение их, делает пересмотр старого уложения и исключает из них более 70 случаев наказаний и штрафов. Император *Пин-ди* (4 г. по Р. Х.) отменяет закон о привлечении к суду жен и дочерей чиновников, обвинявшихся в важных преступлениях, также стариков и малолетних, за рабами признаются человеческие права. При императоре *Хо-ди* (1 и 2 в. по Р. Х.), евнухи злоупотребляют своими правами, что вредно отзывалось и на правосудия. При династии *Вэй* (220–264 г. по Р. Х.) возбуждается вопрос о смертной казни, смягченной при династии *Хань*, введением ударов бамбуковой палкой; при императоре *Мин-ди* (227–239 г. по Р. Х.); составляется особой комиссией уголовный кодекс «новых законов и уложений династии Вэй, под председательством Чэн-цзюня, в 18 главах», и «наказ для провинциального управления в 45 ст.», и прочие наказания высшей администрации и войск, в 180 ст. В уголовном кодексе, удерживаются 5 родов наказания: три вида смертной казни, полное обритие головы, и неполное с работами, одиннадцать степеней окупа, и шесть степеней штрафа. Цзиньской династии император *У-ди* (265–420 г. по Р. Х.), издал новые законы, с проверкой старых, в 60 главах, заключавших 2926 статей; самый труд исполнен под председательством Цзя-чуна и закончен в 267 г. Примеры понятий о преступлениях: 1) совершенное заведомо преступление называется «*преднамеренным*»; 2) а совершенное под влиянием взгляда, как на явление нормальное, назыв. «*ошибочным*»; 3) нарушение преданности и оскорбление высших, есть “*обман*”; 4) вероломство и коварство, суть “*ложь*”; 5) бесстыдное нарушение долга, есть «*отсутствие почтения*»; 6) убийство и нанесение побоев в мирное время, есть “*разбой*”; 7) обсуждение двумя лицами с глазу на глаз какого-либо действия, составляет “*замысел*”; 8) овладение чужой собственностью, есть «*воровство*»; 9) действие, совершенное без согласия другого, есть “*насилие*”; 10) представление претензий с двух сторон по одному предмету, составляет “*спор*”; 11) а схватки двух лиц, с желанием нанести вред друг другу, есть “*драка*”. В царствование *Юань-ди* (317–322 г. по Р. Х.), возбуждается вопрос о восстановлении казней, но оставляется без последствий. Император *Мин-ди* (326 г. по Р. Х.) восстанавливает закон о распространении наказания на три поколения, исключая лиц женского пола. При династии *Лян* (502–567 г.) особой комиссией под председательством Ван-ляна, составляется кодекс законов, после пересмотра прежних, в 20 главах, с 15-ю видами наказаний. Содержание глав: 1) виды наказания; 2)

уголовные законы вообще; 3) воровство и грабеж; 4) разбой; 5) ложь; 6) взяточничество; 7) возбуждение преследования по инициативе правительственных агентов и о принесении жалоб частными лицами; 8) поимка преступников; 9) арест и допрос; 10) решение процесса; 11) смешанные постановления; 12) о народонаселении и податях и правах состояния, и проч.; 13 и 14) о разрушении и уничтожении чужой собственности; 15) охрана дворца; 16) пожары и наводнения; 17) хлебные магазины, кладовые и казначейства; 18) государственное коннозаводство и скотоводство; 19) заставы и рынки; 20) о нарушении постановлений.

Из наказаний выделяется: отсечение головы и выставление её на показ, обривание головы с надеванием железного обруча, присуждение к каторге на 5, 4, 3, 2 года, и право выкупа с определенным взносом кусков шелковой материи или золота в пользу правосудия; орудия пытки и наказания – палки и плети из сыромятной кожи с узлами и без узлов; при бунте и злоумышлении на государя полагалась смертная казнь, а жена, мать, дочери и сестры, наложницы преступника поступали в рабство чиновникам. Женщины и дети за преступления наказывались на половину, некоторые от пытки и казней даже совсем были изъяты. Результатом сего порядка вещей было сильное злоупотребление властью чиновников, особенно усилилось взяточничество, число приговоренных к работам ежегодно достигало 5.000 человек. Уголовный кодекс при династии *Хоу-вей* (386–534 г.), составленный её основателями, весьма несложен: только государственная измена и бунт наказуются смертью, преступники и его род, прочие преступления – даже убийство допускается выкупать золотом и серебром. При императоре *Тай-у-ди* неким *Цуй-хао* составляется новое уложение, с изменением степеней и суровостью в некоторых наказаниях: резали пополам за преступления против государя; существовало оскотление и рабство; отцеубийцы разрывались с привязыванием к телеге, отравители ядами – сжигались, чародеи топились в реке, беременные женщины, дети до 14-летнего возраста. 80 и 90-летние старики избавлялись от тяжкого наказания, кроме убийства. При императоре *Сянь-вэн-ди* (во 2-й половине V в.) народ необузданно предаётся *пьянству* и потому запрещается гонка водки и пьяницы наказуются смертью, вино разрешается для употребления в весьма редких праздничных случаях; скоро смертная казнь за пьянство заменяется телесным наказанием, по обнаженному телу. При династии *Северной Ци*, (550–577) усиливаются грабежи и разбои, за что вводятся строгие законы, влекущие смертную казнь, а жены и дети виновных обращаются в *публичных певиц и певцов*. Император *Гао-ян* сам совершает во дворце свои смертные казни и пытки. По уголовному кодексу Цинского дома известны: смертная казнь с четырьмя видами (разорвание тела, отсечение головы с выставлением на показ и без, – удушение); ссылка в солдаты на границу с битьем палкой, плетью, бритьем волос на голове, бритье бороды с дополнением палочных ударов; откуп от телесного наказания взносом известного количества кусков шелковой материи и проч. Преступления, определяемые в кодексе суть: мятеж, заговор против государя, измена, переход в чужое подданство, отцеубийство, бесчеловечие, святотатство, непочтительность к родителям, старшим и начальникам, кровосмешение. При династии *Чжоу* (557–581 г.) известен кодекс "*Да-люй*" – большое уложение, состоящее из 25 отделов, он был начат при импер. *Вэнь-ди* и кончен при импер. *У-ди*. Содержание кодекса: 1) виды наказаний; 2) классификация законов; 3) жертвоприношения; 4) народонаселение и подати; 5) брачное состояние; 6) полиция благосостояния; 7) пожары и наводнения; 8) публичные работы; 9) охрана дворца; 10) правила о торговле; 11) драки; 12) грабеж и воровство; 13) разбой; 14) нанесение вреда чужой собственности; 15) нарушение указов и постановлений; 16) заставы и переходы; 17) вассальные князья; 18) государственное скотоводство; 19) разные преступления; 20) ложь; 21) подкуп; 22) тяжбы; 23) побеги; 24) взятие под стражу и допрос; 25) постановление приговора. Виды наказаний: 1) пять степеней от 10 до 50 ударов бамбуком; 2) пять степеней наказ. плетью от 68 до 100 ударов; 3) пять степеней работ от 1 года до 5 лет, с ударами бамбуком или плетью; 4) пять степеней ссылки за 2.508–4.500 ли (ли = ½ версты); 5) пять степеней смертной казни – повешение, удушение, отрубание головы с её показом, разорвание тела. Для приговоренных к смертной казни дозволялся в известный срок и выкуп. При династии *Суй* (581–619) происходит значительная перемена во многих означенных выше статьях и положениях, перечисляются только 10 тяжелых из них; отменяются 154 прежние статьи, влекущие за собою ссылку, и более 1.000 статей, влекущих к работам и другим наказаниям. Династия *Тан* (620–901) царствовавшая почти три столетия и успевшая тесно соединить весь Китай в одно целое, замечательна и законодательством, особенно уголовным, послужившим прототипом для кодексов Сунской, Минской и Маньчжурской династий. Самый кодекс был составлен особой

комиссией из 10 членов, под председательством Чжан-суня, закончен в 654 г., разделяется на 12 глав. Содержание следующее: 1) общие постановления; 2) постановления о страже; 3) о должностных лицах; 4) о правах состояния; 5) о государственном хозяйстве; 6) о злоупотреблениях в военном деле; 7) о разбойниках и ворах; 8) о тяжбах; 9) о подлогах; 10) смешанные законы; 11) о поимке бежавших преступников; 12) о решении уголовных дел. Пред каждою главою есть заметка: – входила ли эта глава в известные кодексы или нет, когда и под каким названием; в конце каждой главы приложен объяснительный словарь трудных выражений в ней находящихся; делаются пояснения на каждую статью о наказаниях, в вопросах и ответах дается юридическое решение разных случаев. Самые подробности определения преступлений и наказаний с их существенными градациями изложены с оригинала китайского в историческом очерке П. С. Попова уголовного законодательства Китая. (1880 г.).

§ 83. Очерк китайской литературы разных писателей с древнейших времен до настоящего, на основании сведений, сообщаемых Жилесом, Георгиевским, Васильевым, Гартом, с замечаниями о деятельности «Folk-Lore Society», его изданиях, характере и направлении народного кит. творчества

Характеристика литературы (Жилеса) по династиям: 1) Чоусская и Цинская династия (550–200 до Р. Х.); 2) дин. Ханьская (200 г. до Р. Х. и 200 г. по Р. Х.); 3) шесть династий (200–600 г. по Р. Х.); 4) дин. Танская (600–900 г.); 5) дин. Сумская (900–1200 г. по Р. Х.); 6) дин. Юаньская и Минская (1200–1650 г.) – Перечень имен авторов по означенным рубрикам династий, с названием отрывков из их произведений, переведенных на английский язык Г. Жилесом – 1. Дин. Чоу и Цинь: 1) Кхун-фу-цзы, 2) Цзо-цю-мин, 3) Ле-цзы, 4) Ку-лян-шу, 5) Ян-цзы, 6) Чуан-цзы, 7) Чжу-бин, 8) Сун-ю, 9) Тхан-гун – 2. Соперничающие княжества: 1) Мэн-цзы, 2) анонимный писатель, 3) Сюнь-цзы, 4) Ли-сю – 3. Династ. Ган: 1) Сы-ма-цзян, 2) императоры: Гао-ди, 3) Вэнь-ди: 4) Ву-ди; 5) Чао-цзу, 6) Дун-фан-су, 7) Сы-ма-сян-ю, 8) кн. Чун-шань. 9) Ли-лин, 10) Лу-вэнь-шу, 11) Шу-чуан, 12) Гу-юн, 13) Ма-юань, 14) Бань-цзе-ю – 4. Шесть династий: 1) имп. Мин-ди, 2) Лю-лин, 3) Дао-юань-мин – 5. Дин. Тан: 1) Чжан-юэ, 2) Чан-чжи, 3) Ли-дай-пху, 4) Ду-фу, 5) Хань-вэнь-гун, 6) Лю-цзунь-юань, 7) Ван-чжан-лин, 8) Ли-хуа, 9) Лю-ю-си, 10) Ихо-цю-и, 11) Бэй-линь, 12) импер. Ву-цзун – 6. Дин. Сун: 1) Сы-ма-гуан, 2) У-ян-сю, 3) Су-дун-пхо, 4) Ван-ань-ши, 5) Чоу-тунь-и, 6) Хуан-тхин-цян, 7) Ио-фей, 8) Чжу-си, 9) Вэнь-тянь-сян – 7. Дин. Юань и Мин: 1) Лю-инь, 2) Лю-чжи, 3) Фан-сяо-ю, 4) г-жа Чжан, 5) г. Чан, 8) Цзун-чэнь, 7) Ван-дао-кхун, 8) Сю-се – Замечание о китайской поэзии в XIV–XIX ст. по сочинению г. Гуарта. Перечень авторов и названий их трудов в китайской литературе по обзору г. Георгиевского (Принципы жизни китайцев) – Перечень китайских авторов и сочинений разных отделов знаний, по очерку кит. литературы В. П. Васильева – Категории китайской народной литературы по программе Г. Лекгарда для изданий «Folk Lore Society» в Гонконге и замечание о китайской библиотеке при Пекинской Росс. Дух. и Диплом. Миссии – Заключительные выводы Г. Скарборуча о китайской народной литературе, её направлениях, задачах и значении – Статистические данные народонаселения в Китае и соседних странах, по религиям: конфуциан, даосов, буддистов и др., на основании показаний в исследованиях о том разных ученых за разные периоды времени

Знакомясь специально с содержанием, учением и текстами некоторых классических китайских книг, находим полезным коснуться имен и прочих авторов в исторической их последовательности. Извлекаем сведения о сем предмете из английского сборника – «Gems of Chinese literature» (London. 1884) т. е. «Перлы китайской литературы» издание в переводе на английский язык отрывков авторов с замечаниями И-на Жилеса. Обзоряемое поле китайских авторов с V в. до Р. Х. по XVII ст. по Р. Х., характеризуется хотя в весьма сжатом виде, но не лишенном интереса; можем воспользоваться оным как первым опытом и оригинальным по собранию материалов, имеющих значение хрестоматии. Г. Жилес не останавливается специально на тех классических авторах, кои переведены и исследованы Леггом, А. М. Мюллером, Потье, Бальфутом и другими, хотя и касается слегка. Вот как отзываясь он об огромном обзоряемом за 2.200 лет периоде китайской литературы по династиям, когда жили и писали авторы.

1) Литература Чоусской и Цинской династий (550–200 до Р. Х.) знаменита творениями Конфуцзы, Мэн-цзы, Цзо-цю-Мин'а, переведенными на европ. языки и обследованными более или менее полно и удовлетворительно. Тексты сего периода хотя суровы и шероховаты в стиле, но полны могучей экспрессии, и бесподобны по драматизму. Многие сцены у Цзо-цюань'я живо поражают ум читателя, подобно классическим образцам Илиады и Одиссеи, если он достаточно владеет знанием китайских иероглифов и способов разуместь оные. В поэзии мы встречаем весьма маловразумительные элегии, главным образом из под пера Чжу-Пхин'а (Chin P'ing); в философии встречаемся с Чжу-ан-цзы и Ле-цзы, весьма тонкими излагателями идей Лао-цзы.

2) Литература династии Ханьской (Han) (200 до Р. Х. по 200 по Р. Х.) отражает, благородные достоинства своего времени, отлична по тону практического общего смысла, строго и логически выражаемого; смысл слов фиксирован не менее тщательно и аккуратно, письменный язык грамматически в высшей степени обработан и весьма удобен в его исследовании, хотя

нередко переводчик может встретиться с массой своеобразных *locutiones*, но знакомясь с ними, непременно сам же и находит ключ к их разумению и пояснению. Выделяются имена историков *Сы-ма-цзянь* и *Чжоу-цзу*, содействовавших весьма много уяснению исторической жизни Китая и создавших простой, изящный стиль языка. Поэзия сего времени находится в периоде выделения из прозаического стиха; философы в свою очередь посвящают труды на разработку и истолкование идей предшественников, заключенных в священных классических книгах, сама интерпретация их служит для позднейших писателей источником новых штудий и разработки языка.

3) *Шесть династий* (200–600 г. по Р. Х.), представляющие в истории Китая период междоусобицы и борьбы, служат не малым препятствием застоя литературы. Известны имена *Вэй-мин-ди*, *Лю-лин*, *Даоюань-мин*.

4) *Танская династия* (600–900 г. по Р. Х.) была временем умственного пробуждения, начавшегося немедленно по прекращении политических неурядиц; оно обнаружилось в критическом, беспощадном направлении и взгляде на прошедшее и слагающееся настоящее. Это эпоха непередаваемой, неподражаемой поэзии в сатире, иронии, грубом ругательстве, в оппозиции странностям и чарам нового буддийского вероучения. Воображению дается большой разгул, язык становится легким, более музыкальным и соответствующим требованиям искусства.

5) *Сунская династия* (900–1200 г. по Р. Х.) представляет эпоху в китайской литературе подобную в Англии при королеве Елизавете; процветают многие писатели в разных направлениях, их стиль массивен, полон величия, без грамматического изъяна, кадансированный весьма оживленно, проникающий читателя невыразимыми переливами (*thrill*). Величие стиля сего времени не поддается какому-либо определению, по его музыкальной экспрессии. Поэзия, начинающаяся только с Танской династии, получает здесь же свою обработку, историки следуют образцам Ханьского времени, тогда как *Чжу-и* интерпретируя конфуцианское учение, создает свою школу.

6) *Юаньская и Мингская династии* (1200–1650 г.). Литература сего времени стоит в равновесии, хотя сила воображения видимо делает свои повышения и понижения, не выходя за пределы посредственности. Литература нового времени, в свою очередь, вращается в пределах художественной отделки речи и попытках к усвоению и примирению новых элементов в языке, привходящих с Востока и Запада, особенно имеют распространение разные энциклопедические издания, резюмирующие дорогие опыты и вклады времен древних и новых, но древние священные книги мудрецов всегда служат базисом для современников, абсолютно необходимы со школьной скамьи до кафедры ученого и чиновника, простого гражданина и государственного сановника. Молодые китайцы, получающие образование в Европе, расширяя кругозор свой новыми идеями, не могут и на языке своем не делать разных изменений, которые, проникая постепенно, дают новые комбинации. Христианство, с другой стороны, привносимое западноевропейскими миссионерами и учеными, понемногу производит революцию в идеях, языке и письмени, и подготавливает к созданию новой эпохи в литературе, чему в особенности способствуют культурные мирные связи и сношения, а также успехи новейших искусств и ремесел, начиная с книгопечатных усовершенствований.

Предлагаем самый перечень китайских авторов, их имен и отрывков, переведенных г-м Жилесом, часть отрывков переводим и на русский язык в особом приложении; о прочих родах литературы говорим на основании очерков о том В. П. Васильева и С. М. Георгиевского, и рецензий в *China Review*. Поле знаний этого рода произведений народного творчества, не обязательное для всех, составляет тем не менее любимый предмет изучения и приятного чтения для лиц образованных, а также и простых грамотеев; поэтому, самый язык и письмена менее строги и нередко весьма разнообразятся по диалектам местных наречий. Иногда встречаются сборники смешанного стиля и содержания.

I. *Династия Чжоу и Цинь, с VI по II в. до Р. Х.* 1) *Кхун-фу-цзы* или Конфуций (551–479), известен как первый народный учитель, преподававший свое учение нравственно-политическое, в виде изречений и бесед, которые будучи собраны и составлены его учениками, известны в классических книгах, изучаемых с детства; изданы с комментариями китайскими учеными и переведены на европейские языки. 2) *Цзо-цю-мин* (4 и 5 ст. до Р. Х.), написал *цзо-цюань* или комментарий на учение Конфуца – его анналы; примеры на англ. языке: «Чжуан в сражении при Чан-гэ», «сожжение чернокнижника», «Янь-цзы не хочет умирать со своим князем». 3) *Ле-цзы* (4–5 ст. до Р. Х.) изложил учение Лаоцзы и подражал сам оному. Примеры: «вечный сон», «мечта и

действительность», «как учил Конфуцзы». 4) *Ку-лян-шу*, (4 ст.) автор комментария на анналы Конфуцзы. Пример: «молитва о дожде». 5) *Ян-цзы* (4 ст.), философ-эгоист. Прим.: «жизнь человеческая стоит ли того, чтобы мы ею дорожили». 6) *Чуан-цзы* (4 ст.), оригинальный мыслитель и излагатель учения Лаоцзы. Прим.: «жизнь, смерть и бессмертие», «смерть Лаоцзы», «смерть супруги Чуан-цзы», «смертный одр мудреца», «чего остерегаться по словам Яо?», «заклучение», «независимость», «совершенный человек», «пьянство», «стрельба в цель из лука», «вина», «сон и действительность». 7) *Чжу-бин* (4 ст.), известны: «совет оракула», «ответ рыбака», «горный дух», 8) *Сун-ю* (3–4 ст.). Прим.: «неизвестность между людьми». 9) *Тхан-гун* (3–4 ст.). Прим.: «развод», «похороны Конфуцзы», «о трауре», «заживо погребенный», «дурное правление», «страшное приветствие», «гробовая песнь».

II. Из истории соперничающих княжеств, переведены 10) Анонимного писателя – «эликсир спасающий от смерти». 11) *Мэн-цзы* или Менций (372–289 г. до Р. Х.); это второй мудрец после Конфуцзы, преемник его идей и верный истолкователь, а потому его имя и сочинения наравне с Конфуцзы. Пример: «половина меры», «рожденный во грехе». 12) *Сунь-цзы* (3 ст. до Р. Х.), учил, что природа человека наклонна ко греху. Пер. «рожденный во грехе». 13) *"Ли-сю"* (Li-ssu) (3 ст. до Р. Х.), из министров сделавшийся первым императором Китая, изобрел стиль писем, носящий его имя доселе. Пер. «назначение иностранцев». II. Династия Ган (II в. до Р. Х. и II в. по Р. Х.). 14) *Си-ма-цзянь* (1 и 2 ст. до Р. Х.), первый автор «Истории Китая» за период с царствования Хуан-ди (2697 г. до Р. Х.), по 104 г. до Р. Х., преобразовал календарь, определил хронологию, был великим летописцем империи и астрономом. Пер. «характеристика древнего мира (до Р. Х.); «о чан-ляне», «Конфуцзы», «мужество». 15) *Гао-ди* (Kao-ti), сделавшийся из крестьян императором Китая, царствовал с 202–195 г. до Р. Х.; пер. «прокламация народу». 16) *Вэнь-ди*, император Китая, царств. с 179 по 157 г. до Р. Х.; пер. «послание к предводителю гунов (варварской орде)». 17) *Чжао-цзу*, умер. в 155 до Р. Х., быв. императорский советник и враг системы вассальных князей; пер. «о войне», «о важности и пользе земледелия». 18) Император *Ву-ди*, царств. с 140–87 г. до Р. Х., в течении 54-х лет, покровительствовал ученым, установил высшие ученые степени и университетское образование, счастливо воевал с гуннами; пер. «прокламация к военным». 19) *Дун-фан-су* (2 ст. до Р. Х.), написал отзыв о себе и трудах своих, который и вручил лично императору Ву-ди по поводу его обращения к героям. 20) *Си-ма сянь-ю*, умер. 126 г. до Р. Х., государственный человек, ученый поэт при Цин-ди и Ву-ди Ганской династии; «послание с мнением об охоте за дикими зверями». 21) *Князь Чун-шань*, около 110 до Р. Х.; «рассуждение о музыке в послании к императору». 22) *Ли-лин* (1–2 ст. до Р. Х.); «послание в стиле сю-ву к другу Цзы-цину». 23) *Лу-вэнь-шу* (1 ст. до Р. Х.) «послание к императору о наказаниях, с печальным отзывом о десяти, безумиях его предшественников Цинской династии (отмена феодальной системы, уничтожение боевого оружия в сплаве и отливка 12-ти огромных металлических идолов, построение великой стены против татар, и огромного торжественного зала на 10.000 гостей, сожжение классических книг, убийство ученых, построение огромного мавзолея, изыскание жизненного эликсира, дурная администрация и суд). 24) *Шу-Чуан* (1 ст. до Р. Х.) послание к друзьям и сановникам «о неудобствах чрезмерного богатства». 25) *Гу-юн* (1 ст. до Р. Х.), «мемориал касательно невыгоды натурализации гунов в Китае». 26) *Ма-юань* (умер в 49 г. по Р. Х.) написал рассуждение «о честолюбии» (ambition). 27) *Бань-цзе-ю*, (1 ст. до Р. Х.), написал стихи «осенняя прохлада». *Шесть династий* (II ст. по VI ст. по Р. Х.). 28) Император Мин-ди из дома Вэй (царств. 227–239 г. по Р. Х.), замечателен его «рескрипт о затмениях солнца и луны». 29) *Лю-лин* (3 ст. по Р. Х.), поэт-весельчак, написал свое рассуждение «о гении (духе) вина». 30) *Дао-юань-мин* (365–427 по Р. Х.), размышления «на родину, домой!», «фонтан персикового цвета». Танская династия (III ст. по IX ст. по Р. Х.). 31) *Чжан-юэ* (667–730 г. по Р. Х.): «сражающиеся козлы». 32) *Чан-чжи*, (7 ст. по Р. Х.): «ответ молодой вдовы», 33) *Ли-дай-пху* (t'ai-pu), (699–762 по Р. Х.): «яждь, пей, веселись!», «пей вино весною», «песня солдаты ожидающей мужа с войны». 34) *Ду-фу* (712–770 г. по Р. Х.): «покинутая жена» (стихи). 35) *Хань-вэнь-гун* (768–824 по Р. Х.): «об истинной вере конфуцианца», «о клевете», «единорог», «Даосский жрец», «крокодил Чао-Чоу», «воспоминания». 36) *Лю-цзунь-юань* (773–819 по Р. Х.): «мечь», «пойманная змея», «приветствия при спасении от огня», «приверженец буддизма», «где лучше?», «поспешный шаг правителя». 37) *Ван-чжан-лин* (9 ст. по Р. Х.) «солдатская жена» (стихи). 38) *Ли-хуа* (9 ст. по Р. Х.): «на старом поле битвы». 39) *Лю ю-си* (772–842 г. по Р. Х.): «мой скромный домик». 40) *Ихо цю-и* (9 ст. по Р. Х.): «плачущая лютя дитяти» 41) *Бэй-линь* (9 ст. по Р. Х.): послание императору

о «жизненном эликсире». 42) Император *Ву-цзун* (царств. 841–846 г. по Р. Х.): «прокламация против буддизма». *Сунская династия* (960–1200 г. по Р. Х.). 43) *Сы-ма-гуан* (1009–1089 г. по Р. Х.), второй знаменитый историк Китая, компилировавший общую историю с династии Чоу до конца Танской династии; заметка «о цензах нравов». 44) *У-ян сю* (1017–1072 г. по Р. Х.), историк, поэт, сановник, конфуцианец: «излишняя императорская щедрость», «увеселительные места и дома», «освобождение на волю темничных узников», «обилие во всем и недостаток», «старая беседка для приятного отдыха», «осенняя жалобная песенка», «перед могилой». 45) *Су дун-пхо* (1036–1101 по Р. Х.), гениальный писатель, особенно любимый китайскою публикою за его глубокий ум и доведение стиля языка до высшего совершенства: «древо во время дождя», «опустелый замок», «беседка для удовольствий», «крик журавлей», «небрежность», «старая четвереугольная шляпа пустынного», «избранные наставления при красной стене, лето», «красная стена: осень», «хитрая крыса», «князь учености». 46) *Ван-ань-ши* (1021–1086 г. по Р. Х.), ученый, поэт, сановник, реформатор и защитник общей воинской повинности для всех классов народа: «о необходимости исследования ложных учений», «лживая оценка». 47) *Чоу тунь-и* (1017–1073 г. по Р. Х.), «язык цветов». 48) *Хуан тхин-цян* (1045–1105 г. по Р. Х.), «общее место». 49) *Ио-фэй* (1103–1141 г. по Р. Х.), «хорошие кони». 50) *Чжу-си* (1130–1200 г. по Р. Х.), самый многотомный и образованнейший китайский писатель, им введена интерпретация конфуцианских книг, как основание и знамя политической и социальной жизни. Его мнение «о портретах китайских художников – их неудовлетворительности». 51) *Вэнь тянь-сян* (1236–1282 г. по Р. Х.), сановник и патриот, современник Кублай-хапа, написавший небольшое рассуждение, глубокое по мыслям – о мировой душе или космическом дыхании, приводящим все к жизни, гармонии и порядку, «divinae particulam aurae». *Юаньская и Мингская династии*. 52) *Лю-инь* (XIII ст. по Р. Х.), ему принадлежат светлые мысли «о плане вселенной». 53) *Лю-Чжи* (1311–1375 г. по Р. Х.), быв. затем император дома Мингов, под титулом *Хун-ву*, его мысли «о гадании – divination», «о наружности». 54) *Фан сяо-ю* (XIV ст. по Р. Х.), «исключительные случаи в жизни государства». 55) *Жена патриота Ян-чжи-шэн, г-жа Чжан* (XVI ст. по Р. Х.), «о супружеской жизни». 56) *Г-жа Чан* (XVI ст.), жена *Шэнь-шу* «супружеская помощь». 57) *Цзун-чань* (XVI ст.), «неопытность, неудача (flunkeyism)». 58) *Ван Дао-кхун* (XVI ст.), «что должны иметь юноши и чего удаляться». 59) *Сю-се* (XVI ст.), «древности».

В заключение рассматриваемого сборника Г. Жилеса, присоединены и разные китайские изречения, собранные из пословиц и философских сочинений, переведенных на английский язык. Имеет значение и другой принадлежащий очерк Г. Гуарта о китайской поэзии с XIV по XIX стол., – предмет заслуживающий внимания, хотя и оставляемый многими в небрежении. Автор, после сведений о поэтах и их произведениях, предлагает и лучшие отрывки из оных во французском переводе, с разными примечаниями и пояснениями к тексту. Рассматриваются следующие поэты и их труды: *Леу-цзи* (Leou-ki) с 1311–1375 г. по Р. Х., *Сун-чжи*, с 1500–1600 г., *Юань-цзы-цзай*, с 1716 по 1797 г., *Цянь-лун*, с 1710 по 1799 г. и *Цзэн-го дань* (Tseng-kuo-tan) с 1811–1872 г., в заключение переведена точно также краткая аллегорическая картина в виде поэмы из франко-китайской войны. Самое название книги Г. Гуарта *La Poésie Chinoise du XIV-me au XIX-eme siècle. Extraits des poètes chinois, traduits pour la première fois, accompagnés des notes littéraires, philologiques, historiques et de notices biographiques. Par C. Imbault Huart, vice-consul de France etc. Paris. 1886.*

По литературе китайской и изданиям китайским, интересны очерки В. П. Васильева и С. М. Георгиевского, также рецензии на некоторые книги-сборники в *China Review*. У С. М. Георгиевского (Принципы жизни Китая, 1888 г.) упоминаются: 1) Кн. о сыновнем благочестии или почтении, в сборнике Гай-ю цзун-као, (43 кн.); 2) Домострой Чжу-цзы-цзя-ли Вэнь-гун-цзя-фань, Сы-ма-ши-цзюй-цзя-и, Вэнь гун-цзя-ли, Бянь-ши-цзя-ли, Бянь-мин-цзя-ли, Янь-ши-цзя-сюань. Цзя-ли-цзи-яо, Сы-ли-чу-чао, цзя-ли-цзун; 3) сборники «Син-ли-да-цюань» и его сокращение «Син-ли-цзин-и», в обоих излагается новая натурально-дуалистическая философия, и содержится в особых отделах «Цзя-ли», т. е. домашние правила; 4) сборники «У-ли-тун-као» и «Ду-ли-тун-као», в первом 262 кн., излагаются всякого рода обряды – семейные, общественные, государственные; во 2-м (из 120 кн.) обряды связанные с трауром, домашним и храмовым служением; 5) огромная историческая энциклопедия *Це-фу-шань-гуй* (из 1000 кн.), и общие энциклопедии – «Ту-шу-цзи-чэн» 10,094 кн.), «Тай-нинь-юй лань» (1,000 кн.). «Юань-цзянь-лэй-хань» (450 кн.), в них изложены все подробности о сыновнем благочестии и произведения лучших китайских мыслителей; 6) наставления императоров, из коих особенно замечательны

«Шэн-ю-гуан сюнь» императора Канси; 7) сборники докладов императору разных ученых и знаменитых сановников Китая, – «Ли-дай-мин-чэнь-цзоу-и» (350 кн.) и «Чжу-чэнь-цзоу-и» (150 кн.); 8) Примеры сыновнего благочестия находящиеся в разных книгах: а) исторических, в 24-х официальных династионных историях (800 томов), лучшие издания – «Цзы-чжи-тун-цзянь» (514 кн.) и «Тун-цзянь-цзи-лань» (116 кн.); б) в географиях «Дао-цин-и-шун-чжи» (500 кн.) собраны примеры сыновей в разных округах; в) в биографических сборниках «Ли-дай-мин-сянь-ле-нюй-ши-син-пу» (157 кн.), «Гу-чжу-ань-цзи-лэй-мин-жэнь-чжи-шу» (114 кн.); г) в энциклопедиях государственных знаний «Вэнь-сянь-тун-као», «Тун-дянь», «Тун-чжи» (все они состоят из 1,671 кн.); д) в энциклопедиях «Це-фу-юань-гуй», «Ту-шу-цзи-чэн», «Тай-пинь-юй-лань»; е) книжки воспитательного значения, из них наиболее известна «Эрр-ши-сы-сяо». Подробности содержания и примеры к упомянутым книгам, самые китайские иероглифы названий их, изложены у С. М. Георгиевского в гл. XI-й (Принципы жизни Китая, 1888 г. СПб.). В своем замечательно сжатом, но существенном «Очерке истории Китайской литературы» В. П. Васильев сообщает следующие сведения по предмету знаний побочных и дополнительных по отношению к классическим книгам в собственном смысле (стр. 124–163), с гл. X-й по XV-ю. 1) *Сочинения по истории и географии*: а) *Сыма-цзянь*, его труд: «Ши-цзи», *Бинь-гу*, его – «Цянь-хань-шу». Эти два труда служат образцом официальных историй – «Цзи-чжуань» последующих времен, писателей – Фань-хуа, Чэнь-шоу, Лю-сюнь и др., обнимающих за 2000 лет 19-ть династий, в том числе северной и южной («нань-ши» «бэй-ши»). Всех историй сего рода считается *двадцать четыре*, в отдельных сочинениях, в 100 томах большого формата, не менее 800 книжек. Частные истории и биографии служат дополнением сего сборника, таковы: «Минь-чэнь-чжуань» – биографии вельмож – маньчжуров, монголов, «Цин-мяо-цзиле» – история Монголии, Цзюнгари, «Дун-хуа-лу» – история первых времен нынешней династии, «И-ши», т. е. сводная история (частное издание). 2) Знаменитые три энциклопедии «сань-шун»: историческая «Тун-чжи» автора Чжун-цяо; правительственная – «Тун-дянь» автора Ду-ю, обзорающая события до 742 г., литературная – «Вэнь-сянь-тун-као». В Европе особенно славится энциклопедия Ма-дуань-лин'я. Автор времен Юаньской династии, дополнивший прежние энциклопедии новыми материалами особенно периода Сунской династии. Этот труд продолжен Ван-синем, ученым при Минской династии. В 1767 г. ученым комитетом нынешней династии составлено продолжение прежних энциклопедий до Минской династии. Цзо-цю-мин написал объяснение на «Чунь-цю», а Сы-ма-гуан (в середине XI в.) издает «Цзы-чжи-тун-цзянь», т. е. зеркало помогающее управлению, с 400 г. до Р. Х. по 959 г. до Сунской династии; Чжу-цзы снабдил этот труд заглавием: «ган-му», после чего весь труд стал называться «Цзы-чжи-тун-цзянь-ган-му». На основании сей истории Mailla написал в 12 томах «Histoire de la Chine», и при императоре Цзянь-луне сделано много сокращений из «Тун-цзянь-ган-му» и появился новый сборник «Тун-цзянь-цзи-лань». б) *Общие географические сочинения*: «Юнь-хо-цзюнь-сянь-чжи» автора Ли-цзи-пу (в 40 том.); «Тай-пин-хуань-ней-цзи», авт. Е-ши (193 цзюаня), Сунской династии; «Дай-пин-и-тун-чжи» изд. при Цянь-луне 1864 г.; по истории в связи с географией: «Ду-ши-фан-юй-цзи-яо» (12 томов, 130 глав, 78 тетрад.), перечень названий одних и тех же местностей, изменявшихся в течении столетий: «Ли-дай-ди-ли-чжи-юнь-бянь» 1837 г., в) разные путешествия китайцев и европейцев по Китаю и его частям, составляющие разнообразный и ценный материал: «Фо-чо-цзи» Фа-сяня в V в., «Да-тан-си-юй-цзи», Сюань-цзина. описание Кореи «Сюань-хо-фын-ши-гао-ли Ту-цзин» (40 цзяней в сборнике «Чжо-бу-цзу-чжай») и проч. II) *Законоведение*: а) «Гуань-цзы», соч. Гуань-чжуна и Хань-фэй-цзы (древние спорные рассуждения сих лиц); «Тун-дянь» соч. Ду-ю; «Тан-хой-яо» (100 глав) где обзревается: обряды, музыка, костюм, училища, летосчисление, астрономия, чины, народоправления, финансы, войско, уголовные законы, местности и вассалы; исторические сведения; «Ван-сян-тун-као» (348 гл.) соч. Ма-дуань-линя «Тан-лю-дянь» (6 уложений Танских); «Юань-дянь-чжан» (улож. Юаньской династии); «Хой-дянь» или свод всех уложений при Хун-чжи (1488–1505 г.) на основании 72 сочинений (180 гл. и еще 162 гл.); «Хой-дянь» времени Цянь-луна (100 гл.) и «Хой-дянь-це-ли» (180 гл.); карты и рисунки служащие им дополнением; б) указы императоров маньчжурского Тай-цзу до Тун-чжи (по 1875 г.), указы Танской династии «Тан-да-чжао-лин» (130 цзяней), и Ханьских династий «Лян-хань-чжао-лин» (23 цзяня), и пекинская газета «Цзин-бао»; в) священные наставления императоров народу «Шэн-сюнь», из коих известны 16-ть императора Канси и дополнение к ним его сына Юн-чжена; г) доклады чиновников известные в виде хрестоматии «Гу-вэнь-юань-цзянь» т. е. зеркало древней словесности; доклады «Фань-чжун-яня» – «Бао-чжэна» и др.; доклады знаменитых чиновников всех династий – «Ли-дай Минь-чэнь-цзоу» (350 экз.),

доклады Миньских чиновников «Минь-чэнь-цзоу» (20 цзяней) и др. «Хуань-чао Цзин-ши-вэнь-бянь» нын. династии. III) *Критика* «Бо-ху-тун-ин» рассуждения съезда ученых о противоречиях в классич. книгах сост. Бань-чу; «Фын-су-тун» зеркало нравов, сост. Ин-шао; «Жень-у-чжи» о человеч. способностях, соч. Лю-шао; «Гу-цзинь-чжу» о древних и новых предметах, соч. Цуй-бяо; «Се-линь» – лес учености соч. Ван-гуань-ю, рассуждает о иероглифах, объясняет их смысл и ошибки в употреблении; Юань-вэнь рассуждает о классич. книгах, истории, астрономии, географии, школьном обучении (сяо-се), стихах, экзаменах, живописи, платье, кушанье, сосудах, о буддизме, даосизме, фокусничестве, произведениях природы и чудесах. IV) *Описание древности*: «Бо-гу-гу» (Сунской дин.). «Си-цин-гу-цзянь» (наст. династии), «Шу-хуа-ну» (48 кн.) собрание прописей и древних картин; надписей на камнях и могилах, на храмах и проч., материалы разбросаны в разных мелких изданиях. V) *Земледелие, цветоводство, орнитология (о птицах), медицина. О земледелии* – «Цзи-линь-яо-шу» (12 цз., 92 гл.), «Нун-шу» ученого Чэнь-фу, «Нун-сан-цзи-яо» (7 цз. при Юаньской дин.), «Цзю-хуан-бэнь-цао» (2 цз.) и «Тай-си Шуй-фа» (6 цз.), «Нун-чжэн» (60 цз.) и «Хуан-чжэн» (18 цз.), «Шоу-ши-тун-као» (78 цз.); *о цветах*: «Гуань-цзюнь фан-ну» (100 цз.); *по естествоведению*: «Бэнь-цао-ган-му» и *медицине*: «Хуан-ди-нэй-Цзин Су-вэнь» и проч. VI) *Изычная словесность*: хрестоматия «Вэнь-сюань» составл. принцем Чжао-мин-тай-цзы в 6 в. и при нынешней династии славится – «Юань-цзянь-лэй-хань» краткая учебная энциклопедия «Сань-цзы-цин» для начинающих ученых по-китайски и «Цянь-цзы-вэнь» с тысячею иероглифов; поэмы назыв. «Фу», из них известны «Шэн-цин-фу» описание г. Мукдэна, «Лян-ду-фу» – поэма о двух столицах; романы в стихах – «Цзинь-шань-хуа», «Лай-шэн-фу» и пр. VII) *Драма, повесть и роман*, принадлежащие к народной литературе, составляющие достояние публичных театров, актеров и рассказчиков увеселяющих народ в праздничное для него время, не отличаются особенными достоинствами, какие требуются от сих произведений в Европе, или встречаем в мире классическом. Литература сего рода, резко отличаясь от конфуцианской классической, нередко полна вольностей недозволительных, или чудес в всяких несбыточных превращениях, ужасов, незаслуживающих вероятия. Примеры: «Морской рынок» (из Ляо-чжай), «Шуй-ху-чжуань», «Хун-лоу-мэн», «Цзин-пин-мэй», «Хао-цю-чжуан» и др. Образцами исторического романа служат: «Кай-ли янь-и» от сотв. мира до династии Чжоу, «Ле-ю», «Цигоянь-и» и др., особенно ценятся «Сань-го-чжи» – история троецарствия, уважаемая за красоту слога. Независимо от рассмотренных произведений и школьных учебников, народная литература имеет свою живучесть и плодovitость. Произведения, к ней относящиеся, весьма разнообразны, и могут быть подведены к категории предметов, особенно интересующих умы англичан и европейских ученых. В г. Гонконге образовалось даже небольшое общество распространения и печатания сего рода книжек для простого народа¹⁶⁴ – «Folk-Lore Society» г-н секретарь сего общества, J. H. Stewart Lockhart, делил им собранный материал таким образом: *1-я группа* – устные сказания, повести, сказки (traditional Narratives): а) народные сказки (fales); б) героические сказания; в) баллады и песни; д) местные легенды и предания. *II-я группа*, – традиционные обычаи (traditional customs): а) местные; б) праздничные; в) церемониальные; г) игры и забавы (games). *III-я группа* – суеверие, предрассудки и обряды (superstitions, Beliefs, Practices): а) грубые, необделанные или неискусно выраженные суждения, изречения; понятия (goblindom); б) волшебство, чары, всякого рода формулы при гаданиях (witchcraft); в) астрология; г) суеверие в связи с материальными предметами. *IV-я группа* – народные сказания (Folk Sayings): а) пословицы (proveros); б) древние поговорки, присловия (old saws); напыщенные и громкие фразы (jingles), детские песни; г) разного рода прозвища и сметные названия (nicknames); е) загадки и двусмысленные изречения (riddles). В журналах «China Review», «Chinese Recorder», «Bombay Guardian» и других светских и миссионерских, издаваемых на дальнем Востоке и в Европе, посвящаются значительные отделы на собрание и разработку, переводы, означенных материалов народного китайского творчества и преимущественно с сравнением или противоположением оных принципам христианства. Издания англичан означенного рода мы должны отличать от собственно китайских. Многие названия китайских книг, не содержащиеся в обзоре Г. Жилеса, Георгиевского, Васильева, Гуарта и других, но важные по себе и требующие ученых исследований и переводов на европейских языках и русском в особенности, перечисляются в специальном нашем очерке и о китайской библиотеке Пекинской Росс. Духовной и Дипломатической Миссии.

По отношению к народной литературе китайской, совмещающей различного рода направления и преимущественно конфуцианское и буддийское, интересны выводы г. Скарборуча,

специально изучавшего сей предмет и представившего свое рассуждение в Chinese Recorder (vol. XIII, 1882, стр. 354–55) под заглавием «the popular religious literature of the Chinese». Автор говорит: 1) значительное внимание сосредоточивается китайцами на нравственности и религии, коим они дают большую цену; 2) не менее замечается в них и сильное желание – поучать сего рода великим предметам народ вообще, и все силы направлять на исполнение оных в жизни; 3) Важно и то, что сам народ находит одно конфуцианство слитком недостаточным для духовной жизни и веры, а потому не только терпеливо относится к буддизму и даосизму, но даже открыто исповедует их вероучение и имеет ту или другую практику в своем поведении; 4) не менее обнаруживается ясно и то, что влияние конфуцианства составляет верх совершенства для туземного духа, с несомненным признанием истины пяти человеческих отношений, соединенных с благочестием и служением богам; ифика занимает первое место и за нею следует религия, как дело второстепенное (с внешней стороны культа); 5) несомненно, что китайцы весьма строги и неукоснительны в соблюдении всех религиозных и других обычаев, выработанных в их общественной жизни, и что они способны обнаруживать это и исполнять всюду и всегда, несмотря на многие недостатки и слабые стороны их системы и практики; 6) равно достоверно, что в сего рода соблюдении правил, китайцы не свободны от влияний странных предрассудков (по воспитанию, продолжительной силе привычки, установленному порядку, социальному рангу, полу, национальности, и проч.), неумышленного искривления своих взглядов на вещи, и основной ткани суждений; 7) очевидно, что социальная система китайцев не настолько хорошо сложена в пользу равно счастливого распределения благополучия обоих полов, и на сторону мужчины приходится львиная доля как в силе и авторитете, так и материальном благополучии, сильный и богатый всегда торжествует над слабым и бедным; 8) очевидно также, что социальная система китайцев, во всем тщательно и очевидно разработанная, представляется в сущности стихийным и механическим смешением, часто ребяческим и мишурным, требующим больших и усидчивых занятий в должном приведении всего в надлежащий порядок с осторожным рвением; 9) в религиозной системе усматривается допущение политеизма приводящего к разрозненности элементов и беспорядку. Такого рода религиозность наводит на мысль о судьбе идола, виденного Навуходносором, и составленным из разных частей – золота, серебра, меди, железа земли, и которые все обрушились при небольшом ударе от малого камня, отторгшегося от горы; (Пр. Даниила гл. 11, 10). Предки и знаменитые личности времен прошедших, будучи возводимы на величайшую степень апофеоза и причисляемы к богам, составляют важную их долю в пантеоне прочих, и нередко указывают на преобладающее значение элемента человеческого; всем им воздаются народом божеские почести и поклонение; 11) правильные понятия о Боге, или весьма близко подходящие к истине, нередко погребены в мусоре ничего нестоящих предметов, смешиваемых с Богом; иногда эти понятия так переплетены и слиты как бы в металлической руде, что требуют больших усилий к выделению перлов и золота от негодных примесей; зачастую тьма и свет переливаясь между собою составляют обычное явление; 12) несомненно вообще факт, что в китайском уме, преобладает практическая тенденция и в ифике и религии; особенно этого рода преобладание замечается в определении наград и наказаний и в учении о пяти отношениях.

На основании изложенного общее заключение установить можем следующее: в китайских книгах, группируемых по мере содержащейся в них истины, заключаются то усиленные к ней порывы и направление, то уклонения в сторону, смешивается истина с ложью, тьма со светом, обнаруживается несомненное желание и искание добродетели, счастья, но ко всему этому примешиваются концепции весьма неопределенные о природе греха и методе восстановления справедливости, достижения праведности; и здесь очевидно сильное желание избежать страха за заслуженное наказание и достигнуть во что бы ни стало, с трепетным ожиданием, блаженной будущности, устранить от себя как можно далее грубые представления об аде и недостойные для человека добродетельного взгляды на будущую жизнь; этого рода хождение ощупью, усилия мысли, желания, стремления, будучи вместе комбинируемы, представляют доброе и несомненно устойчивое основание и залог к успехам христианской истины в стране. Эти конечные желания и стремления направляемые к Тому, кто есть «путь, жизнь и истина», дают уверенность надеяться от китайцев истинного Богопознания и нравственности при свете откровения и в лоне Церкви Божией!..

Несмотря на разнообразие направлений в системах мировоззрения и жизни, отражаемых в литературе народной, китайцы могут быть рассматриваемы принадлежащими к трем коренным в

настоящее время религиям или философским и политическим системам, каковы — конфуцианство, буддизм и даосизм, с присоединением позднее магометанства и христианства; не касаемся других вероучений, имеющих место в истории, или и ныне существующих как партий и сект. Если верить числовым указаниям, собранным у разных авторов, или извлеченным из официальных данных китайских правительственных архивов за разное время и периоды, то численные отношения исповедующих известное вероучение или соблюдающих практику оных, можно представить в следующем виде, характеризующем религиозное настоящее состояние китайцев, за 1883 г., по свидетельству Chinese Recorder (vol. XIV, pp. 453–463). По Гасселю (в Penny Cyclopaedia) число буддистов простирается до 315 миллионов, по Джонстону — 245 миллионов, у Перкинса определяется в 320 миллион., у проф. Ньюмана 367 миллионов, у прочих авторов — до 450 милл.; Арнольд во всей Азии насчитывает 470 миллионов, т. е. треть всего народонаселения на земном шаре. Самые страны, в коих буддизм распределяется неравномерно: Цейлон, Сиам, Бурма, Тибет, Монголия, Манчжурия, Аннам, Китай, Корея и Япония. Народы Сиамы, Бурмы и Тибета — поголовно буддисты; в Цейлоне, Монголии и Манчжурии, большая часть народонаселения исповедуют буддизм; в Аннаме, Китае, Корее, Японии существует известное соотношение по той или другой религии. Если верить показаниям одного авторитетного источника, то в Китае, число буддистов простирается до 340 миллионов, и только 80 миллионов приходится на конфуциан; по другому счету, из 350 миллионов, 80 милл. выпадает на долю конфуциан; по третьему счету из 270 милл. населения, только 70 милл. приходится на буддистов. По последним данным, также разноречивым, буддисты распределяются так: Сиам имеет 6 милл., Бирма 4 милл., Цейлон 2 милл., Монголия 2 милл., Маньчжурия 10 милл.; в Индии, во всех провинциях 4.342.407, из сего числа приходится 3.251.589 на Британскую Бурму; в Японии 18 милл., в Тибете 6 милл. По нашему же счету, замечает Chin. Recorder (на стр. 463, в заключение всего), *Китай, Корея и Аннам, при 300 милл. населения имеют 20 милл. буддистов, 15 милл. магометан, до 265 милл. конфуциан*. Какая же в Китае преобладающая литература на основании изложенных цифр? отвечать не смеем определенно, хотя можем несомненно догадываться в пользу конфуциан с даосами и буддистами в отдельности. При сем заметим, на основании тех же показаний Chin. Recorder, что учение Конфуцзы и его школы есть господствующее и государственное в Корее и Аннаме, особенно чествуемое их обитателями, и что буддизм и даосизм с самого введения своего в Корею и доселе имеют немалое количество поклонников, что с 4 по 14 ст. буддизм был наиболее распространен и усвоен в высших классах корейцев. В Японии, несмотря на две господствующие системы синтоизм и буддизм насчитывающих по 18 милл. последователей на каждое, имеет место и конфуцианская школа, *сы-шу* служит общеобязательным народным школьным учебником.

Сэр Вильямс, озирая успехи конфуциан и их преобладающее значение в Китае, говорит (в «the Middle Kingdom»), что Конфуцзы посвящено 1.500 храмов, что ежегодно на алтарях их приносятся мудрецу и его святым ученикам разнообразные и многочисленные жертвы — 62.606 свиней, кроликов, баранов, овец, оленей, и 27.000 кусков шелка» (vol. II, p. 239). По уверению д-ра Легга, в Пекине есть один храм в честь Конфуцзы, где приносит жертву ему только один император, и что в прочих местах полагается по закону один из начальствующих гражданских чиновников заведующий в своем районе совершением конфуцианского культа. Вообще можно сказать, по общепринятому убеждению западных ученых, что в Китае конфуциане, буддисты и даосы, составляющие массу населения, могут быть распределены так, что 19/20 если не 99/100 должны быть причислены к разряду конфуциан. Несомненно, что таким успехом и распространенностью в Китае, конфуцианство обязано его литературно-образовательному и политическому значению. Таблица с именем Конфуцзы чествуется в домах, школах, общественных зданиях, правительственных учреждениях, известна в каждом городе, местечке и домике горожанина и сельчанина.

Переходим к обзору разнообразных сборников литературы китайской, дабы дать понятие о разнообразии предметов, интересующих умы читателей, не касаясь вышерассмотренных и других по разным отраслям знаний.

§ 84. Образцы китайских сборников изящной народной литературы, с анализом их содержания: 1) Семейные изречения Кхунцзы, с замечанием о семейных собраниях у китайцев, 2, 3) Народная энциклопедия, 4) школьная, 5, 6) иллюстрированный обзор 9-ти провинций Китая Чун-хоу-и-ян-чжи и путешествие по Манчжурии императора Канси

I. «Кхун-цзы цзя-юй юань-чжу» семейные изречения Конфуцзы или наставления его китайскому народу, с объяснениями оных: происхождение сборника, перевод и исследование их Г. Гютчинсона на англ. языке, китайские издания оригинала в разное время – Содержание сборника: 1) министр Лу, 2) первая экзекуция, 3) значение слова государя, 4) взгляд на брачный законный союз, 5) примерное поведение ученого, 6) о собственности, 7) пять классов людей, 8) поощрение к размышлению, 9) три важных момента в жизни совершенного человека, 10) о любви к самосохранению жизни – Замечание о китайском обряде «ван-мун-ци» – семейных собраниях и происходящих в них наставлениях родителей и старших членам семьи и родным – II) «Цюань-ши-вэнь» китайская нравственная энциклопедия для народа; взгляд на сей сборник Г. Эйхлера, имена прочих ученых о том же (Плат, Дуоляйтль, Скарборуч, Шмидт, Перни). Содержание книг сего сборника: Первая группа: 1) общее содержание и статьи, 2) XVI наставлений импер. Канси народу; вторая группа: 1) молитвенная книга, 2) Сяо-шу; третья группа: 1) Инь-чжи-вэнь понятие о термине и направлении книг сей группы, кн. Янь-ши-цзя-сюнь – эдикт императора Канси – Современный состав «Цюань-ши-вэнь», книги: 1) Бу-кэ-лу (да, нет); 2) Ту-ин-лу (нужнейшие правила для ученика), содержание книги; 3) кн. «Драгоценная вершина дома» или лестница экзаменов; 4) кн. «О разрушении вещей, совершаемом с насилием», с 3 главами; 5) кн. «О беспорядках с насилием», содержание и характер означенных рассуждений – III. «Лей-шу», пекинское издание (1880–1885), содержание и название книги и её частей. Том I-й: 1) общие понятия и оглавление; 2) мирные дела; 3) образцы мужчин и женщин, их нравов и действий; 4) размышления на разные случаи и наставления; 5–6) самонужнейшие знания о чтении книг, церемониях, приличии, услугах, народные песни; 7) что нужно делать и чего избегать до 30-летнего возраста, 8) наставления о том, что кушать и пить, как готовить и употреблять? – Том II-й: правила поведения общие, частные в отношении к себе, родным и чужим, и касающиеся занятий, категории ученых и образованных людей и понятие о них (Ши, Шан-пин, Ши-чжи, Ши-цзюй, Ши-си, Ши-ян, Ши-цау, Ши-сюэ, Ши-шэнь, Ши-ши, Ши-и, цюань-жень цзи-ши-вэй-сюэ; правила для землевладельца – нун, мастеров – гун, торговцев – шан и домохозяев, прислуги, лиц семейных и холостых и проч. – Том III: отеческие наставления о чтении книг (ду-шу-фа) – IV. Школьная живописная энциклопедия «Эрр-я тху сюэ-сянь», понятие о ней и содержание. Том I-й: дом, музыка, астрономия, знамена с изображениями разных знаков, собрание уродов из разных царств, типы и костюмы людей – Том II-й. Ботаника: семена, травы, кустарники, цветы, деревья – Том III. Зоология: рыбы, земноводные, черви, птицы дикие и домашние, животные лесные и домашние, микологические, грызуны, лошади и рогатый скот – V. «Хун-сюэ инь-юань» обзор с птичьего полета 9-ти провинций древнего Китая, сочинение Чун-хоу с рисунками (тху-цзи), изд. в 29-й год Да-гуана, 8-й Луны, в 3-х томах. Понятие о сборнике – VI. Живописное путешествие императора Канси по Маньчжурии, 2 т. и замечание об издании «Кан-си цзы-дянь» – китайском словаре времени сего императора – Китайские названия разных родов литературы по соч. Уайля (Wyllie) – Книга проф. Дюгласа «Confucianism and Taonism», её содержание

Означенного рода сочинения дают возможность при их обзоре, в связи с прежде рассмотренными, понять и угадать любимую методику и систематику в расчленении понятий, по иероглифике, описаниям, рисункам разных родов знаний, для наглядного и скорого оных усвоения. Энциклопедизм и эклектизм возможно лучшего стал особенно любимым средством в деле популяризации знаний у многих современных китайских ученых, издающих книги для разных классов и религиозных партий народа. Сборники сего рода, хрестоматии, нередко с древне-классическими образцами наполняются произведениями текучей народной литературы, обильной диалектическими вариациями и особенностями в иероглифике, композиции и стиле. Некоторые заглавия статей, выражения, понятия передаем, с русским переводом в русской транскрипции, по пекинскому произношению. По отзывам знакомых нам в Пекине ученых

китайцев, предлагаемые и обзоре сборники, действительно суть лучшие и заслуживающие внимания, весьма полезные для изучения языка китайского.

I. «Кхун-цзы цзя-юй юань-чжу», т. е. семейные изречения или наставления Конфуцзы, с оригинальными толкованиями оных. Так называется сборник замечательных мыслей китайского философа, изложенный впоследствии его почитателями-учеными, в виде бесед с семьюдесятью двумя его учениками. Европейский ученый Легг, при переводе на английский язык творений китайских классиков, нашел и означенное произведение литературы заслуживающим полезного изучения наравне с прочими для гг. студентов и что это – «весьма ценный фрагмент древности, который не уступает аналектам Конфуцзы», в своем переводе Легг озаглавливает его «The Family Sayings on Confucius with original annotations». Rev. A. B. Hutchinson поместил в Chinese Recorder исследование об этом сборнике с переводом и примечаниями к нему vols. IX. pp. 445–453; X, pp. 17–23; 96–103; 175–179; 253–260; 329–337; 428–432; XI, pp. 13–23). Следуя г. Гютчинзону, сообщаем следующие краткие сведения об означенном сборнике. Д-р Легг в своих переводах китайских классиков пользовался малою книжкою состоящею из двух томов, 12 то, около 120 кит. страниц; несомненно, что эти древние сказания Конфуцзы составляют впоследствии особенную с примечаниями компиляцию, исполненную неким ученым Ван-су (Wang-suh) процветавшим в III ст. по Р. X., она упоминается в разных каталогах библиотеки китайских императоров, с замечаниями Ван-су. Таковы издания 1730 г. и 1772–90 г.; Минской династии 1368–1628 г., 1250 г.; Танской дин. 618–649 г. и 502–555 г., 220–260 г. Оригинальное сочинение отмечено также 80–89 г. до Р. X. по каталогу Liu-Hiang (Лю-сянь), а по каталогу Siu, 589–617 г. по Р. X. При тщательном исследовании объяснений к оригинальному тексту «семейных сказаний Конфуцзы» г. Гютчинзон убедился, что кроме Ван-су были и другие ученые, занимавшиеся разработкой этого труда и расчисткой от многих повреждений и извращений учения Кхунцзы. Свое исследование г. Гютчинзон основывает на изданиях с примечаниями Ван-су, Лу (Luk), Хо (Ho) и Чан (chan). Из позднего предисловия к изданию сказаний Конфуцзы видно, что они составляют дополнение к Лунь-юй и Гао-цзин.

Содержание изречений Кхунцзы по переводу г-на Гютчинзона. Гл. 1. Министр Лу. Конфуцзы представляется диктующим свои правила об управлении княжеством Лу, когда он впервые был сделан начальником управления в г. Чжун-ту. Изданные правила касались поддержания жизни, погребения умерших, о том как нужно детям и юношам держать себя за столом, и при занятиях; женщин поучает держаться левой стороны, не брать чужого на дороге; о том, каким должны быть гроб и могила, вид кладбища; различает природу пяти земель (1) горы и леса, 2) реки и водопады, 3) вершины гор, 4) плодородные долины, 5) рыночные площади и равнины); о необходимости для дел военных военного министерства и его министра; и проч.

Гл. II. Первая экзекуция, исполненная в бытность Конфуцзы президентом правления наказаний в княж. Лу. Приводятся примеры с объяснением смысла преступления и соответствием наказания.

Гл. III. Изъясненные слова государя. Конфуцзы, жалуясь на небрежность исполнения воли царей не только простыми людьми, но высокими чиновниками, скорбит и доказывает необходимость не только выслушивать просто слова государя, но строжайше исполнять. «Для меня слово царское столь важно, что могу преобразовать небо и землю!» – замечает мудрец, ибо взирает на государя и правительство как вместилище добродетели и святости, – всякого совершенства, и справедливости. Священные обязанности государя (семь коренных), делающие его достойным высокого звания и служения, суть: почтение к престарелым, опытным и мудрым личностям, вечная любовь к народу, уважение братьев и миролюбие их, милосердие и щедрость, выбор себе достойных друзей и помощников, любовь к добродетели, осторожность в предупреждении и разрешении всякой борьбы и вражды, отсутствие скряжничества и бессребренничества. Далее следуют – человеколюбие, искусство производить между подданными земельные разделы с правильным обложением налогом; и надлежащее управление народом, забота о его просвещении и миролюбии, экономии, трезвости и воздержании, умении пользоваться временем для труда, молитвы, жертвоприношений и отдыха. В особенности мудрец настаивает на необходимости, для государства ученой, образованной, правительственной аристократии, высоконравственной, преданной отечеству и народу.

Гл. IV. Взгляд Конфуцзы на брачный законный союз. Прежде всего мудрец находит необходимым, во 1-х, три принципа в счастливом управлении государством: разделение обязанностей между мужем и женою, особенные отношения между мужчиною и женщиною,

верность и доверие между государем и министрами; во 2-х, для правительства требуется – любовь к человечеству и человеку, собственность (общая и частная) и возможное поощрение оной, почтение и разные проявления оно, но важнее всего и достойно уважения – законное супружество. Оно есть союз между мужем и женою для продления потомства, соединенное с служением (домашним духам небесным и земным в храме предков; от правильного установления в отношении собственности в семье проистекает и счастливое обладание государством. В почтении необходимо: самоуважение, почтение сына, внуков, между женою и мужем, – к родителям с любовью и к ближним со справедливостью. На сем основывается и счастье государства, его сообразность с волею и законом Неба.

Гл. V. *Примерное поведение ученого.* Кхун-цзы утверждает прежде всего, что ученый муж, как по одежде, так в образе жизни, занятиях и на службе, просто, но прилично одевается и ведет себя, учится постоянно, днем и ночью следит за собою, соблюдая строгость и верность, пользуясь расположением других; упражняется в разных видах добродетели, сообразуясь с Дао (истиною), сознает собственное достоинство и не позволяет оскорблений, искусно устраняет всякого рода препятствия и вражду, держит себя с почтением к другим, возбуждая и к себе уважение, пользуется служащими ему вещами в свое время и в своем месте, не позволяя насилий к людям и всякого оскорбления, дорожит жизнью и здоровьем, пользуется сокровищами во благо другим и себе на пользу, благодарен и щедролюбив к тем, кто ему помогает и служит; держит себя аккуратно, ревностно и справедливо поступая во всем согласно с законом, служит примером для других, с приближением к смерти не теряет спокойствия духа и не изменяет принципам добродетельной жизни, не кается в действиях, ибо все совершает обдуманно и устраняет дурное заблаговременно, в домашнем обхождении сохраняют ровное обращение и любовь, избегает всяких излишеств в кушанье, питье, одежде, образе жизни; хранит серьезность и любезность встречаясь с людьми, бережет свою собственность, любит её, дорожит ею, приобретает её и искусно пользуется, не отнимая у других; всегда стремится быть добродетельным и человеколюбивым; сохраняя простоту в домашней обстановке, любит принимать посетителей, наблюдает чистоплотность; на службе держит себя покорно перед начальством, внушая к себе его уважение и доверие, с низшими не высокомерен, держит себя вообще с авторитетом, сохраняя всегда свою личность, не любит уничижать других и оскорблять; будучи невозмутим духом, он всегда ревностен, учтив и ловок в манерах, прост и чист сердцем, решителен в действиях и проницателен, разумен. Будучи в высшей должности министра, он общедоступен, популярен, осторожен, предусмотрителен во всем; с друзьями поступает сообразуясь с их природой и законом неба, также и во всех занятиях; устраняет всякую скандальность в официальных сношениях, выделяет на вид достойное похвалы и чести; проявляет благосклонность и справедливость, прилежание, щедрость, силу духа и могучесть, способность в беседах с людьми, искусство пользования собственностью и обстоятельствами; удаляется пьянства, роскоши, всякого излишества, влекущего расстройство души и тела, идет вообще средним путем – *via media*. Таков ученый, называемый поэтом Ю (Yu).

Гл. VI. *О необходимости собственности и установления о ней точного понятия.* Исходя из положения, что собственность – важнейший предмет для народа, и без которой не может существовать различия в положениях между государем, министром, и подданными, престарелым и юным, между мужчиной и женщиной, отцом и сыном, старшим братом и младшим, мужем и женою, близкими родными и дальними, иностранцами и друзьями, Кхун-цзы переходит к необходимости научения искусству иметь собственность, располагать ею без вреда для других и пользы своей лично. Иначе, мудрец строжайше разграничивает собственность по отношению к лицам, оную имеющим, и сообразно с потребностями их представляет её виды и назначение. На первом месте он ставит в вещном праве предметы религиозного культа, церемоний общественных и домашних, вещей принадлежащих государю, правительству и народу, вещей простых, удовлетворяющих первоначальные потребности каждого человека и тех, кои приносятся в жертву небу, земле, духам и предкам, причем перечисляются в частности главные из них (вино, мясо и животные, благовония, шелк, драгоценные камни и проч.), указываются главные типы жилых помещений государя и подданных, одежда по времени года и положению человека. Вообще, имеются в виду вещи по преимуществу священные и при жертвоприношениях.

Гл. VII. *Определение пяти классов людей*, к коим откосятся: простой народ, ученые, совершенные или высшие люди (*superior men*), сиятельные или сановные (*excellent*), и мудрецы (*sages*). Для правильных отношений в государстве людей между собою, которые всегда бывают

сравнительно неравны, Кхунцзы устанавливает означенное их распределение, которое однако ж в других китайских книгах иных авторов видоизменяется. Различие, здесь устанавливаемое мудрецом, и определение признаков – следующее: 1) *Простой народ* не образован в своих привычках и нуждается в научении; в слове – груб, за недостатком назидательного примера, не воздержан, непоследователен в деле и невежда, склонен всегда к заблуждению подобно ветру и текучей воде, не знает правил приличия при церемониях и праздниках. 2) *Ученый* (scholar) в движениях сердца руководится принципами, в действиях – планом; следует истине – *Дао* во всем поведении, владеет изяществом добродетели, всю жизнь располагает по ней, знает во всем меру, не говорит много, но с силою и умом, важностью и величавостью; действует осмотрительно, различая мотивы. Вообще его мудрость основана на принципе и действия проистекают из мотивов; мирская слава и почести, богатство и роскошь не составляют цели, и он умеет жить просто, довольствуясь немногим. 3) *Совершенный муж* (superior man) строг и верен в слове, прямодушен, благотворителен, справедлив, осторожен и в высшей степени добросовестен, всегда благоразумен, но не порывист в языке и чужд напыщенности; его действия основаны на исповедуемом им учении, ревность его непрерывна, наперед все предусматривая, действует твердо не возвращаясь назад. 4) *Сановник, сиятельная особа* (excellent) есть человек, наделенный превосходящею все добродетелью, действия его правильны, истинны; одного слова его достаточно, чтобы стало законом для всего государства, и несправедливости в нем нет ни малейшей; его учение достаточно для просвещения всего народа. Высокое положение государственное дает ему возможность привлекать к себе мир, и помогать людям неимущим. 5) *Мудрецом* (sage) называется человек, коего добродетель равна с небом и землею, он наделен беспредельною прозорливостью; в тысячах действий различных усматривает начала и цель; находит гармонию в мире, распространяет в нем далеко великое *Дао*, действует сообразно с его природою; его ум подобен солнцу и месяцу, своею все преобразующей энергией подвигает самих духов; низшим классам людей неведома его добродетель, взирающий на все просто, теряется в необъятности его действий и предначертаний; государи, правители, князья, их дети и потомки, в мудрецах получают для себя руководителей в наставников самых опытных и государству преданных, ими держится мир. Кхунцзы переходит затем к необходимости государям выбора, достойных лиц в управлении, просвещении народа и исполнении их предначертаний, составлении законов и постановлений.

Гл. VIII. *Ка-ю. Поощрение к размышлению.* Кхун-цзы, окруженный тремя друзьями – Цзы-лу, Цзы-гун, Янь-юань, замечает, что при рассуждениях о каком-либо предмете, существует различие мнений у людей, которые однако же могут быть так или иначе приведены к единству с выделением известного направления и начал. Важны при этом самые лица, принадлежащие известному классу или профессии, и если свести все их рассуждения, напр. о благе государства, то каждый принесет свою долю полезного. Таковы действительно приводимые рассуждения о деле военном, о добродетели и гармонии в жизни государственной и семейной. В продолжении той же главы представляется несколько примеров с мнениями Кхун-цзы о жертвоприношениях, правосудии, удобрении земли и сборе с неё плодов, о случаях семейного правонарушения и восстановлении нарушенной гармонии (убийство, раздел и несогласие детей), о необходимости образования и печальное столкновение с невеждой; рассуждение мудреца на мосту реки, мнение о народе и управлении им с приведением сравнения коней обуздываемых всадниками; прочие случаи из жизни мудреца, доказывающие его находчивость и умение быть народным учителем всегда и везде.

Гл. IX. *Три момента, важных для совершенного человека* (superior man). Положение Конфуцзы: 1) когда совершенный человек молод, не забывает, что будет старым, а потому прилежно учится; 2) в зрелом возрасте он думает о смерти, и прилежит о сообщении другим своих знаний, – он поучителен; 3) рассуждая о бедности, он заботится во время предупреждать её и потому трудится и другим помогает. Затем мудрец рассуждает о важности для человека систематического научения и веры, – о почитании предков и жертвоприношениях предметов, – о добродетели и *Дао*, их беспредельности, незыблемости и вечности, – о назидании других личным и общественным, – о значении людей мудрых и благодетелей, полных любви к человечеству и добру; объясняет значение выражений – «сыновний сын» (т. е. сын, следующий заповедям своего отца, (son filial), тогда как министр, исполняющий волю государя, есть верный подданный; – для человека совершенного, его речи, слова, требуется мудрость, а для действий его добродетель человеколюбия – «жень» (benevolence).

Гл. X. *О любви к сохранению жизни и другие анекдоты.* Представляются на означенную тему до 20-ти примеров. На вопрос князя Гаэ, каким венцом был коронован Шунь? Кхунцы ответил – любовью к сохранению жизни его подданных и преследованием человекоубийц, миром к соседним племенам, благосостоянием государства. 2) В драгоценных украшениях важен не столько металл или камень и орнамент, но смысл и назначение вещи. 3) Кафедра для души и таблицы в храме предков, с тутовой аллею снаружи – их значение и смысл. 4) Для человека совершенного важны не военные доспехи и меч, но добродетель и человеколюбие. 5) Князь из Цзу, спохватился на дороге своего оружия (лук со стрелами). Кхунцы заметил, если лук потерян в пределах его княжества, – князю нечего беспокоиться. 6) В решении дел судебных необходимо из множества судейских мнений избирать одно из двух, или "да", или "нет". 7) Человек совершенный, мудрый, совершая в чем либо погрешность, может сознавать её и исправлять, но не продолжать далее. 8) При жертвоприношении предкам сыновним сыном должно быть все наперед обдуманно и приготовлено, совершено без всяких упущений; одной молитвы без наличности жертвы – недостаточно. 9) Когда простые люди в своих действиях, не ожидаясь распоряжений свыше, поступят согласно с законом, без нарочных наставлений, такое княжество или государство может называться совершенным. В сем же роде излагаются и прочие принципы и наставления, взятые из жизни, сопровождаемые примерами; и так заканчивается первая книга, переведенная г. Гютчензоном на английский язык, прочее осталось им незаконченным по случаю отъезда из Китая в Англию в 1880 г.

Излагая содержание *семейных изречений или наставлений Кхунцы*, которые он представляется делающим китайскому народу, составляющему единое великое семейство – «син» – «цзя», не можем не остановиться на объяснении смысла сего рода названия сборника и того обыкновенного национального обычая, который соединяется со словом «семейные наставления» – *цзя-юй*. У китайцев известны официально совершаемые обязательно дважды в месяц¹⁶⁵ «*семейные собрания*», 10 и 26 числа, на них совершается обряд или церемония чтения книг или домашних устных наставлений, бесед детям, родным и домочадцам, совершаемых главою семьи или старшим в роде. Этот обряд называется «*Ван-мун-ци*» и состоит в следующем: 1) семья, у которой существует особый зал собрания в доме, должна приготовить в нем все заранее, для сей цели потребное: – у северной стены ставится стол с разложенными на нем книгами, у стен восточной и западной расстилаются рогожки, на коих члены семейного собрания должны занять свои места, соответственно возрасту и степени родства. На кресле, в почетном месте садится председатель собрания, имея пред собою "*Ин-сян*" для подачи знаков и приглашения присутствующих к сосредоточенному молчанию и вниманию ко всему, что совершается, о чем говорится. Те, которые должны говорить или читать, садятся возле председателя. Для чтения выбирают молодых людей, искусных в чтении, имеющих голос чистый, звучный. 2) Книги читаются обыкновенно следующие: первая часть Ши-цзина, Да-се, Сяо-се, Сяо-цзин, законы уголовные и полицейские, сборник примеров сыновнего благочестия и т. п. 3) По окончании чтения и наставлений женскому полу касательно добронравного поведения, в собрания спрашивают, не имеет ли кто-либо из родственников членов дурного дела, будь то в семействе или в сношениях с посторонними. У кого такое дело окажется, тот чистосердечно излагает обстоятельства и просит совета. Каждый по очереди свободно высказывает свое мнение о том, что следует сделать, чтобы предотвратить процесс и уладить дело, большинство голосов определяет, чего следует держаться. Если речь идет о значительном проступке, который получил уже огласку в публике, собрание принимает действительные меры к тому, чтобы исправить совершившего проступок и не допускать его до потери всякого страха и стыда. Собрание осведомляется о добрых деяниях, совершаемых тем или другим членом рода, записывает эти деяния, чтобы сохранить о них память и тем самым других побудить к таковым же. Собрание рассматривает, в каком положении находится каждое семейство (принадлежащее к одному роду) относительно податей и налогов, так как не следует допускать чтобы та или другая семья подвергалась за неисправность выговорам или принуждениям правительства. Если встречаются трудности в расчете или раскладке (податей или налогов), если усматриваются недоимки, которые служат предметом какого-либо спора, глава рода заставляет дать ему отчет об этом, все выясняет и произносит решение, которое приводится в исполнение неукоснительно, спорные деньги уплачиваются немедленно. Собрание рассматривает, не имеет ли кто-либо из членов рода какой-либо тяжбы. Если спор происходит между братьями, дядями и племянниками, или другими родственниками, то глава рода совещается об этом с хозяевами семейств и вместе

с ними произносить решение, так что дело не доводится уже до суда. Если член рода имеет тяжбу с кем-либо посторонним, то старшины заставляют подробно изложить пред ними сущность дела; и, если дело идет о браке, о землях, или о нанесенных оскорблениях, они вступают (потом) в переговоры с родными и друзьями противной стороны, чтобы уладить дело полюбовно. Собрание рассматривает положение нуждающихся членов рода стариков, вдов, сирот, больных, нуждающихся в помощи; далее рассматривает положение нуждающихся членов рода и каждый из членов (самостоятельных) уделяет часть своих средств, так что получается сумма, достаточная для содержания неимущих, а для больных обеспечивается помощь и лечение... Когда окончено чтение, преподаны наставления и рассмотрены дела рода, собрание считается закрытым. Но если остается еще свободное время, и члены собрания не желают расходиться, то заставляют детей петь стихи, преподают им правила церемоний и упражняют их в исполнении обрядов. Из сего характерного отрывка, приведенного Г. Георгиевским (в его сочин. Принципы и жизни Китая, стр. 164–166), усматриваем величайшее благоразумие китайских семейств как в теоретическом пользовании книг, так и практическом приложении знаний из оных добываемых среди семейных собраний и советов родных и друзей благоустроенного дома. Этого рода обычаи и правила желательны бы и для христиан – русских, как и китайских.

II. «Цюань-ши-вэнь» – китайская нравственная энциклопедия для народа.

По важности сборников, более или менее обширно составляемых для народа китайскими учеными, со включением знаний преимущественно нравственно-религиозного, политического и литературного значения, обращает на себя внимание означенное издание, нередко воспроизводимое в печати и обратившее внимание европейских ученых. Г. Эйхлер (The Chine Review, vol. XI, 1882–83), занимавшийся исследованием по сему предмету, назвал упомянутый сборник «practical theology of the Chinese» или «Popular Ethics of the Chinese». В основании компиляции усвоен план – предложить такие книги и рассуждения применительно к возрасту читателя, в коих бы он почерпал для себя в основных чертах все потребное для образования ума и воли; поэтому книги располагаются: 1) на такие, которые действуют на образование ума (reason), 2) – помогают управлению желаниями и движениями души, т. е. содействуют укрощению страстей (emotions), 3) – образованию и укреплению воли. К первой группе относятся собрания пословиц или отрывистых изречений – «Мин-син», или «драгоценное зеркало для озарения ума». Книга эта переведена на немецкий язык проф. *Платом*, на английский – *Дуоляйтлем* (в его Vocabulary, vol. 11), *Скарбороучем*, *Артуром Шмитом* (отд. издание) Перни, и Гербертом Алленом. Другое название той же книги – «Умноженное и дополненное издание мудрых слов». Содержание книги: о небе, о занятиях науками и самообразовании, о краткости жизни, об осторожном пользовании даром слова или осмотрительности в речи, о дурной привычке в беседах, о женщине, о предусмотрительном обращении с людьми; добрые советы, о друзьях, о благодарности, о богах, о несчастьи, о главных пороках, о родителях, об осуждении других, о благоразумии, о терпении, о мудрости и добродетели, о добром союзе с людьми и прилежании, и проч. В переводах на европейские языки усвоена классификация неодинаковая, но с удержанием самого текста, в той или другой форме его передачи на другой язык. 2) XVI священных наставления императора Канси его народу – «Шэн-ю» и пространное толкование оных сделанное императором Юн-чженом.¹⁶⁶

Кратко, в священном эдикте или наставлениях Канси содержатся изречения об обязанностях сыновних и братских, о союзе родных, о мире с соседями, о земледелии и порядке в хозяйстве, об образовании, о религиях и сектах, о повиновении законам, о благотворительности, об основных занятиях, о воспитании юношества, о лжесвидетельстве, о дезертирах, о налогах и податях, о законе «Бао-цзя» или караулах, об опасностях вражды.

Ко второй группе книг – о страстях, или удержании духа в пределах подчинения и ответственности, а) есть *молитвенная книга*, с описанием *Рая и Ада*, по учению буддистов и даосов; известны переводы о сем на англ. языке Жилеса, Легга, и рассуждение Rev. T. G. Selby «Yan kwo Vuk Lik» (Chin. Rev. Vol. 1, № 5). б) *Сяо-шо* (Siao-Shwoh) в которой по большей части содержится нравственное направление и приводятся рассуждения о наказующем или благодеем значении разных идолов; сюда относятся книги главным образом буддийского или даосского происхождения, хотя не исключаются и некоторые конфуцианские, в них трактуется о культе предкам, сыновнем благочестии, о конфуцианских богах; этого рода предметы одинаково выделяются в особых главах.

Третью группу *Цюань-ши-вэнь* в собственном смысле составляют *Инь-чжи-вэнь*. Rev. Justus Duolittle замечает, что и мысли, собранные и изложенные совокупно в сей книге, кажутся несомненно принадлежащими всем трем сектам китайской религии – конфуцианству, буддизму и даосизму, прочувствованы и усвоены всеми классами народа, а потому им дороги, ценны, общепонятны и распространены. Таковы все увещания к добру с избежанием порока и зла вообще, к жизни благоразумной и удалению от безумной. Многие нравственные правила запечатлены соответствующими примерами из жизни лиц, известных благочестием и сопровождаются даже рисунками, помогающими наглядному усвоению предмета. Для детей и простолюдинов это – дорогая книга. Несмотря на разнообразие систем религиозных, коим соответствуют собранные изречения и наставления, рассказы, все они рассчитаны на образование воли нравственной и создание крепкого характера. А потому справедливо почитать «Цюань-ши-вэнь» практической, национальной, общедоступной нравственной книгой, которая действительно, в историческом образовании составлялась постепенно и проникала глубоко народное самосознание. Издания сего сборника разные по времени, всего более служат лучшим тому доказательством. Прежде всего он достаточно известен при династии Чжэусской, как «Цюань-ши-жень», т. е. изречения оного, сопровождаемые примером, становятся образцами на пути жизни практической – народной; начинаясь с появлением буддизма, т. е. при династии Ганской (Han), сей сборник содержит апологетический материал в борьбе с прочими сектами. В VI ст. по Р. X. ученый Янь, северной династии Ци (Tshi) издает сего рода книгу под названием «Домашние наставления ученого Яня» – «Янь-ши-цзя-сюнь», состоящие из 20 глав, в 2 томах. Большею частью содержатся конфуцианские принципы, (обращение к детям, братьям, супругам и др.), главы 15 и 20, 16 – чисто буддийские, последняя озаглавлена «обращение сердца к Будде». Здесь собраны многие изречения буддийской космогонии, приводятся образцы добродетелей Яо, Чжоу, Гуна, говорится о эзотерической и экзотерической школах, их учении, перечисляются пять буддийских запрещений, также и пять конфуцианских добродетелей, приводимых антитезисом, напр. буд. обузданию разрушения жизни противопоставляется конфуц. человеколюбие, от кражи переходит к справедливости, от заблуждения, – к собственности, от бессмертия – к мудрости, от лжи или вероломства – к вере и искренности. В заключение всего, автор увещевает читателя к воздержанию от всего, что разрушает нравственную и телесную жизнь человека, доказывая это разными поучительными примерами. При династии Сунской и особенно – современной, «Цюань-ши-вэнь» получает особенный авторитет, присоединением в нем разных наставлений государей императоров, изображаемых под отеческим видом беседующими с народом. Таков священный эдикт императора Канси, с объяснениями его сына Юн-чжэна и просвещенных министров, в котором конфуцианству усваивается главное государственно-религиозное, руководящее, регулирующее значение пред буддизмом, даосизмом и даже – христианством. Новейшие редакторы-издатели «Цюань-ши-вэнь» желая под сим знаменем еще более угодить вкусу и чувству народному, вводят в нем по возможности самые лучшие рассуждения, каких не было прежде; таким образом расширяется все более означенная энциклопедия до степени национальной, общеобязательной кодификации, которой не зная, не понимать, не изучить после классических книг-школьных, есть дело почти предосудительное. Трактаты входящие в состав современных изданий, следующие: 1) «Бу-кэ-лу» (букв. «нет» – «можно, да», «запись, реестр»), т. е. «Книга положительного и отрицательного (да и нет)», изд. 1810 г. Под положительным разумеется все, что должен делать человек, чтобы быть добродетельным, под отрицательным же – то, чего избегать должен всякий. Напр. «Не прелюбы сотвори»; сему запрещению противопоставляются примеры и наставления о целомудрии, невинности, чистоте супружеской жизни и моногамии; результаты нарушения заповеди – несчастья, болезни и бедствия, проистекающие от всего скверного по телу и душе, мысли, слова, пожелания и проч. развращающие сердце, удаляющие человека от самоусовершенствования. Перечисляются все святые боги, дни их рождения и праздники – как содействующие нравственному улучшению людей, перечисляются разные дни для известных добрых дел и удаление от им противоположных. Означенная книга, по своим тенденциям – буддийская.

2) «Ту-ин-лу» (букв. ученику соответствующая, необходимая запись правил), или «Книга запись самонужнейших и назидательных правил жизни», («The Book of speedly Fulfilments»), изд. 1863 г. Содержание: а) глава о наградах и наказаниях высочайшего совершенства (т. е. сочинение Лаоцзы) «Тай-шан-хо-ин-бянь» или «Кань-инь» (Kan-ying-p'ien) – глава о причинах ведущих к возмездия, соч. великого и совершенного мудреца Лаоцзы; б) «рассуждение о тайном

законе возмездия», сочинение Вэнь-чжан-ди-цун (Keun) или, – принадлежащее богу изящной словесности; в) сочинение бога войны о неусыпаемости мира (awaken the world); г) три ифических трактата, содержащих рассказ о приключениях двух ученых, достигших славы и почестей потому, что следовали в жизни нравственным правилам означенных предшествующих рассуждений; д) трактат о предметах заслуживающих уважения и исполнения и им противоположных сего недостойных (seale of merit andedemerit), предметы эти, подлежащие раскрытию касаются сыновнего благочестия, братского согласия, родственной любви, милосердия к бедному и нищему, честности в купле-продаже, богопочтении и служении предкам, уважении к письменным трудам и иероглифам, бдительности во всем ведущем человека к добру. Все сего рода правила, постепенно изложенные и ежедневно соблюдаемые, достойны награды за исполнение, и наказания за неисполнение оных; е) откровение бога литературы «Вэнь-чжан-шень» его почитателям; ж) краткая повесть об одном бедном ученом (Ю-гун), которому является бог изящной словесности и домашнего очага под видом "Чжан", упрекает в несоблюдении некоторых правил нравственности и гордости, делает полезные советы и обещание на награду со временем. Ученый исправляется в жизни, препобеждает страшные препятствия, бедность, но постоянно изучает классические книги, по ним исправляется нравственно; и, в конце жизни, под 50 лет, получает высшую ученую степень, становится домашним другом и учителем у богатого мандарина, устраивает счастливо себя и свое семейство получением высокой должности, и проч.; з) Прочие примеры людей, получающих награду в жизни за соблюдение правил, изложены в трактате о наградах и наказаниях (Лаоцзы); и) остальные примеры добродетельных людей, их вознаграждение за соблюдение правил, изложены в рассуждении «о тайном законе возмездия за добро». Награды суть: получение должности, долгоденствие, слава, здоровье телесное и духовное, богатство и проч.; к) увещания к сыновнему повиновению и послушанию; л) к уважению письменного слова; м) обузданию похоти или вожделений плоти; н) еще увещание к сыновнему благочестию; к) покорности князю; о) правила для супругов – мужа и жены; п) для старшего и младшего братьев; р) о дружеском обхождении с людьми; с) увещания к учащимся; т) об удержании себя от драки, ссоры и прочих правонарушений; у) об осторожности в разговорах; ф) о пожелании только доброго и справедливого; х) о милостыне для бедных; ц) правила для гг. военных и чиновников; ч) увещание быть сострадательным к животным и воздержанию от напрасного убийства их.

3) «Драгоценная вершина (дома или лестница, перевоз), споспешествующая к выдержанию установленных экзаменов для получения ученой степени» («Gewelled Raft for crossing over the Examinations and acquiring a literary Degree»). Здесь излагаются все полезные наставления и сведения о том, как должен себя держать студент при совершении для него великого дела, – как оберегать себя от дурного и только иметь в уме для него необходимое, – составлять товарищество для разговора, обмена мыслей в интересующих предметах касательно письма, рассуждений, раздачи другим полезных советов и книг; особенно рекомендуется доброе поведение.

4) «Книга о разрушении (вещей), совершаемом с насилием» (The Book of Rousing with Violence); (Новое Кантонское издание на разговорном языке). Содержание: I гл. шесть правил и увещаний: а) какой лучший и полный подарок можешь ты сделать для своих товарищей? – подарить хорошую книгу; б) какой частный (partial) подарок можешь ты сделать? – напечатать и распространить хорошую книгу! в) чем можно достигнуть славы и чести, богатства, потомства и долголетия? – напечатанием и распространением полезных хороших книг со всею силою ума и руки! г) чем можно пресекать преступления? – печатанием и распространением полезных нравственных книг! д) от чего зависит приобретение благополучия, счастья, радости, славы, именитости? – от напечатания сего рода книг и распределения между людьми! е) чем можно приятно подарить любимого человека и с чем можно весело прогуляться по улице? – сочинением и передачею доброй книги! II гл. озаглавляется: «Мудрые речения, для мира спасительные и потребные», они состоят из разного рода пословиц, выдержек из мудрецов, по предметам наиболее необходимым для экономии и в сношениях с людьми и дома. III гл. содержит наставления об уврачевании духа, под заглавием: «доброе лекарство, потребное при разных случаях жизни, утишающее бури и уменьшающее скорби, споспешествующее достижению счастья и долголетия». Самые предписания для сего или рецепты – следующие: коренная система и состав человеческих отношений: употребляй сполна пять кусочков (т. е. соблюдай пять видов добродетели); имей материнское сердце, скушай весь этот ломоток т. е. будь с

материнскую любовью к ближнему, исчерпывай эту добродетель везде, где можешь; делай рогатыми уста (т. е. наблюдай величайшее благоразумие и осторожность в словах, при рассуждениях и диспутах) и прокладывай путь (в истине) бодаясь концами рогов (т. е. будь речист, не уступай никому), очищай всю массу чрева силы и прибытка, т. е. уничтожай жадность и непомерное стремление к власти, господству. В осторожности бери для себя 12 частей, в справедливости – 10 частей; в отношении бессмертия прокладывай путь сердцем; имей дозу честности (т. е. не будь бессовестен); при уступке чего, для снисхождения полагаются 3 части, в миролюбии – один кусочек или пилюля; при силе поступай подобно зерну (т. е. выходи постепенно и осторожно); при обязанности, требующей доверия, достаточно одной дозы; в терпении же требуется сто частей, с дополнением мудрости; для благодеяния друзьям необходимо три кусочка (pieces); скупость вырастает с корнем, при вере в богов трудно определить предел, и более или менее можешь быть самостоятелен. Все сии 16 родов лекарств автор наставлений рекомендует тщательно истолочь в порошок и приготовить пилюли и порошки для болящих душою в виде столбцов (кит. письма). Пред приемом их внутрь, рекомендуется выпить суп сердечного спокойствия и постепенно вкушать затем самые столбцы, т. е. усвоить их и исполнять на деле. Следуют далее разного рода увещания в прозе и стихах, в коих говорится о суеете мира, доказываются польза миролюбия семейного и общественного, сострадание и милосердие к живым существам, удаление от азартных игр, и курения опиума, всякого рода блуда, производящего болезни – проказу, сифилис, слоновую болезнь, оспу, золотуху, всякого рода парш, особенно замечаемую в детях и лицах, ведущих грязную жизнь, не рядящих о чистоте и опрятности. Добрыми делами почитаются воздержание от вина, обжорства, чтение буддийских молитв, распространение буддийских книг и понятий.

5) В Книге «о беспорядках с насилием» встречается одна глава с надписью «прекрасный кошелек занятий», содержащий правила при торговле и ремеслах; другая глава озаглавлена – «руководящие правила для народа, желающего самостоятельно исполнять оные, как ученики в школе»; содержание книжки – каждый мальчик обязан вставать рано утром, с петухами, и исполнять предлагаемые наставления строго, ежедневно, т. е. как умываться, одеваться, держать себя с товарищами и дома, на прогулке, в школе, в соблюдении разных приличий, порядка, услужении родным, больным, здоровым и проч. В сем малом трактате собрано все лучшее из книг буддийских, даосских, конфуцианских, потребное для добрых нравов, и обычаев, с характеристикой добродетели и порока. Есть и другие издания «Цюань-ши-вэнь» новейшие и более или менее содержательные, но нет надобности вдаваться в подробности, какими они излагаются Г. Ейхлером в рассуждении о сем предмете сокращенно нами изложенном.

III) «Лей-шу» – народный сборник. Состоит из трех томов и обнимает все жизненные условия, отношения и народное законодательство. По содержанию и разнообразию предметов в нем трактуемых это самый лучший, по отзыву многих китайских ученых, о том нам лично сообщавших. Предлагаем в русском переводе оглавление содержания, с заглавиями китайскими, в русской транскрипции. Язык книжек сего сборника – пекинский сухуа – разговорный, самый легкий. Издание это, новейшее и приобретено нами в Пекине в 1885 г.

Том первый (тоу), в восьми книгах (бэнь), сорок три главы (му-му). 1) После оглавления и предисловия (I-я бэнь) излагается: 2) О почитании государя, родителей, старших (в 22 главах), устанавливается о них понятие. 3) Определяются обязанности супружеские; муж должен – кормить, одевать жену, помогать в хозяйстве и воспитании детей, жена должна повиноваться и исполнять все погребное от неё как супруги, матери, хозяйки; характеристика супругов. 4) Наставления детям отеческие. 5) Собственное домоводство. 6) Услужение людям в разного рода профессиях.

II-я бэнь. 1) Мирные дела: оказание добра людям, стремление быть добродетельным, запрещение всякого рода зла и проч. 2) Сто правил школьного устава – сюэ-танн тяу-юэ-и-бай. 3) О методе и способе чтения книг и усвоения их умом – 27 правил – Ду-шу синь-фа. 4) Правила (8) для ученых, учителей – ши-фань или ань-фэнь. 5) Средства, способы воспитания детей, 8 правил – Кэ-эрг па-фа. 6) Восемь школьных правил, для учеников – сюэ-сюнь. 7) О добронравии человека, 18-ть стихов для детей – Яу-фу-жень хуа хай-эрг-гэ: послушание, не делать зла или вреда, не блудить или не шалить, не сердиться, не жаловаться напрасно, не играть в карты, не быть жадным или скупым, также – пьяницей, не убивать животных и птичек, не расходовать много денег, не пресыщаться в пище и питии, не иметь лишней одежды, не лгать, не лстить, не быть глупым или тупоумным, не задумываться много, не слишком печалиться, не быть вовсе

дураком, пользоваться каждой минутой в жизни для добра, ибо неизвестно, когда постигнет смерть.

III-я бэнь. 1) Примерно хороший мужчина – хао-нань-жень. 2) Примерная женщина – хаоньюэрр. 3) Дурная женщина – бухао-сифу. 4) Стихи о небесном блаженстве – тянь-фу-гэ. 5) Увеселительные стишки на случаи печали, горя – мо-чау-гэ. 6) Семь разных прибауток. 7) Слова о спокойствии небу подобном. 8) Пятьдесят девять разных притч, загадок, пословиц в вопросах и ответах. 9) Десять хороших качеств души благородного человека и десять дурных неблагородной души порочного человека. 10) Хорошие примеры – хао-му-ян. 11) Дурные примеры – хуай-му-ян. 12) Распознавание примет хорошего человека – ду-дэ чэн. 13) Нехорошие приметы – ду-бу чэн. 14) О скором богатстве – дин жань-фу. 15) О быстрой бедности и убожестве дин жань-пин. 16) О великом благополучии – да цзу-ли. 17) О великом несчастье – да бу-ли. 18) Полезный совет, коего следует слушать – цзи сян-и. 19) О том, чего не должно делать – цзи бу-и.

IV-я бэнь. 1) Приятные, веселые мысли предохраняющие от дурного – си-пьянь. 2) Сохраняющие тело – си-шэнь. 3) Подающие счастье – си-фу. 4) Приятное занятие – си-ши. 5) Мысли доставляющие удовольствие детям, оберегающие их от худого – си-эрр. 6) Доставляющие возможность беречь деньги – си-цай. 7) Приятное слово, речь – си-янь. 8) Хорошая кисть для письма – си-би. 9) Приятная книга – си-шу. 10) Приятные письма, буквы – си-цзы. Продолжение той же бэни в виде правил отрицательных – чего должен человек избегать, не делать: 1) Не блудодействуй – мо се-ин. 2) Не убий – мо цзуо-цзэй. 3) Не оскорбляй никого, не вреди никому – мо сян-до. 4) Не будь доносчиком, не жалуйся суду – мо гао-чжэ. 5) Не спи с блудными девками и женщинами – мо су-чан. 6) Не играй с азартом на деньги, не мотай их – мо-шуа-цянь. 7) Не пьянствуй – мо лань-цзуй. 8) Не бери в долг без отдачи – мо-цянь-чжай. 9) Не расходуй много денег, не будь мотом – мо лан-фэй. 10) Не ленись – мо лань-дуо.

V-я бэнь. 1) О знании потребном в делах житейских – чжи-ши-ши. 2) Самый перечень сего рода дел и отношений к людям. 3) О счастье мирного времени – ань-лэ-мин. 4) О необходимости многих знаний – ду-нэн-цзи.

VI-я бэнь. 1) Предисловие, песни о небесном счастье – тянь фу-гэ. 3) Стихи о небесном юноше – шэнь-тхун-ши. 4) Правила о чтении книг изложенные в стихах – чжан-сюэ-гэ. 5) Наставления девушкам – нью-шэнь. 6) О церемониях, которые потребны юноше – тун-ли-чжи-яу. 7) Разного рода обязанности юноши в виде 28 наставлений или правил: мой лицо – си-мянь, как одеваться – чжэн-фу; как складывать руки при приветствии и встрече с людьми – ча-шоу; как должно кланяться – и; как делать земные поклоны – бай; как стоять при праздниках на коленях, с поднятыми руками – ли; как сидеть – цзуо; как прохаживаться взад и вперед – син-цзоу; как вести разговор – янь-юй; как смотреть глазами и слушать ушами – ши-тхин; о питье и кушанье, когда, как, сколько, где? – инь-ши; как мыть пол, сметать, счищать грязь; – са-сау; как спрашивать и отвечать – ин-дуэй; как входить и уходить – цзинь; о согревании родителей зимою, в стужу и прохладе летом – вэнь-цин; десятилетний мальчик должен вставать ранее родителей – дин-шан; как должен вести себя дома и вне оного – чу-жу; как должен подавать кушанье родителям и старшим – куэй-чжуан; как должен обслуживать им? – ши-цзуо; как сопровождать всюду родителей, отца в особенности? – суй-син; как кланяться родителям и старшим при встрече с ними на пути? – се-гоу; не должно далеко уходить от дома своих родителей и старших – чжи-и; об умение братья за что руками, получать вещи, отдавать – шоу-е; о том, как и что говорить 1-го и 15-го числа месяца, с учителем, с товарищами по школе, как кланяться учителю, таблице с именем Конфуцзы, как садиться и сидеть, держать себя до учителя и после его ухода – шуо ван; как держаться и что делать утром и вечером пред таблицей Конфуцзы, учителем – чэнь-хунь; как сидеть и держаться в школе – цзюй-чу; как кланяться учителю, гостям, на улице и дома? цзе-цзянь. 8) Наставления (18-ть) относительно обрядов и церемоний, которые знать должен всякий, чан-ли сюй-чжи; как встречать людей (гостей)? – ин-це о вхождении в большой зал – дэнн-тан; вправо должно делать четыре поклона родителям и чиновникам – си-бай; два поклона учителю, теще – лян-бай; поклон гостю на южной стороне – бин-бай; о поклонах, когда много гостей – жень-чжун; о порядке при сидении – сюй-цзуо; как подносить чай – сян-ча; как подносить вино? – ди-цзю; какое место должно занимать на пиру и как? – ань-си; как наливать вино – фан-цзю; как подавать кушанье? – шан-сю; о прощании при уходе – гау-цы, о провожании гостей – сунь-бе. 9) Наглядное начертание способа и места сидения на пиру, в гостях – цзуо-вэй-тху (31 рис.); когда хозяин и гость один на один – тоже; когда три гостя и три лица в доме; когда шестеро – восьмеро гостей; когда 22; когда шестеро домохозяев и 29 гостей! как

расположить места для 36 гостей при отсутствии хозяина, или когда 13 хозяев и 52 гостя, когда нет хозяина, но будет 42 гостя; когда 12 хозяев и 58 гостей; два стола полагаются на 78 гостей, один на 36, при многолюдном празднике и пире. 10) *Правила о приветии гостей и приеме* – *фа-ци синь-янь*; когда гость является в первый раз – *чу-сян-хуэй*; при многократной встрече их – *люй-цы сян-хуэй*; при встрече старого давно отсутствовавшего друга – *цзеу-бе*; при недавнем свидании – *цзинь-бе*; как говорить и чем занимать гостя? – *бай-фан-юй*; на случай, когда приходит гость и нет хозяина, что говорить и как принимать домашним – *бай-фан-вэй-юй*; какой делать привет гостю? – *чэн-гу-ши-хоу*; как встречаться на пути и говорить? – *тху-чжу-сян-цзянь*; должно держаться правой стороны и не беспокоить – *чэн-жау*; как благодарить за милость? – *се-хуэй-чжи*; за труд – *се-лау*; при визитации друг к другу – *сян-хуэй-чжи-и*; приветы при отъезде гостей – *линь-бе-чжуань-чжи*; при виде и встрече чиновника – *цзянь-гуань-юань*; при встрече учителя и старшего возрастом, как приветствовать – *цзянь-ши-чжан*; при виде ученого и гражданского чиновника – *цзянь-вэнь-жень*; ори виде земледельца, простолюдина – *цзянь-нун-фу*; при встрече торговца – *цзянь-нэн-и-жень*; писца и художника – *цзянь-се-хуа-жень*; лодочника и перевозчика – *чжэу-жень*; буддийского монаха – *цзянь-сэн-жень*; даосского монаха – *цзянь-дао-жень*; (вопросы примерные: буддисту, где ваша драгоценная кумирня? Ответ: моя маленькая кумирня N там-то; даосу: бессмертная кумирня ваша, где помещается? – отв. Она находится в таком-то месте). 11) Песни народные на разного рода случаи – *хуай-хуа-гэ*.

VII-бэнь. 1) *Сяо дэ хао*, или наставление о том, что должно осмеивать все дурное и предосудительное, избегать оно, для того чтобы быть добродетельным и достигнуть зрелого 30-летнего возраста. 2) *Тянь-ди лэ-ши*, наставления положительные и отрицательные на разные случаи; – от экзаменатора ученику и другим людям, именно: не пей много чаю *бу хе ча*; не топи очень жарко печи – *бу шао луцзы* (ибо от каменного угля и уголекислоты можно умереть); о безопасности от того же весною – *бу сянъ ши*; ученик не должен играть до известного возраста на музыкальных инструментах, ни петь песен несоответствующих его возрасту – *ду цюй*; не должен играть на гармонии, *бу фу цин*; не должен играть в шашки, шахматы, *бу-чжуо-ци*; не должен писать жалоб, исков на других людей в суд, *бу-дай-шу*, не должно худо писать и рисовать, *бу сюэ хуа*; не должно ставить цветов в плошки (когда требуется посадка в натуральную землю), *бу тин хуа*; не сади в клетку птичек, *бу лун няо*; 3) скоро не пиши стихов, *куай хуо-гэ*.

VIII-я бэнь. Наставления разного рода о самых необходимых вещах: о том как и что кушать, *инь ши бу*, кушать рис, *ши и цзоу*; необходимо кушать медленно, *ши и хуань-се*; понемногу, *ши и дань се*; не должно много употреблять крепкой пищи, *ши и дань се*; требуется теплая пища, *ши и нуань се*; как и что кушать ежедневно? *мэй жи тяо ян*; как проводить ночь? *мэй е тяо ян*; как жить весною? *Чунь ши тяо ни*; как жить летом? *ся жи тяу не*; как осенью? *Цюй-ши тяу-ни*; как зимою? *дун ши тяу ни*; как ходить пешком? *син люй тху не*; когда пить вино? *цзю цзюэй тяу ни*. Стихи касающиеся ума и сердца, *синь сы ди и*; о питье и пище, *ин ши*; о четырех временах года, *синь сы тяу ши ди сы*; о приготовлении разного кушанья, *сю чжуань ди леу*; о запоминании разных вещей, *син-ву*.

Второй том. Предисловие. 1) О разного рода занятиях мужчин, *жень ши тун*; необходимо рано вставать ежедневно, *мэй жи цзау ци*; чистить зубы и мыться водой *ца чи*; чернить тушью бороду, *ву ской*, дабы не быть старым иметь косметические средства *бу лао шэнь фан*. Именно: постоянно кушать восемь лекарственных лепешек, *па сянъ-гау*; пить коровье молоко, *ню жу*. 2) Правила при непорядке сердца и трудностях совершения всякого дела, *бу ли чжи чжу ши нань чэн*; порядок – самое главное дело, *ли чжи ши ди и цзянь ши*; в сердце всегда есть неприменная решимость что-либо сделать, *кэ чжи ли син*; что делать в молодые годы? *Цзуо-ши яо чэнь шау-чжуан чжи нянь*; делай наверняка, *синь син*; соблюдай церемониал в одежде *вэй*, т. е. сообразуйся с книгою обрядов и словами мудрости, т. е. говори умно, *мин-цзе*, не занимайся пустяками и удаляйся дурных поступков, *шау чуань сянъ ши юань ли ши фэй*; о смирennemудрии, *цянь сюнь*; не должно сердиться, *ну*; сердиться трижды вредно, *ну-яу-сань-сунь*; не будь бессовестен, *сан-синь*; умей управлять своим телом, *ли-шэнь*; домом, *ци-цзя*; почитай небо и землю, *цзин-тянь-ди*; домоуправление есть самое главное дело старших, *чжи-цзя и цзин-чжан-вэй-ди-и*; наставление для постоянных занятий князя, *ши-чан-вэй-цзюй-ван-фа*; бойся царского указа, т. е. будь всегда к себе строгим, *вэй-цзюй*; давай заблаговременно подать, *цзау-вань-фу-шуэй*; особенно береги женщин и девиц, *янь-су-гуй-мынь*; о внимательности к словам со стороны старших и младших, *чжан-яу-нин-фань яу чжэн-тхи-тун*; особенно оказывай

милосердие к семейству сирот и вдовам, *цзу-чжун-гу-гуа-яу-цзя-цзинь-сюй*; слуга не должен изменять свою фамилию, *нупу-бу-кэ-гай-синь*; правила о том, как обращаться с родными и соседями, когда их много *хоу-инь-ли*; покупай подержанные, старые вещи, *май-цзю-ву*; вопрошай себя, говори с собою, *цзы-вэнь*; во всяком деле требуется осторожность и бережливость, *чжу-ши-ду-яу-юй-шэнь*; читай сполна книгу в сообразуйся с нею в делах, *ду-шу-цюань-яу-тхи-син*; читай книгу, но не привязывайся слишком к ней одной – *ду-шу-це-цзи-тянь-дуо*; читая книгу повторяй её чаще и заучивай наизусть, *ду-шу-яу-ши-чан-вэнь-си*; книги разделяются на четыре части – *шу-фэнь-сы-дянь* (сы-шу – четырёхкнижие; два важных предмета занятий в мире – земледелие, чтение и изучение книг, *ши-шан-яуцзин-вэй-цзай-гэн-ду-эрр-ши*. Виды ученых людей и качества:

1) *Ши* – ученый человек (тот кто) читает книги, познает из них добродетель, поступает во всем сообразно с небесными велениями, избегает женственности внутри и снаружи, чужд самохвальства, милосерд к людям, неизменен в слове, деле, нравах, не одевается пышно, заботится о добром имени ученого и славе его, почитает родителей, уважает старших себя, верен во всех случаях, не чуждается людей, исполняет строго все обязанности и так достигает святости. 2) *Шан-пин*, высшая степень ученого, живет одиноко, без семьи, ведет себя смиренно и кротко, держит себя по наружности всегда чисто и опрятно. 3) *Ши-чжи* – ученый, который имеет хорошую т. е., нравственно развитую, на доброе направленную волю, с душою и сердцем чистым, умом крепким и здоровым. 4) *Ши-цюй* – ученый; благообразен по виду воздержен от азартных игр, избегает блуда, пьянства, чувственности. 5) *Ши-си* – ученый обладает нравом ему соответствующим, избегает крайностей, не имеет долгов, отличается трудолюбием. 6) *Ши-ян* – ученый, который может знать все, прокормит себя и других, воздержен в пище и питии, соблюдает гигиену. 7) *Ши-цау* – ученый должен быть не только знающим книгу, но и солдатом, для этого владеть искусно оружием; одна книга расслабляет, оружие, – укрепляет и дает силу. 8) *Ши-сюэ*, ученый, исполняющий учение Конфуцы и живущий сообразно с оным. 9) *Ши-шэнь* – ученый, который чужд прихотей. 10) *Ши-ши* – ученый, знающий всему время, напр. летом встает рано, а зимою занимается и вечером при огне, под старость пожинает плоды учености, хотя и не учится как дитя. 11) *Ши-и* – ученый, знающий когда не должно что-либо сочинять, т. е. в случаях пьяного состояния или одуряющего, при дремоте, голоде или пресыщении. 12) *Цюань-жень-цзи-ши-вэй-сюэ* – ученый, который знает, с какого времени и возраста должно учить других наукам, ибо жизнь коротка и ею должно пользоваться.

Правила для прочих людей, коими определяется их тип и характер деятельности: 1) *Земледелец* – *нун*; он должен знать времена года, заботится быть знатоком своего дела, должен уметь орошать землю, возделывать и собирать хлеб в свое время, оставляя часть для семьи, другую для продажи, третью для подачи, четвертую в запас. 2) *Рабочий, мастеровой люд* – *гун* должен знать все подробности своей профессии и промысла. 3) *Торговец, купец* – *шан*, обязан воздерживаться от ложной цены за товар – *вэй-цзя*; могут составляться общества для продажи своего труда по найму, на срок, за известную плату, таковы – *син-шан-чжи-коу*, т. е. всякого рода вольнонаемные, рабочие, поденщики. Торговцы не должны прятать у себя воров и торговать воровскими вещами, – *кхэ-шан-мань-цан-хуэй-доу*; старые купцы должны иметь лучшие правила, – *лао-шан-мяо-фа*; оберегаться воров, – *фан-доу*; держать стражу ночную от них, – *фан-цзэй-ши-е*; каждый вечер осматривать ворота и окна, – *мэй-вань-чжао-гань-мынь-ху*; усиленно беречься от воров, – *цзя-и-фан-цзэй*; ставить для сего деревья по стене, и шесты изнутри лавки, магазина, – *янь-цян-чжуан-бань*; на полу (земляном или каменном) полагать доски, – *ань-бань-фан-ди-дун*; на кровлю класть черепицу, – *чжу-ба-пу-ва*; долгим засовом – *чан-шуань* должен запираť ворота; а большие ворота – железным засовом, – *да-мынь-те-шуань*; деревянный засов должен быть делаем (ши) из грушевого дерева – (лицзы), это – *ли-му-мэнь-шуань*; большие ворота должны быть о двух створах, – *да-мынь-эрр-мынь*; дверцы должны быть из досок – *мэнь-чуань-дуй-бань*; в школе должен быть медный таз – *гуэй-нэй-ань-цзя-тун-лэ*; на кровати должен быть медный звучный таз, – *чуан-пан-бэй-да-сян-луо*; на стене должно делать отверстия для наблюдений за подозрительным лицом, – *чжау-цзян-дун-бянь-ван-кхань*; самое лучшее дело – иметь и употреблять лук со стрелою, – *фан-цзэй-юн-ну-цзянь-цзи-мяо*; когда гонишь вора, или ловишь, берегись упасть сам, – *чжуй-цзэй-фан-дэ*; на верху стены складывай мелкую черепицу (которою можешь бить вора), – *цян-тоу-фу-дуй-ва-пань*; потайная комната должна быть для драгоценностей, – *ми-ши*, ночью особенно должно беречься, – *е-лю-да-и*; при снании необходимо закрывать голову, – *е-вуо-бу-кэ-мэн-тоу*; ночной сторож, – *ян-ву*; тайная милость, – *ань-ши*;

тайное одолжение, – *ми-цзе*; в неурожайный год подноси хлеб неимущим, – *сюн-нянь-сянь-чу-чжэнь-цзи*; ночью не должен рассуждать громко о делах воровских, – *е-вань-бу-кэ-тхин-шуо*; с зажженной свечей будь осторожен, – *сяо-синь-хуо-чжу*; в комнате должны быть дрова, – *чай-ву*; вещи, скоро сгораемые, должно прятать в тайники, *инь-хуо-чжи-ву-дун-би-чу*; при пожаре спасайся, – *цзеу-хуо*; чан с водой, – *шуй-ган*; зимою одевайся теплым одеялом, *дун-хань-хун-бэй*; одежда должна быть прокладываема хлопчатой бумагой, *бэй-хоу-пу*, *хоу-мянь*; чайник с горячею водою, – *тан-ху*; огонь гаси, – *си-хуо-ба*; когда в курильнице горят благовонные вещества, требуется ставить доску или лист металлический, – *сян-лу-ся-чжи*; медный или железный таз прикрывай приволокой, – *хун-лун-тхе-сы*; во всех случаях берегись огня, – *пу-ши-цзя-и-фан-хуо*; медную жаровню старайся ставить на месте ровном и пустом, – *хуй-лун-фан-цзай-пин-ди-кун-чу*; при раздувании жаровни, огонь вылетает, вспыхивая, – *шань-лу-фэй-хуо*; древесный уголь, – *жень-тань*; летом запасайся древесным углем, – *ся-юэ-шэу-тань*; древесный уголь клади на пол, – *да-бань-ся-дуй-тхань*; не должно употреблять в питье и для пищи дождевой воды, каплющей с концов черепичной кровли, – *ву-янь-юй-шуэй-бу-кэ-гун-ши*; когда бывает гром, остерегайся пить дождевую воду и варить для пищи, – *су-лэй-хуй-шуэй-бу-кэ-гун-ши*; когда сидишь, не стучи по полу ногами, – *цзуо-цзи-яу-си-пай-ди*; не должно (мужчине) ходить подобно женщине (на малых ножках в узких башмачках), покачивающейся при походке из стороны в сторону, – *синь-ди-цин-фу-чжуань-бай*; не должно ходить сложа руки на спину, – *бэй-цзянь-шеу*; избегай болезни глазной и удаляй людей, – *би-хуань-янь-жань-жень*; мой, чисти глаза, – *ян-му*; когда болят глаза, – не мой водой, – *хуань-янь-и-цзи*; мой больные глаза мочою, – *сяу-бянь-си-янь-хуань*; когда пыль залепляет глаза, можешь ослепнуть, – *хуй-ву-ма-янь*; при употреблении пищи, употребляй слоновой кости палочки – *юн-сян-я-куай-цзы*; употребляй серебряные чашки, – *юн-инь-сян-бэй*; стучи в дверь, – *цяу-мынь*; иди посредине, – *ли-чжун-чуань-цзоу*; одеяние для мальчика, – *сяо-эрр-и-фу*; теплая шапка мальчика, – *сяо-эрр-нуань-мяо*; детям не позволяется играть и бить фарфоровых сосудов, – *бу-сюй-сяо-эрр-цяу-ну-пуо-цы-ци*; огнем играть для детей запрещается, – *бу-сюй-сяо-эрр-нун-хэ*; не должно давать детям для игры тонкие стеклянные вещи, – *ляо-ву-бу-кэ-юй-эрр-си-вань*; малой рыбки не должно давать кушать малым детям, – *сяо-юй-бу-кэ-юй-хайцзы-чи*; вредные вещи для людей, прячутся в тайное место, – *шан-жень-ци-ву-шеу-цан-ми*; у кого есть в семье дети, не должно садить цветов натуральных с гребешками – *яу-эрр-чжи-цзяо-бу-кэ-чжун-цзи-гуань-хуа*; золотом и жемчугом не должно украшать детей, – *цзинь-чжу-бу-кэ-ши-сяо-эрр*; когда в семье появится оспа, запрещается расставлять разные вещи, – *доу-цзя-цзинь-цзи*; жаловаться на других – великое несчастье, – *сун-чжи-ци-си-лихай*.

III-й том. Существуют ли наставления или правила отца (детям) о чтении книг? *Чжу-мэй-ань-фу-цзы-ду-шу-фа*? Каждая книга должна быть усвояема сердцем, и когда будет понята, положи её в ящик. Тупой ученик должен читать понемногу, соразмерно с силами; правила о чтении книги с учителем, *чэнь-ле-фу-сян-шэн-ду-шу-фа* (читающий при сем, если беспамятен, обязан прочитывать несколько раз и не рассеиваться ничем, требуется также читать понемногу, чаще и усердно); златое время для учителя, *чэнь-мин-сян-шэн*, (кто кушает правильно и спит в меру, тог может научиться и читать); должен дорожить временем при чтении книги с учителем, *хэ-шу-дзя-сян-шэн*, (ибо один день не заниматься, значит десять дней учиться напрасно); при чтении книги требуется сосредоточенность и удаление от других занятий, избежание излишнего самоутруждения, *гэ-сы-чжан*; требуется четырехкратное чтение книги, *Мау-чи-хуан*, (сердце лежит в теле, тело – в школе; учи понемногу, не надрываясь в силах иначе – потребуются многие годы и месяцы, складывай знания в сердце в одном месте, не рассеивайся, будь постоянно прилежен, иначе все бесполезно); *сю-цзи-ян*, читать книгу не тяжелое дело, не дремли и не спи, будь бдителен всегда (иначе, сиди на гвоздях, косу привязывай к потолку), читай по силе возможности, при холоде убегай в теплое место, при жаре в прохладное, не будь голоден и старайся хотя немного быть при занятии сытым; *тхан-и-се*, наставления школьнику: читай неоднократно, всмотришь в книгу, её иероглифы, готовься прилежно в экзаменах; *ян-чжи-туй*, при чтении книги необходимо иметь собеседника – друга для живого разговора и приятного проведения времени; *чэнь-хуань-би*, должно читать книги на известный срок.

IV. «Эрр-я тху сюэ-сянь» – школьная иллюстрированная энциклопедия. Существует весьма известная школьная энциклопедия для юношества, в другом роде сравнительно с нами изложенной, снабженная множеством рисунков, и изданная в новейшее время в трех больших томах, в одной китайской обертке; по китайским иероглифам заглавного листа, значится "эрр-я-

тху", "сюэ-сянь", т. е. школьная энциклопедия, снабженная рисунками эрр-я. В ней, после общего предисловия и текста к каждому отделению обозреваемых предметов, с общим указателем содержания каждой книги и главы, следуют самые рисунки предметов, имеющие также соответствующие названия. В начале, при предисловии помещен рисунок здания с тремя главными отделениями, крытыми черепицей, по главной линии с двумя боковыми, а в сторонке верхушка беседки среди зелени садов. Первая входная часть на столбах, вторая – самое центральное с крытой галереей от него, ведущей к последней части, по сторонам идут такие же школьные галереи, крытые; это тип школьного размещения для детей по полу и возрасту с жильем для учителя, библиотекой и помещением прислуги. Рисунки и описания в самой книге расположены так:

Том первый: 1) Дом и домашние вещи: вазы, курильницы, таз, мотыки и заступы, крюк из железа, рыболовные принадлежности и для охоты (сети), приготовление глины, веревка, орнамент. 2) Музыкальные инструменты – гусли, барабаны на особенных подставках, духовые инструменты в 8-мь трубочек и более, металлическое било, флейта, колокол, столики для разных вещей – свитков бумаги, материи, фарфоровых и металлических изделий, игрушек и проч.; орнамент. 3) Астрономия: изображение на китайской сфере разных созвездий и звезд: небесный корень *гэнь-ди* или «*тянь-гэнь-ди-и*»; звезда долгоденствия, «*цзюэ-кхан*» или «*Шеу-син-цзюэ-кхан-е*»; большая полярная звезда, «*фан-син-вэй*» или «*да-чэнь-фан-син-вэй*»; звезда – небесный конь «*тянь-сы-фан-е*»; большая указательная полярная звезда «*ба-хуо-вэй-чжи-да-чэнь-е*»; две группы звезд среди млечного пути, «*Ци-духо-чжи-цзю хан-цзин-е*»; северная звезда, «*бэй-лу-сюй-е*»; звезда «*син-цзи*» – «*дэу-цянь-ню-е*»; созвездие, «*Ин-ши-вэй-чжен-дин*»; созвездие, «*цзоу-цзюнь-чжи-коу-ин-ши-дун-би*»; созвездие, «*цзянь-лоу и Куэй-лу-е*»; звезда, – *ан*, имя звезды – *ди*, или «*Да-лян (великая двоица) ан-е-си-лу-ан-е*»; звезда царственной мудрости, «*Мин-син-вэй-чжи-цзюнь-мин*»; подвижная звезда, «*бэнь*», около «*шу*» или «*бэнь-син-вэй-шу-юэй*»; комета несчастья, «*хуэй-син-вэй-чан-цзи*»; и проч.; 4) Разные сцены охоты за дичью вооруженных всадников. 5) Разные знамена военные и значки: – на четырехсторонних полосках (от восточного созвездия) знамя дракона с 9-ю длинными полосками и в них драконами и с боку двумя большими драконами, называется «*су-шэн лун-юй-шэнь*» или императорское государственное знамя; знамя *черепаховое* (от северного созвездия) с изображением двух больших черепах около древка и поперечно в 4 отделениях 4 черепах малых; знамя 7-ми *летащих лебедей в продольных* полосках и две других птицы особо; значок с пятью волосатыми шарами, привешенными в виде четок; значок с длинным узким флагом. 6) Разного рода уроды – двойни: рыба, змея, птица, волк, человек – младенец. 7) Костюмы и тип: пустынные, воины.

Том второй: Ботаника. 1) Сто семьдесят шесть рисунков с натуры разного рода трав и хлебных злаков; ароматических мелких кустарников и чайного деревца, горных, полевых, болотных; с их китайскими названиями. 2) Восемьдесят рисунков крупных кустарников и деревьев. *Зоология:* Разные китайские насекомые, черви, куколки, и прочие превращения, встречающиеся в земле, на полях и в садах, на деревьях, листьях, цветах и траве, восемьдесят рисунков с натуры – пояснительный текст к каждому из означенных отделений.

Третий том (продолжение) зоология: 19 родов рыб, 8 родов моллюсков и раков; *гады, землеводные, метаморфозы* и роды лягушек 4 родов, 9 рис. змеи с её метаморфозами, 14 рис. черепахи, с её разновидностями обыкновенная черепаха – «*гуй*», 5 рис., огненная черепаха – «*хо-чуй*» (10-я по эрр-я), похожая на дракона – «*лун-гуй*», маленькая – «*цзинь-гуй*»; прочие виды (по эрр-я). 1-я черепаха чудесная, – «*шэнь-гуй*» 1000 летняя, с выдающимися костями на подобие рогов (лун-гуй); 2-я – «*лин-гуй*»; чудотворная и 10,000-летняя, держащая острова блаженных – «*цзюй-гуй*»; 3-я – «*шэ-гуй*», питающаяся змеями; 4-я – «*бао-гуй*», или драгоценная; 5-я – «*вэнь-гуй*», струистая «*гуй-фу*», с чудесною дщицей на спине дающей победу; и «*ву-цзун-гуй*», пятая черепаха, обладающая всезнанием; 6-я – «*ши-гуй*», гадательная черепаха; 7-я – «*шань-гуй*» – горная; 8-я – «*цзэ-гуй*», – озерная; 9-я – «*шуй-гуй*», – водяная, (всего 56 рис.). – *Птицы*; – 46 рис. разного рода мелких птиц, прочие – орлы, аисты, лебеди, ястреба, утки, петухи и куры, попугаи, райские птицы, дятлы, воробьи, соловей, жаворонок, ворон, колибри и проч. (всего 70 рис.). – *Животные домашние и другие лесные*: – свиньи, боров, кабан, кошка, собаки, бараны, козлы, быки-единороги, волк, лисица, лев, конь, еж, обезьяны, орангутанг, горилла, дикий человек, покрытый весь волосами, баснословные животные – 3 вида дракона четвероногого, покрытого чешуей, с парю или одним рогом и пушистым хвостом или тонким; рыси, леопарды, тигры, слоны, дикие кошки, кабарга, (всего 48 рис.). *Грызуны* – мыши крысы,

заяц (8 рис.); конь и его разные виды, с одним баснословным пожирающим тигров (имеет огненную гриву и лапы дракона, (всего 36 рис.); ж) *рогатый домашний скот* – быки и коровы, телята разной породы (всего 12 рис.).

Ко всем означенным таблицам рисунков в трех томах приложены на их полях китайские точные названия, которые объясняются подробно в самом тексте, с описанием, главным образом, выдающихся наружных признаков; в некоторых таблицах помещены баснословные по представлениям собственно китайским и буддийским в частности. Энциклопедические сборники и специальные по разным отделам знаний у китайцев весьма распространены и их существует множество; к сожалению, рисунки, исполняемые, по большей части наскоро, имеют шаблонный характер, с большим недостатком перспективы и ученых приемов, известных европейским художникам. Эти издания зато – большею частью, дешевы, из дорогих – известны наперечет, и принадлежат к разряду книг высшей учености, издаваемых правительством или китайскими первостепенными знаменитостями.

V. «Хун-сюэ инь-юань тху-цзи». Иллюстрированное обозрение девяти древних провинций Китая соч. Чун-Хоу. К числу книг, обнимающих лучшие наблюдения ученого и любознательного путешественника по разным городам и местностям Китая, с прекрасно исполненными рисунками с натуры и отличным описательным текстом, принадлежит *трехтомное сочинение* (по две книжки в томе), под заглавием: «Хун-сюэ-инь-юань» («тху-цзи», т. е. сочинение с рисунками). «Инь-юань» имеет двоякое значение: «Инь» – причина, основание, «инь-го» – причина и последствия, дела и воздаяния, у буддистов – положение, на коем основывается теория перерождений, а «инь-юань» – есть причина главная и причины последующие, содействующие, на коих основывается буддийский детерминизм *инд. Нидана*. По определению буддистов, «инь» – есть причина, порождающая, «юань» – содействующая совершению плода, или последствия, это – круг моментов перерождений, взаимно вспомоществующих, их 12-ть, начиная с общей безначальной мрачной причины до минуты смерти частного существа. *Нидана* составляет, так сказать, естественный закон, с уразумением коего возможно спастись без откровения. Иероглифы: «хун» – большой, обширный, лебедь; «сюэ» – снег, очистить, омыть. Выражение – «цзю-хун» – девять провинций древнего Китая, Китай в собственном смысле. Таким образом, смысл заглавия сей книги «Хун-сюэ-инь-юань» будет: «обзор с птичьего полета древнего Китая – его 9-ти провинций, исполненный с величайшим вниманием и исследованием в общих основаниях и до самых мелких подробностей». Ученое обозрение это напечатано и издано в 29-й год Да-Гуана, 8 луны, для общего употребления и распространения в народе. Дальнейшая заглавная реклама: «Дао-гуан-дин-мо-цю-цзю-юэ-чун-хоу-и-ян-чжи», «Да-гуана-цикл-дин», в осенний месяц VII луны, сочинил и издал в свет «Чун-Хоу». После длинного предисловия и подробного оглавления содержания, автор поместил свой портрет с кратким *curriculum* для читателя; после чего следует текст в столбцах изящного письма и литературного изложения, с отдельно при тексте рисунками, понятие о коих дается вкратце над ними сверху или сбоку. – Имя почтенного сановника Китайской империи, составившего означенное иллюстрированное путешествие по Китаю, известно русским; «Чун-хоу» был некогда чрезвычайным посланником при С.-Петербургском дворе. Обращая внимание на все достопримечательное, автор воспроизводит полную интересную бытовую и современную картину жизни; преимущественно архитектура во всех её видах и родах изящного и простого стиля китайских построек городских, деревянных, монументальных, находят значительное себе место. Это – музей драгоценных сокровищ, мало известных лучшим европейским путешественникам, каждая деталь для художника, особенно русского – нова, занимательна, неизвестна. Виды природы, церемонии, бытовые сцены и предметы, – поражают читателя объективностью, которой соответствует и самый стиль изложения – сжатого, характерного, меткого, обнаруживающего художественную высокообразованную личность автора, строго классическую. Памятники искусства архитектуры преимущественно, избираются по большей части в связи с прочими и местностью более или менее живописною; иногда скопляется на небольшом рисунке целая деревенька, местечко, укрепленный остров, сложная церемония, деревья и растения, костюмы и проч. В *первом томе* в 1-й кн. всех такого рода рисунков 40, во 2-й кн. 40; во *втором томе*, в 1-й кн. 40 рис., во 2-й кн. 40 р.; в *третьем томе*, в 1-й кн. 40 р., во 2-й кн. 40 р.; помещено несколько портретов – автора и его друзей, почтенных уважаемых ученых, китайских министров. Нет возможности и особенной надобности, указывать и подробно перечислять рисунки, излагать самый текст и названия к оным подробно; для гг. архитекторов, живописцев, географов, – это предмет крайне необходимый,

желательный и полезный. Но мы имеем в виду другие цели и указываем на настоящую энциклопедию лишь вкратце. По отношению к каллиграфии текст имеет несколько почерков, более или менее крупных и мелких, смотря по предмету, о коем идет речь; часть документальная снабжена разного рода печатями, коих собрание с древними письменами может быть оригинально и замечательно для исследователя; заглавия к главам и рисункам написаны по *четыре иероглифа*, коими исчерпывается содержание предметов, описываемых и изображаемых. При переводе на русский язык выдержать подобные характеристики – дело невозможное и чаще всего требуется много слов и выражений, более или менее точно соответствующих иероглифам или даже приблизительно. Напр., надписи над рисунком в 1-м томе, «Янь-нянь-вань-дань», – уединенный летний дом для увеселений; «Си-ху-цзянь-хо», – западное озеро с вулканической серединой, «Цзы-фэнь-цунь-чжи-мэн», – (кумирня) благодетельных облаков и миражей в озерной местности, и проч.

VI) Другое сочинение, подобно «инь-юань» Чун-хоу, принадлежит императору китайскому Канси и содержит описание его путешествия по *Маньчжурии и Корее*; существуют два текста, один – на китайском, другой – на маньчжурском языке, с рисунками при тексте, в двух книгах. Всех рисунков *тридцать шесть*, исполнены они в одном стиле с приложенными к сочинению Чун-хоу.¹⁶⁷

Представляя достаточным, приведенных сборников и энциклопедий китайской народной литературы, в строго-классическом значении и частью по диалектам, не касаемся других не менее достойных, напр. из отдела словарей и народных пословиц, о которых скажем ниже, при обзоре пособий китайских классических и учено-европейских в изучении языка, письмен, тоники, формации слов, выражений, систематики понятий, распределенных в разных словарях и прочих руководствах; особенное значение имеет словарь Канси, его образование и структура в связи с ему предшествовавшими и последующими опытами; – чего не достигли сами китайцы, то дают нам европейские и русские ученые, на трудах коих и сосредоточиваем специальное рассуждение, дабы подготовить читателя постепенно ко всем трудностям, соединенных с великим предприятием переводов христианских Священных Книг и Церковных для народов Китая и стран с ним соприкосновенных.

Замечания о китайских названиях разных книг сверх поименованных и рассмотренных выше и о сочинении проф. Дюгласа касательно конфуцианства и даосизма. Wylei в Notes on Chinese Literature, and Summers Hand-Book of the Chinese Language устанавливает названия следующие: древняя литература – «Гу-вэнь», – новая – «ши-вэнь»; изящная словесность – «вэнь-чжан»; критика, поэзия и литература – «шивэнь-пхин»; критика историческая – «ши-пхин»; древние классики и им подобные по стилю – «цзин-шу»; нравственно-религиозные философские и ученого содержания книги – «цзы»; исторические – «ши», смешанная история – «цзаши», отдельные истории – «бе-ши», древняя история – «гу-ши», полные летописи – «цзи-ши-бянь-мо», анналы или временники – «бянь-нянь»; мемуары – «чжи»; повести – «ле-цзюань» императорские журнальные записи – «ди-чжи»; история династий – «чжэн-ши», современные летописи – «цзай-ши», хронография – «ши-лин»; биография – «цюань-чжи», исторические выписки – «чжи-хао», эдикты и официальные бумаги – «ю-чжи», послания и письма – «шу-ши», смесь – «цза-лу», отдельные собрания – «бе-ши», общие сборники – «цзун-ши», география и топография – «ди-ли», ответы – «сяо-шю-цзя», истории и романы – «цзюань-ши», официальные документы – «хао-лин-цзу-и», стихи и песни – «цзу-цзюй», писатели военные – «бин-цзя», по законодательству – «фа-цзя», по земледелию – «нун-цзя», по медицине – «и-цзя», трактаты конституционные – «чжэн-шу», обряды и церемонии – «ли», музыка – «ио» или «юэ», политическая экономия – «ши-хуо», жертвоприношения – «цзяо-сы», астрономия – «тянь-вэнь», литература об искусстве – «и-вэнь», математическая хронология – «ли», юриспруденция – «син» искусства – «и-су», элементарные стихии – «ву-сан». Специальные же понятия о названиях китайских книг «Цзин-шу» предлагаем в нашем вступлении в введение по истории Библии в Китае, Корее и Японии, т. е. к 1-му тому, 1-й части, (гл. II).

Выделяя из книг и сочинений китайских прозаических специально *поэтические*, даем о них также следующие понятия и определения родов, в отличие от русских и европейских: поэтические произведения китайской литературы, имеющие свои законы тоники и ритма, вообще означаемые понятием «Ши», имеют четыре главных вида: «Ши», «Цы», «Гэ», «Фу». 1) «Ши» знач. стих, ритмическое выражение чувств, поэзии, стиха, оды, гимна, поэмы; они могут состоять из нескольких слогов: «и-цзюй-ши» – односложные, «ву-янь» – пятисложные, «ци-янь-ши» –

семисложные и т. д., они составляются или сочиняются по известному ритму – «цзуо-ши», поются – «чан-ши», некоторые могут быть читаемы взад и вперед – «хуй-вэнь-ши», – составлять станзу, «и-шеу-ши», т. е. известные изречения, чаще всего встречающиеся в надписях на храмах, дворцах, сосудах и других предметах. 2) «Цы» – выражение, слово, фраза, поэтическая композиция в ритме, имеющая закругленное целое, – стиль, фразеология, «да-жи» – официальная бумага, составленная по известному образцу; «янь-цы» – есть обыкновенное выражение, «вэнь-цы» или «цы-чжан» – композиция, стиль, «коу-цы» – речь, говор, произношение; «це-цы» – софистические аргументы. 3) «Гэ» (ко) – песни речитативы в известном стиле, по китайскому обычаю, стихотворение, баллада, рапсодия. Различаются: «гэ-шэн» – звук, sound, «гэ-шэн» «лян-у-лян» – ясные, чистые и приятные звуки, музыкальные; «фу-гэ» – хор, хоровая песнь, «ау-гэ» – местные песни; «чан-гэ» – песни, singing, «гэ-бэнь» – музыкальное сочинение, книга для нотного пения. 4) «Фу» – поэтическая композиция с метром в 4 или 6 попеременно сменяющихся строк, мадригал, идиллия; «ши-фу» – поэмы или баллады.

Общие понятия в стихосложении «ши-лунь»: 1) стих – «цзе» скандовка, составление стиха – «фэнь-лунь». 2) ритм «юнь»: несовершенный – «бань-юнь», совершенный – «цюань-нунь»; 3) пауза, пресечение стиха – «чжу-си», цезура – «да-чжу-си», полу-цезура – «сяо-чжу-си», финал – «мо-чжу-си»; 4) мера – «бу»: двустиший стих (dimetri) – «лян-цы-бу», четырехстишие tetrametri – «сы-цы-зу» трехстишие trimetre – «сань-цы-бу»; 5) стопа, metre, или расстановка стихов – «инь-лю»: 1) Амфибрахий – «цзин-чжун-цзинь-инь-лю»; 2) анапест – «цзин-цзин-чжун-инь-лю»; 3) Дактиль – «чжун-цзин-цзин-инь-лю»; 4) ямб – «цзинь-чжун-инь-лю»; 5) Пиррихий – «цзин-цзин-инь-лю»; 6) Спондей – «чжун-чжун-инь-лю»; 7) Трохей – «чжун-цзинь-инь-лю»; Тоника назыв. «шэн-лю», «пхин-ци-ву-янь», «пхин-ци-ци-янь».

В заключении сказанного о конфуцианстве и с ним соприкосновенном даосизме, находим полезным обратить внимание читателя на книгу проф. Дюгласа, коей название и содержание следующее: Confucianism and Taoism, with a map; by Robert K. Douglas. London, edit. Society for promoting Christian Knowledge, т. е. Конфуцианство и даосизм, с картой распространения конфуцианства. Роберт К. Дюглас. – Небольшая книжка эта, составляющая с ей подобными часть «non Christian religious systems», из изданий общества распространение христианских знаний, представляет собрание во единое целое сведений об означенных предметах, извлеченных автором из «Chinese Classics», Лерра, «Systematic Digest of the Doctrines of Confucius» Фабера, «oriental religions China» Джонсона (Jonhson), «Lao-tzu» «Watter'sa», «The speculations of the old Philosopher» «Lau-tsze» Чальмерса (Chalmers), «Le livre de la voie et de la vertu» и «Livre des Recompenses et des Peines» С. Жульена (Julien). Содержание кн. о *конфуцианстве*, состоящей из VIII глав (с 4 по 158 стр.): 1) Введение: замечание о Конфуцзы, взгляд на него и его, время, сочинения, направление их, месторождение и страну, события в ней и династия Чоу. II. Жизнь Конфуцзы, события из неё и случаи. III. Учение Конфуцзы: общий взгляд на него и канон, частные понятия и определения об идеальном человеке, о мудреце, о судьбе и назначении человека, о небе, духах и демонах, – «шан-ди», о совершенном человеке (superior man); IV. Необходимое образование, потребное «совершенному человеку» – «Да-сюэ», его значение и система, предмет, метод и средства (истина, стремление к усовершенствованию, строгость и определенность в плане, исправление сердца и направление к добру, образование личности, добродетель, её природа и свойства, значение; человеколюбие, верность, почтительность, доверие, управление семейное, сыновнее благочестие, муж и жена, супружеский союз и церемонии, дружелюбный союз или товарищество). V. Управление государством. VI. Второстепенные пункты учения Конфуцзы. VII. «Мэнцзы» или «Мэнций» (Mencius) и краткие сведения о нем. VIII. Новое конфуцианство.

Даосизм. (I–VIII гл.) Содержание: I. Введение: происхождение даосизма, его основатель, место, время, особенности и характер, сравнение Лаоцзы с Конфуцием. II. Книга «Дао-дэ-цзин» и её анализ. III. Продолжение того же. IV. «Ле-цзы» и «Чжуан-цзы», личности и учения сих философов. V. Позднейший даосизм. VI. Книга «о наградах и наказаниях» и книга «о тайной добродетели и проистекающем из неё блаженстве». VII. Даосские божества.

III

§ 85. Текстуальные приложения к отд. VI-му 1-го тома к 1-й части (введение) истории Библии в Китае, Корее и Японии в русском переводе избранных отрывков из китайских классиков и других авторов, иеромонаха Алексия Виноградова

Цель, разделение и содержание текстуальных приложений к VI-му отд. первого тома, к 1-й части (введение) по Истории Библии на Востоке – Названия и порядки хрестоматии китайских текстов в русском переводе (иеромонаха А. В-ва) – I. Догматические и нравственные понятия по китайским классикам о Боге, человеке и проч. – II. Гомилетическое собрание изречений из китайских классиков и III. «Хун-фань» или великий план небесного мироправления. IV. «Чжун-юн», V. «Да-сюэ-цзин», VI. «Сяо-цзин». VII. «Нюй-э-рр-ю» слово к девицам, VIII. Отрывки из «Да-цзин Лю-ли», IX. «Цзин-цзе» об изучении цзинов. X. Рассуждение Ван-ань-ши, XI. Вэнь-ван-ши-цзы, XII. Импер. училища и кумирни. XIII. «Сио-цзи», XIV. Китайские сочинения на экзаменах, XV. «Цюй-син» поведение ученого. XVI. «Фа-сюэ-ши-чжэнь-цзюй». XVII. Правила о поведении учеников, XVIII. «Ду-шу-синь-фа» о чтении книг. XIX. «Ио-цзи-цзин» о музыке, XX. «Юэ-лин» месяцеслов. XXI. Мемориал И-чжуна и XXII. Этнографическая таблица древнего Китая – Самые тексты и их общие рубрики: 1. Догматическо-нравственные понятия извлеченные из китайских классиков (по Чальмерсу) – 1. О Природе Божией (сюнь-цзы, ян-фу, Пан-ку, Чу-цзы, Лянь-инь, Цзы-ся), 2. Единство, 3. Всомогущество, 4. Благость Божия, 5. Справедливость, 6. Милосердие, 7. Творчество, 8. Законодательство, 9. Богооткровение, 10. Мироправление...

*Цель, разделение и содержание приложений. Касаясь разных вопросов в особых параграфах выше рассмотренных о конфуцианстве, с разграничением книг строго классических от памятников законодательства и народного творчества, в коих отображается государственная и частная личность китайцев, а чрез то устанавливаются и известные формы языка и словесности, раскрывается внутренний мир самоопределения или сознательного отношения ко всему внешнему и окружающему с детства по самую старость, предлагаем самый ряд текстов более подробно и определенно иллюстрирующих законы китайской жизни. Достаточно одного беглого прочтения оных, чтобы убедиться в неизбежных и многотрудных изворотах ума побуждавших китайцев выходить победителями в искании истины самостоятельно и путем заимствований её у других народов, в течении продолжительной истории. Нельзя без глубокого чувства благодарности отнестись и к европейским ученым, потрудившимся в уяснении многих сторон, слабо или разбросанно освещаемых самими китайскими учеными, что объясняется немало особенностями и методом исследования западноевропейского и китайского, даже самым языком: если европейцу и русскому дорог смысл, ясное и толковое изложение предмета, в правильной речи, более или менее равной и периодической, то сжатой, то пространной по надобности, так для китайца дорога аналитика не только известного текста, выражения, слова, даже – одного иероглифа, могущего быть разложенным на множество знаков и понятий, часто сложных, игриво-двусмысленных. Поэтому китайский оригинал, особенно древне-классический, всегда бывает сжат, краток, за ним следует ряд толкований, комментариев, параллелизмов и других определений; так слагается и развивается со временем пространная редакция одного и того же классика, его парафразис, изложение. Для европейского ученого эти два, иногда три, четыре способа определения предмета всегда неодинаковых, излагаются, или объясняются более или менее подробно, переводятся почти буквально или приблизительно, а иногда и отдаленно. Кому из таких переводчиков классических писателей отдавать преимущество? – Вопрос трудно решаемый, а потому лучший метод – возможно специальный и разносторонний. Полагаться ни на одного ученого, более или менее одностороннего переводчика нельзя. Даже сам Легг, в настоящее время почитаемый синологами лучшим истолкователем китайских классиков, признается переводчиком опытным на английский язык *только буквально*. Имея под руками преимущественно переводы сего ученого и по изданию М. Мюллера в особенности, равно издания других – (Потье, Базен, Дуоляйтль, Фабер, Премар), воспроизводим китайский текст на основании этих же переводов, и отчасти проверенных нами с оригиналом. Располагаем свои переводы китайских текстов, в порядке книг или выдержек, с указанием на содержание оных в главных предметах; источники и пособия, откуда заимствованы самые тексты, – указали в своем*

месте в подстрочных примечаниях под каждой переводимой статьей. Цель сего сборника, или хрестоматии, как и прежних приложений, состоит в доставлении возможности самому русскому читателю освоиться с смыслом многих типических текстов, разного стиля и авторов, и подготовить к самостоятельным штудиям китайского языка в оригиналах. В сем случае руководимся методом многих европейских ученых, подготовляющих прежде всего при составлении китайских учебных пособий, умы студентов в тайны идеи, концепции, расчленения понятий и развитие оных в правильной речи европейских языков, и только после сей подготовки, приступающих к аналитике собственно китайского языка, его идиомов по авторам и диалектам, известной композиции, начертании иероглифов, произношения, и употребления в речи литературной и разговорной. Английские миссионеры, при переводах слова Божия и разных полезных книг для китайцев, при обсуждениях и дебатах по сему предмету, всегда исходили из положения – в каком стиле, на каком китайском языке – ученом или разговорном, переводить означенного рода книги, а потому избирали образцы известных «цзинов» или «шу», того или другого автора, или диалекта, и по ним сообразовались в трудах своих. К сказанному выше в § 71 в нашем труде по истории Библии в Китае заметим, что порядок расположения наиболее удобный и целесообразный в собрания текстов избираем по группам следующий: в *первой группе* представляются догматическо-нравственные понятия, собранные европейскими миссионерами из китайских классиков, сродных с Библейскими Богооткровенными, или близко подходящие к христианским мелкие наставления и изречения мудрецов; во *второй группе* излагаются общеполитические принципы, по коим устанавливается государственное благоустройство, порядок общеогненный в семейный; таковы книги «Хун-фань», «Чжун-юнь», «Да-сюэ», «Сяо-цзин» и «Нюй-эрр-ю», некоторые отрывки из «Да-цзин лю-ли», т. е. современного действующего законодательства китайцев; в *третьей группе* размещены рассуждения о воспитании и обучении народном, о чтении и родах книг, о сочинениях на экзаменах и их образцы, правила для занятий и поведения в школе и вне для юношества; о высшем образовании и приготовлении наследника престола, о предметах воспитания и обучения в высшей школе, о поведении и занятиях китайского ученого, об императорских школах и храмах (описание); сюда относятся книги – «Цзин-цзе», «Ван-ань-ти», «Ду-шу-синь-фа», экзаменские опыты, «Сю-цзи», «Вэнь-ван ши-цзы», «Цюй-син», «фа-сюэ Ши-чжень-цзюй», выдержки из «Цзя-бао» и друг.; в *четвертых* – в заключение приводятся отрывки из «Ию-цзи» и «Юэ-лин», т. е. из книг о музыке и распределении занятий в течение года, также описание церемонии перенесения изображения и книг императора Дао-гуан из Пекина в г. Мукден; и этнографическая таблица древних народов Китая.

Изложение содержания китайских текстов, в русском переводе. 1. Догматические и нравственные понятия китайских мудрецов, подходящие, по мнению составителей (Чельмерс, Премар, Потье и др.), к христианским, в учении о Боге, природе и человеке, о рае, падении ангела, состоянии человека до и после падения, о пришествии на землю Обетованного Святого, его идеальных совершенствах, о награде за добродетель и наказании за грех. Более подробно представляем рассмотрение означенных предметов под двумя отделениями: А. О Боге, его природе, свойствах (единство, всемогущество, благость, справедливость, милосердие, творчество, законодательство), откровение человеку и промысл, освящение власти земной силою и властью Божиею, зависимость от неё народа; о назначении и природе человека, сотворенной доброю и нарушении оной человеком, совершением греха, – о невежестве, достойном наказания и возможности уклонения от добродетели по бессилию и убожеству природы, об опасностях для добродетельного в богатстве; о необходимости покаяния, истины и честности; о царстве небесном, служении Богу, молитве и жертвоприношениях, благоговейном хождении пред ним; о почитании государя императора, родителей, лиц старших и достойных, о почтении вообще к людям и любви к человечеству. Б. Рай, его описание и местонахождение, название гор, рек, источников, распределение частей его на В. З. С. Ю.; сказание о Пань-кху (homo primogenis) и драконе, птице, черепахе; блаженство человека в раю до падения и состояние после оного; дракон и диавол; особенности представлений китайцами рая и схема оного в устройении древнего Китая; о природе человека имеющей быть восстановленною пришествием Святого, сказание о чудесных обстоятельствах его явления и знамениях при государях Чжао-ван, Му-ван, Юн-бин, о посольстве в Индию за св. книгами, – о Вишну-Иезу и Сирва-Будде; астрономические фикции в названиях звезд у китайцев и обряды, касающиеся рождения Младенца от Девы, замечания о том; понятия о Мессии у иудеев китайских; изречения

китайских мудрецов Ле-цзы, Чжуан-цзы, Гун-ли-цзы, Леу-чилю, о святом человеке, также – в книгах Ши-цзин и Сяо-цзин.

II. *Гомилетическое собрание* разных изречений из китайских мудрецов, составленное английскими миссионерами для целей христианской проповеди; мелкие нравственные наставления и правила Гуан-фу-цзы, Лю-кхун-чжу, из книги Ши-цзя и др.

III. «*Хун-фань*» – великий план небесного мироправления: происхождение книги, план мировой гармонии в области физической, нравственной, социально-политической, частные категории предметов: пять элементов, 5 органов чувств, народ и управление им, пять делителей времени, мудрость, направление трех сил, закон середины, благоразумие в доказательствах, пять источников блаженства и шесть знаков почтения.

IV. «*Чжун-юн*» букв. «обыкновенный путь», книга обязанностей каждого человека, или – «рассуждение о состоянии совершенного равновесия и гармонии в личности человека и в государстве»: отд. 1. Определение неба, стези долга и просвещения, развитие сих понятий и состояния гармонии в личности человека, свойства и признаки человека совершенного и обыкновенного, в образе действий и жизни, в счастье и несчастье, о мирной жизни и благочестии государя, прочих людей, о разных церемониях; отд. 2. Необходимость государственного начала и правительства, его особенности и свойства, пять отношений, мудрость и её искание, девять руководящих правил государя и правительства, упорядочение действий, добродетель семейная и в обхождении с людьми, разумение доброго и лукавого, три силы – «сань-цай» (небо, земля, человек), совершенный человек и святой в себе самом и влиянии на других людей, определение «Дао», неба, земли, гор, воды, в отношении к мудрецу и императору, его знание мира и церемоний, примеры из истории, уподобления совершенства нравственного небу, необходимость добродетели.

V. «*Да-сюэ-цзин*» кн. великой нравственной науки; содержание: необходимость познания добродетели для княжеств и семейств, способ достижения познания вещей, личное усовершенствование, семейное и общественное; благодетельные последствия сего, свидетельства и примеры из Шуцзина и Шицзина, мудрость – высший предмет исканий человека, значение семейного начала добродетели и проявление оно в любви вообще и к людям в особенности, в повиновении власти и уважении к ближним, добродетель в малых княжествах – основание в государстве, необходимость украшения ею для правителей, министров, подданных.

VI. «*Сяо-цзин*» (краткая редакция) кн. о сыновнем благочестии; содержание: цель и значение рассуждения, сыновнее благочестие императора, князей, министров и сановников, народа, – рассматриваемое в отношении к трем силам, – в правительстве и мудрецах; описание действий сыновнего благочестия в отношении к пяти наказаниям. Объяснение 1-го правила и совершенной добродетели; изложен. в гл. 1. о том – как соделаться именитым, – о выговорах и замечаниях в отношении к оным, об ответственности по сыновнему благочестию, о царском служении, об обязанности детей при трауре по родителям и о погребении оных.

VI. «*Сяо-цзин*» (пространной редакции, по исследованию и переводу Фабера и изд. Габеленца см. выше § 81, где изложено и самое содержание 100 отделений); в частности по-русски переведены: 1) о жертвоприношениях; 2) внутренние семейные правила или «нэй-цзе» по изложению в XII гл.

VII. «*Нюй-эрр-ю*» – слово к девицам Сю-гуаня, губернатора Цзян-си; содержание: домашние занятия и поведение; перечень трудов, украшений, обращение с домашними, мужем, чужими, дурные качества и похвальные для женщины, о милосердии и милостыне, услужливости, воздержании, заботливости о добром имени, о нравственной чистоте и удалении от всякой грязи и непристойности, о любви к младенцу и детям, благородстве, осторожность в обхождении с нищими и уличными актерами, о распорядительности в доме, и щедролубии и расчетливости, приличном держании себя в смирении, с честью и достоинством, с избеганием пересудов; качества девушки нравственные и значение для неё образования, мудрости, целомудрия и проч.

VIII. Образцы «*Да-цзин Лю-ли*» кодекса законов и постановлений современной Дацинской династии: гл. 75, 77, 78, 91, 114 (содержание заглавий см. выше, § 81).

IX. «*Цзин-цзе*» записка об изучении классических книг «цзинов» Сыном Неба; содержание: характеристика книг цзинов Ши, Шу, Ио, И, Ли-цзи, Чунь-цю; Сын Неба есть лицо из «сань-цай» (кит. триада, т. е. небо, земля, человек) черты его жизни и действий, основанные на справедливости; постановления о собственности и правилах церемоний государственных и религиозных, общественных и семейных, их значение и общеобязательность.

X. *Рассуждение Ван-ань-ши* о чтении книг не конфуцианских, напр. буддийских и даосских и других, как помогающих с отрицательной их стороны достижению истины положительной и учения конфуцианского.

XI. *«Вэнь-ван-ши-цзы»*, князь *Вэнь-ван* как сын и наследник престола, или правила, касающиеся воспитания и образования благородного юношества; содержание: отд. 1-е лица, избираемые из лучших студентов для *высшей восточной школы* и образования в оной, место для занятий и распределение, начальствующие и профессора, великий тьютор ассистент, время отдохновения и занятия музыкой, императоры и министры, славные покровительством высшего образования, правила и приемы в занятиях с студентами, семейный характер отношений их к начальникам и профессорам. Отд. 2-е: обязанность императорского воспитателя «*Шу-цзы*» в школе и вне оной, при занятиях студентов, их отдыхе, аудиенциях, в храме предков при похоронных обрядах, прочие надзиратели над юными членами царской семьи, случаи дисциплинарных наказаний и уголовных; поведение самого государя в разное время мира и войны, и при разных случаях среди своей семьи и вне, наказание за оскорбление Его Величества и членов Его семьи; посещение государем высшей коллегии студентов, порядок отеческого обращения государя со студентами, при начале, во время посещения и после, участие в экзаменах и пиршестве, наставления личные отца-государя, его отношение к наследнику престола и наследника-сына к государю-отцу, обязанности ежедневные, приветы и услужливое обхождение, поклоны и другие способы сыновнего чувства любви и почтения.

XII. *Императорские училища* и кумирни, их виды и названия, описание и исторические сведения по китайскому трактату об архитектуре дворцовых зданий и построек. Содержание: пять императорских училищ – «*тянь-цзы-ву-сюэ*», их вид, расположение, время построения и назначение, названия «*Би-юн*», «*Тхай-сюэ*», «*Да-чэн-дянь*», «*Чжу-хоу-пхань-гун*», имена государей в княжестве «*Лу*» – покровителей образования; семь импер. кумирен «*тьхянь-цзы-ци-мяо-чжи*» и девять кумирен императора Чжэу – «*Чжэу-цзю-мяо*».

XIII. *«Суо-цзи»* – записка о предметах воспитания, методе обучения и занятиях в высшей школе – «*Тхай-сюэ*»; содержание: важность образования, разделение школ, порядок поступления в высшую – «*Тхай-сюэ*», дневные занятия, характер и отношения учащихся и профессоров, способы обучения, достоинство и недостатки, о взаимном почтении студентов и к учителям, необходимость быть специалистом.

XIV. *Китайские сочинения на экзаменах* – «*као*», их виды – «*вэнь-чжан*», «*ши*», «*цзи*», значение и особенности, правила касательно их составления – «*цзо-сяо-мин-цзин*»; восемь частей – «*вэнь-чжан*» или в изящных сочинениях: 1) «*Бай-доу*», 2) «*Шэн-ти*», 3) «*Ци-цян*», 4) «*Де-ко*», 5) «*Коу-ми*», 6) «*Шунь-као*», 7) «*Мо-ку*», 8) *Цэ-коу*; термины – «*чжуань*» и «*фань*». Пример и анализ частей экзаменационного опыта на ученую степень кандидата – «*цзюй-жень*» и на тему «*шэн-жень*», определение понятий в иероглифах «*шэн*» – святой и «*жень*» – человек, части исследования сего предмета 1) «*Ти-лу-тема*», 2) «*По-ти-анализ*», 3) «*Чэн-ти*» – изложение оной, 4) *Ци-цян* – объяснение, 5) «*Цзян-ся*» – последующее объяснение, 6) «*Ти-гу*» – аргумент 1-й, и «*Чу-ти*» – утверждение темы, 7) «*Чжун-гу*» – 2-й аргумент, 2 деление, 8) «*Хоу-гу*» – 3-й аргумент, 3-е деление и вывод.

XV. *«Цюй-син»* или поведение ученого (конфуцианца); содержание: нравственные качества ученого, наружный вид и одеяние, обращение с людьми и дома, при занятиях и в свободные часы, нестяжательность и милосердие, обхождение со старшими и учеными, жилище и труды ученого, приличие и соблюдение церемоний, – отношение к семейству, старшим и почтенным людям, на должности и в частном быту, благородство в действиях и прочие качества.

XVI. *«Фа-сюэ-ши-чжэнь-цзюй»* школьные правила, изложенные и составленные в §§§ 100 ученым *Ши-чжэнь-цзюем* 1770 г., при императоре Канси, содержащиеся в китайской книге – «*Цзяо-кхао-цзюань-цзи*» (т. е. в полном собрании семейных упражнений) с замечаниями *Базена* и др. Содержание: 1) Порядок занятий учеников, приход в школу, занятие места, обязанности в изучении уроков утром, – после завтрака, – в полдень, – после обеда, – вечером. 2) Обряды при входе в школу и выходе из оной, – в доме, обращение с родителями и книгой. 3) Порядок в чтении книг и изучении, пунктуация, понимание, различение знаков, произношение слов, способ заучивания, прочтения про себя и вслух, частей текстов целой книги, речитатив – с товарищами и про себя отдельно, парафразис. 4) Правила при чистописании, принадлежности оного: кисть, тушь, месячные тетради листов, образцы по словарю *Чжан-юн* способ сидения и держания руки, изучения порядка черт, их расположения, узнавание знаков на глазомер, копирование чрев

тонкую бумагу, глазомерно, опрятность при обращении с материалами и письмом. 5) Занятия с практическими примерами, изучение текста уроков, внимание, самостоятельность и с помощью толкования учителя, повторение прочитанного, грамматический анализ, аргументация, выборки для упражнений текста из лучших писателей «Лао-чэн-вэнь», задачи для сочинений о простых предметах. 6) Правила касающиеся кушания и питья, сидения за столом, опрятности в школе и дома, о выходе из школьного помещения по нужде, о приветствиях и визитации в 1-й и 15-й день каждой луны, изучение образцовых примеров и правил по «Сяо-цзин» под руководством учителя, о поведении при отпусках и отлучке, – при родителях, – среди товарищей, – в чужих людях, – пред старшими и учителями, в гостях, – на прогулке и дома. 7) Предметы учебные, потребные для каждого в школе ученика и обращение с оными. 8) Взаимное обхождение учеников, речь, осанка, походка, поклоны, приветы, туалет и одежда, обращение с нею и огнем, размещение по столам, поведение в школе при встрече незнакомцев и родных, в отсутствии учителя. 9) Запрещение ученикам: игра на музыкальных инструментах, возбуждающих чувственную страсть, азартные игры, пение песен и стихов, дурно составленных и безнравственных по содержанию, непристойных по напеву, праздничатание по улице, неприличие в гостях и дома, за столом в особенности. 10) О гонораре учителям за обучение и подарках им в разное время года, о важности учительского служения и звания, необходимости солидарности в корпорации учителей и ученых с удалением от профессий несродных и вредных. 11) Дисциплинарные взыскания и наказание учеников.

XVII. *Наставления касательно поведения учеников*, заимствованные из книги «Цзя-бао», т. е. семейного сокровища; содержание: когда и как умывать лицо и тело; какой требуется туалет, как держать руки при поклонах; как совершать приветствие и поклоны равным себе, старикам, родителям, учителям, почтенным людям; как кланяться, стоять, садиться, прогуливаться; что и как говорить, смотреть на что и слушать, что кушать и пить, и сколько; об опрятности дома и в школе; как отвечать и возражать при объяснениях с чужими людьми, родными, начальниками; о согревании и прохлаждении дома, уходе за родителями; о прислуживании за столом; прогулка с начальниками, обращение с ними при встрече и в собрании общественном; об услугах старшим и в школе; о 1-м и 15-м дне каждого месяца; что делать утром и вечером, в школе и дома, среди друзей; как учиться; – читать и изучать книги, – писать китайские иероглифы.

XVIII. «*Ду-шу синь-фа*» – правила, касающиеся чтения книг и способов усвоения оных учениками; содержание: решимость чему-либо научиться; журнал для занятий; положение знающего и невежды; как читать книгу; бесполезность многознания и польза основательного малого, но точного и со смыслом; о деятельности ума читателей и пользе чтения книг нескольких по одному и тому же предмету и содержанию; причины ослабления памяти; часы занятий; значение спокойствия и удаление от бесплодной болтовни; время труда и отдыха; о вреде поспешности; безотлагательность в правильных занятиях; значение нравственных принципов; временные перерывы и отдых; гимнастика, зрение и свет – пользование ими; о чтении сочинений новейшей литературы; о библиомании, её смешных сторонах и вреде.

XIX. «*Ио-цзи-цзин*» – записка о музыке и пении; отд. 1) понятие о звуке, напеве, модуляциях голоса, гармонии, ноты и соответствующие оным классы лиц, занятий, вещей, связь музыки с управлением и добродетелью, влияние на сердце и ум, чувственность; музыка и церемонии, влияние на доброе настроение и справедливость, гармонию между небом и землею, чувства почтения; музыкальные инструменты, их связь и соотношения, подобные между министром и правителями, силы природы и проявления их в разное время года подобно музыкальной игре и её переливам, и проч.

XX. «*Юэ-лин*» – месяцеслов с распределением разных предметов, занятий, празднеств, действий императора, правительственных лиц и народа, в течении XII месяцев года; Общие рубрики: в какой части неба находится солнце и звезда, какой день цикла, – небесный господин или гений-хранитель, какие бывают в каком виде твари, животные и растения, какая музыкальная нота и тон, какое число, и музыкальный инструмент, какой вкус предмета, какие жертвоприношения и какое мясо для них и стола государя, какой ветер, какой апартамент во дворце занимает государь, какое имеет одеяние и шапочку, каких выездных лошадей и сбрую, телегу и пр., какие украшения на сосудах, чем занимается и что говорит, как ведет себя с окружающими народами, как себя держит в отношении к земледелию, какие занятия в школе, какие составляются или утверждаются правила о жертвоприношениях и церемониях, и других

предметах для занятий и поведения народа, какие существуют запрещения и на что – полицейско-административные? и проч. и проч.

XXI. *Мемориал И-чжуна* о перенесении 1868 г. изображения императора Дао-гуан, таблицы с его именем, его книг и прочих предметов из г. Пекина в Мукдэн – столицу Маньчжурии.

XXII. *Этнографическая таблица народов Китая* и центральной Азии (по Клапроту), населявших оную до Р. Х. и по XII ст. по Р. Х.

Хрестоматия китайских текстов в русском переводе иеромонаха Алексия Виноградова

I. Учение о Боге, природе и человеке, кратко составленное по извлечениям из классических книг китайских философов¹⁶⁸

I. О природе Божией. 1) "Сюнь-цзы" говорит: «Небо не имеет действительной формы и подобно бесконечному пространству пустоты, замечаемому над землею, и называемому твердью». 2) Ян-фу говорит: – «Небо или Бог (кит. «Тянь» или «Тянь-чжу») суть одно. Звезды и видимые изменения в воздухе не суть Небо. Иначе, – собственно Неба (Бога, идеи о нем), мы не можем и не должны искать в чувственном виде». 3) Пань-ку говорит: – «Бог называется Небом». 4) "Чу-цзы" говорит: – «Утверждать, будто Бог подобен идолам, создаваемым рукою художника из глины и отливаемым из меди, значит решительно распространять ложные понятия о нем людям». 3) Лянь-инь (комментарий на «И-цзин»): – «Бог именуется Духом – «Шень». Дух есть разумное дыхание Божие. Бог есть начало (личность) Духа. Дух – действие Божие. Правитель всех вещей – Бог; чрез своего Духа Он таинственно приводит все в движение». 6) Цзы-ся, на И-цзин: – «Бог есть Господь мироздания, начало неба и земли».

II. Единство Божие. 7) Зерцало истории: – «Бог един и нет более (других богов); не должно быть даже пяти; (разумеется пять элементов – «ву-син»: «Цзин» – золото, «Му» – дерево, «Шуй» – вода, «Хо» – огонь, «Ту» – земля, с соответствующими богами)».

III. Всомощество: 8) Тан-Шан, («Шу-цзин», IV кн. III. III. 8): «Хочу взирать на все вещи в согласии с Духом Божиим». 9) Чу-цзы (ibidem): – «Небу известны все наши добрые дела и преступления. Небо замечает за всем совершающимся под ним и всему ведет свои счета. Как добрые дела, так и злые, нами содеяваемые явны пред Богом и ничто не может от него укрыться». 10) Конфуцзы, избранные места, XIV, 37: «Здесь и там Небо; оно и меня знает».

IV. Благость Божия. 11. Ши-цзун, III кн. 1, VII. – «Бог велик, и Его величием поддерживается мир низший. Он презирает на четыре части света (из Своего царства), бдительно охраняет исходящие от Себя для блага народов, – законы». 12) ibid. II кн. IV. VIII. – «Если Бог повсюду велик, то кто дерзнет противостать Ему?» 13) Ngan-yang Cheu to Han Wan-Kung: – «Бог по истине заботится о сохранении всего живущего в мире». 14) Ши-цзин, II. кн. V. IV: – «Пространное, беспредельное небо, скажи мне: кто твой отец или родители?» («фу-му» – отец и мать). 15) Сборник статуты Минской династии. (Legge's Notions of the Chinese) – «Все бесчисленные племена и роды одушевленных существ обязаны своим происхождением и жизнью Твоему, (Господи), милосердию и благостине! Человек и все твари получают свое истинное блаженство в любви Твоей, о Боже! Все твари, наделенные душою, обязаны Твоей благости, но знает ли хотя одна из них, – от кого истекают благословения? Подлинно, Ты один Господи, всегда и ныне, – мудрый художник и истинный отец всего мироздания!»

V. Справедливость Божия: 16) Наставления «И-инь» – (Legge's Shi-king, IV. Bk. IV. I): «Путь Божий – неизменен; – на доброго делателя Он (Бог), ниспосылает все Свои благословения, а на злое творящего – всякого рода бедствия».

VI. Милосердие Божие: 17) Князь из «Шао» (Shaou) «Ши-цзин» V, кн. XII. 10: – «Небо оказывает свое милосердие и сострадание на все четыре части света». 18) ibid. V. кн. I: – «Небеса милостивы к народу». 19) (Ши-цзин): – «Сострадательное небо». 20) Комментарий на «Ши-цзин»: – «Небо по своей благотворительности и щедротам называется покровителем, благосклонным ко всему, что под ним (т. е. в миру дольному)». 21) Комментарий на «И-цзин»: – «Гром есть знамение небесного величества, дождевая влага – его благоволения. То и другое для человека может быть сравнено с состоянием, какое ощущает осужденный на пытки и темничные оковы, и потом вдруг помилованный».

VII. Бог есть творец мира: 22) Сборник статуты Минской династии: – «Когда Ты разлучил небо от земли, о Боже, – творение Твое продолжилось (т. е. не прекратилось). Духом твоим произведены солнце и месяц и пять планет, ясность и красота их сияния. Ты соблаговолил распространить небеса подобно художественно расписанной завесе, охватывающей со всех сторон земной четверугольник, и чтобы все вещи были на своем месте и в порядке (т. е. чтобы царствовала повсюду гармония и благополучие). Когда Господь Бог все таким образом устроил и распределил, призвал к существованию небо, землю и человека. Между небом и землею он поставил на своем месте, особенно, человека, и все остальное сотворенное и распространенное под небом». 23) "Ши-цзин", III. кн. III. VI: – «Небо, даровав начало и жизнь массам народа, позаботилось установить и законы, которыми регулируются общие и частные жизненные

отношения». 24) *Тан, Шу-цзин*, IV, кн. III, 2 – «Не обижен Богом и простой народ, обильно одаренный им нравственным смыслом». 25) *Шу-цзин*, II, кн. V. III: – «Небо, (скажи мне) – кто родил меня? Кому обязан жизнью, и сколь долго продлится время – неблагоприятное?». 26) *И-инь, Мэнцзы*, V, Разд. I. VII. – «План Неба в произведении таков: получивший первым все необходимые наставления, должен передавать последующим, по преемству происхождения; и кто первым уразумел принципы знания, тот и обязан сообщать их медленно успевающим». 27) *Шу-цзин*, III, кн. I. VII. – «Государь Ци (?) был одарен от Бога пронизательностью, в связи с силою умозаключения». 28) *Конфуцзы, избр. места*, VII. 22: – «Добродетелью, во мне обитающей, обязан я Небу». 29) *Шу-цзин*, V, кн. IV. I: – «Небо – (Бог), хотя недоступно чувственному усмотрению, но так все созидает, что дает сотворенному в целом и частях гармоническое развитие, при всем разнообразии условий». 30) *Гун Ин-фа: Комментарий на Шу-цзин* *ibid*: «Народ, будучи произведением высшего Неба, (Бог), и неба (низшего, твердь или видимое небо) одарен телом и душою вместе». 31) *ibidem*: – «Небо не только даровало человеку жизнь, и чудно согласовало тело с душою, но помогает и далее их гармонии в условиях жизни, также как доставляет и все потребное для продолжения существования».

VIII. *Бог-законодатель*: 32) *Учение о человеке*: «О чем посоветует Небо, или что оно проявит, того именно требует и сама природа». 33) *Шу-цзин*, III, кн. I. I: – «Народ признал над собою владычество Чоуской династии (Chow) не без воли Божией». 34) *Ibid*. IV, III. III: – «Бог predetermined задолго прежде величественному Тану (T'ang) урегулировать границы, распределением их на четыре четверти».

IX. *Богооткровение*: 35) *Шу-цзин*, III, кн. I. VII – «Бог сказал царю Вэню (Wan) требую, чтоб ты пребывал всегда в разуме и добродетели».

X. *О мироправлении Божиим*: 36) «Правитель всех вещей (т. е. мироздания) есть Бог». См. выше. 37) *Цзи-ма Цзян*: – «О, сколь неизмеримо пространна и отлична добродетель, посредством которой управляют все вещи, и всякое бытие сохраняет неизменно свое место! Может ли с нею сравняться хотя какая-либо человеческая сила!». 38) *Шу-цзин*, III, кн. III. I: – «Сколь беспределен Бог, правитель людей на земле».

XI. *Правительственная власть получает свою силу и освящение от Бога*: 39) *Шу-цзин*, V, кн. 1: – «Теперешнее небо (т. е. Верховная власть, правительство), для покровительства подчиненному народу, устанавливает правительственные органы, для этого производит своих инструкторов и чрез них, при помощи Божией, устрояет мирную и счастливую жизнь Государства, на всем пространстве территории» (бук. на четырех четвертях земли). 40) *Шу-цзин*, III, кн. I. VII: – «Бог, от Которого зависит благополучие и возвышение государства, соизволяет избранию для него достойного государя». 41) «Бог дает заповеди» (см. выше). 42) *Шу-цзин*, IV, кн. I. IX: – «Вооруженная мышца царя Ву была полна силы; непреклонен был он в своем гневе. Несравненно более знамениты и славны были Цин и Кан, сделавшиеся царями по воле Божией». 43) Из древних государей, могущих служить образцом заботливости к народу, известен основатель династии Ся (Hsia). Когда этот дом был в силе, употреблял надлежащие меры к тому, чтоб все люди были искусными в Богопочтении». 44) Танские государи, следовавшие по порядку один за другим, в престолонаследии, обязаны славою блестящего управления, исполнением заповедей (ordinances) Божиих. 45) *Шу-цзин*, V, кн. XIX: – «Цари Ван и Ву приобрели известность тем, что могли управлять умами народа в трех положениях, (разумеется – ифическое деление), правая сторона – добрая, закономерная, левая – дурная, порочная, беспорядочная, и *средина* – разум, жизненные отношения, житейская мудрость). Благодаря благоговейному Богопочтению и служению, при сих государях, все правители и начальники народные тоже были хороши».

XII. *Народ зависит от Бога*: 46) *Шу-цзин*, V, кн. XIV: – «Народ лишающийся Божественного покровительства, подвергается великому разрушению, которого мы бываем свидетелями». 47) *Шу-цзин*, IV, кн. I. X: – «Ты подаешь нам добрый совет – довольства пшеном и ячменем, даруемых Богом для прокормления всех людей». 48) *Ibid*, III, кн. II. X: – «Бог отступит (от обычного покровительства), и зависящий от него мир будет полон всякого рода бедствий и горя».

XIII. *Духи справедливости находятся на небе*: 49) «Царь Вэнь высоко живет, – Он сияет на небе!..» 50) *Шу-цзин*, III, кн. I. I: – «Царь Вэнь восходит и нисходит (с неба), он направо и налево у Бога» (т. е. имеет полную силу). 51) *Ibid Oda*, IX: – «Из поколения в поколение идет ряд мудрых государей; и три царя – тоже на небе (разумеются государи трех династий)». 52) *Князь Чоу, (Шуцзин*, V, кн. VI): – «Если три Царя на небе бдительно охраняют Его (китайского государя), как великого Сына Неба, то да позволено будет и мне Тану (Царю) быть подчиненным пред их

лицом». (В Китае, истинными хранителями государства почитаются духи умерших, а потому и живой – царствующий государь себя признает их подчиненным и хранителем их законодательной и управляющей воли).

XIV. *О природе человека вообще и о том, что Бог сотворил её доброю*: 53) *Мэн-цзы*, VII, раз. II. (6, XXIV): – «Воля небесная такова, чтобы всегда пребывала любовь отеческая и сыновняя, – соблюдалась справедливость между государем и министром, – исполнялись правила церемоний между хозяином и гостем; чтобы степень знания и талантливости определялась выдержанием экзамена и получением ученого диплома, с возможным достижением полноты небесного курса мудрости, столь желаемой просвещенным человеком. В этом проявляется та цель, чтобы природа все более и полнее приближалась к небесной». 54) *В Сань-цзы-цзин*: – «Человек начинает жить с доброю природою». 55) *По учению в Да-сюэ Конфуцзы*: – «В начале существует в природе человека гармония – *Дай-го*, тогда как порок есть следствие влияния грубой чувственной материи – *Ву-син*». 56) *Чжу-си*, допуская происхождение в начале доброй природы человека, признает, по мере развития телесного, постепенное помрачение доброй духовной природы, которая становится затем все более склонною ко злу, – наконец, в одном человеке является природа смешанная, состоящая из доброй и злой, или – тройственное начало. «Светоносное начало добродетели, говорит Чжу-си в объяснении Да-сюэ, происходит с неба; это – чистый дух, ничем не помрачаемый, обнимающий истину в её полноте, в каждом случае адекватно. Затем, вследствие физического состава, она помрачается и заключается в теле – *жень-ю*, – плотских пожеланиях и становится, по мере этого погружения, все темнее и плотояднее». 57) *Гао-цзы*. – «Природа подобна древу. Если из него выйдет хорошее бревно, то можно сделать и хорошее для плавания судно. Такова точно добрая природа человека». 58) *Мэнцзы*: – «Для достижения природы доброй, человеку наперед надлежит её разломать, т. е. уничтожить все дурное, скверное. В сем случае она подобна челноку, устрояемому из бревна не прямо, но после подрубки самого дерева на корню и превращения его в бревно. Или, человеческая природа подобна текучей воде, то на запад, то на восток, смотря по тому, в которую сторону будет выше или ниже русло или сток, таков индифферентизм колебания природы человека, то доброй, то дурной». 59) *Сун-цзы*: – «Человеческая природа дурна и склонна к злу; только посредством правильного воспитания возможно дать ей надлежащее направление. Мудрость есть плод повиновения порядку и хорошего обучения, которых не может иметь беспорядочная природа». 60) *Янцзы*: – старался согласовать два противоположных проявления в природе таким образом, что в ней – две силы или наклонности, одна в добрую сторону, другая в злую; смотря по тому, – которой будет придерживаться человек, развивается и определяется его соответствующий характер.

XV. *Человек зло творящий нарушает Божественный закон и поступает вопреки своей природе*: 61) *Ши-цзин*, III, кн. I. I: – «Небо рождает тьмы народа, и хотя желает чтобы все были добрыми по природе, но одни уклоняются, а другие остаются верными до конца жизни». 62) *Ши-цзин*, III, кн. I. I: – «Кто следует дурному направлению и подражает злым, тот не может быть приятен Небу и его (добрым) духам».

XVI. *Нет теперь человека совершенно доброю*: 63) *Конфуцзы, избр. места*, IV, 6: – «Не думаю, что бы кто-либо совершенно любил добродетель, также как и ненавидел всякого, кто не добродетелен». 64) *Ibid*, IX, 17; XV, 12: – «Не уверен я в том, что бы кто любил добродетель столько же, сколько любить красоту». 65) *Ibid, избр. места*, VII, 25: – «Мудрец не нуждается пред всеми рисоваться своею мудростью; также точно и я считаю себя совершенно довольным, когда узнаю, что тот или другой человек действительно талантливый или добродетельный. Добрый человек недомагаются быть видимым только; так и я чувствую приятность когда говорят, что такой-то владеет замечательным постоянством». 66) *Ibid, учение о человеке* IX: – «Империя, ленные её княжества, семейства, могут быть совершенно управляемы (имея хороших администраторов); должности, доходы и расходы в свою очередь могут сокращаться по мере надобности и обстоятельствам; самое даже оружие может заржаветь, изломаться, вообще сделаться негодным к употреблению: но положить предел усовершенствованию человека на пути знания и добродетели – невозможно». 67) *Ibid, избр. места*, VII, 3: – «Добродетель предоставленная себе самой, остающаяся без надлежащей её обработки (*cultivation*), – недостигающая полной зрелости в школе и дальнейшем усовершенствовании знанием, делает человека с самого начала неспособным успевать далее в справедливости, достижимой по мере научного и практического её познания; бессильна также и удержать человека от всего дурного».

Вот каковы предметы особенно меня озабочивающие!». 68) *Ibid*, VII, 33: – «Предо мною мудрец и человек совершенно добродетельный: – к какому рангу я должен себя причислить? Скажу просто о себе, что я соревную сравняться с ними, но всегда чувствую свое бессилие и потому вечно недоволен собою, учусь у других, постоянно поучаю, не чувствуя усталости». 69) *Ibid*, IX, 15: – «В чужих краях служат государственные высшие сановники и чиновники, дома подчиняются они отеческой власти, другие старшему брату; можно исполнять и все требуемые законом и обычаями обязанности, до самой смерти, совершенно просто, без особенного напряжения; препобедить же страсть к пьянству, – ах как трудно! Спрашивается, что всего желательнее и лучше для человека из означенных предметов?». 70) *Ibid*, XIV, 30: – «Путь высшего человека – тройной, но сам я (грешный) иду неравно, колеблясь то направо, то налево. Добродетельный свободен от забот; мудрый свободен от всякого рода излишеств; всегда смелый – свободен от страха». XVII 71). *Учение о человеке*: – «На пути добродетели для человека совершенного встречаются четыре предмета, из коих ни один для меня недостижим: а) почитать своего отца, повиноваться ему, любить его так – как требуют обязанности моего собственного сына; б) служить и угождать своему князю или государю так, как бы служил мне мой министр и слуга; в) подчиняться старшему брату так, как бы мне подчинялся мой брат меньшак; г) подавать всем пример в ведении дружбы с людьми так, как бы я всегда был мирен и друголюбив с самим собою».

XVIII. *Невежество не может служить поводом к уклонению от добродетели*: 72) *Конфуцзы, избр. места*, VI, 18: – «Между познающим истину и любящим истину существует неравенство, и кто её любит, тот далеко не похож на человека, ищущего во всем только чувства приятности и удовольствия». 73) *Ibid*, VI, 25: – «Путь к мудрости и добродетели (дао-дэ) открыт для всякого. Между тем, как мало людей решающихся идти по нему!» 74) «Искусство овладевать людьми, не прибегая к трудностям глубокого изучения, состоит в способности определения их на глазомер (intuitive ability); также точно и самое познание всего без надлежащей опытности есть только кажущееся знание (intuitive Knowledge)...» 75) «Дети, пока кормятся материнским молоком и растут на руках отцов, знают, как любить им, но когда понемногу будут приходить в совершеннолетие, начинают узнавать и любить старших братьев». 76) *Мэнцзы*, VII, разд. I. XV: – «Сыновнее благорасположение к родителям есть дело благоволения (benevolence); тогда как почтение к старшим – дело чувства и сознания справедливости (righteousness). Но то и другое вовсе не есть что-либо особенное; все эти чувства, и относящиеся к ним проявления любви, принадлежат Небу».

XIX. *Отступления человека от добродетели не могут быть извиняемы бессилием или неспособностью совершить её*: 77) *Конфуцзы, избран. места*, VI, 10: – Янь-цин однажды откровенно признаваясь своему учителю в туго воспринимаемом учении, говорил так: «Не потому, чтобы ваше учение и наставления не доставляли известного рода удовольствия, но сам я сознаю свою недостаточность и бессилие в их усвоении». На это мудрый учитель заметил: «жалоба на свое бессилие не может еще служить достаточным основанием к тому, чтобы не следовать средним путем (мудрости), а потому постарайтесь теперь же исправить ограничение всего, что вас уклоняет от того пути». 78) *Ibid*, IV, 6: – «Нет в мире такого человека, который бы мог исполнить хотя на один день всю силу добродетели. Не могу предусмотреть не только случая, при котором бы проявилась она с надлежащею твердостью, но даже не нахожу самой возможности».

XX. *Польза огорчений и бедности для человека*: 79) *Мэнцзы*, VII, разд. I. XVIII: – «Человек владеющий благоразумием, добродетелью и мудростью в делах житейских, и в случаях сильных потрясений, болезни, всегда найдет средства и силу выдержать их и перенести как следует... Он может сохранять свое сердце от всякой могущей встретиться опасности, изобрести и удачно воспользоваться мерами осторожности от всякой угрожающей опасности. Все такого рода люди отличаются от прочих особенным умом». 80) *Мэнцзы*, VI, разд. II. XV: – «Когда само Небо избирает известного человека, как достойного для совершения предназначенной миссии, то прежде всего упражняет его ум в перенесении страдания, а физические силы и мускулы приучает к трудолюбию. Тело испытуемого таким образом человека оно подвергает голоду, доводит до крайней бедности, даже старается сбить самые способности разума. Всеми такого рода методами оно однако ж изощряет ум человека, укрепляет его духовную и физическую природу, и исправляет недостатки... Вследствие такого рода условий и сама жизнь избранника небесного представляется сплетением разного рода тенет, горя и бедствий, а самая смерть – развязкой и

успокоением, средством достижения вечного блаженства». 81) *Комментарий*: – «Кто не испытал несчастья сегодня, тот должен всегда быть готовым встретить его на завтра».

XXI. *Опасность для добродетельного человека, быть крайне богатым*: 82) *Ян-гу, Мэнцзы*, III, разд. I. III: – «Кто домогается богатства, тот избегает благотворительности, а кто хочет быть щедрым и благотворительным, тот не может сделаться богатым». 83) *Конфуцзы, избр. места*, VII: – Богатства и почести собираемые несправедливо подобны в глазах моих плывучим по поднебесью облакам». 84) *Цзэнцзы, Мэнцзы*, II. II: – «Пускай з. г. правители имеют свои богатства; для меня же достаточно одной благотворительности; пусть они отличаются им подобающим благородством (nobility), для меня достаточно одной справедливости. Как посмотрю на все, да подумаю хорошенько, так право и сам я не ниже их!»

XXII. *Необходимость покаяния и его свойства*: 85) *Конфуцзы, избр. места*, IX. 24: – «Когда сознаешь за собою грехи или известные недостатки, – не бойся исправлять таковые». 86) *Ibid*, IX. 23: – «Кто может воспротивиться словам строгого увещания? Еще ценнее, без сомнения то, когда люди стараются исправить свое поведение к лучшему... Человек только соглашающийся с моими замечаниями, но не исправляющий поведения, в глазах моих – ничтожный». 87) *Мэнцзы*, V. I, разд. VI – «И-инь посадил некоего Дай-цзя, в одно место на три года. Дай-цзя раскаялся в своих прегрешениях, с полным сердечным сокрушением, и исправился впоследствии с получением помилования, отличался в доброй жизни соединенной с справедливостью».

XXIII. *Об истине и честности*: Китайский иероглиф "син" означает истинность и доверие (Truth and Faith); справедливость же есть только правдивость или честность, как способность в нравственном смысле слова. Остальная часть понятий подводится под три главных отдела: правда, почтение и любовь (truth, reverence, love), составляющих три коренных добродетели. 89) *Да-сюэ*: – «Первое, о чем должно заботиться всем, – иметь всегда искренность в мыслях и намерении. 90) *Мэнцзы*, IV, разд. II. XII: – «Великий человек тот, кто никогда не теряет чистого сердца (букв. детского)». 91) *Конфуцзы, избр. места* I, 13: – «Когда условия согласны с тем, что справедливо, верно, тогда говорят – возможен и добрый успех в деле». 92) *Ibid*, 10: – «Береги верность и искренность, как первые принципы, и стремись непрерывно ко всему, что справедливо; это путь, несомненно приводящий к добродетели». 93) *Ibid*, II. 22: – «Не могу найти такого человека, который бы оставался вовсе без правдивости и честности». 94) *Ibid*, I. 6: – «Юношество должно отличаться усердием и правдивостью». 95) *Ibid*, I. 5: – «В занятиях необходимо быть крайне внимательным и искренним». 96) *Мэнцзы*, VI, разд. I. X: – «Желал бы всегда любить два предмета вместе: жить и руководствоваться справедливостью». 97) *Шу-цзин*, IV, кн. IX. I: – «Самое главное, что дорого на земле для Неба. – зорко следить за жизнью людей по справедливости».

XXIV. *Нравственное понятие о царстве небесном*: 98) *Мэнцзы*, VI, разд. I. XVI: – «Существует благородство (nobility) Неба и благородство души человека, благоволение, справедливость, самоосвящение и верность, с неизменною радостью, при сих добродетелях; таково содержание понятия о достопочтенном Небе».

XXV. *О служении Богу*: 99) *Шу-цзин*, III, кн. I. II: – «Царь Вэнь (Wan) благоговейно и бдительно служил Богу, с преданностью Ему ума и сердца». 100) *Шу-цзин*, V, кн. I, разд. I: – «Был и другой царь (Show) с нераскаянным сердцем; Он слишком предавался земным целям и чувственным вожделениям, а потому и не служил Богу». 101) *Ibid*, V, кн. III. 6. – «Когда бы я был малым ребенком (т. е. подобным ему), то мог бы надеяться на всегдашнее пребывание в добродетели, почтительно служить Богу всем сердцем и уклоняться до конца жизни от путей заблуждения».

XXVI. *О молитве к Богу*: 102) *Князь Чоу (Shaou)*, *Ibid* V, кн. XII. 24: – «Благоговейно принося жертвы пред лицом его величества (Богдыхана), участвую с ним в его молитвах к Небу, у которого и прошу: да продлится на многие лета жизнь моего (повелителя)». 103) *Конфуцзы, избр. места*, XX. I: – «Тан говаривал: подобно дитяти Лэ, осмеливаюсь я, смиренный, приносимую ныне темно-красную жертву, явить пред лицом твоим, о мой величественный Господи, Боже; да не утаится пред Тобою ни мой грех, ни моих министров, что-либо скрывающих от меня. Ибо ты – Дух, испытующий всех. Если неуютны будут дары, приносимые от меня лично, то не позабудь народа моего, обитающего в мириадах областей. Если же найдешь для себя оскорбительным принять жертвы народа и усмотришь непростительные грехи, то молю Тебя – пощади народ и одного меня содейлай ответственным пред небесным Величеством твоим». 104) *Ibid*, VII. 34: – «Молитва моя да будет пред Тобою во веки». 105) *Шу-цзин*, V, кн. XII. 10: – «Бедный народ,

переноса все тяготы и заботы в содержании детей и вдов, обращается особенно усердно с молитвою к Небу о помощи». 106) *Ши-цзин*, II, кн. V. VII: – «Лазурное небо! Лазурное небо! Воззри на горделивый род людей, сжался над его мятежной суетой!» 107) *Ibid*, III, кн. III. III: – «О светозарное и великое небо, почто не жалеешь нас, оставляя беспомощными!».

NB. В позднейшие времена великими людьми Китая строго воспрещено всему народу обращаться с молитвою к Небу. Примером сего рода может служить запретительный эдикт 1-го императора Минской династии – Хун-ву, не позволявший всем вообще молиться не только Небу, но и земле, кроме самого государя по презумпции его великого достоинства пред прочими людьми. Могу ли я допустить, как государь, чтобы предо мною вдруг с разных сторон, от всего народа слышались прошения? Не произойдет ли, от сего, великого смешения и беспорядка? Подобно тому и Небо не может не чувствовать некоторой неприятности, приемля от всех людей их частные молитвы разом. Здесь должно разуметь не повседневные молитвы к небу народа, но в известные высокочестивые дни, когда император является с избранными его министрами представителем пред Господом всех нужд и прошений народа соединяемых с жертвоприношениями и церемониями, по особому обряднику.

XXVII. О жертвоприношениях Богу: 108) *Ши-цзин*, III, кн. II. 1: – «Будь милостив, Боже, всегда, когда обоняешь возносящийся пред тобою сладостный фимиам кадильный! Благоухает он так, как цветы в свое время. До настоящего дня уготовлял и приносил жертву тебе не один Хоу-цзе (How-tseih)». 109) *Конфуцзы, учение о человеке*: – «Совершая церемонии с жертвоприношениями Небу и земле, они служили Богу». 110) *Мэнцзы*, IV. II. XXV: – «Человек злой (или вообще согрешивший), только тогда может совершать Богу жертвоприношение, когда омоет тело, очистит свои мысли, и как следует укрепитя душою». 111) *Ле-цзы*: – При семействе некоего человека, отличавшегося совершенствованием в добродетели и прямою направлением, жила на дворе черная корова, которая однажды, по необъяснимой причине, забеременела и разрешилась белым теленком. Хозяин немедленно обратился за разгадкой необычайного явления к Конфуцзы, и тот, – подумав несколько, сказал: «Это счастливое предзнаменование. Принеси же белого тельца в дар Богу!».

NB. Во времена Конфуцзы и Мэнцзы народ приносил жертвы Богу = Шан-ди.

XXVIII. О Богопочитании или благоговейном хождении пред Богом: 112) *Тан Шу-цзин*, IV, кн. I. I: – «Услышь нас Боже и накажи сего тирана!». 113) *Ши-цзин*, IV, кн. III. IV: – «Тан благоговейно почитал Бога». 114) *Ibid*, IV, кн. I. VIII: – «Твори поклоны пред небесным величеством, и денно и ночью». 115) *Ши-цзин*, III, кн. I. III: – «Бог с тобою; – не сомневайся в сердце своем». 116) *Ibid*, III, кн. II. X: – «Бойся небесного гнева и отнюдь не дерзай думать, что Небо способно шутить или попусту забавляться. Внимай и переменам расположения Его, не рассчитывай и убежать куда-либо». 117) *Ibid*, II, кн. IV. X: – «Подобно тому, как чиновники и офицеры, каждый с почтением друг к другу относятся при вступлении на службу или исполнении своих обязанностей, так точно и ты всегда памятуй, что стоишь пред Небом, а потому держи себя пред ним благоговейно». 118) *Ши-цзин*, IV, кн. V. III: – «О небо! Сколь ты нелюбезно и свободно от привязанностей к чему-либо; – за то бываешь всегда благосклонно к тем, кто достойно почитает Тебя!». 119) *Конфуцзы, избр. места*, XVI. 8: – «Власть имеющий сановник, внимай, со страхом и трепетом велениям Неба!». 120) *Ibid*, I. 13: – «Уважай также собственность, все законы и правила касательно её. Оберегайся от всякого срама и бесчестия».

XXIX. О почитании царя: 121) *Цзы-ся, избр. места*, I. 7: – «Когда человек, бывает преданным во всю жизнь, при служении своему князю, можно сказать, что тогда он действительно ученый». 122) *Конфуцзы, избр. места*, XVI. 8: – «Высшему человеку свойственно со страхом и благоговением стоять пред Великим (т. е. Богом и Царем)».

XXX. О почитании родителей: 123) *Конфуцзы, избр. места*, II. 5: – «Родителям, при их жизни, должно служить так, как требуется приличием и их достоинством; а когда они умрут, – то же не должны быть забываемы. Принося на их гробах жертвы, как того требуют обычаи».

NB. Мысль о принесении жертв почившим предкам, заимствована у Конфуцзы из книги обрядов.

124) *Ibid*, II. 7: – «В наши дни сыновним благочестием требуется оказание материальной и духовной поддержки хотя одному из родителей (или вообще родных). Также точно нуждаются, хотя в каком-либо фураже наши лошади и собаки на все время пути и жизни при доме. Если не будет оказываемо нашим родителям должного почтения, то чем они будут отличаться от рабочего скота, если будем доставлять им одно только пропитание!». 125) *Мэнцзы*, III, разд. I. V:

– В древности, сказывают, бывали и такие люди, которые не погребали тел умерших родителей как следует. Именно, как, только умирал человек, тело скоро убиралось и полагалось на некоторое время в водосточную канаву или реку, ручей, затем оно извлекалось и давалось на съедение лисицам и диким кошкам, летучим мышам, комарам и другим насекомым, или птицам на расклевание. Невозможно было смотреть без содрогания на подобное зрелище, особенно при виде обнаженной до костей головы с провалившимися или выклеванными глазами и оскаленными зубами, мертвецкий запах и миазмы, распространявшиеся далеко – еще более возбуждали чувство омерзения. Жестокие сердца допускавших такое поругание людей, не трогались и при виде разбросанных там и сям растерзанных, расклеванных, полусгнивших и горящих на солнце, частей организма. При сравнении сего варварского обычая с тем, который свято соблюдают наши дети – предавая честно земле тела родителей и других людей, не можем не назвать нашего (китайского) обычая прекрасным и вполне соответствующим правилам истинно сыновнего благочестия». 126) *Книга обрядов*: – «Народ династии Ся (Hsia) любил употреблять блестящую утварь, тогда как при династии Инь славилась жертвенная утварь. Первая выделялась не совсем совершенно из бамбука, незмалированной обожженной глины, неполированного дерева; таковы были: барабаны, органы без трубок, и колокола без языков внутри их. Эти музыкальные инструменты обыкновенно употребляются, согласно обряднику, при погребении умерших для игры в честь духа почившего. Всем, кто обращается с светлыми, или блестящими от оливы инструментами, известен путь похоронной церемонии», говорит *Конфуцзы*. «Заведующие изготовлением таких вещей знают, что они не могут быть употребительны у живых людей. Между тем, что же вижу? – гроб готов всегда и для меня. Значит, смерть и судьба покойника, неизбежная для всех, должна поучать при жизни о таких вещах, которые соединены с похоронною музыкой. Не есть ли этот день смерти одно и то же, что человеческое жертвоприношение?» 127) *Конфуцзы, избр. места*, III. 4: – «При траурных церемониях, без сомнения, лучше хранить и удерживать чувство печали, нежели следить за тщательным соблюдением чисто формальных правил». 128) *Ibid*, XIX. 14: – «При исполнении траурных обрядов надлежит не слишком предаваться печали и знать меру, по которой можно вовремя остановиться и забыть горе». 129) *Конфуцзы, избр. места*. XVII. 21: – «По смерти императора китайского, полагается по всей империи соблюдение траура, в течение трех годов».

XXXI. *О почитании лиц старших по возрасту и общественному положению или достоинству*: 130) *Мэн-цзы*, VI, разд. II. VII: – «Уважай всякого старшего, не позабывая младенца и юношества; не позабывай также иностранцев и людей рабочих».

XXXII. *О почтении к людям вообще*: 131) *Конфуцзы, избр. места*, XVI, 8: – «Человек высший и образованный всегда благоговейно внимает наставлениям мудрости». 132) *Шу-цзин*, IV, кн. IX: – «К занятиям вашего величества всегда относится с благоговением почитающий вас народ». 133) *Ibid.*, IV, кн. VII, разд. III: – «С почтением думай о моем народе». 134) *Мэн-цзы*, IV, разд. II, XXVIII: – «С молодыми людьми должно обращаться и судить вежливо. Ибо кто уверен в том, что они вечно будут в одном положении и не сравняются когда-нибудь с нами?». 135) *Кн. обрядов*: – «Будь со всеми вежлив и почитателен!».

XXXIII. *О любви к человеку и человечеству*: 136) *Конфуцзы, избр. места*, I, 5, 6: – «При управлении страной надлежит хранить экономию в расходах и пользоваться народным расположением». «Юношество должно отличаться главным образом в любви ко всему, что содействует просвещению и доброму направлению в связи с дружелюбием». 137) *Мэн-цзы*, IV, разд. II, XXVIII: – «Кто любит других и постоянен в любви, тот любим бывает и людьми». 138) *Мэн-цзы*, I, разд. I, VII: – «Человек совершенный (в добродетели), по чувству сострадания ему присущему, трогается всегда при виде голодающих животных и старается, если может, облегчить их горе кормлением более или менее продолжительным; тем более ему понятны горе и страдание ближнего». 139) *ibidem*, VII, разд. I, XIV: – «Он с любовью относится ко всем людям и даже ко всякого рода творениям (Божиим)».

Б. Сказания и учения разных китайских писателей о рае; состоянии человека до и после грехопадения и диаволе (драконе); о пришествии на землю, лице и нравственном идеале Святого¹⁶⁹

1. Рай. С раем земным соединены у китайцев, как и у других народов, все высшие представления о блаженстве, центром, источником которого – Бог, обитающий на небе и соприкасающийся земле на самой высшей её поверхности – горе. Эта гора по мифологии индийской – *Меру* или *Мага-Меру*, у китайцев в словаре Кан-си есть *Гуань-лунь* или *Кхунь-лунь*.

Под сим последним названием известна одна из действительных гор северо-запада Китая, на севере Тибета, и которой средняя часть входит в состав горной системы центральной Азии под 35° широты.

С этой-то баснословной горой определяемой то там, то здесь у разных народов и связаны идеи о бывшем земном рае. Миссионер Томас Маклэч (Meclatchic) даже убежден положительно, что под *Кхунь-лунь* и *Меру* должно разуместь гору Арарат, на верху которой остановился некогда Ноев ковчег. Где бы ни была эта гора, для нас важны скорее поэтические представления религиозного благочестия, имеющие сходство с краткими Библейскими сказаниями. Однако ж представления китайские скорее опозитизированные древне-астрономические, нежели чисто земные, и могут быть отнесены к *небоописанию*, нежели землеописанию. По словарю *Кан-си* Гуань-лунь имеет три самых высоких шпица; один начинается под полярной звездой и называется *Лан-фын-тинь*, западный – *Юань-бу-дэ*, а восточный – *Гуань-лунь-гун*. На отроге этой последней горы расположены пять городов, окруженных стенами и укрепленных 12-ю башнями. Три горы, таким образом соединенные, образуют три священных жертвенных холма этого Кхунь-лунь (Khwan-lun); по сторонам всей возвышенности идут три террасы с уступами, представляющими собою удобные места для жертв. От кругообразного расположения этих террас заимствовано и самое имя Кхунь-лунь, что значит – круг, кольцо. На озере, в долине у Кхунь-луня, к северо-западу, находится *нижний императорский дворец высшего (небесного) императора (Шан-ди)*, четверугольный по плану, в 800 ли окружности, и восемь тысяч локтей высоты. На фронтальной части находятся *девять кладязей* (по числу небес), окаймленных оградой из драгоценных камней. По сторонам её – *девять врат*, охраняемых *светоносными животными*. Окружность Кхунь-лунь около десяти тысяч ли; горы орошаются *винтообразною рекой*, текущей на юг, по направлению к Китаю и называемой просто «рекою». По извилинам её расположено восемнадцать городов; остальная часть вод уходит тоже в Китай. На *восточной* окраине расположены *девять врат*, охраняемых небесными светоносными животными, из коих каждое имеет туловище *тигра*, тогда как все их девять голов имеют подобие *лица человеческого*. Стоят все они насупротив восточной стороны там, где обитают все боги... Гора Кхунь-лунь служить местом собрания всех богов. Издали она узнается по *пяти цветам*, также и воды её имеют пять цветов по виду. На юго-восточной стороне протекает *Желтый источник*, служащий продолжением «Реки». «На горе Кхунь-лунь», говорится в другом китайском сочинении – *Шань-хай-цзин*, «существует все, что ни пожелаешь; там встречаются удивительные деревья и фонтаны, возбуждающие чувства изумления. Называется это место опоясанным оградой, со всех сторон, а в ней – сад. Сад – *висячий*, вечно зеленеющий и покрытый цветами; нижняя площадь его называется «Двор Господень»; у входа при вратах, стоит на стороже животное, по имени «*Кхай-мин*» (т. е. открывающее свет, озаряющее ум). По объяснению глоссы, это – «животное небесное», а по *Бао-пу-цзы*, – «животное разумное». «К северу от Кхай-мин, продолжает Шань-хай-цзин, есть *древо бессмертия* (Библ. древо жизни), т. е., по объяснению глоссы: «производящее вечную жизнь». В *Хоай-нань-цзы* говорится: Висячий сад, обвеваемый приятными ветрами, и усаженный дорогами деревьями, расположен посреди Кхунь-лунь, подле запертой небесной двери; зовется он блестящим или великолепным садом. Здесь протекают реки с водою не одинаковой по цвету, «*Желтый источник*», самый высокий и обильный водою сравнительно пред прочими; называется он еще «*источником бессмертия*». Ибо все пьющие из него никогда не умирают. «Желтая вода» (хэ-шуй, хуан-шуй т. е. вода вожделения, приятная, вкусная подобно китайскому чаю), течет между севером и востоком; «*вода красная*» (чжи-шуй – т. е. подобная китайской красной бумаге), между востоком и полуднем; «*вода теплая и слабая* (жэ-шуй)» – или «*вэнь-шуй*» между югом и западом; наконец, между западом и севером, протекает источник свежей, *прохладной воды*, (лян-шуй) называемый водою *агнца* (Ян-шуй). Эти четыре рода воды в их источниках, суть (дао) пути Духа Господня – (*Ди-чжи Шэнь-дао*). Пользующиеся всеми сими водами получают исцеление; от этого они берутся для составления разных лекарств, орошения и оживлении всех существующих в мире вещей; *Лопи* называет описанное место «земным раем», земным храмом – «*Дитан*». На запад от сего сада, растет еще «*древо жизни*». Поднявшись же вдвое выше на высоту Кхунь-лунь, можно легко достигнуть и высочайшего неба (Эмпирей), куда могут беспрепятственно восходить только Духи. А самое место это называется «*Домом Великого Господа*» – *Бай-ди* – (букв. Багинея, замок, укрепленным дворцом Господа). По объяснению глоссы, «Великий Господин» есть «Господь неба» «*Дай-Ди-чжи Тянь-Ди*». По замечанию «*Цзоу-цзе*» гора Кхунь-лунь находится между западом и севером (Китай); отсюда

проистекает жизнь. Вершина горы называется висячим садом и соединяется с небом (см рис. стр. 1133 оригинала).

Вильямс, в известном новейшем сочинении о Китае («the middle King-dom») в отделении о космогонии древнейшего периода, приводит сказание об образовании из хаоса двух начал, (Ин и Ян), из которых выделяются *Пан-ку* – (homo primogenitus) необычайной силы и величины и его неразлучные спутники – *Дракон*, *Птица* и *Черепаха*. По исследованиям сочинений древне-астрономических и начертаний сферы небесной, оказывается, что эти мифические образы суть олицетворения огромного пространства неба с его планетами и звездами. Северной части небесного пространства и поныне соответствует на китайской сфере название и изображение: «*Черный Воин*» или *черепаха*, в восточной части – «*Дракон-лазоревого*», в южной части «*Красная птица*» и в западной части – (белый) «*Тигр*». В составлении древних сказаний о рае, отчасти астрономических и мифологических, нельзя не усматривать некоторого смешения понятий, выделяющихся только при свете глубокого ученого анализа. Те и другие однако важны и полезны для уразумения многих мест из Св. Библии.

II. 2. *Состояние в раю человека до грехопадения*. В Шу-цзине говорится, что «древний герой Ся (Hsia) единственно помышлявший о добре и упражнявшийся в добродетели, не испытывал никогда, ни от кого, ни малейшего вреда или искушения; он жил совершенно безмятежно. Духи гор и рек всегда являлись пред лицом его и вместе молились с ним; небесные птицы, земные животные, рыбы рек, озер и морей – все повиновались человеку по доброй воле, «согласию». *Чжуан-цзы*, рассуждая об этом золотом веке, называемом веком совершенной добродетели, говорит: «по горам и их ущельям еще не было проложено никаких путей, и по водной поверхности не носились в разные стороны корабли для рыбной ловли. Все развивалось, будучи предоставлено собственной воле и повсюду земная почва была еще девственною. Стада различных животных блуждали свободно и привольно на огромных и тучных пастбищах; там и сям реяли по воздуху стаи птиц: всякого рода плоды созревали, не требуя особенного ухода и обработки деревьев и растений. Человек жил вместе со зверями, и все твари составляли как бы единое семейство. Человек никогда не знавший всей горечи зла, всегда был близок к добродетели, жил в состоянии невинности и простоты, без всякого дурного пожелания. Эта невинность и простота составляли характеристическую особенность неповрежденной природы и личности – всегда умевшей владеть собою. *Хуай-нань-цзы* также свидетельствует об этом состоянии совершенства. «Вначале великой чистоты, говорит этот автор, каждая вещь была в полном согласии с другими и в совершенном соподчинении; так что, страсти не возбуждали ни малейшего раздора, или душевного настроения. Человек, внутри себя самого был полон высшей мудрости, а извне все его действия сообразовались с аequitas, – справедливостью. Его душа будучи далекою всякой искусственности, отличалась удивительною простотою. Времена года шли своим обычным порядком, ни ветры буйные, ни проливные дожди не опустошали земли; солнце и луна распространяли повсюду с нежным и теплым сиянием, все оживотворяющим, – благословенное влияние, и пять планет не заблуждались нисколько в своем обычном течении и пути.

Цзы-ма-цзянь, в сочинении *Цзы-цы*, говорит: в первобытной древности, вначале мироздания, небо и земля отвечали всегда людям на их молитвенное обращение; времена года были тогда умеренны; человек был одарен истинною добродетелью, все плоды рождались и созревали сами собою, без искусственного за ними ухода, и их было в изобилии. Тогда не существовало ни смерти, ни моровой язвы, ни иных болезней и бичей природы. Это время называлось великою эпохою совершенной природы». В это же время, пишет *Лоппи*, жил *Хоань-дун* (Hoentun), и все было мирно, человек не вредил животным и животные не вредили человеку». Имя «*Хоань-дун*» пишется также «*Хо-дань*» (Ho-tan), как это видно из древнейшей надписи в бывшей еврейской синагоге г. Кай-фын-фу в Китае, т. е. Адам.

Что касается древнейших мифов о происхождении человека, то они очень неопределенны. *Лопи* говорит, «вода была началом всех вещей». В *И-цзин* читается: «вначале существовало небо и земля, затем все вещи постепенно совершенствовались. Были самец и самка, затем образовались супруг и супруга». Из сего следует, что природа человеческая не была в самом начале совершенною. Между тем, в приведенных выше отрывках из китайских источников, она описывается совершенною, в чем согласуются эти сказания с Библейскими.

III. *Состояние человека по грехопадении*. Это состояние продолжалось не долго. «Неумеренное желание познания «что добро и что зло» погубило человека, говорит *Дуан-цзы*

(Touaug-tsee); и лишь только человек успел приобрести это знание, как все существа сделались в нему враждебными.

Лопи подтверждает тоже: «едва природа повредила, как все птицы небесные и полевые звери, и пресмыкающиеся земли, друг пред другом соединились для нанесения вреда человеку». Причиной внешне бедствий послужила женщина. В *Ши-цзин* говорится: «муж ученый сооружает стены, а прекрасная и искусная во всем жена разрушает оные. Прекрасная жена – это птица дурного предзнаменования; язык женский не обуздан, он – лестница всяких раздоров и несчастий. Разрушающий переворот в мире произошел не от неба, но от женщины». Комментаторы объясняют, что здесь дело касается начального происхождения бедствий.

О. Премар убежден, что воспоминание и о падении возмущившегося ангела можно видеть в следующих словах *И-цзин*, в шестой речи князя *Чжэу-гун*: «Дракон, вместо раскаяния – возмущился. Он был ослеплен непомерною гордостью, восхотел взойти на небо, но был низринут с бесчестьем в самую бездну». «Он не познал себя, говорит глосса, и потому сделался слепым. В начале он жил в высшем небе, но, потеряв сознание о том – что он был (т. е. тварью), своею гордостью повредил себе самому и лишен вечной жизни в раю». Примером падения сатаны с неба, под видом дракона, китайские писатели пользуются в сравнении некоторых исторических лиц отечественной истории, возмущавшихся неоднократно против «сына неба», падавших от того в глубину зол лично для себя и служивших причиной гибели и несчастий самого государства. Таковы напр. *Чжи-ю* и *Гун-Гун* (Koung-Koung). Последний, по сказаниям, превращен был разгневанным небом в чудовище с лицом человеческим, туловищем змеи и лошадиной гривой, и в таком виде низринут в бездну. Идеальные картины рая по разнообразным о нем сказаниям и представлениям у китайцев и народов востока, имеют отчасти свое подтверждение и очевидность в самых формах организации государства и его идеальных целях земного благополучия. О. Премар, воспользовавшись разнообразными такого рода представлениями, по китайским источникам, в организации Китайской империи усматривает очевидные черты земного рая. Он говорит: по китайским понятиям, империя есть образ вселенной, точно также как императорский город в миниатюре есть образ всего китайского государства; подобным образом *Цзин* (квартал, участок, часть) делится на девять равных частей малых *цзинов* так, что каждый из них населен восемью семействами. Каждое семейство владеет восемью четырёхугольниками определенного пространства земли. Каждый такой квадрат содержит сто частей обрабатываемой поденно земли (*joungnaux*). Средний квадрат принадлежит царю и делится на десять равных частей, из которых в каждой по восьми семейств, с одним рабочим-земледельцем в каждом. Плоды поступают в пользу царя как налог. Десять частей земли (*joungnaux*) обрабатываемой предназначаются для восьми семейств, которые живя все вместе составляют одно большое семейство. Четыре *цзина* образуют деревеньку или мызу (*hameaux*), четыре деревеньки – *hameaux*, составляют местечко, *bourg*; четыре местечка, *bourgs*, – город, *cité*; четыре таких городских общины, *cités*, составляют провинцию; и так далее, все по четыре...

В императорском городе, с каждой его стороны располагаются по три *цзина*, а на самой середине – города царский двор. Для наглядности представляем два чертежа:¹⁷⁰

Цзин

435

896

762

Императорский город

12 3

е

1DeAeD1

е

2DB D2

3DC D3

12 3

Императорский город – квадратный, в подражание мнимому виду земле, но древним представлениям и понятиям о ней. А. Площадь (*forum*), в которую проходят четырьмя воротами (восточные – дун-мынь, западные – си-мынь, северные – бай-мынь, южные – нань-мынь), е, е, е, е. В. императорский дворец. С. Большой *vestibulum*, приемный дворец пред дворцовой площадью. D.D.D.D.D. Жилые помещения для народа. 1.2.3 1.2.3 1.2.3 1.2.3. Ворота въездные и

проходные в разных сторонах города. Каждый цзин окружен канавкой проточной воды (ruisseau); тогда как вся главная площадь земли окаймляется канавой или рекой (flenves); вся же территория империи омывается четырьмя морями – сы-хай. В империи пять гор, из которых четыре приходятся на главные пункты четырех частей, – В. З. С. Ю. и одна занимает самый центр, и есть самая высокая из всех прочих гор. Империя называется срединною потому, что управляется «сыном неба» (сын по отношению к Отцу – небу и Матери – земли – есть средний). Демоны живут вне, за стенами города. Сын неба управляет жителями империи посредством музыки и питанием народа своим рисом, чтобы люди были совершенными как изнутри, так и снаружи; затем, он питает народ свой и примером собственной совершеннейшей добродетели и небесным учением. От избытка радости, лицемерия уважаемого государя – «Сына неба», обитатели такого царства постоянно восклицают: «Сын неба поистине есть Отец и Мать народа своего; Он есть истинный Владыка земли и Господь её!» Таков любопытный тип древнего Китая, носящий самые девственные черты организации семейно-государственной. Люди довольствуются очень малым, только рисом, и вдохновляются после трудов и во время их музыкой; иначе – народ этот занимаясь беспрестанно земледелием, ведет жизнь и хозяйство, следуя во всем правилам гармонически вырабатываемым сообща и всеми единообразно соблюдаемым. Вот каков земной рай китайский!.. Но, покидая речь о нем, переходим к изложению текстов из китайских писателей *о природе человека – восстановленной*.

V. *О природе человека, имеющей быть восстановленной пришествием Святого. – Чжуан-Цзы говорит:*

«Если отринем добродетель и мудрость, то может ли существовать без них милосердие и справедливость? Эти две последних, прибавляет Хоай-нань-цзы, могут исчезнуть только при ослаблении добродетели. И действительно, только после грехопадения человека Бог показал себя справедливым в наказании виновного и исполненным любви, потому что даровал Спасителя. Церковь многократно в песнопениях своих воспроизводит это состояние Адама. Известна древняя аксиома Китая: когда беззакония достигают в мире крайнего предела, и небо перестает быть милосердным небом, Бог по неизреченному милосердию своему соблагволив, воплощением Сына Своего, принять смиренный вид, однако не умалил тем ни своего могущества, ни силы. Кажется, что эту истину имел виду Чжэн-ци-дин, когда говорит: «Прежде рождения первого человека Небо было Господь; тоже и после рождения, сам рожденный становится Господом». Ибо, по объяснению сего выражения в Чжун-юн, посредник между Небом и землею один может обратить сердца; Он есть начало и конец всех вещей, Он – бесконечен. Без Него не может существовать и поддерживаться небесный порядок, продолжает Дун-цзы, а потому, пришествие и явление такого святого служит предметом всех ожиданий и желаний. «Ах! восклицает Чжэн-юн, сколь высок путь святого человека, как обширно и возвышенно его учение! Если ты вникаешь в его бесконечность, найдешь, что оно питает и сохраняет все; если взглянешь на его высоту, достигаешь самого Неба». Необходимо ожидать такого человека для того, чтобы Божественное учение водворялось и распространялось повсюду. И еще: «при мысли о святом, ожидаемом уже три тысяча лет, ничто не страшно».

VI. *Сказания о чудесных обстоятельствах, предшествовавших явлению ожидаемого язычниками великого Святого и извращение Мессиянской Библейской идеи*

а) В двадцать четвертый год царствования Чжао-Ван (Tchao-Wang) при Чжоуской династии (1029 г. до Р. Х.), в восьмой день четвертой луны, внезапно появился на юго-западе свет, мгновенно озаривший дворец императора. Монарх, узрев такое ослепительное необычное сияние, пригласил к себе для объяснения одного мудрецов, искусных в гадании будущего. Те представили бывшие у них древние книги, в которых было написано, что с имеющим совершиться такого рода чудом предвещается явление необыкновенного великого святого на Западе,¹⁷¹ и что чрез тысячу лет после его рождения распространится и в их местах (т. е. Китае) его новая религия.

б) В пятьдесят третий год царствования Му-Ван, отмеченного под черным знаком (951 г. до Р. Х.), в пятнадцатый день второй луны, явился Будда. Три тысячи лет спустя, при династии Хань-мин, в седьмой год царствования (Zoung-Ping) (в 64 г. по Р. Х.), в пятнадцатый день первой луны, царь увидел во сне человека, сияющего золотом подобно солнцу, и который поступью своей возвышался на десять футов (?). Войдя в царский дворец, этот человек сказал: «в сих местах должна распространиться моя религия» По утру царь спросил мудрецов об означенном видении. Один из них, по имени Фу-и, открыв летопись времен царствования императора Чжао-

Ван, изъяснил соотношение сна царя с рассказом этой летописи. Царь обратился за справкой и советом к древним книгам, и найдя страницу, соответствующую времени Чжао-Ван, исполнился необычайной радости. Тогда Он послал чиновников Цзаин и Цзин-цин, ученого Ван-цзунь, и пятнадцать других человек в путешествие на запад, для получения оттуда и принесения к себе должных наставлений в учении необычайного Будды. В десятый год (67 г. по Р. Х.) эти эмиссары отправились в центральную Индию, приобрели там статую Будды и священные книги, которые и перевезли на Белом коне в столицу *Ло-ян*, ныне город бывшей столицы в Хэнаньской провинции, известный под названием *Кхай-фын-фу*. Таким образом, вместо христианства, в Китае появился буддизм. Гук, из сочинения которого¹⁷² мы заимствуем приведенный рассказ, отчасти подтверждаемый в VIII диалоге у Риччи, делает остроумное замечание, что «посланные китайского императора могли принести желаемые священные книги из Индии или Палестины, добыв оные у евреев, в значительном числе тогда рассеянных по Востоку; но, будучи увлечены буддийскими монахами и обольщены ими, как бы поневоле приняли учение для них новое и показавшееся истинным». Из другого рассказа, помещенного также наряду с приведенным, у Гука, на основании священной индийской у браманов легенды об ожидаемом святом, которого идеальные и чудесные свойства гармонировали с настроением и самих китайцев, находим черты ожидаемого евреями Мессии.

в) В помянутой поэме, после эпизодического описания личных приключений и несчастий, в желтый век Кали-юга, которым подвергся юный мудрец, сообщается речь этого человека к могучему и сильному царю Индии Дарма-Райя... Вот она: «в городе Сампчала родился Браммин, его называли *Вишну-Иезу* (*Vichnou-Yesoa*), он отличался необыкновенными познаниями и глубоко изучил Божественное писание, на что употребил так мало времени, как может быть произнесено одно слово. Поэтому-то ему и дали проименование *Сарва-Будда*, т. е. человек, в совершенстве обладающий познанием всех вещей. В разговорах с разными лицами из своей касты (браминами), он поучал, что рожден чудесно, пришел очистить землю от греха, водворить в ней справедливость и истину, что по принесении некогда жертвы Коня, он подчинит всю вселенную Будде; между тем, по достижении старости, сам он удалится в пустыню для совершения там покаяния. И вот какого рода порядок будет водворен этим Вишну-Сарма на земле: «среди браминов утвердит он добродетель и истину; удержит четыре касты в границах законов; тогда возродится первый век... Этот же высший царь будет приносить жертву, общую со всеми людьми, и которой не лишены будут сами пустынные». «Брамины, укрепившись в добре, будут исключительно заниматься устройством и совершением разных церемоний; они будут отличаться среди прочих людей покаянием и прочими добродетелями, происходящими вследствие совершенного познания истины и будут поэтому повсюду распространять ясное разумение и знание Священного Писания. Времена года будут обычно следовать друг за другом, дожди станут своевременно орошать поля и селения; жатва будет постоянно изобильная, мед и млеко будут течь по жилам того, кто захочет вкушать оные; земля, достигнув первобытного девственного состояния, будет полна благополучия, и все народы будут вкушать неиссякаемое блаженство». В дополнение к изложенным сказаниям о происхождении чудного святого и мудрого, не можем не присоединить и некоторых астрономических фикций, и обрядов, имеющих связь и смысл с ними. Так, китайцы уже с древнейших времен имеют понятие о «*Приснодеве, рождающей Младенца*», «*который, однако ж, не разрывает ложа своей Матери*». Этот Младенец есть *царь-солнце*, сама же *Дева* – созвездие на астрономич. сфере, и где этому понятию дается преобладающее значение и роль. Время появления «*Девы*» – созвездия, на сфере китайской, совпадает с XI часом «*Цзы*» (сын, младенец, дитя), в половине декабря, т. е. во время зимнего солнцестояния, когда у людей совершаются браки и когда женщины и девицы преимущественно занимаются рукоделиями и уходом за детьми. Вот самые наименования звезд, и даже некоторых групп.

Признаки, указывающие на занятия женщин: «*ткущая дева*», «*ткацкий станок*», «*корзина с ушками, для пряжи*» «*конопля*» и «*конкубина – служанка прядущая*», «*перлы*» «*Страж царских дочерей*» или «*пояса перлов*», «*Дева царских дочерей*», «*Ложе девы*», «*спальня царских конкубин*», т. е. время совершения и заключения брачных союзов, «*кормилица императорского сына, которого она держит на коленях и кормит грудью*» или просто называется «*Небесной кормилицей*» также «*Млекопитательницей*»; у монголов она называется, «*Матерью новорожденного*» и тою которая рождает мудрого младенца. Китайские мальчики и школьники, желающие получить мудрость, ночью, в период зимнего солнцестояния собираются в кучки,

выходят на улицу, или в поле, с пением и игрою на флейте или свирели, дружно поклоняются с жертвенными свечами (Сян) и молятся к «южной звездочке Девы» или «звезде плеч девы матери»; причем просят, чтобы она сделала их также умными и хорошими людьми, как ею рождаемая «звездочка мудрого младенца». Из представленных образов чисто национальных, нельзя не соблазниться мыслью, что под ними можно разуместь таинственные указания или намеки на великую тайну вочеловечения Иисуса Христа от Пр. Девы Марии. Действительно, существуют ученые (напр. Дюпюи), имеющие своих поклонников, которые в рассматриваемом и кажущемся совпадении на астрономических сферах поэтических образов, довольно думают составлять непозволительные для христианства комбинации. Они смешивают с фактами чисто историческими – вымыслы, ничего не имеющие основательного и общего с тем, что на самом деле. А потому и мы должны крайне осторожно относиться к разным восточным фикциям и сказаниям в этом роде, или, подобно выше – приведенным о происхождении мудрого святого. Однако же, игнорировать теми и другими не можем и сообщаем то, о чем говорят лучшие мыслители и писатели древности или новейшие г.г. ученые.

Примиряющим крайности вымыслов действительно историческим верованием может служить идея еврейского народа о Мессии, сохранившая глубокий смысл среди китайских евреев, более здраво относившихся, под влиянием китайского просвещения, к ожидаемому Царю мира: Мессию они разумели как реставратора, восстановителя и обновителя мира – Таебаһ; он не будет завоевателем, но великим учителем, пророком – подобным Моисею. Его Миссия не в пролитии крови, но в примирении и спасении народов, не в войне и вражде, но в распространении и утверждении царства и мира. Он реставрирует закон во всей чистоте, будет проповедовать в мире, и научит исполнять закон к общему удовольствию. Фактически – Он великий реформатор и чрезвычайный посланник Иеговы, имеющий все качества для совершения сего великого и славного дела. Исполнилось ли это чаяние для евреев китайских, и успели ли они примириться с совершившимся фактом? Увы, они остались при одном ожидании, сообщив свою веру язычникам, часть которых, с проповедью Евангелия от христианских миссионеров, делается христианами. Тогда как сами евреи, увлекаемые силою китайской культуры, в общественном и государственном строе сохраняющем особенности патриархальной и, феократической, и философской жизни, – находят некоторое оправдание Мессианских идеалов о мирном законодателе и учителе. Сами евреи вовсе исчезают в XVIII стол. в Китае, хотя пришли до Рождества Христова. Из смешения идей мессианских с языческими, в Китае играют роль свои туземные пророки и учителя-мудрецы, из коих особенно посчастливилось, после Конфу-цзы, – Лао-цзы. Изображаем далее идеал совершенного святого по китайским философским понятиям, содержащимся в известных классических книгах Китая, а равно в разных правилах и наставлениях житейской мудрости.

VII. *Нравственный идеал совершенного, мудрого, и святого человека. О качествах сего ожидаемого человека Ле-цзы говорит: «Он знает все, проникает всюду». Чжуан-цзы: «Такой святой содержит в себе небо и землю; в нем сосредоточивается мир благодетей хотя никто не знает откуда Он». Эпитеты, даваемые китайцами святому идеальному их человеку доказывают лучше всего, что человеческая идеальная природа доводится ими до полного равенства с Богом и отождествления с ним. Так, святой человек есть: *шэнь-жэнь* – дух-человек, Богочеловек; *Тянь-жень* – небесный человек, небожитель, ангел; «*чэнь-жень*» – совершеннейший святой, – небесная полнота; *цижень* – необыкновенный, чудесный человек, мудрейший. «*Тань-жень*, говорит Чжуан-цзы, – по виду человек, но на самом деле – Небо (Бог)». «*Чень-жень*, говорит Куэй-коу-цзы, – есть тот, кто одно и то же с небом. "*Ци-жень*, говорит Чжуанцзы – отделяется от прочих людей, он всегда владеет сознанием собственного достоинства, имеет степень равную с небом. Вообще, о таком человеке говорится, что он скудоумен, даже безумен, простец пред очами Неба, но считается мудрецом среди людей, в их мнении. Тогда как почитаемый мудрецом у людей, – безумец перед Небом. Комментарием объясняются эти слова так; «называющийся *ци-жень* во многом разнится от прочих людей, и ни в чем с самим Небом. Рассматривая его по человечески, видим, что он шествует по стези добродетели одиноко, ибо не имеет себе равного; почитаемый Небу подобным, он и ходить всегда с Небом. Все почитаемые в мнении людей, мудрецами, в настоящем мире и суть именно мудрые люди, за то пред Небом – они безумные или неблагоприятные; один *ци-жень* из всего мира выделяющийся нравственною высотой есть истинный мудрец пред очами Неба». Нет надобности, перечислять и объяснять другие подобные названия и определения святого и мудрого человека, при анализе которых невольно*

приближаемся к единой для нас святейшей личности Иисуса Христа Богочеловека. Особенно связаны с этими именами сказания о рождении от Девы, сходные и Библейскими. «Человек святой и духовный (Spirituel), говорит *Choue-wen*, называется «сыном Неба» потому что он зачался во утробе Матери силою и действием Неба»; «Святой не имеет отца», говорит также *Гун-ян-цзы*; *Комментарий*, объясняя слова *Шу-цзина* так прямо выражается: «наставления святого суть наставления самого Господа; Небо есть святой, не имеющий голоса»; «Святой же есть само Небо, говорящее языком человеческим». Вообще, для конфуциан, святейшим, совершенным и мудрым человеком является Конфуцзы, у буддистов Будда, у даосов – Лаоцзы, равным с ними и Небом почитается у китайцев государь-император, хотя именуемый смиренно – «Сыном Неба». «Святой не может родиться, когда существует одно начало – Инь (Yin); но когда соединяются три начала в одно, тогда приходит в мир и святой (?). Поэтому то он может быть назван и «сыном Неба» и «сыном человеческим» – великим поскольку имеет и имя великое, и самым малым (*petit*), по мере имени, выражающего уничиженное и смиренное состояние». Святой должен умереть для мира. Об этом *Чжуан-цзы* говорит так: «человек обыкновенный и низший могут умирать ради ближнего (напр. сын умирает смертною казнью за преступника-отца), философ же умирает для славы, человек знатный – жертвует собою для спасения и сохранения своего семейства, святой же человек – умирает для спасения всего мира».

«Посредством своих страданий, говорит *Леу-чи-лю*, святой распространяет небо и землю; своими заслугами он обогащает народы. Необходимо, чтобы святой добровольно принес себя в жертву для победы над злом и искоренения греха среди мира». Освобождение от греха сего должно совершиться на древе крестном. «Зло угасает или само себя истребляет, говорится в пятой черте на иероглиф *Pi*; великий же человек достоин блаженства. Но увы! он умер. Увы! он мертв! Он повешен на древе!» В силу такого очищения от греха, народы получают святость: «Все существа, говорит *Ли-ци*, получают свое бытие с Неба, и все народы приемлют от святого человека его святость». «Святой, говорится в *Сяо-цзин*, может один приносить Господу жертву ему благородную». Святой человек уготовляет торжественно пир, желая принести жертву Всевышнему «*Шан-ди*» и напитать при этом небесною пищею святых и мудрецов. На сем пиру святой поит водой и насыщает хлебом, доставляет всем желанный покой и радость. Гости приходят и уходят не спеша, оказывают должную честь и сами чествуются; они наслаждаются вечным блаженством, хотя сами, силою своих заслуг и не имеют такой славы (как святой), и несмотря на то, что не сознают за собою никакого греха». «Блаженство, получаемое на таком пиршестве, говорит *Леу-ци-лю*, тождественно с тем, какое ощущается при прохождении святого чрез бурно шумящий поток, что один святой может пройти безопасно там, где для другого неминуемая гибель!»

Прочие идеалы личности человеческой в разных положениях земного бытия, семейно-общественного и государственного изображаются с соответствующим кругом обязанностей и правил в разных классических книгах китайцев, из коих приводим лучшие и краткие, а равно и разные мелкие изречения. признанные образцовыми, нами переведенные на русский язык.

II. Разные мелкие наставления, правила и советы, классические изречения философов Китая

А.) Гомилетическое собрание изречений, употребляемых у китайских миссионеров-проповедников, составленное ими из разных китайских классических авторов

1) При прогулке с двумя спутниками, могу всегда почитать их за своих близких учителей. (Конфуц. аналекты). 2) Кто размышляет утром о справедливом пути (добродетели), тот может умереть спокойно и без сожаления вечером. (Конф. анал.). 3) Повиновение небу спасительно, а непокорство ему – гибельно. (Шу-цзин). 4) Смерть и жизнь могут быть определены (людьми), но богатства и почести зависят от неба. (Конф. анал.). 5) Несчастье и счастье в большинстве случаев зависят от усмотрения самого человека. (Мэнцзы). 6) Кто не зазорен пред очами Неба, тот может быть уверен не посрамиться и перед людьми. (Мэнцзы). 7) Несутся быстрой чередой месяцы и дни, а за ними не медлят и годы. (Конф. анал.). 8) При встрече с противным подумай о справедливости. (Конф. анал.). 9) Когда с небеси проистекают беспорядочные явления, никто остережся от них не может; но если сами мы служим причиной оных, тогда и жизнь не может быть продолжительною. (Шу-цзин). 10) Если я буду не похож на себя самого, то незачем подражать другим. (Конф. анал.). 11) Когда не имеешь образа, зависящего от тебя самого, не думай подавать его другим. (Конф. анал.). 12) Думающий о стяжании добрых качеств, может искать таковых и у чужого народа; не желающий этих качеств, далек от мысли обращаться за ними далеко (Кн. Да-сюэ). 13) Искренний человек внутри не может не проявляться таким же и во внешних поступках. (Кн. Чжун-юн). 14) Наблюдая за действиями, обращай внимание и на мотивы. (Конф. анал.). 15) У четырех коней – свой язык всегда, на коем они говорят свободно и хорошо понимают друг друга. (Конф. анал.). 16) Погрешность на белокаменной рукояти посоха не мешает идти и далее дорогой, но где речь замечается без связи и искусства, там далеко не уйдешь. (Шу-цзин). 17) Как на тверди небесной нет двух солнц, так у одного народа не может быть двух царей. (Мэн-цзы). 18) Совершив половину пути (дела), можешь смело продолжать оный дальше. (Кн. Чжун-юн). 19) Лучшее питание сердца заключается в удержании пожеланий оного до самого малого. (Мэн-цзы). 20) Делай дальше, но с передышкой. (Мэнцзы). 21) Мудрость заключается в удалении от излишеств, добродетель – беззаботна; отважный и смелый далек от боязни и страха. (Конф. анал.). 22) Познать истину легче, нежели исполнять оную на деле. (Шу-цзин). 23) Не может идти дело вперед, когда берется за него неспособный человек. (Мэн-цзы). 24) Знающий правду и поступающий по ней, не всегда имеет довольно мужества. (Конф. анал.). 26) Прогресс человека высокого заметен вверху, – человека же среднего видим внизу. (Конф. анал.). 27) Человек высокий успевает в трех предметах: он стоит со страхом пред велениями Неба и внимает оным, непоколебим пред человеком великим, – не падает при речениях мудрецов. (Конф. анал.). 28) Что зависит и происходит от вас, то и возвращается к вам же. (Мэн-цзы). 29) В образовании мира замечается великий путь. (Кн. Да-сюэ). 30) Дорогая утварь не может обойтись без полированного камня. (Мэн-цзы). 31) Винават отец, когда его дитя не будет воспитано и обучено как следует. (Кн. Сань-цзы-цзин). 32) Человеку необразованному чужды понятия и правила о собственности. (Кн. Сань-цзы-цзин). 33) Птица любит темные дубравы и всегда ищет убежища на многолиственных и высоких деревьях. (Мэн-цзы). 34) Когда кто-нибудь говорил Цзу-лу о его недостатках, – он радовался. (Мэн-цзы). 35) Когда Ю выслушивал от других похвальные слова и вообще лестные отзывы, то обнаруживал к говорящему почтение. (Мэн-цзы). 36) Ю выражал неудовольствие к комплиментам, за чашею вина, зато любил панегирики или вообще доброе слово. (Мэн-цзы). 37) Кто понимает веления неба, тот всегда остережется стремнины и пропасти. (Мэн-цзы). 38) Кто хочет верить всему, тому лучше совсем избрать книго-истории. (Мэн-цзы). 39) Человек любезный в обращении подобен зимнему солнцу, наоборот – боязливый и недоверчивый подобен летнему солнцу. (Ch'un ch'in). 40) Народ имеющий достаточные средства к жизни обладает и постоянным сердцем. (Мэн-цзы). 41) Не может быть начальника там, где не хотят повиноваться каким бы то ни было законам и правилам. (Мэн-цзы). 42) Кто смел в предприятии и поспешен, тот может иметь несомненный успех. (Мэн-цзы). 43) Голодный нуждается в пище, а святому потребно более питье. (Мэн-цзы). 44) Кто поспешен в деле, тот не терпит отлагательства до будущего времени. (Конф. анал.). 45) Прекрасно все, имеющее известную цену. (Да-сюэ). 46) Когда добродетель и мудрость теряет свой кредит, тщетно ожидание успеха в каком бы ни было добром деле. (Мэн-цзы). 47) Без правил

собственности и различия справедливого от несправедливого, высокого и низкого, все может приходиться в смешение. (Мэн-цзы). 48) Прежде рассуди о затруднении и затем подумай об успехе. (Конф. анал.). 49) Когда народ или семейство достигают счастливого состояния, тогда возможны и добрые предзнаменования на будущее; наоборот, – при разорении и гибели, нечего думать о счастливых гаданиях. (Кн. Чжун-юн). 50) Кто не имеет должности, тот не может рассчитывать и на успех, в делах общественных – официальных. (Конф. анал.). 51) При взгляде на кого-либо является желание познакомиться поближе, т. е. познать душу незнакомца. (Кн. Чжун-юн). 52) Приятный и трогательный взор женщины помогает к смягчению и ослаблению чувства похотения, также как излишнее скопление сокровищ возбуждает других к воровству и грабёжам. (Чу-фу-цзы). 53) Личная добродетель подобна богато украшенному жилищу. (Да-сюэ). 54) Приятно часто вспоминать старое знание и обогащаться новыми идеями. (Конф. анал.). 55) Кто является противником собственности, относится к ней невнимательно и даже презрительно, с тем не следует и говорить о ней, – лучше оставлять вопросы без движения далее. (Конф. анал.). 56) Благотворительный человек любит на деле и других, также как благоразумный понимает их. (Конф. анал.). 57) Все братья, кто заключен внутри четырех морей (т. е. страны Китая), иначе – все китайцы равны и близкие родные. (Конф. анал.). 58) Добрый начальник старается помогать неимущему (подчиненному), хотя и не может помочь увеличению благ богатого человека. (Конф. анал.). 59) Учить других легко и не надоедает. (Конф. анал.). 60) Слишком прилежное изучение чудовищных – странных учений несомненно есть дело несправедливое. (Конф. анал.). 61) Добрый начальник не ропщет на небо, хотя и может чувствовать неудовольствие к людям (его обижающим). (Кн. Чжун-юн). 62) Стезя обязанности не может быть оставляема нами ни на одну минуту. (Кн. Да-сюэ). 63) Путь обязанностей наших имеет вначале небесное предначертание. (Ди-Сюэ). 64) Любовь к образованию доставляет приближение к мудрости. (Ди-Сюэ). 65) Стремление к знанию ненасытно (т. е. беспредельно). (Конф. анал.). 66) Ревность, прилежание к делу, увеличивает заслугу, тогда как рассеянность, пустые разговоры и занятия, – бесполезны. (Кн. Сань-цзы-цзин). 67) Отсутствие терпения в малых предметах спутывает в осуществлении великих предначертаний. (Конф. анал.). 68) Будь осмотрителен в том, что получить ты желаешь, ибо небрежность может вести к потере. (Мэн-цзы). 69) Не пренебрегай никогда добродетелью как немаловажною, или недостижимою; точно также – убегай всякого порока и не совершай греха. (Чу-фу-цзы). 70) Начальнику свойственно руководиться изысканием истины, и быть далеким от легкого барыша или материального расчета. (Конф. анал.). 71) Ревностный и внимательный начальник дорожит всегда истиной и ей следует, тогда как беспечный бывает беден ею и она далеко уходит от него. (Конф. анал.). 72) Только приносящий Небу жертву имеет право и возношения молитвы к нему. (Конф. анал.). 73) Имеющий недостатки должен заботиться об их исправлении. (Конф. анал.). 74) Познав свои погрешности, заботьтесь быть более точными в исполнении лежащих на вас обязанностей. (Конф. анал.). 75) Иметь недостатки и не исправлять оные, значит навлекать на себя более новые и тяжкие. (Конф. анал.). 76) Избрав что-либо хорошее для себя, старайся как можно крепче держаться оно. (Кн. Чжун-юн). 77) Замечая доброе в других и следуя ему, избегай всего злого. (Конф. анал.). 78) Подумай трижды и сделай однажды. (Конф. анал.). 79) Всякий раз заботься быть осторожным и разборчивым в выборе слов и их произношении. (Конф. анал.). 80) Для человека не любящего разглагольствовать, достаточно изложения самого существенного или даже действия на сердце. (Конф. анал.). 81) Говори в свое время о том, что нужно, дабы всякий мог положиться на слова твоя. (Конф. анал.). 82) Человек, не прилагающий старания познавать отдаленное, конечно прилагает к сердцу все, что под его рукою. (Конф. анал.). 83) Слишком требовательный к себе самому и мало взыскательный к другим, охраняет себя.

Б) Рассуждение князя Гуан-фу-цзы, в тридцати правилах, о бдительности потребной для мира т. е. в жизни людей¹⁷³

1) Почитай небо и землю, соблюдай обряды религиозные, чествуй предков совершением особенного им служения, исполняй все обязанности в отношении к родителям и своему роду. 2) Сохраняй и исполняй царственные законы, уважай своих учителей и начальников, люби братьев, обходись любезно с друзьями. 3) Живи в согласии со своими домочадцами, будь приятным для ближних соседей где живешь постоянно; мужу и жене свойственно заниматься своими делами, и вместе – поучать собственных детей и внуков. 4) Старайся делать то, что потребно и для других; как можно более собирай тайну доверия в соединении с благотворительностью; выручай другого в беде; помогай терплющим стесненное положение, будь отечески жалостлив и сострадателен к

бедному, 5) Строй и обновляй храмы; печатай и составляй книги нравственные и религиозные. Снабжай медикаментами, приготавливай чай, умеи выбирать одних животных для заклания, а других оставляй для жизни. 6) Сооружай мосты, починивай старые дороги и пролагай новые пути; будь жалостлив к вдовам, имеющим недостатки в средствах необходимых для жизни; дорожи хлебным зерном, употребляй при изобилии и скудости; старайся выводить народ из затруднения, умиротворяй других и прекращай между ними ссоры. 7) Распределяй свою собственность сообразуясь с добрыми целями и для доброго дела; наставляй и учи людей; умиротворяй враждующих; имей меру и весы без обмана и фальши. 8) Будь близок к людям добродетельным, держись дальше от людей низких – распущенных, подлых. Умалчивай о грехах других и разглашай только их добрые дела; делай сам все полезное для тварей и спасай простой народ. 9) Обращай свой ум на справедливые начала; исправляй заблуждения и сам обновляйся. Исполнишься человеколюбия и сыновней кротости; воздерживайся учить других тому, что дурно. 10) Каждая добродетель должна быть сердечно усвоена и со всею верою, исполняться затем на деле с почтением; быть везде и все видеть – невозможно человеку, но боги всегда все знают и все слышат, всему внимлют. 11) Всякому хочется, чтобы счастье постоянно увеличивалось и жизнь продолжалась как можно долее, чтобы рождались и возрастали сыновья и внуки. Способность к суждению может постепенно ослабеть и исчезнуть, также как и болезнь, бедствия – прекратиться. Человек и животные любят насладиться спокойствием; счастливые звезды не перестанут оказывать свое благотворное влияние, (пока они сияют на небе). 12) Когда человек не подорожит своим сердцем – будет порочным, не станет совершать требуемой добродетели в жизни, тогда воцарится развращенность между вдовами и дочерьми, на которых дотом будет жениться сам народ. 13) Разрушение доброй репутации человека, зависть к национальным талантам, покушения на народную собственность, все это возбуждает общее волнение, ссоры, недовольство. (Сюда-же относятся и прочие неблагородные действия человека, каковы): 14) оскорбление ближнего для собственного благополучия, излишнее накопление богатства и довольства в своем доме у себя самого, желание иметь небо и осквернять землю, жаловаться всегда то на дождь или пасмурную погоду, то на жаркое печение солнца; 15) – клевета на мудрецов и унижение героев, разрушение идолов и оскорбление богов, убиение и мучение коров и собак, пачканье и бросание бумаги содержащей мудрые изречения, и наставления; 16) – предвосхищение власти (законной) и оскорбление праведника, упование на богатого с угнетением бедного и нищего, вырывание костей и мяса (колотого животного) и бросание братьям при ссоре; 17) – неверие в принципы справедливости, блудодеяние, разбои, развращенность и срамной образ действий, чрезмерное честолюбие и полное нарушение приличия, отсутствие экономии и прилежания; 18) – разорение зерна, годного и приготовленного для хлеба, неблагодарность за полученные благодеяния, самообольщение, употребление слишком большой (фальшивой) меры и малых скал (в весе); 19) – принятие и распространение лживых и неправославных сект, отнятие и лишение самого простого и необходимого, претензии на собеседования с небом и восхищение от него, собиранье собственности для скорого истребления мотовством; 20) – лживый блеск пред людьми и помрачение посредством обманов, цветистый разговор и излишнее остроумие, бесполезное праздношатание по улицам среди белого дня или разъезды на коне, соучастие в заговоре и нападении на других; 21) – небрежение к небесным наставлениям, неповиновение собственному сердцу (совести), совершение грехов и преступлений с порочными людьми, и неверие в возмездие при будущей жизни; 22) за совершение всякого рода порока и удаление от упражнения в добродетели, человек должен отвечать пред правительством, он подлежит огню, воде как разбойник; 23) жребием его да будет отчаянный яд, чума и язвы, от него должны рождаться распутные и безумные дети, сам он да будет убит и семейство разрушено, сыновья его – разбойники, дочери – непотребные девки; 24) сперва сам он да подвергнется должной каре закона, затем еще более, – его дети и внуки; боги все видят и внимлют, не оставляя без призора самое малое в мире, не позволяя уклонения в сторону ни на волос; 25) добродетель и порок суть два пути, отделяющих бедность и благополучие; совершение добра приводит к блаженству, в награду за неё, преуспевающие же во зле падают в бедствия; 26) я написал и составил свое рассуждение для того чтобы люди благоразумные получив его, позаботились об осуществлении на деле; язык легкий и близко выражающий мысль, полезен будет, в изречениях для души и тела; 27) для тех, кому покажутся смешными или скучными мои наставления, пусть позаботятся о их сокращении и рассечении на мелкие куски, а кто полюбит оные и будет придерживаться, уверен, что при прочтении все дурное

отбросив, за прочее меня поблагодарит; 28) любящему детей я пожелаю иметь мальчиков, а любящим долголетие желаю многих лет; стремящиеся к богатству, почестям, славе, да получат все это с избытком; 29) кто усерден в молитве, да получит все по желанию сердца, подобно призраку да рассеются 10.000 неприятностей от него, и благословение да почитет над ним как стада (овец); 30) слова мои не плод самоугождения, но составлены для пособия, руководства в достижении добродетели, все люди с почтением могут быть исполнителями оных. Нет в них не рачения, и тем более тьмы (ибо они невычурны).

В. *Десять наставлений мудреца Лю-кхун-чжу*, быв. министра императора Чжи-цзуна (1086–1700 г.) в двадцати иероглифах; предметы содержания: 1) Бойся неба (Бога). 2) Люби народ. 3) Трудись над собственным усовершенствованием. 4) Занимайся прилежно науками, учись постоянно. 5) Назначай и возвышай мудрецов на государственные и общественные должности. 6) Выслушивай мнения и советы этими лицами подаваемые. 7) Не обременяй народа податями и налогами, по возможности уменьшай оные и облегчай благоразумно бремя подданных. 8) Будь умерен и мягкосердечен в произнесении смертных приговоров и назначении других наказаний. 9) Избегай и остерегайся мотовства и безумной роскоши. 10) Беги от всякого разврата и бесчинства.

Г. Соответственно означенному десятисловию, существуют еще следующие: "*Ши-цзя*" десять правил семейной ифики; 1) составляй правила в семейном быту. 2) Поддерживай взаимные отношения членов семьи сообразно с оными. 3) Имей сынопочтительность, – 4) Братскую любовь. 5) Муж и жена должны иметь специальные занятия. 6) Поучай детей и внуков. 7) Умей выбирать друзей. 8) Люби родителей и почитай их как следует. 9) Будь беспристрастен. 10) Прилежи к своему дому и в хозяйстве соблюдай экономию.

Д. *Пятьдесят два правила нравственности китайцев*

1) Не оскорбляй неба – Тянь бу-кэ ци. 2) Не проклинай землю – Ди бу-кэ. 3) Не обманывай Государя – цзюнь хоу бу-кэ ни. 4) Не сопротивляйся своим родителям – Цинь бу-кэ ни. 5) Не обижай своего учителя леностью, небрежностью – Ши бу-кэ мань. 6) Не утаивай ничего от богов – Шэн бу-кэ мань. 7) Не будь преступником против правительства – Гуань бу-кэ фань. 8) Не унижай старшего брата – Сюнь бу-кэ у (ву), не шути попусту с младшим братом – Ди бу-кэ сюй. 9) Не бей дубиной (не дерись) жену свою – Ци бу-кэ оу. 10) Не заглядывайся на наложниц – Це бу-кэ та. Не нужно много (иметь) konkubin – Це бу-кэ чжун. 11) Не потворствуй своему сыну, детям – Цзы бу-кэ цзун. 12) Не позволяй быть слабым в обращении с дочерьми – Нюй бу-кэ цзун. 13) Не делай себе друзей без разбора; не носись по волнам с веселыми друзьями – Ю бу-кэ фань (носиться по волнам). 14) Не наноси вреда ближнему своему – Линь бу-кэ шан. 15) Не удаляйся слишком далеко от своего рода – Цзу бу-кэ шу. 16) Не будь беспечен в отношении к телу, нерадив, ленив – Шэнь бу-кэ до. 17) Не будь бестолковым в разумении – Синь бу-кэ мэй (мрачный, неясный, глупый). 18) Не говори попусту, безрассудно – Янь бу-кэ ван. 19) Не будь с недостатками в добром поведении – Синь бу-кэ дуань. 20) Не бросай с небрежением на пол дорогих книг – Шу бу-кэ бао. 21) Не будь небрежным и пошлым в соблюдении приличия, не ходи без правил приличия – Ли бу-кэ цюй. 22) Не позабывай благосклонности, милости – Энь (милость) бу-кэ ван. 23) Не сопротивляйся тому, что справедливо, или справедливости не должно нарушать – И бу-кэ бэй (нарушать). 24) Не нарушай обязательства, ни обета. 25) Не полагайся слишком на свое влияние. 26) Не хвастай своими пожитками. 27) Не тщеславься своим официальным положением. 28) Не ропщи на свою бедность. 29) Не ругайся и не обижай того, кто незнатен. 30) Не будь непочтителен и весьма прост в обращении с лицами учеными. 31) Не клеветничай, не поноси буддийских жрецов. 32) Не бесславь даосских жрецов. 33) Не слишком полагайся в делах своих. 34) Не слишком планируй на чужие владения. 35) Не нарушай своих долгов (долговых обязательств). 36) Не рассчитывай на успех, совершением прелюбодеяния. 37) Не будь вором. 38) Не употребляй обмана. 39) Не будь лицемерен. 40) Не пьянствуй. 41) Не доводи до излишества своих страстей. 42) Не составляй правил и законов слишком насильственных и суровых. 43) Не будь неистов в припадке гнева. 44) Не будь слишком смешным и необыкновенным в ношении одежды. 45) Не расходуй много на свое пропитание. 46) Не будь расточителен в устройении пышных пиров. 47) Не вчиняй тяжёбных дел. 48) Не играй в деньги (не проигрывай своего состояния). 49) Не вреди людям. 50) Не меряйся с людьми, будь справедлив. 51) Не ходи (не обращайся) с людьми непотребными. 52) Не ходи (не обращайся) с людьми непотребными.

Е. "*Цзы-бао*" драгоценные иероглифы или изречения (отрывок):

1) Два желания, *эrr-юань*: Два. Небу свойственно вечно желать произведения добродетельных людей; самим же людям постоянно стремиться к усовершенствованию себя в добрых делах. 2) Два соображения, *эrr-вэй*: воздержанием только может быть достигнуто бескорыстие и честность, и взаимностью чувства – совершенная добродетель. 3) Два лучших, *эrr-цянь*: в выгодных сделках сокращение лучше расширения; также лучше меньше слов, нежели множество. 4) Два таланта, дарования, способности, *эrr-нын*: во время веселого расположения духа будь искусен сохранить свои дела в руке своей, также и воздержаться от лишних слов. 5) Два отрицания, два нет, *эrr-ву*: при совершенной бодрости духа и храбрости, не бывает позора; кто имеет почтенный ум, тот никогда не оставляет справедливости. 6) Дважды много, *эrr-дуо*: кто безумно суетится, тот много производит разрушительного беспорядка; не менее гибелен и совершенный недостаток энергии. 7) Дважды немного, мало, *эrr-сяо*: не уделяя внимания на маловажные поступки и дела, сами себя вводите в заблуждение; мало следя за поспешным разговором других, можете впасть в погрешность. 8) Дважды сквозь, *эrr-цюн*: сквозь уста выходит тошнота, сквозь уста же раздается сварливость. 9) Дважды должно (что сделать и не делать), *эrr-дэн*: совершая добродетель ты должен стоять высоко; при сношении с людьми ты не должен держать себя надменно или горделиво. 10) Два неизменных наблюдения, *эrr чан-кхань*: взирая беспрестанно на правильное совершенство других, больше нежели собственное, я прихожу в стыд, а потому ревностно и ежедневно стараюсь о преуспевании в добре. Также точно замечая постоянно увеличение счастья ближнего и сам стараюсь прилагать свои попечения о том же. 11) Два непременных упражнения, *эrr и-сио*: богатый и почтенный человек всеми силами должен стараться об усовершенствовании себя в добродетели, а человек искусный должен быть честным. 12) Две выгоды, *эrr бу-янь*: не взирай на дурное, – сохранишь в мире свое сердце; не поступай дурно, и твоему телу будет легко.¹⁷⁴

III. Хун-фань или – великий план, проект лучшего управления народом и метод достижения общего благоденствия. (V-я ч. кн. из Шу-цзин)¹⁷⁵

1) В 13-м году приходил однажды князь к графу Ци (Khi) для деловой беседы и начал её так: «Да, любезный граф, всегда творящее небо для нас непостижимое (Тянь-инь), устроило и все необходимое для спокойствия ему подвластного народа (ся-мин), сообразно с его положением мирным и тихим. И я право доселе еще не узнал (бу-чжи) лучших неизменяемых начал и законов, предназначаемых и распределяемых Небом (И лунь-ю-суй), чтобы все шло и далее в добром порядке». Ци также серьезно отвечал в своей речи: «некогда слышал и я рассуждение Гуна о средствах задержания плотинами воды для избежания её разливов (инь-хун-шуэй), от напора коих нарушалось правильное расположение и соотношение пяти стихии и (ву син). Сказывают, сам Царь небесный (Ди) сильно прогневался на людей за то, что они нарушают девять делений или – неизменных пределов (цзю-чэу) его великого плана домостроительства (хун-фань) и самых вечных законов (лунь) в нем начертанных. По смерти Гуна, наследником был Юй, и, как неизменные начала мирового порядка нарушились и утратились (ии), то небо же (по своему милосердию) и даровало снова (людям) первоначальный великий – *Хун-фань* (для руководства в жизни).

2) Девять неизменных делений, граней «Хун-фань», по которым все изменяющееся в мире снова восстанавливается в прежнем порядке и гармонии, суть следующие:

1) пять элементов или движущих все сил стихий (ву син); 2) благоразумное пользование человеком пятью предметами его лично составляющими, т. е. органами чувств (цзин-юн ву-ши); 3) ревностное внимание к восьми правителям (па-чжан), заботящимся о простом народе (нун-юн); 4) согласное пользование пятью разделителями времени (се-юн-ву-цзи); 5) устройство и укрепление себя в царственном совершенстве (цзянь юн хуан-цзи), благоустройство и направление трех сил, добродетелей (ии юн сань-дэ); 7) разумное употребление закономерной середины (чжун) при рассмотрении сомнений (мин юн-цзи); 8) умное и осторожное употребление разнообразной проверки доказательств, (нянь юн шу чжэн); 9) поучительное употребление пяти источников блаженства и благоговейное стремление к получению шести знаков почтения (сян юн ву фу, вэй юн му-цзи).

3) *Ву-син* – пять элементов суть: первый – вода, второй – огонь, третий – дерево, четвертый – металл, пятый – земля. Природа каждого из них или описание свойств: вода солена и текуча, огонь жжет и поднимается кверху, дерево имеет направление прямое и косвенное, металл (золото) желтоватое цветом и тверд, земля разлагается на частицы и просеивается как песок, на ней растет трава, которая косится или пожинаются хлебные злаки. Из морской воды, разлившейся по земле, добывается соль (сянь); порываясь кверху и расстилаясь по земле, огонь производит горькое (кху); растущее вкривь и прямо бывает кислым (суань) или острым на вкус; желтеющее от времени (цун) и делающееся крепким (гэ) производит едкое, щелочи, кислоту (синь), все, что сеется, есть *цзя* – семя, зерно, что косится, жнется есть *шэ*, трава, хлебный злак и производит на вкус приятное и сладкое – *гань*.

4) *Ву-ши* – пять органов чувств: первое есть вид, осанка, положение всего тела – *мао*, второе – речь, способ употребления и выражения слова – *янь*, третье – зрение – *цзи*, четвертое – слух – *тхин*, способность выслушивания, пятое – способность думать, размышлять, все обсуждать – *сы*. По телесному виду человек может быть возбуждающим почтение – *гун*, по речи, разговору он может быть *цун*, т. е. вежливым, уступчивым; зрение может быть чистым ясным – *мин*; посредством слуха, правильного восприятия впечатлений от него и зрения, понятия, *perceptio*, может составляться умозаключение – *цун*, рассудочная способность – *сы*, нераздельно соединена с *Жуей* – умом, *intelligence*. Почтительность обнаруживается в важности и степенности – *су*; согласие соединено с упорядочением всего – *и*; от ясности воззрения на предметы проистекает *чжи* – знание, мудрость; определительность и основательность достигается в обдуманности, составлении плана действий – *моу*; с разумом (*Жуэй*) неразлучна мудрость – *шэн*.

в) *Па чжан* – восемь регуляторов и предметов в управлении. Первый есть запасающий заблаговременно народное продовольствие – *ши*; второй есть собиратель имущества государственного, сборщик податей – *хо*; третий – жертвоприноситец – *шения*, *сы*; четвертый – министерство общественных работ – *сы кхун*; пятый – министерство народного просвещения –

сы тху; шестой – министерство судебное, уголовный судья – сы кхоу; седьмой – наблюдатель на пиршествах и приеме гостей, церемониймейстер – бинь; восьмой – армейский генерал – Ши.

г) Ву-цзи – пять разделителей времени: первый есть астроном, определяющий времена года – суй, или самый год как предмет разделяемый, в частности – планета Юпитер; второй есть юэ – месяц; третий – жи – солнце; четвертый – син-чэнь – звезды, планеты, зодиакального пространства, и заведующий определением оных астроном; пятый есть Лу-шу – астроном составляющий вычисления этих звезд и по ним располагающий народный календарь.

д) Хуан-цзи – царственное совершенство (или что тоже Чжун-юн, неизменная середина). Государь, как олицетворяющий в себе самом высочайшую степень образцового совершенства – цзи; сам для себя является и законодателем, поэтому он есть хуан-цзянь; в нем почивают и концентрируются – лян, все пять источников счастья или – ву-фу, пять благословений, коими он пользуется (юн), для всецедного распределения – фу-си, всему народу ему подвластному – цзюэ-шу-мин. В свою очередь народ, в былое время (вэй-ли) старался подражать твоему (жу) совершенству – (цзе), за что пользовался от государя свойственным покровительством – си-жу бао-цзи. Из всего вообще народа (фань цзюэ шу мин), не угодны государю незаконные сотоварищества – инь-пэн, коих он не любит – вую, а из среды состоящих на службе избегает людей своевольных и мятежных – жень-би-дэ; исключительно поэтому (вэй) государю (хуан) подобает на деле выполнение (цзю) высшей степени желаемых совершенств – цзи.

Из народной толпы одни достигают искусства сообразовать свои действия согласно с «великим планом», и стараются держаться как можно далее от всего дурного; так точно и ты, блюди все это в уме своем, иначе – невозможным будет достигнуть высшей степени совершенства; и когда не позволишь себе увлечений в дурную сторону, можешь рассчитывать на получение многого, как государь. И когда все по-видимому будет поставлено на свое место и в важном порядке, можешь сказать: «наша любовь остановилась на добродетели». Отсюда можешь почерпнуть и все необходимое для тебя благорасположение; такие люди, можно сказать, оказывающие прогресс в совершенстве идут путем государя. Поэтому, не дозволяется им угнетать друзей и детей, ни тем более держать себя слишком высоко – недоступно и отдельно от всех. Когда человек официальный приобретет имущество, навык, и административную силу, он еще более может прилежать и успевать в добром поведении; и благосостояние страны может увеличиться значительно от его доброго влияния. Также точно и все справедливые люди, компетентные, пользуются добрым направлением. Если бы вы пожелали узнать причину любви их к семействам, то пришлось бы обратиться к причине (guilty) преступления (crime). Как все виновные не любят добродетели, несмотря на всю вашу снисходительность к их ухищрениям, так и вас самих хотят соделать участниками в направлении к злу. Без уклонения, без неровности, преследуй царственную справедливость. Без самоугождения, следуй царственным путем. Без саморазнузданности, иди дорожкой государя. Избегай уклонения в сторону и пристрастия к чему-либо. Широк и длинен царский путь. Не уклоняйся, не угодничай, ровен легок этот путь. Не будь развращенным, не склоняй все по своему, ибо правилен и строг законами царственный путь. Всегда взирай со страхом на совершенное величество (государя-императора), постоянно следи за высочайшим совершенством (мудрого). Он спешит тебе сказать: «сие изъяснение царственного совершенства содержит в себе неизменное правило и есть навсегда великий урок; да, это урок ниспосылаемый, даруемый с Неба. Все массы народа, наученные в разумении совершенного величества, и стремящиеся к осуществлению оно на деле, более или менее могут приближаться к славе Сына Неба, и говорить, «Сын Неба есть отец народа, делается по милости Неба государем всех вещей под небесами».

е) В-шестых, – о трех добродетелях (сань-дэ): первая есть правильность и справедливость в направлении, вторая – коренное правило, закон, третья – умеренное правило, закон (rule). Во время спокойствия всегда должны преуспевать правильность и справедливость (justitia, disciplina morum); при насилии и беспорядочности в мире получает силу строгий закон (jus strictum); при гармонии и порядке имеет значение умеренное правило (aequitas, mild rule). Для сохранения и распространения сих добродетелей стимул должен получать свою силу в строгом правиле, законе (jus strictum); при высшем умственном и отличном направлении имеет силу ровное правило (mild rule). Государю императору только свойственно определять награды и наказания, обнаруживать гнев величества и, получать доходы для царствующего дома (в податях и повинностях с народа). От сих исключительных привилегий государя должны быть отличаемы от него исходящие и жалуемые министру права на раздачу наград и определение наказаний,

объявление гнева его величества, и сбор доходов. Предмет этот не всегда справедлив бывает в отношении к родам (clap, син), и роковой для мелких княжеств государства; ничтожные события иногда случающиеся при этом в одностороннем и обратном направлении становятся весьма опасными и народ впадает в крайности, позволяя себе многое ему несвойственное в предвосхищении власти.

ж) Седьмое— о способах рассмотрения сомнений (т. е. о гаданиях и чародействе, землевохвовании, преимущественно гадании на черепахе, по черточкам на её спине, а также по знакам книги и-цзина). Избранные и командированные для гадания на спине черепахи г.г. офицеры, со стеблями растения *Achillea*,¹⁷⁶ получают особенные инструкции об исполнении при сем своих обязанностей. При начале гадания, в вступлении к оному, обращается внимание на направление ветра и состояние атмосферы, влажность, свежесть, пасмурную погоду, недостаток соотношения или препятствия (crossing) изнутри и снаружи тех или других начертаний. Всех знамений при сем, коими руководятся гадающие – семь, именно: пять приходятся на раковину или щит черепахи, и два совершаются по былинкам означенной травы (ромашки); посредством указаний оных составляются в уме те или другие загадываемые комбинации, правдивые или ошибочные. Одни из офицеров прикомандировываются быть ассистентами в означенном гадании, а три человека интерпретируют самые знаки с тем или другим значением оных, при чем произносятся и известного рода соответствующие слова или формулы гадания, из коих для полного согласия с загадываемым предметом избираются два только слова, имеющие решающее значение. Когда сомневаетесь в каком-либо важном или интересном для себя предмете, старайтесь обратиться к своему уму, советуйтесь с министрами и высшими офицерами, не пренебрегайте и простого народа, гадайте наконец на черепахе и стебельках ромашки. Если сам ты, черепаха, былинки, министры, офицеры, весь честной люд соглашается с известным направлением мыслей, это будет называться великим согласием или – единомыслием, результат получится удовлетворительный для тебя лично и будет благознаменателен для твоего потомства. Если ты, черепаха, стебельки, министры, офицеры, народ, будете противного направления, – результат может быть счастливым. Если же народ, черепаха, стебельки обнаружат согласие на что-либо, а сам ты с министрами и офицерами будешь противного убеждения, – результат может быть счастливым. Если ты и черепаха будете согласны, а былинки ромашки, с министрами и офицерами и народ будут несогласны, внутренние (internal) действия могут быть счастливыми, а внешние – могут дать предприятию несчастный исход. Когда же черепаха и стебельки оба будут противоположными взглядам людей, то начало предприятия может более счастливо зато, окончание будет несчастное.

з) В восьмых – о разных способах проверки или подтверждении (verification): сюда относятся атмосферические перемены, (дождливо, ясно, тепло, холодно, ветрено, благовременность или благорастворенность воздуха и обилие плодов земных). Когда совпадут все пять признаков, – исполнится все, и каждый будет в своем порядке, кроме разнообразия растений, которые могут быть необычайно роскошными. Когда же одни из них будут обильны, а в других ощущаться крайний недостаток, – будет (загадываемое предприятие) дурно. К благоприятным условиям проверки относятся: сила тяжести, свойственная влажному состоянию воздуха; правильность в смене одного времени года другим под влиянием солнечной теплоты и света; мудрость в распределении знойного времени года; обдуманность в смене холодным временем; благоразумие в устройении и перемене ветров, в разные периоды года. К неблагоприятным способам проверки при гадании, относятся: непостоянство и беспечность, бывающие при влажном состоянии атмосферы; слишком большая самонадеянность и смелость, когда чувствуется постоянная теплота солнца; леность и нерадивость при непрерывном зное и жаре; поспешность и порывистость в действиях при постоянном холоде; тупоумие или крайняя бестактность в образе действий и поведении, при постоянном ветре.

На основании вышеизложенного приходится сказать утвердительно, что государь должен тщательно обращать внимание и следить за характером целого года; высшие министры и чины (гражданские и военные) должны следить за месяцем (его переменами); низшие чиновники (гражданские и военные служащие) особенно наблюдать д. за временами и переменами дня (суточными). Если, в продолжении всего текущего времени – год, месяцы, дни будут следовать правильно и производит все сообразное им в природе, то и все хлебные зерна и злаки будут достигать надлежащего развития и принесения обильного плода; правительственная мера тогда будет справедливая; герои будут отличаться благородством характера и доблестями; в

семействах народа воцарится мир и довольство. Если же весь год, месяцы, дни, четверти года будут совершаться неправильно, с перерывом, то нельзя надеяться на рост и созревание всех родов зерен; правительственная мера может сделаться неровною и фальшивою, геройские личности будут в неизвестности, а в семействах народа не будет надлежащего миролюбия и спокойствия. Наблюдения над звездами должны принадлежать народу и совершаться им же; некоторые звезды любят ветер, другие – дождь; особенно важны периодические течения, остановки, повороты солнца и месяца зимой и летом; за лунным течением следуют и звезды, производящие ветры и дожди.

и) *В девярых, о пяти источниках счастья:* 1) долголетие или продолжительная жизнь человека на земле; 2) богатство, 3) телесное здравие и духовная бодрость, свежесть умственных способностей; 4) любовь к добродетели; 5) исполнение своего назначения, сообразно с волею Неба. *Из шести* противоположных источников зла для человека, надлежит упомянуть: 1) несчастное сокращение жизни; 2) болезнь; 3) потеря умственных способностей или сумасшествие; 4) нищета и бедность; 5) безнравственность или порочность жизни; 6) дряхлость телесная и душевная, свойственная старости.

IV. «Чжун-Юн» букв. «обычный путь, или обязанности каждого человека»

"Чжун" во всем поступающий, не уклоняясь в крайности. "Юн" – обыденные семейные и гражданские обязанности, равно постоянные и неизменные. Иначе – книга о *состоянии совершенного равновесия и гармонии в личности человека и государства*,¹⁷⁷ сочинение ученика Конфуцзы Цзы-сы.

Отделение I. 1) Начало, дающее жизнь всей природе, есть благодетельное и милосердное небо. Все согласующееся с природою называю я *стезею долга*, самое же упорядочение по известным правилам сей стези признаю *системою просвещения* (instruction). 2) Путь ни на одно мгновение не должен быть левым, иначе, – он не заслуживает сего названия. 3) В сем отношении, человек совершенный (superior man) не может допускать легкости воззрения на предметы, но всегда любит относиться к ним с глубоким вниманием и напряжением (уха и глаза). 4) Во всем мире, подлежащем усмотрению, не может быть тайны, которая бы не раскрывалась, довольно для сего иногда и одной минуты. Вследствие чего, человек совершенный должен быть всегда бдительным к себе, особливо когда одинок. 5) Когда не бывает вожелений удовольствия, голода, жажды, или радости, такое состояние назову я равновесием (state of equilibrium). Самое же успокоение чувств и приведение всего в надлежащую меру и степень, называю я состоянием гармонии, согласия (state of harmony). Это уравнивание (equilibrium) есть великий корень (от которого произрастают человеческие действия в мире; самая же гармония (harmonie) есть мировая и всеобщая стезя (на которой должно совершаться все). 6) Состояние уравнивания и гармонии заключается в совершенстве, т. е. когда небо и земля занимают свои места (справа), и когда их деятельностью совокупно все твари в мире питаются, достигают роста и процветания. 7) Кхун-ни (Конфуцзы) говорит, что человек совершенный проявляет в себе состояние равновесия и гармонии¹⁷⁸ или идет средним путем, человек же малый (обыкновенный) представляет состояние противоположное. Совершенный человек требует «чжун-юн» (средины) и любит держаться сего пути, обыкновенный же человек идет наоборот, потому что он прост и мал, и в действиях не всегда соблюдает меру и осторожность. 8) Учитель говорит: совершенный, – это состояние равновесия и гармонии! В самом народе эти люди редки! 9) Учитель говорит: я знаю, что по сей стезе не все могут ходить беспрепятственно; знающий может пройти легко, но безумец может вдруг остановиться, не зная даже как сойти обратно. Разумный в слове и книжный будет всегда находчив, невежда и не грамотей сбиваются с толку. Без тела быть нельзя, как без пищи и питья; различающих вкус в пище и питье, одаренных тонким чутьем, – бывает немного. 10) Учитель говорит: О, сколь трудна, терниста, не протоптана колея узкая! 11) Учитель говорит: разве Шунь не величайший мудрец? Да, – он велик, ибо любил вопрошения других, изучал их слова и речи, как бы они не были суетны и мелочны. Но он умел скрывать все гадкое из них и пошлое, и с удовольствием избирал только хорошее и о том охотно беседовал. Он умел искусно держаться между крайностями, определять между ними средину, употреблять их с пользою в управления народом. Таков был Шунь! 12) Учитель говорит: всякому свойственно называть себя умным, или восклицать «Я не дурак!», но направляясь далее, на открытый путь, вдаваясь во все тонкости и обманы, ни один из таких людей не в силах от них освободиться. Многие говорят; «мы знаем, мы умны!», но когда приходится избрать состояние равновесия и гармонии, то они оказываются неспособными сохранять оное даже в течение целого месяца. 13) Учитель говорит: Гуй имел такой нрав, – желая избрать для себя «середину» (чжун-юн) из чего-либо, он сначала высматривал доброе, и когда находил, то держался крепко за него, когда же замечал, что дело, за которое взялся, не по силам, говорил – «дальше я нейду!» 14) Учитель говорит: царствующий дом, его княжества, семейства, могут быть управляемы совершенно, должности и жалованье могут умаляться, но состояние равновесия и гармонии (чжун-юн) никогда от сего не прекратится. 15) Цзы-лу спросил о мужестве (fortitude). 16) Учитель отвечал: мужество известно на юге (государства), славится на севере, – каково ваше собственное? 17) Обнаружить всю сдержанность характера и благородство в обхождении с другими при их научении, удалении от всякого ложного и неправого пути в поведении, – таково мужество юга, и всякий человек добропорядочный старается изучать и подражать ему. 18) Крепко сцепиться с врагом на поле битвы и умереть без соболезнавания, – такова храбрость севера, заслуживающая изучения. 19) Вследствие сего, совершенный человек преуспевает (дружелюбно) в гармонии и не падает душевно и телесно; да послужит примером мужества слабосильному: он стоит прямо и

посредине, не наклоняясь ни на право, ни на лево; посмотри, сколь он крепок и тверд в своем мужестве! Когда в управлении государства он замечает преобладание правой стороны, не изменяет ничего идущего вдаль; чем он только укрепляется в сем мужестве! Замечая преобладание направления влево, старается как можно поспешнее дать ему ход, нежели изменить; сам же он стоит твердо в своем мужестве. 20) Учитель говорит: изыскивать таинственное, совершать чудесное, располагать и все устроить по чину и с честью на будущие времена, – таково дело, за которое я не берусь. 21) Человек совершенный идет по правой стези не без оглядки и испытания, и когда пройдет половину дороги, – оставляет, говоря, «не могу идти дальше!». 22) Совершенный человек, действуя согласно с состоянием равновесия и гармонии (чжун-юн) может быть совершенно неизвестным миру, даже более – казаться неприятным для оного. Чувствуя это, он однако ж не печалится: кто поступает таким образом, тот мудрец и только он способен держать себя таким образом. 23) Путь совершенного человека обширен и просторен, в сем – тайна для него, ему только понятная. 24) Обыкновенный мужчина и женщина, помимо их невежества, могут служить нередко посредствующею помехою мудрецу; но чем больше будут они мешать и любопытствовать, тем глубже и непонятнее будет для них мудрый. Простолюдины – муж и жена, стоящие ниже даже обыкновенного типа по характеру, могут иметь известный успех в практической жизни; но при дальнейших розысках, превышающих кругозор и задачи мудреца, они теряются в догадках и далеко идти не могут. 25) Даже, если бы захотел кто быть выше неба и больше земли, и достиг бы этого, – все-таки будет встречать в своих действиях недостаток и получать постоянно неудовольствие. 26) Вследствие сего, если человек совершенный не говорит ни слова (о сем пути) о своем величии, и мир неспособен сам понять и тем более поддержать его на том; так бывает и с малым человеком, о коем никто не говорит, потому что он не замечен и ничем не выделяется из посредственности. 27) Об этом в книге поэзии (III, I, ода 5) говорится: «С высоты небесной точно бич слетает ястреб, когда замечает сном объятую крупную рыбу», в сих словах очерчивается путь с высшего пункта до самого низшего. 28) Путь совершенного человека может быть и в простых элементах среди простонародья – мужчин и женщин, также и в дальнейших поисках он исчезает (по действиям) в высоте небес и недрах земли. 29) Учитель говорит: стезя (добра) недалеко от мужа, но когда жена вознамерится вступить на неё противно своей ограниченной природе, то ей не удастся и подумать, не только понять. 30) В книге поэзии (1, XV, ода 5) о том говорится: дальше и дальше просекай дорожку длинной секирой, руби чаще и чаще, за подражанием дело не станет, (т. е. охотники найдутся идти по торной и готовой дороге). Едва возьмёшься за ручной топор для рубки, как появляется другой; сначала смотрят другие искоса, но потом поразмыслив немного и сами принимаются за тоже. 31) Вследствие сего, совершенный человек управляет людьми, следуя своему человеколюбию; но когда изменит началам, вдруг останавливается. 32) Верность себе одному и соответствующее взаимодействие (других) недалеко от продолжения их. Когда сам не будешь одинаков в действиях, не надейся и на других. 33) На пути для совершенного человека встречаются четыре вещи, в коих не успел я, но сам Цзю (Конфуцзы) исполнил в совершенстве: 1) служить отцу своему так, как должен это делать его сын; в сем я был неискусен; 2) служить своему князю так, как он требует сего от своего министра; в сем я несведущ; 3) служить старшему своему брату так, как сего требовать может он от младшего брата; в сем я был неисполнителен; 4) подавать пример в добрых поступках своему другу, как бы он пожелал того от меня; и в сем я был неправилен. 34) В исполнении на деле обычной добродетели и внимательности к обыкновенным словам, он всегда полон почтения. 35) Не характеризуется-ли искренностью сего рода отношений человек совершенный? 36) Ему только свойственно довольство собственным положением без дозволения крайностей при выходе; но и здесь ему обычно мудрое обхождение. Будучи среди славы и почестей, он сам воздаёт каждому должное по заслугам и достоинству. При бедности и унижении, он также не выходит из сих границ; поставленный среди варварских племен, он умеет и с ними обращаться так, как того требует это положение. Будучи в крайне затруднительной обстановке, среди препятствий, он обладает свойственною находчивостью и искусством вытерпеть, но не потеряться. Совершенный человек только может всегда создавать везде и всегда свое собственное положение и в себе самом находить силу успокоения. 37) При положении высоком, он не оскорбляет и не притесняет тех кто его ниже; и в низком положении он также будет непреклонен и независим от всех кто будет выше его. 38) Он исправляет все сам, ничего не ожидая и не требуя от других; при чем, никогда не испытывает чувства диссонанса с собою. Подымаясь высоко, он ни на кого и ни на что

не ропщет Небу, опускаясь к низу, не грешит с другими. 39) В следствии сего, совершенный человек живет спокойно и тихо, и всегда внемлет внушениям свыше (небесным); как человек середины, он хорошо понимает риск, и равно относится к превратностям счастья. 40) Учитель говорит: нечто подобное замечаем в человеке совершенном при стрельбании из лука. Когда стрелок избирает центр в мишени, тогда он делает поворот к кругу и зорко наблюдает за целью, не теряя собственного равновесия и глазомера. 41) Путь человека совершенного может быть сравнен с тем, который занимается человеком работающим, обязанным пройти для своей цели весьма неблизкое расстояние; должны помнить при этом, что и сами мы, для восхождения на высоту, не можем не начать сего с земли же т. е. снизу. 42) В книге поэзии (II, 1, ода 4, 7, 8) о сем говорится: «Мы любим жену и детей, приятную дружбу с любовью к ним, как мелодию нежную лютни, так и тихую скорбь сострадания. Весело мы собираемся вместе все ныне! Да будет поболее братьев, чтобы сердцу отраднее было. От согласия этого мир происходит, и продолжается радость всегда. На порядок семейный, довольство детей и жены, люблю я взирать; скажу вам по правде, ведь в этом и вся прелесть жизни – полной счастья – любви!» 43) Учитель говорит: о, сколь приятно и желанно это положение вещей для всех родителей! 44) Учитель говорит: о, как неизреченно полны обилием, богатством, силы получаемые и обнаруживаемые вне от высшего и духовного начала! Мы взираем на них, но его самого не видим; перебираем его совершенства как листья в книге, но самого не слышим; обращаемся среди множества различных предметов, которые существовать без него не могут. 45) Все под Небом, от него, как первопричины проистекает, связывается и крепнет, очищается своею самодеятельностью, устрояется в дивном и прекрасном порядке, располагая людей к жертвоприношениям. Подобно широко разливающемуся морю (воде), куда ни посмотришь – направо и налево, везде замечаешь мириады голов, молящихся, поклоняющихся (этому высочайшему существу и началу всего). 46) В книге поэзии (III, ода, III, 2, 7) о сем говорится: «Духи являются, но где и когда, никому не объявляют вперед. За это не следует нам недовольными быть, с небрежением служить, но мыслить и чувствовать сердцем, что нам всегда они близкими были и впредь будут все видеть и знать!» 47) Хотя непродолжительно, минутно бывает их явление, людям, но нет возможности определить строго границу благочестивой искренности в отношении к ним. 48) Учитель говорит: велик был Шунь в своем благочестии как сын! Его добродетель равнялась и его мудрости; он был достойным сыном неба! его богатства все заключались внутри четырех морей (т. е. в пределах древнего Китая), храм предков украшался всегда его жертвами и потомки долго следовали тому же примеру, 49) Несмотря на свою великую добродетель, он однако ж недолго наслаждался своим положением, богатством, славою, жизнью. 50). Так точно и Небо, производя вещи мира, по своей благодати, дарует и все потребное соразмерно их качествам. 51) Оно дает питание древу и растениям, дает устойчивость и цветение, и также скоро производит их разрушение. 52) В книге поэзии сказано (III, II, ода 5, 1): Светоносною добродетелью одарен наш государь, которой все удивляется, любит и – угождает! Народ и войска возносят молитвы за его нелицеприятное, беспристрастное царствование. Небо даровало верховную власть его родителем, оказало и к нему свои милости. Чрез Небо всегда укрепляется, получается помощь, спасается трон в его величии и непрерывном обновлении! 53) Учитель говорит: только о государе Вэнь можно сказать, что не имел причин на что-либо жаловаться, о чем-либо печалиться. Его отец был князем Ци, а сын князем Ву; отец полагал основания достоинства, а сын упрочивал переданное. 54) Князь Ву продолжал линию и предприятие князей Тхай, Ци и Вэнь. Однажды, подчинив себе других силою оружия, он распространил далеко владения в поднебесной; вся жизнь его, по собственному признанию, сложилась, кажется, только для того чтобы упрочить славу имени владетеля (государства). Высшим достоинством для себя он почитал титул "сына неба"; его богатства были все ограничены четырьмя морями, храм его предков пользовался богатыми приношениями, тоже продолжалось и у его потомков. 55) В пожилом возрасте государь Ву принял бразды правления и трон, а князь Кау исполнен был доблестными подвигами Вэня и Ву. Отстранив от себя титулы князей Тхай и Ци, любил возносить жертвы с участием всех князей, с церемониями, приличными «сыну неба». Порядок этот, раз установленный, продолжался и далее как правило для всех феодальных князей (princes), генералов, всех офицеров и весь народ. И как отец был великим офицером, так сын ему соподчиненным младшим офицером, а потому и жертву приносил подобающую занимаемому им рангу. Когда бы отец его стал не обыкновенным офицером, а великим офицером, то и погребение отцу должно было совершиться с церемонией в честь

простого офицера, а жертвоприношения как бы для великого офицера. Для главных офицеров время траура ограничено было на один год; тогда как сам сын неба должен был носить оный три года. В трауре для отца или матери не было положено никакой разности между знатным и простолюдином; таково было общее положение для всех т. е. всего народа. 56) Учитель сказал: далеко распространилась слава о сыновнем благочестии царя Ву и князя Кау! И ныне далеко известно сыновье благочестие по мудрости наших предков, славою пользуется оно за пределами нашими, все говорят о нем и толкуют. Весною и осенью возобновляются и украшаются храмовые залы их предков, устанавливаются чинно их жертвенные сосуды и утварь, развешиваются одеяния, приносятся жертвы по времени года. 57) При частых церемониях в храме предков, поддерживается чин в жертвоприношениях, направо и налево, отцу и сыну; в распределении и украшении всех частей, по рангу различается все принадлежащее более достойным и менее заслуживающим; в устройении разных служебных ролей проводится тоже отличие талантов и добродетели, с выделением тех, кто в них неспособен и не имеет права; в общей пиршественной церемонии с заздравным питьем вина и приветствием друг другу, обязаны подносить чашу старшим низшие, начальникам – их подчиненные, и так далее, до самых низших; в заключение праздника, места занимаются по волосам голов (их длинным косам), с проведением различия возрастов. 58) Места занимаются по обычаю предков, совершаются в честь их церемонии, видоизменяется музыка, оказывается почет и уважение действительно того заслуживающим, с любовью относятся к тем, кто заслуживает расположения. Совершая служение умершим как бы живым, взирая на отшедших в иной мир как на действительно живущих на земле, оказываем им одинаковое служение и уважение; во всех действиях сего рода проявляется совершенство сыновнего благочестия и обязанностей. 59) Посредством церемоний двух пределов (небу и земле) совершается богослужение, и в храме предков возносятся жертвы от сего мира отшедшим отцам и родным. 60) Если б кто пожелал уразуметь церемонии крайних жертвоприношений (т. е. небу и земле) и понять жертвы в храме предков, тот должен взять для руководства по сему предмету самые постановления о церемониях и жертвоприношениях.

Отделение II

1) Князь Ан предлагает вопросы об управлении государством. Учитель говорит: правление Вэнь и Ву изложено ясно в летописях, на деревянных и бамбуковых таблицах. Где люди, там и правительство, без людей не может быть правительства, ибо не кем управлять да и незачем; сия истина всем известна. 2) С людьми правильными (идущими правою стезею добродетели) быстро вырастает управление, подобно тому как бывает и на земле в сложном возрастании растительности (при благоприятных для них условиях). 4) Вследствие означенного, способ управления зависит от людей специально на то приготовленных. 5) Таковые лица должны поэтому отличаться собственным характером, который вырабатывается преследованием справедливого направления, возделываемого благотворительностью (*benevolence*), б) Благотворительность же есть главный элемент человеколюбия (букв. жень-лао жень-ди), величайшее упражнение (дело) в любви к остальному. Справедливость есть согласование действий с правдою, и величайший долг в чести, приобретаемой по достоинству и заслугам. Меры преуспеяния в любви родных, степени почести по достоинству и заслугам, проистекают из начала собственности. 7) В случаях недоверия начальствующих, в низших должностях, народ умеет управляться сам собою не менее успешно. 8) Вследствие сего, мудрый правитель (государь, начальник) не должен пренебрегать образованием собственного характера. Желая же возделывать этот характер, он не должен пренебрегать служением своим родителям. Желая уже прислуживать родителям он не может не заботиться о познании других людей. Желая быть известным людям, он не должен терять из виду познание Неба. 9) Универсальная стезя под Небом есть *пятеричная*, а добродетель, посредством коей она пролагается и утаптывается нами, – *тройкая*. Таковы государь и министр, отец и сын, муж и жена, старший брат и младший, миролюбие друзей; таков круг обязанностей, слагающих *пять отношений*, и таков путь, по которому идут все в жизни. Мудрость, благотворительность, и мужество: таковы три единицы, составляющие универсальную добродетель всех и каждого человека. Где и как бы они не исполнялись на деле, составляют один целый предмет. 10) Одни люди со дня рождения приобретают познания сих обязанностей, другие достигают их изучением самостоятельным и в школе, третьими они достаются посредством тяжелого, многотрудного опыта. Как бы это знание не приобреталось, приводит всегда к одному и тому же предмету. 11) Одни прилагают его к делу по естественному расположению, другие ради прибыли и выгоды, третьи побуждаются

энергическим усилием и ударами со стороны. Самое дело, однако ж, совершаемое всеми этими людьми, приводит к одной цели. 12) Учитель сказал: кто любит ученое образование, тот близок к мудрости, а исполняющий с усилием оное, близок к благотворительности; кто знает это, тот не стыдясь достигает мужества. Ведущему эти три вещи в жизни необходимые, возможно образование собственного характера. Кто любит облагораживать и улучшать свой характер, тот в состоянии управлять и другими людьми. Зная же управлять другими людьми, человек может управлять государством с его княжескими владениями и семействами. 13) Правители царства (государи) с его владениями и семействами имеют следующие для себя руководящие правила, коих числом *девять*: – собственное свое образование и развитие, честь по заслугам и достоинству, благорасположение к родным; почтение к великим министрам, приятное и благородное обращение с составом лиц подчиненных по службе, искусство обхождения с массою народа и его детьми, поощряющий образ действий со всеми классами художников, оказание своего внимания к людям на известном расстоянии, искренняя любовь к благодетельным князьям. 14) Стараясь о собственном усовершенствовании в знании и добродетели, правитель (государь) обязан быть примером поведения для других, – оказывая почтение к добродетели, он должен быть чужд заблуждения в суждении других; обнаруживая благосклонное внимание к своим близким, он должен соблюдать беспристрастность к дядям и братьям, при почтении к министрам остерегаться всяких промахов; любезно и искренно обращаясь с составом чиновников-офицеров, не должен позволять себе слишком большой вольности; при сношении с массою народа и его детьми, обязан благоразумно подавать им советы и наставления, всегда приводящие к добру; поощряя к соревнованию художников и других артистов, должен стараться достаточно вознаграждать их за труд; желая быть доступным и для людей далеко отстоящих, должен принимать к себе отовсюду стекающихся для их утешения и возможного удовлетворения; за искренность и дружеское обхождение с ленными князьями, он будет почитаем всеми людьми в поднебесной. 15) Путь или способ, по которому государь-правитель должен устроить свой характер, заключается: прежде всего, – по приведении в порядок всех своих соображений, он должен омыться, очиститься, и надеть драгоценные облачения со всеми к ним относящимися приборами, и затем уметь действовать и держаться с достоинством на каждую минуту, сообразуясь с правилами о церемониальной собственности, отстраняясь от всякой нечистоты, оберегая себя от всяких соблазнов красотой, при свете богатой и почтенной добродетели, он обязан идти этим путем, с сохранением бодрости духа и с видом, заслуживающим почтение. Раздавать каждому по чести и заслуге сообразные места, и хорошие доходы, пользоваться более и более симпатией себе подобных или неравных, – таков путь, коему он может идти, служа примером для прочих. Обставлять себя штатом многочисленных и умных чиновников, распределять между ними соответствующие обязанности, делать их точными исполнителями своих распоряжений и поручений, – таков путь, следовать которому обязаны великие министры, к нему побуждаем и сам государь. Не злоупотреблять благородным доверием, исполнять с полнейшею готовностью обязанности по службе, – таков путь, достойный для служащих офицеров, и чиновников. Пользоваться правильно временем для труда и уплаты подати, таков путь достойный всякого подражания со стороны народа. Ежедневные испытания (экзамены) и троекратные месячные, рационы и пайки пропорционально служебному делу, таков путь для художников и всякого рода артистов. Сходиться кучками при выходе, и отправляться куда-либо всегда вместе, собирать дань похвалы и славы, показывать сострадание к людям, неспособным на дело и труды, таков путь свойственный в обходительном обращении с людьми далеко отстоящими. Продолжать семейства, коих преемственная линия подсекается и грозит опасностью прекращения, возобновлять княжеские владельческие дома для их существования, приводить в порядок то, что ранее было разрушено и сбито, поддерживать и помогать в случаях опасности; назначать определенные дни и часы для принятия самих князей и их посланных, посылать или отпускать их с приветливым словом и богатыми подарками, довольствуясь самому взамен того самым малым, при их посещении, – таков путь, который должны любить и следовать по нему князья государственные. 16) Всюду, где существует правительство государственное, с подчиненными ему княжествами и семействами, имеют в них силу девять вышеприведенных правил или – постановлений; где бы ни исполнялись они, приводят к одной цели. Во всех вещах успех много зависит от предшествующих мероприятий; без предварительной подготовки все может быть ошибочным. Когда говорят об известном деле, что оно давно было заготовлено вчерне, этим не наносится успеху его никакого вреда; заранее подготовленный предмет или

цель, конечно при выполнении и достижении, будут не затруднительны. Действие наперед обдуманное, при исполнении, препятствий не встречает, обставленные же благоприятно заранее совершаются без печали и бывают согласны с их планом. Если порядок течения для жизни дел предстоящих будет хорошо и заранее установлен, то несомненно, что он будет благополучен в его реализации. 17) Когда в низших слоях общества не требуется много начальствующих, то значит сам народ умеет управляться счастливо и успешно. 18) Здесь же содержится и способ доверия начальствующего лица; если кто не имеет доверия к себе своих друзей, тот не может никогда пользоваться и расположением народным. Вера от друзей – великий путь, во многом облегчающий и доверие народа; но если б кто не захотел подчиняться родителям или действовать согласно с ними, тот конечно не может заслуживать и верности друзей. Подчинение родителям дает успех на пути добродетели; если б кто, по зрелом размышлении о себе, пришел к мысли, что он далек от совершенства по своей природе, тот в подчинении родителям, согласии с их образом действий почерпнул бы для себя опору и утешение. Таков способ, вспомоществующий совершенству природы; если же человек не ясно будет понимать, что есть добро, то никогда и не достигнет требуемого совершенства. 19) Совершенство же природы есть характерная черта, свойственная одному небу; стремление же к совершенству, желание иметь оное в известной и доступной мере принадлежит только человеку. Владеющий такого рода усовершенствованием себя достигает без особенного труда того, что справедливо, он разумеет и всякого рода осуществление на деле правил обучения; это мудрец, естественно и легко располагающий правым путем и в согласии с ним идущий. Он достигает совершенства, которое сам избрал для себя как искомое добро, и твердо держится за него, когда с трудом получит или поймает случайно на лету. 20) Он пространно и ревностно изучает все доброе, прекрасное; производит о том тщательные изыскания, внимательно судит о том, явственно различает и определяет, и терпеливо, с трудом прилагает к делу. Все, что бы он ни изучал или ни старался тщательно уразуметь и постигнуть оное, совершает непрерывно, не падая духом. Вопрошает ли он о чем, или на вопросы уклончиво отвечает незнанием, остается всегда трудящимся без перерыва. Изучая что-либо усидчиво с успехом, или не достигая совершенного уразумения изучаемых наставлений, он не теряет и продолжает свое дело спокойно. Испытуя что-либо и стремясь различить одно от другого, определить с точностью что кажется неясным, он не падает от трудности предмета. Что бы он ни совершал на деле, как бы недостаточным и незначительным ни казался предмет, сколь бы далек ни был, он не теряет его из виду, все трудится, все наступательно шествует далее и более. Если бы кто со стороны захотел ему сделать одно препятствие, он сумеет создать их сто для своего противника; а если тот захочет сделать сто, он постарается устроить тысячу. Зато, если бы на своем пути он встретил человека тупого, невежественного, то постарался бы сделать его благоразумным; из слабого он позаботился бы сделать крепкого и энергичного. (Таково его искусство и умение в обхождении с людьми), 21) Разумение всего доброго, преуспевание или постепенное возрастание в нравственном совершенстве, предписывается самою природою; нравственное усовершенствование, происходящее от разумения, «что добро и лукаво» предписывается обучением, достигается системою просвещения (instruction). Кто достигает совершенства, тот должен быть и разумеющим оное; где разумение, т. е. сознательное отношение и понимание, там должно быть и совершенство. 22) Только вполне совершенный из всех под небом может иметь полное развитие природы. Способный довести до полноты совершенства свою природу, может произвести тоже самое над природою и другого человека. Способный довести до возможной полноты совершенства природу другого человека, может простираť тоже искусство над природою животных и других вещей (т. е. существ сверх человека). Кто в состоянии достигнуть и этого, тот может подавать помощь преобразованию и питанию действий неба и земли; достигнув сей способности, человек может образовать троичную силу с небом и землею *“сань-цай”*, т. е. три силы (небо, земля, человек). 23) Усиленно прилагающий свое попечение к возделыванию самых коренных начал (добродетели в своей природе), нравственно становится совершенным. Это совершенство получает тогда свое воплощение; воплощаясь, становится оно явным (manifested); проявляясь (постепенно) оно делается светоносным, блестящим; будучи таковым возрастает все более в действии; преуспевая в действии, производит перемены; с переменами же достигается полный успех всякого рола преобразований. Поэтому, только вполне совершенный из всех под небом может быть преобразователем (разных вещей). 24) Таковы свойства того, кто вполне совершен и как сам о том может предвидеть. Когда княжество или семейство достигнут

цветущего состояния, тогда бывает уверенность и в счастливых предзнаменованиях, а когда это княжество или семейство приходят к падению, тогда не может быть успеха и в несчастных предзнаменованиях. Тогда думают искать упокоения только в гадании на спине черепахи посредством стебельков (*ptarmica sibirica* – ромашка) и движений оконечностей сего животного – головки и лапок то в ту, то в другую сторону. Когда бедствие или счастье должно было постигнут кого-либо, то по этим гадательным знакам наперед определялось доброе или дурное будущее. Таким же значением пользовались и вполне совершенный человек, «духу-подобный» или – «дух человек», (т. е. мудрец, *шэн-жень* – святой, которого действие и влияние невидимо и таинственно, подобно силе неба и земли действующих в природе). 25) Совершенство усматривается в личности оным наделенной, в том, что называется «самополнотой», «самосовершенством (*self-complection*); стезя, которою совершается это воплощение или соединение в одно целое (*embodiment*), состоит в самоопределении (*self-direction*). 26) Совершенство (*perfection*) замечается в начале и конце всех тварей и вещей; без сего совершенства нет и не может быть ни твари ни вещи. 27) Поэтому, совершенный человек взирает на совершенство как на самый благороднейший предмет всех его стяжаний и познаний. 28) Кто совершен, тот не только пользуется лично полнотою совершенства, но свое усовершенствование старается сообщить также и всем прочим существам для достижения или возможной полноты и счастья. Самополнота сего совершенства обнаруживается в полной добродетели его природы; полнота других существ (*beings*) проявляется в его мудрости. Таковы два предмета, являющие свою природу в доброй деятельности (*operation*), а таков и путь, по которому совершается единение внешнего с внутренним (*external and internal*). 29) Вследствие сего, какие бы занятия он ни совершал, чтобы ни делал, всегда будет идти прямо и верно. 30) Таков человек, непрерывно, безостановочно идущий по пути усовершенствования, и все далее и более преуспевающий в оном; продолжая идти так и далее, он сам приходит к очевидному доказательству своего духовного роста; убеждаясь в этом самолично, он простирается еще далее; замечая и это он наконец доходит до самого обширного и существенного (*substantial*); достигнув и сего предела, сам становится славным блестящим, сияющим (*brillant*). 31) Началом беспредельным (*large*) и субстанциальным поддерживаются все вещи в мире, все его существа; также как посредством начала высочайшего и светоносного пространно и на все стороны бывают видимы все предметы. При глубоком и дальнейшем взыскании и следовании, всё в мире познается до надлежащей полноты. Чрез начало беспредельное и субстанциальное мудрец становится (по мере обладания) со-равным земле; по мере высоты и светозарной славы (*brillancy*) делается со-равным небу; по способности к исследованию всего и успешному продолжению далее, он сам делается бесконечным. 32) Такова характеристика сего начала, свидетельствуемая без всякого иного особенного обнаружения, без особенного движения совершающего перемены, без какого-либо упражнения достигающего полноты (совершенства). Сей путь неба и земли может быть определен одним словом («Дао»). 33) Произведения неба и земли неиссякаемы, неистощимы, (следуя второму определению выше). 34) Свойства неба и земли – беспредельность пространства, все существенное (в начале), высокое, светоносное, глубоко-изыскиваемое, далеко-продолжающееся. 35) Скажу о небе: оно есть только блестящее, световое пространство, хотя и кажется беспредельным по обширности, и на коем повешены солнце, луна, звезды, созвездия зодиака, и все вещи в мире озаряемые с высоты их. Скажу о земле: она кажется в руках художника только грязью, нечистым веществом, но будучи рассматриваема в существе и плотном виде заключает горы подобные Хуа и Ио, недоступные измерению, содержит реки и моря, не имеющие видимо никуда особенного течения и заключенные в свои бассейны. Скажу о горах: по-видимому, это только известной величины каменные глыбы и утесы, но когда будем рассматривать в их высоту, то встречаем, что на них находятся отличные пастбища и растут деревья, лес – в коем обитают птицы и звери, содержатся дорогие предметы, ископаемые в земле (металлическая руда), дающие казне деньги. Скажу о воде: посмотрим на небольшой бассейн с этою жидкостью, когда подумаем о необъятной глубине (моря), то найдем, что в ней водятся огромные черепахи, игуаны (ящеры), игуанадоны, драконы, рыбы, обыкновенные черепахи, и прочие животные и растения, (о которых требуются огромные и специальные книги, чтобы дать надлежащее понятие). 36) В книге поэзии (IV, I, отд. I, ода 2) о том говорится; «о, сколь глубоки и необъятны веления неба! и далее: – так знаменит и славен был искренностью добродетели царь Вэнь!» Это значит, что как выше неба нет ничего, кроме неба же, так и в мире царей всех более славился полнотою совершенства в добродетели царь Вэнь. 37) Велико

назначение и шествие мудреца! подобно разливающейся воде он растет далеко и питает множество существ! Высоко взлетает на высоту небесную. 38) О сколь совершенно его величие! им объемлется сто ветвей (отделений, артикулов) обычаев и церемоний, и триста тысяч видов доброго поведения. Он следом идет за справедливым человеком, и с ним умирает. Поэтому сказано: «когда не будет примерно идущего по пути человека, там не может быть и совершенной добродетели». 39) Вследствие сего, совершенный человек почитает добродетельную природу, преследует стезю многотрудного знания и учения (касательно её); преследуя, разыскивая её все далее и глубже, её существо и величие, не упускает ни одной черты и пункта, детально обрисовывающих её содержимое; достигая величайшей высоты и блеска мудрец держится и на пути равновесия и гармонии (чжун-юн). Любезно относясь к старому знанию, всегда перебирая его, он беспрерывно и постепенно восходит в отыскании новых, везде обнаруживая свою честность, благородство, неутомимое прилежание в оценке и исполнении на деле всего, касающегося собственности. 40) Поэтому, занимая высокое положение, он не гордится, будучи и в низшем звании не унижается рабски и холопски. Если будет правителем известного владения (state), государем, словом своим он способен все двигать и производить счастье; если будет подданным, подчиненным, то повинуетс молчаливо и довольствуется вести себя как следует, с должным воздержанием и готовностью помогать другим. 41) В книге Поэзии (III, III, ода 6, 4) сказано поэтому: разумный человек есть мудрец; и кто покровитель его? 42) Учитель говорит: человек невежественный коснеет в собственном ограниченном суждении; занимая всегда низкое положение, он блуждает и ищет, вопрошая, силы управляющей; живущий в веке современном нередко чуждается путей, коими шли народы древности; поэтому, когда постигнет бедствие, такой человек не знает как выйти, куда и зачем все идет, для чего? 43) Никому более, как сыну неба, не дается (мудростью) разумение предмета церемониальных обычаев, также – назначение меры, и определение имен письменных иероглифов. 44) Ныне в продолжении всего царствования, все телеги имеют колеса одного диаметра и одинаковой длины спицы, каждому почерку усвоен известный способ начертания иероглифов, так и для поведения существуют своеобразные правила. 45) Кто занимает трон, но владеет особенною добродетелью, тот не может позволять себе составлять новые церемонии или музыку. Можно владеть в совершенстве добродетелью и не иметь трона; и такому человеку непозволительно изменять церемоний и музыки – прежде установленных. 46) Учитель говорит: я мог бы многое поговорить о церемониях Ся (Hsia), но в Цзи (khi) содержащихся не достанет слов моих. Я хорошо изучил церемонии Инь и те, которые сохранились в Сун (Sung ku); не менее знаком и с церемониями Кау, во они теперь не употребляются. Сам я следую Кау. 47) Достигающий верховной власти получает от царствующего дома и неразрывные с титулом государя три всему народу известные знака, т. е. по комментарию «церемонии трех царств», по кн. ku-hsi понимаются: право церемоний – их совершение, право установления меры и определение иероглифов – как условных знаков в известных обрядах и действиях. 48) Сверх сего, человек совершенный может составлять известные правила касательно определения времен, и которые должны быть всем известны, а для сего – законно удостоверены. Без этого засвидетельствования (правительственного) они не могут почитаться заслуживающими вероятия и сам народ никогда не решится признавать их за авторитетные и следовать им, хотя бы сам составитель и был человеком превосходящим других (пред ним низшего разряда) и почитаемым всеми, но его правила не будут почитаемы народом. Если они не будут почитаемы, то не следует и требовать от них верности, народ будет поэтому не доверять им и чуждаться их. 49) Вследствие сего направление совершенного человека, коренное в его характере и поведения, требует еще и народного засвидетельствования и именно – простолюдинов. Эти люди любят разбирать новые правила по сличению с теми, кои составлены при трех династиях, и определять потом самое достоинство без всякого смешения и неясности. Они поставят их пред небом и землею, и если не найдут ничего противного (в способе действий), самого даже автора представят с ними пред духовным началом всех вещей, и только тогда не усомнятся в их принятии и распространении, когда окажутся действительно того достойными. Само высшее существо это устрояет путь для восхождения мудрого за сто лет наперед, и избавляет его поэтому от всякой опасности. Сам он может даже предстать пред лицом Высочайшего существа, без всякого сомнения за возвышение, указующее на то, что его знает небо и он его понимает. Небо со своей стороны узнает его уже потому, что само, за сто лет раньше, уготовляло путь восхождения мудрого человека и обезопасило его от разных случайностей тому противных. 50) Поэтому-то путь совершенного человека полон

знаменательных событий времен, за коими следят все в поднебесной; его действия служат законом для всех веков в поднебесной, слова его на все века остаются образцом в поднебесной. Все далеко отстоящие от него любят продолжительно рассматривать его (слова, поступки, события жизни), а кто близок к нему, тот всегда до утомления готов надоедать ему (т. е. мудреца любят и почитают все, желают его лицезреть и всюду поучаться у него). 51) В книге поэзии сказано (IV, 1, отд. 2, ода 3): «мудрые люди любимы в царстве своем, не надоедают и здесь; с течением времен и слава о них возрастает, день и ночь становясь все яснее и чище». Но никогда человек замечательный не получит столько надлежащей цены, как по смерти, эта посмертная слава не поддается описанию. 52) *Гун-ни* (кхунцзы) передает всему миру известные взгляды Яо и Шуня как будто они были его родными предками, приятными чертами изображает образ действий Вэнь и Ву, как образцовые. По отношению к небесам он усвоил прежде всего законы времен года, затем сообразно с оным – законы воды и земли. 53) Он может быть сравним с небом и землею в их поддержке и содержании, в их помрачении и покрове всякого рода вещами. Его можно сравнить с четырьмя временами года в их последовательном шествии, с солнцем и месяцем в их попеременном сиянии и блеске. Все существа питаются вместе без вреда друг к другу; течение времен года, солнца и месяца, совершается без всякой коллизии (встречи, сочетания, удары, толчки) друг с другом. Малые силы (*energia*) подобны речному течению, великие силы дают о себе знать в могущественных изменениях. Кто поступит подобно небу и земле в своей жизни и деяниях, тот *велик*. 54) Так как он владеет и наделен всеми мудрыми качествами существующими под небом, то он обнаруживает живость в понимании, ясность в различении, пространное разумение, всеобъемлющее ведение, соответствующее упражнению правило, великодушный, благородный, благосклонный и приятный, обнаруживает подобающую снисходительность; порывистый, энергичный, твердый и терпеливый, способный держаться всегда прямо, согласный всегда с собою, серьезный, никуда не уклоняющийся в сторону от цели, правильный, искусный в требовании с почтением; совершенный, определительный, сосредоточенный, всеиспытующий и проницательный, всегда действующий с великим разбором и обдуманностью. Таков мудрец. 55) Будучи всеобъемлющим и обширного круга понятий, глубокий и неутомимый как фонтан, он известен далеко означенными качествами и на многие времена и годы. 56) По обширному и всеобъемлемому мировоззрению он подобен небу. Тонкий и всегда деятельный как фонтан чистой воды, он подобен пучине; когда он покажется, весь народ оказывает знаки своего почтения, когда начнет говорить, все со вниманием слушают и верят; когда что-либо делает, то и весь народ следит и сам старается подражать ему. Таким путем срединное царство получает самую свою славу внутри пределов и вне – у варварских племен. Как бы далеко не ехал он на своем судне по воде или в телеге на суше, куда бы не устремлял своих пытливых взоров, сколько бы не озирали высоту небесную и не испытывали недра земные, сколь бы часто не падали морозы и инеи, всё имеющее кровь и дыхание искренно почитает его и любит. В сем смысле нужно понимать выражение: «он подобен или равен небу». 57) Только вполне совершенному дается сила все соединять, приводить в порядок и гармонию под небом, держать с достоинством и властью великое зная обязанности для существ поднебесной, – устанавливать великие основные принципы всего, владеть надлежащим знанием преобразований и зрелого совершения действий неба и земли. 58) В каком же смысле понимать личность в отношении к началу самобытному, от кого она зависит? Представьте сего человека в его идеале, и спросите – насколько сам он внимателен к нему? Назову его бездной и спрошу – сколь он глубок подобно ей? Назову его небом и спрошу – как обширен и беспределен он? 59) Всякий познающий сие начало, на самом деле тонкое в его понимании и ясное при его различении, убеждается, что это существо крайне мудрое, и всеобъемлющее по ведению, владеющее небесною добродетелью. 60) В книге поэзии (I, V, ода 3, 1) о сем сказано: «богатое, украшенное дорогим шитьем платье, любит он прикрывать одеждой простой». В сем выражении не замечается тщеславного украшения, но истинно прекрасное изнутри просто и снаружи. Если так, то и путь человека совершенного должен быть предпочтительным по тайне добродетели, которая в полном её блеске открывается ежедневно, дает возможность усматривать и самого малого человека, также как понимать и весь обыденный мир, полный жизни днем и утихающий к вечеру. 61) К отличительным свойствам человека совершенного принадлежит то, что он не слишком заботится о казовой внешности, и не любит ничего до пресыщения; предпочитая простое равнодушие, он дает себя знать, однако ж, совершенствами талантов; являясь приятным и простым, он всегда чем-либо отличается от прочих. Он хорошо понимает, как далеко все отстоит

от него, узнает также и тихий ветер от него истекающий, понимает всю мимолетность своего пребывания на земле. Тем не менее, он убежден глубоко, что должен непрерывно идти по стези добродетели. 62) В книге поэзии (II, IV, ода 8, 11) сказано: «ничто в мире укрыться не может пред ним, даже в самой глубине». Поэтому, совершенный человек внутренне испытует самое сердце, в котором нет и не может быть фальши, а следовательно не может никогда быть недоволен собой. 63) Если в чем, то именно в сем отношении, совершенный человек может быть равен, но что незаметно другим. В книге поэзии (III, III, ода 2, 7) сказано: «когда в твоей комнате явится солнечный свет, представь себе твою чистую совесть и ею всегда постарайся сиять». 64) Вследствие сего, совершенный человек, хотя бы находился в состоянии не деятельности, внушает к себе чувство почтения, даже, – если б он ничего не говорил, сохраняет в себе чувство полноты истины. В книге поэзии (IV, III, ода 2) сказано: «Жертвы сии, возносимые в небесную высь безмолвно, бесспорно, с одним лишь согласием, должны будут явиться пред лицом достопоклоняемого и блаженного всеми Господа». 65) Вследствие сего, человек совершенный не требует себе какой-либо награды, и народ вполне поощряет его своею добродетелью; он не обнаруживает гнева, и народ благоговеет пред ним более, нежели под топорами и боевыми колесницами, наполняющими сердце страхом и ужасом. В книге поэзии (IV, I, отд. 1, ода 4) сказано: «если человек добродетелью своею всех превзойдет, будет отличнейшим, то и подражателями его будут одни за другими все принцы». 66) Вследствие сего, совершенный человек, будучи почитаем искренно и во всем государстве производит спокойствие. В книге поэзии (III, I, ода 7, 7) сказано: «доволен я твоей добродетелью умной, совершаемой без особого шума, и только подражаемой всеми». 67) Учитель говорит: «в прикладных знаниях и изобретениях для преобразования народа, звуки и кажущиеся призраки имеют тривиальный эффект, скоро преходящий». В другой оде книги поэзии сказано (III, III, ода 6, 6): «добродетель светла, как лоснящийся волос». 68) Волос допущен здесь как сравнение, в смысле метафоры. В другой оде книги поэзии (III, I, ода 7, 7) сказано: «деяния всевышнего неба не имеют ни звука, ни благовония» (т. е. недоступны чувственному восприятию и пониманию); таков точно образ и свойства в представлении силы преобразующей все добродетели!

V. Да-сюэ-цзин¹⁷⁹ или книга великого учения, представляющего собою нравственно-социально-политический кодекс Китая, основные начала которого составлены Конфуцием, а объяснение написано учеником его Чжан-цзы

1. Предметы да-сэ, содержащиеся в сей книге, объясняются славною добродетелью, любовью народа, достижением высшей степени совершенства и успокоением в ней. Для сего требуется знать исходный пункт остановки, предмет преследования и самоопределения по нему; раз установивши цель возможно достижение и невозмутимого спокойствия. Тишиной сопровождается блаженный покой, при коем развивается рачительное размышление и за ним, как следствие, является достижение желаемого, т. е. – цели. Все вещи имеют свое основание или корень, и ветви или побеги; дела человеческие имеют свое начало и конец, познать, – что первое и что есть последнее, и к чему должно стремиться, составляет предмет науки да-сэ.

2. Древние, стремившиеся к наглядному объяснению славной добродетели во всем государстве, прежде всего заботились об укоренении и насаждении оной в мелких княжествах и общинах. Желая устроить порядок в мелких княжествах и общинах должен прежде позаботиться об урегулировании оного в своем семействе; с благоустроением семейным неразрывно прежде всего образование и воспитание личное. Достигается это личное благовоспитание хорошим, прямым направлением сердца. Чтобы сделать свое сердце прямым, нравственным, требуется прежде принять все меры к рачительному и строгому усвоению школьного знания, с получением которого развивается само собою потребность в высшем образовании, приводящем человека к мудрости.

3. Разморяются знания посредством исследования вещей.

4. С исследованием вещей знание становится все более и более полнее, достовернее. При полноте знания возможным делается строгое, методическое оных изложение и преподавание другим. Чем строже, систематичнее поведется преподавание знания, тем более сердца (учащихся) будут становятся справедливее. С прямодушным сердцем личность делается благовоспитанною (cultivated). С образованием личностей достигается и порядок, свойственный благоустроенной семье. Если семейства устроены хорошо, то и малые государства управляются справедливо. Справедливо будучи управляемы везде, и всему государству доставляют тишину и благополучие. От сына Неба до последнего подданного простолюдина, все должны прилежать о личном образовании, как коренной и общей обязанности человека. Подобно дереву, коего корень оставленный прежде в небрежении, весною исправляется, познается и порядок в человеческой жизни, нуждающийся в известных для неё правилах. Много значит добрый пример, но для сего нужно и собственное рачение. Таково познание корня, иначе именуемое совершенным знанием.

5. Действовать по строго обдуманному намерению, значит не быть зараженным самообольщением; отвращаться от всего дурного и любить только прекрасное, естественное и без принуждения, свойственно всем нам. Поэтому, высокопоставленный человек должен быть особенно бдительным над собою, даже когда он один. Не будет ничего дурного и для маленького человека, когда он будет жить в уединении, но, когда, при взгляде на человека высшего себя он испытывает смиренное положение, получает сознание дурного, возгорается желанием избежать его и искать только доброго. Иной взглянет на него так, как будто был давно знаком с его сердцем и почками; но, какая из сего знания польза? Третий наобум может сказать: истина содержащаяся внутри, непременно проявится когда-либо и вне? Вот по этим-то соображениям и примерам, высокий человек должен быть особенно осмотрителен в отношении к себе, когда находится один.

6. Цзин-цзы сказал: «Кто имеет десять глаз для зрения, и десять рук в дружном действии, тот заслуживает всякого почтения (разумеется человек обладающий большими познаниями и умеющий пользоваться оными). Как богача обожает весь его дом, поклоняется ему и служит, так добродетельного почитает всякий человек. Когда познающий ум распространяется, тогда тело кажется умаляющимся и слабеющим. В следствии сего, высокий человек старается о возможно строгом приобретении своих знаний».

7. В книге поэзии говорится (1 V, ода 1, 1). О, сколь великолепны рощи зеленого бамбука, окружающие каждое гнездышко (усадыба, мыза, поселок, дом) Ци (Khi)! Они влекут меня

мыслями к князю Ву; – он милостив и щедр! Ножом и пилюю обделывается кость, долотом и сверлилом буравятся камни, таков и князь на все налагающий свою печать. Серьезный, исполненный достоинства, с силою воли и орлиным взором, совершенный, приятный как белый хлеб мучнистый (мянь): нельзя нам забыть его никогда!

8. В книге поэзии говорится (IV, 1, ода 4): «образец царя – в руководящем уме, и что может сравниться с его славою»? Высокий человек дорожит своим словом и его словами не менее дорожат другие, он любит, и сам не менее любим. Подчиненный народ благоденствует, когда он наслаждается счастьем и, получая от своего господина благоденствия, сам бывает щедр в отношении к другим. Таков вкратце образец царя, следуя которому, мир не может погибнуть и своего государя забыть.

9. В похвальном слове (announcement) князю Кхан говорится (Шу, V, IX, 3): «Он был способен соделаться по своей добродетели знаменитым!» По Тхай-цзя известно, что он (князь) постоянно устремлял свои взоры в выспрь неба и сообразно с его светом располагал свои мысли и деяния (Шу, III, секц. 1, 2). В каноне (сапон) Ди (яо), говорится: «Он оказался достойным славы по выпренней своей добродетели». (Шу, 1, 2). Все сии заимствованные страницы, ясно указывая на действительно исторических личностей, дают возможность составить определенное понятие о том, каким лицом должен быть государь.

10. На трубе бань Тханов была выгравирована надпись. «Если ты в состоянии в один день обновиться к лучшему, то постарайся продолжить тоже и в последующие дни. Да, заботься об улучшении своем в поведении каждодневно!» В посвящении (announcement) князю Кхан говорится, что он обладал силою ума, всегда приводившей в движение народ. (Шу, V, IX ч.). В книге поэзии говорится (III, 1, I ч.): «Княжество Кау давно всему миру известно, и как ныне, так и в древнее время было охраняемо небом». Зная все это, человек высокопоставленный должен во всех своих намерениях и делах быть как можно осмотрительнее.

11. В книге поэзии говорится (IV, III, 3): «На тысячу ли простирается царский домен, и народ в нем живущий наслаждается спокойствием». В другом месте (II, VIII, 1): – неумолкаемый разговор и веселая болтовня то здесь, то там, на пиру, пленяет меня; хотел бы я на мгновение, превратившись в малое творение, перепрыгнуть ограду и вдруг очутиться на площадке пирующих друзей и затем отойти в уголок, чтобы душой отдохнуть хоть немножко! Учитель сказал: «да, здесь спокойно, ты понимаешь, что значит спокойствие – душевный мир. Ни один из людей не может сравняться с сей птицей!»

12. В книге поэзии говорится (III, 1, 1,4): «Глубокопоучительны наставления Ваня, ими руководились в пути (к добродетели), с почтением к ним относились в зале успокоения (resting-place)». Как правитель он был благосклонен ко всем, как министр – пользовался глубоким уважением, как сын – был неизменен в сыновнем благочестии, как отец – доставлял успокоение детям, в сношении же с подчиненными пользовался вполне добрым расположением и был доверчив.

13. Учитель сказал, что при слушании споров судебных (litigations), он переносился как бы в другое тело. Необходимо поэтому заботиться о предохранении народа от всякого рода сутяжничества, и чтобы в нем пребывал и укреплялся дух истины, возбраняющий вредные препирательства; только при сем условии возможным будет полагаться твердо на дух народный.

14. Так должны понимать и так называется «познание корня», – «коренное, основное знание, мудрость».

15. Что разумеется под образованием личным (cultivation of the person), которое зависит от уравнивания духа (rectifying of the mind)? Объясним примером: когда человек находится под влиянием гнева, очевидно и поведение его будет неправильно; тоже произойдет и при случае сильного страха, взора страсти, во время великой печали и сокрушения сердца. Когда душа наша не на месте, ум взволнован, потрясен, мы смотрим глазами и не видим, имеем уши, но ничего не слышим или не разумеем, вкушая что-либо не ощущаем никакого удовольствия и сытости, или не различаем вкусов. По этим-то причинам и говорится, что «образование, усовершенствование лица (person) зависит от правильного настроения духа, ума».

16. Как понимать выражение, что «семейный устав, домострой (regulation of the family) зависит от образования личности?»? Отвечаю: человеку свойственно проявлять так или иначе свое благорасположение или любовь, также как презрение или нелюбовь, – стоять с благоговением пред кем или почтительно преклонять колена, – чувствовать печаль или сострадать другому, быть высокомерным или хитрым. Все это можно замечать даже в небольшом

круге людей в мире, которые умеют по своему любить, обнаруживать дурные качества (объекта их ненависти), или хорошие и похвальные (объекта их любви). Отсюда, по общей поговорке, известно, что «нет человека (отца), который бы захотел признать дурные качества в своем сыне; не найти и такого, который бы по вырастающему зерну мог определить безошибочно обилие всего урожая». Справедливо поэтому можем сказать лишь то, что «если N личность не образована, то не можем судить и о том, в какой степени порядочно семейство, из коего она происходит».

17. Как думать о том, что «для доброго управления и благоустройства в княжестве (государстве) необходимо прежде всего доброе урегулирование своего семейства». Отвечаю: невозможно научать других, не получивши предварительно самому в своем семействе потребных знаний. Поэтому начальник (правитель княжества), исходя из собственного семейства, восполняет уроки и для своего княжества. Таково сыновнее благочестие; – оно приложимо и в служении князя (правителя). На нем основывается братское повиновение; – без него не может обойтись покорность старшим себя. У детей оно проявляется в нежной привязанности (gentleness); в народной массе характеризуется приверженностью и покорностью начальству. Известно в посвящении князю Кхан (Шу, V, IX, 9), что он был бдителен в охранении народа и обращении, как мать с ребенком, подобно ей он беспокоился при малейшем угрожавшем бедствии и почитал себя счастливым, когда оно удалялось. Понимает это обращение с народом лишь тот ученый, который женат и имеет дитя, иначе – кто имеет семейство.

18. От семейной любви (пример) и все государство может быть рассматриваемо достойным той же любви, от вежливости является любезное обращение, от честолубия или строптивости одного (государя), и все государство может пострадать или потерпеть возмутительный беспорядок; – такова природа влияния. Совершенно в том роде же известна поговорка: «занятия могут быть прерваны нередко одним помыслом или кратким изречением; так точно и государство может внезапно поколебаться в тихом строе определением, или силою воли единого человека».

19. Яо и Шунь управляли государством человеколюбиво и народ охотно повиновался им. Ци (Kieh) и Као (Kau) поступали насильственно, и народ не выходил из послушания. Но когда приказания правительства противоречили тому, что любил исстари исполнять на деле народ, тогда тот же народ не исполнял волю государя.

20. Вследствие сего правитель (ruler) должен иметь в себе самом добрые качества, и только тогда может изыскивать оные в других. Едва ли найдется такой человек, который, без отношения к собственному характеру и мудрости, может быть способным действительно, в обхождении с другими, поучать их. Таким образом видим мы ныне, что «управление государством стоит в зависимости от благоустройства семейства».

21. В книге поэзии говорится (I, 1, 6, 3): «грациозно стоит персиковое, полной свежести юной, – дерево, своими широко раскинутыми листьями и плодами оно прикрывает всю занимаемую площадь. Здесь невеста готовится к входу в новый дом для неё; любит тут же слагать свой домашний устав и сам домохозяин». Если он будет хорошо управлять своим домом, то и самый народ может всегда у него поучаться. В другой оде говорится (II, II, 9, 3): «Он может тогда легко и согласно жить со всеми своими братьями». Домовладыки, живущие согласно с братьями, могут вместе с ними же поучать и народ в своем княжестве. В третьей оде говорится (I, XIV, 3, 3): «Его движения безошибочны, безупречны, его правила становятся обязательными для всего государства, потому что приводят к доброму порядку». Когда правитель, как отец, – сын, старший брат или младший, служит образцом подражания, тогда и народ подражает ему (в сих положениях). Означенные примеры приводят к заключению, что «государственное управление стоит в зависимости от семейного благоустройства и порядка».

22. На вопрос: как понимать выражение, что государственный мир и благополучие зависят от устройства правительства в его княжествах (states) и прочих частях? Отвечаю: «Когда начальствующие лица (superiors) достигнут всей полноты старческого возраста и соединенных с оным достоинств, то и народ будет к ним в сыновнем положении; также, когда старшие (elders) получают свойственную им мудрость, то и народ будет поучаться у них с братскою покорностью; и когда будут они с состраданием, милостиво, обращаться с беспомощным юношеством, то и народ будет поступать подобным образом. Таким образом, каждый начальник имеет принцип, сообразно с правильностью коего, направляет свое течение, т. е. образ действий».

23. Когда человек не будет походить на своих начальников, то нечего ожидать хорошего от обращения его с людьми соподчиненными или низшими; не походя на своих подчиненных он не может, конечно, и угождать, как следует, в услугах своему начальнику; будучи несообразен с предшествующим, вряд ли согласится и следовать началам до него выработанным, и не будет точным в последующем образе действий; и когда не станет держаться правого, то не лучше будет у него и левое, не сообразуясь с левой не улучшит и правой стороны. Таков, так называемый «принцип, соразмерно с правильностью коего, уравнивается и направление, образ действий *одною*» (т. е. князя, царя, правителя, начальника).

24. В книге поэзии сказано (II, II, 7, 3): «в том да усладится благородный человек, что для народа есть отец!» Когда же правитель князь, государь возлюбит то, что любить сам народ и возненавидит все неугодное народу, он может тогда почитаться «Отцом народа своего».

25. В книге поэзии сказано (II, IV, 7, 1): «Как южная гора высоко упирается скалистою верхушкой под небесным сводом, так и ты великий учитель Инь высоко стоишь в глазах народа!» Государственный правитель не должен пренебрегать сказанным; если у него не будет надлежащего самоусмотрения и понимания всего окружающего, легко может подпасть в немилость всего государства.

26. В книге поэзии сказано (III, I, 1, 6): «прежде чем Шан (династия) потеряли народное сердце, государи его все обращались с молитвою и жертвами к небу (Богу), т. е. имели тесный союз с Богом; на них и мы взирали как на крепких хранителей небесных велений». В словах этих усматриваем, что при народном благосостоянии, выигрывается и счастье государства, и что, с потерю народа, гибнет и само государство. Вследствие сего, прежде всего каждый правитель должен заботиться о приобретении добродетели с преуспеванием в оной; владея ею, может смело рассчитывать и на благо народа. Овладев народом может пользоваться и территорией, имея который, может составить богатство, а при богатстве государства может легко соразмерять получение доходов и совершать требуемые расходы. Корень всего добродетель, богатства, её отрасли, побег. Поставив на второстепенном плане сей корень, и сделав первым предметом ветви, можем произвести столкновение с народом, и научать его хищничеству и разбоям. Отсюда, всякое накопление богатства есть путь к рассеянности народа, тогда как правильными, распределением сего же богатства достигается сосредоточение и увеличение народа. Следует отсюда также, что кто будет извращать справедливо приведенные слова (суждения), и будет противиться или стоять спиною к истинному направлению, тот и богатство нажитое кривыми путями поставит на ту же дорогу (т. е. погибнет и сам со своим имуществом).

27. В прокламации (appaunsement) народу князя Кхан (Шу, V, 1, 2, 3) говорится: «небесное повеление (decree) по необходимости есть постоянное, нечто неизменяемое». Поэтому, за небесным повелением следует и благополучие, с отсутствием сей воли не получается ничего.

28. В книге Кху сказано (Sect. II, Art. 5, в «Narratives of the states»: «Княжество Кху не имеет драгоценностей; зато в нем добродетельный человек почитается предметом драгоценным».

29. Фань, дядя по матери (князя Вэнь – из зэнь), говорил: Ветряный человек, беглец, не может считаться драгоценным, но в его любви к почившему предку, отцу, заключается предмет великой цены».

30. В речи князя Му из циня (Шу, V, XXX, 6, 7), сказано: «Да позволено будет мне иметь хотя одного министра, спокойного и строгого, без всяких нравственных недостатков, простого, прямодушного, и в тоже время благородного, рассудительного, взирающего на таланты других как бы на собственные; и когда бы сам он нашел человека совершенного и проницательного, любящего более сердцем, нежели на словах, и действительно всегда способного самостоятельно выслушивать его волю и поступать согласно с нею, – такого министра я готов считать способным сохранить моих сынов и внуков, и все бенефиции своего княжества совершенно спокойно могу доверить ему. Но если он, по недалёковидности, изберет себе помощником хотя и способного человека, но завистливого, то может всегда случиться, что его окружают более совершенные и решительные люди, которые составят оппозицию, не будут следовать его повелениям, станут смотреть как на неспособного действительно, не будут слушаться, такого человека я почитаю неспособным быть покровителем детей моих и внуков, и тем более чернорабочего народа: могу ли поэтому надеяться, что и государство мое не подвергнется какой-либо опасности?»

31. Только человек добродетельный имеет право посылать или изгонять вовсе других людей, одних к варварским окружающим племенам, другим воспрещать жительство в средних

княжествах. Так поступать он может согласно с пословицей: «только истинно добродетельный человек может любить или ненавидеть других».

32. Взирать на достойного человека и оказываться не способным возвышать его назначением на должность, или пристраивать к месту, но не скоро, не значит ли обращаться с таковым непочтительно? Или, скоро увидав человека, являться слабосильным в его возвышении, если и повышать, но в почтительном отдалении, также точно обнаруживает недостаток характера.

33. Любить человека достойного презириания, и ненавидеть достойного любви, оскорбительно для естественного чувства людей. Может происходить от сего, весьма много нестроений и неприятностей.

34. Мы любим смотреть, насколько правитель совершает поспешное движение в исполнении дел. Он должен быть вполне проникнут самоотречением сопровождаемым строгостью, и быть далеким от всякого вероломства и крайностей.

35. Таково также точно и великое направление в производстве богатства. Желательно, чтобы побольше было производителей оного и меньше потребителей; и что бы деятельность в производстве и стяжании оного была пропорциональною в экономии и расходах; тогда богатства будет всегда достаточно для общего благосостояния.

36. Добродетельный правитель так употребляет богатство, как бы явно поступал всякий для себя; наоборот, правитель порочный желает собирать в кучу богатства, без пользы для других и с опасностью для собственной жизни.

37. Ничего не может быть лучше для всякого начальника и выше благоснисхождения с любовью, а для подчиненных всего дороже его справедливость. При такого рода настроении низших и для начальствующих всегда возможен счастливый исход в их предначертаниях и распоряжении. В силу такой зависимости нет случаев, когда бы богатства собирались в казначейство и арсеналы, без приращения оных и далее. 38. Мань-сян-цзы говорит: кто сохраняет упряжь лошадей, тот не позволит любоваться ею курам и свиньям. Семейство, изобилующее ледником не в состоянии сберечь рогатого скота или стада овец. Дом, владеющий сотнею телег, не может сохранить их от алчности министра, любящего пожить на счет мирских сборов, «доходов. Имеющий такого министра, должен поэтому поневоле запастись человеком, который бы сам его грабил, или жил на счет его же доходов». Такое положение дел согласно с поговоркой: «счастье княжества зависит от справедливости; если её не будет, не будет и желаемого благополучия народного». 39. Кто управляет княжеством, или семейством, и тратит свои доходы вместо главных занятий, тот должен находиться под влиянием какого-нибудь малого человека; он может почитать его за доброго и доверяться вполне. Но когда та же личность будет допущена к служению общественному или семейному, могут произойти несправедливости, кончающиеся падением сей же личности; даже, если бы этот человек был и действительно весьма хорошим, он не в силах один уврачевать злоупотребление. Сие можно объяснить примерной поговоркой: «не в государстве сила, но в справедливости, которою оно живет (т. е. государство) и руководится».

VI. «Сяо-цзин»¹⁸⁰ т. е. книга о сыновнем благочестии (краткая редакция)

Гл. 1. *Цель и значение рассуждения.* Однажды Гун-ни (Конфуцзы) незанятый особенным делом, подошел к ожидавшему его и сидящему ученику Цзэн. Учитель сказал: Шань, древний государь определял совершенную добродетель, как всеобъемлющее правило поведения, повсюду и всегда согласную во всем, что под небом. Пребывая в сей добродетели, и совершая оную, народ приобретал способность жить в мире и гармонии, тоже должно было являться и в отношениях между начальствующими и подчиненными, или между высшими и низшими лицами. Ты наверное знаешь, что это значить? Цзэн, сконфуженный замечанием, сказал краснея: я вполне уверен, что Шань имел полное основание судить так умно и здраво о сем предмете. Учитель сказал: таково было древнее сыновнее благочестие, и поныне оно есть корень (великой добродетели) и главный ствол, на коем прикрепляются все ветви нравственных правил и обучения. Далее, постараюсь объяснить это подробнее, а теперь скажу, что по своему телу мы обязаны нашим родителям, начиная с волоса и кончая последним куском мяса, поэтому естественно мы не должны отнюдь их оскорблять чем-либо или умалять их достоинство; таково начало или – основание сыновнего благочестия. Когда же успеем созреть в нем при постоянном преуспевании, и получим твердый характер, то смело можем рассчитывать на славное имя в будущих поколениях, и этим прославлять самих родителей: такова цель сыновнего благочестия. Оно начинается с услужения родителям; продолжается служением правителю (начальнику); достигает своей полноты в установлении характера. В больших одах княжества говорится: всегда помышляй о своем предке и упражняйся в добродетели.

Гл. II. *Сыновнее благочестие в сыне неба.* Любящий своих родителей никогда не позволит кому-либо их ненавидеть, также, как истинно их почитающий не доведет до осуждения людьми. Когда любовь и почтение (сына неба) соединены в высшей степени и он посвящает себя всецело служению родителям, то уроками его добродетели пользуются все люди обитающие внутри четырех морей (т. е. в Китае) и стараются подражать: таково сыновнее благочестие в сыне неба (т. е. императоре Китая). Известно изречение маркиза Фу о наказаниях: от благоденствия и счастья одного человека могут зависеть миллионы народа, ему повинующегося.

Гл. III. *Сыновнее благочестие в князьях мелких государств* (зависимых от китайского императора). Поставленные с властью над другими людьми, чуждые хищничества, высоко и безопасно, они обязаны прилежать об экономии в хозяйстве, тщательно соблюдать правила и законы во всей их полноте и без опущения. Чтобы надолго сохранилась эта знать (аристократия), требуется для её существования высокое и независимое, безопасное положение, – полнота богатства без особенных излишеств. Когда богатые и знатные не покидают друг друга, (живут в миролюбии и согласии), тогда они способны сохранять от гибели и разрушения отечественные алтари и хлебные магазины, споспешествовать благополучию и единству своего народа и должностных людей: таково сыновнее благочестие мелких князей. В книге поэзии о сем говорится: внимай себе, будь осторожен, помышляй, что ты – на краю глубокой пропасти и можешь разом погибнуть изменнически.

Гл. IV. *Сыновнее благочестие у высших министров и великих чиновников.* Они обязаны по одежде и регалиям всегда держаться тех, кои пожалованы им государями или даны по закону, – не произносить лишних слов кроме тех, какие освящены и усвоены в их речи; в своем поведении они должны быть образцовыми и изыскивать все пути добродетели. Никто не имеет права противоречить их священным словам, также и действиям направленным к правой стезе, ибо – по чувству истины и справедливости они не могут уклоняться в сторону даже в своей речи, ни совершать действий, несообразных с добрым поведением. Все их слова могут проистекать только в зависимости от Неба, не может быть никакой лжи в их действиях, а потому все обязаны повиноваться беспрекословно без всякого сомнения в законности и силе. Когда все сии три вещи – платье, слова, поведение, будут соблюдаться как следует, означенные министры и чиновники могут быть хранителями храмов предков: таково сыновнее благочестие высоких министров и великих чиновников. В книге поэзии о сем говорится: в служении одному человеку (т. е. императору) они всегда благородны и неутомимо ревностны и день и ночь.

Гл. V. *Сыновнее благочестие в низших чиновниках (гражд. и военных).* Повинуясь своим отцам и матерям служат им и любят равно и нелицемерно. Совершая служение отцам, также точно подчиняются и правителям, стараясь равно об оказании должного почтения тем и другим.

Любовь обнаруживается главным образом к матери, а почтение – к правителю, а то и другое в известной степени свидетельствуется отцу. Такого рода служение правителю с сыновним почтением, есть дело похвальное, обнаруживаемое вообще к высшим себя лицам ведет к повиновению. Нет погрешности в сей верности и повиновении при служении к сим лицам, которые одни способны предохранить мир подвластный, их пожитки и занимаемое место или положение, – поддержать их жертвоприношения. Таково сыновнее благочестие низших чиновников и офицеров. В книге Поэзии говорится: «рано возвышающийся и идущий поздно на покой не сочти за бесчестье для себя, что ты возрождаешься».

Гл. VI. *Сыновнее благочестие в обыкновенном народе*. Он следует течению неба (во все время сменяющихся сезонов): различает выгоды, доставляемые чрез ту или другую почву; прилежит о добром порядке в жизни и хозяйственной экономии в издержках, – о всем относящемся к порядку питания и вообще содержания родителей. Таково сыновнее благочестие простонародья. По сему правилу, все без изъятия, начиная с сына неба (государя-императора) до простолюдинов, всегда имеют неизменно сыновнее благочестие от его начала до конца, не смотря ни на какие препятствия и вихри, клонящие к поколебанию священных обязанностей.

Гл. VII. *Сыновнее благочестие в отношении к трем силам*. Ученик Цзэн сказал: поистине величие сыновнего благочестия – неизмеримо! Учитель отвечал: Да, сыновнее благочестие постоянно (по методу) в отношении неба, справедливо в отношении к земле, имеет практическое значение, по обязанностям, для человека. Небо и земля неустанно и неизменно следуют своему течению (какое возможно только замечать) так и народ сообразует с ними свою жизнь, по их образцу. Древние цари подражали блестящим небесным светилам и действовали согласно с выгодами (разного рода) доставляемыми землею, и таким образом они во всем согласовались с небом; а вследствие их поучительного примера, соблюдали совершеннейший во всем порядок, не будучи очень строгими и взыскательными, не имея над собою управителей, не гоняясь за какими бы то ни было барышами. Древние цари, взирая на своих учителей, преобразовали самый народ, стараясь сами подавать ему добрый пример совершеннейшей и беспредельной любви, и заботясь о том, чтобы народ отнюдь не пренебрегал своими родителями; подобно природе и государям сам народ продолжал их добродетель и справедливость; они ходят пред ними с почтением, держат себя весьма любезно и обходительно, – народ не имеет причин к неудовольствию; пользуясь правилами о собственности и музыкою, достигали гармонии в народе и получали благословения отовсюду; умея обнаруживать любовь и нерасположение по достоинству и при случае, достигали того, что народ понимал и силу запрещений. В книге поэзии сказано: «великий господин Инь, ты умел внушать к себе страх и уважение и народ достойно ценил тебя за то!»

Гл. VIII. *Сыновнее благочестие в правительстве*. Учитель сказал: как говорит предание, в древности, когда умные цари посредством сыновнего благочестия управляли всей поднебесной, не могло быть и речи о каком бы то ни было неудовольствии со стороны министров, распоряжавшихся в малых владениях (states); – ныне, этим заведуют более или менее князья, маркизы, графы и бароны! Бывало, сами принцы путешествовали по бесчисленным мелким владениям, с веселыми сердцами, и сами совершали жертвоприношение и служение богам, исполняя обычаи своих царственных предшественников. Ленные правители, сказывают, не пренебрегали вдовцами и вдовицами, также как ныне более дорожат офицерами и чиновниками! Поэтому то, в старину народ с веселым духом обращался к господам, и их предшественникам, шел в услужение всегда охотно. Сами родоначальники не позволяли обидного обращения с своими слугами и конкубинами; ныне – более всего дорожат вдовицами и сыновьями! Бывало, эти люди с веселыми сердцами и наперерыв, обращались к своим родителям с предложением всевозможных услуг. При таком положении вещей, все жили в благополучии, родители почивали убаюкиваемые славою сынов своих, и, принося жертвы духам почивших предков, с радостью вкушали общую поминальную трапезу. Вследствие сего, все в поднебесной жило мирно, повсюду царило согласие, беспорядков и мятежей не существовало вовсе; о народных бедствиях и бунтах не было помину. В книге поэзии сказано: «при господстве справедливости, добродетельном поведении, во всех четвертях государства существовало обычное повиновение и должное почитание».

Гл. IX. *Правление мудрецов*. Ученик Цзэн сказал: желаю спросить, почему добродетель мудрецов сильнее и важнее сыновнего благочестия? Учитель отвечал: все твари с их разнообразной природой созданы небом и землею, но человек всех их благороднее. Из действий

же человеческих нет ничего выше сыновнего благочестия, с коим неразрывно соединено самое важнейшее – почитание родного отца. С почтительным же обращением к отцу соединено непосредственное служение небу. Истину эту высказывает первый князь Кау. По обычаю форменно, князь этот приносил на боковом алтаре жертву Хао-цзи (Наи-ки) как посвященную небу, а в светелочном зале (Мин-тхан) оказывал почтение князю Вэню, с принесением ему даже жертвы как бы Богу. Следствием чего было то, что каждый владетельный князь, внутри четырех морей, также – принцы, при совершении жертвоприношений присутствовали сами. И что могло быть выше и почтеннее сыновнего благочестия, как не эта добродетель мудрецов? Ныне, чувство расположения и любви к родителям выражается более в коленопреклонении, в кормлении и содержании с ежедневным исполнением прочих мелких обязанностей. Мудрецы пришли к убеждению в необходимости поучать людей сего рода почтительности и самое чувство любви сделали предметом обучения. Наставления мудрых без излишней суровости оказались весьма благотворными и сами правительства сознали их обязательную силу и значение. Таков плод, происходящий от сыновнего благочестия, насажденного самим небом.

Отношение и обязанности между отцом и сыном сообразны с небесною природой, в них же содержится и принцип справедливости между правителем и подчиненным. Жизнь сына зависима от жизни родителей, нет величайшего дара, как передача этой жизни от родителей; как для родственника важен отец, так для правителя, князя – должно быть ценно благородное происхождение. Отсюда, нелюбящий отца как надлежит, но любящий других людей, считается мятежником против добродетели; а кто не почитает родителей и родных, но чужих людей, тот есть мятежник против собственности. Если правитель сам будет следовать правилам, противоречащим означенным принципам, то и народу нечего подражать им. Он может исключительно держаться только всего доброго и полезного, всецело посвящать себя на то, и только тогда он может считаться безукоризненным в добродетели. Всегда поступая сообразно с нею, держась выше уровня других людей, начальник не может совершать ничего чтобы не заслуживало общего одобрения. Не то замечается в отношении к человеку высшему. Когда он ведет речь, каждое слово его должно быть взвешено и наперед обдуманно; в своих действиях он должен быть строгим, своеобразным. Его сила и справедливость должны внушать к себе общее уважение и честь; как в начале, так и в конце действий он должен служить образцом для низших себя и начинающих учиться; как в движениях, направленных вперед, так и в самом удалении, он обязан руководствоваться определенными правилами. На пути, он сам должен представляться народу, обязанному взаимно отвечать почтением и любовью, подражать и уподобляться ему. Все это способствует к наглядному научению общепользующей добродетели, которой правления и веления получают действительную силу. В книге поэзии сказано: «добродетельный человек, единственно величественный, непогрешим в своем поведении».

Гл. X. *Описание по порядку действий сыновнего благочестия.* Учитель сказал: «служение родителям, совершаемое сынами, состоит в следующем: во всем вообще поведении своем сын обнаруживает всевозможное почтение: в пропитании и благосклонном обхождении оказывает всякого рода приятность и удовольствие; когда отец в дурном настроении, сын крайне беспокоится; во время траура, по погребении умершего, соблюдает явно глубокое чувство скорби и печали; при жертвоприношении духу почившего в особенности заботится о торжественной церемонии. Сын, исполнивший пять означенных требований, может быть признан правоспособным совершенно в служении своим родителям.

Служащий своим родителям, при высоком собственном положении, бывает чужд всякой спеси и гордости; а при низком положении свободен от всякой распущенности; при равном положении, он никогда не согласится на какую-либо ссору и столкновение. На высоте положения он избегает всего могущего вести к гибели и разрушению; в положении низком не подчиненность приводит к наказанию; при общей распри и столкновениях он избирается во главе вооруженных для укрощения строптивых».

Гл. XI. *Сыновнее благочестие в отношении к пяти наказаниям.* Учитель сказал: «известны три тысячи преступлений и проступков, против коих направлены пять наказаний, и ни одно из них не может сравниться с величайшим преступлением, направленным к нарушению сыновнего благочестия. Когда правитель будет поставлен в стесненные обстоятельства, тогда может случиться отрицание его превосходства; и когда не будет признаваем авторитет мудрецов, тогда может отвергаться и самый закон; сыновнее благочестие, в свою очередь, может легко

поколебаться в принципе благорасположения. Когда произойдут эти три вещи, может образоваться анархия.

Гл. XII. *Пространное объяснение всеобъемлющего правила о поведении, содержащегося в главе 1-й.* Учитель сказал: для поучения народа в благорасположении и любви ничего не может быть лучше сыновнего благочестия; для научения же соблюдения собственности и соподчиненности всего лучше дознание братских обязанностей; для изменения нравов и исправления обычаев нет ничего выше музыки; в подании же помощи в доверии начальствующим и доброго порядка в народе всего важнее и полезнее правила о собственности. Этого рода правила суть простое развитие принципа почтения (respect). Поэтому старший брат обязан в отношении к меньшему делать все удобное, также точно поступать должен и правитель, господин в отношении к лицам подчиненным или от него зависящим. Почтением требуется оказание тысячи и мириады знаков угождения людям. Одним почтением требуется мало, тогда как угодливость к людям весьма пространна. Таково вкратце существо всеобъемлющего правила поведения.

Гл. XIII. *Разъяснение «совершенной добродетели» изложенной в гл. 1-й.* Учитель сказал: научение в сыновнем благочестии человеком высшим, т. е. государем, обязывает передачу оного из семейства в семейство, отвлекает в тоже время от провождения времени членов в пустых забавах. Научение сыновнему благочестию составляет дань почтения всем отцам под Небом; научение же братскому повиновению (submission) есть дань почтения всем старшим братьям под небом; этого же рода наставления об обязанностях подчиненного есть дань уважения ко всем правителям или начальникам поднебесной. В книге поэзии (III, II, ода 7, ст. I) сказано: «счастливый и любезный в обращении государь есть отец своего народа». И может ли быть иная совершенная добродетель желаемая в высшей степени народом, как не вышеозначенная?

Гл. XIV. *Объяснение к гл. 1-й о том, как сделать, славным свое имя?* Учитель сказал: сыновнее благочестие, с которым человек высший служит своим родителям может быть перенесено как предмет весьма похвальный и на правителя (ruler); братская обязанность, по которой старший брат вступает в известные отношения к младшим, может быть понята в смысле покорного почтения к старшим лицам вообще (elders); семейный устав о том же может быть принят как образцовый для доброго управления и в официальном положении. Вследствие сего, когда подобное поведение полезно в внутреннем, чистом круге, то без сомнения может служить не малую опору в упрочении на будущее время доброго имени и последующим поколениям.

Гл. XV. *Сыновнее благочестие в отношении к упрекам выговору и замечаниям.* Ученик Цзэн сказал: я с совершенным вниманием имел счастье выслушать и запечатлеть в уме твои наставления касательно расположения любви, соединенной с знаками уважения и почтительности к нашим родителям и способу сделать свое имя славным; теперь же хочу спросить о простом повиновении (obedience) приказанием только отца, кои он может давать по правилам сыновнего благочестия. Учитель возразил: что значат эти слова? К чему они! В старину бывало, когда сыну неба представлялись семь министров (кандидатов, то он всегда испытывал наперед метод их в управлении, и, когда замечал, что недостаточен, то не хотел никогда удалять их и правом на владение государством; а когда, государственный принц, имевший пятерых министров, замечал, что они, не соответствуют его мероприятиям и расходятся с ним, то вовсе не желал иметь их при себе для пользы государственной; если главный офицер, чиновник, имел трех (непосредственных помощников), то, в подобном случае, увольнял одного (главу,) из своего рода (clan); если же подчиненный офицер (чиновник), имел своего друга, который выражал желание представиться ему (т. е. сделаться его помощником поступить на службу), то производилось всегда точное дознание и рассуждение о том, насколько он способен по характеру и достоин по имени; подобным образом и отец, желавший иметь при себе сподручного сына, на которого бы мог всегда твердо положиться, заботился о том, чтобы он как можно меньше и дальше был от бездны несправедливых деяний. Вследствие сего, как только замечаем, был случай или пример несправедливости в поведении, отец устранял от себя сына, а правитель государства (ruler), государь, давал отставку своему министру. В случае несправедливого поведения полагалось особое представление сына отцу, министра государю, подчиненного чиновника – своему начальнику, после чего следовало особое распоряжение того или другого свойства. Таковы примеры доказывающие пользу и значение послушания, подчинения, повиновения, покорности, основанных на сыновнем благочестии.

Гл. XVI. *Влияние сыновнего благочестия и ответственность в оном.* Учитель сказал: В старину умные государи служили своим отцам с сыновним благочестием; подобно и самому Небу с большим умом; служили они и матерям с тем же благочестием, а затем еще с большею разборчивостью и Земле. Следовали они правому течению (т. е. по истинному направлению) с почтением к старшим и младшим, а от этого споспешествовали уравниванию отношений между высшими и низшими по службе во всем государстве, когда воздавалось должное служение небу и земле, с умом и разборчивостью; и духовные умы блаженствовали (т. е. все небожители духи, радовались). В следствие того же (почитания и служения) достоин чести и сын неба (государь император Китая): иначе, он имеет дядей носящих его имя (surname). Он должен иметь и тех, кому может делать уступчивость по старшинству; он имеет двоюродных братьев, коим может передавать свое имя (surname) и самому оставаться старшим. В храме предков он обнаруживает всевозможное почтение, свидетельствуя это тем, что не позабывает своих родных – предков; он заботится всемерно об образовании своей личности и прилагает всевозможные работы о том, чтобы быть добродетельным, примерным в поведении, остерегается и того, чтобы как-нибудь и чем-нибудь не оскорбит своих предшественников. В храме предков, по мере выражения чувств почтения, и сами духи почивших выражают к нему благоволение. Совершенное сыновнее благочестие и братский долг доходят до неба и приводят в движение духовные существа, от коих разливается повсюду свет вне и внутри четырех морей (т. е. в Китае); своим благоволением они проникают все, замечаются повсюду. В книге Поэзии (III, I, одна 10, ст. 6) сказано: «выражая свое благоволение и воздвигая должные почести (предкам) с запада к востоку, – с юга на север, он не был рассеян, но все делал молча и величественно».

Гл. XVII. *Служение правителя (service of ruler) или царское служение.* Учитель сказал: высший человек служит своему государю (ruler) в таком направлении, что когда бывает при дворе, в личном царском присутствии, то старается как можно лучше исправлять свои обязанности, а когда удаляется со своего поста, то обещается исправлять свои погрешности и служить еще лучше. Он выходит с уважением к мероприятиям и способам преуспевания в самых похвальных качествах, старается исполнить свое обещание самоуправлением и таким образом спасти себя и других от всего дурного. В следствие сего высший и низший, оба способны с расположением относиться друг к другу с приятными для обоих последствиями. В книге поэзии (II, VIII, ода 4, ст. 4) сказано: «в сердце своем таю я любовь к государю, но что молвит могу и как выражу то? В тайнике сердца храню я её, и никогда не забуду его!»

Гл. XVIII. *Сыновнее благочестие во время траура по родителям.* Учитель сказал: когда сыновний сын справляет траур по отце, он плачет, но непродолжительным воплем; при медленном движении церемонии он уплывает большую долю внимания на всю её постановку и вид; слова его некрасивы, бессвязны; сознает постоянно, что несет на себе надолго белое платье (траурное); выслушивая же музыку, он не чувствует никакого удовольствия, при вкушении же нежных питательных блюд, не ощущает приятного вкуса: такова природа скорби и печали. После трех дней по погребении, сын может принимать участие за семейным столом; по народной убеждению, живой не должен терпеть ничего насчет покойника, и истощенность телесная, соединенная с худобой лица, не должна приводить к изъятию жизни: таково правило мудрецов. Период траура не должен простираться свыше трехлетия, и сего достаточно, чтобы доказать народу, что и он должен иметь такой же конец (т. е. все люди смертны). Гроб отделяется как изнутри, так и снаружи; также могут быть приготовлены гравированные оболочки и покров (саван), в котором завернутое тело полагается в самый гроб. Жертвенные сосуды, круглые и четверогранные, должны быть приготовлены правильно, и чтобы взирая на оные, все родные и знакомые, носящие траур, получили известное удовольствие при постигнувшей их общей печали. Женщина, бьющая в грудь свою, и мужчина с клеймом на ступне (хеет), плачущие и рыдающие, все потихоньку идут со свитой других за гробом с покойником, до самой могилы. Совершив общий совет и гадание на черепаховой скорлупе или – щите, определяют могилу и окружающее её место, затем тихо мирно опускают в землю и самый гроб с покойником. Затем устрояется храм предков, (для принятия и хранения в нем таблицы с именем почившего); с совершением при сем жертвоприношений в честь души усопшего. Весною и осенью совершается также означенное жертвоприношение, в дни особо для того определенные, по обряднику.

Служение с любовью и почтением к родителям совершаемое при жизни, не прекращается и по смерти их в соединении со знаками скорби и печали: это – основная естественная

обязанность каждого человека, которой несоблюдение может быть оскорбительным для каждого. Таковы неизбежный закон требований жизни и смерти, долженствующий осуществиться, с сыновним служением сына своим родителям, вполне и как следует, согласно с народными обычаями и обрядами.

VI¹. Сяо-Цзин (пространной редакции)

А. Идея жертвоприношения. 1) Жертвоприношения предкам не должны быть совершаемы очень часто, во избежание лишних беспокойств и волнений, ведущих к непочтительному обращению. Сего рода жертвы не могут быть желательным предметом самого человека, их совершающего; если они будут совершаться, то произойдет небрежность, а за нею неминуемо последует и невнимание, забвение самого существенного. Поэтому, человек совершенный (Superior man), согласуясь с путем Неба, совершает оные, весною – *Ио*, осенью – *Шан*. Подобно падающей росе или инею совершенный человек держит себя на жизненном пути, повсюду сохраняя теплоту печали на сердце (по умершим родителям), вместо обычного холода. Как весною, почва покрываемая росой бывает влажною, так и совершенный человек, идучи по ней, имеет на сердце тонкий ледок, скоро растаивающий; он чувствует радость при взгляде на природу, что время холода уходит. Настает период музыкальной игры – *Ио*, а *Шан* придет в свою пору, когда природа воскреснет к новой жизни.

2) Шумный праздник трехдневный с барабаном веселит внутреннее (сердце), его прекращение или замедление отражается и наружу (на вещах). В праздничное время один любит отдохнуть, другой – поболтать и побеседовать, попеть песенки, рассеяться и поделиться своими чувствами и желаниями с близкими сердцу. После трехдневного праздника начинается счет и всего, что от него досталось. В день жертвоприношения при выходе из частного дома осматривается со вниманием каждым свое место, а при выходе во врата с процессией заботится всякий сохранить спокойствие в осанке и голосе; за наружными вратами соблюдается всеми порядок, все лепечут про себя тихо молитвы с удержанием самого дыхания. Отсюда, сыновним благочестием первых царей не допускалось иметь оное только наружно, по цвету одежд, виду для глаз, ибо существовала уверенность, что предки (почившие) разумеют голос души, намерения и желания сердца нашего, и чем сильнее любовь, тем более она проявляется наружу; вид и наружность неизгладимы в душе, погрешают поэтому все, не обнаруживающие чувства почтения. Человек совершенный питает оные не теряя – во всю свою жизнь, даже по смерти не остается бесследным, так относя себя во всех предначертаниях, он получает как бы в награду продолжительную жизнь.

3) Совершенный человек, проводя всю жизнь в трауре, припоминает и говорит о днях смерти с приличными оным чувствами. В дни поминовения родителей, он не занимается даже никакими иными делами, дабы не впасть в какое-нибудь несчастье; любя предаваться приличным дню воспоминаниям, он удаляется от мыслей и дел частных.

4) Он один есть святой (Шэн-жень), способный угодить Богу, и как единственно сыновний сын, может послужить и ближним. Средством угождения служит – поклонение, с поклонами соединено сердечное расположение, а с ним неподдельное служение предкам. Сыновний сын поэтому подходит к Ши (представляющему предку) без всякой чрезмерности (в настроении и наружном виде). Хозяин, принося жертву, занимает первое место, женщина приносит заступ, домохозяин становится представителем, жена – подносит жертвенные сосуды; губернатор помогает князю, знатная женщина есть классная дама (т. е. имеющая чин, почет); всё наперерыв стремится к выражению чувств почтения, набожности, оказании к умершим предкам полнейшего внимания и любви.

5) Князю Ваню доселе совершаются жертвы, какие он сам приносил своим предкам при жизни; будучи живым он любил жить, как они и думать как умерший. В дни, посвященные поминовению родителей, он был печален, провозглашая жертвенное имя обращался к почившему как бы лицу пред ним живостоящему, самую жертву исполнял с большим благоговением, поскольку любил родителей, когда они были живы, таким старался сохранять и внешний вид их изображений. В Оде кн. Ваня, 11, 5, II, говорится: «Не во сне, но наяву ясно вижу я душою своей, как с пониклою головой стоят предо мною отец и мать». В день сожжения жертвы в честь их, проведя бессонную ночь, с рассветом вставая, шел он на место для пробы священного мяса, в самый же день принесения жертвы, деля радость с печалью в душе, после всего, отходил он серьезный.

6. Конфуцзы принося жертву осенью, с приближением к ней и в самом исполнении, любил сохранять строгость и все движения его отличались спокойным величием, как сообщал Цзи-гун, по окончании жертвы, он однажды подойдя к Конфуцзы, хвалил за произнесение жертвенных

формул и все действия, как исполненные с грацией и внимательно. На что получил замечание: «Да разве ты бы мог совершить оные без внимания и величия?» Причем Конфуцзы добавил, что только внимательное отношение к положению и движениям тела, благородное обращение к духам в молитве, чуждое небрежности, служить единственным средством и их к нам внимания. Поэтому, даже речи не может быть о каком-либо нерадении и неприятности при обращении к духам. Как в расположении жертвенных мяс и прочей пищи соблюдается полный порядок, и все устроится при участии полной оркестровой музыки и с церемонией, так и самые чиновники в ней участвующие и прочий народ соблюдают все требуемое чином без отступления от правил оного. Уместно ли здесь какое-либо беспокойство? Возможны ли сторонние и бесполезные разговоры?

7. Сыновний сын при жертвоприношении остерегается, чтобы не приготовить чего-либо нерадиво и криво; в тоже время, безмолвно все стараясь приготовить в свое время, он сохраняет спокойствие духа. Он очищает свой дом и дворы, оmyвает стены и пол, разную рухлядь и вещи, имеющие быть в употреблении; муж и жена готовятся по праздничному и оmyваются, все облачаются в одежды, приносят жертвы и дары, серьезно, обдуманно, последовательно, без шуток; чувства сыновнего почтения во всем усугубляются. Подносы с жертвоприношениями, обряды и музыка в их последовательности, все служащие с чтением молитв про себя, и чаша с возлиянием и поднесение даров, все сие заканчивается молитвенным обращением и формулой главного совершителя жертв. После всего беспокойства (приготовления к церемонии) все собравшиеся вступают в общение с духами, даже как бы разделяют с ними трапезу, – таково внутреннее настроение сыновнего сына.

8. Жертвоприношение сыновнего сына есть совершенно искреннее чистосердечное, полное веры и верности, почтительное к глубокому уважению, совершенное в обрядах без излишества или какого-либо недостатка; приближаясь и уклоняясь, он должен быть почтительным, как бы выслушивающим требование духов и исполняющим все им угодное.

9. Жертвоприношение сыновнего сына может быть легко узно для наблюдателя в самом спокойствии его движения, с приятною почтительностью в самом принесении, со всем приличным благожеланием; удаляясь от оного он останавливается неоднократно, как бы для получения приказаний; по окончании всего он хотя и удаляется, но так, что общее настроение почтения ни на минуту не покидает его лица. Если ж при жертвоприношении сыновний сын останавливается без наклонения, со всею твердостью позы, и идет вперед без должного приличия, то может быть для других неприятным, казаться не имеющим расположения к любви, далеким от твердости души и получающим приказания с гордостью; даже и в конце всего он коснеет в несоблюдении общего почтения и спешит как бы поскорее только от него отделаться. Такого рода жертвоприношение конечно не имеет ни малейшей силы и для совершающего оное совершенно бесполезно.

10. Сыновний сын, истинно расположенный к любви, должен иметь мирный характер, и проявлять оный наружу; сопровождая приятным обхождением с другими. Сыновний сын подходя к своим родителям, должен иметь в руках нефритовый камень, подносы с приношениями, которые и передавать с серьезностью, расположением, и приятным видом. Будет дело бесполезное, когда-то же совершается нерадиво и холодно, сурово, без удовольствия для родителей; такое обращение свойственно самому грубому простонародью.

11. Древние государи управляли царством чрез пятерых правителей (министров); они ценили добродетель, старости оказывали почет, возвышали старших, симпатизировали молодым, руководясь пятью основными принципами упрочивали благополучие государства. Что ж побуждало ценить добродетель? То, что она содействовала государя близким к истине (дао), чрез неё возвышались и сами правители. Они ценили старых людей потому, что были близки к родителям; почитали старших, потому что они были близкими к старшим братьям; симпатизировали юным потому, что те были близкими детям. Высшее сыновнее благочестие поэтому всегда неразлучно с государем, самого императора побуждает признавать отца родного; высший братский союз должен быть образцом для государя (lord) с его князьями (princes), и князья государственные должны почитаться как братья и подчиняться старшему из них (государю). Поскольку сохраняются в чистоте наставления древних государей и передаются потомкам без повреждения, государство и семейства управляются оными счастливо.

12. Конфуцзы сказал, что начало установления любви коренятся в самих родителях, и что от согласия между ними зависит миролюбивое настроение подданных; – из отношений же почтения между старшими возникает и упрочивается субординация подданных. Он учит, что посредством

симпатии и согласия подданные приходят к оценке родителей, а от отношения с почтением к старшим они научаются ценить в жизни согласный способ действий с требованием и распоряжениями сих старших. Если ж сыновнее благочестие состоит в служении родителям и соподчинении их воле, то и в самом государстве не может происходить никакой несообразности с этим законом.

13. При жертвоприношении пограничном (Border sacrifice) или разлучении почившего с миром земным, плакальщики не должны слишком предаваться горю, также выступать за врата своего государства в траурном одеянии с печалью, но с соблюдением возможно большего почтения. В день жертвоприношения, правитель (ruler) закалает жертву, наследник отвечает правителю, губернатор следует своим порядком. По вступлении в дверь храма жертва привязывается к каменному столбу, губернатор, засучив рукава, подойдя поближе, подвигает и тянет за уши и волосы жертвенного тельца к мяснику, который взяв нож феникса (phoenixknife), выпускает кровь и жир из внутренностей, поворотив, опускает в (котел) для варки жертвенного бульона, приготовляет из сырого мяса кушанье и затем обратно вынимает оное вон. Таково священнодействие величайшего почтения.

14. Означенного рода жертвоприношение совершается как выражение признательности и Небу, главным же образом солнцу и вместе с ним – месяцу. Государями Ся устроялось жертвоприношение ночью, среди мрака (солнцу и луне), началу Инь при рассвете, а при династии Чоу утром и в сумерки.

15. Жертвоприношение солнцу на алтаре и месяцу над пещерою или колодцем (hole), в отличие между светом и тьмою; и в обращении к верху и низу (зенит и надир). Жертвоприношение солнцу совершается на востоке, а месяцу на западе, в отличие между внешнею и внутреннею сторонами и для указания их положения. Солнце поднимается на востоке, месяц возрастает на западе, дни удлиняются, сокращаются, кончаются и начинаются в Инь и Ян, т. е. в двух силах, соответствующих сим светилам и исполняющих мировую гармонию.

16. В конце обрядов государственных делается обращение как и в начале, прямо к духам враждебным и добрым, для выражения гармонии справедливости и смирения; затем обращаются к тем духам, коими воздается честь высшим, и от коих зависит неизбежное основание народного благосостояния; при этом соединяется мысль, что по силе справедливости не будет разногласия вверху и внизу и противоположности друг с другом, от всякого вообще столкновения порождающего ссоры и мятежи. Эти пять, вообще, причин соединенных вместе считаются вообще достаточными для управления государством, и всякое извращение их может повести к несправедливости и ничтожеству.

17. Цзай-го сказал: слушая имена демона и духов (spirite), не знаю как о них думать. Учитель отвечал: дыхание (breath) есть приемник духа, одушевление же (animation) есть вместилище (receptacle) демона или души (soul); соединение сего демона с духами (spirit) есть верх совершенства научного (teaching). Каждое живое существо должно и умереть когда-нибудь, все мертвое должно возвратиться в землю, это есть демон; кости и мясо, падая в темное место, внизу становятся обыкновенною землею. Ветер, дыхание распространяют в верхней области, откуда происходят, ослепительный свет, поднимаются благовонные испарения и которые могут быть обоняемы нами, – таковы сущности разных вещей, как проявления мирового духа. Этой сущности свойственно в высшей степени упорядочение и доброе расположение, достойные славы распоряжения, направленные к чести духов и служащие образцом для черноголовых (т. е. народа, черни), всей массы чиновников, благоговейно собравшихся, и всех подданных, смиренно повинующихся власти. Святой человек держится действий (почтения) даже в недостаточно построенных общественных зданиях и частных домах, равно – в нарочно сооруженных храмах, с отличием отношений людей своих и чужеземных, непохожих одни на других, – он поучает народ уроками глубокой древности, обращает внимание на начало и ободряет всех к возрождению и распространению рода далее. Народная масса, следуя сим внушениям, спешит пользоваться и руководиться в жизни, распространяя оные и далее. За означенными и крепко установленными двумя основными догмами (*hi* и *pak*), восполняемыми двумя обрядами, следует правильное расположение предметов для утреннего богослужения, – всесожжение и благовонное курение, смешанное с дымом *artemisía* для освежения Духа (*hi*). Народная толпа, наученная всему этому, обращается снова к началу. По принесении жертвенных зерен, мяса, печенки, легких, головы, сердца, сопровождаемых двумя кружками вина (*jars* – 80 пинт или кружек малых, подносимым странствующим духам, душа получает свежесть и народ научается любить друг друга, высшие и

низшие волнуются взаимно чувствами расположения и радости. Такова высочайшая степень предметов, составляющих богослужебную и церемониальную собственность.

18. Совершенный человек, при обращении к древности, не забывает и начала, – времени своего рождения; он всегда полон чувств почтения, подвижен в чувствах стремления к занятиям в надлежащем порядке и к оживлению своих отношений, во всех случаях не позволяет доводить себя до недостатка и лишений. В древние времена император, владея в общей сложности на 1000 м. землю, размежеванную в порядке красной веревкой, сам лично возлагал руку на плуг и вспахивал почву. Князья государственные, владея землею на 100 м., размежеванною для удобрения полосами посредством синей веревки, служили по чину небу, земле, горам, рекам, обрабатываемой почве, зернам и древним предкам, производя сладкие и душистые предметы, и сдобные пирожки на сливках. Добывая себе прибыль от собственных трудов они отличались и выражением чувств великого почтения духам и означенным силам и предметам природы. Древние императоры и князья государственные всегда сохраняли и животных в особенном для них помещении, где и выкармливали как следует. С наступлением времени года, они приступали к праздникам, очищаясь сами и лично принимая участие в утреннем богослужении. Жертвы для их принесения императором и князьями государственными точно также приготавливались ими. Таково было действие высокого почтения. При сем правитель (ruler) выкликал жертвенный скот, принимал и осматривал оный. Когда все благоприятствовало принесению жертвы и скот был откормлен для убоя, имел жир, – немедленно заколался и приносился кому следует в свое время. Правитель (ruler) надевал кожаную одноцветную одежду в 1-й и 15-й день месяца, и тогда приносил жертву, стараясь проявить везде свою силу и спокойствие. Таков высочайший пункт сыновнего благочестия. Древние императоры и государственные князья сохраняли известное отделение при жниве для разведения шелковичных червей; вблизи реки строили обыкновенно для сей цели дом с стеною в 10 футов высоты, замкнутый снаружи и обнесенный терновым кустарником вместо ограды. С приближением первого рассвета, утром, правитель (церемонии) одевал одноцветное хлопчатобумажное платье, тогда как первые дамы и знатные из трех дворцов отправлялись совершать гадание по благоприятном в том предзнаменовании, брали для сего шелковичных червей и уносили в помещение, для них назначенное. Взятые яйца смывались прежде в реке и проносились в тутовую аллею на общественную плантацию, на открытую площадь для выкармливания. Чрез четверть года, благородные дамы, закончив воспитание шелковичных червей, брали их из кокон и показывали управителю (ruler), а самый кокон подносили первой даме, получив который та делала распоряжение, чтобы для управителя было изготовлено жертвенное одеяние. Одевшись в платье царицы, он брал коконы в свои руки, возвращал, взамен их, и как знак благодарности, – целого барана с передачею благородной даме, замечая, что сей обычай поднесения кокон принадлежит к временам очень давним. С наступлением благоприятного дня приходила первая благородная дама с катушкою, на которую намотавши шелковую нить трижды погружала в воду с рукою, засим, она раздавала милостиво первым и благородным дамам трех дворцов, на вюшку, распределяя по цвету нити, красный и зеленый, черный и желтый, и назначая самые места на ткани с разными узорами – насечками, квадратами, фигурами. По исполнении всего этого, управитель облачается в сего рода цветное одеяние и совершает жертву древним царям и князьям, как знак высочайшего своего к ним почтения.

19. По выражению совершенного человека (Конфуцзы), собственность и музыка должны быть с человеком неразлучны. Если музыка содействует доброму направлению сердца, возбуждает чувства удовольствия, правильности, то также с избытком производит сострадание, чувство чести; с нею неразлучна радость, с радостью – мир; где мир, там и продолжительность небесной жизни, где небо, там и духи. Небо не говорит, но мы верим в него. Духи не обнаруживают гнева или боязни, и они заслуживают почитания. Если музыкою приобретает правильность сердца, и управляется самое тело, то она справедливо пользуется всеобщим уважением. Если в сем заключается издревле причина почтения к ней, то без её гармонии ни на минуту не может быть в сердце радости, без которой всегда является притворное чувство или неопределенная середина. Когда же выступает наружу это состояние, то значит душа остается без силы и почтения. Музыка поэтому производит внутри движение, чего не имеет благоприятие; музыка есть крайняя степень гармонии, благоприятие есть чрезвычайное согласие (повиновение). Если внутри существует гармония, и без мирного согласия народ не в состоянии правильно смотреть на наружные действия правителя и сам не волноваться, в таком случае ему поведение и отношения

черни могут представляться тяжелыми и небрежными. Когда главной добродетелью движется все внутри и народ не желает ей повиноваться, то руководящие принципы заходят свои границы, но сам народ далеко остается в следовании оным. Поэтому-то говорится, что когда повинуются истине (дао) в благоприличии и музыке, тогда остается незыблемым и империя, она увеличивается внутри и возрастает снаружи без затруднения. Музыка движет внутри, благоприличие – вне. Благоприличие поэтому главным образом есть отрицательная, уменьшающая сила, музыка – умножающая и положительная. Благоприличием всё умалывается и движется вперед, и в ускоренном движении всё становится прекрасным. Музыкою умножаются повороты, обращение (как бы нотным ключом), и самые обороты делаются изящными. Если при благоприличии внешнее обращение совершается не заметно, то следствием является разложение или прекращение действий; когда же исполняется музыка с внешними её оборотами, происходит в конце всего – рассеяние. Благоприличием поэтому исчерпывается вся полнота, музыкою – её обращение (turning). Когда благоприличие становится интеграцией, происходит радость; если музыка совершает свой оборот, наступает мирное настроение духа. Смысл интеграции в отношении к благоприличию и обращению музыки – один и тот же.

27. В древние времена государи Ю почитали добродетель и оказывали уважение возрасту, государи Ся почитали достоинство и возраст; государи Ян с уважением относились к миру и времени; государями Чэу чествовались благородные отношения людей и возраст. Ю, Ся, Ян, Чэу имели совершенных государей, кои не пренебрегали возрастом людей; воздавая должное престарелым, они содействовали многолетию своих владений, и сами служили непосредственно своим родителям.

Б. Дополнения к «сяо-цзин», XII-я гл. нэй-цзе, т. е. внутренние семейные правила, (по переводу Г. Фабера на английском языке)¹⁸¹

1. Государственные князья и государи, суть великие деятели (grand-administrator), направляющие миллионы подданных на стезю добродетели.

2. Все сыновья, служащие своим родителям, желающие лучше угодить им, обязаны прежде всего очень рано утром (с пением петуха), омыть руки и уста, расчесать волосы и заплести их в косу и завернут кругом головы, укрепить иголкой, вплести шнурок, и мгновенно потрясая пучок с волосами вздергивать их с головою и проч., завязать шнурок шляпы, подпоясать фартук на одежду, и подходит к письменной таблице (предков). Справа и слева на одежде должны висеть концы пояса, как и всегда; слева подвешивается платок носовой, оселок (точильный камень) и малый стилет (кинжал), металлическое зеркало; с правой же стороны – подвешивать нефритовый угломер, трубку для писчих кистей, с рукоятью, ножик в ножнах, широкое железное огниво и древесный трут для добывания огня, контурны (башмаки) и пучок тесьмы для их привязи на ногах.

Женщины обязаны угождать и служить своим законным родителям – отцу и матери. Для этого, с криком петуха, должны, вставши с постели омыть свои руки и уста (выполоскать рот и очистить зубы), гребешком расчесать и убрать волосы, приколоть шпилькой, связать, и опоясать свою талию поверх платья. Слева, должны привязывать к кушаку столовый платок (parkin) и носовой, нож и оселок, малый стилет и металлическое зеркальце; справа должно привешивать коробочку с иглами, прядь ниток, клубок хлопчатобумажника хранимых в особом мешочке, широкое огниво и древесный трут с фитильною ниткой. Они должны прикреплять тесьмы, прицеплять шнурки к башмакам, давать место и честь отцу с матерью и родным по закону. Когда случится о чем-нибудь спросить их, – должны подойти и говорить нежно, тихим голосом с низким тоном, предлагать точно также им одежду, согревать при холоде и прохлаждать при жаре, если ж родители слабы или очень больны, должны почтительно лелеять их и покоить до старости. При выходе куда-либо должны спрашивать с почтением позволения отлучиться, а если придет кто – также точно предвещать их. При умывании юные, должны подавать сосуд с водою, старшие – брызгать и обливать ею и затем отереть лицо, руки и прочие части тела, насколько будет нужно. По окончании омовения, они берут полотенце, и спросив – неужгодно ли еще? – с почтением идут вперед получая одобрение и благодарность за удовольствие. Совершив поклоны, подносят затем вино, суп, бобы и всякого рода зерна, какие найдутся; в известные дни должны приносить орехи, сладкие пироги, с медом или сахаром, растения нань и ву, ильмовое семя свежее и сушеное, отварный рис очищенный заранее, с приправою жира или масла. И когда отец с матерью, и родные по закону, покушают все это или попробуют, тогда подающие должны удалиться.

3. Мальчики и девочки, прежде чем наденут на голову шапочку или прикалывать будут шпилькою косу (знаки половой зрелости), должны рано, с пением петуха, вставать с постели, омыwać свои руки и лицо, а косу расчесывать гребнем, заплетать в нее шнурок, завязывать шнурками ножные башмаки и чулки, убрать парикмахерски голову, свивать узелком тесемки шапочки внизу подбородка, повесить к поясу благовонные вещицы. И как только рассветет обязаны отправиться в комнату родителей для визита и спросить – что они желают покушать и пить; если же они раньше покушали и удалились, то достаточно поднести разжиженный напиток (из чаю или супа), и пока будут пить одни из детей (старшие) стоять ожидая скончания, другие только пристально издали смотрят.

4. В доме (сверх вышеупомянутых детей и женщин), рано утром (с пения петуха) и после, как все встанут, омоют руки и уста, должны быть также очищены и поставлены на свое место в порядке все вещи, свернуть постельные принадлежности, должны окропить водою и подмести пол, стереть повсюду пыль в комнате, в зале и приемной, где разосланы циновки; каждый член семьи должен затем заниматься своим делом. Спящих младенцев, когда они пробуждаются и кричат, должно немедленно кормить и очистить, затем снова дать отдыхать; так поступать, не ожидая строго определенных сроков времени.

5. В доме степенного ученого чиновника, состоящего на правительственной службе, отец и сын должны занимать особенные помещения; сын, в свои часы, делает формальный утренний визит своему отцу с выражением почтения и любезности, а с восходом солнца (т. е. на рассвете) каждый из них занимается своими текущими занятиями. В полдень отец созывает семью и от всех получает обычные выражения почтительности.

6. Если родители и родные по закону изъявляют желание отдохнуть (среди детей и женщин), то последние вежливо подают им для сидения циновки и просят присесть. Младшие из них при сем ставят малый столик для кушанья, около коего устроят и самое ложе, тогда как слуги приносят малые скамеечки, на кои бы можно было облокотиться или прислониться, подстилают под них циновки и накрывают сверху другими, развешивают ковры, подкладывают подушки, кои также накрываются складными циновками.

7. Вещи для родителей и родных по закону не должны быть переносимы, сюда относятся – их одежда, ковры, настольная скатерть со столиком, циновка, подушка, скамеечка для облокачивания; равно почитается родительский посох и кресла, к ним никто даже не смеет приближаться без страха; плетеные корзинки для зерна, винные кубки и чаши для воды не должны быть выдаваемы никому стороннему, исключая оставшихся без употребления; все сии вещи только и могут быть постоянно употребляемы родителями и самими близкими с ними живущими.

8. Когда родители живы, дети и женщины регулярно утром и вечером питаются остатками с их стола, для поддержания своей жизни; они кушают за вторым столом, когда за первым насытятся родители. За смертью отца, когда жива мать, её сыпь (старший) кушает за первым столом, все же прочие дети и женщины за вторым столом, как и в первом случае; лакомые блюда и студенистые вещи раздаются прямо детям, по частям и кусочкам, без ожидания вторичного стола.

9. Когда родители, или родные по закону, спрашивают кого-либо (из младших) по делу, те почтительно являются в них с ответом. Приближаясь, удаляясь и обращаясь к ним проворно и ласково, отходят затем на свое место с выражением повиновения. Не дозволяется отнюдь при сем всякого рода потягивание и напряжение с зевотой, отрыжкой, чиханием, возлежание как на постели, неестественное движение и стояние, наклонение, не должно также вертеться, сморкаться прямо из носа на пол; когда холодно (детям и женщинам) двойной одежды не полагается, а когда они чувствуют зуд в теле, не должны чесаться; при почтенных занятиях они не должны обнажать слишком руки и плечи; не должны они делать на одежде креста снаружи кушаком, но опоясывать только талию; внутренние части тела, покрытые наглухо одеждою, не должны быть видимы наружу.

10. Слюна и сопля родителей не должны быть видимы; грязная тесьма шапки должна быть промываема с золою, также должно очищать и мыть самую одежду. Если на ней окажутся прорехи, дыры, то должны быть немедленно зашиты иглою с ниткой так, чтобы были незаметны. Чрез каждые пять дней голова должна быть очищаема водою из таза, а чрез три дня тоже должно быть совершаемо слегка и наскоро. Если на лице и ниже окажется грязь, то она омывается тоже водою из таза, также и все тело, по мере надобности; когда же все тело, с

головы до ног, окажется грязно – промывается водою и отирается полотенцем без замедления. Малые дети прислуживают при сем старшим, низшие – служащие благородным господам, каждый поступает сообразуясь с временем года.

11. Мужчины о внутренних делах своего дома не говорят ни слова, также как и женщинам строго воспрещается судить и рядить без умолку о делах внешних, их не касающихся, при жертвоприношениях и трауре они не могут передавать друг другу сосуды. При передаче сих вещей в корзине, и без неё – прямо принимаются в руки; женщины должны сидеть на стуле. Внешние и внутренние жилые покои не должны быть общими у обоих родов, но раздельно; также точно, – отнюдь не могут они мыться вместе или вообще одеваться, самые спальни и принадлежности оных должны быть раздельными и не браться на время для пользования одними у других; как мужчины, так и женщины носят свое платье, не смешивая одно с другим. Беседы во внутренних покоях не должны быть очень продолжительны, а во внешних отделениях и отнюдь не должно вступать с какими-либо бездельными разговорами. При входе мужчинам во внутренние покои воспрещается ему свистанье (как сигнал), достаточно, если он сделает движение перстом; ночью он может выходить на двор, по улице с фонарем, ибо не имея оного может вдруг остановиться. Женщина, выходя на двор или на улицу, обязана закрыть свое лицо, ночью, она также выходит с фонарем, которого не имея может останавливаться. По уличным дорогам мужчинам предоставляется правая сторона, а женщинам – левая.

12. Сыновья и жены в силу сыновнего благочестия и почтения не должны оказывать сопротивления требованию родителей или родных по закону, или исполнять оные лениво и медленно. Когда родители предлагают что-либо покушать или выпить, то они не должны разом все потреблять, но только слегка отведать, и возвращая обратно вежливо благодарить; равным образом, когда родители представляют детям свою одежду, в коей они нуждаются, то последние должны надевать её, но быть терпеливыми. Когда родители идут по делу, для исполнения известных обязанностей, дети и женщины не должны слепо подражать им в том же, но делать свое дело, а если кто и пойдет, то должен возвращаться после них или сопровождать позади.

13. Если сыновья и женщины утомятся в деле, и будут продолжать, чрез это отцу или супругу будет доставлено большое удовольствие, и облегчится их труд, самый отдых для них будет продолжительнее и приятнее. Наоборот, дети и женщины, не обнаруживающие надлежащего своего почтения к родителям, всегда будут оказывать свое отвращение от угождения им и помощи, хотя-бы и получали наставления. Если ж родителя захотят еще поучить, то рискуют получить обратно большое оскорбление; но если дети будут так и дальше поступать то могут быть изгнаны из дома, жена должна развестись без всяких публичных формальностей. (Такова священная власть родителей и мужа!).

14. Когда отец или мать совершают несправедливость в чем-либо, то сын с смиренным видом и скрадывая самое дыхание, низким и ласковым голосом должен делать свое замечание или упрек; если сие окажется мало полезным и безуспешным, то сын может выражать тоже более усиленно и еще с большим почтением, как требует долг сыновнего благочестия; если угодно будет, он может даже войти с представлением к родителям о их неправомерности в образе действий. Если же сие будет негодно, то сын имеет право войти с донесением в ближайшую или отдаленную общину о сделанном с его стороны предупреждении родителей – не совершать дел оскорбляющих небесное правосудие. Если отец и мать по своей злобе и неистовству будут бить сына и наносить кровавые ушибы и раны, то он не должен платить тем же, но усугублять выражение сыновнего почтения и всячески переносить обиду.

15. Если отец или мать имеют сына от рабы и любят его нежно как свое родное дитяще или внука (внучку), и когда эти отец и мать умрут, то и сын этот должен быть почитаем и любим (прочими родными) во всю свою жизнь, без всякого зазрения и обиды. Если ж сын имеет двух конкубин, в родители полюбят одну из них, а сын другую, то в отношении одежды, прокормлении, обязанностей, не полагается особенного различия, и тот и другой должны действовать не обижая; если ж отец умрет, то сын не должен оставлять без пропитания и призрения любимой им при жизни женщины. Если сын крайне полюбит свою жену, хотя родители и не совсем будут относиться к ней любезно, то ему может предстоять неминуемый развод. Если ж сыну не будет приятна жена, а родители полюбят её, то могут сказать, «ты хорошо нам служишь и угождаешь, наш сын, хотя позволяет себе нарушение долга мужа к жене, но и мы не позволим обижать тебя во всю твою жизнь. (Живи с нами и не уходи)».

16. Когда отец и мать умерли, то сын, остающийся в живых, есть представитель их почетного имени, верный портрет их, в исполнении воли и образа действий. Если же чего-нибудь из сих качеств недостает, то и сын несет позор и немилость от своих родителей и конечно будет жить несчастливо.

17. Если отец по закону умер, и законная мать будет стара, то жена дома (первая) может заменять их обоих, в приглашении гостей и для жертвоприношения родителям; тогда как второстепенная жена должна у ней испрашивать во всем дозволения. Родные по закону не следуют примеру праздности первой жены, также и друг живущий с которой-либо из жен второстепенных. Если законные отец и мать пользуются услугами второстепенной жены, то она может спокойно угождать им и в то время, когда будет ненавидима первой женой. Требуется также, чтобы при прогулках, она сопровождала родителей по их желанию наравне с первой женой.

18. Каждая жена, если не уйдет в свои покои, не должна отказываться от прогулки с родными по закону. Если жена находится при своих занятиях, будут они большие или малые, должна на совершение их испрашивать дозволения законных родных. Жена сына частной собственности не имеет, ни своих частных домашних животных, ни собственных сосудов, поэтому она не может ничего дать кому-либо из них, ни даже обещать какой-либо вещи.

19. Если кто сделает жене подарок, состоящий из съестных припасов, одежды, обуви, шелка, опоясывания с украшениями или благовонных вещей, то она обязана, по получении оных, принести своим родителям по закону; когда они примут, то и жена (сына) исполняется радости, и сама снова получает от них подарок. Если подарок будет возвращаться, она должна уклониться; а когда не будут требовать этого, жена может принять как лично ей данный подарок. Запасаясь сего рода подарками, она сберегает их на случай недостатка, и таким образом кормит родителей. Если ж, в случае нужды кровных братьев она пожелает поделиться сим избытком, должна спросить позволения родителей; получив согласие, может поступить как сказано.

20. Сыновья первой жены и второй относятся с почтением к своему отцу и его старшей жене. С почтением только и благосостоянием должны они вступать в дом своего домовладыки; чрез это они могут иметь множество телег и сопровождающей прислуги, путешествовать повсюду, хотя бы самих их в доме было немного. Дети и братья, владея сосудами, одеждою, мехами, одеялами и коврами, упряжью и конями, могут предлагать для домохозяина только наилучших, предоставляя второстепенное употребление прочих вещей остальным лицам. Если ж они ничего не могут из помянутого доставить своему начальнику, то лишаются даже права вступать в дверь его дома, ибо они ничего не приносят ни из славы имени, ни из богатства, в пользу своего рода – племени, своего отца и братьев (из кровного древа рода). Если ж они богаты, то представляют две жертвы и лучшую – своему начальнику. Как муж, так и жена исполняют празднества и ходят с засвидетельствованием почтения к членам рода. По прекращении домашних работ они приносят жертву частную своим близким почившим родственникам.

21–40. Меню кушаниям, 38–39, дурные на вкус, животные и кушание (о них умалчиваем).

44. Цзин-цзы сказал, когда сыновний сын заслужит расположение стариков (отца с матерью), будет угоден их сердцу, не будет поступать против их воли, и в глаза и на стороне по слуху, будет устроить все потребное в их благополучию и покою в спальне, кормить их и поить и обходиться как нянька, – тот счастлив. Такой сыновний сын не только закроет очи своих родителей и удостоится похоронить их честно, но и сам свою жизнь проведет и кончит счастливо и мирно. Ибо родители всегда любят тех, кто их любит и почитает; такой сын будет жалостлив в отношении даже к псам и коням, и которые также будут чувствовать его расположение и угождать сколько могут, не хуже существ человеческих.

55. Собственность возникает с заботливостью о ней между мужем и женою, (т. е. в семейном союзе, с коим неразрывно и понятие о доме, хозяйстве). Построение жилых покоев, внутренних и внешних дворов, их разделяющих, отделения для мужчин наружные, и отделения для женщин внутренние в доме, должны быть наблюдаемы строго; по большей части двери и жилые покои охраняются евнухами, на женской половине, куда вход всем сторонним мужчинам строго возбраняется.

56. Мужчины и женщины, имея каждый соответствующее полуодеяние не должны оное смешивать при употреблении, но тем более, супруг и супруга; имеющие каждый свои сундуки для платья и белья, хотя и могут мыть и очищать в одном месте, когда муж отлучается куда-либо из дома, берет свою подушку, сундук, комнатные одеда и циновку, лук в чехле, и тогда

отправляется куда нужно. В всех сих случаях младшие помогают старшим, подчиненные своим начальникам, прислуга – хозяевам.

57. Правила о собственности между супругами имеют свою силу только в течении 70-летней жизни, и свои вещи могут сохранять до сей поры вместе без всякого опасения. Конкубины до достижения 50-летнего возраста, обязаны прислуживать по пяти дней сряду (у князей, у императора – однажды чрез 15 дней). Император имеет 81 служанок, угождающих ему в 9 перемен, каждую ночь по 9 человек, 27 служат по 3 ночи, 9 по одной ночи и однажды – государыня, проводящая с ним 1 ночь, всех вместе 15 ночей. *Да-фу* губернатор – имеет 1 жену и 2 конкубин, каждая проводит с ним две ночи; *Ши* – ученый имеет одну жену и конкубину, с одной проводит 2 ночи. Все желающие быть крепкими, должны обмываться, тщательно наблюдать за одеждою, расчесывать волосы и обертывать ими голову, вплетать в косу шелковой шнурок, встряхивать при уборке волосные пряди, связывать тесьмою шапочку, и привязывать накрепко шнуром башмаки к ногам. – Служанка-раба и конкубина должны быть одеваемы и прокармливаемы своими господами подобно им. Когда жены законной не бывает дома, домохозяин-супруг может спать одну ночь с конкубиной – ему услуживающей.

58. Жена пред тем временем, когда ей приходится разрешаться от бремени младенцем, в последний месяц и день должна жить в отдельном жилом удобном покое дома; тогда как муж по дважды в день посылает нарочных справляться о здоровье болящей супруги. При родах он сам помогает, но так, что не должен видеть лично жены, около которой должна быть на сие время нарочная женщина-бабка, пожилая, которой та обязана говорить все о себе и получать должные советы. После рождения младенца, супруг также должен по дважды в день справляться о здоровье роженицы и ребенка, чрез других, хотя бы муж был и очень крепок здоровьем и имеет мужество, но в данном случае отнюдь не должен переступать даже порога в отделение супруги, и если будет очень нетерпелив, то может узнать, что желает, стоя за дверью соседней комнаты.

59. По рождении младенца мужского пола, налево от двери ставится лук, а если дитя женского пола, то справа двери привешивается носовой платок. По истечении трех дней новорожденный младенец носится кругом. Для младенца мужского пола, по случаю его рождения, совершается праздник сопровождаемый стрелянием (из лука), для младенцев женского пола сего не полагается. Замечено, что младенец мужского пола спит на постельке, женского же пола – на земле, первый одевается в дни праздничные и траура, второй остается в ночном платье, мальчик любит играть дорогими камешками, девочка забавляется земляными, фарфоровыми или глиняными игрушками. (Ср. кн. од II, 4, V, 8, 9).

60. При рождении наследника-сына у государя или князя, делается им о том объявление народу и провозглашение, сопровождаемое великими жертвами (животных, мясо коих подается как укрепляющее средство матери новорожденного). Совершающий жертву, каждый раз сопровождает оную чтением молитв. На третий день является гадатель; когда знамения им будут найдены благоприятными, он останавливается, совершает очищения, одевается на внешнем дворе в особенном здании жертвенных предметов и облачений (*vestiarium*), затем распекает безостановочно приличные торжеству оды. Стрелок, взяв тугу натянутый лук в руки, пускает 6 стрел из тутового дерева на небо, в землю и на четыре пункта горизонта; сторож, подбирая оные, переносит к новорожденному ребенку. Совершитель обряда любезно берет на руки ребенка и подносит ему в дар пучки шелка. Жена гадалея и конкубина управляющего (*governor*) кормят между тем самого младенца.

61. Для официального признания сына (законнорожденный), назначаются три дня семейного торжества. Для первенца полагаются жертвы, сам же народ подносит пирог и поросенка, степенные же ученые – пирог и поросятину; управляющий совершает малые жертвы. Для наследника же сына, князем приносятся большие жертвы; если же будет не перворожденный, то приносят жертву потомки первой степени.

62. Для новорожденного полагается особое помещение в стороне в семье, у мужа, имеющего не одну жену, и для новорожденного должны быть кроме кровной матери прочие, имеют значение гувернанток или – нянюшек. При сем требуется, чтобы он был воспитываем в терпеливости, прямоте или чистосердечии, почтительности и много не болтал языком понапрасну. В один день приходит кормилица, на другой – страж воспитанника: (кормилица-мать знает все нужды ребенка и помотает в них, тогда как страж-мать заботится об удобствах, комфорте). Оба эти лица поэтому живут вместе с ребенком в его помещении; прочие лица, не имеющие особенных занятий и надобности, отнюдь не допускаются в сие отделение.

63. В конце третьего месяца назначается день для стрижки волос и приготовления на голове хохолка или нескольких, в виде пучков. Младенец мужского пола носит два рога (из сплетенных волос), девочки – гнездо, или вместо сего, мальчик может иметь рог волос на левой стороне головы, девочка – на правой. В сей день законная жена должна являться к его отцу с ребенком на руках. Знатные особы (начиная с губернатора и выше) степенных чинов должны очиститься, убраться и нарядиться как следует по форме, сперва очищаются мужчины и затем женщины, они оmyваются водою, причесываются, встряхивают одеяния, и затем читают молитвы, осматривают пищу после новомесечия. Супруг, вступая в дверь, спускается по восточным ступеням и месту к западной стороне; тогда как его жена с ребенком на руках должна выходить из комнаты, стоя на пороге двери лицом к восточной стороне. Престарелая женщина (50 лет и более) помогает первая и говорит: «Матерь N дай мне воспользоваться настоящим днем (таким-то времени года) для засвидетельствования почтения твоему новорожденному младенцу N». Супруг отвечает: «Можешь без всякого сомнения заняться им». Отец подает при сем правую ручку ребенка и нежно произносит его имя. Жена отвечает – «оно всем понятно». Затем отец берет левую ручку ребенка и подает оную гувернантке (нянюшке), объявляющей имя жены и конкубины. Жена между тем удаляется в свое отделение. Муж же объявляет имя совершителя церемонии (administrator) всем лицам мужского пола, который при наступлении года, месяца и дня рождения ребенка, всегда действует согласно предписанным правилам обрядника. Администратором заявляется также имя новорожденного младенца окружному местному начальству, которое вписывает оное в семейный регистр в двух экземплярах, один список хранится в архиве управления, другой представляется регистратору департамента, а там сдается в архив оного для хранения. Супруг и супруга, – родители младенца, придя в свое помещение, садятся за стол и кушают, выражая свое величайшее удовольствие по случаю для них радостного дня и события.

64. При рождении сына-наследника, князь или правитель области (ruler of state), оmyвается на дворе в особом отделении и надевает форменное платье, тоже повторяет и супруга его; оба они становятся при сем на ступенях восточных, обращаясь лицом к западу.

Второстепенные жены принимают дитя, останавливаясь на ступенях западных. Затем сам князь (ruler) дает имя, тоже спускаясь по ним. Прочие дети, жены и конкубины осматриваются в другом зале (где отец); голова осязается руками и нежно произносится имя ребенка. Затем следуют церемонии, как и прежде по § 63, за исключением речи к ребенку.

65. Имена, усвояемые ребенку, не должны быть заимствуемы от солнца или месяца, чтобы не случилось какой-либо опасной болезни. Дети губернаторов и степенных ученых не должны носить одинакового имени с сыном-наследником престола.

66. Когда конкубине (губернатора) приближается пора разрешиться от бремени, супруг посылает к ней нарочного человека для справки месяца и дня, когда она разрешится или разрешилась. В конце 3-го месяца после рождения дитяти, он сам обмывает его, по утру осматривает его во внутренней приемной комнате (state-chamber), или отделении первой жены. Здесь он вступает в горницу так, как в первый раз при свадьбе. После супружеского стола, отведав телятины, он встает, затем отправляется к занятиям по службе или домашним.

67. Когда у князя рождается дитя от второстепенной (т. е. не от первой жены), тогда оно помещается в боковой комнате. При конце 3-го месяца его оmyвает мать, одевает на дворе (court-dress), и приносит своему господину, ожидает коего держа на руках ребенка. Отец берет его в свои объятия, говорит ласковые слова, показывает прочим детям, произнося не один раз его новое официальное имя.

68. В простонародье, где не всегда бывает особое боковое помещение для новорожденного, лишь наступает месяц и день родов, отец уходит к кому-либо на сторону, где и живет в особой от женской половине. Там он узнает все, совершающееся у себя дома чрез сторонних лиц. Самый обычай предъявления младенца его отцу в разных местностях не имеет особенного отличия и более или менее одинаков.

69. Когда отец (отцовского сына) живет вместе, то внук новорожденный представляется прежде его дедушке, и тот дает ему имя; церемония и здесь та же почти, когда дитя представляется родному отцу.

70. Воспитатель при ребенке, в течении трех лет его жизни, удостоивается, в вознаграждение за сие служение, официального принятия во дворец князя.

71. Для ребенка губернатора (да-фу) полагается воспитатель, а жена степенного чиновника кормит младенца собственной грудью.

72. От уполномоченного степенного чиновника и выше, также как и у губернатора, сыны рассматриваются в равном достоинстве и для них соблюдаются одни церемонии.

73. Если отцу благоугодно будет осмотреть представляемого ему новорожденного первенца за столом, во время еды, то он подает из своих рук ребенку виноградный гроздь; если же сын-наследник и прочие дети, после их рождения, представляются к отцу после совершенного им стола, тогда он слегка касается только маковки их головы.

74. Когда новорожденное дитя достигнет силы самостоятельного сидения за столом и вкушения пищи, тогда ему подается пища с правой стороны; а когда он может говорить, то мальчик говорит несколько сурово, но правильно, девочка же – нежно; мальчику подносится кожаный или сафьянный кушак, девочке – только шелковый.

75. На шестом году возраста младенец начинает учиться считать, изучает имена областей, т. е. различает стороны (восток, запад и проч.); на седьмом году мальчики и девочки не имеют одной и той же циновки или одеяла, не кушают вместе; на восьмом году они выходят на двор и за проходные ворота, принимают участие в праздничных церемониях, но с подчинением во всем указаниям и воле старших лиц; в сем заключается начало смирения. На девятом году они выучиваются считать дни. На десятом году они переступают порог школьного учителя, где и остаются на ночь, изучают под его руководством книги и арифметику; они не носят шелковой одежды, ни верхнего платья, но только панталоны. Они научаются специально приличиям в обращении и понятиям о собственности, знаниям – уже заранее сообщенным кратко. Утром и вечером изучают способы благородного обращения со всеми и стараются вести себя как можно лучше с прочими юношами, изучают обрядности и самые уроки честной и правильной жизни. На тринадцатом году юноши обучаются музыке, речитативу стихотворений и од, упражняются в малых гражданских и военных танцах (с музыкою); также учатся стрельбе из лука в цель и верховой езде на коне с гимнастикой. На двадцатом году юноша получает на голову шапочку – (знак полной зрелости) в соединении с особой церемонией, начинает изучать правила и законы о собственности; он может за то носить меховую и шелковую одежду, танцевать с другими в великом государственном *"ся-танце"*, прилежать в исполнении всех требований, касающихся сыновнего благочестия и братской почтительности. Юноша учится повсюду и везде, в моменты же отдыха и других занятий стараются быть более всего при доме и никуда не уходить из него. На тридцатом году он женится и начинает заниматься хозяйством в сообществе с мужчинами, их знание своего дела и учение крайне обширно и непрерывно (т. е. китаец любит учиться всю жизнь), оригинально, без искусственного подражания; в сношении с друзьями преобладают чисто нравственные тенденции. На сороковом году зрелый китаец поступает на службу, согласно с обстоятельствами, по известным планам и ученым соображениям уставов и правил. Если состоящий на службе чиновник (ruler) замечает известные принципы законными, – старается в точности исполнять оные, если же внутреннее убеждение его будет несогласно с известным принципом (закона) для известного случая, он имеет право сопротивления и неисполнения, с указанием на причины сего. На пятидесятом году китаец может получить полномочие быть губернатором и занимать должность в управлении известного министерства. На семидесятом году прекращается общественное служение и человек может вести частную жизнь в уединении и удалении от всего. При совершении церемоний религиозных и в домашнем культе, женщины всегда должны занимать левую сторону от мужчин.

76. Лица женского пола до десятилетнего возраста не могут никуда отлучаться сами из дома. Вдовицам принадлежит честь научения других (детей и юных) в нежном обращении, приятном, в соединении с послушанием, повиновением; в руках своих они имеют пеньку и лен, готовят шелковые коконы, ткот полотна и готовят разные материи, ковры и кисти шелковые и другие; обучают других женскому рукоделью и хозяйственным занятиям по дому; шьют разное платье или починивают старое; имеют неусыпный надзор при жертвоприношениях, очищают сосуды, убирают на свое место, готовят во время вино, суп, рис, блюда с кушанием при столе, также – разные овощи и фрукты, при сем необходимые и прочие сласти и пряности. При обрядах возлияния и питья вина особенно следят за чистотой. На 15-м году девушка получает головное украшение – булавку, знак половой зрелости, а на 20-м году может выйти замуж, в случае препятствия – трауре по родителям, она может выйти замуж только на 23-летнем году возраста; по совершении обычного сговора или помолвки девица может становиться

женою, если же решится ускорить вступление в связь с мужчиною раньше сего, то признается только *конкубиною*. Каждой замужней по закону женщине, в отличие от прочих, дается право при церемониях и жертвоприношениях становиться *направо*, т. е. на половине мужчин.

VII. Нюй-эрт-ю¹⁸² слово к девицам Сю-гуаня – губернатора Цзян-си

Когда женщины и девушки молоды, много нужно забот и необыкновенного, постоянного внимания к ним. Прежде всего рано утром должны они поспешать на свое место в доме, а вечером, после всех трудов, устроят себе ложе покоя, зорко следить, чтобы всякая данная работа шла своим чередом, приготавливалось как следует кушание детям и взрослым, подавался вовремя угольный порошок для чистки зубов и потребное лакомство, смотреть всегда осторожно в землю при проходе мужчин и встречах с ними. Дозволяется им брать рис и цветы, масло и соль, блюда и тарелки, ложки и китайские вилки, все что надлежит убранства и туалета, все располагать в приятном виде для глаз, особенно на правом месте. Может каждая пользоваться всем, что нужно для дела, ревностно совершать всякую работу, затем говорить, «если что мне неясно, спрошу у людей, и если будет что-нибудь дурно, то посмотрю поближе сама и другим покажу».

Чаще должны полоскать свое горло, а рот и уста омыwać – утирать; держать руки свободно и грязи как можно беречься; при ласках мужчин скорей удаляться налево; или спокойно садиться на место свое. Как можно чаще старайся нежно обращаться glavой становясь лицом к женщине, держи ровно шею и руки к ней простирай; изредка обращай свои взоры назад, веди себя так, чтобы наслаждались родители и тебе удивлялись с любовью.

Без тревоги и волнения, с спокойной душой будь постоянно; наблюдай, чтобы чай и рис были чисты, подавай их опрятно; за грязные пятна на платье и сор среди комнат, никто не полюбит и всякому мерзко все это видеть. Собирай драгоценные камни и жемчужным ожерельем украшай свою шею и грудь, пусть они кажутся издали приятными кучками риса; вышивайте золотые каймы и цветы на шелковой ткани, так чтобы можно было снимать их легко по мере в том надобности, или когда нужно промыть и очистить все платье; в случае бедности, не желайте летать с крыльями феникса и перьями аргуса, коих блестящие краски и переливы кажутся дороги и нежны для глаз, но нередко прикрывают хилое изнуренное тело ваше. Пояс, украшающий даму, должен быть чистым, изящно убраным, гладким и скромным, служить указателем верности, честной жизни, нежели признаком пышного стиля и чересчур украшенной речи к другим. Супруга с сомнительным именем, всегда и везде заботится облекаться золотом, докучать другим жемчугом, блистать и дорогими камнями, но – увы! она далеко непохожа на любящую жену, которой она лишь булавка, годная для прикалывания женской рубашки. Никуда негодной и неупотребительной пищей, или подонками спитого чая, любит дурная жена, с приглашением ласковым, угощать бедных к ней приходящих за милостыней, принужденных питаться мякиной, а то и землю сырой; всякое зёрнышко риса, каждый шелковый пучок может нередко служить приманкой для человека, в кровавом поте лица добывающего для себя хлеб, и который умеет ценить их как награду за труд, и наполняется гневом, когда эти вещи расточаются даром и бесполезно.

Не раздражайся бурными криками голоса, но веди свою речь ровными тонами и мерно; обуздывай страстный пыл и умно веди дело, со всем приличием, подобающих истинно благородной женщине; на все смотри пристально прямо и косвенно, пусть тихо звучит на устах песня и слышится всем издали, посторонится всякой, станет – подумает, с честью отвесит низкий поклон, пойдет далее тихо не молвив худого. В былые времена дамы оберегали и надзирали жилые покои свои, каждое лицо женского пола знало свое место. Без беготни и прыгания, остерегаясь всякого нескромного вида, но спокойно, ласковым словом располагайте к себе приходящих мужчин.

С детским почтением служите, угождая, старикам и старушкам, как будто бы были они хозяевами вашего дома; помогайте им с чистосердечием младенца, будьте терпеливы в поступках, избегайте враждебного и обидного слова; когда прислуга вопрошает о чем-либо даму, должен немедля получить и ответ от неё, и когда не получит слова, тогда должна подойти к ней поближе и внятно и громко сказать что нужно. Старшим и почтенным лицам подобает давать соответственное место, равно всем известным по их рангу и достоинству; помогай им в несении бремени и выдерживай скорби, но не докучай своими капризами, служи одинаково ревностно и большому и малому, всегда старайся давать им дорогу. Если господин или госпожа попросит тебя услужить в чем, прежде посоветуйся с мужем твоим, что тебе делать и как, так как сама по себе может что-либо не понять и не угодить; за услугу твою и сами они не позволят тебе упасть

никогда, но с нежным чувством участия помогут тебе. Их брань и ворчанье за помощь твою будут тебе неизвестны, жестокость – достояние всех, кто бездельничает и любит на все взирать, легко, и непостоянно.

Мужчина, который боится за дерзкий язык нескромной жены, и объясняться с коей краснеет всякий хороший человек, это такие вещи, которые смеха достойны и острого слова. Бойкая супруга-гуляка, с дурными наклонностями, может часто быть раздражительной, своенравной, любит она на прогулке и всюду, где только идет, острые шутки и болтовню, постоянно стремится все к высшей жизни; она требует, чтобы гость всегда ею одной занимался, и рада бывает взаимною верностью отвечать всякому другу; надлежащие муж и жена, наоборот, никогда не любят безумных забав, жестоких и хитрых проделок (подобных беспутной жене).

Когда нет при вас никого из мужчин, попросите хозяина дома привести к вам пожилую девицу, или вместо неё мать старушку; поверьте – они с радостью не откажутся быть с вами и провести время без скуки. Приводимых в дом конкубин старайтесь как можно заботливее приучать к сохранению мира; когда приходится слушать ссоры близких соседей, старайтесь сами подальше держаться, и презирайте все дурное; чем больше будут браниться тем больше будут желать и вас растравлять, но шум и брань поведут к одному недовольству. Будьте целомудренны, никому не завидуйте, всем угождая, берегите свое благородное имя. Отцы и братья, старцы и юноши, сестры по закону и разного имени, все вы и каждый отдельно оказывайте взаимно услугу изо дня в день, и так ведите вы жизнь, поверьте – она будет для вас не напрасна. Ваш век может продлиться на сотню годов, и самый последний потомок узрит лицо ваше. На тысячу десять тысяч забот полагайте, в терпенье ищите себе взаимной поддержки. Исправный домовладыка будучи постоянно полон разных расчетов и воображений, может всем управлять с двойной волей; притворно любить, изнутри ненавидеть, значит разрушать незаметно здоровье свое и самую славу. Не боится насмешливой улыбки и толков злословия домовладыка, когда с любовью несет свою мать (с одного места на другое), или – когда бережливый супруг занимается полезным делом на стороне (на чужбине). Когда ты услышишь срамные слова и поносную брань издали, то старайся отвести как можно подальше дам, дорожащих доброю славою. Всякий основательно ведущий занятия знает, что благородный и возвышенный ум отражается в сочетании и движениях уст; кто проворно заправляет делами, тому ясно все, за что ни возьмется; причем он нигде не изменится в слове, его речь будет связна и понятна другим; в отношении к врагам окружающим, он сумеет всегда отплатить их позором и довести до сознания вины.

Не держи никогда пред очами своими по содержанию гадких книжонок, ибо нечистое слово может раздирать твое ухо, несмотря на людей с непонятною речью, умеи возделывать землю и чаще орошай её сам. Удаляй свое сердце от всякой мерзости грязи в учении, берегись протирать руки свои на неряшество (вместе читать), ибо сам не заметишь, и против воли твоей может случиться, что очутишься в худом положении, ибо время возьмет свое.

Со всем попечением о нежном младенце помышляй об одежде и теплоте, защищай свободу детей, воспитывай их, укрощай сыновей правилом мудрым, умеи их страсти обуздывать; оберегай их от воды, огня, острых орудий; умеи предохранять от падения, ушибов и всякого рода уродства. Всякого рода мясо и плоды, когда они холодны – суть вредные предметы для нежного желудка, – таких не покупай, тщательно осматривай их, дабы не было никакого недостатка и не пришлось платить денег напрасно. Будь строгим во всем до тебя касающемся, этим ты обережешь себя от дурных последствий и хлопот напрасных.

Будь любезен в обращении с соседями и всеми родными, любовь да будет основным для тебя правилом; будь ласков при поставлении, и нежен во взоре, когда будут подходить к тебе с выражением чувств благодарности и дарами. Ободряй успехи других, сопровождая своей похвалою, не допускай говорить о их погрешностях на стороне, т. е. не отзывайся дурно; когда будут пытаться другие ввести тебя в свой круг, старайся быть справедливым в словах и негордым в поступках. Желającego поступить к тебе под власть, и человека усталого – посади, будет то на жару или холоду, поговори приятно, с остановкой, и помоги как только можешь; будь царем и благодарным в каждом предпринимаемом деле. Шумно бродящие цыгане-нищие, балаганные певички и актеры, никогда не должны переступать за порог дверей твоего дома; пусть они идут своей дорогой, не допускай производить у себя свойственного им крика и шума.

Делая распоряжения внутри собственного дома, всегда води разговор спокойно и ровно; опасайся навязчивых просителей, отводя их в сторону, дабы не наделали шума и не породили

неприятностей в злобе. Врата и двери твои не должны быть для всех на распашку, дабы спокойно и безопасно могли стоять твои сундуки и растворенные шкафы с делами; день и ночь наблюдай осторожность, берегись от огня и воров.

Будь щедрым в совершении добрых дел, не будь нерадив в скоплении и стяжании собственного богатства; не жалея денежных расходов даже при рождении ребенка или внука, – возвратится все со временем. Когда приходится быть передовым, притворись немым и думай о смерти, на все будь изворотливо-находчив. Будь внимателен к своему положению, избегая нужды, удаляясь от всякого падения гневливой спеси и гордости. Небо не изменяется над горизонтом – всегда неподвижно, земля никогда не провалится в бездну. Три аккорда и четыре добродетели, должны быть неразлучны всегда в жене, постоянно сочетаваться согласно; если же будут причины законные к разводу, пусть удаляется без всякого письменного вида. Добродетель достойная почитания в женщине состоит в привлекательной нежности, строгой осанке, мудром обхождении с людьми, сердечной любви, а при старости – в воздержанном от всякой нескромности и неприличия в виде. Пороки, неприятные в женщине, суть: ненависть, неряшество по лености, сластолюбие, ревнивость, склонность к обжорству, отсутствие скромности и бесстыдство. Наоборот, честная и любящая, целомудренная, детски почтительная жена или дочь уважаются всеми во всех переменах возраста, также как беспутные, шаловливые, чересчур смелые девушки, любящие вести жизнь одиночную, достойны забвения от близких. Когда жена легковерно любит, и думает, главным образом, о насыщении желудка, то и супруг нередко будет голодать, а дети оставаться на стуже и мерзнуть; когда будет она говорить хрипло и грубо, но удлинять свой язык беспрестанно в суде и пересуде других, тогда несомненно – все в доме пойдет к низу и он может разрушиться; когда она будет кричать во все горло и бегать по улицам, или с пляской вертеться, будут ненавидеть за то все соседи, и посылать её к чертям; если бы сами дети решились рассказать об этом человеку доброму на стороне, то с трудом мог бы поверить, пока сам не убедился бы на деле. О женщины, женщины! Можно ли не судить вас с лозою, когда в своих действиях вы не сообразуетесь с народной молвою. Подобно школьникам, вас нужно, как можно чаще испытывать, дабы как-нибудь не ошибиться в оценке и выборе! Когда родители или супруг доведут вас до повиновения, не пренебрегайте их мудрыми советами, образумьтесь вовремя, ибо вся ваша жизнь до самой смерти будет в их руках. Когда же все потечет как следует в доме, нет надобности бороться с горделивою женскою спесью, и жена может идти своим путем мира и семейного счастья.

Благовоспитанных и образованных девушек не производят низкие классы народа, им не выдержать сравнения с юношами и красотками высших чиновников. Когда женщина высшего ранга полюбит и приблизит к себе «маленьких женушек» (little wives), имя её славно, от всех получает почет и угоду; когда мачехи увидят старых сынов, и полюбят сердечно, про то будет знать вся страна и соседи. Новобрачная, прежде церемонии брачной, изучает её и готовится раньше, что сказать, и что сделать; где нужно терпенье, где такт, где просто стоять, где – иметь неизменную выдержку, – вид, – такова и мудрость в соединении с приятным и ровным обхождением. Кто следует ей, тот не будет никогда сожалеть, но желать её еще больше, и чем более будет она обитать в доме, тем дальше и почтительнее будут относиться к её главе и семье.

Примечания

¹ - По занимательности предмета и серьезности по существу, в анализе Библейских верований на Востоке, предлагаем особое извлечение из китайских источников в IV-й отделении настоящего исследования.

² - См. Прил. №№ 1 и 2, с изложением содержания этих таблиц в §§ 18 и 19; самый перевод надписей, сделан мною по тексту, помещенному в англ. исследовании еп. Смиа о евр. синагоге в г. Кхай-Фын-Фу.

³ - Finn «The Jews in China Chin. Repos. vol. XIV, p. 32–224.

⁴ - Чтобы не сбиваться в днях чтений, в синагоге была прибита доска к двум столбам, разделенная на две половины, одна – Neumacha, другая Mouphtar, на этой таблице означались секции субботние как и другие молитвословия и обряды.

⁵ - См. Notes and Queries 1968, № 4, p. 57; также Chinese Repository vol. XX, p.p. 462–466.

⁶ - Finn. «the Jews in China». «Prolegomena» к Polyglot-Bible у Bagster'a.

⁷ - См. Fürst Kulturgeschichte, 1,60 и Etheridge introduction to Hebr. Zit p. 201.

⁸ - См. Clarke's Commentary. S. E. Deuteronomy; также под словом Haphtorah и Bible в Cyclopaedia of Biblical, Theolog., and Eccles. Literatur by M. Clintock, and S. Strong.

⁹ - См. Revue Critique. 1882, p. 450.

¹⁰ - D'osson. Histoire des Mongols, V, 81 sq.

¹¹ - Graetz. Geschichte der Juden. 2 edit. VII, p. 188, 196 sq.

¹² - Мунк, I. 1.

¹³ - См. Chinese Repository, vol. III, 1834–35 г., p.p. 172–74.

¹⁴ - Visit to the Jews in Honan. Repository v. XX, p. 453; vol. XVI, p. 202.

¹⁵ - Vestiges de Dogmes Chretiens retrouves dans les anciens livres chinois; ou analyse d'un ouvrage inédit du P. Premare par l'Abbe A. Sionnet. Paris. 1839.

¹⁶ - Делаем точный перевод китайских надписей обоих памятников (1488 г. и 1511 г.) синагоги, следуя китайскому тексту, воспроизведенному в брошюре англ. епископа Виктории Ж. Смиа об этой синагоге. Авт.

¹⁷ - При сем совершалась поименная перекличка.

¹⁸ - Необходимо иметь в виду, что всякий приходящий в Китай и поселяющийся в нем, по заведенному исстари обычаю, освященному самим законом, входит в состав коренных юридических китайских родов называемых "синами" получает имя которого-либо из этих синов.

¹⁹ - Чжан = 10 кит. чи или 5 арш. русск., 35 чжан = 175 арш. = 57 саж. русск.

²⁰ - Обыкновенно таблица эта бывает деревянная и небольшая, с именем царствующего государя.

²¹ - Сань-бу, Дао цзин.

²² - Таковы: 1) человеколюбие – жень; великодушие и кротость, милосердие и сострадательность; 2) справедливость – и; постоянство и твердость, решительность и отважность; 3) обряд – ли; приличие, степенность, правильность, покорность и почтительность; 4) знание – чжи; проникательность и разумение разборчивость и внимание; 5) верность – синь; доброжелательство, истина и прямота – миролюбие.

²³ - См. Cyclop. Клинтона и Стронга, сл. Haphtarah.

²⁴ - Finn.

²⁵ - Histoire générale des langues Sémitiques. Paris. 1655, p.p. 264–67.

²⁶ - Chin. Recorder. Vol. XIII, 1882, p.p. 355–361.

²⁷ - Издан отдельно печатною брошюрой на русском языке. Спб. 1874 г., см. также «Труды Восточн. Отдел. Императорск. Русск. Археолог. Общества» ч. XVII. Содержание магометан. Сочинение Юй-лань-чжи-шен-ши-лу. Арх. П. Кафарова.

²⁸ - На рус. языке первый перевод сделан Алексеем Леонтьевым, изд. в С.-Пб. 1812 г.; лучший принадлежит Потье, в его специальном исследовании надписи изд. на фр. языке; предлагаем наш перевод на основании исследования Потье в особом приложении № 1-й параллельно с переводом З. Леонтьевского 1834 г.

- ²⁹ - Lettres édifiantes et curieuses. IV t., par Aime–Martin. Paris, 1869 p. 58–59.
- ³⁰ - Notices et extraits des MSS de la Bibliothèque Royal. Paris. 1831. L. XII. p. 247.
- ³¹ - Recueil de Voyges publics par la Société de Geographie. T. IV. p. 293.
- ³² - Navigationi et viaddi. Ramusio, Venice, 1556, vol. II, fol. 20.
- ³³ - «New York observer» for Sept. 2. 1852, p. 283.
- ³⁴ - Перепечатаю с брошюры издан. с примечаниями при типографии Медиц. Департамента Министерства внутрен. Дел, в С.П.Б.-ге 1834 г. Перевод З. Леонтьевского согласен с изд. А. Леонтьевым по копии с китайской надписи, хранящейся в библиотеке С.П.Бургской Импер. Академии Наук.
- ³⁵ - Под именем двух воздушов, вероятно, сочинитель разумел высшие и низшие воды, о которых говорит Моисей (Быт. 1:7). Но в изъяснении сего памятника, сделанном в 1641 году на китайском языке иезуитом Ян-ма-но-м, слова Эрл ци, приняты Ин ян, – за силы действующие и страждущие, каковы напр. теплота и холод.
- ³⁶ - Сатана.
- ³⁷ - Число определенное, соответственное числу дней полного года, употреблено здесь вместо неопределенного, и означает вообще множество. Такой образ речи у китайца почитается красотою слова. Напр. 10,000 вещей составляет у них выражение понятия о всей сотворенной природе.
- ³⁸ - Мессия.
- ³⁹ - Под сим словом китайцы разубают Палестину.
- ⁴⁰ - Волхвы персидские.
- ⁴¹ - Под именем восьми заповедей объяснитель сего памятника Ян-ма-но понимает: духовную нищету, смирение, сокрушение, любовь к истине, милость, частоту сердечную, мир и согласие, самопожертвование за истину.
- ⁴² - Разумеется вера, надежда и любовь.
- ⁴³ - В сем числе заключаются все книги Нового Завета.
- ⁴⁴ - Под словами Цзин-цзяо разумеет Ян-ма-но святое, православное учение.
- ⁴⁵ - Государь Тай-цзун-вэнь или просто Тай-цзун царствовал под названием своего правления Чжень-гуань с 627 до 650 года по Р. Х.
- ⁴⁶ - 635 год по Р. Хр.
- ⁴⁷ - Чан-ань город, бывший столицей государства Тан, которое существовало с 618 до 907 года по Р. Хр.
- ⁴⁸ - В истории называется Фан-сюань-лином. В продолжении 32 лет он был министром при Тан-ском дворе и в полной мере заслужил уважение своего государя. Тай-цзун лишился его в 648 году по Р. Хр.
- ⁴⁹ - 638 год по Р. Хр.
- ⁵⁰ - На китайском языке Сэн значит жрец какой-либо веры.
- ⁵¹ - Его называют также Лоу-дан-ем.
- ⁵² - Проповедник прибыл в Китай с Востока.
- ⁵³ - В подлиннике Ю-сы.
- ⁵⁴ - Ди, значат государь, владыка, но здесь, кажется, должно разуметь под сим именем Господа Иисуса Христа.
- ⁵⁵ - Оно начало существовать с 206 года до Р. Х. и продолжалось под именем Западного (Си) Хань 212 лет, т. е. до 6 года по Р. Х., потом под названием Восточного (Дун) Хань продолжалось до 221 года, и после сего наименовано последующим (Хоу) Хань, и продолжалось до 264 гола по Р. Хр.
- ⁵⁶ - Государство Вэй существовало с 220 до 266 года по Р. Х.
- ⁵⁷ - Шань-ху значит красный коралл; море Шань-ху – красное, или Чермное море.
- ⁵⁸ - Слова Чжун-бао означают все драгоценности.
- ⁵⁹ - Слава Чан-фэн означают продолжительные ветры; а под словами Жо-шуй разумеется Нефтяное озеро, иначе Соленое или Мертвое море.
- ⁶⁰ - Означает камень, издающий блеск ночью.

- ⁶¹ - Сей государь царствовал с 650 до 684 года по Р. Х.
- ⁶² - Городах.
- ⁶³ - Государство Тан-ское разделялось на десять областей.
- ⁶⁴ - Сие правление продолжалось с 698 до 700 года по Р. Х.
- ⁶⁵ - В 712 году по Р. Х.
- ⁶⁶ - Первый год царствования государя Сюан-цзуна соответствует 714 году по Р. Х.
- ⁶⁷ - Первый год сего правления соответствует 743 году по Р. Х.
- ⁶⁸ - В 745 году по Р. Х.
- ⁶⁹ - Царствование сего государя началось с 756 и продолжалась до 763 года по Р. Х.
- ⁷⁰ - Сей государь царствовал с 763 до 780 года по Р. Х.
- ⁷¹ - Царствование государя Де-цзун-а продолжалось с 780 до 805 года по Р. Х., а его правление под названием Цзян-чжун продолжалось с 780 до 784 года, и в сем году оно переименовано на Син-юань.
- ⁷² - Государь Де-цзун.
- ⁷³ - Чжун-го, или Катай.
- ⁷⁴ - Или иначе Су-цзун-вень-мын, о времени царствования коего упомянуто выше.
- ⁷⁵ - Вероятно, в великий пост.
- ⁷⁶ - 781 года по Р. Х.
- ⁷⁷ - См. *Geographie d'Edrisi*, t. 1, p. 64; notes de l'abbé Renaudot; также «Wilford Essai sur l'origine et de décadence de la Religion Chrétienne dans l'inde» trad. et annote par Daniele. Paris. 1647, p. 87–89.
- ⁷⁸ - *Le livre de Marco-Polo* par. S. Pauthier. Paris. 1865.
- ⁷⁹ - Hug. *Le Christianisme en Chine, en Tartarie, et au Thibet*. T. 1. p. 369.
- ⁸⁰ - Chin. Recorder, vol. VI, 1871–72 г. p. 225–26.
- ⁸¹ - Без различия племени происхождения, магометане в Китае называются хой-хлэй, от хой-гу и хой-ху, стар. названия уйгуров, маньчж. Хой-сэ, означенное имя встречается при династии Ляо, или Киданьской. В Китае магометане вообще уравниваются со всем китайским народом, хотя до последнего времени и разделялась на 5 родов: 1) магометане рассеянно живущие по провинциям; 2) Салар, колония уйгуров, на границе Гань-су, в 12 общинах, имеют своего старшину; 3) разделенные по станциям, по дороге между Баркюлем и Урумши; 4) колонисты в Или и 5) в Туркестане.
- ⁸² - Архимандрит Палладий, из словаря (Кит. рус. сл. Пекин. 1889 г.) которого заимствуем характеристику китайских мусульман, делает о них особенные заметки (относительно мечетей, школ), в IV томе «Труд. Пек. Д. Миссии» и в особенности в кратком очерке китайской литературы магометан, помещенном в «Трудах Восточного Отделения Импер. Рус. Археол. Общества» т. XVII. Хотя содержание очерка и не исчерпывает самой вообще литературы в её полноте и разнообразия, зато устанавливается точное понятие об одном сочинении, можно сказать кратко энциклопедическом, посвященном только обзору содержания известий на китайском языке о личности Магомета, его жизни и трудах. Поэтому, оно переведено «Чжи шэн ши лу» – Жизнеописание святейшего (т. е. Магомета), составленное китайским мусульманином «Лю-цзе-лянь» изд. 1785 г.
- ⁸³ - Изложение одного см. ниже в особом приложении.
- ⁸⁴ - См. *Les religions et les philosophies dans l'Asie Centrale* par le Comte de Gobineau. Paris. 1865 г.; о бабидских рукописях барона В. Розена в Записках Восточн. Отдел. Импер. Русск. Археол. Общества. Т. IV, С.-Петербург, 1889 г.
- ⁸⁵ - Му – китайская десятиная земли в 240 бу – шагов, или 1.200 кит. футов длиною в один шаг – бу, или 5 футов шириною, что составит $6.610^{50}/144$ англ. квадр. фут. или 142 саж., $42^{60}/144$ на русскую квадрат. меру.
- ⁸⁶ - См. *Chimse Burder*, vol. IX, 1878, p. 386–387.
- ⁸⁷ - См. *The Sacred Books of the East* translated by Max Moller. Vol. VI. Oxford. 1880. Introduction. Abstract of the Contents of the Quraan p. IXXXII–CXVIII.

⁸⁸ - Предлагая в переводе содержание Корана, автор имел в виду доставить гг. русским миссионерам и ученым точное пособие в необходимых справках, при личных сношениях и беседах с мусульманами. Коран и сопоставления оного с Библией, на которую он ссылается часто, требует основательного знания именно содержания. В русском переводе Коран сделан г. Казимирским; на китайском языке существуют из него извлечения или изложение краткого содержания, в роде представленного о. архимандритом Палладием в русском переводе с китайского выше нами цитированного сочинения.

⁸⁹ - Под сим словом разумеется 8-мь родов высших способностей человека: сила умозаключения, долгоденствие, вода жизни, открытие тайных сокровищ, вход в пещеру Индры, искусство добывания и делания золота, превращение земли в золото, получение драгоценного камня.

⁹⁰ - О буддийских ламских монастырях и других предметах интересы очерки г. проф. Позднеева.

⁹¹ - См. Journal of the China Branch of the Royal Asiatic Society, vol. XXI. article XV, p. 290–304. Schanghai. 1886.

⁹² - Об ургинских Хутухтах и монгольских монастырях весьма обстоятельно знакомит проф. г. Позднеев, в III томе Трудов Археологического Съезда и в отдельно о том изданных брошюрах.

⁹³ - The China Review, vol. XVI, 1888, № 6. «Manehu relations with Turkestan» by E. H. Parker.

⁹⁴ - Примеч. автора.

⁹⁵ - Слово монгольское, означающее «пастыря рогатого скота, – волов и коров преимущественно».

⁹⁶ - См. Journal des savants. Décembre. 1878. Paris. (Bart. St. Hilaire). 2) Sept Suttas Palis, tires du Digha-Nikaya, par M. P. Grimbolt, ancien consul de France à Ceylon et en Birmane, traductions diverses Anglaises et Françaises Paris. 1876, in 8°, v. 351. 3) The Academy, a weekly review of littérature, science, and art 1878. Val. XIV. July – Décembre. Прочие издания г. переводы Сутр известны в собрании М. Мюллера «The Sacred Books of the East» в следующих томах. Vol. XI. Buddhist Suttas. Transl. From Pâli by T. W. Rhys Davids: 1) the Mahāparinibbāṇa Suttanta; 2) the Dhamma-kakkappavattana Sutta; 3) the Teviggā Suttanta; 4) the Ākankheyya Sutta; 5) the ketokkhila Sutta; 6) the Mahā-sudassana Suttanta; 7) the Sabbā-sava Sutta. Vol. XXII. Gāyā Sūtras. transl. from Prākṛit by Hermann Jacobi. Part 1, the Ākāraṅga sūtra, the Kalpa sūtra. Vol. XXIX и XXX. The Grihya-sūtras, Rules of Vedic domestic ceremonies. transl. by Hermann Oldenburg. Parts I, II. Vol. XXI. The Saddharma-pundarika, or, the Lotus of the True Law. transl. by H. Kern.

⁹⁷ - Lotus de la bonne Foi par. Eug. Burnouf. p. 834 – suiv.

⁹⁸ - «Traces of Christianity in Mongolia and China, in the XIII century drawn from chinese sources».

⁹⁹ - Означенное исследование о. арх. Палладия, написанное им для гг. англичан, находим в русском языке в более обширном изложении под тем же заглавием в Восточном сборнике за 1877 г., где подробно обзревается история христианства с краткими замечаниями о несторианской таблице VII ст., выдержками самого текста из неё и других памятников. Предоставляем самому читателю специальное сличение статей автора об одном и том же предмете. Наш труд посвящен ознакомлению русского читателя только с английским текстом почтенного о. архимандрита.

¹⁰⁰ - Chin. Recorder vol. VII, 1876, p. 81–91.

¹⁰¹ - Das Evangelium von Jesu in seinen Verhältnissen zur Buddha – Sage-Buddha-Lehre, mit fortlaufender Rücksicht auf Andere Religionskreise untersucht. Mit zwei Begistern. Leipzig. 1882.

¹⁰² - Die Religion und die Religionen. Leipzig. 1872.

¹⁰³ - Die Buddha-Legende und das Lehen Jesu. Leipzig. 1884.

¹⁰⁴ - Buddha und Christus. (См. Nord und Sud. Breslau. 1884, 1890.

¹⁰⁵ - Vom Christentum Christi. 4. vertr. Berlin. 1889.

¹⁰⁶ - Сравн. пространный эдикт императора Юн-чжена 1727 г. см. выше Приложение к § 36

¹⁰⁷ - О Конфуцзы и его принципах учения весьма обстоятельно изложено в исследовании С. М. Георгиевского: «Принципы жизни Китая». С. П-бург 1888.

¹⁰⁸ - Traite des sectis religieuses chez les Chinois et les Tonquinois; par le Frère Adrien de Sainte-Thècle, Missionnaire au Tonqin. 1750. Chap. 11. §§ VI, VII.

- ¹⁰⁹ - См. подробно «Chinese Buddhism» by Edkins, и Eitel's «Handbook of Chinese Buddhism», также «The China Review», vol. XI, Scraps from Chinese mythologie».
- ¹¹⁰ - Более подробно см. Rew. J. Edkins'a, «Taoism in the Teun and Han Dynasties» – в Chin. Rec. Vol. XV, 1884 г. pp. 335–350.
- ¹¹¹ - Chin. Rew. 1885, vol. XIV, № 3, p. 170.
- ¹¹² - См. The Book of Recompenses H. Balfour в The Chin. Review vol. VIII, 1879–80 и pp. 341–352.
- ¹¹³ - Более точные изображения линий см. стр. 533 оригинала.
- ¹¹⁴ - См. стр. 545 оригинала.
- ¹¹⁵ - См. стр. 546 оригинала.
- ¹¹⁶ - См. стр. 547–8 оригинала.
- ¹¹⁷ - См. стр. 549 оригинала.
- ¹¹⁸ - Notes and Queries on China and Japan Hongkong, см. мемуар W. Goodwin'a v. 4, №№ 1, 3, 4.
- ¹¹⁹ - О недельной субботе в Китае см. Mr. A. Willie (Уайль). Chia Recorder, 1871–2, vol 4, p. 4–8; 40–45.
- ¹²⁰ - Более подробные сведения см. о японском зодиаке и времясчисления в мемуарах Босни, о том же у азиатских народов – маньчжуров, монголов, уйгуров, тибетян, киргизов, в исследовании Иделера, о китайск. у Эдкинса, Вильямса, Шлегеля и др.
- ¹²¹ - Biot «Recherches sur l'ancienne astronomie Chinois, p. 59
- ¹²² - «Китай, его нравы. обычаи, просвещение». Спб. 1870.
- ¹²³ - Sacr. books of the East, vol. V. Iutrod. I–X.
- ¹²⁴ - T. Watters поместил к Chinese Recorder vol. IV, 1876 г. довольно обстоятельный анализ сего слова, который и воспроизводим, восполняя другими определениями.
- ¹²⁵ - By Bev. I. Doolittle, Vocabulary of the Chin langage. 1872.
- ¹²⁶ - См. стр. 650 оригинала.
- ¹²⁷ - См. выше § 67.
- ¹²⁸ - См. стр. 666 оригинала.
- ¹²⁹ - См. Vocabulary and Hand-book of the Chinese Language by Justus Doolittle II vol. 1872, p. 217–256; напечатан китайский текст, и переводы французск. – Стан. Жульена и английск. – Т. Watters'a.
- ¹³⁰ - См. Journal Asiat, troisième série, Art par S. Julien. Tome IV. Paris 1837, p. 81–89.
- ¹³¹ - См. Le livre de la récompense des bienfaits secrets, trad. sur le texte chinoise, par. L. Leon de Bosny. Paris. 1885; Annales de Philosophie Chrétienne, tome XIV; 4 serie.
- ¹³² - Gems of Chinese Literature by Herbert Giles London 1884. г. 19–26.
- ¹³³ - Из разных переводов на языках европейских с оригинального китайского текста, известен английский Мильня с его собственными замечаниями и которым пользуемся по-русски дословно, с малыми изменениями, следуя «Chin. Recorder» 1878, № 4. Заглавие англ. перевода: «The Sacred edict, containing sixteen maxims of the Emperor Kang-he, amplified By his son, the emperor Young-Ching; together with a paraphrase on the whole, by a Mandarin translated with notes, by Rev. William Milne. Известен другой перевод на французском языке весьма изящный, с учёными объяснениями и словарем к китайскому тексту; этот замечательный, классический труд озаглавлен: «Le Saint Édit de l'empereur Khang-his. Text Chinoise. Traduction par A. Th. Piry. Paris. 1885. Нами сделан отсюда русский перевод VII-го артикула об иностранных религиях и сектах, помещенный выше в приложении к §§ 44 и 47 настоящего труда нашего по Истории Библии и Христианства в Китае. Пр. авт.
- ¹³⁴ - «Су» зн. домициль, или ночлег, временное пребывание планеты долее 20 дней в созвездии.
- ¹³⁵ - «Гун» букв. дворец, палаты, монастырь, небесные обители духов.
- ¹³⁶ - См. выше, § 67, рис. табл. V.
- ¹³⁷ - См. подробнее выше, § 67, изображение созвездия и земной черепаха ("во" или «Лун-гуй», «вэнь-гуй»), дополнение к табл. (стр. 588 оригинала)

¹³⁸ - Цзюнь – армия в 12.500 чел., важные местечки; ши – рынок, полагавшийся чрез 50 ли, тьянь-ду-ши, небом дарованные главные рынки, т. е. реки и моря.

¹³⁹ - Тянь-чэ 6-ти колёсная колесница т. е. небо, – с его прочими колесницами бессмертных т. е. облаками, лоу-чэ, – с созвездиями и звездами, ди-чэ северной Медведицей, си-чэ – солнцем, хань-чэ – охотничья телега и проч. см. словарь кит. рус. арх. Палладия и П. С. Попова.

¹⁴⁰ - Сравн. табл. II, III, IV, VI (рис. 2-й, круг наружный 28 созвездий).

¹⁴¹ - См. стр. 761 оригинала.

¹⁴² - См. Табл. VI, рис. 2-й.

¹⁴³ - На пекинском разговорном языке феникс называется фин-хуан.

¹⁴⁴ - Сравни выше табл. в п. Б этого параг. (стр. 761–672 оригинала) названия животных отмеченных курсивно.

¹⁴⁵ - См. табл. VI, рис. № 2-й, ср. №№ 3-й, 5-й, 9-й.

¹⁴⁶ - О некоторых знаках часового цикла делаем следующие замечания по словарю кит. рус. о. арх. Палладия 1) инь, букв. сильный, почитаемый; знак соответствующий 4 час. ночи, и когда явился или создан человек. Выражения: чэн-инь – часы, дни, месяцы и годы под циклическими знаками «чэн-инь»; «цзя-инь» – часы, дни, месяцы и годы под циклич. знаками «цзя-инь»; «цзян-инь» – установление 1-й луны, год под знаком инь при династии ся исходившей при этом из китайского мнения о создании человека в день инь. 2) При Чжоу же за начало года был принят циклич. знак «цзы» (младенец) и цзя-цзы суть первые из 12 и 10 циклич. знаков. 3) Чэнь – часовое в градусное деление небесной сферы, по направлению хвоста северной медведицы, на 12 циклич. знаков; пункт соединения солнца и луны (цзо-чжуан); 8-й цикл. знак; цзе-чэнь полные 12 знаков цикла, от одного до 12 дней; юань-чэнь – 1-й день в 1-й луне под знаком чэнь день рождения, счастливый; шэн-чэнь – зимнее солнцестояние; у чэнь – пять 72х дневных периодов в году, соответствующих свойствам 5 стихий, бэй-чэнь – северная медведица; сань-чэнь – солнце, луна, северная медведица; син-чэнь небесные тела 4). Сы. Известен шан-сы, 1-й день под циклич. знаком сы, в 3-й луне, соотв. началу апреля – старинное празднество. В этот день выходили на воды, купались; с цветком Лан кликали души покойников, для соединения их души разумной с животной. С династии Вэй определен 3-й день 3-й луны, а уже не сы; чэнь-сы, 5-й и 6-й из 12 циклич. знаков.

¹⁴⁷ - См. стр. 777 оригинала.

¹⁴⁸ - Предлагаем выдержку из сего календаря, который пекинские православные христиане при Русской Духовной Миссии издают в военной колонии для своего употребления ежегодно, вставляя между днями китайского праздника и недели христианского календаря. Берем дни субботние и воскресные, о знаках при коих надлежит иметь в виду следующее общее правило: в течении каждого года и месяца, китайским субботним и воскресными дням соответствуют знаки цикла десятичного, цзя-и, бин, дин, ву, цзы, гэн, синь, жэнь, гуэй; и знаки цикла XII ветвей (цзи, чэу, инь, мао, чэнь, сы, ву, вей, шэнь, ю, суй, хай).

¹⁴⁹ - См. мой труд «Китайская библиотека и ученые труды членов Императорской Российской Духов. и Дипломат. Миссии в Пекине». 1889. Спб. Авт.

¹⁵⁰ - 1. Исследования и издания профес. Легга с английским переводом китайских теистов: а) The Chinese classics: with English and Chinese text The Four Books. 1871 (шесть томов); б) The Chin. classics; with a translation, critical and Exegetical notes, prolegomena and copious indexes, by j. Legge, vol. IV, 1871, vol. V, 1872; в) The She-king, or the Book of ancient poetry, translated in English verse, with essays and notes. 1876; г) The Shu-king, the religious portions of the Shih-king, the Heiao-king, 1879; д) The life and Works of Mencius, with essays and notes, 1875; е) Selections from the works of Confucius and Mencius, translated 1870.2. Издания М. Миллера: The Sacred Books of China, the texts of Confucianism, translated by J. Legge, vol. III, part 1, the shu-king, the Religions portions of the Shiu-king, and the Hsiao-king; vol. XVI, Part II, the Yi-king; vol. XXVII. Part III. Li-ki, I–X; vol. XXVIII, part IV. Li-ki, XI–XLVI.3. Издание и перевод Потье. а) Les Livres sacrés de l'Orient, trad. on revue et corrigés par. G. Pauthier. Paris, a ero же; б) Chine ou description historique, géographique et littéraire de ce vaste empire, 1877.4. Труды В. Вильямса о Китае. «The Midis Kingdom – by W. Williams5. Труды В. П. Васильева («Религия Востока» и «Очерк китайской литературы», «Хрестоматия китайская для гг. студент. Спб. универс.» и друг.).6. С. М. Георгиевского («Принципы жизни Китая» и важность изучения Китая, и друг.).7. Г. Ключковского. Курс по истории

китайск. литературы (на фран. языке). Многие литературные пособия, могущие служить к специальному пониманию классической китайской и прочей литературы, указаны у означенных гг. ученых довольно подробно в особенности у Легга и М. Миллера в введениях и prolegomena к классич. авторам.

¹⁵¹ - Г. Эдкинсу принадлежит специальное исследование об И-цзине с замечаниями на 64 гуа (см. chin. Review, vol. XII n). Прочие подробности см. выше в § 57, 69, табл. V и VI, прилож. к стр. 587 оригинала.

¹⁵² - См. мой русский перевод ниже, в особом приложении. Авт.

¹⁵³ - См. мой русский перевод ниже, в особом приложении. Авт.

¹⁵⁴ - См. русский перевод мой ниже, в особом приложении. Авт.

¹⁵⁵ - См. мой русский перевод ниже, в особом приложении. Авт.

¹⁵⁶ - См. мой русск. перев. «Цюй-син» и «Да сюэ» ниже в особом приложении.

¹⁵⁷ - См. мой русск. перев. «Цюй-син» и «Да сюэ» ниже в особом приложении.

¹⁵⁸ - См. труды Импер. Росс. Дух. мис. в Пекине. Т. III, 1857 г. Рус. перевод и описание обряда надевания шапки. Авт.

¹⁵⁹ - См. мой русский перевод ниже в особом приложении с английс. издания М. Мюллера. Авт.

¹⁶⁰ - Важным дополнением сей книги может служить «Нюй-эрр-ю» – слово к девицам, перевиденное нами на русский язык, где содержатся наставления китайской женщине о воспитании девиц; см. особое приложение ниже и прочие, подробности в §§ 79 и 80. Авт.

¹⁶¹ - Подробнее см. в обзоре «Нюй-сио» помещенном в IX vol. «Chinese Repository».

¹⁶² - Подробно о сем предмете см. исследование г. Фабера на немецком языке и в английском переводе г. Меллендорфа, под заглавием: A Systematical Digest of the Doctrines of Confucius, according to the Analects, Great learning and Doctrine of the Mean. With an Introduction on the Authorities upon Confucius and Confucianism. Hongkong. 1875. В 1-й части обзревается литература и учения первого времени Конфуцзы, с указанием на источники; во 2-й части изъясняются термины употребляемые в трех книгах из Сы-шу, по изданию их у Легга. Делаются также примерные сближения идей Конфуцзы с христианскими. В конце всего перечисляются и указываются 24 недостатка в учении конфуцианском с точки зрения христианских принципов.

¹⁶³ - См. стр. 1030 оригинала.

¹⁶⁴ - China Review vol. XV. «Contributions to the folk-lore of China», p 37–39.

¹⁶⁵ - См. «Begles des assemblées de famille, rédigées par Ouang-mong-ki» в mémoires concernant histoire t. IV pp. 212–219.

¹⁶⁶ - Содержание и русский перевод этого литературного памятника, мы помещаем в особых приложениях, к нашему труду, см. выше.

¹⁶⁷ - Все три поименованные выше иллюстрир. сборники под №№ IV, V, VI-м находятся ныне в библиотеке Импер. Академий Художеств в С.-Петербурге, они пожертвованы мною как лучшие образцы китайской гравюры и описаний. Автор.

¹⁶⁸ - Chines. natural Théologie, by John Chalmers, The Chin. Review, vol. V. 1876–77, p. p. 271–281.

¹⁶⁹ - См. Vestiges de dogmes chrétiens retrouvés dans les anciens livres Chinois, par A. Sionnet. Paris. 1839.

¹⁷⁰ - См. стр. 1138 оригинала.

¹⁷¹ - В Китае под западом разумеется Палестина и прилегающие оной страны.

¹⁷² - Hist. du Christ. en Chine.

¹⁷³ - I. Duolittle. Vocabulary of the Chinese Language. Vol. II. 1872. Scripture to awaken the World, transl. Mollendoff, Morrison, Ohlinger, p. 373–376.

¹⁷⁴ - Прочие подробности наставлений излагаются в словаре Дуоляйтля (vol II. collection pearls, p. 389–398) и имеют сходство с приведенным выше на стр. 597–609 нашего настоящего труда. Авт.

¹⁷⁵ - См. F. M. Müller. The sacred Books of the East. vol. III. The Shu King. Book IV, p. 138–148. (Oxford 1879).

¹⁷⁶ - т. е. ромашки.

¹⁷⁷ - M. Müller. The sacr. Books of the East, the texts of Confucianism, transl. by S. Legge. Vol. XXVIII. Oxford. 1885. Li-ki. XI–XLVI. Book XXVIII. Kung Yung or state of equilibrium and harmony, p. 300–329.

¹⁷⁸ - Цзоттоли переводит: «Sapiens vir tenem medium», Ремюза – «Le sage tient invariablement le milieu», «Sapiens medio constat».

¹⁷⁹ - M. Müller. The sacr. Books of the East, the texts of Confucianism. transl. S. Legge. Vol. XXVIII. Oxford. 1885. the Li-ki. XI–XLVI. Book XXXIX. Ta-hsio or the great Learning p. 411–424.

¹⁸⁰ - M. Müller, the sacr. Books of the East the texts of Confucianism, transl. I. Legge, the Hsiao King. p. 465–488 vol. III. Oxford. 1879.

¹⁸¹ - См. Chin. Recorder vol. X. 1879, p.p, 416–32. A critique of the chinese notions and practice of filial piety by Rev. E. Faber.

¹⁸² - См. Chin. Recorder 1880. vol. XI, Education of Woman in China, by S. W. Williams, LLD. p. 40–52.